PÝCCKÏŬ ÂPXŃRZ

1896

9.

CTp.

- Ссыльные 1812 года въ Оренбургскомъ врай. (Профессоръ Годорув. Автобіографія Поляка В. М. Реута. Медики. Французы). П. Л. Юдика.
- Воспоминанія Є. А. Оома. (Болівнь, кончина и похероны Цесаревича Николая Александровича).
- Инновентій Таврическій. Его последняя поездка въ Крымъ, предсмертвые дви и кончива.
- 78. Конецъ геройской эпопен. Изъ Крымскихъ воспоминаній А. Н. Супомена.
- Ярославская старина, (Бъсноватан.—Казнь поджигателя). Л. Н. Трефолева.
- 101. Къ исторія Дагестана. Новыя показанія о Шамель и его семейстать. (Письма виззя А. И. Варятивскаго, барона А. Е. Врангеля, Д. А. Милютина, князя Меликова). Статья Е. И. Ковубскаго.
- Цесаревичъ Неколай Александровичъ въ Петрозаводскъ. (1863).
 Воспоминаніе Н. П. Хрущова.
- 140. Портретъ. Ствиотвореніе (1869).
- 146. Изъ бумагь А. Г. Тройнициаго. (Письма А. Н. Казначение Тройнициаго в архіспископа Инкоментія).

MOCKBA.

Въ Унвверситетской типографіи, ва Страстновъ будькарѣ.

1896.

новыя книги

Сочиненя князя М. М. Щербатова. Томъ первый. Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хрущова. Икданіе князя Б. С. Щербатова. Съ прекрастамъ геліографичестимъ портретомъ (снимокъ съ портрета, писания Левыстимъ). Боттивя 8-ка, VIII, VIII и 1060 стр. Ифна 4 р.

Историль и самобытелй двятель по выдренни в двяамь и вопросамь, князь М. М. Щербатовь — родной двяь П. Я. Чадаева, и между ними можно отлекать некоторое сходство. Для Русской исторіи XVIII выка эта книга драгопына, и нельзя не пожелать, чтобы изданы быля и другія сочиненія человыка, который уже потому достопалятень, что, подобно в словамь И. И. Пармну и А. Р. Воровцову, быль противникомъ мнотиль двйствій императрины Екатери в Великой.

Генера ть-фельдмаршеть внязь Паскевичь. Его жизнь и двятельность. По неизданнымъ источникамъ составиль генеральнаго штаба генералълевтенанть князь Щербатовъ. Томъ вять ?. 1832—1847. Спб. 1896. бсл. ка XV и 396 стр. Приложеніе къ

этому тому, XVI и 629 стр., все состоить изъ висемъ императора Николая Парлобича къ гнязю Паскевичу и Указателя къ гнисъ, но къ сожатвъ ю не къ писъмамъ, которыя представляють собою чрезвъчайно важе ой веладь въ Русскую исторію того времени.

Новь і Завы в Господа нашего Інсуса Христа. Переводь В. А. Жуковскаго Бермавъ. 1895. Мал. 8-ка. 1V. 637 и 2 нен. стр.

Какь извъстно, Жуковскій быль Русскаго веливимъ художнивомъ искусствъ перевода языка, и въ нъть ему равныхъ. Уже по одно му этому мы должны привътствовать оглашение этого труда, начатаго въ Іюнъ 1844 и конченнаго въ Апрвав 1846 года. Благочестіе читателей находить себъ пишу въ сличени этого перевода съ темъ, которой издань Святьйшимъ Синодомъ и въ которомъ только одне Евапгеліе оть Іоанна переведено митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ. Цъна 5 р. Продается въ Спподальныхъ лавсахъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

годъ тридцать четвертый.

1896.

3.

PÝCKIЙ ÂPYÍRZ

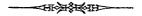
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

То старина, То и дъянье.

1896.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА. Университетская типографія, Страстной булькаръ. 1896.

ССЫЛЬНЫЕ 1812 ГОДА ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАЪ.

Къ исторіи Отечественной войны *).

1.

Тяжелую годину переживала Россія, когда «великая армія» Наполеона вступила въ ея предёлы и начала опустошать села и нивы
беззащитныхъ поселянъ нашихъ. Все задрожало отъ варварскихъ пріемовъ воинственныхъ сыновъ просвёщенной Европы, кичившихся своей
цивилизаціей и гуманностью. Первопрестольная столица и Сёверная
Пальмира трепетно ждяли роковой развязки. Народъ съ ненавистью смотрёлъ на комфортабельно-пріютившихся у насъ нностранцевъ,
видя въ каждомъ изъ нихъ врага Россіи, врага завлятаго, басурманскаго. Само правительство подозрительно слёдило за этими людьми,
такъ какъ многіе изъ нихъ промышляли шпіонствомъ и передавали
непріятелю необходимыя свёдёнія, продолжая въ тоже время состоять
на Русской коронной службъ и получать Русское жалованье. Оказалось необходимымъ удалять ихъ изъ столицъ и разсылать по окраинамъ Имперіи.

Особенно много этихъ изгнаиниковъ пришлось на долю Оренбургскаго края. Сюда были сосланы преступники изъ всъхъ слоевъ общества, люди разныхъ націй и всевозможныхъ профессій, начиная съ простыхъ рабочихъ (коверный мастеръ Герень) и кончая офицерами Русской арміи. Изъ числа послъднихъ были отправлены въ Оренбургъ прапорщики Селезневъ и баронъ Селли (Грекъ). Послъдній, служа у насъ знаменоносцемъ въ отрядъ легкихъ стрълковъ, былъ замъченъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Потомъ, 12-го Августа 1812 г., безъ обозначенія причинъ, были присланы изъ Петербурга парикмахеръ Бушенѐ, иностранный Еврей Вальдгеймъ, «жившій безъ вся-

^{*)} Изъ Оренбургского центрального архива за 1811 — 1815 гг., т. I и II (отдълъ сепретный).

каго дъла», и «бывшій рестораторъ на Исакіевской площади» Велькеръ, затъмъ «учинившій присягу на подданство Россіи и потомъ взявшій новый паспортъ отъ посла» Французъ Виньонъ, бывшій переводчикъ Губернскаго Правленія Грекъ (Grec), какой-то «служившій у знаменитаго Тардифа», коллежскій ассесоръ Черіотти (Сегіоtіі), Французскій купецъ Тусень (Toussaint) и мастеръ Герень (Guerin). Главнокомандующимъ въ Петербургъ, генераломъ-отъ-инфантеріи С. К. Вязмитиновымъ предписано было учредить за ними строгій надзоръ, разославъ по кръпостямъ, «чтобъ они жили тихо и скромно, никакихъ къ нарушенію спокойствія предпріятій, вредныхъ разговоровъ и политическихъ разсужденій не дълали и переписки ни съ къмъ не имъли».

Немного позднѣе, 17-го Сентября, были высланы еще изъ Казани иностранецъ Эдуардъ и Полякъ Козловскій, также замѣшанные въ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, иностранецъ Бетихеръ съ семействомъ, ссылались только по подозрѣнію въ политическихъ намѣреніяхъ, другіе же сосланы за безпокойный характеръ.

Къ числу послёднихъ принадлежалъ поручикъ Кандогурій (Грекъ), присланный въ Оренбургъ за «дерзкія выраженія въ просьбѣ своей противу барона Кампенгаузена», за что онъ сначала былъ выдержанъ двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ и потомъ, безъ права въѣзда въ столицу, перевезенъ въ свой родной городъ Таганрогъ. Но и это строгое наказаніе не заставило его смириться: въ Таганрогѣ онъ сталъ сбивать съ пути истиннаго своихъ единоплеменниковъ «на счетъ Русскихъ законовъ». Мѣстный градоначальникъ донесъ о немъ по начальству, и безпокойнаго отставнаго поручика перевели на житье въ Оренбургскій край, гдѣ ему уже не кого было возмущать.

Перечислить всёхъ иностранцевъ и другихъ поднадзорныхъ, присланныхъ въ это время въ эту отдалениую окраину, не представляется возможности, тёмъ болёе, что о большинстве изъ нихъ нётъ положительно никакихъ свёдёній, за исключеніемъ однихъ фамилій. Замёчательны судьба и данныя только о двухъ ссыльныхъ, неизвёстно чёмъ навлекшихъ на себя гнёвъ Московскаго генераль-губернатора, графа Ө. В. Ростоичина. Первый былъ преподаватель Московскаго Университета Годфруа, присланный въ Оренбургъ 2-го Августа 1812 г., а второй Витебскій пом'єщикъ Реутъ, высланный изъ Москвы 26-го Іюля. Какія они совершили преступленія, о томъ въ оффиціальныхъ свёдёніяхъ ничего не значится. Только въ письм'є графа Ростоичина (отъ 21-го Іюля 1812 г.) на имя Оренбургскаго военнаго губер-

натора князя Г. С. Волконскаго говорилось, что Годфруа ссылается въ Оренбургъ по высочайшему повельнію и за нимъ должно «имъть надлежащій надзоръ». Болье же подробныя свъдьнія о себъ даетъ самъ профессоръ этотъ въ письмъ своемъ на Французскомъ языкъ па имя Государя. 12-го Августа 1812 г. изъ Оренбурга Годфруа написалъ еще письмо къ министру народнаго просвъщенія графу А. К. Разумовскому въ пылкихъ и картинныхъ выраженіяхъ и приложилъ списокъ съ своего письма къ Государю. Онъ ссылается на доброе о немъ мнъніе директора Тульской гимназіи Гурьева, Московской—Дружинина, и ректора Московскаго университета А. А. Прокоповича-Антонскаго, которому позднъе, 28-го Мая 1813 г., онъ писалъ изъ Верхнеуральска.

Оба письма эти, чрезъ Оренбургскаго коменданта, г.-м. Гертценберга, были представлены князю Волконскому. Но князь Волконскій не послаль ихъ по назначенію, а для чего-то, 14-го Августа, офиціальнымъ письмомъ (за № 1579) адресовался къ графу Ростончину, переславъ ему первое письмо Годфруа, въ коемъ выражаются «дерзкія мысли сего Француза на щетъ Ростончина «и на щетъ вообще Россійскаго правительства», и по этой причинъ, «предавая сужденію графа оправданія его», покорнъйше просилъ его сіятельство «почтить увъдомленіемъ о его на сіе заключеніи». Однако, не дождавшись «увъдомленія» этого, какъ поступить съ «дерзкимъ» Французомъ, князь Волконскій распорядился отправить его на жительство въ Верхнеуральскъ, подъ надзоръ тамошняго коменданта полковника Суховицкаго.

Съ 5-го Сентября 1812 г. по 25-е Априля 1813 г. Годоруа «находился въ Верхнеуральскъ на обывательской квартиръ подъ смотръніемъ двухъ рядовыхъ мъстнаго батальона и чни въ какихъ противныхъ поступкахъ замъченъ не былъ». Но въ ночь на 26-е Апръля онъ расположился ночевать не «въ горницъ», какъ обыкновенно делалъ, а въ пебольшомъ, прилегающемъ къ дому, чуланчикъ. Приставленные къ нему часовые оставались вы свияхы, и когда вы домв все успокоилось, а солдатики заснули, профессоръ на разсевтв дня тихонько отперъ окно, выходившее изъ чудана на дворъ, и незамътно вышелъ на удицу. Проснувшись въ 3 часа пополуночи, солдаты замътили растворенное окно, заглянули въ него, но арестованнаго уже слъдъ простылъ. Сначала они подумали, что Годоруа по обыкновенію пошель гулять такъ рано или зашелъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, дабы разсъять свою грусть-тоску, «поелику онъ часто бывалъ примъченнымъ при надзираній гг. плацъ-маіорами и дежурными по карауламъ офицерами въ глубокой меданхоліи». Поэтому часовые бросились искать б'вглеца въ

городѣ, но, не найдя его нигдѣ, потомъ уже донесли о случившемси дежурному по карауламъ подпоручику Казанцеву, который, въ свою очередь, не замедлилъ довести до свѣдѣнія коменданта. Полковникъ Суховицкій приказалъ «выбрать изъ казаковъ и гарнизонныхъ чиповъ самыхъ расторопныхъ и исправныхъ людей» и по частямъ разослалъ ихъ во всѣ стороны «для поиску» Годоруа.

Послѣ тщательныхъ розысковъ, одной изъ партій подъ командой рядоваго Богданова удалось найти плѣннаго верстахъ въ шести отъ Верхнеуральска, по направленію къ Киргизской степи, на самой границѣ, «лежащимъ отъ усталости въ гористомъ мѣстѣ, между камнями». Бѣглецъ того же 26 Апрѣля въ 4 ч. пополудни былъ представленъ въ комендантское управленіе вмѣстѣ съ имѣвшимся при немъ дорожнымъ мѣшкомъ, гдѣ, по осмотрѣ, оказалось: бѣлье, денегъ 90 рубл. ассигнаціями и 1 р. 25 к. серебромъ, писчая бѣлая бумага «съ приборомъ», нѣсколько печатныхъ книгъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ и десять штукъ крута *). На спросъ коменданта, зачѣмъ онъ «покусился на бѣгство, Годфруа отвѣчалъ, что дастъ по этому поводу письменное объясненіе, которое и представилъ 28-го Апрѣля на Русскомъ языкѣ. Вотъ оправдательная записка ученаго Француза.

«Желаніе оправдать себя предъ вашимъ высокоблагородіємъ, въ разсужденіи покушенія моего въ бъгствъ изъ вашего города и изъ Россіи, побуждаетъ меня у васъ попросить дозволенія вамъ отдать отчеть въ причинахъ, которыя меня довели до этого предпріятія, и въ средствахъ мною для того употребленныхъ.

По неслыханной несправедливости, сдъланной мев Московскимъ военнымъ губернаторомъ, графомъ Ростопчинымъ, я давно рѣшился оставить навсегда Россію, какъ скоро я свободенъ буду, и возвратиться во Францію; но зная, какъ щедро Французское правительство награждаетъ тѣхъ, которые учены въ восточныхъ языкахъ, и особливо въ Арабскомъ, мое намѣреніе было сперва путешествовать нѣсколько лѣтъ въ Турціи, въ Арабіи, въ Персіи и даже въ Бухаріи, чтобъ учиться языкамъ этихъ странъ, которые имѣютъ между собою самую тѣсную связь. Между тѣмъ, намѣтивъ въ Оренбургскомъ народномъ училищѣ учебныя книги для Татарскаго языка, я ихъ купилъ и начиналъ учиться этому языку, сперва въ Оренбургъ, и потомъ въ здѣшнемъ городъ. Но невозможность продолжать это приготовительное ученіе, молчаніе правительства о моей просьбѣ Государю, врученной мною

^{*} Круть-овечій сырь, приготовляємый въ видь пруглыхъ булочевъ.

его сіятельству князю Волконскому слишкомь за восемь мъсяцевъ предъ симъ. совершенный недостатокъ въ средствахъ синскивать себъ пропитаніе, наконець, опасность терптть мон мученія до неизвъстности конца продолжительной войны, меня довели до такого отчаянія, что (я) рвшился стараться чрезъ самую опасную дорогу пробраться въ Бухарію, и оттуда далве для исполненія вышесказаннаго моего плана; за тъмъ боясь, чтобы скорое возстановление линии маяковъ *) миъ не препятствовало въ моемъ намъренім, тъмъ больше, что я, не имъя въ немъ никакого сообщенія, не могь получить ни отъ кого мальйшей помощи, я ръшился 26-го числа сего мъсяца, въ 3 часа пополунощи, запасшись малымъ количествомъ бёлья, учебныхъ книгъ и крутовъ, уйти чрезъ окошко моей горницы посредствомъ веревочной лъстинцы, и убъжать пъшкомъ въ Киргизскую степь, въ падеждъ, что какойнибудь Киргизецъ утащиль бы въ Бухарію пли согласился бы за нъсколько денегъ меня туда увезти; но скоро, выбившись съ ногъ, я былъ принужденъ броситься въ первое скрытное мъсто, гдъ меня нашли посланные вами казаки.

Въ эдакомъ случат, м. г., я знаю ваши обязанности и не буду роптать противъ вашихъ распоряженій, только давши замётить вашему высокоблагородію, что я не нарушиль инкакой обязанности, никакого вамъ даннаго слова. Я кончу, попросивши у васъ позволенія вамъ предложить одинъ простой вопросъ. Положимъ, м. г., что одинъ изъ вашихъ любезнъйшихъ ближнихъ, бывши задержаннымъ въ чужихъ краяхъ по самому беззаконному приказанію высшаго правительства, счелъ вырваться изъ рукъ своихъ карауловъ и что къ вамъ теперь прівзжая, онъ бросается въ вашн объятія. Неужели вы будете его бранить? Не будете ли вы напротивъ поздравлять его съ счастливымъ прівздомъ и хвалить ту рішимость, ту отважность, съ которою опъ успълъ освободиться? Таково мое положение, м. г., и поэтому я укъренъ, что во внутренности сердца своего вы, конечно, не осуждаете мосго предпріятія. Подробити і объясненія и готовъ подать в. в-б-дію, ежели вы ихъ желаете; особенно я васъ увъряю, что по мърамъ, взятымъ мною, караулы никакъ не виноваты и даже, что изъ всёхъ карауловъ, бывшихъ прежде при мив, никто мив такъ не досадоваль сво-

^{*)} Годфруа, должно быть, говорить здась о такть-называемых симахъ, возобновленыхъ въ 1816 г. для изобличения Киргизскаго прорыва во внутрь страны. Это по весму протяжению пограничной лини втыкаемые въ землю тонкіе прутья тальнику, которые, связываясь своими вершинеми одинъ съ другимъ, составляли пачто похожее на изгородь. Въ случав обнаружения порчи симовъ ближайшій пикстъ даваль знать объ угрожавшей опасности сосаднимъ постамъ ("Памяти. Книжка Оренб. губ." 1895, II, 39).

имъ строгимъ надемотромъ, какъ эти, которые были при мнъ въ день моего бътства».

Обо всемъ случившемся (съ представленіемъ копіи съ оправданія Годфруа) Верхнеуральскій коменданть донесь князю Волконскому, который (1-го Іюля 1813 года) «впредъ до ръшенія дъла» предписаль «содержать его подъ карауломъ на гауптвахтъ», въ свою очередь донеся объ этомъ главнокомандующему въ Пстербургъ Вязмитинову. Но такъ какъ последнему въ это время было не до разбора ссыльныхъ Французовъ, то дъло Годоруа окончилось безъ всякихъ для иего дурныхъ последствій, если не считать содержаніе его подъ стражей (на гауптвахтъ) со времени бъгства по 25-е Октября 1814 г., гдъ ему не позволялось ни читать, ни писать что-либо: всё книги и бумаги у него были отобраны, и бъдняга безъ дъла еще больше изнываль въ тоскъ и горъ. Суховицкій сжалился надъ нимъ и въ началъ Октября 1814 г. просилъ князя Волконскаго выдать ему хоть тъ книги (букварь, грамматику и словарь Россійскій съ переводомъ на Татарскій языкъ), по коимъ началь онъ обучаться разговорамъ. По Оренбургскій военный губернаторъ почему - то разръшилъ выдать ему книги только на Татарскомъ языкъ и предложилъ Верхнеуральскому коменданту: «если поведеніе Годфруа не подвержено никакому сомивнію, то перевесть его на квартиру и имъть на оной подъ надлежащимъ надзоромъ».

Годоруа вздохнуль свободные. Руки у него были теперь развизаны. Слабый лучт надежды видылся впереди на скорое освобожденіе, тыть болые, что 30-го Августа того же 1814 года вышло высочайшее повельніе, по которому ныкоторые изъ плынныхъ могли освобождаться изъ неволи. Это дало ему поводъ чрезъ Суховицкаго снова (10-го Декабря) обратиться съ просительнымъ письмомъ къ князю Волконскому.

«Я имъю честь представить вашему сіятельству, что по всемилостивъйшему манифесту, изданному 30-го Августа нынъшняго года,
всъ тъ, до коихъ касается Государева милость, имъютъ даже получить
обратно то имъніе, которое было бы у нихъ прежде описано. Слъдовательно, м. г., не можетъ быть памъренія вашего сіятельства лишить
меня долье тъхъ Татарскихъ книгъ, которыя были у меня отобраны
за два года предъ симъ, тъмъ больше, что это такія сочиненія, которыя публично продаются по приказанію и на счетъ правительства въ
Оренбургской гимназіи, гдъ я ихъ и купилъ. Но какъ послъднее повельніе вашего сіятельства о томъ предметъ предписываеть отдать
мнъ только тъ изъ этихъ книгъ, которыя на одномъ Татарскомъ языкъ:
выходитъ, что какъ опъ всъ на обоихъ—Татарскомъ и Россійскомъ

языкахъ, и что даже по той одной причинъ онъ были у меня отобраны, то здъшній господинъ коменданть находится обязаннымъ и теперь ихъ всъхъ держать у себя. По эдакимъ обстоятельствамъ не позволено ли мнъ будеть, м. г., полагать, сито случилась, можетельнть, кикая-нибудь ошибка въ составленіи приказа, предложеннаго подписыванію вашего сіятельства? Въ такомъ случать я васъ покорнъйте прошу, чтобы вы изволили вторично приказать, чтобы вст мои Татарскія книги безъ исключенія были мнъ возвращены.

Какъ всемилостивъйшій манифесть возстановляєть сосланныхъ въ прежнее ихъ состояніе, и какъ, съ другой стороны, правительство не кажется намъреннымъ возвратить меня въ Москву па казенный счетъ, я васъ также прошу покорнъйше, м. г., чтобы вы изволили приказать отдать мнъ паспортъ до Казани, чтобъ я могъ такъ сыскать средства пропитанія, которыхъ я здъсь такъ долго находилъ себя лишеннымъ. А ежели, по неизвъстнымъ мнъ причинамъ, не будстъ во власти вашего сіятельства сдълать мнъ сію милость, то я васъ покорнъйше прошу дать мнъ позволеніе писать прямо и на Французскомъ языкъ къ Ея Величеству Государынъ Императрицъ Елисаветъ Алексъевнъ, у которой съ полною довъренностію я буду всепокорнъйше просить высочайшаго ходатайства, какъ скоро я буду извъщенъ о возвращеніи Ел Величества въ столицу.

Позвольте мив теперь, м. г., окончить мое письмо краткимъ представленіемъ вашему сіятельству ужасныхъ біздъ, которыя я претерпівль въ Москвъ въ то время, когда и здъсь и безъ того такъ чувствительно страдаль. Моя жена и мой брать скоро умерли оть печали и въ отчаянін; все мое имфніе, моя библіотека, мон важифйшія бумаги, документы, на которыхъ основывалось будущее мое счастіе, все разграблено и все пропало; такъ что изъ всего прежняго моего состояція мив остается одно страшное предчувствование несчастной старости. Ежели, по непостижимой судьбъ, такая была награда непорочнаго поведенія, безмірнаго усердія и ревностных услугь человіка, котораго все существо было предано Россіи, то по крайней мъръ я ласкаю себя надеждою, м. г., что, двинувшись вмъсть съ чувствомъ правосудія, человъколюбія и сострадательности, вы не замедлите дать мнв наслаждаться благодъяніями всемилостивъйшаго манифеста, и что вы удостоите своимъ уваженіемъ двоякій предметь сей моей просьбы къ вашему сівтельству.>

Видимо, что письмо написано человъкомъ недовольно знакомымъ съ оборотами Русской ръчи. Тъмъ не менъе Годоруа и по-русски

умълъ выражаться колко. Князь Волконскій, однако, не поняль или старался не понять такую колкость и видимо настолько встревожился угрозъ ученаго павиника, что тотчасъ же по получении письма (15-го Декабря) предписаль Суховицкому выдать Годоруа всв «печатныя книги на Татарскомъ и Россійскомъ языкахъ», съ требованіемъ лишь допести ему, какія въ книгахъ и письменныхъ тетрадкахъ, отобранныхъ оть Годоруа, окажутся недостатки. Огносительно же увольненія плінника въ Казань приказано было объявить ему, счто ни въ Москву, ни въ Казань отпустить его не можно, потому что объ освобожденіи его не последовало еще разрешения отъ высшаго правительства, о чемъ-де уже сдълано представление г. главнокомандующему въ С.-Петербургв. Что же касается разръшенія Годоруа писать Императриць, то этого ему «отнюдь не позволять прямо отъ себя», а чтобъ онъ теривливо ожидаль разръшенія о возвращеніи ему прежней свободы. Однако прошло еще около четырехъ мъсяцевъ, а о возвращенін этой свободы не было ни слуху, ни духу. Годоруа потеряль всякое терпъніе и, наконець, 8-го Апръля 1815 года самъ написалъ письмо С. К. Вязмитинову, которое, чрезъ Суховицкаго, просилъ киязя Волконскаго переслать по назначеню. На этотъ разъ Оренбургскій военный губернаторь исполниль желаніе Годоруа. Но какой получился изъ Петербурга отъ министра полиціи отвътъ, изъ дъла не видно. По всей въроятности, онъ быль освобожденъ въ силу высочайшаго манифеста 14-го Декабря 1815 года, такъ какъ въ послъдующихъ годахъ о немъ не было никакой переписки.

II.

Какъ о Годоруа, такъ и о Богуславъ Матвъевичъ Реутъ нътъ точныхъ оффиціальныхъ данныхъ. Только въ письмъ графа Ростопчина къ князю Волконскому отъ 12-го Іюля 1812 г., говорится, что Реутъ ссылается «за дерзкія слова», но кому, когда и гдъ сказанныя, ничего неизвъстно. Болье же обстоягельныя свъдънія о себъ даетъ самъ ссыльный въ написанной по-французски «оправдательной запискъ», которую приводимъ здъсь въ Русскомъ переводъ. Эго цълая, весьма любопытная автобіографія.

Оправдательная записка, составленная мною Богуславомъ Реутомъ, по поводу моего задержанія въ Москвъ 26-го Іюня 1812 года, въ томъ видъ, какъ опа должна была быть представлена его сіятельству графу Ростопчину.

Прежде чъмъ начать мос оправданіе, изложу вкратцъ исторію моей жизни. Свидътельствуюсь Высшимъ Существомъ, что буду говорить одну только правду.

Я родился 8 (20) Октября 1773 года, въ той части Вълоруссіи, которая, по раздълу Польши 1793 года, отошла подъ скипетуъ славной памяти Всероссійской Императрицы Екатерины ІІ-й. Мон родители, благороднаго происхожденія, не были богаты, по жили въ довольствъ, любимые своими сосъдями и уважаемые въ своей губерніи. Насъ было двъ сестры и четыре брата, изъ которыхъ я старшій. Отца моего я лишился въ томъ возрасть, когда не понималъ значенія этой утраты. Десяти леть оть роду я началь учиться въ Полоцкой коллегіи отцовъ-Іезунтовъ. Въ 1791 году мать моя послала меня въ Варшаву къ своему родственнику графу Дзеконскому, который былъ казначеемъ Литвы (trésorier de Lithuanie). Тамъ же находился и другой родственникъ мой по матери моей графъ Гутаковскій, и благодаря имъ я опредълняся въ коронную канцелярію. Въ 1793 году произошли Тарговицкая конфедерація, последній сеймъ въ Гродив и раздель Польши. Я посившиль тогда возвратиться въ нашу губернію, которая принадлежала уже Россіи и, будучи старшимъ въ семействъ, принесъ присягу въ върности Ел Величеству Императрицъ, въ Минскъ у тамошняго губернатора Неплюева. Черезъ ивсколько месяцевъ вспыхнула несчастная революція Костюшки. Его приверженцы звали меня назадь въ Варшаву, маня меня блестящими объщаніями и предлагая должности; по, при всей своей молодости, я разсудилъ здраво, что все эти волкаинческія всимики были лишь химерами, безъ всякой основы. Кътому же мив хорошо жилось въ новомъ моемъ отечествв. Я не захотвяъ пзивинть присягь и остажся дома при моей матери, ведя тихую жизнь, какъ подобало върному подданному Ел Величества. Чтобы пе навлечь на себя подозрвній, я нарочно вздиль часто, въ это смутное время, въ Полоцкъ къ нашему тогдашнему губернатору Неклюдову, который меня въ особенности удостоиваль своей дружбы и уваженія. Въ Москвъ я навъстиль ихъ. Неклюдовъ быль очень боленъ; а супруга его приняла меня съ тою же любезностію и добротою, какъ бывало въ Полоцкъ. Неклюдовъ долгое время быль у насъ губернаторомъ; опъ можеть всего лучше свидетельствовать о монкъ поступкахъ и образъ мыслей. После этого последняго кроваваго Польскаго возставія обнародованы были общее прощеніе, окончательный разділь и миръ.

Съ ранней моей молодости возымълъ я сильную страсть къ путешествіямъ по чужимъ краямъ и приставалъ къ моей матери, чтобъ она дала мнъ на то позволеніе и средства; но по нъжности ко миъ она не соглашалась и чтобы привязать меня къ дому уговаривала жениться и жить постоянно въ деревнъ. Я былъ тогда еще слишкомъ молодъ для хозяйственныхъ занятій, и мнъ казалось, что чувствую от-

вращеніе къ браку. Мать мою я обожаль, и положеніе мое было трудное. Видя мою неръшимость, она не настаивала, но уступила принадлежавшее ей право на все наше помъстье мнъ одному. Въ виду такой нъжности съ ея стороны я слъпо подчинился ея волъ. На комъ бы ни жениться, мив было все равно. У меня была двоюродная сестра, племянница моей матери; она часто у насъ живала, и мы росли почти вмъстъ. Выборъ мой остановился на ней, о чемъ я сообщилъ моей матери. Я по истинъ чувствоваль къ ней весьма искреннюю дружбу, отнюдь не любовь. Нужно было однако церковное разръшение. Обращались въ Римъ черезъ посредство митрополита Сестренцевича. Не жальди издержекъ, черезъ нъсколько мъсяцевъ пришло разръшеніе, и и женился. Мать моя, предовольная, полагала, что счастіе мое обезпечено; но увы... Величайшимъ неблагоразуміемъ съ моей стороны было соединиться бракомъ съ особой, къ которой я вовсе не имълъ склонности, и туть корень всёхъ невзгодъ и несчастій моей жизни. Съ позволенія и съ пособіемъ моей матери я купиль у втораго моего младшаго брата *) приходившееся на его долю наследственное владъніе; а черезъ нъсколько времени два другіе мои брата, поступивъ въ орденъ отцовъ-Іезуитовъ, продали мий также свои доли, такъ что я сделался единственнымъ владельцемъ всего нашего поместья, слишкомъ въ 300 душъ; но такъ какъ для выдачи сестрамъ на приданое мнъ пришлось взять взаймы до 4.000 червонцевъ, то я долженъ быль перепродать часть земли и, расплатившись съ долгами, владъю нынъ 200 душъ крестьянъ.

Между тъмъ бракъ мой не приносилъ миъ благополучія, тъмъ болъе что мы съ женою не были счастливы дътьми: ихъ родилось шестеро, но они умирали почти вслъдъ за рожденіемъ. Я сдълался мраченъ и задумчивъ; жена моя стала раздражительна. Ни съ того, ни съ сего мы взаимно бывали недовольны. Единственное мое благо заключалось въ нъжности моей матери, которая слишкомъ поздно увидала, какую жертву принесъ я ей, женившись противъ моей воли и лишь въ угоду ей.

Посреди ежедневныхъ непріятностей и домашнихъ горестей, чувствительныхъ, хотя и прикрываемыхъ, скончалась моя дорогая мать. Увы! Вся радость моей жизни сокрылась въ ея могилъ; свътъ сдълался для меня обширною пустынею; ничто въ немъ меня не привлекало. Тогда-то пробудилась во мнъ давнишняя страсть къ путешествіямъ.

^{*)} Этотъ брать нына служить ассессоромь во второмь гражданскомъ отдалении Витебского Губернского Правленія.

Я быль самъ себъ господинь, попросиль паспорта у правительства, получиль его, и не прошло десяти мъсяцевъ съ кончины моей матери, какъ уже быль я за границей. Я пропутешествоваль несколько леть; жена оставалась дома, и мы совершенно отвыкли другь оть друга. Семь льть тому назадь, на пути изъ Италіи, я должень быль торопиться возвращеніемъ въ Россію. Возгорелась война между Французами и Австрійцами. Послъ несчастнаго пораженія арміи Мака въ Баваріи и непосредственно всявдъ за позорною сдачею его при Ульмв, Французскія войска появились во всёхъ владеніях в Австрійскаго императора. Я быль захвачень отрядомь Французскихь егерей на Венгерской границъ близъ Фишамента. Они меня до чиста ограбили, отнили новую карету, пожитки, бълье, платье, книги, инструменты, часы, небольшое собраніе антиковъ и мозаикъ, около 1.500 червонцевъ и слишкомъ 1.000 флориновъ Австрійскими бумажками. Я долженъ былъ пъшкомъ пройти четыре мили до Пресбурга, гдв по счастію встрьтился съ знакомымъ купцомъ, который мит далъ возможность возвратиться домой. Это несчастное приключение значительно разстроило мон двла. Съ женою мы покончили твмъ, что разошлись частнымъ образомъ, давъ другь другу слово, въ случав, если кто изъ насъзахочетъ формальнаго и юридическаго развода, то препятствій съ объихъ сторонъ не будеть.

Съ этихъ поръ я ръдко живалъ въ Бълоруссіи. У меня были другья на Волыни, въ Галиціи, въ Пруссіп, въ Ригь, въ Петербургь, и я живаль у нихъ то тамъ, то туть. Однако въ промежутки мив случалось проводить зимніе мъсяцы въ нашемъ губернскомъ городъ Витебскъ, Почти всъ смънявшіеся Бълорусскіе губерваторы хорошо меня знали, и могу даже сказать, что они удостоивали меня уваженія п дружбы. Въ особенности любилъ меня тайный совътникъ Петръ Ивановичъ Северинъ. У меня бывали съ нимъ важныя дъла. Онъ поселился въ Вълоруссіи и до сихъ поръ весьма ко миъ расположенъ. Дъйств. статскій совътникъ Сергъй Алексъевичь Шишкинъ также знаеть меня близко и оказываль мнв много дружбы, живучи въ Витебскъ; онъ теперь губерискимъ предводителемъ въ Твери. Наконецъ, дъйствит. статскій совътникъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, нынъ губернаторъ Новгородскій, любить меня искренио и удостоиваеть особливаго уваженія; у меня съ нимъ и литературныя сношенія. Всъ эти извъстныя дица, бывъ долгое время начальниками въ нашей губерніи, имъли случан узнать меня коротко и могуть свидътельствовать о моихъ дъйствіяхъ и о моихъ чувствахъ къ моему отечеству и къ моему Государю.

Въ эти послъдніе годы золотая монета страшно поднялась въ цвив; имвніе мое заложено по слишкомъ высокой оцвикв. Времена наступили трудныя, доходовъ никакихъ. Потому я вознамърился продать мою землю, заплатить лежавшій на ней долгь и съ твиъ, что останется, увхать внутрь Россіи и, позабывъ аристократическія тонкости, заняться торговлею или, пользуясь небольшими моими дарованіями, искать хорошаго м'іста у какого-нибудь вельможи въ столицахъ или по деревнямъ. Я человъкъ тихій и миролюбивый. Утративъ состояніе и разстроивъ здоровье, ищу только покоя. Всё мои связи и спошенія, всв мои бумаги, и тв изъ нихъ, которыя опечатаны его превосходительствомъ оберъ-полицеймейстеромъ Ивашкинымъ, въ ночь съ 26 на 27 Іюня, служать явнымъ и достаточнымъ подтвержденіемъ словъ монхъ. За пъсколько дней до моего задержанія писаль я въ Тамбовъ къ давиему пріятелю моему Рубцу (Rubec): «Я хочу провхать во впутренность Россіи; я хочу у васъ побывать въ Тамбовъ, гдъ, можеть быть, и поселюсь, потому что изъ всёхъ государствъ Россія мив наиболве правится». Въ черновомъ видв это письмо находится въ моихъ бумагахъ, взятыхъ г - номъ оберъ - полицеймейстеромъ. Отвътъ на него пришелъ изъ Тамбова, когда я уже былъ задержанъ. Г-нъ оберъ-полицеймейстеръ мив его доставилъ распечатанное, чрезъ участковаго мајора Великанова Я умолялъ его представить это письмо его сіятельству графу Ростончину, дабы уб'єдить его, что я вірный подданный Его Величества и ревностный патріоть. Г-нъ Великановъ отивиаль мив, что графъ Ростончинъ самъ видель все мои бумаги и Тамбовское письмо, что онъ вполнъ убъжденъ въ моей невиновпости и дасть мив черезъ два-три дии свободу, по что для порядка мнъ придется еще побыть два или три дня на свызжей; что графъ, пославъ обо мив бумагу къ Его Величеству въ день моего задержанія, теперь, по разбор'в моихъ бумагь, послаль другую бумагу въ мое оправданіе.

Въря честному слову г-на Великанова, я успокоился. Возвращаюсь къ моему повъствованію.

И такъ, я жилъ въ послъднее время въ Петербургъ, подыскивая себъ выгоднаго мъста. Въ теченіе десяти мъсяцевъ мои поиски не удавались. Его превосходительство, генералъ, сенаторъ и начальникъ всъхъ таможень, Обръзковъ, предлагалъ мнъ должность переводчика; но какъ я не особенно силенъ въ Нъмецкомъ языкъ, и жалованіе туть скудное, то я отказался. Познакомился я въ это время въ Петербургъ съ Швейцаркою изъ Женевы, Розаліею Гельбигъ, урожден-

ною Кюнт *). Общность вкусовъ скоро насъ сблизила. Г-нъ Обръзковъ зналъ ее хорошо по Гродпъ, и опа доставила миъ лестное для меня знакомство съ нимъ. Мы уговорились съ ней: она возметъ мъсто гувернантки, а я разведусь съ женою, продамъ имъніе, заплачу долги и, соединившись бракомъ, мы устроимся гдъ-нибудь внутри Россіи и займемся учительствомъ. Согласно этому уговору, она уъхала въ Симбирскъ къ дътямъ генерала Киндакока на жалованье въ 1.800 р. въ годъ. Она теперь тамъ. Я провожалъ ее до Москвы и поручилъ ей сыскать мнъ мъсто гдъ-нибудь по близости Симбирска. Написавъ въ Бълоруссію къ друзьямъ моимъ о продажъ земли, я собирался ъхать либо въ Тамбовъ къ совътнику Рубцу, либо въ Симбирскъ, если тамъ сыщется мъсто. Въ Москвъ я прожилъ пять недъль, не имъя достаточно наличныхъ денегъ, чтобъ изъ нея выъхать, какъ наступило 26 Іюня.

Не знаю, въ чемъ я обвиненъ. Положительно не знаю, кто моп обвинители.

Въ Середу, въ 2 часа ночи, съ 26 на 27 Іюня вошелъ въ мою небольшую комнату его превосходительство оберъ-полицмейстеръ Ивашкинъ и съ нимъ несколько сфицеровъ и солдать. И лежалъ въ постели совствь раздытый. Мит вельно встать и показать мои бумаги. И повиновался. Г-нъ Ивашкинъ запечаталъ ихъ въ накетъ, приказалъ мнЪ одъться, а самъ ушелъ въ гостиную. У меня въ комнать остался какой-то господниъ, который надо мною пемилосердно издъвался и наконець спросиль меня: «Гдв твоя неввста? Какой твой чивъ?» Я отвъчалъ, что г-жа Гельвигъ не виновна. - «Какъ, такъ ты до сихъ поръ недоросль?>-Я не зналь, чего сму оть меня нужно. Потомъ мив сказали, что его зовуть Чистяковъ и что онъ донесъ на меня. Признаюсь, ото мев непонятно, такъ какъ я вовсе не зналъ г-на Чистекова и даже не помню, видъль ли его гдв нибудь. Г-нъ Ивашкинъ быль со мною весьма добръ и любезенъ. Онъ сказалъмив, чтобъя не боялся того, что хотять осмотръть мои бумаги, и что если я не знаю за собою вины, то ничего мит не будеть. Слова эти совершение меня успокоили. Ивашкинъ взялъ меня въ свои дрожки и повезъ къ себъ. Меня привели въ кабинеть, гдъ увидъль я другаго Поляка. Спросили насъ, знаемъ ли мы другъ друга и, получивъ отрицательные отвъты, оставили обоихъ подъ надзоромъ полицейскаго офицера. Такъ прошло до 9 часовъ утра, когда пришель Ивашкинъ съ околодочными мајорами и сказалъ мив, что я дол-

^{*)} Дъвица Розалія Кюнъ, живучи въ Гродић у виягини Четвертинской (мачихи Марьи Антоновны Нарышкиной), вышла за Нъмца Гельвига; черезъ два года она развелась съ нимъ въ Петербургъ.

женъ отправиться къ его сіятельству генераль-губернатору. Ко миѣ приставленъ маіоръ Великановъ, и мы повхали къ графу.

Часа два пробыли мы въ пріемной, и по знаку Ивашкина, я вошель въ кабинеть графа. Мнъ показалось, что онъ на меня очень гиввенъ. Съ презрительнымъ негодованиемъ спросилъ онъ у меня, кто я такой. Совершенно смущенный, я отвъчаль: Польскій уроженець изъ Витебской губерніи. Графъ сказаль мить: «Какъ! Ты не считаешь себя Русскимъ подданнымъ? Слова эти меня поразили. Ахъ! Богъ видитъ мою совъсть и мое сердце: я Русскій подданный тъломъ и душою. Я хотълъ такъ отвъчать, по языкъ меня не слушался. «О какой прокламацін ты говориль? продолжаль графь. Ты, игрочишка! Ты хочешь продать свою землю, чтобы перевхать во Францію. Я тебя представлю въ комитеть». Ахъ, ваше сіятельство (едва могь я произнести эти слова отчаннымъ голосомъ), я невиненъ, я никогда и нигдъ не говорилъ... Я даже не слыхалъ ни о какой прокламаціи. Клянусь передъ вашимъ сіятельствомъ, какъ передъ Богомъ, я невиненъ. - «Неправда, сказаль графъ: противъ тебя есть свидетели. Взять его!» (обратился онъ къ оберъ-полицмейстеру). Меня арестовали. Можно судить, что я почувствоваль; но внезапно проблеснула въ головъ моей надежда. Это невозможно, это невозможно, твердилъ мит тайный голосъ. Графъ справедливъ и прозорливъ. Онъ мит позволитъ свободно поговорить съ нимъ и объясниться. Онъ лично переспросить моихъ обвинителей. Ему откроются ложь и злоба враговъ монхъ. Меня жестоко оклеветали; но онъ справедливъ, ему доступенъ голосъ угнетенной невинности, и онъ самъ будеть мив первымъ защитникомъ. Утирая слезы, передалъ я все это мајору Великанову. Тотъ подтвердилъ, что графъ милосердъ и справедливъ и не осудить меня не выслушавши. Увы! Надежды мои не оправдались!

Черезъ нѣсколько дней передали мнѣ черезъ Великанова, что бумаги мои разсмотрѣны, что вины за мной не оказалось, и что завтра же меня выпустять на свободу. Прошелъ день, и Великановъ говоритъ мнѣ: «Надо потерпѣть; графъ захотѣлъ самъ разсмотрѣть ваши бумати». Черезъ нѣсколько времени опять тоже увѣреніе. «Клянусь честью и головою, что вы признаны невиннымъ; но по ходу дѣла надо еще

^{*)} Дъйствительно, въ подлинномъ дълъ о Реутъ находится Русское письмо къ нему отъ Ивана Рубца, отъ 26-го Іюня 1812 г., изъ Тамбова, гдъ опъ, называя Реута "людезный другъ Богуславъ Матвъевичъ", убъдительнъйне проситъ его прівхать къ Тамбовъ и занять квартиру у него пъ домъ на сколько угодно, и отъ души радуется, что
Реутъ но прівядъ къ ному разскажеть о своихъ путешествіяхъ за границей и опишетъ
всв достопримъчательности. И. Ю.

подождать». Великановъ позволилъ мив написать оправдательную записку для представленія графу. Она была составлена почти также, какъ эта; но Великановъ жестоко обманулъ меня, не передавъ записки. Я увъренъ, что если бы графъ прочелъ ее, то я не только не былъ бы осужденъ, но снискалъ бы въ немъ покровителя для себя. Всъ же пользуются его милосердіемъ, великодушіемъ, справедливостью. И такъ я потерпълъ только отъ небрежности Великанова. Да проститъ ему Богъ!

Однако надобно передать, какъ я себъ объясияю причину моего злополучія. Черезъ нісколько дней по прійздів въ Москву встрівтиль я въ католической церкви молодого Поляка, по имени Тильковскаго. Заговоривъ со мною, онъ мнъ сказаль, что въ Полоцкъ, своемъ родномъ городъ, зналъ онъ въ Іезунтской школь моихъ младшихъ братьевъ. На другой день онъ приходиль ко мив и спращиваль между прочимъ, долго ли я располагаю пробыть въ Москвв. Я отвъчаль неопредълительно, что, можеть быть, скоро увду въ Симбирскъ, и что мив хотвлось бы пожить въ Тамбовъ, но денегь у меня мало, что въ Тамбовъ у меня давнишній пріятель, которому ніжогда я помогаль, когда быль богаче его и который теперь разбогатьль, и я надъюсь на взаимную услугу съ его стороны. На это Тильковскій сказаль, что онъ готовъ ссудить мив денегь, но у него самого ихъ мало, по что опъ приплеть ко мив другаго Поляка, человъка дъловитаго, который достанеть миъ нъсколько сотъ рублей на повздку въ Тамбовъ. И поблагодарилъ его за такую услужливость. На другой день, и еще не вставаль съ постели. когда вошель ко мев отъ имени Тильковскаго съ предложениемъ услугъ нъкто Черминскій (или что-то въ этомъ родь). Лицо у него такое непривлекательное, что сначала не хотълъ я имъть съ нимъ сношенія; но своею вкрадчивостью онъ обольстиль меня, и я ему сказаль, что мив бы надобно занять на два или на три мвсяца оть ияти до шести сотъ рублей. Онъ пожелаль взглянуть на мон бумаги; и сму показаль ихъ, и онъ мив объщаль черезъ два дня достать денегь. Я даль ему нъсколько серебряныхъ монеть на завтракъ, чъмъ онъ, повидимому, быль весьма доволень. Въ назначенное время онъ пришель ко мив, и мы съ нимъ отправились къ нъкоему Плюшкову, который мив сказалъ, что можеть мив ссудить 800 или даже 1000 р., но что ему надо имъть что либо въ залогъ или обезпечение. Я отвъчалъ, что не могу, и на этомъ дело остановилось. Уже это мив не поправилось: зачемъ Черминскому нужно было увърять меня, что я получу деньги просто но векселю и безъ залога? На другой день онъ опять комий явился и сообщиль, что деньги мев дасть какая то Полька Лорецкая или Лунская. И туть имъль я глупость повърить. Онъ привель меня въ такое мерзкое мъсто, что я опрометью выбъжаль вонь, не сказавъ ни слова-Но Черминскій савдоваль за мною и на бульварь подсыль комив. Въ это время проходиль мимо насъ оберъ - полицмейстеръ Ивашкинъ, и мив показалось, что онъ пристально глядель на меня. Кто этотъ генералъ? спросилъ я Черминскаго.-Какъ, вы не знаете? Это здешній оберъ-полицмейстеръ. Я его близко знаю, онъ меня любить и дасть мнъ важныя порученія; бывая у него, могу я быть кому нибудь и полезенъ и вреденъ... Я приняль эти слова за глупое хвастовство и, убъдившись, что Черминскій человъкъ ненадежный и неблаговидный, ръшился прекратить съ нимъ сношенія. Но черезъ два дня онъ опять пришель съ новыми предложеніями: кто-то соглашался дать мив 1000 рублей наличными деньгами и на 1000 рублей вещей, съ тъмъ, чтобы я ему выдаль на три місяца вексель въ 3000 рублей. Я отвічаль, что я никогда не занималь и даже не слышаль, чтобы кто нибудь занималь деньги за такіе страшные проценты, что миж не надобно столь большой суммы, что я не даваль ему подобныхъ порученій и теперь положительно отказываюсь отъ его услугъ, такъ какъ одинъ пріятель помогъ мив, въ ожиданіи ответа изъ Тамбова и писемъ изъ Симбирска и Бълоруссіи. Кажется, слова мон на него подъйствовали. Прикинувшись, что ему все равно, онъ медоточиво обратился ко мнъ съ такою рачью. «Послушайте, г-нъ Реутъ. Я увъренъ, что, изъвздивъ много странъ, вы мастерски играете и конечно научились играть навърняка... Займите эти деньги. Правда, процентъ великъ; но вы не останстесь въ накладъ. Я васъ познакомлю съ нъкоторыми молодыми господами, и мы воспользуемся оба». Это привело меня въ негодованіе, и я перерваль его: «Вы ошибаетесь, г-нъ Черминскій, либо смъетесь надо мною. Я не подаль вамъ къ тому никакого повода. За кого вы меня принимаете? Я вовсе не игрокъ, не желаю имъть съ вами дъда и объявляю вамъ, что занимать денегь мив не нужно». Тогда онъ мив сказаль: «Ну хорошо! Оставимъ это; но какъ вы мив сказали, что вы при деньгахъ, то ссудите миъ 25 рублей; и вамъ возвращу ихъ черезъ нъсколько дней». Я отвъчалъ, что прошу извинить меня на этотъ разъ, что денегъ у меня мало. Онъ разсердился и наконецъ ушелъ.

Въ тотъ же день вечеромъ пошелъ я на бульваръ. Черминскій уже тамъ и нахально подсёлъ ко мив. На этотъ разъ онъ быль такъ пьянъ и такъ растрепанъ, что я дёлалъ видъ, будто ни замѣчаю сго. «Какъ, вы не хотите говорить со мпою? воскликнулъ онъ дерзко. Такъ раскаетесь!» Это были послѣднія слова его, и съ тѣхъ поръ я не видъль сго больше. Спрашиваю теперь у людей чувствительныхъ и

честныхъ, не долженъ ли я подозръвать, что Черминскій оклеветаль меня передъ оберъ-полициейстеромъ, тъмъ болъе, что, какъ увъряли меня, онъ очень близокъ съ г-номъ Чистяковымъ? Иначе, зачёмъ графу Растопчину пришло въ голову считать меня игрокомъ? Развъ, можетъ быть, въ Москвъ смъщали мое имя съ именемъ извъстнаго игрока Реата, который бываль во многихъ мъстахъ и нъсколько разъ замъченъ полиціей. Когда въ Петербургь, ища мъста въ таможнъ, я представлялся г-ну Обръзкову, онъ спросилъ меня, не предаюсь ди я мерзкому занятію моего родственника, находившагося тамъ подъ судомъ. Я сначала не понядъ его вопроса, но потомъ мы объяснились, п г-нъ Обръзковъ узналъ отъ меня, что я не Реать, а Реуть. Я же никогда не имълъ пагубной страсти къ игръ; склонности мон и средства не игрецкія. Нікогда играль я въ небольшія игры, но всегда быль изъ тівкь, которые играють для развлеченія и проигрывають, а не изъ играющихъ для барыша. А живучи въ Москвв, я не только ни разу пе нградъ, но не былъ въ обществахъ, гдв играли, и даже не видалъ карть. И такъ въролтно, что первымъ моимъ клеветникомъ былъ Черминскій, донесшій, будто я игрокъ и продаю имініе мое съ тімь, чтобы перевхать во Францію.

Но откуда же самое важное обвинение относительно злосчастной провламаціи? Кто изъ тайныхъ враговъ моихъ могь придумать такую тяжкую клевету? Но графъ отозвался во множественномъ числъ, будто противъ меня имъются свидътели, слышавшіе, что я говориль о прокламаціи. Богъ мив свидвтель, и пусть Онъ накажетъ меня сію минуту, если я говорю неправду. О проклятой прокламаціи, которая тогда ходила по рукамъ въ Москвъ, услышалъ я въ первый разъ въ пріемной у графа же, за минуту передъ тёмъ, какъ меня позвали къ нему въ кабинеть. Я слишкомъ миого испыталь, чтобы въ смутныя времена захотъль толковать о политическихъ дълахъ. Вся моя жизнь доказываеть, что я простой, частный человъкъ, ищу только покоя, въренъ въ подданствъ Государю и усерденъ ко благу отечества, не только по долгу, но по внутреннему убъждению и сердечной склонности. Тщательно перебиралъ я въ своей памяти, о чемъ именно случилось мив говорить въ эти последние дни, и твердо уверидся, что ни единаго звука не сходило съ усть моихъ касательно дъль политическихъ. Наконецъ, послъ разныхъ соображеній и предположеній, показалось мнъ, что я открыль источникь этой клеветы *).

^{*)} Въ извъстномъ романъ Вольтера Задинь есть черты, схожія съ моими настоящими обстоятельствами. Задигъ, прогуливаясь съ одною дамою въ садахъ Вавилона, написаль четыре стиха въ похвалу своего монарха, разорвалъ на двое этотъ маленькій лоскутъ бумаги и кипулъ его на вътеръ. За это столь простое дъйствіе опъ чуть не ноплатился жизпію.

Въ посабднюю Середу, 26 Іюня, за общимъ столомъ въ гостинниць гдв я жиль, сидьль я рядомъ съ Полякомъ, по имени Лебреномъ (Lebrun), и мы разговаривали о дълахъ князя Радзивила, что въ Несвижь. Я передаль моему сосъду нъкоторыя о томъ подробности. Этоть князь Радзивиль, молодой вельможа, владълець слишкомъ 130 тысячь душъ въ Россіи, уважая въ прошломъ году за границу, поручиль управление своими имъніями и своими дълами въ Россіи г-ну Каминскому, председателю втораго гражданского департамента въ Минскъ. Князь долженъ казнъ и банку отъ 300 до 400 т. червонцевъ. Довъренность, выданная имъ Каминскому, явлена въ Петербургъ, засвидътельствована Сенатомъ и, кажется, даже утверждена особымъ указомъ Его Императорскаго Величества. Прошло нъсколько мъсяцевъ. Князь поступиль въ Варшавъ въ военную службу и потребоваль изъ имънія значительныхъ денегъ. Каминскій не могъ или не посмълъ доставить ихъ ему. Князь разгийвался на него и безъ его видома далъ въ Варшавъ новую довъренность на управление его дълами въ Россіи двумъ графамъ Ржевусскимъ. Сін последніе предъявили ее на контрактахъ нынешняго года въ Кіеве; но какъ бумага составлена въ противность сенатскимъ указамъ и при томъ не въ Россіи, то правительство не признало ен дъйствительности, Ржевусскіе отданы подъ судъ, Каминскій снова утвержденъ, а имънія князи подверглись запрещенію. Обо всемъ этомъ я разсказывалъ громко и на Польскомъ языкъ, на которомъ есть слова, одно на другое похожія звуками, но совсёмъ разнаго значенія; отсюда возможность превратнаго истолкованія. За столомъ сидъло человъкъ двадцать постороннихъ людей. Кто нибудь, плохо зная по-польски, слыша слова мои: Wydał w Warszawie komplanacya dla Rzewuskich, могъ понять такъ: Wydał w Warszawie proklamacya dla Russkich.

Когда догадка о возможности такого переиначенія моихъ словъ пришла мив въ голову, я сообщаль ее многимъ, и вев отзывались, что надобно мив быть особливо песчастну, чтобы отъ того потерпъть...

Остается мит сказать еще о дит 14 Іюля. Это было Воскресенье утромъ. Ко мит явился отъ г. маіора Великанова полицейскій офицерь того округа, гдт меня арестовали, по имени Дунаевскій, и важно сказаль: «Господинъ Реуть! Государь Императоръ повелтваеть васъ отправить въ городъ вашъ Витебскъ». Затты онъ поздравилъ меня съ тты, что мое приключеніе такъ благополучно кончается и любезно предложилъ мит елико возможно скорте собраться въ путь. Мои пожитки оставались въ великомъ безпорядкт тамъ, откуда меня взяли. Если бы мит дано было время, то я успъль бы съ помощью добрыхъ

людей запастись какъ должно на дальнюю дорогу; но г. Дунаевскій такъ торопиль меня, что я захватиль съ собою лишь пъсколько рубашекъ и еще кое-что. При томъ же я думаль, что вхать до Витебска всего 550 версть, и я доберусь какъ нибудь. Дунаевскій сталь ласково обращаться со мною, говориль оть имени Императора, и я не смѣль подумать, что онъ лгалъ и пользовался довърчивостью несчастливаго человѣка. И поѣхалъ безъ перины и подушки, а въ карманѣ у меня было всего семь рублей мѣдью. Дунайскій запретиль сопровождавшему меня офицеру (доброму человѣку) сказывать мнѣ о мѣстѣ моего назначенія, и уже пять верстъ за Москвою узналъ я, что меня везуть въ Оренбургъ. Предоставляю чувствительнымъ сердцамъ представить себѣ мое отчаяпіе! Мой офицеръ пе могъ удержаться отъ слезъ. Семь рублей скоро вышли, и опъ кормиль меня на свой счетъ.

Великодунный и сострадательный князь Волконскій! Вы виділи, въ какомъ состоянін прибыль я въ Оренбургъ. Вы отерли слезы отчаянія. Узнавъ, что судьба моя зависить оть васъ, я начинаю ожнвать, и если вы милостиво изволите мить объщать, что моя записка будеть доставлена графу Ростоичину, то сладостивл надежда возродится въ угнетенномъ мосмъ сердці. Болеславъ Реутъ, Бълорусскій гражданинъ изъ Витебской губерніи.

2 Ангуста 1812 года, Оренбургъ".

Лишь 5-го Февраля 1813 г. киязь Волконскій препроводиль записку Реута, но не къ графу Растончину, а къ С. К. Вязмитинову, объяснива при этомъ, что «Реутъ, съ начала присылки на житъе въ Оренбургъ, ведеть жизнь тихую и скромную, никакихъ къ нарушенію спокойствій предпріятій, вредныхъ разговоровъ и политическихъ разсужденій не дъластъ». Затъмъ киязь Волконскій испрашиваль разръщенія главнокомандующаго въ Петербургъ, «простирастся ли на него Реута сила высочайшаго манифеста объ общемъ и частномъ прощеніи Поликовъ?»

Кпязь Волконскій разумъть следующій маничесть, паданный въ Вильне 12-го Декабря 1812 года и напечатанный потомъ въ Петербургъ при Сепать 30-го Декабря того же года.

Божією милостію Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ всенародно.

Въ настоящую нынъ съ Французами войну главная часть жителей въ прежде бывшихъ Польскихъ, нынъ же Россійскихъ, областяхъ и округахъ пребывали намъ върны, почему и раздъляютъ со всъми нашими върноподданными нашу признательность и благоволеніе. Но другіе различными образами навлекли на себя праведный нашъ гнъвъ. Одни, по вступленіи непріятеля въ предълы нашей Имперіи, устращась насилія и принужденія или мечтая спасти имущества свои оть разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности. Другіе, которыхъ число меньше, но преступленія несравпенно больше, пристали еще прежде нашествія на ихъ земли къ странъ чуждаго для нихъ пришельца и, подъемля вмъстъ съ нимъ оружіе противъ насъ, восхотъли дучне быть постыдными его рабами, нежели нашими върноподданными. Сихъ послъднихъ долженствовалъ бы наказать мечъ правосудія; но, види излившійся на нихъ гивьъ Божій, поразившій ихъ вивств съ теми, которыхъ владычеству они вероломно покорились, и уступая вопіющему въ насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ всемилостивъйшее общее и частное прощеніе, предавал все прошеджее въчному забвенію и глубокому молчанію, и запрещая впредъ чинить какое-либо по дъламъ симъ притизание или изыскание, въ полной увъренности, что сім отпавшіе отъ насъ почувствують кротость сихъ съ ними поступокъ и чрезъ два мъсяца отъ сего числа возвратится въ свои области. Когда же и послъ сего останется кто изъ нихъ въ службъ нашихъ непріятелей, не желая воспользоваться сею нашею милостію и прододжая и послъ прощенія пребывать въ томъ же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія не приметь уже въ свои въдра, и всв имущества ихъ будуть конфискованы. Пленные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемлются изъ сего всеобщаго прощенія, но безъ нарушенія справедливости не можемъ мы последовать движенимъ нашего сердца, доколе пленъ ихъ разръшится окончаніемъ пастоящей войны. Впрочемъ и они въ свое время вступять въ право сего нашего всемъ и каждому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и разрушеніи силь всенародныхъ враговъ, и да приносить съ неугнетеннымъ сердцемъ чиствишее Всевышнему благодареніе! Между тъмъ надъемся, что сіе наше чадолюбивое и по единому подвигу мидосердія содъланное прощеніе приведеть въ чистосердечное раскалніе виновныхъ и всъмъ вообще областей сихъ жителимъ докажетъ, что они, яко народъ издревде единолзычный и единоплеменный съ Россіянами, нигдъ и никогда не могуть быть толико счастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во сдино тело сліяніи съ могущественною и великодушною Россією. Александръ».

Вязмитиновъ ничего не отвъчаль князю Волконскому также, какъ и на вторичный запросъ его отъ 30-го Апръля того же 1813 г. (№ 496), «съ приложеніемъ письма Реута *), въ коемъ онъ, называя себя «помъщикомъ Витебской губерніи, Лепельскаго уъзда, оправдывается въ невинности». Только на третье ходатайство Оренбургскаго воешнаго гу-

^{*)} Этого письма ни въ подлининет, ни въ копіи не находится въ дълахъ Оренбургскаго центрального архива.

бернатора (6-го Января 1814 г., № 26) Сергъй Козьмичъ увъдомилъ князя, что Реуть подъ вышепоказанный манифестъ отъ 12-го Декабря не подходить, «и безъ особаго высочайшаго повельнія въ домъ свой возвращенъ быть не можетъ».

11-го Марта 1814 г. князь Волконскій писаль министру полицін Балашеву: «Благоденне г. Реуту вами, м. г., оказанное я принимаю съ чувствительнъйшею благодарностію». Затъмъ 11-го Августа того же года, изложивъ подробно обстоятельства дела и подтверждая свои доводы въ пользу Реута, перепиской его съ семействомъ и его знакомствомъ съ бывшимъ Витебскимъ губернаторомъ Сумароковымъ, «который знаетъ Реута съ хорошей стороны и удостовъряеть вполнъ его личность, князь Волконскій снова просиль Вязмитинова освободить его. А между тъмъ, пока шла эта долгая переписка, самъ Реутъ, съ согласія, конечно, князя Волконскаго, хлопоталь о своемь освобожденін чрезъ посредство «дъйствительной тайной совътницы Анны Снарской *). урожденной княгини Огинской, жившей въ Бълоруссіи, въ г. Невелъ Витебской губерніи». Но быль ли освобождень Реуть по этому ходатайству, архивныя дёла не указывають. Надо думать, что онъ остался въ Россіи. Одинъ изъ Реутовъ (по всей въроятности потомокъ ссыльнаго) въ 40-хъ годахъ служилъ въ Оренбургъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ. Въ настоящее время въ Бузулукскомъ увздв существують дворяне-помъщики Реутовскіе, можеть быть, ведущіе свое начало отъ Реута.

III.

Въ исходъ 1812 года главные города внутри Россіи переполнились плъниками, такъ что по пеобходимости, «дабы не обременять
населенія и прекратить имъ пути къ бъгству», приходилось отправлять
ихъ на окрайны: въ Казань, Самару, Саратовъ, Уфу и Оренбургъ.
Въ сей послъдній было сослано ихъ такъ много, особенно изъ простыхъ солдатъ, что перечислить всъхъ не представляется возможности.
Здъсь были и природные Французы, и истые Нъмцы, и Евреи, и наши
Поляки, и люди другихъ Европейскихъ націй. Особенно выдавался
между ними генералъ Вальдбургъ-Трухсесъ съ своимъ адъютантомъ
Бацемъ и лакеемъ Илинни. 13-го Мая слъдующаго года военный министръ князь Горчаковъ просилъ Оренбургскаго военнаго губернатора
доставить ему свъдънія объ этомъ генералъ, которыя были «нужны
Ея Величеству Государынъ Императрицъ Маріи Өеодоровнъ». Свъдъ-

^{*)} Не была ли эта Снарская по мужу своему въ родствъ съ фельдмаршаломъ княземъ П. Х. Виттенштейномъ, который быль женать на Снарской? П. Б.

пія, конечно, были доставлены самыя благопріятныя, и вскоръ, по желанію вдовствующей императрицы, лътомъ того же года, генераль быль освобожденъ изъ илъна вмъстъ съ своими приближенными и, чрезъ Петсрбургъ и Ригу, отправленъ въ свое отечество.

Генераль баронь Дюмурье быль сослань въ Казань. Какой-то баронь Кречмаръ отправлень въ городъ Бугурусланъ. Четверо военно-плънныхъ Французы: капитанъ Кліоръ-Мартинъ Тестардъ и подпоручики Янъ Валюзіо, Бартоломей Кліодъ и Клаудъ Пикардо были сначала поселены въ Минскъ, но отгуда бъжали и, пойманные уже близъ границы, сосланы въ Сентябръ 1813 г. въ Уфу. Такое же бъгство учиним 3-го Французскаго конно-егерскаго полка капитаны Жерардъ и Краве и поручикъ Ласценъ, «поэтому ихъ прислали въ Оренбургъ». Сюда же былъ присланъ полковникъ Виртембергской кавалерской службы графъ Вальденбургъ и адъютанть его капитанъ Патсф.

При захвать во время войны плънниковъ часто происходили курьсзы, которые потомъ окапчивались довольно плачевно, какъ для побъдителей, такъ и для побъжденныхъ.

Одинъ помъщикъ Тамбовской губернін, поручикъ Тамбовскаго пъхотнаго полка Пушкинъ, возвращаясь съ «Борисовскаго сраженія», по дорогъ захватилъ какого-то Француза, почти уже замерзшаго, и привезъ его къ себъ въ деревню, куда ъхалъ для поправленія здоровья, вслъдствіе полученной имъ въ сраженіи раны. Семейство Пушкина приняло Демутье (такъ звали Француза) болье чъмъ любезно. Его обогръли, накормили, одъли и отвели ему отдъльную комнату въ надеждъ имъть дароваго учителя Французскаго языка и «всъмъ прочимъ наукамъ», такъ какъ у насъ въ то время сложилось убъжденіе, что каждый Французъ, кто бы онъ ни былъ, непремънно человъкъ образованный.

Пленникъ жилъ въ полномъ довольстве, какого вероятно не виделъ и въ своей счастливой Франціи. Съ поручикомъ Пушкинымъ они скоро сделались неразрывными друзьями: вместе ездили къ соседямъ-помещикамъ и вместе устраивали шумныя оргіи и попойки. Часто подъ действіемъ винныхъ паровъ друзья вступали въ примерное сраженіе или, выражаясь офиціальнымъ языкомъ, «совершали схватки, какъ бы на войнъ». Но, должно быть, они чрезмерно усердствовали показать свою удаль; домашнимъ было не въ моготу смотреть на примерныя сраженія двухъ храбрыхъ воиновъ, и мать Пушкина, вдова полковника, принуждена была обратиться съ жалобой къ главнокомандующему въ Петербургъ на то, что ея «сынъ, поручикъ Пушкивъ, ведетъ себя непристойно, и съ нимъ въ буйствъ и пъянствъ участвуетъ плънный Французъ Демутье». С. К. Вязмитиновъ благоразумно распорядился удальцами. Тамбовскому губернатору было предписано «за надлежащимъ карауломъ препроводить Демутье на жительство въ Оренбургъ, а поручику Пушкину немедленно явиться въ свой полкъ».

Изъ числа Польскихъ военно-плѣнныхъ были сослапы въ Оренбургскій край Пинскій маршалъ Родзѣевскій, за сношенія его съ непріятелемъ и за то, что онъ принялъ должность Пинскаго подпрефекта, и помѣщикъ Лемницкій съ Евреемъ Моисеемъ Якубовичемъ, взятыми за сообщеніе Модлинскому коменданту Красинскому извѣстій о положеніи нашихъ армій. Первый изъ нихъ, по распоряженію князя Волконскаго, былъ оставленъ въ Оренбургѣ, второй отправленъ въ станицу Звѣриноголовскую, а третій въ крѣпость Усть-Уйскую Челябинскаго уѣзда.

Но всего занимательные судьба трехъ плышныхъ Французскихъ медиковъ. Изъ переписки о нихъ до ныкоторой степени выясняется положение какъ нашей, такъ и Французской арміи, особенно послы отступленія послыдней изъ предыловъ Русскаго государства и когда на западной границы сосредоточились всы наши военныя силы.

Въ это время въ передовой дъйствующей арміи нашей чувствовался недостатокъ врачей и медицинскихъ служителей, такъ что въ нъкоторые госпитали для ухода за больными приходилось посылать захваченныхъ въ плънъ Французскихъ медицинскихъ чиновниковъ, содержавшихся пока, впредъ до отсылки въ глубь Россіи, въ нашихъ пограничныхъ городахъ. Такимъ образомъ, изъ Вильны во временно-учрежденные госпитали г. Бълостока было прислано десять человъкъ плънныхъ медиковъ: штабъ-аптекарь Гіо, штабъ-лъкари Мерсье и Спонвиль, лекари Саворнье, Люссо, Пеллетанъ и Тарассо, хирурги .Ія-Пьеръ и Де-Клеръ и аптекарскій помощникъ Гернельсбургъ. По переходъ резервной арміи изъ Бълицъ въ Бълостокъ, означенные выше госпитали поступили изъ гражданскаго ведомства въ ведомство коммиссаріотское, и недостатокъ въ медиципскихъ чинахъ мало-по-малу сталь пополняться прибывавшими за арміей нашими полковыми лькарями, а пленных Французских врачей предположено было обратно отослать въ Вильну для разсылки по другимъ городамъ.

Французы, пользуясь тэмъ, что армія ихъ, по занятіи Силезіи по самый городъ Бреславль, приблизилась почти къ самой границъ герцогства Варшавскаго, ръшились бъжать изъ Бълостока, и семеро изъ

нихъ: Гіо, Мерсье, Спонвиль, Тарассо, Саворнье, Ла-Пьеръ и Де-Клеръ, въ ночь съ 2-го на 3-е Іюня 1813 года, скрылись изъ госпиталя.

Правитель Вълостокской области дъйств. ст. сов. Щербинипъ, боясь, чтобы и остальные трое не убъжали, поспъпилъ отправить ихъ подъ присмотромъ въ Вильну. Черезъ нъсколько дней въ лъсу близъ Бълостока былъ отысканъ хирургъ Де-Клеръ, видимо, не принимавшій никакого участія въ побъгъ и спрятавшійся только отъ страха. Паконецъ, немного позднъе были доставлены еще трое: Гіо, Мерсье и Спонвиль, пойманные уже въ герцогствъ Варшавскомъ, почти близъ самой Варшавы. Остальные такъ и не были розысканы.

Такъ какъ бъгство, судя по направленю, было предпринято съ очевидной цълью соединиться съ Французской арміей, то, дабы плънпымъ пресъчь дальнъйшія попытки къ бъгству, правитель Ізълостокской области обратился за разръшеніемъ этого вопроса къ Литовскому
военному губернатору, генералу-отъ-инфантеріи Корсакову, который,
находя пересылку виновныхъ въ Вильну неудобною, предписалъ Щербинину отправить ихъ за кръпкимъ карауломъ въ Оренбургъ, о чемъ
22 Августа того же 1813 года и было сообщено Оренбургскому военному губернатору, съ препровожденіемъ ему въ подлинникъ на Французскомъ языкъ показаній пойманныхъ Французовъ 1).

Первый изъ нихъ, штабъ-лѣкарь въ главной квартиръ Французской арміи, уроженецъ города Этьенъ, Мёзскаго департамента 2), Га-бріель Гіо (Giot, Gabriel, pharmacien-major au quartier général de l'armée française, né à Etain, dept. de la Meuse, le 6 Janvier 1786) по приказанію своего военнаго министра былъ отправленъ въ главную квартиру (au grand quartier-général), стоявшую въ то время въ Смо-ленскъ; но «жестокость времени не позволила ему проъхать далѣе», ибо онъ отморозилъ себъ руки и ноги. По этой причинъ, 9-го Декабря 1812 г., ему пришлось остановиться въ Вильнъ и лечь въ госпиталь Св. Игнатія (S-t Ignace), въ которомъ онъ пробылъ до 1-го Января, т. е. до того времени, когда Герольдъ, Русскій дивизіонный докторъ (médecin en chef russe), опредълилъ его въ аптеку этого госпиталя, гдъ онъ находился для услугъ до тъхъ поръ, пока госпиталь не очистился отъ больныхъ. Въ первыхъ числахъ Февраля онъ былъ отправленъ въ Бълостокъ, куда прибылъ 1-го Марта и явился къ надвор-

¹⁾ Всв повазанія эти отмъчены 31 Іюля 1813 года.

^{*)} Въ доставленномъ при этихт показаніяхъ Русскомъ переводѣ опъ почему-то показанъ Сепскаго департамента.

ному совътнику Михаелису, «къ коему былъ послацъ, дабы онъ опредълилъ его на какую-либо медицинскую должность». Сей послъдній направиль его къ доктору Полянскому, который и назначилъ Гіо помощникомъ къ Голькербуку (Holquerbouk), Французскому аптекарю, также прибывшему изъ Вильны. И здъсь Гіо, до присылки на его мъсто друсаго, «отправлялъ свои обязанности со всевозможною ревностію», какъ о томъ свидътельствуетъ аттестатъ, выданный ему Полянскимъ.

Другой Французскій медикъ, захваченный въ числъ бъжавшихъ, былъ штабъ-лъкарь Жанъ Христофоръ Сельвестръ Спонвиль (Sponville, Jean Christophe Silvestre, chirurgien-major de la 4-me division d'ambuance légère, quartier impérial de l'armée française), который, оставалсь во время войны въ госпиталъ Св. Игнатія больнымъ, также потомъ былъ употребленъ на службу при этомъ госпиталъ, а 19-го Февраля отправленъ въ Бълостокъ, откуда 4-го Марта посланъ въ Супрасльскій монастырь лъчить воиновъ Французскихъ и союзниковъ, находившихся въ этомъ госпиталъ.

Третій бѣжавшій З. Мерсье, быль лѣкарь изъ корпуса принца Экмюльскаго (Z. Mercier, chirurgien-major du quartier général du 1-er corps prince d'Eckmuhl), захваченный въ плѣнъ 10-го Сентября 1812 г. въ Вильнѣ, гдѣ онъ раненый жилъ у одного Жида; по Жидъ этотъ, должно быть, ради гешефта, «не желая давать ему, что имѣлъ», донесъ на него, и Мерсье былъ взятъ и ограбленъ казаками. Спова раненый послъдними, онъ принужденъ былъ лечь въ госпиталь, гдъ иашелъ Гіо и Спонвиля, «также несчастныхъ, какъ и опъ», только у втораго какимъ-то образомъ сохранилось немного денегъ. Здѣсь опъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока былъ назначенъ въ госпиталь Св. Іакова (S-t Jacques), въ которомъ помѣщались исключительно одни офицеры. Оттуда вмѣстѣ съ Гіо и Спонвилемъ и онъ 19-го Февраля былъ отправленъ въ Бѣлостокъ.

14-го Іюня 1813 г. госпитали очистились отъ больныхъ. Свободные располагать своимъ временемъ, Спонвиль и Мерсье захотъли отпраздновать окончаніе своихъ трудовъ маленькой пирушкой и наканунъ этого дня пригласили къ себъ въ Супрасль и Гіо, прося его привезти съ собой вина, рому и сахару. 13-го числа (то было Воскресенье) въ 4 часа утра Гіо выбхалъ изъ Бълостока въ наемной каретъ и къ завтраку пріъхалъ въ Супрасль. Послъ стола, Мерсье увъдомили, что его дожидается коляска, присланная какимъ-то барономъ, у коего былъ боленъ сынъ. Но тотъ, по случаю пріъзда своего друга, долго не соглашался ъхать къ больному. Тогда Гіо предложиль

сопутствовать ему, и они вдвоемъ около часа дня повхали въ помъстье барона, гдъ тотчасъ же по прибытій приглашены къ столу, а послъ объда Мерсье осмотръль больнаго.

Такъ какъ отъ имънія барона до Супрасля было 4 мили и уже становилось поздно, то друзья ръшились переночевать здъсь, надъясь пріятно провести время въ обществъ бывшаго тамъ молодаго артиллерійскаго офицера, который своимъ веселымъ характеромъ много забавляль ихъ. Этотъ Русскій офицеръ проъздомъ находился здъсь съ матерыю и такъ свободно держалъ себя, какъ будто прожилъ въ этомъ домъ уже нъсколько дней.

На другой день пребыванія Французовъ у «благороднаго Поляка», одинъ изъ его сыновей, имѣвшій нужду быть въ Бѣлостокъ, сълъ съ ними въ коляску и проводилъ ихъ до Супрасля.

Вечеромъ того же дня (т. с. 14-го Іюня) въ Супрасль прибыль командированный начальникомъ Вълостокской области совътникъ Взюбель для взитія списка больнымъ, долженствовавшимъ выбыть изъ больницъ. Опъ объявилъ имъ о скоромъ очищеніи отъ больныхъ всѣхъ напихъ госпиталей. Въ тоже время одинъ изъ Россійскихъ коммисаровъ предупредилъ плѣнныхъ, что нѣкоторые изъ нихъ будутъ отправлены отсюда, а въ Супраслъ останется только одинъ изъ нихъ, коимъ, какъ они могли заключить изъ его словъ, будетъ штабъ-лѣкарь Спонвиль.

Это показалось Французамъ подозрительнымъ и, на другой день утромъ 15-го числа, Мерсье и Гіо хотвли отправиться въ Вълостокъ, чтобъ узнать у властей о судьбъ, которая ихъ ожидала и просить милости у начальника области оставить ихъ всвхъ въ Супраслъ. Около 11 час. вечера въ комнату къ медикамъ пришелъ одинъ изъ больныхъ и сказалъ имъ, что смда прівхали казаки взять ихъ. Встревоженные этимъ извъстіемъ, Французы поняли, что ихъ хотятъ отправить въ слубь Россіи.

Вспомнивъ, какія претерпѣвались тамъ несчастія, они захватили съ собою хлѣба и снѣдей и, побросавъ всѣ ненужные имъ пожитки, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, въ тотъ же вечеръ, спустились черезъ окно аптеки въ садъ и бѣжали въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ построили себѣ шалашъ и пробыли въ немъ 10 или 12 дней до тѣхъ поръ, пока у нихъ имѣлись съѣстные припасы.

Безполезно блуждая по лѣсу, не зная мѣстности и дорогъ, куда идти и какъ скрыться отъ преслъдованія, они были доведены до такого состоянія, что не разъ хотѣли возвратиться въ Бѣлостокъ и до-

бровольно отдать себя въ руки властей, въ надеждъ получить прощеніе своему поступку. Но боязнь быть захваченными на пути и препровожденными, какъ дезертиры, заставила ихъ отказаться отъ этого намъренія. Они предпочли за лучшее идти въ Варшаву, гдъ у Спонвиля жилъ родственникъ, чтобы съ помощію послъднего выхлопотать себъ у Русскаго министра разръшеніе остаться въ этомъ городъ или быть свободно отпущенными въ арріергардъ, съ прощеніемъ ихъ поступка.

2-го или 3-го Іюля утромъ они вышли изъ Супрасльскаго лъса и направились къ Вълостоку, но, не зная дороги, сбились съ пути, проплутали два дня и снова вернулись къ Супраслю. Только на слъдующій день (6-го Іюля) они кое-какъ добрались до р. Наревы и хотъли переплыть ее вплавь. Но шприна этой ръки и болотистые берега ея не позволили имъ привести это намъреніе въ исполненіе. Къ тому же Мерсье съ своей раненой ногой не могь совсемъ плавать. Дня два или три ходили они по берегу Наревы въ ожиданіи случая встрътить кого-нибудь, кто бы могъ перевезти ихъ на другой берегь. Накопецъ, они увидали одного патера, котораго за два червовца насилу уговорили какъ-нибудь переправить ихъ. Тотъ отыскаль имъ двъ лодки, и они благополучно перевхали на другой берегь. Патеръ провель пхъ въ домъ какого-то крестьянина, гдв они могли купить хлабоа и молока, потомъ проводилъ въ лъсъ и поручилъ другому крестьянину проводить ихъ до границы. Отсюда они уже один шли по ночамъ; только разъ двъ мили они провхали въ крытой тельтъ вхавшаго по пути Жида. Не доходя полмили до Буга, они встрытили двухъ рыбаковъ, которые за два червонца согласились перевезти ихъ на противоположную сторону. Тамъ также они шли по ночамъ, а днемъ скрывались въ лъсахъ или хлъбныхъ поляхъ, распрашивая у встръчныхъ ксендзовъ и Жидовъ пути на Варшаву. Гіо имълъ ландкарту, которая до нъкоторой степени служила имъ путеводствомъ.

Такимъ образомъ они продолжали свой путь до утра 16-го Іюля, когда, выйдя изъ лъса, они увидъли на хлъбномъ полъ крестьянина и спросили его, есть ли войска въ деревиъ и какъ идетъ дорога на Варшаву? Крестьянинъ сказалъ, что войскъ въ деревиъ нътъ, и они, ничего не подозръвая, смъло пошли впередъ, но только что вошли въ улицу, какъ натолкнулись на Русскаго уптеръ-офицера, котораго принявъ за казацкаго офицера, пустились бъжать назадъ, чтобы скрыться въ хлъбъ. Ихъ однако замътили, и за ними была послана погопя. Французы думали искатъ спасенія въ бъгствъ; но Мерсье, съ своей раненой ногой, не могъ сопутствовать имъ. Тогда, не желая оставлять друга въ опасности одного, плънные вернулись въ деревню и переда-

лись въ руки унтеръ-офицеру. Тотчасъ 30-ть казаковъ окружили ихъ, связали и повезли въ Каминскъ, гдъ комендантъ отобралъ у нихъ всъ бумаги, а на другой день препроводилъ въ Пултускъ, въ которомъ они находились 10 дией до 24 Іюля, а затъмъ, по снятіи съ нихъ допросовъ, были препровождены въ Вълостокъ, гдъ также 31 Іюля въ капцеляріи правителя Вълостокской области отъ нихъ были отобраны показанія, тъ самыя, что потомъ были пересланы Оренбургскому военному губернатору; но сами плъпные въ Оренбургъ не явились. Ихъ долго переводили изъ одного города въ другой по западной Руси, пока по высочайшему манифесту 14-го Декабря 1814 года не возвратили на родипу.

Въ этомъ году Русскія войска уже вступили въ предълы Франція, а 19-го Марта совершился торжественный въйздъ императора Александра I въ Парижъ. Французская армія сложила оружіе, и весь Французскій народъ изъявиль полную покорность побъдителямъ, а генеральный совъть Сенскаго департамента и Парижскій муниципальный совъть по этому поводу, 14-го Апръля 1814 года, издали къ народу воззваніе. Прокламація эта была разослана не только по всъмъ департаментамъ Франціи, по и въ Россіи по тъмъ губерніямъ, въ которыхъ были плънные Французы.

Послѣ обнародованія вслѣдъ за тѣмъ манифеста 14-го Декабря всѣ плѣнные Французы были освобождены. Большинство изъ нихъ черезъ Ригу было отправлено въ ихъ отечество; но иѣкоторымъ изъ плѣнныхъ такъ понравилось житье въ Россіи, что они пожелали остаться въ ней навсегда и приняли Русское подданство. Одни изъ нихъ поселились въ нынѣшней Самарской губерніи и зачислились въ податное сословіе; другіе же, находившісся въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, перечислились въ казаки, и потомки ихъ до сихъ поръ остаются казаками Оренбургскаго войска *).

Въ настоящее время въ этомъ войскъ насчитывается 48 человъкъ потомковъ прежнихъ воиновъ «великой арміи» Наполеона, и сохранились въ полной неприкосновенности, не переиначенным", только двъ фамиліи Французскихъ—Жандръ и Ауцъ. Первая изъ нихъ состоитъ всего лишь изъ нъсколькихъ человъкъ: вдовы покойнаго сотника Орепбургскаго войска Евдокіи Ивановны, сына ея Якова Ивановича и трехъ выданныхъ жамужъ дочерей (Александры, Маріи и Юліи), живущихъ

[&]quot;) Мы уже однажды (въ "Оренб. Губ. Въд." за 1892 г., № 32) сообщали о Французакъ, перешедшихъ въ казаки. То были Антоній Бергъ, Шарль-Жозефъ Бушень, Жакъ-Пьеръ Бинелонъ, Антонъ Виклеръ и Эдуардъ Ланглуа.

въ станицъ Кизильской Верхнеуральскаго увзда и имъющихъ потомственный земельный участокъ въ 400 десятинъ, пожалованный за службу покойнаго сотника Ивана Ивановича Жандра, родившагося въ 1824 году отъ Француза Жана Жандръ, который остался въ Госсіи отъ 1812 года.

Фамилія же Ауцъ, наоборотъ, довольно распространена. Потомковъ ея, не считая выданныхъ замужъ дочерей, насчитывается теперь
18 мужчинъ и 24 женщины. Родоначальникъ ихъ Илья былъ простой
солдать «великой арміи», сосланный сначала въ дер. Верхнюю Кармалку Бугульминскаго уъзда, бывшей Оренбургской губерніи *), вмъстъ
съ прочими плънными: Филиппомъ Юнкеромъ, Вилиромъ Сонинымъ,
Леонтіемъ Ларжинцъ и Петромъ Бацъ, потомки коихъ и до сихъ поръ
обрътаются въ этой деревнъ. Впослъдствіи же Ауцъ (Илья Кондратьевичъ), женившись въ Кармалкъ на крестьянской дъвушкъ Татьянъ Харитоновой, въ 1842 году со всъмъ семействомъ переселился въ Верхнеуральскій уъздъ и избралъ мъстомъ своего жительства казачій поселокъ Арсинскій (Арси, какъ его называютъ сокращенно); въ слъдующемъ году былъ онъ зачисленъ въ казаки, а въ 1853 году, съ именемъ
Василія, принялъ православіе.

Объ остальныхъ потомкахъ плънныхъ Французовъ, ранъе зачисленныхъ въ Оренбургское казачье войско, трудно въ настоящее
время собрать какія либо положительныя свъдвнія, такъ какъ они,
при образованіи въ сороковыхъ годахъ такъ-называемой Новой линіи,
были переселены изъ прежнихъ мъстъ жительства на новыя мъста.
Дъти ихъ, должно быть, не желая казаться чужими среди своихъ одностаничниковъ, перемъпили свои прежнія Французскія фамиліи на Русскія и такимъ образомъ затерялись въ общей массъ казачьяго населенія также, какъ утратили свои прозвища потомки Французовъ, оставшихся въ Бугульминскомъ уъздъ, гдъ, напримъръ, отъ Филиппа Юнкера произошла фамилія Юнкеровъ, дъти Ларжинцъ совсъмъ перемънили прозвище отца и пишутся теперь «Жильцовы», а отъ Петра Баца
произошли Бацитовы, и только потомки Вилира Сонина сохранили неприкосновеннымъ свое имя.

П. Юдинъ.

^{*)} Необходимо замътить, что въ то время Оренбургская губернія была втрое больше, чъмъ теперь. Въ составъ ея тогда входили: вся нывъшняя Оренбургская губернія, вся Уфимская, часть (восточная) Самарской и области Уральская и Тургайская.

русскій архивъ 1896.

ВОСПОМИНАНІЯ ОЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА *).

Приведу пъкоторые случаи, отпосящіеся ко времени нашего пребыванія въ Инццъ.

Покойный Цесаревичь имъль обыкновеніе, когда рѣчь шла о незнакомомъ ему человъкъ, спрашивать: «хорошій ли опъ человъкъ?» Однажды я позволиль себъ замътить, что отвъты ваши на этотъ вопросъ, въ большей части случаевъ, слишкомъ поверхностны, что мы, отвъчая «да, опъ милый, любезный, даже хорошій человъкъ», высказываемъ миѣніе основанное на внѣшисмъ внечатлѣніи, и что отзывы эти далеко недостаточно характеризуютъ личность, для того чтобъ Его Высочество на основаніи ихъ могъ составить себъ върное понятіе объ этой личности и въ случаѣ надобности употребить его на какос-пибудь дѣло.—Я очень это понимаю, отвъчалъ Цесаревичъ, по какъ же вы хотите, чтобъ я не предлагалъ этого вопроса? Къ чему ведутъ умъ и образованіе, коли направленіе дурно?

Катаясь однажды въ Ниццѣ (обыкновенно ѣздили мы въ Vallée des fleurs, любимую прогулку Цесаревича, гдѣ опъ, выйдя паъ коляски, ходилъ пѣшкомъ, опираясь одною рукою на мою руку, а другою на трость), онъ спросилъ меня, какъ я объясняю себѣ, что онъ пикогда не говоритъ о своей невѣстѣ и никогда не высказываетъ своихъ чувствъ къ ней.

— Я вовсе этому не удивдяюсь, отвъчадъ я: это дъло характера. Есть люди, которые чувствуютъ потребность раздълить радость и горе съ другими; есть и такіе, которые, чувствуя не менъе глубоко и искренно, не имъютъ этой потребности. Наконецъ, Ваше Высочество, можетъ быть, придерживаетесь изръченія Св. Писанія: «не мечите бисера»...

^{*)} См. вторую янигу "Русскаго Архива" сего года, стр. 211, 417 и 541.

— Это послъднее сравнение, замътилъ онъ, хотя и сильно, но болъе всего подходитъ къ моему положению. Подумайте сами: я окруженъ большею частию людьми, которые не только не женаты, но не были даже женихами. Еслибъ я выражениемъ своихъ чувствъ вызвалъ улыбку на устахъ ихъ, я никогда бы этого не простилъ ни имъ, ни себъ. Съ вами могу говорить я свободно, потому что вы прошли чрезъ все это, и теперь вамъ остались только воспоминания прошлаго счастия.

Графъ Строгановъ часто вызывалъ Цесаревича выразить мивніе о прочитанной имъ книгв. Вызовъ этотъ двлался, незамітно для юнаго воспитанника, тімъ, что почтенный старикъ, самъ прочитавъ книгу, высказывалъ нарочно мивніе совершенно противное его убіжденію приготовившись однако зараніве къ защить такого взгляда. Цесаревичъ тогда чуть не выходиль изъ себя; но ціль графа достигалась: Цесаревичъ съ жаромъ излагалъ свое мивніе, которое большею частію было не только вірно, но подкрітплялось аргументами и дополненіями, которые поражали основательностію воззріній, доказывая многосторонность образованія, память и зрітый умъ. Слушая его, невольно приходилось сравнивать мозгъ царственнаго юпоши съ сокровищняцею, изъ которой онъ, по мірів надобности, выдвигалъ ящики съ свідівніями ему нужными въ данную минуту.

Однажды вечеромъ, въ Ниццъ, на виллъ Дизбахъ, графъ Строгаповъ, после партін въ шахматы, заговориль объ исторія Бекля, только что прочтенной Цесаревичемъ и, отдавая во многихъ отношенияхъ справедливость автору, замѣтилъ, однако, и слабыя стороны сочиненія. Цесаревичь, винмательно прислушавшись къ этой критикъ, сталъ отстаивать Бёкля, отъ котораго быль въ восторгь и, уловивъ неточности въ обвиненіяхъ графа, разбивалъ аргументы его съ логичною последовательностію, которая поражала пасъ правильностію взгляда, красноръчісмъ и тымъ глубокимъ вниманіемъ, съ которымъ сочиненіе было имъ прочитано. Ръчь его продолжанась добрыхъ полтора часа, изръдка прерываемая графомъ и Б. Н. Чичеринымъ, который конечно быль на сторонъ Цесаревича. Когда мы вышли изъ комнаты Его Высочества, я не могъ воздержаться отъ выраженія удивленія моего всему, что выслушаль въ продолжения этой беседы. Въ особенности же пораженъ я былъ последовательностію изложенія взглядовъ Цесаревича, какъ одна мысль истекала изъ предшествовавшей и какая логическая между ними была связь.

 Да, отвъчалъ графъ; но меня развитіе это пугаетъ: оно не естественно и кажется миъ бользпеннымъ, оно указываетъ на неестественное напряженіе мозговых в нервовъ. — «А какъ вы полагаете, Борисъ Николаевичъ, продолжалъ опъ, вѣдь Николай Александровичъ по уму перещеголялъ насъ съ вами?» Чичеринъ разсмѣялся. «Да пеужели, графъ, вы только сегодия замѣтили это? Дайте этому юношѣ то, что мы пріобрѣли годами, опытность и пачитанность: это былъ бы геній».

Всё профессора Цесаревича были въ восторте отъ занятій и успёховъ его. Нёкоторые изъ свидётслей этого развитія еще живы. И. К. Гротъ, И. А. Гончаровъ, Ө. И. Буслаевъ, И. К. Бабстъ, М. М. Стасюлевичъ, Драгомировъ, С. М. Соловьевъ обожали въ юношё-Цесаревичё и безиримёрнаго ученика. С. М. Соловьевъ говорилъ миё послё кончины Великаго Киязя, что еслибъ изъ Московскаго Университета выходилъ разъ въ десять лётъ одицъ студентъ съ познаніями Русской Исторіи, каковыя имёлъ Цесаревичъ, то онъ считалъ бы свое призваніе исполненнымъ").

Однажды утромъ прівхаль къ Цесаревичу адмираль Льсовскій и донесь Его Высочеству, что на слідующій день онь отправляєтся со всею эскадрою въ Тулонь, чтобы присутствовать при стрільбі въ ціль Французскаго флота. «Въ которомъ часу предполагаете вы выйти изъ Вилла-Франки?» спросилъ Цесаревичь.—«Въ шесть часовъ утра», быль отвіть. — «Жаль, что такъ рано: иначе я полюбовался бы вами изъ окна», замітиль Его Высочество. «Такъ мы выйдемъ поэже, и въ девять часовъ Ваше Высочество увидите насъ противъ Ниццы», отвівчаль Лісовскій.

На слёдующее утро мы, по обыкновенію, пришли къ утреписму завтраку Цесаревича и при вході въ компату увиділи его стоящаго предъ стеклянною дверью балкона и смотрящаго на море. Онъ задумался до того, что не замітиль насъ и очнулся только когда графъ Строгановъ, подойдя къ нему, спросиль: «Чімь вы любуетесь?» Цесаревичь, какъ бы внезапно разбуженный, не могь тотчасъ придти въ себя. «Ахъ, сказаль онъ, я, любуясь эскадрою, забылся до того, что мий казалось, что я на «Александрі Невскомь», и что онъ меня уносить куда-то далеко, далеко».

Эти слова припомнились нами нѣсколько педѣль позже, когда было рѣшено везти тѣло Цесаревича на томъ же «Александрѣ Невскомъ».

Въ Февралъ 1865 г., послъвизита Французскихъ докторовъ Рейе и Пелатона, уснокопвшихъ насъ на счетъ здоровья Цесаревича, увърявшихъ

^{*)} Съ такъ поръ не стало ни Соловьска, ни Бабста, ни Гопчарова!

въ письмениомъ протоколъ, ими составлениомъ, что бользиь его есть укоренившійся ревматизмъ, и что послідовательное ліченіе наровыми душами и потомъ купанье въ Барьеръ-де-Люшонъ окончательно его поправять, я рышился на мысяць убхать въ Петербургь для свиданія съ д'ятьми монми, которыхъ оставиль на ц'ялый годъ на рукахъ людей почти чужихъ, и изъ которыхъ младшему было всего годъ и четыре мѣсяца. Готовясь къ отъъзду, я написаль въ Ливорно, генеральному консулу Погеннолю, прося его доставить мив скорве неуплаченные еще во Флоренціи счета за разныя вещи, тамъ заказанныя, и началь инсьмо съ того, что вду на 28 дней въ Петербургъ, уснокоенный протоколомъ Французскихъ врачей на счетъ здоровья Цесаревича. Въ отвътъ своемъ Погенноль пишетъ, что сраг malheur le professeur Burci, auquel j'ai montré votre lettre, ne partage pas l'optimisme des médecins francais, *). И показаль это письмо графу Строганову и замѣтиль, что Бурчи, приглашенный во Флоренція на консультацію, не имветь права ограничиваться этою фразою, а обязань высказать болье подробно свое микніс. Графъ одобриль это замъчаніс, и я сообщиль его Погенполю. Тогда мив была прислана копія съ подробно изложенняго взгляда Бурчи на бользиь, которую онъ приписываль страдацие позвоночнаго столба и указываль на лъчение ся прижиганиемъ, однако выражая опасение за безнолезность и этого способа. Эта копіл была мною сообщена, конечно, графу и О. Б. Рихтеру, и по приглашению перваго, въ его присутствін, прочитана д-рамъ Шестову и Гартману. Но заблужденіе обонхъ было такъ велико, что они ни за что не хотели согласиться съ мибпісмъ единственнаго врача, повидимому, не отповившагося, и когда я позволиль себь замьчаніе, что постоянныя головныя и спинцыя боли и топпота указывають на мозговыя страдація, Пестовъ вышель изъ себя и, обратясь ко миж, съ запальчивостно сказаль: «вотъ вы будете еще распространять подобныя неявности; это просто malaria, мъстиая лихорадка». Страшно подумать, что къ мъсту, гдъ былъ нарывъ (какъ по вскрытій тыла оказалось) примынялись паровыя души: лучній способы къ быстрышему вскрытію парыва внутрь. Ціль эта и была достигнута: нарывъ просвердилъ позвонокъ, и когда косичася оболочки спинцаго мозга, то воспаление съ быстротою прошло по всему спинному столбу и мозгу въ головной мозгъ.

Изъ Ниццы отправились одновременно со мною Скарятивъ и генералъ Кубе. Оба должны были остановиться въ Парижъ для разныхъ заказовъ, а оттуда Скарятивъ имълъ поручение ъхать въ Данію, для

^{*)} Къ песчастію, профессоръ Бурчи, которому и показываль ваше письмо, не раздъяветь благопріятнаго мизнія Французскихъ врачей.

личныхъ переговоровъ съ королемъ и королевою Датскими по поводу приготовленій къ бракосочетанію, и условиться на счетъ временнаго пребыванія Принцессы Дагмаръ въ Няццѣ и потомъ въ Югенгеймѣ. Желали, чтобы Привцесса прівхала съ гувернанткою, а не съ королевою и чтобы въ Данів не заботились о приданомъ. Я позволилъ себѣ Цесаревичу сказать, что въ частныхъ семействахъ никогда не допускается, чтобы певѣста жила у матери жениха и что какъ бы скро"но ни было приданое невѣсты, пельзя лишить мать удовольствія приготовить къ вѣнцу то, что сдѣлать позволяютъ ся средства. Цесаревичъ вполнѣ понялъ это, но рѣшеніе было псполнено только въ отношеніи приданаго. Увы! Невѣста пріѣхала съ матерыю, но для того, чтобы закрыть на вѣки глаза Августѣйшему жениху своему.

Въ Парижѣ пробылъ я только сутки и на четвертый день по выѣздѣ изъ Ниццы прибылъ поздио вечеромъ въ Петербургъ. На пути испыталъ я чувство, котораго пикогда не знавалъ. Радовался я, конечно, свиданью съ дѣтьми, но скверпѣйшая погода и холодъ мѣшали этой радости; когда же я прибылъ на одну изъ станцій, не доѣзжая Луги (Серебрянку или Бѣлую, не помию) и вышелъ изъ вагона, то былъ пораженъ прелестною картиною: бѣлос, спѣжное, безграничное пространство было ярко освѣщено солицемъ на безоблачномъ пебѣ. На дворѣ стояла тройка, кого-то ожидавшая. Воздухъ былъ такъ чистъ и насыщенъ особымъ спѣжнымъ запахомъ, который извѣстенъ только намъ, сѣвернымъ жителямъ, и встрѣчается на Альнійскихъ ледникахъ. Н не могъ надышаться этимъ воздухомъ.

Мић были даны письма, которыя я на другой день утромъ отвезъ въ Зимній дворецъ. Сперва я явился къ Великимъ Князьямъ Александру и Владимиру Александровичамъ, и Ихъ Высочества взялись немедленно донести о прибытін мосмъ Государю Императору.

«Ты решился выбхать изъ Ниццы, успокоенный Французскими врачами на счетъ здоровья сына?» былъ первый вопросъ Государя.

- Точно такъ, Ваше Величество, отвъчалъ я; дай Богъ, чтобъ они были правы!
- «Да ты какъ будто сомивнаешься. Не воображаешь ли быть болъе върнымъ судьею бользни, чъмъ они? Да съ какихъ поръ позволяешь ты себъ суждение по медицинъ?» строго и все болье возвышая голосъ, говорилъ Государь. Но я писколько не смутился. «Страхъ, Государь, боязнь за жизнь Цесаревича, заставляетъ задумываться надъ тъмъ, что мы, окружающие Его Высочество, видимъ и замъчаемъ.

Онъ таетъ какъ свъча, силы не возвращаются. Лъченіе, предписанное Нелатономъ и Рейс, писколько до сего времени не помогаетъ; напротивъ того появились симптомы, которые скоръе указываютъ на то, что правы не эти врачи, видъвшіе Цесаревича въ продолженіе какогонибудь часа, а скоръе профессоръ Бурчи, пользовавшій Его Высочество во Флоренціи.—«Да, что же опъ говоритъ?» спросилъ Государь.—Вотъ, письменное изложеніе его мизнія, отвъчалъ я, и выпулъ изъ кармана письмо Поггенполя, мною нарочно взятое съ собою.

Иисьмо профессора Бурчи:

Mon opinion sur la maladie du Grand-Duc Héritier de Russie, que j'eus le grand honneur de voir et de visiter en consultation ici à Florence, est: 1-o) Qu'elle est déterminée par une affection chronique inflammatoire de l'épine et particulièrement d'un corps vertébral lombaire, là où la douleur a été toujours fixe, soit forte, soit faible, soit à gauche, soit à droite. 2-o) Que cette maladie, par laquelle sont affectés les muscles, mais d'une manière secondaire, a été causée, je crois, par la malheureuse chute de cheval faite par Monseigneur et après laquelle Son Altesse Impériale a toujours en quelque sensation douloureuse au dos et le commencement de la courbure en avant. 3-o) Que cette affection chronique lombaire, si elle peut se guérir par elle-même et par la ressource de l'âge, et par un régime de vie tel à empêcher les mouvements brusques et violents du dos, elle peut aussi s'améliorer par l'effet d'irritations permanentes vis-a-vis de la douleur et faites spécialement avec les petits cantères ou moxa, répétés jusqu'à ce que les douleurs se soyent entièrement dissipées.

Къ этому мивнію профессора Бурчи Погенноль прибавиль:

M-r Burci a ajonté, que la maladie de Son Altesse Impériale peut être guérie, mais uniquement à la suite d'une cure qui ne saurait être de courte durée. Par contre, il y aurait, à son dire, à craindre la formation d'un abcès, chose qui serait très grave.

Государь внимательно прочель письмо и, возвращая мив его, сказаль. «Странно, по Здекауеръ говорить тоже! Повзжай къ нему, покажи письмо и скажи ему, чтобъ онъ завтра прівхаль ко мив».

Я исполнилъ тотчасъ это приказаніе. Здекауєръ, оказалось, смотрѣлъ глазами Бурчи и спросилъ меня, сдълали ли Французскіе врачи то, что необходимо было для разузнанія и опредѣленія болѣзни: провели ли они губкою, насыщенною горячею водой, по позвоночному столбу?—Нътъ, отвѣчалъ я; они только гуттанерчевымъ молоточкомъ посту-

кивали по позвонкамъ. — «Этого педостаточно», замѣтилъ опытный эскулапъ, и былъ правъ.

На савдующій день фельдъегеръ прівхалъ съ извъстіемъ, что Государь меня требуетъ къ себь. Пемедленио посившиль я во дворець и быль принять необыкновенно милостиво. Государь какъ бы сознавался въ томъ, что напрасно меня побранилъ, и благодарилъ меня за то, что я отъ него не скрылъ, что зналъ.— «Ты одинъ мив сказалъ правду, между тымъ всь высти получаемыя мною изъ Ниццы только сбивчивы и, какъ оказывается, неосновательны». — Это потому, Ваше Величество, что съ одной стороны всь врачи на мысты судять одинаково и смотрять глазами Французскихъ авторитетовъ, а съ другой, никто не рышается высказывать иное мивніе изъ опасенія, чтобы не лишить Императрицу спокойствія, въ которомъ она такъ нуждается.— «Такъ мивніс Бурчи ей неизвыстно?» спросиль Государь.— Нытъ, Ваше Величество. Только графъ Строгановъ, Рихтеръ и оба наши врача его знаютъ, отвычаль я. — «Тымъ лучше; прошу и впредъ хранить эту тайну и, главное, отъ быдной жены!»

Предъ отъвздомъ моимъ я вновь явился къ Государю и былъ тутъ имъ даже обласканъ. Онъ мив вновь напоминлъ о тайцв и далъ мив письма къ Императрицв и Цесаревичу.

По возвращении мосмъ въ Пиппу, куда я провхалъ безостановочно (вывхалъ въ Среду, прибылъ въ Ниппу въ Субботу вечеромъ), я засталъ тоже. Въ 28-мь дией отсутствія не произошло инчего особеннаго: положеніе Цесаревича писколько не улучшилось. Я засталъ его уже въ Villa Bermont, потому что шумъ волиъ на берегу моря лишалъ его спа. На другой же день Его Высочество, отправляясь на ежедневную прогулку, взялъ меня съ собою и сталъ разспрашивать о томъ, что дълается въ Петербургъ, и что дълаютъ его братья. Между прочимъ я съ полною откровенностію разсказалъ то, чего былъ свидътелемъ... «За брата Сашу я не боюсь: это душа чистая и прозрачная какъ кристалъ». До какой степени оцъпка эта была върпа и оправдывается и нынъ, знаетъ весь народъ Русскій.

Вскорт по прітадт моемт, и именно въ Воскресенье на Масляницт, поручено мит было тать на Комское озеро, для прінсканія поміщенія тамъ Цесаревичу на нісколько неділь до отвітада въ Люшонъ. Графъ Шуваловъ предлагаль нанять виллу Carlotta или Sommariva за 15.000 фр. въ місяць, безъ посуды и бітлья, одні только голыя стіпы. Мит показалось это слишкомъ дорого, а потому я предложиль графу Строганову съйздить въ Комо и посмотріть на місті другія виллы.

На пути изъ Милана въ Комо, я въ вагонъ познакомплся съ содержателемъ одной изъ извъстивинихъ гостиниицъ, г. Рейхманомъ, который тотчасъ же предложилъ осмотръть виллу Сиггу (Кёрри), владълецъ коей поселился въ Индіп, поручивъ Рейхману свою виллу. Переговорено было обо всемъ на пути въ Комо. Рейхманъ взялся поставить все намъ необходимое и спабжать какъ провизісю, такъ и всъмъ, что понадобится. Цъна за виллу была 2.500 фр. на два мъсяца. Прибывъ въ Комо, я на слъдующій день посовътовался съ княземъ А. В. Трубецкимъ, жившимъ тогда еще съ женою (рожд. Тальоня) и дътьми на своей виллъ, гдъ я провелъ иъсколько весьма пріятныхъ часовъ, хотя тогда уже замътно было иъкоторое охлажденіе княгини къ своему старому, по въчно юному повъсъ-мужу.

Вилла Кёрри во всёхъ отношеніяхъ представляла удобства, которыхъ на виллё Sommariva найти было невозможно. Уже то обстоятельство, что до нея можно было доёзжать изъ Комо и водою, и сухимъ путемъ, представляло большое преимущество, ибо давало возможность совершать предсстиня прогудки въ экинажъ. Близость же къ городу обезпечивала насъ отъ всякихъ случайностей.

Возвратился я въ Иницу въ Субботу на Страстной очень рано, въ нестомъ часу утра, и тотчасъ, нереодъвникъ, явился къ гр. Строганову, который совътовалъ миъ посиъщить къ Цесарсвичу, ожидавшему съ нетериъніемъ моего возвращенія. При этомъ графъ сказалъ, что головныя боли и топпота уменьшились и явился лучъ надежды.

Я повхаль на виллу Бермонъ, гдв засталь Цесаревича въ его комнать, сидищимъ въ креслахъ, лицомъ къ свъту. - «А, маленькій Оедоръ Адольфовичь (такъ называль онъ меня пногда шуткою, при чемъ обыкновенно обинмаль одною рукою, чтобы показать, пасколько опъ быль выше меня ростомъ), что скажете, какъ съвадили, что пашли для меня?» Я передаль, въ подробности все, что следовало ему узпать, что могло его интересовать и утынить; показаль ему планъ озера, рисунокъ, изображающій видлу, и сообщилъ, что я объщаль Рейхману отсюда написать объ окончательномъ ръшеніи, потому что я даже не выдаль ему вадатка. Когда докладъ мой быль оконченъ, Цесаревичь благодарилъ меня, выразилъ удовольствіе, что не пужно было платить огромной суммы, которая спрацивалась за виллу Sommariva, и прибавиль: «Ахъ, лишь бы выбраться отсюда! Богъ знаетъ удается ли и-когда?» Я взглянуль ему въ глаза и туть съ ужасомъ замътиль страшное расширеніе зрачка. Я до того быль этимъ поражень, что прямо оть Цесаревича полетвлъ къ графу, чтобъ сму передать замвченное. Старикъ быль крайне встревожень. «Слёдовательно, все-таки мозговыя явленія; что теперь скажуть эти нев'вжды?» Эти слова, конечно, относились къ врачамь. Графъ немедленно отправплся на виллу Бермонъ. Войдя въ комнату Цесаревича, онъ спросилъ, какъ можно спокойнѣе, какъ Его Высочество себя чувствуетъ? «Спалъ я порядочно, по чувствую себя утомленнымъ; къ тому же все двоится въ глазахъ». — Да это потому, что Вы сидите противъ свъту; я затворю ставни.—Графъ закрылъ окна ставиями и спросилъ Его Высочество: Ну, какъ теперь?—«Все тоже: я вижу васъ о двухъ головахъ».

Пошли толки и пересуды между графомъ и врачами, по тайно, такъ что Императрица объ этомъ не узнада.

Былъ я въ этотъ же день у графии Адлербергъ и на вопросъ: «Eh bien, comment avez vous trouvé le Grand - Duc?» я отвъчалъ ей: «Je crains que ce que j'ai remarqué ce matin ne soit un symptôme du commencement de la fin»*).

Это все, какъ сказалъ я, произошло въ. Субботу на Страстной. Послъ Пасхальной заутрени, предъ тъмъ какъ ъхать на разговънье къ Императрицъ, я заъхалъ на виллу Бермонъ, чтобы узнать, какъ спитъ Песаревичъ. Вошелъ къ Ряхтеру и спрашиваю. Въ эту минуту слышу: «Костинъ!» (зовъ камердитера, почтепнаго старика, върпъйшаго слуги Цесаревича).—«Вотъ такъ проходитъ вся почь!» зачътилъ Оттонъ Борисовичъ.

Когда я подпялся къ Императрицъ съ поздравленіемъ, я чутьчуть не разрыдался. Бъдная мать, опа не предчувствовала, что любимецъ ея на краю могилы. Ужасно! Но Государю уже было сообщено по телеграфу объ угрожающей опасности, и въ тотъ же день выъзжалъ изъ Петербурга въ Инццу Великій Князь Александръ Александровичъ въ сопровожденіи графа Перовскаго и Здекауера.

Въ Воскресснье, т. с. въ первый день Пасхи, мы утромъ прівхали въ мундирахъ на виллу Бермонъ; по пикто изъ свиты не былъ принятъ, кромъ дежурнаго. (Мы чередовались въ дежурствъ на виллъ Бермонъ). Цесаревичъ велълъ благодарить насъ и сказать, что онъ пришлетъ за нами позже, когда почувствуетъ себя лучше.

Весь день просидъли мы дома въ ожиданіи, по напрасно. Въ Понедъльникъ утромъ прибъгаетъ изъ виллы Бермонъ лакей съ запискою Рихтера къ гр. Строганову, въ которой извъщается, что у Цесаревича ударъ.

^{*)} Ну какъ вы нашли Великаго Киязя?—Боюсь, чтобы замъчениое мною сегодин утромъ не указывало на начинающийся конецъ.

Не стану говорить, что мы почувствовали при этомъ роковомъ извъстіи. Графъ и я бросились въ первый попавшійся намъ экипажъ и поскакали въ домъ, гдъ происходила страшная драма.

Цесарсвичь проспувшись держаль лѣвою рукою свою правую руку и вообразиль, что опъ держить руку Рихтера.—«Зачѣмъ ваша рука туть?» спросиль опъ Оттопа Борисовича, но такъ невиятно, какъ будто бы во рту была каша.—«Какъ моя рука?» спросиль Рихтеръ. Тутъ самъ Цесаревичъ замѣтилъ, что опъ держитъ свою совершенно безчувственную руку. Сомпѣнія въ парадизіи не могло уже быть. Но паліяніе въ мозгъ вѣроятно было такъ ничтожно, что черезъ 1½ часа, все пропіло безслѣдно.

Между тъмъ поднялась страшпая суета въ сосъдиихъ компатахъ и на всей виллъ. Пріъхала Императрица и вошла въ Цесаревичу. Аппа Оедоровна Тютчева стала требовать священника и распоряжаться безъ спросу и въдома тъхъ, которые болье имъли права на эти распоряженія. Графъ Строгановъ, писколько не стъспаясь, замътилъ ей: Vous n'avez rien à dire et à faire ici; allez vous en*). Эти ръзкія слова послужили поводомъ въ обвиненіямъ старика и въ измышленіямъ на его счетъ, которыхъ опъ конечно не заслуживалъ.

Цесаревичъ однако одълся и сълъ въ свое кресло. Императрица, сидя возлъ него, сама заговорила о священникъ. «Ты знаешь», говорила она, «что есть обычай въ Понедъльникъ на Святой пріобщать дътей; такъ какъ ты пынъ не говълъ, то не желаешь ли и ты сегодия пріобщиться Св. Тайнъ?»

Цесаревичъ, послѣ пѣкотораго молчанія, отвѣчалъ: «Да, по псповѣдываться и не буду».— «Почему же?»—«Потому что педостаточно подготовленъ къ исповѣди».— «Дорогой мой, но вся болѣзпь твоя была подготовленіемъ къ этому тапиству».

Цесаревичъ, вновь подумавъ, отвъчалъ: «Впрочемъ я согласенъ; ибо убъжденъ, что какъ бы долго и искренио человъкъ ин готовился къ этому таинству, опъ никогда не былъ и не будетъ достоинъ милосердія Божія!»

Приглашенъ былъ настоятель православной церкви, тогда еще молодой священникъ Прилежасвъ. Видълъ я его послъ совершенія тапиства въ слезахъ. «Никогда не случалось мит встрычать въ юпошт такой глубокосознательной втры какъ въ Цесаревичъ. Исповтдь и молитвы его проявили въ немъ истипнаго христіанина».

Таковымъ мы его знали всю его жизнь до последней минуты.

^{*)} Вамъ здъсь нечего говорить и дълать; уходите.

Во Вторинкъ 6 го Апръля прибыль въ Ниццу Великій Князь Александръ Александровичъ; по Цесаревичу не ръшались тотчасъ же сообщить эту радостную для него въсть, дабы пабъжать возбужденія. Но Здекауера тотчасъ же пригласили къ больному.

Слъдуетъ замътить, что наканунь было приглашено пъсколько врачей: Циммерманъ, Рикаръ, Вахю и Рербергъ. Послъдий, Русскій подданный, внервыя опредълилъ бользнь Цесаревича Латинскимъ названісмъ: «Meningitis cerebro-spinalis» и подтвердилъ его подробнымъ описанісмъ въ медицинскомъ сочинсній, которое далъ прочесть Рихтеру. Сомивнія, казалось, не могло уже быть. Къ этому названію, посль уже вскрытія, д-ръ Опольцеръ прибавилъ слово: «tuberculosa».

Здекауеръ желалъ осмотръть синиу больнаго. Когда его принодияли, Цесаревичъ посмотрълъ въ зеркало, въ которомъ отражалась едва отворениая дверь; за нею стоялъ Великій Киязь Александръ Александровичъ, синною къ свъту, такъ что разглядъть лица было почти невозможно.— «Саша!» вскрикнулъ Цесаревичъ.— «Кого вы зовете?» спросилъ Рихтеръ.— «Да въдь это братъ Саша въ дверяхъ; неужели вы думаете обмануть меня?»

Замѣчательно, какъ напряжена была вся нервиая система бъднаго страдальца. Опъ почти постоянно лежалъ въ забытьи, по при малѣйшемъ шорохѣ тотчасъ приходилъ въ себя и говорилъ какъ здоровый. Голова была вполиѣ свѣжа.

Здекауеръ посовътовалъ приложить къ затылку шпанскую мушку; по такъ какъ больной въ забытьи безпрестанно срывалъ ее и только вызывалъ этимъ безполезное раздраженіе, то рѣшено было наблюдать за больнымъ чрезъ маленькое отверстіе, которое Рихтеръ сталъ вырѣзать въ шелковой тафтѣ ширмъ. Больной тотчасъ же очнулся. «Что вы тамъ дѣласте?» спросилъ онъ.— «Вышимаемъ булавки, чтобы не упали на вашу подушку», былъ отвѣтъ.— «То-то; а я думалъ, что вы вырѣзали отверстіе, чтобы слѣдить за миою».— «Да еслибъ и такъ, что же было бы въ этомъ дурнаго?» спросилъ Рихтеръ.— «Какъ, Оттонъ Борисовичъ? Изподтишка паблюдать развѣ хорошо, въ особенности за безномощнымъ больнымъ?» замѣтилъ Цесаревичъ.

Въ Субботу на Пасхѣ прибылъ Государь и съ нимъ королева Датская съ Принцессою Дагмаръ. Я былъ въ числѣ встрѣчавшихъ на станціи и оттуда поѣхалъ въ домъ, отведенный для королевы. Миѣ было суждено заявить Ея Величеству, въ присутствія Принцессы, о безнадежномъ положенія больнаго. О прівздв Государя пужно было опять объявить Цесаревичу съ большою осторожностію. Сдвлала это Пмиератрица. Я, будучи дежурнымъ, былъ свидвтелемъ сцены, которая пикогда не изгладится изъ намяти моей.

Ихъ Величества вошли въ компату больнаго вмѣстъ; по Государь остался за ширмами, а Императрица подошла къ кровати. Цесаревичъ, лежавшій въ безпамятствъ, тотчасъ пришелъ въ себя, взялъ руку матери и, по обыкновенію, сталъ цъловать каждый палецъ отдъльно.— «Бъдная ма, что ты будень дълать безъ твоего Пики?» спросилъ опъ, глядя на мать. Въ первый разъ опъ при ней высказалъ сознаніе своего положенія.

«Дорогой мой», отвѣчала Императрица, «зачѣмъ такія грустныя мысли? Ты знаешь, что насъ ожидаетъ радость».—«Я зпаю, что ожидали на, но теперь увѣренъ, что онъ уже пріѣхалъ». Государь, услышавъ эти слова, вышелъ изъ-за ширмъ и, опустившись предъ страдальцемъ-сыпомъ на колѣни, сталъ цѣловать руки больнаго.

И не утеривлъ при видь этой раздирающей сцены и, едва удерживая рыданья, вышелъ изъ комнаты. Государь бывалъ строгъ къ своему Наслъднику, скажу даже, въ пъкоторыхъ случаяхъ, пемилосердъ, и мив казалось, что въ эту минуту опъ почувствовалъ потребность пъжностію изгладить все, что могло остаться въ памяти сыпа изъ бользисныхъ ощущеній, которыя вызываемы были ръзкими замѣчаніями, запрещеніями выражать мнѣпія, молокососу, какъ овъ его пазывалъ. Пикогда не забуду горькихъ слезъ Цссаревича, посль прочтенія ему оффиціальной бумаги министра двора графа В. О. Адлерберга къ Рихтеру, въ которой ему было сообщено Высочайшее повельніе объявить Его Высочеству, чтобы опъ инкогда не утруждаль Государя Императора личнымъ ходатайствомъ по прошеніямъ, на ямя Цесаревича поступающимъ.

Были минуты трогательныя, когда вошла Певъста умирающаго, когда опъ, смотря на исе, говорилъ Императрицъ: «Не правда ли, какая опа милая?» когда опъ держалъ руки стоявшихъ съ объихъ сторонъ его одра любимаго брата и дорогой нареченной его; когда опа, эта бъдная, едва познавшая первую любовь, стоя на колъияхъ у изголовья царственнаго жениха своего, молилась за него, или ноправляла подушку, на которой покоилась голова съ этимъ чистымъ, непорочнымъ ликомъ.

Такъ пропіла Суббота, и паступиль посл'ядній день земной жизни страдальца. Опъ только изр'ядка приходиль въ себя, не смотря на то, что постоянно кто нибудь изъ близкихъ сердцу его находился при немъ. Съ Государемъ прибылъ и Пироговъ, и въ Субботу же прівхалъ и Опольцеръ, выписанный изъ Ввны по совъту Здекауера. Совъщанія ихъ конечно не могли уже имъть успокоительныхъ результатовъ. Ни одинъ изъ нихъ пе сомиввался въ опредъленіи бользии и въ безнадежности положенія. Мит случалось быть много съ инми, ибо на меня было возложено заботиться о номъщеніи ихъ и обо всемъ, что должно было дълать по ихъ требованію. Въ Воскресенье, вечеромъ 12-го Апръля, всты уже стало извъстнымъ, что паступили послъдніе часы земной жизни обожаемаго Великаго Киязя, первенца царскаго, Паслъдника Престола, этого чуднаго юноши, дорогаго Пиколая Александровича.

Когда я имълъ несчастіе лишиться и жены, и прелестной дочери, маленькой Лины, я примирился съ мыслію о смерти, потерялъ къ ней страхъ и говорилъ себф: худшаго уже не будетъ! Не думалъ я тогда, что ожидаетъ меня въ близкомъ будущемъ еще ударъ непредвидънный, невоображаемый, что предстоитъ разлука съ царственнымъ юношей, къ которому я привязался отъ всего сердца, отъ всей души, которому, послъ потери жены, всецьло посвятилъ жизнь и, въ предълахъ ограниченныхъ способностей моихъ, готовъ былъ служить до гроба.

Туть и постигь, что есть въ жизни испытанія, въ которыхъ человѣкъ, до наступленія ихъ, пе отдаетъ себѣ отчета, о которыхъ опъ
не можетъ составить представленія и которыя могутъ быть самаго
разнообразнаго свойства, какъ и самыя чувства затрогиваемыя или поражаемыя болѣзисниыми ударами. Любовь къ матери, къ женѣ, къ дѣтямъ, къ отечеству, царю, къ ближиему, къ человѣку или человѣчеству
вообще пастолько же различна, какъ разнообразны движенія сердца,
радостныя и печальныя ощущенія, испытываемыя въ одинаковой почти
степени.

На виллѣ Бермонъ собралась вся Царская семья, всѣ приближенпыс Ихъ Величествъ у умирающаго Цесаревича. Были тутъ же и медики. Всѣ компаты почти были переполнены, а между тѣмъ господствовала мертвая тишина: пикто не рѣшался произнести слово и парушить молчаніе. Всѣ въ оцѣпенѣпіп прислушивались, со страхомъ ожидая роковой минуты.

Въ одной изъ смежныхъ комнать было духовенство. Три раза оно было призываемо въ комнату Цесаревича для чтенія отходной. Два раза прерывалось чтеніе, потому что въ первый разъ онъ совершилъ надъ собою крестное знаменіе, а во второй замѣтили слезы, текшія изъ глазъ кончающагося. Впечатлѣніе было удручающее. Наконецъ, во время третьяго чтенія, чистая душа его отошла въ вѣчность!

О горе! Есть ли предълъ тебъ для тъхъ, которые имъли счастіе знать преставившагося? Не умреть съ нимъ память о пемъ, не изсякнуть слезы, проливаемыя при воспоминаніяхъ о свътломъ явленіи его. Осталось одно: это въчное благодареніе Господу за то, что сподобилъ Онъ избраннымъ видъть, знать и цъппть покойнаго Цесаревича.

Вся жизнь его-легенда, еще не нашедшая достойнаго пъвца.

Графъ Строгановъ, просвдѣвшій въ сосѣдней комнатѣ молча пѣсколько часовъ, при произпесеніи роковаго слова, всталъ и немедленно уѣхалъ домой. Я послѣдовалъ за нимъ. Постигнуть его печаль могли только пемногіе, только тѣ, которые знали его. Онъ не только любилъ Цесаревича самою безкорыстною любовью, онъ гордился имъ, потому что не могъ не видѣть и не сознавать пользу имъ принесенную первенцу Царскому. Я былъ свидѣтелемъ, какъ принялъ графъ извѣстіе о смерти сына п какъ на него подѣйствовала кончина лучшаго его воспитанника. Въ первомъ случаѣ не проронилъ онъ почти ин слезники; во второмъ онъ рыдалъ, какъ не рыдали люди моложе его.

Сколько грѣха приняли на себя тѣ лица, которыя упрекали графа въ суровости, въ жесткости, въ излишнемъ напряжения умственныхъ силъ Цесаревича! Почему, при жизни его, не спрашивали они его самого, страдаетъ ли онъ подъ этимъ правственнымъ гнетомъ? Узнали бы они тогда, что не Цесаревичъ былъ покоренъ чарующею прелестью юноши. Близорукость и злоба людекая посившили разпести но Россія нельпъйшіе слухи, толками и даже письмами. Мић случилось прочесть письмо, въ которомъ приближенная къ Императрицѣ особа писала въ Москву, будто графъ не хотѣлъ даже проститься съ тѣломъ Цесаревича, послѣ копчины его, ибо пемедленно уѣхалъ домой; будто на другой день уже, подойдя къ одру, на которомъ лежалъ безжизненный трунъ дорогаго воспитанника, онъ костыдемъ своимъ принодиялъ вуаль, которою былъ приврытъ ликъ его.

Если лицо, имъвшее всю возможность знать правду, писало это, если опо неспособно было понять, что графъ, пораженный, убитый горемъ, хотълъ проститься навъки съ юношей, въ воснитавіе и образованіе коего опъ вложилъ всю душу, наединъ, безъ постороннихъ свидътелей своего горя; если опо, говорю я, было въ состояніи взвести на старика подобное обвиненіе то что же удивляться, когда посторонніе создавали Богъ въсть какія небыляцы или, новторяя то, что распространяли люди приближенные, не стъснялись бросать грязью въ него, чистаго, безкорыстнаго, безупречнаго старца, на закатъ дней

отрекшагося отъ спокойствія, отъ любимыхъ занятій, отъ семейной жизни, чтобъ оказать Царю и Отечеству великую услугу, для которой втораго достойнаго найти было невозможно. Опъ смотрѣлъ на себя, какъ на человѣка, который внезанно очутился внѣ всякой сферы дѣятельности, котораго роль окончена. Такъ, на предложеніе, ему сдѣланное, дежурить при гробѣ, онъ отказался; когда же было рѣшено, что тѣло будетъ перевезено моремъ въ Пстербургъ, онъ по необходимости сложилъ съ себя эту представительную роль (которая была возложена, послѣ отказа его, на генералъ-адъютанта Николая Пиколаевича Анненкова), потому что не переносилъ морскихъ путешествій.

Государю угодно было, чтобы тёло Цесаревича было перевезено на фрегать «Олегь», и стали уже дёлать псобходимыя на немъ приготовленія. Тогда графъ Строгановъ всноминдъ, какъ, вёсколько времени назадъ, Цесаревичъ въ воображеніи перепесся на «Александра Невскаго», уносившаго его куда-то вдаль, о чемъ было уномянуто выше, и замѣтилъ, что сслибъ назначенъ былъ «Александръ Невскій», то онъ видѣлъ бы въ словахъ нокойнаго предчувствіе; но такъ какъ назначенъ «Олегь», то конечно и рѣчи объ этомъ быть не можетъ.

Между тъмъ получается телсграмма изъ Петербурга, въ которой Русскій флотъ проситъ Государя, въ видъ особой милости, назначить виъсто «Олега»—«Александра Певскаго». Когда Государь изъявилъ на это согласіе, мы всъ были поражены страннымъ совпаденіемъ дъйствительности съ тъмъ, что было создано воображеніемъ.

Тъло Цесаревича было вскрыто и бальзамировано. Автонсія произведена Пироговымъ, а Здекауеръ подъ диктовку Опольцера составилъ описаціе всего оказавшагося при вскрытіи, т. е. протоколъ, который былъ подписацъ тремя врачами и графомъ А. В. Адлербергомъ, присутствовавщимъ при вскрытіи.

Оказалось между прочимъ, какъ и предполагали медицинскіе авторитеты, что одновременно съ воспаленіемъ оболочки спипнаго и головнаго мозга, происшедшимъ отъ нарыва въ спипныхъ мускулахъ п косинувшимся позвоночнаго столба, вся мозговая оболочка была воспалена, желъзы отчасти чрезмърпо увеличены, отчасти перепли въ нагноеніе. Въ головномъ мозгу и въ легкихъ найдены туберкулы, застарълыя и свъжія; на внутренней поверхности черепа соски костяные, и пъкоторые изъ нихъ углублялись въ головной мозгъ.

Опольцеръ, видя скорбь мою, сказалъ мив, какъ бы въ утвшеніе следующее: «Болезиь, которою страдалъ покойный, встречается редко; узнать ее во время почти невозможно, о ней можно было только слу-

чайно догадаться, да и тогда всё мёры къ излёченію не спасли бы больнаго, а только продлили бы его жизнь, конецъ же быль бы ужасный: полный идіотизмъ послё страшныхъ страданій. Ложное лёченіе, въ особенности паровыя души, ускорило болёзнь и уменьшило страданія. Это должно уснокоить тёхъ, которые любили покойнаго и конечно желали для него насколько возможно меньше физическихъ мученій».

Государю угодно было, чтобы тёло Цесаревича было положено въ гробъ его свитою. Оно было покрыто грудою цвётовъ и почти исключительно бёлыхъ. Между пими было очень много померанцоваго цвёту, который, осыпаясь, образовалъ силошную массу, провикшую даже подътёло. Миё пришлось стоять между изголовьемъ и ногами, а потому поднять тёло снизу. Только я усиёлъ просунуть обё руки, какъ почувствовалъ сильнёйшій жаръ. Прикосновеніе растительныхъ веществъ къ органическому тёлу вызвало броженіе, которое могло бы имёть разрушительное вліявіе и дойти даже до горёнія. Вотъ почему въ гробъ уже цвётовъ не клали, а были положены сухія пальмовыя вётви, которыя были принесены Цесаревичу въ Вербную Субботу вмёсто вербы. Одна вётвь долгое время лежала на могилё его въ Петропавловскомъ соборё. Тенерь ея уже пётъ.

Мив неоднократно приходилось дежурить при гробв, и каждый разъ съ покойнымъ ныив княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Въ первый разъ это было ночью, съ 2-хъ до 6-ти час. утра. Когда я глядвлъ на старика, мив пришла мысль: не слагается ли въ эти минуты въ головв поэта ивснь о молодомъ Цесаревичв, столь преждевременно вырванномъ пеумолимою смертію изъ объятій любящихъ его царственныхъ родителей, братьевъ, невъсты? Можетъ быть, я былъ правъ, потому что вскорв появилось прелестное стихотвореніе князя на смерть Цесаревича.

Вечеромъ на берегу моря.

Плыветь онъ, молодой Царевичъ, Объятый непробуднымъ сномъ, И этотъ мъсяцъ, эти звъзды Горятъ надъ царскимъ кораблемъ.

По онъ не видить ихъ сіянья, Онъ не любуется на нихъ: Въ тъни и въ тишинъ молчанья Прилегъ Царевичъ и притихъ.

Не слышить онь, какъ плескомъ дружнымъ Волна грохочеть за волной, Какъ вътерокъ подъ небомъ южнымъ Играетъ зыбью голубой.

РУССКІЙ АРЖИВЪ 1896.

По лону зеркальнаго моря Пловець невидимый скользить, И къ утру золотая зоря Его лица не озарить.

Плыветъ онъ къ берегу родному, Гдѣ онъ разцвѣлъ и возмужалъ, Гдѣ втайнѣ подвигу святому Себя въ грядущемъ обрекалъ,

Гдв быль онъ радостью семейной, Надеждой царства своего, Гдв Мать мольбой благоговвиной Молила Промысль за него,

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ Онъ въру, мудрость, кроткій нравъ; Чтобъ былъ и чистъ онъ передъ Богомъ, И передъ каждымъ ближнимъ правъ.

Народъ, подъ красотою личной Любя и сердца прелесть въ немъ, Ждалъ, что сберетъ онъ плодъ сторичной Съ бразды, засъянной Отпомъ;

Что будеть онъ Отцу дотол'в Сподвижникъ съ ранняго утра, Съ нимъ обработывая поле На жатву пользы и добра.

Гаданья свётлыя напрасны! Имъ сбыться не дано судьбой: Надеждъ грядущихъ цвётъ прекрасный Сраженъ внезапною грозой.

Изъ странъ далекихъ ожидая Того, кто въ край родной плыветь, Народъ, Царевича встръчая, Не скажетъ: "Се Женихъ грядеть!"

Не радости, не ликованій Готовить онъ ему привъть, А скорби, плача и рыданій, Какимъ подобныхъ въ міръ нъть.

Разрознены судьбиной мрачной Два бытія родныхъ сердецъ, И разомъ царственный и брачный Съ чела младаго паль вѣнецъ.

И онъ, Царевичъ ненаглядный, Услада сердца и очей, Теперь безжизненный и хладный Пристанетъ къ родинъ своей.

А волны льются за волнами Подъ смертоноснымъ кораблемъ, И мъсяцъ съ свътлыми звъздами Блеститъ на небъ голубомъ.

И мъсяцъ, равнодушный къ горю, Корабль сіяньемъ обдаеть, И не сдается синю морю, Какую скорбь оно несеть.

Князь П. Вяземскій.

Гіеръ (Hyères), Mañ 1865 г.

Между тёмъ оказалось, что въ Ниццё и даже въ Парижё нельзя было пріобрёсти предметовъ необходимыхъ для убранства гроба и колесиицы. Выписать все изъ Петербурга не было времени, и потому было рёшено въ Кронштадтё переложить тёло въ другой гробъ, заказанный въ Петербургъ.

Французское войско предшествовало печальной процессіи въ Вилла-Франку. Величественна была минута, когда вся процессія спускалась съ горъ къ этому городку. На рейдѣ стояли Русскія и Французскія суда. Салютъ ихъ и печальный маршъ сливались какъ-то особенно гармонически съ чудною картиною, открывшеюся предъ глазами нашими. У пристани былъ приготовленъ особый катеръ для перевоза гроба на фрегатъ «Александръ Невскій». Въ этотъ катеръ помѣстилась свита Цесаревича. Гробъ былъ уже въ ящикѣ, обитомъ малиновымъ сукномъ, на которомъ лежала груда бѣлыхъ цвѣтовъ. На таляхъ подняли гробъ, такъ что нѣсколько минутъ онъ висѣлъ на воздухѣ надъ бездною морскою, потомъ дали ему поворотъ, и онъ очутился падъ машиннымъ люкомъ, чрезъ который его опустили въ батарейную палубу и поставили на возвышеніи, прикрѣпивъ къ полу обвитыми краснымъ сукномъ веревками.

Послѣ литіи всѣ разъѣхались; остались только лица, назначенныя сопутствовать тѣлу Цесаревича до Петербурга. Вотъ списокъ этихъ лицъ:

Генералъ-адъютантъ Никодай Никодаевичъ Анненковъ.

Владимиръ Павловичъ Титовъ.

Александръ Николаевичъ Стюрлеръ.

Оттонъ Борисовичъ Рихтеръ.

Борисъ Инколаевичъ Чичеринъ.
Князь Владимиръ Анатольевичъ Барятинскій.
Иавелъ Александровичъ Козловъ.
Докторъ Н. А. Шестовъ.
Ө. А. Оомъ.
Офицеръ конвоя Ианинъ.
Камердинеръ Костинъ.
Фельдъегерскаго корпуса штабсъ-капитанъ Шлотгаусръ.
Почетный караулъ линейныхъ казаковъ.

Всею эскадрою, состоявшею изъвышеуномянутыхъ судовъ: «Александръ Певскій», «Олегъ», «Витязь» и «Алмазъ», командовалъ почтенный контръ-адмиралъ С. С. Афсовскій.

Въ батарейной налубъ были устроены посредствомъ деревянныхъ переборокъ небольшия помъщения для лицъ свиты, за исключениемъ генерала Анценкова, которому была отведена носовая каюта, и пъкоторыхъ лицъ, номъстившихся за занавъсками въ каютъ-компании. Рихтеръ предложилъ мив помъститься съ нимъ. Диванъ, на которомъ устроена была моя постель, стоялъ между двумя орудіями вдоль борта, и такъ какъ онъ былъ очень твердъ и къ тому же bombé, то спалось на иемъ изрядно въ тихую ногоду; но во время качки, въ особенности боковой, я положительно сна не зналъ, ибо меня новорачивало то къ борту, то въ противуположную сторопу, и въ послъднемъ случав приходилось рукою упираться въ полъ, чтобы не унасть съ постели. Чтеніе у гроба ии на минуту не прерывалось въ продолженіи 39 суточнаго плаванія, и такъ какъ оно происходило около самой каюты нашей, то я слушаль его днемъ и ночью.

До Гибралтара плаваціе было великолівное: море было гладкос какъ зеркало и только «дышало», какъ говорять моряки, т. с. вода на большомъ пространстві безъ малійней ряби подымалась и опускалась едва замітно для глаза, но чувствительно только для находившихся на судахъ.

Въ Гибралтаръ мы простояли трое сутокъ, забирая уголь. Нъкоторые изъ спутциковъ посътили Алжезирасъ, а молодые люди, ки. Барятинскій и Козловъ, ъздили въ Тангеръ, на Африканскій берегъ. Мы осмотръли весь полуостровъ Гибралтара, т. е. Мавританскую его часть со стъною и развалицами построскъ Мавровъ и Европейскій или Англійскій кварталъ съ его укръпленіями. Губернаторомъ былъ генералъ Кларендонъ, одинъ изъ воиновъ Крымской войны. Прекрасный ботаническій садъ былъ мосю любимою прогулкой. Въ каютъ-компаніи собиралось все общество, и тутъ велись интересныя бесёды. Душою общества былъ С. С. Лъсовскій.

Переходъ изъ Гибралтара въ Лиссабонъ былъ крайне неблагопріятный. Уже въ пролив'є дуль сильный противный намъ в'єтеръ, но качка была только килевая; по когда мы перемвинли курсъ на Съверъ, страшиля боковая качка продолжалась пъсколько сутокъ. Суда, насъ конвоировавшія, едва видны были на горизонть; барометръ падалъ съ каждымъ часомъ, и я, перенося хорошо качку, сталъ однако тревожиться, и болье всего меня безновопла мысль о томъ, что дълать, если случится что либо на фрегатъ (поломка руля или винта), и придется переносить гробъ на другое судно. Признаюсь, что страхъ росъ съ каждымъ часомъ; къ тому же не съ къмъ было подълиться опасепіями, создаваемыми воображеніемъ. Всв спутники почти (за исключеціемъ Скарятина и Рихтера) были больны и какъ пласты лежали на своихъ койкахъ. Наконецъ, я, замъчая паденіе барометра къ ночи, не утеривлъ и решился отправиться на мостикъ, где постоянно по почамъ находился адмиралъ. Выхожу на палубу, теннота страшиан, свистъ, гуль, вътерь, шумъ отъ волиъ, разбивающихся о фрегать; наконець, боковая волна окатила меня, и я весь мокрый бережно и тихо подымаюсь по трапу на мостикъ. «Кто пдетъ?» спрашиваетъ адмиралъ. «Я», отвъчаю я робко, останавливаясь на ступенькъ. «Кто вы»? - «Я, Оомъ». -«Что пужно?» — «Да я хотваъ спросить васъ, Степанъ Степановичъ», говорю я, самъ стыдясь своей боязии, «не предстоитъ ли опасность? Барометръ падаетъ, вътеръ свъжъетъ; пу что если что-пибудь случится, какъ перепесемъ мы гробъ на другое судно?> - «Вы спрашиваете: ивтъ ли опасности? Пу такъ отвічайте меж на мой вопросъ: «Вы въ Петербургѣ живете въ камениомъ домъ?» — «Да, въ камениомъ». — «Когда ложитесь, вы увърены, что почью не будеть пожара? -- «Нътъ, не увъренъ». -- «Ну здъсь тоже самое. Прощайте!» -- Коротко и ясло, но нисколько для меня не утвинительно, подумаль я, уходя пристыженный и скопфуженный.

Увлекательны были разсказы и бесёды Стенана Стенановича во время завтраковъ и обёдовъ: восноминанія его о службі въ Черномъ морів при Лазаревів, разсказь о крушеніи «Діаны». Замічательно, что, среди самаго питереснаго и одушевленнаго разсказа, онъ внезанно засыналь самымъ крізнимъ сномъ, не переміння положенія. Это было слідствіе чрезмірнаго угомленія отъ безсонныхъ почей, проводимыхъ въ напряженномъ вниманіи при наблюденія за плаваніемъ. Сонъ этоть онъ называль «юклай».

На пути заходили въ Лиссабонъ, гдѣ я часто бывалъ у Frederiko Oom, строителя и директора обсерваторіи, о которомъ упомящуто мною въ началѣ Записокъ. Къ счастью прибыли мы къ устью Тайо во время прилива, такъ что тотчасъ же вощли въ рѣку; иначе намъ принилось бы продержаться въ морѣ иѣсколько часовъ при сильиѣйшей зыби. Въ Лиссабонѣ я видался съ старыми знакомыми, съ нашимъ послапникомъ Кудрявскимъ, женатымъ на дочери Камилля Лабенскаго, и съ Австрійскимъ посланникомъ барономъ Лебцельтерномъ, котораго жена, рожденная графиня Бержинская, была извѣстная красавица.

Великоленно было плаваніе но Бискайскому морю, но Ламаншу и по Немецкому морю до Христіанзунда. На пути заходили въ Плимуть, куда изъ Лондона прибыль, за болезнію барона Брунова, советникъ посольства Сабуровъ (впоследствій посланникъ въ Афинахъ и Берлине).

Вышедши изъ Христіанаунда въ четыре часа пополудни, въ свътдый солнечный день, мы весь вечеръ пробыли на надубъ и любовались звъзднымъ небомъ. Спустившись на почь въ батарейную палубу, мы не усивли раздаться, какъ вдругъ раздался выстрель наъ орудія съ противуположнаго нашему борта. Никогда салюта съ фрегата не бывало, и я, не понимая въ чемъ дъло и услышавъ колокольный звоиъ и пронзительный звукъ пароваго свистка, выбъжалъ на верхъ. Но тутъ все было покрыто млечною мглою. Туманъ окуталъ фрегатъ, такъ что я ощунью пробрамся на корму, услынаять шумъ нароходныхъ колесъ купеческаго парохода и сквозь туманъ, около самой кормы, увидълъ цвътной огонь сигнальнаго на немъ фонаря. Тревога была общая. Опасаясь мыса Скагера, приказано было направить курсъ къ Съверо-Востоку. Всю ночь зорко наблюдали за судами, приближение которыхъ можно было только узнавать по шуму колесъ; безпрестанно палили изъ орудій и звонили въ колоколъ. Ночь была тревожная, и мы медленно подвигались впередъ, не имъя возможности, при туманъ и сильномъ теченін, опреділить ни міста, ни скорости хода. Въ шестомъ часу всь были уже на палубъ и любовались, какъ разсъевался туманъ: простынею, длинными облаками упосило мглу, становилось все ясите, проглянуло солнце, и вдругъ мы увидъли берегъ и даже самый мысъ Скагеръ. Этотъ роковой для судовъ мысъ оказался не въ далекомъ отъ насъ разстояніи. Вошли въ Зундъ и около 11-ти ч. утра были встръчены королемъ Датскимъ и крониринцемъ. Послъ краткой остановки, пошли далье и къ вечеру прибыли въ Альзенъ.

Отъ Альзена до Кронштадта преслъдовала насъ страшная буря, и мы только у Гохланда остановились для почевки, дабы прибыть въ Кронштадтъ не слишкомъ раннимъ утромъ; потому что Государь самъ намвревался выйти навстрвчу на Кронштадскій рейдъ.

18-го Мая, наконецъ, брошенъ былъ якорь у стънки, кажется, Кунеческой пристани. Послъ нанихиды, Государь объявилъ, что перепесеніе тъла Цесаревича въ кръность назначено на Вторникъ 22-го Мая и
что мы до того времени должны оставаться на фрегатъ. Это слъдовало
предвидъть, потому что нужно было тутъ же переложить тъло въ другой гробъ, что могло быть сдълано въ Субботу; за симъ въ Воскресенье 20-го и въ Попедъльникъ 21-го, дни тезоименитства в. к. Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны: печальная
перемонія совершаться не могла.

Стоянка въ Кроиштадтъ была испріятна только въ томъ отношепін, что весь день, съ ранняго утра до поздняго вечера, масса пароду заполняла весь фрегатъ. Пароходъ за пароходомъ приходилъ изъ Петербурга съ пассажирами и духовенствомъ. Папихиды слъдовали одна за другою. Мы были уже не у себя, потому что всъ наши каюты были переполнены публикою памъ незнакомою. Кстати скажу, что въ Петербургъ распространили слухъ, будто, при вскрытіи гроба, тъло Цесаревича оказалось навзничъ опрокинутымъ, вслъдствіе сильной качки и что оно будто попортилось. Этотъ вздоръ нашелъ много върующихъ въ него. Ничего подобнаго не было и быть не могло, по той простой причинъ, что гробъ не опрокидывался пи разу и что тъло было бальзамировано. По заставить людей върить правдъ гораздо труднъе, чъмъ нелъному слуху, созданному воображеніемъ тунеядцевъ.

22-го Мая утромъ прибыль въ Кропштадтъ Государь Императоръ, и на нароходѣ «Александрія» подъ балдахиномъ на налубѣ тѣло Цесаревича было неревезено въ Петербургъ, гдѣ съ Англійской набережной вилоть до Зимняго дворца уже была расположена вся нечальная процессія. Тотчасъ по прибытіи я носиѣшилъ отыскать свое мѣсто. Пришлось идти до Исаакіевскаго собора, протнвъ котораго на площади стояла группа разныхъ лицъ, по службѣ своей имѣвшихъ извѣстныя отношенія къ нокойному. Здѣсь были чины Конторы Августѣйшихъ Дѣтей, и Конюшенной Конторы, бывшіе преподаватели и профессора: Соловьевъ, Чичеринъ, Побѣдоносцевъ и другіе. Бъ нимъ нобрелъ и я. Понятно, что около меня и Чичерина сгруппировались всѣ, кому дорого было узнать изъ устъ очевидцевъ подробности, которыя интересовали не ихъ однихъ, но и все Русское общество. Тяжело и грустно вообще было внечатлѣніе, которое произвели на меня тогда въ Петербургѣ своеобразныя толкованія вкривь и вкось разныхъ случаевъ, иногда вовсе

небывалыхъ, а иногда и такихъ, которые разсказывались въ совершенно превратномъ смыслъ. Конечно, я спъшилъ представлять все въ настоящемъ свътъ для того, чтобы не оставалось ни малъйшаго сомнънія въ истинъ. Странно, что въ Россіи установился взглядъ на покойнаго Цесаревича несравненно болье върный, нежсли въ столицъ, гдъ однако его могли знать лучше, гдъ встръчали его, гдъ могли почти шагъ за шагомъ прослъдить жизнь его. Оцънка внутри Россіи была замъчательно върна, и вотъ почему и печаль о немъ тамъ была сильнъе. У насъ, въ столицъ, самыя важныя явленія какъ бы скользятъ по людямъ и, не оставляя почти слъда, легко забываются. Въ провинціи не то: тамъ болье досуга отъ тревожной, лихорадочной жизни.

Послѣ похоронъ я поснѣшилъ окончить дѣла по нашему продолжительному пребыванію за границею. Графъ Строгановъ торопилъ меня представленіемъ отчета, и я былъ счастливъ, когда, наконецъ, могъ это исполнить. Но тогда наступилъ вопросъ для меня: «что же далѣе?»

Последовало назначение Рихтера начальникомъ Штаба Гвардейскаго Корцуса, молодыхъ поручиковъ ки. Барятинскаго и Козлова состоящими при Цесаревичь Александръ Александровичь, а обо мив и ръчи не было. Въ Контору Августвишихъ Детей возвращаться и не желаль и, можеть быть, избалованный отношеніями къ разнымъ лицамъ во время продолжительнаго отсутствія пав Петербурга, я и думать не хотвль объ этой, крайне мив песвипатичной Конторь, гдь управляющій уже давно завидовалъ моему положению, разныя причинялъ мив непріятности и не щадилъ нисколько моего самолюбія. Наконецъ я решился переговорить съ графомъ Б. А. Перовскимъ и отправился рано утромъ въ Царское Село, гдв засталь его занятымь въ своемъ саду въ Китайской деревив. Разговоръ былъ продолжительный, и я убъдился, что графъ, человъкъ съ сердцемъ и въ высшей степени доброжелательный, на этотъ разъ говориль и возражаль мив видимо подъ вліяніемъ Сушинскаго. Это отчасти объяснялось темъ, что графъ дорожилъ Сушинскимъ, человекомъ способнымъ и ловкимъ, и что опъ, конечно, вызвалъ бы крайнее неудовольствіе его, еслибы согласился на мою просьбу. Кончилось темъ, что я вышель отъ графа съ убъжденіемъ, что мив оставаться на службь при Дворъ пельзя и что придется искать запятій въ другомъ министерствъ.

Въ раздумъв я пошелъ пъшкомъ на станцію жельзной дороги, какъ вдругъ мимо меня промчалась коляска, въ которой сидълъ Государь съ Императрицею. Это было въ нъсколькихъ шагахъ отъ станціи. Я успълъ только сиять шляпу, какъ Пхъ Величества уже подъбхали къ станціи, и вслъдъ затъмъ слышу, что Государь зоветъ меня. Я подбъжалъ.

- Ты въ городъ? спросиль онъ меня.
- Точно такъ, Ваше Величество.
- Такъ поъзжай съ этимъ же поъздомъ и тотчасъ же предупреди Рихтера, что мы будемъ осматривать сегодня вещи, принадлежавнія покойному сыну. Тебъ же поручаю принять участіє въ раздълъ вещей.

Я посившиль занять місто въ вагоні и очутился въ одномъ отдівленін съ графомъ Перовскимъ. Увидівть меня, опъ какъ бы обрадовался встрічні, и когда я разсказаль ему о встрівні съ Государемъ, онъ объявиль мий, что уже говориль обо мий съ Его Величествомъ, и что я назначенъ состоять при особі Цесаревича Александра Александровича. Я быль до того счастливъ, что чуть не бросился на шею графа. Онъ, замітивъ движеніе мое, обияль и попівловаль меня.

И его уже нътъ, этого рыцаря въ полиомъ смыслѣ слова! *) Отпошенія мон къ нему оставались паплучшими до кончины его. И теперь, чтя нямять его, я навъщаю всегда съ осебеннымъ удовольствіемъ его вдову, которая какъ и ся дочери эказываютъ мяѣ наплучшее расположеніе.

Въ заключение привожу выписку изъ предисловія М. М. Стасюлевича къ III-му тому его сочиненія: «Матеріалы для Исторіи Средиихъ въковъ», посвященнаго памяти о его царственномъ ученикъ.

"Мы оплакиваемъ въ эти минуты смерть, въ которой заключались тысячи смертей: умиралъ не только человъкъ, умирала юность, умирала красота, умирала первая и едва вспыхнувшая любовь, умирали надежды милліоновъ добрыхъ людей, умирали идеи высокаго, справедливаго, благороднаго, умирало все, что есть закътнаго и дорогого на землъ.

"Мы, преподаватели, были, конечно, ежедневными свидьтелями развитія прекраснаго сердца и благороднаго ума покойнаго Цесаревнча: наша намять о немъ понятна; но и тѣ, которые видьли его случайно, говорили съ нимъ, слышали его всегда скромную и привътливую рѣчь, пикогда не забудуть своихъ воспоминаній о царственномъ юношѣ. Такой человѣкъ, умирая, не долженъ умереть весь, и на всѣхъ насъ лежить обязанность вырвать у смерти все то, что не должно ей принадлежать, и что насъ радовало въ немъ при его жизни и такъ много объщало въ будущемъ. Говоря о немъ нынѣ, когда положенъ предълъ всему земному, мы имѣсмъ право сказать словами біографа другаго юноши, Танкреда: "теперь ни насъ не назовуть продавцами, ни тебя —покупателемъ сказокъ".

^{*)} См. о немъ "Русскій Архивъ" 1881, III, 475.

Послѣ пѣсколькихъ воссоминаній о заннтінхъ Цесаревича Всеобщею Исторією М. М. Стасюлевичъ кончаєть введеніе слѣдующими словами:

"По довольно для этихъ скорбныхъ дней, которые мы переживаемъ въ настоящую минуту! Мы похожи теперь на человъка, котораго засталъ врасплохъ пожаръ: желали бы спасти самое дорогое и хватаемся за первое, попавшееся па дорогъ; намъ хотълось бы вынести изъ полуотверэтой могилы все то, что составляло въ Августъйшемъ покойномъ перлы его чистой души и возвышеннаго характера, а между тъмъ въ эту минуту мы болъе способны чувствовать настоящее горе и тяжелую утрату, нежели спокойно оглядываться пазадъ и вепоминать прошедшее во всъхъ его дорогихъ подробностяхъ.

"Какъ опъ ни мало жилъ, но все же жилъ недаромъ: онъ оставилъ другимъ живой образъ того, о чемъ прежде приходилось только мечтать; онъ сказалъ собою, что люди любять въ царственныхъ юношахъ и чего опи отъ нихъ ждутъ. Постараемся быть достойными его памяти, если намъ больше нельзя быть достойными его жизни".

	0.3		4000
Maa	21	RHH	1865.

Протекло шестнадцать тяжких в льть, и цесаревичь Николай Александровичь ожиль для Россіи въ державномъ своемъ Брать, предъ которымъ свътлый его образъ предносился постоянно. Въ любви къ нему, въ воспоминаніяхъ о немъ черпалъ онъ силы для царственныхъ трудовъ своихъ. П. Б.

ИННОКЕНТІЙ ТАВРИЧЕСКІЙ.

Его послѣдняя поѣздка въ Крымъ и предсмертные дни *). 1857.

Хочу сказать здёсь только то, что я самъ видёль, самъ слышаль, или чему самъ быль свидётелемъ.

Епархіальныя діла Крыма и въ этомъ году неудержимо влекли къ себъ попечительнаго архипастыря. Опустошенная войною святывя края, разоренные монастыри и церкви, неустроенныя кладбища падшихъ въ брани воиновъ, все спова требовало личнаго усмотржнія и распоряженія святительскаго. Кромъ того, пастырская любовь его еще и еще искала молитвеннаго общенія съ тіми, кому болде всіхъ суждено было испытать тяжкій жребій минувшей войны. Для сего преосвященный предполагаль еще въ Великій пость вхать въ Таврію, служить Страстную Седмицу въ Симферополь, а «Христось Воскресе» воспъть на могилахъ Севастопольскихъ, потомъ осмотръть Крымъ до самой Керчи, и затъмъ, къ проводамъ, опять возвратиться на развалины Севастополя, къ гробамъ славныхъ его защитниковъ. Только множество неотложныхъ занятій остановило эту раннюю пофадку, которая, по плану преосвященнаго, долженствовала быть началомъ къ дальнъйшему путешествію его по Херсоно-Таврической епархіи. По возвращении изъ Крыма, онъ предполагалъ заняться поправлениемъ своего здоровья (которое въ этомъ году, по собственнымъ словамъ его, значительно измънилось къ худшему), потомъ събздить на Дунай въ новоустрояемый скить Оерапонтіевскій и лично распорядиться тамъ всёмъ, затемъ посетить другія места епархіи, особенно церкви въ военныхъ поселеніяхъ, и такимъ образомъ, по окончаніи главныхъ епархіальныхъ дёлъ, свободно, слёдующимъ лётомъ, отправиться въ давно-желанный путь, на Востокъ, для поклоненія Живоносному Гробу Спасителя.

^{*)} Любопытивя записка эта сообщена въ "Русскій Архивъ" изъ Одессы лицомъ не овначившимъ своего имени. П. Б.

15-го Апръля вечеромъ его высокопреосвященство приказаль миъ готовиться въ дорогу. «Бдемъ въ Крымъ, говорилъ онъ; тамъ у насъ много дъла, а время дорого. Тебя въдь ничто особенное не можетъ удержать здѣсь?» Я упомянулъ о дълахъ семейныхъ. «Ничего, прервалъ владыка: Богъ дастъ, все уладится и безъ тебя. Къ тому же у васъ здѣсь родные. Да, мы возвратимся недѣли чрезъ три». Тутъ подошла игуменья Архангело-Михайловскаго монастыря съ сестрами; благословляя ее, преосвященный сказалъ: «Поручаю васъ архистратигу Михаилу; онъ вамъ будетъ заступникъ. Кланяйтесь и снесите мое благословеніе всѣмъ въ обители». Трогательный тонъ, съ которымъ говорилъ архипастырь, извлекъ слезы изъ глазъ настоятельницы. «Съ Богомъ, прощайте!» повторилъ онъ и, вручивъ четки плачущей, быстро удалился въ свои покои.

Наканунь отъезда въ Крымъ, я более часу пробыль у его высокопреосвященства. Онъ особенно благодуществоваль, вспоминаль свою службу въ академіяхъ, объяснять причины поспъшнаго написанія «Последних» дней земной жизни Спасителя» и «Жизни святаго апостола Павла». «Нужно было поддержать «Христіанское Чтеніе», говориль онъ; съ Василіемъ Борисовичемъ Бажановымъ и Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ дружно взялись мы за дъло. Тогда-то появились и «Последніе дни земной жизни Спасителя». И почему они такъ понравились всемъ, право, не знаю; что въ нихъ такое есть особенцое? Въ то время на мив дежало столько работы, что, кажется, если бы еще на одинъ лишній годъ остался я въ Академіи, я бы умеръ. Но меня перевели въ Кіевъ. Здісь, хотя также было много работы, но не срочной, и я отдохнуль, благодареніе Богу!.. Такъ, брать; надобно трудиться, да разумно трудиться всёмъ намъ, не сидъть даромъ сложа руки... Тогда-то будетъ польза для Церкви». Особенно долго и съ увлеченіемъ говориль онъ о предметь, постоянно занимавшемъ его, о нашемъ Русскомъ крестьянствъ. Разсказавъ кратко псторію его, охарактеризовавъ Русскихъ пом'віциковъ, изъ коихъ, по его мивнію, самые лучніе далеко нехороши (при этомъ онъ приложиль къ вимъ, не помню, какой-то стихъ поэта Давыдова) и высказавъ горькое сожальніе о положеніи бъдныхъ крестьянъ и надежду на улучшение быта ихъ, онъ прибавилъ, что зло это, больше всякой войны, грозить бъдной Россіи, если только заранъе не будуть приняты разумныя мёры къ отвращенію его...

17-е Апръля (день рожденія Государя Императора) быль днемъ послъдняго священнодъйствія Иннокентія въ Одессъ. Оставляя любимый храмъ соборный, чувствоваль ли онъ тогда, что живой не войдетъ

въ него болъе?.. Того же дня въ 6-ть часовъ вечера, предъ отъвздомъ, зашелъ онъ по обыкновенію въ Крестовую церковь, приложился къ иконъ Касперовскія Богоматери, сотвориль три земныхъ поклона, благословилъ домашнихъ. При этомъ онъ былъ въ невеселомъ расположеніи духа и не разговорчивъ.

Выстро провхавъ Николаевъ, Херсонъ, Алешки и Перекопъ, дълая мъстами распоряженія по проъзжимъ благочиніямъ, 20-го числа онъ прибылъ въ мъстечко Акмечеть, Перекопскаго увзда. «Надобно освятить это мъсто, говорилъ Иннокентій: оно много вытерпъло въ минувшую войну». Дорога была покрыта развалинами Татарскихъ ауловъ, и на сто верстъ кругомъ совершенная пустота. «Какъ больно, не разъ замъчалъ Иннокентій, что такія мъста, какъ въ нашемъ Крыму, гдъ слъдовало бы жить людямъ трудолюбивымъ, населены были племенемъ тунеяднымъ и неблагодарнымъ къ Россіи». Въ Акмечетской церкви, опозоренной бунтовщиками Татарами и поврежденной отъ выстръловъ съ непріятельскихъ кораблей, онъ совершилъ молебствіс съ водоосвящениемъ и собравшимся поселянамъ дасково преподалъ миръ и благословеніе. На дорогь изъ Акмечети въ Евиаторію сказаль м'істному благочинному: «Отсюда недалеко имъніе геперальши Поновой. Ел врестынамъ далеко обращаться въ Акмечетскую церковь; приготовьте оть меня отношеніе къ г-жъ Поновой объ устройств'я тамъ молитвеннаго дома. Жаль весьма, что на такомъ пространствъ, ъдень, ъдени, и не на что перекреститься ..

21-го числа-служение въ разоренной Евпаторіи. Послъ литургіи Инновентій обратился къ гражданамъ сь привътомъ мира и выраженіемъ живой радости по поводу окопчанія ихъ бъдствія и заключиль слово пастырскимъ благожеланіемъ пещись объ охраненіи града оть плъна и враговъ духовныхъ. Изъ собора опъ прямо отправился на мъсто, гдъ, во время двукратныхъ покушеній исторгнуть Евпаторію изъ рукъ непріятелей, легло нісколько тысячь нашихъ воиновъ. Доpòroro. слова сопровождавшаго Евпаторійскаго его начальника Гусакова (офицера объ одной ногъ): «преосвященный владыка, поберегитесь, погода очень вътреннаи», отвъчалъ: «Насъ-то беречь! Васъ беречь, такихъ героевъ, вотъ кого беречь!» На солдатскихъ могилахъ отслужена панихида. Преосвященный долго молился вмъсть съ гражданами, оплакивая кончину падшихъ, и заповъдалъ соорудить имъ памятникъ, съ часовнею внутри, изъ бомбъ и ядеръ, и совершать ежегодно поминовеніе 23 Апраля въ день великомученика Георгія. На память объ Евпаторійскихъ дълахъ, по желанію преосвященнаго, доставлено ему нъсколько ядеръ, тамъ собранныхъ.

За объдомъ у генерала Аванасьева преосвященный высказаль свои замъчанія о причинахъ неудачной дипломатической поъздки князя Меншикова въ Константинополь и удивлялся той безпечности, въ какой онъ, преосвященный, путешествуя по Крыму, предъ высадкою непріятельскою, нашель тамъ нашу военвую силу, тогда какъ во всёхъ иностранныхъ газетахъ писали уже объ экспедиціи противъ полуострова. «Мы спали тогда, какъ бы среди глубокаго мира; войска было мало, и то разбросано. Чего меж стало убъдить г.г. военачальниковъ о возможности непріятельской высадки въ Крыму и о принятіп какихъ нибудь мёръ предосторожности!> Туть же высказываль онъ сожальніе, «почему не отняли мы снова, хотя бы на короткое время, Малаховъ курганъ? Послъ этого отступили бы съ большею честью и отняли бы самохвальство у Французовъ. А возможно было, если бы курганъ, совершенно понапрасну, не былъ обведенъ глубокимъ рвомъ сзади, и горжа оставалась бы широкою и здёсь, какъ это было на другихъ бастіонахъ. Послъ объда привътствовали владыку начальники Караимского Евпаторійского Общества.

Въ Евпаторіи приказано было мив, совмвстно съ настоятелемъ собора, осмотръть всв происшедшія отъ войны поврежденія и утраты церковныя, сообразить средства, какія подъ рукою, къ выполненію утраченнаго, и составленную о томъ подробную записку въ свое время представить архипастырю. Ръшено окончательно: древній Генуэзскій храмъ, близъ собора, занимаемый Еврейскою синагогою, обратить въ храмъ Христіанскій. Во все это время Иннокентій былъ здоровъ и весель.

22-го числа. Симферополь. Архипастырь прибыль сюда, по обычаю, скромно, тихо, безь малъйшей церемовіи, и остановился въ загородномъ домъ князя Воронцова. Здѣсь, послъ утрени (23-го числа) онъ вышель изъ молельни, благословиль присутствовавшихъ, а мнѣ, служившему, сказаль: «Хорошо, спасибо. Но можно бы покороче и полнѣе. Воть я составиль службу; послъ ужо покажу тебъ; увидишь, какъ хороша». Литургію тихо и умиленно служиль онъ въ соборъ, проповъдываль изъ текста: «Яко исчезаеть дымъ, да исчезнутъ... Тако да погибнуть гръшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся», о загробной жизни и вообще и въ частности, о блаженствъ праведныхъ и мученіяхъ гръшниковъ. Онъ говориль долго, громко и съ особеннымъ воодушевленіемъ. Всъ слушали съ умиленіемъ, многіе воздыхали, у иныхъ на глазахъ появлялись слезы, какъ это обыкновенно бывало при его поученіяхъ. Никто изъ предстоявшихъ не ду-

маль тогда, консчно, что это уже послёднее слово нашего Златоуста, что отселё навсегда умолкнуть сладкоглаголивыя уста его, что симъ священнодёйствіемъ въ соборномъ храмё Симферопольскомъ оканчивалось его столь всегда торжественное и трогательное богослуженіе... На молебнё скитскому монаху Прокопію данъ кресть за труды его въ военное время.

Въ Симферополъ владыка имълъ постоянныя совъщанія съ начальниками края о благоустройствъ вообще всей Тавриды и въ особенности церквей и монастырей, о сгедствахъ къ уничтоженію расколовъ, о возвышеніи Христіанской церкви учрежденіемъ въ Крыму особой каоедры православнаго епископа и о мърахъ къ исполненію сего предположенія, объ обезнеченіи Таврическаго духовенства домами и землями и объ ослабленіи иновірных робществъ тамъ, гдв таковыя усилились во вреду Православной церкви. Онъ предложилъ устройство церкви въ военномъ Симферопольскомъ госпиталъ, съ указаніемъ средствъ къ содержанію въ ней священника и объщаль ходатайствовать о семъ у военнаго министра, поручалъ мив заготовить окончательную отписку объ отводъ земель некоторымъ скитамъ и назначилъ священниковъ на мъста праздныя. По получении отъ меня подробныхъ свъдъній о состояніи Симферопольскихъ градскихъ церквей вельль доложить въ Одессъ, при чемъ указаль мъсто на площади, у новаго фонтана, для новой Петропавловской церкви, и подобное же для новой Греческой. Тогда же въ письмъ въ Одессу къ архимандриту Діонисію онъ выражаль свое удовольствіе по поводу окончанія главнайшихъ желанныхъ дёль.

22 числа Иннокентій долго гуляль по саду и между прочимь спросиль мени: «Что, каковъ Симферополь?»—Довольно хорошъ, по тъсно построился.— «Да, жаль особенно, что мало церквей и нъть архіерея православному духовенству, тогда какъ тъмъ и другимъ здъшніе Татары пристыдили насъ». Потомъ онъ говорилъ о дълопроизводствъ въ консисторіи: «Какъ оно неисправно!... Скоро Богъ дастъ, все это передълаю: сокращу канцелярскихъ, измъню, упрощу форму, и тъмъ, надъюсь, дамъ скоръйшій ходъ дъламъ. А затъмъ надобно ръшительные взяться и за дъло объ изданіи при консисторіи епархіальныя распоряженія и поученія лучшихъ священнослужителей и проч... Это принесеть немалую пользу епархіи и покажетъ другимъ, что мы не безгласны и кое-что дълаемъ». Далье онъ замъчалъ: «Какая здъсь растительность! Если бы это оръховое дерево хоть въ Вологдъ, или вашемъ Новгородъ (уроженецъ Новгородскій, я жилъ съ нимъ въ Во-

логдъ). А нравится ли эта дача? Какъ думаешь, хорошо ли было бы здъсь жить?.. Посмотри, какъ величественъ Чатыръ-Дагъ! Мъстами онъ покрытъ лъсомъ, хотя отсюда не видно. Сколько разъ бывали мы на немъ... А бълыя полоски—видишь? Это полосы снъгу; какъ онъ малы, а въдь, тянутся на цълыя версты!.. Смотри во всъ глаза на природу Крымскую, сравнивай здъшнія горы и растительность съ тъмъ, что видъль за Ураломъ (я служилъ въ Иркутскъ).

Того же числа приказано мъстному благочинному собрать все Симферопольское духовенство, когда на обратномъ пути владыка будеть въ Симферополъ. «Да, хотълось бы посмотръть и на гимназію», прибавиль Иннокентій. Туть подали мнѣ депешу изъ Одессы, извъщавшую меня о рожденіи сына; выражались въ ней такъ: «Въ замѣнъ падшихъ героевъ Севастополя, 23-го числа, въ 7 часовъ пополудни, благополучно родился вамъ рослый Вячеславъ» и пр.... Я подалъ депешу владыкъ. Прочитавъ ее, онъ сказалъ: «А, поздравляю! Ну вотъ ты безпокоился. Господь все устроилъ. Да почему же Вячеславъ, это Чешское?»—Какъ Славянское, оно наше же, сказалъ я.— «Такъ; но почему бы не ближе—Сергій Радонежскій, Антоній, Өеодосій Печерскіе»....

25-го числа, Бурлюкъ, мъсто Альмской битвы. Альма, какъ Кача, Бельбекъ и Салгиръ, маленькая, но быстрая и во время дождей многоводная ръка. Преосвященнаго встрътили здъсь хлъбомъ и солью. Съ праваго низменнаго берега ръки (позиція непріятеля), отъ трактира, чрезъ мостъ, до самой высоты лъваго берега (нашей позиціи) онъ тихо, по м'встам' в останавливаясь, внимательно осматриваль поле битвы, съ подробностію разспрашиваль очевидцевь о діль, слушаль чтеніе реляціи о семъ князя Меншикова. У моста, гдъ была самая сильная схватка сражавшихся, долго и задумчиво стояль онъ, и потомъ спросилъ: «Гдъ бы лучше здъсь поставить часовню?»... Я указаль на площадку, въ полугоръ лъваго берега, противъ самого моста. «Да, отвъчалъ владыка, мъсто хорошее и прямо противъ моста - пункта сильнъйшаго кровопролитія. Только поставить бы на подобіе Казанскаго памятника; видёль ты, въ форме пирамиды, съ малою внутри церковію, или по крайней мірь часовнею, для ежегоднаго поминовенія убитыхъ, въ день сраженія ... Дорогою, по приказанію его, собрано нъсколько камышковъ и цветовъ на память объ Альмскомъ поле. Подошли къ большимъ землянымъ насыпямъ, кое-гдъ покрытымъ камнями; въ концъ ихъ крестъ съ Французскою и Англійскою надписями; это наши создатскія могилы. Здёсь я отслужиль панихиду, а онь, несколько отдалившись отъ насъ, молился долго, на колънахъ....

Поднявшись на курганъ, гдъ стояль князь Меншиковъ, онъ сказаль: «Вообразите состояніе отчаянно-заброшеннаго сюда союзнаго войска!... Въ какой, думаю, опасности и страхъ было оно?... Наполеонъ върно охалъ тогда и не спалъ ночи... Онъ хорошо понималъ этотъ рискъ, особенно съ его-то стороны. Еслибъ у насъ побольше было тогда войска и умной распорядительности, непріятели просто остались бы въ нашихъ рукахъ, и не было бы такого страшнаго кровопролитія... Мий очевидець и знатокъ діла разсказываль, что съ обібнхъ сторонъ глупъе дъда, какъ при Альмъ, онъ це видалъ. Но за то, въ отступленіи съ нашей стороны было много тактики и стратегіи». Потомъ: «Отъ насъ, конечно, зависъло выбрать это мъсто для сраженія, или подвинуться далве... Я бы поставиль войско тамь, у ръки, треугольникомъ, и мостъ отстоялъ бы, и удержался бы на позиціи и безъ такого урона... Еще разъ съ высоты осмотръль онъ все поле битвы. Когда здъсь указали ему на мъсто отступленія нашихъ, владыка сказаль: «Воть туть-то Меншиковь ободрился, лично командоваль прикрытіемъ отступленія умно и стойко, самъ не бывъ вив опасности ... Ниже мъста палатки главнокомандующаго, напротивъ могилъ, Иннокентій съль и, помодчавъ, сказаль: «Какая тема для поэта!... ()ткуда, думаю, съ какихъ концовъ Россіи не пришли сюда спящіе ныпъ подъ этими насыпями? Изъ Перми, можетъ-быть, изъ Астрахани, съ Дона и Волги, отъ Дивира»... Затемъ онъ говорилъ съ поселянами, поручиль имъ просить мъстнаго владъльца окопать и обсадить деревьями кладбище, предложиль закуску всёмь собравшимся, самь обдълиль иныхъ апельсинами и, выслазавъ желаніе побхать тою дорогою, которою отступали наши и шли непріятели, отправился дал'ве.

Спускаясь пъшкомъ съ крутой горы въ Бахчисарайскую долицу, Иннокентій разговариваль о мъстной и вообще о Крымской растительности. «На южномъ-то берегу, посмотришь, на страшныхъ отвъсныхъ скалахъ, гдъ, кажется, и пыли, не только земли, нътъ, лъпятся деревья и кустарники. Чъмъ они тамъ питаются, Богъ одинъ знаетъ».

При встръчъ съ мужикомъ, везшимъ лъсъ, владыка остановился, разспросилъ, куда везетъ лъсъ и по чемъ думаетъ продать, и потомъ высказывалъ сожальніе о немилосердомъ истребленіи Крымскихъ лъсовъ, и въ такой безльсной сторонь, какова наша Новороссія, и при такомъ неистощимомъ богатствъ другаго горючаго матеріала, антрацита... «Вотъ въ этомъ ущельъ — Бахчисарай; не увидишь, пока не подъвдешь къ самому городу. Настоящее разбойничье гнъздо; такъ и видно, что жили разбойники. А то, далъе—пресловутыя Мекензіевы III. 5

горы. Какими путими кружили мы здёсь въ то время, когда непріятель, стремясь съ Альмы, обходиль Севастополь. Намъ тогда хотьлось еще разъ благословить этотъ городъ, на кровавый подвигъ его».

Вечеръ 25-го числа. Бахчисарай и Успенскій скить. Привътливо благословиль архипастырь пустынныхь труженниковь. Обитель въ совершенномъ уединеніи, между громадныхъ въковыхъ скалъ. «Вотъ мы поустроились, слава Богу, говориль онъ, проходя по монастырю. А какова мъстность? Неправда ли, это совсъмъ другой, особый міръ?... Здъсь-то работать для единаго на потребу: никто и ничто не мъшаеть. И такія мъста были оставлены безъ вниманія, и о святынъ Крыма, гдъ пролили кровь свою за Христа первые просвътители этой страны, гдъ крестился нашъ Владимиръ Равноапостольный, о такой святынъ было забыто въ Православной Россіи!... Благодарю всегда Бога, что удостоиль меня потрудиться для сей священной древности и съ тъмъ вивств поставить кресть на пустынныхъ пространствахъ Новороссіи, какъ помогь Онъ мий поднять изъ развалинъ въковыя обители Харьковскія». Далве разговоръ быль о состояціи и нуждахъ скита, «А Бейнъ (Караимскій раввинъ въ Чуфуть-Кале, подлі Бахчисарайскаго скита) досель безпокоить васъ? говориль преосвященный настоятелю; негодный человъкъ. Для мнимой древности жидовства въ Чуфутъ-Калъ, этомъ извъстномъ всъмъ укръплении Генуэзцевъ, онъ сочинилъ басню, наполнивъ ее самыми нелъпыми и противоръчущими фактами, пасильно тянетъ туда Жидовъ, дурачить всъхъ; заставиль измънить законъ о продажъ собственности, обманулъ губернатора, даже самого Великаго Киязя. все, чтобы удержаться, съ дуру, въ Чуфуть-Калв и ствснить совершенно монастырь, - въковой домъ Богоматери. Жуковскій (Таврическій губернаторъ) пожалъ плечами, когда и объяснилъ ему плутни Бейиа. А главное, обманулъ Великаго Князя. Но, довольно: при встхъ обличу мошенника. Завтра, о. архимандритъ, позови его ко мнъ».

Было сыро и холодно. Я замѣтилъ это. Преосвященный сказалъ: «Вотъ когда вздумалъ беречься!... Это нужно дома, а не въ дорогѣ». Онъ былъ здоровъ и спокоенъ.

26-го числа утромъ занимался онъ дълами сосъднихъ церквей и скитовъ, принималъ духовенство, долго говорилъ съ Бейномъ. Это сильно обезпокоило и огорчило архипастыря./Вскоръ затъмъ, посылая меня осмотръть въ подробности Бахчисарайскій соборъ, устрояемое при немъ Греческое училище и предположенный къ обращенію въ Православную часовию памятникъ Маріи Потоцкой, Иннокентій прибавиль: «Пожалуй, зайди и во дворецъ, пресловутый памятникъ хан-

ства, уничтожить который Самъ Богъ вразумляль насъ, а мы (какъ будто нътъ у насъ вовсе нуждъ) тратимъ сотни тысячь на возобновление его. Между тъмъ, всякій Татаринъ смотрить на него чуть не какъ на Мекку и въ тайнъ питаетъ надежду на возстановление ханства... Для чего намъ было возстановлять его послъ пожара? Чтобы Пушкинъ написалъ свой Фонтанъ? Да, онъ и безъ того написалъ бы его. Неразуміе, глупость и одна изъ немаловажнъйшихъ, вотъ и все»...

Въ 11-ть часовъ быль онъ въ банъ, гдъ проговаривалъ, что у него болить левый бокъ... По выходе изъ бани посидель у архимандрита, которому говориль: «Дай намъ, пожалуста, въ Одессу когонибудь понадежные изъ братіи. Жаль? Эгоисты вы всв. Такъ ли я поступаю? Я своихъ отправилъ на Дунай, когда потребовала нужда, и остался почти ни съ къмъ. Жди, пока пришлютъ... Такъ и во всемъ. Трудишься, право, не знаешь покоя; а для себя развъ? Чего не сдълано мною въ Кіевъ, Вологдъ, Харьковъ, въ Одессъ, для себя ли это? Почти тоже повторено и въ Баландавскомъ монастыръ. Весь этотъ день онъ занимался дълами церквей и скитовъ, мив съ отцомъ архимандритомъ поручиль провёрить записку Бейна о Чуфуть-Каль и сказать о ней свое мивніе; містнаго же благочиннаго отправиль съ півчими въ Севастополь, где 23-го числа предполагалъ служить литургію, молиться на военныхъ кладбищахъ и совершить крестный ходъ на главные бастіоны. Вечеромъ съ настоятелемъ скита и подрядчикомъ распланировывалъ онъ мъсто для святыхъ воротъ, часовни и гостинницы, и вообще сдъдаль окончательныя распоряжения объ устройствъ скита. Было уже поздно, когда мы возвратились въ келін, Преосвященный еще поговориль о постройкахъ, быль радъ, что кончилъ скитскія діла, дасково предложиль намь закуску, благословиль всіхъ и, почти не пивши чаю, ушель въ свою комнату. Онъ высказываль не разъ мимоходомъ, что у него болитъ лъвый бокъ.

Въ три часа пополуночи (на 27-е число) онъ разбудилъ келейниковъ, жаловался на простуду и принималъ парную ножную ванну. Послѣ говорилъ о своей болѣзни такъ: «Я почувствовалъ въ груди боль, какъ бы кто мечъ всадилъ въ нее». Въ 6-ть часовъ утра прибылъ Бахчисарайскій медикъ и прописалъ растираніе груди и микстуру внутрь. «Какъ бы я хотѣлъ заснуть теперь, говорилъ владыка... А вы (обращаясь ко мнѣ и о. архимандриту) сходите, пожалуста, въ церковь и отслужите молебенъ о моемъ выздоровленіи». Тогда же отправленъ нарочный въ Севастополь объ отсрочкъ богослуженія. Весь этотъ день больной провелъ безпокойно, безъ сна и пищи, и былъ

очень слабъ, при всемъ томъ, какъ и во все время болѣзни, занимался дълами. При прорытіи новой дороги въ полугоръ нашли иставшую гробницу и старинную Греческую панагію. Владыка принялъ ее, поцъловалъ, перекрестившись, и оставилъ у себя. Ночь на 28-е число онъ провелъ безпокойно, безъ сна.

28-го числа онъ выбхалъ въ Балаклавскій монастырь, куда прибылъ вечеромъ, въ самую дождливую и вътренную погоду. На пути чрезъ Мекензіеву гору, не выходя изъ кареты, опъ осматриваль мъста битвъ по Инкерманской и Байдарской долинамъ, на Черной ръчкъ и пр.; но послъ дороги чувствовалъ себя худо, былъ въ изнеможеніи проводиль ночь безъ сна и не имъль вовсе аппетита. Севастопольскій медикъ Онопріенко прописаль лекарство внутрь, нюхательный порошокъ и растираніе груди, сов'туя больному быть, какъ можно, спокойнъе и беречься простуды. Послъ этого преосвященный говорилъ: «Этоть медикъ давно служить здёсь. Онъ разсказываль, что въ Крыму отъ простуды бывають такія бользии, которыхъ не выносить иногда и натура солдатская. Какая натура у Русскаго солдата, и та не переносить Крымской простуды, особенно весенней». При этомъ опъ разсказаль подробно, какъ вследствіе простуды какая-то въ теле жидкость выползаеть изъ своихъ кануръ, падаетъ на дыхательные органы и душить человъка.

29-го числа владыка предполагаль освятить новую церковь въ Херсонисскомъ скиту Св. Владимира. Болъзнь усилилась, и освящение поручено Балаклавскому архимандриту, при чемъ особенно наказано молиться о болящемъ на объднъ и на молебнъ.

30-го числа, въ день освящения Херсонисской церкви (куда преосвященный собрался было вхать помолиться), съ нимъ неожиданно произошли довольно частые и продолжительные обмороки... При освящени Херсонисской киновіи и я сильно простудился. Узнавъ объ этомъ, добрый архипастырь позваль меня и сказаль: «Я слышаль, и ты нездоровъ. Поскорве посовътуйся съ докторомъ. Но, пока онъ прівдеть, вотъ подъ рукою лъкарство: ходи внизъ къ морю и обратно, этимъ обезсилишь простуду» (обрывистый крутой берегъ моря у Балаклавскаго монастыря, вышиною около версты).

30-го Апръля и 1-го Мая больной быль въ самомъ разслабленномъ состояніи и иногда въ забытьи, и тогда (какъ онъ самъ послъ разсказывалъ) ему представлялись какая-то удивительная перестановка вещей и измъненіе обыкновеннаго міроваго порядка. «Теперь миъ становится яснъе, не разъ высказывалъ онъ, то состояніе Богочеловъка въ какомъ Онъ являлся апостоламъ по воскресеніи»... Какъ это разумѣлъ онъ, мы не понимали. Но, видно было по всему, что высокая душа святителя какъ бы двинулась изъ своихъ тѣсныхъ земныхъ предѣловъ и прозрѣвала уже, сквозь таинственную завѣсу, въ тотъ невѣдомый міръ, куда было суждено ей скоро переселиться.

2-го Мая утромъ онъ позвалъ къ себъ монастырскаго духовника іеромонаха Герасима и сказалъ ему. «Отче, я желалъ бы исповъдаться. Тихонько, не говоря никому, прійди сегодня ко мнѣ вечеромъ; возьми съ собой что нужно, эпитрахиль, кресть, требникъ». Духовникъ исполнилъ святое желаніе архипастыря. Вечеромъ онъ исповъдался и провель съ о. Герасимомъ довольно долгое время. Всю эту ночь быль онъ одинъ, въ особенномъ молитвенномъ состояніи, а 3-го числа утромъ, послѣ ранней литургіи, отъ того же іеромонаха принялъ причастіе Св. Таинъ, при настоятель и братіи монастыря.

4-го числа чувствоваль онъ себя легче, почему на 5-е назначиль служение въ ближайшей монастырской церкви, отправляль Бахчисарайскаго архимандрита въ Инкерманскій скить, для назначенія мъста новому строенію, а меня посылаль въ Севастополь для осмотра военныхъ кладбищъ, разрушенныхъ градскихъ церквей и церковныхъ домовъ. «Жаль, высказывалъ онъ при этомъ, что не могу еще разъбыть на солдатскихъ могидахъ. Мив поручены онв. Посмотри, что тамъ дълается, есть ли ограда и гдъ лучше поставить церковь? Да помолись и за меня. Сообразите съ благочиннымъ, что изъ разрушеннаго при церквахъ можно исправить и какими легче средствами. Взгляни же и на церковь, и на площадь, гдв мы молились подъ громами войны ... По возвращении изъ Севастополя я доложилъ преосвященному, что ограда, очень приличная, обводится кругомъ военнаго владбища, и что церковь хорошо бы поставить выше онаго, въ полугоръ. На это онъ сказаль только: «Пожалуй»; а отъ благочиннаго потребоваль рапортъ и написаль резолюцію о возобновленіи церковнаго дома при Петро-Павловской церкви; разсматривалъ планы скитовъ, особенно заботился объ участи бывшаго въ плену Балаклавскаго монастыря.

5-го числа, по слабости, онъ не служилъ, но присутствовалъ при богослужении въ церкви, гдъ произвелъ въ протојереи настоятеля Севастопольской Петро-Павловской церкви, бывшаго неотлучно на своемъ мъстъ во все время осады города.

Того дня читали владыкъ статью о Богданъ Хмъльницкомъ, при чемъ онъ, между прочимъ, замътилъ: «Малороссы — слабый народъ.

Кто не биль и не мучиль ихъ? И продавались-то они, и были продаваемы: все позволяли дълать надъ собою... И этотъ Хмъльницкій, когда взялся за дъло? Когда отняли у него хуторишко и любовницу; да и послъ того, какъ дъйствовалъ? Вяло, неръшительно, Богъ знаетъ какъ... Таковы ли Великороссы? Такъ ли себя отстаивали?...>

6-го числа еще разъ взглянуль онъ на Севастополь, на его развалины и укръпленія. «Въдный городъ, бользненно произнесъ онъ. И еще досель не позволяють строиться! Нътъ плана? Какая во всемъ непростительная медленность! Былъ объ въ Херсонисскомъ скиту. Видъ бъдной киновіи, изрытой непріятельскими траншеями, едва возникающей изъ развалинъ, бользненно подъйствовалъ на попечительнаго архипастыря. Онъ зашель въ церковь, гдъ, послъ обычной молитвы, одного брата благословилъ въ рясофоръ, назвавъ его Ефремомъ, по имени одного изъ священномучениковъ Херсонисскихъ. Преподавъ здъсь послъднія наставленія настоятелямъ Крымскихъ скитовъ и монастырей, пазначивъ меня общимъ депутатомъ ихъ въ Консисторіи, возвратился онъ въ Балаклавскій монастырь, чрезъ Севастополь, въ вътрянную и холодную погоду.

Дорогою, смотря на Севастополь, между прочимъ, сказалъ онъ мив: «Не забудь напомнить, въ свое время, снестись съ военнымъ начальствомъ объ устройствъ новаго городскаго кладбища на другомъ концъ города; тяжело жителямъ со всъхъ концовъ города носить покойниковъ въ одно мъсто, на старое кладбище. Да и о разгоренной церкви на этомъ кладбищъ нужно подумать серьезнъе... Въ Балаклавскомъ монастыръ онъ говорилъ: «Какъ жаль, что разстроилась наша повздка! Сколько дела осталось неконченнаго... Правда, можно бы и осенью снова побывать въ Крыму; но время дорого... Къ тому надобно полечиться, потомъ непременно съездить на Дунай, въ Өерапонтієвскій скить; тамъ все самому надобно осмотръть и устроить. Предметь важный... Да хотелось бы ныне осмотреть и другія церкви, особенно въ военныхъ поселеніяхъ, и ужъ послѣ того бы, следующимъ лътомъ, съ Богомъ, и на Востокъ». Вечеромъ, поручивъ Балаклавскому архимандриту Геронтію вмъсто себя осмотръть дальнъйшія мъста Крыма, преосвященный продиктоваль ему следующую инструкцію:

- 1) Кизильташь. Устроить, какъ можно скорве, въ какой нибудь отдёльной, способной къ тому комнатв, малую церковь во имя Св. Стефана архіепископа Сурожскаго.
 - 2) Стараться скорве окончить дело о покупкв Кизильташа.

- 3) Взять рѣшительныя мѣры, чтобы лѣсъ писколько не быль рубленъ и все цѣло было до прутинки, а между тѣмъ, ни мало не медля, окопать лѣсъ, чтобы заѣздовъ не было и учредить стражу.
- 4) Отдать планъ дома съ тъмъ, чтобы разсмотръли и сообразили съ мъстомъ и увъдомили, есть ли на это матеріалъ какой? Этотъ домъ предполагается къ постройкъ слъдующею весною.
- 5) Вратіи въ Кизильташѣ покамѣстъ много, а въ другихъ мѣстахъ, начиная съ Одессы, крайняя скудость; нѣтъ ли желающихъ потрудиться для меня и, по моему распоряженію, человѣка два-три, года на два, а потомъ они возвратятся спокойно въ Кизильташъ? Таковыхъ отецъ Арсеній можетъ привезти съ собою въ Одессу на пароходѣ, не тратя времени.

Кетерлест. Кумпану (благочинному) спасибо. Гущину (купцу строителю киновіи) спасибо, и всѣмъ Керчанамъ большое спасибо. Осмотрѣть все и преподать совѣты, между прочимъ о томъ, чтобы не пускались въ попрошайство— въ лазарничество, а молились и жили, уповая на Бога. Передать это братіи и въ Кизильташѣ и наказать въ прочихъ скитахъ. Проѣздомъ изъ Кизильташа въ Керчь, заѣхать въ Старый Крымъ и посмотрѣть, что тамъ сдѣлалъ священникъ съ церковію и съ домомъ церковнымъ. Онъ доноситъ много; есть ли хотя въ половину? Отцу Михаилу сказать, что онъ, по обстоятельномъ соображеніи всѣхъ его дѣлъ, можетъ явиться на пароходѣ въ Одессу за разрѣшеніемъ всѣхъ недоумѣній».

Къ этой краткой инструкціи присоединены словесные приказанія и совѣты.

Сдълавъ подобныя наставленія касательно и другихъ святыхъ мъстъ полуострова, отслушавъ напутственное молебствіе и ласково простившись съ братіею, 7-го Мая Иннокентій выъхаль обратно въ Одессу, куда спъшиль съ первыхъ дней бользни, повторяя: «Ахъ, какъ бы скоръе домой!.. Пожалуй и умрешь здъсь»... Вообще, во все время пребыванія своего въ Балаклавскомъ монастыръ, онъ быль слабъ, безъ сна проводиль почи и не имълъ аппетита, часто поручалъ молиться о немъ въ церкви, а келейниковъ засгавляль читать по ночамъ вслухъ молитвы, особенно псаломъ: «Помилуй мя Боже»... Не прерывно почти занимался онъ дълами. По словамъ его приготовлены мною отношенія къ военному министру о жалованьи флотскимъ іеромонахамъ, къ Новороссійскому и Бессарабскому генераль-губернатору объ отводь въ Крыму свободныхъ участковъ земли для раззоренныхъ

Крымскихъ скитовъ, къ Таврическому губернатору о притъсненіяхъ пъкоторымъ обителямъ, дълаемыхъ сосъдними владъльцами, и представленіе Святъйшему Синоду о вспомоществованіи крайне-объднъвшему Балаклавскому монастырю. Посылалъ онъ письма къ разнымъ лицамъ, прося всъхъ молиться о немъ, слушалъ чтеніе книгъ, назначаль денежныя пособія скитамъ, принималъ посътителей, окончательно исправилъ «Акаеистъ ко причащенію Св. Таинъ» и пр.

Отъ Балаклавы до Инкерманской долины не разъ вставалъ онъ изъ экипажа и подолгу шелъ пъшкомъ, въ это время указывая на мъста непріятельскихъ дагерей и говоря о военныхъ дълахъ, особенно о томъ, какъ и гдъ здъсь наши подъ командою Липранди били Турокъ и Англичанъ. На каменномъ мосту Черной ръчки (гдъ было дъло 6-го Августа) долго стоялъ онъ и, осматривая мъстность (Өедюхины высоты и Сапунъ-гору), сравнивалъ ее съ мъстностью Альмы.

Съ 7 на 8 число мы ночевали въ Симферополъ. Услышавъ о бользии архипастыря, духовенство изъ разныхъ мъсть поспъшило къ нему на встръчу. Но онъ никого почти не принималь, исключая Кашкадамова, ревнителя Крымской святыни (по особенной проницательности своей, владыка вездъ умълъ находить людей, преданныхъ благу церкви). Онъ велблъ миб узнавать о нуждахъ всякаго являвшагося и после доложить ему. Боль въ груди усилилась, почему положенъ быль на нее пластырь. Изъ Симферополя онъ послаль за собственноручнымъ подписомъ предписание настоятелю Бахчисарайскаго собора объ устройстви оградъ и часовень на военныхъ кладбищахъ (на Качь и Бельбекь), кои на пути молитвенно благословляль. Пересматриваль присланныя бумаги и письма, заботился, какъ и во все время, отпискою по дъламъ Болгарскимъ. О безмездномъ надъленіи Болгарскихъ церквей богослужебными книгами Славянскими мною приготовлено было, отъ имени его, представление Святьйшему Синоду. Отдавая мий для прочтенія одну секретную бумагу изъ Петербурга, онъ сказаль: «Прочитай... Какъ легко разсуждать вдали! И не поздно ли уже объ этомъ? И еще: «Видишь ли одно письмо сдълало что? Вольше ияти формальныхъ бумагь!>

Предъ отъёздомъ онъ принималъ настоятеля и старосту Керченскаго собора, коимъ поручилъ благоустройство новаго скита Кетерлинскаго и вообще попечение о городскихъ церквахъ.

8-го числа въ 6-ть часовъ вечера прибыли мы въ Перекопъ, гдѣ, чувствуя особенное изнеможение отъ дороги, Иннокентий совътовался съ мѣстнымъ врачемъ, который прописалъ капли и уговаривалъ его

отдохнуть на мѣстѣ дня два. Онъ принималъ управляющаго Таврическою Палатою, посылалъ къ мѣстному протојерею за кпигами. Когда принесли Богословје преосвященнаго Макарія. «Да, пища добрая, сказалъ владыка; отнеси и пусть себѣ наслаждаются». Затѣмъ еще разъ спрашивалъ книгъ; принесенныя развертывалъ и, молча, отдавалъ обратно; наконецъ шутливо сказалъ: «Да, нѣтъ ли коть Еруслана Лазаревича, тамъ, гдѣ нибудь, за печкой?» Былъ особенно тихъ и добръ ко всѣмъ. Однажды сказалъ мнѣ: «Посиди здѣсъ. Что, съ тобою не бывало обмороковъ? Странное какое-то, особенное, состояніе .. Какъ будто другой міръ. Со смертію взоръ у человѣка мгновенно расширится, какъ, напримѣръ, поднявшемуся на высоту вдругъ открывается большое пространство»... Ночь провелъ безъ сна, безпокойно и утромъ (9-го числа) въ 8-мъ часу выѣхалъ.

Дорогою онъ останавливался у двухъ священниковъ; одному совътовалъ заняться хозяйствомъ и сдълать деревянный полъ въ комнатъ, у другого похвалилъ хату, которая была выъстъ и кухня. Обращаясь ко мнъ, онъ сказалъ: «Когда дорогой увидишь такую теплую и сухую хату, тутъ и останавливайся».

9-е число, Корсунскій монастырь. Владыка долго бесёдоваль съ преосвященнымъ викаріемъ о назначеніи коего въ Герусалимскую миссію только что полученъ быль синодальный указъ, пересматриваль планы монастырскихъ перестроекъ; дёлалъ распоряженія касательно устройства монастыря и сосёднихъ благочній, подписалъ бумаги къ нѣкоторымъ должностнымъ лицанъ, и, приказывая мив собрать свёдёнія о нуждахъ монастырской братіи, спросиль: «Что, каковъ монастырь? Видёлъ церкви, келія, сады: все цвѣтетъ, благоухастъ. Не забудь, что я самъ садилъ эти деревья». Почь, какъ и прежиля, была для больнаго безсонная и томительная. На слёдующій день онъ поспёшиль выёздомъ.

10-го числа, минуя Херсонъ и не остановившись въ Николаевъ, онъ расположился было ночевать за Бугомъ, въ селъ Варваровкъ; постлали постель, по обычаю, на полу изъ съна. Опъ пемного полежалъ, но вскоръ бользнь въ груди усилилась, и онъ тотчасъ выъхалъ. Дорогою стало лучше: онъ заходилъ къ двумъ священникамъ, умывался, пилъ чай, ласково говорилъ съ священниками, распрашивалъ, давалъ совъты.

11 Мая во второмъ часу пополудни прибыли мы въ Одессу. Чрезъ два часа позвали доктора Далласа, съ которымъ больной провель болье часу. Вечеромъ былъ въ банъ и ваннъ. 12 числа составленъ консиліумъ изъ докторовъ: Далласа, Эно и Сезеневскаго, при чемъ (стороною) они замѣтили, что болѣзнь преосвященнаго подобна болѣзни покойнаго Государя Николая Павловича. Приложили мушку къ лѣвому боку, отъ чего на другой день (13 числа) больному было легче. Онъ ходилъ, немного кушалъ, принималъ посѣтителей и членовъ Консисторіи, которымъ раздалъ бронзовые кресты. Къ 15-му стало хуже: не было аппетита и сна до самой смерти. Въ первые дни по пріѣздѣ, онъ принималъ нѣкоторыхъ посѣтителей, а съ 18 числа приглашенъ былъ на консиліумъ г. Пироговъ, вмѣстѣ съ прежними врачами, и, странно: болѣзнь найдена не совсѣмъ опасною.

20-го числа, во второй разъ прівзжаль Пироговъ и быль консиліумъ, вследствіе чего приложена больному другая мушка. Но онъ не чувствоваль себя лучше и говориль присыдавшимь узнавать объ его здоровьи, что оно не хуже прежняго. Съ этого дня, по совъту докторовъ, онъ проважался по городу и два раза на свою дачу. Болвань держалась въ одинаковомъ положеніи. По временамъ только бывали скоропроходящіе обмороки. Вообще же въ это время онъ быль въ самой свёжей памяти и совершенно свётломъ умё, но въ постоянномъ самоуглубленіи и молитвенномъ расположеніи духа, весьма мало говориль; рвчь его была кратка и отрывиста; взоръ вопрошающій и умиленный; неръдко видали его молящимся, кольнопреклоненнымъ. Тогда онъ отъ полноты сердца взываль: «Боже, милостивъ буди миж гръшному. Помилуй меня Господи, помилуй меня, по велицъй Твоей милости». Не разъ за нъсколько дней до смерти приговариваль онъ окружающимъ: «Таковой болъзни у меня не было; можетъ быть, я умру». Или: «Все что-то плохо; кажется, я умру». Или: «Я умру». Весьма ръдко онъ прилегалъ, а всегда почти, дни и ночи, или ходилъ тихо по комнатамъ, или сидълъ, склонивши нъсколько голову на грудь, часто съ закрытыми глазами, бледный, изнеможенный. Занятій не оставляль: слушаль чтеніе книгь и преимущественно пропов'ядей преосвященнаго митрополита Московскаго Филарета*), читалъ очеркъ жизни митрополита Платона, пересматриваль и исправляль приготовленную еще до болъзни «Службу священномученикамъ Херсонскимъ». Иногда, сидя за письменнымъ столомъ, на лоскуткахъ бумаги, слабою рукою писать молитвы и стихи изъ псалмовъ Давидовыхъ. Тогда и вообще во все время бользии, продолжавшейся ровно мъсяцъ, со всъми быль ласковь, добрь, тихъ и ко всёмь внимателень необыкновенно.

^{*)} Драгоцівное свидітельство: и по образу жизни, и по свойству дінтельности и писаній это были люди противоположные. П. Б.

Болъе всего озабочивала его судьба Православныхъ братьевъ нашихъ на Востокъ и особенно дъла Болгарскія, почему не разъ принималь онь къ себъ члена Одесскаго Болгарскаго общества Палаузова и по долгу бесъдовалъ съ нимъ. Судьба новоустрояемой при-Дунайской пустыни священномученика Өерапонта также сильно занимала его. Заботясь о ея благоустройствъ, 20 числа вечеромъ онъ распорядился командировкою меня въ Молдавію. «Что, насмотрелся ди на своего сына? Такъ повзжай опять, другь мой, на Дунай. Видишь, я не могу самъ сделать, какъ бы котелось и какъ бы нужно было. Читаль Синодальные указы объ этомъ? Хорошо. По сиыслу ихъ и по моимъ замъчаніямъ, осмотръвъ снова все тамъ, сообрази, что и какъ сдълано, что надлежить сдълать и какъ лучше и какими удобиве средствами. Скажи отъ меня поклонъ и спасибо почтмейстеру въ Галацахъ. Прекрасный человъкъ! Пусть потрудится во славу Божію, и ради пользы братіи. Узнай отъ него, что и какъ наша церковь въ Галацахъ? Да не забудь сказать ему, что о немъ думаютъ и хлопочутъ... Но... Я не могу говорить много... грудь тяжело болить, увидишь самъ... Прійди же завтра, отправишься къ графу Строганову *); ему говорено обо всемъ». На другой день я нашелъ владыку тихо прохаживающимся по залв. «Идешь къ графу?» -- Иду, преосвященивйшій владыко. «Пойди же сюда (въ кабинетъ). Вотъ ему записка» (собственноручная). По этой запискъ немедленно миъ были выданы заграничный паспорть и все нужное для путешествія. Когда потомъ я доложиль его преосвященству о своей готовности къ дорогь, онъ сказалъ: «Да хорошо ли теперь? Въдь у васъ свадьба, да и Нацвалову объщано освятить церковь. Онъ ждеть. Сделай ужъ сперва это. А, хорошій онъ человъкъ, Нацваловъ-то? Какой усердный къ церкви, ръдкость! Такихъ людей надобно намъ беречь. Поздравь его отъ меня съ окончаніемъ святаго дёла; очень радъ». Тутъ владыка сёлъ за письменный столикъ въ кабинетъ и продолжалъ: «Хорошо; а потомъ и на Дунай. Ужъ тебъ выпаль жребій этоть. Такъ, върно это, не опоздаешь? Ну, съ Богомъ»... Благословилъ меня, кивнулъ немного головою и опустиль ее на грудь, закрывши глаза. Дойдя до дверей кабинета, я оглянулся: владыка быль въ томъ же положеніи. Тяжело было у меня на сердцъ. Увы, какъ оказалось, это было послъднее мнъ благословеніе архипастыря и отца, это было прощаніе мое на въки съ твиъ, къ кому въ продолжении 16 леть съ детскою преданностью

^{*)} Въ Августъ 1886 года мнъ случалось по долгу бесъдовать съ графомъ А. Г. Строгановымъ, и мнъ памятно, съ накимъ уважснісмъ относился опъ къ Инновентію, сочиненія котораю сдълались у него настольною книгою. П. Б.

обращены были мое лице и сердце. Возвратившись изъ путешествія (28 числа), я нашель только гробъ его, оплакиваемый осиротъвшею паствою.

*

Далъе передаю, что говорили другіе. За нъсколько дней до смерти, покойный Иннокентій сдълаль распоряженіе своимъ деньгамъ въ Михайловскій монастырь, на сиротъ, въ Крымскіе скиты, родственникамъ и служащимъ при немъ, а находившееся въ печати сочиненіе свое «Послъдніе дни жизни земной Господа нашего Іисуса Христа», собственноручнымъ предложеніемъ, завъщалъ попечительству о бъдныхъ духовнаго званія и канцелярскимъ служителямъ Консисторіи, обезпеченіе коихъ постоянно его занимало.

Всв послъдніе дни лечился онъ неохотно. 24-го числа призваль пъвчихъ, обласкалъ ихъ, объщая наградить всъхъ деньгами и заставлялъ пъть: «Господи, кто обитаетъ въ жилищъ Твоемъ»; «Пойте Богу нашему, пойте Цареви нашему». Благообразный Іосифъ. Величитъ душа моя Господа. Взбранной Воеводъ побъдительная. Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіямъ Твоимъ».

25-го Мая 1857 г., съ утра до 3-хъ часовъ пополудни, пробыль онъ на своей дачь, приказаль отслужить вселенскую панихиду, что особенно подъйствовало на благорасположение его духа, осматривалъ садъ и хозяйство; приближившись въ саду къ работавшимъ штатнымъ служителямъ, сказалъ ласково: «Боже вамъ помоги, хлопцы!» Читалъ корректуру печатаемаго сочиненія «Последніе дни земной жизни Спасителя». По возвращении въ городъ, останавливаясь противъ собора и крестясь, долго смотрълъ на него; дома принималъ графа Строганова, сесъдоваль съ нимъ около часу, между прочимъ о великости праздника Святыя Троицы... любимъйшій предметь его: «Это вънецъ Христіанскихъ торжествъ, повторяль онъ не разъ, тоже, что свётлый куполь въ величественномъ зданіи. Полна душа моя симъ высочайшимъ торжествомъ христіанства; говоришь, бывало, о немъ сколько угодно, не готовясь, говоришь, и потокъ неудержимой ръчи самъ собою льется, говоришь и не наговоришься»... Объ этомъ же бесъдоваль онъ и съ княгиней Воронцовой, посъщавшей его въ бользни. Въ этотъ день опъ приказывалъ одному изъ келейниковъ читать канонъ и всю службу Святой Троицъ. Услышавъ соборный звонъ ко всенощной, задумчиво сказаль онь: «Это на панихиду; сегодня вселенская панихида». Посят всенощной разговариваль на балконъ съ преосвященнымъ викаріемъ, рекомендовалъ ему, гдв по дорогв въ Петербургъ останавливаться, и просиль приготовить для него особое пом'вщение въ leрусалим'в, когда, Богь дасть, тамъ будеть.

Къ вечеру ему стало хуже. Между прочимъ онъ велълъ тогда выпустить изъ клатокъ всехъ птичекъ на волю. Въ 11 часовъ ночи быль съ нимь сильный и тяжкій обморокъ, продолжавшійся около часу. Къ этому времени поспъшили медики. Пришедши въ себя, онъ тихо благодариль ихъ за участіе, но говориль, что у него ничто не болить. Медики удалились, прописавъ ножную ванну и какую-то микстуру, послъ которой онъ не разъ просилъ пить. Послъдніе два съ половиною часа онъ провель въ безпокойствъ, но какъ и прежде, въ совершенно-полномъ умъ и молитвенномъ расположении духа; прилегалъ, постоянно перемъняя мъсто и заботясь о томъ, чтобы ухаживавшіе за нимъ келейники отдыхали тутъ же, при немъ; приказалъ приготовить себъ постель изъ свъжаго съна на полу въ гостиной. Подъ праздникъ Троицы онъ имълъ прежде обычай спать на зеленой травъ, такъ же какъ въ 12-ть часовъ ночи предъ Богоявденіемъ, при пвній тропаря («Во Іорданв крещающуся Тебв Господи») почернать воду изъ чистаго и отдаленнаго источника, которую потомъ хранилъ и раздаваль своимъ знакомымъ. Уже свътало; часъ быль нятый въ началь, праздникъ Св. Троицы (26 Мая)... Владыка привсталь, набожно перекрестился не разъ; прошелся тихо по комнатамъ, поддерживаемый келейниками, взглянуль на свёть начинавшагося дня и, бросая внимательный, тревожный взорь на окружающие предметы; «Господи! Какой день!» свазалъ онъ при этомъ. Потомъ приказалъ положить себя на свно, перемвняль несколько разъ положение и, наконець, склонившись на грудь, сказаль два раза: «А воть этакъ хорошо». Потомъ, сказавъ поспъшно: «Скоръе поднимите меня!» на рукахъ двухъ келейниковъ кольнопреклоненный незамътно скончался *).

^{*)} Всего 57 леть отъ роду. П. Б.

КОНЕЦЪ ГЕРОЙСКОЙ ЭПОПЕИ.

Изъ моихъ Крымскихъ воспоминаній.

Со сдачи Севастополя Крымская война вступила въ фазисъ не столь тревожный и опасный. Настало затишье. Разобравшись по частямъ войскъ (на это, послѣ переправы 27-го Августа, понадобилось нѣсколько дней), главныя силы нашей армін перешли въ долины Качи и Бельбека и къ сѣверо-западнымъ отрогамъ кребта Яйлы. Авангардъ, подъ пачальствомъ геперала Тетеревникова, расположился вблизи д.д. Енисала и Фацъ-Сала; штабъ-квартира главнокомандующаго помъстилась иъ Бахчисараъ; на сѣверной части Севастополя оставлена часть войскъ, пеобходимая для обороны сѣвернаго укръпленія и батарей, сооруженныхъ вдоль бухты и береговъ моря.

Послѣ одиннадцатимѣсячнаго чрезмѣрнаго, почти сверхъестественпаго напряженія силъ, послѣ страшнаго возбужденія, не прекращавшагося при ежеминутной опасности, являлась потребность въ физическомъ и душевномъ отдыхѣ. У каждаго изъ участниковъ защиты Севастополя накопилось слишкомъ много скорби, слишкомъ много личнаго и общественнаго горя, и не столько тѣло, сколько душа, разбитая и истерзанная, требовала хотя временнаго покоя.

Но покой этоть не давался. Въ то время когда для физическихъ силъ наступаль отдыхъ, когда почти не было военныхъ дъйствій, привелось стать лицомъ къ лицу съ страданіями раненыхъ въ госпиталяхъ, съ порядками ихъ содержанія и питанія, быть свидѣтелемъ корыстолюбивыхъ и хищническихъ дъйствій, отъ которыхъ кровь бросалась въ голову и сердце сжималось страшной тоской.

Если вы поражались той отватой, съ которой храбрецы подставляли свои груди вражескимъ выстръламъ; если весь организмъ вашъ потрясался при видъ того, какъ тысячи человъческихъ жизней безпощадно поглощались неудержимымъ потокомъ свинца и чугуна: то вы все-же находили душевное облегчение въ сознании, что эти погибавшие герои исполняли священный долгъ любви къ родинъ, что жертва ими приносимая составляла завидный удълъ, къ которому и вы

были готовы. Но когда приходилось увидать лишенія, которымъ подвергались эти герои отечества, когда вы становились свидётелями того, какъ людская своекорыстная адчность, доходившая до забвенія самыхъ святыхъ человёческихъ обязанностей, лишала ихъ хорошей пищи, нужнаго имъ покоя и средствъ къ наилучшему за ними уходу, однимъ словомъ пользовалась тёмъ, чёмъ только можно было пользоваться: васъ ничто не утёшало, вы ни въ чемъ не находили облегченія, и васъ невыразимо больно грызли негодованіе, злоба и отчаяніе съ потерею вёры въ людей...

По окончаніи усиленныхъ военныхъ дъйствій и со времени перехода главной квартиры съ Инкерманскихъ высоть въ Бахчисарай, раскрылись передъ нами, во всей неприкрашенной наготв, воліющіе порядки, существовавше во все время по хозяйственному въдомству Крымской арміи. Мы увидъли во очію то, что доходило до насъ въ отрывочныхъ довольно сдержанныхъ разсказахъ. Еще на Инкерманъ были мы очевидцами, какъ приходили Русскіе ямщими и извозчики съ жалобами на то, что ихъ задерживали съ разсчетомъ или обсчитывали при выдачь денегь за доставку разныхъ матеріаловъ, снарядовъ и продуктовъ изъ внутреннихъ губерній. Князь Горчаковъ каждаго изъ нихъ выслушивалъ и давалъ приказанія тотчасі же удовлетворять ихъ полностью, чемъ многіе изъ нихъ, наиболюе ловкіе, и пользовались, являясь по два, по три раза съ одной и той же претензіей. Припоминается мнв, напримъръ, слъдующій случай, не лишенный комизма. Однажды вечеромъ главнокомандующій гуляль по Ивкерманской эспланадъ, когда къ нему, не совсъмъ робко, подошли два крестьянина съ обычнымъ заявленіемъ. Не успъль князь сдълать распоряжение о немедленномъ ихъ удовлетворении, какъ изъ землянки начальника штаба раздался мягкій голось генерала Коцебу:

- Ваше сіятельство, они уже въ третій разъ приходять къ вамъ съ одной и тою же жалобой.
- Ахъ мазурики! вскричаль негодующій князь, схватиль одного изъ крестьянь, повернуль его и намъревался дать ему пинька кольнкой, но даль промахъ и туть-же растянулся во весь свой большой рость, къ счастью безъ всякихъ послъдствій.
- Le jugement de Salomon (судъ Саломона) проговориль главнокомандующій, подымаясь и см'вясь своимъ добродушнымъ см'вхомъ. Крестьяне испугались, понятно, и уб'вжали...

Хозяйственные полевые отдълы, во времена князя Горчакова, находились въ рукахъ людей весьма талантливыхъ, умълыхъ и распорядительныхъ, но, къ сожальнію, прежде всего, соблюдавшихъ личные интересы, къ чему и была, главивишимъ образомъ, направлена ихъ

дъятельность. Полевой генераль-интенданть, человъкъ громаднаго ума и удивительной административной сообразительности, умёль вести дёло такъ, что на всъхъ пунктахъ, куда-бы ни проникалъ глазъ высшаго начальства, солдаты не могли жаловаться на пищу и кавалеристы на фуражъ. То и другое выдавалось въ надлежащемъ количествъ и должнаго качества; на болъе или менъе продолжительныхъ стоянкахъ тотчасъ являлись поставщики съ мясомъ, мукой и овсомъ. Всв приходили въ восторгь отъ подобной распорядительности генералъ-интенданта и, не въдая, что творилось въ тылу арміи, стамъ гдъ-то, за глазами», готовы были провозгласить его чуть-ли не геніемъ. Между тъмъ, «тамъ», въ степяхъ за Симферополемъ, бродили стада тощихъ воловъ на подножномъ корму, до тла выжженномъ солнцемъ; въ провіантских магазинахъ Симферополя, Керчи и другихъ пунктовъ Крымскаго полуострова крысы стаями подкапывались (какъ доносили смотритеди тахъ магазиновъ) подъ зерно и мукохранилища и «пожирали, съ удивительной для подобныхъ звърей жадностью и быстротой», цълыя тысячи кулей съ овсомъ и мъшковъ съ мукой. И все это сходило съ рукъ, все оправдывалось надлежаще-принаровленными представденіями, на все получались благопріятныя резолюціи начальства, которому дела докладывались въ томъ виде въ какомъ было нужно. Однимъ словомъ, рука руку мыла съ удивительнымъ единодушіемъ и рвеніемъ, достойными лучшей цъли, благо въ то время еще не было ненавистнаго для подобныхъ дъятелей «Татариновскаго матеріальнаго контроля», а господствовала во всей силь «бумажная отписка».

Въ началъ Августа 1855 года къ моему отцу, какъ къ коменданту главной квартиры, явился молодой поручикъ армейскаго гусарскаго полка и тутъ-же попросилъ дать ему возможность принять участіе въ защить Севастополя. Отецъ отвъчаль на это, что съ удовольствіемъ снабдить его письмомъ къ начальнику штаба Севастопольскаго гарнизона и не сомиввается, что князь Васильчиковъ тотчасъ-же пошлеть его на одинъ изъ бастіоновъ, такъ какъ всюду нужны были офицеры. Поручикъ поблагодарилъ и сказалъ, что на другой-же день придеть за письмомъ. Пришелъ-же онъ черезъ четыре дня и началъ съ того, что, «по нъкоторымъ соображеніямъ, вызваннымъ домашними обстоятельствами», ему нельзя теперь вхать въ Севастополь, а, если можно, онъ просить дать рекомендательное письмо къ генералъ-интенданту, такъ какъ ему уже объщали исходатайствовать назначение въ «воловью бригаду». Видя, что пыль отваги въ молодомъ офицерф остыль и уступиль місто разсчету, отець на отрівзь отказаль ему въ просьбъ. Поручикъ ушелъ, и мы потеряли его изъ виду. Черезъ два мъсяца миъ пришлось быть въ Симферополъ. Вечеромъ я зашелъ въ

мѣстный театръ, открытый заботами тогдашняго Таврическаго губернатора, графа Н. В. Адлерберга, гдъ подвизалась сборная по національностямъ труппа, съ шансонеточнымъ репертуаромъ (оперетокъ тогда еще не было). Оглядывая публику бельэтажа, я остановияся на гусарскомъ офицеръ, лицо котораго мнъ показалось знакомымъ, и въ немъ я тотчасъ-же узналъ прибывшаго въ Августъ поручика. Рядомъ съ нимъ въ ложъ сидъла дама въ щегольскомъ нарядъ, украшенная цънными брилліантами. Въ антрактъ мы встрътились, и на мой вопросъ, «что онъ подълываетъ?», поручикъ развязно объяснилъ мпъ, что онъ состоитъ помощиикомъ командира воловьей полубригады, завъдываетъ частью ея, живется ему хорошо и весело, содержаніе «совсъмъ приличное», есть и доходы отъ фуража.

- Не вашихъ-ли воловъ видъдъ я, подъвзжая къ городу, и дивился, какъ они облизываютъ выгоръдую землю? спросилъ я.
- Должно быть, беззаствичиво отвъчаль онъ. У насъ въ бригадахъ принято держать воловъ на подножномъ корму до Декабря мъсяца, хотя фуражныя деньги отпускаются круглый годъ.
 - А начальства вы не боитесь?
- Высшее не догадается, въ чемъ дѣло; а свое слишкомъ хорошо знакомо съ порядками, которые имъ-же и установлены. При назначении моемъ я внесъ условленную сумму, довольно крупную; кромъ того у меня удерживаютъ ежемъсячно извъстный, точно опредвленный, процентъ съ фуражныхъ денегъ, выдаваемыхъ на воловъ...
- Которые питаются загложшимъ сухимъ бурьяномъ? перебилъ я его съ невольной улыбкой.
- Хорошо, если опъ попадется; а не то, такъ и просто степной пылью, подтвердилъ поручикъ, тоже улыбаясь.

Па этомъ мы разстались. И подобная развязная беззаствичивость, отъ которой становилось гадко, была усвоена большинствомъ служившихъ по интендантскому и коммиссаріатскому въдомствамъ. Эти господа дъйствовали навърняка, убъжденные въ своей безпаказанности.

На перевязочныхъ пунктахъ и въ дазаретахъ, находившихся вблизи штабной квартиры, котя и чувствовался недостатокъ во многомъ, но все что состояло на лицо было въ образцовомъ порядкъ. Въ Симферопольскомъ и прочихъ госпиталяхъ, удаленныхъ отъ начальническаго ока, порядки были иные. Такъ, напримъръ, по дорогъ изъ Симферополя въ Евпаторію долго стоялъ стогъ съро-бураго цвъта, испускавній на всю окрестность сильный запахъ гнили. Только приблизясь къ нему и разспросивъ караульнаго изъ нижнихъ чиновъ коммиссаріатскаго въдомства, можно было узнать, что это была корпія,

III, 6

присланная изъ многихъ мъстностей, надъ которой трудились Русскія женщины, которыя работали для своихъ мужей, отцовъ и сыновей, на защиту отечества. Безъ покрышки даже худыми цыновками, стоялъ этотъ стогъ, подобно многимъ другимъ, среди степи, предоставленный дождю и непогодъ, исподволь сгнивавшій, но никъмъ не трогаемый, такъ какъ онъ служилъ доходной статьей для чиновъ полеваго коммиссаріата, вслъдствіе ассигнованія довольно круглой суммы «на расходы по храненію корпіи». Въ госпиталяхъ-же часто ощущался такой недостатокъ въ ней, что сестры милосердія щипали ее изъ собственнаго бълья.

Состоявшимъ при штабъ случалось бывать свидътелями, какъ при ревизіяхъ въ госпиталяхъ, всегда напередъ извёстныхъ (внезапныхъ и неожиданныхъ ревизій не было и не могло быть, за невозможностью сохранить ихъ въ тайнъ), все оказывалось въ удивительномъ порядкъ, постельное бълье чистымъ, больные одътыми опрятно, пища хорошо приготовленной, такъ что ревизовавшіе готовы были удалиться, оставшись вполив довольными всемъ виденнымъ. Но указанія сестеръ мидосердія и докторовъ, или доносы здобствовавшихъ почему-либо вахтеровъ, наталкивали на скрытыя помъщенія, въ подвальныхъ или чердачныхъ этажахъ, гдъ больные, удаленные отъ начальническаго глаза, иногда въ двойномъ комплектъ, лежали по трое на двухъ поперекъ положенныхъ тюфякахъ, на грязномъ бъльъ, въ засаленной и дырявой одеждь, получали разбавленную пищу и томились въ самой антигигіеничной атмосферъ. Понятно, что нельзя было равнодушно относиться къ подобному наглому обману. Приготовлялись согласныя съ дъйствительностью донесенія, но они пользы не приносили, потому что главный начальникъ госпиталей всегда успъвалъ предупреждать докладъ ревизовавшихъ и издагалъ дело такъ, что воціющіе безпорядки получали характеръ «временных» мёръ, вызванныхъ необходимостью, по краткости времени и по недостатку средствъ.

Еще во время Севастопольской осады было слышно, что во мпогихъ госпиталяхъ полуострова, въ особенности въ Симферопольскомъ, появился тифъ между больными и ранеными. Появленіе эпидеміи приписывали существовавшимъ тамъ безпорядкамъ. Тогда-же, приблизительно, для удостовъренія въ дъйствительномъ положеніи дъла и для возможной помощи въ его упорядоченіи, командированы Императрицей Маріей Александровной и Великой Княгиней Еленой Павловной графъ Віельгорскій-Матюшкинъ, князь Долгоруковъ, графъ Паленъ, графъ Комаровскій и г. Табаровскій. Исполненные силъ и энергіи, они съ ръдкимъ воодушевленіемъ взялись за порученное имъ святое дъло; не зная усталости и утомленія, не боясь заразы, съ утра до глубокой

ночи не покидали они госпитальныхъ палатъ. Двое изъ нихъ, гр. Віельгорскій и кн. Долгоруковъ, погибли жертвами своего самоотверженія, заразившись отъ тифозныхъ больныхъ; остальные вернулись обратно въ Петербургъ, какъ надо полагать, въ горькомъ сознаніи своего безсилія, съ одной стороны остановить тифозное зараженіе между больными; съ другой -- искоренить, хотя отчасти, заразу любостяжанія въ средв лицъ, въдавшихъ госпитальнымъ козяйствомъ. Имъ не помогли ни важность порученія, ни положеніе ихъ въ обществъ, ни присущая имъ сила и энергія. Тесно сплоченные коммиссаріатскіе чиновники устояли противъ всъхъ ихъ усилій и когда высочайше командированныя лица покинули Симферополь, то по прежнему стали все чаще и чаще повторяться факты недостачи въ перевязочныхъ средствахъ, при наличности стнивавшихъ запасовъ корпіи и разнородныхъ госпитальныхъ перевязокъ, доставленныхъ со вежхъ концовъ Россіи и не расходованныхъ лишь для того, чтобы была законная причина получать незаконныя деньги, исправно выводя ихъ по отчетамъ въ расходъ. Такова вообще была политика «дъльцовъ» и заправителей военно-полеваго хозяйства.

Одиннадцатимъсячная оборона Севастополя, битвы при Альмъ, Балаклавъ и Черной оставили, безъ сомнъніи, много горестныхъ воспоминаній; но тягость этого чувства, какъ я уже сказаль, значительно смягчалась убъжденіемъ, что какъ погибшіе герои, такъ и оставшіеся въ живыхъ участники этихъ боевъ свято исполнили свой долгъ. Во всякомъ случав чувство это не имело ничего общаго съ темъ удручающимъ, тяжелымъ, прямо обиднымъ впечатлъніемъ, которое производили описанныя выше явленія и раскрывавшіеся, впоследствіи, примъры самаго грубаго хищенія, самыхъ безчеловъчныхъ отношеній къ тъмъ, которые своею грудью отстаивали цълость родины. Назначенная въ 1856 году коммиссія, подъ председательствомъ князя Виктора Илларіоновича Васильчикова, этого представителя безупречной честности и рыцарской прямоты, не смотря на усиленные труды и самыя тщательныя изследованія, только частью раскрыла существовавшую во время войны цёпь цёлаго ряда противузаконій и преступленій самаго возмутительнаго свойства. Обнаружена была въ подробности пропажа невообравимаго количества провіанта, небывалаго падежа целых воловых гуртовъ, купленсых будто-бы за большія деньги и не доставленныхъ по назначенію. Всплыли наружу поразительныя по своей дерзкой ловкости сдёлки между поставщиками-подрядчиками и пріемщиками-чиновниками. Въ 1858, 1859 и 1860 годахъ на гауптвахтахъ и въ арестахъ объихъ столицъ сидъли привлеченные къ отвътственности высшіе чины полевыхъ хозяйственныхъ отділовъ и ихъ бывшіе подчиненные, а рядомъ съ ними поставщики-купцы и Евреи. Многія изъ этихъ лицъ перемѣнили впослѣдствіи свои мундиры на солдатскія шинели, другіе познакомились съ мѣстами «болѣе или менѣе отдаленными»; но слишкомъ многіе вышли сухими или съумѣли устроить дѣло такъ, что самое наказаніе они отбывали въ гарнизонныхъ войскахъ, по уѣзднымъ городамъ, при возможно-пріятныхъ и веселыхъ для нихъ условіяхъ жизни. Правда, имена этихъ господъ, пригвожденныя, такъ сказать, къ позорному столбу, преданы были въ свое время гласности, но, обезпеченные въ средствахъ къ жизни, они мало обращали на это вниманія...

Какъ-бы противувъсомъ всъмъ этимъ скорбнымъ явленіямъ служило сознаніе, что были лица, которыя стяжали себъ иную славу и сдъдались дороги не только Русскому солдату, но и всему Русскому народу, достояніемъ самыхъ свётлыхъ страницъ въ исторіи Крымской войны. Н. И. Пироговъ, его славные сподвижники-медики, та молодежь, о которой я говориль выше, и, наконець, Русскія женщины, которыя всецьло отдавались служенію больнымъ и раненымъ, съ удивительной нъжностью перевязывали раны, ухаживали за больными и посильно облегчали ихъ страданія, жертвуя своимъ здоровьемъ, а подчасъ и жизнью, - всё они воздвигли себе нерукотворный памятникъ въ сердцахъ свидътелей ихъ гражданского подвига. Не разъ случалось мнъ быть очевидцемъ того, какъ лежавшіе въ госпиталяхъ солдаты, со слезами на глазахъ, молились на приносившихъ имъ облегчение, и посинълыми отъ приближавшейся смерти губами шептали слова благословенія и признательности... Утихали ихъ страданія, самая смерть казалась имъ не такой страшной, не такой мучительной.

Да, бывали и отрадныя минуты, когда хотя немного отдыхала душа, и воспоминанія о нихъ живы до сихъ поръ. Не далѣе какъ въ прошломъ году встрѣтилъ я на улицѣ города Т. нищаго старика-солдата, съ одной ногой на деревяшкѣ. Испитое, одутловатое, красное лицо, одежда въ лохмотьяхъ и вообще вся фигура говорили о томъ, что передо мной стоялъ одинъ изъ профессіональныхъ пропоицъ-попрошаекъ; но мое вниманіе привлекла его грудь, украшенная военнымъ орденомъ и Севастопольской медалью. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что бѣдный старикъ остался совершенно одинокимъ; всѣ старанія его достать себѣ мѣсто сторожа или дворника ни къ чему не привели, и онъ, мало по малу, сталъ опускаться все ниже и ниже.

— Случалось мнъ пропивать послъдній армякъ, разсказываль мнъ старый Севастополецъ; но три вещи берегь я пуще глаза и никогда не спускаль: кресть съ медалью, да серебряный образокъ, кото-

рымъ благословила меня «сестрица», когда я изъ Симферопольскаго госпиталя домой, безъ ноги, уходилъ. При этомъ солдатъ распахнулъ свой армякъ и показаль мнъ висъвшій у него на шеъ небольшой серебряный образъ св. Александра Невскаго.

— Вѣдь образки эти для насъ покойная царица-матушка прислала, объясняль ветеранъ. А сестры благословляли насъ ими при выпискъ изъ госпиталя. Спасительницы, утъшительницы наши онъ были, дай имъ Богъ царствіе небесное, добавилъ онъ, набожно перекрестясь, въкъ мнъ не забыть ихъ...

Сентябрь и Октябрь мѣсяцы 1855 года, или, какъ говорилось въ оффиціальныхъ документахъ, «конецъ второй кампаніи», прошли тихо. Бывшія за то время авангардныя стычки (въ началѣ Октября) у д.д. Енисала и Фацъ-Сала, не имѣли характера серьезныхъ военныхъ дѣйствій, а походили на «легкую встряску», по выраженію штабныхъ, «чтобы войска не опускались».

Въ Ноябръ пронесся слухъ, что Крымскую армію посътить Государь. Мигомъ облетьла эта въсть ряды нашихъ главныхъ силъ и передовыхъ отрядовъ и всюду произвела магическое дъйствіе. Начиная отъ генераловъ и кончая солдатами и ратниками ополченія, всъ воспряди духомъ и стали приготовляться къ царскому смотру. Забыты были тягости бивачной стоянки, испытанныя передъ тъмъ лишенія, тяжкія, не прекращавшіяся ни на минуту тревоги; все замънилось однимъ чувствомъ, чувствомъ ожиданія обожаемаго монарха, верховнаго вождя Русской арміи, тъмъ чувствомъ, которое всегда составляло и будетъ составлять крівность и силу Русскаго народа и вышедшаго изъ его среды войска. Велико было нетерпівніе арміи, но за то и безпредільна была ея радость, когда настала неподдающаяся описанію минута свиданія императора Алсксандра ІІ-го съ славвыми защитниками Севастополя и участниками не менте славныхъ боевъ на Таврическомъ полуостровть.

Государь прибыль въ Бахчисарай въ сопровождени своего брата, Великаго Князя Михаила Николаевича и небольшой, сравнительно, свиты. Для Его Величества отведено было помъщение въ домъ, который занималъ князь Горчаковъ, такъ какъ ханскій дворецъ былъ занять, съ начала кампаніи, подъ госпиталь. Почти на другой-же день послѣ высочайшаго пріѣзда начался объѣздъ войскъ на мѣстахъ ихъ позицій. Въ коляскъ, рядомъ съ главнокомандующимъ, отправился императоръ Александръ на смотръ частей Крымской арміи. За нимъ ѣхалъ Великій Князь съ начальникомъ штаба, потомъ двѣ-три коляски старѣйшихъ генераловъ и, наконецъ, верхомъ свита государева,

къ которой примкнула вся главная квартира арміи, въ полномъ ея составъ.

Безспорно-торжественный и внушительный видъ имъетъ царскій смотръ, когда въ строю находятся десятки тысячъ свъжаго войска, въ новыхъ мундирахъ и въ блестящей аммуниціи, дефилирующаго въ порядкъ, съ соблюденіемъ самаго точнаго равненія. Съ чувствомъ гордости останавливается глазъ на этой дисциплинированной массъ, стройно и безмолвно двигающейся по командъ начальства; чувствуется невольное сознаніе, что эта масса, при надлежащей подготовкъ къ бою, явится той силой, которая послужитъ надежнымъ оплотомъ противъ враговъ.

Иной характерь, не менъе величественный и болъе трогательный, какъ по вившнему виду, такъ и по внутрениему смыслу, имълъ смотръ Крымской арміи, произведенный покойнымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ въ Ноябръ 1855 года, за четыре мъсяца до Парижскаго мира, на равнинахъ Таврическаго полуострова. Тутъ не было ни красиво сшитыхъ новыхъ мундировъ, ни стройнаго парадированія, ни артистическаго соблюденія «линейнаго равненія», ня правильного шага «съ носка и въ ногу». Всв бывшіе въ строю чины, одътые въ старое и поношенное, отчасти прожженое и продыравленное вражескими пулями платье, забыли преподанныя имъ наставленія о соблюденіи такта, объ упорномъ фиксированіи затылка своего сосёда по ряду, о неукоснительномъ вниманіи къ тому, чтобы «дівымъ локтемъ чувствовать правый локоть рядомъ стоящаго товарища», однимъ словомъ всё те азбучныя начала, на которыхъ основана была фронтовая служба того времени. Забыли они тв начала, потому что каждый изъ нихъ (пъхотинецъ ли, ратникъ-ли ополченія, артиллеристъ, саперъ или кавалеристъ) занять быль одной только мыслыю, «какъ-бы поближе поглядеть на батюшку-царя», за котораго братья ихъ по оружію беззавътно умирали, а они дрались какъ львы на поляхъ Крыма и въ стънахъ Севастополя. Линіи дефилировавшихъ мимо царя частей войскъ были ломаны, изогнуты; люди крайнихъ лъвыхъ оданговъ шли не прямо, а полуоборотомъ на право, не отводя глазъ съ того, кто, видимо взволнованный и растроганный до слезь, пропускаль ихъ мимо себя.

— Спасибо храбрецы! Спасибо герои! Спасибо Севастопольцы! привътствоваль Государь каждую колонну, каждую роту, взводъ и батарею, при чемъ голосъ его дрожалъ отъ внутренняго волненія.

Громкое, неудержимое, изъ глубины души вырывавшееся «ура!», вмъсто обычнаго «ради стараться», было отвътомъ солдатъ на милостивыя слова Монарха.

Если-бы эти колонны, одътыя по походному, пледшія бодро и весело за своими обстръленными и простръленными знаменами, подъ звуки боевой музыки, двинуть въ ту минуту на непріятеля, онъ ринулись-бы на него еще съ большей отвагой, чъмъ въ былыя сраженія, стремительно и несокрушимо: до того сильно было воодушевленіе «героевъ и храбрецовъ», чувствовавшихъ на себъ ласковый, полный любви, признательности и состраданія взглядъ Государя, по ихъ понятіямъ сливавшагося въ одно съ ихъ върой и родиной.

Картина Крымскаго смотра, поражавшая своимъ внутреннимъ величіемъ, блистательно доказавшая тёсную связь верховнаго вождя Русскаго народа съ его арміей, едва-ли когда изгладится изъ памяти ее видъвшихъ.

Никто изъ насъ, оставшихся въ живыхъ очевидцевъ этого смотра, никогда не забудетъ возбужденныхъ, сіявшихъ счастьемъ, отвагой и пыломъ, загорълыхъ, отмъченныхъ слъдами ранъ, характерныхъ лицъ нашихъ Крымскихъ солдатъ и устремленнаго на нихъ отцовскаго, любящаго, нъжнаго взора императора Александра II-го...

Много трогательнаго, много поучительнаго сказалось въ этой картинъ, закончившей собой рядъ потрясающихъ сценъ геройской эпопеи.

А. Н. Супоневъ.

Москва, 1-го Августа 1896 года.

ЯРОСЛАВСКАЯ СТАРИНА.

۷Ш *).

Бѣсноватая.

Первый день Святокъ 1841—1842 г., т.-е. 25 Декабря, ознаменовался въ Ярославлъ крайне загадочною исторіей: по городу разнеслись слухи, что погубитель рода человического, діаволь, собственною персоною изволиль пожаловать, не убоясь великаго праздника, въ домъ мъщанина Андрен Матвъева Казанкова, гдъ и учинилъ, словно знаменитый фокусникъ Пинетти, нъсколько превращеній. Въ чемъ они заключались, молва разноголосила. Люди наиболье глубокомысленные, во главъ коихъ находились члены Ярославского Совъстного Суда, решительно отрицали возможность появленія чорта въ просвъщенное парствование Пиколая I, тъмъ болъе, гдъ же? Въ Ярославль, гдь и тогда находился источникъ науки-Демидовскій лицей ... Съ другой стороны, мъстные обыватели, въ особенности мъщанство, мелкое чиновничество и даже первогильдейскіе кунцы съ своими супругами утверждали, что наука сама по ссоб, а діаволъ тоже самъ по себъ, и что первал едва-ли сильнъе второго: профессорь, напримъръ, не можеть даять по собачьи, а чорть-сколько угодно! Стоить ему только вселиться въ утробу мъщанки Оёклы Сергъевой Казанковой, и тогда Ярославская полиція ничего съ нимъ не подбласть. Находились среди Ярославской публики и такіе господа, которые держали строгій нейтралитеть, полагаясь во всемъ на волю и распоряжение духовнаго и свътскаго начальства: если прикажетъ оно върить священнику Пиколо-Мельницкой церкви, что онъ, батюшка, самъ собственными ушами слышаль бъсовскій лай, ну тогда и мы повъримъ; а не прикажеть, тогда оставимь вышеозпаченную мёщанку вмёстё съ чортомъ, только "подъ сильнымъ подозрвніемъ"...

Что же (спросить насъ читатель) представляла собою въ дъйствительности эта загадочная исторія? Отвъчаемъ на основаніи архивныхъ документовъ.

Паша "исторія" гласить, что въ то время, когда священно и церковнослужители Пиколо-Мельницкой церкви обходили своихъ прихожанъ со Св. Крестомъ, ипаче сказать "славили" Новорожденнаго Христа, на дворъ мъщанина Казанкова, въ 3-й полицейской части города Ярославля, внезапно раздался неистовый собачій лай.

^{*)} См. "Р. Архивъ" сего года, вып. 5-й, стр. 147.

Конечно, въ этомъ лав не заключалось пичего сверхъестественнаго. Умный батюшка сразу не придаль ему значенія, ибо песь-животное, неодаренное безсмертною душою, мало-ли на кого можеть данть, просто отъ глупости. Но затъмъ, по здравомъ разсуждени, тотъ же священникъ сообразилъ, что дело не спроста. Вопервыхъ, ему, какъ и всему причту, было хорошо извъстно, что мъщанинъ Казанковъ собакъ у себя ни на дворъ, ни въ дом'в не держитъ. Откуда же он'в вдругъ появились и лаютъ на разные лады: то словно маленькіе щенки тявкають, то задиваются и урчать подобно здоровеннъйшимъ псамъ. А далъе, священнику пришло на умъ, что его прихожанинъ Андрей Казанковъ-иччего, человъкъ самъ по себъ добрый и благочестивый; да и жена его Марья Дмитріева тоже ни свътскимъ, ни духовнымъ начальствомъ въ вольномысліи не замъчена. Оба они православные, на духу и у Св. Причастія бывають каждогодно. За то родительница перваго пръ пихъ, мъщанка Обила, баба весьма подозрительная, ужъ лътъ десять, а можеть статься и больше, оказывается "въ въръ нетвердою", да къ тому жеслухомъ земля полнится —она и порожбой занимается... Идти ли въ домъ ен сына?

Однако, побуждаемый храбрымь отцомъ-дьякономъ, свищенникъ рашился отворить калитку, и всё, вкупё съ дьячкомъ и пономаремъ, вошли во дворъ. Собакъ (о, чудо!) не оказалось, и вмёсто ихъ паходились три "личности женскаго пола", изъ коихъ двё, нешавъстныя священнику, стоили молча, а третъя ланла по-собачьи.

Священникъ ужаснулся и вознегодовалъ.

- Такъ воть кто изображаеть собою исовъ смердвишхъ! Пе стыдно-ли тебъ, Оёкла Сергъевна, такимъ дъломъ заниматься? Полно, перестань! Иди въ домъ, выслушай отъ меня славословіе, приложись ко Св. Кресту, а иначе... Да перестань же темпый пародъ смущать!
- Гамъ! Гамъ! Гамъ! отвъчала Оёкла Сергъевна по-собачьи, къ великому ужасу неизвъстныхъ женщинъ.
- Я шутить съ тобой не намъренъ, оскорбился совершенно основательно свищенникъ: я воть только кончу свое обхожденіе, сейчасъ же донесу кому слъдуеть о твоемъ злокозненномъ дънніи въ столь великій и святой праздникъ.

По Казанкова, отъ которой неизвъстным женщины поспъпили убъжать, продолжала играть роль пса: все лапла, хотя ибсколько "умърениве", чъмъ въ началъ своего "дъявольскаго навожденія".

— Если такъ, любезная, закипптился священникъ, тогда ужъ извини! Я сейчасъ же пойду къ господину квартальному надзирателю, объявлю сму о твоемъ собачьемъ поруганіи святыни, а за симъ допесу отцу благочинному и самому высокопреосвященному Евгенію.

И что же? До чего можеть простираться буйство человъческое, подстрекаемое діаволомь? "Бъсноватан" вдова-мъщанка, ни мало не устращась имени Ярославскаго и Ростовскаго владыки, еще разъ протявкала и за симъ удалилась невъдомо куда. Николо-Мельницкій церковный причть, къ цъломъ своемъ составъ, тоже ушелъ со двора дома, "въ коемъ обитала сресь, олицетворенная вышеръченною женщиною".

Изъ нашихъ документовъ оказывается, что священникъ сдержалъ свое грозное слово: не преминулъ донести чрезъ отца благочиннаго кому надлежало, то-есть и архіерею, и квартальному надзирателю; последній, само собою разумъется, не утаилъ, "по долгу присяги на върность службы", объ оффиціальномъ визить къ нему, квартальному надзирателю, священника Николо-Мельницкой церкви. Въ рапортв его господину частному приставу было изложено: "Дъйствительне, нынъ, послъ Рождества Христова, приходиль ко мив сей священникь, но безъ причетниковъ, и сказываль, что прихода его мъщанка Казанкова болъе якобы 10 лъть къ нему на духт не ходить, а между тімь и ворожить разнымь приходящимь и прівзжающимь вь квартиру си людямъ, и что у нея на ввартир'я есть прівзжающіє, но о собачьемъ дав не объявляль". Мы затрудняемся разъяснить и себв, и читатедямь последнюю фразу: почему "собаки не ланди" въ рапорте квартальнаго, и вследствіе чего теже тапиственныя собаки вновь появились на бумать въ "дълъ", когда оно перешло въ следующую высшую инстанцію, къ господину частному приставу? Недоумъваемъ, ръшительно недоумъваемъ! Частный же приставъ, при допросъ, такъ-таки прямо и началъ со псовъ:

- Показывай, Оёкла Сергвева, сушую правду-истину. Есть у тебя, или у твоего сына, собаки?
 - Пътъ, и не бывало.
 - Кто же ланлъ предъ пономъ? Пе ты-ли сама?
- Не знаю. Только тогда я не лаяла, это напраслина. Ланны тогда я не производила, говорю по чистой совъсти, коть присягу приму.
- Но батюшка заявляль, что именно во время прибытія его "со святомъ" том лаяла. Всю слышали, весь народъ. Чистосердечное признаніе твое можеть смягчить наказаніе.
- Кто же это "вск", ваше благородіе? У нась на дворк, въ ту пору, когда духовенство ивилось къ намъ, сколько могу приномнить, никого и не было кром'в двухъ неизв'ястныхъ госпожъ, въ салопахъ и шляпкахъ; а приходили эти барыни ко мит съ разспросами о случившихся у нихъ пропажахъ. Только въ то время я имъ ничего не могла разъяснить... "Иногда же я другимъ и разъясняю, говорю непольнымъ образомъ, по дъйствію нешстано духа, во мит находящаюся, о пропажахъ разныхъ всщей"... Какъ видно, частный приставъ немножко нескладно записалъ показаніе бъсноватой бабы. Но и то сказать: его-ли дъло было гоняться за красноръчіемъ, въ виду возмутительнаго случая, т.-е. избранія нечистымъ духомъ резиденціи для себя въ превъ вышеозначенной мъщанки? Это не подлежало ни малъйшему сомнънію: она въ томъ сама созналась и подтвердила тоже самое, когда губернское начальство привлекло ее къ отвъту предъ Ярославскимъ Совъстнымъ Судомъ.

При судебномъ слъдствіи выяснилось слъдующее. Жившіе съ Казанковою сынъ ся, мъщанинъ Андрей Матвъсвъ Казанковъ, и жена его Марья

Дмитріева показали, что "съ матерью ихъ случается исобъяновенная икома и что до прихода священно и церковно-служителей были у пен тогда (25 Декабря) двъ неизвъстныя женщины для спросу о пропажахъ; да и прежде сего, хотя прихаживалъ къ ней народъ для отгадыванія о пропажахъ, по что она имъ отвъчала—неизвъстно. На вопросъ: походила-ли эта означенная "необыкновенная икота" на собачій лай, свидътели не дали положительнаго отвъта.

Состави (4 человъка) показали: "наслышаны-де мы (такіе-то Ярославскіе мъщане), что Казанкова имъеть въ себъ порчу, и дъйствуеть въ ней нечистый духъ, посредствомъ коего, якобы, приходящимъ къ ней людямъ она отгадываеть о пропажахъ; но справедливо-ли сіе, равно ворожить-ли опа и лаеть-ли по собачьи на разные манеры, о томъ неизвъстны. Боязни же и страху ни въ какихъ отношеніяхъ мы не предвидъли и не предвидымъ".

По требованію Совъстнаго Суда, сдъланъ быль "повальный обыскъ", и въ немъ было написано, что "онан мъщанка Казанкова ни въ какихъ противуваконныхъ и дурныхъ поступкахъ, дъдаемыхъ ею, не замъчена". А тогда "повальный обыскъ" имъль большое значение въ глазахъ юстиціп, а потому, казалось, дъло принимало паправленіс, вполив благопріятное для подсудимой: ведь не могли же господа члены Совестивго Суда прибегать къ строгимъ наказаніямъ, или, другими словами, опи не имъли права посредствомъ плетей выгнать нечистую силу изъ грвшнаго твла. Изгнаніе одного бъса или пълаго легіова, конечно, было возможно, но лишь при помощи надлежащихъ завлинаній, а таковыя тогда производились чрезъдуховенство, бълое или черное-это все равно... Въ Ярославскомъ Совъстномъ Судъ, какъ видно изъ нашихъ документовъ, явилось накоторое колебание при рашении вопроса объ участи "бъсноватой": ужъ, полно, не оправдать-ли се, ради невъжества и скудоумія, предоставивъ владыкъ Евгенію избрать священника или монаха для "отчитыванія" сей бабы, виноватой, между прочимъ, въ продолжительномъ пебытін у испов'вди и Св. Причастія. Къ сожальнію для "бъсноватой", за нею были еще другіе гръшки, помимо ланнья по-собачьи.

"А по справкамъ оказалось (читаемъ въ дълъ), что Казанкова за подобные поступки судима была два раза и въ 1836 году выдержана была,
для исправленія нравственности, при Ярославской градской полиціи подъ
арестомъ три недъли и лишена была честнаго имени; посль же сего обязана
подпискою, дабы впредъ отъ подобныхъ (?) поступковъ воздерживаться опасеніемъ большаго наказанія по законамъ; а въ 1837 году, по подозрѣнію
въ кражъ пряжи разныхъ сортовъ съ фабрики *), по ръшенію Уголовной
Падаты, оставлена по предмету кражи въ сильномъ подозрѣніи, а за пеобъявленіе о найденныхъ воробахъ (?) и оставленіи ихъ у себя, было заключено: лишить ее Казанкову тоже добраго имени и подвергнуть легкому
полицейскому наказанію".

Въроятно, съ "Большой Мануфактуры", припадлежавшей тогда паслъдникамъ знаменитаго богача Яковлева. Л. Т.

Такъ воть какова была ворожея! И не смотря на то, что Ярославская Ппоін липилась "добраго имени", она ухитрялась привлекать къ себъ не одивхъ только туземныхъ мвиданокъ, но и барынь въ шляпкахъ: историческая черта, характеризующая нашихъ бабушекъ и маменекъ! Судя по архивнымъ документамъ, онъ были особы очень храбрыя, не боявшіяся злобпаго нечистаго духа, лаявшаго по собачьи. Сдълать иной выводъ мы предоставляемъ читателю. Онъ самъ оценить, въ бытовомъ отношени, какъ озпаченную "неустрашимость", такъ и ръшеніе Ярославскаго Совъстнаго Суда, который, "выслушавъ дело мещанской вдовы Оёклы Сергевой Казанковой, преданной сужденію его за лаянье по собачьи при хожденіи священно и церковно-служителей Пиколо-Мельницкой церкви со Святымъ Крестомъ во время праздника Рождества Христова, для привлеченія народа, находящагося у нея, какъ у отгадчицы и ворожен, мевніемь заключиль: "наъ обстоятельствъ дъла оказывается"... (слъдуетъ изложеніе фактовъ, переданныхъ уже нами въ падлежащей полнотъ)... Но за всъмъ тъмъ она (Казанкова), какъ изъ дъла видно, "и до нынъ правственность свою не исправила, но еще больше пепортила, запимансь тъмъ же колдовствомъ, предсказаніями и обманами, утверждая даже предъ Совъстнымъ Судомъ, что подчинялась невольнымъ образомъ дъйствію печистаго духа, въ ней находящагося"...

Упрямство пятидесятильтней бъсноватой старухи увлекло ее изъ Прославля далеко, очень далеко. "Взявъ въ соображение собственное ся признание, улику сына со снохою и прежния подсудимости, на основании т. XV, 123, 124, 201, 202, 748 и 749 статей, Совъстный Судъ мизніемъ положиль: за ся обманъ, предсказаніе, колдовство, равно и поруганіе религіи, наказать плетьми, чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей при полиціи, двумя ударами и по паказаніи, яко лишенную добраго имени и вредную въ обществъ, сослать въ Сибпрь на поселеніе".

Оставиль-ли ее вы ноков нечистый духъ, убоявшись Сибирскихъ холодовь, или сей прагъ рода человъческаго совершиль, вывств съ Казанковою, невольное путешествие за Ураль, памъ неизвъстно: наши бумаги храпить гробовое молчание о дальнъйшей судьбъ Ярославской кликуши.

IX.

Казнь поджигателя.

Извъстно какъ исторически, такъ и филологически, что наши злополучные предки получили изъ Азіи и Европы, отъ варваровъ-Татаръ и образованныхъ Германцевъ, два наслъдства: кнутъ и шпипрутены. Оба орудія казни, къ счастію, перешедшія теперь въ область преданій, хотя вовсе не туманныхъ (потому что и до сихъ поръ здравствуютъ "современники" кнута и налокъ), оба эти орудія были убійственны. Но Ивмецкое проклятое наслъдство, не въ укоръ будь сказано нашимъ западнымъ учителямъ, было гораздо мерзъе и страшите кнута, обагрясмаго Русскою кровью. Папримъръ, возмемъ хоть нашихъ отцовъ и дъдовъ — Ярославцевъ. Они видали (увы, слишкомъ часто видали!), какъ заплечный мастеръ "работаетъ" на Сънной илопцади, куда, по Угличской улицъ, на позорныхъ колесницахъ изъ острога привозились и отдавались ему въ руки преступники и преступницы...

Гремълъ барабанъ, призывавний зрителей ко вниманию... Раздавался громкій военный возгласъ: "Шанки долой!"... Увздный странчій (или секретарь Убзднаго Суда) читалъ во всеуслышаніе: "По указу Его Пиператорскаго Величества"... и т. д. А затъмъ... затъмъ правосудіе торжествовало надъ порокомъ и казнило его, прибъгнувъ къ рукамъ отверженца обществапалача. Но тогда, по крайней мъръ, всь знали и въдали, что ужь такова его проклятая должность: свчь на лобномъ мъсть вольныхъ (а иногда и невольныхъ) преступниковъ, съ наложеніемъ у пихъ на лбу и скулахъ трехъ роковыхъ жельзныхъ буквъ: В. О. Р. (т. е. "воръ") *). Создавать же вдругь тысячи заплечныхъ мастеровъ изъ солдатъ, защитниковъ паря и отечествавручать имъ не трехгранный штыкъ, а длинныя гибкія падки, чтобы заськать людей медленно, въ продолжении ивсколькихъ часовъ... Ибть, такан казнь, достойная проклятія, была гораздо мучительніе кнутобойства! Изобрізтатель ея "Ивмець-гуманисть" въ данномъ сдучав являлся гораздо крокожадиве Татарина. Русскому народу не легче было отъ того, что Пъмцыучителя раньше своихъ учениковъ бросили шпицругены, которые у пасъ "работали" съ особенною силой въ двадцатыхъ-пятидесятыхъ годахъ, простираясь отъ нъскольких сотъ до нъскольких тысячь ударовъ. Солдаты забивали на смерть какъ своихъ товарищей по оружію, такъ и лицъ податныхъ сословій. Если оть одного падача (путемъ ди подкупа, или вельдствіе нежеланія его особенно утомляться кровавою работой, или, наконець, по голосу совъсти, присущей иногда и палачамъ) зависъло убить человъка на лобномъ мъстъ, или сохранить ему жизнь, то, спрацивается, возможно ли было остаться въ живыхъ, когда выставлялся въ два ряда прамий биталона невольныхъ палачей-солдатъ? Мыслимы ли, возможны ли были при этомъ родъ казни какія-либо послабленія? Чънъ кончались такія "прогулки по березовой рощь", читатель сейчась увидить изъ настоящаго разсказа, основаннаго на архивныхъ документахъ, о судьбъ одного поджигателя. Дъло заключалось въ следующемъ.

14 Октября 1842 г., исправлявшій должность Ярославскаго губернатора, вице-губернаторъ Ханыковъ донесъ министру внутреннихъ дёлъ Перовскому

^{*)} Кстати замвтим, что въ двтстве мы слышали любопытный разсказъ объ одномъ стряпчемъ, который будто бы сочинилъ въ городе Любимъ (Ярославской губерпін) "Проектъ о примиреніи Русской грамматики съ ХУ т. Уст. объ уголовныхъ навазаніяхъ". Это "примиреніе" заключалось, якобы, въ употребленіи на подбородкъ "четвертой педостающей буквы: Ъ". Следуетъ еще сказать, что жестокій Любимскій юристъ (помпитси, его звали Владимиромъ Ивановичемъ Воскресенскимъ) былъ изъ семинаристовъ. Оптсамъ имълъ несчастіе подвергнуться въ концъ пятидесятыхъ годовъ кнутобойстку въ усадьбъ помъщика, маіора Вержбицкаго (изъ Поляковъ); последній перепороль чрезъ, свою дворню всёхъ членовъ временнаго отделенія Любимскаго Земскаго Суда и вскоръ после совершенія этого дикаго самоупранства покончиль съ собою самоубійствомъ. Падвемся со временемъ включить и сей разскавъ вь нашу "Ярославскую Старину". Л. Т.

о "неблагополучномъ состонніи" Ярославскаго увзда. Въ городв все было тихо и спокойно, пожаровъ не происходило, за то по ужзду безпрестанно леталь "красный петухъ". Горели и помещичьи, и казенныя деревни. Такъ, въ продолжени одной недъли, случились три значительные пожара, а именно: въ ночь съ 28-го на 29-е Сентября выгоръла вся казенная деревня Бортниково; даже хльбъ въ амбарахъ весь сгоръль. Второй пожаръ случился 1-го Октября въ дер. Ченцахъ, вотчины г-жи Зацепиной, где огонь истребилъ дома и скотъ. Третій пожаръ въ ночь съ 3-го на 4-е число того же мъсяца обратилъ въ пепель деревню Чемерево, принадлежавшую графиив Кутайсовой. Усмотръвъ огонь, крестьяне сосъдняго села Аристова посившили на помощь и поймали бъжавшаго съ пожара крестьянина казенной дер. Скородумова Игнатія Дмитріева. При допросъ онъ сознался сотскому, что "зажигательство во всёхъ вышеозначенныхъ селеніяхъ производиль онъ, Дмитрієвъ, вм'єсть съ крестьяниномъ дер. Нагорнова Осипомъ Титовымъ, съ тою цілью, дабы при пожаріз свободніве воспользоваться какимь-либо имуществомъ".

"Однако (присовокупилъ вице-губернаторъ Ханыковъ) Осипъ Титовъ въ преступленіяхъ не сознается, почему о виновныхъ въ сихъ зажигательствахъ и о понесенныхъ погоръльцами убыткахъ производится изслъдованіе".

Докладъ министра Перовскаго императору Николаю 1 объ Ярославскихъ поджигателяхъ заключалъ въ себъ всеподданнъйшес "мивніе", что упомянутыхъ злодъевъ слъдонало бы судить не обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ, а "особливо—примирно", въ устраненіе подобныхъ случаевъ, которые крайне опасны для блага крестьинъ и дворянъ. Пемедленно нослъдовало высочайшес сонзволеніе, выраженное въ предписаніи Перовскаго Ярославскому вице-губернатору (отъ 25-го Октябри 1842 г., за № 5148). Передаемъ его здъсь вполив.

"Государь Императоръ, по всеподданнъйшему докладу моему донесенія вашего отъ 14 сего Октября, за № 3265, что въ Ярославскомъ увздв, въ концв минувшаго Сентября 1), были три пожара, и что задержанный при послъднемъ изъ нихъ съ похищеннымъ имуществомъ 2) врестьянинъ Дмитріевъ тогда же сознался, что всв помянутые пожары произошли отъ его поджоговъ, обще съ одновотчиннымъ крестьяниномъ 3) Осипомъ Титовымъ, высочайше повелъть соизволилъ: "Немедленно произошли ихъ сквозъ тысячу человъкъ, каждаго по шести разъ, на самоль мъсть преступленія, придавъ возможную важность наказанію; а буде они останутся живы, то, по выздороженіи, заковавъ, отправить въ Сибирь на каторуу".

[&]quot;) "И въ началъ Оптября", слъдовало-бы прибавить для точности. Л. Т.

⁾ Эта "подробность" прибавлена уже саминъ министронъ. Л. Т.

^{*)} Тоже не вполив върно: въ министерствъ, очевидно, сильно торопились составлением доклада Государно, не обращая вниманія на подробности въ дълъ государственной важности. Л. Т.

"При семъ Его Императорское Величество высочайше повельть соизволиль: "Точно также поступать и сездь, идь зажинители будуть найдены и изобличены. А п малольтних представлять мнь".

"О семъ высочайшемъ повелёніи, объявленномъ и г-ну военному министру, я считаю долгомъ увъдомить ваше превосходительство для зависищаго съ вашей стороны распоряженія, прося донести мив о послъдующемъ.

Перовскій".

Получивь это предписаніе, Ярославскій вице-губернаторъ Ханыковъ не усмотръль въ немъ ръшенія: какъ поступать съ другими поджигателями. которые въ томъ-же 1842 году совершили подобныя здодвиства? Недоразумвніе, встрвченное Ханыковымъ, было вполив основательно: Уголовная Палата, за нъсколько сутокъ до полученія въ Ярославль вышеприведеннаго высочайшаго повельнія, рышила два дыла о другихъ. Прославцахъ-поджигателяхъ, при чемъ ея ръшенія, конечно, были основаны на ХУ-мъ томъ Ск. Зак., а ужъ никакъ не сообразно съ высочайшей резолюціей, о которой Палата тогда не знала; иначе она всепепремвино уклонилась-бы по закопу отъ раземотрънія этихъ дълъ. Въ ея въдъніи состояли палачи съ ихъ орудіями-кнутами и "штемпельными знаками"; что-же васается шинпругоновъ, то они заготовлялись и употреблялись въ дъло военнымъ начальствомъ. Всявдетніе сего вице-губернаторъ Ханыковъ донесъ министру внутреннихъ дъль, что 31 Октября въ нему поступили изъ Ярославской Палаты Угололнаго Суда, для разсмотренія и утвержденія, два приговора, а именно: первый приговорь, состоявшися 13-го Октября, касадся крестьянива Приелавскаго убада, дер. Костенчугова, Якова Андреева Банкина. Онъ сознался въ умышленномъ сожжении. 1-го Іюля 1842 г., своего собственного дома. "но безъ объявленія причинъ, побудившихъ его къ таковому преступленію"; вибеть еъ его домомъ сгорбли также 24 крестьянскихъ и 7 бобыльскихъ домовъ. Уголовная Палата присудила Баякина къ наказанію на мъсть преступленія кнутомъ пятью ударами и къ ссылкі въ каторжную работу, "по поставлении установленныхъ штемпедевыхъ знаковъа. Другой приговоръ скаго-же увада, вотчины г-жи Кострицкой, Иванъ Титовъ, который былъ заподозрънъ въ умышленномъ поджогъ дома своего родного брата Егора Титова, "по злобъ къ нему", но за неимъніемъ очевидцевъ зажигательства не быль уличень, а самъ не сознался. Его уличали только "въ странныхъ и злобныхъ дъйствіяхъ": во время пожара Иванъ Титовъ отказывался помогать своему брату, просившему о помощи; мало того, другихъ крестьянъ отгоняль и, бъган за ними съ топоромъ, восилицаль неистово:

- Не смъть тушить! Пусть все сгорить!
- Да, въдь, тамъ въ особой горенкъ лежитъ больнымъ-больнехонька твоя беременная сноха (жена третьяго брата, находившагося въ отсутствіи): она сгорить...
- Ну, и пусть сторить! ревъль на всю деревню Иванъ, Титовъ: не ваше дъло... Прочь, или убъю!

Такъ и сторъла несчастная женщина. При такихъ данныхъ, современный судь съ участіємь присяжныхь заседателей и экспертовъ-психіатровъ, въроятно, усмотрълъ-бы въ крестьининъ Титовъ не злодъя, а сумасшедшаго; но Русская юстиція тогдашняго времени мало заботилась о судебной медицинв. 11 воть Ярославскій Увадный Судь решиль такь: "Крестынина Ивана Титова, не взирая на несознаніе его въ зажигательствъ, и хотя не было въ томъ дъяніи никакихъ свидътелей, по какъ обличаемаго (sic!), по злобнымъ поступкамъ въ сожжени дома брата своего, при чемъ сгорвла и споха его, наказать на мъстъ преступленія кнутомъ и сослать въ каторжиую работу, по постановлении установленных в штемпелевых знаковъ". Затъмъ, Уголовная Палата переръшила это дъло слъдующимъ образомъ: "По предмету зажигательства оставить онаго крестьянина Ивана Титова иъ сильпейшемъ подозрении, а за вышеобъясненные поступки его, дерзновенные и влобные, лишивъ псвуъ правъ состоянія, наказать его на мъсть преступленія, публично, чрезь палача, плетьми сорока пятью ударами и сослать из Сибирь на поселеніе". Отсюда, намъ нажется, можно заключить, что по "лъстницъ наказаній" 5 ударовъ кнутомъ стояли выше 45-ти ударовь илетьми. Вирочемъ, не будучи юристомъ, не смъемъ касаться этого деликатного вопроса и возвращаемся къ Ярославскому вице-губернотору Ханыкову, который, повторяемъ, поставленъ былъ въ сильное педоумъніе, кажь ему поступить съ двумя вышеизложенными делами.

"Долженъ-ли я (спрашивалъ онъ министра), за воспоследованиемъ сего поваго законоположенія о поджигателяхъ, приступать къ разсмотрівнію и утвержденію означенныхъ ръшеній, по праву, начальникамъ губерній предоставленному, а при несогласіи моемъ на різшеніе Палаты діло представлять, съ мивніємъ монмъ, въ Правительствующій Сенать на окончательное рвшеніе? Или-же, въ точное исполнение высочайщихъ повельний о зажигателяхъ, долженъ я подвергнуть сіи дъла и преступниковъ военному суду? Сверхъ того, осм'яливаюсь просить разр'ященія вашего высокопревосходительства еще по следующему предмету. Въ высочайшемъ повеления, значущемся въ предписанін 6-го Октября, сказано: "впредт до повельнія вську поджинателей судить безь очереды военными судомь"; а въ высочайшей резолюціи, изложенной въ предписании отъ 25 Октября, за № 5148-мъ, послъдовавшемъ по двлу объ открывшихся здёсь, въ Ярославскомъ убедё, зажигателяхъ Игнатьт Дмитріев'в и Осинь Титов'в, за назначеніем в мыры наказанія, сказано: "А объ малольтнихъ представлять мив (т. е. Государю Императору) не приступан къ наказанію", то подъ словомъ "всіхъ", если будуть найдены и изобличены въ зажигательствъ женщины, должно-ди разумъть и сего пола модей дли произведенія падъ ними военнаго суда и для исполненія присужденнаго симъ судомъ наказанія? И не должно-ли о преступницахъ сихъ, подобно какъ и о малолитнихъ, представлять на всемилостивъйшее Монарха нашего благоусмотриніе, не приступая къ совершенію наказанія?"

Намъ хочется думать, что этоть вопросъ подсказанъ былъ Ханыкову не только желанісмъ разъяснить дёло съ бюрократической, формальной точки зрвнія, но и голосомъ человіческой совісти. Прогонять "сквозь строй" мужиковъ—это еще куда ни шло, это еще мыслимо; по казнить руками цівлаго полка поджигательниць-бабъ, дівокъ "и сего пола людей", какъ выразился Ярославскій вице-губернаторь, нівть, это было ужь черезъ-чуръ слишкомъ!.. А, відь, могли-же казнить. Кто могь запретить? Въ резолюціи, упоминалось лишь о "малолітнихъ". О женскомъ полі было умолчено; уголовные-же законы тогдашняго времени мало отличали "прекрасный поль" оть нашего: кпуть и илеть были общимъ удівломъ для Русскихъ преступниковъ и преступниць, если опи иміли песчастіє припадлежать къ сословіямъ мінцанскому или крестьянскому. Песомнівню, что и самъ Перовскій колебался при разрішеній вопроса о возможности или невозможности казнить шпипрутецами женщиць-поджигательниць. Отвіть его любопытень для исторій нашего криминальнаго законодательства *):

"Посивнаю ответствовать, что такъ какъ крестьяне Баякий и Титовъ преданы за поджигательство гражданскому уголовному суду до состоящи высочайщаго повельній о сужденій подобных преступниковъ восиным судомъ, и окончательный о нихъ приговоръ въ Уголовной Палать последоваль прежде, нежели объявлено вамъ высочайщее повельніе о мъръ наказанія поджигателей по военному суду: то, за силою ст. 60-й Свода основныхъ государственныхъ законовъ, дъла сій подлежить кончить въ гражданско-уголовномъ порядкъ. Что касается другого вопроса вашего о томъ, распространяются-ли помянутыя высочайщія повельнія о поджигателяхъ и на женщинъ, кои могуть оказаться виповными въ семь преступленіи: то, не види изъ допесеній вашего, чтобы таковой случай дъйствительно представился, и признаю прежедсерсменным входить въ разсмотрвніе онаго".

Такимъ образомъ Перовскій не сказаль ин да, ни нът относительно предація женщигь посиному суду. Еть счастію, поджигательниць въ Ярославской губерніи не оказалось, а потому вопрось о нихъ, какъ говоритен, остался открытымъ". Тогда Ярославскимъ губернскимъ властямъ слъдовало запяться составленіемъ мрачнаго церемоніала для казни одного поджигателя Игнатія Дмитріева, и власти, дъйствительно, отличились: "придали возможную важность церемоніи", согласно высочайшему повельнію, не убоялись даже печатной гласности. По городу Ярославлю и его укзду было распространено нижеслъдующее объявленіе, напечатанное иъ типографіи Губернскаго Правленія и прокорректированное самимъ Ханыковымъ.

"Сего Понбри мъсица 25 числа, въ Среду, въ 9 часовъ утра, вывезенъ будеть изъ Ярославскаго тюремнаго замка и будеть препровожденъ чрезъ городъ и ръку Волгу, за строгимъ конвоемъ внутренней стражи и жандармовъ, въ деревню Ченцово, Ярославскаго уъзда, преступникъ, изобличенный въ зажигательствъ трехъ деревень: Бортникова, Ченцова и Чемерова, ка-

^{*)} Предписаніе отъ 17 Ноября 1842 г., за № 5526.

III. 7

зенной Григорьевской волости крестьянинъ Игнатій Дмитріевъ, сужденный, по высочайшему Государи Императора повельнію, военцымъ судомъ и приговоренный къ паказанію на мъсть преступленія, гдь преступника сего и ожидаеть строй военной команды".

Церемоніаль казни состояль изъ 12-ти пунктовъ. Составитель его вице-губернаторъ Ханыковъ, какъ увидитъ читатель, съумълъ создать для ужасной драмы надлежащую обстановку, изображенную въ слъдующей, тоже печатной, публикаціи:

"Оть управляющаго Ярославскою губернією, вслідствіє высочайнаго повелінія, дается знать и предписывается къ исполненію, до кого что принадлежить, слідующее.

- 1. Содержащійся въ Ярославскомь тюремномь замкі преступникь, крестынинь Игнатій Дмитріевь, изобличенный въ зажигательстві трехъ деревень и осужденный военнымь судомь къ наказанію на місті преступленія—въ деревні Ченцовь, Ярославскаго уізда, для совершенія надышимь того наказанія въ назначенный день, именно сего Ноября 25-го числа, въ Среду, въ 9 часовъ утра, изъ міста заключенія препровождается чрезъ городъ къ місту наказанія, за строгимъ конвоемъ внутренней стражи и жандармовъ. При семь порядокь соблюдается слівдующій.
- 2. Полиціймейстеръ города, въ назначенное время, выводить изъ замка преступника, связаннаго, подъ карауломъ, и передасть назначенному для препровожденія его и туть-же находящемуся конвою.
- 3. Вивств съ симъ приказывается отъ полиціймейстера посадить преступника на приготовленныя тутъ-же дровии, запряженныя въ одпу лошадь, и везти тихо.
- 4. Отправясь, полиціймейстеръ слідуєть впереди; за нимъ идуть три барабанцика и быють дробь, употребляемую при наказаніяхъ, а за барабанщиками слідуєть конвой, окружающій преступника.
- 5. Четыре жандарма на лошадяхъ, съ обнаженными палашами, окружая (?), также сопровождають преступника.
- 6. Конвой оный съ преступникомъ следуеть за полиціймейстеромъ отъ тюремнаго замка по Угличской улицы до Власьевской церкви, а оттуда-же прямою дорогою по Стредецкой улице на Волгу.
- 7. Чрезъ ръку Волгу преступникъ препровождается, какъ по времени и по усмотрънію полиціймейстера будеть удобнье и безопаснье, то-есть съ полнымъ-ли конвоемъ или уменьшеннымъ.
- 8. Полиціймейстеръ препровождаеть такимъ порядкомъ преступника до заставы города, у которой того преступника передаеть исправнику, для препровожденія тиль-же порядкомъ.
- 9. Отъ заставы, за исправникомъ, ъдупнимъ впереди, идетъ передъ конвоемъ одинъ барабанщикъ съ барабаномъ и въ каждомъ селеніи на пути, входя и проходя оное, бъетъ въ барабанъ.
- 10. Въ городъ и ужил полинимейстеръ, пеправникъ и конвойные строго наблюдають, чтобы никто изъ встръчающихся и прителей не смъль подходить къ преступнику и говорить съ нимъ что-либо.

- 11. По доставлени преступника къ мъсту наказанія, исполнить оное по приговору военнаго суда, съ соблюденіемъ обряда и правиль установленныхъ, предоставляется военному начальству.
- 12. По совершеніи-же того, земскій исправникь паказаннаго преступника привозить подь стражею въ Ярославскій тюремный замокъ, сдаеть г. смотрителю и рапортуеть благополучно (sic!) о томъ управляющему губернісю".

Вице-губернаторъ Ханыковъ.

Но такого благополучнаго рапорта Ханыкову не привелось получить. За нъсколько дней до своей казни, Игнатій Дмитріевъ съ полпой откровенностью вновь сознался въ трехъ поджогахъ въ деревняхъ Бортниковъ, Ченцахъ и Чемеровъ; когда-же подсудимому объявили, что Государь Императоръ ограничиль наказаніе только шестью тысячами ударовь, онь тотчась потеряль всякую надежду остаться въ живыхъ после этой экзекуціи и умоляль, чтобы его высвили кнутомъ. Въроятно, острожные товарищи наговорили ему много ужаснаго о расправъ ппицругенами. Это мудреное словцо переводилось на острожномъ изыки словами: "березовая роща". Прогулка по вей, по всей въроятности, должна была кончиться смертью. Правда, что иногда и болъе 6,000 ударовъ переносила многотерпъливая спина Русскаго солдата Александро-Аракчесвских и Николаевских времень, по лишь при непремънномъ условіи, сели солдать быль здоровикь; Игнатій-же Дмитрісвь не отличался кръпкимъ тълосложениеть. Судя по медицинскому акту, это быль ледицій, худосочный мужичонко-пропоица. Разумвется, военные судын це склонились, да и лишены были права склониться, на его мольбы о замънъ шпипрутеновъ кнутомъ. "6.000, ни больше, ни меньше!" строго отчеканилъ презусъ, обративнись къ упавшему на кольни поджигателю.

"Тогда *) означенный преступникъ отмёниль первое свое показаніс данное въ Увздиомъ Судв, что всв сіи зажигательства и кражу имущества съ пожаровь онъ, Дмитріевъ, производилъ будто бы вдвоемъ, вмёств съ крестьяниномъ Осипомъ Титовымъ; напротивъ того, заявилъ, что поджигалъ и воровалъ только онъ одинъ, безъ участія Осипа Титова, который о всемъ томъ ничего не знаетъ, а повазывалъ-де при слёдствіи, будто онъ (Титовъ) участвовалъ съ нимъ въ зажигательствахъ, совершенно несправедливо и для того единственно, чтобы замедлить дёло".

Совъсть, значить, заговорила въ поджигатель. По сомнительно, чтобы военные судьи ръшились повърить голосу этой слишкомъ подозрительной "совъсти". Къ счастью для Титова, во время всъхъ тъхъ пожаровъ, онъ обрътался въ другихъ мъстахъ—на воровствы. Поэтому военный судъ заключилъ: "Крестьянина дер. Пагорнаго Осина Титова предоставить распоряжению гражданскаго начальства". Игнатій Дмитріевъ прошель "сквозь

Донесевіє вице-губернатора Ханыкова министру внутреннихъ дъят Перовскому,
 отъ 28 Новбри 1842 г., за № 5980, основанное на сообщеніи военно-судной коммиссів.

строй *только* шесть разъ; а въ каждомъ "строви стояли "пюди-братья", вооруженные палками, и каждая изъ этихъ палокъ тиранствовала, свистя въ осепнемъ воздухъ, и каждый свистъ ея сопровождался сначала громкимъ стономъ и крикомъ, а потомъ все болъе и болъе слабымъ, умирающимъ шопотомъ:

— Братцы! Православные! Христа-ради, помилосердствуйте!

"Честь имъю донести вашему высокопревосходительству (рапортоваль Ханыковъ министру Перовскому), что приговоръ военнаго суда, основанный на собственноручной высочайшей резолюціи, приведенъ въ исполненіе, 25 го числа сего Поября, въ точности, съ помощью (sic!) 4-го баталіона Владимирскаго полка, при деревнъ Ченцовъ, паходящейся въ центръ сожженныхъ деревень и отстоящей отъ города Ярославля въ 10-ти верстахъ. При семъ почтительнъйше доношу, что крестьянинъ-злодъй Игнатій Дмитріевъ, по наказаніи, отправленъ быль подъ стражею обратно въ городъ Ярославль, въ тюремный замокъ, но на пути, въ пяти верстахъ отъ Ярославль, померъ"...

"Почитаю себя также обязаннымъ доложить на благоусмотрвніе вашего высокопревосходительства, что въ день препровожденія преступника Игнатія Дмитріева изъ тюремнаго замка къ мѣсту наказанія, по предварительной отъ полиціи повѣсткѣ и по случаю приданной мною важности перемоніи, стеченіе народа въ городѣ Ярославлѣ было до 10.000 человѣкъ, а па мѣстѣ казни было болѣе 15.000 человѣкъ, собравшихся изъ селеній и изъ города. Въ народѣ, между многаго множества зрителей, какъ при отправкѣ сего преступника, такъ и на мѣстѣ паказанія, были слышны справедливыя сужденія о важности вины его, и всть были довольны"...

Спорить противъ послъдняго выраженія оффиціальнаго документа, конечно, мы не дерзаемъ.

Л. Трефолевъ.

Важно было бы дознать, часто ли случались после этого поджоги вы окрестностяхъ города Ярославля; а население конечно было довольно заботою объ его безопасности. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ ДАГЕСТАНА.

Жизнь бывшаго имама Чечни и Дагестана Шамиля въ Россіи, послъ плъненія его въ 1859 г. на Гунибъ, не разъ служила предметомъ описанія 1). Объ этомъ же предметь появилась недавно статья Рындина: "Имамъ Шамиль въ Россіи", помъщенная въ "Историческомъ Въстникъ" за прошлый, 1895 годь, № 11, 529—542, и написанная на основаніи бумагъ изъ Калужскихъ архивовъ. Она заключаетъ въ себъ много петочностей 2).

Въ архивъ канцелирін военцаго губернатора Дагестанской области находитен пъсколько дълъ, относящихся къ Шамилю и его семейству во время ихъ пребыванія въ Россіи. Въ этихъ ділахъ находимъ многія подробности, до сихъ поръ необнародованныя, но представляющія интересъ. Интересны онъ, вопервыхъ, для характеристики бывшаго имама и его семейства; въ этомъ отношении интересъ ихъ усугубляется тъмъ, что въ нъкоторыхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Шамилю, замътна явкоторая идеализація, впадающая иногда въ панигеричный тонъ, какъ у г-жи Чичаговой. Вовторыхъ, наши документы интересны для характеристики того (едвали часто и вездъ встръчаемаго) вниманія, съ которымъ наше правительство относилось по всему, что касается илфинаго семейства: не говоря уже о щедрости, съ которою оно содержалось и съ которою отпускались средства не удовлетвореніе всёхъ нуждъ, даже ипогда несущественныхъ, немало хлопотъ, накъ увидимъ, причиняли различныя притязанія, просъбы и семейныя несогласія. Н'вкоторые изъ этих'ь документовъ им'вють значеніе не только для исторіи Шамиля, но и вообще дають матеріаль для изученія быта горцевъ Дагестана, ихъ семейной жизни, воззръній и т. п.

Въ исторіи Кавказской войны довольно видную роль играла такъназываемая "экстраординарная сумма", находившаяся въ распоряженіи

⁴⁾ Статьи, посвященным Шамилю съ Россіи, увазаны въ нашемъ "Опытъ библіо-графіи Дагест. области". 110 (Памятная внижва Даг. обл..) Статьи Руповскаго (см. тамъ же 111, 116, 120, 121) выгодно отличаются между прочими. Книга г-жи Чичаговой: Шамиль на Кавказъ и въ Россіи. Спб. 1889, не всегда точна.

²) Нельзя согласиться съ мизніемъ г. Рындина о мюридизмів, въ которомъ опъ видитъ ученіе среднеазіатской сенты фанатиковъ - мусульманъ. Нікоторыя имена г. Рындина пишетъ пеправильно; такъ, у него везді вмісто Джемалъ-Эддиновъ — Джамалъ-Эддиновъ. Діло о педвижимомъ имуществів Шамиля въ Гимрахъ изложено не совствъ точно, при чемъ Гимрамъ придано неизвістное имя "Гилуры". Время выйзда Шамиля изъ Шуры въ 1859 г. обозначено петочно, и т. п.

какъ главпокомандующаго Кавказскою арміею, такъ и частныхъ военныхъ пачальниковъ. Она расходовалась (на основаніи правилъ, изложенпыхъ въ добавленіи къ приказу по Кавказскому корпусу 27 Января 1841 г. и подтвержденныхъ приказомъ по корпусу 16 Января 1850 года) на лазутчиковъ, на угощение горцевъ, прибывавшихъ по своимъ или служебнымъ дъламъ, на подарки, на наемъ помъщеній для Азіатцевъ въ мъстахъ, гдб нътъ казенныхъ или отъ города отводимыхъ квартиръ, на канцелярскія издержки частнымъ начальникамъ, гдв это по штатамъ не положено. Кром'ь того изъ экстраординарной суммы высыдалось отдёльно: на выдачу вознагражденій за поимку нашихъ дезертировъ и на содержаніе аманатовъ, ильшныхъ и арестантовъ изъ горцевъ. Съ 1857 г. командовавшему войсками въ Прикасийскомъ крав отпускалось по 15.000 р. въ годъ; въ 1859 г., "по случаю ныившинхъ военныхъ обстоительствъ", въ Августв мвенцв отпущено было дополнятельно 5.000 р. Такое увеличение экстраординарной суммы дъйствительно было вызвано приближавшимся паденіемъ Illамиля и усилившимися веледствие этого спошеніями съ горцами, готовыми оказать "преданность и важныя услуги нашему правительству", какъ писалось тогда. Въ дълъ объ экстраординарной суммъ въ 1859 г. 3) находимъ чрезвычайно любопытныя, досель псобивродованныя, свыдыни объ одномъ эпизодь восяных в действій этого года. Дело пдеть о крепости Уллу-Кала, построенной Шамилемъ около Гергебиля, на границь нашихъ владеній. О сдачь ся въ Іюль 1859 г. въ оффиціальной исторіи) не приводилось инкакихъ подробностей. Въ вышеуказанномъ дълъ сохранились собственноручныхъ письма князя А. И. Барятинскаго къ барону А. Е. Врангелю 5), важныя для характеристики положенія дёль того времени и въ частности показывающія, что киязь Баритинскій хорошо понималь горцевъ. Воть эти два письма:

"Весьма секретно. Тифлисъ 30 Марта 1859 г. Пишу вамъ собственноручно, любезный баронъ Александръ Евстафьевичъ, дли лучшаго сокрытія тайны, и извиняюсь впередъ за трудъ, доставленный вамъ моимъ перазборчивымъ почеркомъ. Я чрезвычайно доволенъ последними вашими военными действіями и ожидаю отъ нихъ положительной пользы; движенія колоннъ князя Мирскаго и генерала Ракуссы сделаны превосходно и сильпо подействуютъ на Ичкеринцевъ и на самый отрядъ (?) Шамиля. Но что меня боле всего заняло въ последнемъ вашемъ донесеніи, это наб'єгь полковпика Лазарева па Улли-Калу. Давно уже я помышляль объ этомъ пунктъ, лично мит изв'єстномъ и овладёніе котораго составляєть для меня одно изъ важн'єйшихъ моихъ домогательствъ. Ежели бы вы полагали возможнымъ поручить занятіе опаго полк. Лазареву или кому-либо другому по вашему

³) Дѣло штаба войскъ въ Прик. краѣ. По генер. штабу, И отдѣл., 1859 г., № 18. О приходѣ и расходѣ вистраординарной суммы въ теченіе 1859 г.

^{&#}x27;) Напр. у Волконскаго: Окончат. покореніе восточнаго Кавказа. Кавк. сборнякъ, IV, 69-436.

У г. Зиссермана (Біографія винзи Барятинскаго) ихъ нътъ.

усмотрънію, съ тъмъ, чтобы удержать это мѣсто за собою, то и согласенъ пожертвовать для этого пріобрътенія до 10 т. р. с., которые до моего возврата прошу выдать изъ вашихъ суммъ. Мнѣ кажется, что на эти деньги, и даже можеть быть и дешевдѣ, можно купить самого наиба. Совъть мой не требовать вамъ ни росписки, ни отчета въ этой суммѣ, нбо могутъ быть изъ оной и остатки; а пріобрѣтеніе за 10 т. укръпленія Улли-Кала для меня такъ важно, что и въ двое за нее заплатить составляло бы всетаки экономію людей, денегъ, труда и времени. Объ содержаніи этого письма, кромѣ пасъ двухъ, и того, кому вы дадите это порученіе, никто не долженъ знать. Буду съ петерпъніемъ ждать вашего увъдомленія. Истинно вамъ преданный князь Барятинскій".

"Тифлисъ. 26 Апръля 1859 года. Ожидаю съ большимъ петеривнісмъ почтеннъйшій и многоуважаемый баронъ Александръ Евстафьевичъ, извъстія о занятіи Уллу-Кале. Разръшеніе этого вопроса очень важно для меня въ особенности ежели оно псполнится безъ особеннаго пролитія крови, и я предоставляю вамъ употребить на исполненіе этого важнаго предпріятія ту сумму, которую вы найдете для того необходимою, вовсе не ограничивая васъ размъромъ ея; но мнѣ надобно пепремѣнно, чтобы пе позже второй половины Мая мъсяца этоть пунктъ былъ бы нами прочно занять, и надъюсь вполнѣ на дъятельность и рѣшительность вашу, чтобы псполнить мое желаніе. Чѣмъ вы скорѣе исполните мое порученіе, тѣмъ я стапу вамъ благодарнѣе. Примите, почтеннѣйшій баронъ Александръ Евстафьевичъ, увѣрепіе искреннихъ моихъ чувствъ сердечнаго уваженія и преданности князь Барятинскій".

Желаніе князя исполнилось несколько позднее указаннаго имъ времени (Уллу-Кала была занята нами только 24 Іюля), но за то обощлось значительнае дешевла: полк. Лазаревымъ "въ теченіе переговоровъ, продолжавпихся, какъ до начала лътней экспедиціи, такъ и во время ен, издержано 1017 р. 35 к." (Врангель кн. Барятинскому 12 Сент. 1859, № 1157). Впрочемъ покорность Уллу-Калы, также Чоха, обощлась ивсколько дороже, ибо Чохскому и Уллу-калинскому наибамъ "за преданцость и оказанныя весьма важныя услуги" выдано въ Августъ мъсяцъ изъ экстраординарной суммы, первому 500 р., второму 700 р. Вообще насколько разыгрались аппетиты у горцевъ, предвидъвшихъ паденіе грознаго имама, видно изъ того, что въ Іюдь и Августь мьсяцахъ 1859 г. изъ экстраординарной суммы барономъ Врангелемъ издержано 12.354 р. 93 коп., изъ которыхъ на одно угощеніе Азіатцевъ ношло 3.390 р. 93 коп. Вообще изъявленіе покорности Дагестанцами сопровождалось довольно прінтными для нихъ явленіями: кром'в денегь, еще болье щедро раздававшихся лично княземъ Барятинскимъ, лътомъ 1859 г. различныхъ дорогихъ вещей было роздано на 10.416 р. 25 коп., особенно во время осады Гуниба 6).

⁶⁾ Дъло ванц. нач. Даг. обл., И отд., 1861, № 132.

Подвластные Шамиля были не прочь воспользоваться въ тоже время имуществомъ и своего имама: какъ навъстно, во времи бъгства его на Гунибъ транспорть съ его имуществомъ быль ограблень, а при выходъ съ Гуниба даже члены его семейства лишались своего цвинаго имущества. Такъ у жены старшаго сына его, Кариматъ, были украдены нъкоторын вещи, въ томъ числъ нагрудникъ, и въ покражъ ихъ ся отецъ, Даніель-Бекъ, обвиняль Чохскаго наиба 1). Уже живи въ ПІуръ, Шамиль обратилси къ барону Врангелю съ следующимъ письмомъ: "Высокостепенному и высокомъстному генералъ-адмотанту барону Врангелю. Да продолжатся ваша слава и величіе! Казначей Хаджіевъ Уругійскій роздаль разнымь лицамъ деньги на сохранение. Теперь деньги тв они не возвращають, и такъ какъ вашему пр-ству извъстна многочисленность семейства моего и прислуги, для котораго потребны большіе расходы для жизни, то покоривіше прошу приказать возвратить миб деньги тв и написать всемъ имь о томъ приказаціе. Я не сомп'яваюсь, что в. пр-етво уважите мою просьбу и т'ямь окажите мив благодбяніе. О количествъ отданныхъ денегь разнымъ лицамъ и пмена ихъ разскажеть намъ посылаемый при семъ Хаджіа. Шамиль-Эфенди. 2 Сентября 1859 г."

Баронъ Врангель постещиль исполнить желаніе Шамиля и 17 числа писаль Лазареву: "Вслъдствіе ходатайства семейства Шамили объ освобожденіи Карахскаго Аджіова Дибири Аджієвь-оглы, для полученія оть него врученныхъ ему денеть Шамили, я приказалъ освободить его и отправиться вибств съ бывшимъ казначеемъ Шамиля Хадокіовымъ Ороканскимъ, отъ котораго приняты были первымъ дельги на сохраненіе" 2). Розыски, кажется, не были особенно удачны, пбо въ Поябръ того же года старшій сынь Шамиля, Кази-Магома, просиль замъстившаго барона Врангеля князя Меликова истребовать оть пъкоторыхъ лицъ, коимъ переданы на сохранепіе Арабскія книги отца его и его самого; онъ жаловался, что нікоторые изъ Чиркеевцевъ, жившихъ въ горахъ и служившихъ при его отцъ, отказываются отъ возвращенія сму денегь, отданныхъ имъ на сохраненіе казначесть Шамили Аджіовымъ во время провоза черезъ Карахское общество имущества Шамили; всего онъ указаль 4-хъ лицъ, у которыхъ, по его словамъ, находилось 4.600 р. и 2 ружья 3). Старикъ Шамиль могь бы послужить примъромъ аккуратности для его бывшихъ подвластныхъ: въ Мав 1860 г. онъ препроводиль къ киязю Меликову двъ книги на Арабскомъ языкъ, взятыя имъ для прочтенія, "по не отданныя по настоящее время, велёдствіе прошлогодинхъ событій", и просиль возвратить ихъ Казикумухскому жителю Мусв, производившему самую значительную торговлю въ бывщей его резиденціи, Дарго-Ведено 4).

¹) Дѣло кан. нач. Даг. обл., П отд, 1861, № 179.

^{*)} Дъло капц. пач. Даг. обл., 1859, № 177.

³⁾ Дело гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183.

⁴⁾ Дъло гранд. канц. команд. войсками въ Прик. кр., II отд., 1860, № 74-69.

Изъ обстоятельствъ, предшествовавнихъ прибытно Шамили въ Щуру, остановимся на двухъ: пребывани князи Баритинскаго у Гуниба и на книгахъ Шамили. Разсказъ г. Зиссермана въ гл. УП втораго тома прекрасной біографіи князи о колебаніяхъ и перѣшительности послѣдняго во времи осады Гуниба находитъ себѣ подтвержденіе въ дѣлѣ "о проѣздѣ трезъ Прикаснійскій край г. главнокомандующаго Кавказскою армісй". (Дѣло канц. пач. Даг. обл. 1859, № 167). 8 Августа баронъ Врангель сообщалъ изъ-подъ Гуниба Дербентскому губернатору, что князь Барятинскій прибудеть въ отрядъ 15 числа, откуда выйдетъ въ Шуру, Дербентъ, Кубу и Тифлисъ. 14 Августа онъ сообщилъ, что изъ Шуры князь выѣдетъ въ Дербентъ 24 числа. 18-го баронъ писалъ, что кн. Барятинскій, отмѣнивъ поѣздку въ Шуру, гдѣ уже были его экппажи, выѣдетъ прямо въ Дешлагаръ-Дербентъ, но котораго именно числа состоится эта поѣздка, еще пензвѣстно. Паконецъ, 23 Августа, т. с. за два дия до паденія Гупиба, Врангель сообщилъ, что князь Барятинскій отложилъ на пѣкоторое времи выѣздъ изъ отряда.

При выходъ Шамили изъ Гупиба въ числъ вещей, принадлежавшихъ ему, оказалось инть сумокъ съ книгами. Онъ были доставлены въ Шуру и разобраны коммиссіею изъ трехъ переводчиковъ. По содержанію книги, какъ было видно изъ надписей, принадлежавшія старшему сыну Шамили, раздълялись на четыре отдъла: 1) свищенныя (Алкоранъ, комментарія на него и т. п.), 2) грамматическія, 3) юридическія, въ томъ числъ Мингаджъ, "принятый за руководство въ Дагестанъ", и 4) хадисы или разсказы, относинцеся до жизни Могамеда и другихъ халифовъ, собраніе молитвъ, заговоровъ, мелкихъ стихотвореній и др. "Особенныхъ сочиненій по новоду мюридизма и историческихъ не оказалось" *). Изъ этого видно, что едва ли Шамили и его сына можно было причислить къ ученымъ арабистамъ, въ смыслъ знатоковъ Арабской литературы.

Пребыванію Піамиля и его семейства нь Піур'в и отправленію ихъ отсюда посвящено объемистое д'вло гражданской канцеляріи начальника Дагестанской области (1859 г., № 183) "по распоряженію командующаго войсками о сумм'в на продовольствіе проживающаго въ Піур'в семейства Піамиля и объ отправленіи семейства этого въ Россію". Опо дасть намъ множество характерныхъ чертъ, еще неизв'єстныхъ въ печати, для обрисовки какъ плѣнныхъ, такъ и вообще горцевъ.

О самомъ Шамилъ имъется два письма барона Врангеля. Въ письмъ къ Д. А. Милютину отъ 6 Сентября баронъ пишетъ: "Шамилъ вывхалъ изъ Шуры 3 Сентября. Я, верпувшись въ Шуру, засталъ его совершенно успокоившимся; прежиня педовърчивость къ памъ замънилась въ немъ желаніемъ выказать твердую увъренность въ полномъ доброжелательствъ къ его дому. Онъ сдълался до того привътливъ и разговорчивъ, что я, какъ и многіе другіе, съ удовольствіемъ бесъдовали съ пимъ по нъскольку разъ. Вчера я узналъ, что все почти лучшее общество г. Истровска выбхало въ Кумтер-

^{*)} Дъло гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183.

кале, чтобы видъть Illамиля, при провздъ черезъ это селеніе, и приготовило для него чай и другія угощенія. Illамиль охотно приняль приглашеніе Петровскаго общества, беседоваль съ членами его, особенно съ дамами, слишкомъ два часа, подавалъ имъ руку и, разставаясь съ ними, просилъ подарить ему зонтикъ, которымъ онъ забылъ запастись. Дамы нацерерывъ предлагали свои зонтики, но онъ нашелъ ихъ педостаточными для двиствительной защиты отъ солнца и, принявъ мужской зонтикъ, разстался съ гостепрінмнымъ обществомъ съ большою благодарностью. Такая скоран перемена Шамиля къ лучшему и изумляющая Мусульманъ сообщительность его съ нами подають хорошія падежды". Въ письм'в къ князю Барятинскому, отъ 7 Сентября, баропъ писалъ: "Наканунъ вывзда своего изъ Т.-Х.-Шуры, Illамиль обратился ко мив съ убъдутельною просьбою, чтобы все семсиство его было отправлено велъдъ за его выглядомъ отсюда въ г. Моздокъ къ родственникамъ одной изъ женъ его, тамошней уроженки Шуанетъ. Поводомъ къ такой просьов, какъ онъ говорияъ мив, служить то, что онъ желалъ бы доставить женв своей болье прінтный пріють между родпыми, и избавить вею свою семью оть неотступныхъ любопытныхъ туземныхъ Мусульманъ, съ которыми онъ не желаеть имъть никакого общенія. Дълалось ли это искренно, или по какимъ-либо видамъ, я не знаю; но во время пребыванія въ Пррв Шамиль действительно отказываль большею частью Мусульманамъ въ пріемъ, всъхъ же Русскихъ дозволяль вводить къ себъ и охотно бесъдовалъ съ ними. Кромъ того Пламиль пеоднократно просилъ меня отправить съ нимъ въ Петербургъ, въ качествъ переводчика, состоящаго при миъ прапорщика Исая Грамова, котораго опъ знаетъ хороно и довъряеть ему во псемъ" 1). Послъдное желаніе Шамили было удовлетворено, но первое только отчасти. Съ дороги Шамиль написалъ Врангелю письмо, въ которомъ снова убъдительно проспяв отправить жену его Шуансть из г. Моздокъ, къ братьямъ ся, одинъ изъ которыхъ Архипъ Улухановъ, Моздокскій 1 гильдін купедъ, прівхаль въ Шуру съ этичь письмомъ. Вследствіе этого Шуанеть 21 Сентября вывхала съ братомъ, слугою и служаньою въ Моздокъ 2).

^{&#}x27;) Грамовъ былъ извъстенъ Шамилю со кремени переговоровъ объ освобождении Цинондальскихъ илънинцъ, въ 1855 г.

²) Въ прекрасной, роскошно изданной, по мало распространенной по спеціальному содержанію и по дороговизнъ, "Исторіи Нижегородскаго драгунскаго полка", г. Потто (т. VIII, 24—27) сообщаєть интересный данныя о пребываніи Шамиля въ Чиръ-Юртъ, тогдашней штабъ-квартиръ названняго полка. Разсказь основань на Запискахъ графа Ностица, командованшаго въ то время полкомъ. Графъ Ностицъ, большой любитель фотографіи, хотвлъ синть портретъ съ Шамиля. Послъдній согласился, но сидълъ неспокойно, тревожно огладывался по сторонамъ и, судорожно ворочансь на стуль, то и дъло брался за руконтку кинжала. Работа не удавалась; иъсколько разъ возвращалси графъ въ свою лабораторію (она находилась въ саду), чтобы заготовить новыя стекла. Идя за новою пластинкою, онь обернулся и увидълъ передъ собою картину, далеко немирнаго характерв: за кустами и каменной оградой садика стоили драгуны и держали ружья на

Остальное семейство Шамиля осталось въ Шуръ, пользовалось казеннымъ содержаніемъ и готовилось тхать въ Россію къ Шамилю. Во время пребыванія въ Шурв умерла внучка Шамиля, дочь его младшаго сына Магомы-Шефи, Мухаммедъ-Захидъ, 2-хъ лъть. Въ тоже времи нъкоторые планники старались воспользоваться своимъ положеніемъ для обдалыванія своихъ маленькихъ дълишекъ. Можно не удивляться, что члены семейства Шамиля считали себя въ правъ просить вознагражденія за освобожденныхъ ими теперь, поневолъ, невольниковъ, пріобрътенныхъ ими во время войны съ нами; но нельзя не удивляться, что баронъ Врангель раздъляль ихъ мивніе, 4 Сентября 1859 г. онъ пишеть князю Барятинскому, что жена сына Шамили Магомы-Шефи, по прибыти въ Шуру, давъ добровольно свободу оставшимся у нея въ услуженіи двумъ невольницамъ-Грузпикамъ, обратидась къ пему съ просьбою о вознаграждении ея, въ томъ внимании, что съ павненіемъ ихъ ссмейства она и мужъ ен потернян почти исе состояніе. По отзыву жены Магомы-Шефи, певольницы куплены ею по 200 р. с. каждан. При настоящемъ положски семейства Шампля, считая просьбу эту уважительною, баронъ просить объ удовлетворскій ея и прибавлясть: "Пъкоторыя вліятельныя лица вповь покорепных робществь, оказавшія намъ

готовъ; штыки была приминуты. Полковой адмотантъ, узнавъ, что командиръ будеть въ саду одинъ на одинъ съ Шамилемъ, да еще вооруженнымъ, вообразилъ, что онъ можетъ подвергвуться опосности, вызваль штуцерныхъ и размѣстиль частью за оградой, а частью въ кустахъ, съ приказомъ не высовываться, по быть пъ готовности, сели случится что-нибудь педоброе. Драгуны были старослуживые; многіе изъникъ провели по десятку и болье льть на Кавказь, но никогда не видели Шамили, а теперь случай представлился такой удобный, что они мадо-по-малу начали выползать изъ своей засады, по ружья держали наготовъ. Вотъ эта-то картина, не представлявная пичего успоконтельного, и спущала Шамиля. Графъ удалиль ихъ, и Шамиль, попивъ, что было какос-то педоразумение, свять смирно и даять съ себя снять портретъ. Встратись съ графомъ чрезъ насколько льть, Шамиль сказаль ему: "Я быль увърсив, что меня лишать жизни, и полагаль, что тебь данъ приказъ разстредять меня; да и ито же могь бы это лучше исполнить, какъ не командиръ "шайтанъ-драгуновъ?" Къ тому же ты мна сдалалъ повую одежду, а такъ поступали у пасъ съ наибани, которыхъ я приказывалъ казнить: ихъ всегда одфвали но все лучшее и повое. Ты меня посадиль на стуль въ уединенномъ саду, навель на меня маленькую пушку и велаль сидать смирно: я думаль, что если ты не попадешь, то меня добыють стоящіе въ десяти шагахъ твом шайтаны-драгуны. Богъ спасъ тогда тебя; рука иоп была еще сильна, и и готовъ былъ вонзить кинжаль въ твою грудь. Убили бы мени, по и ты въ живыхъ не остался бы". Портрстъ Шамиля, бывний причиною этого траги-комическаго qui-pro-quo, съ виньеткою Горшельта, помъщенъ у г. Потто. Напрасно только онъ говорить, что это быль первый портреть имама. Фотографическій — да, но первымъ портретомъ Шамиля, напечатаннымъ въ Россіи, быль сдъланный по памяти княгинею Чавчавадце и приложенный, съ высочайшаго разрешенія (о немъ см. Акты Кави. Археогр. коминссія, ХІ, 965), из винга Вердеревского: План у Шамиля, 1856.

содъйствіе въ умиротвореніи Дагестана и давшія свободу своимъ невольникамъ и невольницамъ изъ Грузинъ, по мивнію мосму, также заслуживають особеннаго противу прочихъ вознагражденія, и если ваше сіятельство удостоите мысль мою одобренія, то я полагалъ бы назначить таковое вознагражденіе, въ количествъ 120 р. с. за душу, т. е. ту самую плату, которая выдавалась до покоренія Дагестана изъ мосто управленія за каждаго плъннаго Грузина, какого бы возраста и пола ни было, изъ суммы, собранной отъ доброхотныхъ жертвователей. Нынъ сумма эта уже вся израсходована, и на удовлетвореніе нъкоторыхъ хозяєвъ, у коихъ взяты невольники, по мивънію мосму, достаточно было бы ассигнованіе примърно до 1.000 р. с.«.

Въ Тифлисъ на дъло взглянули разумнъе, и 12 Сентября Д. А. Милютипъ сообщилъ преемнику барона Врангеля: "Еще передъ тъмъ доведено было до свидини генераль-адъютанта барона Врангеля ришение главнокомандующаго относительно того, что жители вновь покорившейся части Дагестана отнюдь не должны считать себя въ правъ требовать какое-либо вознапраждение за освобождение находившихся у нихъ въ неволь нашихъ плениыхъ, а должны освобождать иль безвозмездно; командующимъ же войсками предоставлено входить каждый разъ съ особыми представленіями о твув лицамъ, коимъ они признають достойными, въ видв исключения, денежного пособія оть правительства, для возм'ященія въ накоторой мар'я попесеннаго ими ущерба оть увольненів плинныхъ. Вследствіе сего, по докладу г. главнокомандующему означеннаго письма ген.-ад. бар. Врангеля, его сіятельство не изволиль согласиться съ предположеніемъ его пр-ства Александра Астафьевича относительно вознаграждения вообще тахъ вліятельных жителей вновь нокорившейся части Дагестана, которые освободили нашихъ плънныхъ, и предлагаеть вашему сіятельству входить, если признаете это нужнымъ, о вознаграждени каждаго изъ этихъ жителей съ особымъ представленіемъ". Жент же Магомы-Шефи разрашено было выдать изъ экстраординарной суммы 400 р. *).

Довольствіе и приготовленіе къ пути семейства Шамиля было возложено на испр. должи. Щуринскаго полицеймейстера штабсъ капитана Лебле. Всего вообще на семью, во время пребыванія ея въ Шурв, съ 1 Сентября по 29 Ноября, было издержано 6.984 р. 42 коп. въ томъ числъ: 1) на наемъ дома для помъщенія этого семейства, на обзаведеніе членовъ онаго постелями и другими необходимыми вещами и продовольствіе ихъ—2405 р. 9½ коп., 2) на покупку четырехъ экичажей (2 тарантаса и 2 фургона) и приготовленіе семейства Шамиля къ зимнему путешествію—1.379 р. 32½ коп., 3) на прогоны и путевое довольствіе отпущено 3.000 р, и 4) выдано Кази-Магомъ, согласно просьбъ его и по примъру тому, какъ было дапо

^{*)} Какъ иногда попадали въ плънъ, показываетъ примъръ дочери Гребенскаго линейнаго казачьяго полка казака Рагункина изъ ст. Червленной, Афросиньи, которая въ Апрълъ 1858 г. была увезена въ горы съ двоюроднымъ братомъ и продана танъ за 150 р. с. Несчастная 17-тилътния дъвица была освобождена послѣ взитія Гуниба. Дъло канц. пач. Даг. обл., 1859, № 177.

вознагражденіе жент Магомы-Шефи за невольниць, за освобожденную невольницу Армянку изъ селенія Варташень—200 р.

6 Октября военный министръ сообщиль о томъ, что Государь Императоръ повельть соизволиль; 1) взятому въ ильиъ Шамилю назначить мъстомъ жительства г. Калугу; 2) производить ему содержаніе по 10.000 р. с. въ годъ изъ государственнаго казначейства; 3) дозволить сыпу Шамиля, Кази-Магомъ, отправиться въ Т.-Х.-Шуру за оставшимся тамъ семействомъ Шамиля и перевезти въ Калугу; 4) по позднему времени года и продолжительности пути принять самыя дъятельныя мъры къ обезнеченію семейства Шамиля всъмъ необходимымъ для удобнаго совершенія путешествія; 5) ист издержки на отправленіе Кази-Магомы въ Т.-Х.-Шуру и на обратное слъдованіе его оттуда, а равно на переъздъ семейства, принять на счеть госудказначейства; 6) во время слъдованія Кази - Магомы въ Т.-Х.-Шуру и обратно съ семействомъ принять вет необходимыя мъры предосторожности для благонолучной доставки его по назначенію; 7) на мъстъ жительства Шамиля въ г. Калугъ учредить за нимъ и его сыновьями бдительный присмотрь, но такъ, чтобы опъ не былъ ственителень.

Военнымъ Министерствомъ были сдъланы слъдующия распоряжения. Шамиль отправленъ 7 Октября изъ Петербурга въ Калугу и по прибытіп туда, дозволено было отправиться въ Шуру за семействомъ сыну его Кази-Магомъ, котораго сопровождали до Шуры переводчикъ полковникъ Алпбекъ-Пензулаевъ, два казака (хорунжій и урядникъ) и фельдъегерскаго корпуса поручикъ Гузей-Разумовъ; 2) сопровождение Шамиля до Калуги и отправленіе оттуда Кази-Магомы въ Шуру возложено на старшаго адыотанта при дежурномъ генералъ Главнаго Штаба Е. И. В. гвардіи полковника Богуславского, хорошо знакомого съ изыкомъ Шамили и съ восточными правами. Этому же штабъ-офицеру поручено озаботиться первопачальнымъ приспособленіемъ и устройствомъ дома въ Калугь, предназначеннаго для Шамиля и его семейства; 3) вийств съ Кази-Магомою дозволено бхать въ Шуру двумъ мюридамъ, прибывшимъ съ Шамилемъ съ Кавказа-жителю Караты Магомедь - Таушу и жителю Чиркен Абдуль - Кериму. Оба изъявили желаніе возвратиться на родину, Абдуль - Керимъ теперь же, а Магомедь-Таушъ по возвращении съ семействомъ Шамиля въ Калугу; по последній просиль, по прибытіи въ Шуру, отправиться на несколько дией въ горы, чтобы повидаться съ семействомъ своимъ и чтобы собрать имущество Шамили, т. е. платье его и семейства и часть денегь, около 600 р. с., которые были розданы на сохранение въ разныя руки, а деньги для спасенія отъ хищниковъ были зарыты въ землю.

Для надзора за Шамилемъ назначался особый приставъ съ помощникомъ изъ военныхъ офицеровъ и два переводчика.

28 Октября Кази-Магома прибыль въ Шуру въ сопровождении выше названныхъ лицъ, кромъ Пепзулаева. Сопровождавние его два мюрида были, по митнію князя Меликова, люди пезначительные, бывше въ услужении у Шамиля и ничты особенно не ознаменовавшеся; имъ было дозволено събз-

дить въ Карату и Чиркей. Абдулъ-Керимъ остадся жить въ Чиркев, а Таушъ-Магома, отмвнивъ желаніе сопровождать семейство Шамиля въ Калугу, быль принять Лазаревымъ въ конновооруженные нукеры. По окончанін всёхъ приготовленій къ зимнему путешествію, отъёздь пленныхъ быль нъсколько задержанъ ожиданіемъ прівзда Даніэль-бека, о чемъ скажемъ ниже; наконецъ въ Воскресенье, 29 Ноября, они двинулись въ путь въ 3 тарантасахъ, 2 фургонахъ и перекладной, всего на 30 лошадяхъ. Объ оказаніи имъ содъйствія было написано всёмъ попутнымъ начальствамъ; до Чиръ-Юрта подъ повздъ были наряжены лошади оть частей войскъ. Изъ лицъ прибывшихъ въ Шуру съ Гупиба не повхали въ Калугу: дочь Магомы-Шефи, жена Кази-Магомы, Каримать (о которой ниже), убхавшая кь отцу въ г. Нуху; Магомедъ-Захидъ, двухъ лъть, умершая здёсь; служанки: Муслиметь, отправленцая на родицу въ сел. Варташенъ, Элицеть, отпущенная въ домъ свой въ Галгаевское общество; слуга Халиль и жена его Хадиджеть, отказавшісся вхать. Вывхали изъ Шуры сыновыя Шамиля: Кази-Магома и Магома-Шефи; жены Шамиля-Зайдеть, и Магомы-Шефи-Эминеть; дочери Шамиля: Нанисать, Фатимать, Наджабать, Баху-Меседь; зятья Шамиля: Абдурахманъ, мужъ Паписаты, и дочь ихъ Магазать, и Абдурахимъ, мужъ Фатиматы; родственница Шамиля и нянька его дътей Ханумъ и сынъ ея Омарь; родственникь же Шамиля Джамаль-Эддинь-Хуссейнь-Оглы, изъ Гимръ, вызвавшійся бхать въ Калугу; служанки Вали-Кизъ и Месси. Изъ Моздока въ повзду должны были присоединиться: Шуанеть, жена Шамиля, дочь ен Шаніать, слуга Хайрулла и служанка Фаризать. До г. Екатеринограда сопровождалъ переводчикъ князя Меликова, подпоручикъ Дидаровъ, долженствовавшій изъ этого города побхать въ Тифлисъ, чтобы отдать отчеть о выбадь плынныхъ князю Баритинскому. До Калуги сопровождали: фельдъсгерскаго корпуса поручикъ Гузей-Разумовъ и въ качествъ переводчика житель Гадатлинскаго общества Дибиръ-Магома Хандіевъ.

Личность последняго довольно замечательна. Уроженець сел. Тиды, Гидатлинскаго общества, Дибирь-Магома бежаль въ Шуру, спасаясь отъ жестокостей мачихи *), жилъ потомъ несколько леть въ Новочеркаске при своемъ двоюродномъ брате Магомеде Хандіеве, бывшемъ учителемъ Аварскаго языка въ восточномъ отделеніи при Новочеркаской гимназіи, съ 1855 по 1859 г. обучался Русскому и Арабскому языкамъ въ Т.-Х.-Шуринскомъ мусульманскомъ училище, въ 1859 г. принять въ канцелирію командующаго войсками въ Прикаспійскомъ крате сверхъ-штатнымъ переводчикомъ и въ томъ же году, какъ мы видели, отправленъ въ Калугу. Государь Императоръ 5 Марта 1860 г. повелеть соизволилъ Дибиръ-Магому оставить при семействе Шамиля въ качестве переводчика и, во вниманіе къ его бедности и достоинствамъ, производить ему жалованье, пока будетъ находиться въ сей должности, по 200 р. с. изъ госуд. казначейства. 1 Февраля 1861 г. главный штабъ Кавказской арміи сообщилъ князю Меликову,

^{*)} Руновскій: Шамиль въ Калугь. Воена. Сбора., 1861, № 1,36.

что Дибирь-Магома изъявиль желаніе поступить на дъйствительную службу въ войска, расположенныя въ Дагестанв, или же въ одно изъ тамошнихъ управленій словеснымъ переводчикомъ. По удостовърецію пристава Руновскаго, Дибиръ - Магома поведенія очень хорошаго, характера кроткаго, оть роду 20 леть, читать и писать уметь по русски и по арабски, переводить можеть съ Арабскаго, Аварскаго и Кумыкскаго, и вообще для службы будеть очень полезень. Князь Меликовъ отвъчаль, что Дибиръ лично извъстенъ ему съ весьма хорошей стороны, и что опъ считаеть полезнымъ принять его на службу словеснымъ переводчикомъ при канцеляріи командующаго войсками въ Даг. области; но Дибиръ пробыль въ этой должности очень недолго. Въ Октябръ того же года киязь Меликовъ получилъ запросъ о кандидатъ на ваканско старшаго учителя Аварскаго языка въ восточномъ отдълени Новочеркаской гимназии. Князь Меликовъ рекомендовалъ Дибиръ-Магому, который въ Январи 1862 г. и быль назначенъ въ названную должность; въ свидътельствъ, выданномъ ему, князь Меликовъ инсалъ: "Языкъ Аварскій, какъ природный его языкъ, извъстенъ ему въ совершенствъ; кромъ того онъ говоритъ свободно на Русскомъ и Кумыкскомъ языкъ, читаеть и пишеть по арабски и переводить весьма удовлетворительно съ Арабскаго на Русскій. Поведенія весьма хорошаго, характера кроткаго н имъеть стремленіе и способности ка дальнайшему развитію себя" *).

Изъ другихъ лицъ семейства Шамиля выдаются Омаръ, сынъ Ханумъ, и Хайрулла, судьба которыхъ нъсколько характеризуетъ нравственную атмосферу, пъ которой жилъ бывшій имамъ.

Въ началь 1861 г. Омаръ-Мехтіевъ, которому въ 1859 г. было 17 лътъ, сынъ инньки Ханумъ, урожении Кумуха, молочный брать дочери Шамиля Паджабать, высказаль Шамилю желаніе возвратиться на Кавказь, для избранія себь рода жизни или для поступленія въ нашу службу; въ случав отъезда сына, мать его желала вхать за нимъ. По такъ какъ съ отъездомъ Ханумъ дъти Шамили оставались безъ должнаго надзора, то онъ не согласился отпустить Омара. Тогда Омаръ, приводя въ основание выраженное докторомъ во время его бользни мивніе, что ему необходимо для поправленія разстроеннаго климатомъ Калуги здоровьи побывать на родин'в въ продолжение года, вновь просилъ Шамиля отпустить его хотя на этоть срокь. Но и на это Шамиль не согласился, единственно изъ опасеція, что пирівздъ одного изъ членовъ его семейства въ Дагестанъ и скорое сго отгуда возвращение въ Калугу могутъ дать поводъ въ неблагопріятнымъ толкамъ, способнымъ возбудить подозрвнія, крайне для него прискорбныя". Но потомъ, убъдившись въ болвзни Омара, Шамиль изъявиль свое согласіе на возвращеніе его на Кавказъ, но безъ матери; впрочемъ, въ предупреждение дальнъйшихъ настояній со стороны последней, опъ призналь лучшимъ временный отьеждь

^{*)} Дѣло конц. нач. Даг., обл., И отд., 1860, № 52—61. Впослѣдствів Двбиръ-Магома былъ переводчикомъ при Дагест. пародномъ судѣ въ Шурѣ, а потомъ наибомъ въ Аварскомъ округѣ, гдѣ былъ раненъ во время усмиренія мятежа 1877 года. Умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Омара съ правомъ по выздоровлении возвратиться обратно въ Калугу. По удостовърению пристава при военноплънномъ, Омаръ молодой человъкъ съ хорощими умственными способностями, добраго нрава и весьма предапъ Русскому правительству и Русскимъ обычанмъ. Кинзъ Меликовъ, которому все это было сообщено, не находиль пренятствій къ возвращенію Омара въ Дагестанъ; въ Гюль 1861 г. онъ убхалъ изъ Калуги, проживалъ въ сел. Кумух'в у Шейха-Бутта-оглы, но въ Октябрв пожелаль возвратиться въ Калугу, въ виду того, что мать его не желала оставаться безъ него въ домъ Шамили, семейство котораго не могло безъ нея обойтись, а самъ Шамиль выразиль желаніе о возвращеніи Омара 1). По пребываніе Омара въ дом'в Шамиля было слишкомъ не радостно; съ одной стороны онъ "подвергался постоянному голенію за несоблюденіе въ отношеніи религіи и общежитія мюридскихъ правилъ", съ другой стороны-здоровье его все болъе разстраивалось подъ вліяніемъ Калужскаго климата, такъ что въ концъ 1864 г. онъ ръшился навсегда разстаться съ семействомъ Шамиля и возвратиться на родину, чтобы поступить въ военную службу. Въ Мав 1865 г. ему высочайше разръщено опредълиться въ Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и выдать ему казейные прогоны до Шуры. Прибывъ сюда, Омаръ въ концъ Декабря того же года умерь; мать его умерла въ Калугв 7 Ноября 1865 года 2).

18 Марта 1860 г. начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи писаль князю Меликову: "Въ числъ слугь семейства Шамиля прибыль въ Калугу житель Герата, Афганецъ Хайрулла, признаный по своимъ наклонностямъ весьма вреднымъ человъкомъ. Имън въ виду, что Хайрулла, какъ Афганець, пе принадлежить къ Русскимъ подданнымъ, военный министръ приказаль возвратить его на Кавказъ, и уже сделано распоряжение объ отправлеціи его, вмъсть съ подпоручикомъ милиціи Грамовымъ, также возвращающимся мъ мъсту своего служенія". Князь Медиковъ долженъ быль собрать свъдънія о Хайрулль, и, если изъ собранныхъ свъдъній окажется, что онъ дъйствительно Афганецъ и человъкъ вредный въ краъ, то выслать его въ Астрабать. Прибывъ въ Шуру, Хайрулла 13 Апрълп далъ слъдующее показаніе: "Житель г. Герата Афганскаго общества Гаджи Хайрулла Худайдатъ-оглы показадъ, что ему 40 дъть, не женать, читать и писать не умъю, съ мадольтства не обучался никакому ремеслу, кром'в дервишества. Леть 12 тому назадъ убхаль изъ родины по свойству дервиша съ намъреніемъ путеществовать въ Мекку, гдв прожиль несколько леть, откуда отправился въ здешній край съ Персидскимъ паспортомъ. Пробывъ около 6 мъсяцевъ въ Шемахъ, прибылъ въ Нуху, откуда вийсти съ однимъ Казикумухцемъ пойхалъ въ Кумухъ. Дорогою его ограбила партія хищниковъ и отправила въ Дарго, гдв Шамиль сначала принималь его за лазутчика, но черезъ годъ приняль его, какъ дервиша, къ себъ въ домъ, гдъ онъ находился у него при его семействъ

⁴⁾ Дъло гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183.

²⁾ Дъдо канц. нач. Даг. обл., 11 отд., 1865, № 21-9.

около 6 льть въ услужени; нъсколько разъ онъ просиль отпустить его на родину, но Шамиль не соглашался". Показаніе это, но св'ядініямъ, собрапнымъ изъ подъ руки начальствомъ области, оказалось справедливымъ. Изъ Шуры, гдв онъ женился, Хайрулла писалъ князю Барятинскому: "Жители Дагестана со всвую сторонъ окружили меня съ вопросами о положения имама Шамили. Я сталь разсказывать имь, какихъ безчисленныхъ милостей удостоплся имамъ отъ великаго государя императора. Всв Дагестанцы удивлялись этому, говоря, что прежде Русскіе увіряли ихъ въ этомъ, но они по своимъ понятіямъ не върили ихъ словамъ. Я не перестану такимъ образомъ прославлять и правосудіе, и щедрость великаго государя повсюлу, гдъ бы и ни находился, и разглащать необывновенное великодуще и геройство вашего сіятельства по всей Персіи, чрезъ которую мив придется провхать мою родину въ Афганистанъ". Онъ просить отпустить его на родину, но готовъ тхать и въ Калугу, если Шамиль этого желаеть. По приказанію князя Барятинскаго, въ Іюль 1861 г. Хайрулла быль отправленъ на пароходъ изъ Петровска въ Астрабадъ, при чемъ ему выдано 100 р. с. 1).

Старшій сынь Шамили, Кази-Магома, какъ мы видели, не нашель въ Шуръ своей жены Кариматъ. Исторія последней очень характерна для составленія попятія, какъ о семействъ Шамиля, такъ и вообще о семейной жизни горцевъ. Отецъ Каримать быль Даніель-бекъ, лишившійся пъ 1844 году за измъну намъ своего Елисуйскаго владънія, и генеральскаго званія. Перейдя въ горы въ Шамилю, онъ не ужился съ последнимъ, хотя принужденъ былъ выдать свою дочь Кариматъ за старинаго сына Шамиля, который хотыль женить и Джемаладдина, извъстнаго своею трагическою судьбою, на второй дочери Даніель-бека 2). Неудовольствія между имамомъ и бывшимъ султаномъ особенно обострплись къ 1856 г. "), а съ Января 1859 года Даніель-бекъ вступиль въ переговоры съ кинземъ Меликовымъ. "Пекренность его раскаянія и неутомимая діятельность въ нользу нашу, дійствительно, значительно способствовали ускоренію умпротворенія Дагестана и удержанію большинства качаговъ, составлявших в лучшее войско Шамиля, отъ слъдованія за шимъ на Гунибъ" 4); сдачею укръпленнаго аула Прибъ. 1 Августа 1859 г., Даніель-бекъ нанесть сильный ударъ Шамилю. Все это, конечно, должно было отразиться и на положении дочери Даніель-бека.

Еще передъ отъвздомъ своимъ изъ Петербурга въ 1859 году, Шамиль обратился съ просьбою заставить Даніель-бека выдать сундукъ съ золотомъ и серебромъ на сумму 1500 тумановъ (15000 р.), который Кази-Магома отдалъ ему на сохраненіе и въ полученіи котораго Даніель-бекъ отпирается, тогда какъ полковникъ Али-бекъ, находившійся при Шамилъ, видъль этотъ сундукъ и былъ свидътелемъ его передачи Даніель-беку. Въ то время, какъ

¹) Дъло штаба войскъ въ Прик. прав. Канц. нач. Даг. обл., П отд., 1860, № 41-47.

^{*)} Акты Кавк. Арх. комм., XI, 63.

³⁾ Акты Кавк. Арх. комм., XI, 63-6 .

 [&]quot;) Князь Медиковъ генервлу Филипсону 25 Октября 1860. Дёло канц. нач. Даг. обл., II отд., 1860, № 239.

Шамиль взводилъ такое обвинение на своего свата, дочь послъдняго, вывхавшан изъ Гуниба въ Шуру вивств со всвиъ семействомъ Шамиля, подняла вопросъ о разводъ, 6 Сентября 1859 г. баронъ Врангель писалъ Даніель-беку: "Дочь ваша Каримать-Ханумъ обратилась ко мив съ просьбою о дозволени ей поъздви къ вамъ на время отсутствія ея мужа Кази-Магомы, или впредъ до особаго его распоряженія, когда и куда она должна прибыть къ нему. Что же касается до испрашиваемаго, до этого шаріатскаго разбора дела о разводе ея съ мужемъ, то она изъявила желаніе, чтобы разборъ ел просьбы по сему предмету отложенъ быль до возвращенія мужа ея и испрошенія отъ васъ наставленія о способ'в веденія діла сего. Такъ какъ попечителемъ всего семейства Шамиля быль оставленъ здъсь сынъ его Магома-Шефи, то я лично спрашиваль его о томъ, не имветь ли опъ со своей стороны препятствій из временному вытаду из вего семьи Каримать-Ханумъ, и онъ объявилъ мив, что не находить никакихъ причинъ отказать невъсткъ своей въ повдкъ къ отпу, лишь бы она повхала въ званіи жены брата его Кази-Магомы, и по истечени нъкотораго времени, и, если можно, не болве одного мъсяца, снова возвратилась сюда". 7-го Сентября Каримать увхала къ отцу въ Нуху. Оба двла, то есть о разводв и по новоду сундука, должны были быть раземотраны и рашены въ Шурв, куда ждали Кази-Магому и повъренныхъ его жены, по болъзни не могшей пріъхать изъ Нухи. Кази-Магома, которому князь Медиковъ объявилъ, что претензіи его къ тестю будуть разобраны по шаріату черезъ лиць, выбранныхъ объими сторонами (почему предлагалъ ему избрать кого онъ хочеть изъ Дагестанскихъ и Чеченскихъ ученыхъ), сперва отпъчалъ, что не знаетъ никого, кому бы могь довёрить свои дёла, потому что считаеть всёхъ Дагестанцевъ и Чеченцевъ своими врагами, а потомъ отозвался, что способъ разбора своихъ делъ онъ можетъ определить только после свидания съ тестемъ.

21 Ноября Даніель бекъ прибыль въ Шуру. После долгой беседы между Кази-Магомою и имъ, онъ объявилъ, что не только не станеть препятствовать возвращенію своей дочери къ мужу, но какъ только она получить облегчение отъ своей бользии, въ удостовърение которой онъ представилъ медицинское свидътельство, онъ будеть содъйствовать къ ускоренію ихъ соединенія. Кази-Магома остался доволенъ такимъ отзывомъ, съ тъмъ однавожъ, чтобы ему было дозволено выждать въ Шурй выздоровленія жены его, хотя бы это продолжалось до весны будущаго года. Что же касается до должной претензіи къ Даніель-беку, то Кази-Магома отъ разбора ея по шаріату или чрезъ посредниковъ отказался, говоря, что отецъ его и онъ объявили претензію на эти деньги всябдствіе дошедшихъ до нихъ свёдёній, что одинъ тяжелый сундукъ былъ взять людьми Даніель-бека. Передавая князю Медикову о соглашеніяхъ этихъ, Даніель-бекъ изъявилъ свои опасесенія (изустный отказъ Кази-Магомы отъ денежной претензіи не успокоиваль его, ибо онь или отець его могуть опять возобновить жалобу), почему и просиль князя подвергнуть это дело разбору, дабы онъ могъ доказать свою правоту публично. Князь не совътоваль Даніель-беку разстраивать полюбовнаго соглашенія, между ними состоявшагося, а попросить Кази-Магому выдать письменное удостовърение въ отказъ отъ претензии. Кази-Магома согласился, но потребоваль также, чтобы Даніель-бекь даль ему подписку въ томъ, что онъ признаеть свою дочь законною женою его и не будеть препятствовать ен возвращенію кь нему. Результатомъ этихъ переговоровъ была слъдующая подписка. "1859 г., Ноября 24 дня, мы, нижеподписавшіеся въ этой подпискъ, Даніель-бекъ Елисуйскій и Гази-Магометь, сывъ Шамиля, даемъ сію подписку г. генераль-лейтенанту князю Меликову въ томъ: первый-я, Дапіель-бекъ, не имью претензіи къ Гази-Магомету, сыну Шамиля, на счеть дочери моей Каримать, жены его, потому что она есть законная жена его, при томъ не стану препятствовать ей слъдовать за инмъ. Но какъ она одержима и теперь болъзнью, поэтому оставдена при мит воредъ до полученія облегченія оть бользии, а за тімъ открыта ей дорога, и не стану препятствовать ей къ тому, напротивъ обяжусь отправить ее по припадлежности; и второй, Гази-Магометь, сынъ Шамиля, въ томъ, что, хоти и и мой отецъ Шамиль, въ бытность свою въ С.-Петербургъ, жаловались на Данісль-бека о сундукъ съ деньгами, въ немъ до 15 т. р., по словамъ сказателей, по претензію эту теперь оставляемъ и посл'ї этого жаловаться не станемъ, въ чемъ подписуемся собственноручно и прикдадываемъ личныя свои печати". Вибств съ твиъ, по убъжденіямъ князя Меликова, Кази-Магома согласился вхать теперь съ семействомъ отца въ Калугу, но съ тъмъ, что прівдеть за женою весной будущаго года, о чемъ просиль сообщить Калужскому губернатору 1).

Въ Апрълв мвсяцв 1860 г. высочайше разръшено было Кази-Магомв поъхать въ Шуру за женою и взять съ собою на Кавказъ: 1) зяти Шамили, Абдурахмана съ женою, по случаю желанія его повидаться съ отцомъ; 2) бывшаго казначея Шамиля, мюрида Хаджіо, которому высочайше разрівшено было събедить на Кавказъ для устройства оставщагося тамъ семейства и, согласно изъявленному имъ желанію, вновь вернуться съ Кази-Магомою на жительство въ Калугу 2); 3) слугу и родственника Шамиля Джемаль-эддина, жителя с. Гимръ; 4) служанку Фаризатъ и 5) служанку Месси, которая изъ Еватеринограда должна была быть отправлена къ начальнику Осетинскаго округа, ибо она оказалась Осетинкою, взятою въ плънъ, и возвращается по просъбъ ен брата. Всъхъ этихъ лицъ сопровождали переводчикъ Дибиръ-Магома и фельдъегерскаго корпуса штабсъ-канитанъ Гузей-Разумовъ, которому отпущено 2000 р. с. на путевые расходы. Мюриду Хаджіо высочайше было вельно выдать въ единовременное пособіе 150 р. с. изъ госуд. казнач., въ знакъ особаго благоволенія за его добросовъстность и усердіе, съ которыми онъ содъйствоваль из сближенію съ

^{&#}x27;) Дъло гр. канц. нач. Д. обл., 1859, № 183.

въ Шуръ Хаджіо просиль о разръшеніи остаться на родинъ, что, по мивнію начальника области, суди по общимъ отзывамъ о немъ, не только не можетъ быть вредно, по по сочувствію его къ намъ объщаетъ принести пользу.

Шамилемъ липъ, назначенныхъ къ нему отъ правительства, въ чемъ сму было выдано особое свидътельство. Въ ПТуръ дли нихъ было приготовлено помъщение и сдълано распоряжение объ ихъ содержании по прівздъ. Казимагома и прочіе вытхали изъ Калуги З Ман въ трехъ экипажахъ и прибыли въ ПТуру 20 числа. Кариматъ въ это время жила у отца въ Птухъ, куда князъ Меликовъ отправилъ переводчика Грамова съ письмомъ къ Данісль-беку отъ 23 Іюня. Князъ писалъ: "Вамъ хорошо извъстно мое доброжелательство вашему дому, и потому и позволяю себъ дать вамъ совътъ, чтобы вы отнюдь не затрудняли уже соединеніе вашей дочери съ мужемъ, а напротивъ того всти средствами ускорили это дъло, согласно тому, какъ вы обязались поступить во время примиренія съ затемъ ванимъ Кази-Магомю, тымъ болъс, что наше высшее правительство пепремъню желастъ, чтобы Кази-Магомъ была возвращена жена его, и вы навлекли бы на себя крайнее неудовольствіе, еслибы воспрепятствовали тому". Зо Іюня Даніельбекъ отвъчалъ, что готовитъ дочь къ отътаду.

Между твиъ какъ происходила эта переписка, и отецъ, и дочь не могли скрыть своихъ опассній. 24 Іюня пачальникъ главнаго штаба Кавказской арміи Д. А. Милютинъ писалъ Меликову, что Дапіель-бекъ въ письмъ оть 11 Іюня сообщиль ему, что отпускаеть свою дочь, но при этомъ не скрываль своихъ опассній на счеть ея будущаго положенія въ семьъ Шамили. Прилагая копію съ письма Каримать къ кижю Барятинскому, Милютинъ просиль: "внушить по секрету Кази-Магомъ о будущихъ его обязанностяхъ въ отношеніи своей жены и о томъ, что онъ долженъ употребить всть свои старанія, дабы временно возникшія между пимъ и его женой несогласія не послужили бы поводомъ къ какимъ нибудь непріятностямъ для послѣдней со стороны семейства Шамиля". Вотъ письмо Кариматъ отъ 11 Іюня 1860 г. къ князю Барятинскому.

"Отепъ мой Даніель-Бекъ обязался подпискою отдать меня сыпу Шамили, Кази-Магомъ, какъ жену послъдняго. Не смъю и не думаю прекословить священной для меня воль отца моего и правительства, но ис могу не высказать предъ вами, сінтельнійшій князь, тіхь обстоятельствь, которыя сопровождали бракъ мой съ Кази-Маголою, и чувствъ терзающихъ меня при одной мысли вхать съ мужемъ въ Калугу. Песчастныя обстоятельства вынудили отца моего оставить въ 1844 году свои владбиня и удалиться въ горы. Шамиль приняль его довольно ласково, но вывств съ твиъ хорошо зналь, что отецъ мой останется по прежнему преданнымъ Россіи. Я въ это время была дитя, и Шамиль, желая ближе связать съ собою отца моего, на котораго онъ много разсчитываль, предложиль отцу моему выдать мени за сына его, теперешняго моего мужа Кази-Магому. Это, какъ я впоследствій узнала, была одна политика со стороны Шамиля; ни я, ни теперешній мужь мой Кази-Магома не знали другь друга, а потому и не могли питать взаимной привязапности. Отецъ мой долго подъ разными предлогами отстраняль бракъ мой съ Кази-Магомою; по въ 1850 г. къ нему прівхаль самъ Шамиль, и отець мой долженъ быль согласиться на его предложениеНесчастный бракъ мой былъ заключенъ, и я скоро поняла, что, подъ преддогомъ жены для своего сына, Шамиль взяль меня въ свой домъ, какъ задожницу или аманатку, посредствомъ которой могь держать отца моего въ желаемыхъ видахъ. Много испытала и гори въ домъ Шамиля въ теченіе 9 дъть жизни моей у него, и отъ горя этого не могь даже защитить меня мужъ мой. Богь посладъ, наконецъ, васъ, сіятельнъйшій князь, спасти всьхъ пленныхъ и притесненныхъ Шамилемъ. Вы покорили Дагестанъ, и я вместв съ прочими была освобождена отъ тяжкаго и продолжительнаго плвна; по участь моя измінилась къ дучнему только на время: я должна была идти къ Шамилю, жить въ его домъ и безъ сомнънія терпъть отъ него несравненно большія притесненія, чемъ я теривла прежде. Шамиль считаеть моего отца измъншикомъ противъ себя и нелъпо думаеть, что будто бы отецъ мой быль главнымь проводникомъ высказанной впоследствии ненависти Дагестанским в народомъ, доведеннымъ имъ самимъ до последней крайности. При такихъ убъжденіяхъ, что должна ожидать и, дочь смертельнаго врага Шамиля, въ его семействъ? Не мое дъло судить, правъ или неправъ Шамиль въ своихъ убъжденіяхъ; я должна только повиноваться воль отца моего и правительства, но при этомъ осмедиваюсь пасть къ погамъ вашего сіятельства, какъ втораго отца и покорителя Дагестапа, и со слезами просить оказать, по крайней мірь, мев, во мосмъ изгнаніи, вашу великодушную и могущественную защиту отъ притъсненій Шамиля и сына его Кази-Магомы въ ихъ домв; успокоить по возможности жизнь мою у нихъ и спасти меня оть преждевременной смерти. Ваше сіятельство, конечно, не сочтете, чтобы слова мои и просьбы происходили оть какихъ-либо особыхъ причинъ, кромъ душевнаго убъжденія въ горькой жизни, меня ожидающей. Въ горахъ и еще болве или менве находила защиту и утвшение въ отцъ моемъ, а въ Кадугь и могу ожидать ихъ только отъ Бога, моего Государя и вашего сіятельства. Съ истиннымъ и пр. " 80-лътняя мать Даніель-Бека также писала къ князю Меликову, прося его устроить разстроенное положение ихъ. 22 Іюля князь Меликовъ писаль къ Д. А. Милютину: "Жена Кази-Магомы прибыла сюда 15 сего мъсяца и была принята мужемъ съ непритворнымъ восторгомъ. До самаго прівада си ему не вірилось, что она позвратится къ нему, и онъ невыразимо быль благодаренъ за сильное участіе, принятое нашимъ правительствомъ къ соединению его съ женою. Какъ прежде прибытія жены его, такь и послі, Кази-Магомі были сділаны мною должныя виушенія объ отношеніяхь его къ жень, и онъ даль мив положительныя объщанія всевозможно стараться, чтобы жена его не иміла никакого повода сожальть о своемъ возвращения къ нему. Главнымъ образомъ я далъ наставленіе жен'в его и успоконять ее ит опасеніях за ея будущиость. Судя по отношеніямъ, которыя существують теперь между мужемъ и женою, можно подагать, что они будуть жить очень согласно, если только вившательство Illамиля или его жены не разстроить ихъ. Изивство, что старикъ Шамиль сильно негодуеть на отца своей невъстки за дъйствія его въ годь покоренія Дагестана и, быть-можеть, по метительной натурів Лезгина, захочеть отплатить за отца дочери и подвергнуть ее притесненіямъ. Я выразилъ Кази-Магомъ это опасеніе и хотя онъ объщаеть быть заступникомъ за жену и не дозволить никому дълать ей малъйшее неудовольствіе, для чего намъренъ жить особо; но, не полагаясь на это объщание, потому что, при всемъ желаніи, едва ли опъ въ состоянін будеть противиться отцу, было бы полезно поручить приставу при семействъ Шамиля имъть особенное наблюдение за положениемъ жены Кази-Магомы и стараться оградить се отъ притесненій способами, какіе найдены будуть уместными". 30 Іюля Кази-Магома съ Каримать, Абдурахманомъ, слугою и служанкою, переводчикомъ Дибиръ Магомою, вывхаль изъ Шуры въ Калугу въ сопровождени Гузей-Разумова и Грамова (последній ехаль только до Екатериподара). Насколько счастливо потекла жизнь супруговъ, сведенныхъ стараніями администраціи, изъ дъла не видно; по опасенія, тысказываемыя княземъ Меликовымъ въ вышеприведенномъ письмъ, находять подтверждение въ мнъніи его, высказанномъ имъ же по другому дълу, о которомъ ниже. "Судя по поводу высылки сюда Афганца Хайруллы и по отзывамъ о зятьяхъ Шамиля, пишетъ князь Д. А. Милютину 4 Іюля 1860, и вообще по журналамъ г. Руновскаго, видно, что онъ не имъетъ достаточныхъ понятій о домашней жизни большихъ мусульманскихъ семействъ, въ которыхъ интриги, распри и ссоры, доходящія часто до драки, составляють обыкновенныя проявленія ихъ быта, и что если онъ будетъ подобнымъ случаямъ давать изкоторую важность которая вызвала бы необходимость разъединить членовъ дома Шамиля, то после затей онъ станетъ просить о высылке изъ Калуги сыновей Шамиля а потомъ быть можеть и самихъ женъ его. Для устраненія всякихъ заботь высшаго правительства нашего по подобнымъ случаямъ въ домъ Шамиля, приставу при ономъ необходимо имъть такть, который пріобредъ бы ему вліяніе на членовъ этого семейства, даваль бы ему возможность держать ихъ въ предълахъ пристойности и предоставлялъ ему способъ изъ раздоровъ между ними узнавать въ дъйствительности все, что происходило и происходить въ ихъ дом'в и даже въ политической жизни Шамиля, а затемъ расправу по домашнимъ деламъ предоставить ему самому". Можно думать, что скорой смерти Кариматъ (въ 1862 г.) не могла не способствовать домашняя обстановка.

Повздка Кази-Магомы за женою представляеть еще интересь въ другомъ отношени. Наканунт отъвзда его изъ Пјуры, 29 Іюня 1860 г. Евдокимовъ писалъ Меликову изъ кр. Грозпой: "По случаю пребыванія въ Темиръ-Хапъ-Піурт сына Шамиля Шефи-Магомета (?), въ горахъ ходятъ слухи, будто бы пребываніе его связано съ намтреніемъ партіи недовольныхъ объявить его имамомъ. Хотя изъ тто же слуховъ и извъстно, что онъ отказался отъ будто бы сдъланныхъ ему предложеній, но во всякомъ случать отътаздь его изъ Шуры былъ бы для насъ полезнте, нежели дальнъйшее пребываніе, которое волнуеть умы легковтрныхъ. Говорить, не смотря на отказъ Шефи-Магомы, горцы имтють намтрепіе, въ случать возможности, силою захватить его въ горы, провозгласить имамомъ и сдёдать

офиціальнымъ главою возстапін". 17 Сентября того же года князь Медиковъ писаль Д. А. Милютину: "Последнее пребывание въ Т.-Х.-Шуре сына Шамиля, Кази-Магомы, сопровождалось такими обстоятельствами, которыя заставляють желать, чтобы на будущее время ни онъ, ни брать его не были уже присылаемы въ Дагестанъ, по крайней мъръ, въ течение нъсколькихъ лътъ, пока все то, что мы предполагаемъ сдълать въ этомъ краж для окончательнаго упроченія въ немъ спокойствія, приведено будеть въ исполненіе. Первымъ случаемъ, вызвавшимъ усиление надзора за Кази-Магомою, было то, что когда онъ узналъ о возстаніи Беноевцевъ подъ предводительствомъ тамошняго жителя Байсонгура, то сказаль своимъ домашнимъ: "Жаль мнъ ихъ, они ничего не въ состояніи сделать противу Русскихъ. Мусульманамъ же грвино драться съ возставшими за свою въру, и если бы кто изъ близкихъ мив людей вооружидся противъ нихъ, то да поразитъ его первая пуля. Я васъ очень люблю, но если вы будете убиты противъ Байсовгура, то не стану жальть объ васъ". Потомъ стали носиться слухи, что Беноевцы приглашають Кази-Магому принять на себя званіе имама и объщають возстаніс всей Чечни, и слухи эти, дойдя до начальника Терской области, были сообщены мей съ присовокупленіемъ, что, по носищейся тамъ молвъ, Кази-Магома отказадся отъ приглашенія, и что партія мятежниковъ желаетъ захватить его силою, когда онъ будеть вхать въ Россію. Были между мятежниками люди, которые разглашали, что Кази-Магома уже въ Бенов и приняль на себя званіе имама. Наконець, я узналь, что онъ предлагаеть женъ своей біжать въ горы. Она сама сказада мей объ этомъ, умодяя поспишть отправленіемъ ихъ въ Калугу и тімъ устранить всякую случайность. Говориль ли объ этомъ Кази-Магома въ шутку, чтобы испытать жену свою, или имвать двиствительное намвреніе увлечь ее въ быство-неизвыстно; по жена его считала предложение мужа не шуткою и объявила мив, что, если онъ или его отецъ узнають, что она выдала секретъ перваго, то навърное погубять ее. За три же дня до выбада отсюда, Кази-Магома, во второмъ часу ночи, выскочиль изъ окна и хотель было пойти куда-то; но стоявшій туть же часовой остановиль его, и, не изирая на просьбы Кази-Магомы пустить его прогуляться, часовой настояль, чтобъ онъ вошель обратно въ свою комнату. Хотя Кази-Магома объясниль случай этотъ шуточнымъ споромъ, возникшимъ между женою его и имъ, въ которомъ онъ доказывалъ, что онъ пользуется полнымъ довъріемъ Русскихъ, и что присутствіе часоваго не помъщаеть ему идги, куда онъ хочетъ, и хотя объяснение это, подтвержденное его женою, не лишено въроятія, ибо онъ вышель изъ окна въ архалукъ безъ оружія, и ни въ ту ночь, ни послъ не открыто никакихъ признаковъ приготовленія къ побіту; но, тімъ не меніе, въ народі распространилась молва, что онъ хотвлъ бъжать пъ возмутившимся и, будучи въ свое время схваченъ Русскими, отправленъ въ Россію за карауломъ. По этимъ обстоятельствамъ и принимая въ соображение, что фанатическое воспитаніе, данное Кази-Магом'в отцемъ, легко можеть возбудить въ немъ самыя безразсудныя и невероятныя затьи, и полагаль бы, для избежанія всякой случайности, не присылать уже ни его, ни другаго сына Шамиля на Кавказъ и тъмъ болъе, что они уже не имъютъ никакого уважительнаго повода"*).

Изъ жизни Шамиля и его семейства въ Калугъ въ нашихъ дълахъ встръчается нъсколько эпизодовъ, представляющихъ нъкоторый интересъ, какъ матеріалъ, указывающій на міровозэртніе горцевъ.

Въ сел. Гимрахъ (Аварскаго округа) принадлежавшее Шамилю недвижимое имущество, составлявшее его родовое имъніе, заключалось въ небольшомъ клочкъ земли, виноградномъ садъ, расположенномъ на хуторъ при селеніи, и въ каменномъ домъ, находившемся въ самомъ селеніи; виноградный садъ приносиль доходь весьма незначительный, такъ что изъ него за сборъ 25 "санетокъ" винограда выручалось ежегодно не болъе 10 р. с.; домъ находился въ запущенномъ видь и могь иметь ценность только по земль, имъ занимаемой, которая вивств съ участкомъ пахотной земли стоитъ до 50 р., такъ что все родовое имвніе Шамиля въ Гимрахъ могло быть оцъпено не свыше 200 р. с. Въ Августъ 1859 г., по введени нашего управленія въ Койсубулинскомъ обществъ, управляющимъ Гимрами былъ назначенъ подпоручикъ милиціи Исалъ-Магома, которому въ видъ поощренія за его заслуги было передано полковникомъ Лазаревымъ имъніе Шамиля, находившагося тогда на Гунибъ. Въ началъ 1861 г., по просъбъ Шамиди, имъніе было возвращено въ полное распоряженіе Шамилю, а Псалъ-Магомъ выдано, согласно оценке именія, 200 р.; Шамиль передаль его Гимринской жителькъ Муминатъ, родственницъ своей, женъ Ханизатила-Магомы. Послъ ссылки въ 1866 г. сего последняго, именіе перешло въ заведываніе старшины Гимръ Джемалъ-Эддина-Хусейнъ-оглы, родственника Шамиля. Въ 1юнъ 1868 г. Шамиль написаль Джемаль-Эддину следующее письмо: "Любимому сыпу Джемаль-Эдину, да будеть на вась мирь Божій! Когда мы подумали относительно имвиія нашего, находящагося у вась, именно: дома, пахотных мъсть и садовъ, то не нашли болве полезнаго употребленія имвнія этого, какъ завъщать его (по вакфу) сиротамъ нашего селенія. А потому мы завъщаемъ симъ имъне наше, находищееся у васъ, спротамъ съ тъмъ, чтобы половинною частью съ дохода имвнія пользовался тоть, кто будеть управлять имвніємь, т. е. поливать сады, пахать поля и поправлять домь; другая же половина должна быть обращена въ нользу сироть. Собирай сироть въ свое время въ мой домъ и раздавай имъ указанную часть съ дохода съ имънія. Мало ли оно будеть или велико, виноградь ли то будеть или другой какой плодъ, или же похлебка и тому подобное — это будетъ въчное благодъяніе для сиротъ, и польза его велика. Что же касается до моего дома, то въ немъ пусть живеть тоть, кто будеть управлять имфніемь, и пусть онъ поправляеть его, чтобы онь не разрушился. А тебя уполномочиваю, Джемаль-Эддинъ, распорядиться: отдашь кому хочешь, или же оставь въ своихъ рукахъ, и знай, что тебъ будеть великая благодать Бога за твои хлопоты въ

^{*)} Дъло гранд. квиц. ком. войсками, П отд., 1860. № 74-69.

домъ, полезномъ для сиротъ. Я, нуждающійся въ Богь, старикъ Шамиль. Кланяйся нашимъ родственникамъ особенно, и жителямъ селенія вообще. Завъщаю вамъ молитву объ улучшеніи нашей жизни". Въ Поябръ 1868 г. намъстникъ Кавказскій разръшилъ исполнить желапіе Шамиля о завъщаніи имънія въ пользу сироть *).

Въ Гюдф мфсицф 1861 г. въ Калугф сынъ Шамили Кази-Магома, прогуливаясь возл'в своего дома, встретилъ неизвъстнаго Кизанскаго Татарина, проданца мануфактурныхъ товаровъ, который поспёшно вручилъ ему письмо, и на вопросъ - отъ кого и кому? -- отвъчалъ, что письмо прислано изъ Константинополя въ Москву для передачи оттуда въ Калугу Шамилю, что отправлено оно не по почтв и безъ адреса на конвертв, ибо содсржание его слишкомъ важно и секретно, чтобы довърить этоть документь почтв; наконецъ, что письмо это находилось нъсколько времени въ Москвъ у тамошняго корреспондента, и если не доставлено своевременно по адресу, то собственио по той причинъ, что не находилось до сихъ поръ надежнаго человъка, на котораго можно бы было въ этомъ случай внолив положиться, Сказавъ это и замъчая, что Кази-Магома намъренъ возвратить письмо, Татаринъ пемедленно скрымся. Тогда сынъ Шамиля принесъ письмо отпу, который, сдълавъ ему выговорь за принятіе корреспонденціи безъ посредства пристава, ръшилъ вручить письмо нераспечатаннымъ последнему. Отдавая письмо Руновскому по возвращении его изъ Петербурга, Шамиль сказалъ: "Глупъ тотъ человъвъ, который при сіяніи солица зажигаеть свінчу для того, чтобы ему было еще свътлъе. Государь даеть мит много очень яснаго свътя; зачёмь и стану зажигать еще свёчу? Возьми это ппеьмо и отдай кому следуеть". На адресв письма (все по-арабски) стояло: "Если угодно Богу, да дойдеть это письмо въ руки господина нашего Шамили, имама Дагестанской области, живущаго въ г. Калугв, одномъ изъ Русскихъ городовъ". Письмо: "Тому, кого Господь вывель изъ глубины непъжества на вершину знаній, т. е. господину нашему Illамилю, имаму Дагестанскаго народа. Да будетъ онъ на въки въковъ благополученъ, аминь! Настали времена прекращенія переписки о делахъ, касающихся многихъ удивительныхъ и странныхъ событій, которыми занять умъ и смущено сердце. И нъть друга, которому можно бы было излить свои жалобы, который бы открыль намъ путь посреди несчастій и который бы блескомъ своего совъта разсъяль мглу современных водненій. Однако необходимо излить свои жалобы тому, кто обладаеть мужественными доблестими и вто въ состояни сочувствовать тебъ, утвшить тебя и раздалить скорби. Увы, прошло, миновало это время! Но если угодно Всевышнему Богу, смутныя событія опять обратится въ свътлыя. Мы очень бы желали видъть твое благословенное лицо, но для насъ это невозможно, и потому мы возымели намерение сопетовать тебе, чтобы ты испросиль поэволеніе у высокаго правительства выписать къ себъ Шайба-Эфенди, сына Хаджи-Аба-Султанъ-Эфенди-Кабати; онъ будетъ безъ сомивнія

^{*)} Дъло гражд. канц. Даг. обл. II отд., 1860, № 169.

такимъ для тебя, кажь ты любишь и желаешь, и будеть во всемъ соотвътствовать лому, что тебъ приличествуеть. Молницеся за тебя: Харжи-Лов-Султанъ и Махмудъ-Эфенди-Хайдаки. 1276 года 21 мъсяца Раджеба. Р. S. Если бы ты могь перевести къ себъ Махмунда-Эфенди вмъстъ съ Шайбъ-Эфенди, то это, по нашему мнъню, было бы еще лучше и еще върнъе. Прощай!" По собраннымъ въ Дагестанской области свъдъніямъ, писавшіе оказались выходцами изъ Кайтага. Хаджи-Аба-Султанъ-Эфенди-Кабати и сынъ его Шайбъ-Эфенди были жители сел. Кубачи, съ давняго времени оставившіе родину. Махмудъ-Эфенди — житель сел. Башлы; на родинъ онъ посиль имя Акай; онъ былъ уволенъ въ Мекку и вернулся оттуда домой, но въ пачалъ 50-хъ годовъ ушелъ въ Турцію безъ письменнаго вида. Во времь Крымской войны онъ тайно провзжалъ къ Шамилю черезъ Шемаху, Кубу, Кайтагъ, Кумухъ и Согратль въ Ведень, гдъ имълъ съ нимъ свиданіе. Онъ имълъ провицательный умъ и считался человъкомъ очень вдіятельнымъ 1).

Младшій сынъ Шамиля Магомедъ-Шефи былъ женать на дочери жителя Чоха Инко-Гаджіо-оглы, которому онъ написаль въ 1860 г. след, интересное письмо: "По прівздів въ Россію мы виділи много удивительнаго, такъ что, еслибы суждено было прожить 40 леть, то и въ продолжение оныхъ не было бы никакой возможности описать всего остріемъ пера. Такъ напримъръ, мы видъли пътуха цъною въ 150 р. с., собаку въ 400 р. с. и портреть шириною въ 3/4 доктя, а длиною въ локоть, нарисованный человъческою рукою, стоимость котораго 3.000 р. с.; ходили также на сахарный заводъ и видъли, что сахаръ дълается изъ обыкновенной свекловицы, изъ которой извлекается сокъ на подобіе винограднаго меду, дал'яе сокъ этоть выливается на горячія кости, посредствомъ которыхъ онъ очищается, какъ очищается серебро. Что же касается костей, черезъ которыя пропускается сокъ, то онв бывають свиныя, дошадиныя и др. скверныхъ животныхъ, бывають даже и человъческія. Когда мы узнали такой способъ приготовленія сахара, то нашии, что онъ запрещенъ, и оставили употреблять его, начиная съ отда нашего Шамили до последияго члена семейства. Были мы п на другихъ заводахъ и тамъ видёли не менёе удивительнаго. Вниманіе Государя Императора съ каждымъ днемъ увеличивается, и мы, благодаря Бога, живемъ безъ всякой печали такъ, какъ жили въ Дарго; если же таковая проявляется, то вследстве разлуки съ вами и другими нашими знакомыми". Послв поклоновъ разнымъ лицамъ, Магомедъ-Шефи прибавляеть: "Въ заключеніе сообщаю вамъ мои задушевныя мысли. Я вду служить Его Императорскому Величеству въ Петербургъ и надъюсь, что это будетъ причиною скораго свиданія съ вами. Прошу хранить это въ тайнъ и даже по прочтеніи уничтожить это письмо" 2). Въ 1862 году Шамиль просиль разръшенія проживающему въ сел. Чохъ прапорщику милиціи Исмаилу-Инко-Гаджіову прибыть къ Япварю 1863 г. въ г. Калугу для отвоза изъ этого

^{&#}x27;) Дъло канц. нач. Двг. обл. П отд., 1861, № 175.

^{*)} Дѣло гр. канц. ком. войсками, 1860, № 74-69.

города въ сел. Чохъ его сестры, жены корнета лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона собственнаго Е. И. В. конвоя Магомедъ-Шефи, Аминать, съ дочерью Кариматъ. Князь Меликовъ, на запросъ по этому поводу начальника главнаго штаба Кавказской арміи, писалъ 21 Марта 1863 г.: "Житель с. Чохъ, прапорщикъ милипіи Исмаилъ-Инко-Годжіовъ, сынъ одного изъ самыхъ извъстныхъ въ Дагестанъ фанатическихъ сподвижниковъ Шамиля, по имени Инко-Аджіа (глухого Аджіа), который, подвергшись нъсколько разъ замъчаніямъ военнаго начальника средняго Дагестана за разныя выходки, клопившіяся къ возбужденію въ народъ вредныхъ толковъ о насъ, переселенъ былъ въ 1861 году, по моему распоряженію, въ шамхальство Тарковское. Онъ недавно возвратился изъ Мекки. Повздка сына его въ Калугу для привоза оттуда въ Дагестанъ сестры своей, жены младшаго сына Шамиля Магомедъ-Шефи, можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ толкамъ для насъ, и потому я полагалъ бы отложить исполненіе просьбы Шамиля до другого времени⁴ *).

Вопросъ о дозволенін Шамилю отправиться въ Мекку сталъ на пути къ разръщенію съ 1868, когда Шамиль обратидся изъ Кіева къ намъстнику Кавказскому отъ 19 Декабря съ письмомъ слъд. содержания: "Ваше Императорское Высочество! Проживъ въ Россіи болье 9 льтъ, я постоянно польвовадся и пользуюсь милостями Государя Императора. Милости эти увеличивались съ каждымъ годомъ. Осыпанный благодъныями не по моимъ заслугамъ, я не нашелъ другихъ средствъ выразить мою сердечную благодарность и мою глубокую преданность, какъ принять съ моимъ семействомъ присягу на вфриоподданство Его Императорского Величества и, въ лицъ его, моему новому отечеству-Россіи, что съ Божією помощью и совершилъ въ 1866 году. Вмъсть съ этимъ я давно уже имълъ намърение просить разрешенія о дозволеніи мив отправиться къ святымъ местамъ, такъ какъ по свищенному объту обизательно для каждаго мусульманина посътить св. мъста и поклониться гробу пророка Магомета, но до сихъ поръ я ни предъ къмъ не заявлять оффиціально моей просьбы. Въ настоящее время, будучи дряхдъ и слабъ моимъ здоровіемъ, боюсь, чтобы безъ исполненія святого моего объта не пришлось миз разстаться съ земною жизнью, и потому обращаюсь въ Вашему Императорскому Высочеству съ самою искреннею просьбою исходатайствовать у Государя Императора разръшение отправиться мив съ семействомъ въ Мекку, для исполненія святого объта и вмъстъ съ тъмъ пристроить моихъ взрослыхъ дочерей, оставивъ въ Россіи дорогихъ (въ Арабск. подлинникъ: "прохлада глазъ моихъ") съновей моихъ Гази-Магомета и Магому-Шефи. По исполнени святой моей обязанности, если Богъ продлитъ мои дни, я долгомъ сочту возвратиться въ Россію, чтобы лично повергнуть мою искрепнюю признательность къ стопамъ моего благодетеля Государя Императора и Вашего Императорского Высочества, какъ ходатая моего у престода Его Величества. Позволяю себъ надвяться,

^{*)} Дъло гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183.

что Ваше Имп. Высочество не отринеть самой искрепней просьбы дряждаго старца и утъщите его на закатъ дней земныхъ. Вашего Имиер. Высочества искренно преданцый и молящійся за васъ дряхлый старецъ Шамиль". Всябдствіе этого письма нам'встинкъ Кавказскій писаль 26 Япваря 1869 г. военному министру: "Прилагаемымъ при семъ въ коніи письмомъ Шамиль просить ходатайства мосго о дозволеніи ему отправиться въ Мекку для поклопенія священнымъ для масульманъ мъстамъ. Вопросъ объ увольневіи Шамиля въ Турцю уже быль обсуждаемъ мною въ 1866 г., по поводу отзыва вашего высокопревосходительства отъ 5 Феврали. Въ то время я высказался противъ этого увольненія, видя причину тому, какъ въ положеніи сопредъльныхъ намъ Малоазійскихъ провинцій Турціи, такъ и въ настроеніи горскаго населенія въ Кавказскихъ предвлахъ, болъе обыкновеннаго напряженномъ вслудствіе частью только что совершившихся, а частью еще предстоявшихъ важныхъ реформъ въ бытв этого населения. Въ настоящее время въ состоянии горскихъ населеній и вообще въ положеніи Кавказскихъ дълъ нсключительно и не пахожу причины отказывать безусловно Шамилю въ псполненіи его желанія, темъ более, что, соображая обстоятельства, касаюпціяси настоящаго положенія Шамиля и всего поведенія его со времени водворенія въ Россін, а также въ виду того, что, проси отпуска, Шамиль оставляеть въ Россіи своихъ сыновей, я мело склонень заподозрить его въ неискреппости и видать въ повздив его какую либо противную интересамъ правительства заднюю цёль. Затёмъ неудобство увольненія Шамиля въ Турцію представляется мив только въ томъ случав, если отношенія паши въ этой державъ останутся неразъясненными и представляющими возможность близкаго разрыва. Тогда, весьма вёроятно, какъ Турецкое правительство, такъ и вообще многочисленные педоброжелатели папии, пребывающие въ Турціи, не преминули бы употребить усилія, чтобы извлечь пользу изъ пребыванія тамт. Шамили и сділать его орудіємь для дійствія на Кавказских мусульманъ во враждебномъ для насъ смыслъ. Можетъ быть, что при извъстпомъ закаль характера Шамиля, опъ и въ этомъ случат остался бы въренъ даннымь Русскому правительству обътамь; но, по мнёнію моему, всетаки было бы остороживе дать ему отпускь только тогда, когда отношенія наши къ Турціи перестануть возбуждать опасенія близости враждебнаго столкновенія. Прошу ваше высокопревосходительство пастоящее мивніе мое, вмвсть съ письмомъ Шамиля, повергнуть на всемилостивъйщее возэръніе Государя Императора, и о томъ, какое по пастоящему предмету последуетъ высочайшее соизволеніе, увъдомить меня и приказать сообщить Шамилю". 17 Февраля 1869 г. военный министръ увъдомилъ намъстника, что Государь Императоръ всемилостивъйще соизволиль разръщить: Шамилю съ семействомъ отправиться въ Мекку для поклоненія гробу Магомета, оставивъ въ Россіи сыновей его Гази-Магомета и Магомедъ-Шефи*).

^{*)} Дъло напц. нач. Даг. обл., 1869, № 48.

Собирансь въ Мекку, Шамиль счелъ долгомъ возвратить обществу селенія Китуры въ Дагестанъ коранъ, который въ 1859 г. быль отбить графомъ Олсуфьевымъ при нападеніи на это селеніє, а въ 1866 г. подаренъ графомъ Шамилю 1).

Въроятно, также отъъздомъ Шамиля въ Мекку объясняется слъдующее распоряжение относительно сына его Магома-Шефи, о которомъ военный министръ сообщаль намъстнику Кавказскому 31 Поля 1870 г. "Государь Императоръ по всеподданиъйшему докладу ходатайства командующаго Пмператорского Главного Квартирого и отзыва помощинка Вашего Императорскаго Высочества, высочайше повелъть соизволиль изъ фамилін штабъ-ротмистра лейбъ гвардін Кавказскаго эскадрона собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя Мухамедъ-Шафи-Шамиль-оглы исключить слово оглы и, согласно заключенію Кавказскаго начальства, именовать его Шимильного воення военный в

Наъ прочихъ лицъ семейства Шамиля не разъ обращали на себя випманіе и возбуждали переписку зятья Шамиля, сыновыя его тестя, знаменитаго въ исторіи мюридазма въ Дагестанв, Джемаль-Эддина Казикумухскаго. О последнемъ находится въ деле капц. нач. Даг. обл. (1861, № 175) люболытное сведение. Изъ присланнаго въ начальнику Дагестанской области, князю Меликову, дневника пристава при Шамилъ за 1861 годъ опъ усмотрвяв, что старикъ Джемалъ-Эддинъ, какъ последній муршидъ въ Дагеставе, хоти до сихъ поръ не объявилъ кого либо себъ преемникомъ, но уже назначиль для сего званія четырехъ мюридовь, именно: 1) Куради-Магому въ сел. Прагв, 2) Уракли-Магоммеда въ сел. Уракли, который уже и тогда дълалъ чудеса, 3) Пуръ-Мухаммеда въ сел. Инху и 4; Магома-Дебира въ сел. Арчу; послъдній изъ пихъ старикъ, а прочіе еще далеко не старые люди. Въ 1860 году всв четверо собирались въ Мекку; изъ пихъ Курали и Пуръ-Мухаммедъ, какъ семейные, хотвли возвратиться въ Дагеставъ, а холостой Уракли хотыль навсегда остаться въ Меккв. По собращнымъ свъдвинямъ оказалось, что Курали-Магома, пазываемый въ народв Молла-Магомедъ, родомъ изъ сел. Усухъ, Кюринскаго ханства, гдв онъ имвлъ до 15 дымовъ родственниковъ и въ томъ числъ родного брата. Въ началъ 40-хъ годовъ Молла-Магомедь бъжаль къ непокорнымъ горцамъ и все это времи находился при Шамиль, а по покоренія Восточнаго Кавказа перешель въ ссл. Чиркей, гдъ женился на племяпницъ тамошняго почетнаго жителя Джеллала. Живя въ Чиркев, Молла-Магомедъ очень часто прівзжаль въ бывшему своему учителю Джемаль-Эддину, проживавшему послъ взятія Гупиба, до переселепія въ Турцію, въ сел. Казанищи: съ нимъ Молла-Магомедъ всегда находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и получаль отъ него не разъ матеріальное пособіе будто бы на поддержаніе себя съ семействомъ. Въ 1861 г. онъ прожиль около мъсяца въ сел. Усухъ, и здъсь хотя ничего не пропов'ядываль въ религіозномъ духів, но какъ было видно, старался выка-

⁴⁾ Дъло канц. пач. Даг. обл., 1869, № 51.

^{*)} Дъло канц. нач. Даг. обл., 1870, № 135.

зать свою ученость и знаніе религіи, быль чрезвычайно набожень и весьма строго исполняль все религіозные обряды, чёмъ и успёль вселить въ обществе о себе мненіе, какъ о человеке весьма ученомы и действительномы мусульманине. Изъ Усуха онъ возвратился въ шамхальство, откуда отправился въ Мекку, по возвращении изъ которой поселился въ Усухе, где и-умеръ 14 Января 1863 г.

На зятьевъ Шамиля обращено было внимание уже въ 1860 году, когда возникъ вопросъ объ удаленіи ихъ изъ Калуги, вопросъ, вызванный, кажется, тъми условіями жизни горцевъ, о которыхъ мы читали мивніе князя Меликова. 14 Марта сего года военный министръ писалъ князю Барятинскому: "Въ числъ членовъ семейства Шамиля прибыль въ Калугу зять поельдняго Абдурахманъ, Стариий адъютанть при дежурномъ генераль Главпаго Штаба Его Имп. Велич. полк. Богуславскій, бывь три раза въ Калугв, удостовърился, что названный человъкъ, по своимъ убъжденіямъ, характеру и склонности къ проискамъ, весьма вреденъ для лицъ, приставленныхъ къ Шамилю правительствомъ, и что, кромъ того, дальнъйшее пребываніе его въ Калугв поведетъ къ раздору между членами семейства павинива. По изложеннымъ причинамъ удаленіе Абдурахмана изъ Калуги необходимо, но открытое требование этого отъ Шамиля примется имъ какъ сильнайшее ствененіе, ибо Абдурахманъ мужъ любимой его дочери. Между твиъ изв'ястно, что, если на возвращеніе на Кавказъ Абдурахмана вызрать желаніе отца его Джемалль-Эддина, или даже если последуеть только отзывь оть командующаго войсками въ Прикаспійскомъ край о необходимости успоконть старость этого почетнаго въ Дагестанъ лица, то дъло приметь такой оборогь, что самъ Шамиль будеть энергически содъйствовать отправленію зятя на Кавказъ". Въ виду всего вышеизложеннаго, военный министръ просилъ книля Барятинского, если возможно, устроить дело. Поездка Кази-Магомы въ Шуру въ 1860 г. за женой, какъ мы видели, въ сопровождении другого зятя Абдурахима, казалась удобнымъ случаемъ задержать его на Кавказъ, такъ какъ и его пребывание въ Калугъ считалось вреднымъ. Вивств съ Абдурахманомъ предполагалось отправить и жену его Фатимать, чтобы опъ не имълъ основанія проситься обратно въ Калугу; но Шамиль, узнавъ объ этомъ, въ особомъ письмъ выразилъ всю горечь, которую ему придется испытать, если онъ будеть разлученъ съ дочерью, которая и сама не желаеть вхать.

Чтобы усповоить Шамиля, Фатимать разрышили остаться въ Калугь, и Абдурахимъ отправился одинъ. Князь Барятинскій просиль князя Меликова принять міры къ оставленію Абдурахима на Кавказі подъ предлогомъ сколь возможно болье усповоительнымъ для Шамиля. Князь Меликовъ отвічаль, что къ оставленію Абдурахима не представляется никакого благовиднаго предлога. Кази-Магома просиль не огорчать отца его удержаніемъ зятя его на Кавказі и быль очень встревоженъ, узнавши о запрещеній фельдьегерю взять съ собою Абдурахима въ Калугу, и сказаль князю Меликову, что если по молодости онъ провинился въ чемъ либо, то никакъ не

предъ правительствомъ, а предъ ихъ семьею, но они нисколько на это не претендують. "Я должень сказать, что не вижу еще шикакой важной причины оставить его на Кавказъ и выслать сюда же старшаго брата его Абдурахмана; ибо склонность последняго къ проискамъ и проявление другихъ недостатковъ въ его характеръ могутъ быть остановлены строгимъ обращеніемъ съ пимъ и внушеніемъ ему, что дальнійшее нескромное поведеніе его повлечеть за собою высылку его изъ Калуги. Объ этомъдолженъ быть предупрежденъ и самъ Шамиль, дабы онъ впоследствіи не имъль права роптать на высылку зитей своихъ, а удаленіе теперь кого либо изъ пихъ безъ испытанія представленной мною м'тры подало бы Шамилю справедливый поводъ считать себя обиженнымъ и было бы не совитстно съ милостями, ему оказанными, потому что удаленіе это не имфетъ никакого уважительнаго повода въ глазахъ Шамиля". Къ этому князь Медиковъ въ рапортъ къ военному министру добавлялъ: "Къ оставленію Абдурахима на Канказв предоставляются только двв благовидныя причины, которыя не могуть подать Шамилю повода вильть въ удалеціи зятя стыснительную міру. Первою изъ нихъ, указанною вашимъ высокопревосходительствомъ, могло бы послужить дъйствительное желаніе отца оставить Абдурахима при себії, а второю равносильною причиною желаніе самого Абдурахима остаться здёсь, при своемъ отцъ, или отдъльно отъ него. Поэтому я поручилъ одному довъреппому лицу, уважаемому Джемаллъ-Эддиномъ, постараться вызвать его на это, чтобы онъ просиль объ оставлении при немъ сына его Абдурахима; но, пе взирая на объясненную ему необходимость, чтобы при немъ было близкое лицо, которое облегчало бы его въ заботахъ о немъ и малолетнихъ детяхъ, старикъ отозвался, что теперь онъ не можеть просить объ оставлении здъсь Абдурахима, такъ какъ невозвращение его въ Калугу могло бы крайне огорчить Шамиля, и въ томъ случав, еслибы зять его покинуль жену въ Калугъ, и въ другомъ также, еслибы онъ вытребоваль ее на Кавказъ; поэтому Джемаллъ-Эддинъ объявилъ, что онъ не иначе ръшится просить о присылкъ къ нему одного изъ сыновей, какъ по предварительному согласно на то самого Шамиля, и того изъ сыновей, которому Шамиль дозволить вывхать сюда, что объ этомъ онь войдеть въ сношение съ Шамилемъ, спустя нъкоторое время, когда онъ болье свыкнется съ жизнью на чужбинъ и что сынъ его Абдурахимъ самъ не желаеть остаться теперь здёсь въ разлукъ съ женою. Что же касается до вопроса о пользъ пребыванія зятей Шамиля на Кавказв, то оно не объщаеть ни пользы, ни вреда, потому что оба брата сами по личнымъ качествамъ люди еще ничъмъ незамъчательные, и при настоящемъ положеніи Дагестана никто изъ туземцевъ не обратить на нихъ никакого вниманія, которое могло бы присвоить имъ какое либо вліяніе въ крат". Въ концт концовъ Абдурахиму было разрешено возвратиться въ Калугу*).

Старшій зять Абдурахманъ снова обратиль на себя вниманіе Кавказскаго начальства въ 1864 г. слъдующимъ письмомъ: "Почтенной теткъ

^{*)} Дъло гражд. канц. ком. войсками, 1860. № 74-69.

моей, добродьтельной Чавь, жень Хаджи-Омара Кумухскаго, и,... привыть и благословеніе Божіе..... Когда посль долгаго ожиданія извыстій очь вась о вашемъ положеніи, получилъ я чрезъ друга мосго искренняго, Абдуллаха Алхасова сына, ув'вдомленіе объ убіенім возлюбленнаго двоюроднаго брата моего Хамзы, вашего своднаго брата, въ ссоръ, происшедшей между нимъ и некоторыми лицами, по причине, которая мне остается неизвестной, я за одно съ вами былъ пораженъ скорбью и печалью. Если бы вы радели къ тъмъ, которые принимають истипное участіе въ горестихъ вашихъ и радостяхъ, вы бы, конечно, написали мнъ о случившемся, обо всемъ, что касается упоминутой ссоры, чтобы знали мы, кто нашъ врагъ, возбудившій эту последнюю, и на кого излить наше мщеніс, хотя бы нонадобились для этого долгіе перевороты времени между людьми. Поразмыслите-ка объ этомъ, и вамъ будеть испо. Все, что я могу заключить о васъ въ настоящее время, это то, что вы постоянно, пресладуемые убійствами, постоянно старастесь забывать о нихъ, и служите предметомъ порицанія и осужденія. Ей Богу, сами вы вев глупцы, невыжи, измъпники, предатели. Если бы этого не было, вы бы консчио не стали скрывать отъ меня виновнаго и не преминули бы написать ко мив о сущности двла *).

Принявъ во внимание, что это письмо писалъ сынъ одного изъ главпыхъ проводниковъ шаріата, самъ при томь изучившій тазикать, мы поймемъ, до какой степени глубоко вкоренено чувство мести въ горцахъ. Между тимъ авторъ этого письма не отпосился праждебно и къ условіямъ Русской жизни, въ которыя поставила его судьба, какъ видно изъ следующей переписки о чемъ. Калужскій губерискій воннскій начальникъ вошелъ въ управленіе иррегулярных войскь съ рапортомь оть 17 Марта 1866 г.: "Изъ бывшихъ смертныхъ случаевъ видно, что климать Калужской губерий имъеть песьма вредное вліяніе на здоровье горскихъ женщинъ, въ особенности при ихъ затворической жизни. Изъ семейства военно-пленнаго Шамили переселидись въ въчность уже двъ дамы, и въ настоящее время женъ зятя Шамиля Абдуль-Рахмана угрожаеть также опасность и, по словамь містныхъ врачей, опа должва вскоръ сдълаться жертвою смерти, если останется жить въ г. Калугъ. Мужъ ел Абдулъ-Рахманъ обратился ко мив съ просьбою дозволить ему съ женою персбхать на жительство на Кавказъ и поселить ее близъ Т.-Х.-ПІуры, мъста его родины; причемъ просить дозволенія взять съ собою и жену Абдулъ-Рахмана, родную сестру его жены, для присмотра за больною. Находя просьбу Абдулт-Рахмана весьма уважительною и зная умственныя способности и благонамъренность его, я подагаю, что онъ можеть быть полезнымъ даже для службы на Кавказъ, яъ качестиъ переводчика или состоять при мъстномъ управленіи Т.-Х.-Шуры, впредъ до опредъленія къ какой служебной обязанности онъ окажетъ склопность. Абдуль-Рахманъ на столько ознакомился съ знаніемъ Русскаго языка, что можеть говорить, читать и писать на немь довольно свободно". Не успъль

^{*)} Дъло капц. нач. Даг. обл. 1864, № 146.

винзь Меликовъ отвътить помощнику главнокомандующаго Кавказскою армією, что онъ находить возможнымъ разрвшить Абдурахману поселиться близъ Пруры, какъ жена его умерла Государь Императоръ, по докладу п желанін Шамиля похоронить твло покойной Нанисать на Кавказь, высочайше повельть соизволить исполнить совершение также, какъ было сдалано въ 1862 г. съ теломъ жены старшаго сына Шамиля Каримать. Вследствіе онаго, 27 Апръля Калужскій вопискій начальникъ допосить командующему войсками въ Дагестанской области, что, съ разръшения Государя Императора, твло умершей старшей дочери Шамиля Написать, жены горца Абдурахмана, перевозится на Кавказъ для погребения на кладбище предковъ близъ сел. Гимры, при чемъ разръшено убхать на Кавказъ въ отпускъ и мужу покойной, Абдурахману. На перевозку твла всемилостивъйше пожаловано 2.000 р. с. и командированъ фельдъегерь Гузей-Газумовъ. Для сопровожденія тъла и поправленія здоровія на Кавказъ, кромъ Абдурахмана, отправляются: мадолетияя дочь Абдурахмана Магавзагь, Абдурахимъ съ женою Фатимать и невъстка Шамили Хабибать съ служанкою Джардать. Всъ эти лица въ Сентябръ того же года возвратились въ Калугу, кромъ Абдурахмана, который въ концъ Октября вытхаль въ Тифлисъ, чтобы представиться помощнику главнокомандующаго Кавказскою врміею *), Въ Тифлись Абдурахманъ; согласно выраженному имъ желанію, тогда же былъ зачисленъ въ Дагестанскую постоянную милицію, съ откомандированіемъ въ команду милиціоперовъ Кавказскаго горскаго управленія. Въ бытность свою при управления Абдурахманъ-Сеидъ-Джемалъ-Элдивъ-оглы доставилъ для "Сборинка сиблъній о Кавказскихъ горцахъ" (II, 1869) рукопись своего отца о шарикать, которую снабдиль предисловіємь; еще рацыпс, живи въ Калугь, онъ составиль по арабски записки о Шамиль, Руссвій переводъ которыхъ быль папечатапъ Руновскимь ("Кавказъ" 1862, ЖМ 72-76, и отдельно, Тифансъ 1862).

13 Октября 1870 г. начальникъ горскаго управленія писаль князю Меликову: "Абдурахмайъ-Сендъ-Дженаль-Эддинъ-оглы, во все время съ 1866 г. состоянія своего при горскомъ управленіи, вель себя хорошо в ни въ чемъ предосудительномъ замъченъ не былъ. Сколько я могу заключить изъ его поступковъ, опъ уже созналь необходимость (можеть быть и не изъ совершенно чистыхъ побужденій, а единственно изъ личныхъ выгодъ) сообразовать свои дъйствія съ интересами нашего правительства. Скучая въ Тифлисъ бездъйствіемъ, по неимънію при горскомъ управленіи соотвътственныхъ для него занятій, и загруднялсь, по дороговизив жизни въ Тифлисъ и при частыхъ посъщеніяхъ его пробзжающими чрезъ Тифлисъ Дагестанцами, обходиться тъми денежными средствами, которыя ему предоставляетъ правительство (600 р. въ годъ, изъ коихъ 210 р. изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Дагестанской постоянной милиціи, и 390 изъ суммъ распоряженія Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго армісю), онъ обратился ко мить съ просьбою

111. 9

РУССВІЙ АРАНВЪ 1896.

^{*)} Дъло ванц. пач. Д.г. обл. 1866, № 51-68.

объ исходатайствованіи назначенія его на накую-либо должностє по ноеннонародному управленію ввіренной вашему сіятельству области. Вслідствіє этого и предполагая, что Абдурахманъ, при своихъ способностяхъ, признакомствів съ шаріатскими постановленіями, и частью и съ обычанми Дагестанскихъ горцевъ и при знаніи, какъ Арабскаго изыка и многихъ изъчисла употребляемыхъ въ Дагестанъ партчій, такъ п разгонорнаго Русскаго языка, могъ бы не безъ нікоторой пользы дли службы занять должностькадія или депутата въ Дагестанскомъ народномъ судів, обращаюсь къ вашему сіятельству съ просьбою—не признаете ли вы возможнымъ назначить его на одну изъ такихъ должностей или на какую-либо другую должность. Князь Меликовъ 5 Ноября отвічалъ, что пізть вакансіи но 28-е Іюля 1871 г. Абдурахманъ быль откомандированъ отъ горскаго управленія пъ распоряженіе начальника Дагестанской области, съ назначеніемъ ему пожизненнаго пенсіона по 450 р. въ годъ 1).

Съ именемъ зятьевъ Шамили соединенъ интересный вопросъ о такъназываемыхъ сендахъ. Командиръ 11 гусарскаго Изюмскаго полка въ 1864 г. донесъ, что опредъленный на службу во виъренный ему полкъ зять Шамили Абдурахимъ-Джемалъ-Эддиновъ, по его объяспенію, долженъ именоваться Абдурахимъ-Джемалъ-Эддинъ-Хуссейнъ, а по происхождению сепдъ. На запросъ по этому поводу князь Меликовъ 11 Октября 1864 г. отвъчаль: "Слово сеидъ прибавляется, къ именамъ техъ лицъ, которые считають родъ свой происходящимъ отъ пророка Магомета, а Хуссейнъ къ именамъ тъхъ, которые происходять оть калифа Али: а какъ отецъ Абдурахима считаль родъ свой отъ Магомета и именовался Сепдъ-Джемалъ-Эддинъ, то поэтому сынъ его можеть прибавить къ имени своему слово сендъ и именоваться Сендъ-Абаурахимъ-Джемалъ-Эдлинъ-огам", и представилъ слъдующее свидътельство: "Дано сіе жителю сел. Кумухъ, зятю военно-плъпнаго Шамиля Абдурахиму-Джемаль-Эддинову въ томъ, что опъ происходить изъ рода сепдовъ. Въ удостовъреніе чего подписью и приложеніемъ именныхъ печатей свидътельствуемъ. Іюня 22 для 1865 г. сел. Кумухъ. Поручикъ Османъ-Кадій-Логмаль-Сендъ-Гуссейнъ-Абдулла-оглы и Гассанъ-Гуссейнъ-Сендъ-Гамзадъоглы". Дъло окончилось въ началъ 1868 г. высочайшимъ разръшеніемъ Сендъ-Абдурагиму-Джемаль-Эддинову прибавить къ своей фамили слово Хуссейнъ *).

Семействъ, претендующихъ на происхождение отъ Магомета въ Дагестанъ считалось тридцать, главами коихъ при Шамилъ были: Джемалъ-Эддинъ, тесть Шамиля, Хуссейнъ-Нурединнъ, Буттай, Сагидъ, Хассанъ, Хуссейнъ и Исхакъ-въ Кумухъ, Абдула и сынъ его Сагидъ-въ Гумрахт, Хаджіо, Магометъ Наджмудинъ и Курбанъ Магометъ въ Чигатлъ и еще двъ женщины въ Сугратлъ, вышедшія замужъ за людей, не принадлежавшихъ къ сендамъ 2). Члены Дагестанскаго пароднаго суда дали, слъдовательно, от-

^{&#}x27;) Дъло ващ. нач. Даг. обл., П отд. 1870, № 133.

Двао капц. пач. Даг. обл., ЧІ отд. 1864, № 221.

[&]quot;) Двао канц. нач. Дас. обл., 11 отд., 1801, № 175

зывъ о томъ, кто изъ мусульманъ имъеть право прибавлять къ своему ммени сдова "Сеидъ" и "Гуссейнъ" и "Сеидъ-Гуссейнъ". Сеидами могутъ называться: 1) мужескаго пола потомки племянниковъ пророка Магомета Уквида и Джаафара, происходящіе отъ нихъ по мужеской линіи; 2) мужескаго пола потомки дяди пророка Магомета, Абаса, и двоюроднаго дяди его, Мутадеба, происходящие отъ нихъ по мужеской дини, 3) мужеского нода потомки сыновей Алія, зятя Магомета, отъ всехъ жень его, кроме первой-Патимать, дочери Магомета, но также только происходище оть нихъ по мужеской линіи. Гуссейнами же могуть называться только мужескаго пола нотомки сыновей зятя пророка Магомета, Алія, отъ первой жены его Патимать, происходящіе оть нихь по мужеской ливіи. Но эти последніе потомки сыновей Алія имъють право присвоить себт и витств два названія Сендовъ и Гуссейновъ, т. е. называться Сендъ-Гуссейнами, такъ какъ они происходить по мужеской линіи изъ рода Магомета и изъ рода зитя его Алія. Къ этому два члена суда, Кадій-Магомедъ-Тагиръ-Карахскій и Аджи-Али-Аварскій, присовокупили, что имъ неизвъстно, изъ какого именно рода происходить зить Шамили, но извъстно, что отецъ его Джемалъ-Эддинъ наввался Сеидомъ. Что касается до личныхъ правъ сеидовъ, то намъстникъ Кавказскій, разсмотравь въ 1865 году возбужденный по этому предмету вопросъ, не нашедъ никакихъ уваженій кь предоставленію сеидамъ какихълибо правъ и преимуществъ, призналъ только возможнымъ, во вниманіе къ питавшемуся мусульманскимъ населеніямъ уваженію къ происхожденію сендовъ отъ пророка, изъять ихъ отъ твлеснаго наказанія, съ темъ, чтобы для сего, въ доказательство сендскаго происхождения, представлено было свидътельство мъстнаго кадія, основанное на удостопърсцін двухъ извъстныхъ несомививыхъ сендовъ і). Веледствіе сего мивнія, изложеннаго въ отношеніи въ предсъдателю Кавказскаго Комитета отъ 30 Янкари 1865 г., и согласно положенію Кавказскаго Комитета, ть 8-й день Марта того же года высочайше повельно въ дополнение къ нижеозначеннымъ статъямъ Св. Зак. изд. 1857 г. постановить савд : 1) къ ст. 831 уст. о подат. т. V: принадлежаще къ податнымъ сословіниъ сенды не освобождаются закономъ отъ платежа податей и повинностей, но самимъ обществамъ, къ коимъ сеиды приписаны, предоставляется, въ случав собственнаго желанія, принимать на себя уплату причитающихся съ сепдовъ сборовъ", и 2) къ ст. 3 пр. и 1 къ улож. о паказ. т. XV: "право изъятія отъ наказаній телесныхъ распростроняется на семдовъ, могущихъ представить въ доказательство своего происхождения свидътельство мъстнаго кадія, основанное на удостовъренін двухъ извъстныхъ ему несомивиныхъ ссидовъ" 2).

Е. Козубскій.

Т.-Х.-Шура, 1 Февраля 1896 г.

¹⁾ Двло ванц. нач. Даг. обл., И отд. 1861, № 221.

²⁾ Двло ващи нач. Даг. обл., 11 отд., 1865, № 59-136.

ЦЕСАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗЪ ПЕТРОЗАВОДСКЪ *).

1863.

Сватьба пристроена, меды изварены, невъста приведена, кинзи познаны. И бысть, въ веселія иъсто, плачь и свтованіе за гръхи наши. (Новгородси: 1-я Лътопись, етр 49).

Въ ночь на 14 е Іюня весь городъ не спалъ. Я въ третьемъ часу ночи былъ на пристани и, придя домой, едва заснулъ, какъ раздавшійся по городу звонъ разбудилъ меня. На утро Наслъдникъ посътилъ соборъ, принималъ представленія, а мы, собравшись въ гимназической залъ, получили извъстіе, что въ первомъ часу пополудни онъ посътитъ насъ.

Напряженное ожиданіе смёнилось нёкоторымъ смущеніемъ, когда подъёхаль Наслёдникъ къ крыльцу гимназіи. Все притихло. И воть вошель онъ. Дёти дружно запёли: «Спаси, Господи, люди Твоя». Одна сторона залы занята была небольшою кучкою нашихъгимназистовъ, по другой — стояли мы, служащіе. Акть быль прибережень къ этому дню. Наслёднику угодно было самому раздавать награды. Пока продолжалась раздача наградъ, намъ очень удобно было всматриваться въ Цесаревича и изучать его физіономію. Меня съ перваго взгляда поразили въ немъ мягкость и нёкотораго рода застёнчивость, которая такъ обаятельна въ его возрасть. Не знаю, на сколько это вёрно на чужой глазъ; но мнъ опъ живо напомвиль Государыню, мать свою: ее удалось мнъ видъть на очень близкомъ разстояніи въ Курскъ (въ 1861 году).

Послъ раздачи наградъ, во время которой Наслъдникъ интересовался каждымъ награждаемымъ, я былъ представленъ въ числъ про-

^{•)} Статья эта появилась первоначально въ "Ссмейныхъ Вечграхъ" отъ 15 Мая 1865 года, откула мы ее заимствуемъ съ позволенія многоуважаемого автора нынв г-на попечителя Харьковскаго учебнаго округа), какъ дополненіе къ "Воспоминаніямъ Ө. А. Оома". П. Б.

чихъ Его Высочеству. Потомъ Наслѣдникъ прошелъ въ другую ком нату, гдѣ было собрано уѣздное училище; онъ долго былъ тамъ, раз давая награды, и о многомъ распрашивалъ диревтора. Когда Наслѣдникъ пошелъ осматривать библютеку, кабинеты и проч., мы, учителя послѣдовали за нимъ. Онъ тутъ же потребовалъ, чтобы гимназисты шли въ слѣдъ, и веселая, оживленная толпа дѣтей, которымъ Цесаревичъ предъ тѣмъ сказалъ привѣтливое слово, присоединилась къ намъ. При обзоръ библютеки и кабинетовъ, Цесаревичъ обратился къ нѣкоторымъ изъ насъ съ вопросами. Меня спросилъ онъ о томъ, что именно проходится по Русской словесности въ каждомъ изъ четырехъ старшихъ классовъ гимназіи. При обозрѣніи зоологическихъ аппаратовъ, у Наслѣдника явилось желаніе подѣлиться съ нашей гимназіею учебными пособіями изъ своего собственнаго кабинета: въ Февралъ 1864 года гимназія Петрозаводска получила отъ Наслѣдника дорогой препарать доктора Озу (полный организмъ человѣка изъ папьс-маше)

Изъ нашей гимназіи мы прошли въ женское училище. Тамъ я стоялъ снова близъ Наслъдника и думалъ, что врядъ ли мив придется еще разъ видъть его такъ близко. Однаво въ тотъ же день мив пришлось видъть его очень близко въ общественномъ саду; тамъ было много народу. Гуляя посреди толпы, Великій Киязь быстро перемънялъ направленіе, и толпа бросалась въ слъдъ за нимъ съ оглушительнымъ крикомъ: «ура». Этотъ маневръ былъ весьма оригиналенъ; Цесаревичъ смъялся оть души и о чемъ-то весело разговаривалъ съ дамою, хозяйкою города.

Утромъ другаго дня, въ то время, какъ Его Высочество осматривалъ горпые заводы, у меня на квартиръ пълись Русскія былины старымъ слъпцомъ Кузьмою Ивановымъ Романовымъ *).

Я давно ждаль случая услыхать пъвца былинъ. Пъвцовъ этихт теперь пъть въ Петрозаводскъ и окружныхъ деревняхъ. Съ открытіемъ весны нъкоторые изъ пихъ прівзжаютъ въ Петрозаводскъ по своимъ дъламъ на соймахъ изъ за Онежья. Кузьма Ивановъ прибылъ въ Петрозаводскъ накавунъ по своему дълу: ему слъдовало получить изъ Думы шесть рублей. Онъ немедленно отправился къ своему знакомому и покровителю Рыбникову, а этотъ послъдній привезъ Кузьму ко мнъ. Г. Рыбниковъ умъючи отрекомендовалъ меня недовърчивому

^{*)} Иввецъ этоть или, по итстному выражению, сказитель знакомъ дюбителямъ нашей пародной поэзін по Сборнику Рыбникова.

старику, какъ своего пріятеля. Старикъ затвердиль мое имя и отчество. Рыбниковъ передаль мив тоть способъ, которымъ можно заставить Кузьму пѣть ту или другую былику, и вскорт утхаль. Слепецъ быль оставленъ на мое попеченіе; онъ въ тотъ же день вечеромъ долженъ быль тхать во свояси. Кузьма объдаль у меня, пѣль былину за былиной, отдыхаль у меня, какъ вдругъ мив пришла въ голову мысль подълиться ръдкимъ впечатланіемъ съ нашимъ привътливымъ, дорогимъ гостемъ и просвъщеннымъ графомъ Сергвемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ, съ которымъ утромъ того дня я много и долго бестровалъ, и ръчь, между прочимъ, касалась Онежскихъ былипъ.

Но скажу о былинахъ, какъ ихъ поютъ сказители. Впечатлъніе этого пънія слишкомъ цълостно, вполнъ передать его трудно. Рельефно выливаются слова—живые образы природы и въковой старины; голосъ приспособленъ къ содержанію, ощутительна каждая запятая. Вольга, Горе-злощастіе, Молодецъ безчастный, Добрыня, различно дъйствовали на меня, то умиляя святою безъискуственностію, художественной простотою дикціи, то поражая произношеніемъ твердымъ и вмъстъ съ тъмъ музыкальнымъ, при чемъ и самыя красоты языка много выигрываютъ. Повъяло какою-то невъдомою намъ стариною, но на старину эту былъ отзывъ въ душъ. Пъніе это было и ново, и вмъстъ съ тъмъ близко сердцу, какъ родное.

Я отправился къ графу Строгонову и высказаль счу желаніе подълиться съ нимъ тъмъ хорошимъ впечатлъніемъ, которое я самъ впервыя испыталь сегодня. Когда я бесъдоваль съ графомъ, было слишкомъ шесть чъсовъ: оставалось менъе часу до поъздки Наслъдника въ Соломино . Графъ предложилъ взять старика на пароходъ; я былъ приглашенъ въ число гостей. Надо замътить, что старикъ не остался у меня на квартиръ: онъ боялся, чтобы сойма безъ него не уъхала. Я передъ тъмъ, какъ завхалъ къ графу Строгонову, доставилъ старика на пристанъ, при чемъ попросилъ хозвина соймы обождать, на что крестьянинъ неохотно согланился, такъ какъ дулъ попутный вътеръ. Прівзжаю отъ графа Строгонова на пристань— нътъ моего старика! Я бы долго проискаль его, если бы мит не помогъ хозяинъ моей квартиры, который тутъ случился. Мы нашли старика въ лавкъ: онъ покупаль варешки. Я повезъ его вдоль пристарика въ лавкъ: онъ покупаль варешки. Я повезъ его вдоль пристарика въ лавкъ:

^{*)} На противуположномъ Петрозаводску берегу широкой Онежской бухты, въ 12-тя верстахъ отъ города, при пролива Саломе, находител гранитная скала, ва ней церковъ. Скала эта была цалью прогудки.

стапи кь самому пароходу. На ожидавшемъ Наслъдника пароходъ (вакъ узналъ я послъ) были очень удивлены этимъ появленемъ старика; въ особенности дивились тому, что на него не надъли суконнаго кафтана, что взяли его, какъ былъ: въ сермягъ, даптяхъ и дырявой шлятенкъ. Но въ этомъ костюмъ онъ былъ несравненно типичнъе, какъ и српсовалъ его Боголюбовъ. Наслъдникъ прибылъ черезъ нъсколько минутъ съ графомъ Сергъемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ. Пароходъ отчаливаетъ, графъ говоритъ со мной, вдругъ подходитъ Великій Киязъ къ намъ.

«Я очень радь съ вами познакомиться, сказаль опъ мив. Мы, надъюсь, будемъ встръчаться», вотъ дословно его привътствіе. Подъ свъжимъ впечатлъніемъ, я въ туже почь записалъ въ дневникъ своемъ почти слово въ слово все, что говорилъ Наслъдникъ.

«Мив губернаторъ говориль о васъ, я слышаль въ гимназіи фамилію вашу, но не усивль съ вами поговорить. Какъ вы сюда попаля? Развів не можете жить въ Петербургів?»

И посять монкть ръчей Николай Александровичъ продолжаль: «Мы съ вами соученики; мить говорилъ Сергъй Григорьевичъ, что вы слушали Осдора Ивановича Буслаева».

Погомъ Наследникъ спраниваль меня о томъ, какъ учителя относятся къ ученикамъ, предполагалъ скуку Петрозаводска, спрашиваль, достаточно-ли учительское жалованье. Всв мои отвъты Цесаревичь выслушиваль со внимаціємь, и вопросы его возникали въ связи съ отпътами. За тъмъ разговоръ перешелъ на окончившихъ курсъ въ нашей гимпазіи. Насабдинкъ спранциваль о тіхъ молодыхъ людяхъ, на которыхъ онъ обратиль внимание при раздачв атестатовъ и наградь, особенно понитересовался узнать, куда поступять получивше атестаты два брата Польновы, какія у каждаго изъ шихъ способности. (Случилось такъ, что въ конць этого года я быль женихомъ сестры этихъ молодыхъ людей, о которыхъ говорилъ со мною Наследникъ). Потомъ Цесаревичь справиваль меня о моей матери, гдв живеть она. Вельдъ за тымъ я сказалъ Его Высочеству, что зналъ, кромъ Бусласва, еще одного его преподавателя Курыгра. Въ отвътъ на это Наследникъ объявиль мит о смерти Курьяра и спросиль меня, где я ветръчалея съ Курьяромъ и когда я сказалъ, что у NN, Наслъдникъ спросиль меня, кого я еще встрычаль въ домъ этой извъстной ему особы. Потомъ Цесаревичъ спросиль, встръчаль ли и его самого гдв либо; я отвічаль, что одинь разь нь жизни до Петрозаводска виділь я Его Высочество на дворцовой набережной въ самый день объявленія манифеста 1861 г. Цесаревичъ увлекся воспоминаціемъ объ этомъ времени. «Да, это было хорошее время, сказалъ онъ, и потомъ прибавилъ: «и ныпъшній годъ много хорошаго сдълано».

Онъ пошелъ на другую сторопу палубы, гдѣ сидѣли дамы. Миѣ спова довелось бесѣдовать съ графомъ Строгановымъ, который, замѣтивъ, что мы подъѣзжаемъ, пригласилъ Великаго Князя на возвышеніе, устроенное среди палубы. Народъ кричалъ «ура»; на верху
скалы звонила небольшая Соломенская колокольня; на паперти ожидалъ священникъ съ крестомъ и святою водою; изъ церкви вынесли
ветхія хоругви. По скалѣ деревянная лѣстница вела къ палаткѣ, лѣстница была усыпана травой и пвѣтами, крестьянскія дѣвушки бросали
подъ ноги Цесаревичу букеты; вокругъ скалы и по скалѣ пестрѣли
кучки народу. Когда, приложившись ко кресту и обозрѣвъ старинныя
вещи (поясъ, вышитый царевною Софьею Алексѣевною), Великій Князь
вернулся въ палатку, Кузьма Романовъ былъ уже въ ней, и я стоялъ
подлѣ него. Нужно было объяснить слѣпцу, что передъ нимъ Наслѣдникъ

- Кузьма Ивановить, сказать я, ты пъль нывче про царевича Ивана Ивановича и Оедора Ивановича?
 - Ігать, отвъчаль онъ.
- Ну, вотъ передъ тобой стоитъ такой же Царевичъ, самъ Наследниять. Николай Александровичъ. —Драхлый сленецъ проговориять оробенымъ голосомъ: батюшка! По лицу Наследника видно было, какъ онъ былъ заинтересованъ старикомъ; опъ съ удовольствиемъ дозволилъ усвдитъ старика и пригласилъ меня състь, самъ сълъ, придвинувъ стулъ близко къ памъ Я ободрилъ старика, такъ какъ зналъ манеру говорить съ пимъ, и тогчасъ же навелъ его пъть былицу о Вольгъ Буслаевичъ:

Закати гось красное солнышко
За горушка высокія, за мора за шировія,
Разсаждалися являды частыя по сивтлу небу,
Порождался Вольга сударь Буслаевичь
На матушки на святой Руся.
Ношель Кольга сударь Буслаевичь по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалися,
И витри въ лъсихъ разобжалися,
И итишы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю-морю разметалися, и т. д.

Содержание быливы такое: хигрый, мудрый Вольга, обучившійся всякимъ хигростямь и мудростямь, всякимь языкамь человіческимь,

набраль дружину добрую, хоробрую и набравши, пошель походомъ на Турецъ-землю. Главный питересъ былины — это превращене Вольги въ различныхъ птицъ и звърей. Разговоръ Турецкой парицы Панталовны съ мужемъ передается Кузьмою такъ живо и вмёсть съ тъмъ такъ наивно, что, слушая, нельзя не улыбаться. Старикъ пълъ, какъ всегда, иногда среди иъсни простодушно смъялся. Николай Александровичъ весь отдался новому для него впечатлънію, дълился со мной взглядами, жестами, говорилъ со мной о былинахъ, потомъ вскочилъ со студа и, обратясь къ графу Сергъю Григорьевичу, сказалъ, что непремънно надо будетъ написать объ этомъ Оедору Ивановичу (Буслаеву). Потомъ говорилъ, что напишетъ объ этомъ «Матушкъ».

За первой былиной следовала другая о Добрыне Никитиче.

Порвенявается Добрыня, порветущится Передъ своей государыней-матушкой.

Третья былина была о добромъ молодць и жень неудачливой, поразительная по оригинальности напыва. Между былинами мны пришлось
сообщить Цесаревичу мыстныя свыдынія о былины въ Заонежскомъ
крав, которыя я получиль отъ П. Н. Рыбникова. Великій Киязь подробно разспрашиваль о сказителяхь и заинтересовался разсказомь
объ Ильы Елустафьевы, давно умершемы, знаменитомы на все Заонежье сказителы, отъ котораго заимствоваль Кузьма Романовы и другіе его современники-пывцы свое искусство. Разговоры перешелы на
самый напывы, на содержаніе и историческое значеніе былины. По разговору втому было видно, что Наслыдникы знакомы сы нашей народной поэзіей; оны вспомнилы богатырей, представителей сословій, вспомниль, что у Алеши Поповича «глаза завидущіе, руки загребущія».
Въ былинь о Вольгь онь обратиль вниманіе на слыдующее мысто:

Довите рыбу семжинку и бълуженку, ПІученьку и плотиченьку, И дорогую рыбу осетринку.

Онъ оживление улыбался, передавая мнъ свое впечатлъніе (въ Добрынъ) при словахъ:

Ахъ, вы дъвицы, красавицы, Бъломойницы, портомойницы.

Въ «Добромъ молодив» онъ дътски улыбнулся при выраженіи:

Королевна душка Аннушка.

И замьтно было, что улыбку его возбудило сопоставление слова Аннушка со словом королевиа. Послъ этой былины Насявдникъ спранивалъ меня, знасть ли Кузьма былину о томъ, какъ сбогатыри перевелись на Руси», и съ увлечениемъ говорилъ о значения этой былицы. Тогда Наслъдникъ сталь спрацивать слъпца, не зналъ ли онъ, отчело перевелись богатыри на Руси? Кузьма отвъчалъ, что они не персвелись, но только не показываются.

- Гдв же они находится?
- Да поди знай гдъ! отибчалъ наивный старикъ.
- Да отчего же они не показываются? прододжаль спрашивать Наслёдникь.
 - Потрава огнениза пошла, оттого имъ и быть нельзи.
- Mais pourtant c'est une explication *), обратился ко мив Цесаревичь, довольный отвътомъ старика. И дъйствительно отвътъ замъчательный: огнестръльное оружіе уничтожило значеніе могучихъ плечъ богатырскихъ.

Потомъ рѣчь перешла на Павла Николаевича Рыбникова, собравчлаго эпическія пѣсни Пріонежскаго края. Цесаревичъ разспрашивалъ
о немъ и объ его сборникѣ. Въ палаткѣ было очень небольшое общество
(кромѣ свиты Его Высочества всего 9 человѣкъ, включая хозяпна и
хозяйку), что сообщало нашей бесѣдѣ какой-то интимный, безцеремонный характеръ. Вечеръ былъ такой теплый, хорошій. Послѣ пѣнія
былинъ раздалась на водѣ Русская пѣсня; пестрыя толпы парней
дѣвушекъ разъѣзжали по озеру въ лодкахъ; на плотахъ горѣли огии.
Послѣ чаю Паслѣдникъ отправился съ губернаторомъ и нѣкоторыми
другими лицами въ лодкѣ на противуположный берегъ, къ березкамъ
закидывать рыбную тоню. Возвратилась лодка.

«Поймали рыбъ, да только мелкихъ», сказалъ, слегка улыбаясь своей симпатичной, отроческой улыбкой Наслъдникъ. Какъ теперь вижу его въ военномъ пальто па красной подкладкъ, въ высокомъ бъломъ жилетъ съ башлыкомъ на плечахъ. Войдя въ палатку, Цесаревичъ снова обратился къ Кузьмъ съ разспросами о Петръ Великомъ. Кузьма разсказалъ ему, въ отвътъ на это, былину о разграблени Румянцовскихъ монастырей. Въ отсутствие Наслъдника, Кузьма, съ которымъ графъ С. Г. Сгрогоновъ разговорился о религи, спълъ стихъ о пустынъ прекрасной. По возвращени Его Высочества, графъ, заинтересованный Онежскимъ расколомъ, продолжалъ разговоръ съ Кузьмой. Одннъ отвътъ Кузьмы поразилъ эпическою свъжестью.

^{*)} Все ве туть объясисие.

- А въ церковь ты ходищь? спрашивалъ графъ.
- Молюсь за князей, за боярь, за царски за съмена, уклончиво отвъчаль старикъ.

Трудно пересказать каждое слово живой бесьды. Когда рфчь коснулась того, что Добрыня—представитель боярскаго сословія, Цесаревичь прибавиль, обращаясь ко миф: «п самаго лучшаго сословія». Впрочемь изъ переданнаго мною выше разговора видно, какъ онъ быль полонь вниманія къ человьку. Онъ старался, чтобы всьмъ было по себф при немъ.

Паконецъ пароходъ отчалиль отъ Соломина. Весь обратный путь Наслъдникъ бесъдоваль съ дамами. На другой день Цесаревичъ вздилъ на Кивачъ, тамъ много и долго любовался на водопадъ, и только вечеромъ того же дня простился съ Петрозаводскомъ. Мнъ не удалось проститься съ нимъ. Я пошелъ на пароходъ вручить графу Строганову экземпляръ сборника Рыбникова....

Черезъ два мъсяца я быль обрадованъ письмомъ моей магери, которая сообщила, что Цесаревичь вспомниль обо мив въ Курскъ.

И. Хрущовъ.

ПОРТРЕТЪ.

U'ai remarqué, que les hommes distraits sont toujours excellents.

La duchesse d'Abrantès. 2-85 p.

Есть въ мірт чудный человівкь, Едва ль не безпримірный. Онъ въ странствіяхъ проводить вінь, Россіи посвященный. Онъ ніжный другь, ніжній брать, Мудрець, Эпикуреець, Полу-Катонъ, Алкивіадь, И чистый Европеець.

Гав быль, иль гав онъ не бываль? И къ дальнимъ—сердцемъ ближе: Въ Парижв о Москвв вздыхаль, Въ Москвв же о Парижв. Европу облетая вкругъ, Вездв сившить явиться; Изъ Рима рвется въ Петербургъ, Оттуда въ Римъ умчится.

Пятнадцать лёть онъ самъ себя Какъ будто ищеть въ свътв; Всегда разсъянность любя, Спъшить, какъ на полетв, 11 даже слухъ о немъ идеть: Скиталець въчный ожилъ! За многихъ чувствуеть, живеть, Одинъ—сто жизней прожилъ.

Во всёхъ столицахъ у него Свои есть набинеты, Гдё куча книгъ, того-сего, Брошюры и газеты; Въ Парижъ, въ Лондонъ ли онъ, Въ зрхивахъ пыль глотаеть, И старину со всихъ сторонъ Следить и открываеть.

Такъ, въ жизни данъ ему въ удваъ Предметъ его желаній: Собрать минувшихъ память дваъ И хартіи сказаній, Россіи прежній бытъ раскрыть, Нетровыхъ летъ картины, Міръ новымъ блескомъ удивить Въ двахъ Екатерины.

И въ Римъ, въ Вативанской онъ Сидитъ библіотекъ; Кому вопросъ, кому поклонъ, Чтобъ знать о каждомъ въкъ, Что любопытнаго въ дълахъ Бывалыхъ дипломатовъ Съ Марини шепчетъ о звъздахъ За хартіи легатовъ*).

Готовъ всъмъ Музамъ для услугь, Вездъ ихъ почитатель; Онъ сорокъ лътъ съ Жуковскимъ другь, Карамзиныхъ пріятель, Онъ съ Вяземскимъ одна душа, Козлова утъшитель, И можно молвить не гръща Всъхъ знаній онъ любитель.

Опъ видить зорко, далеко, Его повсюду око; Онъ пишеть сжато, коротко, А чувствуеть глубоко. Влюбленъ въ писателей съ душей И, странствуя всемъстно, Во всей Европъ онъ какъ свой: Вездъ о немъ извъстно.

У Вальтеръ-Скота онъ живалъ, Съ Кювье онъ подружился, У Гете гостемъ пировалъ, У Гумбольдта учился. Съ Шатобріаномъ вечеркомъ-

^{*)} Т. е. чтобы исходатайствовать Русскіе ордена за доставленіе рукописей. П. П

У Рекамье прелестной: Всъмъ знаменитостимъ знакомъ, И гость вездъ любезный.

И съ Ламартиномъ онъ взжалъ, Знавалъ друзей Байрона, На балъ въ Римъ танцовалъ Съ сестрой Наполеона; Прахъ Пушкина отвезъ за Псковъ, Чрезъ мъсяцъ—онъ въ Парижъ, А тамъ у Шведскихъ береговъ, Къ родимымъ снова ближе.

Какъ Русскій къ Русскимъ онъ взывалъ Двънадиатаго года, Падеждой въ Промыслъ возвышалъ Усердіе народа; Благословеннаго любилъ, Служилъ добру трудами, И память Александра чтилъ Сердечными слезами.

Искатель знаній съ правотой, Изящнаго пінитель, И славы Русской и родной Повсюду возвіститель. Причудливъ... вто не бізда! Онъ Русь въ лицо не хвалить, Но въ сторонії чужой всегда Родное чтить и славить:

Знакомить съ Русской стариной И съ молодымъ талантомъ, И съ лирой Пушкина златой, И съ ветхимъ фоліантомъ. Въсть друга передать спъщить, Тамъ, гдъ молвъ свобода, И Русскаго Царя почтить Гласъ чуждаго народа.

Иной не высмотрить и въ годъ
Что онъ увидить въ сутки;
Другой удвоиль бы доходъ
Следя за нимъ, безъ шутки!
Что день, предметъ къ заметкамъ дапъ;

Лишь слушайте, глядите, И каждый день себв романъ Хоть въ двадцать главь пищите.

Онъ слушать проповъдь сившить, И къ лекціи посиветь, Двухъ-трехъ посланиць посьтить, Къ больной зайти усиветь. Оттуда онъ еще зайдеть Въ палату депутатовъ, Къ Гизо иль Тверу на объдъ, На балъ аристократовъ.

На двухъ балахъ, на трехъ балахъ, Онъ въ вечеръ пометькаетъ, Но не забудетъ о друзьяхъ: Тамъ полночь провожаетъ. И полусонный ъдетъ спатъ, Съ разсвътомъ чтобъ проспуться, И прежде, чъмъ свой день начать, На прошлый оглинуться.

Въ одномъ висьмѣ онъ пишетъ къ тремъ; Друзей не забывая, Сближаетъ ихъ, своимъ письмомъ Дълиться заставлян; Привѣты сердца сообщать, И щутки и памеки, И радуетъ, что всѣхъ опять Ихъ вспомнилъ другъ далекій.

Онъ другь живыхъ и мертвыхъ другъ, И араою Эола Среди могилъ имъ шепчетъ вслухъ: "У Божін престола "Вы, братья, живы предо мной; "Я помню васъ, какъ прежде, "Люблю, и свидъться душой "Въ безсмертной и падеждъ".

Такъ запита душа его, Все въ мысль его твенитси, И смъсь и пестрота всего, И чудно міръ кружится! Все измъпяется предъ нимъ, И гдъ ни побываеть. Все педочеть друзьямь былымь, Все новое встръчаеть.

И речь его—калейдоскопъ Словъ острыхъ и блестящихъ, И мчится мысль его въ галопъ, Въ обгонъ всёхъ говорящихъ. Разсказъ его, какъ токъ бежитъ, Жизнь серта отражая, Забавитъ, трогаетъ, дивитъ, Одно другимъ сменяя.

Какъ часто дремлеть онъ въ гостяхъ! Не върьте: онъ не дремлеть. Закрывъ глаза, въ своихъ мечтахъ Воспоминанью внемлеть; но васъ онъ слышитъ; къ слову вдругъ Словцо онъ истати скажеть, Развеселитъ замолкийй кругъ, Смъщное въ мигъ укажеть.

И вступить въ бъглый разговоръ, И весь одушевится, Все жарче, жарче, въ громкій споръ, Пова не утомится. Тогда притихнеть, и осять Чуть въ кресла опустяся, Себъ позволить онъ дремать, Прищурясь и смъкся.

Угодникъ дамъ онъ искони,
Ихъ помнить именины,
Всъ сердцу памятные дни
Глафиры, Клары, Нины;
Той шлеть онъ вазу, той платокъ,
Другой перчатокъ Датскихъ,
А той хрустальный башмачокъ,
Поклонникъ ножекъ дамскихъ!

Очарователь нъжных дамъ, За нищету проситель, Неутомимъ и по дъламъ Гонителей гонитель. Всъ апекдоты онъ слъдитъ, Все помпить, что услышить, Какъ Абрантесъ заговорить; Чтобъ позабыть, занишеть.

Въ немъ пылокъ порицанья духъ, И скоръ онъ въ заключеньяхъ: То слишкомъ громко мыслитъ вслухъ, То легокъ онъ въ сужденьяхъ. Онъ передъ истиной святой, Какъ смертный, заблуждался; Но все съ младенческой душой, Какъ былъ, такъ и остался.

Добру онъ сердцемъ преданъ весь, Отчета не страшится, Опъ презираеть инзость, сивсь, Клеветь онъ пе боится, И между тъль готовъ бъжать На помощь сирымъ, бъднымъ, За нихъ просить и умолять, И докучать надменнымъ.

Хотите-ль встрътиться вы съ нимъ, То случая вы ждите: Онъ иначе неуловимъ. Не тамъ его ищите Гдъ онъ, а тамъ, гдъ можетъ быть. Когда жъ писать нужнъе, Старайтесь адресъ позабыть: Письмо дойдетъ върнъе.

Воть Абуль-Фарій нашь, Герой Шехеразады. Списать его пришла мив блажь, И въ спискв много правды. Не довершенъ его портреть; Кто хочеть, пусть дополнить, Исправить, если сходства нъть, Добавить, что приноминть *).

1839.

^{*)} Сочинитель втихъ стиковъ намъ псизвъстенъ. Въроятно это Яковъ Ниволасвичъ Толетой. Они сохранились въ бумагажъ ппязя, П. А. Виземского. Про кого ощи дадисаны, читатель "Русского Архива" догадается самъ. П. В.

III. 10

ИЗЪ БУМАГЪ А. Г. ТРОЙНИЦКАГО*).

Изъ писемъ А. И. Казначеева.

Александръ Ивановичъ Казначеевъ, "бълый голубъ", какъ его назълваль другъ его С. Т. Аксаковъ, Рязанскій уроженецъ, род. въ 1788 году и скончался въ Москвъ 20 Іюня 1800 года, до конца сохранивъ ясность души и благоволительность къ людямъ. Родственникъ адмирала Шишкова, отъ него напитавшійси беззавѣтною любовью къ Россіи, онъ уже въ 1812 году былъ адъютантомъ Кутузова и подъ его диктовку, на барабанъ, писалъ донесеніе Государю о Бородинскомъ сраженіи. Поздиве онъ служиль во Франціи у Воронцова, который полюбилъ его и въ 1837 г., при увольнени его изъ должности Симферопольскаго губернатора, писалъ про него графу Бенкендорфу, что питаетъ къ нему дружбу братскую, а къ его характеру и сердпу искреннъйнее уваженіе, что не знастъ человъкъ болье благона преннаго, души болье чистой ("Архивъ Кв. Воронцова, ХХХУ, 482 и 483). Съ 1848 по 1854 г. Казначеевъ былъ градона чальникомъ въ Одессъ. Немудрено, что такой человъкъ сблизился съ А. Г. Тройницкимъ. П. Б.

1.

6 Сентября 1851. Азупка.

По желанію вашему, любезнійшій Александръ Григорьсвичь, я докладываль князю о томъ, чтобы васъ иміть въ виду на місто предсівдателя въ Приказів, если это місто учредится. Воть отзывъ князя въ подлинникі: «съ особеннымъ удовольствісмъ; Тройницкой для всякаго міста способень, онъ вездів будеть очень хорошть и очень полезенъ». Спіти вамъ сообщить столь лестный и стало быть прінтный отзывъ изъ усть необыкновеннаго вельможи и нашего благодітельнаго главнопачальника.

2.

16 Ман 1854, Москва.

О событіяхъ Одесскихъ зналь я въ Харьковъ, знаю и узнаю здъсь подробно: изъ Петербурга сюда всъ въсти доходять по желъзной дорогъ на другой день, а по телсграфу въ 8-мь минутъ!

^{*)} Си "Русскій Архивь" есто года II, 296.

Бомбардированіе Одессы было не такъ страшно, какъ чортъ его малеваль. Одесса наша выдержала вражьи удары славно и дивный дала отпоръ. Кажется, бомбардированіе Богь послаль на Одессу, какъ бы для того, чтобы выказать несомивнно ея Русскую душу и прославить доблестныхъ ея защитниковъ; да гнуснымъ ') Авгличанамъ и Французамъ показать, что водяныя силы ихъ безсильны даже противъ не военной, а комерческой Русской житницы. На кормилицу свою подинли они неблагодарную руку; за то рукамъ ихъ и ногамъ досталось на калачи! Одинъ праведный спасаетъ многихъ: это сказаніе священнаго писанія, по справедливости, можно приложить къ генералу Сакену и при немъ невинному еще юношъ Щеголеву, да архіерею Иннокентію.

Пстати для сравненія разскажу вамь забавный случай, представившійся мив на дняхь въ Москвв. Иду я по удиць и вижу: дюжій горожанинь съ разбитымь рыдомь, шагая широко и размахивая руками, разговариваеть громко самь съ собою: «Едакой азарникь! Задаль же я ему перцу!»—«Что это, братець, съ тобою случилось?» спросиль я его?—«Что? отвычаль онъ остановясь; да воть, баринь, на Покровкъ Иванъ Бойкой почаль обиждать Тришку Мурзакова; а я, не говоря ни слова, ему тычка, да другова; третьяго не удалось!»—«Ужь не знаю, брать, что ему было отъ твоихъ двухъ тычковъ; а рыло-то у тебя въ крови, да и платье-то все изорвано; лучше бы тебъ не мъщаться не въ свое двло», прибавиль я.—«Въстимо такъ, отозвался онъ; да ужъ за то я вдоволь наругался и все-таки буду ругаться». Точь въ точь бой Англичанъ и Французовъ съ нами, подумаль я, уходя отъ разбитато рыла.

И насколько опоздаль прівздомъ сюда, потому что прождаль князя Воронцова 10 дней въ Херсонт и Бериславь. Въ Харьковъ проведь весь праздникъ Воскресенія Христова, по убъжденію стараго моего товарища геперала Кокошкина и добраго хозянна Н. М. Лонгинова 2), выжидая удучшенія дорогь, которыя были еще въ ситу. Не расканваюсь въ этомъ: на Ооминой тали мы до Курска почти по сухой дорогь, а отъ Курска до Москвы продолжали путь по прекрасному шоссе; это была дли насъ какъ бы увеселительная прогулка.

Въ Москвъ, 29 Апръля, встрътили насъ родные и друзья радостно, знакомые и незнакомые дружественно, а графъ Закревской, по прежнему, родственно. Я наскоро обмундировался и не медля вступилъ въ

Епитеть, помещенный къ инсьме ка. Воропцове ко мит отъ 4 Ман изъ Мошем.
 Никвиоръ Микциловичъ Лонгиновъ, брать извъстнико статсъ-секретари, сынъ Харьковскиго сельскиго семщенники. П. Б.

должность; а жена моя запялась наймомъ квартиры и домохозийстволъ. Сегодня только переходимъ мы на постоянную квартиру въ домъ ген. Пулло. Дивна Бълокаменная Москва! Своебытна, своеобразна и безприкладна. На каждой улицъ храмъ Божій, на пныхъ по два и по трп. На каждомъ шагу—присутствіе Бога! Пекогда забыться и увлечься свътомъ.

Въ Москвъ ожидають вашихъ юныхъ Англичанъ-павнинковъ. Ихъ Государь привазалъ, говорятъ, номветить въ здъщнемъ университеть.

Въ день бомбардированія нельзя не огдать полной и благодарной справедливости и духовному мужеству нашего всечтимаго владыки Иннокентія. Онъ показаль себя истинно архипастыремъ святой Руси,

3.

11 Сент. 1851, Москва.

Интъ худа безъ добра, мой любезивйний Александръ Григорьевичь. Замедление ваше отвътомъ на моя письма доставило мив болве удовольствия, нежели бы скорый отвътъ. Письмо ваше такъ тепло и прекрасно выразило въ васъ добраго друга моего, котораго я съ перваго знакомства полюбилъ, не переставалъ любить и конечно не перестану, потому что любить и удажать достойное.

Замвчали-ли вы, что после мимолетной семейной размолвен, по недоразуменю, объятие и поцелуй родных сердецъ бывають живее и слаще? Впрочемъ, я истинно не сетоваль на васъ за молчание и принисываль его взволновлинымъ обстоятельствамъ и событимъ Одессимъ. Не могу сказать, чтобы безмолвие на мои послания не производило во мие неприятнаго чувства; но такую неприятность всетаки относилъ я къ следствию обстоятельствъ, а не лично къ вамъ или къ забвению. Полезное и жаркое содействие ваше иъ общемъ деле во дни потрясений Одессы заглушало иъ душе моей пеприятное сердечнымъ рукоплесканиемъ.

Мечта ваша о переселения въ Вълокаменную отрадно блеснула мив. Она можеть быть и не мечтою. При случав поговорю о томь съ графомъ Закрейскимъ. Да скажите, между тывъ, на чемъ остановилось попытка на мъсто попечителя учебнаго Одесскаго округа? Говорятъ, ген. Аниенковъ 1) не прочь отъ принятія втого добавочнаго мъста, по примъру пъкоторыхъ генераловъ-губернаторовъ. Это передалъ мав, межъ нами сказать, Бугайской 2), котораго и здъсь видълъ. Кажется,

J Тогдаший Одесскій генераль-губериаторъ. II, Б.

^{*)} Михаилъ Васильскить Бугайскій (вторынъ браковъ женатый на плечанници извъстныхъ братьскъ Муравьскыхъ) былъ педолгое премя попечителенъ Одесскаго учебнаго округа и за бользийе глазь отпредляся въ отставку. П. Б.

онъ самъ подалъ такую мысль Анненкову и чуть ли не писалъ о ней въ Петербургъ. Знаменитый докторъ Иноземцовъ просвътляетъ его зръніе. Кстати о Иноземцовъ: посылаю вамъ на всякой случай его брошюрку о составъ капель противу холеры '). Она въ Москвъ сильно засвирънствовала, но скоро исчезла.

П. И. Өедоровъ ²) досель боленъ и не выходить изъ своей комнаты. Онъ дъйствительно боленъ не столько твломъ, сколько душею. Я навыцаю его и оть чистаго сердца успокоиваю, сколько могу. Онъ разсказывалъ мив о своихъ видъціяхъ. Ему представлялся какой-то ведиканъ: видъціе Римлянина Силлы, къ которому также являлся великанъ по вечерамъ съ объщаніемъ явиться опять на завтра. Силла всегда, вивнувъ голокой, отвъчалъ: «Ну такъ до свиданія!» Русской же Силла былъ безотивтенъ. Чего-то онъ боится!

Вчерась происслись у насъ слухи о сильной высадкѣ враговъ пашлхъ въ Крымъ. И прежде подобные слухи проносились, да не оправдывались; а теперь, судя по обстоятельствамъ, они должны бытъ върны. Какъ вы хорошо сдълали, что время житья Института въ Вознесенскѣ употребляете на возведение новаго здани институтскаго. Военное полежение какъ будго нарочно для сего случилось 3).

Вчерась графъ Закревской получилъ отъ князя Меншикова письмо о высадкъ краговъ нашихъ въ Евпаторій числомъ до 50 т. чел. 4). Письмо веселоє, впрочемъ, какъ будто князь радъ высадкъ. Помоги ему Госнодь Богъ! Хорошо, кабы они поплатились за свои гръхи. Сынъ мой пишеть мвъ, что ген. Врангель у Баязета перехватилъ два каравана изъ Индіи; одно золото составило 480 т. р. с. Это отплата за вражьи призы. Геркулесъ нашъ А. П. Ермоловъ называетъ высадку враговъ машихъ отчалиною и полагаетъ, что какъ они ни сильны, а побить ихъ можно и должно. Кибы его устами, да медъ пить! Какъ жаль, что еще такой богатырь безъ дъла!

4.

9 Октября 1856. Москва.

26 Августа, получивъ ваше письмо, я вь тотъ же депь отправился къ А. И Левшину, вручилъ ему пакеть на пин его и свое даль прочесть. На другой депь случай наткиулъ насъ обоихъ на мин. Норова, и мы

12 Ccur.

¹⁾ Ив Моский пать доми безт, этихъ вапель.

^{*)} Перей тыв Одесский губериаторъ, отецъ редактора "Поваго Времени". П. В.

^{*)} На случай опасности Одесскій дъвичій Институть перессандся нъ Вознесенскъ. Бумити Воронцовского архива также вывозились тогда изъ приморского Одесского доманиям Воронцова въ Кієвское его ималіє Мошим. П. Б.

¹⁾ Глазовърно.

общими силами напали на него врасплохъ. Онь отвъчаль намъ: «Очень бы радъ былъ Тройницкому, зная его съ лучшей стороны, и не усговать бы противъ вашихъ убъжденій; но на мъсто Демидова есть уже назначение самого Государя. Если Александръ Григорьевичъ пожелаль бы быть помощимимими или товорищемъ попечителя, это можно, хотя впрочемъ я досель не видълъ надобности въ товарницъ и потому оставляль это место празднымь». Я хотель сообщигь вамъ о томъ немедленно; но Левшинъ сказалъ мив: «Я самъ ему напишу прежде, а вы подождите, после напишите; межь темъ постараемся узнать, кто назначенъ попечителемъ? И назначенъ ли? - Суеты продолжались; мы узнали о пазначении знаменитого Пирогова, у котораго товарищемъ быть не лество. Министръ неожиданно убхаль. Левшинъ завзжаль ко мив простигься и не засталь меня дома; я быль у него и также не. засталь. Какъ бы то ни было, знаю только, что опъ вамъ писаль. Получили ль вы его письмо и что отвъчали? Пироговъ вышель было въ отставку, и ему предложили мъсто попечителя единственно для того, чтобы удержать на службъ Европейскую знаменитость, воторою Россія гордиться можетъ.

Такимъ образомъ позколительно заключить, что знаменитый докторъ не долго останется попечителемь и получить вскоръ другое, высшее назначение. Онъ же посодъйствуеть товарищу... Воть моя дума! Какъ вы думаете?

Межь томъ и я отнесусь къ вамъ съ просьбицей. Въ Одессо живеть мой родственникъ Александръ Николаевячь Казначеевъ. Нвсколько разъ помогаль я ему, по моей возможности; теперь получаю отъ него слезныя письма съ просъбою опять о помощи. Сдълайте мплость передайте ему сами или чрезъ Григ. Серг. Морозова, у котораго онь служиль, прилагаемые при семь 25 р. с.: деньги небольшія, да я ими не богать, а бъдными, родишми и неродными, богать очень! Да не окажется ли случая куда нибудь на службу пріютить несчастнаго? И то сказать, онь способень лишь въ механическимъ занятіямъ. Его четыре брата пали на поль битив; а оць влюбился, женился, оставиль военную службу, въ которой могь быть-нанъ или пропаль. Пропаль бы слано съ честю, а теперь влачить жизнь бъдственную, безвадежную! Горько о немь подумать, нельзя однакожъ не думать о несчастномъ. Попробую похлопотать объ опредвлении его по карантину или по таможив, чтобы хоть съ голода не умеръ. И то не легко за 2000 версть! Вашъ неизмънный старый товарищъ А. К.

Нашъ фельдиаршаль князь Воронцовъ имълъ намъреніе пожить сперва на южномъ берегу Крыма, а зиму провести въ Одессъ. Не знаю, поправится ли то графу Строгопову; но увъренъ, что пребываніе князя въ Одессъ будсть ей не безполезне.

5.

20 Февраля 1861. Москва.

Приношу вамъ дружеское и Русское спасибо за присылку мив жниги о крвпостномъ населеніи. Трудъ вашъ не маловаженъ, добросовъстенъ и едвали не въ первый разъ въренъ и повъренъ на дълъ и дъльно. Доселъ стагистическія исчисленія, не безъ основанія, незабвенный нашь князъ Воронцовъ называлъ Арабскими сказками: мъстныя начальства наполняли графы какъ попало, лишь бы вопросз спихнуть съ рукъ какимъ бы то ни было отвитомя!

Мнъ кажется, что истинно и подлинно полезлый трудъ вашъ долженъ былъ предшествовать и сопутствовать первоначальному появленю крестьянского вопроса, павшаго на одинъ только разрядъ помъщичьихъ крестьянъ. О другихъ разрядахъ помину не было. Едва ли
они входили въ общее соображеніе. Покрайней мъръ, не случилось
мнъ читать о томъ гдъ либо. Даже въ вашемъ трудъ видънъ пробълъ
удъльныхъ крестьянъ, которые также не могутъ не счигаться кръпостными.

Но какъ бы то ни было, пошли намъ Господь скорый и благой копець благому дълу!

Изъ писемъ А. Г. Тройницкаго къ архіопископу Инноцентію ').

i.

Одесса, 19 Япваря 1853.

Въ Декабрћ получено здъшнею цензурою 2) не допускать печатанія въ газетахъ пикакихъ ръчей, словъ и проч, произнесенныхъ духовными лицами, безъ предварительнаго разръшенія духовной цензуры, которая, сколько миб извъстно, сосредсточена въ С.-Петербургъ. Неужели невозможно будетъ исходатайствовать поясненія или исключенія на счеть словъ и ръчей, которыми вы благоволите иногда украшать «Одесскій Въстникъ»; псужели вамъ не можетъ быть предоставлено, безъ дальнъйшаго разръшенія, печатать ваши слова и ръчи? Всякому распоряженію должна быть мъра.

Э Пять бумагь просовищеннаго Пиновентія, поступившихъ въ Пинераторовую Публачную Библютеку отъ г. Палаузова. Г. Тр.

Э Въ подзинивав отеледно вроиущено какое-то слово. Г. Тр.

2.

Много виновать я, что до сихъ поръ не отозвался изъ Одессы къ вашему высокопреосвященству въ далекую столицу. Къ этому обязывали меня и постоянпо-отеческая дасковость, которую вы мет всегда оказывали и два милостивые поклона, которыми вамъ угодно было почтить меня черезъ о. архимандрита Діонпсія. Дорого п вполив цвию весь почеть вашего добраго обо мив воспоминація; но въ первое время вашего пребыванія въ столицъ не хотіль я письмом своимь отвлекать вашего вниманія отъ встрітившихъ васъ, конечно, заботь на пользу общую, которыхъ одиннъ изъ благихъ плодовъ, думаю, было перенесеніе Римско-католической канедры изъ Херсона, —именно древнеправославнаго, - въ Тирасполь. Кромъ того, въ концъ минувшаго года прибыль въ Одессу сенаторъ А. С. Поровъ, которому, между прочимъ, поручено было осмотръть подробно и состоящій подъ ближайшимъ завъдываниемъ моимъ дъвичий Институтъ; кажется, онъ остался имъ доволенъ; къ сожальнію моему, при обупапнихъ его занатіяхъ по Лицею, мнъ не посчастливилось съ нимъ близко познакомиться, и я опасаюсь, чтобъ ему по нашему Институту не показалось кое-что въ «слишкомъ» выгодномъ свътъ. Все это сдъладо меня певъждивымъ и замедлило настоящее мое письмо. Удосужившись ифсколько, при истинно-Иксіоновской своей работь, первымъ долгомъ поставляю себъ прицести вашему высокопреосвященству усердитишее поздравление свое съ наступившимъ новымъ годомъ и отъ всей души пожелать главнаго для васъ-укръцленія и сохраненія вашего здоровья; другихъ желаній, при томъ высокомъ положени, которое вы заняли среди именитъйникъ людей земли Русской, для васъ не придумаю; по для себя и для всъхъ жителей Одессы присоволупляю искрениее и пелицемърное желаніе видъть скоръе возвращение ваше къ памъ: во всемъ, въ чемъ вы принимали участіе своими молитвами и своимъ живительнымъ словомъ, ощутительно отсутствіе ваше, ощутительна пустота, которую вы одни можете на-

Положеніе мое въ Одессв истинио тяжело. Около 30-ги льтьу сердной и, смъю сказать, не безполезной службы, при весьма разпообразныхъ родахъ занятій, привели меня только къ тому, что и сталъ труженикомъ-издателемъ газеты. Не говоря объ обременительности этой работы, я, не обинуясь и не опасаясь упрека въ гордости или самолюбій, считаю себя въ правъ сказать, что и способенъ къ чему-инбудь большему. Служба моя по Пиституту заготить меня. Едва ли кругъ моей цвятельности долженъ ограничиваться наблюдениемъ за хозяйствомъ и

жанцеляріею Института. Несь я эту службу до сихъ поръ безъ всякаго жалованья, въ вадеждь, что въ возмездіе за то одному или двумъ изъ сыновей моихъ даровано будетъ обезпеченное воспитание на счетъ казны (имъ въ томъ отказано), въ надеждъ, что я чъмъ-либо буду подвинуть впередъ на гражданскомъ поприщъ; но и эта надежда, кажется. напрасною послъ посъщенія Института принцемъ Ольденбургскимъ: вспомнили милостиво о всехъ почти служащихъ при этомъ заведскій, объ иныхъ вдвойнъ, о мив позабыли. Но не на это смотрю я. Позводяю себъ повторить, что я желаль бы расширения и болье прочнаго опредъленія круга моей діятельности, въ Одессі и въ Новороссійскомъ краю. По отдаленіи отсюда князя Воронцова, я не могу имъть на те надежды, а потому усердное мое желаніе состоить въ переходів на службу въ столицу. Болве всего побуждаеть меня къ тому желаніе тамъ воспитать сыновей своихъ на службу Царю и Отечеству. Жедаль бы я ошибиться, по мало имбю надежды, чтобы перемена, последовавшая въ Девабръ въ управлени Лицея и вашему высокопреосвященству, въроятно, извъстная, повела къ лучшему; есть въ ней свътдыхъ, но есть и много темныхъ сторонъ. Не осмелюсь ли попросить милостиваго содъйствія вашего высокопреосвященства къ осуществленію моего желанія? Ваше слово у Андрея Логгиновича Гофмана, у Николая Михайловича Лонгинова и у другихъ высоко стоящихъ не можеть не имъть сильнаго въса; неужели не найдется гдв инбудь приличнаго для меня мъста въ числъ ближайшихъ помощниковъ Андрел Логгиновича, въ числъ членовъ Опекунскаго Совъта, или во всякомъ другомъ родъ службы? Ни оть чего не отказываюсь, какъ бы ни была трудна служба, лишь бы на идсколько леть она обезпечила окромное содержание для моего семейства и облегчила мив воспитание сыновей.

Одесса, 12 Япваря 1853.

3.

Почтенный генераль-маіоръ Захаръ Андреевичь Аркасъ, если пеошибаюсь, предсёдатель коммиссій о построеній въ Севастополів храма во имя Св. Владимира, прислаль мий любопытную статью о Севастопольскихъ скитахъ и ихъ освященій. Я увібрень, что сообщаемыя имъ свідівнія, судя вообще по добросовістности его трудовъ, появлявшихся въ нечати, вібриы, по не дозволяю себі напечатать ихъ безъ предварительнаго разрішенія и благословенія той руки, которая положила основаніе Русскому Авону. А потому, препровождая у сего въ подлинникъ статью ген.-м. Аркаса, осмівливаюсь покорнівше проситьпросмотріть се и, по-одобреній, возвратить ко мить для напечатанія; всти она будеть того удостоена ванимь высокопреосвященствомъ, то и самъ уже стлажу ивкоторыя встръчающияся въ ней перовности языка.

Я продолжаю свою труженическую жизнь, которая стала еще тяжель съ тъхъ поръ, какъ в вынужденъ былъ участить изданіе «Одесскаго Въстника»; что касается до службы моей въ Одессь, то я болье и болье убъжденъ, что мив пора ее оставить.

4

Едва успёль я осмотрыться вы холодной, стверной столиць, какъ всъхъ поразило и ошеломило громовое событіе-смерть Императора Николая. Въ Петербургъ оно было также неожиданно, какъ и во всей Россіи: накануяв дия смерти никто изъ самыхъ близкихъ къ покойному Государю лицъ не ожидаль, что такъ скоро не станеть того, съ чьею жизнію казалось такъ тёсно спазаннымъ такъ многое и особенно разръшение запутаннаго исъми восточнаго вопроса и окончание пынъшней войны. Но не такъ суждено было свыше. Не могу сообщить въ письмъ подробностей истинно замъчательныхъ о кончинъ Ilмператора Николая. Едва ли исторія представляєть что-либо подобное. Онъ умеръ, какъ жилъ, не уступивши и не поддавшись ничему ни на одно мгновеніе, съ изумительною твердостью христіанина и царя. За нъсколько часовъ до смерти онъ даже отказался выслушать посабднія донесенія изъ Крыма, сказавши, что «ничто земное къ нему болъе не относится». Внуку своему, пынъшнему Наслъднику, онь сказаль между прочимъ: «учись, какъ умираютъ цари». И дъйствительно было чему поучиться не только царю, но и каждому человъку: такъ безтрепетно и спокойно перешель онъ въ другой міръ.

Пачало новаго царствованія было чрезвычайно утвіпительно. Новый Императорь съ изумительною твердостью и самоувъренностью привяль наслъдство своего отца. Слова, сказанныя имъ въ первые дни разнымъ высшимъ сословіямъ, обрадовали и утвішили всѣхъ: опъ говорить легко и прекрасно, отъ души. Многое конечно вамъ уже извъстно; что не дошло до васъ, сообщу при личномъ свиданіи. По не хочу отказать себъ въ удовольствіи сообщить теперь же того, что онъ сказалъ Австрійскому послу. На слова его собъ интересахъ Европы Государь выразилъ: «Мнъ ввърены Привидъніемъ выгоды Россіи, а до выгодъ Европы мнъ пъть дъла». Онъ присовокупилъ въ заключеніе: «Я утвердилъ всъ инструкціи, данныя мопмъ отцемъ; но не уступлю ничего болье; я не могу уступить и того, на что могъ бы согласиться мой отець. Послъ 30-лътияго царствованія онь могъ бы сдълать, можеть быть, уступку, не совсьмъ согласиую съ мнъ-

ніями его народа, для котораго опъ такъ много еділіль; я же не еділаль еще ничего для Россіп, я не могу ничего еділать протывь общаго мийнія». Да будеть такъ, и да поддержить Его Всевыний вы этомъ кріпкомъ началь! По посліднимъ извістіямъ изъ Вінці, на миръ мало надежды: Австрія и Англія, кажется, желають мира, но Наполеовъ по видимому не уступасть; увидимъ, кто кого сломить. Переміна въ командованіи въ Крыму принята съ удовольствісмъ; по главную надежду полагають на барона Сакена.

Исполниль всв ваши порученія. Быль у высокопреосвященнаго Никанора, который съ особеннымъ участіемъ разспрашиваль меня о васъ и вашемъ зддровьи; отвъчалъ ему въ томъ смыслъ, какъ получиль ваше наставленіе. Передаль повлоны ваши А. С. Норову, барону Корфу, Прянишникову и Вагнеру. Отъ Исакова везу ивсколько книгъ. Сферы*) нигдъ не нашелъ. Матерію для ризы жена купила, какую нашла лучшую, только по обстоятельствамъ черную. Отъ всъхъ изъ Петербурга и Москвы везу вамъ самые усердные поклоны; отсюда особенно отъ П. И. Өедорова, который опять болень, и Л. И. Казначеева, выславшаго уже давно ризу для Богоматери. Изъ Петербурга я вывхаль съ убъжденіемъ, грустнымъ для меня, если останусь въ Одессъ, что ваше пребывание у насъ не можеть быть долговременно: общій голось зоветь вась, при первомъ случай, въ Петербургь или Москву; такъ и должно быть по всей въроятности. Не даромъ я въ брилліантовомъ кресть вашемъ видълъ предзнаменованіе будущаго вашего призванія.

О себъ скажу только, что страшно тоскую, что бездорожье задержить меня въ Москвъ еще недъли на двъ, но не могу не заключить, отъ себя и отъ жены, выраженіемъ самой глубокой и живочувствуемой благодарности за нъжное, пастырское вниманіе, оказанное вами дътямъ монмъ, оставшимся въ Одессъ. Со слезами читали мы то, что намъ писали о томъ изъ Одессы; кръпко тоскуемъ мы по нихъ и боимся, чтобы безъ насъ не увезли ихъ изъ Одессы; мы хотъли бы тамъ найти ихъ.

Москва, 17 Марта 1855.

5.

Наканунъ отъезда вашего изъ Одессы, вамъ угодно было спросить меня, что и кому сказать обо мнъ въ Москвъ. Я отвъчаль, что мое искрепнее желаніе, ради сыновей, перебраться въ одпу изъ столицъ; но вы сами указали мнъ на должность, которая могла бы от-

^{*)} Въ записной книжив А. Г. Тройницкаго, относящейся из его поздав изъ Одессы въ Слбургъ въ 1855 г., упоминается, что архіепископъ Инпокентій просилъ его привезти отъ книгопродавца Исакова большую сферу небесныхъ тъль Гр. Т.

крыться для меня въ Одессъ, именно должность попечителя Одесскаго учебнаго округа. Вчера узналь я оть г-на Демидова лично, что онъ, по прошенію своему, вовсе уволень оть этой должности, а потому она вновь стала вакантною. Могу ли следовательно усердно попросить ваше высокопреосвященство, если уже не сделано распоряжение министромъ къ замъщенію этой должности, употребить могучее вліяніе свое, гдв признаете за лучшее, чтобы поворотить ввтеръ въ мою сгорону? Если вы не считаете меня неспособнымъ въ тому, то в позволю себъ прибавить, что и родился и воспитывался въ Одессъ, прослужиль здесь 30 леть, преимущественно по части воспитанія, дюблю городъ и край, и конечно буду исполнять ту обязанность не какъ наеминкъ или перелетный человъкъ, а какъ человъкъ истиню преданный и долгу, и дёлу, и краю. Думаю, что вы встрётитесь съ яняземъ М. С. Воронцовымъ; десять лъть тому онъ вызываль меня на подобную должность на Кавказъ; я туда не могь повхать, но съ тъхъ поръ и пріобрать десять лать опытности въ людяхъ и вещахъ. Надъюсь, что если вы попросите его ходатайства въ мою пользу, онъ въ томъ не откажетъ, а его слово сильно. Я бы самъ написаль къ нему, еслибъ зналъ, гдъ онъ и еслибъ зналъ, что мъсто не отдано уже другому. А потому я и решился просить теперь о томъ исключительно ваше высокопреосвященство, въ надежде и на вашу мидость во миж, и на успъхъ всего того, что вы пожелаете.

Поручение ваше о разсылкъ послъднихъ вашихъ ръчи и слова я исполнилъ. Я отправилъ по иъскольку экземпляровъ первой адмираламъ Панфилову и Юхарину и послъдняго въ Георгіевскій монастырь; по 10-ти экземпляровъ той и другаго передано о. Діонисію для доставленія къ вамъ въ Москву.

6.

Спѣшу принести вамъ искрениюю и душевную благодарность за милостивое, не знаю чѣмъ заслуженное, вниманіе ваше, въ сообщеніи мнѣ перваго извѣстія объ ожидаемой мною царской наградь*). Что касается до вопроса о попечительствъ, то вполнѣ предоставляю успѣхъ его вашему снисходительному ходатайству. Если же и при вашемъ ходатайствъ это окажется невозможнымъ, приму такое послъдствіе безъ ропота и спокойно. Я всегда твердо предавался въ волю Того, отъ Кого все зависитъ. Желать и искать улучшенія своего положенія и средствъ быть полезнымъ, по силамъ и разумѣнію, дозволено каждому; но ни міра, ни хода дѣлъ намъ по своему перестроить нельзя.

^{*) 26} Августа 1856 г. А. Г. Тройницкому быль пожаловань ордень Св. Ставислава 1-й степ. Гр. Т.

Мы громко и усердно отпраздновали коронацію въ тотъ самый день, въ тѣ самые часы, какъ она совершалась въ Бѣлокаменной. Телеграфическія депеши о начатіи царскаго шествія въ Успенскій соборъ въ 9 ч. 20 м. и о совершеніи коронованія въ 11 ч. 42 м. получены здѣсь были въ изтъ и въ истыре минуты, по отправленіи ихъ изъ Москвы! Что такое въ сравненіи съ этою волшебною быстротою старые ковры-самолеты и семимильные сапоги? Одного не достаетъ намъ, и это скажу безъ лести: вашихъ словъ въ празднованіе коронаціи и сегодня. Вы избаловали Одессу, и теперь она въ подобныхъ случаяхъ недовольна словомъ обыкновеннымъ. Нельзя также не ножалѣть, что графа Строганова не было и нѣтъ еще здѣсь; онъ быль въ Азовскихъ портахъ, а теперь въ Крыму, и будетъ въ Одессѣ не ранѣс 2 Сентября.

Всъхъ насъ порадовала въсть о пожалованіи князя М. С. Воронцова фельдмаршаломъ: тому, кто водилъ Русскіе вои въ Балканахъ, подъ Краснымъ, подъ Бородинымъ и въ Дарго, слъдовала такая честь.

Думается мив, что сегодня вамъ придется говорить слово въ Москвъ, ради тезоименитства царева; если такъ и если бы почему бы то ни было слово ваше не напечаталось въ Москвъ, не пришлете ли его намъ? Въ противномъ случаъ я перепечатаю все ваше, что появится въ Московскихъ Въдомостяхъ, и не могу думать, чтобы чегонибудь не появилось.

Одессь, 30 Августа 1856

Изъ писемъ архієписнопа Инновентія въ А. Г. Тройницкому.

1.

Спасибо за извъщение! Иначе я не мало не сожалълъ бы, что не былъ у вашихъ дътей, какъ то случилось въ прошломъ году. Не совсъмъ удобно оставлять мнъ по утру дачу; но надъюсь управиться съ водами, чтобы явиться къ вамъ часу въ 11-мъ. До 12-ти мы успъемъ видъть ихъ успъхи и благословить ихъ на дальнъйшие. Подобныя заведения всегда были особенно близки моему сердцу. Самъ Господъвамъ награда за такие труды! Вашего превосходительства всегдалний слуга И. а. Х.

Поля 27-го 1849.

2.

Достопочтеннъйшему Александру Григорьевичу здравіе, миръ и радости о Господъ!

За симъ душевный привътъ съ знакомъ вниманія Монаршаго къ прилежнымъ трудамъ его, коихъ свидътелемъ цълый общирный край.

За симъ увъдомленіе, что о дталь предполагаемом говорено было, кому слъдуеть, съ полною силою. Ръшительный отвъть еще не получень, по можно имъть добрую надежду.

За симъ благодарность за исправное доставленіе газеты. Можеть быть, въ непродолжительномъ времени пришлется въ нее что-либо для напечатанія. Извъщеніе о ходъ *), сдъланное въ Августъ, здъсь принято всъми хорошо.

За симъ желаніе въ новомъ літь новой кріпости и спль на пользу общую.

Да даруетъ Господь всёмъ вамъ благодать Свою, безъ коей не совершается инчего истинно добраго.

Вашего превосходительства усерднъйшій почитатель И. а. X. Декабря 17-го 1849. С.-Петербургъ.

3.

Секр тно.

Зачемъ вы напечатали статью объ адресе султана Константинопольскаго патріарха? Се trop impolitique; и я опасаюсь, чтобы она не наделала хлопотъ. Всего бы лучше въ следующемъ листке напечатать, что это быль слухъ неосновательный, какихъ ныне много, и что бедное духовенство Греческое вообще ныне подвергается разнымъ несправедливымъ вестямъ и пр., за что во всякомъ случае не взыщутъ, а между темъ это послужитъ поводомъ для могущей быть сплетни.

Такъ говорить мнъ мое усердіе къ вамъ.

(Пивано карандашомъ).

^{*)} Т. е. объ учреждения врестивго хода. въ Одессъ П. Б.

4.

Съ великимъ и святымъ постомъ!

Для постныхъ двей воть вамъ и постныхъ сухарей. Не напрасно заставилъ я сходить эту тетрадь въ Бахчисарай: оказалнеь, какъ видите, нъкоторыя невърности, кои теперь неправлены. Если козможно, в просидъ бы васъ велъть набрать печатно это поскоръе, дабы можно было описаніе скита послать вмъстъ съ прочимъ въ Вененію, что должно быть по слъдующему пароходу. Въ Въстникъ статая можесъ, пожалуй, явиться и послъ. Такимъ образомъ мы избавились бы тогдв описывать въ письмъ сей скить для Великаго Князя*), по его желанію знать о немъ.

Февр. 12-го 1852.

5.

Посылаю вамъ еще списокъ тъхъ же стиховъ и съ письмомъ. Московскимъ. Перемъняйте что и какъ угодно, только поскоръе нацечатайте.

Какъ перемънились времена и нравы! О племянникъ думаютъ страшно напечатать «Жильблазъ 2 Декабря», а о дядюшкъ въ 1812 году что писали или, лучше сказать, чего ни писали! Мы все деликатимся безъ конца, и когда насъ душатъ, мы все еще охриплымъ голосомъготовы повторять: avec votre permission! Я бы напечаталъ прямо и просто. Поморщились бы да скушали, изъ одного уваженія къ ки. Вяземскому. Впрочемъ, какъ угодно.

G.

Pour vous seul.

Прочтите, если станеть терпъпія, эту тетрадь и скажите мивзавтра свое мивніе не обинуясь. Мив многое не нравится, я думаль бы напечатать посль, когда, на свободь, можно будеть наложить такъ называемую ultimam manus; ибо съ такимъ множествомъ матеріаловъ и въ нашей церковпой формъ трудно вдругъ справиться; а пустить въ свъть недозрълое не приходится. И такъ judicium penes vos esto: Сидите и ждите какъ главнокомандующій!

7.

Душевно благодарю васъ за ваше дружелюбное *Христосъ вос-* кресе и усердивище желаю вамъ и семейству вашему благодать и радости отъ гроба Жизнодавца. Послъ праздника мы немедля возвра-

^{*)} Константина Пиколисинча. П В

тимся домой, не съ тъмъ чтобъ быть гостемъ, а чтобъ сдълаться постояннымъ жильцомъ, вопреки вашему пророчеству, о неисполнения коего, полагаемъ, вы не будете много жалъть.

Статья г. Аркаса—не что, и можеть явиться въ свъть. Только о предположении строить колокольню въ Херсонисъ надобно умолчать, ибо это дъло пока долишие. Проскть объ устройствъ церкви, въ коей престился Св. Владимиръ, теперъ на высочийшемо возорънии, и Богь въсть, чъмъ разръщится судьба его!

Общее впиманіе устремлено теперь къ вамъ, на Востокъ, судьба коего едва ли не близка къ новой эпохъ бытія. Но сему газета ваша теперь ходить по многимъ рукамъ, и всъ ее читающіе въ глаза говорять г. Гречу, что въ Одессъ лучше умъють издавать тазеты, чъмъ въ Петербургъ, чего и опъ самъ подъ часъ не отрицаеть, сваливая вину на сотрудника своего г. Булгарина. До свиданья! И. а. Х.

Аржани 17-го 1853.

Весьма радъ я за Муравьева и за Нахимова. Не знаю послъдняго; по первый соединяеть въ себъ, кромъ другихъ качествъ, достоицство правственно-христіанское, что на его мъстъ значить крайнемного.

8.

Москва, Авг. 17-го 1856.

Вчера узналь я навърное и нынь спъшу передать вамь въсть о успъшномъ ходъ представленія о вась. Указь уже подписань, но разумьется выйдеть въ свъть не прежде наступающаго свътлаго дня. По сему нельзя было употребить для передачи вамъ сей въсти телеграфъ. И такъ отъ души поздравляю васъ съ давно заслуженною наградою! Невольно вчужъ радуешься, когда отличають и награждають достойное и достойныхъ.

О попечительствъ еще не говорено съ къмъ слъдуетъ, а что будетъ говорено съ убъжденіемъ въ говоренномъ, не можете сомитваться.

Вокругь насъ все хорошо, только погода не Августовская: каждый день почти дождь. Воть и теперь: готовимся на церемонію, а по улицамъ ручьи.

Московскій сборникъ. Изданіе К. П. Побъдоносцева, второе, Москва. 1896. 8-ка, 2 нен. и 304 стр.

Нельзя не порадоваться, что внига вта появинась уже вторычь изданіемь. Это рядь статей по вопросамь вары и выугренней пологи и, плоды досуговь государственнаго двятеля, вполож принадлежащаго Русской истопри новъйшаго времена.

Сборнивъ историческихъ матеріаловъ, изглеченны съ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Выпускь восьмой. Игданъ подъ редагтією Н. Дубровина. Спб. 1896. Бол. 8-ка. 14 и 488 стр. Туть собраны і маги высокой важности, отвосящіяся ко второй половивъ царствоватія Александра І-го и первой Никол.: Павловича. Одвихъ запловъ сего госледняго къ статсъ-секретарю Таньеву—126 кромъ рескриптовъ.

Полное собрание сочинений ниязя П. А. Вяземскаго. Томъ XII. (1863-1877). Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1896. Бол. 8-ка XVII, 557 и XVI стр. Съ портретомъ автора въ старости. Этоть томъ составляеть четвертую часть стихотвореній князя Вяземскаго, коимъ приложенъ здёсь общій влоавитный указатель за 69 льть его стихотворческой двятельности (всёхъ 793). Тутъ много досель неоглашенных и очень замвчательныхъ стиховъ; но мы увърены, что еще найдется немало стихотвореній (въ особенности эпиграммъ), не вошедшить въ это самое донына полное собраніе. Князь Вяземскій отзывался и печатно, и про себя, на всв нвленія современной ему жизни, и для историка той эпохи въ сочиненіяхъ его обильная почва правдивыхъ замвчаній, меткихъ характеристикъ и образцовъ живаго, своебытнаго и наблюдательнаго ума.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневыми издана подъ редавието К. Я. Грота, ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета Томъ второй Спб. 1896. 8-ка, 966 и 2 нен. стр. Цена 2 рубля. Въ втомъ томъ переписка обнимаетъ только три года: 1843—1846. Въ концъ примъчанія издателя.

Le P. Pierling. S. J. La Russie et le Saiut-Siège. Etudes diplomintiques. 1. Les Russes au Concile de Florence.—Marage d'un tsar au Vatican.—Les papes Médicis et Vasili III.—Mystificatinn et projets d'ambassade. Paris. Livrairie Plon. 1895. 8-ка, XXXI и 463 стр. съ гравированнымъ портретомъ Виссаріона. Въ копцъ библіографія и азбучный указатель.

ПОДПИСКА

HA

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

"Русскій Архивъ" въ 1896 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга "Архива Князя Воронцова").

Годовая цѣна "Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Въ пріємѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ "Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльны получають ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, "Русскій Архивъ" отвътственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всёми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Тоды 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель "Русскаго Архива" Петръ Вартежевъ.

PÝCCKIŬ ÂPXÚRZ

1896

10.

CTP.

CONTROL OF THE PROPERTY OF THE

- 161. Изъ днеявыхъ звинсовъ Владимира Алексвевича Муханова (1856—1≻55).
- Поддо-ди-Ворго про императора Александра Павлонича. Письмо из Б. И. Булганому (1814).
- Висько В. А. Жуковскаго въ винаю П. А. Внасмекому, наъ Моским въ Варшову (17 Апрали 1818).
- 209. Достопанятная церковь въ Иссахъ. А. И. Яцемирскаго.
- 213. Записки Кавиляца. Н. И. Дроздова
- Два профессора Русской исторія о происхожденія Руси. Д. И. Наовайскаго.
- 288. Забытое благодиние (о намитники Петру Великому въ Сяратови по медели II. Н. Тургенева). К. А. Военскаго.
- 288. 1859-й годъ ва Амуръ. Шуточные стихи.
- 290. По поводу воспомининій Смоленскаго дворяцина (о просессорикъ Москонскаго университета). В. Е. Попандопудо.
- 296. Объ Успенскомъ соборъ Сергісвой Лавры. А. Н. О-ва.
- 298. По поводу разсказовъ А. В. Энальда. Варонессы М. И. Фре дериксъ.
- 8'3. Генералъ-дейтенацть I. А. Реуть. А. Л. Зиссермана.
- 804. Къ портрету Цесвревича Николан Александровича. П. В.

Приложенъ портретъ Цесаревича Никола сандровича (Геліогравора съ ръдкой фотографіи).

MOCKBA.

Въ Унаверситетской типографіи.

па Страстномъ бульваръ.

1896.

новыя книги

Sofia Paleolog, nepóta Imperatulai Coustantin XII Paleolog, si Domnita Olena, fiica Domnuluí Moldovei Stefan-cel-Mare, de Alexandru Popadopol-Calimach. Analele Academiei Române, tom, XVII.

Изсявдованіе Румынскиго ученаго А. Попадопуло-Каливаха, педавно появившееся въ последневъ томъ "Летописей Рунывской Анадемін", вислется весьма любопытпого времени въ Русской Исторія, а именно винженія Іоонна III-го. Въ первой половина своего изследованія, авторъ подробно разсказываеть о политических событихъ па Вилканскомъ полупетровъ последованшихъ зв падениевъ. Константипополи. Затвиъ опъ переходить вь описанію подитического состоний Мо-ковсенто винжества и политика попской по отпошению въ молодой России, основываясь на цаломъ рида документовъ изь Итальянскихъ и другихъ архивовъ. Совін Палеологь выступаеть передъ читвтелини съ чертвии пепривленательными. Въ противоположность ей, Попадопуло-Каливихъ выводитъ, гловнымъ образомъ, на гоновани своей фантизи, нестастную Елену, дочь Молданскаго господори Стеопил Великаго, выданную за наслидника Московского престоль Пвана Младого. Какъ илинетно, бракь вготь окобинден песчаетість: Плапь Мандой вь 1490-иъ году забольть камчугой и умеръ. Хотя омиъ Ивана и Елены Димитрій и быль коронованъ нъ 14 % и году, по черсвъ четыре года Елену и Димитрін постигла опала, а насавдинима, объявлень Василій, сыпа-Гониза III и Совія Скоро и развълчанный Димитрій, и заточенизи Елепа умерли въ темниць. Все это было, по митийю А. Попвинуло-Калимаха, двломъ властолюбаной Совіл, которан не могла перенсети возвышенія крогкой, тахой вингини Елены и сыла ен, вимо сына своего Василія,

Разсказъ А Попадопула Калимаха исполненъ трогательной грусти по поводу песчастной судьбы ни въ чемъ непонинной Молдананки и малолатниго ея сывъ, сдвлавнихси жертвой безжалостной, ненасытной въ честолюбіи и влисти Гречанки, теперь Русской великой кинтини Софіи. Самъ нейній кинзь выходить довольно безцивтенъ, ва то прекрасио и художественио нарисовано мощное лицо Молдавскаго господаря Стефана Великого, народнаго герои, который до сихъ поръ живъ въ памяти и пъснихъ Молданана.

Въ звидючения выторъ говоритъ: "Ведикій кинаь Іовинъ III просидъ прощенія у внука своего Дивитріп. Тотъ простидъ его, когда услыхвать его стопы, слезы расвиннім и следків слова: ты свободень! Но кто же могъ бы простить Іовина III, въ втихъ тайвыхъ волнахъ мытарствъ его души, въ смерти столькихъ певициыхъ?... Грембли пушки, гудбли колокола въ Моско-скомъ кремлв. Въ церкви святого Архавгела открывались подземные святого Архавгела открывались подземные святого меринай киналпредъ которымъ детили толокы виновныхъ и певиновныхъ, явился туда и пекалъ отдыха для себи въ уголка земли"...

Несомитиное веланіс представить Елепу въ самомъ блигопрінтномъ свята онно причиной того, что но всемъ изсладонація мы пичего не находимъ о соучастій Елевы въ среси Жидовствующихъ, которая процявтала при неликовинжескомъ дворъ, имъя своими сторонциками дънка Осодора Курицынь, Елепу и сына ся Диптрія, придворныхъ свищенниковъ и многихъ другихъ.

Какъ одинъ вяъ крупныхъ педостатковъ изслъдованія, слъдуетъ отмътвъ невнакомство изтора съ цъппани трудами по Русской петорій, поивившанием послъ Карацзина.

Десаревичъ Николай Александровичъ

(Приложеніе въ воспоминаніямъ Ө. А. Оома).

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА 1).

1856-й годъ.

23 Январа. Къ Государю поступаеть множество плановъ, проектовъ и записокъ о различныхъ преобразованіяхъ въ Россіи. Нъкоторыя изъ нихъ привелось мив читать. Одна записка составлена Аксаковымъ 1), который доказываеть исторически, что Русскій народъ никогда не стремился къ принятію участія въ ділахъ государственныхъ и потому (по выраженію не совстив правильному автора) не есть народъ государственный. Его потребность была другая: онъ желаеть вполить жить своею правственной, христіанской жизнію. При этомъ развитіи духовнаго начала, онъ не хотіль ограниченія въ своей жизни семейной и домашней. Постопниое благочестие и върное соблюдение народныхъ обычаевъ, какъ драгоцвиное наследіе предковъ, составляли отличительныя черты народа. Цари Русскіе до Петра І-го благопріятствовали развитію жизни народной. Со времени Великаго Императора дъло приняло другой обороть. Величіе Петра изумляеть и, конечно, лътописи другихъ народовъ не представляютъ генія, подобнаго нашему Великому; но Пстръ наложилъ руку на народъ, на святилище жизни семейной, на все, чъмъ дорожить въ человъкъ память его сердца. Все, что освятила древность, должно было сокрушиться подъ его жельзною рукою. При царяхъ, не смотря на удаление парода отъ всякаго вмъшательства въ дела государственныя, въ важныхъ случаяхъ созывались земскіе соборы, которымъ предлагались на обсужденіе различные вопросы. Увлекаясь жаждою перемёнъ, Преобразователь принуждалъ черезъ полицію ходить въ ассамблен, брить бороды, носить калтанъ Нъмецкій и пр. Со времени его уже болье не созывались земскіе соборы. Переворотъ Петра разъединилъ сословія: дворянство ръзко отли-

⁴) Съ подлинной рукописи Владимира Алекспевича Муханова, хранящейся въ Москвъ, въ Музев П. И. Щукина. П. Б.

²⁾ Константиномъ Сергвевичемъ. П. Б.

III. 11

чается отъ народа. Вліяніе Запада, при направленіи, данномъ Преобравователемъ, все болже и болже ослабляетъ начало народное. Одинъ классъ земледъльцевъ еще сохранилъ его неприкосновенно.

24 Января. Сочинитель Записки полагаеть, что нынъ земскіе соборы созывать невозможно, но думаеть, что въ необходимыхъ случаяхъ полезно было бы совъщаться съ сословіями по предметамъ, непосредственно до каждаго касающимся. Такъ, для торговыхъ вопросовъ призывать купцовъ, для хлебопашества - помещиковъ и пр. *). На счетъ народа предоставить лицамъ всъхъ сословій полную свободу въ ихъ частной жизни, не стъсняя ихъ никакими ограниченіями. Пускай всякій занимается діломъ по своей наклонности, живеть, гді заблагоразсудить, вздить куда хочеть, одвается какъ ему вздумается и все это дълаеть безпрепятственно, пока дъйствія его не противны существующимъ узаконеніямъ. Вмёшательство во внутреннюю жизнь народа, не принося никакой пользы правительству, производить неудовольствіе и даже негодованіе. Свободу слова и письма подчинить благоразумному контролю относительно вопросовъ, касающихся въры, верховной власти и правственности, допуская во всякомъ случав благонамъренное суждение о всёхъ мерахъ и действихъ правительственныхъ и другихъ, относящихся до народнаго благосостоянія. Многое, что теперь неизвъстно, откроется тогда, и каждому будеть предстоять возможность объявить во всеуслышаніе, если онъ быль жертвою элоупотребленія или недобросовъстности.

25 Января. Въ Запискъ Аксакова историческіе выводы правильны, есть благородство, прекрасная ревность къ искорененію зла и стремленіе ко благу; но, по замъчанію Карамзина въ Запискъ о Древней и Новой Россіи, опибки геніевъ неисправимы, и невозможно измънить направленіе, данное Петромъ. Что же касается до совъщанія съ сословіями, въ Положеніи Государственнаго Совъта сказано, чтобы при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ призывать спеціалистовъ. Гласность возможна единственно въ должныхъ предълахъ; а ввести ее, какъ желаетъ того авторъ, не только не полезно, но весьма опасно.

26 Января. Въ Іюль 1853 г. принцъ Наполеонъ, впослъдствіи участвовавшій въ Крымскомъ походь, быль въ Штутгардгь. Извъстно, что въ этомъ городь онъ получиль воспитаніе на иждивеніи короля, который потомъ положиль принцу ежегодную пенсію въ 10.000 гульденовъ. Въ 1848 году возникли смуты. Молодой Наполеонъ, увлеченный демократическими мнъніями, оставиль Штутгардть и приняль участіе въ засъданіяхъ Французскаго Народнаго Собранія, гдъ между прочимъ

^{*)} Мысль К. С. Аксакова во многомъ принета, какъ извъстно. П. Б.

въ одно засъданіе произнесъ слъдующія слова: «Я долженъ просить прощенія у Бога въ присутствіи сего многочисленнаго собранія, что въ теченіе многихъ дъть подучадъ пенсію отъ тирана». Послъ сего поступка онъ не смълъ въвзжать въ Штутгардтъ; но желаніе видъть мъсто, гдъ провелъ онъ столько лътъ и свидъться со знакомыми, побудило его просить у короля разръшенія прівхать въ городъ, гдв протекли лъта его юности. Послъдовало разръшение. Принцъ отправился въ Штутгардть, гдв имвль съ нимъ свиданіе князь Горчаковъ, занимавшій тогда місто Русскаго министра при Виртембергскомъ дворів. «Мы желали союза съ Россіей и желаемъ его теперь. Мой двоюродный брать и странный вашъ министръ *) при нашемъ дворъ похожи на двухъ фарфоровыхъ собакъ, стоящихъ на каминъ: ни слова одинъ другому, а только глидить въ глаза другь другу. При такихъ отношеніяхъ трудно что-нибудь уладить. Подумайте, не удается ли вамъ что устроить?» Принцъ упомянулъ о Вънскомъ трактать, на что князь Горчаковъ рътигельно объявиль, что измвиять карту Европы невозможно. Нашъ министръ отправилъ денешу къ гр. Нессельроде, отдавая отчетъ о бывшемъ свиданіи, настапваль на важности для Россіи союза съ Франціей и просиль, согласно съ желаніемъ принца, скораго ръшенія на счеть изъявленныхъ последнимъ предложеній. Ответь пришель изъ Петербурга черезъ мъсяцъ и когда его передали въ Парижъ, то оттуда не увъдомили даже и о получении.

27 Января. Въ продолжени нынъшней зимы Лудвигъ Наполеопъ сталь звать къ себъ объдать каждый день одного изъ членовъ дипломатическаго корпуса, начиная съ Англійскаго посла. Такимъ образомъ очередь дошла до Саксонского министра барона Зебаха, зятя графа Нессельроде. Послъ объда императоръ пригласилъ министра въ свой кабинеть и, предложивь ему сигарку, сказаль: «Я пригласиль васъ сюда (объдъ происходилъ въ Saint-Cloud), потому что здъсь мы дальне оть всякаго говора и толковъ. Не то въ Тюльерійскомъ дворцъ: тамъ все замъчають, и всякое дъйствіе или слово имъеть отголосокъ. Война продолжается, и льются потоки крови. Съ самаго начала я желаль союза съ Россіей и протянуль руку императору Николаю, но онъ нашелъ ее неопрятною. Мив надлежало дать знать, съ къмъ имъютъ дъло и показать, кто я. Нынъ я достигъ цъли. Императоръ Александръ будеть благоразумиве. Онъ благонравенъ, кротокъ и здравомыслящь. Союзь съ Англіей мнв и всей Франціи въ тягость; а союзь съ Россіей, напротивъ, возбудилъ бы всеобщее сочувствіе. Я желалъ бы окончанія войны для спокойствія человъчества и выгоды народовъ. Не

^{*)} Николай Цмитріевичъ Киселевъ. П. Б.

хочу, продолжая войну, устраивать дъла Англіи. Со стороны послъдней не должно опасаться сопротивленія. Она будеть дъйствовать, какъ ей укажеть сила вещей.>

28 Января. «Позволите ли мив, государь, сказаль министръ, довести ваши намвренія до сведвнія С.-Петербургскаго кабинета?»—«Начиная разговоръ съ вами, я имёль это въ виду», отвёчаль императоръ. «Въ такомъ случав я увду завтра утромъ въ С.-Петербургъ», сказалъминистръ. «Почему же не сегодня вечеромъ? Во всякомъ случав, присовокупилъ Л. Наполеонъ, со стороны Франціи будетъ оказано Россіи во время переговоровъ всякое содвйствіе.» Я забылъ упомянуть выше, что, говоря о неразумномъ съ нимъ обращеніи покойнаго Государя, императоръ сказалъ: «Русскій министръ въ Парижъ былъ непонятный человъкъ. Всякій разговоръ приводилъ его въ замвшательство, изъ котораго онъ думалъ выйти посредствомъ упорнаго молчанія. Не знаю, точно ли онъ передавалъ мои желанія и требованія своему двору? Туть императоръ всталъ. Министръ почтительно поклонился и вышель. Въ туже ночь онъ уже былъ на пути въ Россію.

29 Января. По прівздів Австрійскаго посланника графа Эстергази у Государя назначенъ былъ совъть изъ слъдующихъ лицъ: кн. Воронцовъ, графъ Ордовъ, гр. Киселевъ, кн. Долгоруковъ, гр. Блудовъ, баронъ Мейендороъ и В. Кн. Константинъ Николаевичъ. Когда члены събхались, Государь вышель въ совъть; онь быль бледень и разстроенъ. «Господа, сказалъ Императоръ, я васъ собралъ, потому что не могь решиться одинь принять на себя такую большую ответственность. Австрійскій дворъ прислаль предложеніе (ultimatum), назначивъ срокъ для нашего отвъта. Если мы не согласимся на эти предложенія, мниистръ будеть отозванъ, дипломатическія спошенія прекратятся, и последуетъ объявление войны; къ Австрии присоединилась Бавария. Король Прусскій пишеть, что сохраняеть прежнее расположеніе ять Россіи, но что ему нельзя будеть бороться противъ желанія народа, когда начнется блокада Балтійскихъ портовъ. Получено свъдъніе о заключеніи тайнаго договора между Швеціей и западными державами; въ силу онаго весною предполагается высадить на берега Швеціи 80.000 Французовъ, чтобы действовать противъ Россіи. Такимъ образомъ вся Европа противъ насъ. Что касается средствъ нашихъ къ продолженію войны, ограничусь следующимъ: въ нынешнемъ году въ государственномъ бюджеть недочета 285.000.000 р. с. Здъсь, обратясь къ канцлеру, Государь сказаль: «Графъ Нессельроде, прочтите бумаги, которыя подтвердять сказанное мною здёсь.

30 Января. Канцлеръ прочелъ депеши, письмо короля Прусскаго и копію съ тайнаго договора Швеціи. Императоръ пригласилъ кн. Во-

ронцова, какъ старшаго, изложить свое мивніе. «Дальивйшее сопротивленіе невозможно, сказаль Воронцовь, и благоразумиве, при присторыхъ пожертвованіяхь, заключить мирь, чемъ продолжать истощать Россію войною, которой нельзя предполагать благопріятнаго исхода». В. Князь Константинъ Николаевичь началь такъ: «Всёмъ извёстно, до какой степени я быль пылкимъ партизаномъ войны, но въ последнее время мысли мои по сему предмету совершенно изменились. Ныне думаю, что продолжать войну невозможно. Недавно посётилъ меня генералъ Бергъ, и вотъ сведеніе, мною оть него полученное. Сей генераль обязань защищать береговую дистанцію на протяженіи 35 версть; онъ обратился къ военному министру съ требованіемъ Пексановскихъ орудій. Ему отвечали, что онъ можеть получить не боле 35 и что ихъ надобно везти изъ Екатеринбурга». Здёсь Великій Князь обратился къ военному министру для поверки сообщеннаго сведенія; министръ почтительнымъ наклоненіемъ головы подтвердилъ сказанное.

31 Января. В. Князь продолжаль: «Когда непріятельскіе флоты подошли къ Свеаборгу и стали бросать бомбы, они сожгли городь. Мы также открыли огонь, но черезъ 5 минуть должны были прекратить его, ибо наши бомбы, пе достигая непріятельскихъ судовъ, падали въ море. Количество штуцеровъ, хотя и значительно усилено, но не соотвътствуетъ потребности. Недостатокъ пороха, не смотря на всю дъятельность нашихъ пороховыхъ заводовъ, очень ощутителенъ. Наконецъ, мы не имъемъ ни одного союзника. При такихъ условіяхъ заключеніе мира необходимо и неизбъжно, особенно если мы присовокупимъ еще обстоятельство, о которомъ сейчасъ слышали отъ Государя Императора, относительно состоянія нашихъ финансовъ, обстоятельство доселѣ маѣ неизвъстное».

1 Февраля. Пришла очередь гр. Блудова. Признавая побудительными къ заключенію мира причины, изложенныя Государемъ и Великимъ Княземъ, онъ подагалъ однако, что эта мъра раздражитъ въ сильной степени общее мнъніе. Тогда графъ Орловъ сказалъ, что, по полученнымъ имъ свъдъніямъ, существующая противъ мира партія вовсе незначительна въ сравненіи съ партіей, которая желаеть окончанія войны. Прочіе члены, раздъляя вполнъ мнъніе о необходимости мира, объявили, что они согласны съ своими товарищами. Протоколъ былъ подписанъ, и члены выходили. По лъстницъ шелъ гр. Блудовъ; настигая бар. Мейендорфа, онъ остановилъ его слъдующими словами: «Нечего сказать, хорошій миръ мы намърены заключить». Мейендорфъ съ живостью ему отвъчалъ: «Я конечно не принадлежу къ Славянофиламъ, но полагаю, что каждый долженъ мужественно высказывать и поддерживать свое мнъніе. Почему и вамъ слъдовало изложить ваше

въ совътъ согласно съ тъмъ, что вы теперь говорите. Напротивъ, тамъ вы говорили другое и утвердили своею подписью не то, о чемъ ведете ръчь въ сію минуту. Знаете ли, что это неблаговидно?» Блудовъ сталъ отвъчать въ томъ же тонъ, такъ что слъдовавшіе за ними ихъ товарищи съ трудомъ развели горячившихся патріота и дипломата.

2 Февраля. К., принявъ участіе въ заговоръ 1825 года, быль приговорень къ ссылкъ на каторжную работу. Воть разсказы его о заключенім въ кръпости, о путешествім и пребыванім въ Сибири. Въ кръпости онъ провелъ 13 мъсяцевъ. Казематы расположены по объимъ сторонамъ корридора, по которому ходятъ часовые; два аршина съ половиною ширины и около четырехъ длины; на поверхности стоятъ провать, столикъ и стуль. Сперва замътна была сырость, но потомъ она исчезла. Въ началъ не давали книгъ; въ послъдствии въ нихъ не отказывали, особенио въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія. Не позволяли видеться съ товарищами заключенія, но заключенные нашли способъ сообщаться посредствомъ панія на Французскомъ и Намецкомъ языкахъ. На замвчание часовыхъ, что напрасно поютъ, они отвъчали: вреда отъ пънія нътъ, а оно сокращаетъ время, и ихъ оставдяли въ поков. Изъ Петербурга отправили пять телъгъ; на каждой сидълъ приговоренный въ оковахъ, и при немъ жандармъ. Главный надзоръ надъ Бдущими поручили офицеру фельдъегерскаго корпуса. Въ Ярославлъ, когда прівхавшіе остановились у почтоваго двора, противъ церкви, для перемъны лошадей, собрался народъ, привътствовалъ ссыльныхъ и началъ кричать «ура». Одинъ изъ жандармовъ, полупьяный, сталь бить кричавшихъ. Тогда народъ раздражился на жандарма: удары посыпались со всёхъ сторонъ, и ему угрожала бёда, если бы убъдительная настойчивость К. его не выручила *). Въ Сибири приговорениаго принимали съ хлебомъ и солью. Въ Чите поутру отдавался обыкновенно следующій приказъ: «Спросить, кто желаеть идти на работу». Желающіе отправлялись подъ прикрытіемъ цъпи часовыхъ, изъ коихъ многіе несли трубки, кисеты съ табакомъ, книги, подушки и пр. Работа состояда въ томъ, что рыли землю, которую переносили съ одного мъста на другое. Въ Читъ ссыльные должны были провести годы каторжной работы; но такъ какъ работа была не тяжела, а они жили вмъстъ, то, послъ продолжительнаго заточенія въ кръпости и утомительнаго путешествія, пребываніе въ Чить приносило имъ нъкоторое утъщеніе.

^{*)} Есть извъстіе противоположное; именно въ Ярославлъ народъ кидалъ мерзлою грязью въ декабристовъ, что дало поводъ О. И. Тютчеву къ стихамъ: "Народъ, чуждаясь въроломства, поносить ваши имена". П. Б.

З Февраля. До самой Сибири ссыльные вхади въ оковахъ, которыя только и снимались на ночь. По прівздв на место, въ Читв, по распоряженію начальства, цёпи были съ нихъ сняты полковиикомъ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который былъ основателемъ тайныхъ обществъ и старался всячески приглашать и набирать въ нихъ молодыхъ людей. Бывши ума изворотливаго, онъ сохранилъ дворянство и чинъ, и хотя былъ отправленъ въ Сибирь, но скоро получиль мъсто сперва городничаго, а потомъ губернатора. Когда истекли годы работы, приговоренные были перевезены на поселеніе. К. пришлось вхать въ Минусинскъ, увадный городъ Енисейской губерніи. Тамъ не было моста черезъ ръку, и народъ съ трудомъ переходилъ черезъ нее по доскамъ, которыя трепетали и грозили паденіемъ, а вздить черезъ ръку было совершенно певозможно. К. построиль на свое иждивеніе мость, стоившій ему до двадцати рублей серебромъ, чъмъ снискалъ общую признательность. Ссыльный руководствовался правиломъ по возможности всегда оказывать другимъ пользу, никогда никъмъ не пренебрегать и заимствовать отъ всякаго что нибудь доброе, ибо твердо быль убъждень, что нъть человъка, въ которомъ не было бы добраго свойства. Скоро его всъ полюбили, и онъ сдълался предметомъ сочувствія жителей Минусинска. Недолго оставался К. въ Сибири; его перевели на Кавказъ. Грозно принятый главнокомандующимъ барономъ Розеномъ, онъ потомъ жилъ у него въ домъ и получалъ съ его кухни свой объдъ. Въ послъдствіи перевели его въ городокъ, которато названія не припомню. Тамъ случилось однажды, что коменданть пришель въ большомъ затруднении къ К. и просидъ его своимъ совътомъ вывести изъ бъды. «Вотъ уже ийсколько времени, какъ офицеръ съ пятью рядовыми пошелъ въ горы. На цихъ напали горцы, двоихъ убили, одного взяли въ плънъ, и только раненый офицеръ и рядовой спаслись. Долве скрывать этого нельзя, быть быдь офицеру, а можеть быть и мив, когда не донесу». - «А почему не представить дело въ такомъ виде, чтобы вместо беды имело оно счастливое последствіе? Поручите мне написать бумагу». Комендантъ принялъ предложение съ признательностью.

4 Февраля. Содержаніе бумаги было слѣдующее. Прапорщикъ N., замѣтивъ, что изъ-за нѣкоторыхъ деревьевъ горцы стрѣляютъ въ нашихъ часовыхъ, взялъ четверыхъ рядовыхъ и отправился въ лѣсъ, чтобы повалить деревья, укрывавшія къ нашему ущербу враговъ. Горцы толною бросились на храбраго офицера и рядовыхъ; изъ послѣднихъ двоихъ закололи, одного увели въ плѣнъ, а офицера и рядоваго, мужественно защищавшихся, ранили. Примѣрная отвага офицера и его подчиненныхъ достойна была лучшей участи. Скоро послѣ того

офицеръ получилъ Вдадимирскій кресть и пенсію. Легко себъ представить благодарность молодого удальца, который, не будь туть К., дорого бы заплатиль за необдуманный поступокъ. По мъстности, начальству городка надлежало часто входить въ дипломатическія сношенія съ иностранными консудами накоторыхъ Азіатскихъ городовъ. Съ нашей стороны офиціальнаго агента не было, а легко писалъ пофранцузски одинъ К., такъ что сму поручена была мъстнымъ начальствомъ переписка съ консулами. Отличившись въ экспедиціи противъ горцевъ, К. получилъ знакъ военнаго ордена, произведенъ въ прапорщики и скоро потомъ по желанію уволенъ отъ службы. Въ указв объ отставкв сказано, что ему воспрещается въвздъ въ столицы и что онъ долженъ состоять подъ тайнымъ надзоромъ полиціи. К. поселился въ Ордовскомъ имъніи, купленномъ имъ у братьевъ. Тамъ онъ пріобрёдъ уваженіе дворянства и такую внушиль всёмъ доверенность благородствомъ своего характера, опытностью въ делахъ и готовностью на пользу ближняго, что всв обращаются къ нему для разобранія спорных в діль и для примиренія лиць, между коими возникають раздоры и распри. Такимъ образомъ К. вездв оставиль по себв добрую память и въ Сибири, и на Кавкезв. Ныев его любить и уважають въ его Ордовскомъ поместью, где онь построиль домъ о 33-хъ комнатахъ и живеть въ немъ одинъ. Не любя въгра, онъ переходить часто съ одной стороны дома на другую. Въ домъ семь спаленъ, и никогда прислуга не знаетъ, гдъ оригиналъ будеть ночевать. Изгнаніе, продожительная жизнь въ деревив и сознаніе своего вліянія на дворянь привязывають сильно К. къ его сельскому пріюту. По случаю кончины своей невъстки ему предстояла необходимость часто прівзжать въ Москву. Брать *), всегда готовый на всякое доброе дъло, ходатайствоваль черезъ графа Закревскаго, чтобы съ него сняли надзоръ полиціи и дозволили въбздъ въ столицы, на что последовало высочайшее соизволеніе.

5 Февраля. Въ Министерствъ Иностранныхъ Дълъ, однимъ изъ старшихъ чиновниковъ, занимавшихся цифровкою депешей, долго состоялъ на службъ нъкто Бекъ. Обыкновенно изъ кабинета министра сходили въ экспедицію отправленія депешей, въ большомъ пакетъ; конверты, слъдовавшіе къ отправленію, и прилагался притомъ реестръ конвертамъ, на коихъ означались номера. Графъ Румянцовъ, управлявшій Министерствомъ Иностранныхъ Дълъ, по волъ императора

^{*)} Т. е. брать писавшаго, оберъ-форшнейдеръ Николай Алексвевичь Мухановъ. Ръчь идеть о Сергвъ Ивановичъ Кривцовъ. Невъстка его (вдова его брата Павда)— Елисавета Николаевна, урожденная княжна Репнина. П. В.

Александра, сообщалъ всв получаемыя изъ-за границы депеши М. М. Сперанскому. Незнатное происхождение последняго и вместе быстрое возвышение его возстановили противъ него Петербургскую знать. Гр. Румянцову также не нравилась довъренность, которою Государь удостоиваль Сперанского, темъ более, что М. М. работаль съ императоромъ по дъламъ иностраннымъ. Часто, уже по получени конвертовъ изъ министерства, Сперанскій присыдаль оть себя еще два или три конверта для отправленія въ Парижь. Неоднократно докладывали о томъ гр. Руминцову; но онъ зналъ, что М. М. работаетъ съ Государемъ и по волъ его пишетъ и отправляетъ бумаги. На границъ также жиль чиновникъ министерства, которому заблаговременно посылался ресстрь денешей для провърки. Его обязанность заключалась во вскрытін накета, провъркъ конвертовъ и донесеніи въ Петербургъ, что всь денеши оказались на лицо и что курьеръ провхаль благополучио. Этотъ чиновникъ также доносилъ о конвертахъ, отправляемыхъ Сперанскимъ, и донессија его оставались безъ вниманія. Въроятно всъ происки пепріятелей его, которыхъ онъ имълъ много, не достигли бы предполагаемой ими цъли, если бы поступокъ неосторожный со стороны самого Сперанскаго не ускориль его паденія. Онъ быль въ дружов съ Магницкимъ, который однажды просилъ его о комъ-то кодатайствовать у Государя. Возвратясь посль доклада оть Императора, Сперанскій паписаль Магинцкому записку следующаго содержанія: «Къ сожально, любезный другь, не могь исполнить твоего желанія; просиль о лиць, въ которомъ ты принимаешь такое живое участіе, но Государь остался непреклопенъ». Другъ-предатель передаль документь, оть котораго должень быль погибнуть Сперанскій, его врагамъ, коихъ злоба росла вмъсть съ влінніемъ любимца Александра.

С Феораля. Государю непріятно было, что тоть, кого онь осыпаль своими милостями и сь къмъ проводиль неръдко часы въ бесъдъ о дълахъ государственныхъ или о высокихъ истинахъ святой въры, могъ о немъ отзываться не только безъ любви, но даже безъ приличія. Однажды въ комнать, которая передъ кабинетомъ Государя, ожидали дежурный генералъ-адъютантъ Пав. Вас. Голенищевъ-Кутузовъ и князь А. Н. Голицынъ. Вошелъ и Сперанскій, который, поклонясь холодно присутствовавшимъ, сълъ на стулъ. Его скоро позвали въ кабинетъ къ Императору, гдъ онъ пробылъ не менъе часа. Изъ кабинета онъ вышелъ въ слезахъ и рыданіяхъ. Между тъмъ Государь открылъ дверь и вслъдъ Сперанскому кричалъ: «Прощай, М. М., прощай». Прітхавъ домой, Сперанскій нашелъ въ своей квартиръ министра полиціи Балашова. Бумаги его были опечатаны и взяты. У подътъда стоялъ дорожный экинажъ, въ которомъ Сперанскій от-

правился въ Нижній-Новгородъ. Въ это время находившимися тамъ войсками командоваль графъ П. А. Толстой, который получиль секретную бумагу отъ Государя, гдв было сказано, что отъ него единственно зависить будеть оставить Сперанскаго или послать его въ Сибирь, смотря по тому, какъ онъ себя будеть вести. Былъ объдъ у губернатора; въ числъ многихъ приглашенныхъ находились также гр. Толстой и Сперанскій. За объдомъ получили извъстіе объ успъхъ, одержанномъ надъ нашими войсками Наполеономъ. Сперанскій не могъ скрыть своей радости, говоря съ восторгомъ о властитель Франціи, о его геніи, славъ и величіи. При тогдашнемъ расположеніи умовъ, можно себъ представить, какое дъйствіе произвели на всъхъ подобныя рачи. Губернаторъ, прівхавъ на другой день къ графу Толстому, спрашиваль, что ему дълать? - «Напишите о происходившемъ въ Петербургъ», отвъчалъ графъ. Но лишь только отправилъ губернаторъ свою бумагу, какъ уже графъ Толстой получилъ повельніе препроводить М. М. въ Сибирь. Выше я забыль упомянуть объ одномъ обстоятельствъ. Сперанскій жиль въ Петербургъ гдъ-то около Литейной и почти ежедневно отправлялся въ извъстный часъ пъшкомъ въ Таврическій садъ. Въ тоже время къ саду подъйзжала карета, изъ которой выходиль Французскій посоль Коленкурь; оставаясь наединъ, они гуляли по цълымъ часамъ по саду. (Оть Бека, графа Кутузова и графа Толстаго слышаль брать).

1858.

1 Января. Мы приглашали іеромонаха съ Троицкаго подворья. Около полуночи онъ отслужилъ молебенъ, окропилъ насъ и жилище наше святой водой и, благословивъ, поспъшилъ домой. Изъ постороннихъ были при молебнъ Миклашевскій и г-жа Оверъ. При наступленіи новаго года чувствуешь особенную потребность въ подкръпленіи свыще: неизвъстность будущаго наводитъ нъкоторый страхъ, который можетъ умърить одна молитва. На сей разъ сіи опасенія, по случаю предполагаемыхъ перемънъ и уже изданныхъ по сему предмету бумагъ, являлись еще болъе грозными. Впрочемъ послъ молитвы всъ успокоились.

2 Янвиря. Въ Москвъ, въ еженедъльномъ журналъ «Молва», явилась статья: «Публика и народъ». Это параллель слъдующаго рода. Публика ъдетъ въ театръ, народъ идетъ ко всенощной; публика кушаетъ пироги съ трюфелями, народъ постится; публика танцуетъ, народъ работаетъ; словомъ, публика — это грязь въ золотъ, а народъ это золото въ грязи. Статья произвела здъсь раздраженіе. Всъ напали на министра просвъщенія; но онъ ограничился строгимъ выговоромъ цензору, сохранившему свое мѣсто. Рѣшительно есть люди, которымъ всего мало, пока нѣтъ безпорядковъ. Впрочемъ, публикаціи въ родѣ упомянутой оказываютъ, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что знаешь откуда и кто пускаетъ стрѣлы.

З Япвара. Въ параллели, напечатанной въ «Молвъ», между прочимъ, сказано: «Публика на Кузпецкомъ Мосту, народъ въ Кремлъ». Авторъ, въроятно, разумълъ, что въ то время, когда публика гуляетъ, пародъ наполняетъ наши древніе храмы. Жаль только, что не въ благопріятную минуту написаны были означенныя строки. Со времени уменьшенія войска, оставляютъ караулы и часовыхъ только тамъ, гдъ они необходимы. Такимъ образомъ сняли караулы на заставахъ въ Москвъ, отчего, по пъкоторымъ разсказамъ, начались безпорядки и грабежи. Не думаю, чтобы нъсколько солдатъ служили препятствіемъ къ грабежу, который только прежде происходилъ на разстояніи версты по ту сторону заставы, а теперь происходитъ на самой заставъ.

4 Япвара. Сняли часовыхъ и въ Кремлъ. Тамъ совершился случай, которому трудно върить, по въ достовърности котораго нътъ повода сомнъваться: украли пушку. Начались разысканія и изслъдованія. Полиція, хотя и отличалась особенною дъятельностью, но пъкоторое время дъйствія ея оставались безъ успъха; наконець, она напала на слъдъ воровства. Окончательно орудіе было найдено у добросовъстнаго мъдника по ремеслу. Итакъ, дъйствія народа на заставахъ или за заставами и нъ Кремлъ, кажется, не всегда можно по ихъ свойству противупоставлять недостаткамъ публики.

5 Января. Многіс, не смотря на діятельность службы и на возлагаемыя ею обязанности, сбираются бхать въ губернія, лишь только откроются комитеты для совіщанія объ устройстві быта крестьянь. Да вразумить Господь совіщателей и да устроить прочно благосостояніе многочисленнаго класса земледільцевь! Впрочемь нельзя не замітить, что если съ одной стороны крестьяне выиграють огражденные оть притісненій небольшаго числа поміщиковь, употребляющихь во зло власть свою, то съ другой лишатся патріархальной и заботливой понечительности благонаміренныхь землевладільцевь.

6 Января. Покушеніе на жизнь Наполеона произвело сильное впечатлівніе. Государь приказаль увідомить его по телеграфу о своемъ участій. Въ Парижі общественное мнівніе справедливо раздражено противъ Англичанъ. Если Французская полиція съ Іюня знала объ ударныхъ бомбахъ, приготовляемыхъ на острові Джерси и которыя предполагалось бросить въ карету Императора, то нельзя думать, что сій злые умыслы оставались тайною для Лондонской полиціи. Графъ Мории, въ своей поздравительной річи Наполеону отъ имени Законодательнаго Собранія, сділаль неблагопріятный намекъ для Англійскаго

правительства, укрывающаго изверговъ, замышляющихъ гибель Франціи и ея властителя.

7 Января. Вчера по обыкновенію были приглашены нѣкоторыя лица провести вечеръ у вдовствующей Императрицы, которая еще не внала подробностей о Парижскомъ событіи. Съ особеннымъ любопытствомъ она разспрашивала о нихъ, говоря, что никто, кромѣ министра иностранныхъ дѣлъ, не могъ еще получить извѣстій. Государыня сожалѣла, что лишена своего Парижскаго корреспондента княгини Ливенъ, которая постоянно описывала ей все, что происходило въ столицѣ Франціи. Кто-то изъ присутствующихъ предложилъ дать это порученіе г-жѣ Калерджи или княгинѣ Меншиковой. Императрица сказала, что имѣла случай читать прекрасныя письма первой, которой вмѣстѣ съ послѣдней ставила въ вину ея короткое знакомство съ Тьеромъ.

8 Января. Княгиня Ливенъ подверглась особеннымъ нападеніямъ въ замогильныхъ запискахъ Шатобріана. Непомърное самолюбіе автора, можеть быть, оскорбилось недостаткомъ вниманія къ нему княгини. Императрица вспоминала, какъ она встрѣчала знаменитаго творца «Духа Христіанства» въ Тиргартенѣ, когда онъ занималъ мѣсто министра въ Берлинѣ. «Онъ былъ небольшаго роста, имѣлъ живые, блестящіе глаза и походилъ на покойнаго князя А. Н. Голицына». Потомъ разговоръ перешелъ къ цвѣтамъ. Государыня удивлялась, что, любя цвѣты, гр. Нессельроде рѣшился продать свои оранжереи и теплицы. Князь П. А. Вяземскій замѣтиль, что, при страсти къ цвѣтамъ, канцлеръ еще имѣетъ другую страсть—къ деньгамъ. Вѣроятно, сказала Императрица, онъ такъ поступилъ, соблюдая выгоды своихъ дѣтей.

9 Января. Когда узнали о покушеніи на жизнь Наполеона, то обмінялись телеграфическими депешами: мы изъявили участіе, насъ благодарили. Между тімь пришло извістіе изъ Віны, что отправляють князя Лихтенштейна съ поздравленіями въ Парижь, и мы положили, что хорошо послать кого-нибудь изъ близкихь къ Государю. Думали о князі Долгорукомъ, шефі жандармовъ; но этоть выборь не соотвітствоваль порученію, и остановились на молодомъ князі Варшавскомъ. Чімь онъ скоріве прійдеть, тімь будеть лучше: такъ было сказано ему при отъйзді. Императрицы, особенно вдовствующая, поручили удостовірить и Наполеона, и супругу его въ ихъ живомъ участіи. Государыня Александра Феодоровна не подчиняеть поступковъ своихъ въ подобныхъ случаяхъ своимъ личнымъ убіжденіямъ и предразсудкамъ. Произносимыя ею слова отличаются благоразуміемъ и тактомъ. Есть также самоотверженіе въ пожертвованіи своимъ мнітнемъ, когда того требуеть польза общая.

10 Января. Попечитель учебнаго округа быль въ отсутствіи. Министръ просвъщенія поручиль его помощнику князю Вяземскому призвать двухъ цензоровъ и сдёлать выговоръ за недосмотръ при пропускъ статей, которыхъ не слёдовало дозволять печатать. «У насъ есть товарищи, отвъчали цензора, которые получили болье десяти выговоровъ и, оставаясь на своихъ мёстахъ, удостоиваются даже наградъ. Щедринъ, авторъ «Губерискихъ Очерковъ», имъетъ объщаніе поступить на первую вице-губернаторскую ваканцію». Разсказывавшій мнъ сей случай присовокупиль: «И они правы». Кто идетъ быстро по службъ? Люди, принадлежащіе къ передовымъ мыслямъ, послёдователи и поборники прогресса, какъ князь Д. Оболенскій, Мансуровъ и подобные имъ.

11 Янгаря. Говорять, что на отчеть, поднесенномъ оберъ-прокуроромъ Синода Государю, Императоръ сдълалъ отмътки, неблагопріятныя духовенству, и замѣтилъ, что отчеть поданъ поздно. Духовенству ставится въ вину, что опо слишкомъ увлекается корыстолюбивыми видами и мало заботится объ истинныхъ пользахъ Церкви. Потомъ, однажды при докладъ, рѣчь шла о раскольникахъ, и графъ Толстой *), изъявляя мнѣніе, несогласное съ мыслями Государя, сказалъ: «Ваше Величество можете объ этомъ спросить у Бажанова (духовника Императора).—«Я не имѣю надобности, отвѣчалъ Государь, ни въ чъихъ указаніяхъ и знаю самъ, если миѣ пужны совѣты, къ кому обращаться за ними». Оберъ-прокуроръ, характера скрытнаго, вообще любитъ самъ узнавать все отъ другихъ, но неохотно разсказываетъ, что знаетъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ дѣло такого рода, что непріятно было бы открыть его и близкимъ, какъ бы ни были съ ними тѣсны отношенія.

12 Января, Многіе не одобряють брака N.N., не знаю почему. Безпорядокъ, распущенность и безнравственность нигдъ не на мъстъ, ни во дворцъ, ни въ хижинъ. Графъ носить аристократическое имя, отличается добротою характера, нъкогда былъ гуляка, теперь остепенился; онъ обратилъ на себя особенное вниманіе N.N., понравился ей, а она ръшилась отдать ему руку... Всъ члены семейства очень хороши въ обращеніи съ графомъ С.; онъ самъ держитъ себя скромно и заслуживаетъ общее одобреніе.

13 Января. Замъчательно, что въ Штутгардтв изълицъ наиболъе предубъжденныхъ противъ императора Французовъ были наслъдный принцъ и его супруга. Прівхалъ Наполеонъ, и немного времени нужно было ему, чтобы обворожить ихъ. Чиновники нашей миссіп получили

^{*)} Александръ Петровичъ. П. Б.

приказаніе говорить въ обществь, что нашей Императрицы не будеть при свиданіи императоровь, и тогда секретари Французской миссіи въ свою очередь утверждали, что здоровье императрицы Евгеніи требуеть пристальнаго леченія въ Біариць. Между тьмъ царствующая Императрица прівхала, и неожиданный прівздь ея произвель непріятное дъйствіе на всьхъ. Нельзя было не чувствовать неловкости этого поступка. Государь особенно быль доволень посліднимь разговоромь съ Наполеономь, продолжавшимся около часа, и послі этого онъ быль очень весель. Наполеонь оставиль самоє благопріятное впечатлівніє; единогласно отдавали справедливость превосходству его ума и признавали его великимь человіжомь. Императорь Французовь находиль много удовольствія въ разговорів съ в. к. Еленой Павловной. Прощаясь съ нею, онъ быль тронуть и бросился къ ея рукь; рука была въ перчатку. Великая Княгиня разорвала перчатку.

14 Января. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ гр. Панипъ неделикатнымъ образомъ уволилъ изъ своей канцеляріи чиновника М. Молодой
человѣкъ, отличавшійся замѣчательными способностями, нашелъ дорогу
къ В. К. Константину Николаевичу, который пріютиль его въ Морскомъ Министерствѣ. Господинъ М. трудился, труды его награждались
щедро, онъ былъ отправленъ на Востокъ, и по возвращеніи написаль
отчетъ о посѣщеніи Іерусалима и православныхъ храмовъ. Великій
Князь велѣлъ напечатать это донесеніе и сталъ разсылать его нѣкорымъ лицамъ. Оказалось, что въ изданной брошюрѣ открывались годарственныя тайны, и что обнародованіе оныхъ могло намъ принести
великій вредъ, обнаруживая наши предположенія и дѣйствія на Востокѣ и подавая такимъ образомъ поводъ къ сопротивленію нашимъ
мѣрамъ со стороны Англіи и Франціи. Брошюра была отобрана, котя
ея не досчитались нѣсколькихъ экземпляровъ. Хорошо, если онѣ не
дошли въ руки Англійскаго и Французскаго министровъ.

15 Января. Впослёдствіи гр. Панинъ призналь полезнымъ примириться съ старымъ подчиненнымъ, даскаль его въ Совъть, сталь приглашать къ себъ и наконець черезъ него снискаль расположеніе В. К. Константина Николаевича. Въ качествъ стараго дипломата министръ юстиціи обращаетъ особенное вниманіе на вопросы, относищіеся до внъшней политики. Не одобряя настоящей системы, онъ сочиняетъ записки, гдъ строго критикуетъ нашу политику, и подаетъ ихъ Великому Князю, который, какъ извъстно, не отклоняя отъ себя никакой части государственнаго управленія и видимо мътя въ первые министры, благосклонно принимаетъ записки графа Панина. Въ послъднее время ходили слухи по городу, что домогаются произвести пъкоторыя перемъны въ нашихъ государственныхъ дюдяхъ. Князь Орловъ просится на покой. Великій Князь желаль бы, чтобы министръ юстиціи получиль місто предсіндателя Государственнаго Совіта, а посоль нашь вы Парижі, графъ Киселевь, замістиль бы министра иностранныхь діль, князя Горчакова. Замісчательно, что гр. Панинь настапваль, чтобы послідній хотя на нісколько минуть показался на его балів, дабы (говориль онь) «всі виділи, что министерства иностранныхь діль и юстиціи живуть въ ладу». Простуда не позволила князю Горчакову исполнить желаніє своего товарища.

16 Яноаря. Графа Панина хвалять за ясное изложение обстоятельствь дёла и за правильный, прекрасный языкъ его, но обвиняють въ кривыхъ выводахъ и заключенияхъ. Когда онъ излагаетъ дёло, никто не можетъ предположить, какое будетъ его мнёние; всё бываютъ обыкновенно удивлены странностью его взгляда. Такъ говорятъ товарищи его по Государственному Совёту и по разнымъ комитетамъ. Однажды, выходя изъ Совёта, сдёлалъ о немъ также подобный отзывъ графъ Нессельроде. Вотъ почему министра юстиціи многіс называютъ кривотолкомъ. Трудно при такихъ условіяхъ быть председателемъ Совёта. Что же касается до назначенія графъ Киселева, едва ли согласится онъ въ свои лёта принять на себя такое бремя; развів опъ только получитъ званіе министра, а дійствовать будетъ какое-нибудь подставное лицо. Впрочемъ гордая самостоятельность Парижскаго посланикогда этого не допуститъ.

17 Января. Меня часто удивляло, что пища умственная инымъ не такъ нужна, какъ пища матеріальнал. Такъ, глядя на брата, я думаль: странно, что при его умъ, онъ можеть долго оставаться безъ книгъ и что чтеніе не составляеть для него существенной потребности. Эта мысль часто смущала меня и приводила въ недоумъніе. Однажды, въ ранніе часы утра, я получиль разрыненіе моси задачи, смущение исчезло, и я успокоился. Ищикъ просто отворялся: очевидно, что у кого есть свой запасъ, тому нечего искать посторонняго пособія. Кто щедро одарень оть природы, тоть живеть своею жизнью. Умъ брата заключаетъ въ себъ столько живительной сиды, опъ такъ разнообразенъ и обиленъ, что ему нечего укръплять себя извиъ, со стороны. Напротивъ, при ограниченности собственныхъ средствъ, при скудости своихъ силъ, чувствуешь необходимость въ постороннемъ пособіи, въ кръпости заимствованной. Вотъ почему, проведя день безъ чтенія, я ощущаю пустоту и нравственное утомленіе. Такъ намъ часто кажется страннымъ и незаслуживающимъ одобренія что естественно и въ порядкъ вещей *).

^{*)} Строки, внушенныя необывнованно-пржною любовью яв старшему брату. П. Б.

18 Января. Не совству однако в. к. Ольга Николаевна и наслъдный принцъ Виртембергскій измънили свое расположеніе къ Наполеону послъ свиданія въ Штутгардть. Кронъ-принцъ признавался многимъ, что всякій разъ когда ему приходилось следовать за императоромъ Французовъ, онъ чувствовалъ, что въ немъ волновалась кровь его предковъ. Человъкъ этотъ, продолжалъ онъ, вышелъ Богъ знаеть изъ чего и какъ, а между твиъ я и подобные мив на придворныхъ выходахъ и въ собраніяхъ должны составлять какъ бы его свиту. Подобное суждение показываетъ мъру разсудительности принца. Между прочимъ Виртембергскій король мізналь разговорамь императоровъ и, при глухотв своей, часто переспрашивалъ, что они между собою говорили. Иногда даже, подстрекаемый любопытствомъ, не всегда удовлетвореннымъ, онъ позволялъ себъ некоторыя насмешки надъ своими высокими гостями. Во избъжание сего неудебства, быль устроенъ завтракъ въ загородномъ дом'я Великой Киягини, гдв императоры виделись безъ короля, который искоторое время не могь простить этого хозяйкъ.

19 Января. Слухи о немилости, въ которую впалъ князь Горчаковъ, разсъядись. Государь былъ на послъднемъ раутъ его, императрицы приглашають его къ себъ, и великіе князья очень винмательны къ нему. В. К. Константинъ Пиколаевичъ почелъ нужнымъ объясниться по сему предмету и къ объясиснію присоединить удостовъреніе. По почему вдругъ распространились эти слухи?

20 Января. Появилась книга: La Russie il y a cent ans, гдв собраны депеши Англійскаго и Французскаго пословъ, писанныя ими изъ С.-Петербурга. Говорять, что это самая жалкая картина Русскаго двора. При императрицахъ Аннъ и Елисаветь не было собранія или вечера, гдъ бы всъ присутствующие не предавались пьянству и безобразію. Императрица Екатерина II представлена съ самой неблагопріятной стороны: исчислены суммы, издержанныя ею на фаворитовъ, не признается ея величіе, достоинство великой государыни унижено, а Россія является страною, гдв все существенное приносится въ жертву наружному лоску, обманчивой вившности: одиниъ словомъ, зависть затемнила совершенно для иностранцевъ блестъ славнаго царствованія. Замічательно, что означенное сочиненіе, въ которомъ подробно говорится о брачномъ союзъ имп. Елисаветы съ гр. Разумовскимъ, заслужило особенное внимание В. К. бываеть дыма безъ огня. Въроятно происходилъ какой нибудь разговоръ, подслышанный нескромнымъ ухомъ и переданный еще болъе нескромнымъ языкомъ. Замъчательна поспъшность, съ которой все было сдълано, чтобы не дать разнесшемуся слуху укорениться. Можетъ

быть враги князя Горчакова когда нибудь и одольють его, но нельзя безъ тяжелаго чувство помыслить о возможности его удаленія. Въ немъ соединены блестящій, оригинальный умъ съ прекраснымъ сердцемъ, преданность престолу съ соблюденіемъ пользы общей, сила убъжденія съ готовностью принять всякое основательное мивніе. Онъ помиить добро, зло—никогда, и Богъ одарилъ щедро дарами и сокровищами Своими эту избранную природу.

- 21 Январа. По возобновленіи послѣ пожара Зимняго дворца, въ Георгієвской залѣ, гдѣ обыкновенно происходять празднества по случаю браковъ въ семействѣ царскомъ, былъ положенъ паркетъ съ изображеніемъ Мальтійскаго креста. Когда работы были кончены, императоръ Николай прошелъ первый по залѣ, а на другой день провалился въ ней потолокъ. Если мы будемъ часто останавливать мысль пашу на значеніи креста, какъ на орудіи нашего искупленія и спасенія, на которомъ Сынъ Божій былъ распятъ, страдалъ и предалъ духъ Свой за наши грѣхи, то конечно намъ не придетъ никогда побужденіе топтать его ногами. Изображеніс креста произошло отъ небрежности чиновниковъ, которымъ поручено было возобновленіе дворца; но паденіе потолка произвело сильное впечатлѣніе, и приказано было наслать другой паркеть.
- 22 Января. Никогда взпосы процентовъ не производились съ такою точностью въ кредитныя учрежденія, какъ со времени обнародованія мітрь, принятыхъ къ освобожденію крестьянъ. Проданы также очень выгодно просроченныя имінія съ аукціоннаго торга, и одно между прочимъ въ Чернскомъ уіздів, Тульской губерніи, по 200 р. с. душу. Оборотнаго капитала въ Московскомъ Опекунскомъ Совітів на лице 28 милліоновъ. Гр. Закревскій не одобряєть обідовь и особенно різчей Кокорева и другихъ. Предполагались еще обіды, но которые Московскій военный гепераль-губернаторъ не призналь нужнымъ дозволить. Онъ полагаеть, что въ настоящихъ обстоятельствахъ подобныя собранія и разглагольствія приносять не пользу, а вредъ. «Это мое убіжденіе, говорить гр. З. Если же мои дійствія не заслуживають одобренія, то пускай на мое місто назначать другаго». Извістно, что графъ давно искаль дома; наконець, онъ купиль прекрасный домъ Николая Аполоновича Волкова.
- 23 Января. Молодые люди Демидовъ, кн. Долгоруковъ, Бенардаки послъ ужина, кончившагося далеко за полночь, разгоряченные виномъ, на улицъ нашумъли и произвели безпорядокъ. Донесли Государю, и приказано было ихъ посадить подъ арестъ. Карамзина, мать Демидова, плакала; кн. Долгорукова не выходила изъ нервическихъ припадковъ, и объ по нъжной заботливости материнскаго сердца преуве-

III. 12 русскій архивъ 1896.

личивали въ воображении шалость молодости. Весь городъ показалъ имъ участіе; многіе даже вздили къ провинившимся на гауптвахты, отъ чего можно было воздержаться: ибо молодые люди могли принять подобныя изъявленія за одобреніе ихъ продвлокъ. Хорошо, если на будущее время случившееся послужитъ урокомъ юношамъ. Впрочемъ, кто не платилъ дани молодости? Нечего сокрушаться, что люди молодые молоды, а старые стары, и худо, если было бы наоборотъ. Жаль только, что, много говоря о шалости, придаютъ ей нъкоторую важность и размъръ какого-то дъла. Это тъмъ болъе странно, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, бездълица, обратившая на себя вниманіе общества, должна была остаться незамъченной.

Найдено рукописное сочинение кн. Щербатова, извъстнаго сочинителя многотомной Россійской Исторіи (добросовъстнаго, но тяжелаго труда), подъ заглавіемъ: «О поврежденіи нравовъ въ Россій». Историкъ признаетъ необходимость преобразованій Петра, но приписываетъ ихъ вліянію порчу нравовъ, хотя первую причину безнравственности высшаго сословія видить въ уничтоженіи мъстничества. Желаніе выслужиться, какъ бы то ни было, въ чины замінило гордость и чувство, внушаемыя древностью рода. Нравы также много потерпівли отъ того, что женщинъ вывели изъ теремовъ и отъ сношеній съ чужими краями. Въ царствованіе Елисаветы роскошь и безнравственность усиливаются, и мужья начинають бросать женъ. Описаніе происходившаго при Петрів III согласно со свидітельствомъ княгини Дашковой. Князь Щербатовъ, единственный изъ Русскихъ писателей, съ особенною раздражительностью нападаеть на Екатерину II-ю.

24 Января. Въ Москвъ предполагалось дать большой объдъ на тысячу человъкъ, на которомъ многіе намъревались произнести ръчи. Кокоревъ хотълъ перепечатать воззвание свое къ купечеству, гдъ предполагаеть открыть подписку въ пользу мелкопом'встныхъ пом'вщиковъ, надъясь собрать капиталь въ 10 мил. р. с. для облегченія ихъ сдёлокъ съ крестьянами. Решено, что обеда не будеть; не дозволено произносить ръчей, и запрещено въ большомъ количествъ перспечатывать річь Кокорева. Хотіли было уволить цензора, дозволившаго напечатать оную, но удовольствовались, кажется, сдёлать выговоръ. Мы не привыкли къ свободному слову, и оно пугаетъ насъ. Между темъ мы не видали, чтобы въ прошедшемъ, при непомерномъ стъснения этого слова, мы достигли блестящихъ результатовъ. Напротивъ, таинственность, которою все облекалось, принесла горькіе плоды. Съ новымъ царствованіемъ предоставили цензурѣ нѣкоторую свободу, которая оказала пользу, хотя иногда выходила изъ должныхъ предвловъ. Надлежало взыскать за промахи и неправильности, но этимъ

не ограничиваются: хотять, кажется, дъйствовать въ смыслъ совершенной реакціи, системы уже невыгодно, какъ замъчено выше, испытанной въ минувшемъ.

Депутація крестьянъ Владимирской губерніи изъ имѣнія гр. Нессельроде явилась съ просьбою къ помѣщику. «Батюшка, говорили прибывшіе, не желаемъ новыхъ порядковъ, довольны старыми и готовы платить болѣе, если милость твоя оставить насъ на прежнемъ основаніи».— «Новые порядки, отвѣчалъ канцлеръ, не помѣшаютъ вамъ платить болѣе».

У Аксакова, автора статьи «Публика и Народъ», за которую запрещенъ журналъ «Молва», украли въ церкви часы, и вмъсто ихъ положили въ карманъ записку, въ которой было написано слъдующее: «Пока публика молилась, народъ укралъ у васъ часы».

25 Января. Императоръ Александръ І-й гдв-то встрвтилъ академика Парота, сблизился съ нимъ, получилъ къ нему довъріе и часто съ нимъ переписывался. Замвчательно особенно одно письмо, въ которомъ онъ благодаритъ Государя за то, что онъ принядъ его мивніе после продолжительнаго разговора, бывшаго накануне, и что наконецъ убъдился, что не слъдуетъ разстрълять Сперанскаго. По разсказамъ людей, близко знавшихъ последняго, онъ былъ очень откровененъ, довърчивъ и легко высказывалъ даже свои задушевныя мысли. Одпого предмета онъ никогда ни съ къмъ не касался: причины своей ссылки. Дочь его Багреева, написавшая біографію отца, наполненную любопытными подробностями, также не упоминаеть объ обстоятельствъ, котораго объяснение такъ было бы интересно. Есть также письмо императора Александра къ Сперанскому, при назначении его генералъгубернаторомъ въ Сибирь. Здёсь Государь выражается съ сожаленіемъ о томъ, что произошло, оправдываетъ своего сановника и говоритъ, что жертва была нужна для удовлетворенія общественнаго мевнія. Багресва, въ своей біографіи отца, сообщаеть свои съ нимъ бесёды. Это рукописное сочинение написано мастерски по-французски. Всъ бумаги гр. Сперанскаго принесены были его дочерью въ даръ Императорской Библіотекъ. На основаніи этихъ документовъ и матеріаловъ составлено было также жизнеописание гр. Сперанскаго статсъ-секретаремъ барономъ М. А. Корфомъ.

26 Января. Въ Пруссіи есть хорошее учрежденіе, такъ называемое Staats-Examen. Молодой человъкъ, окончившій курсъ университетскій и снабженный аттестатомъ отъ своего факультета, можетъ вступить только въ то въдомство, куда ему открываютъ путь родъ его занятій по университету или тотъ факультеть, по которому онъ проходилъ курсъ, и въ добавокъ онъ обязанъ подвергнуться еще испытанію

оть чиновниковъ того въдомства или министерства, въ которое вступаетъ. Само собою разумъется, что экзаменаторы избираются изъ чиновниковъ, которымъ ихъ часть хорошо знакома. Со времени введенія сего установленія въ Пруссіи, по всёмъ частямъ государственнаго управленія стали являться зам'вчательные люди. У насъ, когда празднують основание какого нибудь университета, отдавая отчеть объ услугахъ, имъ оказанныхъ, исчисляютъ воспитанниковъ, поступившихъ на службу. Оказывается, что студенть, вышедшій изъ медицинскаго факультета, вошель въ министерство юстиціи, а изъ математическаго факультета служить дипломатомъ. Такимъ образомъ чиновникъ, потерявшій время въ университеть, оказывается недостаточнымъ на службь, къ которой спеціально себя не готовиль. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Зиновьевь, имъя счастіе представляться Государю, два раза объ этомъ докладывалъ. Императоръ два раза заметиль: собъ этомъ надобно подумать. Министръ просвъщенія и его товарищъ, оба съ душою; но одинъ не знаетъ Россіи и ел потребностей, а другой расположенъ во всемъ сомнъваться. Записки имъ подають, и они ихъ не читають, а если заставляють читать, то во время чтенія засыпають. Вообще не видно рвенія къ делу, и нужень большой запасъ твердости, чтобы не потерять бодрости и не впасть въ уныніе.

27 Января. Въ Москев на объдъ, гдъ произнесено было столько ръчей, Кокоревъ предложилъ здоровье того чиновника, который содъйствовалъ движенію литературы, имъя только въ виду пользу общую и не стъсняя себя опасеніями разстроить свою служебную будущность или потерять мъсто. Это здоровье было цензора Фонъ-Крузе. Тогда здъсь было ръшено, что объды и ръчи будутъ прекращены, и хотъли уволить цензора, удержавшагося на своемъ мъстъ неизвъстно надолго ли. Нельзя, чтобы подобныя дъйствія всегда легко сходили съ рукъ. Если цензоръ не раздъляеть мнъній о цензуръ правительства, онъ можетъ удалиться отъ своего мъста и взять другое; но подвергать себя тому, чтобы его уволили съ тъмъ, чтобы никуда не опредълять, когда онъ отецъ семейства, этого онъ не имъетъ права сдълать, и если дъйствуетъ такъ, то поступаетъ непозволительно.

Вчера сказывали, что Герценъ (Искандеръ) умеръ отъ отравы. Если такъ, то это можетъ быть дъломъ ревности или мести любовницы, также ожесточенія кого нибудь изъ его сотрудниковъ; но никогда наше правительство не способно будетъ употребить подобное средство, котя естественная смерть Герцена насъ бы не разстроила: нашелся бы другой на его мъсто, но можетъ быть не съ тъмъ талантомъ. Разсказываютъ невъроятности о привозъ этихъ изданій въ Россію, куда ихъ ввозять капитаны кораблей и продають по 100 р. с. томъ. Увъряють, что на Нижегородской ярмаркъ ихъ покупали по четвертаку. Перваго способа продажи намъ опасаться нечего, ибо немного найдется охотниковъ на такія ціны. Что же касается до продажи на ярмаркъ, то встиъ извъстно, по какой цінть заграницею продаются книги Герцена. Невозможно, чтобы онъ пустиль ихъ такъ дешево въ ущербъ себъ.

28 Января. Большое затруднение встричаеть въ университетахъ преподаваніе Закона Божія. Въ гимназіяхъ сердца учениковъ доступны въръ, и они съ любовью принимають уроки и внушенія законоучителя. Въ воскресный день или праздникъ утъщительно видъть гимназистовъ въ церкви. Многіе изъ нихъ кольнопреклоненные, всь внимательны къ службъ и молятся прекрасно. Не то университетахъ: туда являются не дъти, а юноши, у которыхъ уже образовалась сила мышленія, и страсти волнуются. Они много читають и на всёхъ языкахъ. Здъсь мало вліянія на сердце, надо дъйствовать на разумъ; не довольно тронуть, надо убъдить. Вольшею частію молодые люди уже вступають въ университетъ съ върою нетвердою, а тъ, въ которыхъ святая искра еще не потухла, стыдятся и стараются казаться не тъмъ, что они есть, т. е. последователями неограниченнаго свободомыслія. Законоучитель долженъ основывать всё свои положенія на неоспоримыхъ доводахъ логики, долженъ знать всё возраженія, употребляемыя противъ святой въры, и запастить богатымь арсеналомъ фактовъ и доказательствъ, которыя служили бы сильнымъ отпоромъ невърующимъ. «Нельзя, говорилъ мнв попечитель Харьковскаго учебнаго округа, разомъ очистить университетъ и набрать новую молодежь. Вновь вступанщіе студенты находять старыхь, оть которыхь заражаются невърјемъ, и такимъ образомъ одно покольние передаетъ зло другому. Воть почему законоучитель въ университетъ долженъ быть человъкъ особенно даровитый, ученый и съ приличнымъ обращеніемъ».

29 Января. Есть люди, щедро одаренные природою; оцѣняешь ихъ умъ и способности и отдаешь справедливость ихъ образованію. Они хорошо выражаются на нѣсколькихъ языкахъ, сужденія ихъ о людяхъ здравы и даже остроумны, въ свѣтѣ они являются съ усиѣхомъ; но, не смотря на всѣ ихъ качества, они не внушаютъ никакого къ себѣ влеченія, никакого сочувствія. Напротивъ, чувствуешь что-то отъ нихъ отталкивающее. Встрѣчаешь людей, которые не отличаются ни блестящими способностями, ни сопровождающимъ ихъ обыкновенно успѣхомъ, а съ перваго взгляда чувствуешь, что они по сердцу, ищешь случая съ ними видѣться и если сходишься съ ними часто, начинаещь пришимать такое участіє въ пхъ судьбѣ, что ихъ успѣхи рачинаещь пришимать такое участіє въ пхъ судьбѣ, что ихъ успѣхи рач

дують и ихъ неудачи огорчають. Если внимательно разсмотришь, что составляеть притягивающую силу въ лицахъ, внушающихъ намъ подобное сочувствіе, то удостовъришься, что это не столько умъ, сколько сердце, врожденная доброта, кротость обращенія, ласковое ко всёмъ расположеніе и теплота душевная. Важна также доброжелательность, которая искренно всегда готова услужить ближнему и выказать его добрую сторону, помня, что, для сохраненія мира внутренняго, мы всегда должны быть снисходительны къ другимъ и строже къ себъ и смотръть на тъхъ, которыхъ положеніе ниже нашего въ жизни.

30 Января. При дворъ быль баль въ бълой залъ, вновь отдъланной. Танцующіе, приглашенные съ 12 часовъ утра, танцовали все утро, а ихъ родители, какъ наприм. графъ Панинъ, возбуждали общее сожальніе утомленіемъ, выражавшимся на ихъ лицахъ. На придворныхъ балахъ особенно замъчателенъ педавно введенный способъ освъщенія: являются люди съ фитилями, прикасаются ими до свічей, и голубое газовое пламя перелетаеть отъ одной свечи къдругой, и такимъ образомъ черезъ нъсколько минутъ зала освъщена. Это дъйствіе имъетъ что-то волшебное. Чтобы садиться за ужинъ, бросали жребій, и пришлось матери състь съ сыномъ, а многимъ дамамъ имъть кавалерами совершенно юныхъ, неизвъстныхъ имъ птенцовъ. Государь имълъ свой столъ, Государыня свой. Братъ былъ приглашенъ къ посавднему и сидвав подав В. К. Екатерины Михаиловны. Разговоръ быль разнообразень; ръчь шла объ искусствахь, эманципаціи и проч. Императоръ и Императрица милостиво говорили съ братомъ, и послъдняя довольно продолжительно, особенно о прекрасной мозаикъ, найденной въ Керчи незадолго до вступленія туда союзниковъ, принаддежащей къ дучшему времени искусства въ Римъ и выставленной въ одной изъ дворцовыхъ залъ.

31 Января. Графъ Блудовъ написалъ предисловіе къ новому изданію Свода и самый Сводъ съ изміненіями въ новомъ видъ напечаталь въ трехъ толстыхъ томахъ. Изданіе было препровождено къ В. К. Константину Николаевичу, какъ члену Государственнаго Совіта. Разсмотрівніе втого труда поручено было директору департамента Морскаго Министерства кн. Д. А. Оболенскому, служившему прежде по судебной части. Въ то самое время кн. Оболенскій отправленъ былъ для производства слідствія въ Николаевъ. Въ пройздъ черезъ Москву онъ просиль кн. Урусова заняться симъ діломъ. На возвратномъ пути работа была готова. Кінязь Оболенскій во многомъ изміниль записку, дополниль ее, и въ такомъ видъ она разослана была нікоторымъ изъ членовъ Государственнаго Совіта. Графъ Блудовъ не сділаль никакихъ основныхъ перемінь въ Сводії; послідовали только маловажныя

измъненія въ частностяхъ. Въ предисловім начертана программа, на дълъ певыполненная. Кн. Оболенскій сильно нападаеть на трудъ гр. Блудова и, признавая необходимымъ ввести словесный судъ и гласность, находить, что нужно настоящій проекть гр. Блудова оставить, а ввести въ Имперію сводъ Польскій вмість съ тамошнимъ судоустройствомъ. Сочинитель записки указываеть на Австрію, гдъ введенъ былъ сводъ, по которому издавна судились въ Трансильваніи. Впрочемъ судебная расправа въ древней Россіи совершалась при отворенныхъ дверяхъ: въ судебной камеръ засъдали судьи, и двери были отворены на чистое поле. Кто желаль, присутствоваль при судебномъ преніи. Въ нъкоторыхъ случаяхъ судоговореніе допущено Сводомъ, а въ настоящее время комерческіе суды учреждены у насъ на основаніи словеснаго судопроизводства. Многіе изъ приверженцевъ старины раздъляють мивніе, что гласность суда необходима, какъ върнъйшее ручательство для подсудимых въ ограждении ихъ права отъ недобросовъстности и лихоимства судей.

1 Февраля. Правительству подана также записка объ уничтоженіи откуповъ. Сочинитель исчисляеть всё злоупотребленія откупщиковъ и разсказываеть подробно, что они дёлають, чтобы разорять народъ, мѣшая воду съ виномъ и умышленно подводя подъ штрафъ людей невинныхъ. Но уничтоживъ откупную систему, чѣмъ замѣнить ее? Вольнымъ винокуреніемъ. Трудно на это рѣшиться, имѣя примѣръ Швеціи, гдѣ, благодаря винной продажѣ, народъ спился до такой степени, что предаются пьянству женщины и дѣти. Сочинитель записки предлагаетъ учредить общество на акціяхъ, которое замѣнило бы откупа. Нѣтъ причины думать, что акціонеры будуть дѣйствовать совѣстливѣе откупщиковъ; только подъ другимъ названіемъ останутся старые недостатки и злоупотребленія. Чтеніе подобныхъ записокъ приноситъ нѣкоторую пользу, ибо въ нихъ всегда можно почерпнуть свѣдѣнія о положеніи какой либо части; но, указывая на зло, рѣдко сочинители ихъ предлагають надлежащія средства къ ихъ искорененію.

2 Февраля. Въ журналъ «Nord» помъщаются статьи или письма объ освобождении крестьянъ въ Россіи. Проводится мысль о необходимости удержать прежнія патріархальныя отношенія помъщиковъ къ крестьянамъ. Авторъ писемъ ставить въ примъръ Англію, гдѣ сохраненію подобныхъ отношеній и заботливости совокупной землевладъльцевъ и хлѣбопашественнаго населенія о земледъльческихъ интересахъ обязаны существованіемъ сильной аристократіи и богатствомъ страны. Напротивъ, во Франціи эти интересы разъединены, и тамъ вѣтъ того благосостоянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе непрестанно нарушается потрясеніями и смутами. Безъ сомвѣнія желательно, чтобы существо-

вали добрыя отношенія; но трудно полагать, чтобы съ новымъ порядкомъ они удержались въ той силъ, какъ было прежде.

3 Февраля. Во второмъ письмъ, помъщенномъ въ томъ же журналь, сказано, что къ сожальнію худо, что помъщики мало живуть въ своихъ имфніяхъ, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе управляющихъ, часто не говорящихъ по-русски и вовсе незнакомыхъ съ бытомъ нашего крестьянина. Авторъ находить полезнымъ постоянное пребываніе особенно богатыхъ поміщиковъ въ ихъ имініяхъ, указывая на землевладельцевъ Остзейского края, изъ коихъ многіе почти всегда проживають въ своихъ помъстьяхъ. Безъ сомивнія удаленіе дворянства изъ внутренней Россіи, давъ неправильное направленіе выборамъ, предало наше внутреннее управление въ руки недостойныхъ чиновниковъ. Авторъ оговаривается, что онъ требуетъ пребыванія всего дворянства внутри Россіи кром'в того, которое ве им'веть недвижимой собственности, т. е. не владветь землями, и потомъ также дворянь, сознающихъ въ себъ способности приносить болъе пользы на общиривищемъ поприщв. Но нельзя не замътить сочинителю писемъ, что трудно и едва ли полезно высшему дворянству добровольно отказаться отъ участія въ дёдахъ государственнаго управленія и предоставить это преимущество дворянству, невладъющему недвижимой собственностью. Такимъ образомъ именно въ то время, когда, по новому устройству быта крестьянь, пребываніе землевлядівльцевь становится менње нужнымъ, чемъ было прежде, по мненію автора они должны променять свою жизнь въ столице со всеми настоящими и будущими выгодами въ сферъ дъятельности служебной на темное и безвъстное существование въ деревив, гдв ихъ ожидають лишения, почти невыносимыя для жителя столичнаго, привыкшаго ко всемъ удобствамъ умственнымъ и вещественнымъ просвъщеннаго центра. Теперь посмотримъ, какую принесуть пользу дворяне-пролетаріи, которые замъстять высшее дворянство на службъ?

4 Февраля. Справедливо находять, что наши сановники мало знають Россію. Но теперь, по крайней мёрё, нёкоторые изъ нихъ, пользуясь лётнимъ вакантнымъ временемъ, посёщаютъ свои помёстья; а другіе, остающіеся въ столицё, получають свёдёнія отъ довёренныхъ своихъ, которымъ поручають свои интересы. Практическія знанія, основанныя на положительныхъ данныхъ, полезны, какъ приложеніе къ дёлу, при составленіи и изданіи новыхъ законоположеній. Что же будеть, когда во всёхъ слояхъ служебной іерархіи и потомъ во главё всего управленія будуть стоять люди, несвязанные никакимъ звеномъ съ живыми интересами страны, къ управленію которой ихъ призоветъ предполагаемое преобразованіе? Страшно подумать, сколько будеть по-

требностей неудовлетворенныхъ и въ какомъ разладъ будутъ постановленія по мъстнымъ условіямъ.

6 Февраля. Князь Варшавскій возвратился изъ Парижа. Онъ былъ принять ласково и благосклонно, но императоръ Наполеонъ ни слова не говорилъ съ нимъ о политикъ Князь Паскевичъ сказываетъ, что, произведя убійство и смятеніе бомбами, злоумышленники намърены были предать городъ грабежу и расхищенію. Люди, замышляющіе подобныя дъла, разсъяны по всему лицу Франціи, и число ихъ простирается до 60.000 человъкъ. Оказывается, что, уже прежде покушенія на жизнь императора, ръшено было принять мъры противъ соціалистовъ, за дъйствіями которыхъ правительство постоянно слъдило.

8 Февраля. Кокоревъ въ напечатанной рѣчи, гдѣ видевъ прекрасный порывъ души благородной и высокой, открылъ обстоятельство, обратившее на себя вниманіе правительства: по словамъ его, чистая прибыль откупщиковъ простирается въ годъ до 20.000.000 рубл. сер., столько же вѣроятно расходится по управленію откупа, а откупная сумма вся полагается отъ 80 до 100 милліоновъ р. с. В. К. Константинъ Николаевичъ имѣлъ свиданіе съ графомъ А. Д. Гурьевымъ, у котораго распрашивалъ подробности о старой откупной системѣ, потомъ перешедъ къ нынѣшней и, наконецъ, пожелалъ узнать слабую сторону и недостатки послѣдней. Графъ Гурьевъ убѣдилъ Великаго Князя въ необходимости ее замѣнить чѣмъ-пибудь болѣе полезнымъ для государства.

9 Февраля. С. В. Шереметевъ, губернскій предводитель Нижегородскаго дворянства, представлялся Государю. Когда ръчь зашла объ усадьбахъ крестьянскихъ, которыя должны пріобрътаться поселянами посредствомъ выкупа съ тъмъ, чтобы принадлежать въчно пріобрътателямъ, Шереметевъ позволилъ себъ замътить, что въ столицахъ и пъ другихъ городахъ домовладъльцы, не взирая на то, что дома составляютъ ихъ неотъемлемую собственность, платить ежегодно поземельныя деньги городу, такъ что нъкоторымъ образомъ земля продолжаетъ считаться городскою. Это замъчаніе, важное, произвело впечатлъніе на Государя.

11 Феврали. У Государя быль небольшой объдь. Присутствовали между прочимъ министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, оберъ-нолицеймейстеръ гр. Шуваловъ, Авр. Карл. Карамзина и братъ. Ръчь шла объ устройствъ полиціи въ Парижъ и о всъхъ предосторожностяхъ для сохраненія жизни Наполеона. Въ подтвержденіе сего Императоръ разсказалъ, что въ послъднее пребываніе его въ Штутгардтъ былъ вечеръ на виллъ у В. К. Ольги Николаевны, который ему надо было оставить, чтобы ъхать навстръчу къ Императрицъ, при-

бывшей изъ Дармштадта. Съ желъзной дороги Государь приказалъ ъхать чрезъ паркъ и сады, желая показать ихъ Императрицъ, и немало удивился, увидя вездъ пикеты Французскіе. «Да, прибавилъ онъ, нарочно были привезены Французскія войска для охраненія особы Наполеона. Теперь положеніе его очень трудно».

12 Февраля. За темъ же объдомъ Государь разсказываль, что въ то время, когда онъ кушаль чай, ожидаль его товарищь министра государственныхъ имуществъ. Вспомня объ этомъ, Императоръ приказалъ служителю попросить Зеленаго. Черезъ нъсколько времени приносять чашку чаю, и на вопросъ что принесли? отвъчають, зеленаго чаю. Государь, не употребляющій никогда зеленаго чаю, усміхнулся и приказаль позвать г.на Зеленаго. — Въ тотъ же день собрадся небольшой кружовъ у Великой Княгини Маріи Пиколаевны: А. К. Карамзина, князья Горчаковъ и Долгоруковъ и братъ. Великая Княгиня принимаетъ любезно, прося, чтобы у нея вели себя какъ у Маріи Николаевны, а не какъ у Великой Княгини, и предлагая присутствующимъ цигаретки изъ особеннаго табаку. Разговоръ шелъ о необходимости уничтожить Коммиссію Прошеній, какъ мъсто излишнее, которое растягиваетъ процессы, лишаетъ Сенатъ его силы и обременяетъ Государственный Совъть множествомъ дълъ, которыя должны бы копчаться въ Сенатъ. Говорено было также о прівхавшемъ сюда изъ Парижа Coston, отгадывающемъ мысли, называя карты, о которыхъ подумаешь. Въ немъ ясновидение очень развито, и иногда делаемыя имъ усилія такъ дъйствуєть на нервы, что онь весь трясется. Государь сказаль оберь-полицеймейстеру, что Coston принималь часто участіе въ дълахъ политическихъ и что за нимъ нуженъ бдительный надзоръ. Разговоръ перешель въ вертящимся столамъ. Разсказы брата произвели на всъхъ впечатлъніе: Великая Княгияя дрожала, а князь Долгоруковъ говорилъ, что, возвратясь домой, онъ, хомъ оставался одинъ въ полуосвъщенной комнать. Кто-то замътилъ, что со времени круженія столовъ много произошло тяжелаго: война, Парижскій трактать, гибель парохода «Лефорть» и пр. Князь Долгоруковь говориль, что императорь Николай заставляль его, князя Орлова и А. Адлерберга кружить столы, которые двигались по слову Государя.

14 Февраля. Пришло взвъстіе о кончинъ графа В. Д. Олсуфьева, сего умнаго, добраго и истинно Русскаго человъка. Горячо любя свое отечество, онъ держался старинной простоты въ жизни, избъгалъ утонченностей новъйшаго комфорта и роскоши, но притомъ любилъ изобиліе за столомъ своимъ, за которымъ сидълъ какъ патріархъ, окруженный многочисленными семействами, живущими въ домъ, и часто нъсколькими прінтелями. Все западное противно было его чистому, род-

ному, патріотическому чувству. Онъ всегда готовъ быль на доброе дівло, питаль особенную признательность къ своимъ воспитателямь, любиль переноситься мыслію къ годамъ своей юности и вспоминать членовъ и родственниковъ своего семейства, гді протекли младенческіе и отроческіе дни его. Обращеніе его отличалось особеннымъ радушіемъ, и присутствіе его при Дворі принесло много пользы. Царствующая Императрица, получивъ извістіе о кончині Олсуфьева, была тронута, пошла въ церковь и приказала отслужить по немъ панихиду.

15 Феврали. Кокоревъ вздумаль дать объдъ въ залъ Большаго театра. Въ углубленіи залы наміревались поставить бюсть Государя съ различными украшеніями и особеннымъ вокругъ него великольпіемъ. Бенуары и хоры перваго яруса назначались дамамъ. Предполагались тосты за Государя и дворянство, радующееся освобожденію крестьянъ. Во время каждаго тоста по ложамъ слуги должны были носить Шампанское и десерть. На хорахъ втораго и прочаго ярусовъ думали помъстить воспитанниковъ Кадетскаго корпуса. Объдъ не обошелся бы безъ ръчей. Подобныя изъявленія и манифестаціи вовсе не нужны для прочнаго устройства и довершенія задуманнаго дела, а могли бы только, дамскою готовностью воспламеняться и живостью молодежи, произвести безпорядки. Посему отміненіе сего об'яда можно считать распоряжениемъ благоразумнымъ. Кокоревъ есть орудие Московскихъ литераторовъ и ученыхъ, которые лестью могуть употреблять его средства для достиженія своихъ цілей. Теперь общество можно раздълить на людей: 1) отсталыхъ, отвергающихъ освобождение крестьянъ, 2) благоразумныхъ, желающихъ исполненія міры, даже при нъкоторыхъ пожертвованіяхъ, только въ смысль пользю крестьянъ, 3) ажитаторовъ, не довольствующихся мирнымъ разръщеніемъ настоящаго вопроса и желающихъ правъ политической трибуны, отвътственныхъ министровъ, свободы печатанія и пр.

16 Феврала. Князь С. М. Воронцовъ, только что прівхавшій изъ Парижа, за столомъ у Государя, разсказываль, что онъ присутствоваль при опытахъ извъстнаго Юма въ Тюльерійскомъ дворцъ у императора Наполеона. Сидъли около круглаго стола, на которомъ вдругъ показалась женская рука. Княгиня Воронцова содрогнулась. Юмъ старался ободрить ее. Между тъмъ рука, дотолъ двигавшаяся по столу, остановилась противъ нея. Юмъ просилъ княгиню надъть на палецъ кольцо съ назначеніемъ, кому надлежало вручить оное. Рука двинулась, и какъ кольцо велъно было подать князю Воронцову, она остановилась противъ него и исполнила данное ей порученіе. Вотъ между тъмъ опыть, сдъланный здъсь Соятов. Онъ пишетъ нъсколько словъ, даетъ вамъ написанное въ руку; вы не знаете что написано, а вол-

шебникъ вамъ говоритъ: Теперь посмотрю, какъ вы напишите чтонибудь другое, а не то что въ запискъ! Дъйствительно написанное было слово въ слово тоже.

Великая Княгиня Ольга Өедоровна, прівхавъ изъ Зимняго дворца, разсказывала, что нашла царствующую Императрицу, съ красными распухшими глазами. «Я потеряла, сказала Государыня, говоря про графа Олсуфьева, истиннаго друга; а нельзя довольно оцінять, милая Ольга, преданность и привязанность людей, доказавшихъ намъ всегда на опытъ свою приверженность. Эга потеря всегда была бы мнъ чувствительна, но въ настоящихъ обстоятельствахъ она меня глубоко огорчаетъ». И Государыня опять заплакала.

17 Февраля. Князь Щербатовъ, въ рукописи о повреждении нравовъ въ Россіи, разсказываетъ, что государь Петръ І-й любилъ одного Русскаго морскаго офицера за его знанія. Былъ въ Кронштадтъ объдъ, за которымъ морякъ подпилъ и, начавъ хвалить Царя, заключилъ похвалу такъ: «Но ты, Государь, входишь въ лъта; что будетъ съ Россіею, когда тебя не станетъ, и на кого ты насъ оставишь?»—«У меня есть наслъдникъ», возразилъ Императоръ. «Охъ, въдь глупъ, все разстронгъ». Петръ, помолчавъ нъсколько, усмъхнулся и, легко ударивъ моряка по головъ, сказаль: «Дуракъ, о такихъ вещахъ въ бесъдъ не говорять».

У Карамзиной вечеромъ былъ Coston. Замъчательнъе другихъ быль следующій опыть. Онь просиль, чтобы написали ему какіе-нибудь историческіе годы, отличенные особенно памятными событіями. Фокуснику закрыли глаза клопчатой бумагой, потомъ на каждый глазъ положили платокъ и затемъ повязали глаза тремя повязками. Коснувшись одной записки, онъ сталъ повъствовать рядъ историческихъ событій, въ заключеніе коихъ сказаль годъ. Такъ поступиль онъ и съ прочими двумя записками. Когда у волшебника спросили, какія средства нужны для его мастерства, онъ сказалъ: «ловкость, математическія исчисленія (онъ ученикъ Политехнической Школы) и конечно нъкоторая начитанность. Про Юма Coston отозвался такъ. Когда соберутся въ Юму, онъ обращается въ присутствующимъ съ следующими словами: «Прошу тъхъ, которые чувствують себя расположенными мев вврить остаться, а остальныхъ-удалиться. Тогда въ залв, дотолъ ярко освъщенной, тушатся огни, и царствуетъ полусумракъ или даже мракъ, среди котораго Юмъ заставляеть столы ходить, руки отдъльно отъ туловища появляться и дъйствовать, и совершаеть свои чудеса. Какъ все это дъдается, зрители не имъютъ возможности видъть.

18 Февраля. Извъстно, что графъ П. Д. Киселевъ, нынъ посолъ въ Парижъ, нъкогда служилъ начальникомъ штаба 2-й арміи, гдъ

было тайное общество. По обязанности, лежавшей тогда на немъ, онъ долженъ быль знать все, что происходило во 2-й арміи. Неизвъстно, имълъ ли онъ понятіе о заговоръ, но извъстно только, что тъсная дружба соединяла его съ Бурцовымъ, Пестелемъ и другими заговорщиками. Изъ сего общества онъ вынесъ непомерное свободомысліе. Будучи человъкомъ умнымъ, но не получившимъ правильнаго образованія, гр. Киселевъ нахваталь, гдв ни попало, и въ книгахъ, и въ разговорахъ, либеральныхъ мыслей и сохранилъ ихъ доселъ. Какъ многіе другіе, онъ помышляль объ освобожденій крестьянь и для того отправиль трехъ чиновниковъ, Жеребцова, Арапстова и Заблоцкаго, съ порученіемъ вздить по Россіи и собирать сведенія о здоупотребленіяхъ помінцичьею властью. Такимъ образомъ эти благородныя лица часто пользовались предлагаемымъ имъ гостепріимствомъ, чтобы потомъ писать извъты на угощавшихъ ихъ простодушно помъщиковъ. Лазутчики привезли цълую кипу обвиненій своему начальнику. Графъ, не зная важности права собственности, какъ главнаго основанія всякаго общества, поспъшиль составить проектъ освобожденія, по которому усадьбы отдавались бездележно крестьянамъ, и имъ также предоставлялись и двъ трети помъщичьихъ земель; о лъсъ сказано было, что за каждое поваленное дерево помъщикъ обязывался дать крестьянину такихъ два дерева. Прочитавъ выписки изъ книги обвиненій, собранныхъ агентами гр. Киселева, покойный Государь хотыль тотчасъ подписать проектъ. Министръ самъ испугался такой поспъшности и предложиль составить комитеть для разсмотрвнія проекта. Проекть не быль одобрень. Дъятельнъйшимъ членомъ комитета быль князь А. С. Меншиковъ, которому принадлежить честь отверженія міры, бывшей явнымъ посягательствомъ на право собственности, лишавшей одно сословіе его достоянія въ пользу другаго и долженствовавшей разстроить и совершенно уронить хатбопашество въ Россіи. Нынт вопросъ о пріобрітеніи крестьяниномъ усадьбы встрічаеть сопротивленіе; нътъ сомнънія, что проектъ Киселева, обращенный въ узаконеніе, произвель бы общій вопль и возстаніе. Проекть принадлежить редакціи Каривева, человъка умнаго и хорошо пишущаго, но безъ убъжденій и готоваго писать за возмездіе что угодно.

19 Феораля. Часто насъ смущаетъ, что другіе не такъ поступають, какъ должно. Наше положеніе измѣняется: мы чувствуемъ неудовольствіе, нетерпѣніе, волненіе и даже нѣкоторую раздражительность. Не производимъ ли мы нерѣдко сами того же дѣйствія на другихъ? Не видимъ, чтобы на насъ за то сѣтовали и пегодовали. Иногда есть попытки истиниаго участія насъ уговорить или расположить къ тому, чего не дѣлаемъ, но ни волненія, ни досады не замѣчаемъ. Итакъ, кто такъ поступаеть, можемъ сказать, благоразумнъе насъ, и будемъ слъдовать его примъру. Наше сътованіе не поможеть дълу, а можеть только привести въ неудовольствіе другаго, а насъ лишаеть мира, необходимаго для нашего спасенія. При томъ то, что намъ кажется вреднымъ или опаснымъ, можетъ происходить отъ недостатка спокойствія, ненормальнаго состоянія нервовъ и нъкоторой робости, слъдствія превратностей и скорбей жизни. Скажемъ наше мнѣніе, стараясь его представить по возможности убъдительно и сопровождая оное внутренно молитвою, чтобы оно было принято, если можетъ принести пользу, отвергнуто въ противномъ случат; а остальное предоставимъ Богу, Который Одинъ знаетъ, что каждому изъ насъ точно нужно. Въ минуты безпокойства душевнаго, обращеніе къ Господу, при подобныхъ размышленіяхъ, снова водворяеть въ насъ миръ и ясность. Увлекаясь слишкомъ нашими тревогами, мы явно жертвуемъ въчнымъ временному и небеснымъ земному. Не безумно ли это?

20 Феораля. Передъ тъмъ, какъ идти на Парижъ, у императора Александра Павловича собирался ежедневно совъть, гдъ разсуждали, направлять ли арміи на столицу Франціи? Князь Шварценбергъ ръшительно возставаль противъ этой мъры и въ послъднее засъданіе объявиль, что на другой день съ разсвътомъ выступить съ своими войсками по иному направленію. Дъйствительно онъ это исполниль. Между тъмъ послъ сего выступленія черезъ нъсколько часовъ явился гонецъ съ аванпостовъ съ увъдомленіемъ, что графа Нессельроде ожидаетъ тамъ ипостранецъ съ письмомъ. Графъ принесъ къ Государю письменное увъдомленіе и просилъ разръшенія. Императоръ приказалъ тахать и лишь только министръ иностранныхъ дълъ прітхаль на аванпосты, ему была вручена записка слъдующаго содержанія: «Pourquoi perdez-vous votre temps? Marchez sans délai sur Paris; vous у trouverez les portes ouvertes. Talleyrand» "). Записка по сіе время хранится у графа Нессельроде, нынъ государственнаго канцлера.

21 Февраля. Съ лътами проходять разные вкусы, ръдъетъ кругъ пріятелей, друзей и сверстниковъ, не чувствуешь въ себъ отголоска новыхъ мыслей и, наконецъ, живешь старымъ міромъ въ новомъ міръ. Сіи явленія, сопровождающія вторую половину нашей жизни, уменьшають болье и болье привязанность нашу къ земному, показываютъ ничтожество того что нъкогда мы цънили, и обращаютъ наши мысли къ небесному. Близкіе сердцу, когда Провидънію угодно ихъ намъ сохранить, связываютъ насъ съ жизнію, застанляютъ любить ее и обра-

^{*)} За чъмъ вы теряете время? Ступайте не медля въ Парижъ; ворота его вамъ открыты, Талейранъ.

зують главное звено, которое насъ съ нею соединяеть. Съ каждымъ днемъ звено становится тонъе; горестно дожить до того времени, когда оно распадется. Тогда наше бъдное сердце, ноя и тоскуя на землъ, будетъ проситься на небо, куда впрочемъ каждая скорбная утрата его все болъе и болъе направляетъ. Это стремленіе къ небу обнаруживается въ охлажденіи къ жизни, въ предпочтеніи уединенія, въ размышленіи частомъ объ иномъ міръ, и въ самой молитвъ, которая чаще влагается въ сердце и уста.

22 Февраля. Одинъ врачъ посвијалъ больную, которая по бъдности занимала сырой уголъ; у нея была рана на ногъ, и врачъ, человъкъ добрый и благочестивый, сказалъ ей однажды, что рана ея не
закрывается отъ нездороваго жилья. Спустя нъсколько дней, онъ опять
отправился къ паціенткъ; по ему объявили, что она переъхала. Медикъ спросилъ, куда; и пустился искать ее. Онъ нашелъ больную въ
сухой, удобной и покойной компатъ. Она разсказала ему, что барыня
ея, узнавъ о ея болъзни и о причинъ невыздоровленія, перевезла ее
къ себъ въ домъ и приказала приставленной для ухода за нею служанкъ покоить ее. Между тъмъ вошла старушка; черты ея выражали
доброту, взоръ былъ ясный, и она съ участіемъ спросила у доктора
о положеніи больной. Врачъ продолжалъ видъться со старушкою у
своей паціентки и все болье оцъняль ея добродътель и благочестіе.

23 Феврали. Между тъмъ со времени перемъщенія бользиь примътно уступала медицинскимъ средствамъ и черезъ двъ недъли совершенно прошла. Тогда благодътельная старушка, полюбившая доктора за доброту его, просила его не прекращать своихъ посъщеній и только вмисто служанки прібажать къ ней. Однажды врачь заговориль о своемъ семействъ и о дочери, которую выдавалъ замужъ. Старушка изъявила при семъ случав желаніе, что нибудь сдвлать для него пріятное, вышла въ другую комнату и выгесла оттуда билеть въ 2000 р., который просила его употребить на приданое дочери. Въ другой разъ докторъ нашелъ у старушки мальчика, котораго она ръдко отъ себя отпускала. Онъ спросилъ у нея о немъ. «Вдова моего кучера, которая недавно кончила жизнь, отвъчала старушка, просила меня передъ смертью не покидать бедняжки. Жаль его; сирота онъ круглый, и я желала поговорить съ вами, куда его отдать въ ученіе. Подумайте объ этомъ и при первомъ свиданіи сообщите мив ваши мысли по сему предмету ..

24 Февраля. При слъдующемъ посъщени докторъ предложиль доброй старушкъ помъстить мальчика въ фельдшерскую школу. Тамъ въ немъ открылись способности, и опъ пачалъ оказывать замъчательные успъхи. Не желая ограничить образование его слишкомъ тъснымъ

кругомъ, онъ нашелъ полезнымъ, съ согласія покровительницы воспитанника, перевести его въ гимназію, гдв онъ скоро сталъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, и въ послёдствіи первымъ. Между твмъ добрая старушка, иногда деньгами, иногда билетами, передавала врачу довольно значительныя суммы съ твмъ, чтобы составить капиталъ ко времени окончанія воспитанникомъ курса въ Университетъ, откуда онъ вышелъ кандидатомъ и нынъ служитъ полезнымъ чиновникомъ въ министерствъ. Молодой человъкъ отличенъ начальствомъ, любимъ товарищами и уважаемъ всъми, кто только до него имъетъ дъло. Старушка Лопухина, уже нъсколько лътъ кончившая жизнь, принадлежитъ къ тъмъ утъщительнымъ явленіямъ, которыя приносятъ честь человъчеству и, исполняя потребность сердца, горящаго святою любовью къ ближнему, посланы на землю въ отраду несчастнымъ.

25 Февраля. Кто-то замътилъ справедливо: что Оконель нъкогда дълалъ въ Ирландіи, то правительство дълаеть въ Россіи. Хорошо, если настоящее брожение въ крестьянахъ не произведстъ ничего къ веснъ. Самые поборники эмансипаціи не скрывають своихъ опасеній. — Прівхавшіе изъ Парижа сказывають, что положеніе тамъ очень трудное; послъднія міры произвели общее неудовольствіе; къ тому же рвшевіе Нижняго Пардамента, принудившее Пальмерстона къ отставкъ, оскорбило чувство народное во Франціи. Некоторые изъ живущихъ тамъ иностранцевъ отправили въ Италію и другія земли свои семейства, опасаясь безпорядковъ. Наполеонъ боится Англіи, но государственные люди Великобританіи не заботятся о Франціи. «Мы не знаемъ Россіи, говорилъ недавно одному Русскому, посътившему Лоидонъ, дордъ Гренвиль (бывшій на коронація), но знасиъ только, что соединенныя усилія четырехъ державъ, посль непомърныхъ пожертвованій людьми и деньгами, кончились взятіемъ половины Русскаго города».

26 Февраля. Сегодня сестры увхали въ Москву. Чёмъ долве живу, тёмъ становится труднее разставаться. Уже два дни камень лежаль у меня на сердце; но когда настала минута разлуки, сердце такъ сжалось, что едва могъ удержать слезы. Всё мы въ лётахъ; потомъ воспоминаніе недавней утраты невольно наводить на грустныя мысли. По возвращеніи съ железной дороги тоже чувство возобновлялось каждый разъ, когда я входилъ въ опустёлыя комнаты, только что покинутыя милыми ихъ обитательницами. Впрочемъ, полно предаваться подобнымъ впечатлёніямъ. Друзей своихъ слёдуетъ поручить милосердному Господу и возблагодарить благость Его, что благословилъ насъ пожить вмёств. Въ сердечныхъ изліяніяхъ семейнаго кружка душа

наша, очищаясь, освящается духовнымъ насгроеніемъ, къ которому болъе расположены женщины и особенно сестры.

27 Февраля. Читаль записку, составленную Воейковымь *) о смерти императора Павла. Сочинитель, служившій въ конной гвардіи, разсказываеть печальное происшествіе, какъ мы его знаємь. Первую мысль онъ приписываеть не графу Палену, а графу Панину. Потомъ говорить, что любимцы Екатерины, упоенные властію, обращались съ наслѣдникомъ непочтительно и дерзко. Такъ однажды за обѣдомъ, онъ сидѣлъ между императрицею и П. А. Зубовымъ. Всѣ сообщали свои мнѣнія о какомъ то важномъ предметѣ, одинъ Павелъ хранилъ молчаніе. «А какое мнѣніе В. И. Высочества?» спросила Императрица.— «Тоже самое, что и князя Платона Александровича».— «Знать, я сказалъ большую глупость», подхватилъ князь Зубовъ.

28 Февраля. Замѣчателенъ разсказъ генерала Бенигсена II. С. Кайсарову; онъ составляеть отдѣльную статью отъ повѣствованія о кончинѣ Павла. Бенигсенъ служилъ на Кавказѣ и просился въ отпускъ въ С.-Петербургъ; ему было отказано. Между тѣмъ онъ получилъ письмо отъ гр. Палена, который предлагалъ ему пріѣхать тайно, для чего прислалъ видъ и подорожную. Бенигсенъ пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣлу, которое у него производилось въ Сенатѣ, и никуда не ходилъ, исключая оберъ-секретаря и секретаря, имѣвшихъ его тяжбу въ рукахъ. Однажды онъ сидѣлъ покойно въ своей квартирѣ, въ одной изъ отдаленныхъ частей города, когда посѣтилъ его кн. П. А. Зубовъ. Посѣтитель уговорилъ хозяина ѣхать провести вечеръ съ пріятелями. Бенигсенъ сначала не соглашался, потомъ рѣшился. Они пріѣхали въ домъ, гдѣ нашли довольно многочисленное общество. Ихъ привѣтствовали Шампанскимъ, но въ собраніи было что-то таинственное: многіе шептались между собою, а другіе казались озабоченными.

2 Марта. Теперь мысли объ освобожденій крестьянъ начинають проясняться. Діло начато, отложить его или отмінить уже невозможно. Надобно стараться разрішить задачу, сколько зависить отъ заинтересованных людей, удовлетворительно для обінхъ сторонъ; но пожертвованія должны скоріве нести поміщики, нежели крестьяне. Поселянину, при ограниченности его средствъ, нерідко едва достаточныхъ для прокормленія себя и семьи, всякое лишеніе чувствительно и тяжело; а поміщику, при ніжоторой убыли въ доході, придется только отказать себі въ излишествахъ и прихотяхъ, питающихъ тщеславіе и удовлетворяющихъ неправильнымъ требованіямъ новійшей роскоши со всіми ея ухищреніями.

^{*)} Извъстнымъ издателемъ "Русскъго Инвалида", Александромъ Өедоровичемъ. П. Б. 111. 13

З Марта. Вездъ обнаруживается сопротивление со стороны дворянства. Никто не хочеть дълать пожертвований, и всъ держатся за усадьбы и поля. Въ Полтавской губернии предводитель дворянства пользовался совершенно довъриемъ дворянъ, нынъ же вовсе его утратилъ; неремъна эта произошла послъ издания рескриптовъ и циркуляровъ. Въ Москвъ дворянство цънитъ усадьбу въ 600 р. с., и выборъ членовъ въ Московский комитетъ самый несчастный. Одинъ изъ нихъ, извъстный жестокимъ обращениемъ съ крестъянами, былъ подъ слъдствиемъ. Жаль, что дворянство ставитъ себя въ неблагоприятный видъ и не понимаетъ, что, дъйствуя умъренно и благоразумно, оно положило бы основание устройству быта крестъянскаго на началахъ болъе для себя выгодныхъ. Если же оно вынудитъ правительство дъйствовать за себя, то тогда дъло приметъ иной оборотъ.

4 Марта. Сказывають, что покойный Прёдерь, нашь министрь при Саксонскомъ дворь, заказаль объдь на четырехъ человъкъ, предваря, что у него будеть за столомъ гофмаршаль Саксонскаго короля. Пришло время объдать, и Прёдерь съль одинь за столь. Онъ сталъ живо говорить; тогда дворецкій осмълился замѣтить своему господину, что за столомъ, кромѣ его, никого не было. А гдѣ же гофмаршаль? спросиль хозяинъ. Онъ по нездоровью не пришель, быль отвъть. Пошлите за нимъ. Посланный встрѣтилъ человъка гофмаршала, которому передаль порученіе, и узналь оть него, что у Саксонскаго царедворца происходить тоже самое: хозяинъ сидить одинъ за столомъ, приготовленнымъ для четырехъ и недоволенъ, что не пришелъ г. Прёдеръ, за которымъ и послалъ. Скоро потомъ и Прёдеръ, и гофмаршалъ умерли въ одно время. У Прёдера въ послъднее время замѣчали нъкоторое мозговое разстройство. Онъ оставилъ духовное завъщаніе, начинающееся словами: «Si jamais je viens à mourir» 1) и пр.

6 Марта. Вотъ что говорить намъстникъ Царства Польскаго князъ Горчаковъ о князъ Меншиковъ: «Съ молоду мы были товарищами. Меншиковъ былъ красивъ. Я всегда любилъ заниматься и, видя меня окруженнаго книгами, онъ часто мнъ говаривалъ: «Стоуех moi que vous faites fausse route; cela n'est pas le savoir, c'est le savoir faire qui nous ouvre et facilite la carrière» 2). Въ другой разъ мнъ случилось читать очень серьезную книгу. Увидя ее, онъ сталъ просить дать ему хотя на одинъ день. «Сочиненіе глубокое, возразилъ я», продолжаетъ кн. Горчаковъ, «зачъмъ оно тебъ на одинъ день?»—«Je suis

¹⁾ Если когда пибудь я умру.

²⁾ Повъръте мит, что вы не на втриомъ пути; чтобы отврыть себт положение и облегчить его, потребно не знание, а умънье.

demain de service, et cela sera d'un bon effet qu'on voye ce livre sur ma table» *). Онъ отличался всегда острыми словами и такимъ образомъ безъ всякихъ положительныхъ качествъ, посредствомъ своего savoir faire и остротъ, вышелъ въ люди.

7 Марта. «Онъ писать ко мит изъ Севастополя, чтобы я прислаль ему проекть защиты этого мъста», продолжаеть князь Горчаковъ. «Инженернымъ дъломъ и фортификаціею я много занимался и знаю ихъ даже тверже, чтм артиллерію, которая всегда была моею частію. Онъ браль мой проекть, благодариль за него и ничего не сдълаль. На вопросъ: почему? онъ отвталь, что у него не было инструментовъ для производства земляныхъ и другихъ работь, а между тъмъ нужные инструменты не трудно было достать, и много, если бы они стоили 10.000 р. с.».

8 Марта. Въ Дибичъ князъ Горчаковъ не признаетъ никакихъ способностей полководца, а о Паскевичъ отзывается, какъ о способномъ военачальникъ. Во время Польской кампаніи армія оставалась безъ продовольствія. Онъ довель до того наши дъла въ Царствъ, что покойный Императоръ, робкій при неудачахъ и надменный въ счастіи, писалъ къ главнокомандующему объ употребленіи всевозможныхъ усилій къ заключенію мира даже при уступкахъ, какія онъ заблагоразсудитъ сдълать.

9 Марта. Князь А. М. Горчаковъ утверждаль, что надобно было продолжать войну. Противъ этого сильно возсталь намъстникъ. «Если бы, говориль онъ, мы продолжали борьбу, мы лишились бы Финляндіи, Остзейскихъ губерній, Царства Польскаго, Западныхъ губерній, Кав-каза, Грузіи, и ограничились бы тёмъ, что нёкогда называлась великимъ княжествомъ Московскимъ. Наполеонъ кончилъ свое поприще, потому что хотёлъ бороться со всею соединенною противъ него Европою. Нётъ державы, которая могла бы вести войну безъ союзниковъ противъ общаго на нее возстанія. Заключеніе мира было неизбёжно».

10 Марта. Въ порывъ откровенности намъстникъ сказалъ про покойнаго фельдмаршала Паскевича... Имъ было принято непремънное ръшеніе покинуть Польшу и отступать во внутреннія губерніи. Доказательствомъ служать уже произведенная раздача путевыхъ денегъ лицамъ, составлявшимъ его штабъ, и складъ 40 тысячъ четвертей овса, еще понынъ лежащихъ на томъ пунктъ, куда онъ намъревался направить свое отступательное движеніе. Фельдмаршалъ говорилъ, напр., о необходимости немедленно идти на Въну, а между тъмъ въ кабинетъ,

Завтра я на службъ, и если увидять эту вингу у меня на столъ, это произведеть хорошее впечативніе.

когда надлежало приступить къ чему-нибудь важному на дълъ, онъ являлся робкимъ и страшился мысли завязать бой съ Европейской арміею.

11 Марта. Князь А. М. Горчаковъ получилъ небольшое письмо изъ Парижа, запечатанное черною печатью. Въ немъ непонятны слова: Страмитовъ, туммпъ, и въ родъ такомъ нъсколько строкъ; потомъ идутъ цифры. Записка подписана: Vitre Sybille. Сибилла означила свой адресъ: Rue St. Honoré N. Думаютъ послать письмо въ Парижъ и тамъ стараться развъдать что-нибудь о тапиственной Сибиллъ и ея іероглифахъ.

13 Марта. Намъстникъ Царства Польскаго говорить: «Къ стыду моему и долженъ признаться, что всегда полагалъ Севастополь укръпленнымъ. Что же и тамъ нашелъ? Пъсковько парапетовъ со стороны мори и ничего съ противной стороны. Еслиоъ князъ Мешпиковъ, имъвшій на то времи, укръпилъ Севастополь, какъ слъдовало, то Севастополь существовалъ бы, и нашъ флотъ Черноморскій не былъ бы уничтоженъ. Боске очень легко могъ бы занять городъ; впрочемъ, не онъ одинъ, и другіе имъли возможность сдълать тоже. Севастополь стоилъ годовой борьбы, потери союзникамъ 200 т. человъкъ и 2 или 3 миліарда. Нашихъ тоже легло 200 т. человъкъ».

14 Марта. Мнѣ сказывали, что по дѣлу Петрашевскаго, служившаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, видно, что онъ имѣлъ по всѣмъ вѣдомствамъ и на всѣхъ пунктахъ Россіи агентовъ, которые обязаны были дѣйствовать въ духѣ соціализма. Особенное вниманіе онъ обращалъ на воспитаніе, и учители учебныхъ заведеній принимали отъ него направленіе и приносили ему сочиненія, писанныя воспитанниками согласно съ его видами. Такъ однажды сообщено было сочиненіе о Св. Александрѣ Невскомъ, гдѣ святой представленъ былъ рабомъ хановъ и употреблявшимъ часто неблаговидныя средства для достиженія своихъ цѣлей. Ревность преподавателя доставила ему въ награду перемѣщеніе въ другое заведеніе, на болѣе видное мѣсто, при значительнѣйшемъ окладѣ. Переписка была обширная, и письма перелавались агентами.

15 Марта. Въ обществъ Петрашевскаго принималъ участіе Кокоревъ, бывшій тогда Казанскимъ откупщикомъ и игравшій въ послъднее время въ Москвъ нъкоторую роль. Учредитель общества его вавлекъ, считая на его умъ, особенно на его богатство. Впрочемъ откупщикъ не потерпълъ. Въ дълъ сказано, что хотя онъ человъкъ умный, но не образованный, такъ что онъ не отвъчалъ дъятельностью своею видамъ и ожиданіямъ общества. Безъ сомнънія Кокоревъ пострадалъ бы подобно другимъ; его выручили деньги. Въ разговоръ его видна смътливость Русскаго ума, и сужденія его основательны и здравы, котя ръзки и отличаются тономъ отчасти диктаторскимъ. Намъреніе устроить въ Московскомъ театръ митингъ и поить тамъ Шампанскимъ молодежь Университета и другихъ учебныхъ заведеній нельзя одобрить.

16 Марта. Норовъ явился съ докладомъ къ Государю. Въ портфедъ его были представленія по случаю свътлаго праздника. Императоръ не утвердилъ ни одного и сказалъ министру, что очень недоволенъ духомъ университетовъ и цензурою. Министръ, видя, что лишился довъренности Государя, просилъ увольненія. Императоръ сказалъ: «Да, нужна перемъна. Теперь поди сюда, обними меня, обними кръпче; мы все-таки остаемся друзьями». Между тъмъ изъ Москвы вызвали по телеграфу понечителя тамошняго университета сенатора Ковалевскаго. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, Императоръ спросилъ у него: «Знаете ли, для чего я васъ вызваль?» — «Не знаю, Государь», отвъчалъ онъ. «Я предлагаю вамъ Министерство Народнаго Просвъщенія». — «Ваше Величество, я никогда не готовиль себя ни къ мъсту попечителя, ни къ должности министра просвъщенія. Долженъ даже признаться, что назначение въ попечители последовало вопреки моему желанію. При томъ я не им'ю связей и веду жизнь уединенную ,-«Воть ваши связи», сказаль Государь, протянувъ ему руку. Онъ такъ добръ, обстоятельства такъ трудны, людей такъ мало, что ръдко придеть кому въ голову отказомъ отвъчать на подобное предложение. Вообще выборъ Каналевскаго заслужилъ общее одобреніе: онъ человъкъ умный, добрый, благородный и замічательный администраторъ.

18 Марта. Вотъ какъ последовало назначение Княжевича. Призвавъ его, Государь просилъ принять Министерство Финансовъ. «Ваше Величество, сказалъ Княжевичъ, я устарълъ; не думаю, чтобъ мои силы отвъчали такому труду, тъмъ болье, что война, и другія причины привели финансы въ разстроенное положение». (Брокъ просиль соизволенія Государя составить отчеть за последній годь своего управленія; Императоръ промодчаль). На слова Княжевича отвіть: «Если вы не примите министерства, вы меня поставите въ затруднительное положение и огорчите». Княжевичъ получиль образование въ Казанскомъ университетъ, гдъ слылъ хорошимъ математикомъ и даже иногда, въ случав бользни или отсутствія, замещаль самаго профессора. Въ молодости онъ и Н. И. Тургеневъ прилагали особенное стараніе къ изученію политической экономіи и финансовъ. Въ совъщательныхъ собраніяхъ Княжевичъ не отличается даромъ слова и твердостью въ отстаиваніи ввъренныхъ ему интересовъ. Можетъ быть, доброта обезоруживаеть его въ присутствіи денежныхъ просьбъ.

19 Марта. Въ Лейпцигъ изданъ «Русскій Сборникъ», гдъ помъщено письмо академика Погодина къ наставнику Великихъ Князей Титову, заключающее въ себъ мысли о воспитаніи нашихъ царей. По мнѣнію автора письма, начиная съ Петра Великаго, всъ государи наши получали плэхое воспитаніе, исключая Александра І-го. Далъе онъ излагаеть свое мнѣніе о томъ, какъ слъдуетъ готовить Наслъдника престола и какъ исправлять его недостатки. Видно, что эти недостатки были ему указаны, а между тъмъ имъ слъдовало оставаться тайною семейства и воспитателей. Государь нашелъ дъло противнымъ совъсти и показалъ свое неудововольствіе Титову.

20 Марта. Прошлымъ лѣтомъ Титовъ открывался близкимъ ему людямъ, что находитъ непреодолимое затрудненіе во ввѣренномъ ему дѣлѣ, говоря, что военная часть слишкомъ отвлекаетъ вниманіе Наслѣдника отъ предметовъ, коихъ познаніе для него необходимѣе и важнѣе. Мнѣніе Титова не совсѣмъ основательно, и нельзя Наслѣднику престола оставаться чуждымъ арміи, гдѣ бы то ни было, особенно въ Россіи. Безъ сомнѣнія, Лейпцигская публикація имѣла слѣдствісмъ, что Титовъ вынужденъ былъ попытать, нельзя ли ему опять вступить на дипломатическое поприше. Ему сказали, что, послѣ его службы въ этомъ вѣдомствѣ, нѣтъ причины ке опредѣлить его на могущую оттрыться ваканцію, министромъ къ одному изъ второстспенныхъ дворовъ Германіи. Вотъ настоящее положеніе воспитателя Великихъ Князей, а между прочимъ носится слухъ, что 17 Апрѣля имъ занимаемое мѣсто будстъ дано другому. Сперва говорили о князѣ Вяземскомъ; но теперь сомнѣваются, чтобъ онъ былъ назначенъ.

21 Марта. Затрудняются выборомъ товарища министру вароднаго просвъщенія. Государь хотълъ назначить князя Щербатова, Петербургскаго попечителя, но потомъ перемънилъ мысль и нынъ желаетъ опредълить на это мъсто Ив. Серг. Мальцова, уже 35 лътъ служащаго въ Министерствъ Иностранныхъ Дълъ. Мальцовъ, при нъкоторомъ умъ и хорошемъ образованія, не ръшителенъ, мелоченъ, формалистъ и боится всякой отвътственности. Сдъланное ему предложеніе привело его въ трепетъ, и онъ ръшительно не изъявляетъ согласія. Его особенно пугаетъ мысль, что можетъ быть самъ Государь призоветъ его, и тогда отказъ будетъ невозможенъ. Дъло его могло ръшиться уже или не замедлитъ.

22 Марта. Мъсто попечителя Московскаго Университета есть также камень преткновенія. Пересматривали всевозможные списки, и кандидаты, предлагаемые Государемъ и другими, не соединяють нужныхъ условій. Мы, въ нашемъ тихомъ уголкъ, когда представился случай, указали на сенатора Казначеева и на артиллериста Россета. Ну-

женъ человъкъ умпый, образованный и добрый, который при томъ уже показаль на занимаемыхъ имъ мъстахъ благоразумную распорядительность. Первое изъ указанныхъ лицъ отвъчаетъ потребностямъ званія попечителя и своимъ благороднымъ характеромъ снискало себъ общее уваженіе.

- 23 Марта. У заутрени на Пасху быль въ Почтантской церкви, гдв нашелъ Арк. Вас. Кочубел и опять, по прошлогоднему, изъ Москвы прівхавшаго сенатора Казначеева, который сказываль, что въ Москвъ въ началь нъсколько смутились новостью предмета эмансинаціи, но что теперь разсуждають о вопросъ съ большимъ спокойствіемъ. Конечно, интересъ каждаго увлекаеть его далье, нежели слъдуеть; но, убъдившись въ невозможности принять направленіе обратное и въ необходимости, напротивъ, придумать надлежащія мъры къ исполненію видовъ правительства, Москвичи принялись за дъло серьезно и прилагають всевозможное стараніе къ удовлетворительному разрѣшенію вопроса. Добрая воля при милости Божіей его уладить.
- 21 Марта. Американцы говорять, что время—деньги. Върно и точно выражаеть эта мысль нашь въкъ, ставящій выше всего золотаго тельца. Такое униженіе, лишая человъческую природу достоинства, истребляеть къ ней всякіе благородные порывы и повергаеть людей въ бездну безнравственности и зла. Не то было бы съ людьми, еслибъ они говорили, что деньги—спасеніе или гибель, разумъя жизнь загробную.
- 28 Марта—30 Априля. Тревожныя извъстія изъ Москвы о бользии двоюродной сестры, распространившіеся слухи о повомъ назначеніи брата и другія обстоятельства препятствовали мив продолжать мои письменныя отмътки. Вчера мив посчастливилось слушать півніе пъ Исакіевской церкви болье тысячи півнчихъ. Что ни говорять объ этомъ храмъ, а и съ отраднымъ умиленіемъ утішался великольніемъ зданія и согласнымъ півніемъ священныхъ гимновъ, которые лились въ душу. Право, казалось, что они неслись съ неба.

(Продолжение будеть).

ПОЦЦО - ДИ - БОРГО ПРО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Письмо его изъ Парижа въ Москву къ К. Я. Булгакову.

1814.

L'enthousiasme que la prise de Paris, la chute de Napoléon et la fin de la guerre ont produit en Russie, sera toujours inférieur à la grandeur de ces évènements et au mérite de notre incomparable Alexandre. Son peuple ne sait pas tout ce qu'il a fait, et le monde ignore encore les obligations infinies qu'il lui doit.

C'est ma fortune qui m'a ramené auprès de lui, lorsque la guerre est devenue vraiment Européenne. Que l'on se transporte à cette époque, que l'on mesure les difficultés qui s'opposaient à la délivrance générale, et ensuite que l'on calcule la force d'âme qui a été nécessaire pour hasarder cette grande entreprise.

Lutzen et Bautzen ne l'ont pas découragé, ni le terrible silence de l'Autriche dans cette circonstance pénible et critique. Adossé aux montagnes de la Silésie, séparé des routes principales qui conduisent en Pologne, menacé d'une insurrection sur ce point, l'Empereur n'a pas montré un seul symptôme d'anxiété: il a rejetté la paix et a eu l'adresse de conclure un armistice honorable, les armes à la main, avec des conditions avantageuses, qui l'ont mis ensuite en état de revenir à son système presque détruit par les malheurs de la campagne et la stupeur des autres nations.

Les négociations de Prague étaient entamées par la puissance médiatrice dans l'intention de conclure une paix désastreuse; c'est la fermeté de l'Empereur, sa dextérité, son esprit de conciliation qui ont arraché l'Autriche à sa propre faiblesse et aux menaces insidieuses de Napoléon. La coalition reconnaissait le chef qui l'avait formée et qui seul pouvait tenir ensemble tant de souverains et de peuples divers, et ce chef donne à d'autres, avec une prudence infinie, le commandement de ses armées. Il arrête la déroute de Dresde, encourage la troupe, correspond et dirige les corps détachés et les ramène tous à Leipzig, où le sort de l'Europe fut assuré.

Arrivé à Francfort, le démon de la paix (je dis le démon, parce que ce n'est qu'un mauvais génie qui pouvait l'inspirer alors) s'empare de la faiblesse des alliés. L'Empereur a du les combattre pour les décider à entrer en France, plus qu'il n'aurait fait pour les déterminer à sauver l'Allemagne. C'est depuis le passage du Rhin que toutes les intrigues se déchainèrent pour arrêter sa marche triomphante. Langres, Chaumont et Troyes seront à jamais mémorables par les victoires remportées sur l'aveuglement des uns et la jalousie des autres. Tout paraissait désespéré vers la moitié de Mars n. st., lorsque l'on vit paraître une de ces occasions que la constance ne manque jamais de rencontrer lorsqu'elle sait attendre. L'Empereur trouve dans la séparation des autres faiseurs le moyen d'agir librement lui-même pour la première fois. Il coupa l'ennemi, qui avait hasardé un mouvement insensé sur la connaissance qu'il prétendait avoir du caractère et de l'esprit qui présidait au commandement des armées, il marcha sur Paris sans écouter les trembleurs, qui voyaient des millions d'hommes armés aux portes de cette capitale, et Bonaparte par tout; il combatit, gagna la bataille et attira sur lui les bénédictions et l'admiraton de la France. Son entrée est moins grand comme suite de la victoire, qu'elle ne l'est par cet abandon avec lequel il livra, pour ainsi dire, sa personne à un peuple et à une populace immense, sans gardes, sans précaution et avec la même sérénité qu'il aura montreé en entrant à Pétersbourg ou à Moscou. Tout le reste, mon cher compatriote, n'est que conséquence.

Quant à moi, après la campagne de Russie la chûte de Bonaparte était démontrée à mon esprit comme un problème résolu, en supposant que l'on employa les moyens qui existaient pour le détruire dans les intérêts opposés aux siens; j'ai servi, j'ai agi dans cette conviction comme un inspiré.

Si le Ciel m'accorde encore quelque temps à vivre, je dois à l'Empereur et à la patrie, qui m'a adopté, de laisser quelque matériel pour servir de monument à une gloire unique et si noblement acquise; je serai plus d'accord avec mon coeur lorsque cette dette sera payée.

Rien ne pouvait me faire plus de plaisir que de vous savoir heureux. Votre bonne et belle compagne y contribue plus qu'aucune autre cause, et je vous en félicite. Mes connaissances à Moscou sont si peu étendues qui je n'oserais me recommander particulièrement au souvenir de personne; mais si les désoeuvrés, comme il y en a dans une capitale, prononçaient mon nom, assurez les que j'ai servi en bon et vrai Russe et en sujet sidèle et reconnaissant.

Je voudrais avoir dit tout cela à votre père; c'est n'avoir pas tout perdu 'que de continuer les mêmes sentiments à un fils tel que vous.

Votre ami et serviteur Pozzo-di-Borgo.

Paris, 13 (26) juillet 1814.

Переводъ. Восторгъ, произведенный въ Россіи паденіемъ Наполеона и окончаніемъ войны, никогда не можеть соотв'єтствовать величію этихъ событій и заслугамъ пашого несравненнаго Александра. Его народу не изв'єстно все, что онъ совершилъ, и вседенная еще не знаетъ, какъ безконсчио она ему обязана.

Судьба привела меня къ нему въ то время, когда война получила вполит значение Европейское. Пусть вспомнять объ этой эпохъ, измърать затруднения, предстоявшия общему освобождению, и затъмъ сообразять, сколько нужно было имъть силы душевной, чтобы отважиться на это великое дъло.

На исто не подъйствовали Люцевъ и Бауцевъ, равно кажъ и страшное молчаніе Австріи въ этихъ тяжкихъ и грозныхъ обстоятельствахъ. Прислоненный къ горамъ Силезіи, отръзанный отъ главныхъ дорогъ, которыя ведуть въ Польшу, угрожаемый возстаніемъ въ ней, Государь ни разу не обнаружилъ и признака робости: онъ отвергъ предложеніе мира и съ оружіемъ въ рукахъ искусно устроилъ почетное перемиріс, на условіяхъ выгодныхъ, давшихъ ему потомъ возможность снова приняться за исполненіе своей мысли, остановленное воснявами пеудачами и тупымъ бездъйствіемъ другихъ народовъ.

Пражскія совъщанія были устроены посредствующею державою въ видахъ заключенія погибельнаго мира. Благодаря твердости Государя, сго ловкости и умъпію примирять, Австрія препобъдила собственную слабость, и возмутительныя угрозы Наполеона оказались безсильны.

Союзники признали главою виновника союза, который одинъ могъ держать въ единеніи столько государей и народовъ, и этотъ вождь, съ безпри-

мърнымъ благоразуміемъ, передаеть начальство надъ войсками другимъ. Онъ спасаеть Дрезденъ отъ гибели, одушевляеть войска, ведеть сношенія, руководить направленіемъ отдъльныхъ воинскихъ силъ и стягиваеть ихъ всъ къ Лейпцигу, гдъ обезпечилась судьба Европы.

Во Франкфурть демонъ мира (говорю демонъ, потому что дъйствовать туть могь только злой духъ) овладъваеть слабодущемъ союзниковъ. Склонить ихъ ко вступленію во Францію было для Государя труднівс, нежели побудить къ освобождению Германии. Послъ перехода черезъ Рейнъ пущены въ ходъ всевозможныя каверзы съ цёлью задержать торжественное его ществіе. Лангръ, Шомонъ и Труа останутся навсегда памятны побъдами, одержанными надъ ослепленіемъ однихъ и завистью другихъ. Въ половинъ Марта новаго стиля положение двлъ было отчаннюе, какъ произошелъ одинъ изъ тъхъ случаевъ, которые всегда выручають владеющаго способностью выжиданія. Въ разъединсніи остальныхъ д'яятелей Государь въ первый разъ паходить возможность свободно дъйствовать самому. Непрінтель, положившись на то, что ему павъстно было о настроеніи, которое господствовало въ командовании войсками, отважился на безумное движение. Императоръ поразиль его и пошель на Парижь, не внемля трусамь, которые воображали, что у вороть этой столицы милліоны войска и самъ Бонацарть. Государь сразился, одолъть и снискаль себъ благословение и удивление Францін. Еще важиве побъды было то, что, вступивъ во Францію, онъ, такъ сказать, предоставиль себя пароду и многочисленному паселенію столицы, безъ гвардіи, безъ предосторожностей, такъ же спокойно, какъ будто онъ въвзжаль въ Петербургь или Москву. Все остальное, мой любезный соотечественникъ, проистекло отсюда.

Что до меня, падсніе Наполеона, послів похода нь Россію, казалось мит діломъ рішеннымъ, разумітется при употребленіи наличныхъ средствъкъ его истребленію и въ видахъ, ему противоположныхъ. Съ этимъ убіжденіемъ служилъ я и дійствовалъ какъ вдохновенный.

Если Пебо дозволить мив еще пожить, то и обязань, ради Государи и усвоившаго меня отсчества, оставить по себв что-либо въ память славы безпримърной и столь благородно-пріобрътенной. Сердце мос станеть спокойпъс биться, когда и расплачусь съ этимъ долгомъ.

Ничто не можеть быть для меня пріятніве, какть знать, что вы счастливы. Тому наиболіве способствуєть добрая и прекрасная ваша подруга, и и поздравляю васть съ этимъ. Въ Москві у меня такть мало знакомыхъ, что не рішаюсь напоминать о себі кому бы ни было; но если бы кто изъ людей праздпыхъ, какіе бывають въ столиці, наяваль мое имя, увітрыте его, что я служилъ какть настоящій Русскій человінть, какть вітрный и признательный подданный,

Какъ бы хотълось мнъ сказать это самое вашему батюшкъ *). Но я не совсъмъ дишенъ этого удовольствія, оставаясь въ такихъ же чувствахъ къ такому сыну, каковъ вы.

Вашъ другъ и слуга Попцо-ди-Борго.

Парижъ, 26 Іюля 1814.

Знаменитый своею враждою къ Наполеону, Корсиканедъ Поддо-ди-Борго (1764—1842), во второй половинъ своего поприща бывшій нашимъ посломъ въ Парижъ и Лондонъ, узналъ Константина Яковлевича Булгакова (1782 — 1835) съ рачнихъ лъть его службы, еще въ Вънъ, гдъ Булгаковъ находился при князъ Л. Б. Куракинъ, и потомъ въ Константинополъ и на эскадръ адмирала Сенявина, во время второй войны нашей съ Наполеономъ. Поступивъ на Русскую службу, Поццо-ди-Борго имълъ тайныя дипломатическія порученія отъ императора Александра Павловича, а Булгаковъ былъ у него въ должности секретаря. Въ 1814 году Булгаковъ вздилъ изъ Парижа въ Москву жениться на дочери бывшаго Валашскаго вестіара, Марьв Константиновив Варламъ. Замвчательное письмо къ нему бывшаго его начальника впоследствіи было подарено Булгаковымъ князю П. А. Вяземскому, изъ бумагъ котораго оно сообщено въ "Русскій Архивъ" графомъ С. Д. Шереметевымъ. Письмо, конечно, писано не безъ умысла и въ увъренности, что опо будеть многими читано въ Москвъ, печальной и обгорълой въ то время, когда Парижъ диковадъ. Нъть сомнънія, что Будгаковъ показаль это письмо старшему брату своему Александру Яковлевичу, который быль домашнимъ человъкомъ у Московскаго главнокомандующаго графа Растопчина, И. Б.

^{*)} Якову Ивановичу, который умеръ въ Москвъ въ 1809 году. Поцце-ди-Борго, какт можно заключить изъ этихъ выраженій, зналь его лично. П. Б.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Изъ Москвы въ Варшаву 1).

(17 Апраля 1818).

Я виновать передъ тобою: не писаль къ тебъ и не знаю, какъ выльчить себя отъ бъдственной, чахоточной лъпи. Во миъ два человъва — одинъ любить, другой гніеть, и послъдніи часто сидить верхомъ на первомъ, такъ часто, что первый уже совстив провоняль отъ него. Я иногда прихожу отъ себя въ отчанніе и готовъ послать за попомъ, чтобы велъть себя отпъвать. Моральный ракъ встъ мою душу; по крайней мъръ, въ эту минуту сидить онъ въ ней глубоко и портитъ все прошедшее, настоящее и будущее. Въ такую минуту не стану защищать передъ тобою мою Тлюнность 1). Я увъренъ, что ты ошибаешься, но вступаться не стану, потому что я ни за что не расположенъ вступаться, и все миъ гадко. Доказательствомъ этой гадости пусть будутъ мои стихи, которые я тотчасъ и написалъ по прочтеніи твоихъ, прекрасныхъ.

^{&#}x27;) Въ Варшаву, незадолго передъ темъ, переселился внявь Вяземскій съ семействомъ, опредълившись служить при Н. Н. Новосильцовъ. Жувовскій же, лекторъ Императрицы Маріи Өсодоровны и преподаватель Русскаго языка Великой Княгинъ Александръ Өсодоровнъ (для которой издаль онъ свои шесть внижекъ "Для Немногихъ"), жилъ тогда въ Московскомъ Кремлъ, въ одной изъ келій Чудова монастыря. П. Б.

²) Извъстное стихотвореніе Жуковскаго. П. Б.

Изъ-подъ обманчиво-смъявшіяся маски Угрюмый выглянулъ скелетъ. И тщетно мы хотимъ призвать воспоминанье: Мечты не дозовемся мы! Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье, На небо взглянемъ изъ тюрьмы.

Что сказать тебъ о Москвъ? Она теперь еще кишить грязью; по по этой грязи я иногда доъзжаю ') до милыхъ Пушкиныхъ, которымъ я читалъ твои письма и которыя помнятъ тебя памятью сердца. Для Софьи переписываю твое Посланіе къ халату 2), вырванное мною изъкогтей нашей Бесъды. Къ нему будутъ приложены слъдующіе и жише стишки:

Онъ правъ! Не знавши васъ, для васъ я и объ васъ Писалъ въ пророческомъ, веселомъ вдохновеньи; Что Муза мнъ тайкомъ шептала въ сновидъньи, То вслухъ пересказалъ его пріятный гласъ. Но, шагъ ему отдавъ въ умъ и въ дарованьи, Счастливнищимъ себя я смъло назову: Опъ видитъ васъ теперь въ одномъ воспоминаньи, А я васъ вижу наяву.

На слъдующей почтъ пошлю тебъ IV-ю книжку «Для Немногих». Тамъ найдешь кое-что въ родъ *Тлюнности* и опять что-нибудь соврешь, и кое-что въ родъ *Зепэды*. Ты бранишь Тлънность, а Батюшковъ хвалить; ты хвалишь Звъзду, а Батюшковъ бранитъ; слъдственно и то и другое хорошо. Я получилъ ³) отъ Александра Пушкина посланіе. Вотъ оно:

Когда младымъ воображеньемъ Твой гордый геній окрылёнъ, Тревожитъ лъни праздный сопъ, Томясь волшебнымъ упоеньемъ;

⁴⁾ Изъ Чудова монастыря на Разгуляй, въ домъ нынфиней Второй Гимназіи, припадлежавшій тогда вдовъ славнаго археолога, графинф Е. А. Мусиной-Пушкиной, дочерей которой князь Виземскій называль Разгуляевскими графинями. Упоминаемая эдъсь Софья—впослъдствіи княгиня Шаховская. П. Б.

²⁾ См. въ Полномъ Собраніи Сочиненій князя П. А. Вяземскаго, ІІІ, 150 "Прощаніе съ хадатомъ". Оно написано передъ отътядомъ изъ Москвы на службу въ Варшаву. П. Б.

³⁾ Изъ Петербурга. Пушвинъ, за нъсколько мъсяцевъ передъ тъмъ вышедшій изъ Царскосельскаго Лицея, въ это время только-что оправился отъ тяжкой бользни ("Я ускользнуль отъ Эскулапа"). П. Б.

Когда возвышенной душой Летя къ мечтательному міру, Ты держинь на кольняхъ лиру Нетеривливою рукой; Когда смвняются видвнья Передъ тобой въ волшебной мгль, И быстрый холодъ вдохновенья Власы подъемлетъ на чель— Ты правъ: творишь ты Для Немногихъ! Не для подкупленныхъ судей Ревнивой милостью твоей, Не для сбирателей убогихъ Чужихъ сужденій и въстей, По для друзей таланта строгихъ, Священной истины друзей.

Не всякаго полюбить счастье, Не всё родились для вёнцовь! Блажень, кто знаеть сладострастье Высокихъ мыслей и стиховъ! Кто наслажденіе прекраснымъ Въ завидный получилъ удёлъ И твой восторгь уразумёлъ Восторгомъ сладостнымъ и яснымъ!..

Смотри, какъ пламенный поэть, Вниманьемъ сладкимъ упоенный, На свитокъ генія склоненный, Читаетъ повъсть древнихъ лъть! 1) Онъ духомъ тамъ—въ дыму стольтій! 2) Предъ нимъ волнуются толпой Злодъйства, мрачной славы дъти, Съ сынами доблести прямой! Отъ сна воскресшими въками Онъ бродитъ тайно окруженъ, И благодарными слезами Карамзипу припоситъ онъ Живой души благодаренье

¹⁾ Первые восемь томовъ "Исторіи Государства Россійскаго" передъ тъмъ незадолго вышли въ свътъ, и въронтно Карамзинъ подарилъ ихъ молодому Пушкину. П. Б.

²) Князь Вяземскій восхищался этимъ стихомъ. П. Б.

За мигъ восторга золотой, За благотворное забвенье Безплодной суеты земной... И въ немъ трепещегъ вдохновенье! 1)

Чудесный талантъ! Какіе стихи! Онъ мучитъ меня своимъ даромъ, какъ привидъніе! Посылаю тебъ письмо отъ Мещевскаго ²). Онъ прислаль мнъ Марьину Рощу въ стихахъ, и я ее продаль за триста рублей; присылай и ты ему что-нибудь. Толстой ³) объщаль также помогать ему. Онъ тебъ кланяется и велитъ тебъ сказать, что онъ немногихъ такъ уважаетъ, какъ тебя; въ этомъ и я ему товарищъ. Дружинину ⁶) я велълъ подписаться на «Въстникъ» ⁵); а о мундиръ, если не забуду, скажу.

Прости. Цълую руки у Въры съ Любовію 6). Обними Громобоя 7).
17 Апръля. Середа. 11 часовъ.

Сейчасъ родился у насъ Великій Князь Александръ ⁸), и я тебя обнимаю.

(Сообщено графом С. Д. Шереметевымг).

¹⁾ Сличи Сочиненія А. С. Пушвина, изд. П. О. Морозова, І, 193 и 194.

²⁾ Мещевскій быль сосланный въ Сибирь стихотворецъ ("Русскій Архивъ" 1868, стр. 938).

³) Графъ Өедоръ Ивановичъ, Американецъ. П. Б.

^{&#}x27;) Директору единственной тогда въ Мосивъ (нынъ Первой) Гимпазіи. П. Б.

⁵⁾ Т. е. на "Въстникъ Европы", изд. М. Т. Каченовскимъ. П. Б.

⁶⁾ Княгиня Въра Федоровна Вяземская и сестра ен Любовь Федоровна (впослъдствіи Полуехтова), ур. княжны Гагарины. П. Б.

^{&#}x27;) С. П. Жихарева. П. Б.

^{*)} Любопытно, что въ одно время съ появленіемъ на світть Александра Николасвича нарождалась и слава Пушкина: именно въ этотъ 1818-й годъ и Жуковскій, и Батюшковъ, и князь Вяземскій привітствовали удивившее ихъ и всю Россію дарованіе его. П. Б.

ДОСТОПАМЯТНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЯССАХЪ.

На восточной окраинъ Яссъ, среди угрюмыхъ полуразрушенныхъ бащень и остатковъ большихъ ствиъ, стоить пебольшая изящной Византійской архитектуры церковь, принадлежавшая піткогда къ большому и славному монастырю «Голіи». Названіе это монастырь получиль по имени основателя своего великаго логофета 1) нана Іоанна Голіи, жившаго во второй половинь XVI выка. Въ монастырской ризницъ хранится большое напрестольное Евангеліе, на пергаменъ красиваго Моддавскаго письма съ заставками и другими украшениями и пововленное по повельнію основателя монастыря для «церкви Божьей въ Ясскомъ торгъ (т. е. городъ) на страну, идъже есть храмъ Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Інсуса Христа», въ 1575 году 2).

Не перечисляя ивсколькихъ весьма замвчательныхъ старинныхъ предметовъ и Славянскихъ надписей, сохранившихся въ этомъ монастырь, следуеть указать на одинь памятникь, правда пеособенно древній, но им'вющій отношеніе къ князю Потемкину.

Монастырь Голія считаетъ князя Потемкина однимъ изъ щедрыхъ своихъ благотворителей, и имя его вписано въ сиподикъ монастырскій для въчнаго въ церкви поминовенія 3).

Какъ извъстно, князь Потемкинъ послъдніе дни своей жизни провель въ Иссахъ. Чувствуя приближение смерти и желая умереть въ своемъ любимомъ городъ Николаевъ, онъ покипулъ Молдавио; но до-Вхать до Русской границы ему не пришлось, и 3-го Октября 1791 года, въ 25-ти верстахъ отъ Яссъ, близъ селенія Нилешть (нышь Бессарабской губерніи) онъ умеръ 1). По повельнію Императрицы Екате-

111. 14 русскій архина 1896.

⁴) Логофетъ-придворный чинъ въ Молдавіи, учрежденный (по свидѣтельству хро-ниста Григорія Урѣке) въ началѣ XV вѣка господаремъ Молдавскимъ Алексвидромъ і Добрымъ (1401—1432 гг.). Должность догофета (Греч. λογοθέτος, Рум. logofēti) можно

Добрымъ (1401—1432 гг.). Должность догофета (Греч. λογοθέτος, Рум. logofetů) можно отождествить съ должностью государственнаго канцлера, министра юстиція (М. Cogalni ceann. Cronicele Românici. Bueuresci. 1872, tom. I, р. 135).

³) Описаніе монастыря Голів въ следующихъ трудахъ: Melchisedec, episc. Romanulni. Notite istorice si archeologice, adunate de pe la 48 monastiri si biserici antice din Moldova. Bueuresti, 1885 an., pp. 229—243; Bileiurescu Constantin. Monastirile si bisericile din România. Bueuresti. 1890 an. р. 113; въ Путешествін по сив. мъстамъ свищ. Лукьпиова въ началь XVIII въка. "Русскій Архивъ", г. І-й, 1863-й. изд. 2 с. стр. 161-а; Пароевій-инокъ Сказаніе о странствіи в путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціп и Святой Землъ, ч. III, М. 1856 г., стр. 148-я; Павель, архидіакопъ Аленискій въ своемъ. "Путешествів" чрезъ Молдавію и Валахію въ половинь XVII въка, въ Румынскомъ переводъ В. Р-Најдей. Агсһіva istorica а Românici, tom. I, ратеса 2, р. 65 si alte.

³) Въ Помянникъ моцастыря, переписанномъ (какъ гласитъ заглавіс его) въ 1808 г. читаютен имена Русскихъ царей, съ Петра Великаго до Александра I (листы 14—16-й)

читаются имена Русскихъ царей, съ Петра Великаго до Александра I (листы 14—16-й) М. И. Городецкій въ изданія П. Н. Батюшкова. "Бессарабія", историческое описаніс. Спб. 1892 г., Приложенія, стр. 31-я. Неизвъстно, на чемъ основана невърнам дата-

рины князь Потемкинъ былъ погребенъ въ Херсопъ, при чемъ тъло его было набальзамировано въ Иссахъ. Все что пе было положено съ нимъ въ гробъ, было похоронено у алтарной стъны монастыря Голіп.

Извъстный Русскій просвъщенный паломникъ Порфирій Успецскій, посътивній Яссы и монастырь Голію въ 1846-мъ году, описывая монастырь, говорить: «Тутъ похоронены внутренности свътлъйшаго князя Потемкина Таврическаго, о чемъ гласить надпись на Русскомъ языкъ» 5). При посъщеніи монастыря Голіи въ ныпъшнемъ году эта надпись списана нами. Въ алтаръ, на лъво отъ престола, подъ съвернымъ окномъ виситъ большая рама съ цатянутымъ на нее полотномъ, на которомъ желтой краской написана слъдующая эпитафія:

«Въ Бозъ почивающій свътлъйшій князь Григорій Александровичь Потемкинъ-Таврическій, Россійскій генераль-фельдмаршаль, главнокомандующій арміями Россійскими, действующими на Югь, всею легкою конницею, регулирною и нерегулирною, ологами: на Черномъ, Азовскомъ, Каспійскомъ и Средиземомъ моряхъ, сенаторъ, государственной военной коллегін президенть Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генераль-губернаторь, Ея Императорскаго Величества ге вералъ-адъютанть, дъйствительный каммергеръ, войскъ генералъинспекторъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, корпуса какалергардовъ полку кирасирскаго своего имени Санктпетербургскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго шефъ, Мастерской Оружейной Палаты верховный начальникь и орденовъ Россійскихъ: святаго апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, военнаго св. великомученика и побъдоносца Георгія и св. равноапостольнаго князи Владимира первыхъ степеней, королевскихъ Польскихъ Вълаго Орла св. Станислава, Прусскаго Чернаго Орла, Датскаго Слона, Шведскаго Серафимовъ и великокняжескаго Голстинскаго св. Анбы кавалерь, священныя Римскія Імперін князь, Россійскій графъ, великій гетмань пиператорскихь казацкихъ, Екатеринославских в Черноморских войско, усердивиший Государю, върный сынъ отечества, присоедивитель въ Российской Имперіи Крыма, Тамани и Кубани, основатель и соорудитель победоносныхъ олотовъ на южныхъ моряхъ, побъдитель силь Турецкихъ на сущъ и моръ, завоеватель Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Аккермана, Киліп, Измаила, Анапы, Суджукъ-кале, Супін, Тульчи, Исакчи, Березанскаго острова, Гаджибея и Паланки, приведшій въ тренеть столицу и потрясшій сердце Имперіи Отгоманской поб'ядами на моряхъ, прославившій ору-

4) Порфирій Успенсвій. Книга Бытін Моего, ч. ІІІ, Спб. 1896 г., стр. 31-я; здась же описвить вкратца и монастырь и передана Греческая надпись въ стихахъ подъ фонта-помъ у монастырскихъ воротъ (стр. 32-я).

³⁻е Апръля. Навъстна большая гравюра прекрасной работы Гаврінла Скородумова, рис. Миханла Иванова: "Смерть Потемкина въ Бессарабскихъ степяхъ", со стихами въ 12-ть стровъ и надписими на Французскомъ и Измецкомъ изывахъ. Воспроизведена въ трудъ Д. А. Ровинскато. Подробный Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. 111; Спб. 1888 г., ст. 1817—1818 внизу; описаніе гравюры на 1819-мъ столбцъ. Кромъ этой гравюры извъстно еще изсколько другихъ, изображающихъ то же событіе (тамъ-же, ст. 1820-й).

жіе Россійское въ Европ'в и Азін и положившій основаніе къ преславному миру съ Портою Оттоманскою, основатель и соорудитель многихъ градовъ, покровитель паукъ, художествъ и торговли, мужъ украшенный всеми общественными добродетелями и благочестіемь, окончилъ преславное теченіе жизни своей въ княжествъ Молдавскомъ, въ 37-ми верстахъ отъ столичнаго града Яссь, въ 5-й день Октября 1791 года, на 52-мъ году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести не токмо облагодътельствованных имъ, но и едва въдающихъ его» ().

Какъ извъстно, мраморный памятникъ, поставленный на могилъ Потемкина въ Херсонъ, по секретному приказанію изъ Петербурга, уничтоженъ въ 1798 году 7). Надгробная падпись въ монастыръ Голіп по всей въроятности сдълана вскоръ послъ смерти Потемкина; по крайней мъръ, начертание буквъ этой надписи следуетъ отнести къ концу XVIII въка.

Па томъ мъсть, гдъ князь Потемкинъ умеръ, поставленъ обелискъ *). Н. И. Надеждинъ, посътившій многія историческія мъстности Вессарабін, такъ описываеть этоть памятникъ. «Обелискъ, сложенный изъ дикаго камия, запечатленъ строгою, благородною простотою. Подле него домикъ для сторожи намятника. Съдой какъ дунь инвалидъ, встрътившій насъ у подножія обелиска, служиль еще при Потем-кинъ» ⁹)... По однимъ извъстіямъ, этоть памятникъ построевъ племянницей Потемкина графиней Александрой Васильевной Браницкой (").

Здвек кстати будеть привести пъсколько спеденій изъ исторіи монастыря, принявшаго подъ алтаремъ своего храма останки человъка, котораго Повороссія считаєть своимъ создателемъ ").

Настоящая церковь монастыря Голіи построена въ 1660 году, на мъсть прежней, по преданію, деревянной небольной церкви самой простой архитектуры. Надъ входомъ въ самый храмъ изъ большого притвора, въ ствиу вдвлана мраморная доска съ изображениемъ герба Молдавін-бычачьей головы со звъздой между рогами. По объ стороны герба Славянская надпись въ двъ колонны, которая въ Русской транскрипціи прочтется такъ: «Пзволеніемъ Отца и споспъщеніемъ Сына п совершениемъ Святаго Духа, се азърабъ Господу Богу нашему Інсусу

⁶⁾ Правописаніе подлащинка пъсколько поновлено, при чемъ исправлены слъдующія ощибки въ самомъ оригинали: сведиземномъ, харкковскій, нолнолковникъ, греподерскаго,

описки въ самомъ оригинали: сведизсмиомъ, харкковски, нолнолковникъ, греводерскаго, перьховный, южимът и др.

1) "Вессарабін" П. Н. Ватюшкова. Приложенія, стр. 31-я.

2) А. Защукъ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Бессарабская область Сиб. 1862 г., ч. И, стр. 245-я; ч. І, стр. 10-я.

3) "Прогулка по Бессарабін", въ Одесскомъ. Альманахъ на 1840-й годъ. Одесса, 1839 г., стр. 422-ж. Тамъ же гравированное изображеніе этого обелиска, на отдальномъ листь, при стр. 420-й; другое изображение въ "Историческомъ Въстнивъ" за 1891-й годъ.

Сентибрь.
19) А. Пакко. Исторія Бессарабів съ древитинихъ пременъ. Ч. П., Одесса. 1876 г.,

⁴¹) Г. А. Аванасьевъ. "О значени двятельности Потемкина" въ Новороссійскомъ Календаръ на 1892 й годъ. Одесса 1891 г., отдълъ IV, стр. 116—125 я.

Христу, Іоаннъ Василій воевода и создаль сей святой монастырь, идъ же есть храмъ Вознесенія. И совершиль его съ помощью Божьею Іоаннъ Стефанъ воевода сынъ Василія воеводы, совершиль его въ лъто 7168-е (т. е. 1660-е), Мая 24-го».

Такимъ образомъ, храмъ, пачатый построеніемъ при Молдавскомъ господар'я Василіи Лупулъ (1634—1654 гг.), былъ законченъ сыномъ его Стефаномъ Лупуломъ, получившимъ престолъ Молдавіи чрезъ пять лътъ послъ смерти отца и княжившимъ отъ 1659-го по 1662-й годъ.

Всё ствым храма покрыты живописью. На ствие, отделяющей самый храмь оть притвора, изображены во весь рость ктиторы монастыря: по левую сторону дверей—господарь Молдавскій Іеремія Могила (1596—1600 и 1601—1607 гг.), великій логофеть Голія со своей женой и однимь изъ сыновей своихъ; по правую—господарь Василій Лупуль, его «госпожа», господарь Стефапъ Лупуль и «госпожа» Руксанда, жена Тимофея Хмельницкаго, сына извёстнаго Богдана.

Въ Молдавской лътописи Іоанна Некульчи (Ion Neculce) нахоходимъ извъстіе, что въ 1731-мъ году 31-го Мая, въ правленіе господаря Григорія Гики (1727—1733, 1735—1741 и 1747—1748 гг.), случилось страніное землетрясеніе, которое разрушило много домовъ и церквей въ г. Яссахъ и среди нихъ—монастырь Голію ¹²). Во всякомъ случав, настоящая церковь монастыря находится въ такомъ же видъ, какъ она была построена господаремъ Стефаномъ Лупуломъ въ 1660-мъ году. Въ высокой башив, въ которой сдъланы и главныя монастырскія ворота, помъщались водоемные баки, снабжавшіе хранившейся въ нихъ водой весь городъ. Этоть водопроводъ устроенъ въ началъ пынъшняго въка, въ правленіе господаря Александра Мурузи (1803—1805 гг.); теперь стъны башни дали въсколько трещивъ и грозятъ разрушиться совежиъ.

А. И. Яцимирскій.

¹²) M. Cogalniceanu. Cronicele Româniel. Bucur., tom. II, p. 443. Cp. Melchisedec episc. Notite istorice si archeologice., p. 243.

ЗАПИСКИ КАВКАЗЦА.

Посвящается дочери моей Евгеніи Ивановић.

ГЛАВА І.

Штабъ-лвиарь Дроздовъ.—Начальникъ Георгіевскаго арсенала Водоньяновъ.—Рожденіє грата ІІ. И. Ендокимова.—Князь Голицывъ.—Балъ у него въ Пятигорскъ.—Смерть Лермонтовъ.—Отзывъ о Лермонтовъ Пятигорскаго священника.—Тревога въ Пятигорскъ въ 1846 г.—Дувль князя Горчакова и барона Фитингота.

Отець мой, штабъ-лъкарь Иванъ Ефремовичь Дроздовъ, въ свое время популярный на Кавказъ и какъ врачъ, и какъ добрый человъкъ, оказывавшій пособіе страждущимъ не только знаніями медицинскими, но частенько и кошелькомъ своимъ, поселился въ Пятигорскъ въ 1835-мъ году, гдъ, выражаясь его собственными словами, онъ и засълъ, какъ Илья Муромецъ на дубъ, съ котораго не слъзалъ до кончины своей въ 1868-мъ году, не взирая на весьма выгодныя предложенія начальства.

Женился онъ въ Тиолисъ въ 1826-мъ году на дочери начальника Тиолисскаго арсенала, Мароъ Николаевнъ Водопьяновой. Дъдъ, Пиколай Матвъевичъ, пользовался благоволеніемъ Алексъя Петровича Ермолова, который неръдко захаживалъ къ нему въ гости. Матушка часто вспоминаетъ о немъ. Въ Тиолисъ Николай Матвъевичъ переведенъ Ермоловымъ изъ областного города Георгіевска, гдъ онъ тоже завъдывалъ арсеналомъ.

Нельзя обойти молчаніемъ обстоятельства, имѣющаго немаловажное значеніе въ жизни графа Николая Ивановича Евдокимова. Въ бытность дѣда моего въ Георгіевскѣ, въ канцеляріи арсенала, въ числѣ писарей, находился унтеръ-офицеръ Иванъ Евдокимовъ, любимый дѣдомъ моимъ за трудолюбіе и хорошій почеркъ. Жена Евдокимова была отличная прачка, что въ тѣ времена считалось большою рѣдкостью, а потому бабушка весьма благоволила къ ней. Однажды Иванъ Евдокимовъ заявилъ дѣду моему, что Богъ посѣтилъ его радостью, даровавъ ему сына, котораго и нарекли въ честь его высокоблагородія Николаемъ; а посему онъ просиль его быть воспріемнымъ отцомъ

новорожденному Николаю. Дъдушка, не любившій церемоніаловъ, отказался и направилъ Евдокимова къ бабушкъ, которая и исполнила просьбу его весьма охотно, воспринявъ при крещеніи будущаго графа.

Незадолго до перебзда моего дъда въ Тифлисъ онъ представилъ Нвана Евдокимова въ чинъ унтеръ-цейгвахтера и назначилъ его завъдующимъ артиллерійскимъ складомъ въ Темнольсскій штернъ-шанцъ, въ 35 верстахъ отъ Ставрополи, куда изъ Георгіевска, извъстнаго и тогда и ныив лишь изумительною грязью и кладбищемъ титулярныхъ совътниковъ, былъ переведенъ штабъ командующаго войсками Как-казской линіи.

Подъ руководствомъ отца моего, Николай Ивановичь выучился читать и писать по-русски и 16-ти лѣть быль опредѣденъ писцомъ въ штабъ командующаго войсками. Карьеры никакой, а между тѣмъ из то время въ Дагестанѣ война съ горцами была уже не шуточная, и молодымъ людямъ, жаждавшимъ военныхъ отличій, открылось видное поприще. Николай Ивановичъ рвался туда, гдѣ онъ былъ бы на мѣстѣ и къ чему онъ чувствовалъ призваніе.

Съ помощью дѣда моего, Евдокимовъ переведенъ былъ въ пѣхотный Дагестанскій полкъ, въ рядахъ котораго скоро заслужилъ чинъ прапорщика. Красивый, стройный прапорщикъ Евдокимовъ кое-какъ добрался до Тифлиса и явился къ моей бабушкъ. Бабушка, искренно радуясь успѣху по службъ крестника ея Николаши, не пожалѣла депегъ на обмундированіе юнаго офицера и на снаряженіе его, т. с. купила и подарила ему пару лошадокъ, вьючные сундуки, погребецъ и, спабдивъ его деньжопками, благословила въ путь-дорогу.

Я разсказываю объ этомъ случав по преданіямъ, имва въ виду будущую мою встрвчу съ его сіятельствомъ въ Майкопскомъ отрядв, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мъстъ.

Родился я въ 1837-мъ году въ городъ Пятигорскъ. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ полковникъ князъ Владимиръ Сергъевичъ Голицынъ, а крестною матерью извъстная въ то время красавица графиня Орлова-Денисова. О графинъ Орловой ничего не могу сказать, ибо не зналъ ея; что же касается князи Голицына, участіе котораго ко мнъ впослъдствіи имъло вліяніе на всю мою будущность, то о немъ я позволяю себъ сказать нъсколько словъ.

Младшій сынъ полнаго генерала князя Голимына, князь Владимиръ Сергъевичъ отъ природы былъ съ избыткомъ падъленъ всъми дарами ся. Вигель въ Запискахъ своихъ называеть его Аполлономъ Бельведерскимъ, по кромъ этого онъ обладалъ острымъ умомъ, основательнымъ образованіемъ, храбростью Баярда и великодушіемъ и щедростью Русскаго вельможи.

При взятіи Парижа, будучи флигель-адъютантомъ императора Александра I, онъ раненъ былъ пулею въ щиколку правой ноги, и рана эта никогда не закрывалась. На Кавказъ въ 1838 году, командуя кавалеріей въ отрядъ генераль-адъютанта Граббе, въ экспедиціи предшествовавшей наступленію къ Ахульго, онъ былъ раненъ пулею же въ плечо. Рана была тяжелая, и князю приплось выбхать нзъ отряда, чтобы вынуть глубоко засъвшую пулю и лъчиться, для чего онъ и пригласилъ въ Пятигорскъ отца моего. Отецъ, выръзавшій пулю у князя изъ плеча, разсказываль, что во время операціи князь преспокойно читалъ Французскій романъ и курилъ сигару, не издавъ ни одного стопа; и только когда перевязывалось пораненное мъсто, онъ спросилъ отца, скоро ли кончится?

Каждое лѣто князь Голицынъ пріѣзжаль съ семействомъ своимъ въ Пятигорскъ, и вокругъ него собиралось дучнее общество пріѣзжихъ изъ Россіи и изъ Кавказской арміи, въ рядахъ которой въ тѣ времена служили нѣкоторые изъ представителей Русскихъ знатныхъ семей. Въ 1841 году къ обществу князя примкнулъ и Лермонтовъ; и дучнимъ доказательствомъ того, что князь Голицынъ относился съ вниманіемъ и уваженісмъ къ великому нашему поэту служитъ то, что въ день смерти его, 15-го Іюля, онъ не праздновалъ имянинъ своихъ. Благодаря его настоянію, Лермонтовъ погребенъ былъ по обряду христіанскому.

Баль по случаю имянить князя назначень быль въ казенномъ саду, п для праздника этого были уже сдъланы большія издержки. За отсутствіемъ супруги князя, хозяйкой бала согласилась быть графиня Орлова-Денисова. По разсказамъ матушки, балъ состоялся на другой день; но какъ хозяева бала, такъ и гости, были въ очень грустномъ состояніи духа, за исключеніемъ молодежи, всегда эгоистично относящейся къ личнымъ удовольствіямъ; да, наконецъ, въ то время не всѣ знали, или правильнѣе сказать, сознавали, какую тяжкую утрату понесла Россія въ преждевременной и насильственной кончинѣ великаго поэта.

Въ Іюлъ прошлаго 1895-го года, въ Пятигорскъ я видълъ памятникъ Лермонтову, поставленный на базаръ, у подножія Католической церкви. Грустенъ и задумчивъ великій поэтъ, и взоръ бронзоваго Лермонтова, такъ же, какъ и живого, обращенъ къ дъвственно-бълымъ прекраснымъ великанамъ Кавказа.

Осмотръвъ памятникъ, я пошелъ въ домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, былъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя освящены присутствіемъ въ нихъ творческой души поэта. Храмъ безъ божества все же храмъ. Отсюда недалеко до кладбища, и я отправился взглянуть на временную могилу Лермонтова. Но на кладбищѣ старику-сторожу неизвѣстно, гдѣ она была. «Вотъ, кажется, тамъ, гдѣ около стѣны много бурьяну и колючки», сказалъ миѣ маститый стражъ. Дощечка напримѣръ съ надписью: «Здѣсь жилъ Лермонтовъ», прибита не снаружи домика, а во дворѣ, и могила его пеизвѣстна. По какимъ же признакамъ можно найти домикъ и могилу?

Кстати о кладбищъ. На этомъ кладбищъ есть чрезвычайно загадочная могила; на надгробномъ памятникъ, состоящемъ изъ небольнаго навильона съ двумя колонками на фасадъ, на камнъ крупными буквами высъчено «Аппа». Матушка разсказывала мнъ, что подъ намятникомъ этимъ погребсна пріъзжая молодая красавица, княгиня Максютова, которую она видъла и смерть которой послъдовала неожиданно. По всъмъ признакамъ богатая женщина, она пріъхала изъ Россіи въ сопровожденіи лишь прислуги. Кратковременная жизвь ея въ Пятигорскъ и загадочная кончина, а затъмъ ежегодныя посъщенія въ продолженіе нъсколькихъ лътъ какого-то господина, пріъзжавшаго въ день ея смерти прямо на кладбище (откуда онъ, послъ ночи, проведенной на могилъ «Анны», съ разсвътомъ уъзжалъ на почтовыхъ въ богатомъ экипажъ) могли бы послужить темою для романа невымышленнаго.

Обращаюсь къ Лермонтову. Въ день посъщенія кладбища я встрътился съ однимъ старикомъ-старожиломъ, священникомъ и, разговоривнись съ нимъ, спросилъ, не знаетъ ли онъ, почему священникъ Павелъ Александровскій согласился предать землъ тъло Лермонтова по обряду христіанскому, лишь послъ долгихъ колебаній.

Воть подлинныя его слова: «Лермонтовъ былъ злой, дрянной человъкъ и погибъ смертью, причисленной законами къ самоубійству. Отець Навель согласенъ былъ похоронить Лермонтова съ честью; но я возражалъ противъ этого, и ежели бъ не давленіе князя Голицына, то онъ былъ бы зарытъ въ яму черезъ палача, какъ и заслуживалътого».

Удивительно ли, что 16-го Іюля 1841 года наши барышни плясали на балу въ то время, когда едва остывшій трупъ поэта ожидаль разръшенія быть причисленнымъ къ людямъ или къ собакамъ!?

Отецъ мой лично зналъ Лермонтова, и при встръчахъ раскланивались оба, а иногда и перекидывались словечкомъ-другимъ. Первая встръча была въ госпитальной конторъ, куда Тенгинскаго пъхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ явился для освидътельствованія.

- Чъмъ вы больны, Михаилъ Юрьевичъ? спросилъ отецъ.
- Да, вотъ, докторъ, у меня на рукъ прыщикъ, который очень безпокоитъ меня.
 - На какой рукъ? спросиль отець пресерьезно.
 - На лъвой.
- Л! Прыщикъ на лъвой рукъ. Это очень важно. Впрочемъ, гуляйте, танцуйте, катайтесь, и рука заживетъ, сказалъ отецъ, засмъявшись; а правую руку поберегите. Она столько же ваша, сколько и наша. Очень счастливъ познакомиться съ вами.

Заговоривъ о Лермонтовъ, я отвлекся отъ описанія бала князя Голицына, въ затъяхъ котораго быль такой же широкій размахъ, какъ у свътлъйшаго дъда-дядюшки его, князя Потемкина.

Балъ предназначался въ казенномъ саду.

Сотии рабочихъ и мастеровыхъ, подъ наблюдениемъ архитектора, превратили алдеи и площадки сада въ гостиныя; танцовальный залъ, столовыя и буфеты, которые освъщались люстрами и разноцевтными фонарями, то ярко блиставшими, то проливавшими таинственный и мягкій полусевть, сквозь зелень и цветы; ковры, шелковыя матеріи, зеркала въ гостиныхъ, военныя арматуры въ различныхъ мъстахъ сада, Бенгальскіе огни, которые зажигали на вершинахъ деревьевъ, искусственные гроты, танцовальный заль, ствны и потолокъ котораго сотканы были изъ полевыхъ и садовыхъ цвътовъ, фейерверкъ, вспыхивавшій въ различныхъ пунктахъ и въ разное время, роскошные буфеты, въ которыхъ только птичьяго молока не было: вся эта роскопь и изящество производили впечатлъніе сказочное, волшебное, довершаемое радушіемъ гостепріимнаго князя-хозяина и любезностью красавицы графини - хозяйки. Праздникъ этотъ стоилъ не одну тысячу рублей. Но князь быль богать и потому не скупился на удовольствія для общества. Полторацкій, въ Запискахъ своихъ, разсказаль эпизодъ изъ жизни Владимира Сергъевича, понтировавшаго Мусину-Пушкину. Князь будто бы поставиль на карту или пять рублей или милліонъ.

Анекдотъ этотъ относится къ области вымысловъ. Князь былъ большой любитель и знатокъ коммерческихъ игръ и, говорятъ, однажды выигралъ у графа Мусина-Пушкина довольно значительныя деньги, но далеко не милліонъ; и затъмъ, ежели бы графъ Мусинъ-Пушкинъ способенъ былъ унизиться до слезной просьбы не ставить большого куша на карту, то несомнънно князь Владимиръ Сергъевичъ съумълъ бы докончить игру, не оскорбляя достоинства хозяина дома.

Но не однимъ забавамъ князъ Голицынъ посвящалъ свою жизнь и дъятельность. Опъ былъ и воннъ, и администраторъ. Въ 1846 году Большая и Малая Кабарда и Карачай не соединились съ полчищами Шампля, уже вторгиувшагося въ Кабарду, лишь благодаря энергіп и вліянію князя Голицына на Кабардинцевъ.

Памятенъ и мит 1846-й годъ. Я былъ въ то время девятилътнимъ мальчикомъ, но картина смятенія въ Пятигорскъ при извъстіи, что Шамиль подходить къ Нальчику и не нынче-завтра пожалуеть къ намъ, ясно рисуется въ моей памяти и нынъ.

Въ виду предстоящей опасности городъ забарикадировали повознами, бревнами и старыми негодными экипажами. На отроги Машука втащили двъ пушки, которыя за негодностью служили лишь украшеніемъ гауптвахты. Двъ роты линейнаго батальона поставили на особенно важныхъ стратегическихъ пунктахъ внъ города. Гаринзонъ города составили изъ инвалидной и госпитальной командъ и военно-рабочей роты, подъ начальствомъ своихъ офицеровъ и молодыхъ ординаторовъ госпиталя. Войска пылали мужествомъ и отвагой. Предстоящій бой съ дерзкимъ врагомъ одушевлялъ храбрый гарнизонъ. По улицамъ города сновали взадъ и впередъ то инвалидные офицеры, то врачи, обвъщенные съ головы до ногъ оружіемъ всъхъ видовъ и качествъ. Начальникомъ обороны быль коменданть, Петръ Александровичь Принцъ, а начальникомъ полевыхъ войскъ полковникъ, Василій Ильичъ Монаенко. Лишь одинъ аптекарь Маниссонъ побаивался. Но что значить одинъ малодушный между сотнями отважныхъ, готовыхъ грудью встрътить непріятеля на всъхъ пунктахъ отъ Машука до барикадъ на биржъ? Недовърчивость и робость Маниссона подали поводъ къ стихамъ,

Маниссонъ,
Говорять,
Видълъ сопъ,
Говорять,
Что Шамиль
За сто миль
И палить,
И громить,
Говорять... и пр.

Отецъ мой, Иванъ Ефремовичь, во-первыхъ, всъ входы и выходы во дворъ своего дома и сада, расположеннаго по горъ, приказалъ завалить кампями. Ворота съ улицы были наглухо заперты и съ внутренней стороны приперты бревномъ. По угламъ двора и у садовой калитки на горъ разставлено было нъсколько вооруженныхъ солдатъ госпитальной команды. Выйти на улицу можно было, перелъзая черезъ высокія ворота при посредствъ лъстницы. Лъстница приставлялась къ воротамъ воиномъ, который, вскорабкавшись по ней до перекладины на воротахъ, сначала обозръвалъ мъстность по улицъ направо и налъво и затъмъ, по надлежащемъ докладъ о благополучіи, отецъ влъзалъ на ворота, садился на перекладину, воинъ втягивалъ лъстницу наверхъ, опускалъ ее на улицу, и тогда отецъ, вооруженный Азіатскою шашкою, спускался внизъ и отправлялся на службу въ госпиталь.

Подъ руководствомъ его подвалъ подъ каменнымъ флигелемъ былъ очищенъ и посыпанъ пескомъ.

Мы, дъти, не понимали таинственности дъйствій происходившихъ на нашихъ глазахъ, но подозръвали что-то ужасное.

Однажды ночью мы разбужены были необычайнымъ шумомъ и бъготнею прислуги въ домѣ. Няньки и горничныя вздыхали, вопили, суетились, вытаскивали изъ подъ насъ тюфяки и перины. Дѣти плакали. Всѣ метались по комнатамъ, то схватывал, то бросая различную мелочь, и, наконецъ, послѣ грозно отданнаго отцомъ приказанія, всѣ по возможности успокоились, и насъ, дѣтей, полусонныхъ, потащили въ подвалъ и уложили на тюфяки и перины, снесенные туда, продолжать прерванный сонъ. Подвалъ наглухо заперли опускною дверью снаружи. Отецъ остался на дворѣ командовать гарнизономъ. Утромъ насъ всѣхъ выпустили. Ворота отворили. Гарнизонъ нашъ отступилъ въ должномъ порядкѣ въ госпиталь. Все окончилось благополучно, если не считать нѣсколькихъ минутъ тревожнаго ожиданія попасть въ лапы Шамилевскихъ мюридовъ.

Тревога въ городъ, а также и у насъ, произошла столько же отъ настроеннаго на подвиги воображенія, сколько отъ бдительности, прозорливости и нъжнаго вниманія городской полиціи къ обывателямъ Пятигорска.

Ночью, неизвъстно кто, но несомнънно шутникъ, крикнулъ на улицъ: «Шамиль идетъ!» Мигомъ узнала объ этомъ полиція. Квартальные и будочники спросонья полетъли по улицамъ оповъстить обывателей, и вотъ одинъ изъ квартальныхъ надзирателей, подойдя къ

нашему дому, пачаль изо всей силы стучать въ запертый ставень. «Иванъ Ефремовну»! Шамиль идетъ!» Полусонный отецъ, вскочивъ съ постели, выхватилъ шашку изъ ноженъ и началъ бъгать по комнатамъ, махая шашкой, съ крикомъ: «Гдъ онъ? Подайте мнъ его, подлеца!» И только послъ возгласовъ испуганной матушки, не совсъмъ въ то время здоровой: «Брось шашку! Ты порубишь дътей!!» отецъ вложилъ шашку въ ножны, одълся, сдълалъ распоряженіе объ отправленіи насъ въ подваль, а самъ отправился возбуждать и поддерживать мужество неизвъстно куда исчезнувшаго гарнизона. Матушка храбро осталась на постели; ибо, какъ она говорила впослъдствіи, опасность ей предстояла двоякая: или попасть въ руки мюридовъ, или, вставъ съ постели, рисковать жизнью. А потому она и не оставила своей позиціи.

Пятигорцы трухнули, и не удивительно; ибо проказы Шамиля въ то время переходили за границы благопристойности. Въ 1843 году онъ имѣлъ дерзость взять и уничтожить цѣлый рядъ укрѣпленій нашихъ въ Дагестанъ. Въ 1845 году онъ крайне неучтиво поступилъ съ отрядомъ князя Воропцова въ Даргинской экспедиціи, въ которой, хотя мы и шагнули молодцами черезъ Андійскіе ворота, какъ значится въ припѣвъ къ Даргинскому маршу, но едва ли благополучно добрались бы до Герзель-аула, ежели бъ пе была подана своевременная помощь набранныхъ отвсюду съ линіи батальоновъ отряда Фрейтага. При такихъ условіяхъ, что же оставалось дѣлать бѣднымъ Пятигорцамъ въ 1846 году? Копечно, сначала трухнуть, а потомъ воодушевиться мужествомъ и готовиться къ оборонъ, что опи и исполнили. Правда, въ эпоху Пятигорской тревоги Шамиль былъ отъ этого города еще верстахъ въ полутораста. Но что значили какія нибудь 150 верстъ для кавалеріи такого буяна и головоръза, какъ Шамиль?!

На слъдующій день тревога въ Пятигорскъ была успоковна пріъхавшею изъ Нальчика супругою пачальника центра, княгиней Прасковьей Пиколаевной Голицыной, которая, навъстивъ, въ день прівзда, мою больную матушку, много смъялась надъ воинственными затъями Пятигорцевъ и разсказала, между прочимъ, какъ князю, ея мужу, адъютантъ доложилъ, что въ предълахъ Кабарды показалась партія, и князь, которому не доставало партнера въ преферансъ, спросилъ: «А кто же третій?» Адъютантъ сказаль, что самъ Шамиль. «А! Съ такимъ партнеромъ пріятно и поиграть». Сдълавъ необходимын распоряженія, князь отправился на границу Кабарды, а княгиня съ дочерью вывхала въ Пятигорскъ. Какъ извъстно, Фрейтагъ, преслъдовавшій Шамиля, нагналь его, и близъ минарета, при переправъ черезъ Терекъ, скопища Шамиля были разбиты и разсъяны.

1847 годъ ознаменовался въ Пятигорскъ холерой, которая, впрочемъ, не помъщала курсовымъ посътителямъ танцовать и веселиться на балахъ и на пикникахъ въ Кисловодскъ и Желъзноводскъ, куда эта мрачная гостья не заглядывала.

Въ Пятигорскъ составъ общества ръзко дълился на «льтнихъ» и «зимнихъ». Лътнее общество составлялось изъ приъзжихъ лъчиться минеральными водами и было весьма разнообразно. Были въ немъ и знатные люди, и степные помъщики въ демикотоновыхъ сюртюкахъ, косоланые и съ толстыми затылками, и богатые кунцы, объбышеся кулебять, и раненые въ Кавказскихъ экспедиціяхъ офицеры, между которыми особеннымъ буйствомъ отличались представители такъ называемой золотой молодежи, изъ гвардіи и кавалеріи. Музыка грем'ыла подъ окнами княжескихъ и графскихъ квартиръ ежедневно. Шампанское лилось рекой, и подгулявшая молодежь, иногда въ костюмахъ Адама, еще не изгнаннаго изъ рая, появлялась передъ публикой, изображая изъ себя боговъ Олимпа въ различныхъ позахъ. Такія безобразія трудно было прекращать, ибо у милыхъ юношей этихъ были тетушки, дядюшки и маменьки въ Петербургъ, связаться съ которыми было не безопасно какому инбудь Пятигорскому коменданту. Однакожь и онъ выходиль иногда изъ терпъція. И воть однажды буйныхь князей п графовъ комендантъ потребовалъ къ себъ для объясненія. Они явились въ парадной формъ, усълись на дворовой стънъ и, когда, по докладъ объ этомъ ординарца, комендантъ вышелъ на крыльцо, начали даять на него по-собачьи. Ну что же съ ними делать?! Донести по пачальству? Скажуть, что коменданть не съумбль поселить къ себб достаточнаго уваженія. Арестовать, а потомъ выгнать изъ Пятигорска? Взволнуются въ Истербургъ, и тогда пиши пропало. Оставалось плюнуть и уйти въ комнаты, что и сдблалъ комендантъ.

Съ окончаніемъ курса, въ Септябрії, Пятигорскъ входилъ въ свою обычную рамку жизни. И вотъ объ этомъ мирномъ обществій безусловно хорошихъ людей, разъединенныхъ літомъ и соединявшихся осенью и зимою, я и намівренъ поговорить. Господа! Не все же описывать событія историческія и историческихъ дізателей. Конечно интересно читать о томъ, кто сколькихъ убилъ въ сраженіяхъ, разстрівляль и повізсиль; но обратите внимаціе на сочиненія Маколея и другихъ историковъ. Они посвящають сочиненія свои боліє общественной жизни, нежели описанію дізательности полководцевъ и иныхъ ве-

ликихъ людей, истреблявшихъ человъчество десятками и сотнями тысячъ. Впрочемъ, успокойтесь! Въ мои Записки попадутъ и полководцы, и администраторы, а пока я займусь кореннымъ составомъ Пятигорскаго общества 1847 года. Оно близко моему сердцу, и многіе изъ людей, о которыхъ я буду говорить, вызывають глубокое уваженіе, при воспоминаніи о нихъ.

Дамы и дъвицы того времени представляли ръдкое сочстаніс красоты, образованія и благовоспитанности. Напримъръ, воть двъ дочери коменданта и Анны Петровны Принцъ (только что окончившія курсъ институтки), Верзилины, Эмилія Александровна и Надежда Петровпа; Дюнантъ, Петровская, Куликова, мои сестры и многія другів.

На бадахъ и вечерахъ глаза буквально разбъгались при взглядъ на красавицъ барышень. Все это были дъти людей зажиточныхъ, у которыхъ недостатка въ средствахъ для нарядовъ не было и не могло быть.

Мужскіе представители Пятигорскаго общества того времени были люди служащіе. Комендантомъ быль полковникъ Принцъ, директоромъ Кавказскихъ минеральныхъ водь полковникъ Чайковскій (кажется, дѣдъ знаменитаго композитора). Главнымъ докторомъ воеппаго госпиталя оригиналъ и мизантропъ Ребровъ; командиромъ линейнаго батальона полковникъ Монаенко—все семейные люди. Затѣмъ чиновники, офицеры и врачи. Врачи-практиканты того времени были: отецъ мой, Рожеръ, Патерсонъ и Каргеръ, и по сравненію съ нынѣшними, пе мѣшаетъ сказать, что врачи-практиканты получали гопораръ, не торгуясь съ своими паціентами.

Осень, зиму и весну Пятигорцы приводили разнообразно и весело. Молодежь собиралась въ семействахъ, гдв были барышин. Танцовали подъ фортеньяно, играли въ фанты, веселились отъ души. Любители виста и преферанса проводили время въ домъ гостепріимной старушки Екатерины Ивановны Мерлини. Любители музыки собирались у насъ. Отецъ страстно любилъ музыку, зналъ ее, и хотя самъ не игралъ ни на какомъ инструментъ, но намъ, дътямъ, преподавалъ ее прекрасно. Устраивались дуэты и квартеты, съ акомпаниментомъ фортеньяно, на которомъ играла старшая сестра моя, Клавдія, впослъдствіи Любомирская, виртуозка въ игръ на фортеньяно, какъ о пей отзывались.

Е. И. Мерлини нъсколько ревновала къ намъ своихъ партнеровъ въ вистъ и преферансъ, и ежели который изъ нихъ запаздывалъ прійти къ ней, то она обыкновенно встрвчала его фразой: «Должно быть слушаль объдню у Дроздовых». По объдня эта, въроятно, была привлекательна, ибо въ 1853 году въ таковой охотно участвоваль юнкеръ легкой батарен 20-й бригады, графъ Левъ Пиколаевичъ Толстой, игравшій secundo на фортеньяно съ сестрой моей Клавдіей. Выборъ пьесъ быль трудный. Левъ Пиколаевичъ предночиталь Ветховена и Моцарта всвиъ остальнымъ композиторамъ, а въ особенности Итальянскимъ, музыку которыхъ опъ находилъ «сладенькою». По сестра играла достаточно хорошо, чтобы партіи ихъ проходили возможно гладко. Графъ частенько посвіцаль домъ отца моего и, увзжая въ Севастополь, въ знакъ памяти, оставиль подзорную трубу, которам долго у насъ сохранялась.

Въ Николинъ день устраивался первый балъ благороднаго собранія. Общество собиралось въ зданіи рестораціи Миперальныхъ водъ, въ томъ самомъ залѣ, гдѣ Печоринъ спасъ отъ обморока княжну Мери. Залъ обыковенно украшался зеленью, цеѣтами и арматурой. На хорахъ зала, блистательно освѣщеннаго люстрами и канделябрами, помѣщался оркестръ, подъ управленіемъ Санки, цирюльника госпитальной команды. Оркестръ состоялъ изъ цимбалъ, гуслей, скринки, флейты, кларнета, віолончели и контръ-баса. Канельмейстеръ Сашка нгралъ довольно порядочно на скрипвъ, при чемъ, ради потѣхи, пногда на квинтъ подражалъ чрезвычайно искусно писку ибиса. Всѣ артисты, равно какъ и самъ Сашка, были солдатики-Жидки, служившіе въ госпитальной командѣ; по изъ благопристойности, для баловъ имъ разрѣшено было надѣвать штатское платье, которое придавало имъ, ежели пе качества, такъ по крайней мърѣ внѣшность артистовъ.

Валъ, какъ заведено было въ прежнія добрыя времена, открывался обыкновенно польскимъ. Въ первой парѣ, съ какою либо изъ почетныхъ дамъ, парадировалъ П. А. Припцъ. Кончалось гросфатеромъ. Вотъ какъ сейчасъ вижу красиваго, представительнаго Петра Александровича, шествующаго съ подобающей торжественностью въ первой парѣ польскаго, и его же, превращавшагося въ юнаго весельчака, изобрѣтающаго самыя разпообразныя комичныя фигуры въ гросфатерѣ. Молодежь и даже старички, то степенно выступали въ первомъ колѣнѣ этого танца, то прыгали, бѣгали, скакали, хохотали вовторомъ его колѣнѣ съ учащеннымъ темпомъ. Нынѣшнія кадрили monstres не замѣнятъ милаго патріархальнаго гросфатера. Между польскимъ и гросфатеромъ танцовали кадрили, вальсъ въ три раз, польку tremblant, какъ ее тогда называли, польку съ различными фигурами

и мазурку. Легкими танцами дирижировалъ всегда Аркадій Павловичъ Озерецковскій. Дежурный старшина не давалъ задумываться молодежи и праздно сидёть по угламъ. Онъ былъ вездё и въ залѣ, и въ гостиныхъ, и въ буфетѣ, и только тогда успокаивался, когда всё дамы и дёвицы имѣли кавалеровъ-танцоровъ. Въ промежуткахъ между танцами разносили конфекты, фрукты, аршадъ, лимонадъ, кому что понравится, при чемъ дежурный старшина зорко слѣдилъ, чтобы на громадныхъ подносахъ, на которыхъ разносились фрукты и конфекты, остатковъ никакихъ не было. И маменьки танцующихъ уѣзжали домой, обыкновенно, щедро нагруженныя конфектами. Порядокъ этотъ соблюдался постоянно каждое Воскресенье. Все это было, и всего этого нѣтъ теперь.

Родина моя прекрасная и это милое, доброе старое время, когда люди и радовались, и горевали по-просту безъ затъй, какъ ты измънилась! Пятигорскъ нынъ и красивъе, и богаче, но не такъ привлекателенъ какъ прежде. Уходя впередъ во всевозможныхъ изобрътеніяхъ и сосредоточиваясь на одномъ лишь полезномъ, мы, чъмъ далъс, тъмъ болъе теряемъ теплоту и воспріимчивость душевную. Въ семът скучно, на балахъ скучно. Молодежь предпочитаетъ буфеты бальнымъ заламъ. Танцы и фанты ниже ея достоинства. Глядишь и удивляешься этой юности со старческою душою.

Святки и Масляницу проводили Пятигорскъ въ особенности весело и шумно. Балы, загородныя поъздки въ саняхъ на тройкахъ съ длинными хвостами изъ салазокъ, въ которыхъ помъщались кавалеры, придавали городу оживленіе. Курьерскія тройки мчались во весь духъ, салазки опрокидывались, кавалеры летали въ сугробы снъга, при чемъ совершались такія сальто-мортале, какія и не снились акробатамъ. Крикъ, визгъ, хохотъ далеко оглашали поля и горы. Поъздки эти заканчивались отдыхомъ въ коловіи Каррасъ у Богдана Ивановича Рошке, гдъ услужливая Марья Ивановна и ея хорошенькая невъстка, Лиза, всегда вздыхавшая при восноминаніи о Лермонтовъ, угощали промерзнувшую молодежь шоколадомъ и кофеемъ (конечно за деньги).

Все ило обычнымъ порядкомъ, и ни единое облачко не омрачало спокойно-радостную жизнь Пятигорцевъ. Бывали случаи и драматическіе, и трагическіе; но въ вихръ удовольствій они скоро забывались. Такъ напримъръ, въ 1860 году адъютантъ киязя Барятинскаго, поручикъ князь Горчаковъ убилъ на дуэли гусарскаго офицера барона Фитингофа. Съ братомъ этого Горчакова, княземъ Василіемъ, я вмъстъ

учился и вмъстъ кончилъ курсъ, а потому былъ хорошо знакомъ и съ княземъ Александромъ, который о дуэли своей разсказаль мит следующее.

«Въ числъ молодежи былъ гусарскій поручикъ, баронъ Фитингофъ. Гордый и заносчивый, онъ относидся ко всемъ съ отгенкомъ нъкотораго пренебреженія. Избалованный юноша, единственный сынъ очень богатаго помъщика Харьковской губерніи, баронъ обращался со всъми презрительно. Сначала это насъ удивляло и сердило, а затъмъ мы перестали обращать на него внимапіе. Я въ особенности быль спокоень между кипятившеюся молодежью. Мнв и въ голову не приходило, что я буду виновникомъ смерти этого красиваго и капризнаго мальчика. Однажды въ Желевноводске после обеда, часу въ 4-мъ, после прогудки въ парке съ княгинями Софьей Яковлевной п Анной Андресвной Святополкъ-Мирскими, мы съли отдохнуть на скамейкъ въ одной изъ узенькихъ аллей парка. Не прошло и и всколькихъ минуть, какъ въ началь этой аллен показалось два всадника. Это были всегда перазлучные баронъ Фитинговъ и обицеръ Ниппа, на довольно бойкихъ лошадяхъ. Опасаясь весьма естественнаго испуга дамъ, мимо которыхъ дошади должны были пройти, едва не касаясь ихъ кольнъ, я знакомъ началъ приглашать барона свернуть на объездную тропу, бывшую невдалекъ отъ того мъста, гдъ мы сидъли. Но баронъ, не обращая вниманія на мою, хотя и німую, но выразительную просьбу, провхаль мимо нась такъ близко, что дамамъ пришлось подобрать платья, чтобы лошади не наступили на подолы ихъ. Баропъ п Пиппа провхали. Я теривливо перенесъ оскорбление, напесенное этимъ невъжествомъ дамамъ и мив, и чтобы предупредить такую повздку вторично, при возвращении барона этимъ же путемъ, я поставилъ одну изъ скамеекъ поперекъ аллеи въ недальнемъ разстояніи отъ пасъ. Очевидно съ цълью вызвать меня на дерзость, баронъ, вернувшись по той же аллев и замътивъ преграду, заставилъ лошадь перепрыгнуть черезъ скамью. Я и въ этомъ случав стерпвлъ, хотя и следовало бы преподать урокъ въждивости дерзкому мальчику. Вскоръ мы встали, и я, проводивъ дамъ до ихъ квартиры, отправился домой переодъться. Въ это время ко мев пришель князь Грузпискій и передаль слідующее. Въ павильонъ, куда обыкновенно вечеромъ собиралась публика слушать музыку и танцовать, вошель Фитингофъ и громогласно произнесъ: «Я удивляюсь тому, что князь Барятинскій въ своей свить имбеть квартальныхъ надзирателей. Адъютанту его, князю Горчакову, приличнъе носить форму будочника и, въроятно, въ родъ Горчаковыхъ есть полицейскія наклонности. На замівчаніе князя Грузнискаго. что онь пріятель мой и потому просить барона взять свои слова па-111, 15

задъ, баронъ отвъчалъ, что отъ сказаннаго не отречется, и слова его князъ Грузинскій можетъ передать князю Горчакову. Извъстіе это встревожило мень очень и именно потому, что, по непреклонности моего характера, я оскорбленія этого Фитингофу простить не могь, и однимъ лишь извиненіемъ дѣло не кончится. Одѣвшись, я вышель изъ дому съ намъреніемъ зайти къ поручику Кабардинскаго полка фонъ-Шаку, просить его быть монмъ секундантомъ и передать мой вызовъ Фитингофу. Певдалекъ отъ моей квартиры я встрътилъ барона Фитингофа и, раскланявшись съ пимъ, сказалъ ему: «Варонъ, князь Грузинскій передалъ миъ ваши слова. Я считаю ихъ оскорбленіемъ для себя и прошу дать миъ удовлетвореніе». Варонъ согласился дать таковое, и я назвалъ фамилію моего секунданта. Секундантомъ Фитингофа былъ Ниппа.

Секунданты условились, и ръшено было на следующий день въ часовъ утра встрітиться протившикамъ въ ущельи у подошвы горы Бештау. Оружісмъ назначены были пистолеты. Фитипгофу стръять первому. Представьте: ни у меня, ни у Фитингофа не оказалось пистолетовъ, и фовъ-Шаку пришлось ночью скакать въ Пятигорскъ, гдв онъ и досталь ихъ у плацъ-адъютанта капитана Кинбурна. Инстолеты были старые, большого солдатского калибра. По другихъ не было, и пришлось удовлетвориться и теми, которые нашлись. Въ 5 ч. утра мы сошлись на условленномъ мъстъ. Баркеры были назначены на 10 шаговъ. Секупданты отмърили шаги и отмътили барьеры. Подходить къ барьерамъ мы должны были по командь: разъ, два, три. По третьей командъ противники стацовятся у барьера. Мы встали на назначенныя мъста и начали сходиться къ барьерамъ. Подойдя къ барьеру, Фитинговъ, пе поднимая пистолета, произнесъ: «Кпязь! Мы стреляемся съ вами изъ-за такого пустяка, что, можетъ-быть, извиненіе мое удовлетворить вась .-- «Объ этомъ, баронъ, было время подумать ранъе. Я пригласилъ васъ сюда не для того, чтобы съ пистолетомъ въ рукъ ожидать отъ васъ извиненія. Вамъ стрълять первому. Стрвияйте»!--Варонъ выстрвинъ и промахнулся. Веледъ затемъ выстрълиль я, и, къ несчастью, пуля попала ему въ пахъ. Рана безусловно смертельная, но съ моей стороны веумышленная. За дерзкія слова Фитипгова я хотвль линь наказать его, а не убить, и нотому цвлился ему въ погу, и ежели пуля попала ему въ нахъ, то виною тому невърность ружья. Годъ уже прошель цосль этой несчастной дуэли, а я и до сихъ поръ не могу забыть страдальчески-испуганнаго, почти дътскаго лица барона».

Воть точное описание этого поединка со словъ князя Горчакова. Кромъ секундантовъ тутъ присутствовали, какъ зрители, киязь Грузинскій и Хомутовъ. Князь Горчаковъ и фонъ-Шакъ по приговору военнаго суда были разжалованы въ рядовые; но вскоръ, за отличе въ Кавказскихъ экспедиціяхъ, имъ были возвращены и чины, и знаки отличій. Хомутова, какъ зрители, сослали на годъ въ Усть-Лабинское укрвиленіе, гдв, впрочемъ, онъ не скучаль съ своей красавицею-женой. Лидіей Васильевной, на которой онъ женился незадолго до ссылки его въ Усть-Лабу, будучи подъ судомъ въ Пятигорскъ. Да избавить Господь всъхъ отъ поединковъ! Не идти же въ камеру мироваго судьи судиться съ человъкомъ, оскорбившимъ васъ, вашу мать, жену, дочь или память умершаго отца? Вызовъ, или принятіе вызова обусловливаются еще и тъмъ общественнымъ положениемъ, которое вы заинмаете. Князь Горчаковъ быль именно въ такомъ положения, состоя адъютантомъ у киязя Барятинскаго, который, самъ будучи рыцаремъ чести, не могъ не относиться строго въ такихъ случаяхъ и къ людямъ окружающимъ его. Въ 1858 г. Эриванскаго полка поручикъ Макъевъ вызваль на дуэль командира этого полка, полковника Фохта. Фохть отказался. Маквевъ застублиль его изъ ружья почью черезъ окно и затыть быжаль. Онъ быль поймань на Персидской границы. Пазначено следствіе, которое и представлено было на конфирмацію главнокомандующаго. Князь Барятинскій, утвердивъ приговоръ суда во всей его строгости, сказаль: «Маквевъ имвлъ право убить Фохта, по не тайно и не совершая послъ этого побъга. И въ томъ и въ другомъ случай онъ поступиль не какъ дворянинъ и не какъ офицеръ, а потому и не заслуживаеть ни снисхожденія, ни милости». При такомъ взглядь на дело чести, могь ли адъютанть киязи Варятинского поступить иначе?

ГЛАВА II.

Отставка ки, Голицына въ 1848 г.—Прощальный балъ ему близъ Провала.—Отъдвать его въ Москву.—Лаваревскій Институть восточных выковъ.

Размолвка съ главнокомандующимъ Кавказскою арміей княземъ Воронцовымъ и тяжелыя раны, полученныя подъ Нарижемъ и на Кавказъ, понудили князя В. С. Голицына подать въ отставку, къ пепритворному сожальнію преданныхъ ему Кабардипцевъ. Въ глазахъ племени, въ средъ котораго были князья и дворяне, знатные по происхожденію и богатые по состоянію, такой баринъ, какъ князь В. С., не мелочной и щедрый, занималъ первенствующее мъсто, не по одному служебному положенію, но и по личнымъ его достоинствамъ. Въ лукавыхъ отъ природы горцахъ много сословнаго самолюбія и даже тще-

славія, которыми князь Голицынъ, въ случав надобности, умѣлъ искусно пользоваться въ продолженіи шести лѣтъ, что онъ былъ начальникомъ центра. Отставкой онъ выигралъ себѣ отдыхъ и спокойствіе, а князь Воронцовъ потерялъ въ пемъ дѣятельнаго и опытнаго помощника.

Передавъ должность князю Эристову, князь Голицынъ изъ Пальчика прівхаль въ Пятигорскъ, и 15-го Іюля 1848 г. на склонъ Машука, близъ Провала, приняль прощальный баль, устроенный для него Пятигорскими жителями и начальникомъ артиллеріи, генераломъ Семчевскимъ. Валь этотъ памятенъ для меня тъмъ, что на немъ ръшена была моя участь. Желая отблагодарить отца моего за его многолітнія медицинскія пособія, князь предложилъ матери моей воспитывать меня на свой счетъ. Зная хорошо семейство князя, матушка, убъжденная въ томъ, что мит будеть хорошо, охотно согласилась на такое предложеніе, тъмъ болье, что отецъ уже собирался пристроить меня въ Ришельевскій лицей. Подготовленъ я быль изрядно, и оставалось только опредълить меня въ какое-пибудь учебное заведеніе.

Напимъ домашнимъ образованіемъ занимались по очереди Смолянки-институтки, дочери вдовы Анны Ивановны Барановской, то въ качествъ гувернантокъ, то какъ учительницы, къ которымъ мы ходили на домъ. Женщина, съ чрезвычайно маленькими средствами и съ очень большимъ ссмействомъ, она обладала замъчательнымъ умъньемъ пристраивать ихъ въ лучнія учебныя заведенія. Жизнь ся происходила почти въ постоянныхъ поъздкахъ изъ Пятигорска въ Петербургъ и обратно, и всегда успъщно. То она встрътится съ Императрицей, то съ Императоромъ, упадетъ на колъни, подастъ прошеніе, поплачетъ, и просьбы ея исполнялись. Завести знакомство съ придворнымъ камердинеромъ или камеръ-фрау и узнать отъ нихъ, когда и гдъ можно встрътить Государя или Императрицу, ровно ничего не значило для Анны Ивановны; а впрочемъ честь и слава ей, какъ заботливой матери.

Я не помню, сколько у нея было дочерей; но смъло могу сказать, что Анна Ивановна и ея милыя дочки въ продолжение многихъ лътъ были единственными насадительницами просвъщения въ юныхъ Интигорцахъ. Кромъ общеобразовательныхъ предметовъ, дъвицы Варановския преподавали языки Французский и Иъмецкий и танцы. На смъну барышень, выходившихъ замужъ, приъзжали други сестры, оканчивавшия курсъ въ Смольномъ монастыръ, и такъ продолжалось до тъхъ поръ, нока не вышла послъдияя изъ дъвиць за мужъ. Латинскій языкъ преподаваль мит священникъ отець Левъ, а репетироваль по вечерамъ отецъ мой, и до отътада въ Москву я уже болталь по-французски и довольно бойко читаль по-латини.

Въ весьма немногихъ учебныхъ заведеніяхъ 40-хъ годовъ не было ин конкурсныхъ экзаменовъ, ни атестатовъ зрълости. Въ тъ времена слово «конкурсъ» имъло лишь коммерчесское значеніе для несостоятельныхъ должниковъ, а «зрълость» опредълялась жизненнымъ опытомъ, а не учебнымъ атестатомъ. Впослъдствіи, услышавъ выраженіе «атестатъ зрълости», а долго не умъль понять, что это такое.

Въ началь Августа князь рышиль вывхать изъ Пятигорска въ Москву. Накануив отъезда онъ зашель къ намъ условиться о часъ и мысты отъезда на следующий день. Я прыгаль отъ восторга жхать въ былокаменную и златоглавую Москву; сестры завидовали мнъ.

Къ 7 часамъ утра слъдующаго дня уже всъ были на ногахъ, на дворъ стоялъ запряженный экипажъ, и кучеръ Димитрій по обыкновенію бесъдовалъ съ Бурымъ п Гиъдимъ, которыхъ онъ всегда усовъщивалъ вести себя смирно и прилично, во время отлучекъ его съ козелъ въ трактиръ или кабачокъ (бесъды эти обыкновенно оканчивались разбитымъ экипажемъ и порванной сбруей по нъскольку разъ въ теченіи года).

Вев мы собрались въ залѣ проститься; пришли и няни, и горничныя, и поваръ. Матушка благословила меня образкомъ св. Митрофанія; отецъ все сморкался и, утвшая меня, не замвчалъ слезъ, которыя катились у него изъ глазъ. Прощанье было непродолжительное. Перецвловавъ отца, мать, сестеръ, брата Яшу и прислугу, я выбѣжалъ на крыльцо, прыгнулъ въ экинажъ; вслъдъ за мной съли отецъ и мать, и мы нокатили въ ресторацію къ князю. Во дворѣ рестораціи уже стоялъ дормезъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ лошадей. Родители пошли къ князю, а я влѣзъ въ карету, не помня себя отъ восхищенія. Вскорѣ вышли отецъ, мать и князь. Родители еще расцѣловали меня на прощаньс, князь сѣлъ въ карету, дверцу захлопнули, камердинеръ прыгпулъ на козлы и крикцулъ «пошель!» Лошади дружно сдвинули съ мѣста тяжелый экипажъ и, плавно нокачиваясь на рессорахъ, мы вывъзали со двора рестораціи. Прощай Пятигорскъ! Прощай, моя прекрасная родина!

Бхали мы день и ночь. Въ дормезъ откидывались спереди на заднее сидънье доски съ мягкими подушками, и камердинеръ Борисъ устроиваль прекрасныя постели. Днемъ князь или дремаль или читаль «Мертвыя Души» Гоголя, въ которыя и я заглядываль отъ нечего дълать. Попробоваль я было однажды заплакать въ то время, когда изъ глазъ моихъ, постепенно умаляясь, наконецъ, совсёмъ скрылись и Машукъ, и Всштау; по князь назваль меня «размазней», и я пересталь плакать. По пути князь на нёсколько часовъ останавливался сначала въ станицё Михайловской близъ Ставрополя у наказнаго атамана Николасва, затёмъ близъ Новочеркасска въ Мишкинѣ, имѣніи князя Голицына, женатаго на дочери графа Платова, и на ночлегъ въ Воронежѣ въ гостиницѣ Швановича, гдѣ меня выкупали въ теплой ваинѣ, а затѣмъ отвезли приложиться къ мощамъ св. Митрофанія.

Повизна мъстъ и впечатавній, изъ коихъ сильнъйшее произвело на меня переправа черезъ Донъ по пловучему мосту, который, при движеніи по немъ тяжелаго экипажа и шестерика лошадей, погружался въ воду, и лошади брели въ ней по щиколку (при чемъ я очень боялся утопуть), вытъсцили изъ памяти моей и Пятигорскъ, и педавнюю разлуку съ родными.

На шестой день въ полдень мы въвхали въ Москву черезъ Серпуховскую заставу. Уличный шумъ, грохоть, многолюдная толна, сновавшая взадъ и впередъ, вывъски на магазинахъ, разнощики съ лотками на головахъ, выкрикивавшіе разными голосами и на
разные лады, совсьмъ ощеломили меня. Такъ вотъ она, эта Москва!
О такомъ многолюдствъ и оживленіи мнѣ, конечно, и не снилось.
Одна изъ вывъсокъ, съ надпислю о продажь Китайскихъ чаевъ, съ
нарисованными на ней Китайцами но концамъ и огромными золотыми буквами, навела меня на соображенія, высказанныя вслухъ,
что должно быть отецъ получаетъ чай отсюда, ибо мы пьемъ чай Китайскій. Князь расхохотался и, очевидно, мальчикъ, переходившій оть
окна къ окну кареты съ самыми искренними восклицаніями удивленія, забавлялъ его.

Долго ли, коротко, мы прівхали наконець къ дому князя у Бутырской заставы. Прислуга первоє время принимала меня за Черкесенка, взятаго въ плінь бариномь на Кавказі. Меня выкупали, накормили, переоділи, и я побіжаль осматривать комнаты съ ихъ невиданными мною роскошью и великолітемь. Въ этомъ лабиринтік компать и корридоровь я едва не заблудился.

Борисъ, уже отыскивавшій меня, проводиль меня въ паркъ, гдъ къ несказанному моему удовольствію оказались качели. Въ день на-

шего прівзда мы не застали княгиню съ дочерью: онв были въ Троицко-Сергіевской Лавръ.

На другой день утромъ князь въ Донскомъ атаманскомъ мундиръ отправился въ Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ опредълить меня, а вечеромъ и отвезли меня туда прямо къ ужину. Непривычный для меня шумъ и толкотия мальчишекъ и ошеломили, и испугали меня, и ежели бъ не воспитанникъ старшаго класса, Теръ-Асатуровъ, назначенный ко мнъ руководителемъ ил первыхъ порахъ, то я расплакался бы горько. Мальчишки смъялись и надъ костюмомъ моимъ (полуфракомъ, которымъ я такъ гордился), и надъ застънчивостью моей, даже трусостью. Всъ эти мальчуганы казались мнъ въ то время какими-то разбойниками, которые убыотъ меня. Въ столовой я плотно прижимался къ Теръ-Асатурову, и потомъ въ спальнъ, уже раздътый и уложенный въ постель, я просилъ его не оставлять меня. Юноша этотъ былъ такъ добръ, что только въ то время оставилъ меня, когда и заснулъ.

На слёдующій день утромъ, одёваясь, я не нашель въ карманів панталонь моихъ кошелька съ 10 новенькими серебряными рублями и перчатокъ. Теръ-Асатуровъ, навёстившій меня во времи одёванья, замітивь мое смущеніе и узнавь о причинів его, тотчась же заявиль объ этомъ дежурному надзирателю. Деньги и перчатки были найдены у дядьки, чистившаго мое платье. Дядьку немедленно выгнали вонъ, а деньги и перчатки поступили въ канцелярію правленія Института, секретарь котораго выдаваль мій деньги понемногу по мірів надобности, а перчатки выдали мий при окончаніи курса.

Основывая Институть, Лазаревъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду сдѣлать доброе дѣло исключительно для Армянъ, проживающихъ въ Россіи; но широкія права, присвоенныя Институту въ 1848 году, привлекли дѣтей мпогихъ Русскихъ, и училище, возведенное на степець высшихъ учебныхъ заведеній, предназначено было для приготовленія драгомановъ къ Азіатскимъ посольствамъ. Въ 1848 г. на 70 человѣкъ Армянъ не было и 30 Русскихъ мальчиковъ; а въ 1854 изъ 200 слишкомъ воспитацииковъ было лишь около 60 Армянъ. Прежде Армяне били насъ и при томъ съ искусствомъ, которое входило въ курсъ предварительнаго воспитанія ихъ въ Тифлисѣ и Нахичевани на Армянскихъ базарахъ; а затѣмъ искусство ихъ подчинилось нашей численности, и тѣлеса наши были въ безопасности отъ Армянскихъ тумаковъ.

Лазаревъ не поскупился на издержки при основани Института. Кромъ роскоппаго зданія онъ пожертвоваль значительный капиталь, на проценты съ котораго содержались стипендіаты его имени, администрація и учебный персональ Института, ремонтировалось зданіе и содержался прекрасный садъ, примыкающій къ Златоустовскому монастырю. Плата за пансіонеровъ была 300 р. въ годъ, за полупансіонеровъ съ правомъ объдать 200 р.; да иначе и не могло быть по отношенію къ полупансіонерамъ, нбо классныя занятія были и послъ объда съ 2-хъ до 6 часовъ. Приходящихъ, съ правомъ платить лишь за уроки, не было.

Въ 1848 г., исправляющимъ должность директора былъ инспекторъ классовъ Алексъй Зпновьевичъ Зиповьевъ. Въ виду дополненія трехъ классовъ, а именно, приготовительнаго и двухъ спеціальныхъ съ правомъ на чинъ 12-го класса, не было опредъленныхъ штатовъ начальствующихъ лицъ. Съ дополненіемъ классовъ измънилась и нумерація ихъ, и я, поступивъ во второй классъ, очутился въ третьемъ.

Форменное платье воспитанниковъ въ первыхъ шести классахъ состояло изъ куртокъ для класныхъ занятій и мундировъ съ фалдами для праздниковъ; а въ двухъ спеціальныхъ—изъ вицмундирнаго двух-бортнаго сюртука и мундира съ фалдами, съ золотыми петлицами на черныхъ бархатныхъ съ краснымъ кантомъ воротникахъ. Спеціалистамъ присвоены были шпаги и треугольныя шляпы.

Въ концъ 1848 года директоромъ Института назначенъ былъ моракъ, капитанъ 1-го ранга, Семенъ Ильичъ Зеленый, извъстный въ то время составитель алгебры и авторъ лекцій популярной астрономіи, читанной имъ въ Морскомъ Корпусъ. Высоко-образованный, мягкій человъкъ и педагогъ, прекрасный администраторъ, онъ сразу ноставилъ Институтъ на степень высшаго учебнаго заведенія. Москвичи, князья и столбовые Русскіе дворяне, начали пополнять Институтъ своими сыновьями. Съ увеличеніемъ состава воспитанниковъ, значительно увеличилась и измѣнилась администрація его. Воспитателями пли, какъ въ то время называли ихъ, надзирателями приглашены были Французы, Нѣмцы и Русскіе отличные и по образованію, и какъ педагоги. Воспитателей было 12 человъкъ, и дѣлились они по 6 человъкъ на дежурства, Французское и Нѣмецкое, при чемъ воспитанники обязаны были обращаться къ нимъ, соображаясь съ дежурными, или на Французскомъ или на Нѣмецкомъ языкахъ.

За отступленіемъ оть этого правила воспитанникамъ младшихъ классовъ, въ видъ наказанія, навъшивался на грудь красный суконный

языкъ, ношение котораго лишало права на получение третьяго блюда. Конечно, правило это не особенно строго соблюдалось, но распространеніе языковъ Французскаго и Нѣмецкаго между мальчиками замътпо усилилось. Изъ воспитателей я припоминаю Ивана Мартыновича Яннау, Августа Карловича Фабриціуса, Григорія Павловича Ребристаго, Василія Алексвевича Бъляева и Французовъ: Дюфё, Плафянъ, Трестера. Между учителями выдълялись и знаніями своимъ, и преподаваніемъ разумнымъ и увлекательнымъ, профессора: Инкита Осиповичь Эминъ (онъ же и инспекторъ классовъ съ 1849 года), Степанъ Исаевичъ Назаръянцъ, оба извъстные въ то время оріенталисты, А. З. Зиновьевъ, читавшій Русскую словесность, и профессоръ Московскаго университета Өеодоръ Лукичъ Морошкинъ, преподававшій намъ законовъдъніе, по курсу Рождественскаго. Учителями Русскаго языка были Николай Михайловичь Поповъ, закона Божія—Смириовъ-Платоновъ, математики-Леонардъ Осиповичъ Повидкій, исторіи и географін-Василій Навловичь Гривцовь, Французскаго языка-Куртперъ и Петерманъ, ариометики Василій Андреевичъ Тихомировъ, Персидскаго языка - Тегеранскій Армянинъ Николай Ивановичь Давришевъ, увърявній, что отъ Тегерана до Пстербурга только опъ одинъ знатокъ Персидскаго языка и Арабскихъ басевъ Локмана; Турецкій языкъ преподавалъ Лазаревъ. Танцамъ училъ насъ танцовщикъ изъ Московскаго балета, уже устаръвшій для сцены-Пъшковъ, гимпастику и фехтованье-Ивановъ, преподаватель того и другого въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ.

С. И. Зеленый не такъ давно скончался, будучи предсъдателемъ главнаго морского суда; но память о немъ не должна умереть въ Институтъ восточныхъ языковъ.

Институтъ этотъ, изъятый изъ въдомства попечителя Московскаго округа, находился подъ покровительствомъ Наслъдиика Цесарсвича Александра Николасвича и попечителей, камергеровъ Ивана Акимовича и Христофора Акимовича Лазаревыхъ. Въ средъ учебнаго и административнаго въдомствъ этотъ Институтъ былъ единственнымъ исключеніемъ, п кромъ министра народнаго просвъщенія и своего начальства къ намъникто не заглядывалъ и не имълъ права заглянуть.

Въ то время, когда въ Россіи тълесныя наказанія доведены были до степени виртуозности, у насъ за все время съ 1849 по 1855 годъ было лишь нъсколько случаевъ, въ которыхъ директоръ употребилъ розги; да и то, какъ говорится, лишь для проформы, ибо свыше ияти ударовъ и не бывало. Между тъмъ, какъ и вообще между мальчиками,

были шалуны и лъптян; по шалости не переходили за границу приличій, и весьма естественно, потому, что діти были все изъ хорошихъ семействъ. По части шалостей отличались изобрътательностью Бурцевъ и Толстой. Такъ напримъръ, однажды, заготовивъ предварительно дагушку, они стащили со стола серебряную большую табакерку у полуслъпаго старичка, учителя ариометики В. А. Тихомирова, высыпали табакъ, а въ табакерку посадили лягушку и затъмъ ее обратно поставили на столъ. В. А., углубленный въ разсматривание тетрадокъ класныхъ занятій, нъкоторое время не обращалъ вниманія на эволюцін, которыя выділывала табакерка по столу; но затімь, когда она пачала стучать по столу, онъ, крайне удивленный прыжками табакерки, сталъ присматриваться къ ней и переставлять ее съ мъста на мъсто, въроятно соображая, въ силу какихъ законовъ физическихъ серебряный ящикъ началъ оказывать признаки жизни. Зная, въ чемъ дівло, мы едва удерживались отъ сміха. Наскучивъ наблюденіемъ за табакеркой извий, В. А. пожелаль познакомиться съ внутренностью ся, взяль табакерку въ руки и, поднеся ее довольно близко къ глазамъ, открылъ ес. Лягушка, почувствовавъ конецъ ся временнаго ареста. и нашохавшись достаточно остатковъ табаку, выпрыгнуда. Изумленію В. А., уронившаго табакерку на поль, при чемъ она помялась, не было предвловъ. По быстро сообразивъ, что это было лишь шкельничество, старикъ самъ разембялся и назвалъ насъ шалунами, при чемъ не счелъ нужнымъ жаловаться на насъ начальству; а мы, сложившись, вместо помятой табакерки, купили ему другую, болъе красивую и дорогую, и приподнесли ему.

Выли у насъ и любимые учителя, и нелюбимые. Къчислу послѣднихъ относился учитель Нѣмецкаго языка, Вернеръ. Небольшого роста, худенькій, щегольски одѣтый, прилизанный Нѣмчикъ, заносчивый и гордый съ Гусскими поросятами, какъ насъ звали Пѣмцы вообще, Вернеръ былъ предметомъ и насмѣшекъ, и школьничествъ. То ему нечаянно обольютъ фракъ чернилами, то его посовымъ платкомъ вытрутъ классную доску, то подставятъ ему ногу въ то время, когда онъ входить въ классъ, и Нѣмецъ съ розмаху растягивается на паркетѣ; словомъ, не перечислишь всѣхъ тѣхъ истязаній, которымъ подвергали Вернера до тѣхъ поръ, пока онъ не догадался оставить Институтъ. Здѣсь кстати сказать о томъ, что воспитанники, изучавніе восточные языки, имѣли право не учиться Нѣмецкому и Латинскому, такъ что у Вернера и у учителя Латинскаго языка Меншикова, высокаго, длиннаго, худого латиниста во фракѣ съ фалдами на подобіе ласточкиныхъ крыльевъ, было въ каждомъ классѣ не болѣе двухъ-трехъ учениковъ, а остальные занимались метаніемъ бумажныхъ стрълокъ въ ихъ мудрыя головы.

Въ 1849 году, какъ извъстно, во многихъ Европейскихъ университетахъ происходили довольно серьезные безпорядки. Чтобы не допустить этого и въ нашихъ, министерство издало строго дисциплинарные уставы для нихъ; но и не для однихъ студентовъ только, а и для ленцій профессоровъ, что, несомивино, ожесточало сильно студентовъ. Въ Московскомъ университеть въ это время были такіе профессорасвътила, какъ Грановскій, Шевыревъ, Крыловъ, Рулье и мн. др., лекціи которыхь вслідствіе строгой цензуры поневолі обратились въ школьные уроки. Разумная свобода, которой пользовались мы въ это же самое время, возбуждала зависть у студентовъ. Не только преподаватели наши, конечно, въ старшихъ классахъ, читали лекціи свои, не ственяясь цензурой, но и само начальство снисходительно относилось къ болговив молодежи, совершенно разумно заключая, что между словомъ и дъломъ разница большая, и такое или иное направление политическихъ убъжденій вырабатываеть жизнь дъйствительная, а не школьная. У насъ были кружки и политическіе, и литературные. Забавно и теперь вепомнить о техъ политическихъ соображенияхъ относительно карты Европы, которыя высказывались воспитанциками 6-го или 7-го классовъ. Изъ числа воспитанниковъ того времени и въ настоящее время можно указать на дъятелей высокопоставленныхъ. Напримъръ, Александръ Семеновичъ Іонинъ, съ которымъ мы вивстъ тан пироги въ Лазаревскомъ Институтъ отъ 3-го до 8-го класса включительно, въ настоящее время тайный совътникъ и чрезвычайный посланникъ въ Аргентинской республикъ. Иванъ Алексъевичъ Зиновьевь, двумя годами ранве насъ окончившій курсь, занимаеть тоже весьма важный пость въ Министерствъ Ипостранцыхъ Дълъ. Сколько мив извъстно, ни одинъ изъ воспитанниковъ Лазаревскаго института не отличался и не отличается политической неблагопадежностью. Поименовавъ Л. С. Іопина и И. Л. Зиповьева, я не могу обойти молчанісмъ и Александра Семеновича Зеленаго, который ныпь въ чинъ геперала-лейтепанта генеральнаго штаба занимаеть видное положение на Кавказъ.

Экзамены были у насъ годичные, начинавшіеся, какъ и нынѣ, съ Мая мѣсяца. Первый экзаменъ быль изъ Закона Божія, и на этотъ экзаменъ иногда жаловаль къ намъ и митрополитъ Филаретъ, котораго мы таки побаивались, не потому, чтобы онъ былъ слишкомъ строгимъ экзаменаторомъ, а просто внѣшность его смущала насъ. Маленькаго

роста, почти сухой старичокъ, митрополитъ имълъ взоръ суровый и такой пропицающій, что казалось намъ, будто онъ знасть всъ наши впутреннія достопиства или педостатки и даже каждому можетъ наниеновать билетъ мало ему знакомый. Камнемъ преткновенія для насъбыль Катихизись, составленный имъ же и, какъ авторъ, онъ несомнънно интересовался, насколько произведеніе его усвоивается нами, и потому часто давалъ вопросы помимо билета.

Вызывали пасъ по алфавиту. Въ спискъ вмъсть со мною значился Данзасъ. Мальчикъ онъ былъ способный, но избалованный маменькинъ сынокъ и притомъ съ лънцой.

На экзаменъ изъ 5-го въ 6-й классъ присутствовалъ и митрополить. Вызывають меня и Данзаса. Взяли билеты. Я заглянуль въ билеть Данзаса и вижу, что билеть легкій и хорошо ему знакомый. Данзасу отвъчать первому. Данзасъ красиветь, бледиветь, но молчить. Законоучитель предлагаеть прочесть билеть. Молчаніе. «Можеть быть, ны не знаете билета? Возьмите другой! У Данзаса показываются слезы на глазахъ; онъ открываеть роть, засовываеть въ него нальцы п вытаскиваеть изо рта большой комокъ ваты, который мъшаль ему говорить. Вату онъ препровождаеть въ карманъ мундира и бойко читаеть билеть. Всв изумлены. Директоръ спрашиваеть, не болять ли у иего зубы. Ивтъ. «Зачвиъ же вы напихали себв ваты въ ротъ?»-«Она отъ иконы Иверской Божьей Матери: я боялся срезаться на экзамень; мыв посовытовали взять ваты оть чудотворной иконы, положить въ роть, и тогда я буду знать даже то, о чемъ мнв и не снилось. С. И. улыбнулся такой наивности. Митрополить, заметивь эту улыбку, насупился и, назвавъ Данзаса лентяемъ, посоветовалъ ему хорошенько учиться, ибо чудеса совершаются не для тунеядцевъ.

И читалъ проповъди Филарета и лично слыхалъ его въ Чудовомъ монастыръ. Проповъди его отличаются высокимъ литературно-бого-словскимъ достоинствомъ, изобилуютъ неологизмами и по своему научно-богословскому содержанію скоръе лекціи, а не проповъди. Религія есть принадлежность чувства и инстинкта, а не ума, ибо умъ склоненъ къ скептицизму; а потому и проповъди лишь тъ сильны, которыя производятъ впечатлъніе прямо на чувства. Въ проповъдяхъ современника Филарета, архіепископа Иннокентія, болъе чувства. Красноръчіе его было увлекательно, а потому и ближе къ цъли.

Праздничные дни я проводиль у князя Голицына. Кромѣ удовольствія полакомиться прекраснымъ обѣдомъ и конфектами, которыя

приготовлялись домашнимъ кондитеромъ Уваромъ, я каждое Воскресенье получалъ отъ князя билетъ въ театръ, который любилъ страстно.

Драматическій театръ того времени быль полонъ такихъ знамепитостей, какъ Щепкинъ, Самаринъ, Шумскій, Живокини, Полтавцевъ, Садовскій, Васильевъ, Васильева, Сабурова, Акимова и Бороздина. По я быль еще слишкомъ юнъ, чтобы понимать великихъ артистовъ-художниковъ, и потому предпочиталь балеть, производивній сильное висчатлівніе и декораціями, и раздичными превращеніями, и прекрасной музыкой. Балеринами того времени были Санковская. Андреянова и Ирка-Матіасъ. Само собой разумъется, что балетоманы составляли лагери, враждовавшіе между собою изъ-за излюбленныхъ тапцовщицъ. Почитатели Санковской учиняли скандалы Андренновой и наоборотъ. И воть однажды, поклонники Санковской учинили премерзкій скандалъ Андреяновой, которая тапцовала въ балетъ Сатанилла. Я былъ въ это время въ театръ, а потому и разскажу объ этомъ случав, какъ очевидецъ. Въ первомъ и во второмъ дъйствін балета, Андреяновой то шикали, то апплодировали. Въ третьемъ актъ, послъ весьма труднаго pas des deux, въ то время когда Андреянова и Монтасю, окончивъ раз, остановились въ чрезвычайно граціозной погь, къ погамъ Андреяновой изъ райка быль брошенъ какой то предметь съ длипною широкой лентой. Зрителямъ, а въ томъ числъ и миъ, показалось, что предметь этоть должень быль упасть по ходу ньесы. По предположение это длилось не болже секунды. Монтасю подняль упавшій предметь, который оказался большой дохлой кошкой, съ лептою на шев. Монтасю, взглянувъ на публику и отшвырнувъ отъ себя далеко за кулисы кошку, выразилъ мимикой знаки укоризны, относя. щісся къ публикъ. Андреянова закрыла лицо руками, и видно было по судорожнымъ движеніямъ груди и плечъ ея, что она плакала. Смитеніе въ публикъ и на сценъ трудно передать. Въ партеръп въ ложахъ мужчины и дамы всв встали, начали раздаваться крики участія къ невинно-пострадавшей артисткъ. Сцепа наполнилась артистами и артистками, не участвовавшими въ балетъ, въ обыкновенныхъ костюмахъ; они подходили въ артисткъ, очевидно съ знавами участія въ ней и глубокаго негодованія къ оскорбленію, которос было ей напесено. Публика кричала, топала ногами, стучала стульями и креслами, дамы махали платками. Затъмъ на сцену изъ партера и изъ ближайшихъ къ сцепъ ложъ полетъли вънки и буксты, которыми буквально закидали несчастную артистку. Полиція заметалась, міновенно оцівнили всв ложи и раскъ, и въ этотъ же вечеръ открыть быль и виновникъ этого по истинъ мерзкаго поступка. Таковымъ оказался гвардейской

артиллеріи штабсъ-капитанъ Булгаковъ, сынъ Московскаго почть-директора, а орудіемъ его какой-то дюжій мѣщанинъ, который и бросилъ кошку изъ райка съ правой стороны сцены. На слѣдующій день почитатели Андреяновой послали Санковской на квартиру пучокъ розогъ, обернутый атласомъ. Такимъ образомъ поквитались Андреянисты съ Санковистами, а Булгаковъ посланъ былъ за скандалъ этотъ на Кавказъ.

Ирка - Матіасъ была счастливъс. Въ продолжение нъсколькихъ лътъ она танцовала одна. Соперницъ не было, и Москва, цънительница ея таланта и красоты, приносила ей дань и деньгами, и въ стихотвореніяхъ, какъ напримъръ:

> Ты идеаль и гибкости, и граціи, Прими, Ирка, изъ нашихъ рукъ в'явець За стройный станъ, за нъгу южныхъ націй, За пожку, типъ Китайскій, паконець.

> > * *

Тебъ кадатъ мужчины, дъти, дамы; Вею публику приводишь ты въ восторгь; Съ тобой бадетъ, принявъ размъры драмы, Не разъ слезу сочувствія исторгъ... и проч.

Већућ стиховъ я не помню, но и въ этихъ двухъ строфахъ выражается достойная оценка таданта хорошенькой Ирки Матіасъ. Кром'в общаго поклоненія Москвичей, были у Ирки - Матіасъ поклонинки и исключительные, съ которыми она поступала съ безпощадностью истинной дочери Израиля, и таковые поплатились за благоволеніе этой Терпсихоры своими родовыми помъстьями и благосостояніемъ семей. Изъ вышеприведенныхъ стиховъ нельзя не замътить, что балеть того времени быль мимической драмой. И въ самомъ дёль, въ балетахъ 1840-1850-хъ годовъ преобладала пластика, и балеты въ большинствъ, отличаясь драматическимъ содержащемъ, были благопристойны. У танцовщицъ юбки были ниже кольна, танцы отличались чрезвычайной скромностью и граціей. Въ тапцахъ того времени не было ничего эротического. Не то мы видимъ нынв. Балеть превратился въ акробатическое представленіе, въ которомъ танцовщицы п танцовщики не только изумляють своими головоломными раз и полетами, по и заставляють содрогаться зрителей за жизив исполнителей.

Въ 1851-мъ году Москву посвтила Фании-Эльсперъ. Москвичи, склонные къ восторгамъ вообще, совсвмъ обезумвли.

Во все время пребыванія Фанни-Эльснерь въ Москві, я виділь ее каждую Субботу въ домі князя Владимира Сергівевича, куда она прійзжала обідать и гді проводила вечера. Общество собиралось пебольшое, но избранное. Вечера эти семейнаго характера посіндала писательница графиия Растоичния и ся мрачный, лысый и съ обкусанными погтями супругь. Танцовали подъ фортеніано, болтали, острили. Въ танцахъ принимала участіє и Фанни-Эльсперь.

Однажды князь шутя сказаль ей о томъ, что и я влюбленъ въ нес. Знаменитая балерина, подшучивая надо мной, пригласила меня протанцовать съ нею кадриль, а въ воспоминаціе этого событія подарила мнъ цвътокъ изъ маленькаго букета, приколотаго у ней на груди. Восторгъ мой трудно описать. Педълю цълую я былъ, какъ шальной, получилъ немало двоекъ, но за то сдълался героемъ между товарищами.

Въ 1851-мъ году Фанни-Эльснеръ было лътъ 40. Нъсколько выше средняго роста, очень стройная и изящиал, она на всъхъ производила внечататние чарующее. Въ балетахъ Жизели и Эсмеральдъ она талантливою пгрою вызывала искрепнія слезы у зрптелей. Прощавсь съ артистами Московскаго балета, она всъмъ имъ сдълала очень богатые подарки, а въ томъ числъ и учителю танцованія у насъ Пъшкову налку чернаго дерева съ большимъ, художественно-сдъланнымъ, золотымъ набалдашникомъ. По отъвздъ изъ Москвы, она, говорять, вышла замужъ за какого-то Иъмецкаго герцога.

Съ отъйздомъ Фанни-Эльснеръ наступиль Великій пость. Казалось бы, что Москва должна успоконться; но не туть то было. Сначала Москву ваволновало убійство княгини Голицыной Зыковымъ, который собирался постричься въ монахи, но, какъ видно предсети міра сего были сильнъе стремленія къ царству небесному. А затьмъ Москвичи предались столоверченію. Аксаковы, съ кликою Славянофиловъ, вонили о бъдствіяхъ братьевъ нашихъ Славянъ. Филареть громилъ проповедями грешниковъ, предавшихся бесу любопытства узнать будущее свое изъ постукиванія столовъ. Сорокъ сороковъ заунывнымъ звономъ колоколовъ призывали на молитву, по все тщетно. Явился и полоумный Иванъ Яковлевичъ Давьятовъ, безъ церемонін илевавній въ несочинцу или въ лица вопрошавнихъ, изъ чего дълались различныя заключенія, конечно, собственнаго изобратенія посатителей. На улицахъ Москвы показались юродивые, между которыми особенной праведностью отличался Филипушка, вооруженный железной дубиной, съ большимъ мъднымъ голубемъ на рукояткъ. Юродивые,

гремя цёнями веригь, прорицали, икали, плевали и предсказывали скорое пришествіе Антихриста съ семью печатями во лбу. Усердныя почитательницы юродивыхъ плакали и кормили ихъ на убой сайками и калачами съ икрой. Начали появляться чудотворныя иконы съ муроточивыми глазами. Полиція ловила юродивыхъ. Духовенство обнаруживало обманы. Словомъ, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ.

Отношенія политическія наши къ Европъ и къ Турціи въ особенности обострялись. Москвичи не унывали и заготовляли знаменития шапки, чтобы закидывать враговъ.

Семейство князя Голицына два лётнихъ мёсяца проводило обыкновенно на жительстве въ посаде Троицко-Сергіевской Лавры, куда
и меня нередко брали. Все меня интересовало въ этомъ историческомъ гиезде Русской славы и величія. И гробница преподобнаго
Сергія, къ мощамъ котораго я благоговейно прикладывался, и гробница Вориса Годунова съ его семействомъ; и башня, съ которой юный
царь Петръ стрелялъ утокъ; и монастырскія стены, въ которыхъ еще
были заметны следы Польскихъ ядеръ. Въ воображеніи живо рисовались картины Святителя Сергія, благословляющаго Димитрія Донскаго на битву съ Татарами, и рыцарей-монаховъ Осляби и Пересвета, облеченныхъ въ броню, и Петра, спасающагося съ крестомъ въ
алтаре отъ убійцы, подосланнаго Софьей, и мужественныхъ монаховъ,
отражавнихъ и отразившихъ продолжительную осаду Русской святыни
полчищами Поляковъ. Троицкая Лавра подна воспоминаній, много
говорящихъ уму и сердцу Русскаго человека.

Препровожденіе времени моего въ Троицкой Лаврѣ проходило въ посѣщепіи заутрень, литургій, вечерень и всенощныхъ въ Троицкомъ соборѣ, въ которомъ благолѣпная и торжественная служба и пѣпіе монаховъ производили впечатлѣніе отрадное. Былъ я и въ окрестностяхъ Троицкой Лавры, а именно, въ Виеаніи, нѣкогда дворцѣ мптрополита Платона, и въ скиту. Скитъ въ то время отличался вонервыхъ, замѣчательнымъ подборомъ монаховъ. Всѣ они были очень большаго роста, худые, блѣдные, съ длинными сѣдыми бородами. Въ оградѣ скита находилась маленькая деревянная церковь, сколоченная изъ обтесанныхъ бревенъ безъ гвоздей. Церковная утварь вся была деревянная. Облаченія священно-іеромонаховъ ситцевыя. Влизъ этой церкви, подъ деревяннымъ навѣсомъ, находилась могила, вырытая въ то время, не глубже аршина, собственноручно для себя митрополитомъ Филаретомъ, пріѣзжавшимъ для этой цѣли лѣтомъ на нѣсколько дней

изъ Москвы. Подъ землею находились обширные корридоры и церковь, въ которой отправлялось богослуженіе. Для притока наружнаго воздуха въ подземную церковь и корридоры были проведены трубы къ поверхности земли. Пъпіе монаховъ во время богослуженія въ этихъ катакомбахъ, исходившее изъ подъ земли, производило впечатлъніе потрясающее. Въ скать этотъ женщины допускались однажды въ годъ, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 15-го Августа. Все вышесказанное производило впечатлъніе глубокое и отрадное; но жизнь тамъ, а въ особенности для мальчика, и тяжела, и скучна, а потому я и не особенно рвался туда впослъдствіи, предпочитая Москву съ ея Петровскимъ паркомъ, Сокольниками и Марьиной рощей, въ которой грустиль наить чувствительный поэть Жуковскій.

Въ 1854 году и окончить курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса. Проектовъ объ избраніи для меня рода службы было немало. Отецъ проектироваль определить меня учителемь въ Интигорское увздное училище. Такое желаніе князю казалось ни съ чемъ несообразнымъ. Да и въ самомъ дълъ, песообразно бы было засунуть мальчика, окончившаго курсъ въ высшемъ и даже аристократическомъ учебномъ заведенін, какчит въ то время считался Лазаревскій неституть, въ утвяное училище учителемъ. Да и что же это за учитель въ 17 лътъ! Князь, черезъ графиню Illyазель и графиню Пессельроде, клопоталь объ опредълени меня чиновникомъ особыхъ поручений въ Тифлисъ при князь Воронцовъ, или въ Москвъпри граф Закревскомъ. И тотъ, и другой не отказались призять меня, по не иначе, какъ сверхштатнымъ чиновинкомъ, безъ содержанія. Ни отецъ, ни князь Голицынъ не въ состоянія были давать мив три-четыре тысячи въ годъ, чтобы я могь жить въ средъ блестищей и богатой молодежи, составлявшей свиту и князя Воронцова, и графа Закревскаго, безобидно для меня; а потому ръшено было опредълить меня въ артилдерію. Въ это время кстати прибыль въ Москву сынь князя Голицына, адъютанть князя Ворошнова, князь Александръ, бхавшій въ Петербургъ съ ходатайствомъ отъ князя Воронцова о выкупъ княгиль Чавчавадзе и Орбеліани, находившихся въ плену у Шамиля.

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ Владимира Сергѣевича къ графу Сумарокову, командиру въ то время гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, я, по прибыти въ Петербургъ, явился къ нему и передалъ письмо князя. За отвътомъ приказано мнъ было явиться черезъ два дпя, по истечени которыхъ графъ мнъ объявилъ, чтобъ я въ 12 часовъ слъдующаго дня явился къ пачальнику штаба генералъфельдцейгмейстера, генералъ адъютанту Безаку. Въ назначенный часъ при-

III. 16

русскій архивъ 1896.

нять быль я въ кабинетъ начальника штаба. Генераль, взглянувъ на меня, улыбнулся и сказаль:

- Такъ это вотъ вы намъреваетесь отправиться бить Турокъ?
- Точно такъ, ваше превосходительство.
- Да въдь вы совершенный ребеновъ. Гдъ же вамъ выдержать тяжесть военнопоходной боевой жизии? Съ вашимъ аттестатомъ вы можете пристроиться гораздо удобнъе. Да, наконецъ, я убъжденъ, что никакой медикъ не дастъ вамъ необходимаго для поступленія на службу медицинскаго свидътельства. Да, наконецъ, поъзжайте туда, по крайней мъръ, хоть офицеромъ. По истеченіи трехъ мъсяцевъ съ правомъ по образованію вы можете быть произведены въ артиллерію, конечно, сдавъ предварительно экзаменъ изъ наукъ военныхъ, которыхъ вы, безъ сомивнія, не знаете.
- Для того, чтобы сдать экзаменъ, я долженъ жить и готовиться въ Петербургъ, а у меня нътъ средствъ на это.
- Если остановка за этимъ, я васъ прикомандирую къ образцовой баттареъ и поручу адъютанту моему, капитану Яновскому, съ тъмъ, чтобы сдать экзаменъ въ ученомъ комитетъ.
- Благодарю васъ, ваше превосходительство, за ваше доброе вниманіе; но воспользоваться имъ я не имъю права, ранъе чъмъ получу на это разръшеніе отъ отца моего и князя Голицына, и я не хотълъ бы затруднять капитана Яновскаго запитіями, за которыя я не въ состояніи отблагодарить его.
- Это ужъ не ваша забота. Подумайте и завтра ко мив явитесь, а ежели вы твердо ръшились поступить на службу нижнимъ чиномъ, то привезите съ собою и необходимыя бумаги, а какія именно, объ этомъ вамъ скажеть въ штабъ капитанъ Яновскій.

Раскланявшись съ добрымъ и привътливымъ генераломъ, я вышелъ отъ него прямо въ залы штаба, находившіяся рядомъ съ кабинетомъ начальника штаба. Капитанъ Яновскій объявилъ мнв, что при прошеніи объ опредъленіи меня вольноопредъляющимся въ легкую батарею Кавказской артиллерійской грепадерской бригады, я долженъ представить мой учебный аттестатъ, медицинское свидътельство и подписку о непринадлежности къ масонской ложъ и другимъ тайнымъ обществамъ.

Въ этотъ же день я получиль свидътельство отъ лейбъ-медика Блюма и требуемые документы, представиль начальнику штаба, а на слъдующій день уже быль зачислень въ резервную легкую батарею, расположенную въ станицъ Эссентукской, на Кавказъ. Молодой князь Голицынъ еще не окончилъ дъла о выкупъ плънницъ, а потому пришлось прожить нъсколько дней въ Петербургъ.

Мы жили въ Hotel des Princes на Большой Морской, и однажды утромъ я имълъ счастіе встрітить императора Николая Павловича. Онъ быль одъть въ сърую солдатскую шинель и каску. Блъдный, задумчивый и неотразимо-прекрасный и величественный Императоръ одинъ безъ свиты медленио шелъ по тротуару. Военныя дъйствія на Дунав были неуспъшны. Осада Севастополя началась, и лишь одинъ Кавказъ радовалъ сердце Императора. Дня черезъ два, я снова видълъ Государя на смотру резервиаго гвардейскаго корпуса. Молодые полки, блестящей вившиостью своей и выправкой не уступавшіе старой гвардін, молодцами проходили церемопіальнымъ маршемъ мимо Императора. Громогласные возгласы срады стараться, Ваше Императорское Величество!» всегда побъдопоспаго нашего воинства, какъ электричество проникали въ души грителей. Мы радовались, мы надъялись. Не первый разъ мы сталкивались съ Европой. Нътъ дорогъ, плохо оружіе; но и при этихъ условіяхъ Русская армія, какъ и всегда, окончила бы славно и побъдоносно, ежели бы во главъ ел въ то время находились вожди достойные ся, не боимотисты (князь Меншиковъ въ Крыму) и знатоки военной шры (Муравьевъ впосавдствін на Кавказъ). Но что было, то прошло и быльемъ поросло, и даже Севастополь возродился.

Въ ожиданіи отъбада, я осматриваль достопримъчательности Петербурга, быль въ соборахъ Петропавловскомъ, Казанскомъ и Исакіевскомъ, гдв поклонился гробницамъ Петра Великаго и Кутузова. Былъ въ Невской Лавръ у гробинцъ витязей нашихъ, Святаго Александра Невскаго и Александра Суворова. Былъ въ Эрмитажъ и наслаждался пъніемъ Лагранжа и Тамберлика, игрою Самойловыхъ, парясь въ райкахъ съ Іонинымъ, который въ то время принять быль въ отделение восточныхъ языковъ Азіатскаго Департамента Мишистерства Иностранныхъ Дель. Была и мив возможность, по личному предложению директора департамента, поступить въ восточное отдълсије, и я вновь ездилъ къ генераль-адъютанту Безаку, котораго со слезами на глазахъ просиль уволить меня въ отставку, и хотя генералъ искренно сочувствоваль и моей просьбъ, и моему горю, но опать предложивъ мит прикомандированіе къ образцовой батарев, опъ объявиль, что увольненіе въ отставку юнкера, состоявшаго на служов всего прсколько дней, невозможно, темъ болье въ военное время. Ну что же! Невозможно, такъ невозможно. Конечно, дипломатическая служба хороша и удобиве военной; но что сдълано, того не воротишь, а снявши голову, по воло-

Порученіе, возложенное на князя Александра Голицына, было окончено. На выкупъ княгинь пазначили 60.000 рублей, и такъ какъ въ Петербургъ дълать болъе нечего было, то мы и выъхали въ Москву, а распростившись съ ней, поскакали на курьерскихъ на Кавказъ.

ГЛАВА ІІІ.

Прибытіе въ батарею.—Командиръ батарен напитанъ Баумгартенъ.—Прівздъ на Кавказъ генерала Муравьева.—Смотръ батарен.—Кончина императора Николая 1-го.—Выступленіе батарен въ Грузію.—Переваль черезъ Кавказскій хребетъ.—Тифлисъ.—Стоянка въ Кумиссахъ. — Выступленіе въ Александрополь. — Выступленіе на урочище Омеръ-Ага.—Штурмъ Карса 17 Сентября 1855 г.—Возвращеніе отряда генерала Базина на урочище Омеръ-Ага.—Прибытіе мое въ станъ Владикарсъ.—Экзаменъ.—Я въ баракъ Муравьева.

Не стану описывать встръчи моей съ родителями послъ семилътней разлуки. Родители радовались, сестры и братъ прыгали и визжали отъ восторга. Старшая сестра была просватана за Любомирскаго, и потому въ комнатахъ происходило, что называется, столнотвореніе Вавилонское. Кроили, примъряли, шили, смъялись, бъгали; но героемъ дня былъ все-таки я и, конечно, важничалъ и своимъ дипломомъ, и столичною опытностью.

Пятигорскъ показался мнъ и маленькимъ, и до того молчаливымъ, что становилось грустно: какъ будто граждане вымерли, или заснули по манію какого нибудь волшебника, да такъ и не просыпаются.

На слъдующій день зашель къ намъ прівхавшій изъ Эссентуковъ командиръ батареи, старый Кавказскій офицеръ съ Георгіемъ за Даргинскую экспедицію, капитанъ Алексьй Егоровичъ Баумгартенъ. Онъ разръшиль мнъ отпускъ на мъсяць.

Довърчивый и простодушный Баумгартенъ былъ оригиналь большой руки. Живя по пословицъ день да ночь, сутки прочь, Алексъй
Егоровичъ то заглядываль въ далекое будущее и умственнымъ взоромъ своимъ прозръваль мглу столътій, то забывалъ о завтрашнемъ
днъ. Женился онъ въ такомъ восторженномъ состояніи, что, только на
слъдующій день увидъвъ свою новобрачную супругу, пришелъ къ
заключенію, что ему подсунули вмъсто младшей сестры, въ которую
онъ былъ влюбленъ всъми силами офицерской пламенной души, старшую ея сестрицу, которую онъ также пылко непавидълъ. «И вотъ,
будемте откровенны, я съ горя закутилъ, и меня лишь черезъ недълю

отыскали въ какомъ-то трактиръ въ Петербургъ. Пришлось поневолъ сойтись съ супругой; но я какъ-то и до сихъ поръ не върю, что я женать. Хотя есть и доказательство несчастной моей женитьбы, сынъ и дочь: я же все думаю, что это кошмаръ. Не пейте, юноша, Шампанскаго, а въ особенности въ семейныхъ домахъ: пначе женятъ васъ пожалуй на кухаркъ. Такъ говорилъ онъ грустнымъ голосомъ, а я въ душъ смъялся. Порядокъ, или правильнъе безпорядокъ, въ его домъ быль изумительный. Это была какая-то казарма, въ которую начальство не заглядывало, дежурный и дневальный бражничали. За объденнымъ столомъ, то вилокъ, то ложекъ нътъ. Съъстное припахивало конюшней. Хозяйка дома, у которой въ должности куафёра состояль конный фейерверкерь Надвевь, расчесывавшій спачала хвосты и гривы батарейнымъ лошадимъ, а потомъ кудри капитанию, выходила въ гостивую часовъ въ 12-ть, не ранбе. Капитанъ сердился и бранился, дъти кричали. Сумбуръ и грязь были невообразимые. Выражаясь словами Грибобдова, Баумгартенъ быль оригиналь, брюзгливъ, но безъ мальйшей злобы. Про цего ходило миожество анекдотовъ: то ъдетъ онъ поздравить начальника Кавказской артиллерін генерала Бриммера съ брилліантовымъ перомъ на папаху, высочайше пожалованнымъ ему за отличіе въ дёлахъ съ горцами; то вмёсто осетра привозить Бриммеру же девку-казачку, уложенную въ передке тарантаса безъ въдома Баумгартена. «А воть, ваше превосходительство, извольте посмотръть, какого осетра привезъ я намь, говорить Алексви Егоровичь, выскакивая изъ тараптаса и подходя къ Бриммеру, случайно бывшему на крыльцв. Вриммеръ улыбается; но мгновенно улыбка замъняется взоромъ исполненнымъ гнъва и угрозы, когда вмъсто осетра вытаскивають хорошенькую, но дрожащую отъ испуга казачку. Картина! Генераль съ поднятыми кулаками бросается на Баумгартена. Ошеломленный капитанъ съ педоумбијемъ смотритъ на осетра, превратившагося въ казачку. Въ глубинъ сцены показывается старушка-генеральша, ехидно улыбающаяся. «Да что вы? Да какъ вы! говорить генераль, захдебываясь оть гийва. Да знаете ли вы, что я васъ туда загоню, куда воропъ костей не запосилт?» Баумгартенъ безмольствуеть. Выручаеть изъ бъды ямщикъ, сообщающій, что впереди осетра онъ засупулъ казачку, просившую довезти ее до ближайшей и именно этой станицы, и при семь вытаскивающій настоящаго осетра. Осетеръ великолъпенъ, и еще живъ. Генералъ успокоился.

Служба въ батарев была безпечальная и безхитростиая. Конныхъ ученій и практической стрізьбы не производилось. Пятигорскъ подъбокомъ, а тамъ и клубъ, и барышни, и потому мы чаще бывали въ

городъ и ръже въ батареъ. Баумгартенъ загрустиль вслъдствіе крайне неблагодарной справочной цъны на овесъ, и потому приказалъ кормить лошадей однимъ съномъ, справедливо разсуждая, что весна все таки будетъ, и лошади пагуляютъ себъ тъло на подножномъ корму. Лошади, съ досады, обросли такой густой и длинной шерстью, что мальчишки - казачата, глядя на пихъ во время водопоя въ ръчкъ Бугуштъ, говорили: Васька, а Васька! Гляпь-ка, казенныхъ въдьмедей погнали пить воду.

Но воть, какъ раскаты далекаго грома, донеслись до насъ слухи о назначени главнокомандующимъ на Кавказъ генераль-адъютанта Муравьева. Начались усиленныя ученья и усиленное кормленіе лошадей, сначала съчкой съ отрубями, а потомъ и овсомъ. Наступилъ 1855 годъ. Въ началъ Февраля проъздомъ черезъ Эссентуки Муравьевъ осмотръль батарею. Солдаты дъло свое знали, лошади блестъли (лошадей вымазали постнымъ масломъ для блеска). Главнокомандующій остался доволенъ и поздравилъ батарею съ походомъ въ Грузію. Стали готовиться къ походу.

Ночеваль главнокомандующій из Пятигорскі, гді вь день его прівзда опъ быль встрвчень и містными, и прівзжими властями, ожидавшими его въ залъ благороднаго собранія. На правомъ флангъ представлявшихся стояль Ставропольскій губернаторь генераль-лейтенанть Волоцкой, знаменитый расформированиемъ двухъ роть Апшеранскаго полка, которымъ опъ ранбе командовалъ, и усмиреніемъ бунта крестынъ въ селенін Масловомъ-Кутв. Имвніе это принадлежало некоему Калантарову. Управляющему этимъ имениемъ захотвлось полакомиться карасями. Вожделение это явилось у него въ Сочельникъ 24 Декабря. Погода стояла зимияя. Прудъ замерзъ: «Ну, братцы, айда въ воду! Потешьте его милость рыбкой». -- «Не желаемъ». «Не желаете?» — «Ифтъ не желаемъ: и мокро, и холодно». — «Степка, валяй за становымъ! ... Полетило допесение въ Ставрополь, откуда для укрощенія бунта крестьянь, генераль - лейтенанть Волоцкой привель съ собой баталіонъ ніхоты, сотню казаковъ и дивизіонъ артилдерін батарен Москалева. Крестьяне встрітили его превосходительство стоя на кольняхъ и съ хльбомъ-солью, «Выдать зачинщиковъ!» -- «Да мы всв зачинщики, выслушай насъ, отецъ родной», просили плачущіе крестьяне. — «Знать пичего не хочу, давайте зачинщиковъ». — «Нъть у насъ зачинщиковъ».--«А, нъть: такъ бить ихъ!» Пъхота и казаки позамъшкались исполнить грозное приказаніе, а этимъ временемъ воспользовавшись, толна въ пъсколько тысячъ крестьянъ различныхъ возрастовъ и половъ усибла скрыться за церковною оградою. Черезъ церковную ограду бросили нъсколько картечныхъ гранатъ. Въ тъсно скученной толиъ опустошеніе было произведено страшное. На полъ битвы осталось около 400 душъ раненыхъ и убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дътей. Бунтъ усмиренъ. Крестьяне раскаялись. Волоцкой отправился въ Ставрополь. На слъдствіе (наканунъ пріъзда Муравьева), пріъзжалъ гепералъ Реадъ, и по слъдствію оказалось, что съ крестьянами иначе и нельзя было поступить.

И такъ на правомъ флангъ представляющихся новому намъстнику стояль г.-л. Волоцкой. Муравьевъ подошель къ нему первому и, остановившись передъ нимъ, устремилъ на него вопросительный взоръ. Но туть случилось нъчто непонятное. Отважный и ръшительный Волоцкой забыль свою фамилію. Волоцкой, Волоцкой, Волоцкой, шепчеть ему стоявшій сзади полиціймейстерь маіорь Полиобоковь. Волоцкой молчить. Намъстникъ ожидаеть, и на губахъ его змъится саркастическая улыбка. Полиобоковъ волнуется и наконецъ не выдерживаеть и громогласно восклицаеть: «Ставропольскій губернаторь генералъ-лейтенантъ Волоцкой! . Намъстникъ идетъ далъе и доходитъ до лъваго фланга, гдъ, съ хлъбомъ-солью на подносъ въ дрожащихъ рукахъ, находился городской голова. Голова, приготовившій на сей случай приличную ръчь, позабылъ не только ръчь, но даже и то, гдъ онъ и что онъ. Онъ видёлъ передъ собою что-то ужасное и трепеталь. «Кто ты такой?» спросиль намъстникь обращаясь къ нему. «Я то?>- «Ну, да!>- «Запамятоваль, ваша свътлость». - «Ну, вспомни». -«Я, голова Дураковъ», отчаянно крикнулъ голова. Невольная улыбка всвиъ присутствующихъ еще болве смутила голову и раздражила намъстника. Выведите вонъ этого нахала, сказалъ Муравьевъ; но въ это мгновеніе подбъжаль къ нему маіоръ Полнобоковъ и доложиль, что это дъйствительно городской голова, и что по странному стеченію обстоятельствъ фамилія его Дураковъ, и что онъ даже подаль прошеніе о замънъ его фамиліи другой болье приличной и необидной для Пятигорскихъ гражданъ.

Кстати о Полнобоковъ. Года черезъ четыре я встрътилъ, по дорогъ между Ставрополемъ и Пятигерскомъ, партію арестантовъ, между
которыми находился и Полнобоковъ. Я остановился, выскочилъ изъ
телъги и подбъжалъ къ Полнобокову.—«Что это съ вами, Александръ
Ивановичъ?»—«Да вотъ какъ видите, путешествую на казенный счетъ
въ Сибиръ».—«За что?»—«А вотъ за что. Помиите вы гувернантку у
тенерала Вагнера?»—«Помню. Что же, вы убили что ли ее?»—«Нътъ,
только женился; по оказалось, что первая моя жена жива, и вотъ меня
судили, и сослали въ Сибиръ. Изъ Сибири удеру въ Турцію, ибо

голько тамъ и можно жить порядочнымъ и чувствительнымъ людямъ». Н вскочилъ на телъгу и поскакалъ далъе, размышляя на тему о бракахъ и расторжени ихъ. Напримъръ, Полиобоковъ гуляетъ въ Сибирь только потому, что первая его жена, женщина самаго отвратительнаго характера и поведенія, судя по словамъ Полнобокова, бросила его и исчезала безъ въсти нъкоторое время, а затъмъ, выждавъ вторичной женитьбы мужа, предъявила свои права, и храбраго маіора сослали въ Сибирь. По къ дълу.

Познакомившись съ властями, Муравьевъ побхалъ къ двумъ ротамъ линейнаго баталіона, ученьемъ которыхъ остался крайне недоволенъ, ибо построенія производились не съ той отчетливостью, къ которой глазъ главнокомандующаго привыкъ въ Россін. Отсюда онъ повхаль въ госпиталь, гдв тоже остался недоволенъ и отрышилъ генерала Принца отъ должности коменданта. Напугавъ всёхъ въ Пятигорскъ, главнокомандующій отправился въ Георгіевскъ. Вслъдъ за нимъ повхалъ и командиръ линейнаго баталіона полковникъ Монаенко, двъ роты котораго были расположены въ Георгіевскъ. Осмотромъ этихъ ротъ Муравьевъ остадся тоже недоволенъ. Участь Монаенки висвла на волоскъ, который не замедлиль оборваться. Его потребовали въ кабинеть къ главнокомандующему. Муравьевъ сидълъ за письменнымъ столомъ. Монаенко пришлось стоять синною къ жарко-пылавшему камину. Старикъ, взволнованный и распеканціями на смотрахъ въ Пятигорскъ, и здъсь, не зная куда дъться оть жара пыдавшаго въ каминъ, едва держадся на погахъ. «Полковникъ Монаенко! Вамъ следуеть быть кашеваромъ, а не командиромъ баталіона. Баталіонъ вашъ ни къ чорту не годится; да и не мудрено, когда командиръ пьянствуетъ. Посмотрите, онъ и теперь пьянъ, еле на ногахъ стоитъ! Подайте въ отставку». Монасико, упалъ какъ подкошенный на полъ. «Вынесите вотъ этого пьяницу!» Не мъшаетъ сказать, что старый и заслуженный Василій Пльичь Монаенко кром'в воды никакихъ иныхъ напитковъ не употреблялъ.

Изъ Георгіевска главнокомандующій пробхаль далбе, всёхъ сокрушая и всёхъ осыпая сарказмами. Изъ крёности Грозной онъ написаль письмо къ А. П. Ермолову, въ которомъ, иронизируя надъ качествами Кавказской арміи, осыпаль сарказмами начальниковъ ся и горько сожалёль о сибаритизмё, которому они предавались: напримёръ, начальникъ лёваго фланга баронъ Врангель, имёя передъ глазами землянку вашу, живеть во дворцё и утопасть въ роскоши! Но въ то время, когда Ермоловъ строилъ крёность Грозную, и землянка, въ которой жиль онь, была дворцомь, а по истечени тридцати лъть Грозная обстроилась, и въ землянкахъ помъщались развъ кузницы

Иронизируя и относясь съ негодованіемъ ко всёмъ и ко всему, генераль Муравьевъ позабыль, что онъ прівхаль быть вождемь той армін, которая всегда и всюду славно и побъдоносно проявляла себя. Подвиги оказанные въ Баядуръ, Башкадыкларъ и Курюкдаръ, еще ярко блистали на штыкахъ этой единственной и пеподражаемой армін. Среди армін, въ рядахъ которой Муравьевъ, какъ полководецъ, долженъ былъ пріобръсти любовь для предстоявшихъ подвиговъ (ибо война была въ разгаръ, и въ Севастополъ дъла наши ухудшались) главнокомандующій поселиль неудовольствіе къ себъ и скрытую ненависть. На все есть свое время, и ранбе чёмъ уппчтожать, следовало приглядъться, приласкать и, пользуясь тъмъ матеріаломъ, который оказался подъ руками, умъть привлечь, а не оттолкнуть отъ себя отдъльныхъ начальниковъ армін, которые еще такъ недавно стяжали славу въ битвахъ и съ горцами, и съ Турками. Армія не губериское правленіе, въ которомъ, безь ущерба ділу, можно замінять новыхъ чиновниковъ другими; да и здесь осторожный начальникъ сначала подумаеть, а потомъ уже и начнеть сокрушать. Не время было проинзировать и писать письмо Ермолову объ изпъженности и сибаритизмъ Кавказцевъ. Эти сибариты умъли одерживать славныя побъды, и въ ту по истинъ тяжелую для Россіи годину лишь они радовали императора Николая своими блестящими побъдами.

Размолька главнокомандующаго съ начальникомъ штаба арміи, княземъ Барятинскимъ, боевымъ, талантливымъ и весьма популярнымъ генераломъ, была крупною ошибкою. Устраненіе такого помощика было равносильно пораженію еще до встрѣчи съ непріятелемъ. Не князь Василій Осиповичъ Бсбутовъ, не бравшій оружія въ руки съ 1828 года, выигралъ сраженія подъ Башкадыкларомъ и Курюкдаромъ, а руководилъ обоими сраженіями начальникъ штаба князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Отъѣздъ князя Барятинскаго произвелъ крайне дурное впечатлѣніе на Кавказцевъ. Таланты генерала Муравьева, какъ искуснаго предводителя войскъ на маневрахъ, и его научное образованіе могли очаровывать въ Россіи на плацъ-парадахъ, а на Кавказѣ и прапорщики знали разницу между маневрами и дѣйствительнымъ боемъ.

Пріунывшихъ Кавказцевь какъ громомъ поразило извъстіе о кончиць императора Николал. Мы узнали объ этой тяжкой, неспоевременной утрать 25 Февраля, отъ курьера, везшаго это горестное извъстіе въ Тифлисъ.

Распоряжение о принесении присяги императору Александру Николаевичу застигло насъ на походъ батареи въ Гругію. Въ станицъ Ново-Павловской мы присягнули и отправились далъе, гдъ насъ ожидали подвиги и слава.

Погода была теплая и сухая, и мы подошли къ станціи Казбекъ, какъ бы совершая прогулку. Во Владикавказъ, вслъдствіе полученнаго извъстія о томъ, что на Крестовой горъ и въ Байдарскомъ ущельи дорога завалена снъговымъ обваломъ, маршрутъ батареи былъ измъненъ, и мы отъ станціи Казбекъ свернули на лъво по Черной ръчкъ черезъ деревню Цно и Буслачиръ. На ночлегахъ въ этихъ двухъ Осетинскихъ деревушкахъ насъ едва не съъли блохи. Неопрятность Осетинъ, не знающихъ ни бани, ни чистаго бълья, по истинъ изумительна. Сакли у нихъ сложены изъ плоскаго плитняка, какъ попало, лишь бы стъны не развалились. Огонь раскладывался по серединъ этой обширой сакли на земляномъ полу, и дымъ едва выходилъ въ небольшое отверстіе въ крышъ. Миріады блохъ осыпали непривычнаго къ нимъ путника; глаза выъдалъ дымъ, стлавшійся по саклъ. Прибавьте къ этому специфическую вонь отъ обывателей и скотовъ!

Еще до разсвъта батарея выступила изъ деревни Буслачиръ и вскоръ подошла къ водораздълу Кавказскаго хребта. Поднимались мы зигзагами по глубокимъ корридорамъ, вырубленнымъ въ снъту. Подъемы не особенно круты, но тъмъ не менъе въ помощь намъ мъстный участковый приставъ, капитанъ Куликовъ, пригналъ двъ или три сотни Осетинъ. Въ мъстахъ трудныхъ Осетины очень много кричали и очень мало помогали, при чемъ производили лишь безпорядокъ; а потому командиръ батареи съ половины подъема заблагоразсудилъ прогнатъ ихъ, и батарея, хотя и не безъ труда, но къ пяти часамъ вечера поднялась на вершину перевала, и вотъ передъ глазами нашими, облитая яркими лучами южнаго солнца, открылась, въ зелени и цвътахъ, красавица Грузія.

Спустившись по зигзагамъ южнаго силона въ Гудакамарское ущелье, мы расположились на ночлегъ въ палаткахъ на берегу Арагвы, близъ госпиталя.

Добродушные Грузины, не скупясь, угощали насъ и хорошимъ Кахетинскимъ, и вкусными шашлыками изъ молодыхъ барашковъ. Путь нашъ до Тифлиса былъ какимъ-то безконечнымъ праздникомъ. Солдатики шли весело, быстро сходились съ Грузинами, и мы не замътили, какъ подошли къ этой древней столицъ Грузинскаго царства.

Верстахъ въ двухъ или трехъ отъ города, батарея остановилась, и намъ приказано было почиститься и принарядиться передъ вступленіемъ въ городъ; а одинъ изъ офицеровъ батареи посланъ впередъ къ коменданту доложить о прибытіи батареи и узнать вмѣстѣ съ этимъ, гдѣ ей остановиться. Возвративнійся офицеръ передаль приказаніе вступать въ Тифлисъ по Головинскому проспекту и имѣть въ виду, что, проходя мимо дворца главнокомандующаго, мы, можетъ быть, будемъ встрѣчены его высокопревосходительствомъ. Для ночлега же намъ было указано мѣсто по другую сторону города, на Александропольской дорогъ.

По командъ: «Справа въ одно орудіе! Ящики за орудія!» батарея спустилась на Верійскій мость и, подпявшись на гору (съ которой въ 1837 году лошади, не сдержавъ тяжелой коляски императора Николая Павловича, понесли и опрокинули экипажъ на поворотъ къ мосту, при чемъ Государь такъ счастливо упалъ, что даже не ушибся, и па мъстъ этомъ воздвигнуть быль памятникъ), батарея вступила въ предмъстья города, направо и налъво покрытыя виноградными садами, и лишь съ того мъста, гдъ нынъ находится кадетскій корпусь, начинался Головинскій проспекть. По обыкновенію батарею провожала толпа любопытныхъ, ежеминутно увеличивающаяся. Навстръчу къ намъ выъхали коменданть генераль Роть и полицеймейстерь, при номощи которыхъ толпу зъсакъ съ правой стороны перегнали на лъвую, чтобы открыть батарею при прохождении ея мимо дворца главнокомандующаго, который смотредъ на пасъ стоя у открытаго окна, и, должно быть, остался доволенъ внъшнимъ видомъ батарен, ибо замъчаній никакихъ не послъдовало.

Продолжая движеніе по проспекту, мы пересъкли Эриванскую площадь, спустились на Армянскій базарь и затымъ выбрались за городь, гдв и расположились лагеремъ. На отдыхъ намъ было дано три дня.

Въ 1855 году Тифлисъ и по внъшности, и по свладу жизни былъ еще вполнъ Азіатскій городъ, самую оживленную часть котораго составляль Армянскій базаръ. Здѣсь на улицахъ и варили, и пекли, и шили, и одѣвались, и раздѣвались, и ковали лошадей. Шумъ и гвалтъ были невообразимые. Въ кривыхъ, грязныхъ и вонючихъ переулкахъ коношилась такая толна народу, что пройти, или въ особенности про- фхать, можно было съ трудомъ. Лавчонки съ краснымъ и мелочнымъ товаромъ, сушеными и свѣжими фруктами и зеленью, съ бурдюками Кахетинскаго вина и настоящаго Турецкаго табаку, который тутъ же

и кроппии, и складывали въ большія деревянныя и глиняныя чашки, не отличались опрятностью, но за то щеголяли изумительною дешевизною. Напримъръ, фунтъ самаго лучшаго табаку, котораго нынъ и за 10 р. не купишь, продавался по 60 коп. Тунга, т. е. пять бутылокъ хорошаго Кахетинскаго вина, стоила 25 к. Въ мануфактурныхъ лавкахъ, преимущественно съ Персидскими и Шемахинскими издъліями, ковры и шелковыя матеріи тоже были очень дешевы. Коверъ въ пять аршинъ длины и три аршина ширины продавался за 20 — 25 р., не дороже. Самый лучшій канаусъ стоилъ 20 коп. аршинъ.

Лучшими частями города были Эриванская площадь и незначительная часть Головинского проспекта, на которыхъ попадались дома Европейской архитектуры. Солодаки представляли изъ себя аулъ, утопувшій въ садахъ и випоградникахъ. Въ Кукахъ была Немецкая колонія съ двумя рядами маленькихъ домиковъ. Пески и Авлабаръ составляли тоже большой ауль. На Навтлугь были госпиталь и немногіе домики врачей и служащихъ чиновниковъ. Вотъ и весь Тифлисъ 1855 года; по за то жизнь била въ немъ ключомъ. По улицамъ взадъ и впередъ сповала толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: то въ чухахъ съ отвидными рукавами и яркихъ шелковыхъ бешметахъ, перетянутыхъ серебряными или золотыми широкими поясами; то чиновшики въ фуражкахъ и соломенныхъ шляпахъ, закрытыхъ бълой кисеей; то офицеры въ панахахъ Все это кричало, пъло, бъжало. Въ воздухъ стопъ стоялъ. Изръдка показывались, какъ привидънія, и Грузинки, закутанныя въ бълыя чадры, изъ-за которыхъ видиблись сверкающія очи, дюбопытно оглядывавшія мужчинь не въ національныхъ костюмахъ. Кстати о Грузпикахъ. Нигдъ женщина пе пользовалась такимъ уваженіемъ и свободою, какъ въ Грузіи. Говорять, будто причиною этого педостатокъ женщинъ, которыхъ толпами уводили и продавали въ Персію и Турцію; но я думаю, причину этой свободы и уваженія искать въ самой женщинъ-Грузинкъ, въ добродущи и любезности Грузниъ. Грузинка также мила въ общежити, какъ заботлива въ семьв и хозяйствъ.

Роскопная природа, въчная пъсия и музыка превращають жизнь въ Грузіи въ какой-то безконечный праздникъ. Грузины и ъдятъ, и пьютъ, и дома строютъ подъ неумолкаемую пъсию. До васъ допосятся то звуки зурпы, то пъсия Грузина, забравшагося на крышу сакли, то бубенъ, подъ звуки котораго пляшетъ, тоже на крышъ сакли, стройная красавица-Грузинка, на которую не гръхъ заглядъться. Веселье общее и, при обили вица, ин одного пьянаго, ин одной грязной сцены. «Счастливый, пышный край земли!»

Послъ тъхъ пытокъ и мученій, которыя перенесла многострадальная Грузія отъ Лезгинъ, Турокъ и Персовъ, не гръхъ было и побаловать этихъ милыхъ, добродушныхъ Грузинъ; но князь Воронцовъ слишкомъ баловалъ ихъ, и немудрено, что Грузины на мплости правительства смотръли, какъ на нъчто обязательное. Напротивъ, Муравьевъ отнесся къ нимъ слишкомъ сурово и даже грубо, не скупясь на насмъщки и называя ихъ «голонятыми».

Князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, бывшій адъютанть князя Воронцова, разсказываль мив про случай встрвчи его съ Муравьевымъ. «Прівхавъ изъ Цинондалы, я отправился во дворець главнокомандующаго, чтобы явиться къ его высокопревосходительству. Въ то время я недавно пожаловань быль чиномъ полковника и званіемъ флигель-адъютанта. Пріемный заль быль полонь генераловь, штабь п оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Послъ недолгаго ожиданія, главнокомандующій вышель въ намъ изъ впутреннихъ покоевъ. Когда очередь дошла до меня, то Муравьевъ, остановившись возлъ меня и оглядъвъ съ головы до ногъ, произнесъ: «А, вотъ и вы надъли красные штаны! И, должно быть, важничаете очень; у меня тоже красные штаны, а я же воть не важинчаю . -- «У меня, ваше высокопревосходительство, пока еще только красные дампасы, и до красныхъ штановъ я еще доживу, въроятно, не скоро, и потому и важинчать мив нечьмъ. Намветникъ презрительно улыбнулся и отошелъ отъ меня. Пемилость его за отвъть мой выразилась въ томъ, что опъ лишиль меня возможности быть въ дъйствующихъ войскахъ».

Князь Эристовъ, прозванный въ Грузіи батушкой Эристовымъ, вслъдствіе привычки его въ разговорахъ прибавляєть слово «батушка», жедая повидаться съ бывшимъ подчиненнымъ и боевымъ товарищемъ, не взирая на свои весьма преклонныя лѣта, выѣхалъ изъ имъпія своего Атэшъ, близъ города Гори, въ Тифлисъ. Далѣе я буду передавать словами князя. «Ну, вотъ, батушка, пріѣхалъ я въ Тифлисъ. Остановился у одного изъ родственниковъ, отдохнулъ и на слѣдующій день, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ во дворецъ главнокомандующаго. Вотъ, думаю, Николай Николаевичъ обрадуется! Вѣдь было время, въ походѣ изъ одной чашки щи хлебали. Вошелъ я въ залъ. Меня встрътилъ дежурный адъютантъ. «Какъ прикажете доложить о васъ?» — «Доложите, что батушка Эристовъ очень желаетъ видѣть его». Адъютантъ пошелъ въ кабинетъ и вскорѣ вернулся съ отвѣтомъ, что его высокопревосходительство проситъ подождать. Обидѣдо это меня старика; но думаю, можетъ быть, важное дѣло есть. Подожду. Сижу и думаю. Вотъ

я генераль-отъ-инфантеріи прівхаль съ визитомъ къ генералу же отъинфантеріи, который когда-то быль моимъ подчиненнымъ, и я этого подчиненнаго не заставляль ждать себя въ передней, хотя и быль въ то время генералъ-лейтенантомъ, а онъ только полковникомъ. Но дълать нечего, сижу и жду; жду и думаю. Когда-то я былъ грозою Персіанъ, и передо мною гиули спины и ханы, и даже наследникъ Персидскаго престола, а воть теперь и адъютанть Муравьева какъ-то покровительственно глядить на меня. Я вспыхнуль и всталь, чтобъ уйти, не ожидая счастья видъть очи Николая Николаевича; но въ эту минуту въ залъ вошелъ главиокомандующій, подошелъ ко мив и, хотя сухо, но въжливо поздоровавшись со мною, пригласилъ меня въ кабинетъ. «Ну, что, князь, какъ поживаете? Не съ просьбой ли? Меня осаждають просьбами», сказаль главиокомандующій. А у меня и просьбы-то никакой не было. Я просто хотель повидаться съ старымъ боевымъ товарищемъ; но при словъ «просьба» я вспомнилъ племянника моего капитана князя Орбеліани и решился попросить Муравьева взять его къ себъ адъютантомъ или хотя ординарцемъ. На это главнокомандующій отръзаль мив следующее: «Я, ваше сіятельство, приближаю къ себъ людей дъла, а не искателей служебной карьеры, и потому племянника вашего принять въ свой штабъ не могу». Я всталъ, поклонился и вышель, какъ оплеванный. Коли хотите, Муравьевъ правъ; но такихъ просителей, какъ князь Эристовъ, котораго съ нимъ связывали многольтнія боевыя воспоминація, во всей Россіи быль только я одинъ, батушка Эристовъ.

Сухость и суровость Муравьева имъли послъдствія самыя плачевныя. Его не любили и въ арміи, и въ населеніи, и не въ этомъ ли надо искать одну изъ причинъ, въ числъ прочихъ, неудачнаго штурма Карса?

Сокращая государственные расходы, Муравьевъ лишиль офицеровъ дъйствующей арміи раціонныхъ денегь, помогавшихъ имъ справляться съ всегда дорогою походною жизнью. Жалованья въ то время отпускали прапоринку 210 р. годъ, съ незначительною прибавкою по чинамъ выше до штабъ-офицерскаго чина. Между тъмъ, въ это же время высылались изъ дъйствующей армін десятки и сотни тысячъ въ банки и приказы общественнаго призрънія интендантскими чиновниками и подрядчиками. Маркитанты буквально грабили офицеровъ и солдатъ. Армяне принимали ассигнаціи наши за двъ трети и даже половину стоимости ихъ. Изнанка войны всегда некрасива, но иногда она подкрашивается блескомъ побъдъ, чего въ 1855 году впрочемъ не

было на обоихъ театрахъ военныхъ дъйствій. Въ Севастополъ войска наши геройски умирали, и только. Въ Азіатской Турціи приготовлялись умирать, по съ увъренностью побъдить, по Кавказцы подъ начальствомъ своихъ генераловъ привыкли къ побъдамъ.

Войска рвались въ бой, а ихъ заставили блокировать Карсъ съ Мая мѣсяца и до половины Сентября. Турки, въ виду бездѣйствія всегда грозныхъ для нихъ Русскихъ солдатъ, окапывались и приготовлялись къ оборонѣ, на что они имѣли полную свободу вслѣдствіе того, что мы не производили осадныхъ работъ. Поиски значительными отрядами за Сагаилугъ и въ другія мѣстности были весьма эфектны, но безполезны. Ежели главнокомандующій опасался риска, то незачѣмъ было и персходить границу? Можно было ограничиться оборонительною войною, чтобы сохранить Закавказье.

Нерьшительность главнокомандующаго деморализуеть духъ арміи. Муравьевь безспорно быль и высокой чести, и многосторонняго образованія человькь; онъ могь быть хорошимь военнымь министромь, но не главнокомандующимь и намѣстникомь. Прекрасный теоретикь, онъ не зналь ни жизни, ни солдата. Австрійскіе генералы выигрывали сраженія въ проектахъ и планахъ военныхъ дъйствій, а въ дъйствительныхъ бояхъ ихъ били. Диспозиція Муравьева для штурма Карса была составлена по правиламъ военнаго искусства, преподаваемаго въ книгахъ и, не взирая на это, насъ кръпко поколотили Турки.

Какъ я уже сказаль выше, батарев быль данъ трехдневный отдыхъ въ Тифлисв. Быть въ Тифлисв и не быть въ твхъ знаменитыхъ баняхъ, которыя подстрекали любопытство мое при чтеніи «Путешествія въ Эрзерумь» Пушкина, значило бы тоже, что быть въ Римв и не видъть паны. Изъ бани я отправился къ дъду и бабушкъ, имъвшимъ тогда въ Тифлисъ собственный домъ. Радости стариковъ не было предъла. Трехдневное пребываніе мое у нихъ было сплошнымъ баловствомъ. Дъдъ, Николай Матвъевичъ, много разсказывалъ мнъ о А. П. Ермоловъ и его начальнически-добрыхъ и привътливыхъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. У него, говорилъ дъдушка, домъ съ утра и до вечера былъ открытъ для званыхъ и незваныхъ, и въ этомъ былъ большой смыслъ, ибо такимъ образомъ главнокомандующій могъ лично опредълять свойства своихъ гостей, служившихъ подъ его начальствомъ, а не по рекомендаціямъ.

Получивъ благословение стариковъ, а отъ дъдушки золотой перстень, украшенный большой бирюзой, пожалованный ему А. П. Ермо-

ловымъ, я отправился догонять батарею, выступившую по направленію къ селенію Кумиссы, гдъ памъ произведенъ былъ смотръ начальникомъ артиллеріи Кавказской армін, ген.-лейтенантомъ Бриммеромъ. Вриммеръ былъ назначенъ командиромъ корпуса, сосредоточеннаго въ Александрополъ для наступленія къ Карсу.

Въ началь Іюня батарея выступила сначала на Бълый Ключь, потомъ въ Манглисъ, гдъ собрана была вся резервная дивизія Кавказской армін подъ начальствомъ ген.-лейтепанта Базина, и откуда насъ направили въ Александроноль, представлявшій изъ себя картину шумпаго военнаго города. По улицамъ сновали офицеры и солдаты полковъ Кавказской армін и 18-й и 13-й дивизій, прибывшихъ изъ Россіи. Лавки и гостинницы предпрінмчивыхъ Жидовъ, Нъмцевъ и Армянъ были постоянно биткомъ набиты посттителями. Для развлеченія прівзжихъ офицеровъ явился и циркъ, подъ управленіемъ Лоббе, и въ немъ прехорошенькая и граціозная навздинца Anastasie, ради прелестныхъ глазокъ которой Шампанское лилось ръкою и въ самомъ циркъ, и въ квартиръ Лоббе, катавшагося по этой причнив, какъ сыръ въ маслъ. Перепадало немало полуимперіаловъ для поощренія труппы Лоббе, а въ особенности таланта дъвицы Anastasie, которую въ 1858 году въ Майконъ я зналь уже подъ именемъ Матильды.

Стоянка въ Александрополь до Септября мьсяца была не то, что скучна, а просто надобло жить два мьсяца на одномъ и томъ же мьсть. Правда, время разнообразилось то гуломъ орудійныхъ выстрыловъ изъ Карса, то извыстіями съ театра войны о рекогносцировкахъ и удачныхъ поискахъ маленькихъ нашихъ отрядовъ въ непріятельскій стороны, при чемъ отрядъ Ковалевскаго разбиль пебольшой же отрядъ Али-паши. Въ этой стычкъ особенно отличился командиръ казачьей сотни есаулъ Сердюковъ, взявшій собственноручно въ плынъ нашу.

Пашу этого отправили въ Россію, и въ проъздъ его черезъ Александрополь мит пришлось видъть его. По вившиости опъ писколько не отличался отъ продавцовъ сушеныхъ фруктовъ или Кахетинскаго, съ тою разницею, что маркитанты-Армяне посили чохи и папахи на головъ, а Али-паша одътъ былъ въ короткій однобортный на крючкахъ казакинъ темпо-синяго сукна, на головъ имълъ малиновую феску съ мъдной бляхой на тульъ и съ большой синей шелковой кистью, спускавшейся ниже уха изъ подъ бляхи.

Въ гостиницахъ и лавкахъ торговцы обдирали посътителей немилосердно. Цъны на всъ предметы были удвоенныя, утроенныя и

даже учетверенныя. Между лавками посъщался въ особенности часто чайный магазинъ какого-то Еврея; но публика привлекалась туда не столько желаніемъ купить фунтъ или два чая, сколько красавицею-женой хозяина магазина, заглядываясь на которую, покупатели забывали о сдачв, и потому магазинъ торговалъ на славу. Послъ сдачи Карса впредъ до заключенія мира съ Турками, корпусомъ командовалъ знаменитый генералъ Х.....; онъ плънился Еврейкою до того, что пригласилъ ее быть хозяйкою его холостой квартиры, на что супругъ-Еврей и согласился, въроятно, не за чечевичную похлебку.

Сообщение Александрополя съ корпусомъ, находившимся подъ Карсомъ на протяжения 70 версть, было ежедневное. Транспорты пустыхъ арбъ и повозокъ, подъ прикрыгіемъ баталіона пехоты, взвода орудій и сотни казаковъ, доходили до половины разстоянія между Карсомъ и Александрополемъ и, встрътившись съ такою же колонною, но съ нагруженными повозками и арбами, обмънивались между собою и предпринимали обратное движение. Въ одну изъ такихъ оказій я им'єль случай познакомиться съ зятемъ Муравьева, полковникомъ Корсаковымъ, и капитаномъ генеральнаго штаба Прохоровымъ. При расположении колонны на ночлегь, невдалекъ отъ моей палатки подъ арбою, расположились ночевать штабъ-офицеръ въ адъютантской форм'в и оберъ-офицеръ генеральнаго штаба. Небо заволоклось тучами, началь накранывать дождь, объщавшій въ скоромъ времени обратиться въ ливень. Перспектива провести ночь подъ дождемъ на открытомъ воздухъ не особенно соблазнительна, а потому я, не долго думая, подошель къ Корсакову и Прохорову и попросиль ихъ помъститься у меня въ палаткъ. Просьба моя, разумъется была исполнена весьма охотно, и мы не разставались до обмена колониъ. Съ Корсаковымъ я встрътился еще разъ послъ штурма Карса у ставки главнокомандующаго, а Прохорову вскорв на рекогносцировкъ укръпленій Карса оторвало голову Турецкимъ ядромъ.

На пути, колонив приходилось проходить по мвстамь, ознаменованнымь славными побъдами въ сраженіяхъ Башкадыкларскомъ и Курюкдаринскомъ, гдв на каждаго нашего воина приходилось по ияти и болве Турецкихъ солдать. Поля сраженій были густо усвяны могилами, безпорядочно сложенными изъ камней, на поверхности земли; изъ подъ этихъ грудъ камня высовывались скелеты то рукъ, то ногъ, то головъ. Въ юномъ воображеніи моемъ рисовались картины сраженій, происходившихъ на этихъ славныхъ поляхъ. Знамена развъвались, кавалерія скакала въ атаки, пъхота разрывала густыя колонны

III. 17

Турокъ, гулъ пушечныхъ выстръловъ, крики «алла» и Русское побъдное «ура», оглашали пространство на далекое, далекое разстояніе. Эффектно! А тутъ же груды камня, между которыми видны скелеты!

Два мъсяца стоянки батареи въ Александрополъ прошли для меня не въ однихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. По представленію командира батареи и по желанію мосму быть произведеннымъ въ офицеры полевой артиллеріп, назначена была коммиссія изъ артиллерійскихъ офицеровъ, подъ председательствомъ командира летучаго парка, капитана Хабалова, для предварительнаго мнв экзамена изъ артиллерійскихъ наукъ. По выдерженіи экзамена въ этихъ коммиссіяхъ, въ то время юнкера отсыдались на казенный счеть въ Петербургъ для окончательнаго экзамена въ ученомъ комитетъ. Я уже сдаль этой коммиссіи экзамены изъ военной исторіи, артиллеріи и полевой фортификаціи; оставалась математика, когда последовало распоряженіе батерев выступить изъ Александрополя въ мъстность Омеръ-Ага, гдъ быль расположень летучій отрядь генераль-лейтенанта Базина. «Ну, воть и отдично, Иванъ Ивановичь>, сказаль мив батарейный командиръ: «вы можете быть произведены офицеромъ въ артиллерію за отличіе въ дълахъ противъ Турокъ, чему въ продолженіе этой войны было несколько примеровъ, а потому совътую вамъ экзамена не продолжать. Къ чему вамъ одному сидъть въ Александрополъ?!>

2-го Сентября второй дивизіонъ нашей батареи выступиль изъ Александрополя. Третьимъ взводомъ командовалъ подпоручикъ Михаилъ Ивановичъ Мамацевъ, а четвертымъ я, за бользныю поручика Соболева, нечаянно упавшаго въ пустую яму для обжиганія кирпичей и сломавшаго себъ ребра.

Я забыль сказать, что первый дивизіонъ нашей батареи, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Булычова и двухъ взводныхъ офицеровъ, подпоручика Алехина и прапорщика Кильдюшевскаго, изъ Манглиса командированъ былъ въ составъ Ахалцихскаго отряда.

5-го мы прибыли въ отрядъ генерала Базина. Отрядъ этоть состоялъ изъ Грузинскаго резервнаго баталіона, двухъ баталіоновъ Бълостокскаго пъхотнаго полка, Донскаго казачьяго полка и дивизіона легкой батареи 13-й артиллерійской бригады.

8-го ночью, отрядъ выступилъ неизвъстно куда, т. е., по крайней мъръ, никто изъ насъ не зналъ о цъли выступленія. Мы шли форсированнымъ маршемъ и останавливались только для варки пипци въ глубокихъ ущельяхъ. Только на третій день, когда мы поднялись на

весьма высокую гору, и вдали обрисовались высоты, увънчанныя укръпленіями, мы узнали, что идемъ къ Карсу. 11-го, въ 12 час. дня, мы прибыли на позицію Меликей, гдв быль расположень кавалерійскій отрядь г.-маіора Бакланова, находившійся въ общей системв отрядовъ, блокировавшихъ Карсъ. Пашъ отрядъ и Вакланова, соединившись, составили силу довольно грозпую, подъ начальствомъ Вазина. Въ составъ этого отряда паходились 3 батальона пъхоты, не менъе 2400 штыковъ, Тверской драгунскій полкъ, два Донскихъ казачьихъ полка, одниъ сводный личейскій казачій полкъ, Донская легкая батарея и сводная легкая батарея. Не взирая на стращиую усталость оть трудиаго горнаго похода и трехъ безсоиныхъ ночей, мы, вооружившись подзорными трубками и биноклями, стали разсматривать укрвиленія большого и малаго Карадаговъ, находившихся верстахъ въ семи отъ нашей позиціи, и такъ какъ склоны высоть, на которыхъ расположены непріятельскія укрыпленія, были обращены въ пашу сторону, то въ бинокли можно было отлично разсматривать профили укръпленій и Турецкіе лагери гарпизоновъ этихъ укръпленій.

Прибытіе нашего отряда видимо заинтересовало Турокъ, судя по бъготить ихъ въ укръпленіяхъ брустверовъ. Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то и намъ надовло смотръть на Турокъ; да кстати уже были разбиты палатки, приготовлены постели и самовары, а потому, слегка закусивъ и напившись чаю, мы залегли спать.

Военныя силы, находившіяся съ распоряженій главнокомандующаго Кавказской арміей въ 1855 году, состояли изъ полковъдивизій: гренадерской 20-й, 21-й, 13-й, 18-й и 19-й бригады (пятибаталіоннаго состава каждый полкъ) или изъ 22-хъ полковъ, численностью въ 110 баталіоновъ; 16 баталіоновъ резервной дивизіи; 16 баталіоновъ, снятыхъ изъ укрвиленій Черноморской береговой линіи; сапернаго и гренадарскаго стрълковаго баталіоновъ; Нижегородскаго и Тверскаго драгунскихъ полковъ; 20 полковъ Кавказскаго линейнаго войска и 10 Дочекого; 10 Черноморскихъ пъшихъ пластунскихъ баталоновъ; 6 бригадъ артиллерін полевой, легкой и батарейной, следов. 156 баталіоновъ пъхоты, по 800 штыковъ въ каждомъ баталіонъ; а всего въ общей сложности пъхоты, кавалерін и артиллеріи было свыше 160.000 человъкъ. Незначительная часть этихъ войскъ находилась въ распоряженія Донскаго атамаца Хомутова, остальныя расположены были следующимъ образомъ. Въ Черноморіи, на правомъ и левомъ флангахъ и въ центръ Съвернаго Кавказа, находились небольшіе отряды и гарнизоны въ кръпостяхъ и укръпленіяхъ въ оборонительномъ порядкъ, что впрочемь не мышало дълать наступленія или набыти въ предълы горцевъ. Въ Закавказъъ находились отряды на Лезгинской кордонной линіи и въ Дагестанъ съ Востока Западъ охранялся отрядами въ Мингреліи и Ахалцихъ. На Югъ подъ Карсомъ расположенъ былъ дъйствующій корпусъ численностью не свыше 30.000 человъкъ, и наконецъ Эриванскій отрядъ. Тылъ дъйствующаго орпу а обезпеченъ былъ сильною кръпостью въ Александрополъ.

ППамиль не предпринималь ничего въ теченіе 1854 и 1855 годовъ, кромѣ мелкихъ, незначительныхъ набѣговъ, послѣ которыхъ горцы возвращались во свояси, крѣпко побитые и казаками, и отрядами нашими. Закавказскіе магометане Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерній были способны лишь къ мелкимъ кражамъ рогатаго скота и лошадей и частнымъ убійствамъ, и по вполиѣ мирнымъ наклонностямъ ихъ они не способны были къ значительному вооруженному возстанію. Въ виду всего вышеизложеннаго, главнокомандующій, во главѣ тридцатитысячнаго корпуса, сосредоточеннаго подъ Карсомъ, занималъ положеніе грозное и вполнѣ обезпеченное. Между тѣмъ дѣйствія его были вялы, нерѣшительны и ограничивались или рекогносцировками передовыхъ укрѣпленій Карса, или поисками въ окрестностяхъ.

16-го Сентября въ 8 час. вечера, мы по обыкновенію собрадись ужинать въ палаткъ батарейнаго командира. Помню какъ сейчась, подано было любимое наше блюдо, вареный картофель въ мундирахъ и сливочное масло къ нему. Разговоры, какъ и во всякой военной компаніи, были на темы преимущественно военныя.

Но вотъ внезапно явплся къ намъ въ палатку адъютантъ генерала Базина, передавшій командиру батареи приказаніе пожаловать къ начальнику отряда. Не придавая особеннаго значенія такому приглашенію, мы продолжали ужинать, а Баумгартенъ отправился къ генералу. Не прошло и получаса, какъ возвратившійся Алексъй Егоровичь объявиль, что на утро въ 5 час. назначенъ штурмъ Карса и, по диспозиціи главнокомандующаго, нашему отряду предназначено штурмовать и взять укръпленіе Чахмахской высоты.

Ежели вдешь или идешь куда нибудь, то нужно знать путь къ намвченной цвли, и очевидно генералъ Баклановъ былъ хорошо знаъдомъ съ этимъ правиломъ; ибо онъ нвсколько разъ по ночамъ, въ сопровождении Армянина-проводника, выбъжавшаго изъ Карса, подползалъ къ укрвпленіямъ на Чахмахской, Шорахской и Карадагскихъ высотахъ, и расположеніе укрвпленій этихъ и подходовъ къ нимъ

ему извъстны такъ же хорошо, какъ углы его палатки. Хорошо было бы поступать такъ и другимъ, чтобы не бить лбомъ въ стъны.

Выступленіе отряда съ позиція Меликёй назначено было въ 11 час. ночи. Отрядъ началъ готовиться къ предстоящему смертному бою. Солдатики умывались, надъвали чистое бълье и портянки. Приказанія всв передавались шопотомъ; фельдфебеля дълали перекличку и разсчеты ротамъ. Передавъ распоряжение командира батареи мосму взводу, т. е. приказавъ амуничить лошадей, осмотръвъ зарядные ящики и передки и прослъдивъ за исполнениемъ этого приказанія, я пошель бродить по лагерю. Оставался еще чась до выступленія. Отправители военнаго ремесла несомненно должны свыкнуться съ мыслью о смерти; но, какъ хотите, умирать, да еще въ осминдцать лъть, не хочется. Какъ бы ни была тяжела жизнь, но, готовясь быть убитымъ, находишь ее прекрасною. Такія, или въ род'в этихъ мысли, резко обозначались на лицахъ и солдатъ, и офицеровъ. Офицеры вели ръчь обычную, стараясь скрыть, что происходило у каждаго въ душт; солдаты же были проще, и душевная тревога каждаго изъ нихъ успокоивались молитвами, которыя они шептали про себя. Я зашель въ палатку багарейнаго командира и засталъ его надъвающьмъ чистое бълье. Въ палаткъ же, выгянувшись въ струнку, стоялъ батарейный фельдфебель, рябой усачь, Ерохинь, впимательно выслушивавшій последнія распоряженія батарейнаго командира. «А вы надели чистое бълье?>-- Я, Алексий Егоровичь, какъ бы предчувствуя штурмъ, только сегодня мізняль бізье». -- «Ну, то-то! Штурмъ великое дізо, и къ нему надо приготовляться такъ же, какъ и къ причастію. Слова батарейнаго командира въ виду того душевнаго состоянія, въ которомъ я находился, подъйствовали на меня крайне непріятно. Зачъмъ готовиться къ смерти и говорить о ней, когда и безъ того каждый занять мыслью о томъ, убьють или искалечать его завтра? Я вышель вонъ изъ палатки и пошелъ къ себъ. Здъсь я засталъ сцену совершенно противоположную. Сожитель мой, подпоручикъ Мамацевъ занять быль учетомъ колотаго сахара, который онь всыпаль въ жестянку, рекомендуя въстовому своему Мальчевскому, плуту и лакомкъ, не заглядывать въ эту жестянку, во избъжание немедленной расправы. Сцена эта какъ будто уснокопла меня, а затъмъ раздавшійся вблизи палатки возгласъ командира Грузинскаго резервнаго баталіона, полковника Травина, во все горло произпесшаго, должно быть, адъютанту: «Передайте ротнымъ командирамъ по секрету, что отрядъ выступаеть въ 11 час. ночи на штурмъ Карса», окончательно развеселилъ меня.

Въ 11 часовъ отрядъ былъ готовъ, построился и, имъя кава впереди, выступилъ съ позиціи. Намъ надобно было обойти большой и малый Карадаги съ правой стороны и, вступивъ въ лощину между Шорахскими и Чахмахскими высотами, подняться на последнюю изъ нихъ и взять укръпленія Чахмаха. Увъренность, что Карсъ будеть взять, была такъ сильна, что мы, напримъръ, взявъ необходимое для солдать и для себя на объдь, не забыли захватить съ собою спирта для солдать и шампанскаго для офицеровь. Ночь была свътлая, морозная, хотя и не было снъга. Какъ извъстно, Армянская плоская возвышенность составляеть самую большую выпуклость на земномъ шаръ, а потому колода наступають тамъ ранье, чъмъ на какой либо изъ плоскостей. Сохраняя возможную типнину при движенін такой массы коней и людей, да вдобавокъ еще и 16-ти орудій, которыя, наткнувшись на камень по дорогь, пьть, ньть да и звякнуть или громыхнуть, мы спустились въ глубокій оврагь, чтобы ожиндать условленнаго сигнала изъ главнаго отряда для единовременнаго наступленія колоннъ на штурмъ. Условденнымъ сигналомъ должны были быть три ракеты. Въ оврагъ этомъ мы стояли часа два. Пе трудно предположить, о чемъ думаль каждый изъ насъ въ продолжение этой двухчасовой стоянки.

По рядамъ пъхоты, поднявшейся на поги, пробъжаль шопоть. Это вызывали охотниковъ. Время тяпулось томительно долго. Когда же, наконецъ, покажутся эти спгнальныя ракеты, какъ знавъ смертнаго приговора, подписаннаго для многихъ и многихъ этими огненными линіями? Когда, наконецъ, покажется оно, это тапиственное и страшное опо, которое безжалостно уничтожитъ въ мив то, что есть во мив человъческаго, и оставить лишь ньчго гадкое, годное въ пищу шакаламъ, червямъ, да воронамъ?

Взоры всёхъ невольно устремлялись къ небу; и воть, наконець, взвилась первая ракета. Войска встали. Затёмъ вторая и, наконець, третья, послё которой по командё, произнесенной внолголоса: «Сь Богомъ! Маршъ!» мы начали подниматься изъ оврага. Еще было темпо, когда отрядъ нашъ втянулся въ лощину между Чахмахомъ и Порахомъ. Тишина была изумительная. По воть на гребит Шорахской высоты, который обрисовывался справа, блеспула молнія, и затёмъ раздался гулъ пушечнаго выстрёла. Къ нему вскорт присоединились другіе выстрёлы, и вершина горы какъ бы загортась сплонными огнями направо и налёво отъ центральнаго выстрёла.

Мы въ это время подошли только къ подъему на Чахмахъ. Судя по огню, несвоевременно открытому на Пюрахъ, можно было сказал, что штурмъ будетъ неудаченъ; ибо наступленіе колонны Ковалевскаго произведено было ранве штурма Чахмахскихъ высотъ, куда отрядъ нашь долженъ быть отвлечь силы Турокъ, сосредоточенныя на Шорахв.

Круто повернувъ правымъ плечомъ и выс авъ впередъ охотниковъ, отрядъ нашъ началъ подниматься на гору. Подъемъ былъ длинный, крутой и каменистый, ибо шли мы не по дорогъ. Едва началъ брезжиться свътъ, какъ мы поднялись на площадь Чахмахской высоты. Отрядъ шелъ въ слъдующимъ порядкъ: впереди была цъпь изъ охотниковъ; сзади охотниковъ, въ близкомъ разстояніи отъ нихъ, шла пъхота въ баталіонныхъ колоннахъ; сзади пъхоты, въ близкомъ же разстояніи, развернувъ фронтъ, шла наша сводная батарея, подъ командой Баумгартена; сзади нашей батареи двигалась кавалерія съ конной батарсей саженяхъ въ 500 отъ насъ. Разсвъло. Впереди видны длиныя очертанія цъпныхъ укръпленій, одъвавшихъ высоту. Видны даже часовые, прохаживающіеся взадъ и впередъ за брустверами. Свътло уже совсъмъ. Отрядъ нашъ долженъ быть виденъ, какъ на ладони; по Турки все молчатъ. Остастся не болъе ста саженей.

Но воть, наконець, грянуль залиъ Турецкихъ орудій, осыпавшихъ насъ картечью. Охотники, а вслёдъ за ними и пёхота, крикнувъ «ура», бросились бёгомъ на флангъ укрёпленія. Не прошло нёсколькихъ минуть, какъ пёхота, ворвавшаяся въ укрёпленіе, скрылась отъ насъ. Вотъ мчится адъютантъ начальника отряда и, подскакавъ къ батарейному командиру, требуетъ какъ можно скорёе батарею впередъ. «Прислуга, на орудіе садись! Справа въ одно орудіе! Ящики за орудія! Въ каррьерь! Маршъ, маршъ!» И не прошло мгновенія, какъ мы влетъли въ ворота укрёпленія. Намъ открылась такая картина: съ лёвой стороны у насъ оказался большой Турецкій лагерь; впереди бёжала толпа Турокъ, одётыхъ, полуодётыхъ и въ одномъ бёльъ. Орудія наши были заряжены картечью.

Развернувши фронть батарен на всемъ скаку, мы снялись съ передковъ и сдълали залпъ изъ восьми орудій въ спины бъгущимъ Туркамъ. Толпа ошалъвшихъ Турокъ, пе оборачиваясь пазадъ, продолжала бъжать, оставляя за собою груды человъческихъ тълъ. Пока мы снова зарядили орудія, Турки успъли отбъжать шаговъ двъсти. Съ посаженною прислугою на орудіяхъ мы поскакали догонять ихъ. Тъла раненыхъ и убитыхъ Турокъ мъшали лошадямъ; по и онъ, какъ видпо проникнутыя общимъ одушевленісмъ, скакали, не разбирая, по чемъ онъ скачутъ, по землъ или по человъческимъ тъламъ. И я по-

мню, что колесомъ одного изъ моихъ орудій раздавило грудь м подому человъку въ офицерскомъ сертукъ, блондину лътъ 25 не болъе, должно быть Англичанину. Онъ лежалъ навзничъ, и не забыть мнъ того умоляющаго взора который онъ бросилъ на меня. Но не время было предаваться чувствительности. Догнавъ Турокъ, мы сдълали опять залпъ картечью, и снова тъже груды тълъ. Картина боя была весьма оживленная. Пъхота наша кричитъ ура! адъютанты и ор инарцы со знаменами, отбитыми у Турокъ, мчатся мимо пасъ къ резервамъ, чтобы передать эти славные трофеи на сохраненіе.

Далье преследовать Турокъ, скрывшихся нальво въ отвъсный оврагъ, мы не могли и потому остановились на позиціи противъ редута Велипаша-Табія, находившагося отъ насъ саженяхъ въ 400 за довольно отлогой балкой. Редуть этоть, бастіонной фор ы, имвлъ профиль долговременнаго укръпленія. Въ нашу сторопу изъ глубокихъ его амбразуръ глядъли кръпостныя орудія. Охотники наши были уже подъ ствнами этого редуга, когда последовало распоряжение начальника отряда вернуться назадъ. И до сихъ поръ я не умъю объяснить себъ, почему Турки изъ Вели-паша-Табія не преследовали огнемъ нашихъ охотниковъ. Батарея, какъ я уже и говорилъ, остановилась на позиціи. Зарядивъ орудія ядрами и картечными гранатами, мы ожидали артиллерійскаго боя. Пехоту всю заложили во рвахъ. Утро было дивное. Небо ярко-синее, какъ бирюза. Вътеръ не шелохнулъ. Вправо, верстахъ въ пяти отъ насъ, гремъла страшная канонада на Шорахъ. Громъ орудійныхъ выстралогь перемежался трескотнею пахотнаго огня. Выло уже 7 часовъ угра. Штурмъ въ главномъ пунктъ очевидно не удался. Атака 3 чася времени въ одномъ пунктв длится лишь тогда, если обороняющійся сильпъе паступающаго. О томъ, что было на Шорахъ я скажу далье, а теперь обращаюсь къ нашему отряду. Батарея стоить на позиціи. Орудія наведены въ амбразуры редута Вели-паши. Табія. Паша молчить. «Что-же, господа, кому-нибудь первому надо начинать! Сделаемъ салютъ Туркамъ. Пальба орудіями по огню! Первое! Пли!> Раздались очередные выстрелы; офицеры съ биновлями отскочили въ сторону, чтобы наблюдать за результатами пальбы. Прицълъ взятъ быль чрезвычайно удачно, ибо вследъ за выстрълами раздался громовой ударъ въ Турецкомъ редутъ; и видно было, какъ взлетвли на воздухъ какіе-то предметы, должно быть, отъ взорваннаго ящика или отъ пороховаго погребка. Съ этого мгновенія начался артиллерійскій бой.

Сначала непріятельскія ядра и бомбы перслетали черезъ насъ; но затёмъ Турки пристрълялись и начали преусердно вырывать изъ строя

орудійную прислугу. Положеніе артиллеристовъ во время боя на позици крайне непріятное. Стоишь и изображаешь изъ себя живую мишень. Все одушевленіе исчезаеть. Стоишь или ходишь по батареть, ежеминутно ожидая участи сосёдей-создать, падающихъ то съ оторванной головой, то съ оторванной ногой или рукой, или съ вырваннымъ животомъ, какъ, напримъръ, у орудійнаго фейерверкера Сапова, у котораго ядромъ въ то время, когда я съ нимъ разговаривалъ, вырвало животъ, и содержимымъ желудка и кишекъ обдало меня съ головы до ногь. Мнъ въ первый разъ пришлось умываться и обмываться не водой, а пескомъ. Бой артиллерійскій продолжался съ семи часовъ утра до часа дил, до тъхъ поръ, пока адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Клавдій Алексвевичъ Ермоловъ, не прибылъ съ приказаніемъ главновомандующаго отступать. Въ батарев осталось по одному номеру прислуги на каждое орудіе, по дві орудійных лошади и по одной лошади на ящикъ, такъ что когда приказано было надъвать орудія на передки, то уцълъвшая прислуга перебъгала отъ орудія къ орудію, чтобы поднимать ихъ.

Отступленіе паше совершено было и въ порядкѣ, и съ трофеями: мы вывезли изъ Чахмахскихъ укрѣпленій 13 полевыхъ орудій на ло-шадяхъ, присланныхъ изъ кавалеріи Бакланова, и пять Турецкихъ баталіонныхъ знаменъ.

По диспозиціи для штурма Карса назначено было четыре колопны. Главная и самая сильная, подъ начальствомъ г. лейтенанта Ковалевскаго, должна была штурмовать Шорахъ; другая, слабая, подъ начальствомъ г.-лейтенанта Базина, предназначалась на Чахмакъ. Двъ слабыхъ колопны назначены были для демонстрацій противъ Карадаговъ и Турецкаго лагеря. Колоннами этими командовали генералы графъ Ниродъ и Майдель.

Изъ всёхъ военныхъ наступленій можно признать несомнённую пользу обходныхъ колоннъ; что же касается демонстративныхъ, то еще Суворовъ сказалъ, что демонстрація забава для дётей и Австрійскихъ генераловъ. И въ самомъ дёлё, эти chassé en avant et en arrière слабыхъ демонстрирующихъ колоннъ обмануть никого не могутъ; между тёмъ колонны эти, присоединенныя, ну напримёръ вотъ хоть на штурмъ Карса, къ колоннъ Базина, составляли бы силу грозную съ значеніемъ рёшающимъ участь боя. Но въ ту эпоху различныхъ диверсій, маршей и контрмаршей ошибка вытекала изо всей системы военнаго образованія.

Къ 10 часамъ утра бой на Шорахъ, постепенно стихая, совожмъ прекратился. Одинъ изъ участниковъ штурма Шорахскихъ высотъ 17-го Сентября, маюръ Невтоновъ, бывшій въ то время юнкеромъ Грузинскаго гренадерскаго полка, разсказываль мив следующее. Отрядъ нашъ подъ начальствомъ г.-лейтенанта Ковалевского выступилъ изъ лагеря ночью. Шорахъ недалеко отъ мъста расположенія главныхъ силь блокаднаго корпуса. Ночь была свътлая, а потому вполнъ скрытпое движение колонны нашей можно было произвести не прямо, а балками и оврагами. Колонповожатый сбился съ дороги, и мы начали плутать направо и налъво, сами не зная, куда идемъ. Баталіоны Кавказскихъ полковъ, знакомые съ ночными движеніями, сохраняли должную тишину; что же касается баталіоновъ 13-й и 18-й дивизій, то въ пихъ и болгали, и курили, и даже одинъ солдать по неосторожности выстралиль. Мы, Кавказцы, хорошо понимали, что вся эта сумятица къ добру не приведеть. Наконецъ, послъ долгихъ блужданій, мы подиялись на гору, и къ крайнему нашему неудовольствио, вывето какоголибо изъ оланговъ укръпленій, мы напали на пуцкть самого сильнаго обстрвла центральныхъ батарей. Выло еще темпо, когда Турки, уже замътнише наше наступление, открыли по насъ сильнъйший огонь. Мы наступали тремя линіями съ очень большими промежутками между инип. Не взирая на страшный артиллерійскій огонь, первая линія, осыпаемая градомъ ядеръ, картечныхъ гранатъ, а затъмъ и картечью, смедо двигалась впередъ. Охотники, а затемъ и баталіоны первой липін, впачительно убавленные въ составъ своемъ, все-таки ворвались въ укръпленія. Внутри укръпленій бой начался самый ожесточенный, и па каждаго изъ нашихъ солдать приходилось не менфе трехъ-четырехъ Турокъ. Разбросавшись командами въ 10, 20 и 30 человъкъ, мы прижались къ внутренией сторонъ бруствера и отбивались штыками отъ сильно наседавшихъ на насъ Турокъ, къ которымъ ежемпнутно прибывали свёжія силы; а нашихъ резервовъ нёть, какъ нёть. Патроны мы вев израсходовали. Приказываль намъ инстинктъ самосохраненія, пбо начальство было все перебито. Генераль Ковалевскій въ самомъ началь штурма быль смертельно ранень. Фланси укрыпленій находились въ рукахъ Турокъ, а потому подходившіе резервы встръчались страшнымъ орудійнымъ огнемъ. По страшному стеченію обстоятельствъ или, если хотите, распоряженію, резервы подходили къ намъ по-баталіонно, съ значительными промежутками времени. Пока баталіонъ успъваль ворваться въ центръ къ намъ, онъ теряль одну треть людей на маршт и вступаль въ дело въ сильно уменьшенномъ составъ людей Не взирая на малочисленность резервовъ, при всякомъ появленін яхъ, Турки пятились назадъ. Мы драдись, ругали Муравьева; но мужество наше не падало, и ежели бы памъ прислали резервъ сразу баталіоновъ въ 6 или 7, то нѣтъ сомивиїя, Турки были бы смяты. Много было подвиговъ единичной храбрости и нижнихъ чиновъ, и офицеровъ; но что же значили эти подвиги для несомивино проиграннаго сраженія? Такимъ образомъ, въ сущности, взявъ укръпленія Шорахскихъ высотъ, мы не только не смяли Турокъ, но и пе въ состояніи были удержать за собою, не потому, чтобы въ колонив было мало войскъ, а потому, что въ каждую данную минуту мы чуть не цвлой Турецкой арміи противопоставляли лишь одинъ баталіонъ. «Что же это Муравьевъ! На убой что ли посылаетъ насъ?» громко кричали солдаты. «Эдакъ ввдь и онъ самъ, пожалуй, попадетъ къ Туркамъ на шашлыкъ! Срамота, братцы, да и только».

Бойня эта, по непонятнымъ соображеніямъ главнокомандующаго, длилась съ 5 и до 10 час. утра. Внутрепность укръпленій и наружная площадь были сплощь покрыты тълами нашихъ раненыхъ и убитыхъ, солдать и офицеровъ. Въ 10 час. приказано отступать. Спрашиваетси, для чего же мы наступали, да еще въ такомъ странномъ порядкъ! Такова суть дъла, и приписать его лишь одной смътливости и талантамъ генерала Виліамса, руководившаго дъйствіями Турецкихъ войскъ, при оборонъ Карса, было бы крайне несправедливо. Вина этого несчастнаго штурма всецъло падаеть на Муравьева.

Въ описаніи штурма Чахмахскихъ высотъ, я остановился на приказаніи отступать нашему отряду, переданному намъ капитаномъ Ермоловымъ.

Проклятій на долю Муравьева и у насъ посыцалось пемало; но приказано отступать, следовательно и будемъ отступать. Ватарея стояла еще на позиціи, когда изъ-за редуга Вели-паша-Табія начали показываться стройныя колонны Турецкихъ баталіоновъ. Передъ головнымъ баталіономъ, на стромъ красивомъ конт, гарцовалъ или командиръ полка или баталіонный командирь, въ сопровожденіи штаба. Баталіонъ разсыпаль стрелковъ въ цень, и Турки начали наступленіе. Ваталіоны наши, до сихъ поръ скрытые отъ артиллерійскаго отня во рвахъ, поднялись и выстроились навстрвчу Туркамъ. Подпустивъ Турокъ на довольно близкое разстояніе, наши пошли противъ шихъ. Выла туть и стръльба, и хорошій рукопашный бой; но отступать всетаки надо было. Батарея паша, за неимфијемъ ни одного спаряда пи въ ящикахъ, ни въ передкахъ (ибо подъ копецъ мы стреляли даже свътящими ядрами), отступила ранње пъхоты. Грустно было отступать побъяденными, имъя въ рукахъ пять непріятельскихъ знаменъ и 13 непріятельскихъ орудій; но все-таки же отступили.

Сзади насъ раздавалась трескотня ружейнаго огня. Это было отступленіе нашей піхоты и, сколько мні извістно, не взирая на огромныя массы Турецкихъ баталіоновъ, отступленіе это совершалось въ такомъ же строгомъ порядкъ, какъ на ученыя. Батарея вышла изъ огня; но впечатявніе шестичасоваго упорнаго артиллерійскаго боя было такъ сильно, что не върилось прекращенію его и тому, что мы остались цълы и невредимы въ этой безполезной бойнъ. Но удовольствіе, которое, по крайней мірів, и испытываль, выйдя изъ сферы огня, продолжалась педолго. Въ третьемъ взводъ Мамацева не оказалось запаснаго лафета, а потому меня, какъ младшаго, въ сопровождени сотни казаковъ, послади отыскивать таковой. Пришлось снова попасть подъ пепріятельскіе выстрелы. Пехота отступила уже. Отступала кавалерія, и что меня очень удивило, изъ четырехъ полковъ кавалеріи шелъ лишь одинъ казачій полкъ, лъниво перестръливаясь съ увизавшимся за нимъ Турецкимъ баталіономъ; но вскоръ въ довольно глубокой балкв, мимо которой происходило отступленіе казаковъ, я увидълъ скрытую массу кавалеріи, очевидно поставленной въ засаду. Я съ сотнею быль въ полуверств разстоянія отъ дъйствующихъ лицъ. Турецкій баталіонь, продолжая чрезвычайно настойчиво преслъдовать казаковъ, миноваль мъсто засады. Въ это мгновеніе полкъ за полкомъ вылетвли изъ засады въ тыль Туркамъ, и отъ баталіона не осталось буквально ни одного человъка. Оставивъ Туркамъ, сидъвшимъ въ кръпости, лишь воспоминаніе объ изрубленномъ баталіонъ, Баклановъ началь быстро отступать, изръдка сопровождаемый безвредными выстрълами одного орудія, не заклепаннаго нами. Вскоръ кавалерія, спустившись съ высоты, скрылась, и я съ моею сотнею остался одинь, продолжая разыскивать лафеть, который, наконець, къ общему удовольствію, показался вдали. Поскакавъ по направленію къ нему и обругавъ вздовыхъ за то, что они отбились отъ батареи, я направился къ спуску, до котораго мив версты три разстоянія пришлось вхать шагомъ, ибо на лафетъ сидъло два пъхотныхъ солдата, тяжело раненыхъ. Такимъ образомъ я смело могу сказать, что после штурма Чахмахскихъ высоть я отступилъ последнимъ.

Банлановъ съ кавалеріей отдыхаль у подножія горы. Замѣтивъ мое наступленіе, Банлановъ выслаль двѣ сотни казаковъ, и я видѣлъ, какъ казаки на скаку вынимали винговки изъ чехловъ. «О, чортъ возьми! Не убити Турки, такъ укокошать свои же. Трубачь, труби! Вышлиге фланкеровъ навстрѣчу!» Сотенный командиръ хорунжій (не помню его фамиліи) поскакаль навстрѣчу.

Дъло объяснилось, и я благополучно присоединился къ кавалеріи. Доложивъ генералу о причинъ моего поздняго отступленія, я было хотълъ продолжать путь мой; по Баклановъ пригласиль меня отдохнуть и закусить у него, чъмъ Богъ послалъ.

Мы прибыли на позицію Меликей часамъ къ 5 пополудни.

Послъдствія этого штурма были весьма печальны. Потеря наша простиралась до 8 тысячь ранепыхъ и убитыхъ, что составляло болье, чъмъ четвертую часть одокаднаго корпуса. Вслъдствіе большой убыли офицеровъ, баталіонами и ротами, разбитыми и потерявшими болье половины людей, командовали оберъ-офицеры, юнкера и фельдфебеля. Транспорты съ ранеными ежедневно отправлялись въ Александрополь, жители котораго, за недостаткомъ мъсть въ госпиталь, поневоль должны были уступить для помъщенія раненыхъ свои дома. Ропотъ гражданъ быль невообразимый. У Армянъ носы вытянулись до самой земли.

Муравьевъ упалъ духомъ. Войска ругали его пещадно. Впрочемъ блокада продолжалась. Сомпъніе Муравьева въ томъ, что Закавказье останется въ нашихъ рукахъ, было такъ сильно, что послано было въ Тифлисъ секретное распоряженіе встив присутственнымъ мъстамъ быть готовымъ къ перетяду за Кавказскій хребетъ, о чемъ, вспомпная эту печальную кампанію 1855 года, мнъ говорилъ свиты его величества генералъ князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе. Главновомандующій очень боялся арміи Омера-паши; но въ сущности бояться Омера-паши до того, чтобы сжечь продовольственный магазинъ на Ингуръ и отступить въ Кутансъ, отряду князя Багратіона-Мухранскаго не было надобности: ибо Омеръ-паша, потерявъ много людей отъ лихорадокъ и въ сраженіяхъ съ отрядомъ князя Мухранскаго, въ довершеніе всего завязъ въ Мингрельскихъ болотахъ, а потому и двигаться на Тифлисъ не могь.

Съ позиціи Меликёй отрядъ нашъ отправился на прежнюю свою позицію Омеръ-Ага, прибывъ на которую, мы занялись постройкою землянокъ и бараковъ на зиму. Препровожденіе времени нашего было прескучное: днемъ офицеры вздили охотиться на чернобурыхъ лисицъ, зайцевъ, дикихъ козъ и горныхъ курочекъ. Вечеромъ пулька въ преферансъ и неизбъжная рюмка водки подъ припъвъ: «Бхалъ чижикъ въ лодочкъ въ адмиральскомъ чинъ». Многіе напрактиковались до того, что пили и по десятой, подъ припъвъ: «Бдетъ адмиральша въ яликъ и пальчикомъ киваетъ плавно:

Пе выпить ли намъ по десятой? Славно!"

Прибывшій изъ Ахадциха подпоручикь нашей батарен Кильдюшевскій, однажды почью, сильно подкутивъ, возымълъ намъреніе провърять ночную цень. Солдатамъ почему-то показалось, что это флигель-адъютанть. По цепи, окружающей нашь отрядь, быстро пропеслось извъстіе, что флигель-адъютанть ревизуеть отрядъ. Наскучивъ переходить отъ звъна къ звъну въ цъпн, Кильдюшевскій сверцуль въ середину лагеря и попаль къ коновязимъ Донскаго казачьяго полка. Худыя лошадки съ голодухи объёдали другь у друга гривы и хвосты. Флигель адъютанть, который, кстати сказать, быль въ мъховомъ халать и въ артиллерійской офицерской фуражкь, не могъ перенести такого зръдища. «Послать ко мнъ полкового командира! Я ему покажу, гдв раки зимують!» Явился полковой командирь. «Что это вы, милостивый государь! Лошадокъ-то кормите хвостами и гривами? Хороша будеть атака на такихъ селедкахъ! Я васъ подъ судъ отдамъ, милостивый государь! Завтра явиться ко мив!> Съ этимъ словомъ Кильдющевскій повернулся и ушель кь себ'в въ палатку.

На слідующее утро, часовъ въ семь, я услышаль въ сосідней палатив командира первой роты Грузинского резервного баталіона, капитана Магнуса, слъдующій разговоръ. «Что это вы, полковникъ, въ парадной формъ? -- «Ночью со мною бъда случилась. Ко мнъ на коновязь пришель флигель-адъютангь, пашумъль, накричаль, объщался предать меня суду и приказаль явиться къ нему сегодня утромъ; одно мив странно показалось, что опъ быль въ халатв и, кажется, пьянъ. Магнусъ, знавшій уже о ночныхъ похожденіяхъ Кильдюшевскаго, объявиль полковнику, что инкакого флигель-адыотанта въ отрядъ нъгъ, а передрягу эту произвель не въ мъру кутпувшій подпоручикъ Кильдюшевскій. Взовшенный полковникъ пошелъ съ жалобой къ генералу Базину. Базинъ лично отправился на коновязь Донскаго полка и, убъдившись вь томъ, что лошадки-то дъйствительно худы, посовътоваль полковнику покормить ихъ, а жалову на Кильдюшевскаго прекратить Вернувшись со смотра, генераль потребоваль къ себъ Кильдюшевскаго и сдълалъ ему отеческое внушение и предостерсженіе не принимать на себя непринадлежащія званія. «Да я, ваше превосходительство, и не думаль ведичать себя флигель-адъютантомъ; я просто разругаль его за дурное содержание лошадей».

Тоска и уныніе до того овладёли всёми, что одинь изъ ротныхъ командировъ Грузинскаго баталіона допился до погребенія заживо. Однажды ночью весь отрядъ пробуждень быль необычайнымь зрёлищемъ. По серединь лагеря, мимо барака начальника отряда, шла процессія солдать и юнкеровь въ шинеляхъ, сверпутыхъ на подобіе свя-

щенническихъ ризъ съ факедами и бутылками въ рукахъ. За процессіей этой песли гробъ, въ которомъ дежалъ поручикъ Аристовъ. Процессія замыкалась хоромъ пъсенниковъ въ вывороченныхъ полушубкахъ, распъвавшихъ самыя шутовскія пъсни. Шествіе отъ времени до времени останавливалось, Аристовъ приподнимался, выпивалъ итсколько глотковъ водки и снова ложился. Разумъется, дежурный по отряду немедленно разогналъ всю эту процессію; а на другой день начальникъ отряда, онъ же и начальникъ резервной дивизіи, отръшилъ Аристова отъ командованія ротой.

Въ концѣ Сентября, по повелѣнію главнокомандующаго, юпкера́ нашего отряда, представленные въ офицеры, потребованы были къ главный отрядъ на экзаменъ къ его высокопревосходительству. Послъ пятидневнаго путешествія юнкера́, а въ томъ числѣ и я, прибыли ночью въ стапъ Владикарсъ. На слѣдующій депь въ 5 час. утра я явился къ командиру гренадерской артиллерійской бригады, полковнику Десажэ, и такъ какъ онъ спалъ еще, то пакеты, бывшіе у меня отъ батарейнаго командира, я передалъ въ бригадномъ штабѣ старшему писарю подъ росписку и отправился къ ставкѣ главнокомандующаго, куда уже собрались спутники мои юпкера́.

Мъстность, на которой расположена была ставка главнокомандующаго, изображала изъ себя квадрать, двё стороны котораго заняты были бараками главиокомандующаго, а двъ другія-бараками корпуснаго командира. Мы ходили изъ угла въ уголъ въ этомъ квадратв, не зная, гдв намъ пріютиться и къ кому явиться съ заявленіемъ о пашемъ прибытіи. Было холодно, а потому, чтобы хоть пемного погръться, мы наудачу вошли въ одинъ изъ бараковъ. Это была кухия главнокомандующаго. Поваръ оказался весьма любезный джентельмень въ бъломъ передникъ и колпакъ и на просьбу нашу, дозволить обогръться, изъявиль милостивое согласіе. Кухня была большая, просторная, а потому мы не мъшали его артистическимъ занятіямъ. Покуриван папиросы и болтая о всякомъ вздоръ, мы пробыли на кухив часовъ до 9. Въ 9 часовъ на кухню вошелъ адъютантъ, громко называя мою фамилію. «Я! Что прикажете?» — «Я васъ ищу по всему отряду. Идите поскоръе къ начальнику артиллерін! Выбъжавъ изъ кухни, и увпдъль начальника артиллеріи (онъ же и корпусный командиръ) гепералъ-лейтенанта Бриммера, прохаживающагося около своего барака. Подойдя къ нему и проговоривъ обычную фразу являющихся, я съ любонытствомъ ожидалъ того, зачемъ я ему понадобился. Вы представлены въ офицеры полевой артиллерін?» — «Точно такъ, ваше превосходительство».— «Вы уже сдали часть экзаменовъ въ Александрополъ?»— «Да,ваше пр-ство».— «Васъ сюда потребовали на экзаменъ;но вамъ этого экзамена держать не нужно».— «Слушаг», ваше пр-ство.» Генералъ повернулся и ушелъ къ себъ въ баракъ, а я присоединился къ группъ юнкеровъ, вышедшихъ изъ кухни.

Вскорт изъ барака главнокомандующаго вышелъ адъютантъ, который приказаль намъ построиться въ шеренгу, сделаль перекличку по списку и, подведя къ бараку главнокомандующаго и выровнявъ насъ, сталь на правомъ одангв. Минуть черезъ 10 вышель изъ барака п самъ главнокамандующій, плотный и довольно высокаго роста мужчина, сутуловый и съ нахмуренными бровями. Покуривая сигару, онъ обошель флангь и затымъ, возвратившись въ баракъ, приказаль вести насъ иъ штабную столовую, куда насъ и повелъ тоть же адьютанть. Прпдя въ столовую, поручикъ Корсаковъ усадилъ насъ по шести человъкъ по объимъ сторонамъ объденнаго стола и приступилъ къ экзамену. Экзаменъ того времени для производства въ офицеры ограничивался программой увзднаго училища. Я сидълъ рядомъ съ поручикомъ Корсаковымъ. Помня приказаніе начальника артиллеріи, я доложилъ поручику, что мив экзамена не подагается и что мив объ этомъ приказалъ доложить экзаменатору начальникъ аргиллеріи. «А я васъ все-таки буду экзаменовать. Экзаменъ начался Въ половинъ экзамена въ баракъ вошель генераль Бриммерь. «А гдв здвсь юнкерь Дроздовь?» — «Здвсь!» отвъчаль я. «Ему не слъдуеть экзаменоваться», сказаль Бриммеръ, обращаясь къ поручику Корсакову. - «Я исполняю волю главнокомандующаго». - А, ну, это другое діло». И произнеси эти слова, генераль вышель вонь изъ барака. Какъ ни обидно было самолюбію моему экзаменоваться у офицера, познанія котораго были ежели не меньше, то во всякомъ случав не больше моихъ, но я отвъчалъ ему на его вопросы о главныхъ ръкахъ и городахъ Россіи и писалъ подъ диктовку стихотвореніе «Воздушный корабль.» Наконецъ экзаменъ окончился, и юнкеровъ по очереди стали требовать въ баракъ главнокомандующаго. А, вотъ, наконецъ, онъ, тотъ настоящій экзаменъ, который Муравьевъ лично производиль. Только къ 7 час. вечера очередь дошла до меня. Я пошель къ бараку главнокомандующаго. У дверей барака на открытомъ воздухв стоялъ дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Корсаковъ въ курткъ и башлыкъ. Ah, bonjours! Le général vous attend! Entrez! Я поклонился полковнику и вошель въ переднюю, узенькую комнату съ дверью направо. Отворивъ дверь, я вошелъ въ баракъ. Квадратная комната, аршинъ 10 въ длину и столько же въ ширину и аршина 4 высоты, была обтянута гвардейскимъ палаточнымъ холстомъ съ широкими красными полосами по бълому полю. Направо отъ входа было два небольшихъ окна. Вдоль двухъ стънъ стояло двъ жельзныхъ кровати, накрытыхъ байковыми одвалами. Посреди комнаты стояль пюпитръ; за пюпитромъ кресло, на которомъ сидель главнокомандующій въ больших круглых в серебряных очкахъ, углубившійся въ разсматриваніе какой-то толстой книги. За кресломъ стояль экзаменаторь мой, адъютанть, поручикь Корсаковь. Войдя въ комнату, я было хотълъ продолжать идти до пюпитра, но былъ остановленъ мимикой поручика Корсакова, который, низко поклонившись, знаками показаль мив сделать тоже. Я поклонился въ поясъ, выпрямился и ожидаль дальнъйшихъ распоряженій. Карсаковъ мимикой же пригласиль меня идти. Медленно ступая по полу, я дошель до половины разстоянія между дверью и пюпитром в и по данному знаку остановидся и снова сдъдаль поясной поклонъ. Затъмъ, по знаку же Корсакова, в продолжаль движение до нюпитра и сдълаль третій поклонъ. Въ это время Муравьевъ, поднявъ очки на лобъ и откинувшись на спинку кресла, устремиль на меня строго вопросительный взглядь. Поручикъ Корсаковъ губами показалъ мив знакъ говорить. «Резервной батарен Кавказской гренадерской артиллерійской бригады юнкеръ Дроздовъ», отчеканилъ я резко и съ некоторымъ ожесточениемъ, ибо церемовіаль поклоновь меня сильно возмутиль. «А! Лентяй, тупоумецъ, выгнанный вонъ изъ училища. Куда же деваться, какъ не въ военную службу? Она, матушка родимая, всикую сволочь пріютить и накормить . - «Я, ваше высокопревосходительство, не выгнанъ изъ училища, а окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса и, поступивъ въ военную службу, не пскалъ въ ней пріюта. - «Мальчишка! Да знаешь-ли ты, съ къмъ говоришь?!!.. - «Знаю, ваше высокопревосходительство, отвъчаль я со слезами на глазахъ.

Такое грубое привътствіе меня кръпко обидьло. Муравьевъ, должно быть, сообразивъ, что онъ безпричинно нанесъ мив оскорбленіе, уже смягченнымъ тономъ спросилъ меня: «Гдъ ты учился?»—«Въ Лазаревскомъ институтъ восточныхъ языковъ и окончиль курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса. Вотъ какъ! Что же, знаешь ты Персидскій языкъ? - «Могу читать и писать.» — «Продекламируй мнв что-нибудь изъ Гюлистана Саади. У продекламировалъ нъсколько стиховъ. «Конечно и Арабскій языкъ знаешь?» — «Знаю.» «Коранъ читалъ?» «Читалъ.» «Скажи мив ивсколько начальных в строчекъ Корана». Я сказалъ. «Вытоворъ хорошъ. Покажи, какъ ты пишешь?» При этомъ онъ огорвалъ влочекъ бумаги и далъ мив его съкарандашемъ. Я написалъ въсколько Персидскихъ фразъ и подалъ бумагу главнокомандующему. «И по-111. 18

PECCHIN APERST 1896.

черкъ хорошъ. Тебъ слъдовало бы поступить на службу въ инострани в отдъленіе штаба». — «Я предпочитаю строй.» — «Что ты дълаль на Чахма-хъ?» — «Командовалъ взводомъ орудій.» — «Странно было?» — «Да, страшно.» — «За ящикъ не прятался?» — «Иъть не прятался.» — «Кто твой отецъ? Я сказалъ. Затъмъ посыпались вопросы о сестрахъ, братьяхъ, дядяхъ, теткахъ. Я отвъчалъ. Наконецъ, экзаменъ очевидно кончился. Муранъевъ надъль очки и, нагнувшись надъ пюпитромъ, снова запялся просматриваніемъ толстой книги. Я было хотълъ повернуться кругомъ съ тъмъ чтобы выйти вонъ изъ комнаты; но поручикъ Корсаковъ, замътивъ это, началъ пятиться назадъ, показывая этимъ мнъ, что и я долженъ такъже и ятиться до двери. Послъ троскратныхъ поклоновъ, пятясь назадъ, я спиною отворилъ дверь и вышелъ вонъ.

Въроятно за мой ръзвій отвъть его высокопревосходительство вычеркнуль меня изъ награднаго списка, и за штурмъ Карса я, мараввъ съ прочими нижними чинами, награжденъ лишь рублемъ серебромъ.

Этимъ я заканчиваю мои юношескія воспоминація. Впереди предстоить еще много писать изь моихъ воспоминацій о службъ на Кавжазь.

Подлолновникъ И. И. Дроздовъ.

ДВА ПРОФЕССОРА РУССКОЙ ИСТОРІИ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ.

- И. Филевичь. Исторія Древней Руси. Томъ І. Территорін и высоловіє. Варшава. 1896.
- A. Брикнерт. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Inhrhunderts. Band 1. Ueberblick der Entwickelung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. 1896.
- И. Н. Филевичь, насколько можно понять его изслъдованіе (понимать же его нелегко по способу его изложенія) не признаёть ин одной изъ существующихъ теорій происхожденія Руси, а предлагаєть свою собственную. А именно: Русь народилась въ Карпатахъ, или по ихъ обоимъ скатамъ, и отгуда распространилась на Востокъ въ Подилировье и на Югь въ Подунанье. Любонытно, что этого своего главнаго вывода авторъ нигдъ прямо и исно не формулируетъ, хотя неръдко дълаетъ разные частиме выводы изъ своихъ разсужденій. Самая древнъйшая, коренцая Русь у него Галицко-Угорская.

На чемъ же опъ основываеть спою Карпатскую теорію?

На сей счеть опять таки у него не выставлено ясныхъ, точныхъ тезисовъ въ копцъ книги (какъ это обыкновенно дъластся въ ученыхъ диссертаціяхъ), а только изъ чтенія ея можно заключить, что онъ свою теорію происхожденія Руси съ Карпатъ утверждаетъ на дкухъ основаніяхъ: 1) Географическам номенклатура даннаго района объясинется по преимуществу изъ Славянскаю ялыка. 2) Въ историческое время Карпатская Русь оказывается въ центръ Славянскаю міра.

III эткость подобныхъ основаній бросается въ глаза съ перваго же ваглида.

Едва ли пе половину своей книги г. Филевичь удъляеть на географическую номенклатуру Прикариатья и сосъднихъ съ нимъ странъ и приводять массу названий ръкъ, урочнить и т. п., имъющихъ Славянские корни или Славянский характеръ. "Здъсь все звучить по-славянски", замъчаеть овъ иногда (напр. 142 стр.). Хорошо; но что же изъ того слъдуетъ? Давнее жительство Славянъ, и вичего болъе. А въдь вопросъ идетъ о Руси, и чисто-Русскихъ названій авторъ не въ состояніи выдълить изъ массы Сла-

вянскихъ вообще. Говоря, напричёрь, о Русско-Славянскихъ" (г. е. Русско-Словацкихъ) отношеніяхъ, опъ самъ сознается, что "обозначеніе рубежа между Русскимъ и Словенскимъ славянствомъ весьма трудно" (258); а о Карпатахъ замвчаетъ, что въ ихъ "номенклатурћ госпедствуеть страшная путаница" (77). Но положимъ, ему удалось бы выдълить чисто-Русскія названія и темъ подтвердить древность обитавін здесь собственно-Русскаго племени. Опять вопросъ: какая это древность? Съ какого въка, хотя приблизительно, можно считать водворение тамъ Руси? На это мы не получаемъ никакого прямого отвъта, а встръчаемъ, замъ-сямъ, какія-то сбивчивыя, запутанныя фразы о пространстве времени между VI и IX веками, со ссылкою на Горнанда, но со ссылкою, говорящею опить таки о Славанскихъ народахъ вообще, безъ указанія на Русь (82, 307). Авторъ не привель даже викакихъ серьезныхъ данныхъ, доказывающихъ существование Карпатской Руси до прибытін туда Мадыръ. А потому и второе его основаніе (чтоэта Русь занимаетъ центральное положение въ Слапинскомъ мірѣ) само собой отнадаеть; ибо ни откуда не видно, чтобы Русь на Карпатахъ водворилась прежде чемъ на Дивпре или въ кранкъ Азонско-Черноморскихъ. Но предположимъ, что г. Филевичу удалось бы ясно доказать существование Карпато-Дунайской Руси въ VI въкъ. И опять это писколько не противоръчило бы основаніямъ моей Роксоланской теоріи; ибо Роксолаце являются въ Приазовскихъ краяхъ съ 1-го въка до Р. Х., а въ эпоху великаго переселенія народовъ они продвинулись далеко на Западъ; при чемъ часть ихъ могла осъсть и на Дунав, и въ Карпатахъ. Съ такимъ выводомъ и не только не сталъ бы спорить, напротивъ, считаю его въроятнымъ. Но во всякомъ случав не въ Карпатахъ зародилась Русская народность, и не отгуда распространилась Русь на Придивировье, Придонье и-Приазовье, а наобороть. Границы Русского племени то раздвигались, тосокращались на глазахъ исторіи. А если оно уціліло въ Карпатскихъ горахъ (вивств со своими географическими названіями) болье чъмъ въ Приазовье и Придонье, то этому, какъ всемъ известно, причиною быль тотъ "прибой" Турко-Татарскихъ ордъ, котораго г. Филевичъ коснулси въ последнемъ отделе своей кинги.

Увлекшись современною географическою номенклатурою, авторь совершению упустиль изъ виду историческую сторону своей задачи. О началь Угорской Руси существують разныя мивпін. Одни считають ее волонистами изъ Галиціи и Вольни, ушедшими за Карпаты въ виоху Татарскаго погрома; другіе полагають, что эта Русь пришла туда съ Мадьярами; наконець, третьи ведуть ее отъ твхъ Руговь, которые въ впоху великаго переселенія пародовъ явлются на Среднемъ Дунав. Г. Филевичь не попытался обследовать ви одного изъ этихъ мивпій и совершенно въ сторонъ оставиль хронологическій вопросъ, а только на основаніи географической номенклатуры утверждаєть, что Угорская Русь существуєть съ давнихъ поръ, но съ какихъ именно поръ—это для него покрыто мракомъ неизвъстности. При такомъ неисторическомъ направленіи страннымъ являєтся самов

ваглавіе диссертаціп: Исторія древней Руси. Если же онъ гадаеть о VI стольтіп или о томъ, что Русь Угорская уже скрывается въ извъстіяхъ Іорнанда; то онъ долженъ былъ не ограничиваться мимоходнымъ упоминаніемъ о статьъ Петрушевича (16), а напротивъ серьезно заняться вопросомъ о Ругахъ, народность которыхъ далеко перазъяснена, хотя ихъ обыкновенно причисляють къ Германцамъ. Извъстно, что западный лътописецъ, говоря о Кіевской великой княгинъ Одъгъ называеть ее regina Rugorum; Раффельштетинскій документь, о которомъ г. Филевичъ мимоходомъ упоминаетъ въ примъчаніи (268), указываеть Руговъ въ Прикарпатьт въ Х в., и т. д. Если же авторъ считаеть Руговъ не при чемъ въ вопрост объ Угорской Руси, то ихъ слёдовало устранить паучнымъ образомъ, а не голословно.

О своей географической номенклатуръ, нисколько не разъясивющей намъ происхожденія Руси, г. Филевичь говорить такимъ тономъ, какъ будто онъ отврыль маленькую Америку Эту номенклатуру онъ, по примъру Надеждина, обыкновенно называеть "изыкъ земли". Положимъ, такъ; но прежде надо выучиться имъ владъть. А безъ освъщенія историческими фактами и свидътельствами этоть изыкъ—мертвый, капиталъ.

Въ своей кингъ г. Фидевичъ приводить массу всякихъ сочиненій, мивній и разныхъ примъчаній; но пельзя сказать, чтобы онъ быль очень разборчивъ въ выборъ своихъ авторитетовъ. По крайней мъръ въ числъ важивипихъ его авторитетовъ и, кажетси, самыми главными являются нивто иные какъ Падеждинъ, Шембера и Ламбинъ. Надеждинымъ онъ просто увлеченъ и считаеть его "родопачальникомъ современнаго паучнаго движенія" (60). "Среди представителей (Славинской) школы. Надеждинъ является гигантомъ во всъхъ отношеніяхъ, истиннымъ предтечею современнаго научнаго направденія" (63). О какомъ именно научномъ движеній и направленій туть гопорится, для меня неисно. Увлечение повидимому основано на томъ, что Надеждинъ первый указаль на географическую поменклатуру Карпато-Дунайской страны какъ на языкъ земли, не только открывающій "подъ Мадьярскимъ и Румынскимъ напосомъ кряжъ собственно-Русскій", но и объщают і і открыть "постепенное образование народа Руси" (36-37). Онъ же будто бы "предложиль нашей наукт опредъленный методь изученія нашей древности" (40). Талантливый инсатель тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Надеждинъ, въ своихъ ръчахъ и статьяхъ, дъйствительно разбросаль немало корошихъ, отрывочныхъ мыслей и сужденій, рядомь съ разными домыслами, хотя остроумными, по сомнительными. Ничего цельнаго и прочно-построенньго однако онъ не создаль и никакого опредъленнаго метода не выработаль. Хотя г. Филевичь въ своей книге не одинъ разъ пытается говорить о своемъ методъ, какъ продолжателъ Падеждинскаго; но, судя по результатамъ, позполительно усомпиться въ его научныхъ достоинствахъ. Относительно Чешскаго слависта Шемберы можно только сказать, что это быль почтепный ученый, въ своихъ работахъ также мащавний дальное съ недвльнымъ и слишкомъ увлекавиййся предвзятыми идеями при Славянскихъ объясненіяхъ географической номенклатуры. Почему г. Ламбинъ служитъ также однимъ изъ заживйшихъ авторитетовъ для г. Филенича и почему онъ часто на него ссылается, я не могь попять, и тъмъ болъе, что г. Ламбинъ является отчаяннымъ порманистомъ, а г. Филевичъ паоборотъ выступаетъ какъ бы ръшительнымъ прогивникомъ Норманской школы.

При всей масст ссылокъ на всевозможные труды и сочиненія, иногда даже неимвющие никакого отношенія къ вопросу о началв Руси, авторъ даннаго изследованія спеціально игнорируєть изыскавія вашего покоривійшаго слуги, хотя за последнее 25-легіе едва ли кто более работаль въ этой области. Правда, три-четыре раза опъ упоминаетъ мое имя, но какъ бы для того только, чтобы водчеркнуть свое или незнакомство, или слишкомъ поверхностное знакомство, съ монми изысканіями. Такъ на стр. 23 онъ говорить, что я въ своей Истории России "совствиъ отбросияв" введеніе въ нее или "научное разсладованіе показаній пашего главпаго источника". т. е. лътописи. Въ дъйствительности, одновременно съ первымъ выпускомъ своего труда, я издалъ сборникъ своихъ "Розысканій о началъ Руси", на которомъ прямо обозначено: в мъсто введенія въ Русскую Исторію. Тамъ заключается и критическій разборъ лотописныхъ данныхъ о происхожденін Русской государственцости. На стр. 344 авторъ увърнеть, будто и "примо объявилъ, что исе начало афтописей до половины XI в. не можеть имъть значени научнаго источника, что это басин" и т. д. При этомъ стоить голословиям ссылка на одну мою статью въ Розысканіяхъ: "Къ вопросу о автописныхъ дегендахъ". Но ничего подобнаго я здвсь не объявлию, а только пытаюсь объяснить происхождение и которых в дегендъ, вопіедшихъ въ льтопись. На стр. 371, по поводу Хазарской дани, ставится попросъ: "не есть ин это отголосокъ столкновеній съ Аварами?" И при этомъ ссылка на мон Розысканія съ обозначеніемъ страницы. Но если шюра страницы относится къ этимъ только словамъ, то она певърна, а если къ цълой моей глант о Хазарахъ и Аварахъ, то не вижу знакомства съ этою главою, а развъ только съ однимъ небольшимъ примъчаніемъ. Между тъмъ ветръза эщанен на стр. 67 фраза о чыкть-то "блужданикть во тьмахъ Скиоороксодано-болгарскихъ" представляеть ясный на меня измекъ и вифеть отрицаніе моей Роксоланской теоріи происхожденія Руси, Разумвется, голословно и бездоказательно можно отринать какую угодно теорію и даже не потрудяеь сколько вибудь серьсано ознакомиться сь ся основаніями и аргументами. Другое дело, если бы г. Филевичь попытался систематично, научнымъ образомъ опровергнуть какое либо изъ моихъ основаній.

Слъдившіе за монми изысканіями, знають что я об атигь особоє винманіе на испорченный тексть Лътониси въ легендъ о призваніи князей, откуда собственно и произошло смъщеніе Руси съ Варигами. Никто ро меня этой порчи въ данномъ случать не замътиль, и это одинъ изъ важиващихъ монхъ аргументовъ противъ Норманской системы. Г. Филевичъ о такомъ первостепенной важности сакть едва упоминаетъ гдъ-то въ примъча-

ши, инкого не называя. "Что касается разсказа о 862 г.-говорять онъто описка въ выраженін: різша Русь (вийсто Руси) имбется въ Лаврентьевскомъ и Тропцкомъ" (359). Изъ этихъ словъ я имъю право заключить, что онь только слышаль что-то объ испорченномъ тексть, но съ моими изысканілми о немъ не ознакомился. Тамъ я представляю педый риду доказательствь, что перпоначальный тексть сохранился по преимуществу въ сводахъ Западнорусскихъ и Новгородскихъ, а испорченный вошелъ только въ своды и списки Съверовосточные, да и то далеко не всъ. Кромъ Лаврентьепскаго и Тропикаго имбемъ Русь выбсто Руси въ Ипатскомъ сворб и Перенсланскомъ спискъ; особенно важенъ указанный мною первоначальный тексть въ Лътописиъ патріарха Никифора (См. мои Розисканія стр. 465 496-497): далье въ Степениой книгь, въ "Русскомъ Хронографи и пр. (Мои замътки въ "Русскомъ Въстинкъ" 1890. Январь) А.г. Филеничъ яввые следы этого первопачальнаго текста считаеть какою-то опискою! Выставляя себя антинорманистомъ, онъ тугь безсознательно и совершенно неосновательно поддерживаеть Норманскую систему. Поддерживаеть ее овъ и въ вопросъ о признаніи. "Прибытія киязей въ Повгородъ отвергать нельзя, говорить г. Филевичь: опо слишкомь решительно засвидетельствовано небин автописими" (376) Во первыхъ, встип сводами, а не "автописими". Начальная летопись известна только одна (Сильвестрова), которая и вошла: во всь вътописные своды. А во вгорыхъ, я отнюдь не отрицаю присутствія сказавія о призванін въ начальной Русской літониси; я доказываю только дегендарный характерь этого сказанія. Вообще любонытны разсужденія автора, относицияся къ лътописной повъсти о началь Русской земли (посабдини глана кинги), любонытны по педостатку догики, произвольнымъ, гадательнымъ положеніямъ и такому запутанному, темпому изложенію, что передать вкратив ихъ содержание и смысль и решительно не берусь.

Заявляя себя антипорманистомъ въ Вариго-Русскомъ вопросъ, г. Филевичь пребываеть антиславистомь въ вопросв о пародности Болгарь. "Мы не сомивнаемся въ неславнистве Болгаръ", признается опъ; но туть же противоръчить себъ, замъчая объ отсутствін исторической аналогіи для такого быстраго "этнографическаго перерожденія палаго народа" (324), что въ свою очередь не мъщаеть ему на слыдующей же страниць смъло и "ръшительно утверждать", что это перерождение Волгаръ "не представляеть ничего удивительнаго, если принять во внимание продолжительное культурное и племенное воздъйствие на Болгарь со стороны Славяно-Русскаго Юга". "Русскій Югъ въ концъ концовъ палъ, но особенно на Болгарахъ онъ сослужилъ добрую службу славянству. Не смотря на такое решительное утвержденіе, не правдали въ высшей степени удивительнымъ является этотъ воображаемый подвигъ Руси? Оказывается, что никто другой, а пменно она ославянила Дунайскихъ и Балканскихъ Болгаръ, при чемъ заставила ихъ говорить не Русскимъ языкомъ, а собственнымъ Болгарскимъ! Относительно Славить вообще г. Филевичь повториеть ругинныя фразы о ихъ ископности, миогочисленности, широкомъ распространенін; но глубже VI въка или конца У-го онъ не идетъ. Да и не можетъ идти: ибо имя Славянъ является только съ этого времени въ источникахъ; а что они жили уже въ Восточной Европъ и на Дунат ранте, только подъ другими именами, и преимущественно подъ именемъ Сарматъ—мои изысванія объ этомъ предметт онъ игнорируетъ. Да оно и понятно: вашъ покорнташій слуга не обладаетъ такимъ авторитетомъ какъ гг. Ламбинъ, Пичъ, Иречекъ, К. Я. Гротъ, Куникъ, Гедеоновъ, Шембера, Войцтвовскій, Кентржинскій, Богуславскій и многіе другіє. Впрочемъ г. Филевичъ не всегда согласенъ и съ самимъ Ламбинымъ. Такъ напримъръ, для объясненія названія Угличей онъ не ограничивается миническимъ угломъ—Буджакомъ; а отдъляетъ отъ нихъ Уличей или, какъ онъ ихъ назілваетъ, Улучич й и сочиннетъ для послёднихъ вакое-то Улучь (296-304).

Общее впечатавніе, выпесенное мною изъ чтенія книги, это: во первыхъ, недостатокъ серьсзной подготовки для того, чтобы трактовать вопросъ о происхождении Руси во всемъ его объемъ и со всехъ его сторонъ, и вытегающее отсюда поверхностное отпошение въ развымъ болъе или менъе важнымъ его отдъламъ. Во вторыхъ, неръдкіе фактическіе промахи, пренебрежение историческими двиными и сравнительно-историческимъ методомъ. при крайнемъ увлеченіи географической поменклатурой, въ конца концовъ не представившей никаких существенных, досель псизвъстных выводовъ. Въ третьихъ, недостатокъ вдумчивости и логичности, съ которымъ связанъ самый характеръ изложения, довольно непоследовательный и запутанный. Отсюда много противоръчій и темиоты, рядомъ съ обиліемъ общихъ мъсть, ничего не доказывающихъ. Самый языкъ передко успащается реченими пеобычными и тяжело-придуманными, въ родъ: "Славино-русского самоопредъленія", "эпохальнаго значенія", "говорныхъ переливовъ", "годовой сфти" и т. п. Гораздо приссообразиве было бы сосредоточиться хотя бы на Угорской Руси и сколько-нибудь вынешить ен историческия сульбы, благо авторъ изследованія, по его словамъ, запасси деситиверствой картой, получиль доступъ въ Австрійскіе архивы, и притомъ, въ качествъ Каршавскаго профессора, обитаеть почти по состдетву съ означенной Русью. А общій вопрось о происхождении Руси и исего Славинства лучие бы оставить пока въ сторовъ до пріобрътенія широкой исторической основы, выйсть съ сравнительнымъ историко-критическимъ методомъ, и до основательнаго ознакомления сь источниками и литературою по сему вопросу.

Любопытно письмо г. Филевича, помъщениюе из № 7.313 "Поваго Времени" (8 Іюля 1896 г.) и озаглавлениое "У свъжей могилы". Туть онъ печалуется о мэдьпризации Угорской Руси, но поводу введения богослужения на Мадьярскомъ языкъ. При семъ, считая негодными предыдущіе труды, посвященные нашей начальной исторіи, онъ объявляеть, что вообще мы Русскіе якобы досель не знаемъ, откуда идемъ, что мы "непомнящіе родства" и т. п. Такое заявленіе вийсть съ выходомъ въ свъть означенной его диссертаціи могло возбудить надежду, что именно она-то намъ и откроеть, наконецъ,

глаза на наше происхождение. Но, какъ мы видъли, чтение ен приводить къ полному разочарованию: изъ нен мы не узнаемъ даже происхождения той Угорской Руси, судьбу которой авторъ оплакиваетъ въ своей газстной статьть. Но то, что онъ говоритъ по сему поводу, свойственно болье зауридному фельетонисту, чъмъ историку. Сей послъдний долженъ бы знать, что Мадыпры съ самаго начала явились союзниками Нъмцевъ для угнетения и истребления Славинъ и что эту роль они добросовъстно исполняють до сихъ поръ.

*

Перейдемъ теперь къ новоявленной Нъмсцкой кингъ другого профессора Русской исторіи (бывшаго Деритскаго), г. Брикнера. Она заключаеть въ себъ цервый томъ "Исторіи Россіи до конца XVIII стольтія". Эготь первый томъ не представляетъ систематическаго связнаго повъствованія, а является рядомъ очерковъ разпообразнаго содержанія: географическаго, публицистическаго, этнографическаго, статистическаго и, накопецъ, историческаго. Очерки эти неравнаго достоинства; во всякомъ случав, при извъстномъ трудолюбім и эрудиція автора, они займуть не последнее место на Измецкой дитературь по Русской исторіи. Но едва ли не самымъ слабымъ въ научномъ отношении очеркомъ надобно считать посвященный Варяжскому вопросу (Die Warjagerfrage стр. 226 - 241). Если профессоръ Филевичъ, издавний спеціальное изследование о начале Руси, не обнаруживаеть основательнаго зна комства съ настоящимъ состояніемъ этого вопроса въ Русской наукт, то еще менфе можно ожидать такового знакомства оть книги профессора Брикнера, трактующей вопросъ только съ точки зрвиня общаго курса Русской исторіи, т. е. какъ одинъ изъ ен неизбъжных в отділовъ. Онъ приводить разцыя о немъ мивиін, начиная съ Петербургских вакадемиковь прошлаго стоявтія и кончая Куникомъ, Гедеоновымъ, Томсеномъ, мною и пр. По, новторию, настоящее положение вопроса вы точности ему неизвъстно. Папримъръ, В. Г. Васильевскій помъщается все еще къ числь скандинавомацовь, тогла какъ пъ послъднее времи, какъ мы знасмъ, онъ отказался отъ теорія съвернато или Скандинавскато происхождения Руси, а перешелъ въ южному (Готскому). Разумъется, симпатіц г. Брикнера склопяются къ старой Итмецкой школь порманистовь, и онъ повторяеть обычныя, теперь уже научно отсталыя, сужденія ихъ о невоинственномъ, оседломъ характере и быте Славнить, ихъ якобы незнакомствъ съ моремъ и т. п. Начальнаго лътописца Русскаго опъ по прежнему называеть Несторомъ вместо Сильвестра, и продолжаеть ссылаться на него какъ будто бы на современника призванію князей, при чемъ подпятый мною вопросъ объ испорченномъ маста легенды какъ бы совствъ ему незнакомъ. Незнакомы ему и вновь открытые источниви или новое объяснение старыхъ (напр., Амастридская и Сурожская легенды, извъстіе Хордадбега и т. д.). Между прочимъ мое указаніе на Славянскія божества въ договорахъ Русскихъ князей съ Греками онъ нытается устранить увърсніемъ, будто "имена божествь въ та врсмена легко могли мъняться". А дтакой великій авторитеть какъ Томсенъ", по его словамъ, будто бы "указаль не менве девяноста личныхь имень несомивнио-Скандинавскаго происхожденія въ перкомъ стольтіи Русской исторін". Не ознакомясь съ послъдней научной фазой вопроса, авторь однако приводить мивние о льтописной легендъ Серба Крыжанича, котораго сочиненія недавно изданы. Вообще этоть очеркъ страдаеть поверхностнымъ, дилетантскимъ отношеніемъ къ дълу и педостаткомъ историческаго безпристрастія, хотя авторь проповъдуеть именно безпристрастіе Но, какъ я сказаль, для него существують иъкоторыя смягчающія обстоительства.

Пользуюсь даннымъ случаемъ вновь сделать оговорку, которую и не разъ уже дълалъ и прежде. Писатели, касающіеся Варяго-Русскаго вопроса, если и ссылаются на мон изысканія, то обыкновенно знакомство свое съ пими ограничивають первыми моими статьями, написанными болве двадцати лэгь тому назадь. По многое, чтб въ этихъ статьяхъ было только намъчено или указано, вноследствии обработано или развито подробите. Въ частпостихъ второстепеннаго и третьестепеннаго значенія кое-что оказалось излип:ествомъ, не имъющимъ прямого отношенія къ вопросу, особенно въ сферв втимологических в соображеній. И вкоторыя важныя стороны вопроса въ последующихъ статьяхъ выдвинуты вновь; напримерь, несомибиная испорченпость пачальнаго текста лътописной легенды о призваніи, позднее появленіе въ петоріи названія Славяме и его постепенное распространеніе на племена, извъстныя въ древности подъ другими именами, объяснение народности Гунновъ и пр. Если эти позднъйщія статьи, хотя и вошедшія въ сборникъ Розысканій и Дополнительной полемики, мало принимаются къ свъдвнію моими антагонистами, то написанныя въ последнія десять леть (по преимуществу въ "Русскомъ Въстинкъ" и "Русскомъ Архинъ) почти совстять игнорпруются ими, конечно, въ ущербъ ученой добросовъстности, о чемъ и приходится напочинать при случав.

Д. Иловайскій.

ЗАБЫТОЕ БЛАГОДЪЯНІЕ.

Екатерина Великая говаривала, что когда она захочеть заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, то приказываеть порыться из апхивахъ и отыскать, не говорено ли было о томъ при Петръ Великомъ, и почти всегда открывается, что предполагаемое дъло уже имъ было обдумано".

Такими словами Екатерина охарактеризовала всеобъемлющую дънтельность своего предшественника, ту дънтельность, которая, вызывая удивление современниковъ и потомства, даровала ему приснопамятный титулъ "отца отечества" и "великаго". Развивая далъе вту мысль, можно съ увъренностью сказать, что не было въ нашемъ отечествъ окраниы, даже самой отдаленной, на которой не останавлявалось бы внимание великаго труженика земли Русской, не было болъе или менъе крупнаго города въ России, въ которомъ бы не оставиль онъ слъдовъ своихъ дънний, своихъ царъственныхъ заботь.

Къ числу такихъ городовъ, обязанныхъ своимъ современнымъ благосостояніемъ Петру Великому, несомивино принадлежить Саратокъ Поволжье и Саратовскій край съ даннихъ поръ привлекали винманіс Петра, желавшаго утвердиться на берегахъ Каспія и Азовскаго моря, считавшаго псобх:димымъ оградить Волгу съ ен торгоными нутими отъ хищинческихъ набтговъ кочевниковъ, которые въ то время хозяйничали въ степи. Отправлянсь въ походъ подъ Азовъ, Царь впервыя ознакомился съ пизовымъ Поволжьемъ и наметиль будущую роль Саратова, для охраны которато отъ наобтовъ вольницы и Татарь опъ создаль два города: Дмитріевскъ (пынтыній Камышинъ) и Петровскъ, и учредилъ стороженую линю отъ Царицына до Дона, съ проведенимъ которой прекратились набъги Погайскихъ Татаръ. Въ 1695 году, по пути въ Азовъ, Царь въ первый разъ посетиль Саратовъ, который, существуя уже слишкомъ сто лъть, представляль собою въ то время небольшой укрыпленный валомъ посадь на правомъ берегу Волги, гдв, кромъ инородцевъ, казаковъ и стрельцовъ, проживало несколько сотъ Русскихъ семей. Бывшій въ то время Саратовскимъ воеводою Нестеровъ, во главъ гражданъ, торжественно встрътилъ Царя и поддержалъ челобитье Саратовцевъ объ отводъ имъ земельныхъ угодій и покосовъ.

Разсказывають, что Царь, въбхавъ верхомъ на самое высокое, господствующее падъ всемъ городомъ мъсто, такъ пазываемую "Соколону гору"

и любунсь съ высоты степною и зарфчною далью, указаль рукою па все видимое пространство земель, которыми и пожаловаль Саратовцевъ. Таково преданіе, сохранившееся до сихъ поръ въ устахъ народа. Подробности втого событія могуть быть оспариваемы, но цеть сомивнія, что челобитье Царю подавали, и что Петръ пожаловаль Саратову земли. Объ этомъ свидътельствуеть и жалованияя грамота его, данная 13 Марта 17 ч года на имя тогдашняго Саратонскаго военоды, стольника Алексви Новосильцова. Въ грамотъ между прочимь сказано: "...И нынъ били челомь намъ Великому Государю города Саратова ружники и всякихъ чицовъ градскіе жители. Въ прошломъде 1700 году, по нащему Великаго Государя указу и грамоть, отведено имъ из городу Саратоку на выпускъ и на табуйныя пастопици и на свиные поносы, и съ лъсными угодън по урочищамъ, и отводныя книги въ Приказъ Козанскаго дворца присланы: а владенной грамоты имъ недано. И намъ Великому Государю пожаловати бъ вельть имъ виредъ для владвиія дать съ тихъ отводныхъ виягь нашу Великаго Государи грамоту съ прочетомъ, почему имъ тъмъ отводинамъ выпускомъ и конскими пастбищи, и съпными покосы, и льсными венкими угодьи впредъ владыть... И какъ къ тебъ ся наша Великаго Государя грамота придеть, и ты-бъ имъ, Саратовскимъ жителимъ, тою отводною землею велблъ владъть по нашему Великаго Госуваря по указу и сей грамотв и, списавъ съ сей грамоты списокъ, оставиль въ Приказной Избъ, а подлинную сю нашу Великаго Государи грамоту отдалъ имъ градскимъ жителямъ" *).

Въ силу этой жалованной грамоты, подлинникъ которой въ современномъ спискъ до сихъ поръ сохраняется въ мъстной казачьей станицъ, городъ Саратовъ сделался владельнемъ общирныхъ земель на луговой и нагорной сторонахъ Волги, количество которыхъ, какъ говорять, доходило до 300 тысячъ десятияъ. Съ тъхъ поръ прошло почти 200 льть; "ружники и всяких ь ч повъ градскіе жители" Саратовскіе, о кои упоминается въ жалованной грамоть, въ то время едва ли имъвшіе попятіе о городь, какъ о диць юрилическомъ, очевидно считали это пожалование личнымъ, и отъ того чего значительная часть этой городской земли разошлась по частнымъ рукамъ. Захиаты эти быля производимы въ такъ называемой "выгонной процорцін", т. е. земль, прилегающей къ городскому поселенію, предназначенной для выгона, на воторомъ захватчики разводили сады, устраинали хутора и пожни. Съ теченіемъ времени значительное количество этой пожадованной земли было отобрано для казаковъ и Малороссовъ-солевозовъ, жителей нынашией слободы Повровской, вследствіе чего оть города отошла вся лугован Заволжская сторона. Что касается нагорной стороны, то здёсь также было вымежевано значительное пространство изъ городскихъ земель въ пользу поселенныхъ въ Саратовъ казаковъ Астраханскаго войска, а также "питомпевъ" Воспитательнаго Дома (пынфиний Николаевский городокъ и Маріинская ферма).

^{*)} Труды Свратовской Ученой Архивной Коммиссіп, томъ IV, вып. III, Саратовъ 1894.

Какъ бы то ни было, благодаря Петру Великому гороть Саратокь изнастоящее время является самымъ крупнымъ городомъ землевладъльцемъ иъ
Россіи, обладающимъ болъе чъчъ 70-ю тысячами десятить земли. Но не
этими конечно матеріальными благами, дарованными городу, должны быть
оцънены потомствомъ заслуги великаго монарха. "Безъ геніальной в осточной политики Петра, безъ его перваго шага къ соединенію Каснія съ Валтійскимъ моремъ", какъ справедливо замъчаетъ С. С. Красполубровскій *),
"не быть бы Саратову", тому Саратову, который изъ жалкой пограничной
кръпостцы съ населеніемъ въ пъсколько сотъ душъ, съ теченісмъ временна
разросси до крупьаго торгоно-промышленнаго центра съ почти 200 тысячвымъ населеніемъ, гдъ установилась умственная жизнь, широко разлито народное образованіе, имъются музей, библіотеки, ученыя обичестка и до 70
учебныхъ заведеній. Словомъ сказать, современный Саратокъ по справедливости можетъ быть названъ "столицей Поволжья", лишь отсутствіемъ университета уступающей соперницъ-Казани.

Таковы экономическія в просвітительных заслуги Петра по отношевію въ Саратову, о которыхъ городъ конечно не могъ не знать и которыя естественнымъ образомъ накодили на мысль о необходимости укъковъчить эти благодъянія великаго монарха сооруженіемъ ему въ этомъ городъ доетойнаго и соотвътствующаго его величію паявтника. Такъ повидимому ваглянуло Саратовское городское управленіе, когда въ Маф 1891 года, во время торжественнаго празднованія 300-летія города, Дума решила дознаменовать юбилейный день сооружениемъ намятника императору Петру Великому, "которому городъ обязанъ своими земельными богатствами". Въ силу втого постановленія, подбисаннаго всеми наличными гласными, предволожено соорудить этоть памятникъ "исключительно на средства города" и воздвигнуть его на такъ называемой Старо-себорной пленади, о чемъ и возбудить своевременно ходатайство передъ правительствомъ. Подробная разработка вопроса поручена Управа, съ тамъ чтобы по этому предмету она внесла свой докладъ на утверждение Думы. Въ Мат того же года Саратовекая Городская Управа снеслась съ управами двухъ сосъднихъ губерній, Астраханской и Самарской, въ которыхъ уже сооружены памятники царюосвободителю Александру II и, по наведеннымъ при этомъ справкамъ, оказалось, что памятники эти обощлись: Астрахани- въ 19.000, а Самаръвъ 72.000 рублей.

Но на этомъ повидимому и остановилась двительность городскаго управленія. Недостатокъ ли матеріальныхъ средствъ, или вопросъ о пріисканіи художника исполнителя, пли иныя какія соображенія, но вопросъ о памятникъ Петру Великому не получиль дальнъйшаго движенія. Можно думать, что онъ окончательно былъ бы забытъ, если бы спустя два года, въ 1893 году, не явилось крайне благопрінтное для города обстоятельство, давшее-

^{*) 1)} Старые годы Саратова. 2) О памитника Петру Великому въ Саратова.

новый толчевь этому забытому вопросу. Извъстный нашъ художникъ, Адексъй Петропичь Боголюбовъ, много дъть проживающій въ Парижь, но сохраняюний постоянную связь съ Саратовомъ, какъ создатель Радишевскаго Музея и почетный гражданиит города, приняль живое участіе въ этомъ городскомъ дъль. Опъ предложилъ свое посредничество въ отыскавін художинка, способнаго неполнить модель намятника для Саратова, и следствіемь таковаго посредничества явилось предложение Русского вантеля, проживающого въ Парижъ, Петра Николаевича Тургенева *) исполнить модель памятника и доставить ее Саратову безвозмездно. Въ Гюнт 1893 года превосходная гипсовая модень конной статуи Петра Великаго была окончена и при письм'я П. Н. Тургенева прислана въ Саратовъ, какъ даръ художника городу. Въ письмі: своемъ П. Н. Тургеневъ заявляль, что согласно этой модели онъ берется изготовить броизовый намитвикъ, при чемъ, предлагая отдълку статуи, онъ "не имъетъ въ виду собственной выгоды или разсчега, считая достаточной наградой выставить свое произведение на Русской земав". Онъ просить лиць возмъщения необходимыхъ издержень на матеріалъ для отлитія статун изъ бронзы, чеб по его разсчету, состанило бы сумму отъ 9 до 94/, тысячь рублей.

Свое письмо II. Н. Тургеневъ заключаеть просьбой устроить съвадъ знающихъ людей для желательныхъ указаній и поправокъ, изъявлян при этомъ полную готовность сдълать, въ случав надобности, всв необходимыя изивненія въ проекгв. Такимъ образомъ сооруженіе памятника Петру Великому, при даровомъ трудв вангеля, "обощлось бы городу не болве 10.000 рублей", что по сравненію съ внушительной цифрой въ 72.000 рублей, израсходованныхъ Самарою, составило бы для Саратова незначительную трату.

Что же сдълаль городъ? Какъ отнесся опъ къ этому прекрасному предложенію? Отвъть на это мы находимъ въ № 275 "Саратовскаго Листва" отъ 15 Декабря 1893 г., въ замътвъ подъ заглавіемъ "По поводу модели памятника Петру Великому", гдъ говорится, что даръ г. Тургенева въ Саратовъ давно полученъ и выставленъ въ Городской Управъ "для обоэрѣнія"; а между тъмъ ни А. П. Боголюбовъ, ни Н. П. Тургеневъ, положившіе въ это дъло столько усердія и труда, "до сихъ поръ не получили даже простаго увъдомленія о прибытіи модели въ Саратовъ". При этомъ авторъ замътки довольно списходительно объясинеть этотъ поступокъ тъмъ, что члены Управы, "озабоченные текущими дълами", отложили обсужденіе этого вопроса на неопредъленое время и что при томъ настоящія средства города отодвигають исполненіе думскаго постановленія по поводу памятника до болѣе бла-

^{•)} Читатели "Русского Архива" порадуются тому, что даровитый художникъ П. Н. Тургсневъ—емпъ присполамятного Николом Ивановича и племянникъ того Тургенсва, "Портретъ", которого (въ стихахъ) напечатанъ въ ІХ-мъ выпускъ нашемъ за ныпаний годъ. Мы благодарны В. И. Свлатову за указаніе, что стихи эти написаны Б. М. Өедоровымъ (Сочив. Батюшкова, I, кн. 2, стр. 370). П. Б.

гопріятнаго будущаго. Въ той же замъткъ говорится, что модель не удовлетворяєть требованіямъ Саратонцевь, какъ ислъдствіе невърности, допущенной въ надинси на ньедесталъ, такъ и по самой идеъ намитинка, положенію неадинка, коня и т. д. 1)... Но въдь И. Н. Турген въ, присылак евой даръ, прямо занвлялъ, что онъ готовъ едълать всъ необходимыя изикненія въ проектъ, лишь бы даны были ему указанія. Управа, "окабоченнав текущими дълами", такъ и не дала никакого отпъта. Впрочемъ енъту оговориться: спусти два дня послъ появленія замътки, а именно 17 Декабря, Управа написала коротенькое письмо П. Н.Тургеневу за подивсью городскаго головы, въ которомъ, благодаря его "за желаніе сдълать въ высшей степени полезное пожертвованіе городу", сообщаеть, что вобросъ о сооруженіи памятника, "за недостаткомъ средствъ, пока откладывается до болъе благопріятнаго будущаго".

Когда наступить это благопріятное время, мы не знасмы; но съ тъхъ поръ прошло еще три года, а вопросъ этоть, новидимому, такъ и капуль въ Лету.

Недавно мий припилось прочесть въ "Повомъ Времени" статью г. Скальковскаго "о памитникахъ знаменитымъ Русскимъ людямъ", въ которой авторъ указываетъ на поразительное равнодушіе Русскаго общества въ своимъ великимъ людямъ. Авторъ, перечисляя заслуги ибкоторыхъ государей в общественныхъ дъятелей нашихъ, съ прискорбісмъ указываетъ на отсутствіе у насъ памитниковъ царю Ивану III, Алексью Михайловичу, мигрополиту Филиппу [Колычеву] и даже княгипямъ Трубецкой и Волконской?).

Что же сказать посль этого о Саратовь, который при почти милліономь бюджеть не находить десяти тысячь рублей на сооружение намятника Петру?

Н. Военскій.

Саратовъ, 1896.

1859 ГОДЪ НА АМУРЪ.

Тогдашніе и тамошніе шуточные стихи.

Какъ въ Амурской области, А и Господи прости, Словно у людей, Завелись дъла, порядки: Просять свъта, гонять взятки, Чудеса ей, ей!

Генералъ Иркутскій Гуссе, Губернаторъ въ новомъ вкусв, Дуй его горой! Онъ большой руки ораторъ, Дипломатъ, администраторъ, Онъ же и герой.

Хоть наружностью невзрачень, Но воинственный Маймачинъ Интурмомъ чуть не взялъ. При здоровьи своемъ слабомъ Онъ Иркутскимъ главнымъ штабомъ Бойко заправлялъ.

Честь кровавого похода
Пятьдесять шестаго года
Свято чтить страна.
Воть по этимъ-то заслугамъ,
Говорять, къ его услугамъ
Область создана.

Весь облить мишурнымъ свътомъ, Онъ прівхаль прошлымъ льтомъ Съ молодой женой. Подождемъ, что будстъ дальше, А покуда генеральша Тъломъ и душой!

Понабрались съ ними франты, Гальтерманы, Гильдебранты; Туть же и Петровъ. Поломали стары хаты, Возвели дворцы-палаты, Хоть морозь волковъ!

Обезпечивъ помъщеньемъ, Принялись за управленье Что всего нужнъй. Мы потомъ займемся красмъ, Перво па перво Кптасмъ: Это поважнъй!

Въдь Китайцы крайне глупы, Неразвиты, грязны, тупы, Пу ихъ воспитать! Они страшные невъжи; Принимать ихъ будемъ ръже, Чаще къ нимъ писать

Воть Асламову работа!
То и дъло пишеть поты
Въ Айгунъ ко двору.
Ихъ тамъ можеть быть читають,
Да все пасъ-то не пускають
Вверхъ по Супгару;
Да и къ Айгунъ-то пробраться
Пе всегда легко, признаться.

Быль такой случай:
Разь, инкогнито, зимею
Опь повхаль тамь съ женою
Праздинкъ посмотръть;
И погръться не пустили,
Все по улицамъ водили
Словно на показъ!

но поводу воспоманамій смоленскаго дворянина.

Въ "Воспомин теймх дожин тощ по свой выст Смоленскию дворянина", напечатанныхъ въ Япварьской киптъ "Русской Старины" 1896 г., гдъ ръчь идетъ о Московскихъ профессорахъ медицинскаго факультета, встръчаютси многія неточности. Въ біографическихъ замъткахъ, предназначенныхъ для нечати, неточностей не должно быть, и гръшно бы было оставить эти неточности непсиравленными, такъ какъ они касаются лицъ, изъ которыхъ многія въ свое времи составляли гордость Московскаго Унивеситета и пользовались вполнъ заслуженнымъ уваженісмъ. Непърности, хотя бы и неимъющія важнаго значенія, непольно возбуждають перовъріе къ автору. Приводи исправленія, я однако не желлю дълать упрекъ разскащику, "доживающему свой въкъ" и не считаю, его ошибки умышленными. Ошибки всегда возможны тъмъ болье, что авторъ не былъ близко знакомъ съ описываемыми имъ личностями; къ тому же въ преклопныхъ льтахъ память неръдко изъйняетъ.

Заговоривъ о профессоръ минералогія Григорія Ефимовичъ Щуровскомъ, анторъ рисуєть его суровымъ, соїбеннымъ подъ тяжестью мьть, сердито и неохотно пропускающимъ сдова скиозь зубы. Лекціи его будто бы посъщались немногими.

Въ описываемое время, т. с. въ началъ натидеситыхъ годовъ, Г. Е. Щуровскій имълъ не болье питидесити льть отъ роду и воисе не быль согосипымъ и дряхлымъ старикомъ *).

Правда, въ отношения въ слушателямъ овъ былъ сухимъ, холодиымъ и на экзаменахъ довольно строгимъ. Въ силу послъднаго обстоягельства лекціи его всегда усердно посъщались студентами, не желавшими, какъ говорится, провалиться на экзаменъ. Всегда строго относясь въ своимъ провессорскимъ обязанностимъ, какъ ученый, пользовавшійся изкъстностью, онъ не заискивалъ въ студентахъ и въ сжато - изложеннымъ декціямъ не примъшиваль балагурства. Студенты всегда относились въ нему съ полнымъ уваженіемъ. При сухой и холодной вившиости, Игуронскій въ тоже время былъ человъвъ отзывчиваго, добраго сердца.

^{*)} Г. Е. Щуровскій родилен 80 Янв. 1803 г., скончалет 2) Марта 1834 г.

Профессоромъ описательной апатоміи быль Иванъ Матвевичъ Соколокъ: Пиколай же Диперіевичъ Пикитинъ былъ прозекторомъ, и ему, какъ адыонкту, предоставлено было право запиматься практическою апатомією на трупать со студентами 2-го курса. На пемъ и его помощник К. М. Баланаець лежала обязанность приготовлять препараты для лекцій описательной внатомы и чтобы препарать не испортился, заготовка делалась наванунь, много за день до лекцін. На цылыхъ же, разложившихся трупахъ анатомія не читалась; поэтому и воздух'ь вы аудиторіп не могь быть невыносимымъ. - Деканъ медицинского факультета Николай Богдановичъ Анке читаль не терацію, а фармакологію. Авторъ восноминацій почему-то ставить на видь равнодущіе и сонливость декана во время защиты диссертацій на степень доктора. На диспутахъ возраженія докторанту дівають оппоненты, заранье назначаемые факультетомъ и просматривающіе диссертацію; на декант же не лежить прямой обязанности дълать возраженія. Кстати нужно заметить, что Анке пользовался большою популярностью въ среде студентовъ: любили его, какъ декана и какъ профессора; за то, что онъ относился нь студентамъ отечески и получившимъ у него неудовлетворительный отибтки на экзамень даналь возможность подготовиться и всегда допускаль нь перезизаменовив. Передко бывало, что довгоранты и студенты но два и но три раза пользовались списходительностію профессора, и въ концъ концовъ подготовившись, выдерживали экзаменъ. Въ кругу своихъ вникомыхъ Анке быль весслымъ собстваниюмъ и всегда желаннымъ гостемъ. Въ описываемое время про него ходило много впекдотовъ, и его остроты были изиветны далеко за предвлами Упиверситета.

Описывая экзаменъ изъ Богословія, на которомъ присутствоваль оставнійся педовольнымь чёмь-то, мигрополить Флядреть, авторъ воспоминій видъль его уже ухорящимъ изъ пудиторін и слышаль, какъ онъ постуживаль посохомъ. Врядь ли это было такъ. Посохъ посится архіереями только при богослуженін и при участін въ крествыхъ ходахъ.

Всиоминая о свътилахъ медицинскаго факультета, которыми въ описываемое премя были Александръ Ивановичъ Оверъ и Оедоръ Ивановичъ Иноземцевъ, авторъ посвятилъ цёлую страницу первому изъ нихъ, котя и переполненную далеко не лестими отзывами, и негомивнио почерналъ свъдъпія изъ источниковъ, не заслуживающихъ довѣрія. Ипоземцова опъ представляетъ какимъ-то оригниаломъ и слишкомъ блѣдно рисуетъ этотъ портретъ во всѣхъ отношеніяхъ достонамятнаго врача и человѣка. Авторъ какъ будто ставитъ въ упрекъ А. И. Оверу, что онъ, являясь въ мундирѣ, бывалъ обвѣшавъ не мевѣе тридцатью орденами разныхъ государствъ. Автору въроятно неизвѣстно, что иностранные ордена пожалованы были Оверу не за деньги, не за истрѣчи на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, не за успѣшное пользованіе высоконоставленныхъ иностранныхъ особъ или ихъ камердинеровъ, а за ученый трудъ. Трудъ этотъ заключался въ составленномъ и пре-

восходно изданномъ Оверомъ патолого-анатомическомъ атласъ, поднессипомъмногимъ изъ иностранныхъ государей, оцънивнихъ его по достоинству. Не задолго до своего выхода въ отставку Оверъ будто бы почти совсъмъ пересталь чигать лекціи и даже посъщать клиники, и вмъсто него читаль ассистентъ. Послъдній годъ профессорства Овера, очень хорошо сохранившійся въ памяти пишущаго эти строки, пичъмъ не отличался отъ предшествовавшихъ лъть. Въ этотъ годъ А. И. Оверъ очень часто посъщалъ илиники и продолжаль также увлекательно читаль. Ассистентъ же его, Корнелій Яковлевичъ Млодзъевскій, обычно читаль свой предметь—діагностику бользней. Оверъ быль однимъ изъ послъднихъ профессоровъ, читавшій лекній при постелъ и въ присутствіи больныхъ на изящномъ Латинскомъ языкъ, которымъ, кетати сказать, владъль онъ въ совершенствъ и не имъль себъ

Далье въ воспомпианіяхь гоборится о томъ, что будто бы во времи своего отсутствія Оверъ не только утратиль свою прежнюю популярность между студентами, но даже заслужиль назнанія "пеньжды" и "идіота" и, при первомъ его появленіи въ влиники, студенты готовились его освистать; но вышло совсьмъ наобороть. При появленіи Овера въ быломъ галстухі (котораго нужно замітить онъ шикогда не носиль) и по окончаніи лекціи, вмісто шиканьи поднялся такой ревъ "браво", такой урагань хлонанья въ ладоши, что ничего подобнаго даже и не снилось профессорамъ искавщимъ понулярности. Мало того, вся аудиторія бросилась вслідъ за нимъ, и одобренія продолжали сыпаться и на лістинць и въ свияхъ, гді онъ уже надаваль шубу.

Начать съ того, что о свисткахъ и шикапъп пе было и помину, покрайней мъръ въ громадномъ большинствъ студентовъ, слушавшихъ Овера. Точно также не слыхать было о вышеприведенныхъ болъе нежели грубыхъ и вовсе неподходищихъ къ Оверу эпитетахъ. Взрывъ же долго неумолкавшяхъ рукоплескацій вызванъ былъ не лекціей, которая читалась всегда въклиническихъ палатахъ, а блестищею по содержанію и по изложенію прощальною ръчью Овера, сказанною имъ по случаю оставленія профессорстваи выхода изъ Университета. Прощанье происходило въ такъ пазываемойакушерской аудиторіи, въ пижнемъ этажъ клиникъ, такъ что по-льстницъ проиожать профессора не было падобности.

Заканчивая восноминанія объ Оверъ, авторъ почему-то вздумаль произвести его въ камергеры Двора Его Императорскаго Величества. Въроятпо эту придворную должность авторъ смъналь съ званіемъ почетнаго лейбъмедика, какимъ дъйствительно былъ Оверъ.

Автору почему-то казалось, что въ паружности и одежде О. И. Иноземисва бросалась въ глаза какаи-то пебрежность. Въ данномъ случав-

можно заподозрить авгора въ томъ, что онъ когда либо видель вблизи Иноземцева. Папротивъ того и по паружности, и по костюму онъ выдълялся въ толив. Къ больнымъ онъ всегда являлся въ изящно сшитой черной паръ, во фракъ, застегнутомъ на вев нуговицы и неръдко со звъздою, такъ какъ въ описывае не время въ орденамъ относились съ гораздо больпимъ уважениемъ нежели теперь, да и давались ордена не такъ щедро, какъ впоследствии. Далье авторъ подметиль въ Иноземцеве какую-то оригинальность. Ипоземцевъ не отличален никакими оригинальностими или выходками и пе прибъгалъ въ фокусамъ, чтобы произвести впечатлъніе на больныхъ или студентовъ. Точно также и не прибъгалъ онъ къ тъмъ маневрамъ, разсчитаннымъ на студенческія аплоднементы, къ которымъ, какъ выше геворить авторъ воспоминаній, прибвгали приоторые профессора. Слава его была дъйствительно громадна, но при этомъ автору следовало бы добавить, что Ө. И. ен вполив заслуживаль. Очень жаль, что авторъ, упоминая о какойто кажущейся пебрежности и оригинальности Ипоземцева, ни слова не говорить насколько онь быль внимателень и сострадателень кь больнымь. обращавшимся къ нему за медицинскою, а нередко и за матеріальною помощью. Страждущіе всекозможными педугами стекались къ нему не только со всей Москвы, по приходили и пріважали паъ далека. Въ то время не было въчебницъ, гдъ бъдные за ничгожную плату или безплатио могли бы воспользоваться медициискимъ советомъ. Первая изъ лечебницъ, Общества Русскихъ Врачей, была открыта незадолго до кончины Иноземцева. Въ пріемпой же у него самаго были ингрово открыты двери, и входившіе въ нихъ и бъдняки, и люди состоятельные находили всегда внимательный и теплый пріемъ.

О размъръ гопорара за совъть и помину не было. Да Иноземцевъ счелъ бы дичнымъ для себя оскородениемъ предварительный торть о вознаграждения за консультацию или посъщение больнаго.

Посавдиими изъ медицинскихъ профессоровъ, въ восноминаціяхъ описанъ поатенный во всъхъ отношеніяхъ Алексъй Ивановичъ Полунинъ, Онъночему-то казался автору восноминацій оригинальное всъхъ и по наружности, и по манеръ говорить, и даже по голосу, будто бы походивнему на гусиный. "Маленькій, лысый, съ зачесанными вперель жиденькими висками, въ допотопночъ фракъ и ходилъ-то онъ какъ-то особенно, подпрыгивая на важдой ногъ".

Лекцін свои Полунинъ читалъ дъйствительно ифсколько нарасифвъ, потому что онъ хоти и не сильно, по завилен. Чтобы загладить этотъ недостатокъ ръчи, онъ говорилъ не сибина, протижно, по въ тоже времи выразительно. Роста онъ былъ невысокаго, но и не маленькаго, плотносложенный; но смъщнаго и оригипальнаго въ его наружности и въ ноходиъ инчего не было. Походка его была медленцал, но ровная, и подпрыгивающимъ его никому не улавалось видъть. Одъть опъ быль всегда скоръе шеголевато, а не въ допотопный вицъ-мундиръ. Полунинъ пользовался извъстностью въ ученомъ міръ не за евои сочиненія, какъ говорится нъ коспомінаніяхъ, а за переводы, отличавшіеся необыкновенною точностью и служившіе въ то время руководствами для медиковъ. Въ заключеніе замътки о Полунинъ, авторъ восноминаній дъласть ему списхожденіе, допуская, что Полунинъ кромъ смънныхъ сторонъ вироятью имъль очень много серьезныхъ и замъчательныхъ.

Да, дъйствительно Полунинъ имълъ въ себъ много хорошаго и достойнаго подражанія. Начать съ того, что опъ быль совершенною противоположностью автора воспоминацій. Полунинъ видель или, но крайней мітрі, желаль видьть въ дюдяхъ только хоронія стороны. Ни о комъ, въ особенности же о своихъ сослуживнахъ и врачахъ, ин въ глаза, ни за глаза, не говориль онъ дуриаго и до крайности быль деликатенъ ранительно со всеми. Корыстолюбіе для него было чуждо. Деликатность не покидала его даже въ обращения съ университетскими служителями; при разговоръ съ пичи онъ всегда имъ говорилъ "вы". А это было въ то времи, когда еще господствовало крвпостное право. Въ особенности же доброзунно относилси онъ къ старослуживому сторожу анатомического театра Исво-Екатерининской больницы, гдв опъ почти ежедневно читалъ патологическую анатомію для студентовъ 5-го курса. Опъ его пазываль не пначе какъ по имени и отчестку, Иваномъ Ивановичемъ, котораго авторъ восноминаній почему-то передълалъ въ "Ганса". Пванъ Ивановичъ, какь по опсуръ, такъ и по говору, былъ типичною личностью, хорошо знакомою всемъ студентамъ-медикамъ, и въ свое время пгралъ пъкоторую роль. На его попечени, межзу прочимъ, быль и патолого-апатомическій кабиреть, нь которомь хранились патологоанатомическіе препараты. Со всеми препаратами, перелю очень схожими между собою, по не имъвинии падинсей, Иванъ Ивановичъ, прослуживний при набинета не одинъ десятокъ лъть, быль коротко знакомъ. Это знакомство съ препаратами давало поводъ къ сближению студентовъ съ Иваномъ Ивановичемъ, Студенты, не твердо знавшіе содержимое безчисленнаго ряда бановъ, передъ ренетициями и экзаменомъ прибъгали за помощью въ Инапу Ивановичу, объясиявиему препараты. А не угадать на экзаменъ препарата влекло за собою получение неудовлетворительной отмътки. Чтобы быть всегда готовымъ къ услугамъ профессора, Иванъ Иванов чъ зачастую, въ особенности при векрытіл труповъ, присутствоваль на лекціяхъ, присаживансь къ студентамъ.

Минуя характеристику профессоровь другихъ факультетовъ, запесенную на странивы восноминаній, пельзя пройти молчанісмь замытокъ, касающихся въ свое время всеобщаго любимца, профессора зоологіи Карла Францовича Рулье (пазваннаго въ восноминаніяхъ Францомъ Якоклевичемъ). Лекціи Рулье, по словамь автора замытокъ, зтакъ и сверкала отначи остроумія весслости, и на нихъ всегда собправись во множествь посторонніе слуша-

тели". Да, дъйствительно лекціями Рудье интересовались не одни естественнаки, но и медики, и юрпсты *). Весьма обширная такъ называемая большая математическая аудиторія въ новомъ зданіи Универентета бывала биткомъ набита, когда на канедру веходиль Рудье. Но въдь не одна неселость и остроуміе профессора привлекали въ аудиторію слушателей. Каждому хотвлось послушать Рудье, какъ человька дъйствительно и богато одареннаго необыкновенною способностью живо, увлекательно и красноръчиво излагать лекцін и дъйствовать ими не только на умъ, но и на сердца слушателей. Помимо того, Рудье, талантливый профессоръ, пользовался извъстностью и какъ ученый налеоптологь и геологь. Про него безъ преувеличеній можно сказать: это быль выдающійся профессоръ, замічательный учитель и ученый, но и одна изъ выдающихся личностей сороковыхъ и интидесятыхъ годовъ текущаго стольтін.

Причиною смерти Рудье быль не переломъ ноги, заставившій его долгое время ходить на костылихь, какъ ошибочно сообщается въ восномных ніяхъ, а апоплексическій ударъ, вслідствіе котораго Рудье скончался въ ночь съ 9-го на 10-е Мая 1858 г., на Тверской площади, у дома Варгина.

В. Попандопуло.

^{*)} А словсении. Со спучныхъ ленцій Клина в Менщикова мы уходили заслушиваться Рудье, девцій котораго были необыкновенно занимательны. Онъ владъль Русскою рѣчью не хуже Грановского Исльзя не пожальть, что нечатным статьи этого "друга природы" не собраны: вышла бы преврасцая книга для обще-образовательшаго часмія. П. В.

ОБЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРЪ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

Всякій, кому дороги наши древніє памятники, а тёмъ болѣе памятники церковные, будеть смущень и огорчень, узнавь о поврежденіяхъ, напесенныхъ Успенскому собору въ Сергієвой Лаврѣ, благодаря неосторожности и пебрежности.

Въ педавнее время въ Лавръ были предприняты работы по расширению крипты (подвала) подъ Успенскимъ соборомъ. Мы не знаемъ, за чъмъ понадобились эти работы; въ Сергісвомъ посадъ говорить, будто начальство Лаврское предприняло расширеніе крипты съ тою пълью, чтобы устроить подъ соборомъ усыпальницу для богатыхъ людей. Мы отказываемся върить этому, потому что до сихъ поръ въ Лаврскихъ храмахъ за деньги някого не хоронили.

Успенскій Лаврскій соборъ—величественный намятникъ архитектуры XVI въка. Столны соборные утверждены на бутовомъ фундаментъ изъ громадныхъ камией и имъли, кромъ того, для большей прочности, инпрокіс каменные откосы во исъ стороны; ихъ-то и ръшено было сломать, чтобы расширить крипту.

Надо замътить, что строители собора вполив основательно положили такое солидное основание для столновъ собора, потому что въ Тронцкой Лавръ подпочвениля воды стоять несьма высоко, такъ что изпр. въ могидахъ около Успенскато собора появляется вода. Въ самомъ соборъ замъчается ивкоторая сырость, отчего полорчена ивсколько стъпони в собора, Сырость въ Успенскомъ соборъ усилидась съ тъхъ поръ, какъ былъ засынать, еще по приказанию митрополята Филарета, прудъ, находивнийся прежде передъ зданіемъ Московской Духовной Академи, о чемъ, какъ о своей ощобкъ, говорить самъ святитель въ одномъ изъ своихъ писемъ къ намъстинку Лавры архимандриту Антовію. Пзвъстно, что и монци преподобнаго Сергія, до обрътенія ихъ, 30 лътъ находились въ водъ *). Сыры и пъкоторыя келы въ Лавръ.

^{*)} Близъ монастыря жилъ одинъ благочестивый человыть, когорый имвлъ неликую нъру въ преподобнаго Сергія и когорый часто приходиль молиться къ его гробу. Въ одну почь, когда послв доманней молитны опъ светенъ былъ въ топкій сопъ, явился сму преподобный Сергій и сказалъ: "Возвъсти вгумену монастыря мосго (пр. Никону), что нопрасно столько времени оставляеть опъ меня покрытымъ зечлей, нъ которой вода утъснисть (заливаеть) мое тъло". Послъ этого и были открыты мещи преп Сергія 5 Іюля 1422 г. (проф. Е. Голубинскій: Преподобный Сергій Радонежскій и созданьтя имъ Троицкая Лавра 1892, стр. 52. См. тоже Горскаго: Псторическое описанів Сиято Троицкія Сергіевы Лавры, М. 1890, стр. 63).

Желая расширить крипту, принялись ломать откосы у соборных с телповъ; было вывезено уже 30, если не болье, возовъ мусору, катъ вдругъ
столиъ, у котораго находится лъвый клиросъ, осълъ ивсколько, и арка, сеявывающая его съ алтарной областью, дала трещину, а также лопнула желъзнан связь, соединяющая въ этомъ мъстъ части зданія. Тогда, опасаясь за
пълость древняго храма, поспъщили прекратить эти работы, и напесеннын
ими покрежденія были исправлены; по кто знасть, не представляется ли
дальнъйшей опасности для цълости собора?

Приноманиъ, что Успенскій даврскій соборъ построенъ по подобію Успенскаго собора въ Москив при Іоанив Грозномъ, столь любившемъ Троице-Сергіевъ монастырь, въ которомъ онъ быль крещенъ; монастырь щи немъ почти весь быль перестроенъ. Соборъ быль освященъ вскор в посла смерти Грознаго, 15-го Августа 1585 г. Въ соборъ погребены Московскіе архипастыри, священно-архимандриты Лавры: архіенископъ Августинъ († 1819 г.) и митрополиты Макарій († 1882 г.) и Деонтій († 1893 г.), архіспископъ Разанскій Моисей († 1651 г.), бывшій ранве протопономь Московскаго Благовъщенскаго собора и духовникомъ царя Михаила Неодоровича, постриженникъ Троице-Сергіева монастыря. Тіло его было принезспо въ Тронцъ изъ Ризани. Онъ оставилъ послъ себя на укращение стъпнымъ письмомъ Успенскаго собора 4.000 р. Изъ свътскихъ лицъ въ соборъ погребеца Мареа (въ мір'я Марія) Владимировца, дочь кипзя Владимира Андреевича Старицкаго, двоюроднаго брата Іоанна Грознаго, жена Датекаго принца Магнуса, короля Ливонскаго († 1614 г.), и дочь си Евдовія. На паперти собора были положены тъла Бориса Годунова, жены его Марын Григорьевны, сына Оедора († 1605 г.) и дочери Ксеніи (по иночестив Ольги, + 1622 г.) Паперть была уничтожена въ прошломъ стольти, и могила ихъ оказалась вит собора; надъ нею постаплена скромная налатка,

Неужели даже подъ Москвою столь цвиные памятники древности не безопасны отъ разрушения и искажений? Дало ди свое согласие на расширсние вринты подъ Успенскимъ соборомъ Императорское Москоичкое Археологическое Общество или, быть можеть, эти работы были произведены помимо этого общества?

Во всякомъ случать нельзя живтынимъ образомъ не интересоваться этимъ дъломъ, и было бы весьма желательно его разъяснить.

А. Н. О-въ.

ПО ПОВОДУ РАЗСКАЗОВЪ А. В. ЭЗАЛЬДА.

Прочитавъ въ "Историческомъ Въстникъ" (Августъ 1896) въсколько главъ изъ "Разсизовъ объ императоръ Николаъ 1" А. В. Эвальда, я была норажена и позмущена множествомъ невърно переданныхъ, невърно освъщенныхъ обстоительствь, и не могу отказать себъ въ желаніи возстановить въ настоищемъ свътъ эти обстоятельства и событія, изъ коихъ одни мив точно и достовърно извъстны, относительно же другихъ я могу съ достовърностью сказать, насколько они въроятим и возможны. Послъднее относится къ пъкоторымъ юношескимъ, кадетскимъ воспоминаніямъ г-на Эвальда (глава "Зонтики" стр. 330). Я ихъ конечно коспусь слегка, поскольку они сами касаются характера въ Бозъ почившей государыни императрицы Александры Осодоровны. Для всякаго, имъвшаго счастіе лично знать се, грустно и больно видъть, какъ авторъ эгихъ воспоминаній старается набросить какую-то тъпь суровости на нее, всегда псполненную матерянски-иъжной списходительности къ учащимся юношеству и къ молодежи.

Г-иъ Эвальдъ въ "Разсказахъ объ императоръ Пиколат I", говорить, что, во время лагернаго сбора кадеть, "государь разрышаль ипогда послы какогонибудь смотра или ради какого-нибудь праздинка отпускать цасъ (т. е. кадеть) въ Александровскій паркъ" *) и проч. Во-первыхъ, Петергофскій Александровскій паркъ не есть Александрія (Коттеджь), гдв проживали Ихъ Величества лътомъ и куда ръшительно никто постороннихъ не допускался кромъ приближенныхъ и спеціально приглашенныхъ лиць. Только разъ въ годъ дълалось исключеніе: 2-го Іюля скромное жилище Ихъ Величествъ предоставлялось вполнъ публикъ и народу; кадетовъ тоже водили на эти гулянія партіями подъ надзоромъ воспитателей. Быть можеть, по какому либо случаю кадеты и были допущены погулять въ Александріи въ другое время, по все же партіями, подъ надзоромъ старшихъ, и едва ли могъ г-иъ Эвальдъ подойти къ коляскъ императрицы и подать Ея Величеству пачку зонтиковъ, забытыхъ лакеемъ (стр. 331). Допускаю, что и это могло быть; но чтобъ императрица Александра Осодоровна "не только меня не поблагодарила" (какъ выражается г-нъ Эвальдъ), но еще сурово взглянула на меня и молча, перебравъ нъколько рукоятокь, взяда одинъ изъ зонтиковъ" и проч., этого положи-

^{*)} Находищійся близъ кадетского лагери.

тельно допустить невозможно: это совсёмъ не въ привычвах было вретвой и доброй императрицы Александры Осодоровны. Инкогда ин на кого императрица Александра Осодоровна не смотрёла сурово и даже если кго инбульизь приближенныхъ и заслужить, бывало, си пеудовольствіе, то она кротво и покойно скажеть только: "я браню", и тёмъ все кончается. А туть мальчикъ, желавний услужить Ея Величеству (да еще кадеть) заслужиль ен суровый взглядь: этого быть не могло.

Дальше на стр. 332-й говорится о постоянномъ пребывании Ихъ Величествь осенью въ Гатчинъ. Это тоже неправильно, Страницы 346 и 351 о кончинь Инколая 1 тоже представляють пеправильности, по оне слишком в несущественны для читателя, чтобъ ихъ разбирать подробно. Поэтому я лерехожу прямо въ стр. 345, въглавъ, которан пазвана "Николай I какъ супругъ". Въ этой главв сказано этолько неправды, что трудно и приступить къ опроверженію; все ложно за исключеніемь той горячей любии и уваженія, которыя государь питаль къ императриць. Дъйствительно, императоръ Пиколай Павловичъ быль замьчательный супругь и глубоко цвииль высокія качества дуни и сердца своей несравненной супруги, о которой къ сожальною въ настоящее время далеко стоящіе и вовсе не знавшіе императрицу Алексацдру Өеодоровну люди распространяють Богь высть какін неблицы; и тычь еще это грустиве, что въ дъйствительности она была одна изъ достойнъйшихъ, добръйшихъ и списходительпъйшихъ государынь. А какое благотворное иліппіе императрица Александра Феодоровна имъла на Государи, какъ она умъла своей кротостью и добротой смягчать суровыя стороны характера своего великаго супруга! Да, авиствительно императоръ Николай Павловичъ любиль свою супругу, какъ только можно любить, угождаль ей во всемь и старался доказывать ей свою любовь во всихь возможныхь случанхь жизии; по чтобъ "онъ быль расточителень, когда двло касалось императрицы Александры Осодоровны и не жальдъ никакихъ расходовъ, чтобъ доставить ей мальйнее удовольствіе", какъ гонорить г-иъ Эвальдъ на стр. 345, это не върно. Николай Павловичь быль слишкомъ мудръ, чтобъ такъ поступать, а императрица слишкомъ его любила и свою очередь и была слишкомъ разумиа и разсудительна, чтобъ требовать или принимать оть него подобимя дъйствія.

Г-нъ Эвальдъ позволяеть себѣ разсказывать на стр. 346-й, что, втакъ какъ императрицѣ не нравилась мѣстная вода, то изъ Петербурга каждый день особые курьеры привозили боченки Невской воды въ Нинцу". Это истая небылица, и даже если въ самомъ дѣлѣ г-нъ Эвальдъ, возвращансь, закъ сказано на той же страницѣ, изъ Берлина въ Петербургъ, встрѣтилъ сурьера на поѣздѣ, оказавшагося изъ числа тѣхъ курьеровъ, которые будто зозили воду для императрицы Александры Осодоровны изъ Петербурга въ Інццу, то этотъ курьеръ просто болталъ, види, что есть люди слушающіе это и върящіе его глупымъ разсказамъ.

Г-ит Эвальдъ на той же стр. повъствуетъ: "Однажды по маршруту императрицъ приходилось переночевать въ Вильит. Для этой остановки весто на один сутки быль куплень домь за сто тысичь, заново отділанть и меблированть, отъ подваловь до чердака". Хотіла бы и знать, отъ кого это свідініс было получено г-номь Энальдомь. Странис, что мы, приближенные къ Александрії Осодоровий, путешествованніе съ Ел Величествомь и пробзжавние ве разъ съ исю черезъ Вильну, никогда не видали этого купленнаго и вполив устроеннаго на одну ночь дома и даже не слыхали о существованіи его. Когда императрица останавливалась въ Вильній, какъ и въ другихъ городахъ, то она проводила почь за если остановка была дисмъ, то объдала) въ домів генераль-губернатора.

Императрица Александра Осодоровна въ первый разъ была въ Инцав мосль кончины императора Николая Павловича въ 18.6 году и выбхала туда прямо разъ Москвы послъ коронаціи своего сына императора Александра Пиколаезича и возлюбленной своей невъстки императрицы Маріп Александровина, на коронованія которыхъ она непремѣнно хотѣла присутствовать, че смотря на всю слабость своего здоровья и силь, чтобы своимъ благословеніемъ и молитвою сопровождать ихъ при каждомъ ихъ шагѣ въ эти великіс для нихъ и для Россіи дии. Твердой волей императрица-мать преодольна сною физическую слабость, все перенесла и выполнила данную себъ задачу на удивленіе всѣхъ. А онъ-то, царь и сынъ, какъ быль тропуть и благодарснъ своей мужественной матери, вполить пониман и цѣня все, что она дѣлала для него и его супруги!

Я имъла счастіе сопровождать императрицу Александру Өеодоровну въ этомъ первомъ ея путеществи въ Нипцу. Свиту Ея Величества составляли следующія лица: камеръ-фрейлина графиня Е. О. Тиценгаузень, фрейлины графиня А. В. Гудовичъ, баропесса А. К. Пилларъ-фонъ-Пильхау и и; изъ мужчинъ вхали: генераль-адъютанть, состоявшій при особв Ея Величества, графъ С. О. Апраксинъ, и оберъ-гофмаршалъ графъ А. П. Шуваловъ. Изъ упомяпутой свиты, остаются въ живыхъ только графиня Гудовичъ (въ замужествъ квягиня Годицына) и я. Императрица Александра Өсодоров. проживала въ Ниццъ па "Promenade des Anglais", въ виллъ банкира Авигборъ, нанятой для Ея Величества Русскимъ дворомъ и устроенной, собственно, безг всякой роскоши, въ то время еще Сардинскимъ королемъ Викторомъ-Эманупломъ. Такъ какъ последній предлагаль свой дворець въ Ницце для жительства нашей государыни, и это быдо отклонено ею, то король просилъ, по крайней мъръ, позволенія убрать комнаты нанятаю дома для Ея Величества на свой счеть и предложиль своихъ лошадей и свои экипажи для вывадовъ императрицы.

Во второй разъ императрица Александра Осодоровна проводила зиму 1859-го на 1860-й годъ въ Ниппъ, въ виду того, что первая зима принесла видимую пользу ся расшатапному здоровью, и медики потребовали, чтобъ Ея Величество опять возвратилась въ Ниппу, послъ тяжкой бользни, перенессиной Ея Величествомъ въ концъ зимы 1858 года. Императрица провела упо-

мянутую зиму въ Петербургв и не желала вхать опить за гранику, но изконца зимы забольда, не имъя силы перепести Петербургскій климать.

Въ этомъ второмъ путешествін въ Ниццу я снова имъла счастіє сопровождать Ея Величество. На этотъ разъ мы жили на виллъ "Де Орестисьтоже на "Promenade des Anglais". Графъ Де-Орестисъ, Пиццаръ, быль жена в на Русской, вдовъ квативъ Девлетъ-Кильдесвой, розденной чихачевой; по этому онь и предложены свою виллу Русской имперагрицъ на заму.

При жизни императора Николая I-го и во все царствование его, императрина разъ только вздила въ Италію, а именно въ Палермо, на зиму 1845 года, послв кончивы (29-го Іюля 1844 года) третьей дочери Ихъ Величествт, великой княгини Александры Пиколаевны, такъ какъ горе это сильно подъйствовало на здоровье императрицы. Жила Ея Величество, въто время, въ Палермо на пиллв "Олливущиа", принадлежавней княгинъ Буттера, Русской по рожденю; она предложила свою прелествую виллу на проживание Ея Величества въ упомянутую зиму. Государъ сопровождаль своихъ супругу и дочь, великую княжиу Ольгу Пиколаевну, бывшую еще не замужемъ. Его Величество водворилъ ихъ въ Палермо на виллъ Олливущиа и потомъ возвратился въ Петербургъ.

Ни вт Полермо, ни впослыдствии вт Ниции дома не покупали для прбыванія императрицы А сксандры Осодоровны, равно какт никоїди не было дано обидовт "на преколько соть, а не то тысячь человіть, и каждый объдавшій уходи иміть право взять съ собою приборь, а нь числі прибора находился между прочимь серебряцый стаканчикь, съ вырізаннымъ на немъвензелемь императрицы! (стр. 346). Что за ченуха! И какт легко вітриль г-иъ Эвальдъ разсказамъ то курьера, встрітившагося съ нимъ на пути, то кондуктора дилижанса, вхавшаго съ нимъ рядомъ нь 1861 году изъ Тулонавъ Пиппу! Эти люди ему положительно безсовітстно врали (извиняюсь завыраженіе), видя, что г-нъ Энальдъ придаеть значеніе ихъ росказиямъ.

Сердце обливается кровью, когда читаешь и слышишь напраслины, возводимыя на священную память нашей дорогой несравненной матушки императрицы Алексанары Осодоровны людьми, не знавшими се, которыхъ и насевътъ-то не было при св жизни! Въроятно и опи черпають свои ложныя свъдънія изъ подобныхъ же источниковъ, какъ господинъ Эвальдъ. Не нужно думать, что я пристрастно отношусь къ императрицъ Александръ Осодоровит, можно спросить у любого лица, близко знавшаго Ел Величество: оно тоже самое будеть говорить.

Въ заключение скажу, что дъйствительно въ Ницив была куплена вилла, но ровно десять лътъ спусти послъ кончины императора Николая 1-го и интъ лътъ послъ кончины императрицы Александры Осодоровны. Императоръ Александръ П-й и императрица Марія Александровна пріобръли часть виллы "Регмоп", гдъ скончался, какъ навъстно, дорогой сынъ Ихъ Вели-

чествъ, Цесаревичъ Николай Александровичъ, 12-го Апръля 1865 года, чтобъ устроитъ на мъстъ его страшныхъ страданій часовью для въчной молитвы за унокой его души. Часовня эта стоить въ Инцив, какъ грустный намят никъ разрывающей душу драмы, разыгравшейся въ домъ виллы "Вегтон." Р-иъ Эсальдъ, въроятно слышають о пріобрітсціи виллы въ Ницив, но не зная сути діла, принисаль это расточительности императора Николая І-го. Иначе нользя растолковать себъ, какъ могла возникнуть мысль о нокункъ песуществующаго въ Ницив дома, пріобрітсцінаго яко бы для государыни пинератрицы Александры Осодоровны.

Ис зпою, живъ ли сще т-иъ Эвальдъ; по, если его уже ивтъ на свътъ, то могу свазать, что опъ оставилъ жалкую памить о себъ своими невърнами разсказами.

Я ге могу допустить ложныхъ отзывовь о въ Бозъ почившей госудерынъ императринъ Александръ Өсогоровнъ, имъвъ счастіс быть при особъ Ем Величества съ мосго малольтства до ся смерти.

Императрица Александра Өеодоровна воспиталась и была подругою пітстви матери моей, статсь-дамы баровессы Цециліи Влядиславовны Фредериксь, рожденной графини Гуровской, и когда судьба свела ихъ въ ихъ новомъ отечествъ (мать моя вышла замужъ въ 1815 году за Русскаго офицера барона Петра Андреевича Фредериксъ), то Ихъ Величества стали благодътелями, а императрица Александра Өеодоровна второю матерью всего нашего семейства. Послъ смерти матери моей, въ 1851 мъ году, и была взята во фрейлины Ея Величества и не разлучалась съ государыней до ея кончины въ 1860-мъ году. Послъ же смерти императрицы Александры Өеодоровны и осталась тоже самой приближенной фрейлиной въ Бозъ почившей императрицы Маріи Александровны, такъ что быть и характеръ членовъ нашей Царской семьи мить вполнъ знакомы, и словамъ монмъ вполнъ можно върнть.

Въ настоящее время свои преклонныя лѣта отживаю я на поков, на южномъ берегу Крыма, въ городъ Ялтъ и пишу свои записки, которыя выдуть въ свътъ послъ моей смерти. Рѣшилась же я писать ихъ, потому что мнъ безпрестанно приходится слышать и отвъчать на недъпъйшіе вопросы о моихъ благодътеляхъ императоръ Николаъ Павловичъ, императрицъ Александръ Өеодоровиъ и о всей ихъ дорогой семъъ.

Я позволила себъ сказать эти нъсколько словъ о моей жизии, такъ какъ нашла это нелишнимъ для удостовъренія моей статьи.

Баронесса Марія Фредеринсъ.

Ядта, Септябрь 1896 года.

I. A. PEYTЪ.

Въ статъв П. Л. Юдина ("Русскій Архивъв" сего года, вып. 9) о ссыльныхъ 1812 года помбщена автобіографія Б. М. Реута При чтенія (стр. 25) о существующихъ въ Россіи Реутахъ я вспомнять, ч го на Казвизъ въ числъ выдающихся служебныхъ двятелей былъ теператъ-лейтельнгъ Реутъ, Іосифъ Антоновитъ *). Киязъ М. С. Воронцовъ очень узъкътъ по чтеннаго геперала, часто приглашалъ его къ себъ на объды и съ удовольствіемъ съ пямъ бесъдовалъ, слушая его разсказы и разговоръ о Канкалскихъ происшествіяхъ. І. А. Реутъ, въ чинъ полковника, комащовътъ 42 или 43 егерскимъ полкомъ, съ которымъ въ 1826 году занлиали кръпостъ Пушу, столицу богатъйшей провинци Карабахъ. Вся Персидская армін, подъ начальствомъ Абасъ-Мирзы, осадила Пушу. Не взирая на свою малочисленность, на недостатокъ вооруженія, снарядовъ, продовольствін, воды, гарпизонъ, отръзанный отъ всякаго сообщенія съ Тифлисомъ, благодари стойкости и распорядительности Реута, выдержаль продолжительную осаду и не поддался на льстивые уговоры Абасъ-Мирзы, предлагавшаго ему спобланый пропускъ съ оружіемъ. Персінне, наконецъ, вынуждены были спитъ осаду и посвъщно уходить въ виду приближавшихся Русскихъ войскъ.

Полковникь Реуть съ тъхъ поръ сталь извъстень не только на Кавказъ, но и въ Петербургъ. Произведенный въ генералы, опъ одно времи
управлялъ Талышинскими ханствами (Ленворань), а въ сорововыхъ годахъ
былъ назначенъ членомъ Совъта Главнаго Управленія Кавказскимъ краемъ.
Князь Воронцовъ поручилъ ему предсъдательство нь коммиссіи по благоустройству г. Тифлиса, при чемъ Реутъ оказался вполнъ на своечъ маств:
началось устройство мостовыхъ, проведеніе повыхъ улиць, осібенно въ
предмъстьи Кука, гдъ одна улипа и до сихъ поръ посить подкасіе "Реуговской". Имя его попало и пъ шуточный экспромть графа Сологуба, сказынный въ 1854 году, когда Тифлисъ считался въ опасности отъ начасствія
Памиля, которой мечталъ яко бы о соединеніи съ Турецкими войсками Омера-паши:

Враги бъдой намъ угрожають; Но ты не бойся ихъ, народь: Надежно пасъ оберегають Реадъ, Реутъ и Ротъ.

Первый быль временно главнокомандующимъ, за вывадомъ киязя Ворошнона, до назначения Муравьева, а третій Тифлискимъ комендантомъ. Старый холостякъ, генералъ Реутъ потомства не оставилъ. Умеръ онъ въ Тифлисъ, съ которымъ совершенно сроднился, проведя всю жиянь за Кавназомъ. Оставаясь католикомъ, онъ былъ вполнъ Русскимъ человъкомъ и върнымъ слугой государству.

А. Зиссерманъ.

Лутовиново, Септибрь 1896.

^{*)} Скончался 9-го Оптибри 1855 года, 68 лать, въ Тифлись (см. Сбори. Имп. Русск Ист. Общества, LXII. 210). И. Б.

КЪ ПОРТРЕТУ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Юность всегда и вездв имветь въ себв пеотразимую прелесть, потому что съ нею соединено понятіе о надеждв, бодрящей и оживляющей (безнадежность хуже смерти). Особенно привлекательна юность царственная, такъ какъ на ней покоятся свътлыя упованія цълаго народа. Цесаревичъ Николай Александровичъ, второе дитя Александра Николаевича и Маріи Александровны, родился 8 Сентября 1843 года. Первымъ его горемъ была утрата старшей сестры-отроковицы, великой княжны Александры Александровны. Ему было 12 лътъ отъ роду, когда скончался его дъдъ Николай Павловичъ, такъ высоко цънившій правственную доблесть его матери и столько потрудившійся во благо Россіи и своєго преемника. Трогательно-величавая и поучительная его кончина должна была оставить глубокій слъдъ въ душт царственнаго отрока. За тімъ, черезъ девять льтъ, свътлыя и уже мужавшія думы юпошею цесаревича были омрачены покушеніемъ Каракозова.

Таковы вывшнія черты его жизни. Развитіе внутреннее не оглашалось. Извъстно, однако, что воспитаніе его было образцовое, и онъ съ раннихъ поръ вознаграждалъ своими успъхами заботы родителей и наставниковъ. Онъ узнавалъ Россію во всъхъ подробностяхъ ея исторіи и быта. О путешествіи его отъ Петербурга до Крыма въ 1863 году имъемъ мы прекрасную (нынъ ръдкую) книгу К. П. Побъдовосцева и покойнаго И. К. Бабста (Москва, 1864, 8 и 568 стр.). Русскіе люди, дорожащіе своимъ прошедшимъ, обязаны благодарностью Ө. А. Оому и И. П. Хрущову за все то, что они сообщили о Цесаревичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Русскій Архивъ» сего года, вып. 7, 8 и 9).

Но этимъ сще не удовлетворяется справедливая любознательность Русскаго человъка: мы говоримъ о полной біографіи Цесаревича, которая можеть составить цълую книгу и украситься произведеніями его пера. Когда пишущему эти строки посчастливилось говорить о томъ почившему Государю Александру Александровичу, то Его Величество не только вполнъ одобрилъ мысль о собраніи и напечатаніи писемъ Его брата, но изволилъ сказать, что Самъ желалъ бы заняться ихъ изданіемъ. Біографія Цесаревича Николая Александровича сохранить навсегда для потомства необычайно-привлекательный образъ юноши, къ которому примѣнимы слова поэта:

Цвътъ прекрасный Увиль на утренней заръ, Потухъ огонь на алтаръ!

Прилагаемый портреть Цесаревича снять съ рыдкой фотографіи, подаренной имъ самимь Ө. А. Оому. П. Б.

Клатк'я аркологическія свёдёнія о вредкахъ Славянъ и Руси І. А. Хайновскаго, кыл. І. Кієвь. 1896 г.

Преврасно издапная винга г. Хайновскаго представляеть собой опыть новаго объеспенія происхожденія Руси, основаннаго главнымъ образомъ на цвломъ рядв весьма удачныхъ раскопокъ кургановъ и городищъ. изъ которыхъ предметы хранятся въ богатомъ и разпообразномъ по содержанію мувев древностей, соствияющемъ собственность анторы книги. Не входя въ детальный вритическій пересмотръ обширныхъ новыхъ сваданій по историко-втнографическимъ вопросант, васающимся древиващого Русскаго быта, сладуеть остановиться на оригинольномъ описанія коллекцій древностей, представляющемъ попытку дать первый Руссвій объяснительный каталогь (сатаюдие гвізопие) древностивь разныхъ впохъ, равныхъ мастностей и народовъ. У г. Хьйвовскаго важдому отдвлу предшествуеть вебольшое вступление характера, взложенное популярно и паглядно. Предметы, собранные въ музев г. Хайновскаго, весьма разнообразны. Начиная ваменными орудіным палеолитического м неодичического періодовъ, мы видимъ въ музев и древности Греческихъ Черноморсвяхъ коловій, древевищихъ племенъ Руси (Полявъ, Дудебовъ в Древлявъ), в церковныя древности разныхъ впохъ, и пред. меты старинной Русской культуры, и наконецъ солидную колленцію вартинъ Русскихъ и ванадныхъ мастеровъ, вмали, манівтюры, гравюры и т. п.

Интереспыхъ предметовъ очень много. Такъ, одъдуетъ упоминуть о серебриной братинъ, принадлежавшей царю Михаилу Осодоровачу в впослъдствіи пожалованной стольнику Бутурляну Большому Пстромъ Великимъ. Двлъе, вптересны также жаловиныя табакерки. Среди пихъ мы находимъ тобакерку мзъ слоновой кости, пожалован-

пую императрицей Екатериной II строителю памитинка Петру Великому, съ изображсијемъ памятинка в датой: "лъто 1782 Августы 6 дин"; волотую табинерку, пожадованную выператоромъ Панломъ I воспетателю сыновей его гразу Коновивцыну въ 1796 году; волотую табакерку, пожалованную Московскому генералъ-губернатору внязю Долгорувову въ 1841 году виператоромъ Никомемъ I; табакерку, пожалованную извъстному баропу Мелеръ - Закомельскому, ввтору многихъ трудовъ по военной исторів, ва зименню экспедицію при Урусъ-Мартана въ Малой Чечна въ 1848 году". Краткія предисловія из пакоторыма отдаламъ представляють большой интересъ. Весьма интересны историческое очерки керамики, террокоты, фарфора, тваней Литовского производства, парчевыхъ издълій Слуцивать овбривъ и оружія, вачиная съ древижениях времень. Таких образомъ читатель описинія мувся г. Хайповсваго, приступая къ знакомству, съ какивъ набудь отдъловъ древностей, уже подготовленъ небольшимъ предисловіемъ къ важдому отдвлу и, благодари втому, предметы, музея остаются въ памяти читателя, и даже при самомъ чтенів описанія легче составить приблизительное понятіе о донномъ предметь, твиъ болве, что въ присвији всегда почти указывается употребление этого предмета нъ старинной жизни и даже его культурнов звачевіе.

Къ жингъ г. Хайповского приложено двидцать препрасно исполненных в фототывій съ наиболье выдиющихся предистовъ.

Если бы впига г. Хайновского послужиль обрывномъ для описанів другихъ подобныхъ же собраній древностей, то врхсологическія внапія, изложенным въ видъ простыхъ и популярныхъ очерковъ, ризвиввя вкусъ и уваженіе къ памятникимъ стариннаго быть, тэмъ симымъ сдълились бы достонніемъ многихъ, а не одинхъ только спеціалистовъ.

А. Яцимирскій.

ПОДПИСКА

HA

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

"Русскій Архивъ" въ 1896 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга "Архива Князя Воронцова").

Годовая цѣна "Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Въ пріемъ подлинныхъ документовъ и бумагь доставляемыхъ "Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, покоторымъ владъльцы получають ихъ обратво. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, "Русскій Архивъ" отвътственности на себя не принимаеть.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всъми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересыякою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель "Русскаго Архива" Петръ Вартеневъ.

(Москва, Садовая, д. 175 и).

PÝCCEÏŬ ÂPYÚRZ

1896

11.

CTD.

- 305. Изъ врхивныхъ дваъ I) О судъбв Ивмецкого путешественника Шлагинтвейна; II) О первомъ издани полниго собрания сочипеній Н. В. Кукольника; III) Знатный планикъ. Сообщено П. Л. Юдинымъ.
- 313. О безпорядкахъ въ Пензенской губернін. Веспа 1861 года. Записка А. М. Дренцанна.
- 327. Изъ диевныхъ записовъ В. А. Мухановъ. 1858—1859 (Придворная жизнь.—Передъ распръцощеніемъ престъпиъ.—Дворянство).
- 337. Акекезії Степановичь Хомяковъ. Его біографія и его учедіє. Статья В. Н. Лясковскаго.

Приложенъ.

Снимовъ съ рукописи А. С. Хомякова («Кавъ часто во мев пробуждалась душа отъ лъниваго сна»).

MOCKEA.

Въ Университетской тирографии, ал Отрастионъ бульваръ. 1896. Семевь Сергвенить Вобровъ (историкодитературный очеркъ). С. Н. Врандовскаго.

С. С. Боброва, совершенно вабытый повтъ изъ впохи Александра Благословеннаго. Небольшан статья С. Н. Браиловского ивлистся первымъ и единственнымъ напоминаціемъ объ этомъ поэтв, отъ котораго до нашего временя дошло восемь оригинальныхъ произведеній и одинъ переводъ. С С. Бобровь писаль оды на современныя торжественным событін; перван ода относитен въ 1790-му году. Лучшей одой его считается "Побъдная пъснь Словено-россійскихъ героевъ", написинная въ 1794-иъ году. Паъ рругихъ его произведеній интересны поэмы къ стяхахъ, которымъ авторъ, по вкусымь времени, даналъ необывновенно длиныя в нычурныя выглавія. Лучшія среди нахъ сльдующія поэчы: "Таврида", "Разсвать полночи", "Древняя ночь вселенной" и др.

Извъстін историно-филологического Института князя Безбородно въ Нъшинъ, т. XV.

Скоменія Ісрусьинских натріарховъ съ Россієй Н. О Каптерева Православный Пилестинскій Сборинкъ, вып. XLII.

Профессоръ Московской Духовной Академін II. О Каптеровъ извъстевъ проврасными трудами по исторіи спошенія Руской перкви съ Востокомъ и изследованіями о Русской блиготворительности Афонскимъ и Синайскимъ монастырямъ въ XVI—

— XVIII віжах п.

Нъ повой своей работа изследователь далаеть спачела обворь отдельных случаевъ прівада монаховь въ Россію для сбора ми лостыне въ полезу Палестипскихъ храмовъ въ XIV вака Благодеря влятію Константи нополи Турками въ 1463-иъ тоду и возвыщенно Россіи въ книженіе великаго князи Гоанна III, спошенія Герусвлименнях патріарховъ съ Русскими пастырими в неливими внязьним Москогскими становится болѣе замѣтны въ концу XV вѣва. Паслѣдователь указываетъ, между прочимъ, на связь Молдавім и Валахіи съ землями Южной Россіи, вавъ на благопріятное явленіе для сношеній. Особенно живыя сношенія отпосится въ XVII вѣву, во времени пребыванія въ Россіи Герусвлимскихъ патріарховъ Павсія и Досимен, знаменатаго большаго собора въ Москвъ, осудившаго патріарха Всероссійскаго Пикола.

Историческія свідінія о роді дворявъ Рахванивовыхъ. Кісвъ, 1895 г.

Родъ Рахивнивовыхъ ведеть свое происхождение отъ Мозданскихъ гогнодарей, а именно отъ династів Драгошей основачелей вияжества Молдавів въ XVII въяв. Свиос достовърное свидательство объ этомъ мы имвемъ отъ восьмидесятыхъ годовъ XVII въка, а именно родословную стольника Перонлья Осдорова Рахманинова, подвиную имъ въ Разридъ. Въ этой родословной о проискожденія родь гонорится точно въ такихъ словахъ: "Иванъ Степаповичъ, Волоскиго владвиельства Стефана Богдановича сынъ, храбраго восводы. А у него Стефина были два сына: Богданъ, да онъ Пванъ; и Богдану вежкать отецъ быть въ Володахъ владътелемъ, а ему Пвану, велълъ быть у брата своего въ поддвиствъ, и для того его назвиль Вечинъ". Затамъ говорится о томъ, какъ Инанъ Вечинъ прівжаль въ Москиу въ сестръ своей Елень, бывшей замужемъ за Инапомъ Младымъ, сыпомъ великаго виния Іонина III. Оставлян въ сторонв дальныйшее изложение истории отлычныхъ ляцъ рода Рахманиновыхъ, следуетъ во " путьен вопросв о винжескомъ происхождентя

land rails the sun. Lynn on the suchase one Heorence wooding a chempunt Crasalles lisobances oun Kent racte o Goon showers Brugall onlow Com Bout ? Do Catral sectioning aggreent Companyer choiseren Cornert There wasto descendent more ali Or superous o magnest macked Morenes meste gami union Tigaper Or legarein er aprant or Symon Mound muse have seny some Represent course france mode improvious er ou do e po Teameric make more. Allowers much conscara a count Bo apart aportegons nied modert Cant steipy a green a days?

изъ архивныхъ дълъ.

T.

О судьбѣ Нѣмецкаго путешественника Шлагинтвейта *).

Писано ли у насъ что либо объ этомъ путешественникъ, утвердительно сказать не могу. А между тъмъ ему принадлежитъ честь изслъдованія Средней Азіи и Индіи, и въ свое время его отважныя потздки обращали на него вниманіе всей Европъ, почему, мнъ кажется, и на страпицахъ Русскаго историческаго изданія будеть не лишнимъ привести нъсколько данныхъ о его гибели, воторыя, можеть быть, понадобятся нашимъ сосъдямъ къ пополненію біографическихъ свъдъній о немъ.

Въ началъ Индъйскаго возмущенія, ученый Адольфъ Шлагинтвейтъ вытхалт, изъ Индіи и чрезъ Тибеть достигъ Средней Азіи, откуда, какъ должно полагать, направился къ Русской границь. Но прошло болье года, а о немъ не было никакихъ извъстій. Тогда братья его, Германъ и Роберть Плагинтвейты, подобно ему снискавшіе себ'в извівстность по изученію Азіи обратились въ нашему министру иностранныхъ дёлъ внязю Горчакову, прося его оказать свое содъйствіе "къ собранію положительныхъ свъдвній" о судьбъ ихъ брата. Князь Горчаковъ сообщиль объ этомъ и. д. Оренбургскаго генераль-губернатора генераль маіору Балкашину, а сей носледній, 20-го Декабря 1858 года, не замедлилъ сдълать соотвътствующее по краю распораженіе, предписавъ Оренбургской Пограничной Коммиссіи употребить всъ мъры, "дабы узнать что-либо о помянутомъ путешествепникъ отъ пребывающихъ здъсь Азіятцевъ, въ особенности отъ имъющихъ прибыть сюда Бухарскаго и Хивинскаго посланцевъ и лиць ихъ свиты". "Для соображенія Пограничной Коммиссіи" быль приложень переводь Ивмецкаго письма братьевъ Шлагинтвейтовъ къ князю Горчакову отъ 8-го Ноября 1858 года, изъ Берлина, такого содержанія:

"Ваше сіятельство.

Въ Іюдъ мъсяцъ 1857 г., мы имъди счастіе видъть васъ въ Киссингенъ и удостоились говорить съ вами о нашихъ путешествіяхъ и изслъдованіяхъ въ Индіи и въ Верхней Азіи. Насъ чрезвычайно обрадовало тогда живое вниманіе, которое вы оказывали нашимъ трудамъ.

^{*)} Изъ дъла Тургайскаго областнаго архива за 1858 г. № 31, 608.

III. 20 ресскій архивъ 1896.

Помня участіє, котороє вы приняли въ судьб'є оставшагося въ Надін брата нашего Адольфа, мы осм'єливаємся ув'єдомить васъ, что уже бол'єс года не получали оть него въ Европ'є пикакого прямаго изв'єстія.

При началь Индъйской революціи находился онъ въ отдаленныхъ отрасляхъ Гималайскаго хребта, и такъ какъ не было возможности, при постояно возраставшихъ смутахъ, путешествовать иъ тропическихъ областихъ Индіи, то онъ отправился къ Съверу по неизвъстной намъ дорогъ, въ Тибетъ, откуда и усиълъ пробраться до Туркестана и Яркенда.

Векоръ распространились слухи, офиціально сообщенные Нидъйскому правительству Кашмирскимъ раджею Рамбиръ-Сингомъ, будто братъ нашъ убитъ въ одномъ изъ многочисленныхъ сраженій, бывшихъ послъдствіемъ возстанія жителей Туркестана противъ Китайцевъ, осенью 1857 года.

По мивнію другихъ онъ продолжаль свой путь изъ Яркенда къ Съверу и, пытансь достигнуть Русской границы, умерщвленъ Коканцами, принявшими его за приверженца Китайцевъ.

Совершенно противно всему предыдущему, нъкоторые Кашмирды, прибывше педавно изъ Каштара въ Индію, утверждаютъ, что видъли его живаго и здороваго въ сопровождении Туркестанца, по имени Могамедъ-Амипа.

Единственнымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ во всёхъ этихъ слухахъ, основывающихся всегда на словахъ туземцевъ и сообщаемыхъ намъ неоднократно въ самыхъ различныхъ видахъ, служитъ еще то, что ин въ одномъ изъ нихъ не упоминается ни о времени, ни о мёстё его кончины.

По получени столь горестныхъ извъстій, правительство Индіи, не довърян имъ вполнъ, ръшилось снарядить экспедицію подъ начальствомъ логая Вильяма Гэ съ цълію собрать болже точныя свъдънія. Но едва ли эта экспедиція будеть въ состояніи пробраться далье Ладана, и поэтому въроятно должна она будеть ограничиться тъми указаніями, которыя могуть быть доставляемы туземцами.

Хотя падежды у насъ мало, но тъмъ не менъе намъ не кажется невозможнымъ, чтобы братъ нашъ былъ еще живъ. и легко можетъ бытъ, что слухи о его емерти съ умысломъ распространались преданными сму прокодниками, изъ желанія избакить его отъ дальнъйшихъ преслъдованій Битайцевъ и Коканцевъ.

Въроятно опъ постарается добраться до границы Россіи въ случав, если ему пельзя будеть возвратиться въ Индію чрезъ Туркестана и Тибетъ. Число дорогъ, по которымъ онт можетъ следовать изъ Туркестана въ Россію, весьма незначительно. Долгомъ считаемъ приложить у сего таблину известнейшихъ городовъ и местечевъ, лежащихъ по симъ дорогамъ.

Одобренные совътами барона Гумбольдта 1) и обязательнымы посредничествомы барона Будберга 2), мы желали бы изъявить вашему сіятельству, что будемы считать себя вы высшей степени счастливыми, если по кашему, м. г. приказанію Россійскія пограничныя сы Коканомы и Бухарією власти произведуть розыски для отысканія слідовы брата пашего Адольфа. Вы по-

Извъстный путешественникъ и изслъдователь гориато Урала. И. 10.

²) Пашего посла въ Берлинъ. П. Б.

добномъ случав намъ можно будеть расчитывать на получение точныхъ свъдений о его судьбъ, такъ какъ со стороны Индіи уже начаты такіе поиски.

Мы очень хорошо знаемь, что едва ли Европейцамъ удастся проникнуть далеко во впутрь Средней Азіи по указаннымъ нами путямъ; но всетаки мы полагаемъ возможнымъ получить положительныя извъстія посредствомъ надежныхъ и знающихъ дороги казаковъ и Киргизовъ".

Въ приложенной къ этому письму таблицѣ намѣчено шесть путей, по которымъ можно было бы отыскать Адольфа Шлагинтвейта. Первый путь оть Аральскаго моря въ Углъ (въ Коканѣ), съ промежуточными станціями Акъ-Мечеть, Ташкентъ (послъдній Русскій пограничный постъ въ Коканѣ на р. Сыръ-Дарьѣ), Сырчикъ (бъръ-Дарьи, Курама (бъръ-Дарьи, Курама (бъръ-Дарьи, Пишкенть (бъръ-Дарьи), Раватъ-Абдулла-ханъ (бъръ-Дарьи), Тайтакъ (бъръ-Дарьи), Анджанъ (значительный городъ), Камгаркиплакъ (маленькая деревня) и Ушъ-большой городъ.

Второй путь изъ Хивы въ Бухару съ попутными: г. Хива, Катши, Кошмугоракъ, Касанъ и г. Бухара. Потомъ добавлено, что "отъ Хивы въ Бухару пролегаетъ другая дорога чрезъ Хазараснъ, връпость на правомъ берегу Оксуса" *).

Третья дорога лежала изъ Ушъ въ Кованъ чрезъ селенія: Ушъ, Араванъ и Томгазаръ—оба маленькіе города, Маргеланъ болве значительный городь, Карауль-Тюба—городь, и Коканъ.

Дальнъйшій путь (четвертый) направлялся изь Кокана въ Кашгаръ
чрезъ тъ же города, что ноказано выше (путь № 3), поворачивая только ст
Уша на Маду [, Соукучукъ [], Караванъ-калъ (или куль, Кабланъ-калъ
(или куль), Гулша и Кизыль-Курганъ, четыре привада съ палатками, оби-
тасмыми Киргизами, Супенске [], Арчаликъ [], Алсиче []-между Сооп и
Икизакъ чрезъ Терекъ Даванскій проходъ въ Тьянъ-Шанскихъ горахъ, или
прямо на Софи чрезъ тотъ же проходъ, потомъ на Икизакъ [], Давань [].
Иринъ [], Яскучукъ [], Охсалуръ [], Каргашимкане [], Канзува-
лукъ 📑, Минггіулъ (кибптки, въ которыхъ живуть Киргизы), Караулъ-
небольшой пограничный пость Китайцевь и КашгаръОтсюда путь (уже
пятый) продолжался на Янчысаръ-домъ, стоящій особнякомъ, Чумелунгъ
Кессели 🗌 и Кохіаръ 📋 въ г. Яркендъ.

Шестой путь, указанный братьями Шлагинтвейтами, начинался также оть Кокана и шель чрезъ Леви-деріоу, Ксекосъ, Ходжандъ, Ноу, Киссели, Ура-Тюба. Гисолумъ, Джиззекъ, Якурганъ, Шискобрукъ въ Самаркандъ, Курессу, Кутекурганъ, Кермине и Бухару. Дорога эта была удобная для провзжающихъ, такъ какъ пролегала вездъ чрезъ мъста обитаемыя.

⁻знакъ показывающій привалы или станціи.

^{*)} Аму-Дарья. Прим. Переводчика.

Не смотря на эти точные маршруты, могущіе даже въ настоящее время служить проводниками, Оренбургской Пограничной Коммиссіп не пришлось, да и невозможно было, воспользоваться ими, такъ какъ указанные города и поселенія находились въ то время еще подъ властью туземныхъ хановъ, не допускавшихъ въ свои владъція Русскихъ людей, особенно Хива, и тъмъ болье еще, что въ описываемое время во всъхъ почти Среднеазіятскихъ владъніяхъ господствовали раздоръ, смута и кровопролитія. Въ Хивинскомъ ханствъ бунтовали Туркмены, которые въ 1858 году успъли захватить значительный торговый городъ Кунградъ. Торговля остановилась, подвозъ събстныхъ припасовъ прекратился, хльбъ вздоражалъ настолько, что за полбатмана 1) кукурузной мукп платили по одной тилли 2). Для обузданія непокорныхъ хотя и былъ посланъ съ войсками любимецъ ханскій Есаулъ-баши, но онъ не могь вернуть Кунградъ п принужденъ былъ вхать назадъ къ Хивинскому владъльцу "со стыдомъ".

Волненіе охватило весь Усть-Урть. Даже Чаудуры (особое племя Туркменъ), никогда раньше не обнаруживавшіе вражды противъ Хивинцевъ, и тъ пристроились къ своимъ единоплеменникамъ и стали тъснить подвластныхъ Хивъ и кочующихъ между Аму-Дарьей и Айбуширскимъ заливомъ народовъ, такъ что изъ числа послъднихъ 500 кибитокъ Киргизъ-Чиклинскаго рода принуждены были, въ началъ 1859 г., откочевать въ Русскія владънія.

Между Коканцами и Китайцами шла война, закрывавшая всъ доступы въ ихъ владенія. Въ Индіи была революція. Словомъ сказать, вся Азія представляла политическій хаосъ, среди котораго трудно, даже невозможно, было пройти постороннему иноземцу. И по этой причинъ, въ силу необходимости, для розыска пропавшаго Шлагинтвейта Русскимъ властямъ приходилось довольствоваться только одними разспросами прибывавшихъ на Оренбургскій міновой дворъ туземцевь, къ песчастію, въ большинствів случаєвь также ничего не знавшихъ и потому мало сообщавшихъ объ этомъ путсшественникъ, такъ что даже и съ этой стороны невозможно было получить не только что либо положительное, а хотя бы даже сомнительное. Лишь въ Мать следующаго 1859 г. переводчику пограничной коммиссіи Батыршину удалось узнать отъ прітхавшаго на меновой дворъ Персіянина Вали-Агу, что, во время пребыванія последняго въ Кокане, тамъ быль убить какой-то иностранецъ, "неизвъстный ему по имени, ни по фамили, такъ какъ бумаги, отобранныя у него, были писаны на иностранномъ языкъ". Но въ этомъ извъстіи было мало утъщительнаго, хотя, судя по разсказаннымъ приметамъ и тому направленію, по которому лежаль его путь, можно было догадываться, что убитый быль Шлагинтвейть. Но такь ли это, дальнъйщія архивныя данныя того не указывають.

¹⁾ Полбатмана равняется 3 п. 36 фун.

^{*)} Хивинскан золотан монета на наши деньги отъ 3 р. 50 к. до 3 р. 75 коп.

Болъе же положительныя свъдънія, мнъ кажется, ссли его бумаги захвачены Коканцами, можно было бы отыскать въ архивахъ г. Кокана, если таковые сохранились отъ всеуничтожающей войны.

II.

О первомъ изданіи полнаго собранія сочиненій **Н**. В. Кукольника.

Мив уже однажды пришлось говорить о распространеніи посмертнаго изданія сочиненій А. С. Пушкина ("Русскій Архивъ" 1893 г., Сентябрь). Теперь въ Тургайскомъ областномъ архивъ за 1851 г. (№ 29,850) нашлось еще подобное дѣло о такомъ же распространеніи сочиненій И. В. Кукольника, который, "приступая къ изданію своихъ пронаведеній за прошлыя 20 лѣть его дѣятельности, подъ общимъ названіемъ "Помнаго собранія сочиненій Русскихъ митераторовъ", въ Поябрѣ 1851 г. обратился къ начальнику Оренбургскаго края генералъ-адъютанту Перовскому 1, "съ просьбой, объ оказаніи ему въ семъ дѣлѣ содѣйствія чрезъ учиненіе предпріятія его пзвѣстнымъ по краю и приглашеніе желающихъ къ подпискѣ на опос".

В. А. Перовскій не замедлиль сдёлать соотвітствующее по округу распоряженіе, присовокуплия въ своих в предписаніях в), что по доставленнымь ему г. Кукольникомъ свідівніямь, "въ настоящее собраніе войдуть всі пе бывшія до ньші въ печати его сочиненія, что подписная ціпа за десять томовъ назначена 10 рубл. сер., съ пересылкою же 13 рубл., подписка принимается исключительно у самого автора и желающіе должны адресовать требованія свои на имя статск. совіт. Нестора Васильєвнча Кукольника, въ С.-Петербургь, по Гороховой, за Семеновскимъ мостомъ, въ домі г-жи Домонтовичевой".

Отъ Пограничной Коммиссіи были посланы по крвпостямъ и султанамъ-правителямъ Малой орды "пиркулярныя предписанія", а служащимъ въ ней чиновникамъ "объявлено о томъ немедленно".

Но изъявили желаніе подписаться только трое: столоначальникъ коммиссін Евреиновъ, попечитель прилипсйныхъ Киргизовъ надв. сов. Ръдкинъ и въ должности правители восточной части орды сотникъ султанъ Мухамедъ-Джантюринъ. Всё трое подписались чрезъ Пограничную Коммиссію съ вычетомъ слъдуемой за сочиненія суммы изъ ихъ жалованья.

Потомъ пожелали подписаться еще двое попечителей прилинейныхъ Киргизовъ штабсъ-капитанъ Антовъ п падв. сов. Первухинъ, пепосредственно отъ себя, съ посылкой денегь примо Кукольнику; но выписали ли

по всей въроитности Кукольникъ обращался и къ другимъ генералъ-губернаторамъ.

^{*)} Въ Оренбург. Погран. Коминс., отъ 24. Ноября 1851 г., № 2495.

они дъйствительно его сочиненія, того изъ дъла не видно, также вакимъ образомъ распредълнись сочиненія эти въ 10-ти томахъ. Только по роспискъ брата султана Джанторина, при полученіи имъ 7-го Іюна 1852 года трехъ томовъ, показаны въ 1-мъ, т. е. (по общему счету) четвертомъ томъ, драматическія сочиненія: Джанобо Санпазаръ, Домпникино и пр.; въ V-мъ повъсти и разсказы, какъ то: Прокуроръ, Антоніо и пр. п въ VI томъ романъ: два Пвана, два Степановича, два Костылькова.

Всв сочиненія выходили въ світь выпусками. Первый выпускь изъ трехъ томовъ вышель въ Мартъ, вторые три тома въ Апрълъ и третіи три тома въ Поябръ 1852 г., послъдній же десятый томь быль выпущень въ Іюнъ 1853 г.

III.

Знатный пленникъ *).

Въ 1754 году на Оренбургскую линю выбъжаль изъ Киргизской стеци Персіанинъ, называвшій себя сыномъ персидскаго хана Ибрагима, хотя инкто ему въ этомъ не повъриль, тъмъ болье еще, что въ свое отечество воротиться онъ не сожелаль, а изъявиль желаніе остаться въ Россіи и, подъ именемъ Лукьяна Иванова, добровольно принялъ христіанскую въру, за что и былъ награжденъ чиномъ прапорщика и зачисленъ на жительство въ Ставропольское Калмыцкое войско; а какъ онъ о себъ ничего особеннаго не разсказывалъ и правъ на прежнюю свою знатность не предъявлялъ, то на него особеннаго вниманія не обратяли и о немъ, конечно, скоро забыли.

Прошло лять или шесть после этого времени. Вдругь, въ Августв 1759 г., Оренбургская губернская канцелярія получила изъ Коллегіи Иностранных дёль отношеніе, въ коемъ сообщалось, что Астраханскій губернаторъ генераль-майоръ Жилинъ представиль въ эту коллегію два съ переводами Персидскія письма, полученныя имъ, чрезъ пашего копсула въ Персіи, ассесора Петра Чекалевскаго, отъ Рященскаго (отъ г. Рящи) командира Незеръ-Али-хана-Зенда; одно изъ писемъ было адресовано къ нему, Жилину, другое къ жившему въ Россіи брату этого хана, вышедшему будто бы изъ Туркменскаго плена, Шудже-Эддинъ-хану.

Въ письмахъ своихъ, какъ къ Астраханскому губернатору, такъ и къ своему брату, Незеръ-Али, между прочимъ, писалъ о какомъ-то возмутителъ Магометъ-Хасанъ-ханъ-Каджаръ и о своемъ братъ Персидскомъ сердаръ Пейхъ-Али-ханъ. Первый изъ нихъ (судя по письмамъ, приблизительно, въ 1751 или 1752 гг.), захвативъ подъ власть свою нъсколько Персидскихъ полковъ и "овладъвни всъми городами, искалъ себъ полной государственной власти". Съ этою пълно онъ подступилъ подъ городъ Пиразъ, чтобы взять его, но былъ разбить отборной Персидской ратью, посланной на вы-

^{*)} Изъ дъла Тургайскаго областнаго архива за 1759 г. № 45.

ручку подъ начальствомъ Шейхъ-Али-хана. Съ небольшимъ числомъ приверженцевъ Магометъ "ретировался" въ Мизандрань, гдв успълъ собрать до 12-ти тысячъ Хорасанскихъ Курдовъ и Кукленцевъ-Тексевъ (Текинцевъ) съ Имудцами (Туркмены-Іомуды), съ которыми потомъ перешелъ въ Астрабадъ, предавал по пути своемъ все отню и мечу.

"Его священное высочество (т. е. шахъ Персидскій), подобный Соломону и высокомочіемъ равный Джампиду" для искорененія этого зда, слъдомъ за нимъ отправилъ своего сердари Шейхъ-Али съ храбрымъ войскомъ. По дорогъ народъ, крайне притъсненный поборами и грабежными дъйствіями Магомета, изъявляль поливйшую покорность своему законному повелителю. Подъ Астрабедомъ, между городами Атрежемъ и Кульбатомъ, двъ враждебныя арміи сощимсь. Въ первое сраженіе перевъсъ остался недоказаннымъ. На другой день, при вновь возобновившихся действіяхъ, буптовщики, непривычные къ стойкости и дисциплинъ, когда "Персидское войско пошло на сабляхъ", не выдержали сильнаго патиска и бъжали. Часть ихъ была "порублена", нъкоторые взиты въ ильнъ, а самъ предводитель ихъ Магометь-Хэсань быль убить во время сражения и "гордая голова его представлена къ высочайшему двору". Сердаръ вступилъ въ г. Астрабадъ, "который въ протекци сему жъ превичному двору достался". И тамъ, "хвала Всевышнему Богу, по высокой его милости всв злодви и непріятель искоренены, безпокойства пресъчены, и раненое государство досталось его свящепивишему высочеству".

После этого Незерь-Али-ханъ, по повельнію шаха, быль отправленъ для учрежденія Гилянской провинціи, гдв, по прибытіи въ г. Рящь, получиль "оть высокостепеннаго и высокознатнаго двоюроднаго брата своего Пуджа-Эдинъ-хана-Зенда, роднаго брата покойнаго хана Мухаметь-Зенда, письмо, коимъ последній уведомляль его, что "онъ, мять плена отъ казацкихъ *) рукъ высвободясь, пришелъ въ Россію и понынё тамъ обретается". "А понеже между обоими высокими державами (т. е. между Россіей и Персіей) состоитъ священная дружба", то Незеръ-Али-ханъ и просилъ Астраханскаго губернатора "справиться о состояніи и обстоительствахъ" его брата, "разведавъ о немъ подлинно, гдв опъ, въ чьихъ рукахъ и какой выкупъ за пего надобенъ", уведомить его, чтобы тогда прислать ему "выкупъ, сколько бы ни потребовали".

Пачались, конечно, розыски, которые въ конца концовъ привели къ тому, что виновникъ затанной переписки оказался никто иной, какъ зачисленный въ 1759 г. въ Ставропольское казачье войско, выбъжавшій изъ Киргизской степи Персіанинъ, посившій христіанское имя Лукьяна Иванова. Онъ быль уроженецъ Хамаданской губерніи, города Пери, коимъ

^{*)} Т. с. Киргизскихъ. Туземцы называють Киргизъ-кайсаковъ, какъ и они сами себя, казаками.

управляль отець его Ибрагимъ-ханъ-Моадъ-хановъ, убитый назадъ тому двадцать лёть на войне противъ Лезгинцевъ. Настоящее же, т. е. Персидское, имя его было Сожадымъ-ханъ *). Во время возмущенія Магометъ-Каджара (лёть съ восемь назадъ), онъ съ Персидскимъ войскомъ ходилъ подъ г. Астрабадъ и по "выгнаніи" оттуда Туркменъ-мятежниковъ, когда они разсвялись по окрестнымъ провинціямъ, посланъ былъ въ провинцію Кульбать, гдё тёже туркмены успёли захватить его въ плёнъ и продержали у себя три мёсяца, а потомъ за двёнадцать лошадей продали въ Киргизъ-Кайсаки, у коихъ онъ, пробывъ болёе года, наконецъ, выбёжалъ на Оренбургскую линію. На допросё въ Оренбургской губернской канцеляріи Сожадымъ подтвердилъ также, что Магомедъ-ханъ ему родной брать, а упоминаемые въ письмё къ нему Шейхъ-Али и Пезеръ-Али, дёти Айналъ-хана, и еще Керимъ-ханъ, сынъ Агалъ-хана, доводятся ему двоюродными братьями, пропеходящими отъ одной фамиліи Зенда.

Такъ какъ не было никакого сомнънія въ дъйствительности его происхожденія, то Государственная Коллегія Иностранныхъ дълъ предписала Оренбургской губернской канпеляріи освободить его, и выдавъ ему "на проъздъ и платье 20 рублей" и "на двъ подводы" съ указными прогонами подорожную, отправить его въ Астрахань, съ капраломъ изъ Ставропольскаго гарнизона, "приказавъ опымъ капралу и солдату, будучи въ пути, за нимъ пристойнымъ образомъ смотръть, чтобъ онъ куда-либо уйти и скрытьси не могъ, однако, при всемъ томъ поступать съ нимъ не только для его ипостранства, но и по его оберъ-офицерскому чину съ подобающею честью и дасково, не чиня ему ни малъйшей обиды".

Въ Февралъ 1760 года Сожадымъ-ханъ былъ отправленъ сначала въ Астрахань, а потомъ въ свое отечество, гдъ, надо думать онъ уже долъе не исповъдывалъ христіанскую въру.

Любопытно было бы знать, что за возмущение было произведено Магометъ-Хасанъ-Каджаромъ и въ какое именно время?

Сообщилъ П. Юдинъ.

^{*)} Въ подлинномъ Персидскомъ письмъ также значилось имя его Сожадымъ; въ Русскомъ же переводъ оно, видимо, по неразборчивости оригинала, переиначено въ Шуджа-Эдинъ.

О БЕЗПОРЯДКАХЪ ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Весна 1861 года.

Записка генералъ-мајора Дренякина *).

2-го минувшаго Апръля я выражаль еще мос върование въ ненарушимость спокойствія Пензенской губерніи; съ 5-го же числа того же мъсяца я началь получать изъ Чембарскаго и Керенскаго уъздовъ свъдънія о сопровождавшемся безчинствами неповиновеніи крестьянь своимъ помъщикамъ и управляющимъ.

Относя такое грустное явленіе единственно къ непонимацію крестьянами дарованныхъ имъ высочайшихъ милостей, изображенныхъ въ манифестъ съ положеніями, начальникъ губерній не безъ основанія надъялся прекратить возникшіе безпорядки, не прибъгая къ ръзкимъ мърамъ, и поручилъ уъзднымъ властямъ обратить крестьянъ въ повиновенію разъясненіемъ имъ, въ мъстахъ пребыванія ихъ, правилъ ихъ переходнаго состоянія и обязанностей къ помъщикамъ.

Но 12-го числа утромъ получено было въ Пеизъ извъстіе, что Чембарскаго уъзда крестьяне имъній графа Уварова и другихъ владъльцевъ (до 26-ти селъ и деревень) совершенно отказались отъ повиновенія своимъ помъщикамъ, не взирая на вразумленія уъзднаго предводителя дворянства и земской полиціи, прибывшихъ въ д. Черногай (того же уъзда), мъсто сборища крестьянъ окружныхъ селеній. Чембарскій предводитель дворянства, по неуспъшности своей къ увъщеванію, принужденъ былъ оставить помянутое селеніе, куда собиралась толпа до трехъ тысячъ человъкъ, и вытребоваль для водворенія порядка квартирующую въ одномъ переходъ 10-ю роту Тарутинскаго великаго герцога Ольденбургскаго полка. 9-го Апръл, по размъщеніи ея въ д. Черногаъ по дворамъ, толпа все пребывала, причемъ, буйство дошло до того, что 10-го числа земскій исправникъ Чем-

^{*)} Сообщена Иваномъ Николаевичемъ Горсткинымъ. Александръ Максимовичъ Дренякивъ род. 1813, скоич. въ 1877 г. въ чивъ генерадъ-дейтенанта. П. Б.

барскаго увзда Андреевт и вызванный крестьянами изъ с. Чернышова управляющій имъніями графа Уварова Пичутинт не избъгли тяжкихъ оскорбленій и побоевъ, которыхъ не успъла даже отвратить вызванная по сбору рота, проложившая себъ дорогу прикладами и успъвная выручить одного только становаго пристава. Исправникъ же, разсыльный его и Пичугинъ остались въ рукахъ бувтовщиковъ, закованы ими въ желъзо и отданы подъ крестьянскій караулъ. На утро имъ сулилась мученическая смерть.

Одновременно съ захватомъ поименованныхъ лицъ, вооруженные въ толпъ кольями, видами, камнями, иные видали съ крышъ кирпичи, бросались на роту и, хватаясь за штыки, пытались ее обезоружить до того, что командующій ротою поручикь Линденбаумъ, охраняя военную честь, вынуждень быль открыть пальбу и отступать, изъ опасенія быть отрізаннымъ до перехода чрезъ плотину толпою, бросившеюся въ обходъ, при чемъ самъ чуть было не сдёлался жертвою озлобленія крестьянъ, если бы выстрівломъ изъ револьвера не удалось ему убить замахнувшагося на него коломъ. Отступивъ за ручей и избъгая вообще большаго кровопролитія, онъ остановиль роту и, видя, что толпа готова снова сдёлать нападеніс, онъ отвелъ свою роту далве и потомъ на квартиры въ с. Ершово. Последствіями неожиданной стычки было убито крестьянъ 3, рацено 4, захваченъ крестьянами раненый коломъ вь голову, ушибленный по рукъвольноопредъляющійся изъ дворянь унтерь-офицерь Мешвицъ и одинъ рядовой.

Видя въ этомъ событіи не только одно неповиновеніе помъщику и неправильное понимание высочайше дарованныхъ крестьянамъ правъ, но явное возмущение съ посягательствомъ на власти и войска, даже съ орудіемъ въ рукахъ, я, по соглашенію съ начальникомъ губерніи, того же 12 Апрыля въ полдень, съ маіоромъ корпуса жандармовъ Лаксомъ, выбхалъ на мъсто происпествія, отстоящее отъ г. Пензы въ 150 верстахъ. Но по причинъ разлитія ръкъ, снесенія нъсколькихъ мостовъ и весьма дурной дороги (при чемъ приходилось мънять колеса на сани и обратно), послъ 36-ти часовой тоды до г. Чембара, только 14-го Апреля могь я прибыть въ мирное село Поимъ, графа Шереметева, ближайшее къ Черногаю. Сдълавъ еще обще съ начальникомъ губернім 8-го числа изъ Пензы распоряженіе о сборъ въ Поимъ 1-го баталіона Казанскаго прхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка, я узналь, что 3-й баталіонъ Тарутинскаго полка начальникомъ штаба армейскаго корпуса направленъ въ Чембарскій убздъ въ мое распоряженіе.

Ободренный полученнымъ мною дорогою свъдъпісмъ, что закованные въ д. Черногай, безъ кровопролитія, были освобождены прибывшею туда 10-го числа къ вечеру на подводахъ 9-ю ротою Тарутинскаго полка подъ командою капитана Митаревскаго и не взирая на доходивние до меня неблагопріятные слухи о продолжающихся безчинствахъ временно обязанныхъ крестьянъ, я ръшился предварительно испробовать меры кротости, одинаковыя съ принятыми до того пачальникомъ губернін; тъмъ болье, что непогода и половодье не благопріятствовали быстрому передвиженію войсьъ. Не прибъгая такимъ образомъ къ военной силъ, но имъя уже ее при себъ, я изъ седа Поима (которое избрано мною штабъ-квартирою) разослаль въ волновавшіяся селенія циркуляры, доступные попиманію крестьянь, съ приказаніемъ выслать ко мнв по нескольку старшихъ домохозяевъ изъ каждой деревни для разъясненія высочайше даровацныхъ имъ правъ п для выслушанія оть нихъ самихъ: какъ было дёло въ Черногав и что было поводомъ къ возмущению?

Вопреки моему крайнему сомнанію относительно благопріятнаго исхода принятых в мною март, посладующія событія указали, что повидимому я достигь желаемаго; ибо въ тоть же вечерь и на другой день прибывали депутаціи съ изъявленіемъ покорности и съ раскавніемъ въ участіи въ Черпогаевскомъ даль. Посему я ни одного изъ крестьянъ не задержаль, чамъ, безъ сомнанія, пріобраль ихъ къ себа доваріе.

Но я не считаль себя въ правъ щадить главныхъ зачинщиковъ возмущенія. 15-го Апръля съ тремя ротами Казанскаго и тремя баталіономъ Тарутинскаго полковъ изъ с. Студенки перешелъ я въ д. Черногай, гдв крестьяне, спрятавшись по задворкамъ и оказавъ темъ сначала какъ бы нъкоторое упорство, впослъдствіи со слезами, на кольняхъ, умоляли о помилованіи. При этомъ опи сами высказались, что побудительною причиною неповиновенія были слова священника с. Студеновъ Өедора Померанцова, который толковаль имъ, что сне указано работать». Упорство же свое опи объясняли поддержкою, встръченною ими со стороны смущенныхъ теми же толками крестьянъ, собиравшихся въ числъ нъсколькихъ тысячъ въ Черногаъ съ 5-го по 10 е Апръля и разбъжавшихся при приближении войска. Въ тотъ же день въ Черногаъ, по указанію уъздныхъ властей, равно и по лично едбланнымъ мною дознаніямъ, арестоваль я 12 челов'ять злостныхъ бунтовщиковъ, въ томъ числъ сзывавшихъ крестьинъ сосъднихъ деревень на сборище въ Черногай, откуда повсюду распространялись самыя возмутительныя толкованія и нелъпые вымыслы.

Раскаяніе Уваровскихъ крестьянъ повидимому было искреннее. Посему, отправивъ въ Поимскій этапный домъ только сказанныхъ выше 12 преступниковъ для поступленія съ ними по законамъ, остальныхъ я оставилъ безъ наказанія, такъ какъ неповиновеніе крестьянъ произошло отъ заблужденія вообще, въ которое они къ тому-жъ были вовлечены дожнымъ толкованіемъ манифеста, преимущественно же отъ того, что въ тамошнемъ крав значительное число громадныхъ имвній, принадлежавшихъ нъкогда одному графу Разумовскому, гдъ сами помъщики не живуть, управляется неодинаковыхъ способностей и наклопностей управляющими, къ тому же не снабженными еще отъ своихъ довърителей полномочіемъ смягчить работы и тъмъ, такъ сказать, безотлагательно дать возчувствовать крестьянамъ наступившее уже для нихъ новое время. Пензенская же губернія, по многоземелью своему, легкостью барщины и подводной повинности въ пользу помъщика похвалиться не можеть. Противу такого управленія я уже приняль возможныя мфры, представивь о томъ на обсуждение губерискаго по престыпискимъ деламъ присутствія, съ словеснымъ даже отчетомъ объ усмиреній временно-обязанныхъ крестьянь, дабы познакомить оное присутствіе съ характеромъ бывшаго возмущенія и съ неожидавшеюся трудностью примъненія къ крестьянамъ добровольнаго съ ними соглашенія: на оброкъ, безъ котораго нътъ выкупа, не идутъ; иные оброчные просятся на барщину отъ яснаго уразумънія ими, что, съ упраздпешемъ кръпостнаго права и тълеснаго исправительнаго паказанія безъ суда, барщинная работа легче оброка.

()бстоятельство это тъмъ болъе плачевно, что помъщики вообще, будучи проникнуты полнымъ сознаніемъ несостоятельности обязательнаго труда, жаждуть переведенія крестьянъ на оброкъ и выкупа. Иные уже приступили бы къ составленію уставныхъ грамотъ; но крестьяне опасаются на что нибудь согласиться и, зная хорошо все что для нихъ выгодно, не поторопятся въ составленіи уставныхъ грамотъ, дабы, въ случать неурожая, не потерять права на продовольствіе отъ владъльца. Своевременный и вполнть благопріятный исходъ новаго дъла, въ особенности же когда время дойдетъ до надъла землею крестьянъ и до отръзки оной, гдт былъ излишекъ, пынт сомнителенъ.

Съ 14-го числа того же мъсяца въ числъ допесеній я получаль отъ Керенскаго уъзднаго предводителя дворянства свъдънія, что Керенскаго уъзда въ с. Кандеевку (г-на Волкова) изъ окружныхъ деревень четырехъ сосъднихъ уъздовъ Пензенской и Тамбовской губерній, собирается масса народа, доходившая до 10-ти т. человъкъ; что

крестьяне съ криками «воля! воля!» развозять по селеніямъ красное знамя, оскорбляють священниковъ, бьють старшинъ и сотскихъ, угрожая сдёлать тоже самое и съ управляющими и съ гражданскими и военными начальниками; разъёзды и пикеты ихъ перехватывають разсыльныхъ и, не смотря ни на чьи увёщеванія, они кричатъ: «Земля вся наша! На оброкъ не хотимъ и работать на помёщика не станемъ».

Вследствіе этихъ донесеній, для пересеченія зла я решился изъ Черногая двинуться на Кандеевку; по дорогъ же завхать въ с. Высокое (имъніе Кашина), временно-обязанные крестьяне коего, еще 2 Апръля, заставили убъжать управляющаго, запечатали домъ и сопровождали свои безчинства оскорбленіями его семейству. Въ ночь на 16-е Апрыя, отпустивъ по требованію, нынъ генераль-лейтенанта барона Винценгероде, три роты Тарутинского полка въ его распоряженіе Тамбовской губернім, въ Моршанскій убедь, утромъ съ тремя ротами Казанскаго полка прибыль я въ с. Высокое. Крестьяне сказаннаго селенія просили прощенія, каковое и было имъ дано, послів того какъ созванная мною сходка выдала мий зачинщиковъ возмущенія. Главный же возмутитель Леонтій Егорцевъ, того же села, не могъ быть мною захвачень, ибо (какъ поздиве дознано), узнавши о приближеніи военной команды, онъ еще наканунъ былъ вывезенъ въ Кандеевку въ возу соломы. Какъ оказалось впоследстви, онъ былъ самый опасный изъ бунтовщиковъ. Принадлежа къ сектъ Молокановъ, онъ въ короткое время успълъ пріобръсти большое вліяніе во всемъ краю. Вследствіе его дожныхъ толкованій и присвоенія себе особыхъ правъ, въра въ него была такъ сильна, что изъ разныхъ дерсвень присылали за нимъ тройки, съ приглашениемъ прибыть къ нимъ для разъясненія манифеста; водили его подъ руки, нося за нимъ скамейку; становили его на возвышение, съ котораго онъ по своему возвъщалъ всемъ (волю). Власть его наконецъ возрасла до того, что онъ началъ дълать денежные поборы и, дабы успъхъ возмущенія склонить на свою сторону, грозилъ въшать тъхъ, которые его ослушаются, а потомъ и начальниковъ усмиренія. Вмёстё съ тёмъ онъ убёждаль всёхъ угрозами, что, въ случав прибытія войска, никто подъ опасеніемъ смерти, не долженъ выдавать (своихъ) и никто не долженъ върить ни земской полиціи, ни предводителю, ни даже мнв, по его выраженію «царскому послу»: всв подкуплены будто бы помъщиками.

Новыя донесенія Керенскаго утванаго предводителя дворянства и командированнаго мною 14-го Апртля изъ села Поима въ Кандеевку жандармскаго штабъ-офицера, поставили меня въ извъстность, что въ

сказанномъ селъ волненіе на чинаетъ принимать угрожающіе размъры: народъ толпами не перестаеть прибывать съ разныхъ селъ и деревень, расхаживая по улицамъ съ кольями и дубинами. Предвидя, что здъсь дъло не можетъ обойтись безъ быстрыхъ «ръшительныхъ мъръ и для того, чтобы подавить возмущеніе, разливавшееся уже по Чембарскому, Керенскому и сосъднимъ уъздамъ Тамбовской губерніи, 16-го Апръля телеграммой чрезъ шефа жандармовъ я испрашивалъ повельнія наказывать виновныхъ по моему суду, и отправился съ двумя ротами Казанскаго полка въ Кандеевку, оставивъ въ селъ Высокомъ для поддержанія спокойствія роту Его Высочества, въ Поимъ же 1 ю стрълковую, съ тъмъ, чтобы они принимали пересылаемыхъ туда арестантовъ и конвоировали ихъ до г. Чембара, откуда они должны отправляться въ г. Пензу.

Опередивъ направленныя мною въ Кандеевку двъ роты, 16-го же Апръля, около вечера, съ состоящимъ при миъ (по распоряжению начальника 16-й пъхотной дивизіи) подпоручикомъ Углицкаго пъхотнаго полка Худяковымъ и съ жандармскимъ въстовымъ, подъбхалъ я на улицъ сказаннаго села къ значительной толпъ. Я началъ съ ласковаго привъта къ стоявшему впереди толпы старому солдату, повидимому заслуженному, съ произвольными впрочемъ красными полудацванами и съ орденскими дентами отъ плеча до плеча, какъ оказалось въ двойномъ количествъ нашитыми. Онъ на обычные вопросы отвъчаль мив уклончиво съ прибавленіемъ словъ не касавшихся дъла: «за Бога и за Царя умерсть готовы». Вопреки моимъ приказаніямъ меня оставить, онъ не отходиль и продолжаль свой говоръ. Тогда я приказаль находившемуся при мет жандармскому рядовому Михайлъ Торурову захватить его, что сверхъ чаянія было удачно исполнено и о чемь бунтовщики (какъ было дознано) сожальли. Солдать этоть 72 льть, Елизаровь, по словамь самихъ крестьянъ, оказался однимъ изъглавныхъ возмутителей и, кичась своими военными заслугами, называль себя графомъ Толстымъ.

Перейдя привътливо къ толкованію крестьянамъ высочайше дарованныхъ имъ правъ, я предлагалъ имъ смириться и до уставной грамоты повиноваться помѣщику, работая въ его пользу по новому положенію, или же перейти на опредъленный закономъ оброкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я уговаривалъ крестьянъ покаяться въ ослушаніи и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ими уѣздному предводителю дворянства и земской полиціи, и объяснялъ имъ, что если они не повѣрили ихъ истолкованіямъ, то наконецъ миѣ, какъ присланному отъ Государя, они обязаны вѣрить безпрекословно. Но всѣ въ одинъ голосъ кричали:

«Не будемъ работать на помъщика и на оброкъ не хотимъ, хоть всъхъ насъ перевъшай!» Видя, что толпа начинаетъ волноваться (къ каковому впрочемъ времени явились ко мнъ предводитель дворянства, исправникъ и командиръ Казанскаго полка), я вышелъ изъ толпы и отправился къ прибывшему заранъе войску (2, 9, 10 и 11 роты Казанскаго полка) расположенному бивуакомъ около господскаго дома, на половинъ селенія, съ военными предосторожностями, мною еще болъе усиленными. Со вступившими же вслъдъ затъмъ на бивуакъ тремя и четыремя ротами того же полка, въ мосмъ распоряженіи у села Кандеевки, съ прибывшею на другой день третью стрълковою ротою, находилось всего семь ротъ.

Другой день, т. е. 17-го число, празднуемое всей Россіей, я оставиль крестьянамь на размышленіе и, чрезь наемнаго бурмистра требоваль оты нерасходившейся толиы присылки ко мий ийскольких разумных стариковъ-домохозяевъ, для объясненія имъ новых законоположеній, съ тёмъ, чтобы выслушавъ мое толкованіе вий подстрекательства толиы, они могли образумить прочихъ. Но бунтовщики не отпустили ко мий ни одного человіжа и прогнали посланнаго. Тогда я отправиль къ нимъ приходскаго священника съ крестомъ, поручивъ ему уговорить бунтовщиковъ. По и увіщанія священника остались тщетными. Вечеромъ еще разъ посылаль я сотскихъ съ приказаніемъ, чтобы толпа опомнилась и разошлась. Все было безуспівнно. Явно, что бунтовщики были увітрены въ мнимой правотів своей и вътомъ, что успівхъ останется на ихъ сторонів.

18-го Апрыл, во Вторникъ Страстной педыли, утромъ въ 8 часовъ, мною получена телеграмма отъ шефа жандармовъ отъ 17-го Апръля № 3.264, въ коей было изображено, что мив предоставляется ръшить дъло о виновныхъ по моему суду. Убъдясь, что ничто не дъйствуеть на бунтовщиковъ, я решился прибегнуть къ крайнимъ мерамъ со всею за нихъ отвътственностію. Между тъмъ отвсюду получались самыя печальныя свёдёнія о томъ, что возмущеніе разлилось по четыремъ смежнымъ убздамъ, откуда крестьяне, выжидая развязки моихъ дъйствій, толпами стекались въ село Кандеевку. Между бунтовавшимися въ томъ крат вкоренилось твердое убъждение, что если они не отобыются (принявъ слово отбывать барщину за отбивать оную) къ Святой недвив, то на въчныя времена останутся въ кръпостномъ состояніи, не въря, что изъ онаго уже вышли. На крышахъ и на гумнахъ всюду видны были крестьяне, зорко следившее за каждымъ распоряженіемъ въ отрядъ. Изъ всего этого, равно изъ предувъдомленія. что на нъкоторыхъ крестьянскихъ дворахъ сложены топоры и колья

съ насаженными на нихъ косами и другими орудіями, я уразумълъ всю необходимость дъйствовать ръшительно и вмъстъ съ тъмъ съ крайнею осторожностью. Имълъ я въ виду и то, что недалеко уже было до Свътлаго праздника, и если не обратить бунтовавшихся къ полевымъ работамъ, къ посъву яроваго хлъба, то голодъ неминуемъ.

Сдълавъ предварительныя распоряженія о прибытіи, на одни сутки, изъ Моршанскаго убеда двухъ ротъ Тарутинскаго полка съ темъ, чтобы въ 9 часамъ утра, не доходя двухъ верстъ до села Кандеевки, (куда сходятся дороги изъ многихъ волновавшихся селеній) они ожидали дальнъйшихъ моихъ распоряженій, а до того захватывали бы бъгущихъ (если таковые будутъ), я оставилъ одну роту Казанскаго нолка для охраненія господскаго дома (откуда накануні ознакомился съ мъстностью) и съ четырьмя ротами, въ 10 часовъ утра, направился ко входу въ селеніе съ площади противу господскаго дома, раздъляющей село на два крыла. Въ правой улицъ, длиною болъе версты, шумъла толиа. Остальнымъ двумъ ротамъ, въ предотвращение нападенія на меня во фланть съ правой стороны и съ тыла (съ левой речка), приказаль я держаться въ 200 шагахъ правъе, на одной высотъ со мной, положивъ отнюдь не штурмовать селенія, дабы не вызвать руконашнаго боя и не потерять ни одного изъ ввъренныхъ мив чиновъ. Въ случать же отчаяннаго сопротивленія думаль я зажечь село и тъмъ заставить бунтовщиковъ выдти въ поле, гдъ управа съ ними была бы легче: чрезъ незначительную рычку, какъ послы дыла оказалось, въ пъсколькихъ мъстахъ были наскоро насланы перевзды, и къ нимъ подвезено крестьянское имущество, уложенное въ возахъ.

Я остановиль колонну у крайнихь дворовь, въ 300 шагахь отъ бунтовщиковъ. Они по моему зову неръшительно подошли ко мнъ шаговъ на сто. Тутъ я снова обратился съ увъщеваніями: предлагаль имъ, просиль до времени разойтись и засъвать свои и помъщичьи поля. Но слова мои были заглушены крикомъ: «Не повинуемся, ничего не хотимъ, умремъ за Бога и Царя!»

Тогда я пригрозилъ имъ, что если они добровольно не покорятся, то я прикажу стрълять въ нихъ, какъ въ ослушниковъ высочайшей воли и манифеста. Всъ угрозы мои были тщетны. Желая ограничиться какъ можно меньшимъ числомъ жертвъ и дабы толпа болъе тысячи человъкъ (всего же въ деревнъ, считая оставшихся на дворахъ, до 7.000 человъкъ) не бросилась на войско, я, отогнавъ ее на сколько послушались (оказалось шаговъ на 150) и выждавъ нъсколько, съ прискорбіемъ приказалъ сдълать залят первой шеренгъ головнаго по-

лувзвода 9-й роты, разомкнутаго на руку дистанціи, для представленія большаго протяженія фронту, съ цёлью занять всю ширину улицы.

Раздались выстрёлы. Въ толив упало насколько крестьянъ; но бунтовщики не дрогнули. Напротивъ того, поднявъ руки, они кричали громче и громче. Принявъ поднятіе рукъ за просьбу о пощадъ, я остановиль стръльбу; но оказалось, что они выражали этимъ свое желаніе «умереть за Бога и Царя», никому не повинуясь въ тоже время. «Просите пощады, иначе буду продолжать стрелять», говориль я имъ. Но толпа, придвинувшись несколько ближе къ войску, кричала: «все до одного умремъ, не покоримся». Послъ этого невооруженные, безпримърно неустрашимые, по счастью безъ женъ и дътей, всей массой снова отошли на прежнее мъсто. Тогда по моему приказанію сдъланъ второй зализ. Не смотря на это, народъ, поднявъ руки, съ большимъ еще жаромъ продолжалъ прежніе крики. Не безъ содроганія убъдившись, что ничто не помогаеть, я показаль подвинувшейся ко мнъ толив походный мой образъ (благословение матери) и клялся предъ народомъ, что говорю правду и правильно толкую высочайше дарованныя крестьянамъ права. Но и клятвъ моей не повърили и съ подиятыми руками снова кричали: «За Бога и за Царя умремъ всъ до одного.>

Третій заль тоже не привель ни къ чему. Толпа не двигалась. Съ ужасомъ виделъ я необходимость продолжать стрелять. Изготовившись къ тому, я решился однакожъ попробовать отхватить хоть несколько человекъ, не углубляясь слишкомъ въ деревню, изъ опасенія, чтобы втрные исполнители моихъ приказаній не были изрублены бунтовщиками, не выходившими со дворовъ. Приказаніе мое было быстро исполнено 3-ю стрелковою ротою, при чемъ захвачено и выведено изъ улицы сверхъ чаянія 410 бунтовщиковъ, изъ 14-ти селеній, трехъ уфадовъ. Остальные разбіжались и попрятались по домамъ, откуда уходили потомъ къ ночи. Высылать ихъ изъ селенія, въ числів нівсколькихъ тысячъ человъкъ, считалъ я невыгоднымъ и едва ли возможнымъ по незначительности отряда. Поощрение же ихъ къ бъгству оказалось въ высшей степени благотворнымъ: въ ту же ночь въ моемъ округъ и даже въ Тамбовской губерніи, все утихло, когда разнеслась въсть о покореніи Кандеевцевъ. Изъ оконъ господскаго дома было видно, какъ послъ выстръловъ поле покрылось сорвавшимися со дворовъ лошадьми, на которыхъ верхами пріфзжали въ Кандеевку сторонніе участвовать въ сопротивленіи и узнать, чёмъ кончится дело о «чистой воль». Необъяснимая мною въ то время изумительная стойкость крестьянь и твердое наміреніе ихъ умереть, какъ оказалось впослідствіи, происходили отъ того, что выше упомянутый Леонтій Егорцевь (видівшій меня 16-го числа предъ толпою, но потомъ скрывшійся и нынів, за всіми разысканіями съ оцінкой его головы, находящійся въ бізахъ) разъізжаль по селеніямь и говориль: «Если войска будуть въ васъ стрілять, то выдержите только три залпа, и тогда сами начальники объявять вамь чистую волю». Другіе же, какъ показаль одинь раненый, думали, что въ нихъ будуть стрілять горохомъ: наканунів изъ имінія графа Віельгорскаго, въ числів провизіи для солдать, было провезено чрезъ пикеты бунтовщиковъ нісколько возовъ гороху.

Выведя изъ деревни захваченную толпу, я снова обратился къ ней съ вопросомъ: согласны ли повиноваться? добавивъ къ этому, что въ случав покорности готовъ ихъ помиловать. Но и на это всв единогласно отвъчали: «Умремъ всъ, но не повинимся».

Доведя толпу до господскаго дома и поручивъ отряду ее охранять, я велёль убрать убитыхъ и принести къ дому раненыхъ. Это было возложено на собранныхъ исправникомъ въ Кандеевкъ безсрочноотпускныхъ изъ числа не принимавшихъ участія въ бунтъ. Оказалось: пуль выпущено 41, убито крестьянъ 8, ранено 27. Последнимъ немедленно поданы должныя пособія усерднымъ баталіоннымъ лекаремъ Полумордвиновымъ, дано особое помещеніе, нежная пища; для ухода за ними нанята прислуга изъ отпускныхъ солдатъ; для пользованія раненыхъ впредь до ихъ выздоровленія вытребовацъ изъ Пензы особый врачъ, получившій наставленіе отъ пріезжавшаго съ нимъ къ раненымъ инспектора Врачебной Управы. Хотя изъ числа раненыхъ некоторые уже умерли, а часть находится въ сомнительномъ состоянія къ выздоровленію, но они со слезами высказывали свою признательность за попеченія о нихъ, сознательно говоря, что въ ихъ страданіяхъ, кромѣ нихъ самихъ, никто не виновать.

Потрясенный душевно описанной кровавой сценой, я принужденъ быль не отказаться отъ предложеннаго мив медикомь на ибсколько часовъ отдыха, полагая при томъ, что захваченная толпа въ это время одумается и сама будетъ просить о помилованіи. Но крайне всв ошиблись въ такихъ ожиданіяхъ: часовъ чрезъ пять я свова увёщеваль захваченныхъ, которые, хотя были окружены штыками, отвічали попрежнему: «Всв до одного умремъ, но не покорпися».

Тогда я приступиль къ снятію допросовъ съ заміченныхъ мною 16-го числа при разговорів съ толпою и указанныхъ мні предводи-

телемъ, исправникомъ и становымъ приставомъ, главныхъ ослушниковъ, упорнёе другихъ не соглашавшихся ни на какія предложенія. Упорство же и сила вкоренившихся въ крестьянахъ убёжденій были такъ велики, что они стали виниться тогда только, когда исполнялось уже шпицрутенное 29 человёкъ наказаніе, обёщавшееся и всёмъ закваченымъ. Почему изъ прочихъ 16 человёкъ наказаны розгами, а остальные, давшіе руки, что будутъ повиноваться, прощены. Съ тёхъ поръ, не видя уже и въ другихъ селеніяхъ прежней закоренёлости и примёняясь къ милосердію Государя, я смягчалъ наказанія по возможности и, давая всё способы къ оправданію, многихъ прощалъ. Таковой судъ, и по скорости его, принятъ съ благодарностью. Были впрочемъ и такіе закоренёлые, которые и послё исполненія надъ ними приговора отвёчали: «Хоть убей, но на работу не пойдемъ и на оброкъ не хотимъ».

На другой день село Кандеевка представляло уже совершенно противоположное прежнимъ днямъ зрълище. Все какъ бы ожило! Сповойное движеніе началось, пути сообщенія сдълались безопасными; но я еще не ръшался перевести войско съ бивуака на квартиры. Я постоянно остерегался въроломства. Реквизиція была невозможна. Но, благодаря управляющаго имъніями графа Віельгородскаго, отставного штабсъкапитана Борисовича, умомъ своимъ и неустрашимостію удержавшаго одно изъ многолюдивйшихъ село Большой-Буртасъ отъ полнаго участія въ Кандеевскомъ дълъ, отрядъ имълъ отъ него провизію и по временамъ винныя порціи, что способствовало поддержанію здоровья въ отрядъ.

19-10 Априля, въ Среду, было наказано еще трое крестьянъ, которые, какъ главные тоже буяны, были выданы изъ сосъдней деревни обществомъ, приславшимъ хлъбъ-соль.

Слъдующіе затъмъ дни, по 26-е Апръля, были проведены мною въ Кандеевкъ безъ опредъленія наказаній и для указанія вотчинной конторъ необходимости смягченія господскихъ работъ. Прятавшіяся до того повсюду, гдъ я ни проъзжаль, женщины и дъти безбоязненно приходили ко мнъ съ просьбой о помилованіи осужденныхъ ихъ, мужей, отцевъ, братьевъ.

23-10 Априля, въ ознаменованіе Праздника Свътлаго Христова Воскресенія и примъняясь къ неограниченному милосердію Государя, прощено 22 человъка крестьянъ изъ числа приговоренныхъ къ ссылкъ на поселеніе, безъ наказанія шпицрутенами.

25-го Априля, оставивъ въ Кандеевкъ двъ роты Казанскаго полка, я съ прочими отправился Чембарскаго уъзда въ с. Покровское (г-на Веригина), на самой границъ Тамбовской губерніи, гдъ 5-го Апръля крестьяне мъстные и собравшіеся съ окрестныхъ деревень заставили убъжать управляющаго, посылали за нимъ въ Моршанскъ погоню, раздълили между собою господскій скотъ, прибили бурмистра, церковно-служителей и кромъ того, съ оскорбленіями, вырвавъ изъ рукъ священника книгу акаеиста, угрожали его убить.

По прибытіи моемъ въ сказанное селеніе, крестьяне встрѣтили меня съ хлѣбомъ, солью и выдали мнѣ главныхъ виновниковъ возмущенія въ числѣ 43-хъ человѣкъ, какъ нарушителей ихъ спокойствія. Они признались, что какъ они, такъ равно и всѣ окрестныя селенія, были возмущены вышеупомянутымъ Егорцовымъ, который, по показанію священника, болѣе другихъ оскорбилъ его.

На другой день, т. е. 26 Апръля, по сдъланіи необходимыхъ дознаній и снятіи допросовъ, изъ числа выданныхъ міромъ 22 человъка, по исправительномънаказаніи, возвращены семействамъ; а остальные, въ томъ числъ приведенные изъ Кандеевки, наказаны шпицрутенами и препровождены въ Чембарскій тюремный замокъ для дальнъйшаго отправленія по назначенію.

Изъ села Покровскаго 26 Апрыля я съ войскомъ перешелъ пъ село Высокое, куда къ вечеру прибыли также вызванные мною и выданные обществомъ деревни Никольской (г. Бородина) 10 человъкъ главныхъ виновниковъ бывшаго и въ томъ селеніи безпорядка. 27 Апрыля, по снятіи допросовъ, 6 изъ нихъ и сверхъ того 11 человъкъ захваченныхъ мною раные возмутителей села Высокаго, наказаны шпицрутенами и тотъ же день препровождены въ Чембарскій тюремный замокъ.

Удостовърившись въ искренности раскаянія бунтовавшихъ селеній, того же числа я отправился въ село Поимъ, откуда на другой день, т. е. 28 Апръля, съ военною силой и съ содержавшимися въ тамошнемъ этапномъ домъ преступниками, прибылъ въ с. Чернышево (графа Уварова), гдъ въ ночь съ 10 на 11 Апръля крестьяне, собравшись изъ десяти окруженныхъ селеній, приступали къ вогчинной конторъ, намъревались расхитить деньги, врывались и къ главно-управляющему всъми имъніями графа Уварова, Черноголовкину, съ намъреніемъ его убить. Но разъяренная, частію хмъльная, толпа была остановлена у дверей въ залу крестьяниномъ села Сентяпино Апдресмя Крохинымъ, который, не убоявшись угрогъ, ръшился скоръе умереть

чъмъ выдать старика Черноголовкина, незадолго передъ тъмъ туда прівхавшего.

По снятіи допросовъ съ выданныхъ міромъ преступниковъ, 30 человъкъ изъ нихъ, 29 Апръля, наказаны шпипрутенами по степенямъ ихъ виновности и отправлены въ Симбирскій тюремной замокъ.

Оставивъ въ Чернышевъ три роты Казанскаго полка, я отпустилъ остальныя и 30 Апреля возвратился въ г. Пензу для встречи генераль-адьютанта Ефимовича, удостовърившись предварительно въ искренности изъявленной покорности крестьянъ, встрвчавшихъ меня всюду съ хлебомъ-солью. И поныне получаю отовсюду положительныя свёдёнія, что все пришло въ должный порядокъ, такъ что, кром'в самыхъ незначительныхъ недоразумъній, прекращенныхъ безъ военной силы въ мъстахъ, гдъ я еще не быль, безбоязненно думаю, что примъръ усмирения Кандеевки благотворно подъйствовалъ на далекое разстояніе, и въ Пензенской губерніи, благодаря Бога, спокойствіе возстановлено. Для большей же безопасности въ западныхъ увздахъ губерній, мев знакомыхъ, назначены, съ утвержденія генераль адьютанта Ефимовича, баталіонные летніе сборы Казанскому полку 1-му баталіону г. Чембара, 2-му с. Черкасское, 3-му Керенска и тремъ стражовымъ ротамъ въ г. Нижиемъ-Ломовъ, штабъ-квартиръ полка, съ отмъной оному въ этомъ году полковаго сбора.

Конфирмованные мною преступники съ назначением ихъ къ ссылкъ въ Сибирь, частію въ рудники и на поселеніе къ меньшему наказанію въ числъ 114 человъкъ, приведены уже въ Пензу для дальнъйшаго отправленія. Сюда же привезены и священникъ села Студенокъ Оедоръ Померанцевъ, по показанію крестьянъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ возмущенія, и одинъ дъяконъ причастный къ дъду, которые, по степени ихъ виновности, должны понести заслуженное наказаніе. Священика Оедора Померанцева, вдовца, мнъніемъ своимъ я положилъ отправить, въ примъръ прочимъ, навсегда въ Соловецкій монастыръ.

Кромъ того имъю въ виду еще четырехъ священниковъ, которые неодобрительно вели себя по случаю объявленія манифеста. По распоряженію архіепископа Перзепскаго и Саранскаго производится о поступкахъ ихъ слъдствіе.

Считаю себя счастливымъ, что имъю случай свидътельствовать о примърно-честномъ поведеніи находившагося въ распоряженіи моемъ отряда, безъ различія чиновъ.

Отличнымъ этимъ войскамъ вообще и върному исполнению моего приказания стрълять по бунтовщикамъ принадлежить и вся честь подавления чудовищнаго неповиновения и спасение края. Всъ чины отряда, не взирая на доставшися на ихъ долю, въ ненастное время года, лишения, не уступали другъ другу въ рвении исполнить свой долгъ.

Я обязанъ благодарностью особенно командиру Казанскаго полка полковнику Миньковиче-Петровскому, попечительному о раненыхъ баталіонному медику Полумордвинову, командиру 2-й роты капитану Банину, правственнымъ своимъ вліяніемъ удержавшему въ повиновеніи село Колесовку (700 душъ, одной экономіи съ Кандеевкою), состоящему при мнъ Углицкаго пъхотнаго подка подпоручику Худякову, ближайшему и просвъщенному моему сотруднику, повсюду охранявшему мою жизнь; командиру 9 роты Тарутинскаго полка капитану Митаревскому, распорядительностью своею спасшему отъ мученической смерти Чембарскаго исправника и другихъ съ нимъ закованныхъ Черногав; губернскому жандармскому штабъ-офицеру Лаксу, усердно во всемъ мнъ помогавшему; уъзднымъ предводителямъ дворянства себя не щадившимъ: Керенскому гвардіи штабсь-ротмистру Ранцеву, выдержавшему къ тому же въ Кандеевкъ продолжительную блокаду, и Чембарскому гвардіи поручику князю Енгалычеву, равно всъмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ поименованныхъ выше частей Казанскаго и Тарутинскаго полковъ.

Много я обязанъ распоряженіямъ и полному содъйствію со стороны начальника Пензенской губерніи генераль-лейтенанта графа Толстаго, давшаго мнѣ всѣ способы къ выполненію высочайше возложеннаго на меня порученія.

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА ').

1858--1860.

14 Іюня 1858. Въ Ораніенбаумъ замъчательные всего дворецъ Екатерины Михайловны, который съ виду не великъ, но заключаеть много комнать и отдёлань съ отличнымъ вкусомъ. Видёль я также великолъпный павильонъ, построенный покойнымъ императоромъ Николаемъ на возвышенности, откуда прекрасный видъ; колонны, украшающія зданіе, стоившія, говорять, непомірно дорого, и прочіе мраморы были привезены изъ Италіи. Государь говориль о павильонъ: C'est ma dernière folie 2). Уже по его кончинъ зданіе совершенно окончено. Въ полуверств сооружена красивой архитектуры церковь во ими Св. Александры, замъчательная особенно изяществомъ живописи. На возвратномъ пути мы останавливались также у сельскаго приказнаго дома, построеннаго на подобіе Русской избы. Тамъ намъ показывали книгу, въ которую желающіе могуть вносить свои имена и куда мы не внесли нашихъ. Реестръ посътителей 1853 года начинается подписью «Александръ», и послъ тотчасъ написано: «И и также, 58-лътній хрвиъ Н.».

20 Іюня—7-го Іюля. Ивановъ, съ которымъ в провелъ такъ пріятно одно утро въ Царскомъ Селв и потомъ видълъ его у насъ завтракавшаго тому не болве недвли, кончилъ жизнь. Прівхавъ въ Россію
послв 30-лютняго отсутствія, онъ заболюль отъ излишняго употребленія квасу; во-время призванный врачъ ему помогъ. Разсказывая мив
это обстоятельство, художникъ присовокупиль :хотюлось бы мив, чтобы
поскорве вышло рышеніе о моей картинь 3). Тогда я могъ бы увхагь, а

^{&#}x27;) См. выше, стр. 161. П. Б.

²) Это моя посавдняя шалость.

³⁾ Знаменятая картина А. А. Иванова "Явленіе Христа народу" подарена покойнымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ Румянцовскому музею. Къ прискорбно надо сказать, что это генівльное произведеніе пом'ящено неудобно и даже опасно для цалости его, такъ какъ сзади его пышеть сухимъ жаромъ печной отдушникъ. П. Б

то, оставаясь здёсь, умру отъ холеры. Грустное предчувствіе сбылось. Дъло тянулось, наконецъ назначили сумму ниже той, которую надъялся получить художникъ, и ръшение это пришло въ его квартиру, когда уже онъ лежалъ въ гробу. Говорять, что члены Академін Художествъ, товарищи, какъ наприм. Бруни и другіе, не отзывались съ благоволеніемъ о произведеніи Иванова, котораго недоброжелательность художниковъ огорчила. Часть вырученной суммы онъ намъревался употребить на путешествіе въ Іерусалимъ, которое предполагаль предпринять вижсть съ братомъ, извъстнымъ архитекторомъ, а на остальныя за тымъ деньги желалъ купить домикъ въ Римъ. Ивановъ былъ человъкъ серіозный, много размышлявшій, ученикъ Овербека и Корнеліуса и проникнутый духомъ Св. Писанія, которымъ питался большую часть своей жизни. Съ покойнымъ взглядомъ христіанина смотрель онъ на событія міра, какъ на исторію, которой главное направленіе, господствующій характерь, никто не можеть измінить. Твердыя и світлыя убъжденія его изливались изъ Божественнаго источника-Евангелія, предмета долголътнихъ его размышленій, положившаго на черты лица его особенное выражение нъкоторой важности. Онъ хотълъ ъхать въ Москву и объщаль постить тамъ моихъ сестеръ 1), прося дать ему къ нимъ письмо. Богъ опредвлилъ иначе.

19 Іюля. Жизнь при дворъ подчинева непрестаннымъ перемънамъ: нынъ съ вами только и говорятъ, завтра на васъ не смотрятъ; безъ васъ, казалось, трудно было обойтись, а теперь существованіе ваше забыто. Непостоянство это въ отношеніяхъ, возможное только въ жизни придворной, безпокоить и смущаеть. Напрасно будешь стараться открыть причину перемъны: ръшительно не произошло ничего, что могло бы объяснить дело. Никто не привыкъ къ подобнымъ обстоятельствамъ; когда они случаются, за ними следуетъ объяснение, и недоумвніе проходить. При дворв не такъ: тамъ объясниться невозможно по трудности доступа. Обыкновенно подобные случаи происходять отъ неблагонамфренности царедворцевъ, которымъ всегда надобно вредить. Какъ бы высоко ни было ихъ положение, какъ бы оно ни было безопасно ограждено, всякій успіхть въ глазахть ихъ преступенть. Имъ нужна монополія техъ благъ, которыя исходять отъ двора. Царедворецъ, какъ эмъя, при каждомъ случав испускаетъ свой ядъ. Если онъ быль тяжело боленъ, и вы ему оказывали участіе или какія либо

⁴⁾ Сестры В. А. Муханова занимались живописью и между прочимъ расписали церковь въ Старомъ Симоновъ. П. Б.

другія важныя услуги, онъ не помнить, что вы дълали для него, а знаеть только, что должень вась топить. Чёмъ онъ дъйствуеть для вась вреднёе, тёмъ онъ съ вами любезнёе. Глядя на подобныя явленія со стороны, нельзя не сознаться, что нуженъ немалый запась философіи, чтобы не сдълаться мизантропомъ. Убъждаясь въ томъ, что существо, для котораго зло становится необходимою потребностію его природы, есть царедворецъ, полагаю, что здравомысліе внушаеть намъ избъгать тѣхъ условій жизни, при копхъ развивается несчастное и непредолимое расположеніе къ злу, о коемъ мы говоримъ, слъд., избъгать жизни при дворъ.

20-го-21-го Іюня. Очень лестно носить на себъ знаки благосилонности Государя и его семейства и пользоваться добрымъ ихъ расположевіемъ. Подобныя отношенія важны тімъ, что часто можно оказать пользу, выручая ближняго изъ бъды, или защитивъ его отъ нападковъ недоброжелательства и влеветы. Обязанность дица, близкаго въ Государю и пользующагося его довъренностью, доводить до него истину. Въ виду подобнаго блага не трудно решиться на многіе пожертвованія. Иногда благонамфренное предостереженіе или слово правды будуть приняты съ нъкоторымъ неудовольствіемъ, или даже съ раздраженіемъ. Ревность къ добру не должна отъ того ослабъвать, и сознание исполняемой обязанности послужить достаточнымь вознагражденіемъ. При томъ мысль, что мало людей, которые изъ любви къ истинъ готовы выслушивать противоръчія и измънять свой образъ мыслей, должна вызывать съ нашей стороны снисхождение и благодушие. Не надо принимать къ сердцу перемъны расположенія къ намъ высокихъ лицъ, если, по строгомъ съ нашей стороны изследовани, окажется, что совъсть наша чиста: облако, можеть быть, разсвется, и прежнія отношенія возстановятся. Если же діло приметь иной обороть, тогда безъ шума и скромно удалиться. Несовивстно было бы съ достоинствомъ человъка ставить свое спокойствіе въ зависимость отъ болье или менье благосклонной улыбки. Часто и безъ того неудачи и несчастія жизни помрачають ясность нашего ума, чтобы мы еще создавали бы себъ произвольно какія-то искусственныя скорби. Важные предметы требують нашего вниманія; особенно должны мы заботиться о нашемъ спасеніи, а эта забота нуждается во всей ясности нашего ума, во всемъ ненарушимомъ спокойствіи его.

1859-й годъ.

1 Января. Наступиль годъ. Что онъ принесеть Россіи, это тайна Божія. Нашель онь наше отечество въ передёлё. Съ предоставленіемъ свободы слова писателямъ, въ большемъ размъръ противъ прежняго, литература измінила свой характерь и какь будто бы съ облакь спустилась на землю: прежде она жила болъе жизнію отвлеченной, идеальною и поэтическою, а ныив она совершенно перенеслась въ міръ дъйствительный; она сдъдалась органомъ потребностей общества и народа. Нельзя отрицать пользы, приносимой въ наше время литературой: она вырабатываеть многіе общественные вопросы, продиваеть на нихъ свътъ, облегчаеть ихъ ръшение и, конечно, споспъществуетъ развитію вещественнаго благосостоянія общества. Но устройство однихъ матеріальныхъ интересовъ жизни не удовлетворяеть высокимъ потребностямъ человъка. Онъ чувствуетъ необходимость питать въ себъ чувство религіозное и посредствомъ этого святаго звена быть въ сношеніи съ Божественнымъ началомъ своей души. Въ этомъ чистомъ источникъ онъ черпаеть тъ благородные порывы, тъ святыя стремленія, то направленіе къ прекрасному, которыя все болье и болье возвышають его природу. Безъ такого живительнаго пособія подвигь жизни быль бы невыносимо тяжелъ, и одна въра даетъ намъ силы къ перенесенію трудностей пути, покрытаго терніемъ.

З Января. Превозношеніе однихъ вещественныхъ интересовъ и совершенное забвеніе духовнаго развитія будутъ имѣть окончательнымъ результатомъ торжество силы матеріальной, униженіе природы человѣка и ниспаденіе его на степень животныхъ. Дѣйствительно, нельзя не сѣтовать на успѣхи роскоши и на стремленіе общее къ веселію, къ чувственнымъ удовольствіямъ. Замѣчено было, что обиліе поваренныхъ книгъ въ литературѣ доказываетъ запоздалость народа въ образованіи. У насъ высшій классъ считается болѣе просвѣщеннымъ прочихъ, и нигдѣ между прочимъ не цѣнятся такъ всѣ утопченности гастрономіи, какъ въ этомъ классѣ. Нерѣдко слышимъ изъ среды его людей, которые не стыдятся объявлять во всеуслышаніе, что хорошій обѣдъ есть одно изъ главныхъ условій (для многихъ самое главное) счастія жизни. Всѣмъ извѣстно, что одинъ нашъ государственный человѣкъ, не смотря на множество занятій, находилъ возможность совѣщаться съ своимъ кухоннымъ художникомъ иногда полтора и два часа;

а сколько времени проходить въ нашихъ гостинныхъ въ подробномъ разборъ объдовъ и поваровъ *)!

Une personne d'esprit, qui arrive de l'étranger, a recueilli des renseignements des opinions, concernant des réformes entreprises ou en train de s'accomplir chez nous. Ainsi en Angleterre, dans la société aristocratique, on paraît ne rien comprendre à la manière dont on veut procéder chez nous à l'émancipation: on la qualifie d'insensée. It is foolish, disent les Anglais qui maintiennent que la propriété est la base de la société et, par conséquent, là où on fait des tentatives pour l'ébranler, il y a peril, surtout quand ces tentatives émanent du gouvernement. En France le comte Morny observait, qu'après les révolutions traversées par son pays, le gouvernement est toujours sur le-qui-vive pour combattre les socialistes et leurs utopies irréalisables. En Russie, au contraire, le gouvernement prend l'initiative pour déplacer forcément la propriété et de cette manière évoque de grands dangers. Quand on songe, poursuivait le même personnage, qu'au moment où des troubles venaient ébranler notre sol, nous tournions nos regards avec confiance vers ce puissant empire, pensant que c'est de là que nous pouvions nous attendre une influence salutaire, une force bienfaisante etc. Désormais cela ne sera plus le cas, et la Russie va perdre beaucoup de sa force.

M-r de Pourtalès, ministro de presse à Paris, homme d'état éminent, de retour d'une course qu'il avait fait à Kissingen, où se trouvait l'Impératrice de Russie, en rapporta une opinion des plus favorables, ne tarissant pas en éloges sur l'attitude de cette souveraine, son air de dignité, l'intérêt qu'offre sa conversation et ses autres qualités; et cette impression, ajoutait le comte, ne m'était pas personnelle: elle était générale.**).

Въ педатахъ Англійского клоба (Народныхъ засёданій проба)
 Опегинъ, въ думы погруженъ,
 О кашё слышитъ важный споръ.
 Это писано три четверти вёка назадъ. П. Б.

^{**)} Одинъ умный человъть возвратился изъ чужихъ красвъ, гдъ опъ собираль свъдъни о томъ, что думаютъ о преобразованияхъ, предпринятыхъ у изсъ или приготовляемыхъ къ введению. Въ Англии, въ аристократическомъ обществъ, повидимому, вовсе не понимаютъ приемовъ нашего раскръпощения и обзываютъ ихъ безумными. Это безумно, говорятъ Англичане, утверждающие, что собственность служитъ основаниемъ обществу, и, слъдовательно, предстоитъ опасность тамъ, гдъ пытаются поколебать ее, особливо когда таки попытки исходятъ отъ правительства. Во Франции графъ Морни замътилъ, что послъ переворотовъ, пережитыхъ его родиною, правительство постоянно не въ силахъ бороться противъ соціалистовъ съ ихъ неосуществимыми утопіями. Въ Россіи же само правительство начинаетъ насильственно перемѣщать собственность и тъмъ самымъ идетъ на-

С.-Петербургъ, 25 Денабря 1859.

Теперь настала важная минута. Должна разръшиться задача о надълъ крестьянъ землею, что можеть быть или безъ ущерба для дворянъ, или съ совершенною для нихъ потерею. Число людей благона-мъренныхъ, желающихъ, чтобы перемъна совершилась безобидно для объихъ сторонъ, и во главъ которыхъ стоятъ князья Паскевичъ и Воронцовъ и графъ Шуваловъ, получило наименованіе олигарховъ. Странное примъненіе! Россія не Венеція: у насъ нътъ аристократической республики, и слъд. такое названіе не имъетъ никакого основанія. Лица, принадлежащія къ противному мнънію, подъ личиною крестьянскаго вопроса, таятъ въ умъ своемъ иные замыслы. Они получили преобладающее вліяціе въ высшей сферъ правленія, и опасаются, чтобы крестьянскій вопросъ не получиль ръшенія въ ихъ смыслъ.

Впрочемъ они не всегда скрывають свои мысли. Недавно одинъ изъ нихъ, кн. Ч., пользующійся особенно благосклоннымъ расположеніемъ С. П. Елены Павловны, сказаль съ удовольствіемъ, что черезъ три года ничего не останется на своемъ мъсть. Непонятно, какъ пять или шесть человъкъ, не принимавшихъ никакого участія въ ділахъ общественныхъ, при совершенномъ отсутствін ясныхъ понятій о важныхъ предметахъ, которые ныив разбираются, могли заслужить такое довъріе. Нъкоторые изъ сихъ людей проникли въ семейство императорское, легкій имъють туда доступь и свободно говорять о настоящемъ вопросв. Не только не пользуются симъ преимуществомъ тв, кои не разделяють ихъ мавнія, но съ ними постоянно уклоняются оть всякаго разговора о семъ предметв. Подобное расположение можеть только вести къ одностороннему сужденію о дёлё, требующемъ, напротивъ, для полнаго успъха самаго всесторонняго и обстоятельнаго разсмотрънія. Представители такихъ важныхъ интересовъ не находять пути, чтобы довести свои мижнія до высшаго правительства, что имжеть два важныя неудобства: неизбъжное ръшение вопроса неправильнымъ образомъ и несоблюдение справедливости относительно людей, которыхъ право собственности подвергнется явному нарушенію.

встръчу великивъ опасностямъ. Помышля о смутахъ, всколебавшихъ подъ нами почву, продолжалъ графъ Морни, мы съ довърјемъ обращали взоры на эту могущественную имперію и отъ нея могли ожидать себъ спасительнаго воздъйствія, благотворной силы и пр. Отнынъ втого не будетъ, и Россія утратитъ много своей силы.—Г. Пурталесъ, министръ печати въ Парижъ, государственный выдвющійся человъкъ, верпувшись изъ поъздки въ Киссингенъ, гдъ жила Русская императрица, составилъ себъ наилучшее о ней понятіе и неистощимъ въ похвалахъ этой государынъ, ен полному достоинства обращенію, запимательности бесъдъ съ нею, и это впечатлъніе, прибавлялъ онъ, производила она не на меня только, а на всъхъ вообще.

С.-Петербургъ, 27 Декабря 1859.

Прівздъ новаго фельдмаршала князя Барятинскаго произвелъ сильное впечатлівніе. Желая изъявить Государю свою признательность, князь котівль на парадів соскочить съ лошади, броситься въ ноги Императору и обнять его колівна. Ему отговорили это. Тогда, выйхавъ на парадь, онъ поціловаль руку у Государя и не такъ, какъ обыкновенно ділается, т. е. показавъ только знакомъ наміреніе, а дійствительно исполниль это на самомъ ділів. При самомъ появленіи героя Кавказа, Царь провозгласиль ура! воторое было повторено солдатами. Послів завтра военнымъ назначено представленіе къ фельдмаршалу, который вовсе не ослівплень своимъ титуломъ, носить его съ достоинствомъ и какъ должную ему награду.

Сегодня на объдъ у в. к. Елены Павловны, гдъ находились Императоръ, Императрица, Великіе Князья съ супругами, были князь Барятинскій, Долгоруковъ и Горчаковъ и оберъ-камергеръ Рибопьеръ. Замъчательно, что *** подошла послъ объда къ одному сановнику и сказала ему: «Вы нашъ истинный другъ, всегда полезный своимъ совътомъ, а всв эти Головнины и другіе, окружающіе Великаго Князя, красные и кром'я вреда ничего не дълають. > Говорять, что Императоръ озабоченъ положеніемъ к. Горчакова, намістника Варшавскаго, думая, не оскорбился ли онъ назначеніемъ князя Барятинскаго. Послъдній получиль фельдмаршалскій жезль за усмиреніе враждебнаго края, и неужели удостоить той же награды другого, только по старшинству? Приверженцы князя Горчакова указывають на Крымъ, который онъ спасъ; но трудно дать фельдмаршальскій титуль за то, что, командуя армією, главнокомандующій не потеряль области.-Вь Костромь, Орлъ и еще въ двухъ губерніяхъ, выборы совершились и кончены благополучно. Что же касается до Твери, Ярославля и Рязани, чиновники, избранные на 6 леть, будуть еще 3 года исправлять свою должность, а на мъсто неизбранныхъ поступять кандидаты. Настоящій случай предвидень въ Своде и съ точностью определень статьями его, такъ что всякое затрудненіе, которое въ начал'в подагади непреододимымъ, дегко можеть быть отклонено.

С.-Петербургъ, 29 Декабря 1859.

Орловское дворянство, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ высочайшее повельніе, не допустившее сужденіе о крестьянскомъ дъль на выборахъ, вполнъ сообразовалось съ нимъ и произвело выборы, о чемъ объясняеть въ адресъ, говоря въ заключеніе, что недостатокъ довърія со стороны Государя глубоко огорчилъ дворянство. Нижегородскій предводитель привезъ адресъ слишкомъ сильный и не ръшился подать его. Онъ составилъ небольшую записку, которую извлекъ изъ здреса, присовокупя, что въ ней заключается вся сущность дела. Ему отвъчали, что можеть не подавать адреса, ибо записка совершенно достаточна. Въ Москвъ занимаются преобразованіемъ полиція, у которой, слъдуя мысли графа С. Г. Строганова, отнимають следственную часть, предоставлян ее чиновникамъ военнаго генералъ губернатора. Послъдніе представляють болбе ручательства въ правственномъ отношенія, почему перемвна будеть полезна, если только произволь генераль-губернатора не употребить ся во здо. Измъняють также учреждение Лумы, при которой устроивають словесный судь для разбора дёль мастеровыхъ и ремесленниковъ. Таковой судъ уже существуеть при IIeтербурской думъ и дъйствуетъ успъшно. Люди неблагонамъренные стараются внушить Государю митніе, неблагопріятное дворянству, и трудно не достигнуть цели, когда клеветы и нападки повторяются непрестанно. Если нападають на дворянство за то, что оно не охотно уступаеть землю крестьянамъ, то, списходя къ слабости человъческой, легко понять, что никогда человъкъ не передаетъ добровольно правъ своихъ другому съ готовностію и удовольствіемъ. Въ настоящемъ случав онъ долженъ отказаться отъ правъ своихъ вынужденнымъ образомъ.

По прівздв фельдмаршала князя Барятинскаго, его посвтиль в. к. Наслівдникь. Въ это же время прібхаль военный министръ и требоваль, чтобы о немъ доложили. Дежурный адыотанть не рішался, но министръ настояль. Когда сказали князю, указывая на Наслідника, онъ сказаль адыотанту: «Развів вы не знаете, что теперь не докладывають ни о комъ?» Министръ должень быль ждать около получаса и такъ этимъ разстроился, что чувствуя себя дурно, увхаль домой. Впрочемъ вчера уже онъ могь представлять военныхъ фельдмаршалу.

S.t Pétersbourg, 30 déc. 1859.

Le bal masqué de * * * était animé. Le prince G. dit que les mistifications ne lui ont pas manqué. Un masque l'apostropha en disant: «noble et digne vieillard,» à quoi il lui fit répondre qu'une pareille dénomination entraînait des sermons, ce qui ne serait pas gai. Un autre masque vint dire à l'Impératrice que le pr. Gortchakow en voulait aux veuves. Il paraît, repondit S. M., que vous n'êtes pas une veuve et que pourtant vous auriez voulu accaparer de lui. On sait que * * * tripote dans la question de l'émancipation et de tout ce qui concerne les autres réformes, qui sont à l'ordre du jour. Elle s'entourne des gens avancés, en loge un dans son palais et court après la vaine gloriole de la presse étrangère. Le pr. Orlow avertit le Maître de ce qui s'y passait et le contait en ses termes: Je déteste tout ce qui se fait

dans cette maison. Un autre personnage en parla à * * * qui, pour se justifier disait: Mes intentions sont pures et bonnes, mais les apparences peuvent être contre moi. On lui repondit: Dans toute position et surtout dans la vôtre, il faut que les apparences soyent aussi observées. On a remarqué que l'Empereur ne s'était pas prêté aux mystifications et qu'il n'était pas de bonne humeur. Peut-être qu'après la conversation du pr. Orlow, il était mécontent de se trouver dans un lieu, où se tramaient de pareilles machinations. On veux profiter du séjour ici du maréchal pr. Bariatinsky, pour éclairer l'Empereur sur la position du pays et de ses rapports à lui avec la noblesse. Ce serait heureux si on parvenait à faire tomber cet échaffaudage de manvaises insinuations et de calomnies, qui ont fanssé bien des idées et envénimé bien des sentiments.- On a fait beaucoup de bruit de 50.000 arpens de terre concédes au comte A. Gouriew. Le fait a été rapporté d'une manière inexacte. Le propriétaire de grandes bergeries n'avait pas une quantité suffisante de terrains pour ses brébis, et comme les terres des domaines touchent aux siennes, il a demandé à les louer, ce que lui a été accordé sur la présentation du ministre des domaines par l'Empereur à raison de 6 r. arg. l'arpent pour 25 années. Le fait est tout naturel, et il n'y a que la légéreté, pour ne pas supposer autre chose, qui a pu le défigurer, en le représentant comme un manque de désintéressement ou un acte d'avidité. L'attitude honorable et pleine de dignité et de noblesse du comte Gouriew pendant une longue carrière aurait pourtant du le mettre à l'abri de pareilles inculpations *.

^{*)} На маскарадт у *** было вссело. Ки. Г(орчакова) говоритъ, что его также пе оставили въ поков. Одна маска, обратилась къ нему со словами: "благородный и достопочтенный старсцъ", на что онъ отвъчалъ, что посяв подобныхъ наименованій следуетъ ждать ръчи, а это было бы скучно. Друган маска сказала Императрицъ, что ки. Горчаковъ не жалустъ вдовъ. Повидимому, отвъчала Императрица, вы не вдова, а всетаки ванъ бы хотвлось овладать имъ. Известно что *** изшается нъ дело объ освобождени и во все касающееся современныхъ преобразованій. Ова окружаетъ себя передовыми людьми, помыстиль одного изъ нихъ у себя и сустно добинастся, чтобы се прославляли въ ивостранной печати. Докладывая о томъ Государю, ки. Орлокъ выразился такъ: Я терпъть не могу того, что происходить въ этомъ домъ. Другое лицо передало о томъ ***, и она въ оправдание свое говорила: "Намърения мон чисты и хоронии, но видимость можеть быть противъ меня". Ей отвічали: "Во всикомъ положеніи, и особенно въ вашемъ, необходимо, чтобы и видимость не соблазнила". Замътили, что Государь избъталь маскарадныхъ разговоровъ и быль не въ духъ. Можеть быть, послъ разговора съ ки. Орловымь, онь быль недоволень, твиъ, что находился въ такомъ мъсть, гдв действують такъ непримо. Пребываніемъ здась ки. Баритинского думають воспользоваться чтобъ равъясвить Госудирю положение страны и личныя его отношения въ дворянству. Было бы счастіємъ, если бы удалось разорвать съть дурныхъ внушеній и клеветъ, исказившихъ многін поцятія и озлобившихъ многія сердца. — Отдача графу А. Гурьсву 50 тысячь вемли произвела немало шуму. Дело выставлено въ неверномъ свете. Владельцу огромнаго скотоводства недоставало пастбища для его овецъ, и онъ попросилъ себъ въ наемъ со-

С.-Петербургъ, 81 Декабря 1859.

Годъ кончился при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Поднято много вопросовъ, и ни одинъ не разръшенъ. Между тъмъ дворянство, и безъ того обремененное долгами, ожидаетъ тяжелыхъ дней и разоренія; крестьяне, имъя въ виду свободу, которой значеніе многихъ изъ нихъ смъшивають съ своеволіемъ, уже теперь неохотно работають и уклоняются отъ труда; опнансы въ крайнемъ разстройствъ, звонкая монета исчезла изъ обращенія, и отсутствіе ея затрудняеть обороты; печать, хотя и оказываеть услуги распространеніемъ полезныхъ свъдвній, но вивств съ темъ, обнаруживая наши язвы и обличая недостатки, производить неудовольствіе однихъ сословій противъ другихъ, и всвиъ противъ правительства, отъ котораго до сихъ поръ все истекало; превозносить самоуправление (self-gouvernement) и начала представительного правительства и старается всевозможными средствами потрясти въ основании и разрушить центральность. При такомъ расположенім народа и при распространенім такого ученія, пропов'ядуемыя начала легко усвоиваются большинствомъ читателей. Когда же эти понятія, безъ строгой повірки, укоренятся и перейдуть въ убіжденія или, какъ нын'в выражаются, въ шлоть и кровь, тогда за настоящими перемънами послъдують другія, болье важныя. Полезны-ли эти преобразованія будуть для Россіи и согласны лись условівми, въ которыхъ находится наше отечество? Утвердительно никто отвъчать не можеть. Кажется, при обширности Имперіи твердая центральная власть пеобходима, и притомъ никто спорить не станеть, что, при всёхъ нашихъ язвахъ и безпорядкахъ, у насъ, при томъ устройствъ, при которомъ доселъ жила Россія, совершено было немало великаго и прекраснаго. Безъ сомнънія контроль честный всегда полезенъ; но какое ручательство въ его честности и въ томъ, что не будутъ употреблены всв возможныя средства, чтобы действовать на людей, обращаясь къ ихъ корысти и честолюбію, какъ поступали во Франціи при Лудвигъ УфппипиФ?

съднія удъльныя вемли, что, по докладу министра удъловь, было дозволено ему Государемъ на 25 лътъ, съ платою по 6 р. с. за десятину. Это очень просто, но раздуто легкомысленнымъ предположеніемъ о жадности и наживъ. Граоъ Гурьевъ служитъ долго съ честью и благороднымъ достоинствомъ и потому подобныя обвиненія не должны бы до него касаться.

АЛЕКСЪЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

предисловіе.

Трудность исторической оцёнки умственнаго дёнтеля.—Необходимость исторической перспективы при такой оцёнке.—Особенность дёнтельности Хомякова.—Отношеніе кънему и къ его сторонникамъ двухъ господствующихъ общественныхъ партій.—Необходимость правильной оцёнки славянофильства.—Задача предлагаемаго труда.—Его планъ—Цёль ввтора.

Оприка исторического дратели трмъ легче для современниковъ и потомства, чемъ резче очерченъ кругъ его деятельности и чемъ доступнъе область ел пониманію большинства. Законодатель и полководецъ будуть поняты раньше, чемъ художникъ и мыслитель; потому что трудъ последнихъ, хотя быть можеть болъе глубокій и плодотворный, не отражается такъ непосредственно на вившней жизни народа, не затрогиваеть тотчасъ ея ежедневнаго теченія. Чёмъ выше и духовите работа, чёмъ шире захватъ ея, чёмъ меньше даетъ она готовыхъ выводовъ для немедленнаго примъненія, тімь чаще работникь остается незаміченнымь и неоціненнымь. Трудъ мысли и духа, борьба ученія и слова не поддаются тому легкому, поверхностному воспріятію, которое тотчась доступно всякому. Часто человъкъ успъваетъ сойти въ могилу прежде, чъмъ поймуть его; а неръдко и надъ могилою его нескоро наступаеть правдиван и безпристрастная опънка. II какъ тому, кто стоита видоть воздъ высокой башни, видны дишь камни ея основанія, и ему нужно отойти въ даль, чтобы разглядъть ея истинные размвры и красоту: такъ и въ области духа мы часто не разумвемъ значенія историческаго лица, потому что стоимъ къ нему еще слишкомъ близко. Нужно намъ удалиться отъ него ходомъ времени, нужно ему отойти для васъ въ историческую даль, чтобы намъ стало возможно върное его пониманіе.

Таковъ быль человъкь, изображение жизни и трудовъ котораго посвящено нижеслъдующее. И не потому говоримъ мы это, приступая къ разсказу о немъ, что такимъ голословнымъ суждениемъ думаемъ напередъ возвысить его во мивнии читателя: подобный приемъ умъстенъ развъ въ надгробномъ словъ, а не въ историческомъ жизнеописании; да къ человъку этому и не идутъ такие искусственные приемы возвеличения. Цъль наша иная: мы желали бы по возможности выяснить поводъ къ появлению нашего труда, его происхождение и задачу.

111, 22.

русскій архивъ 1896.

Алексъй Степановичъ Хомяковъ прожилъ немало (пятьдесятъ пестъ лътъ) и во вторую половину своей жизни принималъ такое замътное участіе въ умственной жизни своего времени, котораго и противники его воззрѣній никогда не отрицали. Но онъ не только пикогда не выступалъ на поприще дѣятельности практической, а и въ научныхъ и печатныхъ своихъ трудахъ затрогивалъ главнымъ образомъ вопросы свойства духовнаго, вѣчнаго, лишь изрѣдка касаясь текупцихъ житейскихъ дѣлъ. Поэтому естественно, что дѣятельность его была недостаточно оцѣнена при жизни и медленно находитъ оцѣнку по смерти. Но этого мало. Этимъ объяснялось бы столь позднее появленіе перваго опыта его біографіи, и въ такомъ положеніи находится не онъ одинъ, а, къ сожалѣнію, и многіе другіе крупные Русскіе дѣятели. Есть иная причина, замедляющая безпристрастную оцѣнку Хомякова, причина, дѣйствовавшая по отношенію къ нему болѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было.

Хомякова и немногихъ близкихъ къ нему по убъжденіямъ людей (частью сверстниковъ, частью учениковъ) литературные ихъ противники назвали Славянофилами. Имя это, данное отчасти въ насмъщку, утвердилось за ними. Люди мало знакомые съ дъломъ думали и думаютъ, что, согласно съ прозвищемъ, вся сутъ славянофильства въ сочувствіи съ зарубежными Славянами, въ панславизмъ; болье освъдомленные считали и считаютъ основнымъ догматомъ Славянофиловъ обособленіе Русской народности (націонализмъ); лишь сравнительно немногіе, читавшіе сочиненія Хомякова и другихъ, знаютъ, что проповъдь народнаго самосознанія была у Славянофиловъ, и въ особенности у Хомякова, выводомъ изъ цълой совокупности религіозныхъ убъжденій и историческихъ воззрѣній.

При жизни старыхъ Славянофиловъ (Кирвевскихъ, Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ) имъ противуполагались Западники. Теперь, черезъ полвъка бослъ спора этихъ двухъ направленій мысли, мы видимъ въ нашемъ ученомъ литературномъ и общественномъ мір'ї опить два господствующихъ направленія, называемыя обыкновенно либеральнымъ и консервативнымъ. Принято представителей перваго считать преемниками Западниковъ, защитниковъ втораго – наследниками Славянофиловъ. Не будемъ останавливаться на вопрось о преемствъ западно-либерального направленія; въ этомъ вопрост объ стороны довольно согласны. Совершенно иначе представляется теперешній взглядь на славянофильство. Впродолженіе наскольких десятковъ лъть многіе вожди такъ называемаго консервативнаго направленія находили удобнымъ для себя пріурочивать проводимые ими взгляды ко ваглядамъ Славянофильскимъ, върпъе-пользоваться Славянофильскою термипологією. Такое стремленіе было настолько сильно, что противники ихъ, теперешніе либералы, и на славянофильство стали смотрівть тіми глазами, какими смотрять они на современный публицистическій консерватизмъ. Съ другой стороны, сами консерваторы никогда не переставали нъсколько сторониться Славянофиловъ, коихъ оружіемъ они зачастую пользовались, въ

тайнъ считая ихъ тоже либералами, только другаго сорта, чуть ли не еще болве опаснаго... Такимъ образомъ истинное славянофильство было и осталось равно въ недовъріи и подозржніи у обжихъ, такъ сказать, оффиціально признаваемыхъ литературно-общественныхъ партій. Такое положеніе кажется на первый взглядъ страннымъ, а между твиъ объяснение его очень просто. Дъло въ томъ, что объ эти такъ называемыя наши партіи, либералы и консерваторы, въ сущности въ одинаковой мере Западники, то есть люди переносящіе на Русскую почву западноевропейскія понятія о консерватизм'в и либерализмъ. Поэтому они и не могуть иначе относиться къ славянофильству, которое конечно не подходить ни подъ одну изъ двухъ ходячихъ мърокъ; ибо сущность его заключается не въ той или иной политической доктринв, а въ признаніи за Русскимъ народомъ, какъ выразителемъ цёлаго Православно-Славянского міра, своихъ исконныхъ началъ, отличныхъ отъ началъ западныхъ и часто даже имъ противуположныхъ. Поэтому консерваторы и либералы, хотя и враждують, но понимають другь друга; Славянофиловъ же ни тв, ни другіе никогда не понимали вполев, такъ какъ судили о нихъ по признакамъ чисто-вившнимъ, а не по основнымъ началамъ ихъ воззрвній, которыхь не могли или не хотели разглядеть. Проверить это легко хотя бы уже на томъ, что по однимъ общественнымъ вопросамъ Славянофиловъ причисляли къ лагерю консервативному, по другимъ-къ либеральному. Пусть такое причисление было чисто-вившнее, случайное, несогласное со смысломъ двятельности отдёльныхъ Славянофиловъ въ томъ или другомъ дълъ: оно все же бывало, а толиа и не судитъ ни о чемъ иначе какъ по вившности. И такое недоразумвніе прододжалось не годь, не два, а цвлыхъ пятьдесять лёть.

Но всякому недоразумѣнію когда нибудь приходить конецъ. Настала пора опредълить мѣсто славянофильства въ исторіи развитія Русскаго просвѣщенія и, сведя итогъ оставленному имъ наслѣдству, сличить это наслѣдство съ тѣмъ, что теперь иногда выдается за Славянофильское ученіе или что порицается какъ таковое. Попытки такой критической работы начинають появляться въ литературѣ обоихъ лагерей.

Составитель предлагаемой статьи далекъ отъ мысли дать точный и окончательный отвъть на столь широко поставленный вопрось: онъ даеть лишь свой опыть его посильнаго ръшенія извъстнымъ способомъ и въ извъстныхъ границахъ. Статья этэ—не исторія славянофильства и не изложеніе Славянофильскаго ученія: это біографія Хомякова и изложеніе его сочиненій. Характеристики и изложеніе воззръній близкихъ къ Хомякову людей введены въ нее лишь постольку, поскольку связь съ ними служить къ уясненію его личности и ученія. Сообразно со своею задачею, статья раздълена на двъ части: въ первой разсказана жизнь Хомякова, во второй изложено его ученіе. Въ заключеніи авторъ излагаетъ свои личные взгляды на значеніе Хомякова и его дъла. Цёль такого дъленія слъдующая. Никакое мнѣніе не обезпечено оть ошибокъ, тъмъ менѣе мнѣніе ученика (ибо біографъ и не думаетъ скры-

вать такого своего отношенія къ мыслителю, коего ученіе онъ излагаеть). Поэтому онъ не рѣшается назвать свое изслѣдованіе критикою. Но и вѣрное само въ себѣ мнѣніе можетъ возбудить споръ; а такъ какъ главнѣйшая цѣль нашего труда—изображеніе, а не истолкованіе, то мы и желади бы поставить самое это изображеніе внѣ спора, не примѣшивая къ нему нашихъ личныхъ мнѣній. Иначе: мы хотимъ изобразить Хомякова такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ, можетъ быть, кажется намъ. Конечно, никакой изслѣдователь не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ собственной личности; но онъ обязанъ сдѣлать это по мѣрѣ силъ. Вотъ почему мы и отдѣлили, поскольку это было возможно, объективную часть нашего труда отъ субъективной.

Предлагая разсказъ о жизни Хомякова и изложение его сочинений, мы на основании того и другаго излагаемъ затъмъ нашъ взглядъ на него, какъ всякій другой, предоставляя читателю провърить этотъ взглядъ или составить свой собственный. Кто-то изъ западническааго лагеря сказалъ разъ автору: "Настоящій Хомяковъ утраченъ, есть теперь Хомяковъ Аксаковскій, Самаринскій, Юрьевскій, Кошелевскій. Какой изъ нихъ ближе къ подлиннику, мы не знаемъ, а потому и судить о подлинномъ не беремся." Въ этомъ замъчаніи, конечно, много преувеличенія, но есть и доля правды. Цёль настоящаго труда возстановить, по возможности образъ подлиннаго Хомякова.

Цёль эта—не полемическая. Невозможность містами вполні избіжать полемическаго оттінка была очень тяжела для автора, и онъ приложиль всів свои старанія къ тому, чтобы уменьшить въ своемъ сочиненіи элементь личнаго спора. Споръ противуположныхъ направленій мысли ведеть къ выясненію истины; споръ личныхъ самолюбій и счетовъ только затемняєть ее. Спокойно и твердо высказанное мийніе не должно быть принимаемо за вызовъ. Одинъ вызовъ желателенъ во имя истины: вызовъ на разъясненіе всего неяснаго, на дружную, совмітствую работу мысли и слова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ А. С. ХОМЯКОВА.

1.

Происхожденіе, дътство и перван молодость.

Въ половинъ XVIII въка жилъ подъ Тулою помъщикъ Кириллъ Ивановичъ Хомяковъ. Скоронивъ жену и единственную дочь, онъ подъ старость остался одинокимъ владельцемъ больщаго состоянія: кроме села Боучарова съ деревнями въ Тульскомъ убздъ были у Кирилла Ивановича еще имънія въ Рязанской губернія и домъ въ Петербургъ. Все это родовое богатство должно было послъ него пойти невъдомо куда; и вотъ старикъ сталъ думать, кого бы наградить имъ. Не хотълось ему, чтобы вотчины его вышли изъ Хомяковскаго рода; не хотвлось и крестьянъ своихъ оставить во власть плохого человъка. И собралъ Кириллъ Ивановичъ въ Боучаровъ мірскую сходку и отдалъ крестьянамъ на ихъ волю-выбрать себъ помъщика, какого хотять, только бы быль онъ изъ рода Хомяковыхъ, а кого избереть міръ, тому онъ объщаль отказать по себъ всъ деревни. И вотъ крестьяне послали ходаковъ по ближнимъ и дальнимъ мъстамъ, на какія указалъ имъ Кириллъ Ивановичъ-искать достойнаго Хомякова. Когда вернулись ходаки, то опять собрадась сходка, и общимъ совътомъ выбради двоюроднаго племянника своего барина, молодого сержанта гвардіи Өедора Степановича Хомякова, человъка очень небогатаго. Кириллъ Ивановичъ пригласилъ его къ себъ и, узнавъ поближе, увидалъ, что правъ былъ мірской выборъ, что нареченный наследникъ его добрый и разумный человъкъ. Тогда старикъ завъщалъ ему все имъніе и вскоръ скончадся, вполнъ спокойнымъ, что крестьяне его остаются въ върныхъ рукахъ. Такъ скромный молодой помъщикъ сталъ владъльцемъ большаго состоянія. Скоро молва о его домовитости и о порядкъ, въ который привель онъ свои имънія, распространилась по всей губерніи. Стали разсказывать, что въ кладовыхъ у него хранятся цълые сундуки съ серебромъ и золотомъ. Когда въ 1787 году императрица Екатерина провзжала черезъ Тулу и совътовала дворянству открыть банкъ, то дворяне отвъчали ей: «Намъ не нужно, матушка, банка; у насъ есть Өедоръ Степановичъ Хомяковъ. Онъ даетъ намъ денегъ въ заемъ, отбираетъ къ себъ во временное владъніе разстроенныя имънія, устраиваетъ ихъ и потомъ возвращаетъ назадъ».

Таковъ быль излюбленный крестьянами Боучаровскій владълець.

Сохраненное и увеличенное Өедоромъ Степановичемъ состояніе досталось его единственному сыну Александру, жепатому на Настасьъ Ивановнъ Грибоъдовой *). Сынъ не походилъ на отца. Разгульный, необузданный въ своихъ увлеченіяхъ, не имъя нужды стъснять себя нъ чемъ бы то ни было, онъ весь отдался страсти къ пирамъ и охотъ. Каждую осень около 1-го Сентября выъзжалъ онъ изъ Боучарова и проводилъ въ отъъзжемъ полъ цълый мъсяцъ, кончая походъ Смоленскимъ своимъ имъніемъ Липицами, полученнымъ имъ въ приданое за женою. Слъдствіемъ такой жизни было то, что сынъ его Степанъ унаслёдовалъ разстроенныя дъла и долги.

Степанъ Александровичъ Хомяковъ былъ человъкъ очень добрый, образованный и принимавшій живое участіе въ литературной и умственной жизни своего времени, но не только не дѣловитый, а и безпорядочный по природъ, въ добавокъ страстный игрокъ. Выйдя въ отставку поручикомъ гвардіи, онъ женился на Марьъ Алексѣевнъ Киреевской, небогатой и немолодой уже, но еще очень красивой дѣвушкъ. Живя въ Москвъ, онъ проигралъ въ Англійскомъ клубъ болѣе милліона, чѣмъ окончательно запуталъ и безъ того уже плохія дѣла свои. Тогда Марья Алексѣевна сама взялась за хозяйство и, благодаря своей рѣдкой настойчивости, успѣла заплатить долги мужа. Чтобы сохранить дѣтямъ состояніе, она, съ согласія Степана Александровича, перевела всѣ имѣнія на свое имя.

Съ тъхъ поръ мужъ и жена жили врозь, видаясь изръдка: Марья Алексъевна съ дътьми въ Боучаровъ и въ Москвъ, а Степанъ Александровичь въ Липицахъ. Когда онъ заболълъ и послъ нъсколькихъ нервныхъ ударовъ впалъ въ дътство, Марья Алексъевна перевезла его къ себъ и заботливо за нимъ ходила. Вообще это была женщина замъчательная, соединявшая чуткое сердце съ непреклонностью убъжденій и воли, доходившею до суровости и выражавшеюся подчасъ въ очень ръзкихъ поступкахъ. Вотъ что писалъ о ней, много лътъ спустя, ея сынъ, лучше всъхъ ее знавий: «Она была хорошій и благород-

^{*)} Родство ел съ А. С. Гриботдовымъ въ точности неизвъстно.

ный образчикъ въка, который еще не вполнъ оцъненъ во всей его оригинальности, въка Екатерининскаго. Всъ (дучшіе, разумъется) представители этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидътельствовало о силъ неистасканной, неподавленной и самоувъренной. Была какая-та привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, ръдкая въ людяхъ времени позднъйшаго. Матушка имъла широкость нравственную и силу убъжденій духовныхъ, которыя, конечно, не совсъмъ принадлежали тому въку; но она имъла отличительныя черты его, въру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дъло было всегда и частнымъ ея дъломъ *). Она болъла, и сердиласъ, и радовалась за Россію гораздо болъе, чъмъ за себя и своихъ близкихъ».

Степанъ Александровичъ и Марья Александровна жили въ Москвъ на Ордынкъ, въ приходъ Георгія на Вспольъ. Здъсь 1 Мая 1804 года родился у нихъ второй сынъ Алексъй. Кромъ него, дътей было еще двое: старшій на два года сынъ Өедоръ и дочь Анна. Позднъе Хомяковы переъхали въ домъ свой на Петровку, противъ Кузнецкаго моста, а лъто проводили иногда въ Липицахъ, но большею частью въ Боучаровъ. Отсюда, во время нашествія Наполеона, Степанъ Александровичъ съ семьею уъхалъ въ свое Рязанское имъніе, село Круглое, Донковскаго уъзда, гдъ они и прожили зиму 1812—13 гг., въ сосъдствъ близкой своей знакомой Прасковьи Михайловны Толстой, дочери Кутузова, отъ которой могли имъть точныя свъдънія о ходъ военныхъ дъйствій. Въ память благополучнаго избавленія отъ врага Марья Алексъевна дала объть построить въ Кругломъ церковь; объть этотъ быль впослъдствіи исполненъ ея сыномъ.

Перевздъ въ Донковъ и пребываніе тамъ были первыми крупными событіями въ жизни восьмильтняго Алексвя. Хотя онъ своимъ младенческимъ умомъ и не могъ еще обнять всего великаго смысла переживаемой имъ поры, но, развитый не по годамъ, уже долженъ былъ чуять его, а почва для такого чутья въ его душь была готова. Дъти Хомякова росли не такъ какъ большинство дътей тогдашняго зажиточнаго дворянства: вмъсто отчужденія отъ Русской жизни и всего болье отъ Русской старины, они на каждомъ шагу могли видъть живые слъды ея и свъжія преданія. Боучаровскій домъ былъ полонъ этою стариною. Историческія воспоминанія восходили въ немъ не только до

^{*)} Слова эти представляють почти дословный переводь Англійской пословицы; "The public business of England is the private business of every Englishman." Здась, какъ и вездв, сказалось сочувствіе Хомякова съ Англійскою народною мыслью.

Петровскаго времени, но и переходили черезъ глубокій ровъ, прорытый этимъ временемъ въ памяти Русскаго общества. Мальчикъ зналъ, что его предокъ Петръ Семеновичъ Хомяковъ былъ любимымъ подсокольничимъ Алексъя Михайловича, и могъ видъть письма къ нему тишайшаго царя, сохранившіяся въ ихъ домъ. Зналь онъ и еще, пожалуй, слышаль отъ очевидцевъ чудный разсказъ о томъ, какъ его прадъдъ, подобно другому, всенародному избраннику, быль избрань народомъ и издалска призванъ владъть Боучаровымъ, и, конечно, представление о сельскомъ мірѣ, о важности мірскаго приговора не могло не сложиться въ его головъ опредъленные и строже, чымъ у всякаго другаго изъ его сверстниковъ. Та близость къ народу, которую онъ съ дътства привыкъ въ себъ чувствовать, поддерживалась и укръплялась самою крепкою изъ связей — связью веры и церковнаго общенія. Въ домв Хомяковыхъ, подъ непосредственнымъ воздъйствіемъ Марыи Алекстевны, жизнь шла въ чисто-православномъ духъ, со строгимъ соблюденіемъ всъхъ постовъ, обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, что опять таки встръчалось нечасто въ тогдашнемъ верхнемъ словъ Русскаго общества, пропитанномъ всевозможными западными ученіями: и масонствомъ, и деизмомъ и атеизмомъ, всёмъ, но только не православною вёрою. Проводя большую часть своей дътской жизни среди Московскихъ святынь, мальчикъ не могъ не проникнуться настоящимъ старорусскимъ духомъ, и когда изъ своего Рязанскаго убъжища онъ услыхалъ, что Москва, которую онъ такъ любилъ съ тъхъ поръ, какъ себя помнилъ, принесена въ жертву за спасеніе Россіи, могь ли ребеновъ Хомяковъ если не умомъ, то живымъ пониманіемъ сердца не уразумъть того, что творилось вокругъ него?

Такъ всё тё понятія, которыя ему суждено было, возмужавь, выразить въ строгой послёдовательности научнаго изслёдованія и могучимъ взмахомъ творческой мысли объединить въ одно стройное ученіе, всё они живыми образами уже стояли надъ его колыбелью. Подъ воздёйствіемь исключительныхъ условій мёста и времени зарождался будущій мыслитель, а широкое приволье Боучарова и въ особенности Липицъ, съ близостью къ природё, съ знаменитою дёдовскою и отцовскою охотою, воспитывало поэта. Между тёмъ обращено было заботливое вниманіе и на ученіе, и прежде всего на языки, при томъ не на одинъ только Французскій, но и на Нёмецкій, Англійскій и Латинскій. Послёднему училъ братьевъ Хомяковыхъ жившій при нихъ аббать Воічіп. Разъ маленькому Алексёю попалась въ какой-то книгъ папская булла. Онъ нашелъ въ ней опечатку и спросилъ аббата, какъ же онъ считаетъ непогрёшимымъ папу, дёлающаго ошибки въ

правописаніи, за что и быль наказань. Этоть случай наводить на мысль, что въ разговорахь между ученымъ аббатомъ и его воспитанникомъ затрогивались богословскіе вопросы, и что эти разговоры и послужили первымъ толчкомъ, направившимъ умъ будущаго богослова на различіе исповъданій. Что касается порученнаго аббату прямого дъла—преподаванія Латинскаго языка, то онъ выполниль его добросовъстно, и мальчикъ основательно усвоиль себъ этоть языкъ. Изыкъ Греческій онъ въ началь зналь плохо и утвердился въ немъ лишь впослъдствіи, а также познакомился съ Санскритскимъ. Новые же языки Хомяковъ зналь въ совершенствъ.

Въ началъ 1815 года вся семья Степана Александровича поъхали изъ Липицъ въ Петербургъ, потому что Московскій домъ сгорълъ. По дорогъ мальчикъ всюду видълъ лубочные портреты Георгія Чернаго, и въ его пылкомъ воображеніи връзались образъ Сербскаго героя и разсказы о немъ. Въ тоже время онъ и братъ его мечтали, что они вдутъ воевать съ Наполеономъ. Поэтому, когда они услыхали о битвъ при Ватерлоо, то Оедоръ Хомяковъ спросилъ брата: « Съ къмъ же мы теперь будемъ драться?»—«Стану бунтовать Славянъ», отвъчалъ одинадцатилътній Алексъй. Петербургъ показался имъ какимъ-то языческимъ городомъ, и они ждали, что ихъ будуть принуждать перемънить въру; но они твердо ръшились выгерпъть всякія мученія, а не принимать чужаго закона. Нельзя не обратить вниманія на всъ эти мелкія черты въ жизни ребенка: ими въ значительной мъръ объясняется послъдующее направленіе его мыслей.

Въ Петербургъ Хомиковы прожили около двухъ лътъ. Тамъ имъ преподаваль Русскую словесность драматическій писатель Андрей Андреевичь Жандръ, другъ Грибовдова. Взгляды послъдняго, въ то время новые и вполнъ самостоятельные, этимъ путемъ дошли до нихъ и конечно не остались безъ послъдствій. Вчитываясь въ монологи Чацкаго и вспомнивъ то господствующее направленіе общества, которое эти монологи обличаютъ, мы невольно увидимъ нъкоторую связь между протестомъ, выразившимся въ «Горъ отъ ума», и позднъйшимъ Московскимъ направленіемъ, котораго провозвъстникомъ явился Хомяковъ; а если прибавимъ къ этому, что Грибовдовъ относился съ нъкоторымъ сомнъніемъ къ преобразованіямъ Петра Великаго, то связь эта окажется еще тъснъе.

Послѣ Петербурга Хомяковы три года жили по зимамъ въ Москвѣ, при чемъ оба брата оканчивали свое ученье, занимаясь вмѣстѣ съ Дмитріемъ и Алексѣемъ Веневитиновыми подъ руководствомъ жившаго въ ихъ домѣ доктора философіи Андрея Гавриловича Глаголева. Математику преподавалъ имъ профессоръ университета и другъ С. Т. Аксакова Павелъ Степановичъ Щепкинъ, а чтеніе доставляла богатая библіотека Степана Александровича.

Между братьями Веневитиновыми и Хомяковыми установилась на всю жизнь самая тъсная дружба. На сколько успъщно шло ученье, можно судить по тому, что пятнадцатилътній Алексъй Хомяковъ перевель Тацитову «Германію», и что переводь этоть черезь два года быль напечатань въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности». Выборъ предмета указываеть отчасти на направленіе вкусовъ переводчика. Подобное же направленіе можно подмътить и въ его первыхъ стихотворныхъ опытахъ. Началъ онь, повидимому, и туть съ переводовъ изъ Вяргилія и Горація. Оду послъдняго «Гагеця deorum cultor et infrequens», въ которой прославляется божественное всемогущество, онъ перевель два раза, двумя разными размърами.

Первыя самостоятельных произведенія Хомякова ничьмъ не отличаются отъ заурядныхъ стихотвореній другихъ современныхъ ему поэтовъ. Въ баснъ «Совъть звърей» есть намекь на вопросъ о различіи религій, но юный поэть еще не приходить ни къ какому опредъленному заключенію. Около этого времени Хомяковъ началь писать трагедію «Идоменей», которую довелъ только до второго дъйствія. Немного спустя, онъ выдержаль въ Московскомъ Университеть экзаменъ ка степень кандидата математическихъ наукъ.

Въ это самое время въ Гредіи шла борьба за независимость. Хомяковы еще по Петербургу имъли связи съ графомъ Каподистріей, въ Москвъ же у нихъ часто бываль агентъ Филелленовъ Арбе, бывшій ранъе гувернеромъ Оедора и Алексъя. Разсказы Арбе воспламенили его младшаго воспитанника, и тотъ решился бежать, чтобы сражаться за Грековъ и подымать Славянъ. Доставъ себъ съ помощью Арбе фальшивый паспорть, купивъ засапожный ножъ и собравь рублей пятьдесять денегь, онь поздно вечеромь, въ ваточной шинели, ушель изъ дому. Но ему не удалось обмануть бдительность своего дядьки Артемія, уже давно за нимъ наблюдавшаго. Прождавъ возвращенія Алексвя Степановича до полночи и не дождавникь его, старикъ послаль за бариномъ въ Англійскій клубъ. Степанъ Александровичь тотчасъ пріъхалъ домой и, добившись правды отъ своего старшаго сына, разосладъ погоню во всѣ стороны. За Серпуховскою заставою бъглеца настигли и привезли домой. Отецъ не наказалъ его, и только старшій брать получиль строгій выговорь за то, что не остановиль младшаго;

воинственнымъ же наклонностямъ юнаго кандидата постарались дать болѣе безопасное направленіе, опредѣливъ его вскорѣ въ военную службу, въ кирасирскій полкъ, которымъ командовалъ Дмитрій Ероееевичъ Остенъ-Сакенъ. Черезъ годъ молодой Хомяковъ перешелъ
оттуда въ Конную Гвардію. Воспоминаніемъ о неудавшемся бѣгствѣ въ
Грецію осталось «Посланіе къ Веневитиновымъ», въ которомъ поэтъ
мечтаетъ о славныхъ подвигахъ, о войнѣ за вѣру и освобожденіе Эллады. Къ тому же времени относится неоконченная поэма «Вадимъ»,
воспѣвающая столько разъ воспѣтаго поэтами того времени полуисторическаго Новогородскаго героя.

Первыми другьями молодости Алексия Степановича, кроми брата его Өедора и Веневитиновыхъ, были: двоюродный его братъ, племянникъ Марын Алексвевны, Василій Степанов. Киреевскій, Александръ Алексвевичь Мухановъ, а затвит товарищи Веневитиновыхъ по службъ въ Московскомъ Главномъ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дълъ: Иванъ Васильевичъ Киреевскій и Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Блестящій, высокодаровитый и не по летамъ серьезный Дмитрій Веневитиновъ, объщавшій стать въ первомъ ряду умственныхъ дългелей своего времени, былъ средоточіемъ этого дружнаго кружка, составившагося изъ лучшихъ представителей тогдашней образованной Московской молодежи. Всв они были усердными последователями Нъмецкой философіи и сторонниками западнаго просвъщенія; но Хомяковъ не уступалъ имъ своего строго-православнаго и Русскаго образа мыслей. Въ томъ отношении онъ сразу сошелся съ младшимъ братомъ Киреевскаго, Петромъ Васильевичемъ, съ которымъ познакомился немного позже и котораго горячо полюбиль. Необыкновенная чистота души П. В. Киреевскаго и его непоколебимая преданность самобытному развитію Русскаго народа не могли не привлечь Хомякова, который прозваль его «великимъ печальникомъ за Русскую землю».

Скоро Алексвю Степановичу пришлось столкнуться съ совершенно другими ученіями и испытать себя на иномъ поприщв спора.

II.

Служба въ Петербургъ.—Встръчи съ декабристами.—Поъздка ва границу.—Трагедін "Ермакъ".—Возвращеніе въ Россію.

Переселеніе Хомякова въ Петербургъ совпало съ разгаромъ броженія умовъ, приведшаго къ событію 14 Декабря 1825 года. Но убъжденія и общественные идеалы молодаго корнета гвардіи, вынесенные имъ изъ дому и изъ многостороннаго образованія, установленные работою рано окръпшагоума, были настолько опредъленны, что онъ сразу нашелся среди тъхъ теоретическихъ и практическихъ противоръчій, изъ которыхъ не сумъли выйти многіе изъ его сверстниковъ. Встръчаясь съ декабристами у своихъ родственниковъ Мухановыхъ, онъ вступаль съ ними въ горячіе споры, утверждая, что изо всъхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Разъ онъ до поздней ночи проспориль съ Рылбевымъ, доказывая ему, что войска, вооруженыя народомъ для его защиты, не имъють права распоряжаться судьбами народа по своему произволу. Князя А. И. Одоевскаго онъ увъряль, что онъ, Одоевскій, вовсе не либераль, а только предпочитаетъ единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства. Но такіе взгляды слишкомъ далеки были отъ того, что думалось и говорилось кругомъ, чтобы найти себъ отзвукъ или сочувствіе; да и высказывавшему ихъ двадцатильтнему юношь еще много нужно было пережить и передумать, прежде чъмъ выступить съ болье твердою и опредъленною проповъдью народности. Въ немъ самомъ еще кипъли и страсти, и разнородныя жизненныя стремленія, и сомнінія въ силів и смыслів своего призванія. Это смутное бореніе самоопредъляющагося сильнаго ума вылилось въ стихотвореніи «Желаніе покоя», написанномъ имъ въ 1824 году въ Петербургъ, - первомъ его произведеніи, имъющемъ самостоятельное художественное значение. Среди неровностей слога и юношескихъ длиннотъ въ этомъ стихотвореніи уже слышится порою будущій Хомяковъ; поэтому мы приводимъ его вполнъ.

Налей, налей въ бокалъ кипищес випо!
Какъ тихій токъ воды забвенья,
Моей души жестокія мученья
На время утолить оно.
Пойдемъ туда, гдв дышеть радость,
Гдв бурный вихрь забавъ шумить,
Гдв гласъ души, гдв гласъ страстей молчить.
Гдв не живутъ, но тратять жизнь и мла юсть.
Среди веселыхъ игръ, за радостнымъ столомъ,
На мить упившись счастьемъ ложнымъ,

Я пріучусь въ мечтамъ начтожнымъ, Съ судьбою примирюсь виномъ. Я сердца усмирю роптанье, Я думамъ не велю летать, На тихое небесъ сіннье Я не велю главамъ своимъ взирать. Сей синій сводъ, усвинный звъздами, И тихан безмольной ночи тънь, И въ утреннихъ вратахъ рождающійся день, И царь свътилъ, парящій падъ водами—Они измѣнники! Они, прелыцая взоръ, Пробудять вновь всъ сны воображенья; И сердце робкое, просящее забвенья, Прочтетъ въ няхъ пламенный укоръ.

Оставь меня, покоя врагь угрюмый, Къ высокому, къ прекрасному любовь! Ты слашкомъ долго тщетной думой Младую волиовала вровь. Оставь меня! Волшебными словами Ты савдий идъ во грудь мою влила И всявдъ за светлыми мечтами Меня отъ міра увдекла. Довольный светомъ и судьбою, и могь бы живненной стезей Влачиться къ цваи роковой Съ непробужденною душою. Я могь бы радости съ толпою раздалять, Я могь бы рвать земныя розы, Я могь бы лить земныя слезы И счастью въ жизпи довфрать...

Но ты пришла. Съ улыбкою преврвныя
На смертных родъ взирвла ты,
На ихъ мелавыя, наслажденья,
На ихъ безсильные труды.
Ты мий съ восторгомъ, другъ коварный,
Являла новый міръ вдали
П путь высокій, лучезарный
Надъ смутнымъ сумракомъ земли.
Тамъ все прекрасное, чтмъ сердце восхищалось.
Тамъ все высокое, чтмъ духъ питался мой,
Въ вънцахъ безсмертія являлось
И въ слъдъ мапило за собой.

И ты звала. Ты сладко паптвала О незабвенной старинъ, Вънцы и славу объщала, Безсмертье объщала мнъ. И я повърилъ. Обаянный Волшебнымъ звукомъ словъ твоихъ, Я презрѣлъ Вакха даръ румяный И чашу радостей земныхъ. Но что-жь? Скажи: за всъ отрады, Которыхъ я навъкъ лишенъ, За жизнь спокойную, души безпечный сопъ, Какін ты дала награды? Мечты неясныя, внушенныя тоской, Твои слова, объты и обманы, И жажду счастія, и тягостныя раны Въ груди, растерзанной судьбой. Прости....

Но пътъ! Мой духъ пылаетъ Живымъ, негаспущимъ огнемъ. И никогда чело не просіяеть Веселья мирнаго лучемъ. Нъть, изтъ! Я не могу цъней слъпой богини, Смиренный рабъ, съ удыбною влачить. Орлу ль полеть свой позабыть? Отдайте вновь ему широкія пустыни, Его скалы, его дремучій ласъ! Онъ жаждетъ брани и свободы, Онъ жаждетъ бурь и непогоды И безпредвавности небесъ. Увы, напрасныя мечтанья! Возмите-жь отъ меня безплодный сердца жаръ, Мои мечты, надежды, вспоминанья, И къ славъ страсть, и пъснопънья даръ, И чувствъ возвышенныхъ стремленья. Возьмите все! Но дайте лишь покой, Безпечность прежнихъ сновъ забвенья И тишину души, утраченную иной.

Настоящая борьба была впереди, а теперь нужно было собраться съ силами, привести въ порядокъ роившіяся въ головъ мысли; нужно было на время уйти отъ шума и суеты столицы, отдохнуть и одуматься. Въроятно, по этимъ побужденіямъ, надъясь многое повидать и многому научиться, да и побыть съ братомъ, служившимъ при посольствъ въ Парижъ, Хомяковъ просилъ у родителей позволенія выйти въ отставку и предпринять заграничное путешествіе. Степанъ Александровичъ, всегда болье податливый, тотчасъ на это согласился; но Марья Алексъевна сначала возстала противъ затъи сына, и только настоянія Оедора Степановича, любимца матери, убъдили ее дать свое согласіє. Воть что писаль ей Оедоръ Степановичъ 2 Февраля 1825 года изъ Парижа въ Вюрцбургъ, гдъ Марья Алексъевна въ то время находилась ради лъченія дочери. «J'ai reçu une lettre de mon père du 17 Décembre; sa santé paraissait un peu rétablie. Il m'annonce avoir permis

à mon frère de quitter le service. Pour moi je pense qu 'Alexis ne peut faire mieux que de profiter de cette permission et de partir pour l'étranger. La perte d'un an de service n'est rien du tout dans les circonstances actuelles: il faut penser à l'avenir, et tous les jours je me raffermis dans la conviction, qu'avec le caractère de mon frère, un voyage à l'étranger lui est absolument indispensable en ce moment. Ce sera d'ailleurs le meilleur moyen pour rétablir sa santé; et quant aux dépenses, elles ne s'éleveront pas au quart de ce que lui aurait coûté la remonte. Je désirerais fort pour moi, et encore plus pour lui, qu'il vînt passer six à sept mois ici. Il végète à Petersbourg. L'indolence, l'apathie de son caractère y rend inutile l'activité de son esprit; à Paris tout l'exciterait. Je vous écrirai incessamment sur ce même sujet, mais plus au long, et j'espère alors vous convaincre entièrement. *).

Получивъ согласіе матери, Хомяковъ тотчасъ вышелъ въ отставку и увхаль за границу, гдв провелъ около полутора года, съ начала 1825 до конца 1826. Брата онъ уже не засталъ въ Парижв, такъ какъ Өедоръ Степановичъ былъ твиъ временемъ переведенъ на службу въ Петербургъ.

Въ Парижъ Хомяковъ занимался живописью въ академіи. Разъ, когда ему долго не присылали денегь, опъ взялъ заказъ на запрестольный образъ для Католическаго храма, но работа эта была ему настолько не по душъ, что онъ, какъ только получилъ деньги изъ дому, тотчасъ ее бросилъ. Вообще онъ и въ Парижъ сохранилъ свое Православное настроеніе и такъ строго соблюдалъ церковные обряды, что во весь Великій Постъ съумълъ ни разу не оскоромиться.

Въ это время писалъ онъ свою трагедію «Ермакъ», о которой. Пушкинъ далъ такой отзывъ: «Ермакъ—лирическое произведеніе пыл-

^{*)} Перевода. Я получиль письмо оты батюшки оты 17 Декабря. Здоровье его, повиди кому, немпого поправилось. Оны изващаеть мени, что позволиль брату выйти вы отставку. Что касается до меня, то я думаю, что Алексий дучше всего сдылаеть, если воспользуется этимы позволеність и уйдеть за границу. Потеря одного года службы не значить ничего при теперешнихы обстоятельствахы: пужно думать о будущемы; а я сы каждымы днемы все болие убъждаюсь, что при характеры брата заграничное путешествіе ему теперь безусловно пеобходимо. Кы тому же оно будеть дучшимы средствомы поправить его здоровье. Что до расходовы, то они не составять и четвертой доли расходовы по ремонту. Я бы очень желаль для себя, и еще болье для него, чтобы свы прівхаль сюда мысяцевы на шесть или на семь. Сны прозибаеть вы Петербургы. Оты безпечности и апатіи его характера пропадаєть безы пользы двятельность его ума, а вы Парижы все бы его возбуждало. Я вскорть буду писать вашь обы этомы, по подробные, и тогда наджюсь убъдить высь совершенно.

каго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи» *).

Внѣшняя форма, такъ сказать, бытовая оболочка трагедіи очень далека отъ бытовой исторической дѣйствительности; но за этою внѣшностью, хоть и не вполнѣ еще ясно, уже слышатся народные, общественные и человѣческіе идеалы автора. Отошедшій въ исторію, какъ самостоятельное драматическое произведеніе, «Ермакъ» важенъ для насъ въ связи съ послѣдующимъ развитіемъ мысли Хомякова. Онъ былъ поставленъ въ Петербургѣ въ 1829 году, а напечатанъ черезъ три года. Во время заграничной поѣздки Хомякова въ журналахъ начали появляться его мелкія стихотворенія.

Изъ Парижа, окончивъ «Ермака» и насмотръвшись на знаменитаго трагика Тальму, Алексъй Степановичъ поъхалъ въ Швейцарію, оттуда въ съверную Италію и черезъ земли Западныхъ Славянъ вернулся въ Россію. Отъ этой первой заграничной его поъздки осталась черновая рукопись небольшой статьи о зодчествъ, въ которой онъ, по поводу описанія Миланскаго собора, задаетъ себъ вопросъ о происхожденіи этого искусства и приходитъ хъ заключенію, что первоначальнымъ источникомъ зодчества была религія, и что начала его нужно искать не у подражательныхъ Римлянъ, а у народовъ Востока, въ Египтъ и въ Индіи. Такимъ образомъ уже въ эту раннюю пору жизни взоры Хомякова обращались къ древнему Востоку. Воспоминаніемъ о съверной Италіи навъяно стихотвореніе «Isola bella».

Алексъй Степановичъ, вернувшись въ концъ 1826 года изъ за границы, заъхалъ прежде всего въ Липицы къ отцу, который всегда былъ къ нему очень нъженъ и особенно волновался его литературными успъхами. Оттуда онъ поъхалъ въ Боугарово съ намъреніемъ помогать матери въ веденіи хозяйства. Но ладить съ Марьей Алексъевной было не легко, а Алексъй Степановичъ былъ тогда еще слишкомъ молодъ, чтобы умъть быть покорнымъ сыномъ во всъхъ мелочахъ жизни, въ чемъ онъ совершенно успълъ впослъдствіи. Совитетное ихъ хозяйство не пошло, и Хомяковъ мъсяца черезъ два уъхалъ въ Петербургъ къ брату. Здъсь ждало его первое въ жизни тяжелое горе: въ Мартъ 1827 года смерть въ нъсколько дней унесла Дмитрія Веневитинова. Хомяковъ потерялъ въ немъ любимаго друга, а Россія, быть можетъ, одного изъ сильнъйшихъ своихъ поэтовъ. Из-

^{*)} О лирических с стихотвореніях за Хомикова Пушкинъ съ похвалою отзывается въ предисловіи въ "Путешествію въ Арзрумъ".

данная послъ его смерти маленькая книжечка стиховъ полна искрами гакого огня, какимъ горятъ юношескія произведенія лишь очень немногихъ избранниковъ

Въда не пришла одна: въ томъ же году Алексъй Степановичъ схоронилъ другаго нъжно любимаго товарища: своего двоюроднаго брата Василія Киреевскаго. Это двойное горе, а также и два года, проведенные въ чужихъ краяхъ, при постоянныхъ занятіяхъ искусствомъ, не остались безъ слъда въ настроеніи молодаго поэта. Его стихотворенія 1827—1828 годовъ звучатъ несравненно большею глубиною художественнаго замысла и зрълостью мысли. Таково, напримъръ, стихотвореніе «Молодость».

Небо, дай мет длани
Мощнаго Титана!
Я схвачу природу
Въ пламенныхъ объятънхъ;
Я прижму природу
Къ трепетному сердцу,
И она желанью
Сердца отзовется
Юною любовью.
Въ ней все дышетъ страстью,
Все кипитъ и блещетъ,
И ничто пе дремлетъ
Хладною дремотой.

На землё пылають
Грозные волканы;
Съ шумомъ льются рёки
Къ безднамъ океана;
И въ лазурномъ спорф
Волны рёзво плещутъ
Бурною ягрою.

И земля, и море
Свътлыми мечтами,
Радостью, надеждой,
Сланой и красою
Смертняго дарятъ.
Звъзды въ синей тверди
Мчатся за звъздами,
И въ потовать свъта
Льется по венру
Тайной страсти голосъ,
Тайпое призванье.
И въка проходятъ,
И въка родятся:
Въчное боренье,
Пламенная жизнь.

Небо, дай мет длвии
Мощнаго Титана!
Я хочу природу,
Какъ любовникъ страстный,
Радостно обнять.

Въ стихотвореніи «Поэтъ» является впервыя та сила стиха, которою отличаются поздивйшія произведенія Хомякова:

> Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный, И Богу гимпъ въ душъ возникъ, И далъ землъ онъ голосъ стройный, Творенью мертвому языкъ.

продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома напомнилъ, что уже поздно, и что лучше продолжить споръ у него же на слъдующій день. Мы встали, начали сходить съ лъстницы, продолжая споръ; съли на дрожки и все таки его не прерывали. Я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слъзъ, я оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то Нъмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стали, открываетъ форточку въ своемъ окнъ и довольно громко говоритъ: «Меіп Gott und Herr, was ist denn das?» (Боже мой, Господи, да что же это такое?) Мы расхохотались, и тъмъ окончился нашъ споръ».

III.

Вторичное поступленіе на службу.—Война 1828—1829 гг.—Москва.—Споры съ друзьями.— Слёды настроенія Хомякова въ его стихотвореніяхъ.

Когда началась война съ Турками, Өедоръ Степановичъ Хомяковъ быль назначень отъ Министерства Иностранныхъ Дъль состоять при Паскевичв на Кавказв (гдв онъ въ томъ же 1828 году и умеръ). Увзжая изъ Петербуга, онъ предложилъ брату поступить также на службу по дипломатической части при дъйствующей арміи. Алексый Степановичъ сначала согласился, по потомъ перемвнилъ намвреніе и снова вступиль въ военную службу, въ Бълорусскій гусарскій принца Оранскаго полкъ. Въ началъ Мая онъ былъ уже на Дунав, въ сопровожденій своего стараго дядьки Артемія, ивкогда помвшавшаго ему бъжать въ Грецію. Во все продолженіе войны Хомяковъ состояль адъютантомъ при генераль князь Мадатовь, участвоваль во многихъ дълахъ и выказалъ блестящую храбрость. О Мадатовъ Алексъй Степановичь сохраниль благодарную память и впоследствіи принималь дъятельное участіе въ составленіи біографіи князя, изданной служившими подъ его начальствомъ офицерами. Отъ этого времени сохранидось следующее письмо Хомякова къ матери изъ подъ Шумлы: «Я получиль ваше письмо и съ удивленіемъ вижу, что письма, писанныя мною къ вамъ и батюшкъ еще изъ Россіи, именно изъ Кіева, на синей бумагь, за неимвніемъ былой, со вложенными двумя маленькими пыснями, сочиненными на дорогъ, (пропади)*). Я писадъ къ вамъ также на первой станціи за Дунаемъ, но отдаль письмо на почтв подъ Силистріей. Туда отправился я съ главной квартирой, потомъ отделился отъ нея, присоединился къ дивизіи и къ князю, который меня приняль очень хорошо, быль свидетелемъ славнаго дела 30-го Мая, где визиря такъ жестоко разбилъ нашъ главнокомандующій, и потомъ

^{*)} Слово это пропущено въ письмъ.

дъйствующимъ лицемъ въ дълъ 31-го, гдъ дивизія надълала чудеса, поколотила Турокъ жестоко, гнала ихъ до Шумлы, взяла редуты (вещь неслыханная для кавалеріи) и знаменъ и пушекъ пропасть. Я быль въ атакъ, но хотя раза два замахнулся, но не ръшился рубить бъгущихъ, чему теперь очень радъ. Послъ того подъехалъ къ редуту, чтобы осмотръть его поближе. Тутъ подо мною была ранена моя бълая лошадь, о которой очень жалью. Пуля продетьла насквозь черезъ объ ноги; однакоже есть надежда, что она выздоровъетъ. Прежде того она уже получила рану въ переднюю лопатку саблею, но эта рана совсемъ пустая. За то я былъ представленъ къ Владимиру, но по разнымъ обстоятельствамъ, не зависящимь отъ князя Мадатова, подучилъ только с. Анну съ бантомъ; впрочемъ и этимъ очень можно быть довольнымъ. Ловко я сюда прівхаль, какъ разь къ деламъ, изъ которыхъ одно жестоко наказало гордость Турокъ, а другое утвинло нашу дивизію за все горе и труды прошлогодніе. Впрочемъ, я веселъ, здоровъ и очень доволенъ Пашкою.

Въ лагеръ подъ Базарджикомъ 3 Іюля Хомяковъ написалъ стихотвореніе «Сонъ». Къ слъдующему 1829 году относятся стихотворенія «Сонетъ», «Прощаніе съ Адріанополемъ» и «Клинокъ». И такъ вдохновеніе нечасто посъщало его среди тревогъ боевой жизни; но за то всъ три упомянутыхъ стихотворенія отличаются своею силою и законченностью формы.

Какъ только прекратились военныя дъйствія, Алексъй Степановичь взяль отпускь и прітхаль въ Москву, гдъ въ эту зиму его часто видали на балахъ Благороднаго Собранія. Однако онъ не танцоваль, хотя, по отзывамъ очевидцевъ, къ нему очень шелъ адъютантскій мундиръ, и дамы часто выбирали его на мазурку. Въ это время пришлось ему быть дъйствующимъ лицомъ въ семейномъ торжествъ. За нъсколько лътъ передъ тъмъ Марья Алексъевна привезла съ Кавказа, куда вздила на воды, мальчика-Черкеса Лукмана. Онъ воспитывался въ ея домъ и, когда подросъ, принялъ крещеніе 4 Февраля 1830 года съ именемъ Димитрія. Воспріемникомъ его былъ Алексъй Степановичъ. Этотъ молодой человъкъ, Дмитрій Степановичъ Кадзоковъ, вскоръ поступилъ въ Московскій Университеть и, прітажая на лътнія вакаціи въ Боучарово, пользовался постоянною дружбою своего крестнаго отца, отдававшаго ему значительную часть своего времени.

По заключенія Адріанопольскаго мира, Хомяковъ вышель въ отставку и проводиль дівто въ Боучаровів, постоянно и много читая, занимаясь хозяйствомъ и охотясь, а зимою жиль въ Москвів.

То было время, когда Русское образованное общество переживало одну изъ наиболъе знаменательныхъ переходныхъ эпохъ своихъ. Еще недавно только миновало 14 Декабря 1825 года со своими послъдствіями, и направленіе государственной политики вполнъ опредълилось. На поприщъ словесности Пушкинъ достигъ вершины своей славы, а Гоголь еще не появлялся. Нъмецкая философія владъла умами Русской ученой молодежи. Мы видели, что Хомяковъ ранее принадлежаль къ тому тесному кружку юныхъ философовъ, котораго средоточіемъ быль покойный Д. В. Веневитиновъ; въ него возврагился онъ и теперь, но возвратился уже не тымъ пылкимъ и неустановившимся юношей, какимъ покинулъ Москву семь льть назадь, а эрвлымъ и самостоятельнымъ мыслителемъ. Среди Шеллингистовъ, Гегеліанцевъ и беззавътныхъ приверженцевъ западнаго просвъщенія раздалось его слово о необходимости самобытнаго развитія Русской народности, объ изучени старины и возвращени къ ея завътамъ, о Православи, какъ основъ Русскаго народнаго характера, о значени Славянскаго племени въ исторіи и о будущемъ міровомъ призваніи Россіи. То было слово новое, до тъхъ поръ неслыханное. Странно и дико звучало оно для огромнаго большинства тогдашняго образованнаго общества, называвшаго Русскаго мужика варваромъ и отождествлявшаго православную въру съ постнымъ масломъ. Да и ближайшіе слушатели и друзья Алексвя Степановича держались тогда еще совсвиъ иныхъ возарвній. Къ Хомякову примыкаль разві одинь только Петръ Киреевскій; но онъ по спладу своего ума и характера, скромнаго и заствичиваго, не быль рождень проповъдникомъ. Болъе даровитый, старшій брать его быль еще далекь отъ Православно-Русскаго образа мыслей, къ которому обратился впоследствии. Въ 1832 году онъ началь издавать журналь «Европеець», который вскорь быль запрещенъ. Хомяковъ печаталъ въ немъ свои стихи. Мъстомъ постоянныхъ сборищъ всего этого кружка былъ домъ матери Киреевскихъ, Авдотьи Петровны, по второму мужу Елагиной.

Тамъ, у Красныхъ воротъ, начались тѣ безкопечные споры, которые потомъ, постепенно обостряясь, привели къ рѣзкому раздѣленію двухъ направленій Русской мысли. Но тогда эти два теченія еще не вполнѣ опредѣлились; да и самому вождю направленія народнаго нужно было еще много пережить и собрать вокругъ себя новыя, молодыя силы.

Между тъмъ вспомнимъ, что ему не было еще тридцати лътъ. Его живая, впечатлительная природа безпрестапно увлекалась то въту, то въ другую сторону, и тъмъ поразительнъе неуклонность

развитія его убъжденій. Въ стихотвореніяхъ этого времени можно прослъдить такія перемъны настроенія. То внутренній голосъ упрекаеть его въ минутномъ забвеніи своего призванія («Думы»), то въ душу его закрадывается сомнъніе въ себъ («Два часа»):

Но есть поэту часъ страданыя, Когда возстанеть въ тьмъ почной Вся роскопть дивная созданья Передъ задумънной душой; Когда въ груди его сберется Міръ цълый образовъ и сповъ, И вовый міръ сей къ жизни рвется, Стремится къ звукамъ, просить словъ. Но ввуковъ натъ въ устахъ поэта, Молчить окованный наыкъ, И лучь божественнаго свъта Въ его видъньи не процикъ. Вотще онъ стонет изступленный: Ему пе внемлеть Фебъ скупой, И гибнетъ міръ новорожденный Въ груди безсильной и пъмой.

То недавніе боевые образы встають передь нимь, и онъ снова рвется на войну («Просьба»). Но надъ всёми этими мимолетными думами господствуеть одно свётлое и строгое настроеніе вёрующей души, сознающей свое несовершенство:

Къ небу подъемлю и очи съ мольбой, Грвхъ обливаю горичей слезой Въ сердце взгляну и: тамъ Божьи печать— Грвхъ мой покрыла Творца благодать (Изъ Саади").

Въ такомъ настроеніи написано стихотвореніе «На сонъ грядущій», котораго конецъ является какъ бы пророчествомъ:

Творецъ вселениой,
Услышь мольбы полнощный гласъ!
Когда Тобой опредъленный
Настанетъ мой послъдній часъ,
Пошли мнъ въ сердце предвъщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангелъ-разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной!
Мой вворъ измъритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смълымъ воспаритъ.

Наконецъ, въ поэзіи Хомякова начинаютъ болѣе опредѣленно сказываться и его всеславянскія идеи. Такова «Ода»: изъ нея виденъ взглядъ его на отношенія наши къ Полякамъ, противъ которыхъ онъ не пошелъ служить въ 1830 году.

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшій въ поколёпья
Вражды безсмысленной позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Въковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повъсть мщенья и страданья—
Вина неисцёлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный Ужъ видитъ новый въкъ чудесъ: Онъ видитъ—гордо надъ вселенной, До свода синяго пебесъ, Орды Славинскіе взлетаютъ Широкинъ, дерзостнымъ крыломъ, Но мощвую главу склоняютъ Предъ старшимъ, Съвернымъ орломъ. Ихъ твердъ соювъ, горятъ перуны, Законъ ихъ властенъ надъ землей, И будущихъ Баяновъ струны Поютъ согласье и покой.

Таже мысль, тотже поэтическій образъ въ стихотвореніи «Орелъ», впервыя стяжавшемъ Хомякову громкую славу между Славянами:

Высоко ты гивадо поставиль, Славинь полупощныхъ орелъ, Широко крылья ты расправиль, Далеко въ небо ты ушелъ. Лети! Но въ горнемъ моръ свъта, Гдв силой дышащая грудь Разгуломъ вольности сограта, О младшихъ братьяхъ не забудь. На степь полуденнаго края, На дальній Западъ оглянись: Ихъ много тамъ, гдв гиввъ Дуная, Гдв Альпы тучей обвились, Въ ущельяхъ горъ, въ Карпатахъ темныхъ, Въ Балканскихъ дебряхъ и лъсахъ, Въ сътяхъ Тевтоновъ въродомныхъ. Въ стальныхъ Татарина ценяхъ, И ждуть окованные братья, Когда же зовъ услышать твой, Когда ты крылья, какъ объятья,

Прострешь надъ слабой ихъ главой. О всномни ихъ, оредъ полночи, Пошли имъ звонкій свой привѣтъ, Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи Твоей свободы яркій свѣтъ! Питай ихъ пищей силъ духовныхъ, Питай надеждой лучшихъ дней, И кладъ сердецъ единокровныхъ Любовью жаркою согръй. Ихъ часъ придетъ: окръпнутъ крылья, Младые когти подростутъ, Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья Жельзнымъ клювомъ расклюютъ.

Въ Іюнт 1833 года Алексти Степановичъ утхалъ изъ Боучарова въ Крымъ, но скоро былъ отгуда вызванъ, чтобы везти въ Москву своего заболтвшаго дядю Степана Алекстевичъ Киреевскаго. Въ Іюлт слъдующаго 1834 года съ отцомъ Хомякова въ Липицахъ сдълался нервный ударъ, послъ котораго Степанъ Александробичъ впалъ въ дътство. Онъ прожилъ еще два года, скончался въ Апрълъ 1836 года и похороненъ въ Боучаровъ.

Между тъмъ въ личной жизни Алексъя Степановича наступила новая пора, для уясненія которой мы должны коснуться нъкоторыхъ еще не затронутыхъ нами сторонъ его воспитанія и характера.

IV.

Отношение въ женщинамъ. - Женитьба. - К. М. Хомякова. - Дъти.

Переломъ, совершающийся въ жизни человъка при вступлении изъ отроческого возраста въ юношескій, при входъ свъ тъ лъта, когда намъ кровь воднуетъ женскій ликъ», бываеть безконечно разнообразенъ; и если сколько головъ, столько умовъ, то едва ли не съ большимъ еще правомъ можно сказать тоже о жизни сердца и о первомъ пробужденій страстей. Въ простыхъ условіяхъ крестьянскаго быта и эта сторона жизни проста и чемногосложна; исключенія, къ счастью для народа, до сихъ поръ еще ръдки. Но чъмъ чыше станемъ мы поди кодафо отмидин у вистро става, длинатат, ионновторию оп кратьмин отклоненій отъ праваго пути. Мальчикъ, припадлежащій къ верхнему слою общества, подвержень съ дъгства столькимъ воздъйствіямь, возбуждающимъ воображение и чувственность, что развъ только чудомъ можеть онь не развиться ранте положенной природою поры; и рідко такое развитие не сопровождается напрасною тратою душевныхъ и тъдесныхъ силъ, и большею или меньшею потерею нравственной чистоты, переходомъ отъ невинности къ пороку. Городская и въ особениссти столичная жизнь полна соблазновъ. Въ деревив этихъ соблавновъ нътъ, но за то есть другіе. Много ихъ и теперь; еще больше было въ старомъ помъщичьемъ быту, не привыкшемъ къ стъсненіямъ и потому такъ часто переходившемъ въ разгулъ.

Немного есть родителей, которые понимають свою обязанность внушать дътямъ сначала безсознательный, а потомъ и опредъленный върный взглядъ на отношенія мужчины къ женщинъ и воспитывать въ нихъ твердыя правила нравственности и чести. Еще меньше найдется такихъ, которые, сознавая эту обязанность, умъють во время ее исполнить. Большинство или вовсе не думаетъ объ этомъ, или считаеть своихъ детей моложе ихъ действительного жизненного возраста. Жизнь застаеть ихъ врасплохъ, и имъ приходится дъйствовать по пословиць: пришла бъда, отворяй ворота. Не такова была Марья Алексвевна Хомякова. Мы видвли, какъ вела она своихъ сыповей съ двтства, какія благотворныя начала вынесли они изъ родительскаго дома. И вотъ на порогъ его, передъ выходомъ ихъ на широкій путь жизни, она завершила ихъ воспитание поступкомъ бывшимъ вполнъ въ ея духъ и согласнымъ съ тъмъ, какъ она понимала жизнь и обязанности честнаго человъка. Когда ея сыновья пришли въ возрастъ, она призвала ихъ и объяснила имъ свой взглядъ на эти обязанности, состоявшій въ томъ, что мужчина, вопреки общепринятымъ понятіямъ о его относительной свободъ, долженъ также строго блюсти свою чистоту, какъ и дъвушка. Поэтому она потребовада отъ сыновей клятвы, что они до брака не вступять въ связь ни съ одною женщиною, прибавивъ къ этому, что кто изъ нихъ нарушитъ клятву, тому ова откажеть въ своемъ последнемъ благословении. И клятва была дана.

Таковы были правила, которыя Хомяковъ вынесъ изъ дому, съ которыми онъ, двадцатилътній гвардейскій корнетъ, очутился въ Петербургъ. И онъ не отступиль отъ нихъ, не нарушиль данной матери клятвы. Мы не знаемъ, какъ справлялся онъ со своею горячею кровью; но изъ его стиховъ видимъ, что опъ нъсколько чуждался женщинъ. Къ скромности, частью природной, частью внушенной воспитаніемъ, присоединилось въ немъ чрезвычайно высокое представленіе объ идеалъ женщины, осуществленія котораго въ жизни онъ искалъ, но все еще не находилъ.

Двадцати шести лътъ онъ писалъ («Признаніе»):

"Досель безвъстна инъ любовь И пылкой страсти огнь иятежный; Отъ милыхъ взоровъ, ласки нъжной Моя не волновалась кровь. Такъ сердца тайну въ прежни годы Я стройно въ звуки облекалъ И пъсню гордую свободы Цавниць юной повъряль. Надеждами, мечтами славы И дружбой върною богать, Я презираль любви отравы И не просилъ ея наградъ Съ твхъ поръ душа познала муки, Надеждъ утрату, смерть друзей, И грустно вторитъ песни звуки, Сложенной въ юпости моей. Я подъ ръсницею стыдливой Встръчаль очей огонь живой, И длинныхъ кудрей шелкъ игривой, И трепеть грудя молодой, Уста съ привътною улыбкой, Румянецъ бархатныхъ ланитъ, И стройный станъ, какъ пальма гибвій, И поступь легкую харить. Бывало, въ жилахъ кровь взыграетъ, И страха, радости полна, Съ усильемъ тяжяниъ грудь вздыхаетъ, И сердце шепчетъ: вотъ опа! Но свътлый мигь очарованья Прошель какъ сопъ, пропаль и следъ: Ей дики вст мои мечтавья, И непонятенъ ей поэть. Когда жъ?... И сердцу станетъ больно. И къ арфъ я прибъгну вновь, И прошенчу, вздохнувъ невольно: Досель безвъстна миъ любовь.

И такъ, тъмъ дъвушкамъ (нечего, кажется, прибавлять, что Хомяковъ съ его понятіями о любви не могъ «ухаживать» за замужними женщинами) тъмъ дъвушкамъ, на которыхъ онъ обращалъ вниманіе были дики сто мечтания. Такъ случилось и съ извъстною чаровницею тогдашней молодежи, Александрою Осиповною Россетъ. Встрътившись съ нею въ Петербургъ, Хомяковъ, повидимому, какъ и всъ въ началъ, увлекся ею;

> Но ей чужда моя Россія, Отчизны дикан краса, И ей мильй страны другія, Другія лучше небеса. Пою ей пъснь роднаго края— Она не внемлеть, не глядить; При ней скажу я: "Русь свитая",— И сердце въ ней не задрожить. И тщетно лучъ живаго скъта Изъ черныхъ падаетъ очей: Ей гордая душа повта Не посвятитъ любви своей.

Прочитавъ эти стихи, такъ и озаглавленные «Иностранкъ», А. О. Россетъ жестоко обидълась на разборчиваго поэта, а онъ между тъмъ прожилъ до тридцати лътъ со свободнымъ сердцемъ. Наконецъ насталъ и его чередъ. Здъсь мы возвращаемся къ нашему прерванному разсказу.

Въ 1834 году Алексъй Степановичъ встрътился въ Москвъ съ племянницею Пашковыхъ, Зинаидою Николаевною Полтавцевою, и страстно въ нее влюбился. На предложение быть его женою 1) она отвъчала отказомъ, однако сохранила о немъ доброе воспоминание и замужъ не вышла. Въ чудномъ стихотворении

> Когда гляжу, какъ чисто и зеркально Твое чело,

поэтъ излилъ свою сердечную тоску. Тъмъ же настроеніемъ, но уже нъсколько успокоеннымъ, навъяны стихотворенія «Элегія» и «Благодарю тебя». Душа перебольда, умъ вступиль въ свои права. Хомяковъ вышелъ изъ этого испытанія окръпшимъ и просвътленнымъ и могъ сказать про себя:

Такъ раненый слегия орель уходить выше Въ родныя небеса.

И онъ снова вернулся къ своимъ думамъ, къ своему жизненному подвигу. Въ стихотвореніяхъ «Мечта», «Ключъ» и «Островъ», передъ нами является прежній спокойный мыслитель, прежній пламенный пророкъ. Но уже близко было то счестье, котораго онъ такъ долго и такъ напрасно искалъ. Черезъ поэта Н. М. Языкова, принадлежавшаго къ вружку Киреевскихъ, Алексъй Степановичъ познакомился съ его сестрою Катериною Михайловною, и 5 Іюля 1836 года они были обвънчаны ²). За нъсколько дней передъ тъмъ сестра Алексъя Степановича, Анна Степановна, вышла замужъ за своего дальняго родственника Василія Ивановича Хомягова.

Для всякаго человъка, за ръдкими исключеніями, бракъ бываетъ поворотною точкою въ жизни; но ръзкость этого поворота не для всъхъ одинакова. Большинство мужчинъ изъ верхнихъ слоевъ общества женятся, уже искусившись въ любви, а часто и въ развратъ. Худшіе не мъняютъ послъ того своихъ привычекъ или скоро къ нимъ возвращаются; лучшіе — оставляютъ эти привычки, дълаются примър-

¹⁾ Это происходило въ одной изъ комнатъ "Пашкова дома", теперешняго Румянцовскаго Музея.

²⁾ Въ домовой церкви графовъ Паницыхъ, на Никитской, въ Москвъ.

ными мужьями и отцами, но такъ и считають, что они пожили-и довольно, что «личная жизнь» кончена, что молодость прошла. Лишь весьма немногіе приносять въ семью нетронутое сердце и думають, что настоящая жизнь туть то и начинается. О Хомяковъ и этого сказать мало. Не допуская и мысли объ игръ въ любовь, но отъ юности нося въ душъ чистый и ясный идеалъ женщины и семьи, онъ изъ года въ годъ, томясь и тоскуя, тщетно искаль его осуществленія. Первое сильнос его чувство не нашло себъ отклика; но свътлая мечта его души отъ того не померкла, а загорълась еще ярче и, какъ далекая звъзда, наконецъ привела его къ давно желанной цъли. Умудренный жизнью, но сохранивъ всю цельность нетронутаго чувства, онъ внесъ въ бракъ истивное ипломудріс. Вопреки тому, какъ бываетъ обыкновенно, этотъ тридцатидвухлътній женихъ быль равенъ по нравственной чистоть своей восемнадцатильтней невысть. Клятва, данная матери, была сдержана, и не тълссно только, но и духовно. Таковъ былъ этотъ союзъ. Могь ди онъ не привести къ счастію? И действительно, счастіє было полное, какое только доступно человіку на землі. Этимъ счастіемъ дышить каждое слово, дошедшее до насъ изъ этого времени жизни Алексъя Степановича и его молодой жены.

Нужно замътить, что если для Хомякова семья была жизненнымъ идеаломъ, то онъ ръдко гдъ могъ найти себъ такую жену, какъ въ необыкновенно дружной Языковской семьв. Катерина Михайловна какъ бы создана была для воплощенія того, о чемъ мечталъ Алексви Степановичъ. Когда читаешь ея письма и вслушиваешься въ разсказы людей ее знавшихъ, то изумляешься полному отсутствію въ ней всего ръзкаго, всего бросающагося въ глаза, ея полной, безусловной простотв. Катерина Михайловна, скромная и очень заствичивая, съ точки зрвнія испорченнаго свътскаго вкуса была женщина совсвиъ обыкновениал, то-есть въ ней не было ровно ничего быющаго на эффекть. Она была хороша собой, но красотой не поражала; умна, но объ ел умъ не кричали; полна умственныхъ интересовъ и образована, но безъ всякихъ притязаній на ученость. Словомъ, это было вполев, если можно такъ выразиться, художественно-гармоничное существо; а такимъ былъ и самъ Хомяковъ. Отсюда ихъ сродство и ръдкое счастіе, для многихъ мало понятное. Хомяковъ не суживался въ семейной жизни и не снисходилъ до нея, какъ многіе умники: для него семья была «святая святых», гдъ почерпаль онъ вдохновение и силу и куда никого со стороны не допускаль... Но лучие всего это настроеніе выражается его же стихами, написанными черезь два года послів свадьбы:

Лампада поздняя горвла Предъ сонной льнію моей, И ты взощла и тихо свла Въ сліяньи мрака и лучей. Головки русой очеркъ нъжный Въ тани скрывался, а чело-Святыня думы безматежной-Сіяло чисто и свътло Уста съ улыбиом спокойной, Глаза съ лазурной ихъ красой, Все тихнил миромъ мыслыю стройной Въ тебъ дышало предо мной. Ушла ты-соляце закатилось, Померкла хладнан земля; Но въ ней глубоко затаилась Отъ солица жаркан струн. Ушла! Но Боже, какъ звенъли Всъ струны пламенной души, Какую пъсим въ ней запъли Онъ въ полуночной тиши! Какъ вдругъ и молодо, и живо Всинфли силы прежнихъ льтъ, И какъ взарогнулъ нетеривливо, Какъ вспрянуль дремлющій поэть! Какъ чистымъ пламенемъ искусства Его зажглася голова. Какъ сны, надежды, мысли, чувства Слидися въ звучныя слова! О, върь мив: сердце не обманетъ, Сватло звазда моя взошла, И снова яркій лучъ прогляветь На лавры гордаго чела.

Войдя въ новую семью, Катерина Михайловна сразу стала тъмъ, для чего была рождена и воспитана: върною женою и послушною дочерью. Она смирялась передъ свекровью, которой крутой нравъ и ей доставлялъ немало горькихъ минутъ; а чъмъ она была для мужа, это прекрасно выразилъ въ посвященныхъ ей стихахъ ея братъ Н. М. Языковъ:

Дороже перловъ многоцвиныхъ
Благочестивая женв!
Чувствъ непорочныхъ, думъ смиренныхъ
И всякой тихости полна,
Она достойно мужа любитъ
Живетъ одною съ нимъ душой,
Она труды его голубитъ,
Она хранитъ его покой.
И счастье мужа—ей награда
И похвала, и любо ей,
Что межъ старъйшинами града
Онъ знатенъ мудростью ръчей,

И что богать онъ чистой славой И силенъ въ общинъ своей. Она воспитываетъ здраво И бережеть своихъ дътей: Она ихъ мирно поучаетъ Благимъ и праведнымъ деламъ, Святую книгу имъ читаетъ, Сама ихт водить въ Божій храмъ. Она блюдеть порядокъ дома, Ей миль ея семейный кругь, Мірская праздность незнавома, И чуждъ безсмысленный досугъ. Не соблазнять ея желаній Ни шумъ блистательныхъ пировъ, Ни вихрь полуночныхъ скаканій И сладки рачи плясуновъ, Ни говоръ пусто-величавый Бездушныхъ, чопорныхъ бесъдъ, Ни прелесть роскоши лукавой, Ни прелесть всяческихъ суеть. И домъ ея боголюбивый Цвътетъ добромъ и тишиной, И дни ея мелькаютъ живо Прекрасной, свътдой чередой; И никогда ихт. не смущаетъ Обуреваніе страстей: Господь ее благословляетъ, И люди радуются ей.

«Въ дътяхъ оживаетъ и, такъ сказать, успокоивается взаимная любовь родителей», сказалъ впослъдствіи Хомяковъ. Легко себъ представить, чъмъ были дъти для молодыхъ супруговъ. У нихъ родились одинъ за другимъ сыновья Степанъ и Өедоръ. Они были оба бользненны, особенно маленькій Степанчикъ, и оба умерли въ 1838 году. Памяти ихъ посвящено стихотвореніе «Къ дътямъ»

Бывало, въ глубокій полуночный часъ Малютки, приду любоваться на васъ; Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать, Молиться, да будетъ на васъ благодать, Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашь детскій покой, Подумать о томь, какь вы чисты душой, Надвиться долгихь и счастливыхь дней Для вась, беззаботныхь и милыхь детей—Какь сладко, какь радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота, Нѣтъ въ комнаткѣ жизни, кроватка пуста, Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ... Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ— И сердце такъ больно сожмется! О дъти! Въ глубокій полуночный часъ Молитесь о томъ, кто молидся о васъ, О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать; Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать, Любовь Вседержителя Бога.

Впослъдствіи у Хомяковыхъ было семеро дътей: пять дочерей и два сына.

V

Жизнь въ Москвъ и деревит. -- Загранячное путешествіе.— Отношевіе Хомякова къ свовиъ произведеніямъ.— Литературные противники, единомышленники и друзья.— К. С. Аксаковъ и Ю. Ө. Самаринъ.— Валуевъ.— Сочиненія Хомякова.

Со времени женитьбы и до конца внёшній распорядокъ жизни Адексвя Степановича почти не мвнядся. Московскій домъ, въ которомъ прошла его ранняя молодость, быль отданъ въ приданое за Анной Степановной, которая черезъ три года скончалась, а Алексий Степановичъ съ женой поселились въ наемной квартиръ. Долъе всего прожили они на Арбатъ, противъ церкви Николы Явленнаго, а оттуда осенью 1844 года перевхали на Собачью площадку, въ собственный домъ, купленный у князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, въ которомъ съ тъхъ поръ и жили постоянно. Весною Алексъй Степановичъ уважалъ въ деревню довольно поздно, часто въ Іюнъ, но за то осенью, какъ страстный охотникъ, заживался тамъ долго. И онъ, и его жена очень любили Липицы, но проводили лето больше въ Боучарове, которое было удобиве для житья и, какъ главное имвніе, требовало большаго присмотра. Здёсь почти всегда бываль кто-нибудь, чаще всего ближайшіе сосъди, Ротмистровъ, Булыгинъ и Загряжскій; постояннымъ же собесъдникомъ Алексъя Степановича и соучастникомъ въ любимой его игръ на билліардъ быль его управляющій Василій Александровичь Трубниковъ, котораго Хомяковъ очень любилъ. Дъти Трубникова, и особенно сынъ его Сеничка, большой шалунъ, часто приходили играть съ дътьми Хомякова. Марья Алексвевна не одобряла такого общества, но сынъ въ этомъ ея не слушалъ. Вообще же Марья Алексвевна никогда не переставала горевать о своемъ старшемъ сынъ, а Алексъя Степановича любила журить и бранить, что онъ съ необыкновеннымъ терпъніемъ переносиль. Между прочимъ она постоянно упрекала его въ плохомъ управленія имъніями, что было несправедливо, ибо Алексъй Степановичь въ дъйствительности устроиль дъда и заплатиль множество долговъ. На самомъ дълъ старуха не могла простить сыну его, по ея мивнію, либеральнаго и протестантскаго образа мыслей, бороды и нежеланія служить. Сама она доходила во вибшнихъ выраженіяхъ своей набожности до крайнихъ предъловъ.

Итакъ, жизнь Хомякова дълилась между Москвою и его деревнями, которыя онъ объъзжалъ довольно часто. Изръдка ъздилъ онъ въ Петербургъ, по разу былъ въ Кіевъ, Крыму и на Кавказъ. Въ 1847 году онъ съ женою и двумя старшими дътьми ъздилъ за границу, посътилъ Германію, Англію, Францію и Прагу.

Цъль этого путешествія была, въроятно, двоякая: Алексъй Степановичъ хотълъ показать своей женъ великія произведенія искусства, и побывать въ Англіи, земль, наиболье привлекавшей его на Западъ.

Въ Прагъ, тогдашнемъ средоточіи только-что пробудившейся Западно-Славянской мысли, Хомяковъ познакомился съ Ганкою и въ его альбомъ написалъ слъдующія знаменательныя строки:

«Когда то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

Не дай ей рабскаго смиренья, Не дай ей гордости савной И духъ мертинцій, духъ сомнънья Въ ней духомъ жизни успокой.

«Эта же молитва у меня для всёхъ Славянъ. Если не будетъ сомнёнья въ насъ, то будетъ усиёхъ. Сила въ насъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгъ вашей, будетъ мнъ всегда помниться, какъ истинное счастіе».

Къ этому времени относится стихотвореніе «Беззвъздная полночь дышала прохладой».

Въ следующемъ году Хомяковъ напечаталъ свое «Письмо объ Англіи», въ которомъ онъ съ изумительною для иностранда чуткостью нъсколькими чертами изображаеть основныя особенности Англійскаго быта. Показавъ неосновательность ходячихъ мевній объ Англичанахъ, онъ опредъляеть сущность соціальной борьбы Виговъ и Торіевъ и съ необыкновенною теплотою описываеть любовь Англичанъ къ ихъ старинъ, любовь, подобную которой такъ хотълось Алексъю Степановичу видъть въ своихъ соотечественникахъ. Указавъ на успъхи раціоналистического вигизма, онъ кончаетъ свою статью словами: «Конечно Англія еще крівика, много живыхъ и свіжихъ соковъ льется въ ея жилахъ; но дело Виговъ идетъ впередъ неудержимо. Звонко и мерно раздаются удары протестантскаго топора, разрубаются тысячельтніе корни, стонетъ величавое дерево. Не върится, чтобы земля, воспитавшая такъ много великаго, давшая такъ много прекрасныхъ примъровъ человъчеству, разнесшая свъть христіанства и славу имени Божія по отдаленивнимъ концамъ міра, могла погибнуть; а гибель неизовжна, развв (и дай Богь, чтобь это было), развв приметь она новое духовное начало, которое притупило бы остріе протестантскаго топора, зальчило бы уже нанесенныя раны и укрвпило ослабленные корни. Но будеть ли это? Я взошель на Англійскій берегь съ веселымь изумленіемь, я оставиль его съ грустною любовью.

Съ выхода въ отставку Хомяковъ никогда болъе не служилъ и потому могъ свободно располагать своимъ временемъ. Помимо хозяйства и чтенія (а читаль онь все, что только заслуживало вниманія) онь продолжалъ писать. Но скоро стало, ясно, что его поэтическое дарованіе не есть средоточіе его творческих в способностей. Впоследствій, сравнивая себя съ О. И. Тютчевымъ, котораго овъ называлъ «насквозь поэтомъ», Хомяковъ писалъ: «Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслыю, то есть прозаторъ вездъ проглядываеть и следовательно должень наконець задушить стихотворца.> Мы, быть можеть, не согласимся съ такимъ безповоротнымъ самоосуждевіемъ; но недьзя отрицать того, что поэтическая стихія не быда жизнію для Хомякова. Отъ времени до времени онъ писалъ чудные стихи, но бывали у него и долгіе промежутки безъ вдохновенія. Кромъ небольшихъ стихотвореній, онъ послів «Ермака» написаль еще драму «Дмитрій Самозванець», произведеніе полное отдёльныхъ, преимущественно лирическихъ красотъ, но окончательно доказавшее самому поэту, что онъ лишенъ силы драматургической. Ему предназначено было другое поприще; но пока онъ еще не выступаль на него, не записываль рождавшихся въ его головъ мыслей, а ограничивался тъмъ, что высказываль ихъ въ спорахъ. А. П. Кошелевъ разсказываетъ, что вноследствій, на упреки въ томъ, что онъ слишкомъ много говоритъ и слишкомъ мало пишеть, Хомяковъ отвъчалъ: «Изустное слово плодотвориње писаннаго; оно живить слушающаго и еще болње говорящаго. Чувствую, что въ разговоръ съ дюдьми я и умнъе, и сильнъе, чъмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова произнесенныя и слышанныя коренистве словъ писанныхъ и читанныхъ. И на самомъ дълъ, сида его слова было поразительна: въ томъ согласны всв, друзья и недруги, оставившіе намъ воспоминанія о немъ. За страсть къ спорамъ недальновидные люди называли Хомякова софистомъ и лицемфромъ, потому что онъ часто для уясненія какого нибудь вопроса, о которомъ спорили два безнадежно - несогласные собесъдника, становился то на сторону одного, то на сторону другаго и въ концъ концовъ доказывалъ обоимъ несостоятельность ихъ доводовъ и приводилъ ихъ къ истинъ. Спорить съ нимъ было очень трудно, почти невозможно. Но за то, когда, увлекшись, онъ начиналь излагать свои любимыя мысли, особенно говорить о въръ, о призваніи Россіи, то діалектикъ исчезалъ, и слово его звучало вдохновеніемъ пророческимъ.

Мы уже назвали выше нъсколькихъ друзей, составлявшихъ первый и ближайшій кружокъ Хомякова. Къ концу тридцатыхъ годовъ въ Москве собранись все те силы, которыми прославилась последующая четверть въка. На ученое и литературное поприще выступили первые противники провозглашеннаго Хомяковымъ Русскаго направленія: Герценъ, Грановскій, Бълинскій, потомъ Соловьевъ и Кавелинъ; рядомъ съ нимъ явились сторонники направленія національнаго въ тъсномъ смыслъ, Шевыревъ и Погодинъ. Все это были, кромъ немногихъ, люди такъ или иначе причастные въ Университету, представители, если можно такъ выразиться, присяжной науки, процевтшей подъ покровительствомъ попечителя графа Строганова. Проповедь Хомякова нашла себъ въ началъ лишь немногихъ послъдователей. Почти одновременно съ обращениемъ къ православному образу мыслей И. В. Киреевскаго, Хомяковъ сошелся съ молодыми людьми К. С. Аксаковымъ, Ю. О. Самаринымъ, А. Н. Поповымъ и нъкоторыми другими. Тогда же впервыя появился въ Москвъ Гоголь, съ которымъ Хомяковъ вскоръ подружился. Если прибавимъ имена брата К. М. Хомяковой, Н. М. Языкова, съ его другомъ К. А. Коссовичемъ, ея племянника Дмитрія Александровича Валуева, старика С. Т. Аксакова, выступившаго въсколько поздеве, младшаго сына его Ивана Сергвевича, братьевъ Елагиныхъ и О. В. Чижова: то получимъ почти полную картину того кружка, въ которомъ вращался въ то время Хомяковъ. Еще позже въ нему присоединился внязь В. А. Черкасскій.

Та юпошеская свъжесть чувства, которую Хомяковъ сохраниль до эрвлаго возраста, сказалась не въ однихъ только указанныхъ нами отношеніяхъ къ женъ: таковъ былъ онъ и въ дружбъ. Сходясь съ людьми, которые были моложе его на много лътъ, онъ заставлялъ ихъ забывать разницу возраста. Такова была его дружба съ Константицомъ Аксаковымъ и Юріемъ Самаринымъ. Вотъ какъ опредъляеть ихъ троихъ И. С. Аксаковъ:

«Творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповъди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болье поэтъ (не въ смысль только стихописанія), и строгій логическій выводъ, даже въ научныхъ изследованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ».

«Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину не доставало творчества и почина, III. 24

то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логики не могли подкупить никакія сочувствія и влеченія. Онъ не только ничего не принималь на вѣру, но въ противуположность своему другу быль исполнень недовърія къ самому себъ и подвергаль себя постоянно аналитической провъркъ. К. С. Аксаковъ быль рожденъ ораторомъ и говориль лучше, чъмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, опъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словъ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послъдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода.>

«Въ обществъ, въ которомъ они появились вмъстъ въ 1840 году, встрътили они Хомякова, и эта встръча была ръшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрълостью лътъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но удивительнымъ, гармоническимъ сочетаніемъ противоположностей ихъ объихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мъшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ въры и анализъ науки уживались вмъстъ, не нарушая правъ другъ друга, напротивъ—въ безусловной, живой полнотъ своихъ правъ, безъ борьбы и противоръчія, но свободно и вполнт примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной въры спускаться въ самыя глубочайшія глубины скепсиса, и выносилъ оттуда свою въру во всей ея пъльности и ясной, свободной, какой-то дътской простотъ. Онъ презиралъ въру робкую почіющую на бездъйствіи мысли и опасающуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобы этотъ анализъ былъ доводимъ до конца».

Сближеніе съ Хомяковымъ окончательно опредѣлило направленіе Аксакова и Самарина. Первый примкнулъ къ Хомякову раньше; для втораго, по складу его ума, борьба была труднѣе и болѣзненнѣе, и лишь послѣ долгаго и мучительнаго разлада съ самимъ собою онъ достигъ полнаго внутренняго примиренія *).

Но еще раньше связи съ Аксаковымъ и Самаринымъ, Хомяковъ всей душой привязался въ племяннику своей жены, молодому Валуеву, который, учась въ Университетъ, жилъ у него.

^{*)} Подробности этой борьбы шагъ за шагомъ очерчены въ біографическомъ очеркъ, предпосланномъ Д. Ө. Самаринымъ патому тому сочиненій его брата.

Дмитрій Александровичь Валуевъ, умершій въ молодыхъ годахъ, быль ръдкимъ образчикомъ соединенія блестящихъ дарованій съ неутомимымъ трудолюбіемъ. Во всю свою недолгую жизнь опъ не только самъ безъ устали работалъ, но и показалъ другимъ, какъ нужно работать. Изданный имъ «Сборникъ историческихъ и статическихъ свъдъній о Россіи и о народахъ ей единовърныхъ и единоплеменныхъ», къ которому Хомяковъ написалъ введеніе, былъ первою книгою, послужившею выражениемъ только что народившагося Русскаго направленія. Хомякова, который горячо полюбиль Валуева, этоть последній съ 1836 года и до самой своей смерти въ 1845 году постоянно побуждаль писать. «Онъ менъе всъхъ говоритъ, онъ почти одинъ дълаетъ, писалъ о немъ Хомяковъ Языкову. После смерти Валуева въ письмъ къ Ю. О. Самарину Хомяковъ говорить: «Изъ нашего круга отделился человекъ, котораго никто мне никогда не заменитъ, человъкъ, который миъ былъ и братомъ, и сыномъ. Этотъ ударъ былъ для меня невыразимо тяжель; но, отвлекая себя оть личнаго чувства, я могу сказать, что это потеря невознаградимая для всъхъ насъ. Его молодость, дъятельность, чистота, миротворящая, хотя ни въ чемъ не уступающая, кротость нрава и, наконецъ его совершенная свобода и независимость отъ лицъ и обстоятельствъ, все дълало его драгоценнъйшимъ изъ всъхъ сотрудниковъ въ общемъ дълъ добра и истины. Богу угодно было, чтобы такия прекрасная жизнь рано кончилась; но къ счастію Валуевъ многое началь, и начатое имъ, я надъюсь, не пропадетъ, а продолжится. Вы, конечно, сочувствуете моему горю, но никто не можетъ вполив оцвинть, что я съ Валуевъ потерялъ и какъ много я ему обязанъ быль во всёхъ самыхъ важныхъ частяхъ моей умственной дъятельности. Во многомъ онъ былъ моей совъстью, не позволяя мив ни слабъть, ни предаваться излишнему преобладанію сухаго и логическаго анализа, къ которому я по своей природъ склоненъ. Если что нибудь во мит цтнятъ друзья, то я хоттять бы, чтобы они знати, что въ продолжение цълыхъ семи лътъ дружба Валуева постоянно работала надъ исправленіемъ дурнаго и укръпленіемъ хорошаго во мив.>

Валуевъ далъ первый внёшній толчекъ прозаическимъ писаніямъ Хомякова, который до тёхъ поръ, кромё упомянутой нами выше ючошеской статейки о зодчествё, да напечатанной въ 1835 году небольшой статьи о черезполосномъ владёніи, ничего не писалъ въ прозё.
Будучи ежедневнымъ свидётелемъ того, какъ Алексей Степановичъ
расточаетъ въ разговорё сокровища своего ума и познаній, и не придавая никакой цёны словесной передачё мыслей, Валуевъ сталъ не-

отступно требовать отъ Хомякова, чтобы онъ записываль то, что говориль и взяль съ него честное слово, что онъ одинъ часъ въ день будеть писать. На первый разъ онъ даже заперъ своего старшаго друга на ключь въ его кабинетъ. Такъ положено было начало Запискамъ Хомякова о всемірной исторіи. Разъ какъ-то Гоголь засталь его за писаніемъ и, заглянувъ въ тетрадь, увидаль въ ней имя Семирамиды; онъ сказаль кому-то, что Хомяковъ пишетъ Семирамиду. Такъ это названіе и осталось за этой работаю, и впослъдствіи самъ Хомяковъ иначе ея и не называлъ. Записки эти онъ велъ въ продолженіе всей своей жизни, свято исполняя данное покойному другу слово.

Этотъ обширный трудъ, представляющій собственно подробную схему всемірной исторія, заключаеть въ себ'я безчисленное множество новыхъ и свътлыхъ мыслей. Иткоторымъ изъ этихъ мыслей суждено было войти въ науку много лъть спустя. Съ этой точки зрвнія Записки Хомякова-богатый источникъ для будущихъ историковъ, которые будуть изумляться необычной силь его исторического провидыния, часто на основани самыхъ скудныхъ данныхъ угадывавшаго то, что долго скрывалось отъ проницательности ученыхъ. Но въ этомъ и слабая сторона «Семирамиды». Въ то время, когда она писалась, археологія и историческая критика многаго еще не открыли, и Хомиковъ, при всей своей проницательности, часто вводимъ быль въ заблуждение недостаткомъ точныхъ данныхъ. Значение Записокъ прекрасно выяснено въ предисловіи къ нимъ, написанномъ ихъ издателемъ А. Ө. Гильфердингомъ, котораго Алексъй Степановичъ всегда высоко цъпилъ. Гильфердингъ такъ передаетъ, со словъ самого Хомякова, его взглядъ на научное значение своего труда: «Всв кипти о всемірной исторіи, говориль овъ, кажутся ему совершенно неудовлетворительными; онъ гръшать тёмь, что исторія разсматривается въ нихъ сь чисто вижшней стороны и притомъ крайне односторонне. Односторонность въ нихъ вопервыхъ та, что исторія, хотя и называется всемірною, сосредоточивается почти исключительно въ народахъ Европейскихъ, великая же и тысячельтняя историческая жизнь другихъ племенъ земнаго шара отодвигается на задній планъ и притомъ не приводится ни въ какую органическую связь съ судьбами привилегированныхъ, такъ сказать, народовъ Европы. Во вторыхъ, между пародами Европы выводятся на сцену лишь народы классической древности и западнаго міра, громадное же илемя Славянское оставляется въ тени, и роль его также не связывается съ общимъ ходомъ міровой жизни. Вифшиій же, механическій характеръ имъють книги о всемірной исторіи главнъйшимъ образомъ потому, что онъ слишкомъ мало понимаютъ и цвиятъ то начало, которое существеннъйшимъ образомъ обусловливаетъ строй человъческаго общества и его внутреннія стремленія, именно редигію. Итакъ Хомяковъ поставиль себѣ задачею изложить схему, какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, вопервыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащее отношеніе; чтобы, вовторыхъ, Славянскому племени возвращено было подобающе ему мѣсто, и чтобы, втретьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго развитія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силърелигіи».

«Ему не было суждено, говорить Ю. О. Самаринъ, «не только довести до конца великій задуманный имъ трудъ, но даже воспользоваться тимъ, что уже было имъ исполнено; а чего онъ не успълъ совершить, того конечно не возметь на себя никто. Мы можемъ только сохранить для потомства богатое наследство его мысли въ томъ видъ въ какомъ оно до насъ дошло. Нътъ сомнънія, что въ такомъ обширномъ, многосложномъ и окончательно непровъренномъ трудъ, каковы Записки Хомякова, найдутся недосмотры, ошибки, противоръчія и произвольныя, а еще чаще неоправданныя догадки; на нихъ укажуть, ихъ исправять спеціалисты коротко знакомые съ источниками, и въ тоже время, мы въ этомъ не сомнъваемся, они оцънять по достоинству великій ученый подвигь покойнаго автора. Представители ремесленности въ наукъ, не находя на его трудъ своего цеховаго штемпеля, отвернутся отъ него съ пренебрежениемъ; одно отсутствие раздъленія на главы и рубрики падолго доставить поживу самодовольной вритикъ. Мы предоставляемъ ей это дегкое торжество падъ трудомъ, который, въ этомъ отношеніи, является передъ нею безоружнымъ. Вольшинство читателей найдеть въ немъ чтеніе, конечно не легкое, но которое съ избыткомъ вознаградить всякое усиліе мысли. За послъднее можно смъло поручиться».

Сочиненіе свое по всемірной исторіи Хомяковъ не назначаль къ печати, по крайней мъръ въ томъ видъ, въ какомъ оно осталось послъ него; и такъ какъ овъ не успъль его окончить, то его и нельзя признавать трудомъ вполнъ цъльнымъ. Но самъ опъ считалъ эту работу настоящимъ своимъ дъломъ и въ одномъ нисьмъ къ С. П. Шевыреву говорилъ: «Къ несчастію я такъ лъннвъ, что всякая статья отрываетъ меня отъ труда постояннаго, и поэтому я долженъ только позволять себъ трудъ эпизодическій, когда вижу или чувствую въ душъ необходимость высказать свою мысль». Эти слова знаменательны: ими объяс-

няется какъ все последующее распределение занятий Хомякова, такъ и неизбъжная отрывочность его статей. За двадцать лътъ съ 1840 по 1860 годъ онъ въ сущности написаль много и успъль, въ большей или меньшей степени, высказаться по всёмъ занимавшимъ его вопросамъ; но, считая, какъ видно изъ только что приведеннаго письма, свои статьи случайнымъ выражениемъ мыслей, онъ никогда не думаль о приведеніи ихъ въ какую бы то ни было систему. Напротивъ, «Записки» свои вель онъ, придерживаясь строгаго, напередъ обдуманнаго плана, и только одно это его произведение и носить характеръ сочиненія систематическаго, тогда какъ отдёльныя статьи являются какъ бы эпизодами его умственной дъятельности. Поэтому для полнаго уразумвнія Хомякова необходимо последовательное изложеніе его мыслей, освобожденныхъ отъ тъхъ рамокъ, въ которыхъ эти мысли заключены и разбросаны по отдъльнымъ его статьямъ. Опыть такого изложенія мы даемь во второй части настоящаго труда; здёсь же будемъ укавывать на отдёльныя статьи лишь постольку, поскольку это необходимо для разсказа о его жизни и для уясненія его личности.

VL.

Славяно-мильство. — Отношеніе къ нему правительства и общества. — Взглядъ Хомякова на призвапіе его сотрудниковъ.

Подавая по временамъ голосъ въ статьяхъ и стихахъ и постоянно работая надъ «Семирамидою», Хомяковъ продолжалъ предпочитать устное слово писанному и неустанно развивалъ свои мысли въ горячихъ спорахъ съ друзьями и противниками. Послъдніе постепенно выдълились въ видъ «Западниковъ», а Хомякова и его сторонниковъ прозвали «Славянофилами», воскресивъ, по поводу ихъ сочувствія Славянамъ, это старое слово, прилагавшееся нъкогда къ Шишкову и другимъ защитникамъ Церковнославлискаго языка въ Русской словесности *).

^{*)} Въ 1847 году, въ статьв "О возможности Русской художественной школы", напечатанной въ "Московскомъ Сборникъ", Хомиковъ писалъ: "Нъкоторые журналы называютъ насъ насмъшливо Славянофилами, именемъ составленнымъ на иностранный ладъ, но
которое въ Русскомъ переводъ значило бы Славянолюбиевъ. Я съ своей стороны готовъ
принять это названіе и признаюсь охотно: люблю Славянъ. Я не скажу, что я ихъ люблю
потому, что въ рапней молодости, за гравицами Россіи, принятый равнодушно, какъ
всякій путещественникъ, въ земляхъ не-Славянскихъ, я былъ въ Славянскихъ земляхъ
принятъ, какъ любимый родственникъ, посъщающій свою семью; или потому, что во время
военное, провзжая по мъстамъ, куда еще не доходило Русское войско, я былъ привътствуемъ Болгарами, не только какъ въстнивъ лучшаго будущаго, но накъ другъ и братъ;

Такъ началось Славянофильство.

Трудно было положение этихъ немногочисленныхъ борцовъ мысли. Еще ни одно новое умственное направление не встръчало при своемъ возникновеніи такого единодушнаго недовърія со стороны всей окружающей среды, недовърія, порою персходившаго въ ненависть. Можно безъ преувеличенія сказать, что съ самыхъ первыхъ шаговъ славянофильства отношение къ нему правительства и общества представляло собою одно сплошное недоразумъніс, въ значительной мъръ продолжающееся и до сихъ поръ. Истинныхъ мивній Славянофиловъ въ ихъ последовательности огромное большинство ихъ порицателей не только не знало, но и не хотело знать: подхватывались ихъ конечные выводы по отдёльнымъ вопросамъ, перетолковывались вкривь и вкось и въ такомъ видъ подвергались осмъянію и преслъдованію. Проповъдь широкой духовной свободы обзывалась насильничествомъ, потому что требовала этой свободы для всъхъ межній, а не для однихъ только модныхъ, не для новизны только, но и для старины. Люди, едвали не полеве своихъ противниковъ изучившіе западную науку и настанвавшіе дишь на сознательномъ ея воспріятіи на мѣсто рабской переимчивости, оглашались старовърами, будто бы желавшими повернуть Россію спиной къ Европъ и вогнать ее въ Азію. Наконецъ, ученіе, краеугольнымъ камнемъ котораго въ вопросахъ политическихъ было историческое самодержавіе, оподозривалось въ государственной неблагонадежности и чуть не въ стремленіи къ бунту. Между темъ какъ

или потому, что, живучи въ вхъ деревняхъ, я нашелъ семейный бытъ своей родной вемли; или потому, что въ ихъ числе находится напболее племенъ православныхъ, следоветельно свяванныхъ съ нами единствомъ высшаго духовного начада; или даже потому, что въ ихъ простыхъ правахъ, особенно въ областихъ православныхъ, таятся добродътели и двятельность жизни, которын впушили любовь и благоговъніе просвъщеннымъ иностранцамъ, каковы Бланки и Буз. Я этого не скажу, хоти тутъ было бы довольно разумныхъ причинъ; по скажу одно: и ихъ люблю потому, что нътъ Русскаго человтка, воторый бы ихъ не любиль; ивть такого, который че сознаваль бы своего братства съ Славянивомъ и особенно съ пракославнымъ Славяниномъ. Объ этомъ, кому угодно, можно учинить справку коть у Русских солдать, бывших в въ Турепкомъ походъ, или коть въ Московскомъ гостиномъ дворъ, гдъ Французъ, Нъмецъ и Итальянецъ принимаются какъ иностранцы, а Сербъ, Далиатипецъ и Болгарипъ, какъ свои братья. Поэтому насившку надъ пашей любовію къ Славинамъ принимаю я также охотно, какъ и насивнику падъ тамъ, что мы Русскіе. Такія насмашки свидательствують только объ одномъ: о свудости мысли и тесноте взглида дюдей, утратившихъ свою умственную и духовную жизнь и всякое естественное или разумное сочувствие въ щеголеватой мертвенности салоновъ или въ односторонней книжности современнаго Запада".

западничество, при своемъ несомнънномъ сочувствии съ западноевропейскими государственными ученіями, не смотря на то, гораздо болъе пользовалось покровительствомъ власти и господствовало на университетской канедръ, Славянофилы обставлены быди неисчислимыми цензурными стъсненіями, а иногда находились и подъ прямымъ запрещеніемъ печатать что бы то ни было. Тоть самый графъ С. Г. Строгановъ, который, будучи попечителемъ Московскаго университета, такъ много для него сдблалъ, оказывая покровительство даровитымъ молодымъ ученымъ и помогая имъ достигать профессуры, къ Славянофиламъ относился недовърчиво и считалъ ихъ людьми опасными. Незадолго до своей смерти, когда большинства ихъ уже не было въ живыхъ, онъ, говорять, измѣниль свой взглядъ и цоняль свою былую ошибку, по во время своего попечительства и непосредственно послъ него онъ всюду, гдъ только могъ, ставилъ препятствія Славянофиламъ. Если же такой человъкъ какъ Строгановъ, ничего не искавшій, просвъщенный и вездъ, по своему крайнему разумънію, помогавшій просвъщенію, такъ относился къ Славанофиламъ: то понятно, чего могли они ждать отъ другихъ представителей власти, несравненно менъе способныхъ понять ихъ и оцънить. Еще въ 1858 году Московскій генераль-губорнаторь графь Закревскій въ своемъ секретномъ сообщении шефу жандармовъ князю Долгорукову о неблагонамъренныхъ людяхъ въ Москвъ писалъ: «По разнымъ слухамъ и вегласнымъ дознаніямъ можно предполагать, что такъ называемые Славянофплы составляють у насъ тайное политическое общество, вредное по своему составу и началамъ». Въ приложенномъ къ этому сообщению спискъ Ю. О. Самаринъ, напримъръ, опредъляется такъ: «Славянофилъ и литераторъ, желающін безпорядковъ и на все готовый». Въроятно и Закревскій, и другіе подобные сму блюстители общественной безопасности затруднились бы объяснить, на что собственно готовы Славянофилы; но последнимъ было отъ того не легче. Преследование не ограничивалось одною литературою: и самыя лица не оставались свободными отъ него. Русское платье и въ особенности борода, которую они носили, сочтены были признаками исповиновенія власти. Черезъ полтора въка послъ указовъ Петра Великаго, Москва опять увидала гоненіе на бороду.

Подозрительное отношение къ Славянофиламъ, въ значительной мъръ внушаемое Петербургу ихъ Московскими педоброжелателями, обратно, какъ бы отражалсь, оказывало дъйствие на многихъ Москвичей, въ душъ къ нимъ расположенныхъ: многие сторонились ихъ, считая опаснымъ знаться съ опальными людьми.

Наконецъ, и то сословіе, которое, повидимому, должно было бы сочувственно отнестись къ общественной проповъди Православія, начатой Славянофилами, встрътило ихъ съ холодностью и недовъріемъ. Большинство духовенства, не исключая даже самого митрополита Московскаго Филарета, казалось, не хотъло понять, что славянофильство— не новый расколь, и что нъть основанія не довърять ему. Когда нъкоторые лучшіе умы Англиканской церкви начали склоняться къ Православію, Хомяковъ горячо приняль къ сердцу ихъ дъло и всъми силами старался, въ письмахъ къ Пальмеру, выяснять ихъ недоумънія. Чтобы облегчить Пальмеру доступъ къ высшимъ представителямъ Русской іерархіи, Алексъй Степановичъ писалъ Казанскому архіепископу Григорію. Послъдній въ началъ отнесся къ нему съ теплымъ сочувствіемъ, но потомъ, въроятно по чьимъ нибудь наговорамъ, сразу измѣниль это отношеніе на холодную оффиціальность*).

Въ числъ немногихъ, имъвшихъ правильный взглядъ на Хомякова и его убъжденія, должно назвать Димитрія архіепископа Тульскаго, а потомъ Одесскаго, который былъ очень расположенъ къ Алексью Степановичу и часто и подолгу съ нимъ бесъдовалъ; также архіепископа Антонія Смоленскаго, а послъ Казанскаго.

Среди всеобщей вражды, Славянофиламъ приходилось кръпко держаться вмъстъ. И дъйствительно, кругъ ихъ былъ не великъ, но за то неразрывенъ. Хомяковъ, бывшій его душою и средоточіемъ, особенно заботился о молодежи. Трогательны его письма въ Петербургъ къ А. В. Веневитинову и къ графинъ А. Д. Блудовой, которыхъ онъ просить не оставить безъ поддержки ъхавшихъ туда юныхъ Москвичей. Онъ въчно за кого нибудь хлопоталъ, послъдовательно снаряжая въ Петербургъ А. Н. Попова, Ю. Ө. Самарина, К. А. Коссовича, К. Д. Кавелина. Послъдняго, не смотря на разность ихъ миъній, онъ искренно любилъ.

Хомяковъ принадлежаль къ немногимъ дюдямъ, сразу оцвинвшимъ Гоголя. По и помимо отношенія къ нему, какъ къ художнику, Алексъй

^{*)} Мы приводимь этоть случай, какъ примъръ отношенія одного изъ видныхъ Русскихъ ісрарховъ въ Хомякову, не иходя здёсь въ подробности дёла о несостоявшемся обранценія въ Православіе Пальмера. Причина пеудачи послёдниго лежала прежде всего въ немъ самомъ, въ крайней трудности для западнаго человъка отрышиться отъ въковыхъ предубъжденій и односторонности въ основныхъ религіозныхъ воззръпіяхъ Запада. Эта сторона дёла ясно выступасть въ нерепискъ Пальмера съ Хомяковымъ. См. "Русскій Архивъ" 1894 г., кн. III, вын. ХІ, стр. 433.

Степановичъ полюбилъ его какъ человъка и остался ему върнымъ другомъ до конца. Гоголь былъ крестнымъ отцомъ младшаго его сына Николая.

Одаревный рэдкою способностью понимать смыслъ текущихъ событій и предугадывать грядущее паправленіе общественной жизни, Хомяковъ всемъ своимъ существомъ чувствоваль необходимость дружной и систематической работы. Въ 1846 году онъ писалъ Самарину: «Надобно и непремънно надобно вырабатывать всъ мысли, всъ стороны жизни, всю науку. Надобно передълать все наше просвъщение, и только общій, постоянный и горячій трудъ могуть это сделать». Вмъсть съ тъмъ, онъ вполнъ сознавалъ, что цъль его – не внъшняя. «Глупо съ нашей стороны давать себъ видъ политическихъ дъйствователей», писаль овъ А. Н. Попову: «по сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше соціализма». «Практическое приложение началь нами защищаемыхъ покуда еще невозможно», говорить онь въ другомъ письмъ къ тому же Попову: «оно производить только минутную тревогу, не принося плода. Воспитаніе общества только что начинается, а покуда оно не подвинулось сколько нибудь, никакого пути быть не можеть. Изъ нашихъ многіе начинають сомнъваться въ успъхъ самаго этого воспитанія: они говорять, и повидимому справедливо, что число Западниковъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, а наши пріобрътенія ничтожны. Это видимая правда и дъйствительная ложь. Воть мое объяснение. Мысль распространяется, какъ мода. Начинается съ десяти герцогинь, идетъ къ тысячъ дамъ салонныхъ и падаетъ въ удёлъ сотив тысячъ горинчныхъ и гризетокъ: числительное пріобретеніе и действительный упадокь. Тоже и съ мыслію: она переходить отъ десятка душь герцогинь къ сотиж горничныхъ душъ. Безъ савпоты нельзя не признать, что старая западная мысль сдълалась нарядомъ всего горничнаго міра; но безъ пристрастія недьзя отрицать и того, что мы много выиграли м'яста въ душевной аристократіи».

Но ограничивая борьбу областью духа и мысли, Хомяковъ требоваль, чтобы и оружіе ея было чисто-духовное, и ръзко возставаль противъ всикаго примъненія силы внъшней, въ какомъ бы видъ она ни проявлялась. «Нъсть наша борьба крови и плоти», пишетъ онъ К. С. Аксакову.

> Пъвецъ-пастухъ на подвигъ ратный Не бралъ пи тяжкаго меча, Пи шлема, ни брани булатной, Ни латъ съ Саулова плеча;

Но, духомъ Божьимъ остненный, Онъ въ полт бралъ кремень простой— И падалъ врагъ иноплеменный, Сверкая и гремя броней.

И ты, когда на битву съ ложью Возстанетъ правда думъ святыхъ, Не нелагай на правду Божью Гнилую тягость латъ земныхъ.

Доситахъ Саула ей окова, Ей царскій тягостенъ шеломъ; Ея оружье—Божье слово, А Божье слово—Божій громъ.

Мало того: Хомяковъ никогда не скрываль отъ себя, что употребленіе внъшнихъ средствъ въ духовной борьбъ часто бываетъ гибельно для проповъдуемой идеи. Въ одномъ мъстъ своихъ «Записокъ» онъ говоритъ: «Костеръ мученика—торжество въры, крестовый походъ—ея могила» (IV, 204).

Вмёстё съ тёмъ онъ постоянно предостерегалъ Русскій народъ отъ духовной гордости:

Не терпить Богь людской гордыви. Не съ тъми Онъ, кто товоритъ:
"Мы соль земли, мы столиъ святыни,
"Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!"
Не съ тъми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.
Но съ тъми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всъхъ изгибахъ бытіи.

Послъдніе стихи ни къ кому не примънимы въ такой полнотъ, какъ къ написавшему ихъ. «Для Хомякова», говорить А. И. Кошелевъ, «въра Христова была не доктриною и не какимъ либо установленіемъ: для него она была жизнью, всецъло обхватывавшею все его существо».—«Хомяковъ жилъ въ Церкви», сказалъ про него Ю. Ө. Самаринъ въ своемъ превосходномъ предисловіи къ богословскимъ его сочиненіямъ. Сознаніе непосредственнаго общенія молитвы со всъми братьями по въръ никогда его не покидало. Это чувство всего сильнъе овладъваетъ имъ въ часы ночнаго уединенія.

Сидла ночь съ померкцией вышины, Въ небъ сумракъ, надъ землею тъни, И нодъ кровомъ темной тишины Бродитъ соимъ обманчивыхъ видъній.

Ты вставай, во мракт спицій брать! Освяти молитвой част полночи: Божьи духи землю сторожать, Звъзды свътять словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракт спящій брать! Разорви ночных тобмановъ сти: Въ городахъ къ заутрент звонять, Въ Божью церковь идугъ Божьи дети.

Помолися о себъ, о всъхъ, Для кого тяжка земная битва, О рабахъ безсмысленныхъ утъхъ: Върь, для всъхъ пужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракъ спящій брать! Пусть зажжется духъ твой пробужденный Такъ, какъ звъзды на небъ горить, Какъ горить лампада предъ иконой.

VII.

Основныя черты убъжденій и характера Хомякова.—Смерть жены.—Сочиненія послъдняхъ лътъ жизни.

До сихъ поръ мы лишь отрывочно пытались обрисовать отдельныя черты правственнаго облика Алексъя Степановича. Для того чтобы возсоздать его образъ во всей его полнотъ, необходимо помнить основную его черту. Какъ въ убъжденіяхъ своихъ, такъ и въ жизни Хомяковъ былъ прежде всего Православнымъ христіанпиомъ. Убъжденія не отдёлялись у него оть жизни, какъ это бываеть у большинства людей. Онъ жилъ, какъ въроваль и думалъ. Въру свою запечатлвль онъ всею своею жизнью, а потому и высказанныя имъ начала были во всемъ согласны между собою. Въ жизни отдёльнаго человъка, въ жизни общества и государства, въ исторической жизни народовъ видъль онъ воплощение одной и той же божественной мысли и выясилль ее со всею чуткостью живой сердечной вары, со всею зоркостью строгаго научнаго анализа. Пламенно любя Россію и Славянство, онъ никогда не забываль, что вив Церкви ни Россія, ни Славянство не могуть достигнуть полноты своего развитія. Въ отличіе отъ иныхъ, для кого Православіе было особенно дорого, какъ Русская въра, Хомяковъ въ самомъ Русскомъ народъ видълъ прежде всего ковчегъ

Православія и неустанно призываль Россію на путь въры, смиренія и усерднаго изученія завътовъ старины. Таково его стихотвореніе «Россіи»

"Гордись!, тебъ льстецы сказали, "Земля съ увънчаннымъ челомъ, "Земля несокрушимой стали, "Полміра взившая мечемъ! "Предъловъ ивтъ твоимъ владеньимъ, .И, прихотей твоихъ раба, "Внимаетъ гордымъ повелъньямъ "Тебъ покорная судьба. "Красны степей твоихъ уборы, "И горы въ небо уперлись, "И какъ моря твои озера"... — Не върь, не слушай, не гордись! Пусть ракъ твоихъ глубоки волны, Какъ волпы спнія морей, И надра горъ адмазовъ полны, И хлъбомъ пышенъ тукъ степей; Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ Народы робко клонять взоръ, И семь морей немолчнымъ плескомъ Тебъ поють хвалебный хоръ; Пусть далеко грозой кровавой Твои перуны пронеслись:-Всей этой силой, этой славой, Всимъ этимъ прахомъ не гордись!

Грознъй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолинаго хребта,
Жельзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ оснь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица звпадныхъ морей...
И что же Римъ? И гдъ Монголы?
И, сжавъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильнын крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ...

Безплоденъ всякій духъ гордыни, Невърно злато, сталь хрупка; Но кръпокъ ясный міръ святыни, Сильна молящихся рука. И вотъ за то, что ты смиренна, Что въ чувствъ дътской простоты, Въ молчаньи сердца сокровенна, Глаголъ Творца пріяла ты, — Тебъ Онъ далъ Свое призванье, Тебъ Онъ свътдый далъ удълъ: Хранить для міра достоянье
Высовихъ жертвъ и чистыхъ дълъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И въры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.
Твое все то, чъмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится—
Начало славы и чудесъ.

О, вспомни свой удёлть высовій! Былое въ сердців воскреси И въ немъ сокрытаго глубоко Ты духа жизни допроси. Внимай ему, и, всё народы, Согравъ любовію своей, Открой имъ таинство свободы, Сіянье вары имъ пролей. И станешь въ слава ты чудесной Превыше всёхъ земныхъ сыновъ, Какъ этотъ синій сводъ небесный, Прозрачный Вышняго покровъ!

Сознавая вполнъ важность своего призванія, онъ быль чуждь и тъни самообольщенія и, съ полнымъ убъжденіемъ въ недостаточности силъ отдъльнаго человъка для осуществленія начатаго имъ великаго дъла, говориль:

> Какъ часто во мий пробуждалась Душа отъ лъниваго сна, Просидася людямъ и братьямъ Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвадася Въщать Твою волю землъ, Да свътъ осіяеть разумный Безумцевъ, бродящихъ во мглъ.

Какъ часто, безсильемъ томимый, Съ глубокой и тяжкой тоской, Молилъ Тебя дать имъ пророка Съ горячей и сильной душой;

Молилъ Тебя въ часъ полуночи Пророку дать силу ръчей, Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко Глаголами правды Твоей;

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ, Во прахъ простертъ предъ Тобой, Дать міру и уши, и сердце Для слушанья ръчи святой. Личная въра Хомякова была чужда всякого ханжества. Далекій отъ того, чтобы считать себя праведникомъ, онъ въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ съ друзьями выражалъ имъ, что мучительно чувствуеть свое несовершенство. Строго исполняя всё посты и установленія церковныя, дорожа этою тъснъйшею связью съ народомъ, онъ избъгалъ всего, что дълается на показъ. Вообще простота была отличительною чертою его характера. Другою чертою его была веселость—здоровая, непритворная, ясная *).

Единство мысли и дъйствія, горячая искренность, отвращеніе ото всего предвзятаго, затверженнаго, пошлаго, полное здоровье духа и тъла, любовь къ жизни и ея радостямъ: таковъ былъ характеръ Хомякова, простой, ясный, какъ кристалль и потому именно казавшійся и кажущійся мало понятнымъ для тіхъ, кто обо всемъ судить по готовой мъркъ. Мы такъ привыкли видъть и на людяхъ, и на мысляхъ извъстный мундиръ, что безъ такого мундира и вообразить себъ человъка не можемъ. Общественный дъятель, писатель, ученый, подвижникъ, или дъятель практическій, хозяинъ, чиновникъ; наконецъ человъкъ, живущій въ свое удовольствіе, охотникъ, игрокъ: все это мы повимаемъ. Но ученый безъ ученаго званія; писатель, котораго сочиненія ръдко попадають въ печать; общественный дъятель безъ должности, и въ тоже время и хозяинъ, и билліардный игрокъ, и охотникъ, и просто веселый, общительный человъкъ, въ деревив помъщикъ, въ городъ-горожанинъ: какъ это понять, какъ совмъстить? Не постигая такого въ высшей степени гармоничнаго соединенія душевныхъ и твлесныхъ силъ, одни хотели видеть въ Хомякове ученаго, и удивлялись его страсти къ охоть; другіе-барина-дилегтанта, и отказывались уразумьть всю глубину его умственной работы. А между тымъ онъ такъ понятенъ: стоить только уяснить себъ полное отсутствіе въ въ немъ того, что называется академизмомъ, причисленія себя къ какому бы то ни было умственному и общественному цеху. Онъ не быль ни присяжнымъ ученымъ, ни хозяиномъ по ремеслу, ни завзятымъ охотникомъ: онъ былъ просто Алексей Степановичъ Хомяковъ, который и къ наукъ, и къ хозяйству, и къ любимой имъ охотъ прилагалъ данныя ему Богомъ силы; а мъра достигаемого имъ въ каждой изъ этихъ областей дъятельности и жизни зависъла уже отъ мъры этихъ вложенныхъ въ него силъ. Но онъ не дробился, а былъ вездъ одинъ, ровный и цъльный. Отъ того такъ и понятна была его ръчь

^{*)} Прекрасно выражаемая Французскимъ словомъ sérénité, какъ замътилъ вамъ одинъ изъ иынъ живущихъ его друзей.

людямъ простымъ и неученымъ; отъ того и дышетъ опа теперь такой неувядаемой свъжестью: въдь форма проходитъ, жизнь остается.

Широть его интересовъ соотвътствовала и широта познаній и почти невъроятная память. Не говоря уже о наукахъ, стоявшихъ въ близкой связи съ его богословскими и историческими занятіями, опъ интересовался всъмъ на свътъ: искусство, технологія, медицина, во всвхъ этихъ областяхъ онъ самостоятельно работалъ. То онъ находитъ средство противъ ходеры и выдъчиваетъ имъ тысячи 1); то посыластъ въ военное министерство придуманное имъ ружье, и на Лондонскую выставку-своего же изобрътенія паровую машину, получившую тамъ патентъ 2). Не успъвъ развить своего личнаго дарованія въ живописи, онъ превосходно зналъ ея теорію и технику и былъ однимъ изъ основателей Московского Училища Живописи, Ваянія и Зодчества. Подъ его же непосредственнымъ надзоромъ были выстроены церкви въ Боугаровъ и Кругломъ. Словомъ, въ этомъ человъкъ заключалось такое разнообразіе силь, что С. Т. Аксаковъ имъль право сказать о немъ: «Изъ Хомякова можно выкроить десять человъкъ, и каждый будеть лучше его». Теперь говоря о немъ, трудно представить себъ, какъ могь онъ успъть столько сдълать и притомъ еще прослыть ленивымъ.

О лёни Хомякова такъ много говорили его близкіе и онъ самъ, что на этой сторонъ его характера стоитъ остановиться. Необычайно разнообразная дъятельность его и поразительная законченность всъхъ его произведеній потому лишь и были возможны, что въ головъ его неустанно, можно сказать днемъ и ночью, шла непрерывная умственная работа. Люди видъли лишь результаты, такъ сказать, копцы этой работы, и потому, когда Хомяковъ повидимому ничего не дълалъ, упрекали его въ лъни, не давая себъ труда сообразить, что въдъ у обыкновеннаго человъка (положимъ писателя) всякое произведеніе вырабатывается постепенно, а отъ Хомякова не осталось ни одной черновой рукописи: и стихи, и статьи свои онъ всегда писалъ сразу,

^{•)} Средство это (чистый деготь пополамъ съ коноплянымъ масломъ) было много разъ испытано пишущимъ это въ холеру 1893 года. Дъйствіе его поразительно. Въ полномъ развитіи бользани одипъ, много два пріема тотчасъ останавливають рвоту, быстро ослабляють и вскоръ совствит прекращають попосъ, а черезъ какіе нибудь полчаса во всемъ тълъ больнаго проступаетъ теплый потъ. Смертность при этомъ бываетъ ничтожная. Первый пріемъ—полставана смъси, второй—въ половину первого.

²⁾ Въ этой машинт Хомиковъ зидался мыслыю дать непосредственно вращательное движение въ замъть примодинейнаго, на переходъ коего по вращательное тратится непроизводительно много силы. Эта машина была имъ наввана Moskowka. Rotatory Steamengine.

набъло. Значитъ ли это, что онъ ихъ не обдумывалъ и не подготовдяль? Напротивъ, это значить только, что онъ этихъ подготовительныхъ работъ не записывалъ. Сказанное есть не болве какъ догадка; но догадка, кажется, довольно правдоподобная.

До самыхъ последнихъ летъ жизни Алексей Степановичъ, кроме нъкоторой слабости желудка, пользовался хорошимъ здоровьемъ и если хворалъ, то не по долгу. Только въ 1849 году у него болъли глаза, а въ 1855 онъ чуть не умеръ оть тифа. Жилъ онъ по городски, то есть ложился и вставаль очень поздно; но по праздниками всегда ходиль къ объдив и часто даже къ заутрени. Привычкою къ ночному бодрствованію объясняется частое повтореніе въ его стихахъ, такъ сказать, ночныхъ мотивовъ. Его последнее, предсмертное сочинение (второе письмо о философіи къ Самарину) начинается съ описанія ночи: «Тому дня четыре, позднимъ вечеромъ, то есть, какъ вы знаете, за полночь, подошель я къ окошку. Ночь была необыкновенно ясна; далекая и глубокая даль отръзывалась отчетливо противъ ночнаго неба; почти полный мъсяцъ, ужъ на ущербъ, плылъ тихо, не слишкомъ высоко надъ землею; недалеко отъ него алмазнымъ огнемъ горъла планета, кажется Юпитеръ; въ сторонъ сверкалъ и мигалъ прасноватый Сиріусъ, и безчисленное множество звёздъ покрывало все небо серебряною насынью. Полюбоваться бы, да и заснуть. Нътъ! Тутъ миъ пришла мысль, нёсколько странная, но математически-вёрная, о которой я и намеренъ съ вами поговорить. Мив пришда мысль, что вся эта красота, которою я любуюсь, есть уже прошедшее, а не настоящее». Отъ этой мысли Хомяковъ переходить къ разсуждению о пространствъ и времени. Въроятно эти немногія страницы разрослись бы въ серьезный философскій трудъ, еслибы смерть не прервала мыслителя на самомъ его началъ.

Зимою, какъ мы уже не разъ говорили, Хомяковъ всегда жилъ въ Москвъ, которую любиль во всъхъ ея мелочахъ, никогда не забывая ел общаго всенароднаго значенія. Въ одной изъ своихъ ръчей въ Обществъ Любителей Россійской Словесности онъ говорить: «Чъмъ внимательнее всмотримся мы въ умственное движение Русское и въ отношеніе къ нему Москвы, тімъ болье убідимся, что именно въ ней постоянно совершается серіозный размінь мысли, что въ ней совидаются, такъ сказать, формы общественныхъ направленій. Конечно, и великій художникъ, и великій мыслитель могуть возникнуть и воспитаться въ какомъ угодно углу Русской земли; но составиться, созръть, сдълаться всеобщимъ достояніемъ мысль общественная можеть только здесь. Русскій, чтобы сдуматься, столковаться съ Рус-FYCCRI# 4:XHBL 1896.

Библиотека "Руниверс"

скими, обращается къ Москвъ. Въ ней, можно сказать, постоянно нынче вырабатывается завтрашняя мысль Русскаго общества. Въ этомъ убъдится всякій, кто только прослъдить ходъ нашего просвъщепія. Всв убъжденія, болье или менье охватывавшія жизнь нашу, или пропикавшія ее, возникали въ Москвъ. Этимъ объясняются многія явленія, которыя иначе объясниться не могуть, напримфрь то, что иногда человъкъ, не оставившій послъ себя никакого великаго труда, никакого памятника своей двятельности, пользовался славою во всемъ пространствъ нашего отечества и дъйствовалъ прямо или косвенно на строй умовъ и на убъжденія людей, никогда съ нимъ не встръчавшихся въ жизни; или то, что люди, которые сами не трудились на путяхъ словесности, но по своему положенію могли здёсь содействовать или вредить ея успъхамъ, получали всеобщую извъстность, тогда какъ другіе, дъйствовавшіе на томъ же поприцъ, но въ иныхъ областяхъ, оставались неизвъстными никому, кромъ тъхъ, съ которыми они находились въ прямыхъ сношеніяхъ; или то, наконецъ, что иногда человъкъ, ни по занятіямъ, ни по положенію не участвовавшій въ движеніи словесности, получаль нікоторую славу вь краяхь даже отдаленныхъ отъ Москвы только потому, что около него здёсь собиралась живая и серіозная беседа. Вамъ всё эти примеры извёстны. Мысль возникаеть или вырабатывается въ Москвъ и переносится уже въ другія Русскія области; тамъ, если эта мысль одностороння, она уже, такъ сказать, донашивается и изнашивается въ тряпье и лохмотья, когда она уже давно брошена и забыта у насъ.

Вспомнимъ его описаніе Кремлевской заутрени на Пасху.

Въ безмолвін, подъ ризою вочною Мосява ждала, и часъ святой насталь: И мощный звонъ раздался надъ землею, И воздухъ весь, гудя затрепеталъ. Иввучіе, серебрявые гровы Сказали въеть святаго торжества, И, внемля гласъ, ея душъ знакомый, Подвиглася великая Москва. Все тотъ же онъ: ни нашего колненья, Ни мелочно-торжественныхъ заботь Не знаетъ онъ и, въстникъ искупленыя, Опр ср высоты намъ прсне одну поетъ-Свободы пъснь, пъснь конченнаго плана. Мы слушаемъ... Но какъ внимаемъ мы? Сгибаются ль упрямыя подвиа, Смиряются ль кичливые умы? Отпроемъ ли радушныя объятья Для страждущихъ, для меньшей браты всей? Хоть вспомнимъ ли, что это слово--братья-Всвхъ словъ земныхъ дороже и святвй.

Въ Москвъ создалось личное счастіе Хомякова; въ Москвъ же суждено было ему и утратить его: въ Январъ 1852 года Катерина Михайловна занемогла тифомъ, осложненнымъ беременностью, и 26 Января въ 11 ч. 30 м. вечера скончалась.

Въ нъсколько дней, проведенныхъ у ен постели и гроба, Хомяковъ постарълъ и измънился до неузнаваемости, но мужественно переносилъ горе. Въ письмъ къ А. Н. Попову овъ говоритъ: «Я много въ душъ перемънился. Дътство и молодость ушли разомъ. Жизнь для меня въ трудъ, а прочее какъ будто во снъ».

Друзья Хомякова (Л. II. Плещеевъ, Кошелевъ, Хитрово, Свербеевъ и другіе) ни на минуту его не покидали. Умирающій Жуковскій дрожащею рукою написаль Алексью Степановичу, что молить Бога благословить его. Скоро прівхаль изъ Петербурга Ю. Ө. Самаринъ. Въпервую же минуту свиданія Хомяковъ сказаль ему, что онъ принимаеть смерть жены за наказаніе и испытаніе, ниспосланное ему свыше. Эту же мысль мы находимъ и въ его письмахъ.

Со дня кончины Катерины Михайловны до своего конца Хомяковъ постоянно о ней думалъ. Любимымъ занятіемъ его стало писать
на память ея портреты, которые онъ рѣшилъ нарисовать для всѣхъ
своихъ дѣтей. Боясь поддерживать въ дѣтяхъ грустное настроеніе, онъ
при нихъ крѣпился; но самъ, гдѣ бы ни былъ, вспоминалъ о быломъ.
Въ особенности въ деревнѣ каждый шагъ наводилъ его на эти мысли;
тоже было при всякомъ писаніи, къ которому она всегда такъ его
побуждала. Долго послѣ ея смерти онъ не могъ писать стиховъ и,
когда приходила мысль о нихъ, онъ удалялъ ее. Разъ тоже случилось
во снѣ; и вотъ явилась Катерина Михайловна и сказала ему: «Не
унывай». Послѣ этого онъ могъ опять писать. Онъ самъ разсказываетъ это въ письмѣ къ любимой сестрѣ своей жены, покойной Прасковъѣ Михайловнѣ Бестужевой.

Возвращение свое къ дълу онъ ознаменовалъ стихотворениемъ «Лазарь»:

О Царь и Богь мой! Слово силы Во время оно Ты сказаль, И сокрушень быль плань могилы, И Лазарь ожиль и возсталь.

Молю, да слово силы грянсть, Да скажешь: встаны! душѣ моей, И мертвая изъ гроба встанетъ И выйдеть въ сватъ Твоихъ лучей,

И оживеть, и величавый Ея хвалы раздастся глась— Тебь, сінцью Отчей славы, Тебь, умершему за пасъ! Вскоръ по кончинъ Катерины Михайловны Хомякову снова пришлось хоронить близкаго человъка. Вотъ что пишеть онъ Попову:

«Только что ударъ палъ мив на голову-новый ударъ, тяжелый для всёхъ, послёдовалъ за нимъ. Николинькинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; онъ говориль, что въ ней для него снова умираютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душою, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидъ онъ сказалъ: все для меня кончено. Съ тъхъ поръ онъ быль въ какомъ-то нервномъ разстройствъ, которое приняло характеръ религіознаго помѣшательства. Онъ говълъ и сталъ себя морить голодомъ, попрекая себъ въ обжорствъ. Иноземцевъ не понялъ его бользни и тъмъ довелъ его до совершеннаго изнеможенія. Въ Субботу на масляниць Гоголь быль еще у меня и ласкаль своего крестника. Въ Субботу или Воскресенье на первой недълъ онъ былъ уже безъ надежды, а въ Четвергъ на нынёшней недёлё кончилъ. Ночью съ Понедёльника на Вторникъ первой недели онъ сжегъ въ минуту безумія все, что написаль. Ничего не осталось, даже ни одного черноваго лоскутка. Очевидно судьба. Я бы могь написать объ этомъ психологическую студію; да кто пойметь, или кто захочеть понять? А сверхъ того и печатать будеть нельзя. Послъ смерти его вышла распря. Друзья его хотели отпевать его въ приходе, въ церкви, которую онъ очень любиль и всегда посъщаль, Симеона Столпника. Университеть же спохватился, что когда-то даль ему дипломъ почетнаго члена, и потребоваль къ себъ. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотвли, ръшили участь его тыла противъ воли его друзей и духовныхъ братій, и приходъ, общее всёхъ достояніе, долженъ былъ уступить домовой церкви, почти салону, куда не входить ни вищій, ни простолюдинъ. Многознаменательное дело. Эти сожженныя произведенія, эта борьба между пустымъ обществомъ, думающимъ только объ эффектахъ, и серьезнымъ направленіемъ, которому Гоголь посвящалъ себя, борьба ръшенная въ пользу Грановскихъ и Павловыхъ и прочихъ городскимъ начальствомъ: все это какой-то живой символъ. Мягкая душа художника не умъла быть довольно строгою, строгость свою обратила на себя и убила тело. Бедный Гоголь! Для его направленія нужны были нервы жельзные. Ляжегь онъ все таки рядомъ съ Валуевымъ, Языковымъ и Катенькой и со временемъ со мною въ Даниловомъ монастыръ, подъ Славянскою колонною Венелина. Такъ и надобно было».

Мы сказали, что горе не обезсилило Хомякова, а лишь, отнявъ у него, по его собственнымъ словамъ, всю прелесть жизни, направило всъ силы его души на довершение подвига жизни. Нъсколько позже самъ онъ сказалъ:

Подвигъ есть к въ сраженьи, Подвигъ есть и въ борьбъ; Высшій подвигь-въ терпвным, Любви и мольбъ. Если сердце заныло Передъ влобой людской, Иль насилье схватило Тебя ценью стальной; Если скорби венныя Жаломъ въ душу впились,-Съ върой бодрой и сивлой Ты за подвигь берись. Есть у подвига крылья, И взлетинь ты на нихъ, Безъ труда, безъ усилья, Выше мраковъ земныхъ, Выше врыши темпицы, Выше злобы слвной, Выше воплей и приковъ Гордой черви людской.

Вдохновеніе віры, наука разума, опыть жизни и огонь страданія соединились теперь вміств и подняли духъ его на ту высоту, на которой уже ничто не заслоняло широкаго кругозора мысли и съ которой она, завершивъ свой постепенный ростъ, могда выразиться въ своей полноть. Въ послъднія восемь льть своей жизни Хомяковь набольше, чвмъ во все предшествовавшее время. Ему уже мало приходилось заниматься своимъ систематическимъ трудомъ: чувствуя, что жить остается немного, онъ спешиль высказаться по всемъ волновавшимъ его вопросамъ; спъшилъ, какъ самъ гдъ-то выразился, вырабатывать всё мысли, всё стороны жизни, всю науку, то есть выяснить весь кругъ намъченныхъ имъ и его сотрудниками началь въ въръ и знаніи. Все, что такъ долго создавалось въ его умъ, теперь быстро ложилось на бумагу. Кромъ множества разнообразныхъ статей, кромъ чудныхъ стиховъ, которыми онъ отзывался на волненія текущей общественной жизни, онъ въ это время написаль всв свои богословскія сочиненія, за исключеніемъ своего катихизиса «Церковь одна», составленнаго въ сороковыхъ годахъ. Первая богословская его статья «Нъсколько словъ Православнаго христіанина о западныхъ исповъданіяхъ была написана на Французскомъ языкъ по поводу критики Лоранси (Laurentie) на статью О. И. Тютчева «Панство и Римскій вопросъ», напечатанную въ 1850 году въ Revue des deux Mondes. Свою статью Хомяковъ издаль за границей такъ же, какъ и двъ послъдующія.

Эти три статьи, вмъстъ съ нъсколькими меньшими, составляютъ цъльный полемическій трудь—цълый, ръшаемся сказать, подвилу испови-

данія. Въ первый еще разъ новый Западъ (Западъ XIX въка) услыхалъ такой голосъ Русскаго православнаго богослова, прямо къ нему обращенный; голосъ, ничего не замалчивающій и не смягчающій, но спокойный, чуждый страсти и полемического увлечения, проникнутый горячею, истинно-христіанскою любовью. Заканчивая третью свою статью, Хомяковъ обращается къ своимъ Западнымъ читателямъ съ такимъ признаніемъ: «Трудъ, который я предприняль и на который смотрю, какъ на исполнение долга передъ Богомъ и передъ вами, читатели и братья, быль для меня довольно тягостень. Смущало не употребление иностраннаго языка и не трудность показать превосходство началь Церкви передъ началами раскола; я не думалъ удивлять красноръчіемъ и хорошо зналь, что достаточно было простого изложенія церковной доктрины, чтобъ убъдить добросовъстныхъ читателей въ ея строгой последовательности и величавой гармоніи. Но миж была тягостна необходимость говорить о Спасител'в и о Его неизглаголанномъ совершенствъ, о въръ и ея тайнахъ, какъ о темахъ научнаго спора. Богъ миъ свидътель, что не такъ бы желаль я говорить съ вами объ этихъ предметахъ; но это было неизбъжно. - Богь, во время Имъ опредъленное, приведеть снова Европейскія племена въ лоно Церкви. Къ совершенію этого святаго предначертанія призваны будуть люди лучше меня, люди болъе исполненные любви; но, можетъ быть, и логическій трудъ, мною оконченный, окажется не совстмъ безполезнымъ, какъ трудъ приготовительный. Мъстами онъ вамъ покажется сухимъ и суровымъ; не сътуйте за это на меня, читатели и братья Труженику, бросающему плодоносное сфия, предшествуеть желфзиос рало, раздирающее почву, подсъкающее сорныя травы и проводящее борозду. Но, можеть быть, и теперь найдутся души избранныя, въ которыхъ зародышь жизни, положенный Св. Писаніемъ, чтеніемъ отцевъ и въ особенности благодатью Божісю, дремлеть подъ слоемь насл'ядственныхъ заблужденій и, подобно зерну, которому кора безплодной земли мъшаеть прозибнуть, ждеть лишь прохода плуга, чтобы произвести плоды угодные Богу. Читатели и братья! Если таковые между вами найдутся, то я прошу ихъ, во имя той любви, которую каждый обязанъ питать къ истинъ, къ своимъ братьямъ и къ своему Спасителю, не останавливаться на твхъ особенностяхъ моего труда, въ которыхъ могли отразиться мои личные недостатки, но взвъсить сказанное мною серьезно и внимательно» *).

^{*)} Выдержии изъ сочиненій Хомякова, написациых в по-французски, принодятся нами въ переводъ, напечатапном въ Собраніи его сочиненій и принадлежащемъ Н. П. Гилирову-Платонову и Ю. Ө. Самарину.

Мы только что сказали, что появление богословскихъ сочинений Хомякова было ближайшимъ образомъ вызвано вившиниъ обстоятельствомъ: прочтеніемъ статьи Лоранси. Подобнымъ же образомъ облегченіе цензурныхъ ствсненій въ последніе годы жизни Алексея Степановича побудило его къ написанію многихъ статей, которыя ранве не могли бы быть напечатаны. Но все это были поводы; внутренняя же причини видимой плодотворности последнихъ леть жизни Хомякова сравнительно съ прежними, какъ мы указали выше, лежала въ немъ самомъ. И вотъ онъ выходить изъ тъснаго вруга семьи, гдъ уже не было его любимой собеседницы, и изъ несколько более широкаго круга друзей. Съ этого собственно времени начинается для Хомякова болве живой и пирокій обмень мыслей. Опь самъ сознаваль, что смерть жены наложила на него обязанность болбе неустанной работы, и въ письмъ къ П. М. Бестужевой говорить: «Я знаю, я увъренъ, что мив смерть ен была нужна; что она, хоти и наказаніе, въ тоже времи послана мив для исправленія и для того, чтобы жизнь, лишенная всего, что ее дълало отрадною, была употреблена только на занятія и мысли серьезныя».

Между темъ во внешиемъ міре творились знаменательныя событія и готовились еще большія. Россія переживала тяжелое время. Революціонное движеніе, охватившее въ 1848 году Западную Европу, напугало нашихъ правительственныхъ дъятелей и вызвало рядъ мітропріятій, стіснившихъ до нельзя и безъ того гонимую общественную мысль и слово; а такъ какъ Славянофилы давно были въ подозржній у начальства, то они первые и почувствовали тяжесть этихъ ствененій. Въ этомъ году, говоря въ письмъ къ Попову о Москвъ и ен государственномъ значени, Хомяковъ пишетъ: «Въ ней сосредоточивается и выражается сила историческая, сила преданія, сила устойчивости общественной; по этой силь нужно выражение, этому выражению нужна свобода, хотя бы въ свободв и проглядывало какое вибудь повидимому оппозиціонное начало. Эта мнимая оппозиція есть истинное и единственное консерваторство. Пусть этому началу положать совершенную преграду, пусть отнимуть всякую возможность выраженія у этой силы преданія и общественной устойчивости; пусть заморять ее совершеннымъ молчанісмъ (ибо молчаніс есть смерть силы духовной), и тогда черезъ насколько лать пусть поищуть съ фонаремъ живой силы охранной-и не найдуть». Черезъ шесть лъть онь пишеть къ тому же Попову: «Двадцать лъть душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мив чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богь дасть? А время великое. Можеть быть

Тильзить, но Тильзить предшествоваль двёнадцатому году. И такъ будеть опять, ибо мы мыслію выше. А впрочемь, можеть быть, Богь избавить отъ Тильзита. Одно страшно: пять лёть, увы! еще не кончившагося самохваленія, противнаго Богу и чуждаго народному духу».

Время, дъйствительно, было великое и страшное: шла осада Севастополя...

Черезъ годъ сошелъ въ могилу Государь Николай Павловичъ. Хомяковъ пишетъ къ Попову: «Смерть доказала нравственную правоту человъка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ вы сами знаете, и винилъ не лицо, а систему и насъ всъхъ. Черезъ пять лътъ, въ посланіи «къ Сербамъ» Хомяковъ пишетъ: «Теперь узнали мы тщету нашего самообольщенія; теперь освобождаемъ мы своихъ порабощенныхъ братій, стараемся ввести правду въ судъ и уменьшить разврать въ народныхъ нравахъ. Дай Богъ, чтобы дело нашего покаянія и исправленія не останавливалось, чтобы доброе начало принесло добрый плодъ въ нашемъ духовномъ очищении и чтобы мы познали навсегда, что любовь, правда и смиреніе одни только могуть доставить народу, такъ же какъ и человъку, милость отъ Бога и благоволение отъ людей». Въ одномъ изъ писемъ къ графинъ Бзудовой Хомяковъ говоритъ: «Вообще, если можно характеризовать то, что я считаю нашею общею бользнію, однимъ словомъ, я бы ее назвалъ усыпленіемъ совъсти во всъхъ. Иногда она и просыпается, но почти всегда съ просонокъ не туда пойдеть, куда следуеть.

Слабо было въ Русскомъ обществъ сознание задачъ России... И вотъ въ 1854 году Хомяковъ обратился къ своей родинъ съ такимъ словомъ вразумления:

Тебя призваль на брань святую, Тебя Господь нашь полюбиль, Тебъ даль силу роковую, Да сокрушишь ты волю злую Слъпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная! За братьевъ! Богь тебя зоветъ Чрезъ волны гибвнаго Дуная Туда, гдв, землю огибая, Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога Земнымъ созданьямъ тяжело; Своихъ рабовъ Опъ судитъ строго, А на тебъ, увы! какъ мпого Гръховъ ужасныхъ палегло! Въ судажъ черна неправдой черной И игомъ рабства клеймена, Безбожной лести, лжи тлетворной И лъни мертвой и позорной И всякой мерзости полна.

О, недостойная избранья, Ты избрана! Скоръй омой Себя слезою поканныя, Да громъ двойнаго наказанья Не грянстъ надъ твоей главой.

Съ душой кольнопреклоненной, Съ главой, сокрытою въ пыли, Молись молитвою смиренной И раны совъсти растлъчной Елеемъ плача исцъли.

И встань тогда, върна призванью И бросься въ пыль кровавыхъ съчъ! Борись за братьсвъ кръпкой бранью, Держи стягъ Божій кръпкой дланью, Рази мечемъ—то Божій мечъ!

Нечего и говорить, что стихотвореніе это не могло быть напечатано. Хомякова чуть не выслади за него изъ Москвы.

VIII.

Новое царствованіе.— Русскан Бесёда. — Крестьянскій вопросъ. — Дёло Хомякова въ его собственномъ сояпанім.— Смерть друзей и матери.— Кончина Хомякова.— Отзывы о немъ.

Съ наступленіемъ новаго царствованія и Славянофилы могли, наконецъ, вздохнуть свободнъе. Кошелевъ получилъ разръшеніе на изданіе журнала «Русская Бесъда». Предисловіе къ ней было написано Хомяковымъ. Въ немъ онъ ясно и твердо высказаль стремленія свои и своихъ сотрудниковъ и свой взглядъ на обязанности и задачи просвъщеннаго Русскаго человъка. «Русскій духъ создаль самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемъ; ибо это дъло не плоти, а духа Русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тъсныхъ предълахъ; Русскій духъ понялъ святость семьи и поставилъ ес, какъ чистъйшую и незыблемую основу всего общественнаго зданія; онъ выработалъ въ народъ всъ его нравственныя силы, въру въ святую истину, терпъніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дъла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свътомъ Православія. Теперь, когда мысль окръпла въ знаніи, когда самый ходъ исторіи, раскрывающій тайныя начала общественных явленій, обличиль во многомь ложь Западнаго міра и когда наше сознаніе оцёнило (хотя, можеть быть, еще не вполнё) силу и красоту нашихь ископныхь началь, намъ предлежить снова пересмотрёть всё тё положенія, всё тё выводы, сдёланные Западною наукою, которымь мы вёрили такъ безусловно; памъ предлежить подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвёщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началь и тёмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ тоже время на насъ лежить обязанность разумно усвоивать себ'в всякой новый плодъ мысли Западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не оказаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаеть на насъ обязанность стремиться къ первому м'єсту въ рядахъ просв'єщающагося челов'єчества».

До конца существованія «Русской Бесѣды», совпавінаго и съ его концомъ, Хомяковъ быль самымъ дъятельнымъ ея сотрудникомъ.

Наконецъ, наступило время разръшенія и того вопроса, который уже давно быль задушевною его думою, вопроса крестьанскаго. Тяжелее иго крвпостваго права, развращавшее помъщиковъ еще болве, чъмъ крестьянъ, и необходимость выхода изъ этихъ одряхлъвшихъ историческихъ оковъ никогда не переставали заботить Хомякова. Еще въ 1842 году, по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ напечаталь въ «Москвитининъ» двъ статьи «О сельскихъ условіяхъ» и затемъ всю жизнь стремился и успель во всехъ своихъ деревняхъ (кром'в новокупленной Рязанской) заключить съ крестьянами риду или договоръ, основанный на совершенно-свободномъ соглашения. Эти ряды были любимымъ его дътищемъ. Вмъсть съ тымъ онъ не переставалъ доказывать необходимость общаго освобожденія крестьянъ съ землею по всей Россіи. Въ 1848 году, по поводу заински Самарина объ устройстве Лифлицскихъ крестьянъ, Хомяковъ въ письме къ нему, между прочимъ, говорилъ: «Для насъ, Русскихъ, теперь одинъ вопросъ всъхъ важите, всъхъ настойчивъе. Вы его поилли и поияли върно. Давно уже ношусь и съ пимъ и старадся его истинный смыслъ выразить, елико возможно, ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаеть этотъ смыслъ съ наибольшею ясностью и отчетливостью, именно на существование у насъ двухъ правъ, одинаково-кръпкихъ и священныхъ: права наслъдственняго на собственность и такого же права наследственнаго на пользованіе. Въ болье абсолютномъ смыслъ, въ частныхъ случаяхъ, право собственности истинной и безусловной не существуеть: оно пребываеть въ самомъ государствъ (въ великой общинъ), какая бы ни была его форма. Можно доказать, что это общая мысль встхъ государствъ, даже Европейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ. По исторіи старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже княжеской собственности; по крайней мѣрѣ, поземельная наша собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ и слѣд. къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наслѣдственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ, и подчиненностью другому началу— общинѣ. Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай; и кто хочеть этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочеть возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа, а теперь только объ этомъ и хлопочуть. Не позволительно намъ молчать и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этого начала».

Въ слъдующемъ году, въ письмъ къ Кошелеву, Хомяковъ подробно разбираеть особенности сельской общины, доказывая ея совивстимость съ улучшениемъ земледълія въ смысль хозяйственномъ, болье же всего, важность общиннаго устройства въ отношении нравственномъ и бытовомъ, «Община, говорить онъ, есть одно уцълъвшее гражданское учреждение всей Русской исторіп. Отними его, не останется вичего; изъ его же развитія можеть развиться цёлый граждавсвій міръ». — «Мит извъстны до сихъ поръ, пишеть онъ далье, въ нерусской Европ'в только дв'в формы сельского быта: одна Англійская, сосредоточение собственности въ немногихъ рукахъ, другая Французская послъ революціи, безконечное дробленіе собственности. Всв прочія формы относятся къ этимъ двумъ какъ степени переходныя, еще не дошедшія до своего крайняго развитія. Первая очень выгодна для сельскаго хозяйства и усиливаеть до невіроятности массу богатства, напрягая умственныя способности селящина посредствомъ конкурренціи въ наймі и бросая сильные капиталы на опытное усоверmествованіе земледъльческой практики. Воть ея достоинство; но за то самая конкурренція, безземеліе большинства и антагонизмъ капитала и труда доводять въ ней, по необходимости, язву пролетарства до безчеловъчной и непремъщо разрушительной крайности. Въ ней страшныя страданія и революція внереди.—Вторая форма, Французская, дробленіе собственности, невыгодна для хозяйства, замедляеть его развитіе и во многихъ случаяхъ (именно тамъ, гдъ нужны значительныя силы для побъжденія какой-нибудь преграды) дёласть его совершенно невозможнымъ; но это неудобство считаю я не слишкомъ значительнымъ въ сравиения съ выгодами дробней собственности. Нътъ сомнънія, что введеніе этой системы во Франціи удаляєть, а можеть быть

даже отстраняеть навсегда, нашествіе пролетарства; ибо оно мало извъстно въ сельскомъ быту Франціи и является только въ видъ исключенія въ нікоторыхъ слишкомъ неблагодарныхъ містностяхъ. Нищета есть принадлежность городовъ Французскихъ, а не селъ. Но за то эта форма имфеть другой существенный недостатокъ, который въ государственномъ отношении не лучше пролетарства: это полная разъединенность. Таковъ результать во Франціи современной по свидътельству самихъ Французовъ; таковъ будетъ онъ непременно везде. Разъединенность же есть полное оскудение нравственныхъ началъ; а заметь, что оскудение вравственныхъ началъ есть въ тоже время и оскудение силь умственныхъ. Оть этого въ нищенствующихъ селахъ Англіи возстають безпрестанно сильные умы, которых в деятельность отзывается на всю Англію; а въ поляхъ (селами ихъ назвать нельзя) Франціи человъкъ такъ слабъ и глупъ, что отъ него не добъется общество ни одной мысли. Онъ просто нъмой: оть него ни слуха, ни послушанія, по Русской поговоркъ. Конечно я не возстаю противъ собственности, ни противъ ея эгоизма; но говорю, что если кромъ эгоизма собственности ничто недоступно человеку съ детства, онъ будеть окончательно не то, чтобы дурной человъкъ, а безиравственно-тупой человъкъ, овъ одуржетъ. Слышать только объ дъль общемъ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ детства судъ и расправу, видеть, какъ эгоизмъ человъка становится безпрестанно лицемъ къ лицу съ нравственною мыслію объ общемъ, о совъсти, о законъ обычномъ, въръ, и подчиняться этимъ высшимъ началамъ, это-пстинно-правственное воспитаніе, это просвъщение въ широкомъ смыслъ, это развитие не только нравственности, но и ума. И такъ община столько же выше Англійской формы, которой бъдствія она устраняєть, сколько и Французской, которая, избъгая бобыльства физическаго, вводить бобыльство духовное и даеть городамь такой огромный и гибельный переквсь надъ селомь». Наконецъ, касаясь положенія пом'вщика, Хомяковъ говорить: «Объ насъ и объ нашемъ отношеніи къ общинъ покуда я не говорю. Со временемъ мы сростемся съ нею. Но какъ? Этого ръшать нельзя. Смъшно было бы взять на себя все предвидъть. Право пріобрътать собственность, данное крестьяницу, не нарушаеть общины. Личная дъятельность и предпріимчивость должны имъть свои права и свой кругъ действія; довольно того, что онъ будеть всегда находить точку опоры въ сельскомъ мір'в и что въ немъ же или черезъ него они будуть мириться съ общественностью, не выростая никогда до эгоистической разъединенности. Тоже въроятно будеть и съ нами. Но это еще впереди и какъ Богъ дасть! Допустимъ начало, а оно само себъ создасть просторъ».

«Первый высочайшій рескрипть обрадоваль Хомякова, какъ ранній благовъсть, возвъщающій наступленіе дня послъ долгой, томительной ночи», говорить Ю. Ө. Самаринь въ статьъ «Хомяковъ и крестьянскій вопросъ». Когда начались подготовительныя работы Редакціонныхъ Коммиссій, онъ не быль въ нихъ призванъ... Онъ написаль подробное письмо Я. И. Ростовцеву, въ которомъ доказываль вредъ временно-обязанныхъ отношеній и предлагаль цълый проекть единовременнаго выкупа. На это письмо также не было обращено должнаго вниманія. Алексъй Степановичъ высказываль сильное безпокойство за вполнъ успъшное устроеніе крестьянскаго дъла. Послъдствія показали, насколько онъ быль правъ.

Хомякову было пятьдесять четыре года. Онъ еще быль полонъ силъ умственныхъ и тёлесныхъ; но смутное предчувствіе говорило ему, что часъ его близокъ. И воть онъ оглядывается на то, что было сдёлано и что предстояло еще совершить. Значеніе собственной дѣятельности и дѣятельности его сотрудниковъ всегда было ему ясно. Еще въ 1845 году онъ писалъ Самарину: «Мы должны знать, что никто изъ насъ не доживеть до жатвы и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только Русское, но и всемірное». Ему же писалъ онъ теперь: «Мы передовые; а вотъ правила, котораго въ исторіяхъ нѣтъ, но которое въ исторіи несомиѣню: передовые люди не могутъ быть двигателями свосй эпохи; они движутъ слѣдующую, потому что современные имъ люди еще не готовы. Развѣ къ старости иной счастливецъ доживетъ до начала проявленія своей собственной, долго носимой мысли».

Хомяковъ не былъ такимъ счастливцемъ; но онъ не падалъ дужомъ и бодро шелъ впередъ, говоря о себъ:

> По жестким глыбамъ сорной нивы, Съ утра до истощенья силъ, Довольно, пахарь теритливый, Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою И злымъ безумьемъ окруженъ; Боролен кранкой я борьбою: Я утомленъ, я утомленъ.

Пора на отдыхъ. О дубравы, О тишина полей и водъ И падъ оврагами кудрявый, Вътвей склопиющихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тъни отрадной, Склонившись къ звонкому ручью, Хочу всей грудью, грудью жадной Вздохнуть вечериюю струю. Стереть бы поть дневного зноя, Стряхнуть бы грузь дневных заботы!... Безумень! Нать теба покоя, Нать отдыха, впередь, впереды!

Взгляни па ниву: нашни много, А дня пемного вперсди; Вставай же, рабъ лънивый Бога! Господь велить—иди, иди!

Ты куплень дорогой цвною: Крестомы и кровью куплень ты; Сгибайся же, пахарь, падъ браздою, Борись, борець, до поздней тымы!

Предъ словомъ грознаго призванья Склоняюсь трепетнымъ челомъ; А Ты безумнаго роцтанья Не помяни въ судъ Твоемъ!

Иду свершать въ трудъ и потв Удълъ, назначенный Тобой, И пе сомкну очей въ дремотъ И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лъпивый, Не отойду я отъ пего, Покуда не проръжу нивы, Господь, для съва Твоего!

Многихъ близкихъ предстояло ему еще проводить въ могилу прежде, чъмь сойти въ нее самому. Въ 1856 году умеръ И. В. Киреевскій. Хомяковъ вполнъ оцънилъ тяжесть этой утраты для Русскаго просвъщенія. Смерть застала Киреевскаго на самомъ началь предпринятаго имъ общирнаго философскаго труда. «Какое-то особенно строгое ислытаніе нашему направленію, пишетъ Хомяковъ Кошелеву: какъ будто опыть нашего терпвнія и постоянства. Редветь кругь нашь, жизнь обращается для каждаго какъ будто въ воспоминание. Подвигъ становится все строже и строже. Видно, такъ надобно. Потеря Киреевскаго была невознаградима. Между тъмъ какъ остальные ближайшіе сотрудники Хомякова, К. С. Аксаковъ, Ю. О. Самаринъ и другіе, всё боле или менъе воспитались подъ его воздъйствіемъ, Иванъ Васильевичъ Киреевскій дошель до своихь уб'вжденій путемь совершенно самостоятельнымъ. Въ особенности въ вопросахъ философскихъ онъ быль не ученикомъ, а мастеромъ, почти равносильнымъ самому Хомякову, если вообще допустима сравнительная оцёнка дарованій и заслугь въ такой области. Это всегда понималъ Алексъй Степановичъ и глубоко почувствоваль потерю такого соратника. Отношение его къ трудамъ Киреевскаго ясно видно изъ двухъ посвященныхъ имъ статей.

За И. В. Киреевскимъ послъдовалъ его неразлучный спутникъбратъ. Вокругъ Алексъя Степановича не оставалось почти пикого изъближайшихъ его друзей: однихъ не стало, другіе ушли на практическое дъло. Но общеніе съ людьми, проповъдь, споръ были для него необходимы. Въ послъдніе годы жизни мы видимъ его то въ состязаніяхъ съ раскольниками въ Кремлъ, то въ частыхъ спорахъ съ университетскою молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнъній среди нея, каковы были въ то время Рыбниковъ, Козловъ и нъкоторые другіе.

Въ Іюлъ 1857 года скончалась мать Хомякова. «Въ домъ и жизни все какъ-то становится мертвъс и темнъе, пишетъ онъ графу А. П. Толстому; впрочемъ это хорошо, чтобы самому своей очереди легче было ждать».

Въ 1858 году умеръ художникъ А. А. Ивановъ, на котораго Хомяковъ всегда возлагалъ надежду и о картинъ котораго, уже послъ его смерти, написалъ статью. Вскоръ послъ Иванова умеръ молодой Н. В. Шеншинъ, близкій и дорогой Алексъю Степановичу. Очередь была за нимъ.

Не въ Москвъ, не въ Боучаровъ у своего семейнаго очага, въ кругу дътей, суждено было ему закрыть глаза. Въ Сентябръ 1860 года повхаль опъ со старшимъ сыномъ въ свое Рязанское имъніе, село Ивановское, въ округъ котораго была холера. За нъсколько дней Дмитрій Алексъевичъ Хомяковъ уъхалъ отгуда, оставивъ отца совершенно здоровымъ... Продолжаемъ словами Леонида Матвъевича Муромцева, единственнаго, кромъ прислуги, свидътеля его послъднихъ минутъ:

23-го Сентября въ 8 часовъ утра прівхаль ко мев посланный съ извъстіемъ, что Алексьй Степановичь забольль холерой. Я наскоро захватиль съ собою лекарства, которыми довольно успёшно лёчиль въ околоткъ, и съ тяжелымъ предчувствіемъ на сердцъ поскакалъ въ Ивановское. Въ 9 час. я взошель въ комнату къ больному. Онъ лежаль лицомъ къ свъту, а потому страшные следы болезни сразу бросились мыв въ глаза. «Что съ вами, Алексей Степановичъ?» спросиль я у него, стараясь придать моимъ словамъ и твердость, и спокойствіе,— Да ничего особеннаго: приходится умирать. Очень плохо. Странная вещь! Сколько я народу выльчиль, а себя выльчить не могу. И все это было сказано слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, свойственнымъ всемъ холернымъ. Но въ этомъ голосе не было и тени сожаленія или страха, но глуболое убъжденіе, что нътъ исхода. Лишнимъ считаю пересчитывать, сколько десятковъ разъ я его умолялъ принять моего лекарства, послать за докторомъ и, следовательно, сколько разъ онъ отвъчалъ отрицательно и при этомъ самъ вынималъ изъ походной

гомеопатической аптеки то veratrum, то mercurium. Дня два передъ роковымъ 23-мъ числомъ Алексъй Степановичъ уже страдалъ разстройствомъ желудка; не обращая вниманія на этоть недугь, онъ вздиль 21-го въ Лебедянь, 22-го быль въ поль, а въ ночь съ 22-го на 23-е до двухъ часовъ писаль письма. Въ 3-мъ часу онъ легь спать и приказалъ человъку приготовить къ утру горчичникъ, собираясь ъхать со мною въ засъданіе Лебедянскаго Общества. Въ шестомъ часу онъ разбудиль людей: бользнь разразилась въ полной силь. Въ 9-ть часовъ когда я прівхаль въ Ивановское, главные припадки нісколько уменьшились, оставивши по себъ признаки отчаяннаго положенія: изнуренное лицо, холодный потъ, сильно измънившійся голосъ, неимовърную слабость. Около часу пополудни, видя, что силы больнаго утрачиваются, я предложиль ему собороваться. Онъ приняль мое предложение съ радостной улыбкой, говоря: «Очень, очень радъ». Во все время совершенія тапиства, онъ держаль въ рукахъ свічу, шопотомъ повторядъ модитву и творидъ крестное знаменіе. Спустя нъкоторое время онъ принядъ несколько капель моего лекарства, вместо целой рюмки, которую я ему предлагаль. Часа въ три, при усиліи встать съ постели (хотя насъ трое его поддерживали), онъ впалъ въ сильный обморокъ. Ошибочно принявши это за агонію, я попросиль священника читать отходную. Мив, кажется, что этого онь и не слыхаль, и не замътилъ; ибо, очнувшись минутъ черезъ десять, онъ меня увърялъ, что кръпко заснулъ. «Не нужно ли вамъ миъ передать чего-нибудь? Вогъ милостивъ, вы выздоровъете; но выздоровление ваше будетъ продолжительно», - «Не могу говорить», отвъчаль онъ мнъ: «очень тяжело». Разумъется, послъ этого отвъта я уже не сталъ его безпокоить и тревожно ждалъ, что Богъ дастъ. Часовъ до шести не было замътно особенной перемвны. Въ началъ 7-го часа, безпреставно прикладывая руку къ его рукв, къ его ногамъ, я вдругъ замътилъ, что онв сдвлались легче и влаживе. Немедленно стали мы его растирать сильиве прежняго и обложили горчичниками. Черезъ полчаса теплый потъ пробился на бокахъ, на шев и на спинв; ноги согрвлись; пульсъ, совершенно исчезнувшій съ самого утра, началь показываться, однъ только руки оставались холодными, какъ ледъ. Все какъ будто шло къ лучшему, и я началъ надъяться. Въ это время жена моя прислада узнать о здоровье Алексыя Степановича. Н хотыль отойти отъ постели, но -онъ меня удержалъ и спросилъ, куда я иду. «Посылаю добрую въсточку. Слава Богу, вамъ дучше». — «Faites vous responsable de cette bonne nouvelle: je n'en prends pas la responsabilité, *), сказаль онъ

^{*)} Отвъчайте сами за эту добрую въсть: и не беру на себя отвъта за нее.

почти шутя. «Право, хорошо; посмотрите, какъ вы согрълись, и глаза посвътлъли». — «А завтра какъ будутъ свътлы!» Это были его послъднія слова. Онъ яснъе нашего видълъ, что всъ эти признаки казавшагося выздоровленія были лишь послъднія усилія жизни. Въ 7½ часовъ дыханіе его стало тяжко. Я не спускаль съ него глазъ. Въ 7¾ вечера его не стало, а за нъсколько секундъ до кончины, твердо и вполнъ сознательно, онъ осънилъ себя крестнымъ знаменіемъ».

Немноголюдны были похороны Хомякова. На этотъ разъ общество не проявило обычнаго своего лицемърія: не хотъвъ знать живаго, не стало выхвалять мертваго. Но нашлись и люди, понявшіе размъръ понесенной утраты.

Не стало человъка, тридцать лътъ будившаго Русскую народную совъсть, человъка, уяснившаго Россіи ея въру, призваніе, примирившаго ее со стариною. Не стало того, кто положилъ начало многому доброму, что съ тъхъ поръ возникло и еще будетъ возникать въ Россіи.

Общество Любителей Россійской Словесности, котораго Хомяковъ въ последнее время своей жизни быль председателемь, посвятило его памяти засъданіе 6-го Ноября. П. И. Бартеневъ прочелъ воспоминаніе о немъ-единственный до сихъ поръ, хотя и краткій, біографическій очеркъ. Въ повременныхъ изданіяхъ появились некрологи: въ «Русскомъ Въстникъ М. Н. Лонгинова, въ «Московскихъ Въдомостяхъ» Н. Ө. Щербины, и въ «Петербургских» Въдомостяхъ» Л. Ө. Гильфердинга. Въ Петербургскомъ Университетъ К. А. Коссовичъ посвятилъ памяти Хомякова цёлую лепцію, въ которой онъ съ обстоятельностью ученаго и съ горячею любовью друга очертилъ общественное значеніе своего покойнаго наставника. Помянули Хомякова и за рубежемъ. Въ Edinburgh Review 1864 года читаемъ: «We cannot doubt that there will arise in the Church of Russia some who may still carry on the echo of those marvellous letters of the Christian Orthodoxe, in which the lamented Khomiakoff poured forth his aspirations after the future through a union of tenacious adherence to ancient Opthodoxy with a firm confidence in the results of biblical criticism and christian charity, such as we have never seen surpassed, ').

⁴⁾ Переводъ. Мы не можемъ сомиваться въ томъ, что въ Русской Цервви возстанетъ кто-нибудь, кто еще поддержить отголосокъ твхъ чудныхъ писемъ православнаго христіанина, въ которыхъ оплакиваемый нами Хомиковъ выразилъ свои надежды на будущее, соединивъ столько приверженности къ древнему Православію съ твердою върою въ выводы библейской критики и съ христіанскимъ милосердіемъ, коихъ на нашихъ глазахъ никто не превзошелъ.

Но все же смерть Хомякова прошла почти незамъченною. Иначе и быть не могло: брошенныя имъ съмена еще не успъли тогда взойти. Съ тъхъ поръ идетъ четвертое десятилътіе.

Алексвй Степановичь Хомяковъ лежить въ Москвв, въ Даниловомъ монастырв, подъ однимъ памятникомъ со своею женою, имъ самимъ еще поставленномъ, со словами псалма: «Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоить?» 1) Къ этому тексту послв его кончины прибавленъ другой: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды». На памятникахъ кругомъ имена Валуева, Языкова, Гоголя, Самарина, Кошелева, князя Черкасскаго и многихъ другихъ, памятныхъ Москвъ и Россіи.

Неотразимо дъйствуетъ на душу эта нива смерти, сокрывшая останки людей, которыми возродилась Русская жизнь. Невольно вспоминаются ихъ сотрудники: Аксаковы, отецъ и сынъ, тутъ же, недалеко, подъ Симоновымъ, третій, послъдній Аксаковъ—у Троицы, и въ дальней Оптиной Пустынъ—братья Киреевскіе...

Дружнымъ, неустаннымъ подвигомъ добра подвизались всю жизнь свою эти достопамятные люди, не теряя бодрости передъ ледянымъ равнодушіемъ общества, не чая себъ слова благодарности отъ тъхъ, кому несли они свъть истины, зная, что не увидать имъ плодовъ тяжелаго труда своего. Костьми легли они на полъ брани духовной, но слову вождя своего—

Чтобъ страдаными свободы
Нокуналась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы гласъ си пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ Востока
Гръстъ влажный тукъ нолей ¹).

¹⁾ Выборъ текста находится въ песомившой связи съ тъмъ взглядомъ Хомякова на смерть жены, о которомъ мы говорили выше.

²⁾ Последніе стихи Хомикова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ разсказъ о жизни Алексъя Степановича Хомакова мы указали на вивший особенности его сочиненій, обусловленныя ихъ происхожденіемъ и разными случайными обстоятельствами. Характеръ отрывочности, присущій многимь его статьямь, значительно затрудняеть ихь связное чтеніе. 11зложеніе Хомякова такъ увлекательно, языкъ его такъ художественно-прость, мысли такъ ярки и повы, что, пачавъ читать, хотя бы случайно, любую страницу, всякій непредубъжденный (а можсть быть даже и предубъжденный) читатель не легко остановится. Но этого мало для усвоенія мыслей такого мыслителя, какъ Хомяковъ. Читая его, естественно желать по возможности полно уразумъть вею стройную систему, изложениую имъ исно, но не совствиь обычно. Педьзя требовать оть всякаго читателя охоты къ нелегкой и довольно хлопотливой работъ систематизаціи прочитаннаго. Далве, у Хомякова довольно много повтореній, ибо статьи его обнимають собою болье двадиати лътъ времени. Его "Записки о всемірной исторіи" расположены, напротивъ, по зръло обдуманному илану; по за то опи переполнены мелкими фактическими данными по исторіи и особенно по сравнительной филологін, мелочами, не для всякаго читателя равно занимательными. Все это вивств заставляеть желать ибкоторой предварительной систематизацін, которан бы облегчала всикаго въ первый разъ приступающаго въ чтение сочиненій Хомякона, давая ему руководищую инть и удерживая отъ уклопеній во второстепенныя подробности. Въ трудахъ Хомякова важны не эти подробности, часть которыхъ (поскольку оп'в касаются археологіи) даже и не сохранила своего научнаго значения черезъ подвъка послъ того какъ писаль Хомяковъ: важны ть общін начала, ть основныя мысли, которыя, думасмъ мы, никогда не утратять своей силы.

Воть тв соображения, на основании которыхъ составлено инжеследующее изложение сочинений Хомикова. Исключая вси мелкия фактическия подробности, приводя только пичтожную часть ихъ тамъ, гдв онв совершенно пеобходимы для уразумвнія основных в подоженій, набирая при повтореціях в наиболье, по нашему мивнію, краткое и отчетливое изложеніе автора, мы попытались дать по возможности сжатый сводь всего высказаннаго Хомиковымь. При этомъ мы старались почти все изложение составить изъ нослъдовательнаго рода подлинныхъ выписокъ, соединяя ихъ лишь самыми краткими переходными періодами и предпочитая явкоторую пеизовжную при этомъ шероховатость пересказу своими словами того, что безъ сомниня выразительные вы подлинникы. Не сочли мы нужнымы скрадывать и разницу въ способъ изложенія между Записками о всемірной исторіи, Катихизисомъ и отдельными статьями, разницу, происходищую оть частнаго характера каждаго изъ этихъ отдёловъ: историческаго, догматическаго и полсмическаго. И по отношению ко вившней своей форми изложение является то болве сжатымъ, то болве подробнымъ. Впрочемъ у Хомякова иногда нвсколько словъ вполив исченнывають мысль. Мы просимь также читателя

помнить, что многое въ писаніяхъ Хомякова, помимо смысла общаго, относилось и къ данному времени и слъдовательно измънило свой вившній смысль теперь, черезъ полвъка. Гдв это панболье бросается въ глаза, мы въ выпоскъ дълаемъ хронологическую ссылку; но и во всемъ изложеніи не мъщаеть имъть это въ виду. Всв выписки приводятся пами дословно съ ръдкимъ лишь исключеніемъ вводныхъ словъ и союзовъ.

Наибольшую трудность представляль выборь системы изложенія. Самый поверхностный взглядь на собраніе сочиненій Хомякова, даже просто на ихъ оглавленіе, убъждаеть въ полной невозможности изложенія хропологическаго по отношению ко времени написания отдельных статей. Необходимо, стало быть, расположение ихъ по содержанию, а такое расположение не можеть не быть несколько произвольнымь и даже искусственнымъ. Этоть упрекъ мы напередъ принимаемъ; но думаемъ, что задача изложения дълаетъ эту искусственность очень несущественною. Въ самомъ дълъ, наша задачадать кратий сводь мыслей Хомякова его же словами; при этомъ врядь ли возможно извращение смысла, а стало быть то или другое расположение матеріада анляется почти безразличнымъ, лишь бы оно всло кь наиболье успъшному унспецію хода мыслей автора. Чтобы хода этотъ постоянно быль ясень и не терялся въ подробностяхь, мы но многихъ мъстахъ ограничиваемся лишь самыми краткими выписками. Такъ папримъръ, въ главъ о философіи мы приводимъ лишь основную мысль авторя; ибо если начать распространить ее, то придетси повторить все сказанное въ трехъ статьихъ. а ихъ каждый можетъ прочесть самъ. Тоже отпосится къ вопросамъ практическимъ, затронутымъ въ нъсколькихъ статьихъ. Цъль настоящаго труда — не замвнить собою чтеніе подлінника, а лишь вызвать и облегчить его: разъ эта цель будеть достигнута, избранная нами система отступить уже на задній планъ *). Система же эта слідующая.

Основаніе всёхъ воззрѣній Хомякова—его убѣжденія религіозныя. Вы нихъ объясненіе всей его жизни, въ нихъ же исходиам точка всёхъ его оплософскихъ, историческихъ и общественныхъ взилядовъ. Человѣкъ долженъ житъ (и живетъ, хотя бы даже не сознавая этого) такъ, какъ вѣритъ. Съ вѣры, съ исторіи религій, съ ученія о церкви и начинается наше изложеніе, переходя затѣмъ послѣдовательно, такъ сказатъ, концентрическими кругами, ко всѣмъ областимъ дѣлтельности человѣка, какъ члена семьи, народа, человѣчества. Въ поступательной жизни поелѣдняго, въ исторической смѣнѣ народовъ встрѣчаемся мы съ судьбами Славянства и въ частности Россіи и заканчиваемъ наше изложеніе указаніемъ на задачи Россіи и просвѣщеннаго Русскаго человѣка въ будущемъ. Хомяковъ видѣлъ въ Русскомъ народѣ задатки осуществленія идеала христіанскаго общества: съ этимъ мы возвращаемся къ исходной точкѣ принятой нами схемы—къ вѣрѣ, какъ средоточію духовнаго существа человѣка.

^{*)} Для того, чтобы читатель отъ всякаго мъста нашего наложенія могъ безь затрудненія перейти въ соотвътственному мъсту подлинника, все изложеніе снабжено ссылками. Ссылки эти проставлены на поляхъ. Римская цифра означаеть одинь изъ четырехъ томовъ полнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова, Арабская—страницу, съ которой выписка начинается. Цифры нзяты для первыхъ трехъ томовъ по второму ихъ изданію, для четвертаго—по первому: І томъ—1878 года, Іі т.—1880 г., ІІІ т.—1882 г. и ІУ т.—1873 г. Чтобы не пестрить текста, мы не сочли пужнымъ отмъчать особымъ шрифтомъ свои вставки, какъ по ихъ крайней краткости, такъ и по безусловному отсутствію въ нихъ какихъ бы то ни было мыслей, не принадлежащихъ Хомякову.

ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ.

I.

Значеніе въры въ жизни человъва. — Религіи міра при началь исторіи. — Два основным религіозным начала: начало стихійное (редигія вещественной необходимости) и начало духовное (религія правственной свободы). — Ихъ столкновеніе, взаимное воздъйствіе и слівніе. — Вудданзиъ. — Всеобщее измельчаніе религій. — Реформаторы. — Религіозное преданіе народа Еврейскаго. — Религіи Греціи и Рима. — Система эманацій. — Философіи. — Проповъдь Еврейства. — Конецъ древнихъ върованій. — Явленіе Мессіи. — Христіанство. — Поламъ. — Значеніе Христіанства въ послъдующей исторіи человъчества.

III, 8. Въра составляетъ предълъ внутрениему развитио человъка. Изъ ея округа онъ выйти уже не можетъ, потому что въра есть высшая точка всъхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дъйствій, крайняя черта его знаній. Въ ней его будущность личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія разумнаго и всемірпаго.

Таково значеніе Въры во всъ въка и у всъхъ народовъ, съ самыхъ первыхъ ступеней человъчества.

Въра проникаетъ все существо человъка и всъ отношенія его къ ближнему; она какъ бы певидимыми нитями или корнями охватываеть и переплетаетъ всъ чувства, всъ убъжденія, всъ стремленія его. Она есть какъ будто лучшій воздухъ, претворяющій и измъняющій въ немъ всякое земное начало или какъ бы совершеннъйшій свътъ, озаряющій всъ его правственныя понятія и всъ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому Въра есть также высшее общественное начало: ибо само общество есть ничто ппое, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними.

Такова Въра въ высшемъ своемъ проявленіп—въ ученіи Христа, въ Откровеніи Божественномъ. Но полнота богопознанія не была присуща человъчеству отъ начала его существованія.

III, 155. Невозможно ръшительно утвердить, какая форма върованія прежде всъхъ появилась на землъ.

Величественныя проявленія силъ природы, лучезарное и могучее солице, въчно неизмънное звъздное небо въ свой чередъ служили предметами поклоненія народовъ.

III, 158. Всв религіп древности при первомъ мерцаніи историческаго свъта представляются раздъленными на три всеобъемлющіе разряда. Греція, Италія, Египетъ, Сирія и южная Индія преданы идолоноклонству и многобожію; съверная Индія признаетъ всебожіе, но съ личностью всеобщаго самосознанія (пантеизмъ тенстическій); Израпль, Иранъ Зендскій и Китай поклоняются одному началу и источнику всего сущаго. Въры другихъ племенъ для насъ загадва, которая объясняется только изъ свидътельствъ позднъйшихъ и изъ догадокъ болъе или менъе въроятныхъ.

Дуализмъ сводится или къ единобожію (какъ въ Иранъ, гдъ доброму началу принадлежитъ окончательная побъда), или ко многобожію (въ Египтъ).

III, 530. Сравненіе въръ и просвъщенія (которое зависить единственно отъ Въры и въ ней заключается, какъ все прикладное заключается въ чистой наукъ) приводить насъ къ двумъ кореннымъ началамъ: къ Иранскому, то есть духовному поклоненію свободно-творящему духу или къ первобытному, высокому единобожію, и къ Кушитскому---признанію въчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбъжныхъ законовъ*).

^{*)} Названія Кушитскій и Иранскій употреблены въ этомъ сиыслі: (какъ культурно-исторические термины) въ первый разъ саминъ Хомпковынъ. Первое слово не требусть объяспенія: опо взято прямо изъ книги Бытія, гдв именемъ Кушть обозначена Эвіопія, которую Хомяковъ признаєть за колыбель Кушитства или Шиванзна. Впоследствін наука усумнилась въ древности Эсіонской ципализаціи; но это сомичніе не мінисть сущности возэрвнія Хомякова, ибо касается только одного названія. Самостоятельво ли было просвещение Эсіопіи, или принесено изъ Египта, въ данномъ случав безразлично; нбо Хомиковъ, какъ видно изъ следующей ссылки, ридомъ съ Мероэ ставилъ Онвы и во всикомъ случат имълъ въ виду не самый тотъ или другой народъ, а присущес сму религіозное начало. Относительно второго термица необходимо также еделать оговорку и нивть се въ виду при всемъ последующемъ изложения. Подъ Ирапомо въ общемъ симеле Хомиковъ разумћат не одну только страну, называемую нами обыкновенно Персісй, но колыбель пародовъ Арійских, и словомъ Иранскій обозначаль какъ племенныя особенпости всего Индоскропейскаго или Арійскаго племени такть и, главнымъ образомъ, присущее этой колыбели народовъ преданіе духовнаго единобожія, связывающее эти народы съ народомъ Епрейскимъ. Самое слово Ирант есть, какъ извъстно намъ теперь, искаженное слово Аріана, то есть страна Арісов. Такинъ образомъ вездь, гдв слова Иранъ и Иранскій имъютъ не одно географическое, по племенное и религіозное значеніе, подъ ними сайдуеть разуметь Арійское племя и его духовныя стихіп. Это писколько не измепяеть сущности мысли автора, по это постоянно пужно пивть нь виду, дабы не сившать частнаго съ общимъ.

407

- III, 217. Свобода и необходимость составляють то тайное начало, около котораго, въ разныхъ образахъ, сосредоточиваются всё мысли человъка. Въ языкъ религіи, переносящей въ невидимое небо законы, которыми управляется видимый міръ земли и его видимый владыкачеловъкъ, свобода выражается твореніемъ, а необходимость рожденіемъ. Едва ли можно было найти какіе-инбудь символы болъе върные для олицетворенія этихъ отвлеченныхъ идей. Рожденіе представляеть самому грубому уму неотъемлемую присущность необходимости, неволи, точно также какъ актъ творенія представляетъ самое живое и ясное свидътельство духовной свободы или, лучше сказать, воли (ибо свобода понятіе отрицательнос, а воля положительное).
- III, 205. Начало стихійное, служеніе чисто-вещественное, пришли съ Юга съ племенами Шивантскими, которыхъ родина Эвіопія, Шева-Мероз*). Эта религія была одновачальная, по олицетворенная въ органической полярности и не содержала въ себъ чуждой примъси Брахманизма пли духовности, которая болье или менье привилась къ ней въ Шидіи и Спро-Финикіи. Представителями ен были Діопизосъ (Деванаши), Шива, Озирисъ и проч, какъ мужское начало, и Бгавани, Изида, Милитта и другія, какъ женское пачало. Первобытный ен характеръ кроткое, по безстыдное повиновеніе встав вещественнымъ склонностямъ. Развитіе религіи было художественное, то есть строительное. Колыбель ен есть колыбель зодчества пещериаго, перенесеннаго изъ троглодитской Евіопіи въ Египетъ и Индію, не видавшіе его младенчества.
- 1V, 29. Признаніе органической полярности или ея необходимыхъ проявленій за въчное начало въчносущаго міра разръщается для разума въ совершенное безбожіе. Но страсти не новинуются строгому анализу разсудка. Внутренняя жажда богопоклоненія и отголоски прежипхъ религіозныхъ преданій, отверженныхъ, искаженныхъ, но не вполиъ забытыхъ, облекаютъ съ какою-то простодушною хитростью безутъшную аналитическую формулу безбожія въ призракъ религій, во всебожіс. Міръ, обращенный въ Бога, получаетъ новосозданную сомкнутую личность и, такъ сказать, подобіе человъка; въ немъ проявляется двойственность мысли и формы, пли разума и вещества. Въ самыхъ

^{*)} Путь его обозначень писисмъ Өнвэ (Сива), Діосполись въ Егинть, Өнкэ въ Греціи, прозвищемъ Вакха Сабейскаго, безпрестапнымъ повтореніемъ слова Саба или Шева, какъ имени мъстностей по всъмъ берегамъ Аравіи и повтореніемъ того же слова въ племени Куша, сына Хамова – Сева, Сабтахъ, Себтска и Шеба; пазванісмъ бога Сива въ Индіи и именемъ Целебскихъ острововь, которые самые жители зокуть Сабу или Себу,

нъдрахъ божественнаго міра, управляемаго стройными законами необходимости, представляется воображенію новое божество, смыслъ всего міра, связанное съ нимъ неразрывными цъпями, стройно-разумное, воплощенный законъ, воплощенная гармонія. — Это божество, созданное воображеніемъ въ міръ чисто-разсудочномъ, этоть законъ одицетворенный и принявшій положительные очерки, это полное выраженіе вселенной, носили въ себъ характеръ, наложенный на вселенную первоначальнымъ анализомъ, характеръ внишей необходимости, и были совершенно чужды всякой свободы. Религія при такомъ возарвнім кажется невозможною. Но такъ же какъ человъкъ, не смотря на свое заключеніе въ оковахъ, тяготіющихъ на всей вселенной, можеть дійствовать на видимую природу, изменять ея видь и ея отношенія, давать ръкамъ новое русло и направление и создавать или срывать каменныя твердыни, точно такъ же онъ можеть, вещественными, или по крайней мёрё внёшними орудіями, подвигнуть самый центръ вселенной и посредствомъ законовъ, подмъченныхъ или угаданныхъ имъ, овладъть божествомъ, рабомъ-владыкою міра. Въра была трансцендентальною физикою. Воть смысль всёхъ обрядовъ, заклинаній и всей религіи Кушитской и всего великольція ея храмовъ.

Одновременно и рядомъ съ внѣшнимъ, чисто-вещественнымъ поклоненіемъ Кушитства мы подмѣчаемъ другое.

- III, 216. Сфинксъ при храмѣ Египетскомъ и Будда, неразлучный товарищъ Шиваизма въ южномъ Индустанѣ, эти два лица, которыхъ сходство такъ разительно по чертамъ и особенно по характеру физіономій, парадельное движеніе двухъ религій, склонность Шиваизма переходить въ ученіе о таинственномъ ничтожествѣ (таковъ крайній предѣлъ Іогизма) и склонность Буддаизма переходить въ самую грубую вещественность, приводятъ къ предположенію, что Буддаизмъ былъ основаніемъ той тайной мудрости Египта и Эфіопіи, о которой древніе такъ много говорили, между тѣмъ какъ Шиваизмъ былъ закономъ народа.
- III, 213. Буддаизмъ есть плодъ Шиваизма, его изнанка, покой отъ его бурной жизни, неподвижное созерцание его безпорядочной и безсмысленной дъятельности.
- III, 229. Такимъ образомъ стихійное служеніе развивалось въ страстномъ и вещественномъ Шиваизмѣ, въ отвлеченномъ и созерцательномъ Буддаизмѣ и переходило всю лѣстницу человѣческихъ заблужденій, отъ служенія рукодѣланному фетишу до торжественнаго поклопенія святынѣ небытія; но вездѣ и во всѣ эпохи сохраняло оно

одну и туже основную мысль. Жизнь есть необходимость и необходимость, такъ сказать, внёшняя духу мыслящему. Но этотъ духъ въ ней закованъ, и ему остается или признать ее безпрекословно и служить ей, или уничтожить себя, чтобы получить свободу. Въ первомъ случать добра нравственнаго нётъ, потому что идея добра несовмъстна съ идеею рабства, а свобода невозможна; въ другомъ нётъ добра нравственнаго, потому что свобода духа возможна только въ удаленіи отъ всякаго дъйствія, ибо дъйствіе завлекаетъ ее въ міръ необходимости, а свобода, не проявляясь, остается въ области небытія. Таковъ смыслъ Кушитскаго ученія во всемъ его развитіи.

III, 206. Начало духовное, служение мысли отвлеченной (не оплософской, но нравственной) шли изъ съверо восточнаго Ирана, котораго центръ Кавказско-Араратская твердыня. Эта религія была также одноначальною и не содержала въ себъ никакой примъси стихійности или полярности органической. Представителями этой религіи были Эль и Велъ или Валлъ, Гераклъ, Хроносъ или Тифонъ и богъ добра въ Зендавеств. Всъ же эти имена суть ничто иное, какъ придагательныя, выражающія одно и тоже понятіе. Характеръ религіи духовной есть строгое и гордое отчужденіе отъ вещественности, легко переходящее въ фанатизмъ, но возвышающее и очищающее душу отъ чувственныхъ склонностей. Развитіе ея философское и поэтическое, но не художественное. Страны, гдъ она процвътала, не оставили намъ ни одного древняго памятника, и зодчество процвътало только при встръчъ стихій Иранской и Кушитской, но оно принимало характеръ новый и чуждый своему южному началу.

Таковы были двѣ основныя религіи въ своей первобытной чистотѣ. Раздѣленныя огромнымъ пространствомъ земли, онѣ въ началѣ развивались самостоятельно и независимо одна отъ другой; но постепенное разселеніе народовъ неминуемо должно было повлечь за собою ихъ соприкосновеніе, а вмѣстѣ съ ними и соприкосновеніе носимыхъ ими религіозныхъ началъ.

III, 190. Двё религіи, основанныя на противоположныхъ началахъ, не могуть слиться въ мирное единство безъ упорной борьбы; но во время борьбы оба враждующія начала искажаются то излишнею напряженностью, то взаимными уступками. Понятно, что чисто духовная вёра должна смотрёть на вещественность, какъ на корень всякаго зла; но таково достоинство души человёческой, что поклонникъ стихій едва ли можетъ принять бога духовнаго за представителя злаго начала. Вёроятно, такое мнёніе и не могло бы родиться при здравомъ развитіи понятій; но разумъ дёйствуетъ свободно только при удаленіи

отъ страстей, а вражда живетъ на землъ искони. Чистый образъ божества, который нашель бы созвучіе къ душъ всъхъ людей, внушаль отвращеніе и страхъ, потому что онъ казался покровителемъ племени враждебнаго, и ненависть къ людямъ переходила въ ненависть къ предмету ихъ поклоненія.

III, 199. Вражда народовъ исказила первобытную природу ихъ и бросила съмена, принесшія слишкомъ богатые плоды по всей земль, Религія, совершеннъйшее отраженіе внутренняго строя или разстройства души, должна была подвергнуться всемь вліяніямь быта политическаго и жизви нравственной. Мысль развивается мирно и кротко, переходи изъ внутревняго созерцанія во вившніе образы и обряды; но, при встръчв мысли чуждой, она прекращаеть свое творческое движеніе и вступаєть въ борьбу наступательную или оборонительную, въ которой печезаютъ мгновенно вся красота и гармонія ся первобытной, спободной дъятельности. Она увлекается за разумные предълы своего законнаго развитія и впадаеть въ певольную, неизб'єжную односторонность.-Но когда чуждая мысль представлена народомъ враждебнымъ, когда кровавыя распри заклеймили всю жизнь и всъ помыслы дюдей печатью взаимной ценависти, тогда уже мысли обращаются въ страсти, и одностороннее развите души доходить до изступленія кровожаднаго фанатизма.

Но, помимо столкновенія враждебнаго и даже при такомъ столкновеніи, встръчавшіяся разноначальныя религіи неминуемо дъйствовали одна на другую и взаимно измънялись. Такъ совершилось вторженіе Иранской стихіи въ Кушитскую религію Египта; такъ произошли смъшанныя религіи Сиріи и Фицикіи; такъ оба начала, послъ долгой борьбы, стали рядомъ въ мисологіи древней Индіи, гдъ къ нимъ присоединилось, примирая ихъ, поклоненіе Вишпу, Богу Вышнему,—первоначальная религія антропоморонзма, родившаяся на Съверъ (въ Бактріи).

IV, 40. Полярность органическая облекалась въ форму человъкообразія; но въ этой формъ, выбранной внутреннимъ чувствомъ, а не разумомъ, прибирающимъ символъ къ мысли съ полнымъ сознаніемъ символизма, смъщнвались (такъ же какъ въ самомъ человъкъ) свободная воля и логическая или вещественная необходимость. Наконецъ, вслъдствіе человъкообразія, мало но малу весь бытъ человъческій съ его семейнымъ развитіемъ перешелъ въ ученіе о божествъ. Такъ родилась и составилась полная система антропоморфизма, свътлаго и кроткаго, но без-

смысленнаго, и черезъ цъпь поселеній Вано-Славянскихъ *) перешла въ Европу, гдъ, при разныхъ обстоятельствахъ и съ разными смъшеніями, она образовала всъ религіи Эллады, Италіи и Скандинавіи.

Сліяніе, при посредств'в Вишнуизма, с'ввернаго и южнаго религіознаго начала въ Индіп повело къ выд'яленію новой религіи.

IV, 173. Впшнунамъ по своему синкретическому характеру готовъ быль принимать всякую реангіозную стихію и усвоять себ'в всевозможные мины. Онъ примиридся съ Шиваизмомъ, онъ принялъ въ себя Будданзмъ въ видъ аватара (Впшну-Будда). По не въ духъ Индіи было оставить неразвитою основу ученія Будданческаго, и не въ духіз Будданзма было согласиться на такую унизительную сдълку. Въ цемъ дежало глубокое догическое понятие о законв необходимости въ мирв проявленій; въ немъ жило высокое требованіе души человаческой на свободу вив-мірную и достижимую только посредствомъ самоуничтоженія. Мысль эта и чувство могли заснуть на времи при размельчаціп религіозной жизни въ Индустань; исчезнуть вполню они не могли: почва Индустанская была слишкомъ плодотворна, слишкомъ глубоко проникнута силами философскаго стремленія. Въ концъ втораго тысячелътія до Р. X. въ самомъ центръ полуострова возникъ учитель сильный духомъ и внутрениимъ убъжденіемъ; онъ воскресилъ, пополнилъ и пустиль въ общій ходъ тайное древнее ученіе жрецовъ Кушитскихъ. Прозвание его осталось безсмертнымъ и почти однозначащимъ съ именемъ самаго Божества; тысячи учениковъ толпились около великаго учителя; чудныя зданія, посящія на себъ первобытный характеръ пещернаго поклоненія, засвидътельствовали его торжество. Индустанъ жадно приняль въру исполненную духовныхъ страстей и гордаго самоотверженія; и наконець, когда послі 14-ти-віжовой борьбы Будданимь быль изгнань изъ странь При-гангесскихь, онь завоеваль почти треть населенія всего земнаго шара.

Между тъмъ первоначальное ученіе Прана все болье и болье затемнялось въ народныхъ върованіяхъ.

IV, 199. Борьба, долго продолжавшаяся съ перемънными успъхами, кончилась повсемъстнымъ синкретизмомъ, мпогобожіемъ и тихою войною искушеній и соблазна. Ученіе Кушитское пзмънилось, отклонив-

^{*)} Бзглядъ Хомякова на разселеніе Славянъ будеть изложень ниже, при разскать о судьбахъ Славянскаго племени. Здѣсь достаточно сказать, что іХомяковъ признаваль имя Ванъ равносильнымъ имени Вендъ и присвоиваль его Славянскому племени въдревнъйшія времена; колыбелью же Славянства считаль Бактрію.

шись отъ своей первоначальной, строгой логической чистоты; но, созданное разумомъ, оно всегда могло возвратиться къ своему источнику простымъ путемъ отрицанія случайностей символа и мина. Върованіе Иранское также исказилось; но оно не могло уже возсоздаться, ибо возврать къ нему, какъ явный плодъ произвола, не могъ носить ни характера чисто-логическаго, ни истиннаго характера безсомнительной въры. Побъда была на сторонъ Кушитовъ.

III, 327—8. Но, не смотря на неизбъжное торжество ученія Кушитскаго и на постепенное паденіе Иранства, чувство нравственное никогда не могло утратить свои права на человъческую душу, и во встхъ народахъ возставали богоизбранцые люди, повременно призывавшіе своихъ братій къ сознанію коренной свободы и проистекающаго изъ нея понятія о добръ. Отъ ихъ появленія зависьли эпохи реформъ религіозныхъ, которыя замътны въ исторіи върованій, намъ извъстныхъ, и которыя всегда были возвратомъ къ дучшему началу. Вольшинство съ своею грубо-инстинктивною логикою, съ своими грубо вещественными страстями постоянно стремилось къ Кушитству; лучшіе умы чувствовали призваніе высшее, на время возстановляли достоинство человъческое, постоянно забываемое народными толпами. Таковъ быль Шакья-Муни въ Индустанъ, таковъ былъ Зердушть *) въ Мидо-Бактрійской области. Но усилія человъка могуть возстановить только логическую и мертвую формальность понятія религіознаго. Убъждение человъка пробуждаеть въ другихъ людяхъ только мысли, безмольно жившія въ ихъ душь: формальность же понятія всегда сохраняеть характерь ограниченности и умствованія. Убъжденіе, основанное на сочувствии съ чужою мыслію, носить болье или менье клеймо произвола и сопровождается скрытымъ, но неотвязнымъ сомивнісмъ. Ни въ умствованіи, ни въ убъжденіи, основанномъ на немъ, нътъ ни полноты, ин жизни. Въра и полнота жизни религіозной неразлучны съ преданіемъ, обнимающимъ въ единствъ своемъ мысль н быть, чувство и умозрвніе. Человъкъ не можеть создать преданіе, п реформа, даже исправляя прежнее ученіе, съуживаетъ кругъ дъятельности духовной и разрушаеть цълость и единство внутренняго и наружнаго быта.

IV, 200. Въ одной области, въ одномъ народъ, возникшемъ на исторической памяти изъ семьи, оставившей свою При-араратскую родину, сохранилось вполнъ Иранское преданіе, великое достояніе младенчества человъческаго. Это преданіе получило еще высшее зна-

^{*)} Въриће Заратуштра, по Греческому искажению Зороастръ.

ченіе по самой борьбъ своей съ чуждыми ученіями, съ насиліемъ и соблазномъ. Не измъняясь въ своей основъ, оно приняло характеръ въры, сознающей себя, чувствующей свое духовное превосходство и презирающей всъ другія ученія, какъ произведенія умствующаго про-извола или безумныхъ страстей. Могло ли оно исчезнуть? Песказанныя бъдствія постигли область Гудейскую, народъ ея быль увлеченъ въ плънъ, столица и царство стерты съ лица земли; но мысль нашла себъ спасителей и союзниковъ въ сильномъ и свъжемъ племени средняго Ирана, въ племени, сохранившемъ общее преданіс въ наибольшей чистотъ посль Израиля.

Таково было состояніе человіческих вітрованій вы то время, когда древнія государства Востока обветивали, и псторическая жизнь сосредоточилась на берегахъ Средиземнаго моря.

IV. 252. Сліяніе сказочнаго человъкообразія съ вещественно-художественнымъ символизмомъ составило основу Греческой религи. Изъ нихъ возникла безобразная смъсь, смъшная въ глазахъ разума, безсильная въ смыслъ религіозномъ. По съ другой стороны соединеніе стихіи сказочной, человъческой и словесной съ пробужденнымъ чувствомъ художественной гармоніи составило целый новый міръ, въ которомъ сказка возвысидась до поэмы и образъ человъческій до своего идеала. Такимъ образомъ возникла новая религія, видимое многобожіс, въ которомъ царствовало дъйствительно одно божество: красота въ ся высшемъ проявлении, въ красотв человъческой. Эллинъ преклопилъ колъна передъ самимъ собою и передъ своими возможными совершенствами, какія бы они ни были, даръ ли случая, какъ случайность членовъ, сила, долговъчность и разумъ, или пріобрътенія воли, какъ свобода, власть и богатство. Поставивъ себъ религію чисто-земную и чуждую всякаго высшаго всемірнаго смысла, онъ самъ сталь въ отношеній къ ней, какъ лицо дъйствующее, а не страдательное; ноо все вообще исчезло передъ личностью, и силы человъческія напряглись въ стремленіи къ достиженію человъческаго идеала. Искусство возникло въ чудной полнотъ, въ недосягаемомъ совершенствъ и въ цеограниченномъ объемъ, соединяющемъ пластическое пачало Куппта съ словеснымъ началомъ Прана. Въ Элладъ, и только въ Элладъ, подучило оно свою независимость отъ мысли и жизнь образа, прилагаемаго ко всякому содержанію, следовательно свободную оть всякаго содержанія. Пріобрътеніе Эллина сдълалось достояніемъ цълаго человвчества.

Еще менье опредъленнаго религіознаго содержанія было въ Римъ.

IV, 377. Безпорядочный и безпредъльный синкретизмъ создалъ для пего какую - то неопредъленную систему върованія, равно чуждую началу Иранскому и началу Кушитскому. Въ цемъ не только, какъ въ Греческой минологій, не было цикакого общаго начала, но не было даже постояннаго человъкообразія. За всьмъ тъмъ глубокая въра въ нравственное достоинство искупала пороки религіознаго безмыслія и замъняла съ избыткомъ отсутствіе идеальной красоты, которой поклонялся Эллинъ. Впрочемъ смъщеніе многихъ разныхъ минологій имъло въ Римъ тоже самое послъдствіе какъ и вездъ: торжество Кушитскаго начала необходимости, возвышеніе вещественнаго обряда падъ внутреннимъ, духовнымъ богоноклоненіемъ и обращеніе молитвы въ заклинаніе.

III, 252-3. Объ противоположныя религіп, необходимости и свободы, сливаясь мало по малу, измънялись взаимными уступками и теряли свою ръзкую физіономію. Органическая полярность казалась неудовлетворительною и недостойною разума человическаго. Миоическій ся символь, рожденіе, годими для младенчествующаго ума, быль вытьсневъ изъ върованія просвъщеннаго. Съ другой стороны, смілый догмать творенія, основанный на коренной идев свободы, не могь удержаться при синкретизмъ; свобода не имъетъ проявленія, ибо законъ проявленнаго есть необходимость. Въра могла принимать свободную волю творящаго духа за основу всего: но въра простодушная, основанияя на твердости преданія или на искрепности сознанія внутрецияго, исчезаеть при нельномъ сбредь разпоначальныхъ повърій, также какъ и въ логическомъ построеніи отвлеченностей. Всеобъемлющее требованіе ся не подастся на условныя сділки; творческая безусловность ея не возсозидается систематическимъ умствованіемъ. Между грубовещественнымъ началомъ Кушитскимъ и самостоятельною духовностью Иранства изобрътена была средняя система, система эманацій, что-то неопредъленное и безхарактерное, принимающее всякій смысль по желанію толкователя, не имфющее никакого присущаго и яснаго значенія, кром'в значенія логической последовательности, то есть необходимаго и постепеннаго развитія. Эманація есть тоже рожденіе, по съ полярностью скрытою. Въ ней было торжество начала Кушитскаго, въ формъ нъсколько просвъщенной. Допущение правственнаго начала при эманаціонной систем'в было безсмыслицею; ибо зло истекало изъ общаго источника бытія, такъ же какъ и добро, следовательно, одинаково съ добромъ первобытно присутствовало въ этомъ источникъ.-До появленія въ мір'ї новаго великаго ученія, передъ которымъ исчезли пли исчезають всь древнія върованія, эмапаціи были послъднею степенью умственнаго развитія. Буддаизмъ, Брахманство, Шиваизмъ Египетскій, Ваализмъ Фпинкійскій, Зороастровъ Миоранизмъ, наконець даже человъкообразная религія Эллино - Римская, всъ сливались и печезали въ общей системъ истеченія. Древняя Ассирія въ своихъ Тріадахъ, изліяніяхъ первоначальнаго Вела, Гностики въ своихъ Эонахъ, Нео-Платоники въ своемъ философическомъ умозрѣніи о самобытныхъ идеяхъ, принадлежали къ одной и той же всемірной школъ.

Ослабленіе религіозной жизни не замедлило отразиться на жизни умственной.

IV. 254. Въра есть крайній предъть человъческаго знанія, въ какомъ бы видв она ни являлась: она опредъляеть собою всю область мысли. Страны, въ которыхъ развитіе религіозной мысли достигловысшей степеци, не могли допускать полной свободы философіи, поофилософія объясняла міръ видимый и невидимый только въ техъ грапицахъ, которыя были предписаны ей знанісмъ религіознымъ. Въ земль чисто-Пранскаго предавія-Тудей и въ области мало искаженнаго преданія, среднемъ Праць, философія должна была оставаться на самой низшей степени. Въ земляхъ коренного Кушитства философская въра въ необходимость и ся полярную двойственность приняла основу догическую и способную къ логическому развитію; по въ этомъ принятін законовъ видимаго міра за всеобщій законъ проявлялся уже произволь, положившій оковы на вею будущую уметвенную жизнь. Преобладаніе чисто-вещественнаго начала, сковавшаго все духовное бытіе пародовъ Купитскихъ, должно было навсегда ственить развитіе чистой и свободной философіи. Племена, посвятивнія все свое существованіе борьбъ съ веществомъ и поклонению его законамъ, осудили себя на въчное безмолвіе. Въ позднійшее время, когда Эллада дала Египту свободу мысли, изъ него могли только возинкнуть Гностическія секты, безполезно трудившіяся надъ прививкою философіи къ кореннымъ основамъ южнаго върованія и терявшіяся въ темной мистикъ произвольно созидаемыхъ эманаціонныхъ системъ. Будданзмъ, основанный на началъ неопредъленномъ, на возмущени правственнаго чувства свободы противъ неоспоримой необходимости, былъ также мало способенъ къ освобожденію человіческаго разума, какъ и самый Шиванзмъ, съ которымъ онъ находится въ неразрывной связи примаго отрицанія, принимая его же логическія оковы. Многомысленный Индустацъ, страна ведичайшаго умственнаго напряженія, обняда почти всю область философскихъ ученій отъ высочайшей и отвлеченнъйшей духовности до самой грубой вещественности: нътъ ни одной системы, высказанной Элладою или развитой Германіею, которая бы не являлась почти во всей своей полноть въ твореніяхъ великаго племени При-Гангескаго. Но такъ же какъ стремление искони философствующаго ума не позволило художественному чувству и сказочной словесности слиться въ одинъ цъльный п стройный міръ искусства, такъ привычки духа, жившаго нъкогда въ свътлой области безусловнаго и высокато върованія, стьсняли полную свободу философіи и подчиняли ее искони принятымъ началамъ, отъ которыхъ она никогда не могла отръшиться, даже когда отрицала ихъ. Идея Брахмы жила надъ міромъ философіи Индустанской, въ какой бы формъ опъ ин являлся, свободно-творящаго духа или всебожественнаго пантенстического символа, даже при допущении міра, какъ безконечной гармонів чисто-вещественныхъ законовъ. Китай, возвысившій государство до значенія божества и не поклонявшійся ничему, кром'в идеала общества логически развивавшагося изъ правственныхъ законовъ, долженъ былъ дать философіи область ограниченную, но въ тоже время возвысить мыслителей до степени редигіозныхъ законодателей; ибо ямъ предоставлено было уяснить тотъ идеалъ. который быль неяснымъ кумиромъ всякаго Китайца. Конгь-фу-Тсеу выразиль всю сокровенцую мысль Китая, и его творенія, принадлежащія философіи только по характеру изложенія, по содержанію принаддежать вполны міру религін. Эллинъ поставляль божествомъ человъка со всемъ его произволомъ, со всеми его случайностями. Весь міръ долженъ быль для него представлять то самое сліяніе случайности и произвола. Такова основа чисто-Эллинскихъ системъ, которыя болъс или меневе представляють признаки атомистической вещественности. По голосъ Востова пробуждаль другіе дучніе и благородивйшіе помыслы: онъ зваль человька къ сознанію его высокой духовности и познанію высшаго духа, свободнаго отъ земныхъ случайностей. Эллада слушала и свътлъла мыслію. Она не могла уже возвыситься до новой, чистой въры, но отрывалась отъ стараго върованія или по крайней мъръ отъ его грубыхъ образовъ. Долго боролся свътъ восточнаго ученія съ мракомъ Эллинской души, огрубъвшей въ безсмысленной своей религіи. Долго бродили въ нестройномъ хаосъ пробужденныя стихіп мысли, стремясь къ примирению въ полномъ разгулъ ничъмъ не скованной свободы.

Исторія въ первыхъ философскихъ системахъ Греціп еще не видитъ произведенія самой Эллады, но только воспринятіе чуждыхъ стихій.

Изучение самаго человька и его умственныхъ способностей обозначаеть уже проявление чисто-Эллинской стихии въ философіи; съ нимъ вмъсть проявилось сомнъние во исемъ, что не вполнъ доступно разуму человъческому, возведение случайности въ достоинство силы первона-

чальной (т. е. поклоненіе факту, какъ факту, безъ въры въ какое бы то ни было объясненіе) и, паконецъ, безбожіе полное, ръзкое, грубое и при всемъ томъ имъющее законныя права не только на оправданіе, но и на сочувствіе всъхъ мыслителей, ибо содержало отрицаніе религіи безсмысленной и нестерпимой для просвъщеннаго ума.

Такимъ образомъ первыя чисто - Эллинскія ученія повидимому вырываются изъ области вфрованія; но это освобожденіс минмое, а не дъйствительное. Философія отрищаеть Зевса и вею Олимпійскую братію; по она отрицаеть только признаки Эллинскаго божества и продолжаеть поклоияться истичному божеству Эллады - человьку; она признаетъ права случайности, потому что эти права были дъйствительно освящены прежнею религісю; наконець, она возвышаєть и вапрягаеть гордость человъка, перепося ее только изъ области физическаго превосходства въ область умственной силы. Изъ мыслительныхъ школь выходять смелые бойцы, удальцы слова, софисты, какъ атлеты изъ школь гимнастическихъ. Какъ атлеты, переходить они изъ города въ городъ, собирая дань удивленія народнаго, вънчаясь ()лимпійскими вънцами, щеголяя новоизобрътеннымъ силлогизмомъ, какъ герои Пентаела или борьбы щеголяли новою уловкою или кулачнымъ ударомъ. Стихіи мысли бродили, повинуясь уже містному закону: въ немъ должны онъ были найти свое примиреніе.

Человъкъ былъ, какъ сказано, истиннымъ божествомъ Эллады. По божественность его состояла въ красотъ, когорой онъ былъ высшимъ представителемъ. Въ этомъ-то Эллинскомъ законъ, въ этомъ характеръ религіи заключалось разръшеніе философской задачи. Смолода художникъ, насытившійся всьми обаяніями искусства, въ возрасть мужества гражданивъ, служившій обществу на полъ битвы подъ Эллинскимъ вдохновеніемъ свободы и славы, Сократъ подчинилъ хаосъ философіи закону стройности и гармоніи. Красота явилась царицею міра духовнаго (τὸ καλὸν), какъ она была божествомъ видимаго міра. Софисты исчезли. Образованная Эллада привътствовала мудрость, писшедшую съ неба.

Сократь совершаль великій подвигь, котораго путь быль ему указань религіею; но въ тоже время онъ уничтожаль образы этой религіи въ ихъ безсмысленной случайности. Народь, увънчавшій его земное поприще вънцемь мученической смерти, осудиль его, какъ безбожника, и быль правъ въ своемъ судъ; но правъ по своему невъжеству, ибо самъ не зналь, какому божеству поклонялся. Онъ быль правъ и потому, что просвътлъніе религіи, отрывая ее отъ преданія, предавало произволу мысли; и судіи, пъжась въ тупомъ спокойствіи глупыхъ върованій, предчувствовали всъ духовныя страданія своихъ

потомковъ, которыхъ философія дишала въры и боговъ. Величественная трагедія совершилась. Сократъ выпиль чашу яда и сказаль, что выздоравливаетъ отъ жизни (Критіасъ, принеси жертву Эскулапу); но боги Олимпа псчезли навсегда, разръшившись въ свои отвлеченные законы.

Начатое Сократомъ продолжается его вдохновеннымъ ученикомъ. Для Платона уже не существуютъ образы, созданные младенческою фантазіею Эллады. Въ невидимомъ пебъ онъ видитъ уже полное и совершенное отраженіе чудной гармопіи, которую слышитъ въ своей душъ, и божество открывается передъ нимъ, какъ первообразъ духовной красоты. Никогда не подымался выше полетъ ума человъческаго; никогда не являлось такого великольпнаго соединенія самаго роскошнаго воображенія, всепропикающаго разума и художественнаго чувства, просвътленнаго нравственными стремленіями. Эллада, расцвътная въ Гомеръ, принесла свой зрълый плодъ въ Платонъ.

По Сократовь ученикь черпаль свое духовное богатство не изъ однихъ наставленій учителя. Педаромъ слышаль онъ великое имя Заратустра и имя чистаго божества, которому онъ поклонялся, не даромъ доходили до него отзвуки ученія свѣтлаго Востока. Часто, отдѣлянсь отъ пути философскаго, созидаеть онъ начала новой редигій, которой произвольныя основы скрываются подъ человѣческою истиною вдохновеннаго искусства; часто угадываеть онъ лучшее будущее духовнаго развитія и какъ будто огдядывается на весь міръ, прося преданія и исторической опоры для своего ясновидящаго гаданія. По міръ ему извѣстный не даваль отвѣта. Въ этомъ слабость его философій и невозможность вызвать Элладу къ плодотворнъйшей жизни. Другой вѣкъ, другое просвыщеніе болье сочувствовали Платону, чѣмъ страна, создавшая его гармоническую душу.

Красота и истина перазлучиы. Всякій произволь содержить уже въ себъ признаки безсилія и начала безобразія. Истина должна быть необходима и представлять явное доказательство своей необходимости. Аристотель повель далье философію въ ея разумномъ или разсудочномъ развитіи, утративъ богатство свободныхъ Платоновыхъ гаданій, но не удаляясь отъ служенія красотъ и подчиняя весь кругъ человъческихъ наукъ ея торжественнымъ законамъ. Таковъ крайній предъль Эллинской философіи. Дальнъйшее раздъленіе школь, Діогенъ, инцупцій человька, Эпикуръ, поклоняющійся высшему благу въ видъ гармоническаго наслажденія бытіемъ, Зепонъ, возвышающій гордость человъка до восторженнаго поклоненія своему внутреннему совершенству, и всъ затъйливыя подробности поздивйнихъ ученій заключены уже въ геніальной школь Сократа и его первыхъ учениковъ. Духовный подвигь Эллады быль совершенъ.

- IV, 340. Въ Элладъ идеалъ человъческій, облагораживаясь малопо-малу и въ тоже время отвлекаясь оть всъхъ случайностей и отыскивая себъ разумной (т. е. разсудочно върной) опоры, дошелъ до
 идеала чисто-логическаго и сосредоточился въ одномъ, въ красотъ знанія —пстинъ. Въ Римъ идеалъ сохранилъ свою отвлеченность и остался
 себъ върнымъ въ отвлеченной красотъ воли—добродътели.
- IV, 406. Римъ далъ западному міру новую редигію, редигію общественнаго договора, возведеннаго въ степень безусловной святыни, не требующей никакого утвержденія извив, редигію права; и передъ этою новою святынею, лишенною всякихъ высокихъ требованій, по обезпечивающею вещественный быть во всёхъ его развитіяхъ, смирился міръ, утративній всякую другую, благороднъйшую или лучшую въру.
- IV, 410. Древнее учение Прана сохранялось въ одномъ Израилъ въ формъ твердаго преданія, не отвергающаго требованій разума, но не требующаго себъ основаній добытыхъ логическимъ анализомъ. Побъдная борьба противъ притязаній Эллинскихъ во время великихъ Маккавеевъ внушила Евреямъ глубокую ненависть противъ иноплеменнаго просвъщенія и усилила въ нихъ гордость містнаго и племеннаго начала, естественное последствие Монссева закона и явнаго превосходства религіознаго передъ всеми другими народами. 110 мало-помалу память о борьбъ стала изглаживаться. Чувство внутренней духовной силы, объщанія Мессіаническія, очевидная слабость всёхъ Эллинскихъ (грубо синкретическихъ) върованій и преданія о скоромъ приходъ Вождя - Спасителя открыли для Евреевъ новый кругъ дъятельности и надежды. Историческая судьба Тудеи, перевороты внутренніс и завоеванія Эллино-Римскаго міра разсівли потомковъ Іакова по всему земному шару. Греція и Римъ, Африка, Малая Азія, Сирія и даже страны за-Евфратскія были наполнены Іудеями, торговцами или плънными, получившими осъдлость. Ихъ миогочисленныя колонін были охотно приняты и уважены въ Египтъ; Александрія была въ продолженіе долгаго времени городомъ больс Іудейскимъ, чьмъ Египстскимъ или даже Эллинскимъ. Религія Еврейская была почти вездъ терпима; она пользовалась особеннымъ почтеніемъ на берегахъ Нила, сильнымъ покровительствомъ въ Римъ подъ правленіемъ великаго Кесаря, въроятно понявшаго (также какъ и питомецъ Аристотеля) достоинство духовной въры, завъщанной первобытнымъ міромъ Иранскимъ и скръпденной Моисеемъ въ неизмънный обрядъ. Евреи познакомились съ мыслію Эллина, съ его образованностію, съ трудами ума человъческаго,

смъдо отъпскивавшаго истину посредствомъ собственныхъ силъ; они узнали съ уваженіемъ въковой подвигъ философіи, ел разнообразныя ученія и особенно высокія гаданія Платона, отзывающіяся роднымъ Востокомъ. Душа ихъ расширилась и стала доступна любви къ человъчеству. Но окружающій міръ былъ духовно-слабъ, а въ себъ чувствовали они неистощимую силу и свъжесть въчно - молодого убъжденія. Они поняли возможность мысленнаго завоеванія, темно обозначеннаго въ писаніяхъ пророковъ, и стали проповъдывать язычникамъ. Проповъдь была не безуспъщна; многіе язычники, утомленные тщетнымъ исканісмъ истины, презправшіе заклинательные обряды религій несоединенныхъ съ върою, и увлеченные величісмъ духовнаго ученія, приняли законъ Монсеевъ, иные вполнъ, какъ ученики правды, т. с. послъдователи строгаго закона, большая же часть какъ ученики привратные, т. е. какъ послъдователи закона Поева или Мозаизма безъ его обрядовъ.

Но учение Ирана содержало въ себъ объщание будущаго Мессін, находило въ немъ свою главную силу и черезъ него пробуждало сочувствие во всъхъ народахъ, болъе или менъе сохранившихъ или помнящихъ это общее предание первобытнаго племени. Покуда объщание признавалось еще неисполненнымъ, самый кругъ учения содержаль въ себъ признанцую неполноту и неудовлетворительность.

Міръ не могъ покориться.

Римская держава сомкнулась въ одно цълое подъправленіемъ Августа. Торжество грубо-политического пачала обозначило окончание мыслевнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ Иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигь вѣпчался совершеннымъ сокрушениемъ всъхъ древнихъ религій. Пытливость Элдинскаго знанія панесла смертельный ударъ безусловному поклоненію витшней правдь, въ которомъ дъйствительно состояло все върованіе Рима. Анализъ требовалъ отчета отъ всякаго мевнія, оправдація для всякой въры. Иденяъ добродътели вибшией, воли самосоздающей себъ законъ, исчезалъ передъ логическимъ требованіемъ. Упорный Римлянинъ потребоваль уму оправданія оть самой жизни, оть своей вооруженной руки. Судьба въ холиахъ Филиппійскихъ отвъчала также отрицательно, какъ разумъ въ философскомъ уединении. Гордость воли нала. Міръ Римскій сказаль устами Брута: «Добродьтель, ты пустое слово». По и пытливое знаніс уже утратило свои надежды. Эллада спросила устами Пилата: «Что такое истина?» и не стала дожидаться отвъта, зная по опыту въковъ, что отвъта пътъ. Горькое отчаяніе слышно въ словъ Римлянина, утративнато въру въ добродътель; какая-то самодовольная гордость слышна въ словъ Эллина, пріобрътшаго разумомъ право не върпть знанію и добродушию презпрающаго тъхъ, которые еще могутъ върпть. Но оба сошлись въ одномъ выводъ: нътъ ни красоты воли—добродътели, ни красоты знанія—истипы.

Міръ остался безъ божества.

Въ это время явился въ Тудев человыть именемъ Інсусъ, говорищій про себя, что онъ объщанный Мессія, Сыпъ Божій, возвъщающій совершеніе древняго закона, призывающій къ показнію, къ жизни духовной чистоты, ставящій новый закопъ совершенства, закопъ всеобщей любви, прецебрегающій благами земными и властію земною, объщающій своимъ последователямъ наследство безкопечнаго блаженства, проповъдующій повое ученіе объ единствъ Божества въ трехъ образахъ Отца, Сыпа и Духа и возможность для человъка вступить въ это единство посредствомъ отверженія своей злой и случайной личности и пріобратенія новой, высшей дичности въ Божества. Первую проповъдь обращаль опъ къ Евреямъ, какъ къ хранителямъ истины и какъ къ единому народу, знающему Бога; по въ тоже время порицаль ихъ родовую гордость, ихъ упование на свое достопиство сыновъ Лираама, ихъ твеную и небратолюбивую народность и унижение въры до безсмысленнаго обряда. Онъ грозилъ имъ отвержениемъ за упорство и перепесеніемъ благословенія на другіе пароды и, говоря постоянно въ притчахъ, неръдко выбиралъ иноплеменниковъ, и особенно непавистныхъ Евреямъ Самарянъ, въ примъръ добродътелей угодныхъ Вогу. Многіе ему повърили, особенно изъ низшаго сословія. Богатые, ученые, жрецы и вожди народа, любящіе блескъ, славу и власть земную, сперва глядели на него съ презраніемъ, потомъ съ ненавистью, когда увидъли успъхъ его проповъди, и наконецъ предали его позорной казни креста. Посят его смерти ученики его, изъ которыхъ главные были малограмотные рыбаки, продолжали распространять его ученіе сперва въ Гудев и въ колоніяхъ Еврейскихъ, потомъ въ народахъ пновърческихъ и вездъ, гдъ находили охотныхъ слушателей. Много страдали они, много терпъли презрънія и преслъдованій, по не слабыли духомъ и ревисстію, процов'ядуя слово о пришедшемъ Мессін-Спаситель. Новая въра окръпла, новые законы стали управлять судьбою міра, и пароды, принявшіе проповідь Тудейскихъ рыбаковъ, еділались властителями всего земнаго шара и вождями человвчества въ путихъ мысли и просвъщения.

Исторія не судить объ отвлеченномъ достоинствъ ученія, но разсматриваєть всякое ученіє въ отношеній къ его необходимому или разумному развитію. Поэтому она должна признать въ Христіанствъ не только торжество ученія древне-Иранскаго (основаннаго на преданіи), но сще и окончательное его развитіе. Христіанство, замыкая собою міръ поклоненія свободно-творящему духу и Мессіаническихъ объщаній, разръшило всъ надежды человъчества единымъ разумнымъ разръшеніемъ, отвлекая ихъ отъ всего случайнаго и не-необходимаго. Таковъ смыслъ ученія и самой жизни Іисуса: они вполнъ независимы отъ случайностей историческихъ и отъ личнаго произвола.

Завътъ Гудейскаго, теперь всемірнаго, Учителя немногосложенъ: онъ заключается въ нъсколькихъ положеніяхъ, не связанныхъ ин съ какою мъстностью, ни съ какими внъшними условіями. Человъкъ такъ подобенъ Богу въ смыслъ духовномъ, что Богъ могъ быть человъкомъ. Такимъ образомъ высшій духъ имъеть въ себъ внутреннее оправданіе своего величія, и человъкъ получаеть впутреннюю возможность безконечнаго совершенства. Человъчество освобождается отъ рабства міровыхъ случайностей и отъ жизненной тяготы собственною силою олицетвореннаго совершенства человъческаго, и человъкъ вступаетъ въ иъдра Божества посредствомъ добровольнаго соединенія любви съ человъкомъ духовно-совершеннымъ, т. с. посредствомъ преданія своей частной воли въ волю человъко-божественную. Въ этомъ все его освобожденіе, вся его высота, вся его награда.

Міръ ученія Кушитскаго остался неприкосновеннымъ, но онъ заключился въ логику философскихъ школъ. Міръ ученія Иранскаго получилъ свой въпецъ въ Христіанствъ п уже внъ сто не имъеть никакого смысла. Онъ весь связанъ съ идеею единаго разумнаго Мессіи. Іуден, ожидающіе другаго, полнаго блеска и силы, облеченнаго въ ныпиость власти, знанія, безсмертія и всей торжествующей случайности, отрицаютъ безсознательно самую идею Мессіанскаго преданія и поэтому уже не имъють цикакого значенія въ историческомъ міръ.

Другой народъ, по преданіямъ Еврейскимъ и отчасти своимъ, братъ Израиля по крови, но менѣе чистый въ смыслѣ семейномъ или въ началѣ духовномъ, Измаэлиты и Есавляне, народъ безспорно сохранявшій память объ общемъ ученіи и потомъ много принявшій духовныхъ началъ отъ Евреевъ, представилъ своего Мессію нѣсколько вѣковъ послѣ народа Израильскаго. Явленіе Мугаммеда есть безспорно одно изъ самыхъ важныхъ происшествій историческихъ; но воинственный проповѣдникъ Аравіи погружаетъ спова человѣчество во все беземысліе случайности, и эта случайность безъисходна, ибо она обнимаетъ всю загробную будущность.

Мугаммедъ явился выразителемъ броженія, долго подготовлявшагося въ Аравійскомъ племени, неудовлетворенномъ ни Христіанствомъ, которое доніло до него въ своемъ Несторіанскомъ искаженіи, ни потерявшимъ смыслъ послѣ пришествія Христа Еврействомъ, ни тѣмъ менѣе остатками идолопоклонства, съ которыми не могло примириться еще жившее въ этомъ племени первопачальное Иранское преданіе единобожія.

- IV, 581. Дивная предесть увлекательнаго краспортчія, поэтическое слово и поэтическая втра въ свое призваніе, смтлость духа, не слабыющаго въ опасностяхъ, и дальновидность въ разсчетахъ доставили скоро Мугаммеду многочисленныя толпы поклопниковъ. Его ученіе было возвеличеніе жизни народной, его гордость была гордость народная, дотолт оскорбленная исключительными притязаніями Изранля; его торжество должно было быть торжествомъ народнымъ. Изо встать концевъ Аравіи толпились дружины около новаго вождя, и вождь этотъ вель ихъ къ войнт и почти всегда къ побъдт и отдаваль имъ весь плодъ своихъ побъдъ, удерживая за собою только славу святости и вдохновенія. Скоро покорнась вся Аравія, и престартлый учитель передъ смертію своею уже указываль вооруженнымъ толпамъ своихъ учениковъ на столицу Персіп и на городъ Константина, какъ на цтль ихъ будущихъ завоеваній.
- IV, 583. Исламъ явился у Измаэлитовъ съ тъмъ же значеніемъ, какъ Христіанство у Израиля: подобио Христіанству онъ истекалъ изъ начала Иранскаго, изъ предація о свободно-творящемъ духів и о Мессін, объщанномъ міру. Въ немъ выражались и братство двухъ колбиъ Авраамидовъ, и ихъ древиее сопериичество. Связь его съ преданіемъ казалась даже твенве, чемь связь Христіанства, и по этому самому понятно, отчего Коранъ былъ принять безъ исключенія всеми семьями Аравійскими, а ученіе Апостоловъ отвергнуто большинствомъ Евреевъ. Но дъйствительно Христіанство содержало въ себъ окончательное развитие началь, заключенных въ предани, именно возвращение свободы духовной посредствомъ отречения человъка отъ своей ограниченной личности и пріобрътенія новой высшей личности въ совершенномъ человъкъ-Мессін, между тъмъ какъ Исламъ былъ ничто иное, какъ произвольная реформа, внесенная въ преданіе безъ веякаго развитія его пачаль. Бездиа, раздыляющая человыка и Бога (духа созданнаго и его первобыта) удерживалась навсегда; строгость законная (разумная въ Еврействъ, какъ въ религіи ожидающей и признающей себя за несовершенную) каментла въ религи, признающей себя за совершенную и не освобождающей оть закона; самыя объщанія загробнаго блаженства были заклеймены безконечною прихотыо случайности, и духовная природа человъка была навсегда заключена въ цъпи нескончаемаго рабства. Такимъ образомъ возможность развитія человъческаго, данная ученіемъ, возникшимъ въ Іудев, была упичто-

жена въ Исламизмъ, и будущая побъда Христіанства обусловливалась уже самыми первыми началами върованій, назначенныхъ на въковую борьбу. Съ другой стороны ученіе Мугаммеда содержало въ себъ причины временнаго, но блистательного торжества. Глубокое значеніе моновеистическаго предація соединялось въ цемъ съ роскошью воображенія вещественной поэзін; высокія правственныя побужденія мирились съ страстями человъческими, съ любовію къ чувственному наслаждению и воинской славь; учение было просто и доступнъе темному невъжеству, чъмъ Христіанство, котораго полный смыслъ быль ясенъ только для немногихъ мыслителей (какъ видно изъ хода и развитія ересей); всъ учрежденія были вполив согласны съ бытомъ и характеромъ народовъ юго-западной Азін и съверной Африки; наконецъ, и это всего важиве, въ Исламв идея религіозная заключала въ себв не только освящение стремлений завосвательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вірующій быль обращень въ постоянную и восторжениую дружину. Съ Мугаммедомъ началась религозная война, одно изъ важивйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловічіе войны личиною высоко-человъческого чувства, братолюбія и любви къ божественной истинъ, обманъ особсино увлекательный для благородиъйшихъ душъ и между тъмъ уничтожающій въ самомъ корив сознаніе различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Исламъ былъ отечествомъ для Магометанъ, и это духовное отечество признавало въ ссбъ всв права государства и право высшее - сделаться государствомъ всемірнымъ. Такое новое, такое грозное явленіе не могло не потрясти всего міра.

IV, 585. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею върованій (напр. въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израпль при вступленіи въ землю Ханаанскую и Иранъ при домѣ Кеанидовъ въ своихъ военныхъ подвитахъ признають себя народами святыми; но Израпль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествъ государства, а не въры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ Исламъ религія проявилась, какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія.

Въ нашъ въкъ просвъщение неудержимо завоевываетъ міръ для Хрпстіанства, и Исламъ исчезаетъ. Оружіемъ мессіи Аравійскаго былъ мечъ, оружіемъ мессіи Еврейскаго, замкнувшаго навсегда все Иранское преданіе, было и будетъ слово.

IV, 416. Съ эпохою новорожденнаго Хрпстіанства начинается новая эпоха исторіи, ясная, всёмъ знакомая, обработанная безконечнымъ множествомъ писателей; но она связана съ исторіею до христіанскою связью неразрывною, ибо следы прошедшаго не легко изглаживаются, и жизнь прожитая долго обусловливаетъ будущую.

Явленіе Інсуса и Его законъ содержать въ себъ начало всей поздивнией жизни міра; по это начало развилось только черезъ пъсколько въковъ, такъ что первыя стольтія принадлежать еще исключительно древней исторіи. Даже и тогда, когда знами, поднятое Константиномъ, возвъстило торжество Еврейскаго Учителя, когда новые народы, выступивъ изъ глубины съверныхъ пустынь, упичтожили въ своемъ дикомъ налетъ прежнія государства Европы и, покорившись прееминкамъ Апостоловъ, создали новыя державы, донывъ правящія судьбою человъчества, - съмена добра и зла, просвъщенія и заблужденій, брошенныя прежнимъ развитіємъ человіческой мысли, не погибли и не остались безплодными. Римъ и Эллада, воинственная дикость Германца и твеный быть Славниской семейности имъли столько же вліянія на исторію повъйщую, сколько и Христіанство. Поэтому мийніе, высказанное ревнителями закона Інсусова въ похваду, или его врагами въ укоръ, будто бы все развитіе Европы послѣ Константина есть инчто инос какъ жизнь и развите Церкви, не имфетъ никакого основания. Какъ укоръ оно несправеданно, ибо мерзости разврата п кровопролитія, наполияющія всю льтопись христіанскихъ народовъ, не находятся въ логической связи съ ученіемъ, завъщаннымъ отъ Еврейскихъ проповъдниковъ; какъ похвала оно нелъпо, поо самая похвала была бы укоромъ. Основатели Церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на пихъ легла отвътственность Европейской исторіи. Одно только можеть и должно быть сказано объ отношеніяхъ Христіанства къ народамъ, которые его псновъдують, пменно то, что оно до сихъ поръ обусловливало крайніе предълы ихъ развитія. Таковъ смыслъ, всякой религіи: она есть граница всего духовнаго и умственнаго міра для человъка. Народъ, выступившій изъ границъ своего върованія, создаетъ себъ върование новое; отридание же, еще не создавшее новаго положенія, находятся въ прямой зависимости отъ положенія отвергаемаго. Поэтому до нашихъ временъ Христіанство (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвъщеннаго міра; не одно только невъжество можеть смъшивать Церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начада христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.

ЦЕРКОВЬ.

II.

Весленскіе соборы.—Ученіе о Церкви.—Откровеніе.— Мъра постиженія человъкомъ божественной петины и выраженія ся человъческимъ языкомъ.—Видимый ображь Церкви.— Христіанинъ какъ членъ гражданскаго общества. — Историческія судьбы Христіанства.— Церковная и государственная жизнь Византіи.

Послъдователи Інсуса составили собою хрпстіанскую Церковь. Ученіе Церкви, по мъръ распространенія Хрпстіанства, выражалось Вселенскими соборами.

IV, 552. Самые соборы не опредвляли, но высказывали мысль и върованія, живущія въ церковной общивь: они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, по отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповъдаціе, утвержденпое ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на соборъ, Отъ того-то ни число присутствующихъ на соборъ епископовъ, ни власть или согласіе императоровъ, ни согласіе старшихъ епископовъ и патріарховъ, никакая, наконецъ, вижшняя примвта, инчто не давало собору характера вселенскаго (т. е. общецерковнаго). Такъ, напр., на соборахъ, отвергнутыхъ Церковью, часто присутствовало такое число епископовъ, какого не бывало и на соборахъ, названныхъ Вседенскими; такъ многіе изъ нихъ были утверждены царями, многіе признаны всёми патріархами, не исключая Римскаго (ибо ръшение собора Миланскаго было подписано Либериемъ, не выдержавшимъ императорскаго гоненія). Общее матніе было судьею самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и правственнаго единства.

IV, 557. Соборы отстояли для человъчества великос ученіе, которато благотворные плоды питали его доныць въ продолженіе многихъ въковь, облагороживая и возвышая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цъли. Объявлено было внутреннее тождество духа, Бога и человъка въ проявленіи Мессіи. Догмать быль утверждень, и Церковь могла успокопться; но новая страшная буря должна была ее потрясти и съ нею вмъстъ потрясти надолго и, можетъ быть, ослабить навсегда Византійскую имперію. Первые въка Церкви были скудны обрядами и почти чужды всякой впъшней формы поклоненія. Государственное торжество Христіанства при Константинъ дало свободу внъшней жизни: явились обряды, свободно созданные для выраженія жизни внутренней и внутренвяго единства; духъ искусства создаль новыя

молитвенныя пъсин, новое христіанское зодчество, повую живопись, скудную въ отношении къ красотъ пластической, богатую въ смыслъ духовнаго выраженія, и это опять было деломъ Византійскаго міра. Икона сдълалась предметомъ любви, уваженія п почтительнаго поклоиенія; въ темномъ народ'в она сделалась предметомъ идолопоклонства. Противъ этого уклоненія отъ Христіанства возстали мужи сильные ревностію и духомъ, императоры прославленные побъдными подвигами противъ пноземцевъ; по вмъсто убъжденія и ученія они въ дъль исправленія духовнаго вооружились властію. Сопротивленіе возбудило гордость; оскорбленияя гордость выразилась жестокими гоненіями. Духовенство возстало противъ исзаконнаго употребленія свътской власти (къ которой оно часто само беззаконно прибъгало). Оно чувствовало себя униженнымъ и угнетеннымъ и вступплось столько же за свои житейскія выгоды, какъ и за свои церковных права. Страсти разгорълись; внутренній раздоръ погубиль силы государства; истина затемиплась въ неизбъжномъ ожесточении междоусобицы. Войско, вещественныя силы и едва ли не чистота намъреній были на стороив гонителей иконоборцевъ. По народное убъждение, право и истина были на сторонъ гонимыхъ защитниковъ иконъ.

Надъ этимъ въковымъ споромъ гордо смъялась новая ваука. Смыслъ его для пси такъ же теменъ, какъ и для невъжества прежинхъ церковныхъ историковъ. И тъмъ и другимъ не доставало безпристрастнаго просвъщения. Истинное значение иконоборческихъ споровъ весьма важно и, достойно величія человіческой исторіи, болье достойно, чъмъ мелкія войны, мелкія побъды дикарей падъ дикарями, которыми гордятся западная Европа и ся кровавыя лътописи. Иконоборецъ возставалъ противъ злоупотребленія, унижающаго Христіанство до идолопоклонства; но онъ вмъшивалъ власть и припуждение въдъло высшей человъческой свободы, но его торжество было бы приговоромъ не надъ одивми иконами, а надъ всякимъ обрядомъ. Защитники иконъ защищали въ шихъ право человъческой свободы, а еще болъе право каждаго человъка и каждой общины въ ея живомъ единствъ выражать свою мысль и свое чувство словомъ, звукомъ и образомъ. Они побъдили, и ихъ побъда спасла неприкосновенность Церкви и ен въру въ самую себя и въ живую мысль, которая должна устранить идолопоклонство безъ всякаго вившияго прицужденія, и поэтическую свободу обряда, и будущее художество. Такого было дъло второго собора Никейскаго, послъдняго изъ великихъ соборовъ.

Этимъ соборомъ кончила Византія свой духовный подвигъ, утвердивъ навсегда догматъ, наукообразное выраженіе мысли, отстоявъ обрядъ, поэтическое выраженіе жизни.

Вселенскіе соборы выразили и самое ученіе о Церкви — Церков одна.

- 11, 3. Единство Церкви следуеть необходимо изъ единства Божьяго; ибо Церковь не есть множество лиць въ ихъ личной отдельности, но единство Божіей благодати, живущей во множестве разумныхъ твореній, покоряющихся благодати. Дается же благодать и непокорнымъ и не пользующимся ею (зарывающимъ талантъ), но они не въ Церкви. Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, какъ единство многочисленныхъ членовъ въ тёле живомъ.
- II, 228. Дъйствительно Церковь—не въ болъе или менъе значительномъ числъ върующихъ, даже не въ видимомъ собраніи върующихъ, но въ духовной связи ихъ объединяющей. Церковь есть откровеніе Святаго Духа, даруемое взаимной любви Христіанъ, той любви, которая возводить ихъ къ Отцу чрезъ Его воплощенное Слово, Госнода нашего Інсуса. Вожественное назначеніе Церкви состоить не только въ томъ, чтобы спасать души и совершенствовать личныя бытія: оно состоить сще и въ томъ, чтобы блюсти истину откровенныхъ тайнъ въ чистоть, неприкосновенности и полноть, черезъ всь покельнія, какъ свъть, какъ мърило, какъ судъ.
- И, 3. Церковь одна, пе смотря на видимое ея двленіе для человъка, еще живущаго на землв. Только въ отношеніи къ человъку можно признавать раздвлъ Церкви на видимую и невидимую, единство же ея есть истинное и безусловное. Живущій на землв, совершившій земной путь, несозданный для земнаго пути (какъ ангелы), не начинавшій еще земнаго пути (будущія покольція), вев соединецы въ одной Церкви—въ одной благодати Божіей; нбо еще неявленное твореніе Божіе для Него явно, и Богъ слышить молитвы и знасть въру того, кто еще не вызвань Имъ изъ небытія къ бытію. Церковь же, твло Христово, проявляется и исполняется во времени, не измвняя своего существеннаго единства и своей внутренней, благодатной жизни. Поэтому, когда говорится «Церковь видимая и невидимая», то говорится только въ отношеніи къ человъку.

Церковь видимая или земная живетъ въ совершенномъ общеніи и единствъ со всъмъ тъломъ церковнымъ, коего глава есть Христосъ. Она имъстъ въ себъ пребывающаго Христа и благодать Духа Святаго во всей ихъ жизненной полнотъ, но не въ полнотъ ихъ проявленій; ибо творитъ и въдастъ не вполнъ, а сколько Богу угодно. Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь назначилъ явиться при конечномъ

судъ Своего творенія: то она творить и въдаеть только въ своихъ предълахъ, не судя остальному человъчеству (по словамь Апостола Павла къ Кориноянамъ) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тъхъ, которые отъ нея сами отлучаются. Остальное же человъчество, или чуждое Церкви, или связанное съ нею узами, которыя Богъ не изволилъ ей открыть, предоставляеть она суду великаго дня. Церковь же земная судитъ только себъ, по благодати Духа и по свободъ, дарованной ей черезъ Христа, призывая и все остальное человъчество къ единству и къ усыновленію Божьему во Христъ; но надъ неслышащими ея призыва не произносить приговора, зная повельніе своего Спасителя и Главы: «не судить чужому рабу».

- II, 228. Сокровенныя связя, соединяющія земную Церковь съ остальнымъ человъчествомъ, намъ не открыты; поэтому мы не имъемъ ни права, ни желанія предполагать строгое осужденіе всъхъ пребывающихъ внъ видимой Церкви, тъмъ болье, что такое предположеніе противоръчило бы Божественному милосердію.
- II, 4. Съ сотворенія міра пребывала Церковь земная непрерывно на земль и пребудеть до совершенія всьхъ двять Вожінхъ по объщанію, данному ей Самимъ Богомъ. Признаки же ся суть: впутренняя святость, не дозволяющая инкакой примъси лжи (пбо въ ней живеть духъ истины) и вившияя неизмънность, нбо неизмъненъ Хранитель и Глава ея Христосъ.

Всь признаки Церкви, какъ внутреније, такъ и вившије, познаются только ею самою и теми, которыхъ благодать призываеть быть ея членами. Для чуждыхъ же и непризванныхъ они непонятны, ибо внъшнее измънение обряда представляется пепризваниому измънсниемъ самаго Духа, прославляющагося въ обряде (какъ напримеръ, при переходъ ветхо-завътной Церкви въ ново-завътную, или при измънении обрядовъ и положеній церковныхъ со временъ апостольскихъ).-- Церковь и ея члены знають, впутреннимъ знанісмъ въры, единство и неизмънность своего духа, который есть духъ Божій. Внъшніе же и непризванные видять и знають изменение впешняго обряда внешимить знаніемъ, не постигающимъ внутренняго, какъ и самая неизмънность Божія кажется имъ измъняемою въ измъненіяхъ Его твореній. - Посему, не была и не могла быть Церковь измънсиною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, въ которое она приняла бы ложь въ свои нъдра, въ которое бы міряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаніямъ и ученію несогласнымъ съ ученісмъ и духомъ Христовымъ. Не знаетъ Церкви и чуждъ ей тотъ, кто бы сказалъ, что могло въ ней быть такое оскудение духа Христова. Частное же возстание противъ дожнаго ученія, съ сохраненіемъ или принятіемъ другихъ ложных в ученій, не есть и не могло быть діломъ Церкви: нбо въ ней, по ея сущности, должны были всегда быть проповъдники и учители и мученики, исповъдующие не частную истину съ примъсью лжи, но полиую и безпримъсную истину. Церковь знасть не отчасти истину и отчасти ложь, а полную истину и безъ примъси лжи. - Живущій же въ Церкви не покоряется дожному ученю, не принимаетъ тапиства отъ ложнаго учителя; зная его ложнымъ, не следуеть обрядамъ ложнымъ. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитритъ и малодушничаеть, ибо свята. Точно также Церковь, по своей пензмънности, не признаеть ложью того, что она когда-иноудь признавала за истину; и объявивъ, общимъ соборомъ и общимъ согласіемъ, возможность ошибки въ ученій какого-нибудь частнаго лица или какого-нибудь епископа или патріарха (какъ напр., папы Онорія на Халкидонскомъ соборф), она не можетъ признать, что сіе частное лице, или епископъ, или патріархъ, или его преемники, не могли впасть въ ошибку по ученію, и что они охранены оть заблужденія какоюнибудь благодатію. Чъмъ святилась бы земля, еслибы Церковь утратила свою святость? II гдъ бы была истина, еслибы ея нынъшній приговоръ былъ противенъ вчераниему? Въ Церкви, то-есть въ ся членахъ, зарождаются ложныя ученія; но тогда зараженные члены отпадають, составляя сресь или расколь и не оскверияя уже собою святости церковной.

Церковь называется единою, свягою, соборною (канолическою и вселенскою) и апостольскою; потому что она едина и свята, потому что она принадлежить всему міру, а не какой пибудь мѣстности; потому что ею святятся все человѣчество и вся земля, а не одинъ какой нибудь народъ или одна страна; потому что сущность ея состоить въ согласіи и въ единствѣ духа и жизни всѣхъ ея членовъ, по всей землѣ, привнающихъ ее; потому, наконецъ, что въ писаніи и ученіи апостольскомъ содержится вся полнота ея вѣры, ея упованій и ея любви.

Изъ сего следуетъ, что когда называется какос-нибудь общество Христіанскою Церковью мъстною, какъ-то Греческою, Россійскою или Сирійскою, такое названіе значитъ только собраніе членовъ Церкви, живущихъ въ такой-то странъ (Греціи, Россіи, Сиріи и т. д.) и не содержитъ въ себъ предположенія, будто бы одна община христіанъ могла выразить ученіе церковное или дать ученію церковному догматическое толкованіе безъ согласія другихъ общинъ; еще менъе пред-

полагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ея могли предписывать свое толкование другимъ. Благодать въры неотдъльна отъ святости жизни, и ни одна община, и ни одинъ пастырь не могутъ быть признанными за хранителей всей вфры, какъ ни одинъ пастырь, ни одна община не могуть считаться представителями всей святости церковной. Впрочемъ, всякая община христіанская, не присвоивая себъ права догматическаго толкованія или ученія, имъсть вполиъ право измънять свои обряды, вводить новые, не вводя въ соблазнъ другія общины; напротивъ, отступая оть своего мивнія и покорянсь ихъ мивнію, дабы то, что въ одномъ невинно и даже похвально, не показалось виновнымъ другому, и дабы братъ не ввель брата иъ гръхъ сомнънія и раздора. Единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинь, ибо въ немъ видимо проявляется, даже для непросвъщеннаго, единства духа и ученія; для просвъщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской. Любовь есть пънецъ и слава Церкви.

11, 12. Въ символъ Никео - Константинопольскомъ, исповъдавъ свою въру въ Трімпостасное Божество, Церковь исповъдуєть свою въру въ самую себя, потому что она себя признаеть орудісмъ и сосудомъ божественной благодати и дъла свои признаетъ за дъла Божіи, а не за дъла лицъ, повидимому ее составляющихъ. Въ семъ исповъданіи она показываетъ, что знаніе объ ся существованіи есть также даръ благодати, даруемой свыше и доступной только въръ, а не разуму.

Ибо какая бы миж была нужда сказать: върую, когда бы я зналь? Въра не есть ли обличение невидимыхъ? Церковь же видимая не есть видимое общество христіанъ, но духъ Вожій и благодать таинствъ. живущихъ въ этомъ обществъ. Посему и видимая Церковь видима только върующему, ибо для невърующаго таинство есть только обрядъ, и Церковь только общество. Върующій, хотя глазами тъла и разума видить Церковь только въ ея вившнихъ проявленіяхъ, но сознастъ ее духомъ въ таинствахъ и въ молитвъ и въ богоугодныхъ дълахъ. Посему онъ не смъшиваеть ея съ обществомъ, посящимъ имя христіанъ, ибо не всякій, говорящій «Господи, Господи», дъйствительно принадлежить роду избранному и съмени Авраамову. Върою же знаеть истинный христіанинъ, что Единая Святая Соборная, Апостольская Церковь никогда не исчезнеть съ лица земли до последняго суда всей твари, что она пребываетъ на землъ видиме для глазъ плотскихъ и плотски мудрствующаго ума въ видимомъ обществъ христіанъ; точно также какъ она пребываетъ видимою для глазъ въры въ Церкви загробной, невидимой для глазъ тельсныхъ. Върою же знаетъ христіанинъ и то, что Церковь земная, хотя и невидима, всегда облечена въвидимый образъ; что не было, не могло быть и не будетъ того времени, въ которое исказились бы таинства, изсякла святость, испортилось ученіе; и что тотъ не христіанинъ, кто не можетъ сказать: гдь отъ самаго времени апостольскаго совершались и совершаются святыя таинства, гдъ хранилось и хранится ученіе, гдъ возсылались и возсылаются молитвы къ престолу благодати? Святая Церковь исповъдуетъ и въруетъ, что пикогда овцы не были лишены своего Божественнаго Пастыря, и что Церковь никогда не могла ни ошибиться по перазумію (ибо въ ней живетъ разумъ Божій), ни покориться ложнымъ ученіямъ по малодушію (ибо въ ней живетъ спла духа Божія).

- 11, 17. Церковь живеть даже на земль не земною человъческою жизвію, но жизнію божественною и благодатною. Посему не только каждый изъ членовъ ел, по и вся она торжественно называеть себя Святою. Видимое ея проявленіе содержится въ таинствахъ, внутренняя же жизнь ся въ дарахъ Духа Святаго, въ въръ, падеждъ и любии. Угнетаемая и преслъдуемая вившними врагами, не разъ возмущенная и разорваниая злыми страстями своихъ сыновъ, она сохранялась и сохраняется исколебимо и неизмённо тамъ, где неизменно хранятся таинства и духовная святость, пикогда не искажается и никогда не требуетъ псправленія. Она живеть не подъ закономъ рабства, по подъ закономъ свободы, не признаетъ надъ собою ничьей власти кромъ собственной, ничьего суда кром'в суда въры (ноо разумъ ея не ностигаетъ), и выражаетъ свою любовь, свою въру и свою надежду въ молитвахъ и обрядахъ, внушаемыхъ ей духомъ истины п благодатью Христовою. Посему, самые обряды ея, хотя и ненеизмины (пбо созданы духомъ свободы и могутъ измъняться по суду Церкви), никогда и ни въ какомъ случав не могутъ содержать въ себв какую-нибудь, хотя мальйшую примъсь лжи или дожнаго ученія. Обряды же, еще неизмъненные, обязательны для членовъ Церкви, ибо въ ихъ соблюденіи радость святаго единства.
- II, 199. Но крайне песправедливо думать, что Церковь требуеть принужденнаго единства или принужденнаго послушанія; напротивъ, она гнушается того и другаго: ибо въ дълахъ въры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе есть смерть.
- 255. Церковь зоветь въ свои объятія всё народы и въ полноте несомненнаго упованія ожидаеть пришествія своего Спасителя.
 Спокойнымь окомь зрить она, какъ вёкь за вёкомь, волна за волною,

гроза историческихъ треволненій, потоки страстей и мыслей человъческихъ клубятся и мечутся вокругъ камня, на которомъ она утверждается; зритъ и не смущается, ибо въритъ въ его несокрушимость. Камень этотъ -- Христосъ.

11, 26. По волъ Вожіей Св. Церковь, послъ отпаденія многихъ расколовъ и Римскаго патріаршества, сохранилась въ эпархіяхъ и патріаршествахъ Греческихъ, и только тъ общины могутъ признавать себя вполнъ христіанскими, которыя сохраняютъ единство съ восточными патріаршествами пли вступаютъ въ сіе единство; по́о одинъ Богъ и одна Церковь, и нътъ въ ней ни раздора ип разногласія.

Посему Церковь называется Православною, или Восточною, или Греко-Россійскою; но всё сін названія суть только названія временным. Не должно обвинять Церковь въ гордости, потому что она себя называеть Православною, ибо она же ссбя называеть Святою. Когда исчезнуть ложныя ученія, не нужно будеть и имя Православія; ибо ложнаго Христіанства не будеть. Когда распространится Церковь или войдеть въ нее полнота народовь, тогда исчезнуть всё мёстныя напименованія; ибо не связывается Церковь съ какою-нибудь мёстностію и не хвалится какою - нибудь отдёльною эпархією или областію, и не хранить наслёдства языческой гордости; но она называеть себя Единою, Святою, Соборною и Апостольскою, зная, что ей принадлежить весь міръ и что никакая мёстность не имёсть особаго какого-иибудь значенія, но временно только можеть служить и служить для прославленія имени Божіяго, по Его неисповёдимой волё.

11, 244. Всв тайны ввры были открыты Церкви Христовой, отъ самаго ея основанія. Все внутреннее познаніе Божественнаго (въ той мъръ въ какой оно доступно земному человъчеству) было дано ей отъ начала; и всъ эти тайны, все это познаніе, выражены были первыми Христовыми учениками, но были выражены только для Церкви и только ею могуть быть поняты. Сами по себъ Вогь и Божественное невыразимы, слово человъческое не въ состояни ни опредълить, ни описать ихъ: оно можетъ только возбудить въ разумъ, т. е. въ міръ человъческомъ, мысль или порядокъ мыслей, соотвътственныхъ реальпости міра Божественнаго. Мы знаемъ, что даже въ области человъческихъ предметовъ слова, которыми выражаются не отвлеченности, а понятія взятыя изъ живой реальности (вещественной или духовной) бывають понятны только для людей, обладающихъ физическими органами или духовными способностями, необходимыми для ихъ пониманія; иными словами, понятны въ той мъръ, въ какой составляють какъ бы III. 28 РУССВІЙ АРЖИВЪ 1896.

долю жизни самаго постигающаго субъекта. Оттого слъпому недоступно дъйствительное понимание словъ: «свътъ и цвътъ»; оттого чедовъкъ, лишенный чувства красоты, не понимаетъ словъ ее выражающихъ; оттого душа, огрубъвшая въ чувственности или погрязшая въ эгоизмъ, слышитъ доносящіяся до нея слова любви, благоговънія п почтенія, но не проникаеть въ ихъ смыслъ. Не тъмъ ли съ большимъ основаніемъ должны мы признать, что слова, которыми выражаются понятія о міръ Вожественномъ, могуть быть понятны только для того, чья собственная жизнь находится въ согласіи съ реальностью этого міра? Если самыя эти понятія недоступны человъческой мысли, пребывающей въ уединеніи своей личной немощи и порочности, а постигаются только Духомъ Божінмъ, который открываеть ихъ нравственному единству христіанскаго общества: то естественно, что и слова, служащія имъ выраженіемъ, представляются въ своемъ реальномъ смыслѣ только тому, чья жизнь составляеть какъ бы живую принадлежность организма Церкви.

11, 246. Человъческое слово есть только знакъ, болье или менье условный, смыслъ котораго измъняется не только по языкамъ, наръчіямъ и эпохамъ, но и по мъръ развитія науки и умственной жизни людей въ вещахъ человъческихъ. И Церковь унаслъдовала отъ блаженныхъ Апостоловъ пе слова, а наслъдае внутренней жизни, наслъдае мысли невыразимой и однако постоянно стремящейся выразиться. Слово Церкви впдоизмъняется во свидътельство безконечности идеи; иначе, это слово было бы не болье какъ вещественнымъ отголоскомъ, звучащимъ изъ въка въ въкъ, но ничего пе выражающимъ кромъ развъ безплодности и вялости умственнаго труда, или даже полнаго его отсутствія.

Мы это видимъ съ самаго начала. Если бы таинственное и присноповълоняемое имя «Сынъ Божій» обнимало во всей полнотъ христіанскую идею о Томъ, Кто воплотился ради нашего спасенія, то къчему бы придавать ему еще другое Божественное имя «Въчнаго Слова?» Или, если это послъднее имя было необходимо для выраженія идеи, то почему бы ему не быть произнесеннымъ въ самомъ началъ Евангельской проповъди?

Читая писанія апостольскія, предшествовавшія писанію Іоанна, иногда невольно какъ бы сътуешь, не находя въ нихъ названія столь выразительнаго, сіяющаго въ первой строкъ Іоаннова Евангелія. «Образъ Отца», «сіяніе славы Его» и другія подобныя выраженія, правда, открывають намъ туже мысль, какая заключена и въ имени «Слово», но указывають ее не столь ясно. И такъ скажемъ ли мы,

что появленіемъ этого термина знаменуется прогрессъ въ развитін Церкви? Отнюдь пътъ, ибо полнота церковной мысли чувствуется и въ выраженияхъ Св. Павла; но дело въ томъ, что явился новый слушатель. Іудей, Римлянинъ, Грекъ-мастеровой ничего бы не поняли, если бы Св. Павелъ заговорнав о Словъ. Это выражение не пробудило бы въ ихъ представленіи шикакой иден; оно бы для нихъ не имвло смысла. Но къ Церкви Христовой примкнулъ новый личный элементь, новая историческая жизпь---воспитанники Греческой философіи. Выраженіе сравнительно съ прежними болве сжатое и болве ясное, по которое до той поры было бы непонятно, стало теперь возможно; Св. Іоаинъ возглашаеть его, и ликующая Церковь повторяеть его въ день торжественнъйшаго изъ своихъ праздпествъ. Значить ли это, что Церковь обреда наконець терминь для выраженія своей мысли? Какъ! Слово, этотъ улетучивающійся звукъ, али этоть нізмой знакъ начертанный или оттиснутый, это нечто изменяющееся и условное, это прито не имрющее ничего своего, не имрющее даже жизни по себъ, жизни, такъ сказать, личной, признать его за выражение способное обнять и опредълить существо Бога, Спасителя нашего, Того, Кто есть безусловная жизнь и истина? Этого и предположить нельзя. Нътъ, не тому радуется Церковь, что будто бы удалось ей наконецъ выразить мысль свою, а тому, что указала ясно своимъ чадамъ такую мысль, которой никакой языкъ человвческій выразить не можеть. Вст слова наши, если смтю такъ выразиться, суть не свъть Христовъ, а только тень Его на земле. Блажениы те, которымъ дано, созерцая эту тынь на поляхь Туден, угадывать небесный свыть Оавора. Этотъ свъть постоянно свътить для Церкви, но открывается не иначе, какъ сквозь тень вещества; ибо языкъ нашъ вполнъ вещественъ, не только по своей формъ, но и во всъхъ почти корияхъ своихъ, хэтя онъ и невещественъ по своему началу. Еслибы Апостолъ обращался къ ннымъ слушателямъ, если бы онъ встрътилъ въ шихъ другую умственную подготовку, можетъ быть, онъ употребилъ бы иныя выраженія.

11, 62. Въра всегда есть слъдствіе откровенія опознаннаго, то есть признаннаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактъ видимомъ; въра не то что върованіе или убъжденіе логическое, основанное на выводахъ, а гораздо болье. Она не есть актъ одной познавательной способности, отръшенной отъ другихъ, но актъ всъхъ силъ разума, охваченнаго и плъненнаго до послъдней его глубины живою истиною откровеннаго факта. Въра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится или чувствуется вмъсть; словомъ—она не одно познаніе, но познаніе и жизнь.

II, 57. Духъ Вожій, глаголющій священными писаніями, поучающій и освъщающій священнымъ преданіемъ вселенской Церкви, не можеть быть постигнуть однимъ разумомъ. Онъ доступенъ только полнотв человвческаго духа, подъ наитіемъ благодати. Попытка проникнуть въ область въры и въ ся тайны, преднося передъ собою одинъ свътильникъ разума, есть дерзость въ глазахъ христіанина, не только преступная, но въ тоже время безумная. Только свъть, съ неба сходящій и проникающій всю душу человъка, можеть указать ему путь; только сила, даруемая Духомъ Божінмъ, можетъ вознести его въ тъ неприступныя высоты, гдъ является Божество. «Только тоть можеть понять пророка кто самъ пророкъ, говоритъ Св. Григорій Чудотворецъ. Только само Божество можетъ уразумъть Бога и безконечность Его премудрости. Только тоть, кто въ себъ носить живаго Христа. можетъ приблизиться къ Его престолу, не уничтожившись передъ тою славою, передъ которою самыя чистыя силы духовныя повергаются въ радостномъ трепетв. Только Церкви, святой и безсмертной, живому ковчегу Духа Божьяго, посящему въ себъ Христа, своего Спасителя и Владыку, только ей одной, связанной съ Нимъ внутренцимъ и тъснымъ единеніемъ, котораго ни мысль человьческая не въ сплахъ постигнуть, ни слово человъческо не въ силахъ выразить, дано право и дана власть созерцать небесное величіе и процикать въ его тайны. Я говорю о Церкви въ ея цълости, о Церкви, по отношению къ которой Нерковь земная составляеть пераздільную оть нея часть.

Земная Церковь живеть и дъйствуеть въ средь человъческаго общества, въ составъ государства. Черезъ это измъпяется са видимый образъ.

- 1, 239. Дъйствительно, какъ бы ни было совершенно человъческое общество и его гражданское устройство, оно не выходить изъобласти случайности исторической и человъческаго несовершенства; оно само совершенствуется или падаетъ, во всякое время оставаясь далеко ниже недосягаемой высоты неизмънной и богоправимой Церкви.
- 1, 240. Каждый христіанинь есть въ одно и тоже время гражданинъ обоихъ обществъ, совершеннаго, небеснаго (Церкви) и несовершеннаго, земнаго (Государства). Въ себъ совмъщаетъ онъ обязанности
 двухъ областей, неразрывно въ немъ соединенныхъ, п при правильной
 внутренней и духовной жизни переноситъ безпрестанно уроки высшей
 въ низшую, повинуясь объимъ. Строго исполняя всякій долгъ, возлагаемый на него земнымъ обществомъ, онъ въ совъсти своей, очищенной уроками Церкви, пеусыпно наблюдаетъ за каждымъ своимъ по-

ступкомъ и допрашиваетъ себя объ употреблении всякой данной ему силы или права, дабы усмотръть, не оставляеть ли пользование ими какого-инбудь пятна или сомнъніи въ его душъ или въ убъжденіяхъ его братій, и не лучше ли иногда воздержаться ему самому даже оть дозволеннаго и законнаго, или итть ди наконець у него въ отношепін къ его земному отечеству обязанностей, которыхъ оно еще не возлагаетъ на него. Жизнь его и слово дълаются въ одно время и примъромъ, и наставленіемъ для другихъ, также какъ и онъ самъ отъ другихъ, лучшихъ, получаетъ примъръ и наставление. Эта искренияя и непринужденная и безропотная бесёда между требованіями двухъ областей въ самой душъ человъка есть тотъ великій двигатель, которымъ исбесный законъ Христіанства подвигаетъ впередъ и возвышаетъ народы, принявийе его. Конечно, въ душв, въ словв и двлв человъка могуть быть ошноки; по вътъ исканія и, сабдовательно, возможности улучшенія безъ возможности ошибки. Участь же общества гражданского зависить отъ того, какой духовный законъ признаётся его членами и какъ высока правствевная область, изъ которой они черпають уроки для своей жизни въ отношени къ праву положительпому. Такова причина, почему всъ государства не-христіанскія, какъ ни были они грозны и могущи въ свое время, исчезаютъ передъ міромъ христіанскимъ; и почему въ самомъ Христіанствъ темъ державамъ опредъляется высшій удълъ, которыя поднъе сохраняють его святой законъ.

Такова была судьба Христіанства и въ первой державъ, принявшей его какъ государственную религію, въ Восточно-Гимской Имперіи.

1, 217. Право и понятіе о государствъ оставались въ тъхъ упорныхъ формахъ, которыя были даны Римомъ. Прочна была работа въчнаго города. Пе безъ полнаго ясновидънія явился онъ пророку въ истуканъ желъзномъ на глиняныхъ ногахъ. Шатки и непадежны были основы его величія; по логическое развитіе его настройки было сковано изъ неразрушимаго желъза. Его юридическая цънь охватила и сдавила жизнь Византіи. Свободная и плодотворная во всякой другой области, мысль Эллина въ области права рабски слъдовала по путямъ, ей указаннымъ ея учителями—законовъдами Рима; и, не смотря на нъкоторыя слабыя понытки позднъйнаго законодательства, болъе исказившаго, чъмъ измъщвинаго стройную прльность законовъ, духъ закона оставался одинъ и тотъ же, и Христіанство почти не проникало въ каменный Канитолій юристовъ: тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества.

1, 218. Все уголовное право, съ его страшными казнями, съ его свиръпыми пытками, съ его безправственными судами и разрядами преступленій, было наследствомъ того Рима, который себя определиль еще прежде отдъленія Восточной имперіи. Точно тоже должно сказать и о всбур общественных учреждениях и о всбур ихъ мертвящихъ формахъ; точно тоже обо всей общественной жизни съ ея пграми, съ ея торжествами (кромъ церковныхъ), съ ея тріумфами, съ ея гордостію, съ ея самоупосніемъ и со всею этою позолоченою ветошью языческаго міра, которая охватывала всв общественные правы и была узаконена государственнымъ правомъ. Христіанство не могло разорвать этой сплошной стти злыхъ и противу - христіанскихъ пачалъ. Оно удалилось въ душу человъка; оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонъ его жизнь общественную и произпоси только приговоръ противъ явныхъ следовъ язычества: ною самые великіе дівятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ попятіп Рима, не могли еще вполив уразум'ять ни всей лжи Римскаго общественнаго права, ин безконсчио-трудной задачи общественпаго построенія на христіанскихъ началахъ. Ихъ благодътельная сила разбивалась о правильную и слитную кладку Римскаго зданія. Единственнымъ убъжищемъ для пихъ осталась типпна созерцательной жизни. Лучийя, могущественнъйший души удалялись отъ общества, котораго не смъли осуждать и не могли спосить. Всякое свътлое начало старалось спасти себя въ уединеніи. Темиве становились города, просіявали пустыни, и добродітели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный онміамъ, между тамъ какъ зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византійскую.

Ей не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества; но ей было дано великое діло уясинть вполнів христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвить не для себя только, но для насъ, для всего человічества, для всіхъ будущихъ візковъ. Сама Имперія падала все ниже и ниже, истощая свои нравственныя силы въ разладів общественныхъ учрежденій съ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ всіми; но въ душів лучшихъ ея дізятелей и мыслителей, въ ученій школъ духовныхъ и особенно въ святилиців пустынь и монастырей, хранплась до конца чистота и цільность просвітительнаго начала.

Начало это жило въ Церкви.

III.

РАЗДЪЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ.

Церковное единство. -- Причины его нарушенія. -- Особенности Западныхъ спархій. -- Воввышеніе Папства. -- Явыческія стихіи Римскаго Католицизма. -- Отдалсніє Западной церкви отъ Босточной.

11, 48. Со времени своего основанія Апастолами Церковь была едина. Это единство, обнимавшее весь въ то время извъстный мірь, связывавшее Британскіе острова и Пепанію съ Египтомъ и Сирією, никогда не было нарушаемо. Даже ереси не нарушали этого Божественнаго единства: онъ посили характеръ заблужденій личныхъ, а не расколовъ цълыхъ областей или епархій.

Но въ духовномъ стров областей и епархій Западныхъ заключались начала существенно-отличныя отъ началь Востока. Начала эти коренились во всей предшествовавшей, до-христіанской исторіи Запада, въ его религіозныхъ, племенныхъ и государственныхъ стихіяхъ.

IV, 417. Міръ Греціи, Востока и Африки быль древніве Рима, богать собственною мыслію, світель собственнымъ просивщеніємъ. Онъ покорился Риму какъ силі и какъ поливійшей идей политической, но въ тоже время сохраняль духовную самобытность, умственное превосходство надъ Гимомъ и тайное къ нему презрічіе. Міръ Италіи, Гальіи, Испаніи и поздийе Британіи быль Римскимъ созданіємъ. Его бідная и безплодная самобытность исчезла вскорів. Вся жизнь и мысль Запада были даны Римомъ, а не выработаны собственною силою народовъ.

Коренныя начала западнаго міра не замедлили обнаружиться и въ Западномъ Христіанствъ.

IV, 484. Политическія послідствія Арієвой смуты отзывались во всей исторіи Европы, въ продолженіе многихъ столітій. Разділеніе народа на два враждебные стана и раздоръ между духовенствомъ и дворомъ ослабили Имперію и открыли варварамъ свободный доступъ въ ея преділы.—Пароды Германскаго племени, вторгшіеся въ область Римскую и откинутые на Западъ велідствіе Гунискаго напора и устойчивости Византійской, перенесли съ Востока въ области Западной имперіи, ими завоеванныя, Аріанство, враждебное новопокоренному народу и его духовенству. Разрозненное духовенство, угнетенное побідителями, стало со дня на день боліве обращаться къ патріаршескому престолу Рима, прося отъ него опоры и защиты и платя ему за но-

кровительство безпрестанно возрастающею покорностью. Римскіе епископы, окруженные племенами Аріанскихъ завоевателей, искали съ своей стороны между завоевателями такого народа, который могъ бы сдълаться защитникомъ Никейскаго исповъданія. Они нашли его въ дружинъ Клодовика, и постоянный союзъ Римскаго духовенства отдалъ на многіе въка всю судьбу Западной Европы въ руки Франковъ.

Основаніемъ имперіи Карла Великаго значеніе Папства возвысилось еще болъе, ибо папа въ этомъ случаъ явился возстановителемъ Имперіи и наслъдникомъ правъ древняго Рима.

IV, 704. Епископъ Римскій, какъ духовный владыка п единственный неоспоримый преемникъ апостольскаго престола на Западъ, а еще болье какъ пастырь церковнаго стада въ древней міродержавной столицъ, считался всегда почетнъйшимъ изъ христіанскихъ епископовъ и вскоръ былъ облеченъ общимъ признаніемъ въ званіе всрховнаго судіи по дъламъ церковнымъ во всъхъ Западныхъ епархіяхъ.

Установленію такого взгляда способствовало различіе между воз-

IV, 705. Иное было понятіе Эллина, иное Римлянина о въръ и церкви. Для Эллина, развившаго человъческую личность до крайней степени умственнаго совершенства (какое доступно человъку, лишенному наследства преданія) вера была принадлежностью лица и лицо основою Церкви. Изъ гармоническаго единства и тождества духовныхъ убъжденій составлялось всеобщее върованіе Церкви, неоспоримое и безошибочное, какъ выражение истины, переданной Богочеловъкомъ Іисусомъ и постоянно вдыхаемой животворящимъ Божественнымъ Духомъ; изъ жизненнаго единства всехъ одноверующихъ лицъ составлялась внутренняя п вившпяя жизнь Церкви, содержащей полноту земной христіанской общины и отражающей въ себъ всемірную общину благодатныхъ духовъ. Такимъ образомъ Церковь въ глазахъ Эллина была явленіемъ міровымъ. Для Римлянина, создавшаго самое могучее изо всъхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнъйшаго совершенства логической последовательности, вера была закономъ, а Церковь явленіемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волъ невидимаго міра и главы его Христа, но въ тоже время требующимъ единства условнаго и видимыхъ символовъ этого правительственнаго единства. Символъ единства и постоянное выражение его законной власти долженъ былъ находиться въ Римскомъ епископъ, какъ пастыръ всемірной столицы.

IV, 706. Древній Римъ надагалъ свою печать на новое Христіавство Запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величія была наследствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни Римляне поздивишей эпохи, ни ихъ духовные пастыри. Но кромъ этой своекорыстной и эгоистической страсти, невольно заражавшей лучшихъ и достойнъйшихъ владыкъ Римскаго престола, должно еще признать другую причину ихъ односторонняго понятія о Церкви, менже предосудительную въ нравственномъ отношенін, но еще болье гибельную въ своихъ послъдствіяхъ, ибо она заключалась не въ личныхъ страстяхъ папъ, или Римлянъ, или жителей одной Италіи, но въ направленіи всего умственнаго развитія на Западь. Эта причина была ничто иное какъ односторонность самаго Западнаго просвъщенія. Оно не было произведениемъ самобытной дъятельности туземной мысли, пробуждепной къ многостороннимъ проявленіямъ дъйствіемъ собственной исторической судьбы или вліяніемъ чуждаго просвіщенія. Темный Западъ еще не созналь въ себъ своей собственной мысли. Онъ принялъ просвъщение извиъ, по не какъ живую силу, пробуждающую внутрений духъ человъка, а какъ готовый плодъ чужой жизни; онъ принялъ его въ самой грубой и вивиней его формъ, въ формъ общественнаго быта и государственнаго закона. Галлы, Пберцы, Британцы и ивкоторыя Германскія семьи сидою Римскаго меча были заключены въ просвъщеніс; кром'в ифкоторыхъ началь безполезнаго и общественнаго художества они узнали отъ него и полюбили только выгоды правильнаго гражданскаго быта и догику государственной полиціи, и вся ихъ скудная умственная дъятельность была заключена въ темномъ стремденін къ новому развитію права. Эта д'ятельность, убитая въ отношеніи къ жизни государственной и гражданской Германскимъ завоеваніемъ, обратилась на единственное еще свободное поприще-Перковь, которая сама являлась имъ въ видъ государства, единственнаго ими сознаннаго проявленія человъческой мысли.

Поэтому главная задача Западнаго міра, главное его требованіе, выразивнееся въ продолженіи пъсколькихъ въковъ, были построеніе Церкви въ государственную форму. Одинакова была важность соборовъ на Востокъ и на Западъ, но значеніе ихъ было различно. На Востокъ они были только выраженіемъ общаго мивніи. Ръшенія ихъ (кромъ частныхъ положеній объ обрядъ или порядкъ церковномъ) были изложеніемъ общихъ началъ въры въ строгой опредъленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. Сознаніе всей общины, принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и върою уже существующею, но до тъхъ поръ исопредъленною и логически неясною, доставляло собору всю его силу и

неоспоримость для будущихъ въковъ. На Западъ тъже соборы облечены были общимъ мнъніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и ръшенія ихъ имъли силу сами по себъ, независимо отъ повърки общины. На Востокъ слово соборовъ было свидътельствомъ, на Западъ—приговоромъ.

Но случайность соборовь, ихъ исвозможность въ обыкновенное время и постоянная необходимость правленія для Церкви, сознаваемой какъ государственное общество, должны были привести къ убъжденію въ существованіи власти видимой и всегда присущей для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ видимой и духовной жизни Церкви, а престолъ всемірной столицы и верховнаго Апостола казался самымъ естественнымъ хранителемъ этой исобходимой власти. Такимъ образомъ самая сущность просвъщенія, завъщанняго Римомъ всѣмъ своимъ Западнымъ областямъ, должна была по необходимости обратить Церковь въ духовное государство и облечь папъ, почти безъ ихъ воли, въ то царственное значеніе, котораго они достигли въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ въвахъ.

Въ свладъ Западно-христіанскихъ воззрѣній сказалось начало несравненно болъс древисе.

IV, 956. Христіанство было продолженісять и конечнымъ ваключепіємъ преданія о свободно-творящемъ духів и свободів духовной. Его торжество нанесло, повидимому, решительный ударъ Кушитскимъ религіямъ, поклоненію органической необходимости, въ какой бы формъ она ни являлась, и всемъ религіямъ, основаннымъ на условномъ умствованіи или условной символизацін; но трудно было сохранить неприкосновенною его первоначальную строгость и чистоту въ волненіяхъ жизпи государственной, утвержденной на условіяхъ вольныхъ или невольныхъ и въ движеніяхъ мысли, чернающей матеріалы своихъ познаній изъ наукъ, выработанцыхъ міромъ, вполив принадлежавшимъ системъ Кушитской. Западные народы, понявъ самую Церковь какъ государство въры, ввели прежнія пачала въ самыя нъдра ученія, которое приняли отъ первыхъ проповъдниковъ Христіанства. Цъльность свободнаго духа была разбита раціонализмомъ, скрытымъ подъ формою юридическою. Не человъкъ-христіанинъ уже быль точкою отправленія общей мысли, не изъ согласія внутренняго всёхъ христіанъ образовалась Церковь (видимый и земной отдълъ Церкви всемірной): ивть, Церковь земная получала самостоятельность и власть. Христіане являлись какъ подданные, покорные ръщеніямъ этой власти. Представители Церкви отдълялись естестренио отъ ея подданныхъ и должны были получить название соотебтствующее своему новому значенію — церковинковъ (Ecclesiastici) въ отдичіе отъ народа (Laici).

Іерархія могла замкнуться или въ видъ постояннаго собора чиновниковъ земной Церкви, ръшающихъ всъ вопросы объ ея коренныхъ законахъ (догматахъ въры), или въ лицъ правителя. Первые соборы, имъвшіе на Востокъ значеніе събзда избранниковъ оть всего христіанскаго міра, объявляющихъ общее убъжденіе съ общаго согласія, имъли въ глазахъ Запада значеніе законодательныхъ собраній, неподчиненныхъ никакому суду народнаго мивнія. Такова была первая эпоха. Расторженіе союза съ Востокомъ, убъжденіе, что явное разногласіе, происходящее постоянно во всъхъ соборныхъ совъщаніяхъ и примиряемое согласіемъ повидимому условнымъ, было противно повитію о безусловпой истинъ ръшеній; наконець, несомпънно признанное превосходство папскаго престола привели Западную общину въ ел вторую эпоху, передавъ всю власть законодательную папв. Востокъ предполагалъ и предполагаеть до сихъ поръ вдохновение свыше ниспосылаемое всей церковной общинь, всябдствіе ся богоугодной жизни и ся свободной полноты. Западъ, предположивъ спачала законодательное право въ собраніяхъ совъщательныхъ, передаль это право одному епископу, владыкъ древивишаго и почетивишаго изъ Западныхъ престоловъ, и облекъ его въ исключительную боговдохновенность, не имъющую ничего общаго со всвии другими жизнешными явленіями въ немъ или въ церковномъ обществъ. Онъ едъдался Божінмъ намъстникомъ на землъ, быль признань въ этомъ качествъ, и такое опредъленіе видимой главы веей Церкви опредълнаю весь характеръ Римскаго Католицизма.

Церковь стала вибиностью для ся подданныхъ и вибиностью даже для ся чиновниковъ (въ отношени къ ихъ человъчеству), какъ всякое государство. Религія, идея вполить Римская, какъ и самое слово, стала на мъсто въры. Нравственный законъ получилъ значение обязанности, обусловливающей право, а не закова или нормы нераздёльной съ сущностью или впутреннимъ опредвленіемъ духа. Дъло получило значеніе подвига, а не плода естественнаго, возникающаго изъ глубины душевной; гръхъ едълался проступкомъ, а не порчею внутрешнею или ся признакомъ; отпаденіе отъ общины церковной наказаніемъ, а не последствіемъ сознаннаго разлада; обрядъ службою, а не естественнымъ выражениемъ живаго единства, высказывающаго въ художественных в образах в свою общую жизпь; въра сама-вившнимъ знаціемъ, пріобрътнемымъ или инспосылнемымъ (ибо для науки эти два предположенія дають одинакіе выводы, оставляя въру въ категоріяхъ догическаго разсудка). Изъ этой теоріи, существовавшей издавна, но выказывавшей себя все болье и болье, возникли, какъ законныя последствія, понятія о праве и заслуге сверхъ права и объ уплать долга, наконляющагося от нарушеній обязанностей, язлишкомъ заслугъ своихъ или чужихъ и пр. Жертва получила значение очистительной силы; молитва, совершаемая общенародно на языкъ непонятномъ для народа, получила значеніе талисманическое или заклинательное съ силою принудительною для высшаго міра. Преданіе, отрываясь отъ писанія (которое есть ни что иное какъ записанное преданіс и вскоръ было отнято отъ мірянъ), сдълалось въ полноть своей привиллегісю ісрархів в уже не развитісмъ предація древитивнаго (писанія), но его дополненіемъ. Такимъ образомъ, всятдствіе медленныхъ измъпеній и постепеннаго развитія, совершенныхъ всъмъ Западнымъ міромъ подъ предводительствомъ Италін, Христіанство приняло въ себя почти всь стихіи древняго Кушитства: условность въ ся государственной формъ, заклинательный характеръ дъла и молитвы и талисманизмъ вившияго образа. Таковъ былъ характеръ Западной Церкви, когда ел глава почувствоваль зрелость всехь ся силь и когда стихія Италійская потребовала и получила первое и правительственное мъсто между вевми повыми народами, составлявшими Романо-германскую область, или признавшими ея мысленное державство.

По еще единство Запада съ Востокомъ не было открыто нарушено.

Поводъ къ разрыву данъ былъ Испаніею.

IV, 712. Въ споръ между духовенствомъ Испанскимъ и Аріанами желаніе возвеличить второе лицо въ Вожествъ, отвергаемое Готами-Аріанами, заставило искать всѣхъ возможныхъ доказательствъ единосущности Сына и Отца и воспользоваться слабыми указаніями отцевъ, говорившихъ о двойственномъ происхожденіи Духа. Грубыя и внъшнія понятія богослововъ крайняго Запада не достаточны были для различенія между внѣшнимъ проявленіемъ и внутренцимъ дѣйствіемъ въ Божествъ. Крайнее невѣжество того времени, доказанное многими свидътельствами, особенно же въ отношеніи въ Греческой церковной словесности, усилило ошибку.

На Толедскомъ соборъ въ VII-мъ стольтіи послъ Р. Х. сдълано было извъстное прибавленіе си отъ Сына» къ изложенію въры или символу Никео Константинопольскому. Мало по малу это прибавленіе стало вкрадываться во всъ общины Запада, особенно же южной Галліи. Побъды Аравитянъ и паденіе царства Вестъ-Готскаго не остановили распространенія новаго исповъданія. Ослабленіе Восточной имперіи, до половины завоеванной Мусульманами, удаляло воспоминаніе объ ней; возрастающая сила Запада въ первую эпоху Карловинговъ, т. с. при дъдъ и отцъ Карла Великаго, увеличивала самоувъренность и гордость Германо-Ромавскихъ областей; наконецъ, бъгство многихъ

изъ Испанскихъ духовныхъ людей въ южную Галлію, потомъ завоеванія Франковъ въ Испаніи и, такъ сказать, сліяніе двухъ народовъ, Франкскаго и Гото-Романскаго, ускорили принятие символа Толедскаго почти во всемъ Западъ. Певольное стремленіе всехъ было только выражено Испавією прежде другихъ; оно должно было отозваться вездъ, гдв лежали тъже начала готовыя, котя еще и не выразившіяся. На всемъ Западъ была таже чисто-виъшняя жизнь, таже неспособность оторваться отъ цея и углубиться во внутренній смыслъ философскодогматических в опредълсній. Наконець, двуначальность Запада во всіхув отношеніяхъ, важность факта въ мірѣ созданномъ случайнымъ условісмъ завоеванія, и преобладающее значеніе данныхъ въ Римскомъ правъ (единственной основъ всей западной мысли) заставляли невольно перепосить туже самую двуначальность земную въ міръ певидимый и признавать происхождение жизненнаго сознания (Духа) не отъ мысли одной, но отъ первобытной мысли (Отца) и отъ перваго ел проявленія или факта (Сына). Это несознанное стремление увлекало всъхъ.

Когда прибавление къ символу было отдано на судъ папъ, онъ отвергъ его подъ тъмъ предлогомъ, что не слъдуетъ парушать постановленія собора, запретившаго всякое измѣненіе въ символь, въроятно же по той причинъ, что предчувствоваль и боялся разрыва съ Востокомъ. Западныя общины настанвали и грозились отторженіемъ отъ Римскаго престола, ибо попятіе о правахъ его были еще шатви. Устрашенный, и можеть быть отчасти убъжденный, папа допустиль новое исповъданіе, по не какъ обязательнос. Его пресмникъ, пуждансь въ Греческой помощи, снова готовъ быль рыпительно отвергнуть перемъну въ символь и, желая дать Востоку явное доказательство своего Православія, велъль выставить въ главномъ Римскомъ соборъ Никео-Константинопольское исповъданіе въ его неизмѣнной формѣ. По неудержимое стремленіе Запада къ самостоятельности духовной должно было принести свои плоды.

Измъненный симводъ вошель въ общее употребление на Западъ не вслъдствие соборнато ръшения или торжественнато признания, но вслъдствие общато согласия, обративниатося въ обычай и одобреннато Римскимъ епископомъ.

Папы, нескоро согласившісся на паміненіе символа, утвердили наконець переміну собственною властію своєю. По характеру мысли они не могли не соглашаться съ остальнымъ Западомъ; по притизаніямъ на первоє місто въ церковномъ правлеціи опи не могли подвергнуть приговора своего суду тіхъ епископовъ, отъ которыхъ они наименте могли ожидать согласія на подчиненность. Такимъ образомъ разрывъ уже быль дійствительно совершенъ, хотя современники и современные літописцы какъ будто еще не подозрівали его.

Около половины IX-го въка взошель на Римскій престоль Николай І-й, властитель честолюбивый и коварный, по понимавшій всю важность своего исторического поприща, одоренный смелостью, которая не боядась пикакой борьбы, и умомъ, который могь преодольть всякія препятствія. Римъ уже чувствовалъ свое призваніе и изготовляль свои орудія. Собраны были всь свидьтельства о правахь и преимуществахъ, данныхъ императорами епископамъ древней столицы, всв рвшенія частныхъ и помъстныхъ или вселенскихъ соборовъ, подтверждающія ихъ притязанія. Временному и случайному дано значеніе постояннаго и всеобщаго; исключительному или спорному значение несомивинаго и правомърнаго; наконецъ, для пополненія еще недостающихъ основъ и подпоръ будущаго церковно-государственнаго здація, допущено и составлено множество подлоговъ въ видъ данныхъ, епископскихъ приговоровъ или имперагорскихъ постановленій. Иное было сдълано велъдствие темныхъ преданий и слуховъ, иное велъдствие общаго мижнія о правахъ папскихъ, иное въ согласіи съ памятниками подлинными, но дурно понитыми, иное на перекоръ всемъ свидетельствамъ древнимъ; но все принято съ ровною върою исвъжествомъ тогдашняго въва и всеобщимъ желаніемъ утвердить Церковь, дать ей независимость и поручить ся духовной охранъ правду и права человъческія, нагло попираемыя мъстными правительствами. Папы и духовенство Италіи, въ которой Греки и Восточная Церковь утратили всв свои владвиня и силу, допускали и очевидно поощряли эту исслышную, но грозную работу церковныхъ правовъдовъ. Такъ въ числь множества другихъ подлоговъ было составлено извъстное собраніе лже-Исидоровыхъ декреталій, управлявшее всею Западною Европою въ продолжении миогихъ стольтий. Предшественники Пиколая приготовили оружіс, но не см'вли еще пользоваться имъ; Николай І-й не побоялся ни ръшительной борьбы, ни опасиаго орудія. Разврать дома Карловинговъ и слабодушіе епископовъ, соглашавшихся на нарушеніе церковныхъ правилъ, дали ему случай напасть на сохранившіеся еще остатки независимаго высшаго духовенства въ земляхъ при-Рейнскихъ, и одержать полную побъду, утвердившую на всегда папскую власть въ дълахъ духовныхъ на всемъ Западъ; ибо поздивйния попытки епископовъ на самостоятельность и на возстановление своихъ прежнихъ правъ не заслуживаютъ пикакого вниманія: это уже слабыя возстанія области покоренной и угратившей начала жизни. ()бщее мивніе, обычай и логическое развитіе всёхъ церковно-правительственныхъ началъ ръшили навсегда споръ въ пользу панскаго престола. Упрочивая власть свою на Западъ, Николай 1-й хотъль ее распространить и на Востокъ. Онъ воспользовался раздорами Константинопольской спархіи, которая одна изо всъхъ первенствующихъ епархій не нала еще въ руки Аравитянъ, и незаконнымъ выборомъ Фотія на патріаршій престолъ при жизни законнаго патріарха Игнатія. Торжество и тутъ клонилось на сторону смълаго и хитраго папы. Восточные епископы признали судъ его; часть новообращенныхъ Славянскихъ земель отошла оть Константинополя къ Риму; императоры готовы были покориться Римскому духовному владыкъ. Но Фотій перенесъ споръ изъ области сомнительныхъ юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ ослабъвшая Византія могла уступить побъду могущественному Западу, въ область догматовъ, гдъ никакая уступка не была возможною, и все перемънилось: Западныя нововведенія осуждены, древнее преданіе и выраженія символа удержаны, власть Рима отвергнута, Славянскія области возвращены Цареградской епархін, самостоятельность и независимость Востока сохранены; разрывъ Восточной Церкви и папскаго престола обнаруженъ и утвержденъ навсегда: пбо поздивишая ссора патріарха Керулларія съ преемниками Николая была уже неизбъжнымъ слъдствіемъ объявленнаго при Фотіи разногласія въ определеніи догматовъ. Міръ Церкви разділился, духовное единство расторгнуто. Уцілівшій Востокъ укръпился пріобрътеніемъ безконечной страны Славянской; Западъ, замкнувшійся въ своей отдъльности, быстро пошель путемъ своего неизбъжнаго развитія.

IV.

ЗАПАДНЫЯ ИСПОВЪДАНІЯ.

Датинство и Протествиство. — Отношеніс Западнаго Христіанства въ Церкви. — Западная философія. — Борьба между Латинствомь и Протестантствомь. — Торжество невірія, — Отношеніе Церквя въ Западнымъ исповіданіямъ. — Церковная полемика.

I, 148. Христіанство, въ полнотъ своего Божественнаго ученія, представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенныя въ нравственном законю взаимной мобви. Юридическій характеръ Римскаго міра не могъ понять этого закона: для него единство и свобода явились силами противоположными другь другу, антагонистическими между собою; изъ двухъ началъ высшихъ показалось ему, по необходимости, единство, и онъ пожертвовалъ ему свободой. Таково было вліяніе Римской стихіи. Стихіи Германская, противная Римской, удержала бы за собою другое пачало, но этого быть не могло: она сама являлась въ Западной Европъ завоевательницею, насильницею. Вслъдствіе своего положенія она приняла въ себя тоже начало, которое принимала Римская стихія вслъдствіе своего впутренняго характера.

И такъ Западная Европа развивалась не подъ вліяніемъ Христіанства, но подъ вліяніемъ Латинства, т. е. Христіанства односторонне - понятаго, какъ законъ внішняго единства. Тотъ, кто понимаетъ исторію, можетъ легко усмотріть постепенное развитіе этого начала въ идей Всехристіанства (tota Christianitas), понятаго какъ государство, въ борьбі императоровъ и папъ, въ крестовыхъ походахъ, въ военномонашескихъ орденахъ, въ принятіи одного церковно-дипломатическаго языка (Латинскаго), и т. д. Онъ увидитъ, что и вся жизнь Запада была прошикнута этимъ началомъ и развивалась въ полной зависимости отъ него, въ ісрархіи феодальной, въ аристократизмъ, въ понятіи о правъ, въ понятіи о государственной власти, и т. д.

Таковъ быль первый періодъ Западной исторія; второй быль періодомъ реакціи. Односторонность Латпиства вызвала протяводъйствіе, и мало по малу, послъ многихъ неудачныхъ попытокъ, послъ долгой борьбы, наступиль періодъ Протестантства, односторонняго какъ и Латинство, но односторонняго въ направленіп противоположномъ первому: ибо Протестантство удерживало идею свободы и приносило ей въ жертву идею единства. Иначе и быть не могло, пбо примиреніе было невозможно для Запада, воспитаннаго началомъ Латинства, подъ условіями завоеванія Германскаго и юридической формальности Римской. Вся новая исторія Европы принадлежить Протестантству, даже въ земляхъ, слывущихъ за Католическія. Какъ идея единства Латинскаго была вившияя, такъ и идея свободы Протестантской была вившнею; ибо свобода, отръшенная отъ идеи разумнаго содержанія, есть полятіе чисто-отрицательное и следовательно внёшнее. Протестантство удерживалось въ продолжении пъсколькихъ въковъ отъ совершеннаго самоуничтоженія только посредствомъ произвольныхъ условій; но оно носило въ себъ съмена своей собственной гибели, и этимъ съменамъ надобно было по необходимости развиться. Они развидись. Въ области религіи догматической Протестантство исчезло и перешло въ неопредъленность философскаго мышленія, т. с. философскаго скепсиса; въ области жизни общественной оно перешло въ то состояние безпредъльнаго броженія, которымъ потрясенъ Западный міръ. Произвольныя условія не могли устоять ни противъ требованій разумной критики, ни противъ личныхъ страстей; ибо условіе произвольное не можетъ заключать въ самомъ себъ собственного освящения: оно можеть только освящаться извив, а всякое начало освящающее было уже уничтожено Протестантствомъ. Въ наше время судъ исторіи совершается и совершится надъ Латинствомъ и Протестантствомъ. Таковъ смыслъ современнаго движенія.

Первые шаги Протестантства, казалось, объщали обновление церковной жизни. I, 210. Проснулась надежда основать убъжденія человъка на началахъ высшихъ, чъмъ раціонализмъ и юридическая формальность; проснулась надежда найти спасеніе въ томъ духовномъ мірѣ, который Создателемъ положенъ въ основу обновленному человъчеству. Очистительнымъ громомъ прогремъли надъ Европейскимъ Западомъ торжественные звуки Слова Божія, почти умолкцувніе въ продолженіе болѣе чъмъ стольтія; порывъ пламенной въры и дъятельной любви оживилъ всъ нравственныя силы. Свъжее и бодрое Протестаптство, полное юныхъ мечтаній и какой-то строгой поэзіи, облагородило личность человъка и влило повую кровь даже въ истощенныя жилы одряхлъвтаго Латинства. Пестройное разложеніе остановилось, но не падолго.

Самое Протестантство было илодомъ раціональнаго направленія. Его формы, его строго-логическій ходъ были торжествомъ раціонализма, выступавшаго впередъ явно и сознательно изъ Римскаго ученія, въ которомъ онъ заключался безсознательно и тайно. Его подвигъ сдъдался ясиве, последовательнее и строже. Скоро разорваны были пеленки, въ которыхъ еще скрывалось его дътство, п Фейербахи нашего времени цачали свою разрушительную работу въ лицъ Цвингліевъ и Карлштатовъ XVI-го въка. Это поняли уже первые Римскіе противники Протестантства; они сказали правду въ своихъ полемическихъ сочиненихъ, но они не сознали и сознать не могли, что односторонияя разсудочность реформаторовъ была инчто иное, какъ развитіс начала, завіщаннаго Римомъ и взращеннаго Папствомъ. Въ науку духовную Протестанты не внесли ничего новаго и живаго; это омло невозможно. Они не возстановили и, вслъдствіе своего умственнаго воспитанія, не могли возстановить той цельности и полноты, которыя составляють сущность Христіанства и которыя утрачены были на Западъ съ самаго времени его отпаденія. Они приняли всю односторонность мысли, которую застали преобладающею и властвующею; они приняли всв ся опредвленія, отрицая только приложенія опредвлепій, ими же допущенныхъ; и, разорвавъ поневоль цьпь преданія, они паложили на пекусственное зданіе своихъ повыхъ исповъданій неизгладимую печать юридического утилитарства или разсудочной полезности, возведенной въ законъ всего духовнаго міра.

Источникъ обоихъ Западныхъ исповъданій (раціонализмъ) все болье и болье обнаруживается въ ихъ взаимной борьбъ.

II, 75. Критика серіозная, хотя сухая и недостаточная, ученость обширная, но распдывающаяся по недостатку внутренняго единства, строгость прямодушная и трезвая, достойная первыхъ въковъ Церкви, при узкости возгръній, замкнутыхъ въ предъдахъ индивидуализма;

m. 29

пламенные порывы, въ которыхъ какъ будто слышится признаніе ихъ пеудовлетворительности и безнадежности когда либо обръсти удовлетвореніе; постоянный недостатокъ глубины, едва замаскированный полупрозрачнымъ туманомъ произвольнаго мистицизма; любовь къ пстинъ при безсиліи понять ее въ ея живой реальности; словомъ. раціонализмъ въ идеализмъ — такова доля Протестантовъ. Сравнительно большая широта воззрвий, далеко впрочемъ недостаточная для истиннаго Христіанства; краснорвчіе блистательное, но слишкомъ часто согрѣваемое страстью; поступь величавая, но всегда театральная; критика почти всегда поверхностная, хватающаяся за слова и мало проникающая въ понятія; эффектный призракъ единства, при отсутствін единства дъйствительнаго: какая-то особенная ограниченность религіозныхъ требовацій, никогда не дерзающихъ подниматься высоко и потому легко находящихъ себъ дешевыя удовлетворенія; какая-то очень неровная глубина, скрывающая свои отмели тучами софизмовъ; сердечная, искренняя любовь къ порядку вибишему при неуважения къ истинъ, то есть къ порядку внутреннему; словомъ, раціонализмъ въ матеріализмів-такова доля Латинянъ.

Среднее положение между двумя господствующими западными исповъданиями занимаетъ Англиканство. Искрение люди въ исмъ колеблются между двумя крайностями и, наконецъ, начинаютъ обращать изгляды свои на Востокъ.

По западному христіанину, даже самому ревностному и искренцему въ своей дичной въръ, не легко отречься оть въковыхъ заблужденій и понять жизнь Церкви и отношеніе къ ней каждаго отдъльнаго върующаго.

И, 115. Песчинка, дъйствительно, не получаеть новаго бытія отъ груды, въ которую забросиль ее случай: таковъ человъкъ въ Протестанствъ. Кирпичъ, уложенный въ стънъ, нисколько не измъняется и не улучшается отъ мъста, назначеннаго ему наугольникомъ каменьщика: таковъ человъкъ въ Романизмъ. Но всякая частица вещества, усвоенная живымъ тъломъ, дълается неотъемлемою частью его организма и сама получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь: таковъ человъкъ въ Церкви, въ тълъ Христовомъ, органическое основание котораго есть любовь. Очевидно, люди Запада не могутъ ни понять ея, ни участвовать въ ней, не отрекшись отъ раскола, который есть ея отрицаніе: ибо Латинянинъ думаетъ о такомъ единствъ Церкви, при которомъ не остается слъдовъ свободы христіанина, а Протестантъ держится такой свободы, при которой совершенно исчезаетъ единство Церкви. Единство, какъ понимаютъ его Латиняне, есть Церковь безъ

христіанина; свобода, какъ понимають ее Протестанты, есть христіанинь безь Церкви. Мы же испов'вдуемъ Церковь единую и свободную. Она пребываеть единою, хотя у нея нъть оффиціальнаго представителя ея единства, и свободною, хотя свобода не обнаруживается разъединеніемъ ея членовъ. Эта Церковь, позволю себъ выразиться словами Апостола, есть соблазнъ для іудействующихъ Латинянъ и юродство для эллинствующихъ Протестантовъ; для насъ же она есть откровеніе безконечной Божіей премудрости и милости на землъ.

Чтобы вполив опредвлить отношение Церкви къ Латинству и Протестантству, необходимо проследить последнее въ его продолжение— Германской философіп, и въ конечномъ выводё—неверіи.

Протестантство, подчинившее область въры логическому разсудку, слъдовательно заключавшее раціонадизмъ въ самой своей основъ, было исходною точкою Германской философіи.

I, 300. Реформа разрушила внутреннее спокойствіе человъческаго духа въ Германіи, подкопавъ не только въру, основанную на односторонности авторитета, но самое чувство въры, брошенной произволу частной критики. Правда, цълый рядъ ученій, болье или менье удачныхъ, старался возстановить это нарушенное спокойствіе духа посредствомъ произвольныхъ сдълокъ между безусловною, узаконенною критикою и условной религіею; но ума человъческаго не обманень навсегда. Германія смутно сознавала въ себъ полное отсутствіе религіи и персносила мало-по-малу въ нъдра философіи всъ требованія, на которыя до тъхъ поръ отвъчала въра. Кантъ былъ прямымъ и необходимымъ продолжателемъ Лютера.

Философская школа неуклонно продолжала свое дело.

1, 273. Кругъ отвлеченнаго, чисто-газсудочнаго мышленія ею обойденъ и очерченъ, законы его опредълены строго и отчетливо, и опредълены для всего человъчества и для всёхъ временъ.

Но въ чемъ же состояла односторонность и, слъдовательно, ограниченность самой школы?... Она состояла въ томъ, что философія разсудка считала себя философіею разума.

- I, 291. Кратчайшее выражение задачи Германіи есть «возсоздиніе инальнаго рагума (т. с. духа) изг понктій разсудка».
- 1, 293. Чтобъ увидъть разомъ весь путь, пройденный школою отъ Канта до Гегеля, достаточно одного примъра. Начальникъ школы говорилъ: «Вещи (предмета) мы не можемъ знать въ ней самой». Довершитель школы говоритъ: «Вещь (предметъ) въ себъ самой не существуетъ; она существуетъ только въ знаніи (понятіи)».

- 1, 296. Общая ошибка всей школы, еще не ясно выдающаяся въ ея основатель Канть и ръзко характеризующая ея довершителя Гегеля, состоить въ томъ, что она постоянно принимаеть движеніе понятія въ личномъ пониманіи за тождественное съ движеніемъ самой дъйствительности (всей реальности). Пути понятія и реальности дъйствительно тождественны, но тождественны, какъ лъстница одна и таже для всходящаго и нисходящаго. Путь тоть же, да движеніе діаметрально противоположно. Для понятія вещь сознается, и потому она есть или можеть быть; въ реальности же она есть, и потому она сознается или можеть быть сознана.
- 1, 274. Мы можемъ сказать, что мы пережили Нъмецкую философію, ибо поняли ся односторонность не смутнымъ пониманіемъ неудовлетвореннаго духа, по яснымъ сознаніемъ разума. Діалектическое развитіе Кантовой школы не отражаетъ вполнъ познаваемаго (объекта), ибо отражаєтъ его безъ его дъйствительности. Она не только не есть философія всецълаго разума, но она даже и не есть философія проявленнаго (объектированнаго) разума; ее должно признать наукою діалектическаго разсудка (аналитическаго разума), и въ этомъ смыслъ она есть великій и безсмертный памятникъ человъческаго генія.

Философскій раціонализмъ Гегеля породиль матеріализмъ его уче-

1, 312. Оба же, и раціонализмъ чистый, и матеріализмъ, суть не что иное, какъ двъ стороны одной и той же системы, которую елъдуетъ назвать системою пенессаріанизма, пначе безвольности.

Одновременно п рядомъ съ работою оплосооской мысли продолжается борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ.

- II, 75. Въ каждую минуту каждая изъ воюющихъ сторонъ можетъ похвалиться блистательною побъдой; и между тъмъ объ оказываются постоянно разбитыми, а поле битвы остается за невъріемъ. Оно бы давно и окончательно имъ овладъло, еслибы потребность въры не заставляла многихъ закрывать глаза передъ непослъдовательностью религіи, принятой ими по невозможности безъ нея обойтись, и еслибы таже потребность не заставляла держаться разъ принятой религіи даже тъхъ, которые серьезпо въ нее не въруютъ.
- II, 144. Окончательное торжество религіознаго скептицизма еще не наступило; но и въ настоящее время можно утвердительно сказать обо всей Западной Европъ, что у нея иътъ пикакой религіп, котя опа и не смъетъ еще признаться въ этомъ себъ самой.

453

- II, 145. Кажется, мы дали бы самое точное опредъленіе настоящаго состоянія, сказавъ, что Латинская идея религіи превозмогла надъ Христіанскою идеею впры, чего досель не замьчають. Міръ утратиль въру и хочеть имьть религію, какую-нибудь; онъ требуеть религіи вообще. Поэтому только въ безвъріи и можно теперь встрътить неподдъльную искрепность, и замьчательно, что обыкновенно нападають на безвъріе не за то, что оно отвергаеть въру (въ чемъ однако заключается его вина, а за то, что оно дълаеть это откровенио, то-сеть за его честность и благородство.
- II, 146. И религіозный махіавелизмъ правительствъ, и шаткая религіозность отдёльныхъ лицъ видятъ передъ собою, въ близкомъ будущемъ, угрожающее лицо торжествующаго безвёрія.

Таково современное религіозное состояніе Запада. Отношеніе къ нему Церкви вполит опредъленно.

Папство изобрѣло унію.

- 11, 70. Романизмъ можетъ допустить такое сліяніе, но Церковь не знаетъ сділокъ въ догматв и въ въръ. Она требуетъ единства полнаго, не менте; за то она даетъ въ обмънъ равенство полное; ибо знаетъ братство, но не знаетъ подданства. Итакъ, сближеніе невозможно безъ полнаго отреченія со стороны Римлянъ отъ заблужденія, длившагося болте десяти въковъ. По не могъ ли бы соборъ закрытъ бездну, отдъляющую Римскій расколъ отъ Церкви? Нтъ, ибо тогда только можно будетъ созвать соборъ, когда предварительно закроется эта бездна.
- II, 72. Соборъ дотолъ невозможенъ, пока Западный міръ, вернувшись къ самой идев собора, не осудить напередъ своего посягательства на соборность и всёхъ истекшихъ отсюда последствій, иначе: пока не вернется къ первобытному символу и не подчинить своего мивнія, которымъ символь быль повреждень, суду вселенской въры. Однимъ словомъ, когда будетъ ясно понятъ и осужденъ раціонадизмъ, ставящій на мъсто взаимной любви гаравтію человъческаго разума или пную: тогда, и только тогда, соборь будеть возможень. И такъ, не соборъ закроеть пропасть; она должна быть закрыта, прежде чёмъ соборъ соберется. Одинъ Богъ знаетъ часъ, предуставленный для торжества истины надъ извращениемъ людей, или надъ ихъ немощью. Этотъ часъ наступить, мы въ этомъ не сомниваемся; а до техъ поръ, открыто ли выступаеть раціонализмъ, какъ въ реформъ, или подъ личиною, какъ въ Папизмъ, Церковь будеть относиться къ нему одинаково: съ состраданіемъ, жалья о заблужденіи и ожидая обращенія; но другаго рода отношеній къ объимъ половинамъ Западнаго раскола у Церкви не можеть и быть.

Православные богословы вели и ведуть съ Западомъ полемику. II, 384. Полемика—дъло частныхъ лицъ и никогда не можетъ имъть церковнаго, соборнаго значенія. Но каждый членъ Церкви обязанъ, по мъръ силъ и разумънія, разъяснять и проповъдывать церковную истину.

II, 32. Какъ откровение Божественной истины на земяв, будучи предназначено, по самому существу своему, сдъдаться общимъ отечествомъ для всъхъ людей, Церковь ни одному изъ чадъ своихъ не разръщаетъ модчанія передъ клеветою, противъ нея направленною и клонящеюся къ извращению ея догматовъ или ея началъ. Область государства-земля и вещество; его оружіе-мечь вещественный. Единственная область Церкви-душа; единственный мечь, которымъ она можетъ пользоваться, который и врагами ся можеть быть съ ивкоторымъ успъхомъ противъ нея обращаемъ, есть слово. Поэтому, каждый изъ членовъ Церкви не только можетъ по праву, но несетъ обязанпость отвъчать на клеветы, которымъ она подвергается. Молчаніе въ этомъ случав было бы преступленіемъ не только по отношенію къ тъмъ, которые пользуются счастіемъ принадлежать къ Церкви, но также, и въ еще большей степени, по отношению къ тъмъ, которые могли бы удостоиться того же счастія, еслибы дожныя представленія не отклоняли ихъ отъ истины. Всякій христіанинъ, когда до него доходять нападки противь вфры, имъ исповфдуемой, обязанъ, въ мфру своихъ познаній, оборонять ее, не выжидая особаго на то уподномочія: ибо у Церкви ніть оффиціальных адвокатовъ.

II, 332. Выступая на полемическое поприще, върующій не долженъ бояться за православность своей мысли. Если мы приняли духъ Евангелія, то слова наши будуть согласны съ текстами; если же нътъ, то и тексты мы приведемъ и поймемъ криво.

V.

ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Земной удълъ христівнина. — Общеніе молитвы. — Отношеніе человъка къ ближнямъ. — Семья.

Для того чтобы не отклониться отъ истины, чтобы мыслить и учить по христіански, нужно прежде всего по христіански жить.

- I, 238. Въ *Церкви* ученіе не отдъляется отъ жизни. Ученіе живеть, и жизнь учить.
- II, 61. Всякое слово, внушенное чувствомъ истинно-христіанской любви, живой въры или падежды, есть ученіе; всякое дъло, запечатлённое Духомъ Божіимъ, есть урокъ; всякая христіанская жизнь есть образецъ

и примъръ. Мученикъ, умирающій за истину, судья, судящій въ правду (не ради людей, а фади самого Бога), пахарь, въ скромномъ трудъ постоянно возносящійся мыслію къ своему Создателю, живуть и умирають для поученія братьевъ, а встрътится въ томъ нужда — Духъ Божій вложитъ въ ихъ уста слова мудрости, какихъ не найдетъ ученый и богословъ.

Но прежде всего върующій долженъ пребывать въ общенін мо-

- II, 21. Никто не можеть надъяться на свою молитву, и всякій моляся просить всю Церковь о заступленіи, не такъ какъ будто бы сомиввался въ заступничествъ единого ходатая Христа, по въ увъренности, что вся Церковь всегда молится за всъхъ своихъ членовъ.
- II, 123. Мы молимся, потому что не можемъ не молиться, и эта молитва всёхъ о каждомъ и каждаго о всёхъ, постоянно испращиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая въ тоже время, всегда во имя Христа нашего Спасителя обращаемая къ Его Отцу и Богу, есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тёлъ Церкви: она ея жизнь и выражение ея жизни, она глаголъ ея любви, вёчное дыхание Духа Божія.

Истина Вожественнаго откровенія и сила любви, действующая въ каждомъ изъ членовъ Церкви, должны проявляться и проявляются иъ отношеніяхъ человъка къ ближнимъ. Влижайшее поприще, ближайшій кругъ дъятельности человъка и христіанина—семья. Въ ней прежде всего находить человъкъ приложеніе присущаго ему чувства любви.

1, 597. Любовь, какъ требованіе притязательное и себялюбивое. любовь ставящая цель въ лице любящемъ, есть еще неотрешившійся эгонямъ. Она можетъ, какъ и всякая другая страсть, доходить до изступленія, разгораться до безумія, опьянять до бъщенства. По въ этой степени она не имъетъ еще ин благородства, ин правственнато достопиства. Какое бы ни было ся напряженіе, она не заслуживаетъ еще имени любы. -- Пстинцая любовь имфеть иное, высшее значение. Предметь любимый уже не есть средство: опъ дъластся цълю, и любящій уравниваєть его съ собою, если не ставить выше себя; пначе сказать, признавал его уже не средствомъ, а целію, опъ переносить на него свои собственныя права, часть своей собственной жизии, ради его, а не ради самаго себя. Таково опредъление истиной, человъческой любви: она по необходимости заключаеть уже въ себъ поиятіе духовнаго самопожертвованія. Везъ сомивнія всякая двятельность исходить оть человъка, отъ его внутреннихъ требованій, и следовательно имъеть въ себъ характеръ эгоистическій; но въ любви она переходить на высшую степень, на степень самоотрицающаюся моизма. Отъ того-то и только отъ того любовь есть правственнъйшее чувство, къ какому только способно духовное существо, высшее, къ чему только можеть стремиться человъкъ. Если есть какая инбудь обязанность въ стремленіи къ совершенству, если есть какое нибудь благородство въ человъчествъ, если есть наконецъ какая ипбудь истипа въ попятіяхъ о нравственности и добръ: очевидно, что любовь есть тотъ высшій законъ, которымъ должны опредъляться отношения человъка къ человъку вообще, или лица разумнаго ко всему роду своему. Но этоть законъ, всъмъ предлежащій, многихъ къ себь привлекающій, исполнимъ для весьма малаго числа избранныхъ душъ. Таково впутреннее тяготъніе эгоизма и сравнительная слабость добрыхъ началъ. Человъкъ стремящійся къ исполненію высокаго закона, котораго красоту опъ сознаеть, и не находящій въ себъ достаточной силы, ищеть для осуществленія его (хотя въ тъсныхъ предълахъ) пособія вившияго. Это вившиее пособіе находить онь въземномъ счастій, доставляемомъ ему союзомъ съ лицомъ другаго пола, всябдствіе того первоначальнаго закона, который разделиль родь человеческій на две половины, взаимно пополняющія другь друга, какъ въ вещественномъ, такъ и въ духовномъ отношения. Счастіе само не есть цъль союза, но пособіе грубому человъческому эгоизму для полнъйшаго осуществленія высшаго закона любви, принимающей чужую человъческую личность не средствомъ васлажденія, а цілію политиней правственной жизни. Изъ союза, представляющаго въ четв типъ самого рода человъческаго, возинкаеть для нея цвлый новый мірь, такъ сказать новый родъ человьческій, въ семьв, и кровная, естественная связь придаеть слабости человъческой столько силь, что она доходить (хоти, повторяю, въ тесныхъ предвлахъ) до самоотрицанія эгонзма, то есть до искрепней, истинной и дъятельной любви. Изъ того самаго понятно, что тъ немногіе, которые могуть жить для закона дъятельной всечеловъческой любен безъ всякаго вившияго пособія, были бы не правы, вступая въ союзъ безполезный для высшей цели ихъ жизни: ибо личность, съ которою бы они сочетались, не была бы для нихъ цёлію, по поставлена бы была на унизительную (и возвратно унижающую) степень средства въ наслажденію или къ такъ называемому счастію. То что возвышаєть среднихъ было бы паденіемъ для высшихъ. Самая семья была бы стъсненіемъ ихъ всечеловъческой любви. Но таже самая семья есть тоть кругъ, къ которомъ для людей обыкновенныхъ, то есть почти для всего человъчества, осуществляется, воспитывается и развивается истинная человъческая любовь, тотъ кругъ, въ которомъ она переходить изъ отвлеченнаго понятія и безсильнаго стремленія въ живое и дъйствительное проявленіе. Очевидно, что всякое парушевіе этой семейной святыни есть нарушеніе самого закона любви. Въ дѣтяхъ оживаеть и, такъ сказать, успокоивается взапиная любовь родителей, и конечно не преувеличено бы было сказать, что они въ своихъ дѣтяхъ любять каждый не самого себя, а другъ друга. Въ тоже время взаимная любовь родителей и дѣтей представляетъ типъ той высокой человѣческой любви, которая въ родѣ человѣческомъ соединяетъ поколѣніе съ поколѣніемъ, а разрывъ между родителями, упичтожая связь ихъ съ дѣтьми, представляетъ безобразное и безиравственное явленіе разрыва между человѣческими поколѣніями; а не должно забывать, что впутренняя правственность каждаго поколѣнія заключается по преимуществу въ той любви и въ тѣхъ надеждахт, которыя ова обращаетъ на поколѣніе грядущее.—П такъ нарушеніе святыни семейной есть нарушеніе всѣхъ законовъ любви человѣческой.

Таково значеніе брака и семьи общечеловъческое. Оно еще болье возвышается въ ученін Церкви.

II, 16. Благодать Божія, благословляющая пресмственность поколіній во временномь существованіи рода человіческаго, и святое сосдиненіе мужа и жены для образованія семьи, есть дарь таинственный, налагающій на прісмлющих вего высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, чрезъ которую грішное и вещественное облекается въ праведность и чистоту.

За предвлами тъснаго круга семейнаго человъку представляется широкій кругъ единоплеменный — народъ, состоящій изъ множества семей. Въ составъ народа задачи и обязанности человъка иныя, болъе сложныя.

VI.

НАРОДНОСТЬ.

Народная личность. -- Народность съ искусствъ и наукъ. -- Общество и государство. -- Двъ основным общественным силы. -- Пароды вавоевательные и народы вемледъльческіс,

1, 38. Каждый народъ представляеть такое же живое лицо, какъ и каждый человъкъ, и впутренняя его жизнь есть инчто иное, какъ развитіе какого инбудь правственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредъляеть судьбу государствъ, возвышая и укръпляя ихъ присущею въ немъ истиною, или убивая присущею въ немъ ложью.

Начало это является намъ иъ въръ народной.

III, 131. Мъра просвъщенія, характеръ просвъщенія и источники его опредълются върою, характеромъ и источникомъ въры.

Народный характеръ отражается въ искусствъ и наукъ.

- 1, 74. До сихъ поръ, сколько ни было въ міръ замъчательныхъ художественыхъ явленій, всь они носили явный отпечатокъ тъхъ народовъ, въ которыхъ возникли; всь они были полны тою жизнію, которая дала имъ начало и содержаніе. Египетъ и Индія, Эллада и Римъ, Италія, Испанія и Гелландія, каждая изъ нихъ дали образовательнымъ художествамъ свой особый характеръ. Памятникъ въ глазахъ неторика критика возстановляетъ неторію (разумъется уметвенную, а не фактическую) исчезнувнаго народа также ясно, какъ и письменное свидътельство.
- 11, 75. Не изъ ума одного возникаетъ искусство. Опо не есть произведение одинокой личности и ся эгоистической разсудочности. Въ немъ сосредоточивается и выражается полнота человъческой жизни съ ся просибицениемъ, волею и върованиемъ. Художникъ не творитъ собственною своею силою; духовная сила народа творитъ въ художникъ. Ноэтому очевидно, что всякое художество должно быть и не можетъ не быть народнымъ. Опо есть цвътъ духа живаго, восходящаго до сознания, или образъ самосознающейся жизни.

Тоже и съ наукою.

1, 77. Достижение истины сопряжено съ безконечными ошибками и заблуждениями, и нелъна была бы надежда народа, который бы объщаль себь науку совершенно свободную оть односторонности и отъ всякаго самообольщения.

Пародъ-общество создаеть государство.

Двятельность человъта личная, общественная и государственная существенно различны между собою.

1, 746. Между первою и послъднею, т. е. между частною и государственною, лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественною дъятельностию. Въ цъломъ міръ сфера дъятельности частной одинакова и одинаково безцвътна: для нея совершенно все равно, какое государство ее охраняеть и обезнечиваетъ, только бы охраняло и обезнечивало. Не такова дъятельность общественная. Выходя изъ жизни частной, она выражаетъ всъ оттънки, всъ особенности земли и народа и обусловливаетъ государство, дълая его такимъ, а не инымъ; она дастъ ему право, она надагаетъ на него обязанность быть самостоятельнымъ, выдълиться изъ другихъ государствъ. Съ ел уничтоженіемъ, еслибы такое уничтоженіе было возможно, государство терлеть всю свою силу; оно надаетъ и не можетъ не надать, потому что не имъетъ причины быть, потому что, какъ и сказалъ, собственно-личная дъятельность всегда равнодушна въ охраняющему ее госу-

дарству, лишь бы охраняло ее. Она должна пасть по справедливости, потому что человъкъ, лишенный одного изъ законныхъ своихъ наслъдій (жизни общественной), будеть естественно примыкать къ какому-пибудь другому государству, въ которомъ онъ свое наследіе находить вполнъ: ибо, въ своей частной дъятельности, человъкъ есть лицо только опскаемое или оберегаемое; въ жизни же общественнойонъ зиждитель, и въ извъстной мъръ дъятель и творецъ историческихъ судебъ. Свято и высоко значение дъятельности государственной. Государство, вижинее выражение живаго народнаго творчества, охраняеть его отъ всякаго вижиняго насилія, отъ всякаго впутренняго времецнаго потрясенія, могущаго нарушить его законный и правильный ходъ. Безъ него область двятельности общественной была бы невозможна; поо она была бы беззащитною передъ напоромъ другихъ народовъ, вооруженныхъ государственными силами, и невозможною внутри самой себя, потому что, по несовершенству человъческому, она бы постоянно нарушалась всякими личными злыми страстями, требующими принудительной силы для своего укрощенія, между тымъ какъ сама область общественной дъягельности, по своему коренному характеру, есть только область мысли, мира и добровольнаго согласія. И такъ, говорю я, свято и высоко призвание государства, хранящаго жизнь общественную и обусловливающаго ся возможность. Какъ живой органическій покровъ обхватываеть оно се, укръпляя и защищая отъвсякой вибиней невзгоды, растеть съ нею, видоизывияясь, расширяясь и прилаживаясь къ ся росту и къ ся внутрешимъ видонамъненіямъ. Чемъ боле въ немъ мудрости и знанія своихъ собственныхъ выгодъ и своего собственнаго значенія, съ тімь большею чуткостью слышить оно, съ твиъ большею яспостью видить оно все разнообразіе жизни общественной, съ тымъ большею гибкостію прилаживается оно къ ся формамъ и къ ся историческому росту, охватывая ее какъ бы живою бронею и постоянно укръпляясь ся живыми сплама. Таково отношение государства къ жизни общественной, государства въ его нормальномъ и здоровомъ развитін. Исторія учить насъ, что въ бодъзненныхъ явленіяхъ, предшествующихъ падонію народовъ, эта дъятельность извращается и ищеть какого-то развитія отдельнаго, враждебнаго народной жизии и, следовательно, невозможнаго. Живой покровъ обращается въ какую-то сухую скорлупу, толстветь и повидимому кръппеть оть оскудънія и засыханія внутренняго живаго ядра; но въ тоже время опъ действительно засыхаеть, дряхлеть и, наконецъ, разсыпается при мальйшемъ ударь. Это какой-то историческій свищъ, наполненный прахомъ стипвинаго народа.

Есть народная гордость, есть народное смиреніе.

- 1, 8. Смиреніе человъка, также какъ и смиреніе народа, могуть имъть два значенія совершенно противоположныя. Человъкъ или народъ сознаеть святость и величіе закона нравственнаго или духовнаго, которому подчинеть онъ свое существованіе; но въ тоже время признаеть, что этоть законъ проявлень имъ въ жизни недостаточно или дурно, что его личныя страсти и личныя слабости исказили прекрасное и святое дъло. Такое смиреніе велико, такое признаніе возвышаєть и укръпляеть духъ, такое самоосужденіе внушаєть невольно уваженіе другимъ людямъ и другимъ народамъ. Но не таково смиреніе человъка или народа, который сознается не только въ собственномъ безсиліи, но въ безсиліи или неполноть правственнаго или духовнаго закона, лежавшаго въ основъ его жизни. Это не смиреніе, а отреченіе. Человъкъ разрываєть всъ связи съ своей прошедшей жизнію, онъ перестаеть быть самымъ собою; а если онъ говорить оть имени парода, то уже тъмъ самымъ онъ оть народа отрекается.
- I, 127. Всякое общество находится въ постоянномъ движенін; нногда это движение быстро и поражаеть глаза даже не слишкомъ опытнаго наблюдателя, иногда крайне медленно и едва уловимо самымъ внимательнымъ наблюденіемъ. Подный застой невозможенъ, движеніе необходимо; но когда оно не есть успъхъ, опо есть паденіе. Таковъ всеобщій законъ. Правильное и успъшное движеніе разумнаго общества состоить изъ двухъ разнородныхъ, но стройныхъ и согласныхъ силъ. Одна изъ вихъ основная, коренная, принадлежащая всему составу, всей прошлой исторіи общества, есть сила жизни, самобытно развивающаяся изъ своихъ началъ, изъ своихъ органическихъ основъ; другая, разумная сила личностей, основанная на силъ общественной, живая только ея жизнію, есть сила никогда ничего не созидающая и не стремящаяся что пибудь созидать, но постоянно присущая труду общаго развитія, не позводяющая ему перейти въ слѣпоту мертвеннаго инстпита или вдаваться къ безразсудную односторонность. Объ силы необходимы; но вторая, сознательная и разсудочная, должна быть связана живою и дюбящею вёрою съ первою сидою жизни и творчества. Если прервана связь въры и любви, наступаютъ раздоръ и борьба.

Ръзко различаются народы завоевательные и земледъльческіе.

III, 106. Народы завосвательные, по первоначальному своему характеру, сохраняють навсегда чувство гордости личной и презръніе не только ко всему побъжденному, но и ко всему чуждому. Таковъ Монголецъ, таковъ быль Кельгъ, таковъ Турокъ. Это чувство презръ-

нія къ чужому долго сохраняеть народность ихъ. Побъдители, они угнетають порабощенныхъ и не смъщиваются съ ними; побъжденные, они упорно противятся вліянію побъдителей и хранять въ душъ инстинкты, зарожденные въ нихъ въками старинной славы.

Народы земледъльческіе ближе къ общечеловъческимъ началамъ. На нихъ не дъйствовало гордое волшебство побъды; они не видали у ногъ своихъ поверженныхъ враговъ, обращенныхъ въ рабство закономъ меча, и не привыкли считать себя выше своихъ братьевъ, другихъ людей. Отъ этого они воспріимчивъе ко всему чуждому. Пиъ недоступно чувство аристократическаго презрънія къ другимъ племенамъ, но все человъческое находить въ шихъ созвучіе и сочувствіе.

VII.

ЧЕЛОВЪЧЕСТВО.

Смъпа народовъ въ исторія.—Задачи исторической пауки. — Общій характеръ пародовъ древности. — Кушиты и Пранцы.

Возвышаясь надъ дѣленіемъ народнымъ и надъ болѣе широкимъ дѣленіемъ, племеннымъ, человѣкъ сознаетъ себя членомъ великой семьи народовъ, иначе—человѣчества. Изучая его исторію, онъ видить, какъ постепенно, въ теченіе вѣковъ, на историческомъ поприщѣ одинъ народъ смѣпялся другимъ, и доходить до разумѣція задачъ и призванія того народа, къ которому принадлежитъ самъ. Смѣпа народовъ въ исторіи міра открываетъ намъ смыслъ поступательной дѣятельности всего человѣчества. По чтобы угадывать этотъ смыслъ, историкъ долженъ умѣть различать существенное отъ второстепеннаго.

IV, 660. И въ самомъ историческомъ мірѣ многія явленія (быть можетъ большая часть явленій) ничтожны, обречены забвенію и достойны его; но они выносятся изъ бездны прошедшаго, выдвигаются на поприще историческое, получають смысль, значеніе и право на безсмертіе отъ тѣхъ центровъ живой мысли и слова, отъ тѣхъ двигателей просвъщенія, съ которыми находятся въ случайномъ прикосновеніи. Только то имъетъ право на память человъческую, что оставило по себъ слъды, что подвинуло впередъ родъ человъческій по путямъ науки или преданія, что не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея влінній на Россію, Персію или Індустанъ; но она входить въ исторію человъчества только какъ разсказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входить въ исторію города.

III, 29. Не дъла лицъ, не судьбы народовъ, но общее дъло, судьба. жизнь всего человъчества, составляють истинный предметь исторіи,

Говоря отвлеченно, мы скажемъ, что мы, мелкая частица рода человъческаго, видимъ развитіе своей души, своей внутренней жизни во внѣшней жизни милліоновъ людей на всемъ пространствѣ земнаго шара. Тутъ уже имена дѣлаются случайностями, и только духовный смыслъ общихъ движеній и проявленій получаетъ истинную важность. Говоря практически, мы скажемъ, что въ исторіи мы ищемъ самаго начала человѣческаго рода, въ надеждѣ найти ясное слово объ его первоначальномъ братствѣ и общемъ источникъ.

III, 531. Взглядъ на древнее разсъяние семей и древнее разселеніе человъческаго рода, на стройное, многозначительное и духовноживое строеніе первобытнаго языка, на безконечное пространство пустынь, пройденное первыми обитателями земли, на безпредъльность морей, переплытыхъ основателями первыхъ за-океаническихъ колоній, на тождество религій, обрядовъ и символовъ съ одного краи земли до другаго, представляетъ неоспоримое свидътельство о великомъ просвъщеніп, всемірномъ общеніп и умственной д'ятельности временъ доисторическихъ, о поздивишемъ искажении всвую духовныхъ началъ, объ одичаній человъчества и о печальномъ значеній такъ-называемыхъ геропческихъ въковъ, когда борьба беззаконныхъ и буйныхъ сплъ поглотила въ себъ всъ великія предація древности, всю жизнь мысли, вст начала общенія и всю разумную двятельность народовъ. Зародышь этого зда очевидно въ той странь, которой слава открываеть рядъ историческихъ въковъ-въ странъ Кушитовъ, ранбе всбхъ забывшихъ все чисто-человъческое и замънившихъ это древцее начало началомъ новымъ, условно-догическимъ и вещественно-образованнымъ.

III, 69. Мы безпрестанно слышимъ: какъ могла младенчествующая механика поднять громады камней, предъ которыми усовершенствованная наука признаеть свое безсиліе? Какъ могли слабыя суда древней торговли переплывать бурныя моря и покорять волны океана безъ компаса, безъ знанія географіи, почти безъ астрономіи? Какъ могло такое чудное развитіе философской мысли ознаменовать первые шаги человъческаго ума? — Мы не должны и не можемъ измърять по себъ въка глубокой древности. Семья человъческая, развившаяся отдъльно отъ всъхъ другихъ, чуждая ихъ знаніямъ и страстямъ, ограничивала всю свою дъятельность какою-нибудь одною цълію, опредъленною характеромъ мъстности, нуждою, первоначальною прихотью, върованіемъ или внутреннимъ строемъ ума. Какъ ребенокъ поощренный неожиданною удачей случайнаго опыта, народъ стремился всеми силами своего воображенія по начатому пути. Самолюбіе разгаралось отъ успъха, и холодный разумъ наполнялся всемъ жаромъ, всею энергіею страсти. Тогда еще жили народы жизнью общею: не писанными законами, не мертвымъ обычаемъ, не хитростью политическаго устройства связаны были между собою лица составлявиня общества, по единствомъ мысли, воли и быта. Словомъ, семья человьческая было не слово, а дело. Кровное родство связывало людей, родство физіономін, внутренней организаціи, жизни телесной и духовной. Гдв же теперь можемъ мы найти мърило для могучихъ явленій этой эпохи? Мы должны понять, что теперь строять Левь X или Людовикъ XIV, что теперь путешествують Кукъ или Лаперузъ; а что тогда пирамида строилась всвиъ Египтомъ, путешествіе предпринималось всей Финцкіей, задача философін разръшалась всёмъ Индустаномъ (свиернымъ), задача правленія была помысломъ всего Китая. Каждый пародъ имъль свою исключительную страсть, и для достиженія своей цъли (будь она энзическая или умственная) народъ возставаль какъ мужъ единъ. Вел поэзія, весь разумъ, всв радости Кушита были въ томъ, что опъ землю разръзывалъ ръками, выкапывалъ моря, поднималь горы на воздухъ п покорять ръзцу упрямую твердость порфировъ и базальтовъ. За то старый Вавилонъ, котораго стыны были выше теперешинхъ башень, а башни остались сказочнымъ преданіемъ всего человічества, Вавилонъ помниль, что онъ построенъ Ипмвродомъ Кушитомъ. За то южими Пидустанъ, страна, въ которой пещеры роскошиве самыхъ богатыхъ храмовъ и дворцовъ, и въ которой цълые города высъчены въ камиъ безумной фантазісй забытаго парода, южный Индустанъ наноминаеть намъ въ имени Мизоръ градостроительнаго Мизра, брата Кушева, За то вездъ, гдъ храмъ или обелискъ, или пещера ужасаютъ касъ какимъ-то буйствомъ исполнискихъ размъровъ, вы говорите: это слъдъ Кушита, вдавившийся въ камень, это рука Кушита, разсъкшая горы. Жизнь, счастіе, любовь, все для Финикійца было въ борьбъ съ волнами. Напрасно бы мы стали справинвать, какой цели онъ ищеть за моремъ, какихъ богатетвъ ожидаеть въ награду за труды, зачемъ онъ целые четыре года своей жизни посвящаеть на обходъ горящихъ береговъ Африки? Онъ переплываетъ моря, потому что онъ не можетъ жить не переилывии пхъ, и Эринъ населяется его колоніями, бури мыса Доброй Надежды щадять корабли его, а монеты Финикійскія зарываются въ глубину пустынь Американскихъ, чтобы изумить несмёлое воображеніе людей XIX въка. Китай въ отношеній науки государственной то же, что Финикія въ мореходствъ и Египеть въ водчествъ. Раскройте его летопись, взгляните на духъ его древнихъ философовъ, на характеръ его литературы, и вы поймете тридцативъковое существование имперіп. Нужна поэзія, чтобы узнать исторію; нужно чувство художественной, то-есть чисто-человъческой истины, чтобы угадать могущество односторонней энергіи, одушевлявшей милліоны людей. Одностихійность народовъ — воть разгадка древности и ея чудесь.

III, 527. Гораздо прежде пародовъ Мидо-Бакгрійскихъ вышли Кушиты на поприще исторіи. Ограничивь просвіщеніе свое знанісмъ видимаго и чувственнаго, поставивъ законъ необходимости и вещественнаго организма на мъсто свободнаго духа, оторвавшись огъ великихъ преданій древности и утративъ чистоту слова вмість со святостью мысли, они сосредоточили всв способности ума къ достиженію одной цели, къ созданию жизии удобной и привольной; условива жизнь создала условную форму общины, и возникли государства. Строгологическое развитіе данныхъ, избранныхъ развратомъ произвола, дало твердость и визницюю гармоцію нововозникнимъ державамъ. Одностороннее направленіе просебщенія достигло развитія колоссальнаго въ художествахъ и въ стройномъ употреблении собокупныхъ силъ человъческихъ. Гордое сознание своего могущества и презръще ко ветмъ другимъ семьямъ, хранящимъ простой быть младенчествующихъ общинъ, подвинуло Кушитовъ на Прапъ. Созданный ими, возсталъ Вавилонъ на берегахъ Евфрата, и далье, все далье на Съверъ, подвигались ихъ торжествующія дружины, назагая тяжкія цыни на побъжденныхъ, воздвигая неприступныя твердыни въ покоренныхъ земляхъ, созидая великольними столицы въ діветвенной красоть пустынь, сокрушая все силою своего вещественнаго знанів и условной совокувности, соблазняя вебхъ искущеніемъ своей роскопи и вещественных в наслажденій. Все далье и далье подвигался потокъ, до Чернаго моря, до Кавказа и Каспія, до Бактріп и Гималан. По въ безепльномъ Правъ были духъ жизни и слово, хранищее наследство мысли, и еще неискаженное преданіе, заквіданное человіку древними его родоначальниками. Угнетеніе вызвало борьбу. Борьба вызвала дремлющія силы, Могущество, основанное на началахъ условныхъ, но лишенное внутренняго плодотворнаго содержанія, пало передъ взрывомъ племенъ. сохранившихъ еще простоту безъискусственной жизни и чистоту пеиспорченной въры. Духъ восторжествоваль надъ веществомъ, и племя Иранское овладъло миромъ. Прошли съка, и его власть не слабъеть, и въ его рукахъ судьба человъчества. Потомки пожинаютъ плодъ заслугъ своихъ предковъ, заслугъ, выказанныхъ и засвидътельствованныхъ пеизмънностью слова. Величе Прана не двло случая и условныхъ обстоятельствъ. Оно есть пеобходимое и прямое проявление духовныхъ силь, жившихъ въ немъ ископи, и паграда за то, что изъ вськъ семей человъческихъ онъ долбе вськъ сохраняль чувство человъческаго достоинства и человъческаго братства, чувство, къ несчастію, утраченное Иранцами въ упосній ихъ поб'єдъ и вызванное спова, но уже не собственною силою ихъ разума.

Таково значеніе Ирана, и если которая нибудь изъ его семей, долбе всъхъ хранившая преданія семейнаго быта и потому самому поздиве всвят проявившаяся въ дъятельности исторической, чище всъхъ (кромъ одной, замкнувшей себя въ касту) охранившая наслідство слова и тъмъ самымъ свидътельствующая о сохранени духовнаго начала, если эта семья возстала внезапно въ изумительномъ величін, сокрушая всв преграды, обнимая владеніями своими псизмеримыя пространства, возрастая со дня на день въ могуществъ и власти.-паука не должна признавать этого величія за неправедную игру слъпаго случая, не должна роптать на судьбу или завистливо клеветать на возвеличенную общину. Тайна ся торжествъ заключается въ ся словь. Сила вившияя есть плодъ силы впутренией, пространство владъній и вещественное могущество суть проявленія могучаго мысленваго начала, и въ многолюдствъ племени (математическомъ превосходствъ надъ другими) живетъ свидътельство о духъ братства, общенія и любви. Да не забудется это чисто-человъческое значеніе, чтобы не упала великая семья! Да не утратять счастливые потомки вънца, заслуженнаго ихъ многострадавшими предками!

VIII.

Славинство. - Древнее разселеніе Славинъ. - Судьбы ихъ въ повое вреви - Возрожденіе Славинства.

Колыбель Славянскаго племени—Бактрія*). Тамъ. въ началь историческихъ въковъ, является памъ Славянская семья народовъ.

Она составляла часть Ирана, семью Вановъ или Вендовъ, многочисленивний изо всёхъ его семей, менъе всъхъ искаженную военными столкновеніями съ завоевательными Хамидами и отъ этого болъе всёхъ сохранившую черты первоначальнаго быта. Прежде всёхъ выслала она колоніи свои на Съверо-Западъ, сильнъе всёхъ дъйствовала она на древнемъ Востокъ; но въ политическихъ переворотахъ первобытнаго Ирана она еще не жила отдъльною жизнію, а только какъ членъ великаго семейнаго союза.

Племена Съверно-Индійское и Славянское раздълились въ одномъ и томъ же возрастъ, на одной и той же высотъ общечеловъческаго

^{*)} Мы не проводимъ вдъсь подлинныхъ выписовъ въ подгверждение этого взглида Комякова вавъ въ виду многочисленности отдъльныхъ замътовъ въ "Записвахъ о всемірной исторіи", посвищенныхъ его доказательству, такъ и вслъдствіе сравнительной частности вопроса по отношенію нити изложенія.

корня. Это подтверждается близкимъ сходствомъ языковъ Санкритскаго и Славянскаго *).

Со своей первоначальной родины Славянское племя постепенно распространялось къ Западу.

III, 432. Славяне не переселялись: въ нихъ нътъ ни малъйшаго следа склонности кочевой. Они разселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ приръчнымъ, по богатымъ низовьямъ разселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далве и далве на Западъ до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторъ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставляль прежній духь братства и человіческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарын и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цвиь мелкихъ, безъименных общинъ или больших семейных круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвъщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всв измененія языка и понятій, старыхь знаній и новыхь заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рекамъ и морямъ летали смълые корабли, и въ одной, въ многочисленнъйшей изъ отраслей Иранскихъ, продолжалась древняя жизнь молодаго человъчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человъка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и въроятно оставившей по себъ миоическое преданіе о золотомъ въкъ, сохранились намъ два несокрушимые колосса-мысль Индустанская и быть Славянскій: братья, которые обличають братство свое полнымъ тождествомъ формъ словесныхъ и логически стройнымъ ихъ развитіемъ изъ общихъ корней.

Поселенія Славянъ отмічены однимъ общимъ характеромъ.

^{&#}x27;) III. 34. Геній языковъ Славянскаго и Санкритекаго, доминанты въ звукахъ такъ ясно сходны между собою или, лучше скавать, токъ явно один и тъже, что братство ихъ такъ же мало подверждено сомивнію, какъ братство Эллинскаго и Римскаго языковъ. Ихъ можно скорве назвать нарвчіями, чвиъ языками. Для разрішенія этого вопроса пословица: людская молва, морская волии. болье значить, чвиъ десятки томовъ для человвка, которому не чужды звуки Старо-Индійскихъ языковъ. Волпообразный ходъ, металическій звукъ, преобладающее а, все въ няхъ общее; для Русскаго Санскритскій слова звучать знакомо, и онъ удивляется не тому, что такъ много встрвчается словъ понятныхъ, но тому, что такъ много словъ ему неизвъстныхъ въ наыкъ, столь родномъ по характеру. Мысль, умъ, знаніе, въдъніе, аль, есмь, всь слова коренныя, всь звуки, въ которые облеклось внутреннее сознаніе человъка, одинаковы въ Санскритъ и Славянскомъ.

Хомяковъ составияъ и намечаталъ цвями сравнительный словарь Русскихъ словъ съ Санскритекими.

- III, 53. Гдъ Венды (люди водные), тутъ корабли, тутъ дергость мореходца, тутъ предпримчивая торговля, тутъ морской разбой, тутъ суда не каботажныя, не береговыя, а крутобокія, гордо высящіяся надъ водою, удивляющія Римлянъ, готовыя на борьбу съ океаномъ. И это не разсъянныя племена, безъ связи и сношеній между собою, а цъпь неразрывная, обхватывающая половину Европы.
- НІ, 508. Таковы были искони Славяне, древніе просвітители Европы, долгіе страдальцы чужеплеменнаго своеволія, Брахманы Запада, но Брахманы не мудрствовавшіе, а бытовые, не сплотившіеся нигдів въ жреческую касту, не образовавшіе нигдів сильнаго государства, но хранившіе въ формів мелких общинъ или больших семей преданія и обычаи человіческіе, принесенные ими изъ своей Иранской колыбели. Осужденные на тысячелітнія страданія, вознагражденные позднимъ величіємъ, они могли бы роптать на свою трагическую судьбу, если бы на нихъ не лежала вина человіткообразной візры и искаженія высокой духовности Иранской, исчезнувшей передъ сказочными вымыслами и житейскимъ направленіємъ Славянскаго ума *).

Еще замъчательные другое прозвище племени-Сласяне.

^{*)} Знаменательны имена, присвоенным отъ начала Славинскому племени.

III, 496. Въ наше время, когда люди сохраняютъ имена, данныя ихъ безотвътному дътетву и народы носять безонысленныя прозвища, переданныя отъ покольнія къ покольнію, не смотри на совершенное изявленіе жизни и явыка, собственное ими вообще уме ничего не значить. Не такъ было въ глубокой древности, точно тавже какъ и въ народахъ, живущихъ до сихъ поръ въ безъискуственной дикости. Такъ прозвище и ими дъйствительно опредъляють харавтеръ лицъ и опредъляли характеръ народа Человъвъ, избирающій свое ими, соглащаеть его съ твиъ качествомъ, которымъ опъ отличается, в но естественному съмолюбію, ему кажется, что то качество, которымъ онъ отличается, есть лучшее и высшее изъ качествъ человъческихъ. Опъ или дъйствительно обладветь имъ, или имъетъ притизаніе на него; но во всикомъ случать въ его имени найдется его идеалъ человъческаго совершенства.

III, 497. Въроятиващая втимологія слова Вендъ вли Вудинъ есть вода (вначе вуда или венда). Разсматриван Славянъ, какъ великую отрасль единобожниковъ и духопоклопивковъ Иранцевъ, мы легко можемъ уже понягь, что вода и огонь были собственно приняты первыми просвъщенными предками Иранскаго племени ва великіе символы великаго духо, и что при раздъленія семей особенное направленіе мысли избрало у западпо - Иранцевъ отомъ, а у Славянъ воду за преимущественное изображеніе божества. Наконецъ, съ паденіемъ религіознымъ понятій и съ огрубъціемъ человъчества, символъ
мало по-малу заступилъ місто творческаго духа, и племя приняло имя отъ обоготворенной стахіи.

III, 498. Глагодъ слыть, существительное слово, вотъ ворен названи Словянина. Мы уже сназали, что въ старину всякій народъ завиючаль въ свое вия свой идеалъ человъческаго совершенства. Восточно-Иранское племя раздълилось на двъ отрасли: одно, по именя Божественнаго духа, радующагося бытію (біз и рама), приняло прозвище Ехраманъ (по искаженію Брахманъ), т. е. людей духовныхъ; другое отъ высшаго изображенія понятія, отъ единственнаго орудія общительности, слова, приняло прозвищелюдей говорящихъ, то есть мирныхъ, общительности, выражающихъ смышленнымъ сло-

Славянское племя всегда и вездъ было върно своимъ кореннымъ началамъ. Въ пору несравненно болъе позднюю, одинъ Славянскій народъ отклонился отъ нихъ.

- 1, 486. Воинственная семья Ляховъ, болъе другихъ принявшая въ себя примъсь иноземныхъ стихій (Кельтовъ и Сарматовъ) и вмъстъ съ ними характеръ аристократическихъ дружинъ, подпала вполнъ вліянію Римскаго духовенства и следовательно Западнаго міра, оть котораго она получила свое одностороннее направленіс. Не поневоль, не велъдствіе насилія, согласилась Польша примкнуть къ Германія, унизиться до состоянія вассала и сделаться орудіемъ Римскаго и Германскаго властолюбія, но по внутреннему сочувствію высшаго сословія, еще долго стыдившагося Славянскаго имени и гордившагося названіемъ завоевателей-Сарматовъ. Католицизмъ, чуждый остальнымъ Славянскимъ семьямъ, нашелъ въ Польшъ или, лучше сказать, въ ея правительственныхъ дружинахъ, ревностныхъ и въ тоже время обмапутыхъ поборниковъ. За всемъ темъ это ложное и не-Славянское направленіе Польши зависьло не столько отъ кореннаго племени Ляховъ, сколько отъ иноземныхъ стихій, овладівшихъ имъ. Оно рішило историческую судьбу Польши, но само должно исчезнуть въ ней по мъръ усиленія истивно-народнаго и чисто-Славянскаго характера.
- III, 97. Славяне, коренные старожилы всей Европы, градостроители и земленашцы, вытъснены были или порабощены Кельтами и Германцами-завоеватслями.

Вся западная половина Европы была потеряна для Славянства. Въ однихъ мъстностяхъ Славяне, подъ напоромъ иноплеменныхъ стихій, утратили свой языкъ, въ другихъ сохранились на степени племени подвластнаго или угнетеннаго. И вотъ, въ недавнее время, началось возрождение Славянства.

Починъ ему положила наука, археологія.

1, 512. Она явилась силою живою и плодотворною, пробудила много сердечных сочувствій, которыя до тёхъ поръ не были сознаны п глохли въ мертвомъ забвеніи; возобновила много источниковъ, занесенныхъ и засыпанныхъ чужеземными наносами. Чехъ и Словакъ, Хорватъ и Сербъ почувствовали ссбя родными братьями-Славянами; съ радостнымъ удивленіемъ видёли они, что чёмъ далъе углублялись въ древность, тёмъ болье сближались они другъ съ другомъ и въ характеръ памят-

вомъ невещественное сопровище мысли. Опо назвало свои правительственным или судебныя собранія Виче (отъ чего Польское вишинія) или Ричь (отъ чего Рамское ресвублика), оно назвало себя ипродомъ Словянскимъ. Такова основа его исторіи, таковъ духъ нь немь тайно живущій, такова разгадка его братства съ Индустаномъ и непривосновенности его словеснаго достоннія. никовъ, и въ языкъ, и въ обычаяхъ. Какая-то память общей жизни укръпляла и оживляла многострадавшія покольнія; какая-то теплота общаго гивзда согръвала сердца, охладъвшія въ разъединенномъ быть. Шире и благороднъе стали помыслы, тверже воля, утъщительнье будущность. Важнъе же всего та истина, добытая изъ археологическихъ изслъдованій, истина, еще не всъми сознанная и даже многими оспариваемая съ ожесточеннымъ упорствомъ, что въра Православная была первою воспитательницею молодыхъ племенъ Славянскихъ, и что отступничество отъ нея нанесло первый и самый жестокій ударъ ихъ народной самобытности. Полное и живое сознаніе этой истины будеть великимъ шагомъ впередъ. Оно не минуетъ. Богатые плоды уже добыты наукою для современныхъ Славянъ, но впереди можно смъло ожидать жатвы сще богатъйшей.

I, 488. Долго страдавшій, но окончательно спассицый въ роковой борьбъ, больс или менье во всъхъ своихъ общинахъ искаженный чуждою примъсью, но нигдъ не заклейменный паслъдственною печатью преступленія и несправедливаго стяжанія, Славянскій міръ хранить для человъчества, если не зародышъ, то возможность обновленія.

IX.

POCCIA.

Значеніе Россіи для Славинства. - Корсиныя особенности Русскаго народа. - Его отношеніе въ Христівнству. - Участіє Цервия въ созданія Русскаго государства. - Значеніє Москвы. - Дружина. - Воярство. - Сословность. - Пачало общинности начало личнос. - Пародная неключительность. - Сторонники новивны. - Петръ Великій. - Формализиъ въ Русской жизни. - Отчужденіе Русскаго образованнаго общества отъ Русской старины и Русской пародности.

Одинъ изъ Славянскихъ народовъ сложился въ великое государственное цёлое. Въ немъ, хотя еще и далеко отъ полнаго осуществленія, но уже отчасти осущевляются задатки и чаянія всего Славянскаго племени. Поэтому Русское дѣло—Славянское дѣло; ростъ Россіп—ростъ Славянства; побъда Россіи—побъда Славянской идеи въ міръ. Исконныя стихіи Славянства, присущія Русскому народу: чистота семейнаго начала, крѣность общинной связи, простота земледъльческаго быта, древность градостроительства, предпріимчивость торговли, всй эти признаки, вездѣ сопутствующіе Славянскому племени, ясно различаются при самомъ началъ Русской исторіи. Но всего ярче выступаеть одна ея особенность.

I, 231. Другія земли новъйшей Европы въ своей цълости созданы вещественною силою завоеванія и завоевательцых пле-

менъ, принявшихъ въ последствіи христіанскую веру. Наша старая Русь создана самимъ Христіанствомъ. Таково сознаніе св. Нестора; таково сознаніе св. Идаріона, пророчески провидъвшаго призваніе Русской земли; таково же сознаніе и перваго изъ изв'єстныхъ намъ поклонниковъ нашихъ въ Герусалимъ, гдъ, передъ гробомъ Спасителя, онъ соединяеть въ одну молитву всю святую Русь и всёхъ ея князей. Всъ прочія связи, рыхдыя и некръпкія сами по себъ, получали кръпость и освящение отъ одной этой неразрушимой связи. Но, опредвливъ значеніе христіанской въры въ ел дъйствіи на Русскую землю, еще надобно ясно понять отношение Русскаго народа въ въръ христіанской. Какое-то глубокое отвращеніе отъ древняго своего язычества замътно въ народахъ Славянскихъ, кромъ Поморія, гдъ вражда народная произвела вражду противъ Христіанства. Казалось, что не проповёдь истины искала Славянъ, а Славяне искали проповёди истины. Такое движение умовъ замътно по разсказамъ лътописцевъ не въ одной Русской земль, а въ Моравіи и Чехін, въ Болгаріи и Козарім (которой населеніе было по большей части Славянское), и въ Польшъ. Но самое это движение, указывая на скрытый анализъ прежнихъ, отвергаемыхъ върованій, принадлежало, по въроятности, сравнительно-образованивищей части народа, оставляя большую часть его въ тупомъ равнодушій, смішанномъ съ безсмысленнымъ суевітріемъ, остаткомъ переродившагося или умершаго върованія. Таковъ отчасти быль ходь умовь въ мірв Эллинно-Римскомъ, особенно на Западь, въ которомъ сёла долве чуждались Христіанства, чемъ города (отъ того и слово радапі-селяне); таковъ, въроятно, былъ ходъ ума и въ другихъ странахъ при паденіи древнихъ редигій передъ требованіемъ разума. Разумно вступали Ольга, Владимиръ, дружина и старцы градскіе въ недра Православія. Съ детскимъ спокойствіемъ следовала за ними большая часть земской общины, управляемая болье довъріемъ къ людямъ, чемъ верою въ высокое и сознанное начало христіанской истины. Быть можеть, мъстами являлось нъкоторое принуждение, противное Христіанству (какъ видно изъ словъ св. Иларіона и Новогородской поговорки: «Путята крестиль огнемь, а Добрыня мечемь»); но, безъ сомивнія, вообще введеніе Православія не сопровождалось жестокостью, какъ во многихъ Германскихъ областяхъ. За всёмъ тёмъ безпристрастная критика должна признать, что земля Русская въ большей части своего населенія приняла болье обрядь церковный, чэмъ духовную въру и разумное исповъдание Церкви. Этому находимъ мы ясныя доказательства въ памятникахъ нашей духовной словесности и законодательства, въ жалобахъ на языческіе обряды, какъ напр. на поклоненіе роду и рожаниць, на отсутствіе брака во многихъ обла-

стяхъ (въ которыхъ сельскіе жители заміняли прогулкою около куста церковное благословение, считая его нужнымъ только для бояръ и князей) и на развратъ нравовъ, оставшійся, какъ наслъдство языческаго міра (такъ напримъръ, обычный развратъ, о которомъ свидътельствуетъ уже преподобный Несторъ, сохранялся въ землъ Вятичей и Радимичей неизмъннымъ до нашего времени и прекращенъ весьма недавно мудрою мёрою правительства). Эти жалобы имёють особый характерь. Это не жалобы на порокъ личный, на буйство страсти, на неисполненіе закона, котораго святость человъкъ признаётъ, но строгости котораго онъ покоряться не хочеть: нътъ, это жалобы на отсутствіе закона, на тупое невъжество, на совершенное неразумъніе коренныхъ основъ Христіанства, и многія изъ нихъ принадлежать эпохв весьма поздней. Къ равнодушному и холодному вступленію въ церковное общество должно прибавить недостатокъ въ проповъдникахъ Слова Божія въ первое время, а въ последствін недостатокъ въ письменныхъ его памятникахъ, которыхъ неисправность и часто грубыя ошибки свидътельствують о непониманіи и о весьма слабомъ желаніи ихъ понимать. Наконецъ, страшные погромы Татаръ, уничтоживъ множество книгъ и раскидавъ народъ, имъли послъдствіемъ явное увеличеніе дикости и невъжества.

- 1, 233. Недостатокъ христіанскаго просвъщенія, скрывавшійся за христіанскимъ обрядомъ, выступилъ наружу при первыхъ попыткахъ книжнаго исправленія уже при Максимъ Грекъ (хотя онъ страдалъ по другимъ причинамъ) и впослёдствій произвелъ тё старообрядческіе расколы, которыхъ появленіе принадлежитъ XVII-му въку, а
 корень тайтся въ глубочайшей древности и въ особенностяхъ распространенія Христіанства въ Россіи. Однимъ изъ яснёйшихъ доказательствъ такого мнёнія можно почитать и то обстоятельство, что въ
 Россіи самые явные и сильные остатки язычества и его повёрій совпадають съ тёми мёстностями, въ которыхъ сильнёе распространено
 старообрядство, и что эти мёстности удалены отъ древнихъ и живыхъ
 средоточій, въ которыхъ первоначально проповёдывалось Слово Божіе
 просвётителями Русской земли.
- 1, 763. Первый расколь быль расколь обрядовой. Оть чего возникь онь и въ чемъ состояль? Церковный обрядь утверждается и опредъляется іерархією, но не безъ содъйствія всей Церкви, не безъ сочувствія и требованія оть мірянь: обрядь есть въ тоже время обычай. Когда въ Россіи іерархія въ XVII стольтіи замътила порчу обряда и приступила къ его исправленію, она, съ одной стороны, нъсколько забыла про эти права свободы мірянь, а съ другой забыла, что сама она участвовала въ порчъ, терпъла ее, поощряла и благо-

словляла. Опа безспорно была права въ своихъ намъреніяхъ, но не права въ пути, который язбрала. Въ дъло исправленія обычая она вступила не убъжденіемъ, медленно создающимъ новый лучшій обычай, а властью всегда враждебной обычаю и всегда оскорбительной для умственной свободы. Часть Русскаго народа стала за старый обрядь, за старый обычай и какъ будто за дъйствительное право. Такъ создался первый, обрядовой расколь. Но, отправляясь, можеть быть, оть иден свободы, и въ тоже время заключаясь въ обрядъ, опъ обратился въ обрядовое рабство. На этомъ духъ Русскаго человъка остановиться не могъ. Наступило время поливищаго отчуждения, какъ будто вторая эпоха раскола; но это еще ошибка: кажущееся отрицаніе остается въ полномъ рабствъ обряда у безпоповщины. Черезъ нъсколько времени, можеть быть, всявдствіе толчка случайнаго, онъ возсталь противъ этого рабства и, какъ всякой бунть, разрушая цепи односторонности его сковавшія, онъ впалъ въ другую односторонность, въ другую крайпость: въ полное отрицаніе обрядства. Это расколь Духоборческой или Молоканской. Грустно всякое разъединеніе, всякое заблужденіе. Но вопервыхъ, быть можетъ, эти печальныя явленія всегда сопровождаютъ псякое развитіе сознанія; во вторыхъ, нельзя не замѣтить, что Молоканская сресь какъ будто бы подготовляеть сознательный возврать раскола къ Православію. Таково по прайней мірів указаніе, которое мы находимъ пъ препрасной пъснъ о бракъ, иъкогда признаваемомъ за гръхъ у безпоповщины и вновь признаваемомъ за союзъ святой въ духовномъ смысле у евкоторыхъ Молокавъ (хотя известно, что онъ другими вовсе отпертается). Но, какъ уже сказано, путь пройденный расколомъ, какъ опъ ни великъ, далеко не охватываетъ области Русскаго духа из его стремлении къ Вожественной истинъ. Православный также горячо любить обряды, какъ самый страстный старообрядецъ, по эта любовь свътла и свободна. Православный также стремится къ созернанию духовному, какъ Молоканъ, по опъ не отрицаеть обряда, и ему не пужно его отрицать, потому что онъ пикогда не былъ его рабомъ. Сквозь прозрачный покровъ обряда, видимо соединяющаго всъхъ, онъ слышить, онъ чувствуеть его духовный смыслъ, только облеченный, такъ сказать, во всецерковный образъ. Намъ нечего стыдиться нашего раскола. Отъ дикой энергін морельщика до поэтическаго стремленія къ созерцанію Вожественной правды у Молокана, онъ всетаки достоинъ великаго народа и могъ бы внушить почтеніе пноземцу; по, какъ я уже сказалъ, онъ далеко не обнимаетъ всего богатства Русской мысли. Того, что заключается въ кроткомъ и величавомъ спокойствін православнаго духа, того, можетъ быть, не угадаль бы и наблюдатель далеко не поверхностный; но энергія, которая скрывается въ этомъ поков, высказалась въ старообрядцъ - морельщикъ, а глубина угадывается, хотя не измъряется, поэзіею духоборства.

- 1, 253. Большая часть сельских общинь приняла въру Христову съ тихимъ и немудрствующимъ, но за то нъсколько равнодушнымъ довъріемъ къ своимъ центральнымъ представителямъ, городовымъ старцамъ и боярамъ, слъдуя и въ этомъ общему правилу: «что городъ положитъ, на томъ и пригороды станутъ». Обращеніе было болъе обрядовое, чъмъ разумное; но духъ Христіанства проникъ сельскій міръ, сосудъ готовый къ его принятію, и развиль въ высокой и до тъхъ поръ невиданной степени общежительное начало и добродътели, сопровождающія его.
- I, 220. Не многотребовательно просвътильное начало стороннее п раздвоенное въ самомъ себъ: оно развивается легко даже и при сильныхъ препопахъ, и темъ легче, чемъ опредедениве его односторовность. Преобладающия сторона его увлекаетъ своею догикою всв силы душевныя человъка или общества въ извъстное направление до тъхъ поръ, нока оно само не дойдетъ до крайняго своего предъла, при которомъ обличаются его неполнота и неразуміе: тогда наступаеть минута падепія, всегда быстро слідующая за минутою полнаго, повидимому, торжества. Не таковы свойства начала цъльнаго и всесторонияго: самая его полнота и стройность требують оть общества или человька соотвытствующей стройности и полноты. Условное свободиве развивается въ исторіи, чемъ живое и органическое; разсудокъ въ человъкъ зръсть гораздо легче, чъмъ разумъ. Просвытительное начало, сохраненное для насъ Византійскими мыслителями, требовало для быстраго и полнаго своего развитія таких в условій цъльности и стройности въ жизни общественной, которыхъ еще нигдъ не встръчалось; достигнуть же ихъ можно бы было только при такой независимости от в вліяній вибинихъ, которыя певозможны на земав ин одному народу, всегда ственяемому и совращаемому съ пути силою и напоромъ другихъ народовъ. Россія не имала этой цальности съ самого начала, а къ достижению ея встрътила и должна была встрътить препятствія пеодолимыя. Опа-не островъ среди хранительной защиты моря, по была земля, со всвую сторонь открытая и беззащитная по слабости своихъ естественныхъ границъ и со вебхъ сторонъ искови окружениая народами, не знающими мира въ себъ и потому всегда готовыми посягнуть на миръ другихъ.

Силы Русскихъ людей должны были прежде всего направиться на созданіе крѣпкаго государства, которое могло бы защищать Русскіе предёлы отъ вещественныхъ захватовъ сосёдей.

И въ этомъ дъль почниъ положенъ быль Церковью.

- I, 236. Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дела. Церковь возстановила это единство, нарушенное междоусобіями. Она дала перевъсъ Руси Московской надъ Литвою, въ которой язычество ивсколько времени боролось съ Христіанствомъ, и Латинство, наконецъ, взяло верхъ надъ древнею народною върою. Но и въ Великой Руси дъйствіе просвътительнаго начала церковнаго было обусловлено и во многомъ измънено отзывами эпохи прошедшей и обстоятельствами эпохи современной. Съ тъхъ поръ какъ св. митрополить Петръ изрекъ пророческое благословение надъ Москвою, она стала видимо стремиться къ совокупленію всей Руси подъ державное единство князей своихъ. Опытъ прошлаго времени доказалъ, что духовное начало еще не на столько развито было въ народъ, чтобы прочное единство и внутренній миръ могли уцёлёть при независимости областей. Удълы должны были пасть. Какія бы ни были средства, употребленныя потомками Даніила, какая бы ни была ихъ нравственность въ жизни частной или дъйствіяхъ общественныхъ цъль, къ которой стремились они сами и ихъ молодая область, была законна; ибо съ ней была связана возможность спасенія Русской земли отъ унизительной и бъдственной подчиненности Татарамъ и отъ напора Литвы.
- I, 744. Выступила на историческое поприще Москва. Подъ свой стягь стянула она мало-по-малу всю Великую Русь; въ ней узнали свою силу наши предки, Русскіе прежнихъ въковъ. До Москвы Русь могла быть порабощена, Русскій народъ могъ быть потоптанъ иноземцемъ; въ Москвъ узнали мы волю Божію, что этой Русской земли никому не сокрушить, этого Русскаго народа никому не сломать. Слово Московское сдълалось общимъ Русскимъ словомъ. Такое единство не было случайностью, не было чёмъ-то наложеннымъ извив. Не даромъ рядъ земскихъ соборовъ обозначилъ эпоху Московскаго единодержавія. Какая бы ни была форма и какъ ни было часто или ръдко повтореніе соборовъ, Москва была признана, въ шпрокомъ смыслъ слова, городомъ земскаго собора, то-есть городомъ земскаго сосредоточенія. Таково свидътельство Исторіи. Когда пресъкся родъ Грознаго какъ бы въ наказаніе за его кровавыя казни, когда Промыслъ позводилъ Россіп впасть въ бездну почти безпримірных бідствій какъ бы за то, что она могла произвести такого владыку: первымъ сознаніемъ Россім было, что ей нуженъ царь... Но Москва взята... Зачёмъ намёняется временно сознаніе народное? Зачэмъ земля, которая такъ глубоко чувствовала потребность въ единомъ царъ, не приступаетъ къ выбору? Зачъмъ ополченія городовъ низовыхъ и всьхъ другихъ, поднявшихся за свободу великой родины, зачемъ забываютъ они свою

задачу? Зачьть не созываются земцы въ какую-инбудь свободную еще область? Отвътъ простой—Москва въ рукахъ врага: нътъ города для великаго собора, и выборъ царя еще невозможенъ. Къ Москвъ, къ ея освобожденію, какъ къ необходимому условію будущаго единства, обращаются всъ силы Русской земли, и только на ея освобожденномъ пепелицъ выбираютъ царя, для котораго уже приготовленъ городъ собора, городъ мысленнаго сосредоточенія земли. Вотъ почему Московское слово стало обще-Русскимъ словомъ и почему Москва сдълалась его, всъми признаннымъ, центромъ. Такъ въ теченіе XVII-го въка царили цари и державствовала Москва, одинаково избранные и признанные волею всей земли Русской.

1, 237. Стягъ Московскій долженъ быль стянуть всю Русь около себя, чтобы побъда могла вънчать кровавую борьбу на Куликовомъ поль и чтобы плоды побъды не могли быть снова утрачены. Духовенство, обращаясь къ христіанскому чувству народнаго единства, постоянно стремилось къ единенію подъ державною рукою Москвы. Епископы, инови, пустынники обращали все свое вліяніе и всю силу своихъ убъжденій къ этой цели, и какъ ни темно было понятіе значительной части народа о въръ, въ немъ было то христіанское смиреніе, которое любило голосъ своихъ пастырей и охотно следовало ихъ призыву. Московскіе святители трудились не даромъ. Св. Митрополить Алексий и основатель Тронцкой Лавры Св. Сергій, великіе подвижники міра духовнаго, болье содъйствовали единению Русской земли, чъмъ вся хитрая политика Симеоновъ, Дмитріевъ и Іоанновъ. Слово церковнаго увъщація умиряло страсти, которыя возстали бы противъ насилія; оно умиряло страсти, которыя были часто раздражаемы неправдою и коварствомъ.

Такимъ образомъ Церковь и народъ создали царскую власть.

- 1, 99. Въ исторіи нашей Руси идея единства общиннаго лежала всегда, какъ основной камень всёхъ общественныхъ понятій; но долго происходила борьба мелкихъ общинъ съ идеею великой общины. Наконецъ, идея единства великой общины восторжествовала послѣ кровавыхъ смутъ ополченіемъ всей Руси за Москву и избраніемъ царя, молодаго Михаила. Тогда обнаружилось, что единство, казавшееся слѣдствіемъ исторической случайности при царяхъ Рюриковичахъ, было дъйствительно дъломъ Русской земли.
- II, 36. И вотъ, когда послъ многихъ крушеній и бъдствій Русскій народъ общимъ совътомъ избралъ Михаила Романова своимъ наслъдственнымъ государемъ, народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какою облеченъ былъ самъ, во всъхъ ея видахъ.

Вокругъ князей, олицетворявшихъ собою единство всей Русской земли, стояла дружина. Первоначально она представляла собою лишь случайный наборъ отдъльныхъ лицъ, служившихъ отдъльному князю. Однако и этотъ, повидимому, зыбкій и подвижной элементъ послужилъ къ установленію государственнаго единства.

I, 222. Эта кочевая обще-Русская дружина много содъйствовала скръпленію всей Гуси въ одно могучее цълое, потому что была вообще чужда областному эгонзму, много бплась и страдала за землю Русскую, много помогла спасительному возвышенію князей Московскихъ (хотя впоследствін и подверглась страшнымъ гоненіямъ пхъ грознаго потомка Іоаппа); но едва ди при ней была возможность той стройности и цельности, которой требовало для своего развитія начало разумнаго и цельнаго просежщенія; ибо въ ней были уже допущены раздвоение и внутрений разладъ общественной жизии, и вредныя ихъ вдіянія были только сдержаны кръпостью сще свъжей земской жизни и кроткою силою общаго христіанскаго чувства. Но зло не могло оставаться безъ последствій. Дружина не принадлежала области и вольно служила князю. Такимъ образомъ въ пей существовала съ самаго начала крайность личной отделенности, которая должна была воздействовать на весь ходъ общественнаго развитія. Чуждая местной общинъ, въ иъкоторыхъ отношенияхъ болъе независимая отъ нея, чъмъ самъ князь, она не питла нигдъ кория и по необходимости стремилась сомкнуться въ самой себъ, въ порядокъ самостоятельный и отдільный отъ всего общества. Таковъ законъ всехъ отдільныхъ личпостей, не связанныхъ съ внутренними силами какой вибудь пародной жизни. Этому закону на Западь, при ослаблении центральной власти, слъдовала дружини аллодіальная и создала изъ себя новую, въ себъ замкнутую систему феодальности. Дружина въ старой Руси окончательно образовалась въ странную и пигдъ невиданную систему мъстиичества, которой основами служили, съ одной стороны, служебный разрядь, съ другой-родовая лъстница, и объ основы были одинаково чужды общей земской жизии. Земщина не мъстничалась. Правда, что сами общины, т. е. города и части городовъ, считались старшинствомъ другъ съ другомъ; но въ этихъ притязаніяхъ является только память о некогда бывшей политической зависимости или объ исторической древности, и все-таки и втъ ничего общаго съ мъстничествомъ. Грозный Іоаниъ Четвертый сокрушиль последнія притизанія дружины на независимость, а кочеваніе дружины кончилось ся водвореніемъ когда она получила выгодную осъдлость, связанную съ другою осъдлостью, предписанною земской стихіи. Необходимое и въ тоже время странное явленіе этой дружним въ Русской исторіи не вполив изслъ-

довано наукою; но нельзя не замътить его соотвытствія съ другимъ явленіемъ, ижсколько подобнымъ сму. Славянское племя, вообще самое мирное изо всёхъ племенъ Европы, одно только и произдело бытъ казачій, быть исключительно воинственный и которому нигдъ пъть вполнъ соотвътствующаго. Русскій быть, изстари по преимуществу общинный, произвель дружину, въ которой личная отделенность была доведена до крайности и узаконена и которая, не имъя съ землею никакихъ общихъ началь, скрвпила себя, наконець, искусственнымъ сочленениемъ мъстничества, уничтожая окончательно личность и обращая се въ нумеръ. Такое раздвоение съ землею не могло оставаться безъ страшнаго вліянія на общую жизнь; такая полная Китайская формальность въ землъ, кръпкой только живыми своими пачалами, не могла не производить самыхъ гибельныхъ последствий. Система, открывавшая путь всякому завзжему иноземцу (и множество изъ нихъ воспользовалось этимъ правомъ забеда) и преграждавшая путь всякому сыну родной земли, должих была мертвить общую жизнь и вносить въ нее безпрестапно или начала чуждыя или зародыни костенбнія п смерти. Русская исторія представляєть слинкомъ много спидательствъ этой петинъ. Русская сила, предводимая не высокими доблестями воинскими, а высокими мъстничествами нумерами, слишкомъ часто гибла въ борьбь съ слабъйшими изъ своихъ враговъ, чтобы можно было отрицать вредное вліяніе м'встнической формальности пли отдівленія самостоятельной и личной дружины отъ естественнаго строл Русскаго народнаго быта. Вредная въ полномъ развитін своей самобытности. вредная даже въ своемъ паденіи, она, безспорно, во многомъ задержала и остановила успъхъ той образованности, къ которой наша старая Русь была призвана. Въ ся присутствій то высокое просвітительное начало цъльности, жизни и общенія, которое сохранили для насъ свитые двятели и мыслители Православного Востока, не могло приносить полныхъ и скорыхъ плодовъ.

Но сословность не свойственна Русскому духу. Западный Евронеецъ не можетъ отказаться отъ личной гордости, въ формъ ли сословной или племенной.

III, 107. Для насъ, старыхъ Славянъ, мирныхъ тружениковъ земли, такая гордость непонятна. Словакъ почти всегда говоритъ свободно по мадьярски и по нъмецки. Русскій смотритъ на всъ народы, замежеванные въ безконечныя границы Съвернаго Царства, какъ на братьевъ своихъ, и даже Сибиряки на своихъ вечернихъ бесъдахъ часто употребляють языкъ кочевыхъ сосъдей своихъ, Якутовъ и Бурятъ. Лихой казакъ Кавказа беретъ жену изъ аула Чеченскаго, крестьянинъ же-

нится на Татаркъ или Мордовкъ, и Россія называетъ своею славою и радостію правнука Негра Ганнибала, тогда какъ свободолюбивые проповъдники равенства въ Америкъ отказали бы ему въ правъ гражданства и даже брака на бълоликой дочери прачки Нъмецкой или Англійскаго мясника. Я знаю, что нашимъ западнымъ соседямъ смиреніе наше кажется униженіемь; я знаю, что даже многіе изъ моихъ соотечественниковъ желали бы видъть въ насъ начала аристократическія и родовую гордость Германскую, надіясь найти въ нихъ защиту отъ вліянія иноземнаго и будущее развитіе гражданской свободы (на манеръ Англійской) и проч. и проч. Но чуждая стихія не срастется съ духовнымъ складомъ Славянскимъ. Мы будемъ, какъ всегда и были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто-человъческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное. Законы могуть создать у насъ на время родовое дворянство, можеть быть, и родовое боярство, могуть учредить у насъ маіоратство и право семейнаго первородства; ложное направление народности въ литературъ можетъ раздувать въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего передъ нашею братіею, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно; но невозможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются маіоратство, и аристократія, и родовое чванство, и презрвніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будеть. Грядущее покажеть, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая нибудь истина въ братствъ человъческомъ, если чувство любви и правды и добра не призракъ, а сида живая и не умирающая, зародышъ будущей жизни міровой-не Германецъ, аристократъ и завоеватель, а Славянинъ, труженикъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію.

Личность въ древней Руси не теряла своего значенія.

I, 153. Жизненная сила всего древняго Русскаго общества, не смотря на треволненія его и на внутревній трудъ общинъ, силившихся слиться въ одну великую Русскую общину, долго не подавляла разумнаго развитія личности. Пути мысли были свободны, все человъческое было доступно человъку (разумъется, по мъръ его знаній и умственныхъ силъ). Выть можетъ, перевъсъ перваго, т. е. общественнаго начала, былъ нъсколько сильнъе, чъмъ слъдовало, вслъдствіе внутреннихъ смутъ, предшествовавшихъ скръпленію государства, и вслъдствіе внъшнихъ грозъ (Татарской и Литовской), требовавшихъ сосредоточенія и папряженія общественныхъ силъ для отпора; но

область личной мысли была еще довольно общирна. Стихія народная не враждовала съ обще-человъческимъ даже тогда, когда обще-человъческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ. Доказательствомъ тому служить знаніе иностранных взыковь и особенно похвада этому знанію, призваніе иностранныхъ художниковъ, охотное сближеніе съ иноземцами даже духовнаго званія, вліяніе западнаго искусства на Новогородскую иконопись, принятіе многихъ западныхъ сказокъ, знакомство съ Нъмецкими сагами изъ круга Нибелунговъ (какъ видно изъ Новогородскаго лътописца), наконецъ, сочувствіе съ явленіями западнаго міра, отчасти заслуживающими этого сочувствія (напримъръ, съ крестовыми походами) и многое другое. Кажется, подозрительность и вражда въ западной мысли стали проявляться съ нъкоторою силою после Флорентинского собора и Латинского насилія въ Русскихъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшъ. Развились онъ вполнъ вслъдствіе безумной и глубокой ненависти къ Русскимъ людямъ, доказанной Швецією и купечествомъ и баронствомъ при - Балтійскимъ; болъе же всего вслъдствіе вражды и лукавства Польских магнатовъ и Латинскаго духовенства. Мадо по малу народная стихія стала являться исключительною и враждебною по всему иноземному. Область духа человъческого была стъснена; но такое стъсненіе, противное, какъ истинъ человъческой, такъ и требованіямъ духа Русскаго и кореннымъ основамъ его внутренней жизни, должно было произвести сопротивленіе, доходящее до противоположной крайности. Борьба 1612 года была не только борьбою государственною и политическою, но и борьбою духовною. Европеизмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истиною, являлся въ Россіи въ образъ Польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношенія они не заслуживали уваженія. Иначе и быть не могло: нравственно - низкія души легче другихъ отрываются отъ святыни народной жизни. Правда, люди желавшіе измінить старину были въ тоже время измънниками отечеству, но это только была историческая случайность въ ихъ положеніи. Въ сущности же ихъ направленіе, произведенное случайнымъ ожесточеніемъ народнаго начала, ственявшаго свободу мысли человвческой, было не совсвиъ неправо. Сила Русскаго духа восторжествовала: Москва освобождена, Русскій царь на престоль; но требование мысли, возстающей противъ стеснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мъстныхъ, не осталось безъ представителей. Худшая сторона его выражалась въ такихъ людяхъ, какъ развратный бъгдецъ и клеветникъ Котошихинъ, или какъ Хворостининъ, который говорилъ, что «Русской людъ такъ глупъ, что съ нимъ жить нельзя»; но лучшая сторона того же требованія находила сочувствие въ лучшихъ и благороднъйшихъ душахъ. Нътъ сомпънія, что оно должно было получить со временемъ свои законныя права; быть можеть, оно должно было впасть въ крайность, потому что было вызвано противуположною крайностью. Какъ бы то ни было, оно нашло себъ представителя, давшаго сму полиый перевъсъ и быструю побъду. Этотъ представитель, одинъ изъ могущественнъйшихъ умовъ п едва ли не сильпъйшая воля, какія представляєть намъ льтопись народовъ, быль Петръ. Какъ бы строго ни судила его будущая исторія (и безспорно, много тяжелыхъ обвиненій падеть на его память), она признаеть, что направленіе, котораго онъ быль представителемъ, не было совершенно неправымъ; опо сдъладось неправымъ только въ своемъ торжествъ, а это торжество было полно и совершенно. Нечего говорить, что всь Котошихины, Уворостинным и Салтыковы бросились съ жадностью по слъдамъ Петра, рады - радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и правственныхъ законовъ духа народнаго, что они, такъ сказать, могли расплясаться въ Русскій пость. Та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестъ Петра, увлекла многихъ и дучинхъ; окончательно же соблазнъ жптейскій увлекъ всъхъ.

I, 180. Трудно сказать, чего пменно хотълъ Петръ и сознаваль ди онъ последствія своего дела. По всемъ вероятностямъ, онъ искаль пробужденія Русскаго ума. Многіе пав его современниковъ, можсть быть, самые достойные его понимать, не поняли его. Петръ вводилъ къ намъ Европейскую науку; черезъ это онъ вводилъ къ намъ всю жизнь Европы. Таково было необходимое последствие его дела, но въ этомъ отношенія онъ быль небезсознателень. Его борьба была съ цілою, нъсколько закосиввшею жизпію, и онъ боролся съ нею во всьхъ ся направленіяхъ. Онъ вводиль всф формы Запада, всь, даже самыя неразумныя; опъ искажаль многое, чего бы не должень быль касаться; онъ искажалъ прекрасный языкъ Русскій, опъ искажалъ самое свое благородное имя, коверкая его въ Голландскую форму Питеръ; но ему это было необходимо. Онъ хотыть потрясти выковой сонь, онъ хотыль пробудить спящую Русскую мысль посредствомъ бользненнаго потрясенія. - Этотъ судъ не строгъ. Человъкъ боролся, и въ борьбъ разгорвлись страсти, и онъ увлекся темъ нетеривніемъ, которое такъ естественно историческимъ двятелямъ, которое такъ естественно всякому человъку при встръчь съ препонами въ подвигъ, который онъ считаеть добрымъ.

Медленно и лъниво развились съмена мысли, перенесенной съ Запада; еще бы медлениъе развились они, если бы изъ самыхъ иъдръ Россіи не выросъ геніальный простолюдинъ Ломоносовъ. Но быстро и почти мгновенно разрослись другіе плоды діяль Петровыхъ, плоды той несчастной формы, въ которую облекаль онъ или въ которую, можеть быть, облеклась мысль, которою онъ хотель обогатить насъ. Наука, т. е. анализъ, по сущности своей вездъ одинъ и тотъ же; его законы одни для всёхъ земель, для всёхъ временъ; но синтезъ, который его сопровождаеть, измъняется съ мъстностями и со временемъ. Тотъ, кто не понимаетъ внутренней связи, всегда существующей между анализомъ и синтезомъ, изъ котораго онъ возникаетъ, впадаетъ въ жалкую ошибку. Въ Россіп эта ошибка достигла громадныхъ, почти невъроятныхъ размъровъ. Сознательно введены были къ намъ однимъ человъкомъ всъ формы Запада, всъ внъшніе образы его жизни; безсознательно схватились мы именно за эти формы и за эти образы, вслъдствіе ли тщеславія, или подражательности, или личныхъ выгодъ, или слабости, естественной всемъ людямъ, принимать охотно все, что можеть ихъ отличить отъ другихъ людей, получившихъ въ жизни менъе счастливый удълъ, и поставить ихъ, по гидимому, выше ихъ братій. Формы, облекающія просв'вщеніс, приняты были нами за самое просвъщение.

Формализмъ вторгся въ Русскую жизнь, а формализмъ мертвить все. 1, 64. Отстраняя дъятельность духовную и самобытность свободной мысли и теплаго чувства, всегда надъясь найдти средства обойтись безъ нихъ и часто обманывая людей своими объщаніями, онъ погружаеть мало по малу своихъ суевърныхъ поклонниковъ въ тяжелый и безчувственный совъ, изъ котораго они или вовсе не просыпаются, впадая въ совершенное омертвъніе, или просыпаются горькими, ядовито - насмъщливыми и въ тоже время самодовольными скептиками, утратившими въру въ формулу, также какъ и въ жизнь, въ общество, также какъ въ людей.

Въ жизни Русскаго народа произошелъ разрывъ.

1, 56. Жизнь сопротивлядась вдіянію иноземнаго или, такъ сказать, колоніальнаго начала только своєю неподвижностью; прямаго же вліянія на него не имфла, развѣ только тѣмъ, что мѣшала ему тѣснѣе сродниться и слиться окончательно съ какою инбудь изъ Западиыхъ народностей. Просвъщеніе же дѣйствовало постоянно, признавая жизнь или, лучше сказать, составъ народный за грубый матеріалъ, подлежащій обработкѣ для того, чтобы вышло изъ него что-нибудь дѣльное и разумное. Оно дѣйствительно не признавало Россіи существующею, а только имѣющею существовать. Вся эта громада, которая уже такъ много имѣла и будетъ всегда такъ много имѣть вліянія на судьбу иль за проскій архивъ 1896.

человъчества, являлась ему какимъ-то случайнымъ скопленіемъ человъческихъ единицъ, связанныхъ или сбитыхъ въ одно цълое виъшними и случайными дъйствователями; жизни же внутренней и сильной, разумной и духовной, создавшей се, оно какъ будто бы и не предподагало; а когда и предполагало, то принимало за какое-то хаотическое броженіе, которому изрекало приговоръ въ словъ презрънія или насмъшки. Разумъется, эти понятія, эти приговоры никогда не облекались въ опредъленный образъ и, такъ сказать, въ формальныя ръшенія; ихъ должно искать въ общемъ ходъ образованности и въ каждой ея подробности. Случайно и безсознательно вырвавшіяся слова часто яснъе выказывають мысль, чъмъ обдуманный и обсуженный приговоръ; въ нихъ всегда менъе лицемърія, болъе искренняго чувства, и часто болве общаго мивнія, чвив личнаго. А такими словами наполнена вся наша словесность оть Земледельческой Газеты, которая частехонько представляеть Русскаго крестьянина какимъ-то безсмысленнымъ и почти безсловеснымъ животнымъ, до излидивниихъ выраженій нашего общества, которое великодушно допускаеть въ Русскомъ человъкъ умъ, попятливость, смышленость и нъкоторое добродушіе, впрочемъ безъ всикихъ убъжденій и разумныхъ началь, т. с. порядочные матеріалы для будущаго человіка, а все-таки еще не человіка. Такими же словами богать нашъ общественный разговоръ, оть бесъды мелкаго чиновника, питающаго глубочайшее презръніе къ бородачу, до тыхъ недосягаемыхъ круговъ и салоновъ, гдф патріотическая любовь списходительно собирается приготовить для души гого же бородача духовное и умственное содержаніе, котораго она еще до сихъ поръ дишена, а для его жизни вещественное благополучіе по новъйшимъ иностраннымъ образцамъ. Это не частныя ошибки, это мивије общее, болве или менве ясно выговаривающееся; но если бы принимать это и за частныя ошнови, то должно помнить, что есть заблужденія частныя, которыя возможны только при извъстномъ заблужденіи общества.

1, 15 г. Это духовное рабство передъ Западнымъ міромъ, этотъ ожесточенный антагонизмъ противъ Русской земли, разсмотрънные въ продолженіе цълаго стольтія, представляютъ весьма любопытное и по-учительное явленіе. Отрицаніе всего Русскаго, отъ названій до обычаевъ, отъ мелочныхъ подробностей одежды до существенныхъ основъ жизни, доходило до крайнихъ предъловъ возможности. Въ немъ проявлялась какал-то страсть, какал-то комическая восторженность, обличающая въ одно время величайшую умственную скудость и совершеннъйшее самодовольствіе. Конечно, эти крайности, повидимому, принадлежать болье первому періоду нашей европеизаціи, чъмъ послъд-

нему; но послъдній, при большемъ безстрастін, заключаеть въ себъ большее презръніе и полиъйшее отрицаніе всего народнаго.

Русское образованное общество отстало отъ всякаго преданія, отъ всякаго живого обычая.

I, 164. Обычай весь состоить изъ бытовыхъ мелочей; но кто же изъ насъ не признается, что обычай не существуеть для насъ, и что нашъ въчно измъняющийся бытъ даже неспособенъ обратиться въ обычай? Прошедшаго для насъ нътъ, вчерашній день-старина, а недавнее время пудры, шитыхъ камзоловъ и фижмъ-едвали уже не Египетская древность. Ръдкая семья знаетъ что-нибудь про своего прапрадеда, кроме того, что онъ быль чемъ-то въ роде дикаря въ глазахъ своихъ образованныхъ правичковъ. Знали - ди бы что-нибудь Шереметевы ") про уважение народа къ Шереметеву, современнику Грознаго, или Карамышевы про подвиги своего предка, если бы не потрудилась народная пъснь сохранить память объ нихъ, прибавивъ, разумъется, и небывалыя дъла? У насъ есть юноши, недавно вышедшіе изъ школы, потомъ юноши, трудящіеся въ жизни, болъе или менъе, по своему школьному направлению или по наитию современныхъ мыслей, потомъ есть юноши съдые, потомъ юноши дряхлые, а старцевъ у насъ нътъ. Старчество предполагаетъ преданіе, не преданіе разсказа, а преданіе обычая. Мы всегда новенькіе съ иголочки; старина у народа. Это должно бы намъ внушить уважение; но у насъ не только истъ обычал, не только истъ быта, могущаго перейти въ обычай, но изть и уваженія къ нему. Всякая наша личная прихоть, а еще болве всякая полудетская мечта о какомъ-нибудь удучшеній, выдуманная нашимъ мелкимъ разсудкомъ, даютъ намъ право отстранить или нарушить всякій обычай народный, какой бы онъ ни быль общій, какой бы онъ ни быль древній.

X.

ЗАДАЧИ ПРОСВЪЩЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ И БУДУЩЕЕ РОССІИ.

Вовврать въ Русской пародной живии. Возрождение Русскаго просвъщения. — Словесность, пластиви, музыка. — Археологія. — Общественное воспатавіе. — Надежда на будущее.

Оглянемся же на самихъ себя.

1. 86. Вопросъ въ томъ, будемъ-ли мы, въ то время, когда жизненное начало Руси будетъ кръпнуть и процвътать, только сухимъ и безплоднымъ хворостомъ, мъшающимъ новому прозябенію?

Это сомнъние въ самихъ себъ, это тайное чувство своей мертвенности давно уже высказывалось во мьогихъ и лучшихъ представи-

^{*)} Писано едишкомъ полвъка назадъ, П. Б.

теляхъ нашего просвъщенія. Скорбя о себъ и о всемъ, что ихъ окружало въ обществъ, они часто оглядывались съ утъщительною, но неясною надеждою на ту великую Русь, отъ которой они чувствовали себя оторванными. Я могь бы это показать въ послъднихъ твореніяхъ Пушкина; но ни въ комъ болъвненное сознаніе своего одиночества и своего безсилія не высказалось такъ ясно, какъ въ Лермонтовъ, къ несчастію, или не дожившемъ до сознанія, что безжизненность есть принадлежность общества, а не Русской земли, или отвергавшемъ сознаніе по личной гордости, свойственной его молодости и обществу, окружавшему его.

1, 91. Жизненное пачало утрачено нами, но оно утрачено только нами, прицявшими ложное полузнаніе по ложнымъ путямъ. Это жизненное начало существуеть еще цело, крепко и неприкосновенно въ нашей великой Руси (т. е. Великой, Малой и Бълой), не смотря на ваши долгія заблужденія и на наши, къ счастію, безполезныя усилія привить свою мертвенность къ ея живому телу. То, что было, поросло быльемъ, и если бы намъ приходилось отыскать свою жизнь въ прошедшемъ, конечно мы бы ея никогда не отыскали и не возсоздали; ибо созданіе или возсозданіе жизни ничтожными сплами одиночныхъ разсудковъ было бы явленіемъ противнымъ всёмъ законамъ духовнаго міра. Этому могли вфрить нісколько дітей-студентовъ въ Германіи и нісколько дітей-стариковъ во Франціи, да могуть въ иномъ видъ върить нъсколько дътей-соціалистовъ всякаго возраста по всей Европъ; но не повъритъ никто, кто сколько-нибудь изучилъ исторію чедовъчества, или не утратилъ въ душъ своей хотя темпое чутье человъческихъ истинъ. Жизнь наша цъла и кръпка. Она сохранена, какъ неприкосновенный залогъ, тою многострадавшею Русью, которая не приняда еще въ себя нашего скуднаго полупросвъщения. Эту жизнь мы можемъ возстановить въ себъ: стоитъ только ее полюбить искреннею любовію. Разумъ и наука приводять насъ къ ясному сознанію необходимости этого внутрешняго преобразованія, но я не считаю его слишвомъ легкимъ ни для каждаго изъ насъ, ни для всвуъ. Гордыя привычки нашей разсыпной, единичной жизни держать каждаго изъ насъ въ своихъ оковахъ. Нравственное обновленіе--нелегкое дъло. Конечно, каждый не только согласенъ полюбить тъ свътлыя жизненныя стихіи, которыя сохранились на Руси, и ту Русь, которая ихъ сохранила, но даже готовъ думать и увърять, что онъ любить ихъ всею душою. Можеть быть даже, эта любовь дъйствительно существуеть въ насъ; но она существусть, какъ любовь къ Неграмъ, къ Готтентотамъ и Индейцамъ существуеть въ добромъ Англичанияв, вивств съ убъждениемъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствъ и съ надеждою на роль, если не настоящихъ, то будущихъ благодътелей. Такая любовь ничтожна, скажу болъе, она отчасти пагубна. Отъ этого самообольщения трудно, но необходимо должно отказаться; ибо не мы приносимъ высшее Русской землъ, но высшее должны отъ нея принять.

Мы приносимъ только кое-какія знанія, легко пріобрѣтаемыя личнымъ трудомъ каждаго не совсѣмъ тупоумнаго человѣка; принять же должны жизненную силу, плодъ вѣковъ исторій и цѣльности народнаго духа. Таковъ голосъ добросовѣстнаго анализа. Поэтому, чтобы любовь была истинною, она должна быть смиренною. Точно также какъ въ наукѣ человѣкъ поступаеть сперва въ пижніе разряды ученнковъ и подвигается мало по малу впередъ, все болѣе и болѣе отстраняя оть себя прихоти своего личнаго произвола и подчиняясь общимъ законамъ человѣческаго разума: такъ и человѣку, желающему усвоить себѣ или развить въ себѣ скрытую жизненную силу, должно принести въ жертву самолюбіе своей личности для того, чтобы проникнуть въ тайну жизни общей и соединиться съ нею живымъ органическимъ соединеніемъ. Это дѣло не мгновенія и не дня, а цѣлаго существованія; ибо, какъ великій Пиллеръ сказалъ въ другомъ смыслѣ, «жизнь покупается только жизнію»:

Denn setzet Ihr nicht das Leben ein, Nie wird Euch das Leben gewonnen sein.

Нашъ возврать къ этой утраченной жизни нелегокъ.

Мы оторвались отъ нея сначада отчасти безсознательно, отчасти поневоль; мы измънили себъ, измъняя ей; потомъ замкнулись въ гордости своего мелкаго знація, какъ колонія Европейскихъ эклектиковъ, брошенная въ страну дикарей; потомъ, какъ всякая Европейская колонія во всехъ частяхъ света, мы приняли на себя характеръ завоевательный, конечно съ самыми благодътельными намфреніями, но безъ возможности исполнить ихъ, безъ сознанія ясной цели, къ которой стремились, и безъ того превосходства духа, который, по крайней мъръ, часто служитъ нъкоторымъ оправданіемъ завоеванію. Следствіемъ этихъ отношеній были, какъ я сказаль, борьба и полускрытая вражда: съ одной стороны подозрвніе, слишкомъ оправданное; съ другой ничемъ неоправданное презреніе. Эти чувства могуть исчезнуть только при вравственномъ изменени въ насъ самихъ. Жизнь, нами долго оскорбляемая, недсгко и нескоро можеть свыкнуться съ нами. Обмануть ее мнимымъ примпреціемъ невозможно, потому что она не имъетъ и не можегъ имъть дичныхъ представителей; да и во всякомъ случав цель не могла бы быть достигнута обманомъ. Дело нашевозрождение жизненныхъ началь въ самихъ себъ; слъдовательно оно

можетъ быть исполнено только искреннею перемъною нашего внутренняго существованія.

- I, 92. Общеніе заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размънъ услугъ, не въ сухомъ уваженій къ чужому праву, всегда оговаривающемь уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ, но въ живомъ размънъ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общени воли, въ раздълени не только горя (ибо состраданіе - чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной. Только такого рода общеніе можеть возвратить насъ къ началамъ жизни, нами утраченной, и привести насъ изъ состоянія безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности къ полному участію въ особенностяхъ, характеръ и физіономіи народа. Наши школьническія полузнанія развились бы до науки и развили бы науку, висся въ нее ведикія и до сихъ поръ ей чуждыя начала, отличающія насъ отъ Западнаго міра съ его Латино-протестантскою односторонностію, съ его историческимъ раздвоенісмъ. Въ нашемъ бытъ отозвалось бы то единство, которое лежало искони въ понятіп Славянской общины и когорое заключается не въ идеъ дружиннаго договора Германскаго или формальнаго права Римскаго (т. е. правды вившией), но въ понятіи естественнаго и нравственнаго братства и внутренией правды.
- 1, 92. Для того, чтобы оживились наука, быть и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвъщеніе, мы должны слиться съ жизнію Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго, и еще болье, какъ видимымъ его образомъ.
- I, 100. Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу Русскаго человіжи съ его землею и народомъ, не подлежать разсудочному анализу. Можеть быть, нельзя доказать, чтобы Русская пісця была лучше Итальянской баркароллы или тарантеллы, но она иначе отзывается въ Русскомъ ухѣ, глубже потрясаеть Русское сердце. Точпо также для Русскаго глаза особенно пріятны образы, окружавшіе его дітство и встрічавшіе его взглядь на свободів сельскаго простора. Только въ живомъ общеніи съ народомъ выходить человіжь изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаеть зпаченіе живаго органа въ великомъ организмі; только при немъ могуть всякая здравая мысль и всякое теплое чувство, возникшее въ каждомъ отдітьномъ лиці, сдітаться достояніемъ общимъ и получить вліяніе и важность, не изъявляя и не имітя притязаній на важность и вліяніе; только при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе, къ которому Западъ стретолько при немъ возможно то просвіщеніе под немъ возможно то просвіщеніе под немъ возможно то просвіщеніе под немъ возможно то просвітьном под немъ возможно то просвіщення под немъ возможно то просвіщення под немъ возможно то просвіщення под немъ возможно под нем

мится безнадежно и котораго достигнуть не можеть, вслъдствіе своего внутренняго раздвоенія. Конечно, для каждаго изъ насъ перевоспитаніе самого себя сопряжено съ немалымъ трудомъ; но труда жалъть не должно, когда предположенная цъль есть возрожденіе жизненныхъ началь въ насъ и развитіе истиннаго просвъщенія въ Святой Русп.

I, 101. Каждое частное лицо, какъ бы ни было низко пли высоко его званіе, какъ бы ни были скромны или блистательны его способности, чувствуеть, что уже однимъ правственнымъ достоинствомъ своей жизни оно вноситъ значительный вкладъ въ общую сокровищницу, и что, съ другой стороны, сколько бы оно ни вносило въ нее, оно всегда получаетъ изъ нея во сто кратъ болъе, чъмъ можетъ принести.

I, 170. Возвратъ Гусскихъ къ началамъ Русской земли уже начинается.

Подъ этимъ словомъ возврата я не разумено возврата нашихъ любезныхъ соотечественниковъ, которые, какъ голубки, потрепетавши крылышками надъ треволненнымъ моремъ Западнаго общества, возвращаются утомленные на Русскую скалу и похваливають ся твердость. Нътъ, они возвращаются на Святую Русь, но не въ Русскую жизнь; они похваливають крипость своего убъжища и не знають (какъ и всв мы), что вся паша дъятельность есть ничто иное, какъ безпрестанное подкапыванье его основъ. Къ счастію, наши руки п домы слишкомъ слабы, и безсиліе наше спасаеть насъ отъ собственной слепоты. И не называю возвратомъ и того, не совсемъ редкаго, явленія общественнаго, которое можеть, пожалуй, сделаться и минутною модою, что люди, совершенно оторванные отъ Русской жизни, но не скорбящіе объ этомъ разрывъ, а въ полномъ самодовольствъ наслаждающеся своимъ мнимымъ превосходствомъ, важно похваливаютъ Русскій народъ, дарять его, такъ сказать, своимъ ласковымъ словомъ, щеголяють передъ обществомъ знаніемъ Русскаго быта и Русскаго духа и преспокойно выдумывають для этого Русского духа чувства и мысли, про которыя не зналь и не знаеть Русскій человікъ. Чтобы выразить мысль народа, надобно жить съ нимъ и въ немъ. Я говорю о другомъ возврать. Есть люди, и къ счастію этихъ людей уже немало, которые возвращаются не на Русскую землю, по къ Святой Руси, какъ въ своей духовной родительниць, и привытствують своихъ братій съ радостною и расканвающеюся любовью. Этотъ мысленный возврать важень и утъшителень. Наука, не смотря на слъпое сопротивленіе книжниковъ и на лінпвую устойчивость полукнижнаго большинства, не только начинаетъ обращать внимание на истинныя потребности Русской жизни, но, освобождаясь мало по малу оть прежнихъ школьныхъ оковъ, уже показываеть стремленіе къ сознанію своихъ родныхъ началъ и къ развитію истинъ, до сихъ поръ безсознательно танвшихся въ нашей собственной жизни. Эти труды остаются не совсёмъ безъ награды: имъ сочувствуютъ многіе, имъ сочувствують по всей землё Русской и, можетъ быть, еще болёе въ ея дальнихъ областяхъ, чёмъ въ тёхъ мнимыхъ центрахъ нашего просвёщенія, которые до сихъ поръ суть дёйствительно только центры Западнаго школьничества. Имъ сочувствуютъ даже нёкоторые просвёщенные люди на Западъ, готовые уважать нашу мысль, когда она дёйствительно будеть нашею собственною, а не простымъ подражаніемъ мысли чужой.

Въ возстановленія прерваннаго общенія образованныхъ Русскихъ людей съ Русскою землею—залогъ возрожденія нашего просвъщенія.

1, 26. Просвъщение не есть только сводъ и собрание положительныхъ зпаній: оно глубже и шире такого теснаго определенія. Истинное просвъщение есть разумное просвътльние всего духовнаго состава въ человъкъ или въ народъ. Оно можетъ соединяться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанія; наука же (одностороннее его развитіе) безсильна и ничтожна безъ него. Разумное просвътятие духа человъческого есть тогъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знаніе, и такъ называемая цивилизація или образованность; оно есть самая жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннъйшихъ стремленіяхъ. Наука не заключаеть еще въ себъ живыхъ началъ образованности. Неръдко случается намъ видъть многосторонипхъ ученыхъ, которыхъ нельзя назвать образованными людьми. Наука можеть разниться степенями своими по состояніямъ, по богатству, по досугамъ и по другимъ случайностямъ жизни; просвъщение есть общее достояние и сила цълаго общества и цвлаго народа. Этою силою отстоялся Русскій человыкъ отъ многихъ бъдъ въ прошедшемъ, и этою силою будеть онъ кувпокъ въ будущемъ. Россія приняда въ свое ведикое доно много разныхъ племенъ, Фицновъ при-Балтійскихъ, при-Волжскихъ, Татаръ, Сибирскихъ Тунгузовъ, Бурятъ и др.; но имя, бытіе и значеніе получила она отъ Русскаго народа (т. е. человъка Великой, Малой, Бълой Руси). Остальные дожны съ ними слиться вполит; разумные, если поймуть эту необходимость; великіе, если соединятся съ этою великою личностью; ничтожные, если вздумають удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвъщеніе-жизнь Россіи.

Во всъхъ областяхъ духовной дъятельности открываются Русскимъ людямъ новые пути.

1, 459. Мы называемъ свою словесность и считаемъ ряды болъе или менъе почетныхъ именъ, и эта словесность по мысли и слову доступна только тъмъ, которые и по внутренней жизни, и даже по наружности, уже расторгнули живую цёнь преданій старины; за то и бльдное слово и бльдная мысль обличають чужеземное происхождение привитаго растенія. Были, безъ сомивнія, и въ слонесности нашей явленія, которыя кажутся исключеніями; по эти явленія есть только отдельныя произведенія или только части произведеній, и шикогда, до нашего времени, не было ни одного поэта (въ стихахъ пли прозв), который бы во всей цълости своихъ твореній выступиль какъ человікь вполив Русскій, какъ человъкъ вполиъ свободный оть примъси чужой. Конечно тупа та критика, которая не слышить Русской жизни въ Державить, Языковъ и особенно Крыловь, а въ Жуковскомъ, въ Пушкинъ и еще болъе, можеть быть, въ Лермонтовъ не видить живыхъ следовъ старорусскаго пессинаго слова, и которая не замечаеть, что эти слёды всегда живо и сильно потрясають Русскаго читателя, согревая ему сердце чъмъ-то роднымъ и чего опъ самъ не угадываетъ, Тупа та критика, которал не сознаёть во всей нашей словесности характера особеннаго и принадлежащаго только намъ. Но этотъ характеръ никогда не развивался вполнь; онъ робко выглядываль изъ подъ чужихъ формъ, не сознавая себя, иногда и стыдясь самого себя. Нашему времени было предоставлено услышать наконецъ голосъ художника вполив свободнаго, вполив самостоятельнаго. Трудно сказать, чемъ онъ спассиъ: силою ли своего внутренияго духа, особенностью ди прекрасной, истинно-художнической области, въ которой онъ родился и которая была менье съверныхъ областей захвачена нашею умственною жизнію прошедшаго стольтія? Во всякомъ случав опъ припадлежить будущей эпохѣ, а не прошедшей *).

^{*) 1, 732.} Здась разумастен Гоголь. Инсано это въ 1815 году. Иозже, въ 1859 г., Хомякова, предсъдательствуя въ Общества Любителей Россійской Словесности, въ отвътъ гр. Л. И. Толстому сказаль савдующее: "Общество Любителей Россійской Словесности, включивъ васъ, графъ Левъ Инколаевичъ, въ число скоихъ дъйствительныхъ членовъ, съ радостію привътствуетъ васъ, какъ дънтеля чисто - художественной литературы. Это чисто-художественное паправленіе защищасте вы въ своей ръчи, стави его высоко падъ встми другими временными и случайными направленіями словесной дъятельности. Странно было бы, еслибы общество вамъ не сочувствонело въ томъ; но позвольте мив сказать, что правота вашего мавнія, ками столь искусно изложенная, далеко не устрапастъ правъ временнаго и случайнаго въ области слова. То, что всегда справедливо, то, что всегда прекрасно, то, что неизявнию, какъ самые коренные законы души, — то, безъ сомивнія, занимаєть и должно занимать первое мъсто въ мыслихъ, побужденіяхъ в, слъдовательно, въ ръчи человъка. Оно, и оно одно, передастен покольнієми покольнію, народомъ на-

Искусство есть выражение характера и върования народнаго. Такъ, напримъръ, средневъковое зодчество необыкновенио ярко отразило на себъ тогдашнее настроение Западнаго Христіанства.

роду, какъ дорогос паследіе, ксегда множимое и никогда не забываемое. Но съ другой стороны, есть, какъ я имъдъ уже честь сказать, постоявное требование самообличения въ природъ человъка и въ природъ общества; есть инпуты, и инпуты важныя въ исторіи, когда это самообличение получаетъ особенныя, исопровержимыя права и выступасть въ общественномъ слова съ большею опредаленностію и съ большею разкостію. Случайное и временное въ историческомъ ходъ народной жизни получаетъ значение всеобщаго, всечеловъческаго, уже и потому, что всъ поколенія, всь народы могуть понимать и повимають бользненные стоны и бользненную исповыдь одного какого инбудь покольнія или народа. Права словесности, служительницы въчной красоты, не уничтожаютъ правъ словесности обличительной, всегда сопровождающей общественное несовершенство, а иногда являющейся цълятельницею общественных в язвъ. Есть безконечная красота въ невозмутимой правдъ и гармовіи души; но есть истинная, высокая красота и въ поканніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ челопъка или общество къ правственному совершенству. Появольте мив прибавить, что и не могу разделять минии, какъ мен кажется, односторонняго, Германской эстетиви. Копечно, художество вполиф свободно: въ самомъ себъ оно находить оправдание и цель. Но свобода художества, отрясченно понитаго, нисколько не относится къ внутренней жизни самого художника. Художникъ не теорія, не область мысли и мыслевной дъятельности: овт человъва, исстра человъва свосто времени, обывновенно лучній его представитель, несь проникнутый его духомъ и его опредълившимися или варождающимися стремленіями. По самой впечатлительности своей организаціи, безъ которой опъ не могь бы быть художникомъ, опъ принимаетъ въ себя, и болье других в людей, всь бользненныя, также вакь и радостныя, ощущени общества, въ которомъ онъ родился. Посвящая себя всегда истипному и прекрасному, онъ непольно, словомъ, складомъ мысли и воображения, отражаетъ современное къ его смеси правды, радующей душу чистую, и лжи, возмущающей си гармопическое спокойствае. Такъ сливаются двъ области, два отдъла литературы, объ которыхъ мы 10ворили; такъ писатель, служитель чистаго художества, дяластся иногда обличителемъ, даже безъ сознанія, безъ собственной воли и иногда противъ воли. Васъ самихъ, графъ, позволю я принести въ примъръ. Вы идете върно и неуклопно по сознанному и опредъленному пути; но неужели вы пролив чужды тому направлению, которое назвали обличительного слонесностью? Неужели хоть бы въ картинъ чахоточнаго ямщика, умирающаго на печять въ толив токарищей, повидимому равнодушныхъ къ его страдвизямъ, вы не обличили какой-пибудь общественной бользви, какого-нибудь порока? Описывая эту смерть, неужели вы не страдали отъ этой мозолистой безчувственности добрыхъ, но непробужденныхъ душъ человъчсскихъ? Да,-и вы были, и вы будете невольно обличителенъ. Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, і который вы изброли! Идите съ тамъ же успаховъ, которымъ вы увънчались до сихъ поръ, или еще съ большимь, ибо нашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчернываемый; по върьте, что въ слопесности въчное и художественное постоянно принимаетъ въ себи пременное и преходящее, препращая и облагороживая его, и что вев разнообразных отрасли человъческаго слова безпрестапно сливаются вы одно гармопическое цвлое".

I, 208. Глядя на великольпныя созданія средневьковаго зодчества, на каменныя кружева его воздушныхь башень, на таинственный сумракь его стрёльчатыхь сводовь, прорізанный, испещренный цвітными лучами его расписныхь стеколь, рідкій еще сознается, что есть глубокій разладь въ духовной основів этого мятежнаго художества. Різдкій почувствуєть, что эти чудныя громады, стремящіяся оторваться оть земли и побіднть законы тяжести, силою какого-то даннаго имърастительнаго порыва, созданы и запечатлівны внутреннею тревогою страстной и раздвоенной души и передають зрителю своему туже самую страшную и мрачную тревогу, которая высказалась въ ихъ рукозданной поэзіи.

Это еще болье испо въ пластикъ.

1, 162. Во всякомъ періодъ человъчества, во всякомъ народъ, для пластики возможны только два рода: пластика бытовая (genre, въ которой заключаются всв другіе роды, такъ называемый историческій, ландшають и пр.), и пластика духовная (икона). Высшее развитіе этого последняго высшаго рода подчиняется отчасти темъ же законамъ, по отчасти оно повинуется и другимъ законамъ, менве зависящимъ отъ случайности временъ и народовъ. Икона не есть религіозная картина, точно также какъ церковная музыка не есть музыка редигіозная; икона и церковный напівь стоять несравненно выше. Произведенія одного лица, они не служать его выраженісять; они выражають всёхъ людей, живущихъ однимъ духовнымъ началомъ: это художество въ высшемъ его значеніи. Разумъстся, я не говорю о такомъ или такомъ-то напъвъ, или о такой или такой-то иконъ; я говорю объ общихъ законахъ и ихъ смысль. Та картина, къ которой вы подходите, какъ къ чужой, тогь напівь, который вы слушаете, какъ чужой напъвъ, - это уже не пкона и не церковный напъвъ: они уже запечатавны случайностью какого - вибудь лица или народа. Оть того-то икона въ Христіанствъ возможна только въ Церкви, въ единствъ церковнаго созерцанія; отъ того-то стопть она (въ своемъ идеаль) такъ много выше всякаго другаго художественнаго произведенія, - предвломъ, къ которому непремвино должно стремиться художество, если оно еще надъется какого-инбудь развитія. По тому самому, что икона есть выражение чувства общиннаго, а не личнаго, она требусть въ художникъ полиаго общенія не съ догматикою Церкви, но со вевмъ ея бытовымъ и художественнымъ строемъ, такъ какъ въка передали его христіанской общинъ. И такъ, пластика въ обоихъ родахъ своихъ, бытовомъ и иконномъ, доступна Гусскому художнику единственно во столько, во сколько онъ живеть въ полномъ согласіп

съ жизненнымъ и духовнымъ бытомъ Гусскаго народа; и воспитаніе художника, его развитіе состоятъ только въ уясненіи идеаловъ, уже лежащихъ безсознательно въ его душъ.

Живопись безспорно существуеть въ Россіи; она дала много выдающихся произведеній.

1, 461. Но добросовъстная критика, отдавая справедливость прекраснымъ произведеніямъ, созданнымъ въ Россіи п отчасти Русскими, можеть и должих спросить: принадлежать ли они вполив Россіп? Созданы ли они Русскимъ духомъ? Фламандецъ, вступая въ свою національную галдерею, узнаеть въ пей себя. Онъ чувствуеть, что не его рукою, во его душою, его внутреннею жизнію живуть и дышать волшебныя произведенія Рубенса или Рембрандта. Эти грубыя и тяжело-матеріальныя формы - это его Фламандское воображеніе; эта добродушная и веселая простота-это его Фланандскій характеръ; эти солпечные лучи, эта чудная свъто-твиь, схваченные п увъковъченные вистью - это его Фламандская радость и любовь. Тоже самое чувствуеть и Нъмецъ передъ своими Гольбейнами и Дюрерами, сухими, скудными, но подными задумчивости и глубокомыслія. Тоже самое чувствуєть Итальянецъ предъ своимъ Леонардомъ, передъ Михель-Анжеломъ, передъ своимъ Рафарлемъ, передъ всеми этими царями живописи, передъ всеми этими чудесами очерка и выраженія, которыхъ едва ли когда-нибудь достигнеть другой какой народь, которыхъ безъ сомивнія никто пе превзойдеть. Что же общаго между Русской душою п Россійскою живописью? Рожденияя на краю Россін, на перепутін ея съ Западомъ, вырощенная чужою мыслію, чужими образцами, подъ чужимъ вліяніемъ, посить ди она на себъ хоть признаки Русской жизни? Въ ней узнаёть ли себя Русская душа? Глядя на произведенія Россійскихъ живописцевъ, мы любуемся ими какъ достояніемъ всеміриымъ, мы называемъ ихъ своими, а чувствуемъ получужими. Растенія безъ воздуха и безъ земли, выведенныя на стеклъ подъ соломенной настилкой, согрътыя солицемъ тепличиымъ *).

Первый пошель по новому пути Ивановь. Дъятельность его имъеть для насъ глубокій, поучительный интересъ.

1, 706. Русскій художникъ находится въ тъхъ же отношеніяхъ къ художеству Европы, въ которыхъ находимся мы всъ ко всъмъ областямъ Европейской мысли. Онъ подавленъ этимъ художественнымъ, міромъ, котораго богатство и прелесть онъ чувствуетъ тъмъ живъе, чъмъ его собственная душа впечатлительнъе къ прекрасному. Ему нель-

^{*)} Писано въ 1845 году.

зя не воспринять въ себъ этотъ міръ, если онъ дъйствительно рожденъ быть художникомъ; ему необходимо оторваться отъ него, чтобы достигнуть творчества и сделаться деятелемъ свободнымъ. Любовью обиимаетъ онъ всв произведенія встать школь, невольно увлекаясь ими, а долженъ отръшиться отъ нихъ, чтобы отыскать въ самомъ себт то, что дъйствительно ему самому присуще, что лежить (какъ говорять Англичане) въ сердцъ его сердца, что потребовало бы художества и создало бы художество, еслибы художество еще не существовало. Онъ долженъ освободиться изъ этой прихотливой и безпутной смъси любовныхъ влеченій къ явленіямъ міра и искусства, чтобы отыскать свою коренную любовь, которой онъ долженъ посвятить всв свои силы и которая должна создать въ немъ силы новыя и невъданныя. Пелену за пеленой, слой за слоемъ, хламъ за хламомъ (часто даже видимо прекрасный хламъ) долженъ онъ скидывать съ души, чтобы допросить ея истинную сущность и получить отъ нея отвъть. Тогда только можетъ высказаться и выйти на Божій свъть все затемненное, забытое, забитое, заваленное полуторастольтнимъ наслоеніемъ, вся дъйствительная жизпь нашей впутренней жизпи (во сколько мы еще живы), принятая нами невидимо изъ пъсни, ръчи, самаго языка, обычая семейнаго, болье же всего отъ храма Божьяго. Тогда можетъ только высказаться пъ душів то, чёмъ она выходить изъ пределовъ тесной личности и является уже въ высшемъ значении, какъ частное отражение всенароднаго Русскаго духа, просвътленнаго Православною Візрою. Танда только пріобритает художники самого себя. Воть чего должень быль достигнуть Ивановъ; вотъ для чего нужны были ему многолетие труды, многольтнее напряжение мысли и воли! Одинъ, далеко отъ отечества, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія, нивъмъ цеподдержанный и непоцятый никъмъ, Ивановъ совершалъ и совершилъ въ области своего художества то, падъ чемъ въ одно время съ нимъ трудилось столько горячихъ убъжденій, столько твердыхъ воль, столько ясновидящихъ умовъ; то, на что столько положено силъ и потрачено столько благородныхъ жизней (вспомиимъ хоть Гоголя). Далеко еще до цели общихъ усилій, но счастливый Ивановъ на своемъ пути достигь своей частной цели. Чему обязань онь этимъ успехомъ, большой ли геніальности, или поливишей чистоть стремлечія, или самомому характеру художества, которому онъ служилъ, не знаемъ; но его торжество есть торжество общее.

Участь художества звука была подобна участи художества слова. 1, 460. Оба они были богаты и самобытны у насъ въ своемъ народномъ развитіи, богаче, чъмъ у какого другаго парода; оба объдняли съ введеніемъ въ Россію новыхъ художественныхъ стихій, которыми не овладъла еще вполиъ Русская жизнь; но и въ музыкъ, какъ и въ словесности, наступило духовное освобожденіе, и великій художникъ пробудилъ заснувшую силу нашего музыкальнаго творчества.

Развитію народнаго искусства во всёхъ его областяхъ оказываетъ живое содействіе археологія.

I, 513. Она принесла и приносить намъ туже пользу, которую она принесла нашимъ южнымъ и западнымъ соплеменникамъ; но этимъ не ограничивается ея дъйствіе. Нътъ, она сама измъняетъ свое значеніе и получаеть новое, еще высшее: опа не есть уже наука древностей, но наука древняго въ настоящемъ; она входитъ какъ важная, какъ первостепенная отрасль въ наше воспитаніе умственное, а еще болъе сердечное. Наши старыя сказки отыскиваются не на палимпсестахъ, не въ хламъ старыхъ и полусогнившихъ рукописей, а въ устахъ, Русскаго человъка, поющаго пъсни старины людямъ, не отставшимъ отъ стараго быта. Наши старыя грамоты являются памятниками не отжившаго міра, не жизни когда-то прозвучавшей и замолкнувшей навсегда, а историческимъ проявленіемъ стяхій, которыя еще живуть и движутся по всей нашей великой родинв, но про которыя мы утратили было воспоминаніе. Самыя юридическія учрежденія старины нашей сохранились еще во многихъ мъстахъ въ силь и свъжести, и живуть въ преданіяхъ и пъсняхъ народныхъ. Наука о прошедшемъ является знаніемъ настоящаго и, углубляясь въ старину и знакомясь съ нею, мы узнаёмъ современное и сживаемся съ нимъ умомъ и сердцемъ.

Ожививъ въ себъ родныя стихіи, мы съ пользою можемъ приступить къ просвъщенію народа.

I, 22. Русскій челов'якъ, какъ изв'яство, охотно принимаеть науку; но онъ в'яритъ также и въ свой природный разумъ.

Наука должна расширять область человъческого знанія, обогащаясь его данными и выводами; но она должна помнить, что ей самой приходится многому и многому учиться у жизни. Безъ жизни она также свудна, какъ жизнь безъ нея; можетъ быть еще скуднъе. Темное чувство этой истины живетъ и въ томъ человъкъ, котораго разумъ не обогащенъ познаніями. Поэтому ученый долженъ говорить съ неученымъ не снисходительно, какъ высшій съ писшимъ, не жалкимъ фистуломъ, какъ взрослый съ младенцемъ; по просто и благородно, какъ мыслящій съ мыслящимъ. Онъ долженъ говорить собственнымъ своимъ языкомъ, а не поддълываться подъ чужой, который называетъ народнымъ. Эта поддълка ничто иное какъ гримаса; эта народность не до ходить до деревни и не переходить за околицу барскаго двора Прежде же всего надобно узнать, т. е. полюбить ту жизнь, которую хотимъ обогатить наукою. Эта жизнь, полная силы преданія и въры, создала громаду Россіи прежде, чъмъ иностранная наука пришла позолотить ея верхушки.

*) Величайшес вниманіе Русскихъ людей и правительства должно быть обращено на общественное воспитанте.

Воспитание въ общирномъ смыслъ есть то дъйствие, посредствомъ котораго одно поколъніе приготовляеть следующее за нимъ покольніе къ его очередной дъятельности въ исторіи народа. Воспитаніе въ умственномъ и духовномъ смыслъ начинается также рано, какъ и физическое. Самые первые зачатки его, передаваемые посредствомъ слова, чувства, привычки и т. д., имъють уже безконечное вліяніе на дальнъйшее его развитіе. Строй ума у ребенка, котораго первыя слова были Богь, тягя, мама, будеть не таковъ, какъ у ребенка, котораго первыя слова были деньги, нарядъ или выгода. Душевный складъ ребенка, который привыкъ сопровождать своихъ родителей въ церковь по правдникамъ и по Воскресеньямъ, а иногда и въ будни, будеть значительно развиться оть душевнаго склада ребенка, котораго родители не знають другихъ праздниковъ, кромъ театра, бала и картежныхъ вечеровъ. Отецъ или мать, которые предаются восторгамъ радости при получения денегъ или житейскихъ выгодь, устранвають духовную жизнь своихъ дътей иначе, чъмъ тъ, которые при дътяхъ позволяють себъ умиленіе и восторгь только при безкорыстномъ сочувствій съ добромъ и правдою человъческою. Годители, домъ, общество уже заключаютъ въ себъ большую часть воспитанія, и школьное ученіе есть только меньшая часть того же воспитанія. Если школьное ученіе находится въ прямой противоположности съ предшествующимъ и, такъ-сказать, приготовительнымъ воспитаніемъ, оно не можетъ приносить полной, ожидаемой отъ него пользы; отчасти оно даже дълается вреднымъ: вся дуща человъка, его мысли, его чувства раздволются; исчезаетъ всякая внутренняя цёльность, всякая цёльность жизненная; обезспленцый умъ не даеть плода въ знанін, убитое чувство глохнеть и засыхаеть; чедовъкъ отрывается, такъ-сказать, оть почвы, на которой выросъ, и становится пришельцемъ на своей собственной земль.

Общественное воспитаніе должно поставить себъ цълію охраненіе и увръпленіе основъ народнаго духа.

^{*)} Статьи "Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи", язъ которой здѣсь сдѣдано иъсколько послѣдовательныхъ выписокъ, написана около 1858 г. и напечатана въ "Русскомъ Архивъ" 1879 г., ки. 1.

Внутренняя задача Русской земли есть проявленіе общества христіанскаго, православнаго, скрѣпленнаго въ своей вершинѣ закономъ живаго единства и стоящаго на твердыхъ основахъ общины и семьи. Этимъ опредѣленіемъ опредѣляется и самый характеръ воспитанія; ибо воспитаніе, естественно даваемое покольніемъ предшествующимъ покольнію посльднему, по необходимости заключаетъ и должно заключать въ себѣ тѣ начала, которыми живетъ и развивается историческое общество. Итакъ, воспитаніе, чтобы быть Русскимъ, должно быть согласно съ началами не богобоязненности вообще и не Христіанства вообще, но съ началами Православія, которое есть единственное истинное Христіанство, съ началами жизни семейной и съ требованіями сельской общины, во сколько она распространяетъ свое вліяніе на Русскія сёла.

Правило, что воспитание въ России должно быть согласно съ бытомъ семейнымъ и общиниымъ, указываеть болье на то, чего избъгать должно, чъмъ на то, что должно дълать. Жизненныхъ началь общества производить нельзя: они принадлежать самому народу, или (во избъжание слова, слишкомъ часто употребленнаго во зло и слишкомъ дурно понятаго) самой земль, по выраженію старо-Русскому. Можно и должно устранять все то, что враждебно этимъ пачаламъ, но развивать самыя начала почти невозможно. Жизненное и историческое дъйствіе общества похоже на живыя явленія природы и, можеть быть, еще неуловимъе ихъ. Опасно вступать въ эти многосложныя и пеосязаемыя тайны и поручать мехацикв и химіи то, что поручено Промысломъ законамъ, которыхъ никто еще не постигъ вполнъ. Всякая премія, назначенная добродътели, есть премія, предлагаемая пороку. Правительство, поощряющее подвиги безкорыстной доблести какою бы то ни было корыстною наградой, отравляеть источникь, который хочеть очистить; правительство, которое береть семью подъ свое покровительство и опеку, обращаеть ее по-китайски въ полицейское учрежденіе и следовательно убиваеть самую семейность. Цеть никакой извъстной возможности развить или произвести чувство, связывающее Русскаго крестьянина съ его общиною, или Русскаго человъка съ его семьею; но есть возможность подавить или уничтожить эти чувства. Хорошо направленное воспитание должно избытать всыхъ тыхъ мыръ, которыя могли бы произвесть такое гибельное последствіе. Сельское училище, даже высшее, не должно вырывать селявива изъ его общиннаго круга и давать излишнее развите его индивидуальности. Все воспитание и всъ училища должны быть, во сколько возможно, соображены съ условіями семейной жизни. Любовь къ семью не внушается

отвлеченными теоріями съ канедры: она ростеть и криппеть только привычкою къ семейному быту.

То самое, что сказано о семейномъ быть, относится болье или менье къ Въръ. Безъ сомивнія, Христіанство, т.-е. Православіе, имфетъ свою наукообразную сторону, которую можно изучать и которую должно преподавать; но самое поверхностное наблюдение уже показываеть, что преподавлемое ученіе Въры весьма недостаточно и шатко. Оно вообще не имъеть и имъть не можеть теплоты апостольской проповъди, укръпляющей вървыхъ и обращающей невърующихъ; оно не имъетъ и (кромъ развъ высшихъ училищъ) не можетъ имъть той глубины философскаго ученія, которое покоряєть упорство разума его же оружісмъ, стройною и неотразимою догикою. Вообще оно не представдяеть в ичего, кромъ сухаго перечня отдъльныхъ положеній, безъ строгихъ доказательствъ и безъ живой связи, перепутанныхъ паутиною схоластики у преподавателей, имбющихъ пригизаніе на ученую последовательность, и затемпенныхъ туманами мистиви у преподавателей, имфющих в пригизацие на глубокое чувство. Оно необходимо, во не въ немъ заключается основа христанскаго и православнаго развитія душевныхъ способностей въ юпошествъ. Эта основа заключается въ чувствахъ сердца, укръпленныхъ постоянною привычкою къ вившнему обряду Православія. Сердце воспитывается къ Христіанству, слава Богу, еще въ большей части Русскихъ семей, и училищамъ предстоить только подтржать его привычкою къ обряду.

Наукообразное преподавание закона Божинго но всъхъ школахъ должно быть по преимуществу историческое; въ высшихъ же училищахъ оно можегь и даже должно до приогорой степени имъть направленіе полемическое. Но эта полемика должна ограничиваться опредълешемъ отношенія ученія самой Церкви къ разнымъ ученіямъ, возникшимъ исторически изъ нея, а не отваживаться на схватку съ самымъ началовъ аналигическаго сомивнія или скепсиса. Эга въковая борьба ръдко кому по силамъ. Конечно, она пензовжна, но должна быть предоставлена мыслителниъ, говорящимъ или пишущимъ для слушателей или читателей уже зредыха; она неприлична рядовому преподавателю, гонорящему передъ школьниками, слабыми въ разумъ, сильными въ самоувъренности, всегда готовыми къ сомивнію, какъ къ признаву умственной свободы, и всегда одаренными искусствомъ подмъчать сдабую сторону въ преподавателяхъ своихъ. Тутъ для Въры равно опасны и неловкій защитникъ, и молодой слушатель неловкой защиты. Общій духъ школы долженъ быть согласенъ съ Православіемъ и укръплять свмена его, посвянныя семейнымъ воспитаніемъ, а декціи катехизиса вли богословія должны только уяснять понятія о Въръ.

III. 32

PYOURIA APERET 1896.

То, что называемъ мы общимъ духомъ школы, признакщей надъ собою высшій судь закова христіанскаго, не только не противно нъкоторой свободь въ преподаваціи наукъ, но еще требусть этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто, безъ унизительной лжи, безъ смешныхъ натяжекъ, безъ умалчиванья, которое слишкомъ дегко можетъ быть обличено. Нътъ сомнънія, что показанія пркоторых паукь положительных , какъ теологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполив согласными съ историческими показаными Священнаго Писанія пли съ его догматическою системой. Тоже самов было и съ другими науками и иначе быть не могло. Пауки не совершили круга своего, и мы еще далско не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также не достигли мы и полнаго разумънія Св. Писанія. Сомивнія и кажущіяся несогласія должны являться, по только смелымъ допущениемъ ихъ и вызовомъ наукъ къ дальнейшему развитію можеть Въра показать свою твердость и непоколебниость, Ваставляя другія науки леать или молчать, она подрываеть не ихъ авторитеть, а свой собственный. Въ системъ инквизиціи редигіозной вредны не столько ся жестокости, сколько робость и безвъріе, которыя въ ней скрываются.

Разумъ человъка есть начало живое и правное; его дългельность въ отношения въ наукъ заключается въ понимания. Самые предметы представляемые наукою, какъ и предметы видимето и осязаемато міра, суть только матеріалы, надь которыми трудится пошиманіе. Пстиццая прив воспитація умственнаго есть именно развитіе и укрвиденіе повимація; а эта цваь достигается только посредствомъ постояннаго сравневія предметовъ, представляемыхъ цъльмъ міромъ науки и попатій, принадлежащихъ ея развымъ областямъ. Умъ, съизмала ограниченный одною какой-нибудь областью человъческаго знани, внадаеть по необходимости въ односторонность и тупость и дълется неспособнымъ жъ успъху даже въ той области, ксторан ему была предназначена. Обобщение дълаеть человька хозинновь его познацій; рацвій спеціализмъ дълаетъ человъка рабомъ вытверженныхъ уроковъ. Самое ботатство матеріаловь, если опи всв принадлежать къ одной какой-нибудь отрасли внуки и не пробуждають дремлющей силы сравнивающаго пониманія, обращается въ тягость: опо лежить безилоднымъ п свинцопымъ грузомъ въ совной головъ, между тъмъ какъ меньшее количество матеріаловъ, пробудившее дъятельность ума съ разныхъ сторонъ и въ развыхъ чаправленіяхъ, приносить богатые плоды и самому человъку, и обществу, которому онъ принадлежитъ. Такъ несчастный Ученькъ ремесленно-художественной шислы, въкъ свой трудившійся надъ рисованіемъ орнаментовъ, никогда не нарисусть и не призумаеть того загвиливато орнамента, который шутя накинеть въ одно мгновеніе рука академика, никогда не думавшаго о силетеніи виноградныхъ и дубовыхъ листьень.

Всявдствіе таких в соображеній, изъ курса гимназическаго должна быть устранена исключительная спеціальность занятій; но такъ какъ въ раннемь возраств отчасти уже выражаются умственныя способности учащихся и ихъ склонности, или еще чаще направленіе, данное имъ желоніємъ родителей, то можно допустить раздівленіе общаго курса на два отдівленія: на отдівленіе словесности и отдівленіе математики *). Универентеть, какъ высшее изо всіхъ государственныхъ училищь, опреділяеть значеніе всіхъ остальныхъ. Его процитаціе есть процитаціе всіхъ, его паденіе муъ. Плохой университеть дівласть всіх остальных пинолы ничтожными, пныя всявдствіе ихъ прямой

^{*)} Дваће скванио: "Предметы обоихъ курсовъ должны быть одинановы, ученіе общее. Раздичие должно быть из экониень. Хирактеры отдидений опредиднется преобладапісить нашкомнаній въ одноми и математики въ друговъ. Въ обовать эти отчасти спеціальныя занитін должны быль сколько полножно менъе направлены их правтической цъли и ельдовательно, сколько возможно болве апключены въ области отвлеченнаго знавія. Сло весность должна по преимущестку обращиться въ дреннивъ изывавъ, витематика-въ вагебранческимъ формудомь. Задача переходиаго училища солтоить именно въ томъ, чтобы расширить и украчить пониваніс, и втой цали можеть оно достигнуть только такою системою, которыя достивляеть трудъ уму и пичу размышленю. Преподавние изывовъжиныхъ и матемитики прикладной раскизываеть высль; преподавание машковъ древнихъ м чистой витематики со-редоточиваеть ее къ самой себъ. Одно изивживаеть и разслабляеть другое трезвить и украниветь. Тоть вто учится Французскому и другимъ Европейскимъва атагонов и мивиор и мав, чуж ататие овтороч обной област атомобори ачения обществъ на разныхъ лововныхъ нарачіяхъ; тота вто учитен изыкомъ древнияъ пріобрътаетъ знание не измковъ, по самихъ закопонъ слона, жинаго нырожения чедовъческой выели. Од ото внанія дреникав паыконв достаточно, чтобы Русскій челонивь превосходно овлядья скоимъ собственными изыкомъ, в знаше мносияъ живыхъ изыковъ достаточно, чтобы Русскій совершенно раззинкомился со встан вокыми особенностими роднаго партчін. Почтя тоже самое можно сказать и объ математика. Чистан интемптика приготовляетъ человата къ прикладной; прикладная дъластъ человата почти песнособнымъ къ всиому разумънію законовъ чистой математяки. Наконецъ, познаніе языковь покъйшихъ и наукь физическихъ легко пріобратается и по выхода изъ школы: сама жизнь помогаета ьтому пріобратенію. Изыки древніе и чистая вилематика никогда уже не пріобратаются тъкъ, кого школа съ пами не подружили. Учене, поги прому безполежное въ отношени практическомъ, созидаетъ людей принкихъ и спромыслицикъ; ученіе, повидямому, чисто практическое, воспытываеть пустых в повторителей заграничной болговия. Итакъ, знанідревникъ языковъ и знаніс математики умозрительной составить хирактеръ двукъ отдів леній гимивзін; но, кикъ уже сказано, преподаваніс въ обоихъ отдъленіяхъ должно быті одно и тоже, и только при экзамень, по собственному желанію учениковъ, опредъляется различіе между пими. Просящіе вчашаена по словесности экзаменуются строже въ язы квжъ древнихъ и легче въ математик , которая считается для нижъ предметомъ только ведомогательнымъ; просящі: экзамена по математияв визаменуются строже по алгебрв и геометрім и легче по древнимъ изыкамъ, которые для нихъ уже составлиють ученіе тольке вспомогательное".

вависимости, другія вслідствіе того соревнованія, которое заставляєть даже спеціальную школу стремиться къ совершенстку, чтобы не уступить слишкомъ явнаго первенства высшему учебному заведенію. Итакъ, улучшеніе университетовъ должно счигать предметомъ первой важности въ діль образованія общественнаго, и къ нему должно прилагать всевозможныя старація.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ объ общественномъ вос-

Книгопечатание можеть быть употреблено по эло. Это эло должно быть предотвращено цензурою, но цензурою не мелочною, не пропотливою, не безразсудно-робкою, а цензурою просивщенною, синсходительною и близкою къ полной свободь. Пусть унимаеть она сграсти и вражду; пусть смотрить за тімь, чтобы писатели, выражая мивніе свое, говорили отъ разума (конечно всегда ограниченнаго) и обращаяйсь въ чужому разуму, а не разжигали злаго и недостойнаго чувства въ читатель; но пусть уважаеть она свободу добросовъстнаго ума. Цензура, безразсудно строгая, вредна вездь; по цензура безмърно строгая была бы вредаве въ Россін, чемь гав либо. По милости Божіей, наша родина основана на началахъ высшихь, чемь другія государства Европы, не исключая даже Англіп; няп она живеть, наи врвика. Эти пачала могуть и должны выражаться печатно. Если выражение ихъ затруднено, и жизнь слонесная подавлена, мысль общественная и особенно мысль молодаго возраста предастся внолив и безъ защиты вліннію пиоземцень и ихъ словесности, вредной даже въ произведениях самых в невинных в, по общему минию. Волье того: иностранияя словеспость сама по себь, безь противодайствія словесности Русской, вредна даже въ техъ произведенияхъ, которыя, по общему мивнію, заслуживають напослений похналы и особеннаго поощренія. Для Русскиго ваглядь иностранца на общество, на госудирство, на въру, превратенъ; пенсиравленныя добросовъстною критикою Руссвой мысля, слова иностранца, даже когда онь защищаеть истину, наводять молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы, и между тамь, при оскудения отечественнаго слова, Русскій читатель должень по неволь пробавляться пропаведеніями заграничными.

Но скажуть: строгость цензуры никогда не можеть падать на произведения безвредныя или полезныя. Это не правда. Можно доказать, что излашняя цензура далаеть невозможною всякую общественную критику, а общественная крятика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознания, а правительство запивается всего общественнаго ума. Но если бы даже это было правдеть, то и тогда вредъ быль бы неисчасламъ. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мивній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемърія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчить, чтобы не мвшаться въ этоть отвратительный хоръ, или не сдёлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходять отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и нпзкимъ душамъ, душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всё произведенія словесности; умственная жизнь изсякаеть въ своихъ благороднъйшихъ источникахъ, и мало по малу въ обществъ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слъдующія. Такіе примъры бывали въ исторіи и ихъ должно избъгать. Таковы ближайшія задачи Русскаго человъка, народа и государства.

- 1, 253. Великъ и благороденъ подвигъ всякаго человъка на землъ; подвигъ Русскаго исполненъ подежды. Не жалъть о лучшемъ профененъ, не скоровть о пъкогда бывшей Въръ должны мы, какъ Западный человъкъ; но, помня съ отрадою о живой Въръ нашихъ предковъ, надъяться, что она озаритъ и проникнетъ еще поднъе нашихъ потомковъ; помия о прекрасныхъ плодахъ Божественнаго начала нашего просвъщенія въ старой Руси, ожидать и надъяться, что, съ помощію Божією, та цъльность, которая выражалась только въ отдъльныхъ проявленіяхъ, безпрестанно исчезавшихъ въ смутъ и мятежъ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотъ, въ будущей мирной и сознательной Руси.
- 1, 173. Совершается, хотя и медленно (такъ какъ и слъдуетъ быть) переходъ въ нашемъ общественномъ мышленіи. Но надежда не должна порождать ни излишнюю унфренность, ни лънивую безпечность. Много еще времени, много умственной борьбы впереди. Не вдругъ разгоняется умственний сонъ, медленно перемъняются убъжденія; еще медленнъе измъняются привычки, данныя полуторастольтнимъ направленіемъ. Все дъло людей нашего времени можетъ быть еще только дъломъ самовоспитанія. Намъ пе суждено еще сдълаться органами, выражающими Русскую мысль; хорошо, если сдълаемся хоть сосудами, способными сколько-нибудь ее воспринять. Лучшая доля предстоитъ будущимъ покольніямъ: въ нихъ уже могутъ выразиться вподнъ всъ духовныя силы и начала, лежащія въ основъ Святой Православной Руси. Но для того, чтобы это біло возможно, налобно, чтобы жизнь каждаго была въ полномъ согласіи съ жизнію всъхъ, чтобы не было раздвоенія пи въ лицахъ, ни въ обществъ. Частное мышденіє

можеть быть спльно и плодотворно только при спльномъ развити мышленія общаго; мышленіе общее возможно только тогда, когда высшее знаніе и люди, выражающіе его, связаны со всёми остальнымъ
организмомъ общества узами свободной и разумной любви, и когда
умственныя сплы каждаго отдёльнаго лица оживляются круговращеиіемъ умственныхъ и правственныхъ соковъ въ его народъ. Исторія
призываетъ Россію стать впереди всемірнаго просвёщенія; опа даеть
ей на это право за всесторопность и полноту ея началъ; а право,
данное исторією народу, есть обязанность, налагаемая на каждаго изъ
его членовъ.

Мы видъли Хомякова такимъ, какимъ знали его современники и какимъ опъ является намъ въ своихъ сочиненияхъ. Первый, непосредственный выводъ изъ сопоставления этихъ двухъ областей, въ которыхъ сохранился намъ его образъ, есть ръдкое между ними согласіе. Человъкъ, сказанній, что въ Церкви «ученіе живетъ, и жизнь учитъ», самъ въ высшей мъръ проявилъ это единство мысли, слова и дъла во всъхъ частяхъ своей дъятельности. Поэтому повъсть о его жизни служитъ необходимымъ дополненіемъ къ его писаніямъ; на основаніи же совокупности того и другаго можемъ мы произпести справедливое сужденіе о томъ, чъмъ онъ былъ и что сдълалъ.

Высказанныя Хомяковымъ мысли представляють въ цёломъ систему религіозныхъ, философскихъ, историческихъ и соціальныхъ возврёній, систему, которой главныя черты намічены въ нашемъ издеженіи. Въ проповёди исповедуемыхъ пмъ началъ состояло внёшнее дёло его жизни.

Когда человъть сходить со своего земнаго поприца, когда для него, по выраженію поэта, «настаеть потомство», тогда наступаеть и оцънка свершеннаго имъ на земль дѣла. Въ предисловіи къ пашему труду мы указали на причины, замедлившія оцѣнку Хомякова. Но мы разумѣли оцѣнку всестороннюю, спокойную и безпристрастную, судъ sine ira et studio. Для такой оцѣнки Хомякова только что наступаеть пора; частныя же попыткт выяснить его значеніе дѣлались и вскорѣ послѣ его смерти, и еще при жизни, особенно, если имъть въ виду отзывы отрицательные.

Мивнія о Хомяковъ современниковъ можно разділить на три разряда: на мивнія противниковъ, единомыніленниковъ и учениковъ. Чтобы не теряться во множествъ отзывовъ и вмъстъ съ тъмъ дать точное понятіе о каждой изъ указанныхъ точекъ зрвнія, приведемъ вкратцъ взгляды на Хомякова трехъ напболье крупныхъ въ своей сферъ людей: А. И. Герцена, Н. П. Гилярова-Платонова и Ю. О. Са-

марина. Думаемъ, что подъ этими тремя именами соединимо все, что болъе или менъе самостоятельно говорилось о Славянофильствъ вообще и о Хомяковъ въ частности при его жизни и вскоръ послъ его смерти.

Герценъ видълъ въ Хомяковъ прежде всего діалектика. Овъ быть коренцымъ образомъ несогласенъ съ Хомяковымъ по всъмъ важвъйшимъ философскимъ, историческимъ и соціальнымъ вопросамъ. Будучи самъ, по крайней мъръ, въ то время, человъкомъ вполнъ убъжденнымъ и испреннимъ и не находя возможности ни согласиться съ доводами Хомякова, ни опровергнуть ихъ точно и последовательно, Герценъ долженъ быть признать, что система Хомякова, ложная въ осповаціяхъ, върна себь въ догическомъ построеніи, и что самъ онъ спленъ не истицою, а краспорачемъ. Таковъ конечный смыслъ отзыз вовъ Герцена о Хомяковъ, разсъянныхъ въ его воспоминаніяхъ. Тогоже взгляда держались Грановскій и другіе Западшики, считая Хомякова ие убъждениымъ проповъдшикомъ, а изворотливымь софистомъ. Такой раглядъ на него перешелъ преемственно и къ поздавищимъ сторониикамъ Западнаго направленія, немного только смягчившись съ теченіемъ времени, утративъ остроту и раздражение борьбы, но сохранивъ сущвость отрицательного отношенія.

Люди, близкіе къ Хомякову въ основаніяхъ своихъ возэрвній, но не считавшіе себя непосредственно его учениками, какъ Гиляровъ, думали, что Хомяковъ идетъ по върному пути, но не исчерпываетъ своими построеніями полноты часмой ими религіозно - философской истины. Поэтому Гиляровъ говорилъ, что Хомяковъ одностороненъ и неполонъ.

Наконецъ, инфије дюдей, пропикнутыхъ духомъ проповъди Хомякова и открыто признавшихъ себя его учениками, можетъ быть выражено словами Самарина, который къ своемъ предисловій къ богословскимъ сочинсвівиъ Хомякова тогорить: Для людей безразлично рагнод шныхъ къ втръ Хомяковъ быль страневъ и смещовъ; для людей, от зытаки ихъ тара свое высокое покровительство, овъ быль непыносиял, обрабовновить ихъ; для людей, созвательно и, по своему, робресоваетво отвергающихъ вфру, онъ былъ живымъ возражениемъ, передъ котерьмъ они становились втупикъ; наконецъ, для людей, сомрании шихъ въ себъ чуткость непогрежденного религозного смысла, но запутавшихся въ противоръчіяхъ и раздвоившихся душою, онъ быль сьоего рода вмансинаторомъ: онъ гыводиль ихъ на просторъ, на свътъ Божій и возкращалъ имъ цъльность религіознаго сознанія, Жиные умы и воспріничивыя души выносили изъ сближенія съ Хомяковымъ то убъждение или, положимъ, коть то оппущение, что истина живая и животворящая никогда не раскрывается передъ простою любознательностью, но всегда дается въ меру запроса совести, ишущей вразумленія, и что въ этомъ случав актъ умственнаго постиженія

требуетъ подвига воли; что вътъ такой истины научной, которая бы не согласоваласъ или не должна была окончательно совпасть съ истиною повъданною; что вътъ такого чувства или стремления, въ нравственномъ отношения безукоризненнаго, нътъ такой разумной потребности, какого бы рода она ни была. отъ которыхъ бы мы должны были отказаться вопреки нашему сознанію и нашей совъсти, чтобы купить успокоение въ лона Церкви; словомъ, что можно варить честио, добросовъстно и свободно, что даже иначе какъ честно, добросовъстно и свободно нельзя и върить. Вотъ что уясняль, развиваль, доказываль Хомяновъ своимъ могучимъ, неотразниымъ словомъ, и слову своему онъ самъ встить существомъ своимъ служилъ живымъ подтвержденіемъ и свидътельствомъ. Вотъ въ какомъ смыслъ мы назвали его эмансипаторомъ людей, расположенныхъ върить, но запусанныхъ и смущенныхъ встръчею съ противоръчіями, повидимому, неразръшимыми. Узнявъ его, они начинали дынать полною грудью, чувствуя себя какъ бы освобожденными въ своемъ редигозномъ сознани и какъ бы оправданными въ споемъ внутреннемъ протестъ противу исъхъ двуличныхъ и пезавопныхъ (хотя подчасъ и соблазинтельныхъ) сдвлокъ съ тою примъсью лжи, неправды и условности, которою застидается въ нашихъ понятіяхъ образъ Церкви».

Мы ограничиваемся здёсь этими небольшими выписками, которыми Самаринъ опредъляетъ собственно личное воздъйствіе Хомякова ва сближавшихся съ нимъ людей, и не приводимъ въ подребности взгляда Самарина на его значеніе, вопервыхъ погому, что Самаринъ въ своемъ «Предисловія» касается только одной (правда важивницей) стороны двятельности Хомякова; вовторыхъ, и болъе всего, потому, что «Предисловіе» само по себъ такое цъльное, сжатое и спльное произведение, которое пеобходимо прочесть целикомъ. Въ конце его Самаринъ называетъ Хомякова учителемъ Перкви и кончаетъ словами: «Называя его втимъ именемъ, мы хорошо знаемъ, что наши слока приняты будуть одними за дерзкій вызовъ, другими за выраженіе слівпаго пристрастія ученика къ учителю; первые на пасъ вознегодують, вторые насъ осибють. Все это мы напередъ знаемъ; по знаемъ п то, что будущія покольнія будуть дивиться не тому, что въ 1867 году кто-то рашился сказать это печатно и подписать свое имя, а тому, что было такое время, когда на это могла потребоваться коть самая малая доля решимости».

Такъ смотръли на Хомякова современники разныхъ оттънковъ мысли Для насъ, для потомстап, лишеннаго возможности оцънки цепосредственной, значение Хомякова, какъ и всякаго мыслителя, можеть
вывсниться лишь изъ сопоставления его съ другими течениями мысли,
предшествовавшими и современными ему. Для этого прежде всего возобновимъ въ памяти основныя положения, высказанныя Хомяковымъ
и изложенныя нами, въ большинствъ, его же словами, въ предыдущей
части нашего изслъдования.

Въ исторіи религій, представляющей собою средогочіс и ключъ къ уразумьнію всей жизни человьчества, искони обозначаются два раздыльныхъ, самобытныхъ и по существу противуположныхъ начала: начало духовной свободы, проявляющееся върою въ личнаго, внъ вещества стоящаго Бога и признающее міръ произведеніемъ Его творческой воли, и начало вещественной необходимости, въ области котораго Божество является лишь скрытымъ закономъ самого нещественнаго міра и хотя повидимому облекается въ личный образъ, но въ сущности не имъетъ самостоятельнаго личнаго бытія и слъдовательно не только не сотворило или не творитъ міръ, но само рабствуетъ міру. Миенческій символъ его жизни и дъятельности—рожденіе. Духъ, стремящійся и не могущій разорвать оковы вещества, слъдовительно не властный достичь свободы живой и дъятельной, находитъ замъну ея лишь въ самоуничтоженіп— въ небытіи. Сношеніе человъка съ Божествомъ—не молитва, а закливаніе.

Первое начало, присущее племенамъ Арійскимъ, всего же неприкосновеннъе сохраненное народомъ Еврейскимъ, получило свое совершеніе въ Христіанствъ, воплотилось въ Церкви и живеть въ пародахъ,
ее составляющихъ. Второе, изъ своей цервой колыбели у племенъ
Кушитскихъ или Хамидовъ, создавъ ихъ вещественное могущество и
славу, съ паденіемъ ихъ царства проникло къ племенамъ Запада и,
принявъ въ Римъ образъ обоготвореннаго государства, примъшалось
тамъ къ Христіанству, исказило его и, согласно съ первоначальною
своею двойственностью, произвело матеріально-утилитарное Латинство
съ его церковью - государствомъ, съ его учетомъ гръховъ и заслугъ,
съ его заклинательною силою таинствъ, и философски - безразличное
Протестантство съ его безформенностью, съ его одинокою личностью,
разръшающееся въ полный скептицизмъ и невъріе.

Последнее изъ великихъ племенъ, выступившихъ до сихъ поръ на историческое поприще, племя Славянское, отчасти по природнымъ своимъ свойствамъ, более же всего подъ воздействиемъ Православной веры Христовой, къ восприятию коей опо повидимому было особенно предрасположено, проявило иныя бытовыя и общественныя начала, чемъ племена Западно-Европейския, носившия въ себе односгороннее просветительное начало Латинства и потому раньше достигшия внешняго могущества. Лицомъ къ лицу съ ними сталь представитель Славянства, Русский народъ, надолго остановленный въ своемъ внёшнемъ развити гнетомъ бедствий, потомъ, въ лице правящей своей части, уклонившийся отъ прямаго пути и наконецъ начинающий вновь сознавать свое призвание. Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, ходъ мысли Хомякова.

Противоположность двухъ началъ (свободы и необходимости, духа и формы, единства внутренняго, живаго, и единства внёшняго, условнаго) прододжаеть стоягь вышё, какъ стояла она тысячелётія тому назадъ; но она замётите теперь, ибо человтчество недаромъ прожило эти тысячелётія: мы можемъ отдать себт отчегъ въ томъ, что лишь смутно чуяли наши предки.

Вь отличе отъ гропеленій народной жизни, безконечно разпообразныхъ, но свизанныхъ безчисленными, часто невидимыми намънитями, сознаніе народное есть дёло отдёльныхъ лицъ. И чёмъ полнѣе жизнь народа, чёмъ глубже оя источники, чёмъ труднѣе переживаемая народомь пора, чёмъ сложнѣе и пеуловимѣе ея признаки: тёмъ мудренѣе задача выразителей народнаго самосознанія. Къ такому-то подвигу уразумѣнія и уясненія жизни неликаго, но мало извѣданнаго въ немъ самомъ народа, въ пору совершающагося въ немъ исторяческаго перелома, былъ признанъ Хомяковъ. Въ отвѣтѣ на вопросъ, казъ опъ совершилъ этотъ подвигъ, лежитъ оцфика ого жизненнаго дѣла и заслуги его передъ потомствомъ.

Думан, говоря и дійствуя въ согласін съ ходомъ основныхъ своихъ возарбий, върнъе, выводи свои возарбия изъ всей целости своего духовнаго существа при помощи своихъ всеобъемлющихъ научпыхъ знавій, Хомяковъ несомивино и точно опредвляется въ своемъ отношени къ преднествовавшимъ и современнымъ ему явленіямъ и системамъ. Въ области въроучения, свободный ото всякой, даже самой ипчтожной примъси Западнаго раціоналистического воззрвиів, стоя на незыблемой почив яснаго и строгаго церковнаго преданія, онъ твердо п безповоротно определиль объ разпоридности Запиднаго раскола -Лагинство и Протестантство, представляющия въ иной измъненной, частью скрытой формв все тъже дей стороны древняго матеріальнаго просвъщения, котораго начало и постепенное развитие Хомяковъ выясниль въ своихъ историческихъ изследованіяхъ. Онъ первый заговорилъ съ Западомъ голосомъ, въ которомъ не слышалось ни вражды, ни раболъпства, и лучине люди на Западъ оцънили пелицемврную прямоту и суровую искренность его рачи. Трудно сказать, въ какой мъръ быль бы Хомиковъ понитъ тамъ раньше; но для своихъ соотечественниковъ онъ несомибино явился какъ разъ во время, когда занесенный къ намь съ Запада раціонализмъ выяснился и у насъ въ обонкъ своихъ видахъ: въ видв формализма во вившней жизви Церква и вь видъ скептического невърія, основанного въ большинствъ случаевъ на поверхностиомъ илучномъ знаніи-въ обществъ. Хомяковъ выразивъ ясно и точно правосдавную мысль, выступиль разомъ противъ того и другаго. Принадлежа старой вфрующей Руси цъльностью внутренняго убъжденія и современной наукъ всестороннимъ образованіемъ, онъ первый ясно опредълить взаимное отношеніе обътсь областей. По складу ума и еще болье по свойству вопроса, богословская дъягельность Хомякова носила характеръ положительной проповъди; но необходимость борьбы съ ограниченностью и заблужденіемъ заставляла се принимать оттънокъ полемическій. Личное положеніе Хомякова и ближайшихъ его сотрудниковъ особенно отчетливо опредъляется отношеніемъ къ нимъ тъхъ, кого задъвали высказываемыя ими мысли Эго было вь однихъ—недовъріе, смъщанное съ какимъ-то изумленіемъ, въ другихъ—раздраженіе и вражда, скрываемыя подъличною презрънія и насиъшки.

Тоже самое повторялось и въ вопросахъ научныхъ и общественныхъ; по такъ какъ послъдніе доступные для образованнаго и полуобразованнаго большинства, чъмь вопросы въры, да и загрогивають они интересы болье ощутимые и ходичіе, то здъсь и педовъріе, и вражда выступали ръзче.

Отрицательная сторона Западнаго вліннія выразилась у насъ болве всего склонностью въ Западно европейскимъ государственнымъ формамь; но такъ какъ Западная мысль и практика со времени Петровой реформы принимались у насъ почги или вовсе безъ кригики, то въ Россіи одновременно и, такъ сказать, равноправно явились обв Западно - европейскія политическія партін — консервативная и либерадыная. За отсутствіемъ арцегократіи въ Западномъ смысле слова и при бюрократическомъ стров администраціи, консерватизмъ нашъ быль также чисто-бюропратическій, а идею царской власти понималь въ Западновъ смыслъ вившинго народу абсолютизма; либерализмъ же цъликомъ принялъ Западное учение о государственной условности и пошель по знакомому пути, до революціонныхъ пдей включительно. Танимъ образомъ какъ въ сферъ религіозныхъ вопросовъ наши Западники, за споромъ между Лагинствомъ и Протестантствомъ, не могли разглядъть Православія; такь и въ области государственныхъ понятій они пикакъ не могли отвлечься отъ Западнаго взгляда на вещи и, споря между собою изъ двухъ дагерей, часто горячо и искренио, не понимали, что исходиая ихъ точка одна; что, какъ ни прогивуположны повидимому одинъ другому взгляды этихъ такъ называемыхъ консерваторовъ и либераловъ-они вполет единодушны въ самомъ главномъ: въ полномъ непониманіи основъ Русской государственности. Славянофидамъ приходилось одновременно доказывать несостоятельность того и другаго направленія. Ихъ поочередно (а часто и заразъ, только по разнымъ вопросамъ) причисляли то къ тому, то къ другому лагерю, не понимая такой повидимому очевидной исгины, что нельзя примънять въ оценке учения меру, несоизмеримую съ его основаниемъ.

Таково въ общихъ чертахъ было положение Славянофильства между современными ему общественными группами лицъ и мевній. Мы знаемъ, что кружикъ Славянофиловъ былъ очень немногочисленъ. При этомъ далеко не всв Славанофилы въ одинаковой мара способстновали теоретической выработкъ того, что въ цъломъ можно наавать славянофильскимъ ученіемъ. Кромъ Хомякова, существенно потрудились надъ нею: И. В. Кирвевскій-опредвленіемъ отношенія фидософія въ Въръ и Западнаго просвъщенія въ Русскому; К. С. Аксаковъ-выяснениемъ бытовыхъ и государственныхъ стихий Русской исторіи, и Ю. О Самаринъ - изображеніся того процесса, коннъ, чрезъ воспріятіе раціоналистического начала, исказилось Латинство въ сфер'в правственнаго ученія. Мы указываемъ здісь на главивіннія стороны самостоя сельной двительности этихъ людей какъ мыслителей. не говоря о ихъ разностороннихъ спеціальныхъ запятіяхъ я о широкой общественной двительности последняго, въ которой онъ соприкасался съ Кошелевымъ, кинземъ Червасскимъ и отчасти съ И. С. Аксаковымъ.

Мы видъли, сколько въ каждой изъ этихъ областей поработалъ Хомяковъ; и, не входя въ сравнительную оцъпку заслугъ каждаго изъ этихъ четырскъ ислабвенныхъ дъятслей Русскиго возрожденія, моженъ, кажется, на основаніи всего предыдущаго высказать опредъленное сужденіе, что Хомяковъ объединиль частныя области, въ которыхъ потрудились его друзья, и потому болье всёхъ имветъ право на названіе творца славянофильскаго ученія, ссли, опять таки повторяємъ, принимать таковое какъ печто отдёльное оть Православія вообще.

Вполнъ самостоятельною областью Хомякова была исторія, върнъе православно-христіанская философія исторіи. Выработанныя имъвъ ней положенія и были тою основною и объединяющею нитью, которая связала также самостоятельные, но притомъ нъсколько разрозненные выводы его сотрудниковъ.

Итакъ выясненіе протчвуположности съ одной стороны между просвъщеніемъ духовнымъ, откровеннымъ и матеріальнымъ, разсудочнымъ, съ другой между бытовымъ складомъ Русскаго народа, давшимъ общину внизу и самодержавіе на верху, и Западнымъ строемъ, давшимъ аристократію, абсолютизмъ, условность государственную; установленіе очевидной связи между втими двумя порядками являеній, происходящими изъ одного источника точнос опредъленіе основныхъ началъ Православія и Русской пародности и въ подтвержденіе ихъ свидътельство цълой жизни: вотъ дъло Хомякова.

Мы разсказали жизнь А. С. Хомякова, изложили его ученіе ц высказали нашъ взглядъ на его историческую заслугу. Мы старались,

по возможности, не теряться въ подробностихъ, а ограничивались лишь самыми основными положеніями Этимъ исчерпывается поставленная нами себъ задача. Выполнивъ ее по мъръ силъ, должно сказать лишь пъсколько словь о томъ, что живетъ послъ старыхъ Славянофиловъ какъ прямое преданіе.

Со времени дъятельности Хомякова прошло полвъка; тридцать шесть лъть минуло уже съ его смерти. Съ тъхъ поръмногіе пошли за нимъ; многіе думаютъ, что идуть за нимъ, или говорять это, не думая; многіе продолжають идти тъми двумя путими, отъ которыхъ предостерегалъ Русскихъ людей Хомяковъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о современномъ положеніи болье или менье враждебныхъ Славннофильству партій, а ограничимся краткимъ указаніемъ на то, какъ понимають свое тепереннее положеніе люди, считающіе себя послъдователями Славямофиловъ. Не составляя сплоченной партіи не только политической (чего, по существу славянофильскихъ убъжденій, и быть не можетъ), но даже литературной и общественной, люди эти тъмъ не менье существуютъ, и существовныя ихъ, при всемъ достающемся повидимому на ихъ долю со стороны объкъ оффиціозно-признанныхъ партій енисходительномъ превръніи, ни та, ни другая не отрицаетъ. Пхъ убъжденія не измѣнились; слъдовательно не измѣнились и ихъ задачи и цъли.

Исповъдание откровеннаго Христіанства, гоборнаго Православія, воздающаго Кесарево Кесареви и Божіе Богови въ области върсученія; развитіе самобытнаго народнаго ученія въ наукъ и искусствъ; охраненіе и утвержденіе исконныхъ началь Русской исторіи (мірскаго устройства, основаннаго на добровольномъ подчиненіи личности общему мизнію и двлу), въ сферъ общественной; единодушнаго съ народомъ и никакими сдълками не оговореннаго самодержавія—въ сферъ государственной: таковы эти убъжденія. Имъ равно чужды какъ религіозное безразличіе, рабская подражательность, вгоизмъ личности и государственная условность, проповъдуемыя либералами, такъ и государственная церковность, громкій паносъ, бюрократическій гнетъ и полицейскій бездушный абсолютизмъ консерваторовъ. Борьба противуположныхъ началь таже, какая была она полвъка тому назадъ, когда жилъ и дъйствоваль Хомяковъ, таже, какая была во времена Вавилонскаго столнотворенія...

Но не въ борьбъ цъль тъхъ, вто проникнется духомъ Хомякова. Мы въримъ и надъемся, что время борьбы и полемики минуетъ. Жизнь Церкви, просвъщение и ростъ человъчества: вотъ поприще и цъль всъхъ, кому дорога истина. По этому единому, правому пути ведетъ насъ тотъ, чье имя поставлено въ заглавіи настоящей статьи.

Путь этоть трудень, и не легко продолжение дела Хомякова. Передъ смертью, быть можеть въ предчувствии ея, его любимый ученикъ,

пеутомимый труженикъ и боець, среди никогда не повидавнихъ его общественныхъ заботь, писалъ: «Мысль бросить все и поднять съ земли нить размышленій, выпавшую изъ рукъ умиравшаго Хомякова, меня много разъ зацимала; но я сознаю слишкомъ глубоко, что до этой задачи я далеко не доросъ умственно и не подготовленъ душою; это главное» Въ этихъ предсмертныхъ словахъ Ю. Ө. Самарина слышится завъть, съ которымъ послъдній изъ сотрудниковъ Хомякова какъ бы обращается ко всъмъ тъмъ, кто пойдетъ за нимъ во слъдъ его учителя. Словъ этихъ никогда не слъдуетъ забывать имъ. Какъ бы широки ни были познанія, какъ бы ни былъ смъть полеть мысли, этихъ познаній, этого полета еще педостаточно для уразумънія истины: опо требуетъ подвига и совершается лишь

... въ силя трезвенной смиренья И обновленной чистоты.

Еще другое долженъ помнигь идупцій за Хомяковымъ, что онь и его сотрудники не искали и не видали славы міра сего, и что не въ ней награда за подвигъ добра.

Счастлива мысль, которой не свътила Людской молны привътиим весна. Кезкременно ридиться не спъшила Въ листы и пвытъ ен младан сила, Но корчемъ въ глубь врываласи она.

И ранними и поздними дождями Вспоенная, кнезеппо къ пейссамъ Она взойдетъ, какъ ночь темна вътвями, Какъ ночь въ звъздахъ, усыпана цвътами— Краса землъ и будущимъ въкамъ.

Валерій Лясковскій.

ПОПРАВКА (къ стр. 304-й).

Покушеніе Каракозова было 4 Априля 1866 года, т. е. почти годь спустя посли кончины Цесаревича Николан Александровича. Были другія обстоятельства, конми омрачались свитлыя думы царственнаго юноши Польское возстаніе, пожаръ Апраксина двора, студенческія волиенія и пр. П. Б.

его Двло въ томъ, что ни въ одномъ документъ Молдинскомъ, ни въ одной хрониявъ не упоминается даже имя сына Молданскаго господаря Стезана V Великаго Иванапроянациято Вечиномъ, въ то время какъ о семъв господвря Стезана мы вивемъ очень даже подробныя свъдънія. Далъе, Иванъ Нечинъ не могъ оставить Молданію малолътникъ, такъ какъ тогда в рачи не могло бы быть о пазначенія каслъдникомъ пеего, а брата его Богдана

Вотъ списовъ сыновей и дочерей господиря Стеевна († 1504 г.), извъстныхъ Румынскому ученому А. Попедопуло Калимаху, вътору меданно появиншагося изследованія о Сосіи Палеологъ и Еленъ, невъстив Іоанна III, дочери господари Стеевна (Апаlele Academiel Române, vol. XVII, an. 1895):

- 1. Александръ, умершій въ 1430 году.
- 2. Haiama.
- 3. Петръ, умершій въ 1479 году.
- 4. Вогданъ, " 1478 "
- 5. Богданъ, внувъ воеводы Валашеваго Раду, получившій по смерти Стесана Великаго престолъ Молдавів и иниминшій съ 1504-го по 1517-й годъ.
- 6. Петръ Рарешъ, побочный смеъ Стеевна и прасавици Маріи Рарешъ иль Хырлеу, княшившій два раза (1527—1538 и 1541—1546).

- 7. Елепа или Олена, вышедшан замужъ въ Мосновского инязи Іоанна Младого.
 - 8. Княжна в
 - 9. Марія канжив.

Извъствы такие и всё жены господаря Стефана изъ которыхъ четыре были законныя и интаи незаконная Марія Рарешъ. Въ монастырихъ сохранились до настоящаго времени ихъ надгробные намятники, свидътельство которыхъ вполиъ достовърно.

Танинъ образонъ индистей нопросъ: неумели Молдавскія современный свидательства умышленно умалчивають о сына господари Стесана Ивана, исторому отецъ "велаль быть у брата своего въ подданстви, и для того назваль его Вечинъ?" (Рум. vecinú—с: садъ).

Не предрашая втого весьма интересного вопроса, мы укажема только на то, что это явление весьма странное.

Не могли въдь Молдавскіе хронисты и документы не знать о сынт господаря Стеевана Пвант, который прибыль въ Москву съ двумя уме сыновьями, следовательно нъ то время, т. е. въ 1490—1491-мъ годихъ, овъ быль человъкомъ варослымъ.

А. Ядимирскій.

BE ROHTOPE PYCCEATO APXIBA

(Москва, Ермоловская Садовая, д. 175).

можно получать:

жите преподобнаго сергъя радонежскаго.

написанное императрицею екатериною.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цъна 50 съ пересылкою.

Въ Москвъ, подъ Новинскийъ, въ Кречетниковскомъ переулкъ, въ домъ Хомяковой, можно получать:

Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. 4 тома, за 12 рублей.

ПОДПИСКА

HA

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897 года.

"Русскій Архивъ" въ 1897 г. будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣихъ квига "Архива Князя Воронцова").

Годовая цёна "Русскому Архиву" въ 1897 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—дв**ъна**дцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Въ пріемъ подлинныхъ документовъ и бумагь доставляемыхъ "Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписви, по которымъ владальны получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными въ печати, "Русскій Архивъ" отвътственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всёми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель "Русского Архива" Петръ Бартеневъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

(Москва, Садовая, д. 175-и).

1896

CTP.

- 513. Новооткрытоя папскоя попытка войти въ свошенія съ Москвою 1579 (ивъ квиги П. О. Пирлинга: La Russie et le Saint-Siège, извлекъ С. С. С.).
- 526. Дополненія къ перепискъ графа Н. П. Шереметева (Письма графа Падена и Пестеля.-Письма въ императору Павлу и въ инавю Куранину).
- 586. Объ маданіяхъ по ясторіи Кавказа (Записки Э. В. Вриммера, П. К. Менькова). Статья Е. И. Козубскаго.
- 547. Изъ дневныхъ зыписовъ В. А. Муханова. 1860-й годъ.
- 569. Зеписка внави А. М. Дондукова-Корсакова о земав войска Доп-
- ского (1861). Съ предисловіємъ А. А. Карасева. 593. Князь А. Б. Лобоповъ-Ростовскій. Біографическій очеркъ, паписавный В. А. Тепловывъ.
- 631. Замътки А. Л. Зиссермана (о баронъ Меласръ-Закомельскомъ, Эвинскахъ И. И. Дроздова).
- . 636. Поправка (объ А. М. Древякина). Н. Зехтена.
- 687. Н. М. Языковъ (Изъ переписки о немъ С. П. Шевырева съ Гоголемъ).
- -639. Письмо веливаго виязя Николая Цавловича въ Московскому архіспископу Августину (Апраль 1818).
- 640. Анекдотъ объ виператоръ Николав Павловичв.
 - П. А. Валуевъ графу Д. Н. Толстому.

Просимъ лицъ, возобновляющихъ подписку на "Русскій Архивъ", овначать въ своихъ письмахъ, какую именно книгу "Архива Князя Воронцова" желають они получить безплатнымъ приложениемъ къ 1897 году. (Содержаніе 26-ти пвигъ "Архива Князя Воронцова" см. на оборета).

MOCKBA.

Въ Университетской типографіи. ва Страстномъ бульваръ.

1896.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторъ "Русскаго Архива" въ Москвъ на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ, можно получать по уменьшенной цънъ 26 книгъ этого историческаго изданія.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ "АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".

І. Бумаги императрицы Едисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дъло о Шетарди. Снимки съ писемъ Едисаветы, Іоанны Едисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина. О Шетарды. Мивніе объ отношеніяхъ Россія къ Пруссіи. Переписна съ гр. Сантя. Ареотъ Ламберта. Письма гр. М. П. Бестужева-Рюмина. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта, Письма и прошенія къ импер. Едисаветъ.

III. Собственноручный служебный журналь гр. М. Л. Воронцова, Письма Ө. Д. Бектвева. Двло Каржавина. Аресть Лестова, Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма Л. П. Бестужева-Рюмина къбарону І. Л. Корфу. Письма гр. Санти. Перениска съграфомъ Л. Г. Головкинымъ.

1V. Мивнія графа Бестужева о принятіи Англійских субсидій въ 1747 году. О Московских вожарахъ. Перещиска гр. Бестужева съ Апраксинымъ 1757 г. Доклады гр. Ворондова 1758 годъ. Семильтияя война. Записка гр. Ворондова о ней. Дъло Лестока. Перещиска съ графомъ К. Г. Разумовскимъ, Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Перениска съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782—1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. По-

винная его. Допросные пункты. Письма

Вольтера

VI. Бумаги гр. М. Л. Ворондова. Доклады Коллегін Иностранныхъ Дълъ (1744) Переписка съ Ө. Д. Бектъевымъ, И. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилътнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскъ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Елисаветв Петровив оть Коллегін Иностранныхъ Дълъ (1746--1755), Рапорть Костюрина о Русской армін, дъйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дъло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа II. M. IIIyвалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескришты гр. Бутурлину (1760-1761). Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю, Замвчанія квяг. Дашковой на книгу Рюдьера. Придоженъ портреть гр. М. Л. Ворондова и снимокъ съ

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ө. В. Ростопчинымъ (1791—1825).

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали пор-

третомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ парствование Навда и Александра I. Со снимкомъ.

XI, Переписка графа С. Р. Воронпова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильповымъ въ парствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадов-

ПОДПИСКА

HA

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897 года.

"Русскій Архивъ" въ 1897 году вступаеть въ 35-й годъ изданія. Цѣлое покольніе народилось и выросло съ тьхъ норъ какъ возникъ нашъ новременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже пемного. Скромный трудь нашъ не измышль своего направленія: разработывая и по возможности освыщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаеть отъ забвенія и закрыпляеть печатью историческія черты протекшей дъятельности Русскихъ людей, во всъхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

"Русскій Архивъ" въ 1897 г., будеть по прежнему, издаваться двѣнадцатью тетрадями, которыя составять три книги, съ приложеніями. Годовая ціна "Русскому Архиву" въ 1897 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двънадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Подписчики благоволять увѣдомлять Контору "Русскаго Архива", какую именно книгу "Архива Киязя Воронцова" угодно имъ получить безплатпымъ приложеніемъ въ 1897 году. Содержаніе книгъ "Архива Киязя Воронцова" напечатано на оберткъ 7-го выпуска "Русскаго Архива" нынѣшияго года.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедновно, кромъ праздниковг, отг 10 до 4 ча овг дня.

Составитель и издатель "Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ

ПАПСКАЯ ПОПЫТКА ВОЙТИ ВЪ СНОШЕНІЯ СЪ МОСКВОЮ.

1579.

Ватиканскій архивъ сдъдался доступенъ для изученія приблизительно съ 1881 года; но досель немногіе изъ изслыдователей Русской исторіи воспользовались этою доступностью его сокровищь. Гг. Вержбовскій 1) и Любовичь 2) извлекали здесь матеріалы по Польше XVI в.; Форстенъ 3) и Гильдебрандъ 4) по Ливоніи, Брикнеръ 5) и Шмурло 6) по сношеніямъ Россіи въ концъ XVII в. Болъе же всъхъ воспользовался матеріалами Ватиканскаго архива г. Пирлингъ (имъншій одно время доступъ и въ архивъ Пропаганды), въ рядь замъчательных сочиненій о сношеніях Ряма съ Россіей. Нынъ г. Пирлингъ приступилъ къ объединению и восполнению этихъ работь своихъ въ общемъ обширномъ трудъ "La Russie et le Saint - Siège", первый томъ котораго вышель въ началв этого года. Изъ этого тома, обнимающаго сношенія съ нами Рима до посольства Поссевина, приводимъ главу о предполагавшемся посольствъ Якова Воронецкаго (глава III, стр. 413-431). Посольство это не состоялось; но краткан глава, посвященная ему, любопытна: содержание ен ново; въ ней хорошо обрисовываются взаимныя отношенія Рима, Россіи и Польши и дается живая характеристика Стефана Баторія; по ней читатель можеть ознакомиться съ пріемами изложенія даровитаго ученика С.-Петербургской второй гимназіи, нына славнаго двятели исторіографіи. С. С.

Переводъ съ Французскаго.

Досель думали, что папа Григорій XIII, до знаменитаго посольства Поссевина, только однажды пытался вступить въ сношенія съ Москвою 7), и не возобновляль въ Польшь попытокъ, не удавшихся въ Австріи. Это ошибка, и важно отмътить ея источникъ. Инструкціи кардинала Комскаго 6) Польскому нунцію о посольствъ къ Ивану въ

^{&#}x27;) Варш. Унив. Изв. 1880—1881 г. и Synopsis legatorum a latere in Polonia terrisque adiacentibus, 1073—1794. Romae 1880.

³⁾ Варш. Унив. Изв. 1888 г.

[&]quot;) "Анты и письма нъ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII ст." и "Балтійскій вопрось въ XVI и XVII ст.".

^{&#}x27;) Livonica, vornämlich aus d. XIII Jahrhundert im Vatic. Archiv. Riga, 1887.

 [&]quot;Русское посольство въ Италін въ 1672—1673 г." (Новь 1886).

⁹⁾ Учен. Зап. Юрьенскаго Университета. 1894.

¹⁾ Передъ тъмъ шла рвчь о несостоявшемся посольствъ Кленке. С. С.

[&]quot;) Главнаго двителя при папа Григоріи XIII-ив. С. С.

III. 83 PYCCRIË APXHBT 1896.

1579 г. лежали невъдомыми въ архивъ Ватиканскомъ, и корреспонденція нунція Калигари, изданная Тургеневымъ, не указываетъ и слъдовъ этихъ бумагъ (въ изданіи Тургенева имъются прискорбные пробълы: именно, шифрованныя депеши не приведены). Эти драгоцънные документы, которые мнъ первому посчастливилось извлечь изъзабвенія, освъщаютъ дипломатическій эпизодъ довольно интересный и важный. Дъло идетъ о новомъ Московскомъ проектъ, вызванномъ осложненіями на Востокъ.

Со смертью Сулеймана I, Исламская имперія вступила въ періодъ упадка. Правда, причины ослабленія оставались въ скрытомъ состояціи, пока Соколли сильной рукою міналь ихъ развитію и поддерживаль преданія великаго царствованія. Но Полумъсяць не окруженъ уже обаяніемъ непобъдимости: при Лепанть *) разсвялось это обаяніе, хотя и не сломилось окончательно могущество Отоманское. Мурадъ III запутался въ долгую и страшную войну съ Персіей; чередовались побъды и пораженія, но слухи неблагопріятные для Турокъ встръчали больше въры въ Европъ, и Персидское посольство прибыло въ Лиссабовъ, просить помощи западныхъ государей, для нанесенія смертельнаго и послъдняго удара потрясенной имперіи Магомета. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, папа Грягорій XIII возобновиль планы, занимавшіе собою Римъ съ 1576 г. Онъ убъдиль себя, что Турки, терзаемые Персами въ Азіи, не смогуть долго сопротивляться христанскимъ силамъ, если онъ нападутъ на нихъ со всёхъ сторонъ въ Европъ. Итакъ, главнымъ дёломъ, отъ котораго зависвла побъда, было устроить быстро союзъ такъ, чтобы кампанія на Балканскомъ полуостровъ совпала съ военными дъйствіями, которыя усиленно ведись Персами на Востокъ. Надъядись соединить подъ однимъ знаменемъ Испанію и Венецію, двухъ соперниковъ одинаково гордыхъ и могучихъ, содъйствіе коихъ было одинаково необходимо для успъха. Высшее начальство было бы ввърено Польскому королю. Этотъ выборъ опредълялся самъ собою: въ Баторіи сразу возникъ человъкъ, какъ бы избранный Провидъпіемъ къ самымъ высокимъ судьбамъ. Его прошлое уже было озарено славою.

Баторіи изъ Сомліо считались въ числѣ знаменитѣйшихъ семей Седмиградіи; воинственныя преданія, непоколебимая храбрость, патріархальная простота, вѣрность вѣрѣ предковъ: таковы были отличительныя ихъ черты. Въ самый годъ рожденія будущаго короля, его родители поставили возлѣ своего замка церковь во имя Пресвятой Дѣвы. Поссе-

^{*)} Знаменитая порская побъда Іоанна Анстрійского (1571) падъ Турками, П. Б.

винъ имълъ однажды случай видъть ее и восхищаться драгоцънными унрашеніями, коими она была обильно снабжена. Онъ не преминулъ по этому составить гороскопъ для новорожденнаго, которому суждено было стать великимъ строителемъ церквей и возстановителемъ божественнаго поклоненія. Посланный отцемъ въ Гранъ, Стефанъ получилъ тамъ, при дворъ архіепископа, прочное и благочестивое воспитаніе. Когда онъ перешелъ, совсъмъ еще юный, на службу имп. Фердинанда, его характеръ былъ уже такъ гордо закаленъ, что примасъ Венгерскій могъ воздать ему такую похвалу: «вотъ мальчикъ», сказалъ онъ императору, «который хочетъ, чтобъ съ нимъ обходились какъ съ мужемъ». На болъе широкомъ поприщъ качества Баторія выяснились ярче; въ 1549 году онъ отправился на Лугсбургскій сеймъ; лагерная жизнь дала ему нзвъстность хорошаго солдата; затъмъ онъ сопровождалъ въ Италію эрцгерцогиню Екатерину, невъсту герцога Мантуанскаго.

Но добрыя отношенія съ Габсбургами не замедлили ръзко нарушиться. Воевода Седмиградскій, Иванъ Сигизмундъ Заполья, оспариваль у Фердинанда, съ оружіемъ въ рукахъ, Венгерскую корону. Вернувшись къ своимъ и назначенный въ коменданты Варадина, Баторій взяль сторону своего князя, и ему не разъ приходилось биться съ Австрійскими войсками. Война становилась такимъ образомъ все болье и болье любимой его стихіей; все влекло его къ ней: и его природная склонность, и общественное положение, и смутныя обстоятельства того времени. Его военный геній проявлялся при всякомъ случав; удивляются мъткости его взгляда, его энергіи, его внезапнымъ вдохновеніямъ; поле битвы воодушевляеть его энтузіазмомъ, который онъ распространяетъ вокругъ себя; подъ шатромъ онъ страстно изучаеть военное искусство и изобрътаеть ядра, наводящія ужась на непріятеля. Столь же тонкій дипломать, какъ выдающійся полководець, онъ не разъ вздиль въ Ввиу. Но переговоры его съ Фердинандомъ не приведи ни къ чему. Максимпліанъ ІІ-й готовъ быль, въ 1565 г., утвердить договоръ, выгодный для него, какъ Баторій явился требовать новыхъ уступокъ въ пользу своего государя. Это возвращение отъ поръшеннаго похоже было на ловушку. Императоръ прервалъ переговоры и задержаль плънникомъ посланца Запольи. Около трехъ лътъ протекло такимъ образомъ въ почетномъ плень, который не лишалъ Баторія ничего, кром'в свободы.

Въ 1571 г., когда послъдній Заполья смежиль очи, голоса избирателей соединились на Баторіи. Онъ приняль вънецъ Седмиградскій; но, чтобы удержать его на своей главъ, надо было кроваво биться съ соперникомъ въродомнымъ и могущественнымъ. Спокойствіе мадо по малу возстановлялось въ странъ, но внъшнія сношенія оставались еще осложненными: вассалъ и данникъ султана, воевода Седмиградскій получаль отъ него инвеституру и, въ случать войны, поставляль ему войско; другія связи, но тайныя, соединяли княжество съ Имперіей, а императоръ питалъ ужасъ и отвращеніе къ султану. Ни тотъ, ни другой не пользовались искренними симпатіями Баторія, который предпочель бы видъть родину возвращенную себъ самой и совершенно независимой *).

Новый воевода истратить бы свою жизнь и свои силы въ неизвъстности, среди борьбы съ этими трудностями, если бы Поляки не призвали его стать ихъ королемъ. Блестящее будущее открывалось передъ Баторіемъ. Но какія были его права на Польскій престоль? Военные таланты, слава терпимости, враждебность къ Габсбургамъ, покровительство султана, объщаніе жениться на послъдней Ягелловнъ. Мелкое дворянство, шляхта, не желало ничего лучшаго. Увлеченіе избирателей, конечно, поохладилось бы, еслибъ они лучше узнали твердую энергію человъка, котораго они провозглашали своимъ государемъ, его суровое правосудіе, его любовь къ порядку, его непреклонную волю не быть показнымъ королемъ.

Что касается медкихъ сторовъ событія, то никто не оціниль ихъ лучше, какъ Папскій нунцій Лаурео. Особенно удивляла его въ Баторіи простота привычекъ: его одежды скромны, почти бъдны; когда онъ снимаеть свой жельзный башмакъ, присутствующіе видять его дырявую обувь и обмъниваются улыбками; среди разговора приходить какой нибудь панъ, береть короля за руку, отводить его запросто въ сторону, громко приказываеть закрыть двери, не впускать никого. Королевская кухня-кухня военная, весь составъ ен-говядина съ дукомъ и чеснокомъ, въ поразительную противоположность легендарнымъ пирамъ магнатовъ. Бракъ съ Ягелловной Анной былъ въ сущности политическимъ: сердечная склонность тутъ была не при чемъ; медовый мъсяцъ продолжался лишь нъсколько дней, и пятидесятичетырехълътния супруга скоро увидъла себя покинутой мужемъ моложе ея на десять лётъ, кипевшимъ деятельностью. Комнаты ихъ были по соседству, разделенныя однимъ лишь покоемъ. Вмёсто того, чтобы велёть звать королеву или самому идти къ ней, Баторій предложиль ей приходить самой, когда захочеть его видъть. Первый разъ она прождала пять часовъ; никто не явился и въ следующій вечеръ; королева верну-

^{*)} Поссевниъ, La Transilvania, рукопись, стр. 172. – Ватиканскій архивъ, бумаги Боргеве, LXV, D, f. 244.

лась огорченная въ себъ въ комнату, открылся припадовъ лихорадви, понадобилось вровопусканіе. Тоже разочарованіе въ дѣлахъ: вороль держалъ себя неограниченнымъ владывой, раздавая по собственной волѣ милости и должности, не позволяя супругѣ ни доли вліянія. Оскорбленные и обманувшіеся въ ожиданіяхъ сторонниви Анны наполняли столицу жалобами и повторяли вездѣ: «Erravimus, erravimus». Нунцій завлючаеть свою шифрованную депешу выраженіемъ надежды, что эти сплетни, можетъ быть, бросять нѣвоторый свѣтъ на обстоятельства болѣе значительныя 1).

Въ самомъ дълъ, Риму предстояло принять важное ръшеніе: приходилось выбирать между Максимиліаномъ и Баторіемъ, которые оба были выбравы въ короли Польскіе. Одному принадлежали симпатіи св. престола; разрывъ съ другимъ казался неизбъжнымъ. Смерть Максимиліана II очень кстати облегчила діло: папа призналь избраніе Баторія; король забыль неудачу воеводы; прекрасныя отношенія установились между Римомъ и Варшавой, какъ скоро въ Римъ ознакомились съ рыцарскимъ настроеніемъ Баторія, съ его непоколебимой преданностью Церкви и тайной ненавистью къ Полумъсяцу 2). Отнынъ вождь для противоотоманскаго союза указывался силою обстоятельствъ: во главъ блестящей и непобъдимой Польской кавалеріи, смълыхъ и стойнихъ Венгерскихъ пъхотиндевъ царственный полководецъ могъ легче кого другаго проникнуть въ сердце непріятельской земли черезъ Молдавію и Валахію, куда доступъ быль ему открыть. Но сначала надо было устранить одно препятствіе. Уставы (Pacta conventa) клятвенно обязывали новаго короля соблюдать миръ съ Турками и отнять у Русскихъ ихъ Польскія завоеванія 3). Римъ отлично понималь, что одновременная борьба съ двумя страшными противниками не могла объщать побъды; но имълось въ виду измънить роли: заключить союзъ съ Иваномъ и сосредоточить силы противъ Мурада. Если бы король силонился на убъжденія, то сеймъ освободиль бы его отъ его объщаній. Такъ Григорій XIII вернулся къ любимому проекту св. престола.

Кардиналъ Комскій немедленно принялся за дёло. Длинная денеша отправлена 10 Іюня 1579 г. къ нунцію къ Варшавѣ, Андрею Калигари, преемнику Лаурео. Настъивать, чтобы Баторій сталь во главѣ крестоваго похода, если не хочеть прослыть другомъ Турокъ; предо-

^{&#}x27;) Wierzbowski. Vincent Laureo, évêque de Mondovi, Bapmaba, 1887, p. 424-427.

¹) Bibl. Nat., Лат. докум. № 6063, въ разныхъ мъстахъ.

³⁾ Volumina legum, t. II, Спб. 1859, p. 898.

ставить пап'в уладить возстановленіе мира съ Москвою, такъ какъ, не смотря на перемиріе, въ Ливоніи уже бились: таковы были приказанія, подкрупленныя объщаніемъ денежныхъ пособій и чудесныхъ побудеть округлить Седмиградіе, овладуть Молдавіей, захваченной ныну проходимцами, овладуть Валахіей, изнуренной раздорами, овладуть даже Константинополемъ. Чтобы не мушать военнымъ успухамъ Польши, напа станеть дуйствовать оть себя, какъ бы безъ вудома короля, такъ что въ Москву и не заподозрять, что онъ посвященъ въ тайну. Калигари только и оставалось, что составить инструкцію, въ коей главными статьями были миръ между воюющими сторонами и унія Москвы съ Римомъ на основаніяхъ Флорентинскаго собора. Снабженный этимъ документомъ и получивъ согласіе короля, Яковъ Збарата Воронецкій, племянникъ архіспископа Гнезнепскагомогъ бы отправиться попытать счастья въ Кремъ 1).

Кардинальская депеціа, сказать правду, предлагала Калигари задачу почти перазрѣшимую. Дикая необузданность ужаснаго Ивана дѣлала его все болѣе чуждымъ для примирительныхъ идей Римскихъ, а въ 1579 году Баторій былъ равно недоступенъ рѣчамъ о мирѣ. Ипрокіе планы новаго похода эрѣли въ головѣ его; опъ пабросалъ ихъ нупцію уже въ Апрѣлѣ 1578 г.: идти на Полоцкъ и Смоленскъ, осыцать ядрами обѣ крѣпости, захватить Москву, потребовать отъ побъжденныхъ уступки Ливоніи и продиктовать въ Кремлѣ условія мира. Грандіозный проектъ, который три вѣка спустя будеть вновь принять геніальнымъ полководцемъ и приведетъ къ пораженію на голову! Сеймъ того же 1578 г. ободрялъ Баторія: тяжкіе палоги были утверждены съ неслыханной педростью. Едва приготовленія были кончены, какъ гонецъ Лопацинскій поѣхалъ въ Москву, 26 Іюня 1579 г., чтобы формально возвѣстить войну. Закладомъ войны была Ливонія; конечной цѣлью ея загнать въ глубь Азіи страшнаго врага Польши ²).

Счастіе съ самаго начала склонилось къ Баторію. Искуснымъ и неожиданнымъ движеніемъ онъ напалъ на Бълоруссію, пока Иванъ направлялъ главныя свои силы на Пековъ и Повгородъ, чтобы приблизиться къ Ливоніи. 29 Августа грозныя укръпленія Полоцка уже добыча огня; на другой день сдълано послъднее и бъщенное нападеніе. Баторій, стоя на колънихъ у своего шатра, воздымаетъ руки къ небу и даетъ объть построить Гезуитскую коллегію, если овладъетъ

¹⁾ Rome et Moscou, Pierling, p. 156, no 13.

⁵) Wierzbowski, Vinc. Laureo p. 694; ero же Uchansciana czyli zbior dokumentow-Варшава 1884—92, t. III, p. 301. — Polkowski, sprawy króla Stefana Batorego, Краковъ 1887. p. 162, n. 114.

городомъ. Послъ нъсколькихъ часовъ ожесточеннаго боя Полоцкъ сдается побъдителю. 11 Сентября Соколъ, зажженный, разграбленный, является сценой ужасающей бойни; самые старые солдаты не запомнятъ ничего подобнаго. Другія Московскія кръпости, менъе важныя, подвергаются той же участи; сосъднія области опустошены безжалостно.

И воть Баторій быль какъ разь вь опьяненіи поб'ядь, когда нунцій Калигари, получивъ депеши изъ Рима, 8 Сентября вступилъ съ нимъ въ бесъду. Приступая къ Московскому вопросу, онъ говорилъ вообще о союзъ и предлагалъ, если войско замедлитъ въ походъ, прибыть въ Полоцкъ *). При королъ находился Янъ Замойскій, котораго соотечественники прозвали великимъ, канцлеръ королевства, бывшій студенть Падуанскаго университета, столь же сведущій въ Римскомъ правъ и въ древнихъ классикахъ, какъ въ искусствъ военномъ, краснорвчивый, смвлый, въ силу преданія врагь Москвы. Эти обстоятельства не объщали легкаго успъха. Съ другой стороны, ни Баторій, ни Замойскій, въ сущности не противились союзу; оба часто жаловались на Турокъ; подозрѣвалось, что наши сѣютъ раздоръ среди Поляковъ, слабость которыхъ составляла силу Отомановъ. Калигари не отчаевался заранъе. Онъ надъялся даже, въ концъ концевъ, что быть можеть состоится почетный миръ, подъ вліяніемъ папы. Король и канцлеръ отвъчали нунцію въ одинъ и тоть же день и въ одномъ и томъже смысль. Дело представлялось имъ слишкомъ важнымъ, чтобы обсуждать его въ шумъ лагеря; слъдовательно нущцю не зачъмъ безпокоиться прівздомъ. Замойскій извіддаль о близкомъ прідздів короля въ Вильну; а король особенно указываль на плохое состояние дорогь и на продолжительность пути. Еще прежде, въ теченіе года, нунцій не разъ получаль уклончивые отвъты, когда эти щекотливые вопросы появлялись подъ перомъ его. На этотъ разъ онъ могь надъяться на лучий успъхъ: переговоры завязывались серіозно, у Калигари было папское посланіе и въ немъ полномочіе вступиться для заключенія мира съ Москвою и для образованія союза. Въ шестнадцатомъ стольтій, при католическомъ дворв это было достаточнымъ оружіемъ въ рукахъ дипломата, если не для одольнія всёхъ препятствій, то по крайней мъръ для полученія категорическаго отвъта; но несчастіе преследовало Калигари.

^{*)} О дальнъйшихъ спошеніяхъ до 5 Япваря 1580 г. см. Theiner, Annales Ecclesiasticae, Римъ, 1856, т. III, 68—74, 661.—Тургеневъ Historica Russiae monumenta. СПБ. 1841. I, 274—289.—Heidenstein De bello moscoritico, Базель 1588, съ 38 стр.—Киша посольская Вел. Кикж. Литовскаго. Москва, 1843 г., въ развыхъ мъстахъ.—Ватиканскій Архивъ, Polonia, т. XVI, л. 283, 290, 307—386.

Блестяще закончивъ походъ 1579 года, Стефанъ поспѣшилъ вернуться въ свою страну въ виду предстоявшаго сейма. 5 Октября нунцій имѣлъ у него въ Вильнѣ первую аудіенцію. Наканунѣ онъ долго бесѣдовалъ съ Замойскимъ. Европейская война противъ Турокъ нравилась воинственному канцлеру, лишь бы было время приготовиться и лишь бы все дѣлалось втайнѣ. Относительно Москвы онъ былъ очень сдержанъ, не желая имѣть дѣло съ государемъ, который слишкомъ привыкъ нарушать клятву и котораго Польшѣ приходилось беречься.

Эти намеки указывали на исходъ королевской аудіенціи. Она длилась долго: у Баторія бывали минуты, когда річь его текла, какъ ръка. Онъ выказалъ себя, впрочемъ, столь же тонкимъ, сколько любезнымъ. Католическій государь, на лестное предложеніе руководить крестовымъ походомъ, онъ могъ отвъчать только благородной и сыновьей преданностью, будучи слишкомъ счастливъ возможностью отдать жизнь и государство на службу святому престолу и увидъть свое Венгерское отечество свергнувшимъ Отоманское иго. Но прежде чъмъ начать столь трудное предпріятіе, не следовало ли увериться, что успъхъ надежевъ? Развивая эту мысль въ депешъ своей отъ 5 Октября, Калигари, по желанію короля, не колеблется попросить Латинской записки, гдъ быль бы изложень плань наступательной на Турокь войны, съ перечисленіемъ государей, которые примуть въ ней участіе, состава ихъ войскъ, числа галеръ и перевозочныхъ судовъ для солдатъ, снарядовъ и провизіи; кром'в того, надо привести условія союза, указать меры противъ непостоянства и фуріи (la furia) Французовъ, способныхъ все перепутать, средства умирить войну Нидерландскую, которая могла бы остановить Испанскаго короля; наконецъ, надо опредълить размъръ денежнаго пособія, число дошадей и солдать, требуемое отъ Польши. Баторій оставляль за собой право сділать замічанія, предложить совъты, внушенные военной опытностью, а затъмъ сеймъ дасть окончательный отвъть.

Баторій не отказываль въ содъйствіи своемъ и для посылки въ Москву, не скрывая въ тоже время желанія, чтобы отправленіе посланца отложено было до окончанія сейма: со дня на день ожидали или возвращенія гонца Лопацинскаго, или прибытія Русскаго посла. Въ теченіи аудіенціи Полоцкій побъдитель пророниль нъсколько угрожающихъ словъ о своемъ соперникъ. До нападенія на Турокъ онъ надъялся справиться съ Москалями, ибо, по его словамъ, силъ у Ивана меньше, чъмъ думали; возмущеніе можетъ легко вспыхнуть въ въ его столицъ; лучшихъ Русскихъ полководцевъ нътъ, а изъ трехъ сколько нибудь славныхъ, оставщихся въ живыхъ, у одного нътъ

опыта, у другаго-върности, у третьяго-военнаго счастья. Возвращаясь затемъ къ вопросу о союзъ, Баторій распространился о способъ биться съ Турками, у которыхъ следуеть утомлять коней переходами и возвращеніями прежде сраженія; о военныхъ хитростяхъ Татаръ, которые притворно бъгутъ, возвращаются и нападаютъ, бросая тучи стрълъ. Взятіе Константинополя не казалось труднымъ предпріимчивому воину, лишь бы осадить городъ заразъ съ суши и съ моря; опъ глубоко жальль, что союзники Пія V не продолжили похода посль Лепанта: двухъ лътъ было бы довольно для уничтоженія навсегда могущества Ислама. Таковы были меженя и виды Баторія въ 1579 году. Нунцій не преминуль занести ихъ въ свою депешу, а два дня спустя умоляль кардинала Комскаго не открывать ничего его предшественнику: на Лаурео плохо смотрели въ Варшаве; онъ похвалился, что написаль современную исторію Польши, къ большому неудовольствію Замойскаго, который громко жаловадся на это; сношенія прежняго нунція съ врагами короля возбуждали подозрініе; малійшая нескромность могла быть роковою; у Турокъ были въстовщики въ Польшъ.

Но эти мелочныя предосторожности не помогали Калигари. Отвътъ ему опять оттягивался: оттягивался по отвошенію въ Отоманской войнъ, ибо записка, которой спрашивалъ король, не могла быть доставлена такъ скоро и условій союза нельзя было составить въ короткое время; оттягивался особенно по отношению къ Московской посылкъ, которую побъдоносный, но безденежный полководецъ не безъ основанія откладываль до сейма. Въ самомъ діль, только представители націи им'яли право голосовать налоги, а деньги всегда были нервомъ войны. Созванныя въ Варшавъ 23 Поября шумныя комиціи свободной Польши были столь же бурны какъ обыкновенно, но привели къ болъе существеннымъ послъдствіямъ. Волей - неволей гордые магиалы преклонялись передъ военной славой Баторія; Замойскій, царь ръчи, дъйствоваль на мелкое дворянство; соединивъ усилія, король и канцлеръ привлекли голоса сейма. Духъ воинственпости, заснувшій при Сигизмундь ІІ-мъ, просыпался у Поляковъ; завоеваніе Ливоніи, можеть быть и Москвы, соблазняло и самыхъ робкихъ, и смълые замыслы распространялись. Замойскій предвидълъ, что покоренныя племена можно будеть облагать податью сколько угодно, а побъдители не будуть болъе платить тяжкихъ даней; со всъмъ въсомъ своего высокаго положенія и своихъ талантовъ, онъ заклиналъ соотчичей не упускать единственнаго случая въ выгодъ и славъ. Сеймъ. убъжденный, разрышиль денежный сборь. Баторій прибавиль сюда нькоторую сумму изъ собственной скромной казны. Его брать Христофоръ послаль ему, за неимвніємь денегь, Венгерскихь піхотинцевь. Находясь, такимь образомь, по исходів сейма, въ условіяхь боліве выгодныхь, окажется ли Польскій король меніве доступнымь для мирныхь внушеній святаго престола?

Върный своей программъ, Римъ пока не спъшилъ осуществленіемъ сл. Какъ увидимъ далье, не имълось яснаго и точнаго представленія о происхожденіи войны между Гусскими и Поляками, о важности причинъ сл, о силъ столкнувшихся правъ: вопросы весьма сложные и которые Калигари ръшалъ однимъ словомъ, когда не повторядъ Польскихъ отзывовъ. Въ побъдахъ Баторія, воздвигавшаго церкви, основывающаго коллегіи, Григорій XIII видель лишь торжество веры и успъхъ религіи; онъ съ отеческой сердечностью поздравляль короля и въ исходъ 1579 г. назначалъ ему шанку и мечъ, которые, освященные, по обычаю, въ ночь на Рождество, поочереди посылались наиболье заслужившимъ государямъ. Воинственныя поощренія въ мысли первосвященника согласовались съ желаніемъ мира; нъсколько ръшительныхъ побъдъ привели бы къ мирнымъ переговорамъ, ускорили бы ходъ ихъ, приготовили бы почву для союза. Калигари дъйствоваль на мъсть въ томъ же духъ, умъряя энтузіазмъ благоразуміемъ. Онъ увъщеваль епископовъ молиться за успъхъ Польскаго оружія, сложиль самь особую формулу молитвы, изливался въ поздравленіяхъ передъ новымъ Рекаредомъ *), но при первомъ случав велъ снова свой мирный прицивъ, не смущаясь ни отъ обсуждения на сеймъ проектовъ войны, ни отъ теченія общественнаго мижнія.

Подобный случай представился на аудісниін, о которой денеша оть 1 Января 1580 г. даеть подробный отчеть. Рачь Баторія вовсе не прежняя: съ 5 Октября разница поразительна. Дело въ томъ, что король уже не сомнъвается въ поддержкъ сейма. На намени о войнъ противъ Турокъ онъ холодно отвъчаетъ, что препятствія представляются неодолимыми: Персы признаются въ своемъ истощени, король Испанскій думаеть только о Нидерландахъ; Польша рисковала бы оказаться одинокой. Таже сдержанность по отпошению къ Москвъ: вмъсто соблюденія оффиціального пути, нунцію предлагается вступить въ сношенія съ Өеодоромъ Шереметевымъ, однимъ изъ наиболъе видиыхъ илъчниковъ Московскихъ. Но Москва не допускала уступокъ въ вопросахъ формы, и всякій зналь въ Польшів, что переговоры, на которые нівть полномочія отъ царя, не будуть признаны въ Кремль. Главная мысль Баторія легко уловима; формальное признаніе слетаеть съ усть его: нътъ добраго мира съ Иваномъ, говорить онъ нущцію, иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Конечно, эти пріемы не вполив совпадали съ

^{*)} Рекаредъ-славный король Визиготовъ въ Испаніи, въ исхода VI вака. П. Б.

видами Рима; все же нунцій счель пужнымъ крайнее снисхожденіе и не сділаль возраженія. Его конечной цілью было заставить Ивана просить посредничества св. престола, и никто не предвиділь еще, къ чему должны были привести случайности войны. Баторій со своей стороны, візроятно, быль благодарень нунцію, что тоть предоставляль діла ихъ теченію и не пастанваль слишкомъ на крестовомъ походії противь Отомановь. Пока не слідовало пренебрегать расположеніемъ Турокъ: оно позволило бы двинуть Татарь на Москву. Польскій посоль вель это діло въ Константинополів, но король не пророниль о томъ ни слова и ограничивался неопреділенными увіреніями *).

Калигари, назначенный между темъ епископомъ Бертинорскимъ, предвидя скорый конецъ своей нунціатуры, только и желаль блестящаго завершенія ея, какъ происшествія частнаго и личнаго значеція парализовали его действія и запутали дело. Очень немного дней было достаточно для супруга Игелловны Анны, чтобы убъдиться (ссли онъ когда либо сомиввался въ томъ), что супружеская жизнь съ престарълой инфантой не была идеаломъ счастья. У него не было техъ слабостей, которыя роцяли ими его предшественника; дворъ и домъ новаго короля, папротивъ, представляли почти суровый видъ; безупречный въ частной жизни, Баторій не терпъль вокругь себи никикого распутства. Одна страсть владела имъ-охота. Въ вековыхъ лесахъ Гродненскихъ, онъ, по своей могучей природъ, чувствовалъ себи свободно, когда со сворами Англійскими, Тосканскими, Венгерскими; гналъ по следу вепри или когу. Среди домашнихъ передрягъ Баторій отдавался охоть и войнь, и ему немногаго стоило жертвовать своимъ домашнимъ очагомъ. Опъ любилъ литературу и науки, имъдъ глубокія религіозныя убъжденія; онъ былъ окруженъ друзьями, раздълявшими его взгляды и питавшими теже воинственные замыслы.

Но если любовь не имъла власти надъ нимъ, то тъмъ болъе являлось чаръ въ честолюбивыхъ мечтахъ: мысль о династіи повидимому сильно занимала вънчаннаго солдата. Голосомъ свободнаго народа поставленный во главъ выборнаго королевства, онъ все же надъялся, что обаяніе его военной славы дало бы его потомству нъкоторое право на Польскій престолъ. Княжна Анна породнила его съ блестящимъ домомъ, но ел преклонный возрастъ отнималъ всякую надежду на наслъдство. Зловъщее слово «разводъ» послышалось въ королевскомъ кругу. Можно было собрать мъстный соборъ, вызвать недоброй памяти воспоминанія двухъ послъднихъ междуцарствій, живо представить опас-

^{*)} Ватик. Архивъ, *Polenia* t. XVII, Cifra di Caligari, 1 Январь 1580 г. – Polkowski, 160, no 113.

ности третьяго междуцарствія, и самые горячіе сторонники Ягелловны, можетъ быть, пожертвовали бы ею для блага отечества. Нунцій изъ первыхъ перехватиль тайну, скрывавшуюся въ твин. Отнынъ властный долгъ лежалъ на представителъ святаго престола ловко разрушить планы, посягавшіе на связь священную, и въ случав нужды объявить прямо, что Римъ никогда не допустить соблазна. Эта твердость смущала слишкомъ усердныхъ царедворцевъ и крайнихъ патріотовъ. Затрудненія возникали со всехъ сторонъ; нунцій упрекаеть самого короля, который слишкомъ желаеть завъщать Полякамъ наследника своей крови, упрекаеть особенно Замойскаго, играющаго печальную роль въ этой дипломатической перепискъ. Три мъсяца тому назадъ, канцлеръ, образцовый супругъ, «возрасталъ ежедневно въ добродътели и благочестін»; отнынъ онъ будеть лишь политикомъ честолюбивымъ, робкимъ, корыстнымъ, отвътственнымъ за всъ бъдствія, какія будуть вызваны его гибельными совътами; наконець Калигари сознается - ужасное признаніе подъ перомъ дипломата, - что онъ въ немилости при Польскомъ дворъ за то, что проникъ тайну королевскаго развода и отказаль въ содъйствіи ').

Ничто не заставляеть думать, чтобъ эти обстоятельства имвли прямов вдіяніе на Московское діло: Багорій не хотіль панской туда миссіи, потому что, совствит и не мечтая о мирт, ртшился продолжать войну, пока у него доставало денегь и войска. Но личныя отношенія нундія могли вести лишь къ проволочкамъ и остановкамъ. Правда, проекть развода быль отвергнуть сеймомъ и такъ рышительно оставленъ, что болъе нътъ и слъдовъ его; но широкое разръшение налоговъ и общія стремленія къ завоеванію дозволяли принять міры болъе дъятельныя, и не было уже нужды стъсняться съ Калигари, вчерашнимъ неколебимымъ противникомъ. Такъ объщанное ему свиданіе съ Шереметевымъ не состоялось, и Московскій пленникъ увхаль изъ Варшавы безъ папскаго порученія. Говорили, что онъ очень упоренъ въ своихъ редигіозныхъ предубъжденіяхъ, и его посредство, можеть быть, не привело бы къ добрымъ следствіямъ. Въ тоже время преданные друзья внушали нунцію, что его усилія примирить двухъ соперниковъ, решающихъ споръ оружіемъ, не понравится при дворе и что лучше пока оставить ихъ. Пятнадцать дней спустя, 18 Февраля 1580 г. Калигари формально объявляеть кардиналу Комскому, что онъ вынужденъ отказаться отъ этого дъла, потому что сношенія съ Москвой подозрительны королю и канцлеру, и что впредъ онъ удовольствуется темъ, что будеть наблюдать и выжидать удобнаго случая 1).

^{&#}x27;) Ватиканскій Архивъ, Polonia, т. XVII, л. 41, 43, 51.—Theiner, Annales т. III, стр. 661, no 5.

²⁾ Ватик. врхивъ, Polonia т. XVII, л. 70; см. также л. 52, 215, 239, 457.—Heidenstein, De bello Mosc., 57.

Онъ сдержалъ слово, а Баторію все еще приходилось бороться съ денежными затрудненіями, не смотря на щедрость сейма. Долгіє зимніе походы ужасали и самыхъ храбрыхъ; тѣми, кто вблизи слѣдилъ за ходомъ войны, открывались порою зловѣщіе признаки. Въ теченіе Мая пессимисты боялись «постыднаго мира съ Москвою»; Калигари ждалъ наказанія тому, кто столь часто отклонялъ посредство папы и останавливалъ отправленіе грамоты къ Ивану. И онъ спѣшитъ писать, прося дать знать королю, что съ почина св. престола примиреніе состоялось бы съ большимъ достоинствомъ и даже съ большей выгодой, вслѣдствіе расположенія, которое было бы оказано Польшѣ, но что прежде всего надо смирить гнѣвъ небесный и возложить на Бога всю надежду.

Спустя три мѣсяца, повидимому, открывается новый исходъ. Неожиданныя обстоятельства сближаютъ Швецію и Польшу; идетъ рѣчь о соединеніи на общаго врага, Ивана. Посвященный въ эти дипломатическія тайны, Калигари предполагаетъ дѣятельно работать для успѣха предположеннаго союза и прибавляетъ небрежно, какъ бы для очищенія совѣсти, что по исходѣ кампаніи сдѣлана будетъ попытка: если кородь Шведскій окажется уступчивѣе Баторія, то грамота папская будетъ послана въ Москву черезъ Стокгольмъ.

Событія шли быстрве, чвит намітренія нунція. Пока не было дано ходу его различным планамъ. Благовидными предлогами отстранялось папское посредничество; величественный планъ Григорія XIII оказывался такимъ образомъ неудавшимся, перерваннымъ, по крайней мітрів, отсроченнымъ. Предполагаемый вождь крестоваго похода завязывалъ новую войну противъ христіанскаго государя; соединеніе всітхъ противниковъ Ислама подъ однимъ знаменемъ становилось невозможнымъ. Если должно по справедливости цітить великодушныя намітренія папы, то не слітдуєть упрекать и Баторія въ томъ, что онъ не отозвался на нихъ усердніте. Предубітвденный противъ Московитянъ, вітря въ свою звітду, побітдоносный доселіть, ревнуя объ исполненій своихъ обітовъ, оскорбленный въ своей чести, встрітая отъ царя обращеніе какъ ктособіт, а не къ брату, онъ не спітить пожертвовать тіти преимуществами, какія добыль мечемъ.

Влизкое будущее оправдаеть предположенія Ваторія и въ тоже время откроеть пап'в широкое поле д'вятельности. Еще н'всколько м'всяцевъ, и уже не Григорій XIII предложить католическому государю сложить оружіе: православный царь сам'ь пошлеть гонца постучаться въ двери Ватикана и попросить Римскаго посредничества для заключенія мира съ Баторіемъ.

дополненія къ «перепискъ графа н. п. шереметева

Въ Русскомъ Архивъ» 1896 года помъщена часть переписки графа 11. 11. Переметева, сохранившаяся въ архивъ его старшаго внука. Переписка эта подна живыми чертами времени и наглядно изображаеть самого графа Николая Петровича, оклеветаннаго по невъдънио покойнымъ академикомъ А. В. Никитенкою, и только нынъ являющагося передъ читателями въ достолюбезномъ и привдекательномъ видъ, съ его благочестіемъ безъ ханжества, съ многостороннимъ западнымъ образованіемъ при полной върности святымъ завътамъ древней Руси, съ его щедрой и разумной благотворительностью безъ огласки и шумихи, съ преданностью государямъ безъ искательства, съ постоянною заботою о благосостояни своихъ крестьянъ, домочадцевъ, друзей и родственниковъ, съ этимъ удивительнымъ «завъщательнымъ письмомъ къ младенцу - сыну и, наконецъ, съ Московскимъ Страннопріимнымъ Домомъ, откуда проистекло въ теченіе уже почти цълаго въка и донынъ проистекаетъ столько помощи и разнообразнаго добра бъдному и страдающему люду. Грабъ Н. П. Шереметевъ быль по преимуществу другомъ Музъ и тихаго житія. Поэтому тяжело было ему въ тревожное Павловское царствование и особливо въ должности оберъ-гофмаршала. Любя въ Павлъ Петровичъ не только своего государя, но и человъка, онъ не могъ не сокрушаться, будучи ежедневнымъ свидътелемъ тогдашнихъ порядковъ. Вотъ двъ записочки, полученныя имъ отъ графа Петра Алексвевича Палена, который умълъ подъ конецъ Павловыхъ дней соединить въ рукахъ своихъ главивищия должности по управленію какъ столицею, такъ и государствомъ. П. В.

1.

Le comte de Pahlen, en présentant ses respects à son excellence monsieur le comte de Cheremetieff, a l'honneur de la prévenir que le soupé de ce soir ne pourra avoir lieu, puisque un des membres est occupé à vuider sa bouteille de vin de la Fite.

ce 10 Janvier 1800. Переводъ. Графъ Паленъ, свидътельствуя свое почтение его сіятельству графу Переметеву, имъетъ честь предупредить его, что ужинъ нынъшняго вечера не состоится, такъ какъ одинъ изъ членовъ занятъ опорожнениемъ своей бутылки Лафита. 10 Января 1800.

Къ чему относится эта записка, намъ мензвъстно. П. Б.

2.

Monsieur le comte.

Je m'empresse de vous marquer la recette de votre lettre, et de l'incluse dont elle était accompagnée. Je ne manquerai pas de vous en parler ce soir à la cour, avant d'en faire usage, et je vous prie à mon tour de vouloir bien croire aux sentiments de la considération la plus distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur le comte de Pahlen.

cc 26 Février 1801.

Переводт. Посившаю увъдомить ваше сіятельство о полученій и письма вашего, и приложенія, которое въ немъ заключалось. Не премину поговорить съ вами о томъ сегодня вечеромъ, при дворъ, прежде чъмъ имъ воспользоваться. Въ свой чередъ прошу васъ, благоволите върить чувствамъ отличнъйшаго уваженія, съ которымъ имъю честь быть, графъ, вашего сіятельства покорнъйшимъ и послушнъйшимъ слугою. Графъ Паленъ. 26 Февраля 1801 года.

На обложив этой записки, рукою домоваго писаря, означено: "Письмо отъ Фондерпалена о изивстномъ пакетъ, посланномъ къ нему отъ его сінтельства, о полученіи онаго". Для насъ содержаніс "извъстнаго пакета" остается тапиственнымъ. Пакетъ этотъ былъ предшественникомъ другаго пакета, который посланъ графомъ Н. П. Шереметевымъ графу П. А. Палену черезъ два дня при письмъ отъ 1 Марта 1801 года. Можемъ только догадываться, что кто-то хотълъ предупредить злосчастнаго Государя о грозившей ему опасности. (См. Р. Архивъ сего года, вып. 3-й, стр. 327). Пиже читатель увидитъ, что Государя отстраняли отъ личныхъ докладовъ графа Шереметева. Загадку, можетъ быть, разръщилъ бы покойный киязъ А. Б. Лобановъ-Ростовскій, занимавшійся много парствованіемъ и судьбою императора Павла. П. Б.

ПИСЬМО И.Б. ПЕСТЕЛЯ.

Сіятельнъйшій графъ, милостивый государь!

Съ давнихъ временъ пріобыкъ я пользоваться благорасположеніемъ фамиліи вашего сіятельства. Покойной родитель вашъ удостоивалъ меня отличнымъ своимъ благорасположеніемъ и ласкою, и ваше сіятельство всегда были ко мнѣ благосклонны; сверхъ того извъстно мнѣ изъ многихъ опытовъ, сколь большое находите удовольствіе дъдать добро. Все сіе ободряєть меня принести вашему сіятельству усердивійную просьбу, исполненіемъ коей нынв, а болве еще на будущее время, не токмо меня, но и все семейство мое одолжить изволите.

И имбю трехъ малольтнихъ сыновей, о воспитании коихъ, чтобы сдълались они со временемъ полезные сыновья отечества, я имбю усердное стараніе. Но не менте усердно желаю я пріуготовить имъ родъ службы выгодной, посвящая ихъ особенно военной. Ежедневные вижу а примъры, что моложе моихъ дътей опредъляются въ Пажеской корпусъ. О равномъ благотвореніи и для моихъ трехъ сыновей усерднівіше прошу я ваше сіятельство, съ оставленіемъ ихъ при мить до окончанія наукъ. Я приму сіе одолженіе съ чувствительною признательностію, ибо ваше сіятельство ттить сдълаете себя основателемъ будущаго удовольствія по службъ дътей моихъ. Въ надеждъ, что вы, милостивый государь, не откажетесь сдълать мить сіе благодъяніе, прилагаю у сего записку, содержащую въ себть мое прошеніе для докладу по опой, имби честь пребыть съ совершеннымъ высокопочтеніемъ, сіятельнъйшій графъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорпъйшій слуга Иванъ Пестель.

Москвв, 11 Маня 1803.

Тайной совътникъ, сенаторъ и кавалеръ Пестель, не взирая на состояніе свое, долгами обремененное, употребляеть немалые расходы на воспитаніе трехъ малолътнихъ сыновей своихъ: старшій Павелъ*) имъеть отъ роду одиннадцатой, второй Борисъ десятой, а третій Владимиръ девятой годъ. Посвящая ихъ военной служов, желаеть пріуготовить имъ заблаговременно выгодное вступлсніе въ опую и, види ежедневно, что многіе малолътные сею выгодою наслаждаются опредъленіемъ въ число пажей Двора Его Императорскаго Величества, покорнъйше просить о доставленіи равной выгоды и его сыновамъ. Сія милость усугубитъ его стараніе о воспитаніи и обученіи дътей своихъ, изъ коихъ онъ усерднъйшее имъеть стараніе сдълать полезьнахъ сыновей отечества. Иванъ Пестель.

Ко второй половинъ 1797 года положение графа Н. П. Шереметева при императоръ Павлъ поколебалось, и онъ сталъ серьезно помышлять объ уходъ изъ званія оберъ-гофмаршала. Къ тому же и здоровье его разстроилось, и онъ не выходилъ изъ дому.

^{*)} Будущій декабристь, вазненный 13 Іюли 1826 года. Въ Пажескомъ корпусь онь быль товарищень покойнаго графа В. Ө. Адлерберга. Графъ Н. П. Шереметень завъдываль Пажескимъ ворпусомъ. О Пестель-отцъ см. "Русскій Архивъ" 1875, кн. 1-н. П. В.

7-го Сентября 1797 г. графъ Шереметевъ написалъ Государю слъдующее письмо, сохранившееся въ черновомъ подлинникъ:

«Всемилостивъйшій Государь!

Предъидущій день рожденія Вашего Величества *), толико благословенный для Россіи, для меня же особенно вожделенный, обязываетъ принести самолично всеподданивищее мое поздравление Вашему Величеству и упасть къ священнымъ стопамъ вашимъ въ изъявление безконечной моей благодарности за новое подтверждение въ высочайшемъ указв, мною на сихъ дняхъ полученномъ, монаршаго благоволенія вашего и всемилостивъйшаго вниманія на службу мою, о которомъ не смълъ я донынъ себя удостовърить; но жестокость бользни моей воспрещаеть меня отъ того долгу. Примите, всемилостивъйшій государь, съ обыкновенною вашею благостію таковой долгъ, въ сихъ строкахъ приносимый отъ върноподданнаго, чистымъ сердцемъ къ особъ вашей приверженнаго. Сколь же скоро получу я мальйшую свободу отъ болъзни, поспъшу прибыть къ моей должности и потщусь доказать самыми опытами, что я не жалью ни силь моихъ, ни самой жизни принести въ жертву Государю, меня столь много облагодетельствовавшему. Вашего Императорскаго Величества вфрный подданный графъ Николай Шереметевъ».

Въ тоже время графъ Шереметевъ рѣшился высказать тревожившія его чувства другу своей молодости, князю Александру Борисовичу Куракину, къ которому и обращена была слѣдующая памятная записка. Въ ней высказываетъ онъ всѣ свои недоумѣнія и огорченія.

«Милостивый государь мой князь Александръ Борисовичъ!

По многимъ опытамъ дружескаго ко мнѣ расположенія вашего сіятельства не могу я, наконець, не признаться вамъ въ томъ, что скрываль столь долго и чего никому не захотѣль бы открыть на счеть отправляемой мною службы. Она имѣетъ два способа, изъ коихъ первымъ обыкновенно почти руководствуются, чтобы являть себя въ глазахъ Государя расторопнымъ, мѣшаться при бываемыхъ празднествахъ и столахъ, угождать царедворцамъ и успѣвать при всѣхъ наружностяхъ. Сей образъ управленія есть самый блестящій и, ежели смѣю сказать, самый надежнѣйшій удержать себя на своемъ мѣстѣ. Второй: чтобы не прилъпляться къ однимъ наружностямъ, но быть чаще упражнену въ самыя мелкія подробности, отъ которыхъ всѣ

^{*) 20} Сентября было днемъ рожденія ямператора Павла. Слово "предъидущій" употреблено здісь вмісто нынівшняго "наступающій".

I II. 34

должности получаютъ желаемое благоустройство, дворъ свое благолъпіе, а казна свои выгоды.

Я всегда гнушался первымъ способомъ, бывъ воспитанъ правилами моихъ предковъ, искавшихъ истинной пользы своимъ монархамъ, и потому лучше хочу лишиться всёхъ милостей моего Государя, нежели быть вёроломнымъ подданнымъ, буде бы имълъ и самое надежное средство сокрыть отъ глазъ человъческихъ таковые душевредные поступки, дабы не сдълаться жертвою собственной своей совъсти.

Но послъдній способъ быль и будеть для меня самопріятнъйшій, къ которому всъ честные люди привязаны; однакожь имъеть онъ въ себъ такія затрудненія, коихъ, кажется, никогда не буду я въ силахъ преодольть.

Мнъ совершенно затворены двери въ кабинетъ Его Величества. Я принужденъ бываю, даже при самыхъ важныхъ и скорыхъ случаяхъ, подавать мои доклады черезъ другія руки, а симъ образомъ теряю время во исполненіи воли государской. Мнъ становится гораздо неизвъстнъе образъ мыслей Его Величества, нежели оно было при началь моего вступленія въ должность.

Можеть быть, лишился я сей милости по нъкоторымъ случившимся ошибкамъ; но они должны быть для новаго и незнающаго дворскихъ обстоятельствъ человъка весьма извинительны, тъмъ паче, что, при тогдащней перемънъ и при множествъ важнъйшихъ дълъ, время было весьма коротко, и я не успъвалъ докладывать такъ, какъ бы хотълъ.

Вамъ извъстно, что и въ приватномъ быту связь необходима. Посудите-жъ, сколько она должна быть нужна между государя и оберъ-гофмаршала. Я никогда бы не отважился безпокоить Его Величество о всъхъ мелочахъ моими докладами, но довольствовался бы представлять въ кабинетъ одни важные и непремънно требующіе высочайшей резолюціи. Впрочемъ же всякое слово, сказанное въ публикъ и мимоходомъ, послужитъ къ моему наставленію, просвътить меня въ моемъ невъдъніи, дастъ мнъ понятіе о тъхъ вещахъ, кои благоугодны Государю, и приведетъ въ желаемое дъйствіе всъ должности отъ меня зависящія, кои имъютъ основательную причину роптать за мою неръшимость на ихъ представленія.

Вотъ, милостивый государь мой, тѣ причипы, которыя убѣждали меня удалиться отъ моей должности и кои повидимому снова останутся безъ всякой перемѣны, и я никакъ не уповаю выдти съ честью изъ моего званія.

Извините пространство письма сего, ибо я въ немъ отважился повърить дружбъ вашей мои истинныя чувствы, въ нъкоторое облегчение бремени, меня отягощающаго.

Пребывающій съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь мой, и пр. Гр. Н. Шереметевъ.

Сентября дня 1797 года.

Къ этому же времени относится савдующая записка графа Н. П. Шереметева.

A l'avènement au trône ayant été chargé de la grande tâche de réformer sa cour et ses objets, j'avais tous les jours les occasions les plus naturelles et par conséquant les plus commodes de m'informer des volontés de l'Empereur. Aussi, à l'aide de Dieu et des ordres immédiats que je recevai de mon Maître, suis-je parvenu heureusement au but qu'il s'était proposé. La présentation de la liste deux fois par jour, pour y noter ceux qui devaient être admis au dîner et au souper de Sa Majesté, m'avait été surtout à cet égard d'un grand secours. Ce n'est certainement point l'esprit de vanité, ni d'ambition qui me fait regretter cet avantage. Ces défauts n'ont jamais eu accès dans mon coeur; mais je ne puis dissimuler combien la liberté d'approcher quelque près mon Maître me devient indispensable pour ses intérêts et pour les miens. Elle faciliterait mon travail, m'environnerait de la considération nécessaire, assurerait la subordination et arrêterait cette foule des prétentions arbitraires qui s'établissent sur les renversements de l'ordre, toujours au dépens de l'Empereur.

Les deux exemples suivants donnent une idée suffisante des incidents qui viennent continuellement traverser ou enchaîner mes actions.

Sa Majesté Impériale avait ordonné des réparations et des ameublements à neuf dans presque tous les châteaux de ville et de campagne. La somme y destinée n'avait pas suffi. Mon embarras augmentant avec mes besoins, je crus devoir trancher toutes les difficultés en suppléant au vide de la caisse par mon propre crédit auprès des marchands, et si je ne m'y étais pas décidé, je doute que la cour eût pu résider dans plusieurs de ces châteaux, et j'aurais été compromis infailliblement d'une manière fort douloureuse pour moi.

D'un autre côté, Sa Majesté Impériale avait bien voulu laisser à ma disposition une somme de réserve d'épargne. Il était question de transformer les mauvais plateaux de cuivre en beaux plateaux d'argent, tels que Sa Majesté Impériale désirait les avoir depuis longtems, et de remettre en état les services dorés tant pour Sa Majesté Impériale que pour Leurs Altesses Impériales, les jeunes grandes-duchesses, dont la vaisselle surtout est en général si détériorée. Mais à peine ai-je eu le tems d'y songer que la somme en question me fut enlevée et donnée au département des écuries.

Ceci me mène d'observer que d'une part il y a beaucoup de dépenses superflues, tandis que de l'autre on manque du nécessaire.

Par exemple, le Comptoir n'a pas une somme assez suffisante pour son entretien, faute de surveillance et de garde nécessaire; la malpropreté et l'indécence y règnent de tous côtés. Il est sans cesse assiégé d'une foule de personnes de toute condition, qui viennent se confondre dans les chambres, à maudir à hauts cris, se pousser, se presser, se disputer et pénêtrer sans respect jusque dans la salle du Conseil, de sorte qu'un homme qui veut traiter les affaires avec tranquillité et précaution évite un lieu aussi tumultueux. Il m'est arrivé souvent d'en sortir excédé du bruit que l'on y faisait sans avoir pu commencer la besogne pour laquelle je m'y étais rendu. D'ailleurs, par sa position le Comptoir a un inconvenient presque insurmontable: c'est qu'il est placé, pour ainsi dire, au ciel, tandis que ses dépots se tronvent aux antipodes. Avec la meilleure volonté on ne saurait franchir cette énorme distance aussi souvent que l'on voudrait.

Une autre circonstance que je ne puis celer, parce qu' il en pourrait résulter pour le chef des suites désagréables, c'est que les secrétaires du Comptoir dépendent directement de l'Empereur. Cette disposition assujettirait infailliblement un supérieur discret et patient aux caprices de ses subalternes

Je suis en outre dans le cas d'éprouver à chaque instant la plus désagréable alternative: il faut me décider ou à mécontenter les demandeurs, ou à m'endosser toute responsabilité; car tous ceux qui pensent avoir quelque droit de prétendre exigent sans aucune mesure. Je crois même remarquer cette exigence de la part de mes subordonnés, qui ne demandent pas mieux que d'obtenir, mais qui laissent néanmoins sur mon compte tous les évènements. Cette situation incertaine me rend indispensable des instructions. Le chef en fait mention; je le désire depuis longtems. J'ai même hasardé d'en dresser un projet; mais comment le faire approuver? Il fant lire ce que je désirerais aussi beaucoup, mais les moments de l'Empereur sont si précieux. Je suis dans l'impossibilité de connaître et de saisir un instant favorable; cependant ces délais me gènent infiniment. J'ai donc imaginé d'en faire un extrait, et ce me serait un grand bonheur si l'Empereur daignait au moins y jeter un coup d'oeil, et en supposant qu'il voulût agréer la substance de ces instructions les signer pour me servir de boussole.

Il serait également à souhaiter pour moi et pour l'utilité réelle de service qu'il me fût permis quelquefois ou du moins dans les cas urgents de faire personnellement mes représentations, avantage, dont je me garderai bien d'abuser, et si l'Empereur daignait m' honorer à cet égard de sa confiance, je demanderai en grâce qu'elle me fût communiquée par écrit, mais que cela ne parvient à la connaissance de personne, après que je fusse positivement autorisé de ne pas consentir à des dépenses qui passeraient, comme elles passent fort souvent, les bornes prescrites.

Si j'ai tardé jusqu'à présent à faire part de mes réflexions, ce n'est ni faute d'application, ni faute d'envie; mais j'ai voulu avant tout me bien pénêtrer de la matière, et aulieu de perdre mon tems en une vaine théorie, je me suis attaché par la pratique à découvrir le mal pour y appliquer le remède à propos. Je dirai sans vanité l'avoir trouvé. Mais les fréquents voyages et l'interdiction de tout rapport direct avec mon Maître ont réprimé jusqu'à présent les élans de mon zèle.

Je proteste que l'honneur de ma charge m'est précieux, que je n'ambitionne que la gloire de m'y conserver en remplissant dignement les obligations qu'elle m'impose. Mais, en exécutant les ordres du Monarque, je souhaiterais être un membre actif dans la réalité, et non pas un instrument purement passif. Ce n'est certainement pas le travail que je crains. Au contraire, je regarderai comme une disgrace si Sa Majesté Impériale croyait me faire plaisir, en me retranchant la moindre partie des occupations de ma charge. Le bien de son service, le plus grand intérêt de sa couronne, le maintien de l'ordre et de la décence sont la fin où tendent tous mes soins, trop heureux si je pouvais réussir et le convaincre de mon dévouement, de ma vive reconnaissance et du désir que j'ai de mériter son approbation.

Переводъ. По вступлени на престолъ, на меня была возложена большая задача переустроить его дворъ и его пожитки, что весьма естественно и следовательно весьма удобно данало мне возможность ежедневно осведомляться о желаніяхъ Императора. Съ Божіей помощью и въ силу испосредственныхъ приказаній моего Государи, посчастливилось мив достигнуть цели, имъ назначенной. Въ особенности мнъ было очень полезно въ этомъ отпошеній представлять по два раза въ день записку для отмътки лицъ, приглашаемыхъ къ объду или къ ужину Его Величества. Я сожалью, что этого лишенъ, конечно не изъ суетности или честолюбін. Эти пороки всегда были мит чужды; но не могу скрыть, что возможность хоть сколько нибудь им'ять доступъ въ моему Государю мий необходима въ видахъ пользы какъ его, такъ и моей. Она облегчила бы мои труды, возвысила бы мое значеніе, обезпечила бы повиновение и отстрацила бы многочисленныя произвольныя притязанія, которыя возникають, благодаря нарушенію порядка, всегда во вредъ Императору.-Воть два примъра, достаточно показывающіе, какъ постоянно бываю и затрудненъ и стесненъ въ моихъ действияхъ. Его Императорскимъ Величествомъ приказано починить и заново убрать почти всъ

городскіе и загородные дворцы. Назначенныя для того деньги всв вышли. Вивств съ недостачею усиливалось мое затрудненіе, и я счель долгомъ воспользоваться довъріемъ, которое поставщики имъли ко мнъ лично. Безъ этого, и сомивваюсь, чтобы дворъ могъ жить во многихъ изъ этихъ двордовъ, а на мою долю неминуемо достались бы весьма для меня горестныя нареканія, Въ другой разъ Его Императорскому Величеству благоугодно было отдать въ мое распоряжение деньги, оставшияся отъ сбережений. Пришлось передълать плохін медныя блюда на хорошія серебряныя, каких в Его Императорскому Величеству издавна хотелось, и починить золоченые приборы какъ для Его Императорскаго Величества, такъ и для Ихъ Императорскихъ Высочествъ молодыхъ великихъ княженъ, у которыхъ въ особенности вся посуда перепорчена; но только что я удосужился этимъ заняться, какъ деньги были у меня отняты и определены въ конюшенное вёдомство. 1) По этому поводу я долженъ замътить, что по однимъ статьямъ слишкомъ много тратится, а по другимъ нужда въ необходимомъ. Напримъръ, Конторъ, по недостатку надвора и береждивости, нечемь содержать себя, и въ ней повсюду господствують нечистоплотность и неприличіе. Опа безпрестапно осаждена всякаго рода людъми, которые ивляются въ ея помъщеніи, громко бранятся, толкаются, перекоряются и нагло провикають въ залу Совъта, такъ что человъку, желающему запяться дълами спокойно и бережно, надо удаляться изъ столь шумнаго мъста. Не разъ случалось, что я, оглушэнный тамошнимъ крикомъ, уходилъ не начавъ даже дёла, для котораго туда пришель. Кромъ того Контора представляеть собою почти неодолимое затрудненіе. Она пом'єщена, такъ сказать, на небесахъ, тогда какъ склады ея въ самомъ низу: разстояние огромное, котораго, при всей добросовъстности, не одолжень такь часто, какъ бы желалъ.-Не могу скрыть и другаго обстоятельства, могущаго довести начальника до непрінтныхъ последствій: секретари Конторы подчинены пепосредственно самому Императору. Благодаря такому распораженію, скромный и терпъливый начальникъ неминуемо находится въ зависимости отъ производа своихъ подчиненныхъ.-Кром'в того, на каждомъ шагу бываю я поставленъ въ крайне непріятную пеобходимость либо огорчить просителей, либо очутиться одному въ отвёте; ибо всякій, воображающій себя въ правѣ требовать, требуеть неумѣренно. Тоже самое замъчаю я и въ моихъ подчиненныхъ: имъ все хочется что нибудь получить, сославшись всякій разъ на меня. По такому неопредъленному положенію, мнъ необходима инструкція 2). Хозяинъ упоминаетъ о ней; я желаю ее давно. Я осмълился даже написать ее; но какъ достигнуть, чтобы она была утверждена? Надо ее прочесть, чего бы и очень желаль; по минуты Императора драгопънны. Мнъ невозможно знать и уловить благопріятный случай, между тімь эти медочи стісняють меня чрезвычайно. Я

^{&#}x27;) Т. е. въ А. Л. Нарышкину, поздиве преемнику графа Шереметева въ должности оберъ-гофиаршала.

¹⁾ Она сохранилась. П. Б.

придумаль сдълать извлечение изъ инструкціи и буду счастливь, если Импсраторъ удостоитъ коть взглянуть на него и подписать, въ предположении, что сущность имъ одобрена. Тогда бы я зналь чего держаться. - Желательно также для меня и для прямой пользы службы, чтобы мет позволено было иногда, или по крайней мъръ въ настоятельныхъ случаяхъ, дълать личныя представленія. Конечно я не злоупотреблю этимъ преимуществомъ. Если Императоръ удостоить меня въ этомъ отношении своего довърія, я попрощу, какъ милости, чтобы оно было выражено письменно, и чтобы никто не зналъ о томъ. Тогда буду я уполномоченъ не соглашаться на издержки, коль скоро онъ будутъ выходить, какъ и выходять неръдко, изъ предписанныхъ границъ. --Доселъ я медлилъ представлять мои соображения, и это не вследствіе неуменія или не желанія, а оттого, что мит хотелось сначала ознакомиться хорошенько съ деломь и, не теряя времени въ пустыхъ предположеніяхъ, отыскать бользнь на мъсть, чтобы устранить ее пригоднымъ средствомъ. Безъ хвастовства скажу, что средство это мною найдено; но частыми путешествіями и воспрещеніємъ сноситься лично съ моимъ Государемъ до сихъ поръ полагались преграды моему усердію.-Утверждаю, что почетъ моей должности мив дорогь, что и считаю дли себи славою въ ней оставаться и достойнымъ образомъ исполнять соприженныя съ нею обязанности. Но, исполняя приказанія Монарха, желаль бы я быть двятельнымъ, а не страдательнымъ орудіемъ управленія. Я не боюсь труда: напротивъ, сочту немилостью, если Его Императорскому Величеству покажется, что онъ мив сдвлаеть пріятное, сложивъ съ меня какія либо, хоти бы и незначительныязанятія. Благо его службы, наибольшія выгоды его короны, поддержаніе порядка и приличія-воть къ чему направдены вей мои старація. Буду слипкомъ счастинвъ усивхомъ въ этомъ отношении и тъмъ, что онъ убъдится въ моей преданности, въ моей живой признательности и въ желаніи заслужить его одобреніе.

*

Лишеніе права личнаго доклада послѣ коронаціи и возвращенія изъ Москвы въ Петербургъ на столько уже являлось оскорбительнымъ, что графъ Шереметевъ не могъ долѣе держаться. Но императоръ Павелъ не отпустилъ его и возвратилъ ему свое благоволеніе. Въ слѣдующемъ 1798 году все вновь повторилось, и графъ Николай Петровичь очистилъ мѣсто, занять которое уже давно были охотники,

О НЪКОТОРЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ ПО ИСТОРІИ КАВКАЗА.

Читатели "Русскаго Архива" имъли уже возможность ознакомиться съ записками генерала Э. В. Бриммера (см. нашу замътку въ "Русск. Архивъ", 1894, № 9, 23 — 30), которыя печатаются въ "Кавказскомъ Сборникъ", издаваемомь при Военно-историческомъ отдълъ Кавказскаго окружнаго штаба, подъ редакцією И. С. Чернявскаго, подъ заглавіємъ "Служба артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ І кадетскомъ корпусь и выпущеннаго въ 1815 году". Интересъ первыхъ шести главъ, помъщенныхъ въ ХУ том'в означеннаго сборника, сосредоточивается, какъ мы видели, около дънтельности и личности А. П. Ермодова, Къ удовольствио, конечно, всехъ любителей отечественной исторіи, почтенная редакція "Кавказскаго Сборника" (этого, замътимъ кстати, неоцънимаго источника для исторіи Кавказа въ истекающемъ столътіи) неуклонно продолжаеть печатать слъдующія главы высокоинтереспыхъ Записокъ покойнаго генерада; въ том'ь XVI, вышедшемъ въ 1895 г., напечатаны главы VII-XIV (стр. 1-234), въ томъ XVII, появившемся въ свъть недавно, помъщены главы XV—XXI (стр. 1-174), въ которыхъ разсказъ доведенъ до Іюли 1854 года. Записки Э. В. Бриммера не теряють своего интереса и во вновь вышедшихъ частяхь; и эдъсь, на ряду съ воспоминанінми о восиных в дійствіях в, естественно занимающими видное мъсто въ мемуарахъ такого боеваго генерала, какимъ быль авторъ, мы астрачаем множество бытовых картинь изъ жизни войск въ военное и мирное время, замътки о странахъ и мъстахъ, посъщенныхъ авторомъ, разсказы о различныхъ выдающихся лицахъ, разсказы, дающіе обильный матеріаль для характеристики такихъ дъятелей, каковы Паскевичъ, Вельяминовъ и пр. Тонъ разсказа спокойный, безъ жедчи и самохвальства; въ этомъ отношении Записки Э. В. Бриммера пріягно отличаются отъ Записокъ Н. Н. Муравьева, также обильных в содержаніемъ, но авторъ которыхъ на многое и многихъ смотрълъ сквозь слишкомъ темное стекло. По своей службъ въкоторое время въ войскахъ внутри Россіи, Бриммеръ имълъ возможность ознакомиться не только съ жизнью Кавказскихъ войскъ, среди которыхъ протекла большан часть его службы, но и съ мирною службою войскь внутри Имперіи въ царствованіе Николая І; воспоминанія его въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны и дають богатый матеріаль для знакомства съ условіями военной службы и жизни войскъ въ Николаевское время. Чтобы имътъ возможность дучше опънить Записки Бриммера, сдълаемъ обзоръ ихъ содержанія въ порядкі его изложенія, начиная съ VII главы, такъ какъ о содержаніи первыхъ шести главъ уже было нами скавано въ вышеуказанной заміткі.

Продолжая воспоминанія о Персидской войнъ 1828 г., Бриммеръ начинаеть главу VII разсказомъ о взятіи Тавриза. Слова Н. Н. Муравьева объ отношеніи Паскевича къ этому событію находять подтвержденіе въ разсказъ Бриммера, который, впрочемъ, вообще относится къ графу Эриванскому очень сочувственно, а въ данномъ случай извиняеть его "высокой, примой душть" слабость человъческую. Вся VII глава посвящена событіямъ Персидской войны послъ взятія Тавриза, преимущественно описанію пребыванія нашихъ войскъ въ Персіи, переговоровъ съ Персидскимъ правительствомъ и т. п. Попутно авторъ даеть немало черть для характеристики Персидскаго правительства и населенія; интересенъ разсказъ о подарив Паскевичемъ шаху 5 т. червонцевъ. Главы VIII-IX описывають Турецкую кампанію 1828—1829 г., собственно ть военныя дъйствія, въ которыхъ участвоваль авторъ, какъ то взятіе Ахадцыха, Эрзерума и пр. Кромъ того въ этихъ главахъ обильны черты быта Русскаго солдата, разсказъ о Паскевичь и пр., между прочимъ объ А. С. Пушкинь. Посльдній прибыль въ дагерь действовавшаго отряда после сраженія при Милидюзе, во время движенія въ Эрзеруму; онъ прівхаль вечеромъ въ подошні Сагандуга, чтобы состоять при Паскевичъ, и жилъ у Ник. Ник. Раевскаго, командира Нижегородскаго драгунскаго полка. 26 Іюня, когда войска подошли къ Эрзеруму и открыли огонь по городу. Паскевичь со пртабомъ стоиль вблизи батареи Бриммера, а Пушкинъ стоялъ передъ главнокомандующимъ на чистомъ мъстъ одинъ. Вдругъ первый выстрълъ изъ батарен 21-й бригады. Пушкинъ вскрикиваеть: "Славно!" Главнокомандующій спрашиваеть: "Куда попало?" Пушкинъ, обернувшись къ нему: "Прямо въ городъ!"- "Гадко, а не славно", сказалъ Паскевичъ.

Сцены, въ которыхъ ныступаетъ Паскевичь, обращение его съ офицерами ("Мајоришка! Темлячишко оборву!"), прятаніе самого Бриммера, чтобы только не попадаться ему на глаза въ минуты раздражени, делають характеристику этого полководца у Н. Н. Муравьева более верною, чемъ отзывы о немъ нашего автора. Какъ образецъ сценъ изъ жизни солдать, приведемъ слъд, разсказъ. "Во время штурма Ахаддыха, многіе Армяне съ семьями и имуществомъ старались перейти къ нашимъ войскамъ; ихъ толпами отправляли на гору, поручая отводь 1-3 солдатамъ; всё они проходили мимо насъ. Туть я видълъ, что эти конвойные не только добросовъство провожали ихъ, но многіе несли, при ружьї, еще тіхъ маленькихъ дітей на рукажъ, которыя не могли поспъвать. Проходя мимо нашихъ орудій по насыпи, солдать Ширванского полка вель толпу, человъть въ 15; видя, что жевщина, несшая на одной рукъ грудного ребенка, а въ другой тяжелую корзину, хотвля отъ усталости присветь подле орудій, онъ сказаль: "Нельзи, матушка, нельзя; не приказано останавливаться. Дай корзину-то сюда, я понесу". Армянка что-то заговорила, но корзины пе дала; тугь подошель Армяпинъ (на каждой рукъ по ребенку) и началъ ей говорить, но Армянка корзинки не выпускала изъ рукъ; тогда солдатъ говоритъ: "Ну, неси ты корзинку, а и маленькаго понесу", и протяпулъ къ нему руку. Мать посмотръла ему въ лицо и бережно посадила ему на руку малютку; и добрый Русскій солдатъ, послъ тижкаго боя, понесъ ношу на гору".

Назначенный послѣ войны командиромъ легкой № 2 батареи Кавказской артиллерійской гренадерской бригады, Бриммерь въ Гомборахъ пережиль первую холеру 1830 г., о которой сообщаеть итересныя свѣдѣнія. Въ 1831 г. онъ въдиль въ отпускь въ Россію, посѣтиль по дорогѣ А. П. Ермолова въ его деревнѣ (XVI, 104—106), быль въ Петербургѣ (характеренъ разсказъ о визитѣ къ фрейлинъ Пущиной, 109 стр.), въ Ригѣ, куда онъ въдилъ къ роднымъ; принилъ участіе въ военныхъ дъйствіяхъ противъ Польскихъ мятежниковъ, п въ Августѣ 1831 г. возвратился на Кавказъ, гдѣ нашель все начальство перемѣнившимся. Первое свиданіе его съ новымъ главноначальствующимъ довольно удачно обрисовываетъ почтеннаго, но мелочнаго барона Розева.

Главы XI и XII, разсказывающія объ экспедиціяхь 1832 г. въ Чечнъ и Дагестань противь Казу-Пуллы, полны интересныхъ подробностей о военныхъ дъйствіяхъ, о взятін Гимръ, этой, по выраженію Ермолова, "гнусной дыры", и пр. Замътимъ только, что Бриммеръ ошибается, говоря, что Кази-Мулла былъ пораженъ гранатою; онъ, какъ извъстно, погибъ на штыкахъ, на которые былъ поднятъ посль оставленія имъ башни. Сверхъ того, эти главы, также и слъдующія, доставляютъ богатый матеріалъ для біографіи А. А. Вельяминова, этого сподвижника и друга А. И. Ермолова, значеніе котораго въ исторіи Кавказской войны еще не вынснено по заслугамъ. Бриммеръ относится съ великимъ уваженіемъ къ этому двятелю, оцънкъ дънтельности котораго, замътимъ, "Кавказскій Сборникъ" посвятилъ значительную статью (т. VII, 1883).

Глава XIII и часть XIV изображають мирную двятельность Бриммера, сначала въ качествъ командира батареи, потомъ командира 20 артилерійской бригады, расположенной на Сфверномъ Кавказф; здъсь читатель находитъ много интереснаго и типичнаго для знакомства съ жизнью войскъ въ 30-хъ годахъ, въ періодъ мпрнаго затишья, столь редкаго тогда на Кавказе. Съ середины XIV главы начинаются воспоминанія Бриммера объ экспедиціяхъ 1836 и след. годовъ на Западномъ Кавказе, въ которыхъ опять встречается много матеріала для характеристики Вельяминова, Фезе и другихъ деятелей Кавказской войны, а также для описанія военныхъ действій на Черноморскомъ прибрежьи. Глава XV (т. XVII) говорить также о посъщении дъйствовавшаго отряда близъ Геленджика императоромъ Николаемъ І. Посъщеніе это, какъ извъстно, было не особенно удачно какъ по причинъ дурной погоды, такъ и всявдствіе пожара провіантских складовь; разсказывали посяв, прибавляєть Бриммеръ, что Государь, прогододавшись, приказаль принести изъгоспиталя тарелку супу или чего нибудь, но-увы!-посланный доложиль, что объдь давно повли, а уживъ только что начали готовить. Интересны подробности о путешествіи Николан I по Кавказу. Окончившееся отозваніемъ Розена, опо съ самаго начала слагалось для него непріятно. "Передъ тімть, разсказываетъ Бриммеръ (XVII, 27-32), присланъ былъ для введенія гражданскаго управденія въ Закавказью сенаторъ баронъ Ганъ, прибывшій съ своею супругою. Черезъ нъсколько дней баронесса Ганъ повхала съ визитомъ въ баронессъ Розенъ. Последния ежедневно утромъ до 3-хъ часовъ занималась съ дътьми и въ это время никогда никого не принимала, а пріемъ начиналси съ 3-хъ часовъ до 5. Это знало все Тифлисское общество и согласовало съ тымь свои визиты. Баронесса Ганъ, не освъдомившись, въ которомъ часу принимаетъ супруга старшаго начальника въ крав, или думая, что c'est bon pour les autres, прівжала около 2 часовъ. Камердинеръ докладываеть, что баропесса занимается съ дътьми и цринимаеть съ 3 часовъ. Приказывають пспремънно доложить. "Намъ строго приказано не безпокоить баронессу во время ся занятій съ дітьми". Приказаніе повторнется: непремінно доложить о прівзді: баронессы Ганъ. Камердинеръ пошелъ. Докладывалъ ли овъ или пътъ, пеизвъстно, но принесъ отвътъ; "приказали извиниться, что заняты съ дътьми". Какъ! Баронесса Розенъ не приняла баронессу l'анъ! Das ist ja unerhört; Выводовъ изъ этого не буду дъдать никакихъ. 4 - Изъ Редугъ-Кале Государь повхаль въ Тифлисъ. Гадкія туземным лошади, мерзкая дорога; Государю случилось пересъсть верхомъ на казачью лошадь, съ казацкимъ съдломъ. Надобно еще сказать, что когда ила переписка о путешестви Государи, то его величество приказаль написать барону, что у него будеть съ собою кухня и чтобъ объ этой статьв не заботился. Хорошо это сказать, да слушать то не сабдовало. Гдъ же въ путешестви все приготовлять? Надобно, чтобъ мъстными средствами все и вездъ было готово. Для Государи и было заготовлено, но о свите никто не заботился, и потому можно понять, что недовольных было много... По прівздв въ Тифлись, Государь припиль сепатора Гана, съ которымъ пробыль, говорять, подчаса. Этоть докладь, кажется, погубиль Г. В. Розена... Туть можно припомнить дикое понятіе о всякомъ государъ, укоренившееся во миънія восточныхъ народовъ, а потому причастное и всёмъ разноплеменнымъ народамъ Закавказъя. Они удивлялись, какъ самодержавный властитель такого великаго царства, прівхавъ въ первый разъ въ свои пограничныя земли за Кавказомъ, въ продолжени всего путешествія не приказаль ни отрубить головы, ни посадить на коль, ни даже выколоть глаза никому изъ своихъ върноподданныхъ, если не за вину какую, то хоть въ свое удовольствіе, чтобъ показать, что онъ господинъ! Въ силу этого убъжденія о власти, у многихъ возродилось сомивніе, точно ли это царь? Много хановъ и бековъ изъ мусульманских в провинцій навхало въ Тифлисъ, чтобъ посмотръть на такого кроткаго царя.... И вотъ, когда на разводъ парь приказаль снять съ князя Дадіана флигель-адьютантскій аксельбанть, какой-то Татарскій бекь, стоявшій въ первыхъ рядахъ съ народомъ, увидъвъ, что Дадіанъ отворотилъ воротничекъ и нагнулъ голову, чтобъ снять аксельбанть, вообразиль, что ему отрубять ее, и въ испугь, схвативъ себи объими руками за голову, закричаль "началь! началь!", пробился черезъ тол-

пу, прибъжалъ домой, бросился на тахту и сунулъ голову въ подушки, продолжая кричать: началь! началь!.. Холодная вода не помогла: онъ, говорили, поплатился горячкой. Вечеромъ, на балу у Розена, опять непріятный инциденть. Когда подавали чай, на подност, поднесенномъ Государю, стоило итсколько чашекъ (говорятъ, что въ такихъ случаяхъ подаютъ Государю особо на подносъ одну чашку). Овъ пожалъ плечами и тихо свазалъ какое-то слово, должно быть, не очень пріятное хозяину. Вторая дочь барона, по настоянію матери, съ заплаканными глазами, должна была пройти польскій. Кучеръ, возившій Государя, потребоваль 100 р., чтобъ пропести его величество до Владикавказа. Это показалось дорого тому, на комъ лежала обязанность заботиться о семъ предметъ. Приказали полиціймейстеру найти кучера болъе сговорчиваго; тоть привель инсколько самыхъ дучнихъ, какихъ можно было сыскать въ Тифлисъ, гав въ то время товаръ этотъ быль очень ръдокъ. Условились съ нимъ подещевав... При вываде изъ Тифлиса, спускаясь съ горы къ речкъ Везъ; лошади понесли, кучеръ не могь удержать; на повороти коляска опрокинулась.. Узналь ли Государь, что для него наняли кучера подешение? That is the question... На дорога въ Владикавказъ Государь простудился и получиль аубную боль.. Разсказывая о путешествіи Государи, и коснудся фактовъ, имъвшихъ важныя послъдствія для края, т. е. о смънъ всего высшаго начальства. Передамъ теперь впечативніе, произведенное этими фактами, какъ на мыслящих в людей, такь и на народъ, не разбирающій причинь дъйствія. в судящій по тому, какъ опъ видить. Всенародно на разводь опозоренный полковой командиръ былъ козлищемъ, вынесшимъ наказание за гръхи всвхъ полконыхъ командировъ, которыхъ обстоятельства края вынуждали употреблять соїдать на работу и для собственныхъ надобностей; при этомъ легко вкрадывавшіяся злоупотребленія превращались въ обычай. Громовымъ ударомъ не искоренились элоупотребленія; они продолжались и продолжаются, но такъ какъ жертвой искупленія быль зять корпуснаго командира, то напазаніе пядо и на него. Высшая власть края потеряла въ уваженіи немыслящаго народа: le prestige s'est fondu отъ громового удара. Генерала бирона Розена смънили и назначили сенаторомъ (баронъ М. И. Паленъ, военный генералъгубернаторъ Оствейскихъ провинцій, услыхавъ о смъщеніи и назначеніи Розена сенаторомъ, сказалъ: если такого заслуженнаго и всъми уважаемаго генерала сделали сеняторомъ, то меня можно посадить въ земскій судъ заседателемъ)".

Мы остановились такъ долго на путешествій Никодая I, во-первыхъ, въ виду обще-историческаго интереса этого событія, во-вторыхъ, въ виду того, что въ разсказъ Бриммера попадаются подробности, кажется, не встръчавшіяся въ печати.

Послъ смерти А. А. Вельяминова, Бриммеръ по бользии перешель на службу вглубь Россія, а въ 1838 г. назначенъ быль командиромъ 7 артилерійской бригады въ 3-мъ пъхотномъ корпусъ, входившемъ въ составь армін водъ начальствомъ Паскевича (глава XVI), и такимъ образомъ Бриммеру припъбсъ служить среди мирныхъ условій Николаевскаго времени. Пижеслъду-

ющая сцена весьма характерна; она рисуеть и автора мемуаровъ, и условія службы. "Не могу припомнить безъ смъха разговора моего съ начальникомъ 3-й артилерійской дивизіи г-мъ Ловцовымъ. Услышавъ, что я служидъ на Кавказв 16 леть, онъ, ввроятно на этомъ основани, сказаль, что здвсь требують большей службы, чемъ тамъ, что эдесь надобно обращать все ввиманіе на равненіе и маршировку. "Вамъ кажется, что батарея стоитъ ровно, а и тотчасъ увижу, что въ 6-мъ орудіи солдать подаль грудь впередъ, а другой откинуль голову назадь; такь и въ маршировкъ-можно ходить въ ногу, а все будеть не тоть темпь, не тоть вынось ноги", и онь всталь на вытяжку, въ позитуру. "Всмотритесь, вы тотчасъ поймете"... и пошель маршировать по командъ, припъвая: "тра-ра, ра-ра, тра-ра, ра-ра.... оно и въ вогу, да не то; а воть, посмотрите... - тра-ра, ра-ра, тра-ра, ра-ра; видите туть все есть-и темиъ, и выносъ ноги."... Я стояль какъ ощеломленный, не здая, въ своемъ ли опъ умъ, и чуть не разразился громкимъ смъхомъ, но, къ счастію, удержался. Такъ вотъ оно въ чемъ здёсь мудрость артилерійской службы! Въ равнении и маринировкъ! Ну, на Кавказъ не то. Когда генералу показалось. что я понядъ всю суть имъ сказаннаго, онъ отпустиль меня. Какъ тольке съ глазъ, сдержанный смъхъ взялъ свое".

Очень интересно описаніе высочайшаго смотра въ 1840 г.; много матеріала для разумънія солдатскаго быта въ то время, когда блестящая вившность должна была прикрывать неприглядность внутри.

Время съ 1844 по 1847 г. Бриммеръ провель въ Варшавъ, состоя при начальнивъ артилеріи дъйствующей армін (гл. XVII); это даетъ ему возможность свазать немало интереснаго о князъ Паскевичъ. Произведенный въ генераль-мајоры, Бриммеръ въ 1847 г. снова былъ назначенъ на Кавказъ командиромъ 1-й бригады 21 пъх. дивизіи. Въ этомъ званіи онъ участвоваль въ Гергебильской экспединіи 1848 г., о которой сообщаеть некоторыя подробности; хотя въ освобождении Ахтовъ въ томъ же году онъ не участвоваль, но въ Запискахъ своихъ даеть иркоторый матеріаль и для исторіи этой знаменитой осады. Въ конпъ 1848 г. опъ быль назначенъ начальникомъ артилеріи отдёльнаго Кавказскаго корпуса, и 10 Января 1849 г. прибыль въ Тиф. лисъ. Глава XVIII посвящена воспоминаніямъ о діятельности автора въ 1849—1853 г. въ званіи начальника артиллеріи, при чемъ приводится изсколько едучаевъ столкновенія его съ княземъ М. С. Воронцовымъ, видимо, не пользующимся особенно симпатіями автора; вообще нужно замітить, что, начиная съ этого времени, тонъ Записокъ насколько изманиется и является насколько желчнымъ. Глава XIX "Баяндуръ, 2 Ноября 1853 года. Разборъ этого дёла. Воспоминація, "ХХ "Башъ-Кадывляръ, 19 Ноября 1853 г. Последствія пораженія. Разборъ. Воспоминанія. Изъ письма къ жепъ. Чипъ гепераль-лейтенанта. Прівздъ въ Тифлисъ, "XXI: "Кучукъ-Дара, 24 Іюля 1854 г.", какъ показывають приведенный нами заглавій ихъ, описывають военныя действін по Гюль 1854 г. Главный интересъ ихъ для историка войны 1853--1855 г., хотя, на ряду съ военно-спеціальными описаніями, и туть мы встръчаемъ характеристики, бытовыя сцены и пр. По поводу Башъ-Кадыклярскаго дъла

находимъ слъдующій интересный отзывъ о князъ Воронцовъ: "Но нашъ князь М. С. Воронцовъ старался выставлять только Грузинъ, нисколько не безпокоясь о справедливости; въдь не постыдился же Русскій вельможа громко сказать, что Русскіе для него только орудіе въ этой странъ!"

Въ нашемъ обзоръ Записокъ Э. В. Бриммера мы, конечно, далеко не могли исчернать всего ихъ содержанія; очень многое, иногда мелкое, повидимому, но, несомнънно, имъющее историческій интересъ, не могло быть нами даже указано. Но если у прочитавшаго нашу замътку явится желаніе лично познакомиться съ Записками Бриммера, напечатанными въ изданіи, какъ нами уже указано, крайне важномъ и полезномъ, но, по своему спеціальному характеру, мало распространенномъ: то цъль наша будетъ вполнъ достигнута. Остается пожелать, чтобъ окончаніе Записокъ Бриммера не заставило себя долго ждать; позволимъ себъ выразить также пожеланіе, чтобъ почтенная редакція "Кавказскаго Сборпика" нашла возможнымъ издать Записки отдъльною книгою, что способствовало бы ихъ распространенію.

Фундаментальное изданіе, предпринятое Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, "Русскій біографическій словарь," первый томъ котораго вышель въ этомъ году, некоторыми своими статьями касается Кавказа. Такъ, довольно обширная статья посвящена извъстному изследонателю Кавказа, Абиху. Изъ открытій между прочимъ Абиха указаны прінсви каменнаго угля "въ окрестностихъ Кутанса и въ другихъ мъстахъ", торфа въ Дагестанъ; въ первомъ указаніи не мішало бы выраженіе ди въ другихъ мъстахъ" замънить точнымъ указаніемъ на Дагестанъ, гдъ открытію Абихомъ каменнаго угля приписывалось въ свое время весьма важное значеніе. Сделано указаніе на изданіе вдовы Абиха: "Geologische Forschungen". Въ началв настоящаго года выпло чрезвычайно интересное изданіе вдовы же Абиха: "Aus Kaukasischen Ländern. Reisebriefe von Hermann Abich. Wien B. I. Briefe aus den Jahren 1842-1853, B. II. Briefe aus den Jahren 1859-1874. Въ письмахъ покойнаго ученаго, помъщенныхъ въ этомъ изданіи, заключается много любопытивйшихъ заметокъ его о лицахъ, событияхъ и мъстахъ Кавказа, посъщенныхъ имъ, а посътилъ онъ его весь. Капитальная монографія г. Татищева объ император'в Александр'в II касается и Кавказа, именно покоренія его; конечно, Кавказъ и его война, въ статьяхъ, какъ г. Татищева, такъ и г. Шильдера объ Александрв I, могли занимать довольно ограниченное мъсто, по самому характеру и цъли этихъ трудовъ; но существенное изложено. Темъ более поэтому приходится пожалеть, что въ статъв г. Татищева, помвиченной въ такомъ справочномъ издании, каковъ "словарь", требующемъ непогръшимаго, по возможности, внъшняго выполненія, вкрались досадныя опечатки въ собственныхъ именахъ, при томъ не оговоренныя въ общемъ спискъ опечатокъ. Такъ приводится приказъ князя А. И. Барятинскаго отъ 21 Мая 1859 г., въ лагеръ при озеръ "Решло", следовало "Ретло"; въ приказе отъ 27 Іюля, близъ аула "Тоидо", следов. "Тандо"; упомянуто общество "Чаберлай", следовало "Чаберлой"; приказъ

оть 6 Августа, близь ауда "Канхадатль", следовало Канхидатль". Въ телеграммъ 22 Августа напечатано "Укцукуль" вмъсто "Унцукуль", "Тимотль" вмъсто "Тилитля" "Карста" вмъсто "Караты". Магометъ-Аминъ названъ "Мегнемъ-Аминь". Позволимъ себъ также замътить, что цъль основания общества возстановдения христіанства на Кавказ'в указана въ выраженіяхъ, могущихъ подать поводъ къ недоразумънінмъ относительно видовъ князя А. И. Барятинскаго. Не намъ, конечно, писать критическій отзывъ о такомъ трудъ, какой задуманъ Обществомъ, но смъемъ высказать нъсколько мыслей по поводу его. Въ предисловін указано, что первымъ шагомъ къ осуществленію мысли о желательности Русскаго біографическаго словаря было напечатаніе списка 60000 имень отечественныхъ дъятелей, которые, должно думать, и войдуть въ "Словарь". Напечатанный первый томъ обнимаеть малую часть буквы А: "Ааронъ – Императоръ Александръ II", около 300 именъ, и стоить 10 р.; накихъ же размъровъ достигнетъ "Словарь" и кому онъ будетъ доступенъ по своей стоимости? Къ тому же, въ вышедшемъ томъ можно замътить въкоторые пропуски относительно Кавказа. Такъ, помъщенъ князь И. Н. Абхазовъ, но пропущено ивсколько князей Абашидзе, тоже военачальниковъ въ Русскихъ войскахъ; помъщенъ царевичъ Александръ Арчиловичъ Имеретинскій, о которомъ сказано только "первый генералъ-фельдцейхмейстеръ Русской артилеріи, а пропущенъ даревичъ Александръ Юлоновичъ Грузинскій, игравшій столь видную роль въделахъ Кавказа въ начале этого въка; нътъ также Абдулъ бека Эрсинскаго, Адиль-хана Казакайтагскаго, имена которыхъ, особенно втораго, также часто встречаются въ исторія Кавказа въ это уже время, и о которыхъ интересующійся могь бы надвяться найти справку въ "Словаръ". Позволяемъ себъ наши скромныя замъчанія въ виду словъ редакціи "Словаря" въ конпъ предисловія....

Въ "Военномъ Сборникъ за настоящій годъ помъщены статьи г. А. С. "Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 году" (№№ 4, 5, 6, 7), вышедшія нынъ отдъльно. Спб. 1896, 80, 124 стр. Авторъ справедливо замъчаеть въ началъ своего труда, что возстанія Кавказских в горцевъ "не коснулось перо льтописца". Статья его во многихъ отношеніяхъ любопытна; она вызвала уже двъ замътки г. М. Б (Военный Сборникъ, 1896, №№ 6 и 10). Мы не будемъ касаться ни нъсколько сбивчивыхъ этнографическихъ указаній автора (Назрановцы (Ингуши) отнесены къ Осетинамъ, Ауховцы выдълены отъ Чеченцевъ и т. п.), ни итсколько пессимистическаго его отношенія къ возстанію въ Дагестанъ и образа дъйствій тамъ, но не можемъ не остановиться на следующемъ месте его статьи (№ 257, отд. изданія стр. 19): "Подчиненіе нашей власти Восточнаго Кавказа имъло характеръ не столько покоренія или низложенін, сколько добровольнаго принесенія паселеніемъ покорпости, т. е. об'єщанія сид'єть смирно и повиноваться поставленнымъ отъ нашего правительства властямъ, при чемъ мы со своей стороны объщались оставить неприкосновенными ихъ религію, права и обычаи, которыми опредълялись отпошенія семейныя и между сословіями; въ числь правъ весьма важно и драгоцъпно для нихъ право ношенія оружія;

обязались никогда не облагать их в податями и повинностями денежными, какъ и натуральными, къ особенности никогда не привлекать къ отбыванію повинности военной. Въ какихъ именно выраженіяхъ и при какой обстановив даны были эти обязательства покорителемъ Восточнаго Кавказа, бывлимъ намъстникомъ, княземъ Барятинскимъ, намъ установить не удалось; но достовърно, "что въ такомъ именно смыслъ были поняты горцами предложенныя имъ условія и что составленныя ими объ этомъ записи хранились въ нъсколькихъ мечетяхъ".

Мы, конечно, не допускаемъ мысли, чтобы г. А. С. имъль въ виду умалить значение заслуги покорителей Восточнаго Кавказа, съ княземъ Барятинскимъ во главъ; по намъ кажется, что у всякаго, особенно у малозпакомаго съ псторіей Кавказской войны, по прочтеніи этой тирады, сложится довольно странное поняче о покореніи Восточнаго Кавказа, какъ о такомъ, которое сопершили болъе какіе-то переговоры и договоры съ горпами, чемъ само оружіе. Между темъ, стоитъ припомнить весь планъ, составленный и строго выполненный кинземъ А. И. Баритинскимъ, военныя дъйствія его самого и П. И. Евдокимова и др., чтобы повять, что если съ гордами и были переговоры и объщанія, то только тогда, когда они, сознавая невозможность борьбы, просили помилованія, которое, конечно, не могло сопровождаться никакими обязательствами съ нашей стороны. Писколько не удивительно, что горны могли новфрить такимъ слухамъ, если имъ върить г. А. С., хотя самъ сознается, что ему не удалось установить, въ какихъ выраженіяхъ и при какой обстановив даны были эти обязательства княвемъ Барятинскимъ; ему не удалось установить, вогда и какъ были даны какін-то мнимыя обязательства; на чемъ же онъ основывается, говоря о нихъ? Ужъ не на мечетскихъ ли записяхъ? Еслибъ авторъ относился болве осторожно къ своимъ сдовамъ и сталъ добиваться "установки", то онъ, конечно, никакихъ договоровъ съ обязательствами не нашелъ бы, по за то встратиль бы хотя документь, относящійся къ началу 1858 года, когда князь Барятинскій приказаль издать особо составленныя нормальныя правила относительно принятія подданства отъ горскихъ обществъ. Укажемъ дишь въсколько пунктовъ: 1) При изъявленіи покорности они должны принять присягу на върноподданство Государю Императору; 2) выдать аманатовъ; 9) разбирательство дёлъ ихъ между собою и другими покорными племенами оставить по идату и шаріату; 11) освобождаются на первое время отъ податей и всякихъ личныхъ повинностей, кромъ высылки опредъленнаго числа милиціонеровъ, примърно съ 10 дворовъ 1 человъка, и содержанія кордона въ своихъ предвлахъ, совокупно съ нашими войсками, безъ особаго содержанія отъ казны. И подобныя условія были поставлены еще въ 1858, т. е. когда большая часть Восточнаго Кавказа не была еще покорена, когда Шамиль господствоваль въ Чечив и въ нагорномъ Дагестанв. Послв этого могла ли быть рвчь о какихъ-нибудь обизательствахъ, тогда какъ все подвластное Шамилю покорялось силъ нашего оружія? Въ 1859 г., по мъръ покоревія горскихъ обществъ, князь Барятинскій пводиль въ нихъ Русское

управленіе; если же оставляль у нихъ народный судъ и т. п., то не ради какихъ-то трактатовъ съ горцами, а потому, что это входило въ его систему управленія, пригодность которой онъ, по слъдамъ А. П. Ермолова, испыталъ еще въ бытность начальникомъ Лъваго фланга.

*

Умершій въ 1875 г. генераль П. К. Меньковъ, участникъ Севастопольской обороны, "журналъ" которой онъ вель, по порученію князя Горчакова, потомъ редакторъ "Военнаго Сборника" (1859—1872 г.), оставилъ
послъ себя записки и разные документы объ этой достопамятной эпохъ.
Всъ эти матеріалы были завъщаны генераломъ Меньковымъ Севастопольскому музею съ тъмъ, чтобы они были вскрыты не ранъв 1895 года, когда
Севастопольскій комитетъ долженъ поручить избранному имъ лицу привести
матеріалъ въ видъ, годный для печати, и издать ихъ въ свътъ. Нынъ дъло
это поручено генеральнаго штаба подполк. Заіончковскому, который въ "Пзборникъ Развъдчика" за сей годъ напечаталъ сочиненіе Менькова "Восточный вопросъ. Нъмцы и Дунай", найденное въ завъщанныхъ матеріалахъ
совершенно готовымъ для выпуска въ свътъ. Первая часть рукописи, нынъ
печатаемая, была, безъ согласія автора, напечатана въ 1858 г. въ Лейпцигъ,
что, конечно, навлекло на автора непріятныя послъдствія.

Сочиненіе Менькова, во всякомъ случав оригинальное, весьма интересно для исторіи войны 1853—55 г.; кое-что можеть почерпнуть изъ него и вообще историкъ того времени (напр. разсказь князя А. М. Горчакова о гр. Нессельроде, о князв Меньшиковв и т. д.); характеристики различныхъ лицъ, при всей ихъ разкости, въ большинства справедливы. Насъ остановило одно примъчаніе П. К. Менькова къ характеристикъ П. Е. Коцебу:

"Одинъ баринъ, вернувшійся съ Кавказа, разсказываль, что онъ собственными ушами слышаль разговорь кн. Аргутинскаго-Долгорукова съ г. Коцебу. При осаде Салты общія распоряженін осады возложены были на генерала Коцебу; подъ его руководствомъ велись мины и подкопы. Послъ рекогносцировки, произведенной будто бы генераломъ Коцебу, колонны, ведомыя на приступъ Аргутинскимъ, были отбиты. Аргутинскій былъ раненъ и съ окровавленнымъ лицомъ встрътился съ Коцебу, который съ неизмънно-милою удыбкою началь говорить князю, что колонны не такъ были построены. "Нъть, в. пр., не колонны, а рекогносцировка виновата! Конечно, жизнь ваша дорога для отечества и еще болъе для вашего многочисленнаго семейства; по я полагаю, что когда двло идеть объ участи отряда, то можно бы поменьше заботиться о жизни собственной ... Надобио замътить, что большая часть очевидцевъ и разскащиковъ, прівзжающихъ съ Кавказа, страшные дгуны!". Ироническое замъчаніе Менькова по поводу лиць, прітажающихъ съ Кавказа, на этотъ разъ, кажется, оказалось справедливымъ. Если даже допустимъ, что князь Аргутивскій, дипломать и политикь, говориль такъ съ начальникомъ главнаго штаба арміи, насъ все-таки приводять вы недоумьніе нижеслідую-

1II. 35

РУОЛЕН АРХИВЪ 1896.

щія обстоятельства. При осадѣ Салтовъ въ 1847 году осадныя работы велъ инженеръ-подиолковникъ Кесслеръ, подъ руководствомъ котораго работало нѣсколько инженеровъ-офицеровъ; передъ штурмомъ 14 Сентября, когда былъ раненъ князь Аргутинскій, никакой рекогносцировки производимо не было; князь Аргутинскій не находился во главѣ штурмующихъ колоннъ, но, пребывая въ сферѣ самаго сильнаго непріятельскаго огня, руководилъ ихъ дѣйствіями; штурмъ качался рано утромъ, вскорѣ князь былъ раненъ пулею въ щеку на вылетъ, послъ чего онъ на время уступилъ начальствованіе войсками генералу Коцебу; штурмъ продолжался до 3-хъ часовъ попслудни, когда нами была занята часть непріятельскихъ позицій. Сопоставленіе этихъ обстоятельствъ при осадѣ Салтовъ съ разсказомъ генерала Менькова наводитъ на мысль, что симпатіи его руководили его перомъ иногда болѣе, чѣмъ это слѣдуеть безпристрастному мемуаристу.

Е. Козубскій.

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЭАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА*),

1860 годъ.

С.-Петербургъ, 2 Января 1860 г.

Сегодня праздновали при дворъ 50-ти лътній юбилей со дня утвержденія Государственнаго Совъта. Столь быль великольпно украшень. Думали, что размъстятся по старшинству; но фельдмаршаль князь Барятинскій, пожалованный наканунь членомъ Совьта, сидъль выше другихъ. Одинъ изъ министровъ говорилъ своему сосъду: «Намъ грозятъ страшныя событія, банкрутство, последствія освобожденія крестьянь и необузданность печати». Трудно сказать, которую изъ этихъ опасностей отклонить легче другой: всв одинаково трудно. Только сътують на тягость нашего положенія; но, указывая на раны, никто не преддагаетъ средствъ для ихъ издеченія, а вздохи и ісреміады ни къ чему не ведуть и обличають только безсиліе вздыхающихь Іеремій. $\mathcal{U}_{\mathcal{C}}$ ловъка не имамъ! Наполеонъ, нимало не стъсняя себя прежними увъреніями, съ невообразимымъ цинизмомъ измънилъ политику свою относительно Итальянскихъ дёлъ. Подобно дяде, онъ не можетъ оставаться въ поков: ему надо безпрестанно водноваться и затрогивать самые животрепещущіе вопросы. Нельзя читать безъ досады газеть: такое видно въ этой скорой перемънъ явное неуважение къ принятымъ обычаямъ въ дипломати и вмъсть съ тъмъ совершенное отсутствіе собственнаго достоинства. Накснецъ, такія действія утомять Европу, и правительства серьозно будуть думать о составлении коалицій. Въ самой Франціи не столько терпять отъ ограниченія свободы, сколько отъ бъдствій войны, похищающей цвъть ея народонаселенія и производящей совершенный застой въ дълахъ. При одномъ только миръ процевтаютъ государства, и непрестанное нарушение его, изъ видовъ личнаго славолюбія, терпимо быть не можетъ.

S-t Pétersbourg, 3 Janvier 1860.

Le jour de l'an il y a eu sortie à la cour des Tullieries, et d'après une lettre d'une jeune dame, la comtesse Chouvalow, née princesse Bélocelsky, il n'y avait pas de toilettes élégantes et somptueuses, excepté celles

^{*)} См. выше, стр. 327.

de l'Impératrice et de la personne qui écrit la lettre. Notre compatriote précédait le corps diplomatique. La princesse Metternich réclama, mais le grand-maître des cérémonies lui expliqua qu'étant présentée la dernière à la cour, elle ne pouvait user d'un droit qui ne lui appartenait pas. Cet incident excepté, la jeune comtesse parle des paroles prononcées par l'Empereur. Ces assurances et ces protestations, qui reviennent à chaque occasion en faveur de la paix, ne peuvent être considérées que comme un moyen de cacher son jeu. Or, ces phrases ne donnent le change à personne, et on ne se méprend pas sur leur valeur réelle. Ce jour-là la démission du comte Valesky dépassait toutes les conversations. On pensait généralement que le pr. Gortchakow ne prendrait pas part au congré, et on exprimait des doutes sur la manière dont il s'entendrait sur les affaires avec m-r Thouvenelle, nommé ministre des affaires étrangères. Les rélations qui existent entre ces deux diplomates sont excellentes, et la seule raison qui aurait pu empêcher et empêchera positivement le pr. Gortchakow à assister au congré, c'est ce virement de bord, ce changement complet de politique de Napoléon sur la question italienne. Quant à la présidence de congré par un ministre, qui n'a pas l'ancienneté de son prédécesseur, ce ne serait pas une raison suffisante pour notre chef de cabinet de décliner d'y prendre part. Voici un incident qui jette un certain jour sur ce qui se passe en ce moment. Napoléon espérait qu'en garnissant la frontière de la Galicie de deux corps d'armée, nous faisions une diversion qui lui serait favorable. Cette combinaison était entrée dans son plan et comme elle lui manqua alors, aujourd'hui l'empereur des Français, en cas de nouvelle guerre avec l'Autriche, cherche un appui dans la flotte anglaise, qui peut lui être d'une grande aide sur les côtés.

Tout ce qui a rapport au monde invisible et au merveilleux a beaucoup de charmes pour les personnes douées d'une imagination vive. Surtout les dames se complaisent dans ce genre de récits. Voici un fait qui a été conté par la p-sse Vorontzow. Une jeune demoiselle, agée de 14 ans, avait perdu sa mère, étant enfant et n'ayant gardé par conséquent aucun souvenir de ses traits. Un jour la jeune fille vit le portrait de sa mère et le trouva très ressemblant. Mais comment pouvezvous juger de sa ressemblance, lui demanda t-on, vous, qui ne vous rappelez pas de la figure de votre mère?— «Ma mère, répliqua l'enfant, est toujours à mes côtés et ne me quitte jamais. Vous voyez donc, que je puis voir si le portrait ressemble ou non». Quelques années plus tard la jeune fille se marie. Elle eut un enfant et continuait d'avoir pour compagne inséparable sa mère. Un jour cette dernière paraissait être très agitée, elle faisait des gestes de detresse; bref, elle se leva et cou-

rut dans une autre pièce, sa fille la suivit, et quel fut son effroi, quand elle vit son enfant assis sur la fenêtre, les pieds suspendus au dehors (or, la famille habitait au quatrième). La mère se saisit de l'enfant et l'emporta. C'est alors que l'ombre, qui ne la quittait pas, disparut et ne revint plus jamais.—Il fut question aussi d'un prophète qui habite Елецъ. C'est un paysan très beau. Il a des traits réguliers et fins, et sa conversation a un charme particulier. Quand on l'entend parler, il est difficile de ne pas être suspendu à ses lèvres, et on ne songe plus à le quitter. Sa voix est douce, sa phrase est nette et élégante, et il ne tarde pas à faire passer sa conviction à vous. Il exerce une influence des plus salutaires sur ceux qui l'approchent. Les personnes de clergé qui l'on visité sont d'avis que non seulement il ne faut pas mettre d'entraves à ce que le monde le voye, mais qu'on doit faciliter tout accès auprès de lui. Tourguénew, écrivain et nouvelliste distingué, compte aller voir le prophète de Eлецъ.

Переводъ. Спб. З Янкаря 1860. Въ новый годъ быль выходъ при Тюльерійскомъ дворъ. Молодая графиня Шувалова, урожд. кн. Бълосельская, пишеть, что, кромъ императрицы и си, ви на комъ не быдо пышныхъ и изящныхъ нарядовъ. Соотечественница наша шла впереди дипломатическаго корпуса. Киягиня Меттернихъ хотъла пойти впереди ея; по обсръ-церсмоніймейстерь объясниль ей, что она не можеть пользоваться псирипадлежащимъ ей правомъ, такъ какъ представлялась по двору позже. Кромъ этого случая, молодая графиня пишеть еще о словахъ произнесенныхъ Императоромъ. Онъ опить говориль о миръ, и эти при каждомъ случав повторисмыя заявленія нельзя считать цичемъ инымъ, какъ средствомъ прикрытія его замысловъ. Фразы эти никого не обольщають, и всь знають настоянцую имъ цану. Въ этотъ день главнымъ предметомъ разговоровъ была отставка графа Валевскаго. Вообще полагали, что кн. Горчаковъ не приметь участія въ конгрессь; недоумівали только, какь опъ сталь бы объясняться о ділаль съ новымъ министромъ иностранныхъ діліз г-номъ Тувенелемъ. Взаимныя отношения этихъ двухъдипломатовъ превосходны, и единственная причина, которая помъщала бы и непремънно помъщаеть ки. Горчакову быть на конгрессъ, заключается въ колебаніяхъ Паполеоновой политики, въ полной ея перемънъ относительно Итльянскаго вопроса. Что же васается до того, что на конгрессъ предсъдательствоваль бы министръ, не имъющій старшинства своего предшественника, то это пе отвлонило бы главу нашего вабинета отъ участія въ совъщаніяхъ. Нъкоторое объяснение тому, что теперь происходить, заключается въ следующемъ. Наполеонъ падъялся, что мы поблагопріятствуемъ ему, поставивъ на гранипахъ Галици два корпуса нашей армін. Это входило пъ его соображенія, но не было нами исполнено. Теперь, на случай новой войны съ Австріей, онъ ищеть себъ поддержки въ Англійскомъ флоть, который можеть быть очень ему подезень на окраинахъ.

Все, имѣющее отношеніе къ міру невидимому и къ чудесному, необыкновенно какъ нравится людямъ, которые одарены живымъ воображеніемъ. Женщины въ особенности любятъ разсказывать о томъ. Воть случай, переданный княгинею Воронцовой. Дъвушка 14 лътъ лишилась матери, будучи еще ребенкомъ, и потому не могла помнить ес въ лицо. Однажды

увидала она портреть матери и нашла, что онъ очень похожъ. Но какъ же вы можете судить о сходствъ, спросили ее; въдь вы не помните вашей матери?-Мать постоянно возлъ меня, отвъчала та, и никогда меня не покидаеть; стало быть я могу видёть, похожь ли портреть или нёть. Черезъ нъсколько лътъ дъвушка вышла за мужъ. У нея былъ ребенокъ, а мать ен по прежнему съ ней не разлучалась. Однажды она стала безпокоиться, знаками выражала горесть, вдругъ встала и побъжала въ другую комнату; дочь за нею, и каковъ былъ ея ужасъ, когда она увидала, что ребенокъ ея сидить на окив, свесивъ ноги наружу (жили они въ четвертомъ этажъ). Мать схватила свое дитя и увесла его. Но тънь, не покидавшая ея досель, исчезла и не возвращалась болбе.-Говорили также о живущемъ въ Ельцъ прорицатель. Это очень красивый крестьянинь. Черты лица у него правильныя и тонкія. Разговоръ съ нимъ очень пріятенъ. Когда онъ говорить, невозможно не слушать его и не хочется съ нимъ разстаться. Голосъ у него мягкій, слова ясныя и изящныя, и онъ немедлено привлекаеть васъ къ себъ. На близкихъ къ нему производить онъ самое благотворное дъйствіе. Посъщавшія его духовныя лица отзываются, что не только не слъдуеть препятствовать, чтобы народъ собирался къ нему, а надо облегчать къ нему доступъ. Тургеневъ, писатель и отличный романисть, намъревается съвздить въ Елепъ и повидать прорицателя.

С.-Петербургъ, 6-го Января 1860 года.

Въ последнее время крестьянскій вопросъ, по тому направленію, которое онъ принималъ въ Редакціонной Коммиссіи, подавалъ поводъ къ безпокойствамъ. Государь, недовольный дворянствомъ, желалъ надълъ земли сдълать такой, чтобы по значительности своей онъ приносиль выгоды крестьянину и убытокъ помъщику. Люди благонамъренные, особенно князь Барятинскій, къ счастію, кажется, успали изманить по сему предмету образъ мыслей Государя, который многое приказалъ передълать уже въ самой Редакціонной Коммиссіи и говорилъ о томъ князю Орлову. Хотъли назначить Милютина съ Кавказа товарищемъ къ военному министру; но последній на это не согласился, не желая оскорбить кн. Васильчикова. Государь было настаиваль, но генералъ Сухозанетъ почтительно, но твердо поддержалъ свое мивніе и наменнуль на отставку. Прівхавшій изъ Москвы Россеть говорить, что тамъ менъе толкують объ эмансипаціи и болье спокойствія, чъмъ въ Петербургъ. Онъ видълъ Хомякова, Кошелева и Аксакова, которые хладнокровно разсуждали о дълъ. Здъсь, напротивъ, много раздражительности и страсти. Мин. вн. дель Ланской говорить, что, по известіямъ, получаемымъ изъ губерній, расположеніе умовъ стало мириве. Кн. Вяземскій напечаталь стихи «Сознаніе», посвященные В. П. Титову. Это строгая покаянная исповёдь поэта, въз сильныхъ и благозвучныхъ стихахъ, которыхъ нельзя читать безъ умиленія. Онъ поступилъ, какъ христіане первобытныхъ временъ; принесъ свое покаяніе пубдично, только печатно, и следовательно при большемъ числе свидетелей. Жаль только, что въ концъ своихъ стиховъ, вслъдъ за сознаніемъ своихъ язвъ, онъ не излилъ въры и упованія на благость и милосердіе, милующія кающагося гръшника.

S-t Pétersbourg, 7 Janvier 1860.

Tout dernièrement, il ya eu un bal masqué chez ***, dont j'ai fait mention ici (le 30 Déc.). Un incident s'est passé là et qui mérite d'être rapporté. Un masque d'un rouge vif et ardent se faisait remarquer. Mais quelle vivacité de couleur, lui dit *** -- Madame, répliqua le masque, c'est pour vous plaire et pour vous être agréable. La maîtresse de la maison tourna brusquement le dos au masque et s'éloigun. Cette *** faisait venir chez elle m-me Olga Narichkine pour l'endoctriner au sujet de son gendre le comte Chouvalow, maréchal de la noblesse du gouvernement de Pétersbourg. Un jour, après lui avoir longtemps parlé, *** lui dit: Réellement, je ne sais pas pourquoi votre gendre est contre ce projet (qui consistait à donner de la terre au paysan et beaucoup plus qu'il ne fallait d'après les idées du premier représentant de la noblesse du gouvernement). J'ai introduit ce mode chez moi et je n'ai fait que gagner. - Madame, répondit m-me Narichkine, je crois, que dans ce moment il s'agit pour la noblesse du sacrifice et non de gain. Cette réponse n'était pas faite pour satisfaire ***, aussi elle en a été très mécontente.-On écrit de Nice que l'Impératrice-Mère a été bien malade à la suite d'un froid, qu'elle avait pris pour être restée le soir trop tard sur une terrasse. Maintenant les nouvelles sont rassurantes: la convalescence a commencée, et il ne reste qu'une grande faiblesse. Les personnes de la suite écrivent que la prostration de forces est si grande qu'il serait difficile de songer à rentrer en Russie, malgré le désir et la volonté que l'Impératrice manifeste à ce sujet à toute occasion.

7 Января 1860. Недавно быль маскарадь у ***, о которомь и здѣсь упоминаль (30 Дек.). Тамъ произошель случай достопримъчательный. Ярковрасная маска выдълялась. Какая яркость красокь! сказала ей ***. "Сударыня, отвѣчала ей маска: это вамъ въ угоду и въ удовольствіе". Хозяйка дома круто повернулась и отошла прочь. Эта *** приглашала къ себъ Ольгу Нарышкину, чтобы сдѣлать ей наставленіе отпосительно ея зятя, графа Шувалова, дворянскаго предводителя Петербургской губерніи. Одпажды, послѣ долгаго разговора, она сказала ей: Право, и не попимаю, отчего зять вашъ противъ этого проекта (состоявшаго въ томъ, чтобы дать крестынну землю и гораздо больше того что слѣдовало по мпѣнію перваго представителя губернскаго дворянства). У меня осуществленъ этотъ проектъ, и я даже въ выгодъ. — "Сударыня, отвѣчала ей Нарышкина, я думаю, что въ пастонщее время дѣло идеть о пожертвованіяхъ дворянства, а не о кыгодахъ". Этотъ отвѣть пе могъ удовлетворить ***, и она была очень педовольна пмъ. — Изъ Ниццы пишуть, что Императрипа-Мать была очень нездорова, просту

дившись вслёдствіе слишкомъ поздняго пребыванія вечеромъ на терассё. Теперь извёстія успокоительны: выздоровленіе началось, и осталась лишь большая слабость. Лица свиты пишуть, что силы истощены, и трудно думать о возвращеніи въ Россію, хотя Императрица этого желаеть и при всякомъ случать о томъ говорить.

Вчера я видълъ человъка, расположеннаго всегда унывать и представлять все въ черномъ видъ. Такое расположение для него нормальное. Можно себъ представить, что онъ говорить теперь, когда положеніе наше отнюдь не цвітущее, и, можно сказать, даже очень трудное, хотя не безысходное, какъ думають нъкоторые. Мой знакомецъ полагаетъ, что внутреннія дъла не представляють ничего яснаго и положительнаго: все перепуталось, все шатко, одна мысль противуръчитъ другой, и Богъ знаетъ, выработается ли изъ этого смешенія понятій что-нибудь стройное; что же касается до дёль внёшнихъ, онъ и туть видить лабиринть, изъ котораго трудно выбраться; дивится перемънъ политики Наполеона III-го, не понимаетъ, зачемъ онъ опять перекинулся на сторону Англіи, и не можетъ придумать, какъ выйдетъ онъ изъ настоящаго положенія. Я не такъ безотрадно смотрю на событія: съ нъкотораго времени подулъ болъе благопріятный вътеръ. Узлы, кажется, уже не хотять разрубать мечемъ, а принядись просто разпутывать. Редакціонной Коммиссіи велено исправить свою работу, и при надълъ землею войти въ должные предълы. Непризваннымъ къ разръшенію вопроса сказано, чтобы они не волновались и были бы спокойнъе. Такъ было поступлено, говорять, съ ***. Слъдовательно теперь есть надежда на лучшій исходъ дъла. Къ сожальнію, нельзя того же сказать о вившней политикв.

S-t Pétersbourg, 9 Janvier 1860.

Il y a eu dîner chez l'Empereur en petit comité. Les convives étaient le pr. Gortchakow, le c. Berg, Катенинъ et mon frère. La conversation a roulé sur l'exposition de marbres et de tableaux. Au nombre des premiers on cite l'Innocence et la Prière, tous les deux d'une pureté remarquable. Parmi les tableaux une attirait surtout l'attention—c'est l'Impératrice Catherine donnant le Наказъ aux délégués de la Petite-Russie. L'Impératrice n'a pas cet air imposant et majestueux qu'on lui prête toujours, mais, malgré cela, elle est très bien. Toute la cour est là: les femmes en paniers, les hommes poudrés, les unes en toilettes élégantes et somptueuses, les autres chamarés d'ordres et couverts d'or. Impératrice Mapia Александровна aime les tableaux, aussi elle s'est beaucoup intéressée à la collection de la princesse Galitzine (Рябчикъ), où lui ont été particulièrement signalés un Calame et un Coucouc, d'une grande beauté tous les deux. On a parlé du bal donné

la veitle par m-me Emmanuel Narichkine, qu'on s'accordait à trouver très beau. L'Empereur à cette occasion s'est exprimé en termes très élogieux sur le compte de la jeune comtesse Marie Pouchkine, nièce de m-me Aurore Karamsine. Son joli minois, sa vivacité, sa causerie, tout plaisait en elle. L'Empereur a dit à mon frère qu'il a été satisfait du remaniement du Conseil Supérieur de Censure et qu'il comptait sur lui pour cette partie. Il a ajouté que les états qu'on lui a présenté étaient modérés et plus modestes que ces de Modeste, a dit l'Empereur en souriant. Les maîtres de la maison ont été très gracieux et le dîner animé; il finit à 6 heures.

Спб. 9 Янв. 1860. У Государя быль объдь для немногихъ. Тутъ были кн. Горчаковъ, гр. Бергъ, Катенинъ и мой брать. Разговаривали о выставкъ мраморовъ и картинъ. Въ числъ первыхъ называютъ Певинность и Молитву, объ замъчательной чистоты. Изъ картинъ всьхъ замъчательнъе императрина Екатерина, передающая Наказъ выборнымъ отъ Малороссіи. У Императрицы нътъ внушительнаго и величественнаго вида, съ какимъ всегда ес изображають; темъ не менее картина очень хороша. Тутъ несь дворъ, женщины въ робахъ, мущины пудреные; первыя въ прекрасныхъ и пышныхъ нарядахъ, вторые украшены орденами и сіяютъ золотомъ. Императрица Марін Александровна любить картины, и потому распрашивала о собраніп княгини Голицыной (Рябчикъ), въ которомъ ей называли картины Калама и Куку, объ отмънной прасоты. Говорили о бывшемъ паканунъ балъ у супруги Эмануила Нарышкина, и единогласно отзывались, что балъ быль преврасный. По этому случаю Государь очень хвалиль молодую графиню Марію Пушкину, племянницу Авроры Карамзиной. Ея миленькое личико, живость, разговоръ, все въ ней нравилось. Государь сказалъ моему брату, что онъ радъ возобновлению Главнаго Цензурного Комитета и по втой части имветь его въ виду. Онь прибавиль, что представленные ему штаты сокращены и скромвъе штатовъ Модеста *), сказалъ онъ съ улыбкою. Хозяева дома были очень милостивы, и объдъ прошелъ весело; онъ кончился въ 6 часовъ.

Многіе хвалять театрь. Безь сомнівнія онь могь бы приносить пользу; но на тіхть началахь, на которыхь онь нынів существуєть, онь только причиняєть вредь. Если бы писатели, директоры театровь и сама публика были въ добромь и правильномь настроеніи, тогда театрь, какть орудіе для достиженія благой ціли, оказался бы недишнимь. Въ настоящее время ожидать пользы оть театра трудно. Писатели льстять страстямь и вкусу публики изъ видовь честолюбія или корысти; директоры, не останавливаясь вовсе на нравственной стороніз діла, только руководствуются вещественными побужденіями, а публика ищеть однихъ сильныхъ ощущеній или смінныхъ пьесь, мало заботясь о томь, какія чувства, сильныя ощущенія пробуждаются въ душів

^{*)} Непереводимая игра словъ: Модестъ, скромный и Модестъ (имя барона М. А. Короа, которому хотълось устроить цензурное въдомство съ большими окладами жалованья). П. Б.

врителей и что осмъивается въ смъшныхъ пьесахъ. Въ театръ ъдутъ, чтобы провести вечеръ, и чъмъ болъе потрясены нервы или было непомърнато смъха, тъмъ болъе находять представление удовлетворительнымъ. Никто не помышляеть о вліяніи, которое пьеса имъла на умъ и сердце. Видно ли въ авторъ знаніе сердце человъческаго въ сокровенныхъ его изгибахъ? Имълъ ли онъ въ виду возбудить высокія чувства или поднять тъ, которыя, какъ сокровище, лежатъ въ тайникъ души нашей? Наконецъ, какая господствующая идея творенія? Никто не обращаетъ вниманія на серіозную сторону дъла, развъ только писатели, имъя въ виду распространеніе своихъ убъжденій, по большей части неправильныхъ и ложныхъ; а обращать театръ въ школу тлетворнаго ученія никто не можетъ одобрить или признать полезнымъ.

С.-Петербургъ, 16-го Япваря 1830 г.

Пришли сказать императрицѣ Маріи Александровнѣ, что въ одномъ семействѣ, составляющемъ прислугу при дворѣ, оказалась оспа. Докладывавшій говорилъ о мѣрахъ, принятыхъ, чтобы вывезти больную. Выслушавъ, Государыня сказала: «Устройте такъ, чтобы не было сношенія съ нашими дѣтьми; заведите хорошій уходъ за больною и чтобы она была въ теплѣ и снабжена всѣмъ нужнымъ, но перевозить ея не нужно. Я не желаю, чтобы подвергали кого либо опасности, особенно служащихъ при насъ людей. Господь поможеть, и будемъ надѣяться, что это будетъ имѣть благополучный консцъ». Какая доброта и самоотверженіе въ молодыя лѣта и при малолѣтнихъ дѣтяхъ! Да благословитъ и наградитъ ее Господь!

С.-Петербургъ, 19-го Япвара 1860.

При дворѣ за обѣдомъ, даннымъ въчесть генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго, герой торжества сидѣлъ между Императоромъ и Императрицей, и когда Государь провозгласилъ тость умирителя Кавказа и храброй Кавказской арміи, онъ при томъ что-то еще сказалъ въ полголоса князю Барятинскому, у котораго навернулись слезы. На обѣдѣ было 350 человѣкъ, и восторгъ присутствующихъ, конечно умѣряемый присутствіемъ Императрицы на празднествѣ, достигъ однако высокой степени. Былъ также обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ многіе обращались къ виновнику торжества съ рѣчами. Гр. Орловъ-Давыдовъ, женатый на сестрѣ князя Барятинскаго, началъ не совсѣмъ ловко. «Конечно, сказалъ онъ, князъ Барятинскій одинъ пичего не сдѣлалъ бы на Кавказѣ, какъ Кесарь безъ 10-го легіона не былъ бы побѣдителемъ». Князъ Вяземскій паписалъ прекрасные стихи, которые читалъ князъ Оболенскій, также въ свою очередь произнесшій рѣчь. Говорилъ

п Н. И. Гречъ, который, какъ старый издатель «Свверной Ичелы, заключиль себя въ узкія рамки строгой офиціальности. Онъ поступиль также не совсёмъ съ тактомъ, когда остановиль одного Грузина, сказавшаго: «никогда Кавказъ не былъ и не будеть такъ счастливъ, какъ нынѣ, подъ управленіемъ князя Барятинскаго». «Почему же, подхватиль Гречъ, пе будеть? Напротивъ, когда тамъ разведутся въ большемъ размѣрѣ шелководство, винодѣліе и другія отрасли, тогда развитіе его будетъ полнѣе и цвѣтущѣе». Князь Барятинскій на каждую рѣчь отвѣчалъ скромно, умно и съ достоинствомъ. Многіе, увлекаясь мечтами, представляли блестящія программы того, что должно совершиться на Кавказѣ. Побѣдитель Шамиля отвѣчалъ, что все это не такъ легко, какъ думаютъ, но что конечно ничего не будетъ упущено для приведенія страны въ благоустройство.

S-t Pétersbourg, 19 Janvier 1860.

Il y a eu sur la place du palais d'hiver une parade en l'honneur du prince Bariatinsky, et au moment où le jeune maréchal parcourait les rangs, il fut pris d'une telle douleur à la jambe que force lui a été de quitter la parade avant la fin. C'est avec peine qu'on l'a fait descendre de son cheval à son retour. Ce jour-là le prince Gortchakow donnait aussi un dîner de 30 couverts pour fêter le héros du jour, qui lui écrivit un billet pour lui dire l'état où il était et s'excuser. Le mal du maréchal est la goutte, qui revient souvent et le fait beaucoup souffrir. On trouve généralement que les grandeurs et la faveur n'ont changé en rien la manière d'être du prince Bariatinsky. Ordinairement de pareils succés et une carrière si promle et si brillante tournent la tête, au point que les plus forts ne résistent pas toujours. Et bien, il est tout aussi bon et prévenant que par le passé, et tous ceux qui ont à faire à lui se louent de son accueil. Le dîner à l'hotel du Ministère des Affaires Étrangères a toujours en lieu. C'était un bouquet de jolies femmes, la réunion a été animée, et on a beaucoup regretté l'absence de celui qu'on fêtait.-Le duc d'Oldenbourg écrit de Nice à un des officiers de sa maison que la santé de l'Impératrice-Mère n'est pas bonne: une toux sèche très persistante la tourmente beaucoup et donne des inquiétudes. Malgré la douceur du climat, la bonne Impératrice ne passe pas mieux cet hiver que celui de l'année dernière au milieu des rigeurs de notre température. Les maladies de cette princesse sont toujours ou pour la plupart du temps provoquées par des imprudences et le peu de ménagemens qu'elle prend de sa personne.

Спб., 19 Января 1860. На площади зимняго дворца быль парадь въ честь князн Барятинскаго, и когда молодой фельдмаршаль объёзжаль ряды,

нога у него до того разболъдась, что онъ вынужденъ быль до окончанія нарада удалиться, и его съ трудомъ свели съ лошади. Въ этотъ день кн. Горчаковъ тоже давалъ объдъ на 30 человъкъ въ честь нынъшиего герои, приславшаго ему записку, въ которой опъ говорить о своемъ положении п извиняется. Бользнь фельдмаршала -- подягра, часто возвращающаяся и причиняющая ему большія страданія. Вообще находять, что оть возвеличенія и дворской милости кн. Баратинскій писколько не изм'внился въ своемь обращении и жизни. Обыкновенно подобные усивхи, столь быстрое и блестищее возвышение кружать голову, и самые крипкие умы оказываются противъ этого безсильны. Онъ же попрежнему добрт и предупредителенъ, и всъ имъющие до него дъло не нахвалятся его пріемомъ. Объдъ въ Министерствъ Иностранныхъ Дълъ все-таки состоялся. Туть быль цвътъ красавицъ, и бесъда шла живо; жалъли очень объ отсутствии того, кого чествовали.-Принись Ольденбургскій пишеть пзъ Пиццы кь одному изъ офицеровъ своего дворца, что здоровье Императрицы-Матери нехорошо: она мучается отъ неотвязчиваго сухаго кашля и внушаеть опасеніе. Вопреки мигкому влимату, лобран Императрица переносить нынашиюю зиму не дучше, чамь въ прошломъ году, когда она жила въ нашей стужь. Бользии этой Государыни всегда или по большей части происходять оть неосторожности и оть того, что она мало бережеть себя.

S-t Pétersbourg, 23 Janvier 1860.

Mon frère a eu l'honneur de diner chez l'Empereur, où se trouvaient aussi les Meyendorff, la princesse Saltikow et le prince Gagarine. A diner on a reçu un thélégrame assez satisfaisant de Nice sur la santé de l'Impératrice-Mère; mais comme il était signé par Carell, l'Empereur a eu un petit saisissement en ouvrant la dépêche. La baronne Mayendorff a dit à mon frère que, d'après les nouvelles qu'elle a de son côté, l' Impératrice n'était pas bien. Le dîner était animé, et l'Empereur a commencé par annoncer la nouvelle de la soumission d'une tribue au Caucase. Puis il s'est entretenu avec mon frère sur la Censure, disant qu'il était impatient de voir le Conseil Supérieur de Censure, tel qu'on vient de l'organiser, commencer à fonctioner. Il a été loin de goûter le projet de m-r Pirogow, le curateur de l'université de Kiew, de faire admettre dans les universités avec la plus grande facilité, sans aucun examen, tous ceux qui désiraient y entrer, même les paysans. L'Empereur a dit que les universités deviendraient alors autant de cabarets. L'Impératrice, de son coté, a parlé des instituts, surtout sur le rapport des changemens que subissent en ce moment les établissemens de crédit. S. M. était contrarié de ce qu'on enlevait les capitaux aux instituts et, approuvant l'emploi que mon frère avait fait dans le sien des sommes provenant des économies sur certains articles en les appliquant aux différents besoins et nécessités de l'établissement. l'Impératrice a été satisfaite surtout d'apprendre que les élèves de l'institut, d'après une disposition récente, allaient avoir à leur diner de boeuf trois fois par semaine. C'est à l'absence de cet aliment ou à son

rare usage qu'on attribue généralement le grand nombre d'élèves atteintes de scrophules dans nos établissemens. Désormais, pour ne pas passer les épargnes au Ministère des Finances, on se gardera de les signaler et on les aura en réserve pour ses propres besoins.

Спб. 23 Января 1860 г. Брать мой имьль честь объдать у Государя, гдь находились также Мейендорфы, кн. Салтыкова и кн. Гагаринъ. За объдомъ получена была довольно успокоительная телеграмма изъ Инццы о здоровью Императрицы-Матери; но такъ какъ телеграмма подписана была Карелемъ, то, векрыван денешу, Государь ивсколько встревожился. Баронесса Мейендороб сказала моему брату, что по ея извъстимъ Императрицъ нехорошо. Объдъ прошелъ весело, и въ самомъ началъ Государь объявилъ, что одно Кавказское племя покорилось. Потомъ онъ разговаривалъ съ моимъ братомъ о цензуръ и сказалъ, что ждеть не дождется, когда начиеть дъйствовать Главный Цензурный Совыть въ томъ видь, какъ его теперь устроили. Онъ вовсе не одобрядъ проекта г-ва Пирогова, попечителя Кіевскаго университета, о всическомъ облегчении доступа въ университеты, такъ, чтобы всв желающие въ него вступить, даже и врестьяне, по подвергались экзамену. Государь сказаль, что тогда будеть столько же университетовь сколько п кабаковь. Съ своей стороны Государыни говорила объ институтахъ и особенно объ измъненіяхъ, которыя теперь производятся въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Ен Величество не довольна тамъ, что у институтовь отнаты капиталы, по одобряеть моего брата за то, что онъ въ своемъ институтъ обратиль суммы, сбереженныя по извъстиымъ статьямъ, на разныя пужды и потребности заведенія. Особенно Государыня довольна, что восинтанницы института по повому разпоряженію будуть иметь за обедомъ говидину три раза въ недвлю. Отсутствио этой пини или ръдкому ся употребление приписывають вообще въ нашихъ заведенихъ распространение волотухи. Отныпъ, чтобы не отдавать этихъ сбереженій Министерству Финансовъ, не будуть занвлить о пихъ, а стануть удерживать про запась дли своихъ нуждь.

С.-Петербургь, 24-го Январи 1860.

Выль объдь у князя Орлова въ честь князя Варятипскаго, который не прівхаль по случаю сильнаго припадка подагры, но присутствовали всё министры и нъкоторые члепы Государственнаго Совъта. Приглашеніе пришло и къ брату, который слышаль тамъ, что у фельдмаршала очень распухли ноги въ кольнахъ и боль безпрестанно переносится то въ руку, то въ плечо и такимъ образомъ можетъ обратиться и къ сердцу, пораженіе котораго въ подобныхъ случаяхъ смертельно. Люди придворные, по крайней мъръ многіе изъ нихъ, узнавъ, что братъ объдаль или былъ приглашенъ къ Государю, на другой день являются, вспоминаютъ прежнюю дружбу, выгосариваютъ, зачъмъ онъ не далъ знать о своемъ прівздъ и осыпаютъ всякаго рода привътствіями и любезностями. Такъ сегодня посътилъ *, который между прочимъ жаловался на людей въ случан, не хотящихъ знать старыхъ знакомыхъ.

S-t Pétersbourg, 27 Janvier 1860.

On vient de m'apprendre que le pr. Michel Galitsine, ministre à Madrid, est atteint d'une maladie grave et qui donne des inquiétudes

à sa femme. Cet homme paraissait avoir tout pour être heureux: une compagne charmante, un enfant qui se développe de manière à donner les espérances, une grande fortune, un grand nom, et enfin un poste, auquel à la vérité il est arrivé tard, mais d'une manière flatteuse pour lui et en parfaite conformité avec ses goûts. Au moment, où, maître de sa fortune, il pouvait croire qu'il jouirait en plein de la vie et de tous les avantages qu'elle lui offre, c'est alors qu'il doit la clore. Une éducation faussée lui a donné une direction qui n'était pas tout à fait analogue à sa position; un penchant exagéré pour l'étranger et malheureusement un éloignement pour son propre pays, suites inévitables de cette éducation, l'ont empêché d'ètre utile à sa partie, autant qu'il l'aurait pu. Il est juste de dire qu'en ce qui lui manque, ce sont les autres qui en sont fautifs; mais ce qu'il possède il ne le doit à personne et le porte dans sa nature douée d'un esprit distingué, d'un coeur affectueux et d'une amabilité qui est très apprécieuse et le fait rechercher dans le monde.

Спб. 27 Янв. 1860 г. Мет сказали, что князь Михаилъ Голицынъ, пославникъ въ Мадридъ, тлако заболъдъ и что жела его о немъ безпокоится. Человъкъ этотъ, казалось, имълъ все, чтобы быть счастливу: прекрасную подругу *), подрастающаго и подающаго надежды ребенка, большое состояніе, громкое имя и наконецъ должность, которую, правда, онъ получиль поздно, но лествымъ для него образомъ и въ полиомъ соотвътствіи съ его вкусами. II теперь, когда онъ могъ думать, что будеть по произволу вполив наслаждаться жизнью и всеми ея преимуществами, приходится ему съ нею разставаться. Пеправильное восинтаціє сообщило сму направленіе, не вполить соотвътствующее его положению; преувеличенная склонность къ чужеземщинъ и по несчастью отчуждение отъ своей собственной страны, эти неизбъжные илоды такого воспитація, воспренятствовали ему принести своему отечеству ту пользу, которую онъ бы могь. Нодо сказать правду, что въ этомъ виноваты не онъ, а другіс, а то что въ немъ есть, этимь онъ обязань себъ лично и своей даровитой природъ: отличный умъ, любящее сердие и весьма пріятная обходительность, благодаря которымъ инкуть его общества,

С.-Петербургъ, 28-го Япваря 1860.

Въ Совъть Министровъ, который собирается у Государя, въ послъдній разъ привезли князя Барятинскаго въ креслахъ. Разсуждали о сооруженіи церквей на Кавказъ и Закавказскомъ краю. Въ засъданіе были призваны также Кіевскій митрополить Исидоръ, бывшій долго экзархомъ Грузіи, и оберъ-прокуроръ Синода гр. Толстой. Князь Барятинскій предложиль обложить податью ордена, полагая по 10 р. с. съ ордена, а такъ какъ кавалеровъ считается до 80.000, то выручилась бы сумма 800,000 р. с. Признали неудобнымъ въ этой мъръ, что она имъла бы обратное дъйствіе, была бы стъсненіемъ для бъдныхъ

^{*)} Нынъ графиню Остепъ-Сакенъ, супругу нашего посла въ Берлинъ. П. Б.

чиновниковъ, встрътила бы затрудненія при исполненія. Въ заключеніе самъ князь Барятинскій отсталь отъ своего мижнія, и мъра была оставлена. Потомъ разсуждали объ учрежденіи новаго брдена.

С.-Петербургъ, 30-го Январи 1860.

Князь Варятинскій предлагаль учредить новый дрдень, который бы носили Императорь и члены его семейства и который пользовался бы одинаковымъ почетомъ съ Андреевской лентой. Учрежденіе ордена имѣло цѣлью доставить деньги для сооруженія церквей на Кавказѣ. Степеней дрдена было бы нѣсколько. На нихъ полагали составить таксу, такъ что, начиная съ нисшей до высшей, можно было при нѣкоторомъ пожертвованіи ихъ пріобрѣтать или, короче, покупать. Это предложеніе, какъ вовсе несовмѣстное съ достоинствомъ верховной власти и не практическое, устранено. Въ заключеніе бывшаго у Государя засѣданія по сему предмету рѣшили ограничиться заведеніемъ кружки и добровольными пожертвованіями.

С.-Петербургъ, 1-го Февраля 1860.

Читали адресъ Владимирскаго дворянства, написанный въ почтительномъ тонъ, но испрашивающій радикальныя перемъны и въ числъ ихъ гласный и словесный судъ. Что будеть делать правительство, если за этимъ адресомъ последують и другіе? Право, не трудно было предвидъть, что происходитъ теперь. Таковъ естественный ходъ вещей, и не было причины думать, что онъ изменится для насъ. Архіерей - викарій, отъбажая въ Смоденскую епархію, призналъ нужнымъ сказать слово въ институтъ, гдъ совершалъ богослужение по приглашению генераль-губернатора. На другой день вышла въ газетъ статья, въ которой раскритиковали и осмвили слово пастыря. Статья написана прогресситомъ въ неприличныхъ выраженіяхъ; но спрашивается, какой будеть имъть авторитеть проповъдь, произнесенная въ храмъ, съ канедры христіанской, если допущена будеть возможность каждому встръчному и поперечному судить и рядить о ней вкривь и вкось, въ печати? Это первый случай, на который безъ сомивнія обратять должное вниманіе.

С.-Петербургъ, 3-го Февраля 1860 г.

Узнаю, что Ростовцевъ очень плохъ. Кровь его портится, и врачи приговорили его къ смерти. Онъ умираетъ подъ бременемъ ноши, которая была ему не по силамъ. Представляется удобный случай дъло поправить, назначивъ на его мъсто человъка опытнаго г способнаго. Называли Карла Ламберта и Валуева, людей дъльныхъ, изъ коихъ послъдній не по вкусу принадлежащимъ къ крайней партіи либера-

ламъ. Впрочемъ, кажется останется предсъдателемъ коммиссіи Булгаковъ, человъкъ умный, но безъ убъжденій и который будетъ дъйствовать, какъ повъетъ вътеръ. Государь недавно говорилъ Орловскому губ. предводителю Апраксину, что напрасно думаетъ дворянство, что онъ дастъ его въ обиду; напротивъ, сказалъ Императоръ, я твердо ръшилъ соблюсти выгоды и интересы перваго сословія въ государствъ.

S-t Pétersbourg, 4 Février 1860.

D'après les dernières nouvelles de Nice, la santé de l'Impératrice s'est améliorée; elle a pu quitter le lit et, assise sur une couchette, a été à même de recevoir quelques personnes, entre autres le prince Troubetskoy, le président de Moscou. Ce jour-là l'Impératrice gardait encore le lit. Aussi, quand le prince est entré, l'auguste malade lui dit: Nous sommes si vieux tous les deux, qu'il n'y a pas d'inconvenient pour moi de vous recevoir comme je le fais. Pourtant la faiblesse est encore si grande que les réceptions qui n'ont pour but que d'offrir quelque distraction à l'Impératrice ne durent guère. Dieu veuille remettre et fortifier cette angélique souveraine.

Und. 4 Февраля 1860 г. По последниме известияме известияме из Ниццы здоровье Императрицы поправилось; она могла сойти се постели и, сидя на кушетке, даже принимала векоторыхе лице, ве томе числе Московскаго президента кн. Трубецкаго *). Его она приняла еще ве постели и когда князь взошеле ке ней, августейшая больная сказала ему: "Мы оба таке стары, что туте нете неприличін, что и васе таке принимаю". Однако она еще очень слаба, и представленія продолжаются педолго, служа только ке некоторому развлеченію Императрицы. Дай Богь, чтобы поправилась и укрепилась эта добрайшая Государыня.

С.-Петербургъ, б-го Февраля 1860.

Вчера сказывали мнв, что Ө. И. Прянишникову сдвлалось дурно по возвращении съ прогулки. Одинъ разъ я посвтилъ его вмъстъ съ братомъ, чтобы полюбоваться его собраніемъ картинъ Русскихъ художниковъ. Посль, когда намъ случалось встрътиться, мы даже не заводили ръчи. Прянишниковъ, находясь подъ начальствомъ князя А. Н. Голицына и К. А. Булгакова и слъдуя примъру этихъ добрыхъ и услужливыхъ людей, самъ отличается тъми же прекрасными качествами. Онъ очень хорошъ къ своимъ подчиненнымъ и поступаетъ съ ними отечески. Я былъ пораженъ извъстіемъ о случившейся съ нимъ дурнотъ и, не смотря, что часто, могу сказать ежедневно, думаю о смерти, не могу сродниться съ мыслью о ней. Зрълище смерти, какъ то измъненіе въ чертахъ лица, разложеніе, запахъ и проч. не располагають къ тому, чтобы мысль о ней внушала къ себъ сочувствіе.

^{*)} Президенть Московскаго Опекунскаго Совата, ки Николай Ивановичъ Трубецкой, двоюродный братъ писавшаго. П. Б.

S-t Pétersbourg, 6 Février 1860.

En rentrant du bal à trois heures après minuit, l'Empereur apprit que Rostovtsow était à ses derniers momens. Il changea de toilette et se rendit de suite auprès du malade, qui était agonissant; aussi à 7 h. il rendit le dernier soupir. L'Empereur, vivement impressionné, pleura beaucoup. On contremanda le bal, qui devait avoir lieu le lendemain Dimanche à la cour. On dit que dans son délire le défunt prononça ces paroles: Ne craignez pas, Sire (не бойся, Государь). Il avait déclaré à son médecin qu'il ne le guérirait pas par la raison que son mal provenait d'une cause morale. Rostovtsow était excellent pour sa femme. ses enfants et ses vassaux. Il eut le mérite, après avoir quitté l'établissement où il recut son éducation, de suppléer pas un travail très suivi à tout ce qu'elle laissait à désirer. Plein de zèle et de dévouement pour le service de son souverain et pénétré de la nécessité de mener à bonne fin la tâche qui lui a été confiée, il y mit de l'ardeur. Son grand tort avait été de s'entourer de gens qui ne représentaient que l'opinion d'une minorité, qui le déborda bientôt et dont il ne tarda pas à devenir le jouet ou plutôt l'instrument aveugle.

Спб. 6 Февр. 1860. Возвратившись въ три часа пополуночи съ бала, Государь узналь, что Ростовцовь умираеть. Онь персодылся и тотчась отправился къ больному, который быль при последнемъ издыхавіи. Въ семь часовь онъ скончался. Государь, чрезвычайно огорченный, мпого плакалъ. Отменили баль, назначенный при дворе въ наступающее Воскресенье. Разсказывають, что въ бреду покойный произнесь следующи слова: "не бойся, Государь". Врачу своему онъ объявиль, что онъ его ис выделить, такъ какъ болжань его происходить отъ причины правственной. Ростовцовъ былъ превосходный мужъ, превосходный отець и начальникъ. По выхода изъ заведенія, гдф онъ получиль свое воспитаніе, упорнымъ трудомъ онъ восполнилъ недостатки онаго. Полный усердія и преданности къ службъ своего государя, онъ быль проникцуть мыслію довести къ доброму концу довъренное ему двло и горячо имъ занимался. Большая его ошибка состояла въ томъ, что онъ окружиль себя людьми, которые были выразителями мивнія меньшинства, они его пересилили, и онъ сдълался игрушкою или скорже. слъпымъ орудіемъ ихъ мнъній.

С.-Пстербургъ, 9-го Февраля 1860.

Государь и великіе князья были на похоронахъ Ростовцова. Имраторъ прівхаль на вынось и самь несь гробь, что повторилось потомъ отъ церкви до могилы: очень понятное увлечение сердца, котораго многіе не одобряють, полагая, что подобныя дійствія роняють достоинство императорского сана. Можетъ быть, Государь зналъ въ Ростовцовъ добродътели, которыхъ не знали другіе и которыя утвердили его дружбу и привязанность къ почившему. Вмёсте съ Императоромъ несли гробъ великіе князья и прапорщики. Последнимъ нельзя III. 36

русскій архивъ 1896.

было отказать въ этомъ изъявленіи ихъ уваженія и признательности къ покойному. По возвращеніи Государя отъ могилы, онъ уже никого не нашель: ибо всё разъёхались.

С.-Петербургъ, 11-го Феврала 1869.

На мъсто Ростовцова назначенъ графъ Панинъ, который передаеть Министерство Юстицій своему товарищу, чтобы вполнъ и исключительно заняться крестьянскимъ деломъ. Выборъ человека, который считается однимъ изъ богатъйшихъ помъщиковъ, представляеть ручательство землевладъльцамъ, что ихъ интересы будуть соблюдены. Графъ Панинъ уменъ, образованъ и даже ученъ. Прежде о немъ говорили, что онъ прекрасно излагаетъ дъло, но приходить къ заключенію не всегда върному. Съ нъкотораго времени замъчають, что этотъ педостатокъ исчезъ и что дълаемые имъ выводы отличаются особенною правильностью. Владимирское дворянство прислало адресъ, который я читаль у И. Д. М.*) и гдв оно ходатайствуеть о введеніи нъкоторыхъ радикальныхъ перемънъ и о дарованіи ему правъ. Полагали было распубликовать дворянство; но мъра эта не нашла одобренія, потому что правительство не должно содъйствовать распространенію извістій о неправильных дійствіях дворянства. Остановились на томъ, чтобы сдълать строжайшій выговоръ предводителямъ дворянства.

S-t Pétersbourg, 12 Février 1860.

Mon frère a dîné aujourd'hui chez l'Empereur, où se trouvaient aussi la p-esse Wiasemsky, la comtesse Bloudow et le prince Pierre Winsemsky. On a parlé de la modestie du p-ce Bariatinsky, qui, a dit l'Empereur, est l'apanage du talent et la qualité d'un véritable gentilhomme. Cette vertu est bien rare, poursuivait le même personnage, et le prince P tch ne l'avait pas du tout; au contraire, on remarquait facilement en lui le parvenu. Il est juste d'ajouter que lui-même convenait, qu'il n'appartenait pas à la classe élévée de la société. L'Empereur a dit ensuite qu'au bal du gouverneur-général le p-ce Bariatinsky, faisant la partie, a été vivement attaqué par les dames, qui jouaient avec lui et qui avaient trouvé qu'il faisait faute sur faute au jeu. Le pr. Bariatinsky, le général Yermolow et Chamil étaient pendant tout le temps inséparables. Yermolow, agé de 83 ans, se faisait porter pour ne pas manquer aux réunions qui eurent lieu pour fêter le maréchal. Les rues sont tellement encombrées de neige que le frère du héros du jour, le prince Anatole, s'est cassé une côte, et ces accidents sont très nombreux.

^{*)} Илья Двитріевичъ Мухановъ, двоюродный брать писавшаго. П. Б.

С.-Пб. 12 Февраля 1860 г. Брать мой сегодня объдаль у Государя, гдв были также княгиня Вяземская, графиня Блудова и князь Петръ Вяземскій. Говорили о скромности князя Барятинскаго, которая, по словамъ Государя, есть принадлежность дарованія и свойственна настоящему дворянину, "Эта добродътель очень ръдка, продолжаль Государь, и ея вовсе не было у князя П. . . . а; сейчась можно было замътить, что онъ незнатнаго рода; справедливость требуеть прибавить, что и самъ онъ признаваль, что не принадлежить къ высшему вругу общества". Потомъ Государь сказываль, что на балъ у генераль-губернатора на князя Барятинскаго очень нападали игравшія съ нимъ въ карты дамы и безпрестанно уличали его, что онъ не умъсть играть. Князь Барятинскій, генераль Ермоловъ и Шамиль все время появлялись вмъстъ. Восьмидесяти-трехъ-лътній Ермоловъ нарочно приказываль себя приносить въ собраніе, гдъ чествовали фельдмаршала. Улицы до того завалены снъгомъ, что брать нынъшняго героя, князь Анатолій, сломаль себъ ребро; такіе случаи теперь очень часты.

С.-Пб. 13 Февраля 1860 г.

У великой княгини Елены Павловны быль въ тотъ же день балъ ведикольпный п до 1.000 человькь посытителей. Она всыми признана мастерицею устраивать праздники и плвнять своимъ умомъ. Еслибы эта умная женщина не мъшалась въ государственныя дъла, то она, конечно, была бы украшеніемъ нашего двора. На баль были и маски, которыя болбе или менбе удачно мистифировали Государя, великихъ князей и все общество. Одна изъ нихъ подошла къ Государю и сказада ему: не можете ли вы указать мив на Англійскаго министра? — А зачёмъ вамъ его? спросиль Императоръ. - Чтобы принесть ему жалобу на его соотечественника, который въ гостиницъ живетъ въ номеръ рядомъ со мною и не дастъ мнъ покою ни днемъ, ни ночью. —Узнали ли вы его пия? спросил Государь. Узналь, отвъчала маска: его зовуть г-нъ Устеръ-Клозеть. - Другая маска обратилась съ слъдующимъ къ генералу Тимашеву: «Назначеніе графа Панина меня очень разстроило, и я едва держусь на ногахъ, которыя трясутся; я Муравьевъ. Извёстно, что министру государственныхъ имуществъ хотёлось занять мъсто Ростовцова. -- Государь ходиль по заламъ, а потомъ игралъ въ карты. Участвовавшіе въ партін были кн. Суворовъ, Ив. Матв. Толстой и брать, который возвратился домой около 4-хъ часовъ пополуночи, Вообще праздникъ заслужилъ общее одобреніе.

S-t Pétersbourg, 14 Février 1860.

C'était la folle journée qui s'est passée à la cour: dîner, danses le matin et danses le soir. Mon frère a été invité au dîner et au bal. On nous a dit plus tard que c'était une distinction particulière qu'une invitation au dîner. En effet, malgré que l'on comptait près de deux cents convives, à part les personnes dansantes, le nombre des invités était très restreint. Il y avait de l'animation et de l'entrain. La jeunesse ne

quittait pas le parquet, les gens sérieux causaient et ceux qui ne goûtent pas le plaisir de la conversation, faisaient la partie. Comme chacun avait ce qui lui fallait, tout le monde était content. A dîner on portait le frac, au bal l'uniforme. A minuit la famille impériale s'est retirée, et ainsi le signal du départ avait été donné à tout le monde: le temps de le pénitence, le carême venait de commencer. Le carnaval était très bruyant; on a dansé tous les jours, et le bal dont on s'est surtout préoccupé, était celui de m-me Karamzine. Le goût et l'élégance qui présidaient à l'arrangement, l'éclat de la fête et les brillantes toilettes eurent l'admiration générale. On goûta aussi la pièce qui fut jouée à trois par les deux nièces et le fils de la maîtresse de la maison. Tout ce tumulte de dissipation a fait place au silence du recueillement.

С.-Пб. 14 Февраля 1860 г. При дворъ быль суматошный день (folle journée): объдали, танцовали угромъ, танцовали вечеромъ. Брата моего пригласили къ объду и на балъ; намъ потомъ говорили, что приглашеніе къ объду есть особенное отличіе. Въ самомъ дълъ, хотя объдало около двухъ сотъ человъкъ кромъ танцующихъ, число приглашенныхъ было весьма ограниченное. Веселились живо и съ увлеченіемъ. Молодежь не еходила съ пармета, люди важные бесъдовали, а неохотники до разговоровъ играли въ карты. Такъ какъ всякій удовлетворенъ былъ посвоему, то всъ и были довольны. За объдомъ фракъ, на балу мундиръ. Царское семейство удалилось въ полночь, чёмъ поданъ былъ для всъхъ знакъ къ разъъзду: началось время пованыя и поста. Масляница прошла очень шумно; всъ дни танцовали. Всъхъ замъчательнъе былъ балъ у Карамзиной; вкусъ и изящество въ устройствъ и блестящіе наряды возбуждали всеобщее удивленіе на этомъ праздникъ. Хвалили также представленіе въ трехъ лицахъ: двъ племянницы и сынъ хозяйви дома. Весь этоть вихрь развлеченій уступиль мъсто сосредоточенной тишинъ.

С.-Пб. 15 Февраля 1860 г.

Депутаты, вызванные изъ губерній для обсужденія мивній Редакціонныхъ Коммиссій по крестьянскому двлу, нынв напечатали въ Лейпцигв отчеть о своихъ двйствіяхъ въ Петербургв. Приняли ихъ здвсь какъ людей, призванныхъ для отобранія отъ нихъ свъдвній містныхъ, а не для важнаго двла; не дозволили имъ собираться офиціально для совіщаній, что повлекло бы за собой разногласіє; не вели протоколовъ возраженій, двлаемыхъ ими въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, чтобы не оставалось и сліда какого либо дільнаго замічанія. Отчетъ написанъ умно, открыта истина, но представлена самымъ благовиднымъ и приличнымъ образомъ. Все, что произошло, приппсывается предсідателю и вліятельнымъ членамъ Редакціонныхъ Коммиссій. У писавшаго брошюру твердое убъжденіе, что дійствія или лучше образъ дійствія Коммиссій неизвістенъ Государю: иначе оніз дійствовали бы иначе. Вся надежда возлагается единственно на Царя благодушнаго и исполненнаго благихъ намівреній и желаній.

С.-Пб. 19 Февраля 1860 г.

Генералъ Кушелевъ, полковой командиръ Измайловскаго полка, разсказывалъ, что, командуя нѣкогда другимъ полкомъ, онъ стоялъ въ Новгородъ, гдѣ скучалъ по неимѣнію знакомыхъ. Ему сказали, что недалеко отъ города есть пріятное семейство Ермоловыхъ, живущее въ своемъ помѣстьѣ. Кушелевъ, желая провести сносно время, рѣшился къ нимъ ѣхать. Тамъ занимались кружащимися и пишущими столами. Онъ мысленно спросилъ у одного пишущаго стола, гдѣ его мебель, о которой безпокоился (ибо, отправленная водою, она не являлась). Отвѣтъ былъ: мебель при входъ въ Ильмень, и судно, на которомъ она нагружена, за противнымъ вѣтромъ, не можетъ идти далѣе. По возвращения въ Новгородъ, было взято свъдѣніе, и точно, сказанное столомъ оказалось справедливо.

С.-Пб. 21 Февраля 1860 г.

Вотъ еще случай, разсказанный тёмъ же Кушелевымъ. Пріёхавъ изъ Новгорода въ Петербургъ, онъ представлялся и, уходя съ представленія, встрётилъ Государя-Наслёдника, который, по милостивому расположенію, сказалъ ему: а мы думаемъ, какъ бы тебя перетащить къ намъ. Кушелевъ возвратился въ полкъ. Однажды, сидя съ женой, отъ нечего дёлать, онъ предложилъ спросить у стола, измёнится ли его судьба и скоро ли? Столъ отвёчалъ: назначеніе последуетъ 26-го числа слёдующаго мёсяца полковымъ командиромъ Измайловскаго полка. Дёйствительно, извёстіе о назпаченіи не замедлило придти. Замёчательно, что предмёстникъ новаго командира былъ молодой, здоровый человёкъ, который внезапно занемогъ и умеръ.

С.-Пб. 20 Марта 1860 г.

Въ Университетъ былъ ученый посдинокъ между академикомъ Погодинымъ и профессоромъ Костомаровымъ: одинъ производитъ Русь отъ Нормановъ, а другой изъ Литвы. Публики стеклось много, и всъ съ понятнымъ любопытствомъ ожидали пренія. Оно началось; но студенты, которые составляли большинство слушателей, безпрестанно мъшали дълу рукоплесканіями и всякими знаками одобренія или неодобренія. Какое неуваженіе къ наукъ, и гдъ и отъ кого! Въ самомъ ся святилищъ и отъ тъхъ, которые приходятъ туда за ея сокровищами. Потомъ какое пренебреженіе къ публикъ, которая къ изумленію своему находить невъжливость и какую-то грубость тамъ, гдъ центръ просвъщенія, изъ котораго должно исходить все доброе и прекрасное! По окончаніи пренія, студенты бросились на состязателей, подхватили ихъ и понесли. При этомъ расположеніи жаль, что имъ не привелось

жить въ Индіи, гдѣ вмѣсто экипажей употребляють паланкины или въ Дрезденѣ, гдѣ обыкновенно на вечера отправляются на носилкахъ: тамъ крайне нуждаются въ носильщикахъ.

S-t. Pétersbourg, 21 Mars 1860.

Le 18 de Mars la nouvelle est arrivée que la veille le prince Michel Galitzine est décédé à Monpelier. On le croyait gravement atteint, les nouvelles empiraient toujours, et pourtant on se refusait à croire à la possibilité prochaine d'une nouvelle fatale. Un esprit cultivé, un bon coeur, beaucoup d'urbanité, l'ancienne amabilité du bon vieux temps donnaient au commerce du prince Galitzine un grand charme. Sa manière de conter était généralement goûtée, et c'est avec un intérêt tout particulier qu'on aimait à le suivre dans ses récits sur l'Espagne. Sa position de ministre à Madrid le mettait à même de savoir beaucoup de détails intimes sur la reine et sur la cour. Il avait de nobles goûts et aimait les tableaux, les statues, les anciennes meubles; mais ce qui devenait chez lui une passion, c'était sa prédilection pour les anciens bouquins. Ainsi, quand un petit volume de modeste apparence, mais précieux à ces yeux, tombait dans les mains de notre bibliomane, il en était tout heureux et quelque fois ému jusqu' aux larmes. Il portait son volume dans la poche (le dernier acquis), le tirait de temps en temps, l'examinait avec un certain attendrissement et le dérobait bien vite aux yeux de ceux qui n'étaient pas à même d'apprécier son trésor.

С.-Пб. 21 Марта 1860 г. 18 Марта пришло извъстие, что наканунт въ Монпелье умеръ киязь Михаилъ Голицынъ. Считали, что онъ тяжко боленъ; извъстія получались все тревоживе, по не полагали, что конепъ такъ близокъ. Просвъщенный умъ, доброе сердце, много въждивости, старинная любезность добраго прежняго времени сообщали большую прелесть сношеніямъ съ княземъ Голицынымъ. Всемъ нравились его разсказы, и въ особенности любили слушать, какъ онъ говориль объ Испаніи. Будучи посломъ въ Мадридъ, онъ имълъ возможность знать иного частныхъ подробностей о королевъ и дворъ. У кинзи были благородные вкусы; онъ любилъ вартины, статуи, старинную мебель, но особенною страстью была у него любовь къ старымъ книгамъ. Когда библіомань нашъ пріобръталь какую-нибудь маленькую книжку, съ виду незначительную, но въ его глазахъ цвиную, онъ становился вполнъ счастливъ и даже плакадъ отъ радости. Книжку эту (последнее пріобретеніе) клаль онъ себе въ кармань, оть времени до времени вынималь оттуда, разсматриваль съ какою-то нъжностью и вскоръ пряталь оть техъ, кто не въ состояни быль оценить его сокровище.

С.-Пб., 24 Марта 1860 г.

Въ послъднее время происходили выборы, которые обратили на себи общее вниманіе. Были попытки въ нъкоторыхъ проектахъ адреса Государю просить измъненія постановленій. Нъкто П..., побочный сынъ князя Зубова, настаивалъ особенно на прочтеніи заготов-

ленной имъ записки; но благоразуміе и спокойствіе предсъдателя и собранія отклонили его предложеніе. Самый приличный проекть адреса представиль флигель-адъютанть графъ Андрей Шувалокъ; но онъ, къ сожальнію, не быль одобрень. Тогда составили другой, которымь читавшіе его сановники остались недовольны. Предварительно читаль его и Государь, на котораго онъ также произвель неблагопріятное впечатльніе. Въроятно въ настоящихъ обстоятельствахъ правительство само ожидало чего пибудь подобнаго. Это было неизбъжно. Думаю впрочемъ, что такія изъявленія, если па нихъ не обращать вниманія, скоро прекратятся и не оставять по себь слъда.

S-t Pétersbourg, 25 Mars 1860.

Il y a eu soirée chez la gr.-d. Hélène, où, en présense de l'Empereur, un prestigitateur, nommé Philippe, fit les frais de la soirée et étonua les assistans par l'adresse et l'agilité qu'il mit à s'acquitter de sa besogne. Ainsi, par exemple, étant vêtu d'un vêtement large, espèce de robe de chambre, qu'il lève souvent pour faire voir qu'il n'y a rien dessous, à la suite de différents mouvements il présenta à la société un baquet d'eau rempli de poissons vivants; plus tard il produisit des poules et des canards. Ce tour des animaux n'a pas été trouvé joli, car ils paraissaient sortir de sous sa robe de chambre. Ensuite il a demandé des bagues à des dames, les mit dans un chapeau qui servait a faire une omelette et à entretenir un feu ardent, sans aucun préjudice pour le chapeau, et fit voir à plusieurs reprises que les bagues étaient tonjours là. Puis le prestigitateur ferma le chapeau, le secoua plusieurs fois, et il en fit sortir des pigeons avec des rubans au col noués par les bagues qu'on lui avait confiées. Ce tour fut trouvé charmant et amusa la société.

С.-Пб. 25 Марта 1860 г. Быль вечерь у великой княгиии Едепы, Фокусникь, по имени Филиппъ, въ присутствии Государя, занималь собою и удивляль присутствующихъ ловкостью и быстротою въ исполнения своего дъла. Такъ, папр., будучи одъть въ широкое платье въ родъ халата, онъ часто подымаль его, показывая, что подъ нимъ ничего нъть и послъ разныхъ движеній представляль обществу чашу съ водою и живыми рыбами; затъмь онъ выводиль цыплять и утокъ. Эти штуки съ животными не понравились, такъ какъ, повидимому, животныя появлялись изъ-подъ его халата. Потомъ онъ спросиль колепъ у дамъ и положиль ихъ въ шашку, чтобы сдълать яичницу; шляпу держаль опъ на сильномъ огиъ, и она не сторала, а онъ показываль въсколько разъ, что въ ней лежать кольца. Затъмъ онъ закрыль шляну, въсколько разъ ее встряхиваль, и оттуда вышли голуби съ лентами на шеъ, которыя были прикръплены довъренными ему кольнами. Этоть фокусъ понравился и позабавиль общестно.

С.-Пб., 26 Марта 1860 г.

Въ Казанскомъ соборъ совершалось Греческое богослужение, при коемъ присутствовали въ началъ Греки, потомъ стали приходить православные и особенно раскольники, которыхъ усердие общее обращаетъ на себя внимание. Время отъ времени число этихъ посътителей росло. Наконецъ многие изъ нихъ объявили, что, довъряя вполнъ самому древнему богослужению, опи желали бы снова быть обвънчанными. Дъйствительно, на прошение ихъ послъдовало разръщение Сипода. Если бы въ тъхъ мъстностяхъ, гдъ много раскольниковъ, завести Греческое богослужение, легко можетъ быть, что расколъ исчезъ бы самъ собою. Впрочемъ и здъсь надо ожидать благоприятныхъ послъдствий.

С.-Пб., 28 Марта 1860 г.

Умеръ юный князь Куракинъ*), кавалергардскій офицерь, любимый товарищами и въ обществъ. Опъ говорилъ передъ смертью духовнику, что намъревался измънить образъ жизни и не предаваться свъту. «Трудно было бы исполнить», сказалъ священникъ.— «Въ такомъ случаъ, замътилъ умирающій, желаю умереть».

С.-Пб., 1 Апрвля 1860 г.

Чашниковъ, женатый па Бибиковой, жилъ въ деревиъ. Сосъдями его были графъ В., отецъ недавно умершаго графа В. Д. и Нарышкинъ, отецъ Дмитрія Ивановича, женатаго на Бартеневой. У Чашникова быль родственникъ горбунъ, лице довъренное, которое онъ употребляль по своимъ дъламъ. Извъстно, что онъ занимался производствомъ фальшивыхъ ассигнацій. Фабрика устроена была на мельницъ, такъ что при первой необходимости можно было спустить воду, которая въ одно мгновеніе могла унести все заведеніе со всёми его инструментами и принадлежностями. Одинъ разъ гр. В. посътилъ Чашникова, которому привезъ должную ему сумму. На столъ въ это время лежала пачка новыхъ ассигнацій безъ надписи. Горбунъ замітиль, что пачка не миновала глазъ посътителя, вызвалъ Чашникова и переговорилъ съ нимъ. Скоро потомъ слуга принесъ чашку кофе гр. В., который выпиль его и, возвратясь домой, скоропостижно умерь. Въ городъ узнали о преступной фабрикаціи Чашникова, который спровадилъ на мельницу горбуна: вода была спущена, и слъдовательно не нашли никакихъ слъдовъ преступленія.

^{*)} Старшій сынъ князи Адексви Борисовича и княгини Юліи Өедоровны Куракицыхъ. П. Б.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ А. М. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА О ЗЕМЛЪ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Для того, чтобы нижеслъдующая записка покойнаго начальника штаба Войска Донскаго, князя А. М. Дондукова-Корсакова, поданная имъ въ концъ 1861 года военному министру, имъла большую яспость для читателей, незнакомыхъ съ Донскими порядками, необходимо сказать нъсколько словъ про обстоятельства, ее вызвавшія и сопровожданшія, а также о тъхъ послъдствіяхъ, какія она повлекла за собою.

Въ началъ 1859 года, въ распоряжение наказнаго атамана Войска Донскаго, М. Г. Хомутова, быль назначень генераль-мајоръ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. Появившись въ Повочеркасскъ, князь вскоръ сдъдадся дюбимцемъ высшаго общества, какъ блестящій представитель новыхъ порядковъ, дававшихъ о себъ знать въ только-что начавшееся царствование блаженной памяти императора Александра Николаевича. Всегда и для всехъ доступный, остроумный и разговорчивый, князь какъ бы внесъ въ мъстное общество новую жизнь, освъжиль его, вызывая на размышленія и разговоры о таких в предметахъ, которые до того обсуждались только въ канцеляріяхъ и діловыхъ кабинетахъ, и притомъ въ узкихъ рамкахъ временъ дореформенныхъ. Управлявшій въ ту пору Донскимъ Войскомъ генералъ Хомутовъ, человъкъ умный и необыкновенно практичный, но уже устаръвшій "подъ бременемъ чиновъ и самовластья", видель въ порядкахъ наступившаго царствованія такія новшества, которыя угрожали государственнымъ основамъ. Естественно, что появленіе молодого и обаятельнаго человъка въ самомъ центръ Донскаго кран не могло быть особенно пріятно старику-атаману. И вотъ, съ первыхъ мъсяцевъ по прівздъ князя Дондукова въ Новочеркасскъ, между старымъ и новымъ "дворами" возникла непріязнь, поддерживаемая и развиваемая разными кумовьями и, особенно, кумушками, шнырявшими отъ стараго къ новому и обратно. Непріязнь эта была, по начаду, тайная, отнюдь не нарушавшая добрыхъ наружныхъ отношеній между старымъ и новымъ началами.

Въ такомъ положении прошло болъе года. Въ Маъ 1859 г. скончался начальникъ штаба Войска Донскаго, генералъ Андріяновъ, и князь Донду-

ковъ назначенъ былъ исправляющимъ эту должность. Весной 1860 года атаманъ Хомутовъ взялъ долговременный отпускъ для того, чтобы постить Палестину и, прежде чемъ отправиться въ это путешествіс, сделаль представление въ Петербургь о передачъ атаманской должности, на время его отсутствія, старшему въ чинъ по Войску Донскому лицу, которымъ былъ тогда гепераль-лейтенанть Хрещатицкій, такь какь князь Дондуковь быль не начальникомъ штаба, который, по закону, долженъ принять атаманство, а только исправляющимь его должность. Въ этомъ впервыя сказалась непріязнь стараго атамана въ молодому своему номощнику. Князь Дондуковъ возмутился и, будто бы, немедленно посладъ въ Петербургъ прошеніе объ отставкв. Въ отвъть на эти два представленія получень приказъ, которымъ князь Дондуковъ-Корсаковъ утвержденъ въ должности начальника штаба. Изъ этого Хомутовъ пе могъ пе повять, что дни его сочтены и что преемникомъ ему будеть князь Дондуковъ-Корсаковъ; а когда сей последній, черезъ годъ съ небольшимъ, въ неположенцое для казачьихъ наградъ время (осенью 1861 г.) и, какъ разеказывали тогда, безъ всякаго ходатайства со стороны атамана, быль произведень въ гепераль-лейтенанты, то на Дону еще болве укрѣпилось убъжденіе, что князь Дондуковъ сделается Донскимъ атаманомъ и, при томъ, очень скоро.

Между тъмъ изъ Петербурга стали получаться въсти довольно тревожнаго для тогдашних в Донцовъ свойства. Утверждали, что существуеть правительственный проекть, по которому образовывается на Дону сословіе такъ названных тогда пражданских казаковъ, которые не будутъ отбывать обязательной воинской повинности въ томъ существъ и размърахъ, какъ было до тъхъ поръ. Сильная и многочисленная въ то время партія "казакомановъ", считавшая въ своихъ рядахъ много членовъ изъ мъстнаго аристократическаго общества и интеллигенціи, встрепенулась довольно зам'єтно и увленда за собою все общество, за исключениемъ весьма немногихъ протестантовъ. Громкіе разговоры въ гостиныхъ, въ канцеляріяхъ и на улицахъ и ръзвія газетныя статьи містной и отчасти столичной печати, требовали "ненарушимости" существующаго строя. О простыхъ казакахъ, т.-е. обитателяхъ станицъ и хуторовъ, и говорить нечего: тамъ противнаго общему настроенію слова невозможно было произнести безъ того, чтобы не укорили говорившаго въ измене преданіямъ предковъ и пользамъ страны. Эта ли волна увлекла князя Дондукова-Корсакова на свою сторону, или же онъ, и до знакомства съ нею, убъдился въ пеобходимости не касаться главныхъ устоевъ существованія Донскихъ казаковъ; имела ли вліяніе на его уб'яжденіе какал-либо эгоистическая подкладка, -- сказать трудно. Можно упомянуть только объ одномъ, что киязь, будучи человъкомъ свътскимъ, любезнымъ, гостепріимнымъ и радушнымъ, ласково относившимся даже къ мыслямъ тогдащней молодежи, никогда не либеральничалъ, часто утверждая предъ всеми и безъ всякаго стесненія, что прежде чемъ ввести что-либо пеизвъстное новое, нужно стараться не терять хорошаго стараго. Оставаясь въ неизвъстности, что именно побудило князя Александра Михайловича принять

сторону тогдащиихъ "казакомановъ", мы не можемъ не заявитъ, что записка, представленная имъ въ Военное Министерство, есть отраженіе мыслей большинства тогдашняго Донскаго населенія.

Неизвъстно, когда именно присланъ былъ на Донъ проектъ о фажданских казакахъ. Атаманъ Хомутовъ повхалъ въ Петербургъ праздновать свой 50-льтній юбилей (Іюль 1862 года), а управлявшій страною князь Дондуковъ-Корсаковъ письменно донесъ въ Цетербургъ, что названный правительственный проекть принять на Дону въ такой степени песочувственно, что ему, какъ временному правителю края, пришлось употребить много усилій для того чтобы въ казачьихъ поселеніяхъ не допустить серьезныхъ безпорядковъ. Донесеніе это получено въ Петербургів въ ту пору, когда тамъ быль Хомутовъ, и, видимо, произвело тревогу, обрушившуюся на голову князя г Надо думать, что Хомутовь, уже уволенный въ ту пору отъ должности атамана, высказался совершенно въ противоположномъ князю Допдукову смыслъ, и допессийе последниго о предупрежденных имъ безпорядкахъ, вызванныхъ правительственнымъ проектомъ, сочтено за желаніе князи выслужиться и доказать, что проекть, составленный въ типи кабинста, не имфеть ничего общаго съ требованіемъ дъйствительности и даже угрожаеть спокойствію самой спокойной части государства.

На мѣсто Хомутова назначенъ былъ на должность наказнаго атамана престарълый генералъ И. Х. Граббе, который отнесся къ своему начальнику штаба несьма благосклонно и ласково. Но это не поправило дѣла князя Александра Михайловича: въ томъ же 1862 году онъ былъ отчисленъ отъ должности начальника штаба Войска Донскаго и назначенъ состоять по армейской кавалеріи, а въ Январъ или Февралъ слъдующаго года выъхалъ изъ Новочеркасска подъ надзоромъ спеціально присланнаго туда съ этой цълью лица, генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова.

Такимъ образомъ, печатаемая здёсь записка тяжко отозвалась на служебномъ поприше князя Дондукова-Корсакова. Опала спита съ него только въ 1869 году: после шестилетней отставки, онь быль назначенъ генералъгубернаторомъ Юго-Западнаго края, въ Турецкую нойну командовалъ армейскимъ корпусомъ, былъ памёстникомъ въ Болгаріи, временнымъ Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ, а впоследствіи, уже въ царствованіс императора Александра III, главнопачальствующимъ на Кавказъ.

Въ заключение слъдуетъ упомянуть, что какъ правительственный проектъ о "гражданскихъ" казакахъ, такъ и записка князя Дондукова примирены между собою осенью 1863 года, высочайшею грамотою, которою, при "ненарушимости существующаго образа казачьяго служенія", срокъ 25-лътней казачьей службы низведенъ до 15 лъть.

А. Карасевъ.

ЗАПИСКА О ВОЙСКЪ ДОНСКОМЪ.

1862.

Общія преобразованія, осуществляемыя въ настоящее время, по всей въроятности, могуть, а отчасти должны, коспуться и до казачьихъ войскъ Имперіи. Въ этомъ случав весьма важно, чтобы измѣненія касались именно тѣхъ существенныхъ потребностей, которыя сознаётъ народъ, и служили бы къ упроченію его благосостоянія, успокоенію его стремленій и укрѣпленію связи его съ правительствомъ. Нътъ сомнѣнія, что при этихъ вопросахъ чѣмъ болѣе будетъ у правительства матеріаловъ, особенно безпристрастныхъ и правдивыхъ данныхъ, тѣмъ легче благимъ видамъ его угадать и удовлетворить насущнымъ народнымъ нуждамъ.

Имън честь служить въ рядахъ Войска Донскаго, я принялъ смълость изложить въ настоящей запискъ моей положение этого войска, ознакомить правительство съ его духомъ и потребностями, показать на песвоевременность нъкоторыхъ мъръ и необходимость другихъ, однимъ словомъ, передать убъждения мои по долгу чести и присяги.

Я высказаль въ ръзкихъ, можетъ быть, слишкомъ смъдыхъ выраженіяхъ, то, чего ни одна оффиціальная бумага терпъть не могла бы; но мною руководили въ трудъ моемъ не какіе либо личные виды, а долгъ совъсти и пламенное желаніе принести хоть малую лепту пользы отечеству, престолу и Войску Донскому.

Теперь доступна правда Государю: судятся не слова, а побужденія и чувства. Воть почему съ такою откровенностью представляю настоящую записку на безпристрастный судъ высшаго начальства.

Для большей ясности изложенія я раздёлиль записку на три главные отдёла. Въ первомъ старался изъяснить основныя начала казачества на Дону. Во второмъ указать на настоящія потребности Войска Донскаго. Въ третьемъ старался я ознакомить правительство съ главными особенностями войска Донскаго предъ прочими казачьими войсками Имперіи.

І. Главныя основанія казачества въ войскі Донскомъ.

Главныя пачала казачества въ Войскъ Донскомъ основаны на трехъ существенныхъ принципахъ: 1) на поземельномъ началъ; 2) на замкнутости войска и 3) на выборномъ началъ и другихъ особенныхъ правахъ самоуправленія войска.

1) Поземельное начало.

Всь земли войска составляють войсковую принадлежность. Земли эти или: а) въ общественномъ владъніи станицъ, такъ называемые станичные юрты; б) или во временномъ пользованіи членовъ войсковаго сословія, офицерскаго званія, такъ называемые пожизненные участки; в) или запасныя ненаселенныя земли, составляющія оброчныя статьи, такъ называемыя войсковыя земли; г) или, наконецъ, земли помъщиковъ, составляющія полную ихъ собственность, съ тъмъ ограниченіемъ, что онъ могутъ быть отчуждаемы продажею только лицамъ войсковаго сословія *).

Какъ ни странно и несовременно кажется подобное ограничение помъщичьяго права собственности, противъ котораго вооружились нъкоторые члены войсковаго сословія, но въ смыслъ казачества постановленіе это имъетъ глубокое значеніе.

Автономія каждой страны несомивнию основана на поземельномъ началь. Продажа земель иногороднимъ ввела бы въ войско новый, независимый отъ его учрежденій, элементъ, испестрила бы утвержденную царскими грамотами карту Войска Донскаго чрезполосными владъніями чуждыхъ его сословію гражданъ. Въ этомъ случав ограниченіе права собственности помъщиковъ до нъкоторой степени можно сравнить съ учрежденіями маіоратовъ. Какъ послъдніе имъють цълью сохраненіе значенія извъстнаго рода или фамиліи, такъ упомянутая мъра имъеть цълью сохраненіе принципа казачества.

Поземельное начало въ Войскъ Донскомъ отчасти нарушено положеніемъ объ освобожденіи крестьянъ. При выкупъ крестьянами отъ помъщиковъ поземельнаго надъла, имъ не возбраняется продавать свою собственность въ постороннія руки. Основательнъе казалось бы распространить на нихъ въ отношеніи продажи земли тъже правила, которыя существуютъ для помъщиковъ. Дъло въ существъ много

^{*)} Съ 1868 года земля эти разръшено пріобратить и иногороднымъ лицамъ. А. К.

бы отъ этого не измѣнилось, а измѣненіе формы сохранило бы единообразіе поземельнаго начала въ войскѣ 1).

2) Замкнутость войска.

Второе основное начало Войска Донскаго есть замкнутость его, выражающаяся воспрещениемъ чинамъ онаго выписываться изъ войсковаго сословія, а равно запрещениемъ записываться въ войско лицамъ другихъ сословій государства ²).

Существенный вопросъ этотъ подаваль и подаетъ поводъ къ самымъ противоположнымъ мивніямъ. Къ нему болье всего относятся возгласы о несовременности, несообразности особой касты въ государствъ, Китайской стъны и проч.; но, вникнувъ ближе въ это постановленіе собственно для Войска Донскаго, легко понять, почему, исключая нъкоторое число молодаго покольнія помъщиковъ и зажиточныхъ казаковъ торговаго общества, вся масса казачьяго сословія такъ твердо и упорно держится этого основнаго начала.

Войско Донское имъетъ свою исторію, чего другіе казачьи войска, исключая бывшаго Черноморскаго, не имъютъ. Нъсколько въковъ казаки пользуются самостоятельностью; въ XVII стольтіи, хотя на низкой степени гражданственности, они составляли отдъльное вольное общество, имъвшее свои уставы, свои права, коими на войсковыхъ сборахъ или кругахъ, всенародною подачею голосовъ, ръшались общественные вопросы и избирались войсковые атаманы. До начала XIX стольтія они еще пользовались этимъ правомъ. Имена Ермака и нъкоторыхъ популярныхъ атамановъ еще очень свъжи въ памяти народной; нътъ зажиточнаго казака, въ домъ котораго не встрътилось бы изображенія покорителя Сибири или другихъ извъстныхъ войсковыхъ лицъ.

Всв воспоминанія эти, вмість съ заслугами войска въ Отечественную войну и опреділенными подвигами частей и лицъ онаго въ другихъ кампаніяхъ, заставляютъ казака гордиться своимъ военнымъ значеніемъ.

^{&#}x27;) Могутъ еще возразить, что въ войскъ есть иногородные поземельные собственники, сдълавшісся таковыми по женитьбъ на Донскихъ уроженкахъ, напр. Голицыны, Трубецкіе, Катенивы и друг.; но это неосновательно: они, относительно продажи имънія, подчинены тъмъ же условіянъ какъ прочіе Донскіе помъщики; а въ случат поступленія этихъ имъній въ число выморочныхъ, они должны обратиться не въ казну, а въ войско, и могутъ быть раздаваемы, въ видъ пожизненнымъ участковъ, членамъ войсковаго сословія. Здъсь войсковой поземельный принципъ не нарушенъ.

²⁾ Въ настоящее времи въ этомъ отношении замкнутость Войска Донскаго не имъсть мъсть. А. К.

Какъ гражданинъ, каждый простой казакъ считаетъ себя съ нѣкоторымъ основаніемъ несравненно выше всѣхъ прочихъ податныхъ сословій Россіи. Выборное начало и другія либеральныя права, составляющія основу казачества на Дону, развили въ немъ чувства личнаго достоинства и самостоятельности. Любознательность и жажда образованія, свойственная Донскимъ казакамъ, вмѣстѣ съ родомъ службы ихъ, отъ береговъ Аракса до сѣверныхъ границъ Финляндіи, пребываніе полковъ въ Бессарабіи и Польшѣ, ознакомили сословіе это съ другими элементами жизни и несомнѣнно способствовали къ развитію понятій, которыхъ дялеко чужда общая масса населенія Россіи.

Сравнительное матеріальное благосостояніе казака, противъ крестьянь въ Россіи, даеть этому сословію также основаніе считать себя и въ этомъ отношеніи выше послъднихъ. Владъя на душу по 30-ти десятинъ земли, казаки смотрять какъ на батраковъ на массу крестьянъ (болъе 100 тысячъ), приходящихъ каждое лъто изъ другихъ губерній въ заработки на Донъ. Каждый немного зажиточный казакъ, особенно во время покоса и уборки хлъба, нанимаеть себъ работника изъ пришедшихъ крестьянь и считаетъ себя на это времи хозяиномъ ихъ.

Общепринятое у простыхъ казаковъ названіе «мескаль» и «хохолъ» для именованія жителей Россійскихъ губерній и Малороссіи суть выраженія хотя не враждебныя, но далеко не дружелюбныя.

Если къ этому краткому очерку присоединить еще постоянно выражаемое казаками опасеніе, чтобы иногородные не пріобрътали въ юртахъ или окрестностяхъ оныхъ поземельной собственности, в частію неосновательныя жалобы ихъ даже въ теперешнемъ положеніи на недостатокъ поземельныхъ довольствій: то легко понять, почему приписка новаго иногороднаго элемента всегда будетъ встръчена казаками съ крайнимъ неудовольствіемъ, можетъ даже быть и съ гласнымъ ропотомъ, какъ нарушеніе одного изъ самыхъ близкихъ сердцу казака постановленій.

При свойственномъ казакамъ недовъріи и подозрительности, подобная мъра непремънно заставитъ ихъ опасаться за прочность существованія самаго войска и возбудить недоброжелательство къ правительству въ населеніи, исключительно привязанномъ и преданномъ имени Государя.

Высказанная мною особенность въ этомъ отношении войска Донскаго не встръчается въ близко извъстномъ мнъ Линейномъ казачьемъ войскъ. Сіе послъднее постоянно формируется изъ разнородныхъ источниковъ; ежегодно въ ряды онаго поступають Донскіе казаки, переселенцы изъ Малороссіи, крестьяне Ставропольской губерніи, женатые нижніе чины регулярныхъ войскъ и проч.

Офицеры всёхъ пррегулярныхъ полковъ пользуются правомъ прикомандированія къ войску и командованія полками Линейными. Можно сказать что на Кавказё процессъ образованія казачьяго сословія изъ иногороднихъ элементовъ производится въ настоящее время, до нёкоторой степени, тотъ самый, который еще до царя Алексёя Михайловича производился на Дону при заселеніи этого края.

Мъра приписки постороннихъ лицъ къ казачьему сословію, столь обыкновенная и полезная на Кавказъ, будеть встръчена на Дону совершенно съ другимъ взглядомъ и чувствами.

Есть и въ войскъ Донскомъ случаи отчисления членовъ онаго изъ состава сословия, а именно: самая тягостная повинность войска—переседение казаковъ на Кавкавъ. При этомъ всъ отправленныя семейства исключаются изъ списковъ Донскихъ казаковъ и перечисляются въ казачье сословие Линейнаго войска*).

Другой случай относится до офицеровъ, т. е. дворянства, почему и чуждъ интересамъ массы. Офицеры, кончившіе курсъ въ Военной Академіи и нікоторыхъ спеціальныхъ заведеніяхъ, имінотъ право выписываться изъ войска. Мітра эта вполнів основательна, и ниже будеть сказано о справедливости развить ее въ большихъ размітрахъ.

Все вышесказанное мною относительно взгляда казаковъ на вопросъ о припискъ иногороднихъ членовъ къ ихъ сословію, несомнънный фактъ и не только мыслимый, но инстинктивно существующій на Дону, который легко повърить каждому добросовъстному лицу, разумъется, не изъ оффиціальныхъ переписокъ и не изъ наблюденія казачьяго быта въ Черкасскъ, а чрезъ сближеніе съ казаками въ станицахъ, присутствованія на ихъ станичныхъ сборахъ и изученія ихъ хозяйственнаго станичнаго быта.

^{*)} Переселевцы полагаются изъ охотниковъ; но такъ какъ таковыхъ не имъется, те по расчету назначается съ каждой станицы отправить столько-то семействъ. Казаки на сборъ свладываются для найма охотника и покупки ему повозки, воловъ, лошади и проч. Обыпновенно спаряжене каждого семейства обходится станичному обществу отъ 600 до 1000 рубл. серебромъ.

3) Выборное начало.

Выборное начало составляеть одно изъ существенныхъ правъ Войска Донскаго, которымъ масса сословія преимущественно дорожитъ. Простой казакъ гордится на станичныхъ выборахъ и сборахъ своимъ правомъ голоса наравнё съ прежнимъ своимъ командиромъ полка, офицерами, генералами, если они граждане одной съ нимъ станицы. Трудно узнать смёлаго въ выраженіяхъ и гордаго видомъ въ гражданскомъ быту Донскаго казака, когда вспомнишь о томъ положеніи, въ которомъ онъ находится часто на службѣ, гдѣ въ Грузіи изнуренъ болёзнями, а на Кавказѣ такъ часто обреченъ на несвойственное военному назначеніе.

Въ войскъ, исключая наказнаго атамана и немногихъ лицъ, назначаемыхъ на должности по его представленіямъ или усмотрѣнію, на всъ прочія мъста чиновники опредъляются по выборамъ дворянства *). Старшій членъ Войсковаго Правленія, соотвътствующій званію вицегубернатора, также избирается. Странно даже, что окружные генералы, имжющіе одно только военное значеніе и управленіе, назначаются не отъ правительства, а по выборамъ. Другая, неменьшая привиллегія казаковъ состоитъ въ правъ собирать станичные сборы для обсужденія нуждъ станицъ. Составленными общими приговорами они представляють начальству о потребностяхь своихь, расходують до извъстной степени станичныя суммы, отдають по усмотрънію своему въ арендное содержание избытокъ юртовой земли, скотопрогонныя дороги, мельницы, паромы, ярмарки и проч., однимъ словомъ, располагаютъ своимъ станичнымъ хозяйствомъ въ извъстныхъ предълахъ, а также по силь станичныхъ приговоровъ представляютъ къ безочередному командированію на службу или ссылкъ въ Сибирь на поселеніе порочныхъ гражданъ станицы своей. Оть станичныхъ правъ перехожу къ одной изъ главныхъ привиллегій Войска Донскаго, коему предоставлено имъть отдъльную отъ государственной войсковую казну и составлять собственный бюджетъ. Правительствомъ строго соблюдается неприкосновенность войсковыхъ капиталовъ, которые по принятому прежде порядку накоплялись въ банковыхъ учрежденіяхъ Имперіи, между тъмъ какъ самыя насущныя потребности оставались неудовлетворенными. Честь иниціативы удовлетворенія этимъ потребностямъ принадлежить Военному Министерству. Воть почему съ такою горя-

^{*)} Въ 1867 году Войско Донское лишелось этого права. А. К.

III. 37

чею признательностью въ прошломъ году были приняты всёмъ войскомъ распоряженія объ употребленіи войсковыхъ капиталовъ на сооруженіе учебныхъ заведеній, желізпой дороги и прочихъ неотлагательныхъ расходовъ, на предметы, долженствующіе способствовать благосостоянію края. Всё на Допу сознаютъ важность помянутаго преммущества, всё надежды обращены на будущее съ тіхъ поръ какъ капиталы и остатки отъ войсковыхъ расходовъ получають правильное и полезное для войска употребленіе. Кромъ всего сказаннаго, войско имъетъ еще нікоторыя другія преимущества, не менте важныя для благосостоянія членовъ онаго, напримітръ исключительное право лицъ войсковаго сословія ловли рыбы въ гирлахъ и по ріжь Дону, добываніе соли на Манычскихъ озерахъ, наконецъ, кажныя разработки антрацита на Грушевкъ; все это доставляєть немалыя выгоды значительному числу казаковъ и способствуєть благосостоянію края.

Послѣ всего изложеннаго, непонятными кажутся возгласы лиць, незнакомыхъ съ существомъ дѣла, о томъ, что несовершенны и недостойны вниманія притязанія казаковъ сохранить свои прежнія, обветшалыя привиллегіи. Сохранить привиллегію самоуправленія, пользованія либеральными учрежденіями и сравнительно тѣмъ удовлетворительнымъ благосостояніемъ, къ которымъ стремятся въ настоящее время всѣ прочія губерніи Россіи!!!

Могутъ возразить, что при выборномъ началь въ войскъ и при самоуправлении легко вкрасться злоупотреблениямъ, несправедливостямъ и проч. Нътъ сомивния, что они существуютъ на Дону, какъ и въ прочихъ частяхъ Имперіи, какъ вездъ, гдъ съ властью и преимуществами сталкиваются интересы людскіе; но веоспорима истина, что зло, могущее произойти отъ выборнаго начала, несравненно менъе зла и легче переносится, чъмъ то, которое проистекаетъ отъ личнаго произвола начальника пли отъ самовластнаго управленія краемъ.

Ежели выборы въ станицахъ не всегда удачны, то это происходить отъ недостатко образованія въ массахъ казаковъ; дайте средства образованія, котораго опи такъ жаждугъ, и зло, если не прекратится, то значительно уменьшится.

Если на выборахъ дворянскихъ избранныя лица не всегда соотвътствуютъ своему назначеню, то причину этому должно искать въ свойственной всему Русскому дворянству апатіи и равнодушіи къ общественнымъ интересамъ, также въ непривычкъ къ гражданственности. Направленіе это измъняется и совершенно измънится силою

обстоятельствъ и всёми возбужденными въ настоящее время современными вопросами. Послёдніе выборы на Дону, по качествамъ выбранныхъ лицъ, доказали, что дворянство этого войска сознало всю важность своихъ обязанностей къ краю въ этомъ отношеніи.

Изложенныя три начала казачества на Дону составляють главныя условія существованія самаго Войска Донскаго. Дорогія сердцу каждаго казака преимущества эти подтверждаются царскими грамотами при вступленіи каждаго Императора на Престоль. Грамоты эти, вм'єсть съ регаліями Войска, хранятся въ Войсковомъ Правленіи и шесть разъ въ году съ торжественною церемонією, въ воспоминаніе прежнихъ войсковыхъ круговъ, читаются всенародно на соборной площади; въ нихъ, между прочимъ, упоминается о сохраненіи неприкосновенности земель и прочихъ преимуществъ Донскаго войска.

Вопросъ о современности этихъ правъ, вмѣстѣ съ мыслью быть или не быть казачеству, въ послѣднее время быль часто возбуждаемъ литературою, а также въ сферахъ высшаго управленія. Всякій разъ доходящіе объ этомъ на Донъ слухи возбуждали самыя тревожныя опасенія въ казакахъ и видимое чувство горести и неудовольствія. Высшимъ правительствомъ вопросъ этотъ всегда разрѣшаемъ быль въ пользу существованія казачества, и еще въ началѣ нынѣшняго года высочайше утвержденнымъ положеніемъ Военнаго Совѣта относительно неразрѣшенія Допскимъ помѣщикамъ продаватъ свои земли иногороднимъ, утвержденъ принципъ поземельнаго казачьяго начала *).

Къ сожалънію, многія правительственныя мъры не соотвътствовали цъли сохраненія казачества. Централизація въ Петербургъ, поглощающая всъ мъстные интересы и вопросы казачыхъ войскъ, а въ особенности не принятая мысль подчинить одному единообразному положенію всъ казачьи войска, не обращая вниманія на существенныя особенности каждаго изъ нихъ, были причиною, что нъкоторыя распоряженія правительства далеко не удовлетворяли настоящимъ потребностямъ войскъ.

Распоряженія эти раздражали старое покольніе безполезною новинкою, вмысты съ тымь не успоконвали молодаго вы основательныхы

^{*)} При этомъ инвлось также въ виду, что поземельная собственность въ Войскъ обусловливаетъ служебныя отношенія членовъ онаго къ государству: каждый офицеръ, если не имветъ родоваго имънія въ извъстной нормь, получаетъ пожизненный участокъ земли, долженствующій обезпечивать его содержаніе во время льготы и дакать сму средства по перному призыву являться въ рядахъ войскъ.

и справедливыхъ стремленіяхъ его къ измѣненію нѣкоторыхъ обвѣтшалыхъ войсковыхъ постановленій.

Изъ всего сказаннаго понятно, почему, по убъжденію моему, рановременны, чтобы не сказать опасны, всякія измѣненія правительствомъ основныхъ началь войска. Время, обстоятельства и улучшеніе гражданскаго быта прочаго населенія Россіи могуть вызвать интересы казаковъ къ перемѣнѣ настоящаго ихъ положенія и облегчить правительство, если оно имѣеть въ виду сліяніе казаковъ съ единообразными началами прочихъ губерній Имперіи.

До того полагаю, что никакими правительственными распоряженіями невозможно, безъ нѣкотораго риску, уничтожить въ народѣ его историческія воспоминанія, его вѣковые обычаи и преимущества, составляющія его гордость и благосостояніе.

II. Настоящія потребности Войска Донскаго.

Если съ одной стороны въ Войскъ Донскомъ такъ рановременно касаться до основныхъ началъ его существованія, то, съ другой, есть многія улучшенія и перемѣны, вызванныя временемъ и обстоятельствами, которыя будуть, смѣю подагать, встрѣчены Войскомъ съ глубокимъ чувствомъ признательности и укрѣпятъ, ежели только это возможно, еще болѣе ту искреннюю связь казаковъ, которая между ними такъ свято существуетъ съ престоломъ и именемъ Государя. Недостатокъ подъ рукою потребныхъ матеріаловъ и самый размѣръ этой записки не дозволяютъ мнѣ изложить всѣ потребности этихъ вопросовъ; пріемлю смѣлость указать только, по мнѣнію моему, на нѣкоторыя изъ насущныхъ потребностей Войска Донскаго. Во главѣ ихъ состоитъ:

1.е) Распространеніе средствъ къ образованію молодаго казачьяго покольнія. Дворянство, казачьи общества станиць, постоянно выражають свои стремленія въ этомъ отношеніи и жадно ждуть осуществленія своихъ справедливыхъ надеждъ. Единственная гимназія въ Новочеркасскь на все Войско Донское*) помыщается въ тысномъ частномъ домы и ежегодно отказываеть за недостаткомъ мыста наплыву воспитанниковъ. Въ верхнихъ округахъ Войска не существуеть ни одного средняго заведенія для образованія юношества. Станицы, по недостатку мысть образованія, приговорами своими опредыляють пожертвованія граждань своихъ съ просьбою открыть только у нихъ училища.

^{*)} На пространство 14 милліоновъ десятивъ земли.

Въ прошломъ году распоряжениемъ Военнаго Министерства разрышена постройка въ одномъ только Черкасскъ двухъ гимназій и ассигнована сумма на постройку училицъ. Дѣло это пока задерживается въ Войскъ составлениемъ проектовъ и смѣты, по представлении коихъ въ Петербургъ, въроятно, ихъ ожидаетъ еще большее замедление при техническомъ разсмотрѣнии представленнаго. Дѣла такого рода большею частію тянутся по нѣскольку лѣтъ, возвращаются обратно для измѣненія въ проектахъ какой-нибудъ капители, фронтона или внутренняго расположенія комнатъ, о которомъ легче всего судить на мѣстѣ и ближайшему начальству, и утверждаются тогда, когда уже выставленныя цѣны въ первоначальныхъ смѣтахъ не соотвѣтствуютъ существующимъ. Между тѣмъ насущная потребность не удовлетворяется, и въ обществъ рождается неосновательный слухъ, что правительство имѣеть цѣль пріостанавливать образованіе казаковъ.

2-е) Пути сообщенія, эти жизненныя артеріи, по которымъ должно разливаться благосостояніе края, находятся на Дону въ самомъ первобытномъ состояніи, на этотъ предметь обращено съ прошлаго года вниманіе Военнаго Министерства.

Грушевская жельзная дорога уже строится самымъ дешевымъ и удовлетворительнымъ способомъ, но назначение ея единственно перевозка антрацита. Необходимо продлить ее еще на 60 верстъ до Каменской станицы и соединить несудоходный въ своихъ низовъяхъ Донецъ съ ръкою Дономъ; этимъ оживятся изобилующій хльбомъ Донецкій округъ и часть прилегающей къ оному Харьковской губерніи *), кои обречены въ настоящее время на затруднительную, а иногда невыгодьую, гужевую перевозку своихъ произведеній въ Ростовъ и Таганрогъ. Въ случав недостатка войсковыхъ капиталовъ, съ утвержденія правительства Войско могло бы финансовою мърою исполнить это важное для края предпріятіе. При устройствъ южныхъ жельзныхъ дорогъ въ Имперіи предполагаемая дорога легко можетъ быть соединена съ Харьковомъ или другимъ пунктомъ, для снабженія антрацитомъ какъ самыхъ жельзныхъ дорогъ, такъ и всего населенія южной полосы Россіи.

На устройство и вкоторых в дамб в и переправъ правительствомъ ассигнована сумма недостаточная. Но всв эти удучшенія не выходять до сихъ поръ изъ предвловъ предположеній, а вся торговая двятель-

^{*)} Помянутыя мъстности, по собраннымъ частнымъ свъдвиямъ, отправляють къ южнымъ портамъ Азовскаго моря болъз 200,000 четв. пшеницы и платятъ отъ 3 до 4 рубл. съ четверти за перевозку.

ность останавливается въ развитіи своемъ отъ педостатка сообщеній въ крав.

Къ осуществленію всёхъ этихъ сооруженій немало препятствуєть п то, что въ Войскъ совершенно не организированы инжеперная и строительная части; трудно ожидать, при теперешнемъ скудномъ содержаніи, чтобы кто-либо изъ Донскихъ уроженцевъ ръшился посвятить себя какому-либо техническому пазначенію. Устройство этой части, при значительности предположенныхъ работь, необходимо на Дону.

3-е) Штаты жалованья и содержанія войсковыхь чиновниковъ требують безотлагательнаго пересмотра и измѣненія. Военшые офицеры Войска, по послѣднему положенію, совершенно обезнечены получаемымъ содержаніемъ во время нахожденія ихъ на службѣ, но гражданскіе чиновинки остаются до сихъ поръ въ томъ бѣдственномъ положеніи, на которое они обречены существующими штатами; пѣсколько примѣровъ достаточно, чтобы указать на всю несовременность настоящаго положенія.

Смотритель соляныхъ Манычскихъ озеръ, одной изъ главныхъ статей войсковыхъ доходовъ, въ чинъ штабъ-офицера, получаетъ 170 рублей серебр. содержанія; инженерный офицеръ войсковаго происхожденія получаеть менѣе 200 рублей, и ему не полагается инкакой суммы на постоянные разъъзды, канцелярскіе принасы и чертежню; засъдатель ') въ округъ получаеть тоже менѣе 200 рубл. сер., и ему не полагается необходимаго писаря для веденія многочисленныхъ дълъ. Они принуждены нанимать таковыхъ изъ собственныхъ денегъ съ платою не менѣе 150 рублей каждому въ годъ.

Вооружаясь противъ злоупотребленій, справедливымъ кажется искать причины оныхъ отчасти только въ слабости человъческой, а большую часть оной приписать существующему порядку.

4-е) Пожизненные поземельные участки ²), назначаемые, по положенію, офицерамъ Войска Донскаго, составляють весьма запутанный вопросъ, дающій поводъ къ справедливымъ жалобамъ. Нѣкоторая часть чиновъ Войска, подавшихъ заблаговременно прошенія или имѣющая больше средствъ по службѣ своей въ Черкасскѣ или внутри Войска къ ходатайству о надѣлѣ землею передъ офицерами въ полѣ,

^{&#}x27;) Становой.

[🤁] Завопомъ 1870 года обращены въ потометненное владание. А. К.

владъеть уже давно участками въ самыхъ лучшихъ полосахъ Войска, между тъмъ какъ другіе лишены этого пособія и должны еще нъсколько лъть ожидать слъдующаго имъ по закону пожизненнаго надъла землею.

Замедленіе это отчасти происходить оть недостатка средствъ межевыхъ коммиссій для производства межеваній, отчасти оть задержки въ Петербургъ посылаемыхъ на утвержденіе проектовъ помъщичьихъ дачъ и переселяемыхъ изъ юртовъ крестьянъ; ибо съ этимъ вопросомъ связано опредъленіе того количества свободной войсковой земли, которая можеть поступить для пожизненныхъ участковъ.

Еще болъе въ этомъ дълъ несообразна и несправедлива неуравнительность пожизненныхъ надъловъ не по количеству земли, а по качеству оной. Такъ напримъръ, недавно произведенный хорунжій получаетъ 200 десятинъ земли въ Міусскомъ округъ, въ окрестностяхъ Таганрога или Азовскаго моря, гдъ откупная плата за десятнну простирается отъ 2 до 4 рублей въ годъ, между тъмъ заслуженному, изувъченному на службъ ветерану войска въ чивъ есаула достается такой же участокъ земли въ 200 десятинъ гдъ-нибудь въ безводныхъ Задонскихъ степяхъ, въ окрестностяхъ Егорлыка, гдъ откупная плата за десятину не превышаетъ 10 или 15 коп. въ годъ.

Указавъ на такую неуравнительность надъла и неудовлетворение части офицеровъ положенными имъ пожизненными участками, не беру на себя смълости указать на средства измънения существующаго порядка. Вопросъ этотъ, по сложности своей, требуетъ особыхъ соображений на мъстъ, но довольно важенъ, чтобы обратитъ на него внимание правительства.

5-е) Торговия въ Войскъ Донскомъ, по существующему положенію, находится исключительно въ рукахъ торговаго общества казаковъ и весьма ограниченнаго числа иногородныхъ, которымъ кромѣ Черкасска воспрещено имѣть недвижимость: дома, лавки, фабрики и прочую собственность въ другихъ торговыхъ пунктахъ Войска. Измѣненіе въ этомъ случаѣ вызывается временемъ, и для пользы самихъ казаковъ необходимо отмѣнить обвѣтшалыя привилегіи торговаго общества. Для уничтоженія монополіи и для развитія торговли и промышленности въ краѣ, полезно допустить свѣжій иногородный элементь, который возбудить конкуренцію, соревнованіе, эти главные рычаги всякой торговой дѣятельности и предпріятія *).

^{*)} Поземельное начало въ Войскъ этимъ не нарушается; иногородные на другихъ пунктахъ Войска должны быть подчинены правиламъ, утвержденнымъ для Черкасска, т. с.

Вмісті съ этимъ совершенно справедливо и казачьему торговому обществу дать гильдейскія или другія гражданскія права и избавить оное отъ несоразмітрной съ идеею торговли военною зависимостью. Дійствительно, несовременно положеніе торговца, который, по про-изволу начальства, можеть быть исключень изъ торговаго общества и выслань на несродную ему службу въ рядахъ выступающихъ ежегодно казачьихъ полковъ.

- 6-е) Положеніе льготных в казаков по возвращенім их со службы, а также малолътковъ въ стачицахъ необходимымъ считаю также подвергнуть нъкоторымъ измъненіямъ. Исправность, молодечество казака на службъ тъсно связано съ благосостояніемъ его домашияго хозяйства, для последняго же необходима свобода гражданскаго быта; между тъмъ казакъ въ домашнемъ быту все-таки находится подъ нъкоторыми ственительными военными условіями, напримітрь: за годь, за полгода до срока выступленія очереднаго казака требують его на смотръ сперва станичный атаманъ, потомъ окружной генералъ, наконецъ, осенью смотрить на опредъленныхъ пунктахъ наказный атаманъ или начальникъ штаба тъхъ же самыхъ казаковъ, которые имъють выступить только весною следующаго года. Смотры эти крайне обременительны для казаковъ и совершенно безполезны. Фронтоваго образованія оть собранной горсти казаковь на каждомь пунктв требовать невозможно. Обращиется внимание на оружие, обмундировку, особенно на состояніе лошадей; между тімь казакь большею частію является на весьма хорошей, но чужой лошади, въ чужомъ мундиръ, и считаетъ выгодиње завестись всеми этими принадлежностями чрезъ полгода, когда придется выступать, а до того работать волами для обезпеченія оставляемого имъ семейства. Весь этотъ порядокъ, какъ еще и многія другія подробности военныхъ обязанностей льготныхъ казаковъ подають поводъ къ мелкимъ злоупотребленіямъ и требуютъ пересмотра. Нътъ сомнънія, что существующее положеніе можно измънить еще съ большею пользою для службы и несравненно меньшимъ обременениемъ для казаковъ.
- 7-е) Мъру дозволенія выходить воспитанникамъ, кончившимъ курсъ въ Военной Академіи, основательно было бы распространить и на воспитанниковъ другихъ спеціальныхъ заведеній. Несправедливо стъснять мелкимъ кругомъ дъятельности въ войскъ лицъ, техническія познанія которыхъ могли бы найти себъ примъненіе на болъе обшир-

зданія счатвются полною ихъ собственностію, а земля войсковою, за которую они вносять посаженную плату, такъ сказать, за безсрочное пользованіе оною.

номъ поприщъ. Въ этомъ вопросъ только необходимо исключить воспитанниковъ Артиллерійскаго Училища, такъ какъ эта часть въ Войскъ, состоящая изъ 13-ти полевыхъ и 1-й гвардейской батареи, крайне нуждается въ спеціально-образованныхъ офицерахъ.

Въ Войскъ Донскомъ какъ и зъ другихъ казачьихъ войскахъ, согласно высочайшаго повельнія, существуетъ комитетъ для поресмотра войсковаго положенія. Не состоя членомъ онаго, не могу судить о ходъ и направленіи его трудовъ. По окончаніи занятій, всъ предположенія комитетовъ должны поступить въ кодификаціонную комиссію, которая должна обсудить ихъ вмъстъ съ предположеніями комитетовъ другихъ казачьихъ войскъ. Пройдутъ несомнънно годы, пока предположенія эти получатъ утвержденіе, а между тъмъ справедливыя надежды и потребности Войска Донскаго останутся неудовлетворенными. Вотъ причины, побудившія меня указать насущныя и только самыя главныя нужды Войска, изысканныя мною по крайнему убъжденію моему и по тъмъ даннымъ, которыя извлекъ я изъ тщательнаго изученія Донскаго края и духа его населенія.

III. Особенности Войска Донскаго.

- 1-е) Войско Донское, какъ упомянуто было выше, имъетъ свою исторію, не существующую, исключая бывшаго Черноморскаго, въ прочижъ казачьихъ войскахъ, которыя никогда не пользовались отдъльною гражданскою самобытностью и по недавнему формированію своему не могутъ имътъ тъхъ древнихъ преданій, которыхъ такъ много на Дону. Воспоминанія о прежней самобытности Донскихъ казаковъ значительно изглажены многольтнимъ сліяніемъ ихъ съ Россією; но при тщательномъ наблюденіи за духомъ народнымъ можно однако замътить, что воспоминанія эти вновь вызываются во всъхъ сословіяхъ при каждомъ вопрось, гдъ дъло касается существованія казачества и его основныхъ началъ. Предълы записки не дозволяютъ распространяться о нъкоторыхъ любопытныхъ историческихъ подробностяхъ прежняго общества Донскихъ казаковъ, почему ограничиваюсь только указаніемъ этой особенности Войска.
- 2-е) Дворянство Войска, по многочисленности своей, образованности части этого сословія и значительнымъ поземельнымъ владініямъ своимъ, составляетъ особенность, не встрічающуюся въ другихъ казачьихъ войскахъ Имперіи. Не буду входить въ разсмотрівніе историческаго происхожденія этого сословія, его поземельной собственности и прежняго владінія крестьянами, принимая началомъ высочайше утвержденное въ 1836 году за дворянствомъ Донскимъ право наравнів

съ прочими дворянами Имперіи. Въ сословіи этомъ, для объясненія духа и стремленія онаго, необходимо сдёлать нёкоторыя подраздёленія. Одна, самая образованная часть онаго состоить изъ дворянъ родовыхъ, между коими многія фамиліи имёли еще въ прошломъ вёкё большое вліяніе и значеніе въ країв. Такъ, напримёръ, назову одну: фамилію Ефремовыхъ, изъ которой пёсколько десятковъ лётъ избирались народомъ войсковые атаманы. Былъ случай, что въ этой фамиліи избраніе это сдёлалось паслёдственнымъ и, по голосу парода, перешло отъ отца къ сыпу. Часть дворянства, о которомъ говорю, по количеству владёмой земли, плодородности почвы и удобству сбыта произведеній, въ общихъ выраженіяхъ можно пазвать богатой.

Другая часть состоить изъ дворянъ личныхъ, казаковъ, получившихъ съ производствомъ въ офицерскій чивъ это званіе. Этоть классъ довольно многочисленъ на Дону, и, съ изкоторыми только исключеніями, по понятіямъ и образу жизпи, мало отдичается отъ общей массы простых в казаковъ. До размежеванія юртовых в довольствій въ Войскъ, помъщичьи владънія, съ крестьянами ихъ, разбросаны были по всему краю. Деоряне жили частью въ имъніяхъ, частью въ станицахъ, къ которымъ они были приписаны, и сближение это, рождал ивкоторые обще интересы, заставляло ихъ принимать участе въ общественныхъ дълахъ станичниковъ. Гражданская связь существовала между дворянами, офицерами и казаками. Распоряжениемъ правительства всв дворянскій пом'естья переведены и переводятся изъ юртовъ на другія свободныя войсковыя земли; весь Міусскій и большая часть Донецкаго округа исключительно состоять изъ помъщичьихъ владеній. Многосложное и запутанное дело переселенія продолжается еще до сихъ поръ, хотя близко къ концу, по при новомъ подоженіи крестьянь представляеть нівкоторыя містныя затрудненія, могущія, впрочемъ, быть устраненными.

Эта мъра переселена имъетъ несомнънно свою пользу для объихъ сторонъ, какъ помъщиковъ и бывшихъ крестьянъ ихъ, такъ и казаковъ. Она избавила объ стороны отъ неизбъжныхъ при прежнемъ порядкъ стъсненій, столкновеній и поземельныхъ споровъ. Съ другой точки зрънія, помянутая мъра совершенно разорвала всю существующую связь между дворяннюмъ, офицеромъ и казакомъ; разрознила совершенно интересы сословій; вселила даже до нъкоторой степени непріязненныя между ними отношенія: казаки стараются всъми средствами выживать оставшихся въ юртахъ ихъ помъщиковъ и офицеровъ, получившихъ пожизненные участки, съ цълью пользоваться большимъ количествомъ земли. Помъщики, съ своей стороны, совершенно равнодушны къ общественнымъ нуждамъ казаковъ *).

Вникая въ духъ дворянскаго сословія на Дону, нельзя не замътить двухъ совершенно-противоположныхъ направленій.

Значительное большинство дворянь родовыхъ и всё безъ исключенія почти личные дворяне твердо и крёпко держатся принципа казачества. Хотя первые, какъ выше сказано, матеріальными своими интересами отдёлены отъ казаковъ; но въ общихъ вопросахъ о существованіи и правахъ Войска они вполив сочувствують масей населенія и раздёляють его поиятія и стремленія.

Другая, меньшая часть дворявства, преимущественно пезнакомая совершенно съ краемъ, пароднымъ бытомъ, остается равнодушна къ общимъ интересамъ массы. Частью личные виды или матеріальныя причины, частью бользненное въ настоящее время увлеченіе къ измъненію всего существующаго хорошаго и дурнаго, суть причины, по которымъ всякая, даже основная перемъна будетъ встрфчена номинутыми лицами съ безсознательнымъ одобреніемъ. Въ Петербургъ понятіе о казакахъ и потребностяхъ Войска преимущественно составляется изъ миъній этого меньшинства. Странно слышать въ обществъ выраженіе, что казаки желаютъ «того-то» или «тиготятся тъмъ-то», когда знаемъ, что миънія эти почерпнуты изъ словъ какого нибудь богатаго помъщика или служащаго, пикогда не живущаго на Дону, или молодаго офицера, считающаго лучшимъ средствомъ доказать свое образованіе и современныя понятія порицаніемъ идеи казачества.

3-е) Географическое положеніе Донскаго края и родъ службы Донскихъ казаковъ составляють отличительную оть всёхъ прочихъ казаковъ особенность Войска. Находясь на мирномъ положеніи, посреди другихъ губерній Имперіи, казаки не несуть у себя никакой пограничной службы, не стоятъ глазъ на глазъ съ непріятелемъ и въ домашнемъ быту своемъ имѣютъ возможность пользоваться всёми выгодами гражданской жизни. Но самое положеніе это дѣлаетъ всёхъ ихъ совершенно способными, по первому призыву правительства, выступать въ поле на неопредѣленное время и въ самые отдаленные края. Въ послѣднюю войну, не смотря на то, что по положенію назначено только 64 полка въ Войскѣ, оно выставило 81 полкъ на службу-

^{*)} Странно видъть, напримъръ, на станичномъ сборъ старика-казака, который вмъстъ съ прочими гражданами своей станицы упрекаетъ сына-офицера, получившаго пожизненный падъть, въ лишнемъ противъ положения влочкъ земли, которымъ тотъ позволяетъ себъ пользоваться въ станичномъ юртъ.

На Дону не существуеть, кромъ гвардейскихъ, другихъ постоянныхъ полковъ, нътъ раздъленія станицъ по полкамъ, какъ у Линейныхъ казаковъ, нътъ общей наёмки какъ въ Уральскомъ Войскъ. Самое формированіе Донскихъ полковъ и выступленіе ихъ на службу имъютъ свою оригивальную осоченность.

Посылается въ окружныя дежурства *) приказъ о нарядъ столькихъ-то полковъ; сборное мъсто назначается около такого-то кургана или хутора, на болъе центральномъ пунктъ. Приказъ этотъ чрезъ станичныя правленія передается очереднымъ казакамъ, которые, каждый по одиночкъ, въ опредъленный срокъ выъзжаютъ къ назначенному мъсту. Офицеры и урядники, назначаемые по очереднымъ спискамъ, туда же собираются; прітажаютъ, наконецъ, окружный генералъ и полковой командиръ; первый повъряетъ очередные списки, осматриваетъ казаковъ, а второй принимаеть и формируетъ полкъ.

Собранная толпа казаковъ разбивается на сотни; въ каждую изъ нихъ назначаются урядники; наконецъ, полковой командиръ раздъляеть по частямъ офицеровъ; туть же избираются адъютантъ, казначей и квартирмейстеръ, составляются посотенно списки полка, получаются полковое знамя, шнуровыя книги и деньги на довольствіе полка (которое производится изъ войсковыхъ суммъ, покуда полкъ слъдуетъ въ предълахъ Донскаго края). Вссь процессъ формированія и пріемъ полка продолжается трое сутокъ. Полкъ сформированъ и выступаетъ по данному маршруту.

Во время похода чолковъ командиръ знакомится со ввъренною ему частью; перерапжировываеть, смотря по падоблости, полкъ частью на маршъ, частью на дневкахъ, занимается фронтовымъ образованіемъ казаковъ. Въ этомъ случаъ значительную пользу оказываютъ ему казаки и урядники, бывшіе въ учебномъ полку; таковыхъ въ каждомъ выступающемъ полку набирается до 60 и болъе.

• Полковые командиры назначаются также по очередному списку; они заблаговременно прівзжають въ Черкасскъ и въ войсковомъ дежурствів, въ присутствіи наказнаго атамана или начальника штаба, по превнему казачьему обычаю, вынимають жребій номеромъ назначаются команченныхъ къ выступленію полковъ, по которымъ и назначаются командирами оныхъ.

^{*)} Теперешнія управленія окружных ватамановъ. А. К.

Какъ ни странно подобное формированіе полка въ настоящее время, но казаки крѣпко привязаны къ существующему порядку. Мысль о постоянныхъ полкахъ или другомъ какомъ либо измѣненіи сильно тревожить ихъ опасеніемъ, что это будеть первымъ шагомъ къ составленію изъ нихъ регулярнаго войска. Съ другой стороны, при смѣтливости и другихъ военныхъ качествахъ казака, подобное формированіе полковъ не представляетъ еще большихъ неудобствъ. Послѣ одного, много двухъ мѣсяцевъ похода, особенно при хорошемъ и заботливомъ командирѣ, полки приходятъ къ мѣсту назначенія въ весьма удовлетворительномъ состояніи и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы и при выгодныхъ служебныхъ условіяхъ, особенно если полкъ въ сборѣ, получаютъ всѣ качества превосходной легкой кавалеріи.

Существуеть между нѣкоторыми мнѣніе, что Донскіе казаки въ арміи не соотвѣтствують своему назначенію; отрицають даже неотъемлемыя въ нихъ военныя достоинства иррегулярной легкой кавалеріи. Въ извѣстныхъ случаяхъ воззрѣніе это не лишено нѣкоторой основательности; но причина этому заключается не въ казакахъ, а въ томъ назначеніи, которое они получають въ арміяхъ.

Въ Грузіи, напримъръ, Донскіе полки расположены на огромномъ протяженіи по пограничнымъ постамъ и внутри края незначительными командами изъ 5, много 20 человъкъ; такимъ образомъ раздъленные товарищи въ продолженіе трехъ лътъ иногда и болье не видятъ другъ друга. Подверженные гибельному вліянію зловреднаго климата, расположенные иногда въ мъстахъ, изъ которыхъ перекочевываютъ на лъто самые туземцы изъ опасенія убійственныхъ лихорадокъ, казаки гибнутъ отъ бользней, томятся тоской по родинъ или окончательно изнуряются, равно какъ и лошади ихъ, конвоированіемъ почть, курьеровъ и всъхъ лицъ, какимъ бы то ни было средствомъ получившихъ открытые листы. Въ послъднее время, сколько мнъ извъстно, дъйствительно многое сдълано для облегченія службы и быта казаковъ въ Грузіи; но климатическія условія и раздробленіе на мелкія команды полковъ остаются тъже. Какого единства полковаго духа можно требовать отъ части, находящейся въ описанныхъ условіяхъ?

На Кавказской линіи казаки находятся въ другомъ положеніи: они расположены большею частію по-сотенно, или дивизіонами, принимають участіе въ военныхъ вкспедиціяхъ, гдѣ часто цѣлые Донскіе полки бывають въ сборѣ. Но здѣсь также многія обстоятельства препятствують выказаться военнымъ способностямъ казаковъ. Въ послѣднее время на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи Донскіе казаки пре-

имущественно употреблялись въ отрядахъ на самую неблагородную, а частью и несвойственную кавалеріи службу; они постоянно конвоировали транспорты или употребляемы были, въ продолженіе цълыхъ экспедицій, на перевозку собственными лошадьми и на собственныхъ съдлахъ военныхъ снарядовъ, провіанта, фуража, какъ для себя, такъ и для прочихъ частей отряда. Какой военной пользы, какого военнаго духа можно ожидать отъ казака на избитой лошади, изломанномъ отъ перевозки съдль, и чъмъ виноватъ онъ, если сбереженный Линейный казакъ быстръе его выскочилъ изъ лагеря па тревогу, а между тъмъ обвиняютъ Донскаго казака и по частности судять о Войскъ.

На томъ же Кавказъ, при другихъ условіяхъ, сбереженные тъже Донскіе казачьи полки оставляли по себъ громкую память; имена полковъ Бакланова, Номикосова, Ежова, Ягодина и другихъ занимаютъ славное и почетное мъсто въ военныхъ лътописяхъ Кавказа.

Во время экспедиціи и кампаній вообще во всёхъ арміяхъ Донскіе полки значительно ослабляются въ составѣ своемъ непомѣрнымъ раскомандированіемъ чиновъ своихъ по штабамъ и другимъ управленіямъ. Каждый адъютантъ или офицеръ прикомандированный къ штабу, гевальдигеры, транспортные начальники, имѣютъ при себѣ по нѣскольку казаковъ въ должности вѣстовыхъ, кучеровъ, деньщиковъ и проч. 1).

Не говоря уже о несвойственности таковыхъ должностей для каждаго военнаго, подобныя раскомандировки ²) заключають въ себъ другое существенное зло. Полковой командиръ знаеть, что преимущественно казакамъ, состоящимъ при штабахъ и должностяхъ, назначаются награды; поэтому опредъляеть лучшихъ и благонадежныхъ.

¹⁾ Высказанное мною есть плодъ личнаго моего наблюденія; вт. 1847 году, состоя адъютентомъ главнокомандующаго на Канказѣ, мив поручено было инспектировать всъ расположенные въ Грузін Донскіе полки, винкнуть въ ихъ бытъ и описать пограничную нашу съ Персіею и Турцією линію. Въ 1832 году подполковникъ генеральнаго штаба Немировичъ-Данченко, въ 1842 году канитанъ Бълозоровъ, въ 1846 году подполковникъ Трефортъ вифли тоже порученіе, на всъ трое умерли отъ вліянія климата съ самаго начала своего обзора; инт же удалось кончить благополучно возложенное на меня порученіе. Въ врхивъ Тифлисскаго главнаго штаба Кавказской армін должны находиться мом рапорты и записки о бъдственномъ положеніи Донскихъ казаковъ. Въ зкенедиціи 1856 и 1859 гг. въ Чечит я имъль честь командовать всею кавалеріею отряда и быть свидътелемъ сказаннаго выше, и рапорты мои начальнику отряда съ ходатайствомъ о Донскихъ казакахъ должны находиться въ дълохъ бывшаго Лъваго крыла Кавказской линіи.

⁵⁾ Въ 1854 году въ Азіатской Турціи, передъ дъломъ Кюрукъ-Дара, изъ одного Донскаго полка болъе 300 человъкъ казаковъ паходились въ подобныхъ раскомандировнахъ.

Оно дъйствительно такъ и бываеть: офицерскіе чины, урядничьи галуны и Георгіевскіе кресты большею частію суть достояніе казаковъ не состоящихъ во фронть, а всь ть, которые несуть въ полку все бремя службы, остаются ненагражденными.

Ослабленная раскомандировками часть все таки считается полкомъ; говорять, такой-то полкъ слишкомъ слабъ въ составъ своемъ, чтобы пустить его въ дъло: оставить его въ лагеръ или назначить въ конвой транспорта.

Не такимъ порядкомъ можно поощрять соревнование и други военныя доблести въ казакахъ.

Между тъмъ при другихъ условіяхъ, по опыту, считаю Донскіе полки отличнъйшею кавалеріею, и если они уступають Линейнымъ казакамъ въ единичныхъ схваткахъ съ непріятелемъ, то безропотнымъ перенесеніемъ трудовъ, стойкостью подъ огнемъ и строемъ при атакъ они далеко превосходятъ первыхъ *).

*

Въ заключение позволяю себъ выразить свое личное мнъние о государственной пользъ, особенно въ настоящее время, отъ войска Донскаго.

Войско это, по положенію своему внутри Имперіи, не связанное обереженіемъ границъ своихъ, составляетъ для государства, на случай войны, огромный и неоціненный кавалерійскій резервъ съ отличнъйшею во всіхъ отношеніяхъ артиллеріею. Усовершенствованіе огнестрільнаго оружія уничтожило совершенно значеніе тяжелой кавалеріи и уменьшило значительно роль легкой регулярной. Въ Европейской войнъ главныя дійствія кавалеріи должны ограничиться строгою аванпостною службою для охраненія арміи, быстрыми и смільми переходами въ тыль и фланги непріятельскихъ отрядовъ для нападенія на мелкія части оныхъ, для отбитія продовольственныхъ транспортовъ и, въ рідкихъ только случаяхъ, правильною атакою непріятеля, исключая встрічь кавалеріи съ кавалеріею. Атаки непріятельскихъ колоннъ піхоты при нарізномъ оружіи въ настоящее время можно считать неблагоразумными. Для упомянутыхъ военныхъ дійствій боліве всего

^{*)} Въ кампаніи 1855 года въ Азіатской Турціи, командуя отдівльными отрядами, я особенно иміль случай изучить характерь обоихъ войскъ. Не думая тогда о возможности служить на Дону, я всегда предпочиталь Линейнымъ Донскихъ казаковъ, когда ожидаль діла въ політ и особенно артиллерійскаго испріятельскаго огия.

сродна иррегулярная кавалерія, и можно полагать, что въ этомъ отношеніи перевъсъ всегда будеть на сторонъ той арміи, которая обладать будеть большимъ по числу и качеству такого рода войскомъ. Донскіе казачьи полки, формированіе коихъ ничего не стоить правительству, при благопріятныхъ условіяхъ службы и быта ихъ, могутъ всегда служить самымъ мощнымъ военнымъ орудіемъ въ рукахъ государства на случай всякой войны.

Въ гражданскомъ отношеніи не менѣе важенъ для Имперіи Донской край, изобилующій всѣми дарами природы; по плодородности почвы своей, по минеральнымъ богатствамъ (неисчерпаемой каменно-угольной формаціи) онъ имѣетъ по географическому положенію своему удобнѣйшій сбытъ для всѣхъ произведеній по Азовскому морю и по рѣкѣ Дону. Нѣкоторыми указанными мѣрами легко можно дать самое сильное развитіе всѣмъ земледѣльческимъ, торговымъ и промышленнымъ силамъ Донскаго края. Такимъ образомъ, обогащеніемъ страны, безъ всякихъ отъ казны матеріальныхъ пожертвованій, правительство, посредствомъ благоустройства одной изъ частей Имперіи, будетъ способствовать общему итогу благосостоянія государственнаго, не лишая вмѣстѣ съ тѣмъ себя всей той военной силы, на которую указано было выше.

Нъсколько разъ въ запискъ этой упоминалъ я о священной преданности Донскихъ казаковъ имени Государя; чувства эти исключительно связываютъ съ престоломъ это сословіе и въ настоящее время болье чъмъ когда либо, должны, полагаю, быть цънимы правительствомъ. Вотъ почему, при всъхъ преобразованіяхъ, считаю столь важнымъ укръплять эту связь всъми раціональными мърами, могущими клониться къ упроченію благосостоянія народнаго, а не касаться тъхъ вопросовъ, которые рановременностью своею могли бы возбудить горестное или неблагопріятное впечатлъніе въ Войскъ Донскомъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСЪЙ БОРИСОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Біографическій очеркъ.

Quod potni feci, faciant meliora potentes

l.

Столь внезанно сошедшій въ могилу, министрь инострацивать діль, статев-севретарі, князь Алекевй Борисовичь Лобановь-Ростовскій происходиль изъ рода удільных князей Ростовскихь 1), первымь изъ которых выдь Василько, сынь Владимирского великаго князя Константина Всевододовича (1185—1219). Потомокъ князи Василька, въ восьмомь кольшь, князі Пванъ Александровичь Ростовскій, посиль прозвище Лобана и быль родоначальникомъ князей Лобановых - Ростовскихь. Праправнукь его, князь Пванъ Ивановичь (по прозванію Козій Рого), подписался на грамоть объ избраніи Миханла Осодоровича на царство. Старшій его сынь, тоже князь Пванъ Пвановичь, быль бояриномь, а внукь, князь Яковь Пвановичь († 23 Мая 1732 г.), комнатнымъ стольшкомъ парей Осдора, Гоанна и Пстра Алексвевичей, а внослідствін маїоромь лейбъ-гвардін Семеновскаго полка.

Этоть киязь Яковъ Ивановичь, въ первой четверти XVIII въка, оставался почти единственнымъ представителемъ рода киязей Лобановыхъ-Ростонскихъ. Онъ быль женать два раза и имъль 28 дътей: отъ первого брака 9 сыповей и 6 дочерей, отъ втораго 5 сыповей и 8 дочерей в. Третій сынъ его, Иванъ, служившій во флоть, быль женать на кияжнѣ Куракциой и имъль отъ пея сына, князя Александра (1764—1830), дослужившагося до чина генераль-мајора, и отъ брака своего на Масловой имъвшаго трехъ сыновей и иять дочерей. Младшимъ его сыномъ быль князь Борисъ Александровичь (1795—1863), служившій въ Москвѣ и бывшій камергеромъ и дъйствительнымъ статекимъ совѣтникомъ. Жена его, Олимпіада Михайловия, изъ пезнатнаго рода Воронежскаго дворянства, была единственною дочерью губерискаго секретаря Михаила Тимофъевича Бородина.

^{&#}x27;) Великіе и удельные киязья Саверной Руси, Экземплирского, II, стр. 15-61, и Родословный Сборникъ, Руммеля. I, стр. 552 и след.

^{2) &}quot;Такого плодородія отъ одного человака нать болає примара на исторіи благородныхъ фанилій Русскихъ" (Исторія родовъ Русскаго дворинства, Петрова, стр. 105).

III. 38 руссий архивъ 1896.

У князя Бориса Александровича были одна дочь и пять сыновей, изъ которыхъ четвертымъ быль князь Алексъй Борисовичъ, будущій министръ. Онъ родился 18-го Декабря 1824 года, въ Воронежской губерніи, въ имівніи своей матери. Дітство его прошло въ Москві, гді у его родителей быль собственный домъ, на Собачьей площадкі (купленный у г-жи Веригиной), нынів принадлежащій М. А. Хомяковой; тамъ, во флигелі (первомъ со стороны отъ Кремля) помінцался онъ съ Французомъ-гуверперомъ Деманжо (m-r Demangeot), съ малолітства привившимъ ему ту симпатію къ Франціи, которою онъ отличался впослідствіи.

Юные годы, проведенные княземъ Лобановымъ въ Москвв, подъйствовали и въ другомъ отношения на последующия его склопности.

Въ то время Москва еще была любимымъ мъстопребываниемъ саповнивовъ на поков. Многіе изъ нихъ принимали непосредственное участіс или, по врайней мъръ, были близки съ главсъйшимъ дъятелямъ XVIII въка, столь наполненнаго различными драматическими событыми. Разсказы этихъ вельможныхъ старцевъ, изъ которыхъ большинство было въ родствъ съ княземъ Лобановымъ, о различныхъ пережитыхъ ими эпизолахъ Русской исторіи, слышанные постоянно въ отчемъ домв, съ малыхъ льтъ пріучили князя Алексви Борисовича къ мыслямъ о старинъ, возбудили въ немъ интересъ въ "дъламъ давно минувшихъ дней". Пребываніе же его въ тв годы, когда умъ отличается наибольшею впечатлительностью, въ Москвв, съ ся памятниками съдой древности, съ ея пстивно-Русскимъ духомъ, навъяло на него страсть из нашему историческому прошлому, заложило въ немъ прочное основание сознательной любви къ своему отечеству. Онъ гордился быть Русскимъ, и это чувство нисколько не ослабило въ немъ потомъ, ин подъ вліяніємъ широкой Европейской образованности, ин оть долговременнаго пребыванія въ чужихъ кранхъ. До склона дней своихъ остался князь Лобановъ въренъ Русскому духу, его проникавшему, и вся его дъятельность, научная и политическая, носила истинно-пародный характерь.

Князь Алексви Борисовичь быль изъ твхъ Русскихъ, горячо любящихъ свою родину, которые отдають себв ясный отчеть из томъ, что такое представляеть собою стодвадпатимилліонный пародъ, изъ котораго 80 милліоновь одного происхожденія, одного языка и одной въры, управляемый единою самодержавною волею, не говоря уже о другихъ преимуществахъ даровитаго Русскаго народа: нашей свъжести, нашей культурно-государственной цъльности, богатаго запаса едва початыхъ силъ, развитіе которыхъ сулить Россіп великую будущность.

Четырнадцати льть оть роду киязь Алексий Борисовичь поступиль вы Царскосельскій (нынь Императорскій Александровскій) Лицей, гдь кончиль курсь вы 1844 году (XIII выпускь), со второю золотою медалью (первую получиль Петры Сергьевичь Бибиковь). Товарищами его по Лицею были между прочими М. Е. Салтыковь (Перринъ) и библіофиль М. П. Ленгиновь.

12-го Декабря 1844 г. князь Лобановъ поступиль на службу по Министерству Иностранных Дель, сначала въ департаменть хозяйственных в и счетныхъ двяъ, а вскоръ затъмъ быяъ переведенъ въ канцелирію минцстерства. Исключительно - служебная двятельность на первыхъ ступеняхъ јерархической лестницы не могла удовлетворить любознательнаго юношу. Жажда знаній влекла его къ старинь, и онь задумаль, между прочнив, изучить древне-Еврейскій изыкъ. Покойный любиль разсказывать, сь какимъ удивленіемъ выслушаль его тогдашній знатокъ этого языка, протоісрей Павскій, когда онъ, дотоль ему совершенно незнакомый, подощель къ нему въ полуосвъщенномъ соборъ, послъ всенощной, и изложилъ просьбу, такъ необычно звучавшую въ устахъ элегантнаго, свътскаго, молодаго человъка, давать ему уроки древне-Еврейского языка. Съ жаромъ привялся киязь за двло и овладъль языкомъ настолько, чтобы переводить пророчества Heain; но уроки были прерваны отъйздомъ его за границу: киязь былъ посланъ въ 1847 году исправлять должность секретаря посольства въ Парижъ, что позволило ему еделаться свидетелемъ наденія Орлеанской монархін. Въ 1850 г. князь быль переведень въ нашу мнесно въ Верлинь, гдв быль сперва младшимъ, а менъе чъмъ черезъ годъ старшимъ секретаремъ. Здъсь онъ работаль подъ руководствомъ барона А. О. Будберга. Объ этомъ времени покойный сохраниль самыя свытым воспоминація; съ начальникомь же у него установились отношения, исполнениям сердечной дружбы, неизмънно существовавшія до самой кончины барона Будберга.

Въ Берлипъ у винзя развилась библіоманія, и онъ началъ собирать иностранныя сочиненія касающіяся Россіи.

Выдающіяся способности молодаго дипломата были замѣчены, и объ немъ составилось столь выгодное мивніе, что когда послѣ Крымской камнанін въ 1856 г. стали обнаруживаться признаки желонія императора Наполеона примириться съ Россією, князь Алексѣй Борисовичъ былъ посланъ съ секретнымъ порученіемъ въ Парижъ, куда онъ пріѣхалъ подъ именемъ мѣщаница Рубинштейна, и вмѣстѣ съ Саксонскимъ графомъ Зеебахомъ велъ тайные предварительные переговоры о мирѣ, чѣмъ подготовилъ ночву къ окончательному соглашенію.

По возстановленіи сношеній съ Турцієй князь Лобановъ быль назначень совътникомъ миссіи нашей въ Константинополь; по отвъздъ же въ Россію нашего посланника А. П. Бутенева, спачала временно замъняль его въ качествъ повъреннаго въ дълахъ, а 10-го Іюня 1859 года быль назначень нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Портъ Оттоманской. Ему было тогда лишь 35 лътъ, и въ лътописяхъ Министерства Иностранныхъ Дълъ, за пынъшнее стольтіе, еще не бывало записано посланника, имъвшаго столь юный возрасть.

Клязь Лобановъ блистательно оправдаль возлагавнияся на него надежди. За время его управления миссією произошли: возстаніе Друзовь, рвзия христіанъ въ Сиріи и война съ Черногоріей. Энергическимъ образомъ двйствій ему удалось спасти Черногорію оть окончательнаго разгрома Омеромъ-пашею; благодаря же дружественнымъ отношеніямъ съ Французскимъ его сотоварищемъ Тувенелемъ, могли быть совмѣстно выработаны и примѣнены рѣшительныя мѣры, имѣвшія послѣдствіемъ быстрое прекращеніе насилій надъ Сирійскими христіанами. Путемъ тѣхъ же дружественныхъ отношеній было достигнуто между Россіей и Франціей соглашеніе по щекотливому вопросу объ исправленіи купола надъ Гробомъ Господнимъ.

Надо пожить въ Турціи, чтобы ознакомиться съ різкими и постоянными проявленіями вражды между католиками и православными, въ особенности на жгучей почвік Св. Мість, глі каждое візропсновізданіе страстие и ревниво борется за каждую пядь земли, за каждый камешекъ, за каждую свою привилегію, въ постоянномъ опасенія какъ бы не умалить своего исконнаго права и тімъ не дать противнику возможности основываться на снисходительности или просто на педосмотрії, чтобы требовать себіт кавой либо новой дополнительной льготы. Лишь тоть, кто во очію кидіяль проявленія ненависти между христіанскими візроненовізданіями, съ такою силою вспыхивающій у Гроба Того, кто всю Свою жизиь проповіздываль милосердіе и любовь, только тоть можеть понять, какъ трудно было установить въ вопросії объ исправленіи купола надъ Гробомъ Господнемъ совинастное дійствіе между покровительницею Православія, Россіей, и представительницею католическихъ интересовъ, Францією.

Умножившияся между Россіей и Турціей торговыя связи ставили на очередь вопрось о более соответствующемъ съ требованиями времени пересмотре договорныхъ статей, основывавшихся на торговомъ трантате, заключенномъ въ Константинополе 10-го Іюня 1783 года.

Несмотря на пошатнувшееся, после Крымской войны обаяніе наше въ Турціи (уважающей, какъ и все восточныя державы, одну линь матеріальную силу), князь Лобановъ успель добиться заключенія между Россіей и Турціей трактата о торговле и мореплаваніи, который быль подписань 22-го Января 1862 года; вмъ выговорены новыя и существенныя льготы какъ для нашихъ купцовъ и товаровъ въ пределахъ Оттоманской имперіи, такъ и для нашихъ торговыхъ судовъ, посёщающихъ Турецкія воды.

За время пребыванія его въ Царьградь, любовь въ научнымъ запятіямъ не повидада виязя Лобанова: онь занядся здвеь археологією и пумизматикою и усивдь себь составить хорошую коллекцію Византійскихъ монеть.

По нъкоторымъ причинамъ, скоръе семейнаго свойства, 14-го Марта 1863 года князь Лобановъ вышелъ въ отставку и поселился въ Пиццъ. Отставка его была, впрочемъ, очень кратковременна, и чрезъ пять мъсиневъ онъ снова поступиль въ въдометво Министерства Иностранныхъ Дълъ, а въ 1866 г. былъ переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дълъ,

Блестиція природныя дарованія, а отчасти, быть можеть, и атавизмъ потомка древнихъ владътельныхъ князей, позволили князю Лобанову скоро освоиться съ условіями дъятельности на новомъ, до того ему совершенно чуждомъ поприцъ впутренняго управленія Россією.

Посль кратковременнаго пребыванія его въ должности губернатора въ Орль, гдь досель сохраняется добрая память объ его доступности, энергіп и о живъйшемъ питересь, съ которымъ онъ относился къ дъламъ управлнемой губерніи, онъ въ 1867 г. быль назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ ръль, получивъ одновременно и званіе сенатора. Благодарные жителя Орла и Карачева избрали его своимъ почетнымъ граждапиномъ.

Врема пребыванія князя Лобанова въ Министерствів Внутренияхъ Дізав было временемъ широкихъ реформъ, потокомъ лившихси на Россію, и просвъщенной дъятельности князи открылось общирное поприще. Онъ принималь непосредственное участіє въ компесіяхь: о губернекихъ и увадныхъ учрежденияхъ, по составлению проекта новаго Городоваго Положения, по поземельному устройству государственныхъ крестьямъ, по поземельному устройству поселянь (царань) Бессарабской области, по примъненію Городоваго Положенія въ городахъ Прибалтійскихъ губерній, въ высочайще учрежденномъ при Министерствъ Юстиціи Комитеть по преобразованію слідственной части (при чемъ на него было возложено предсідательствованіе въ случав отсутствія председателя этого Комитета, статсъ-секретари графа Палена). Затъмъ, кинзь Алексъй Борисовичь исполнялъ обязанности предсъдателя комиссій по дъламъ раскола, высочайте учрежденныхъ въ 1868 г., а потомъ въ 1875 годахъ, былъ вице - президентомъ ('.-Петербургскаго Тюремнаго Комитета. Кром'в того, ему пришлось восемь разъ управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дълъ, получая каждый разъ высочайшее благоводеніе за успѣшное управленіе.

Отдавалсь своимъ многосложнымъ обязанностямъ, князъ Лобановъ, съ 1870 г. носившій почетное званіе статсь-секретаря Его Величества, во всикое поручаемое ему дъло умѣлъ вносить живую струю: быстро схватывая сущность дѣла и яспо отграничивая все наиболѣе важное отъ послѣдующихъ второстепенныхъ наслоеній, въ заключенія свои по самымъ разнообразнымъ вопросамъ онъ вносилъ свѣтлые, широкіе взгляды съ рѣзко-очерченнымъ примпрительнымъ направленіемъ. Въ случаяхъ важныхъ усталость для него пе существовала и, не прибѣгая къ помощиикамъ, онъ самъ углублялся въ пзученіе запутанныхъ и сложныхъ дѣлъ. Очевидцы разсказывають, что это было что-то невъроятное, когда князъ брался за работу, которая въ его рукахъ князьа и почти мгновенно отливалась въ наиболѣе совершенную форму.

Для всякаго другого такой плодовитой работы было бы за глаза достаточно; не таковъ былъ князь Лобановъ. Умъ его требовалъ все повой и новой пищи и, върный своей давней страсти, онъ обращался въ истории, этой прекрасной возлюбленной), всегда закутанной въ таинственную, зачарованную дымку, раскрывающуюся лишь понемногу, которою стбить увлечься одинъ равъ, чтобы на всю жизнь остаться ея покорнымъ рабомъ.

Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ въ средѣ нашего высшаго дворянства издавна интересовадъ князи Лобанова, полагавшаго, что родственныя связи играли въ нашей исторіи роль значительно-большую, чѣмъ это обыкновенно представляютъ и что отъ нихъ существенно зависилъ и самый ходъ историческихъ событій. Отсюда вытекала необходимость подробнаго изученія сказанныхъ связей для уясненія себѣ скрытыхъ иногда причипъ того или другаго событія, кажущагося, повидимому, непонятнымъ, и вотъ, слѣдовательно, какимъ путемъ внязь пришелъ къ мысли заняться генеалогісю Русскаго дворянства.

По части этой генеалогіи въ то время существоваль лишь однив серьезный трудь "Россійская родословная винга виязя Долгорувова". Но, съ одной сторовы, многія приведенныя въ ней родословія нуждались въ дополивній, а во вторыхъ, въ ней не дастся родословій многихъ, нынѣ уже угасшихъ, старинныхъ Русскихъ родовъ, тавъ напр. въ родословін виязей Одоевскихъ (т. І, стр. 49) показанъ виязь Оедоръ Юрьевичъ (№ 38), отъ котораго пошли виязья Воротынскіе, а на стр. 53-й увазано, что отъ виязя Василія Борисовича Тюфяки Оболенскаго (№ 129) пошли виязья Тюфякины, а между тъмъ родословныхъ таблицъ виязей Воротынскихъ и Тюфякиныхъ киязь Долгоруковъ не дасть.

Первопачальною мыслыю князя Лобанова было составить родословія вменю такихь угасшихь знаменитыхь родокь, о которыхь не имбетея подробныхь таблиць, а затімь уже, на основаній имбенихся въ распоряженій его матеріаловь, дополнять и генеалогическія таблицы прочихь дворянских родовь вообще. Такимь образомь, задуманный имь сборникь быль бы прямымь продолженіемь труда князя Долгорукова. Но въ то время, какь князь Алексвії Борисовичь собираль повсюду необходимыя ему справки и замітки, онъ сообщиль о своихь занятіяхь М. И. Семевскому. Петеривливый редакторь "Русской Старины" не даль князю достаточно времени, чтобы тщательно обработать имъвнійся у него матеріаль и убъдиль его издать таблицы въ томь отчасти отрывочномь видь, въ какомъ опів хранились въ его портфель.

Первый томъ изданной М. И. Семевскимъ "Русской родословной книги" вышель въ 1873 году, а второй въ 1875 году. Инига эта, вышедная безъ имени составителя, имъла усивхъ и, не смотря на свою неполноту и отрывочность, сдълалась настольною книгою у нашихъ генеалоговъ. Анонимъ князи скоро огласился, генеалогическая репутація его установилась на прочномъ основаніи, и Петровъ, въ своей "Исторіи родовъ Русскаго дворинства", называетъ князи "ведичайшимъ изъ современныхъ разработывателей отечественной генеалогіи" (стр. 105). Благодаря значеню, какое пріоб-

рълъ трудъ князя Лобанова среди любителей исторіи, онъ весьма быстро исчезъ съ книжнаго рынка и скоро сдълался библіографическою ръдкостью.

Второе изданіе "Русской родословной книги", сділанное А. С. Суворинымъ, вышло въ світь въ 1895 году, въ двухъ томахъ, въ столь дополненномъ видів, что, при почти одинаковомъ числів родословій (увеличилось всего на 11), объемомъ опо чуть не въ полтора раза обширніве перваго изданія. Оно было очень благосклонно встрічено критикою, отмітившею всіт достоинства этого капитальнаго труда, являющагося ціннымъ вкладомъ въ нашу пебогатую генеалогическую литературу.

Кромв этого большаго труда, князь Лобановъ принималь постоянное участіе въ "Русской Старинв", гдв напечаталь собраніе разсказовъ П. Ө. Карабанова и рядь замѣтокь и статей, основанныхъ на принадлежавшихъ ему непзданныхъ документахъ: "Свѣтлѣйшій князь П. П. Лопухинъ" (1873), "Родословіе герпога Бирона" (1873), "Манштейны" (1876), "Зубовы" (1876), "Графъ Алексапдръ Головкинъ" (1876), "Денисъ Ивановичь Фонвизинъ" (1876), "Лордъ Витвортъ" (1877). Затъмъ въ "Русскомъ Архивъ" онъ по-мѣстилъ знонимный трудъ о Е. И. Пелидовой (1873), представляющій одну изъ нопытокъ его къ систематической обработкъ добытыхъ имъ матеріаловъ, и вѣсколько другжхъ исторіографическихъ замѣтокъ.

По что особенно привлекало къ себъ внимание князя Лобанова, это непродолжительное, но исполненное такого интереса царствование императора Павла I. Онъ задумаль написать исторію этого остающагося досель въ полумракъ періода и съ любовью сталь собирать нужные ему матеріалы; иъ его библіотекь было сосредоточено все, что объ этомъ времени напечатано въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Загравичные книготорговцы немедленно сообщали ему о встхъ попадавнихся имъ по этому предмету книгахъ, и князь не жальдь пикакихъ денегь на выписку интересовавшаго его сочиненія; кром'є печатных в источниковъ, у него им'єлись въ его коллекціяхъ и драгоцинные руконисные: подлинныя письма, дневники динтелей того времени и многія другія данныя; п'екоторыя разр'ешено было ему собрать, по особому къ пему довърію императора Александра II, въ собственномъ фамильномъ архивъ Его Величества. Богатство матеріала и личность трудившагося надъ нимъ историка объщали дать полную и безпристрастную опфику такъ педостаточно еще выясненной рыцарской личности императора Павла Петровича и пролить новый свъть на исторію его царствованіи. Къ сожалънію, усиленная служебная дъятельность князя мъшала ему сосредоточиться на обработкъ собранныхъ имъ сырыхъ историческихъ данныхъ, и онъ успълъ лишь составить два большихъ тома "Дневника", гдв, день за днемъ, воспроизведена вся ветминяя исторія царствованія Павла I.

Ученые труды киязя Лобанова были вознаграждены избраніемъ его въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ, а потомъ и Императорской Публичной Библіотеки. Въ тоже время, по высочайшему повельнію, цнязь быль приглашень оть имени Его Величества въ содъйствію по собранію матеріаловъ для исторіи и жизнеописанія императора Николая 1.

II.

По окончаніи Русско-туренкой войны и возстановлени сношевій съ Портою, необходимо было послать въ Константинополь опытнаго дипломата, въ тонкости знакомаго съ Востокомъ и съ особенностями дипломатической тамъ дѣятельности, который въ состояніи былъ бы распутать пѣсколько узловъ, составлявшихъ наслѣдіе минувшей войны, пзмѣвившей всѣ прежнія соотношенія какъ между Турпіей и сосѣдними съ нею государствами, такъ и между народностями, населяющими Балканскій полуострокъ, гдѣ частью окончательно освободились, частью вознивли вновь новые политическіе организмы, со своими обособленными стремленіями. Для согласованія всего этого съ видами Рессіи требовалось воздѣйствіе мнгвое по формѣ, но твєрдое по существу. Влобавокъ, нужно было подготовиться къ энергическому дѣйствію и на самого султана для заключенія договора по тѣмъ вопросамъ, которые не подлежали разсмотрѣнію пмѣвшаго собраться въ Берлинѣ международнаго конгресся.

Князь Лобановъ представляль собою именно человька, которому было по плечу справиться съ трудными задачами, предстоявшими быть удъломъ Русскаго представителя въ Царьградъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. На него-то и палъ выборъ Александра II, снова призвавшаго его на дипломатическое поприще и 22-го Апръля 1878 г. назначившаго своимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при султанъ.

Посылья князя въ Константинополь, Государь счелъ нужнымъ предупредить его, что пребывание его на берегахъ Босфора будетъ непродолжительно, такъ какъ вскоръ онъ будетъ вызванъ въ Петербургъ для замъщения князя Горчакова, въ то время уже удрученнаго недугами и нуждавшагоси въ отлыхъ.

Положеніе Русскаго посла въ Царьградь и въ обычное время крайне тяжелое, боевое. Городъ этотъ служитъ центромъ скрещивающихся всевозможныхъ интригъ иностранныхъ представителей, всв свои старанія направляющихъ въ противодъйствію или даже къ исворененію Русскаго вліянія на Норту и въ стремленію увлечь Турцію въ Западноевропейскую орбиту, заполучивъ, конечно, въ собственную пользу львиную часть всвхъ выгодъ. Къ этому результату направленъ весь пресловутый Европейскій концерть, въ воторомъ, однако, все чаще и чаще замвчается отсутствіе стройности, пронялющееся то туть, то тамъ раздающимися фальшивыми нотками, и противъ такого-то единодушнаго натиска должевъ бороться Русскій представитель, почти всегда одинокій, никъмъ не поддерживаемый. Въ тоже время, овъ долженъ преодолжать ухищренія уклончивой и двоедушной политики Порты, самою своею слабостью осужденной на постоянныя увертки, въ на-

деждв, что викогда не превращающееся взаимное соперничество между державами дасть ей возможность какъ нибудь ускользнуть отъ исполненія своихъ обязательствъ, на которыя она такъ щедра на словахъ и даже на бумагъ. При такихъ условіяхъ защита нашихъ интересовъ въ Турція и преслъдованіе исконныхъ нашихъ цёлей на Востокъ, въ связи съ заботами, вытскающими изъ нашего, освященнаго въками, покровительства единовърцамъ и единоплеменникамъ, налагаютъ на Русскаго посла при султанъ тяжкое бремя и требуютъ неослабнаго и крайняго напраженія всъхъ умственныхъ силъ.

Обычныя тяготы, соединенныя съ обязанностями Русского посла въ Константинополь, въ эпоху 1878-1879 г.г. еще усугублялись многоразличными вопросами, составлявшими прямос последствие телько что завончившейся войны: нужно было следить за деятельностью спеціальных в коммиссій по разграничению Черногоріи. Сербін и Болгарів съ Турцієй, Болгарія съ Румыніей и съ Сербіей, Восточной Румелія съ Турціей, Турціи съ Россіей въ Малой Азів; нужно было добиться очищенія отъ Турецкихъ войскъ Шумлы в Варны и сдачи намъ Батума; необходимо было справиться съ мусульменскимъ возстаніемъ въ Родопскихъ горахъ, утишить воинственныя стремленія Греція, направлять первые шаги самостоятельнаго существованія новыхъ политическихъ организмовъ, вызванныхъ въ жизни освободательною нойною, вняжества Болгарского и автономной области Восточной Румеліи, руководить выработкою для этой последней особою международною коммиссією Органическаго Устава и, наконецъ, стоять на стражв спеціально-Русских в ивтересовъ и завлючить съ Турцією отдільный договоръ. Всі эти вопросы приведены были княземъ Лобановымъ въ благополучному разрешению.

Переговоры по дёлу о заключени договора были тёмъ затруднительные, что для преодольнія естественнаго упорства Порты, не желавшей окончательно налагать на себя стёснительныхъ обязательствъ, принятыхъ ею по предварительному Савъ-Стефвискому миру, у князя Лобанова не было другихъ средствъ давленія кром'в правственныхъ, такъ какъ, вслёдствіе явнаго недоброжелательства Европы, сократившей срокъ нашей оккунація Болгаріи, Русскія войска должны были оставить предвлы Турціи ран'ве, чёмъ это предполагалось первоначально и, истому, пе могли быть мечомъ Бренна, который князь Лобановъ, въ случать надобности, могъ бы бросить на чашку въсовъ.

Твиъ не менъе, благодаря своему правственному авторитсту, дипломатическому искусстку, настойчивости и личному вліннію на султана, внязю Алекстю Борисовичу удалось добиться заключенія окончительнаго мирнаго договора между Россією и Турпісй, который и былъ подписанъ 27 Январн (8 Февраля) 1879 года.

Актъ этотъ, между прочимъ, опредълилъ размъръ военной контрибуціи, которую Турція должна была уплатить Россіи, въ восемьсотъ два мильсва пятьсотъ тысячь франковъ; Русскимъ подданнымъ и упрежденіямъ, постраданнимъ отъ войны, Порта обязалась уплатить вознагражденіе въ размъръ

не свыше 26.750.000 франковъ, особые коммиссары должны были опредълять размъръ суммъ должныхъ Россіи за содержаніе военноильнныхъ. Послъдующими статьями трактата султанъ даруегъ полную амнистію всъмъ своимъ подданнымъ, замъщаннымъ въ послъднихъ событіяхъ въ областяхъ Европейской Турціи и возвращаеть изъ изгнанія и ссылки всъхъ по этому же поводу удаленныхъ изъ ихъ родины (сколько несчастныхъ Болгаръ было, затъмъ, въ силу этой статьи, возвращено, по требованію нашего посольства, изъ ссылки въ Малой Азія!); наковецъ, Блистательная Порта обязуется повончеть, путемъ полюбовнаго соглашенія, всъ тянущіяся уже столько лътъ тяжебныя дъла, по требованіямъ Русскихъ подданныхъ съ Турецкаго правительства, и возмъстить имъ всъ понесенные ими убытки, а также привести немедленно въ исполненіе всъ уже ранъс того состоявшіяся въ ихъ пользу судебныя ръшенія.

Пишущему эти строви, исполнившему въ то времи обязанности перваго севретаря посольства нашего въ Константинополь, было поручено доставить въ Петербургъ договоръ этотъ, который и былъ ратификованъ 3-го Февраля 1879 года.

Неусыпно следя за ходомъ политическихъ событій на Балканскомъ полуостровъ со всъми ихъ сложными перапетіями, князь Лобановъ не упускаль изъ вилу условій двятельности и чисто конеульской и повысиль уровень требованій оть нашихъ консуловъ. Снабдивъ ихъ инструкціями, въ которыхъ, однако, отсутствовали обычно употребляемыя въ такого рода бумагахъ общія слова и упованія на "пзв'єстный посольству вашъ такть и опытность" и гдв, вапротивь, были кратко и ясно увазаны главный прип и задачи, подлежавшія въдэнію того или другого консула, квизь Лобановъ сообщиль имъ всемъ весьма общирную программу относительно того, о чемъ наши консулы должны были доставить подробный свёдёнія, но постепенно. по мврв болве и болве т дательнаго ознакомленія съ красмъ, ввареннымъ ихъ наблюденію, и благодаря которымъ должно было получиться полное и всестороннее описаніе прая въ политическомъ, статистическомъ, этнографическомъ, торгово-промышленномъ, военномъ и археологическомъ отношеніяхъ. Консуламъ была намъчена шпрокан рамка свъдвий, въ которыхъ нуждалось посольство, котя, въ интересв полноты и основательности этихъ свъдъній, имъ было предоставлено не спъшить ихъ доставленіемъ ради простой канцедярской отписки, которой князь Лобановъ не терпъль во всю свою жизнь.

Какъ рёшительно поступаль князь Лобановъ въ иныхъ обстоятельствахъ, когда польза дёла требовала быстроты, показываетъ одинъ изъ эпизодовъ, случившійся лётомъ 1878 года.

Носле предварительнаго Санъ-Стефанскаго мира, Руссвія войска охватывали съ сухопутья Константинополь шировимь кольцомъ, начинавшимся у Санъ-Стефано и тянувшимся почти до Чернаго моря. Турки, въ свою очередь, тоже постепенно сосредоточили сюда же свои войска, вытянувъ ихъ въ линію паралельную линіи расположенія Руссвихъ силь, такъ что объ армін, стоявшія на всемъ этомъ протяженія одна противъ другой, изо дня въ день тщательно следили за всякимъ действіемъ и движеніемъ своего противника. Окончательнаго мира заключено еще не было, а следовательно не было полной увъренности, что война по какому нибудь поводу снова не возгорится. Въ добавовь, въ объихъ арміяхъ были военачальники, недовольные прекращеніемъ военныхъ дъйствій. Одни изъ пихъ, Русскіе, находили, что, не смотря на побъдоносную войну, мы пріобръда слишкомъ мало по сравненію съ принесенными жертвами, и что, во всякомъ случав, намъ слвдовало во что бы ви стало занять Константинополь. Другіе, Турки, полагали, что Турціп савдуєть продолжать открытую борьбу, что у нея, съ теченіемъ времени, накопилось болье въроятностей на побъду и что дальнъйшимъ отчаяннымъ сопротивлениемъ можно не только избавиться отъ унизительныхъ навязанныхъ побъдителемъ условій, но и саминъ проднятовать свои условія Россіп, ослабленной продолжительною войною и не имъвшей надежной воммуникаціонной ливів для сообщенія съ своею армією, находившеюся въ оврестностяхъ Царьграда,

Однимъ изъ самыхъ ярыхъ партизановъ подобной guerre à outrance былъ молодой генералъ (нынъ маршалъ) Фувдъ-паша, Туренкій Мюратъ, самонадъянность воторало не знала гранаць съ того пременс какъ ему посчастивилось нанести пораженіе Русскимъ войскамъ подъ Еленою. Гаходившійся подъ его начальствомъ авангардъ, въ одивъ изъ Іюльскихъ дней, замѣтилъ, что у Русскихъ, стоявшихъ напротивъ его, возведены вышкв, построевныя казаками для лучшаго наблюденія за Турецкими позиціями. Фувдъ-паша усмотръль въ этомъ впрушеніе обязательнаго для объихъ сторонъ бездѣйствія и какъ бы приступъ въ наступательнымъ дѣйствіямъ в послалъ сказать начальнику стоявшихъ тамъ Русскихъ войскъ, генералу Скобелеву, что если къ девяти часамъ завтрашняго утра вышки не будутъ разрушены, то онъ дастъ приказъ къ наступленію по всей линіи.

Скобелевъ немедленно донесъ о происшедшемъ главнокомандующему, графу Тотлебену. Была уже ночь, когда донесение его было получено въ главной квартиръ. Графъ Тотлебенъ тотчасъ же послалъ съ этимъ извъстиемъ двректора состоявшей при немъ двиломатической канцелярии, М. А. Хитрово, на паровомъ ватеръ въ Буюкдере, гдъ жило тогда наше посольство и куда онъ прибылъ въ 4 часа утра, а въ 5 часовъ князъ Лобановъ былъ уже въ прибосфорской деревушкъ Кандилли, расположенной на Малоазійскомъ берегу, гдъ проводилъ лъто тогдашній Турецкій министръ иностранныхъ дълъ, Сафветъ-паша.

Князь Лобановъ потребоваль, чтобы немедленно разбудили министра. Напрасно прислужники его увловялись отъ исполненія этого требованія, говоря, что въ такой ранній, утренній часъ министръ еще находится въ гаремъ, и вызвать его оттуда невозможно. Русскій посолъ стояль на своемъ,

и Сафвета, наконецъ, извлекли изъ гарема. Онъ явился въ желтой стеганой, ситцевой кацавейкъ. Князь передалъ ему о всемъ происшедшемъ и указалъ на роковыя послъдствія, которыя могла имъть безумная выходка Фуада, похвалявшагося, что онъ самъ разрушитъ вазачьи вышки, такъ вакъ легво было предвидъть, что попытка Турецкихъ войскъ перейти въ наступленіе немедленно вызвала бы отпоръ и наступленіе со стороны Русскихъ, и снова возгорълась бы война, а разъ она начадась бы снова, кто могъ бы опредвиль, гдъ она кончител.... Въ обоюдныхъ питересахъ и Россіи и Турціи необходимо было безъ промедленія обуздать пылкаго генерала и для того тотчасъ же войти въ сношенія съ султаномъ, такъ какъ каждан минута была дорога.

Робкій Сафветь сначала ни за что не хотвль телеграфировать въ Ильдызъ-кіоскъ, ссылансь на то, что султант еще въ гаремв и онъ не смъетъ его безпокоить; однако, подъ конецъ, онъ долженъ былъ уступить непреклонной настойчивости князя, увънчавшейся полнымъ успъхомъ, такъ
какъ въ 6 часовъ утра султанъ далъ непосредственно Фузду-пашъ самыя
строгія приказанія по телеграфу, и весь этотъ случай, который при мальйшемъ промедленія пли недостаткъ ръшительности со стороны князя Лобанова, могъ повести въ возобновленію военныхъ двйствій и возбудить, пожалуй, восточный вопросъ въ полномъ его объемъ, былъ улаженъ благонолучно и не имълъ никакихъ дальнъйшихъ послъдствій. Жители же Константинополя, проснувшись, и не подозръвали, отъ какой опасности они избавились и какія событія должны были разыграться въ то утро, въ ближайшемъ
сосъдствъ и, по всей въроятности, въ самыхъ стънахъ Константинополи.

III.

Въ то время какъ подъ умиротворнощимъ дъйствісмъ внязя Лобанова мало по малу сглаживались шероховатости разныхъ копросовъ, одинъ за другимъ возникавшихъ на окружавщей его вулканической почвъ, императоръ Александръ II нашелъ, что присутствіе князя необходимо въ Лондонъ. Отношенія наши съ Англійскимъ правительствомъ безспорно ухудшались, а такъ какъ князя привывли уже посылать туда, гдъ, какъ говорится, "горитъ", то 23 Декабря 1879 года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при королевъ соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландія, императрицъ Индіи. При отправленіи его въ Лондонъ Государь вторично заявилъ ему, что это будетъ послъднимъ дипломатическимъ его постомъ за границею, такъ какъ онъ предназначенъ замънпть князя Горчакова въ управленіи нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дълъ.

И здёсь князь Лобановь оправдаль воздагавшіяся на него ожидавін. Характерь отношеній между Англією и нами быстро измёнился въ лучшему, прежняя холодность исчезла, и представилась возможность съ усибхомъ защищать интересы Россіп въ происходившихъ тогда переговорахъ по Афганскимъ и Египетскимъ дёламъ. Въ тоже время, при его посредствъ, была завлючена между Россією п Велпкобританією вонвенція 9-го Августа 1880 г. о взапиной выдачт наслідствъ, остающихся посліт смерти мореходцевъ.

Въ Лондопъ князь Лобановъ оставался до 13-го Іюля 1882 года, когда былъ переведенъ въ Въну, будучи назначенъ чрезнычайнымъ и полномочнымъ посломъ при императоръ Австрійскомъ, королъ Венгерскомъ. Лишь тогда ръшился онъ перевезти изъ Петербурга всъ свои обширныя коллекціи портретовъ Русскихъ дъятелей, картинъ, гравюръ, звтографовъ, монетъ и разныхъ древнихъ вещей, предвидя, что въ Вънъ суждено ему провести много лътъ. До тъхъ поръ, коллекціи его хранились въ оставленномъ княземъ Алексвемъ Борисовичемъ до 1882 года за собою старомъ его помъщеніи на Михайловской илощади, въ домъ гр. Вельегорскихъ (нынъ Кочкурова). Помъщеніе это памятно многимъ любителямъ старины, такъ какъ въ немъ, во времи своего пребыванія въ Петербургъ, князь любилъ принимать всъхъ, кому дорого наше прошлое, всъхъ, кто заниматся изученіемъ этого прошлаго, и вель съ ними оживленныя бесъды по различнымъ историческимъ вопросамъ, поражая собесъдниковъ обширною своею пачитанностью и проникновеніемъ въ самую суть былыхъ событій.

Долговременное пребываніе капля Алекстя Борисовича въ столиць Австріи совпало съ эпохою тяжкихъ смуть въ Болгаріи, вогда, пользуясь благопріятными обстоятельствами, окрымились Австрійскія вождельнія на столь лакомый кусокъ, какъ это Славанское княжество, захотъвшее, въ особенности подъ вліяніемъ Стамбулова, дать на удавленіе міру второй обращивъ неблагодарности.

Это было тяжкое время, когда зачастую казалось, что подъ влінніємъ задорнаго образа дъйствій містныхъ Австрійскихъ агентовъ и подъ влінніємъ воинственныхъ рвчей, силошь и рядомъ раздававшихся въ Австровенгерскихъ представительныхъ собраніяхъ, мирь держался на волоскъ, который вотъ воть долженъ порваться. Мудрая политика Царя-Миротворца, находившаго себъ въ Вънъ такого искуснаго пополнителя его предначертаній, предотвратила катастрофу.

Благодаря полнымъ такта дъйствіямъ князя Лобанова, спокойно, но твердо отстанвавшаго неприкосновенность самихъ принциповъ, на которыхъ зиждется наша политика на Балванскомъ полуостровъ, кровью Русскихъ войновъ вызваннаго къ самостоятельной жизни, при чемъ держава-освободительница являла примъръ личного безкорыстія, подобнаго которому едва ли можно найти на скрижаляхъ исторія,—отношенія между обоями правительствами стали постспенно терять свой острый характеръ и даже, подъ конецъ, приняли скоръе дружественный оттънокъ, хотя Россія и не поступилась въ пользу Австрій ни единымъ изъ своихъ интересовъ.

Заслуги князя Лобанова въ этомъ направленія были отличены знакомъ монаршаго благоволенія, и 9-го Апръля 1889 г. онъ получиль высочайшій рескрипть сладующаго содержанія.

"Князь Алексий Борисовичь. Цвия многольтнюю двительность вашу на двиломатическом поприщв, неуклонно направляемую сознавіем достоинства и пользь отечества, а равно ваши дарованія, опытность вы государственных двлах и отличающія вась личныя кичества, синскавшія вамъ всеобщее уваженіе, я считаю справедлявым выразить вамы мою особенную благодарность за ваши достохральный заслуги. Въ ознаменованіе оной и въ знакъ моего къ вамъ благоволенія жалую васъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождаются. Пребываю къ вамъ неизмънно благосклопный. Александръ,.

За время пребыванія внязя въ Вънъ были между Россією и Австро-Венгрією заключены двъ конвенців: одна, 2-го Января 1893 года о соединеніи Новоселицкой вътви юго-западныхъ жельзныхъ дорогь съ Львовско-Черновицкою жельзною дорогою, и другая—торговая, подписанная 6-го Мая 1894 года.

Изъ особо возлагавшихся за это время на внязя Лобанова поручевій слівуєть отмітить посылку его въ Декабрів місяців 1894 года въ Рямъ для извінценія папы Рямскаго о восшествій на престоль нынів благополучно царствующаго императора Няколая II.

При князѣ же Алексѣѣ Борисовичѣ наше посольство въ Вѣвѣ, помѣщавшееся дотолѣ въ домѣ частнаго лица, пріобрѣло покупкою великолѣпный дворецъ герцога Нассаускаго, а въ прилегающемъ къ дому саду была начата постройка православнаго храма. Благодаря также его стараніямъ, Вѣвскій муниципалятетъ уступилъ намъ участокъ земли подъ устройство кладбища спеціально для погребенія православныхъ Русскихъ подданныхъ, что и было тогда же приведено въ исполненіе.

Дипломатическая дъятельность внязя Лобанова, не смотря на свою напряженность, не мъщала его литературнымъ и ученымъ работамъ. Онъ служили ему отдыхомъ отъ оффиціальной работы; полнаго отдыха, въ смыслъ начегонедъланія, князь накогда не понималъ, и на важдый досужій часъ у него всегда находилось что небудь новое, что онъ хотълъ изучить или дополнить.

Такъ, въ "Русскомъ Архивъ" князь Лобановъ помъстилъ статью о Запискахъ внягини Дашковой (1881), а въ "Русской Старинъ" "Земскій в Затранезные, представители именитыхъ купеческихъ фамилій въ XVIII в." (1884), "Маркъ Мартиновичъ и его Русскіе ученики" (1884), "Письмо царицы Прасковьи" (1884), "Анастасія Аванасьевна Пушкина" (1884), "Вопросъ о князъ Щербатовъ", (1886) "Николай Ивановичъ Кривцовъ" біографическій очеркъ (1888) и "Принпъ Карлъ Эрнестъ Курляндскій въ Бастиліи", очеркъ (1888).

Интересуясь вопросами о Французских эмигрантах и вообще с сосгояни Французскаго общества конца XVIII въка, внязь собрать большое количество сочинений, рукописей, писемъ, относищихся къ этой эпохъ, но самъ издалъ только одно сочинение на Французскомъ языкъ, и то анонимновыпущенное въ очень ограниченномъ числъ экземпляровъ, не поступившихъ въ продажу. Сочиненіе носить слъдующее заглавіе: "Lettres de la marquise de Coigny et de quelques autres personnes appartenant à la société française", Paris. 1884. Кромъ этого сочиненія, онъ принималь самое дъятельное участіе въ изданіи книги "Correspondance intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois pendant l'émigration (1789—1815), publiée avec introduction, notes et appendices par Léonce Pingaud", Paris. 1889. На стр. 350-й втораго тома "Correspondance intime", Ппиго, говоря о томъ, кому принадлежать оригиналы опубликованныхъ имъ 234 писемъ, упоминаетъ, что письма №№ 3—75 "formant une série suivie et пише́гоtée par l'auteur, proviennent de la billiothêque de s. е. le prince Lobanow, амъаssadeur de Russie à Vienne". Не довольствуясь передачею самыхъ писемъ, князь сдълаль къ нимъ много замътовъ и примъчаній, по, тъмъ пе менъе, всю авторскую честь овъ предоставиль г-ну Пинго.

Въ 1890—1892 гг. князь Лобановъ собпрадъ во всёхъ архивахъ матеріалы касательно д'ятельности изв'єстнаго Французскаго агента, авантюриста и непримиримаго врага Наполеона I, графа d'Антрэга, но собранный вмъ матеріалъ предоставилъ обработать обычному своему сотруднику, Пинго, который въ 1893 году выпустилъ сочиненіе подъ заглавіемъ "Un agent secret sous l'Empire, comte d'Antraigues".

Леонсъ Ппиго издалъ еще одву книгу "L'invasion Austro - prussienne (1792—1794)", Paris, 1895; двъ трети ен заинты анонимнымъ разсказомъ современника объ Австро-Прусской кампаніи въ Эльзасъ въ 1793 году. Въ предисловіи издатель сообщаеть, что подлинникъ разсказа принадлежитъ князю Лобанову. И это сочиненіе князь снабдилъ обильными и цънными примъчаніями.

Въ концъ 1894 года, князь Лобановъ задумалъ издать дневникъ Елисаветы Петроввы Дивовой, урожденной графини Бугурдиной, имъвшей политическій салонъ въ Парижъ и, какъ кажется, высланной оттуда Наполеономъ І-мъ. Дневникъ Дивовой вмъстъ съ ея обширною семейною перепискою хранится въ Императорской Публичной Библіотекъ. Всъ необходимыя по этому поводу выписки и справки были уже сдъланы; но князь Лобановъ, пріобръвшій даже великольпный портретъ Дивовой, масляными красками, въ натуральную величину, не успъль осуществить своего намъренія.

IV.

Князь Лобановъ умѣдъ вседять въ своихъ подчиненныхъ безграничное уваженіе и искреннюю дюбовь, которыя ярко выразились въ сердечности, вывазанной по случаю исполнившагося 12-го Декабря 1894 года пятидесятильтія службы его. Впрочемъ, нужно сказать, что одинаковыя чувства возбуждаль онъ во всёхъ, съ которыми приходиль въ близкое соприкосновеніе: стоило его знать, чтобы уважаль и любить.

Хоти оффиціальное празднованіе юбилея и не совпадало съ названнымъ выше числомъ, такъ какъ князь быль пять мёсяцевъ въ отставке, и было перенесено на 17-ое Мая 1895 года, тёмъ не мене сослуживцы князя испросили его разрёшеніе отпраздновать пятидесятилётній день вступленія его въ службу семейнымъ образомъ и устропли ему обедъ, на которомъ присутствовали все чиновники посольства и генеральнаго консульства въ Вёне, съ ихъ женами.

За объдомъ К. А. Губастовъ, тогдашній генеральный вонсуль и изъ всъхъ участниковъ наиболье продолжительное время служинній подъ начальствомъ юбиляра, свазаль слъдующую ръчь:

"Князь Алексви Борисовичь! Желая почтить сегодия, семсивымъ образомъ, ваше полувъковое служение, собразись мы, немвогочисленные вани сотрудники, вокругь васъ. "Полавка! носклинаетъ киявъ Вяземский, и спазать тапъ стражъ"! А пережить—куда какъ трудно!"

"Да, 50 лъть тому назадъ поквичули вы, съ высшимъ отличіемъ, учебное заведеніе, воспітое великимъ пошимъ поэтомъ, и поступили на дипломатическое поприще".

"Вы скоро принядись за дело, быстро освоились съ нивъ, обратили на себя винманіс министерства и прошли скорыми шагами первыя ступени дипломатической дестищы".

"Въ 1859 году, когда вамъ едва исполнилось 35 дътъ, т. е. въ тотъ возрастъ, въ который обыкновенно молодые и удачно-служащие дииломаты едва достигоютъ второстепенныхъ должностей, вы становитесь послащиновъ въ Царьградъ и ведете нашу политику на Востокъ. Во время пребывания вашего на этомъ посту происходитъ ръзня христівнъ въ Сиріи. Встревоженная Евройа спъщитъ къ вимъ на помощь и, въ быкшихъ по этому вопросу переговорахъ державъ съ Портою вы принимаете дъятельное участіе".

"Въ 1863 году вы пожелали покавуть дипломатію, и ны видимъ васъ вскорћ на различныхъ постахъ впутри отечества: сперва въ провинціи, потомъ товарищемъ министра внутрепнихъ дълъ. 11 лътъ исполняете вы мпоготрудным обязанности, соединенныя, съ этою должностью и участвуете въ различныхъ реформахъ по внутреннему управленію моторыми такъ обильно было царствованіе императора Александра II".

"Наступаеть новая борьба Россія съ Турціей. Подписывается Санъ-Стефанскій договоръ, и Царь, призывая васъ вновь на служеніе заграницею, отправляєть васъ на давно знаковый ванъ Востокъ".

"Живо помию я прекрасный, весений, майскій день 1878 года, когда мы вышли, съ А. И. Нелидовымъ во главъ, на пристань Топхане, встрътить насъ, облеченнаго въ высшее дипломатическое званіе".

"Вторичное пребывание ваше на Босфоръ, о которомь вы любите веноминать съ удовольствиемъ, ознаменовалось заключениемъ вами трактата съ Портою. Пробывъ на этотъ разъ немного болъе года въ Константипополъ, вы отправились на новый боевой постъ—въ Лондонъ".

"Тамъ, въроятно, какъ говорить вашъ великій однокашникъ-поэтъ:

прилежно разобраль сей двойственный соборь, Здась натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый. Пружины смалыя гражданственности повой. "Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой, задумали вы плыть далв.... и приплыли благополучно къ живописнымъ берегамъ der blauen Donau.... По мутнымъ водамъ втой быстро текущей ръки искусно ведете вы, какъ опытный кормчій, 12 лютъ уже, Русскую дадью, не взирая на знаменитые Дупайскіе подводные камни, мъстные туманы и случающійся, по временамъ, ненастья"....

"За время вашего здъсь пребыванія, Русское правительство пріобръло себъ палаты, и въ близкомъ будущемъ, съ помощью Божіею, Русскіе и православные будуть пиъть монументальный храмъ. На Дунайскихъ же берегахъ застаетъ васъ и сегодняшній день".

"Не мий, князь, скромному сотруднику вашему, углубляться въ оцинку вашей государственной диятельности. Она уже красноричного оцинена тремя царями!"

"Я же могу только повторить за поэтомъ:

Вы честью почести стяжали, Везъ посторонняго участья. Вы, запыхавшись, не бъжали За прыткой полесницей счастья, Чтобъ за подножку, на авось, Рукою жадной уцепиться!

"Воть, г.г., въ короткихъ словахъ, пятидеситилътиее прошлое нашего юбиляра".

"Позвольте мий теперь, киязь, перейти къ другой стороив вашей дъятельности, которою вы отличаетесь отъ большинства вашихъ сослуживцевъ, и свазать о ней здёсь присутствующимъ ийсколько словъ".

"Съ сомыхъ юныхъ лътъ, привыкли вы посвящать досуги ваши различнымъ научнымъ запитіямъ. Сойдя со школьной скамьи, т. с. въ ту пору, когда молодые люди обыкновенно бросають книги и науку подъ столь, вы пробуете изучать древне-Еврейскій языкъ; затвиъ, въ первое пребывание ваше въ Константинополь, вы интересуетесь археологією, нумизматикою и составляетс весьма цанную коллекцію Византійсняхъ монеть. Перевхавъ же въ Россію, вы предастесь уже серьезно занитію отечественною исторією и родословіемъ. Целые ящики вашихъ шкасовъ наполнены богатымъ историческимъ матеріаломъ, вани собраннымъ в жаждущимъ увидать свать. Занимаясь недавно, подъ вашимъ рувоводствомъ новымъ изданіемъ составленного вами 20 леть тому назадъ родословного сборника, в имель случей видеть то обиле статей, заметокъ, историческихъ справокъ, которое разсъяно въ нашихъ періодическихъ журнадахъ, подъ скромными ва шими иниціалами. Въ последнее время эпоха Французской революціи составляеть предметь вашего изученія, и вы обогатили уже Французскую историческую литературу весьма цънными изследованіями. Такимъ образомъ, съ молоду и до сихъ поръ никогда не оставались вы безъ какого либо научиаго занятія и, не смотри на двукратное пребываніе ваше на Востокъ, не заразились вы любовью къ кейфу".

"Не могу удержаться, чтобы не примънить еще разъ аъ вамъ восклицаніе Пушкина, обращенное къ современному ему Русскому просвъщенному ведьможъ:

III. 39

русскій аркивъ 1896.

"На этой интать одного изъ лучшихъ посланій Пушкина я кончу".

"Я не хотиль и не смель произносить камъ, каязь, поистирика. Я попробоваль линь, какъ умель, въ самыхъ общихъ чертахъ напомпить сегодия здвеь присутствующимъ о пятидесятилетиемъ прохождения вами государственной службы въ связи съ ученими ваними завятими".

"Простите мив, внязь, мою поискусную рвчь и позвольте вы заключение выразить наше общее пожелание: чтобы начавшееся служение ваше чствертому Русскому Царю было также плодотворно, какъ и предшествовавшее, на какой бы постъ на призвало васъ довъріе молодого нашего Монорха!"

Посавднія слова этой рвчи намекали на существовавшіе въ то время повсемвстно толки, что князю Лобанову предстояло сдвлаться преемникомъ Н. К. Гарса, силы котораго быстро ослабъвали подъ влінніемъ подтачивавшаго его тяжкаго недуга. Поэтому, велико было общее изумленіе, когда узнали что 6-го Января 1895 года князь былъ переміщень нашимъ посломъ въ Берлинъ. Лично такое передвиженіе не могло его прельщать. Проведя столько віть въ Вінів, завязавъ тамъ самыя дружественныя связи въ высшемъ обществів, онъ не хотівль покидать этого гостепрівинаго города, тівмъ боліве, что всякое переміщеніе было для него крайне-затруднительно изъ-за перевозки его богатыхъ коллекцій и библіотеки, состоящей изъ восьми тысячъ томовъ.

Но внязь Лобановъ быль всегда преданнымъ слугою Царя и привыкъ ставить ни во что вопросы о своемъ личномъ удобствъ, а потому, получивъ предложение о переводъ въ Берлинъ, немедленно отвъчалъ г. l'прсу слъдующею телеграммою: "Quelles qu'elles soient mes convenances personnelles, mon dévouement à l'Empereur m'impose le devoir d'accepter le poste que Sa Majesté daigne m'offrir" *).

Однако, князю Лобанову не привелось остаться нашимъ представителемъ при Бердинскомъ дворъ: 14-го Января 1895 г. скончалса Н. К. Гирсъ, 26-го Февраля Государю угодно было призвать кияза Лобанова къ управленію Министерствомъ Иностранныхъ Дълъ, а 6-го Марта онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дълъ.

V.

Назначеніе князя Лобанова министромъ было одинаково привътствовано и за границею, и въ Россіи, за границею даже болве, такъ какъ, надо сознаться, тамъ болве знали и цънили князя, чъмъ у насъ.

У насъ, что гръха таить, сложился довольно своеобразный критерій для оцънки работъ того или другого дъятеля. По ходячинь понятіямъ, вы-

^{*)} Коковы бы ни были мои личныя удобства, преданность моя Государи налагаеть па меня обизанность принять должньост, которую Его Величеству благоугодио мит предложить.

сокопостовленное лицо должно не только направлять двятельность ввъреннаго сму учрежденія, но само обязано входить во всв ногробности, во всв мелочи, чуть ли не само запечатывать пакеты. Лица, не удовлетворяющія такимъ требованіямъ, подвергаются обвиненію въ лівности. Не пабівгь подобной участи и князь Лобановъ, такъ какъ ничто не было такъ противно свладу его характера какъ вмішиваться въ мелочи: для главы посольства или министерства нужно, по его понятію, сохранять за собою лишь общее руководство, намівчать лишь главные штрихи, дающіе ясное понятіе объ основной идев, которая никогда не должна териться плавиду; раскраска же фоца и выписка деталей — это не двло министра, такъ какъ поступая иначе, онъ неминуемо потонетъ въ морів подробностей и плавирнотрастія къ второстепенному упустить главное, не говоря уже о томъ, что министру нітть даже физической возможности самому переділать все дізло и крупное, и мелкое.

Изъ всего, что сдълаль книзь Алексъй Борисовичь въ течение своей жизни, легко заключить, какъ неосновательно было существовавшее между ибкоторыми лицами мивине о минмой льности этого государственнаго человъва, умъвшаго лишь распредълять свой день, при чемъ работа служебнаго характера чередовалась съ научными занятіями; одно не мъшало другому, и оставалось еще время на исполнение свътскихъ обязанностей, такъ какъ не слъдуетъ забывать, что въ обществъ, въ салонъ, книзь умълъ быть столь же увлекательнымъ собесъдникомъ, очаровывавшимъ всъхъ и каждаго неотразимымъ своимъ обязниемъ, какъ и серьезнымъ дългелемъ въ тиши своего кабинета или за зеленымъ столомъ дипломатии.

Вступан въ исполнение своихъ новыхъ, высокихъ обизанностей, князь Лобановъ, въ совершенстве владевший искусствомъ (крайне труднымъ) дипломатіи, приносилъ съ собою не только глубокій и прозорливый государственный умъ, политическій тактъ и самостоятельность взглядовъ, позволявшую сму не уклоняться отъ ответственности за выражаемыя мивнія и сужденіи, по и драгоценный дипломатическій и историческій опыть — знаніе особенностей Русской политики на Западе и на Востоке, личное знакомство съ большинствомъ деятелей иностранныхъ кабинстовъ и, наконець (качество, котораго не доставало его предшественникамъ) знаніе Россіи, внутреннихъ условій ся быта и существованіи.

Предлежавивая князю Лобанову трудная задача была облегчена твых прочнымъ основаніемъ, которое было заложено политикою Царя-Миротпорца, съ памятью о которомъ неразрывны для Русскаго сердца самые дорогіе завіты: любовь къ родной землів, вітра въ силу, разумъ и самобытность народа Русскаго.

Князь Лобановъ неоднократно называль себя дишь продолжателемъ политики Александра III, который въ иностранныхъ сношенияхъ вернулъ отечеству полную свободу, порвалъ прежния ственительныя обязательства. искреннимъ миролюбіемъ пріобрить всеобщее довиріс п любовь п, наперекоръ старымъ предаціямъ, сблизился съ республиканскою Францією, установивъ съ нею дружественныя связи, Царственною рукою приподняль завису грядущаго и показалъ путь, слидун которому, Россія будеть могуча и счастлива. Путь этоть—политика проникнутая народнымъ духомъ, первою себи обизанностью поставляющая заботу о пользахъ и достопистви нашего отечества.

Воздавая должное мудрой прозорливости Царя, завътамъ котораго слъдуетъ и его юный Преемникъ, необходимо замътить, что, не смотря на то, что путь былъ указанъ и цъль намъчена, тъмъ не менъе трудна и откътственна роль министра иностраиныхъ дълъ, ближайшаго помощика Государя, тавъ какъ исключительно на немъ лежить обязанность изыскать способы къ достиженію намъченной цъли. Затъмъ, на его же обязанности випмательно слъдить, чтобы за предълами Россіи не произощло начего могущаго нанести нашему отечеству ущербъ, и своевременно принимать мъры къ отвращенію вредныхъ послъдствій при наступленія событій, затрогивающихъ наши интересы. Самое исвреннее миролюбіе не дозволяетъ, однако, безучастно относиться къ подобнымъ событіямъ, такъ какъ добровольное устраненіе себя отъ всякаго на нихъ воздъйствія могло бы лишь умалить значеніе Россіи, какъ міровой державы.

Къ такого рода событіямъ, безспорно, принадлежало, совпавшее съ назначеніемъ квизи Лобанова въ министры заключеніе Спионосекского мира, по которому раздавленный Китай согласился на вев условія, предъявленным ему счастливымъ побъдителемъ и которыя, будучи осуществлены, радикально измънили бы къ нашей невыгодъ нынъшнее соотношение государствъ на крайнемъ Востокъ. Сосъдняя, тиготъющая къ намъ, Корея очутилась бы вы тискахъ между островными и континентальными владеніями Японіи и темъ самымъ была бы осуждена на совершенное поглощение "Азіятскими Англичанами". Утвержденіе Японцевъ на Ліа-Тонгскомъ полуостровъ, въ непосредственномъ почти сосъдствъ съ столицею Китая, повлекло бы за собою не только умаленіе, но, по всей въроятности, даже полное исчезновеніе самостоятельности Срединной Имперія, съ которою насъ соединяетъ столько общахъ интересовъ. Кромъ того, утверждение Японцевъ на материкъ было бы для насъ невыгодно, такъ какъ, во-первыхъ, владъя обоими берегами Татарскаго продива, они создали бы тамъ для насъ новый Босфоръ, а, во вторыхъ, пріобръли бы преобладающее значеніе въ Манджурія и Монголіп, въ мъстностяхъ, сопредъльныхъ нашей строящейся великой Сибирской жельзпой дорогь, сооружение которой, по выражению повейнаго Государи, есть дистипнонародное дело" и представляеть для насъ первостепенную государственную важпость.

Моменть быль въ высшей степени серьезный; нужно было действовать твердо и решительно, такъ какъ манейшее послабление могло пагубно отозваться для Россіи на крайнемъ Востокъ, нанося ей ущербъ на многіе годы. Миролюбіе же князя Лобанова не простиралось до смиренія во что бы то пи стало, до отреченія, изъ-за страха войны, отъ той роли, которая неотъемлемо принадлежить великой дсржавь, не отступающей, въ случав нужды, и предъ силою оружія, чтобы оградить свои права и пользы отъ чужихъ поползновевій.

Россія рѣшила не признавать условій Симоносексваго договора; но, дабы заставить Японцевъ отказаться отъ выговоренцыхъ уже материковыхъ пріобрѣтеній, безъ того чтобы мы должны были прибѣгнуть къ ultimo ratio, князь Лобановъ употребилъ всѣ усилія для пріобщенія и другихъ державъ къ дѣйствію Россіи по этому вопросу. Тутъ-то и пронвилось его чрезвычайное диплематическое искусство, тякъ какъ, благодаря его стараніямъ, съ нами за одно оказались Франція и Германія, которыхъ, казалось, трудно было бы заставить одинаковымъ образомъ смотрѣть на одинъ и тоть же вопросъ. Однако, князь успѣлъ въ этомъ: Германія и Франція поддержали заявленіе, сдѣланное правительству Микадо, что Россія не допустить ни присоединенія къ Японіи какой-либо части Китайскихъ владѣній на Азіятскомъ материкъ, ни малѣйшаго посягательства на независимость Кореи.

Какъ тсперь помню впечатленіе, произведенное на Русское общество статьею по Японскимъ деламъ офиціознаго органа Министерства Иностранныхъ Дель "Journal de St-Pétersbourg" "), тономъ своимъ такъ резко отличавшеюся отъ обычныхъ сообщеній этой газеты. Какъ-то сразу почувствовалось, что можно быть спокойнымъ за будущее и что не будетъ упущено ничто въ смысле охраны Русскихъ интересовъ. Въ воздухе какъ бы пронеслась жевительная струя весны, подъ дыханіемъ которой все объщало разверпуться, дать пышный ростокъ.

Воть вкратцв содержаніе этой статьи. Сначала пзлагался взглядъ Рускаго правительства на возможныя последствія Симоносекскаго договора, конечнымъ результатомъ котораго было бы возбуждение, изъ за Японскаго чеетолюбія, вопроса о равновъсіи на крайнемъ Востокъ, вопроса, къ которому Европа не можеть относиться равнодушно. Сношенія Европейских в державъ съ этою частью Азів возрастають ежедневно. Не только для сосёдственной Россіи, но и для Франціи съ ся колоніями въ Индо-Китав, безусловно необходимо устранить отъ своихъ границъ всякіе постоянные поводы въ затрудненіямъ въ будущемъ. Точно также и Германія слишкомъ заинтересована развитіемъ скоихъ торговыхъ сношеній съ этими крании, чтобы относиться безучастно къ такому положенію тамъ діяль, которое, заключая въ себъ самомъ элементы смуты, безпрерывно угрожало бы ел интересанъ и нарождающимся тамъ Германскимъ учрежденіямъ, а такой исходъ бымъ бы неминуемъ въ случав, селя бы Японцы утвердились на материкъ и, принеси съ собою духъ завоеваній, вызвали бы нъ себя ненависть со сторовы вынъшвиго населенія этихъ странъ. Желаніе лишить Японію плода

^{*) 21-}го Апрълн 1895 года.

ен побъдъ вовсе не входить въ намъренія трехъ державъ, "qui ont fait conпаїте leurs vues à Tokio et sauront les faire respecter" *). Но, въ данномъ
случав, для Японіи обязательно сообразоваться съ основными началами, на
которыхъ покоится общее дъйствіе (concert) цивилизованныхъ народовъ.
Эти основныя начала требуютъ, чтобы каждое государство, отстаивая свои
законные интересы, подчиняло ихъ въ извъстной степени интересу общему,
и требованіе это, заключающее въ себъ гарантію всеобщаго міра, получало
тъмъ большее примъненіе, чъмъ солидарнъе становились, подъ вліянісмъ
успъховъ труда и просвъщенія, взаимные интересы народовъ. Россія, въ
частности, дала въскія доказательства своего желанія дъйствовать въ такомъ
смысль, и такъ какъ и въ будущемъ она твердо ръшилась слъдовать тъмъ
же путемъ, то тъмъ болье сознаётъ она свое право требовать и отъ другихъ умъренности, которой она, первая, подала примъръ.

Подъ давленіемъ трехъ могущественныхъ державъ правительство Микадо уступило и обязалось не настанвать на присоединени къ Японіи Ліп-Тонгскаго полуострова.

Наградою князю Лобанову было собственноручное письмо къ нему Государи, въ которомъ, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, характеризовался образъ дъйствій князя въ этомъ вопросъ, при чемъ свидъ:ельстновалось, что исключительно благодаря высказанной имъ твердости и настойчивости были достигнуты, безъ пролитія капля Русской крови, результаты обезцечивающіе наши интересы на крайнемъ Востокъ.

Какъ ни великъ былъ первый дипломатическій усп'яхъ новаго министра пностранныхъ д'ялъ, но оставалось еще извлечь изъ него практическія посл'ядствія; надо было осуществить вытекавшую изъ него выгоду.

Японское правительство ставило исполнение своихъ обязательствъ въ зависимость отъ уплаты сму Китаемъ денежной контрибуции, а у богдыхана средствъ на то не имълось. Тогда России ръшила придти спассиному сю Китаю на помощь и матеріально.

При посредничествъ и за ручательствомъ Россіи, Китайское правительство заключило заемъ въ 400 мильоновъ франковъ, что дало возможность Россіи, Франціи и Германіи потребовать и добиться отъ Японіи отозванія, безъ проволочекъ, ен войскъ съ Ліа-Тонгскаго полуострова и вообще со всего Азінтскаго материка.

Но кром'в этого непосредственнаго результата, гарантія Россією Китайскаго займа им'вла и другой важный общегосударственный смыслъ. Наше вравительство тогда же. разълснило это посл'єднее обстоятельство.

"Рессій остастен въ этомъ случав, накъ и всегда, върна своей культурной миссій на Востокъ-и настоищимъ правственнымъ и оактическимъ содействісиъ общиривійшему,

^{*)} Которые дали знать въ Токіо о своихъ намівреніяхъ и съумбють заставить ихъ уважать.

сисжному съ нами на громадномъ протижения, восточному государству въ разръщении наступивнато для него, въ силу обстоительствъ, денежнаго затруднения, сознательно и безкорыстно исполняеть свою историческую задачу. Это не можеть не оставить, въ свою очередь, слъда на благопріатномъ развитін паннихъ спощеній съ сопредъльными намъ странами Востока, постоянное возрастаніе которыхъ, съ теченіемъ времени, является не-избѣжнымъ"*).

Такимъ образомъ, благодари обороту данному пастоящему двлу, помимо достижения важныхъ политическихъ результатовъ, было открыто повое обширное поприще для Русскаго труда и капитала, для Русскаго ума и предпримянности.

Чтобы покончить съ двательностью князи Лобанова относительно крайнаго Востока, следуетъ еще уномянуть о заключенномъ имъ 27-го Мая 1895 года трактате о торговле и мореплаваніи между Россією и Японіей, по которому Россія, въ обмень за отказъ отъ принадлежавшей си консульскимъ агенталь нь Японіи юрисдикціи, пріобреда для своей торговли и своихъ подданныхъ значительным права и преимущества.

VI.

Второй важный попросъ, которымъ предстояло заняться князю Лобанову, былъ вопросъ Армянскій.

Консервативный кабицеть маркиза Сольсбери началь, подъ предлогомъ избіснія Армянь Курдами, настоящій походъ противь Турціи, имъвшій цілью подчинить султана и Порту строгой опект Европы, при чемъ сама Великобританія вознамітрилась забрать нь свои руки распоряженіе судьбами Оттоманской имперіи.

Когда князь Лобановъ вступплъ въ управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Двлъ, онъ сразу понядъ, что не интересы человъколюбія дежали въ основъ дъйствій Англинавъ, старавшихся увлечь державы въ вмъшательству во внутреннія двла Турція, выступая въ роли посредниковъ между султаномъ и матежными Армянсчими комитетами, въ самой Англіи чернавшими себъ необходимыя имъ матеріальныя средства. Въ данномъ случат человъколюбіе могло служить прекрасною ширмою, за которою "просвъщеннымъ мореплавателямъ" представлялся случай съ большимъ удобствомъ обдълать двла, инчего общаго съ гуманностью не имъюнія, а именно оно доставляло одинъ изъ новыхъ способовъ борьбы съ Россією на почвъ Восточнаго вопроса, борьбы, конечного цвлью которой Великобританское правительство поставило вытъснить влівніе Россіи съ Востока ближняго и крайняго.

Россія не на словахъ только, по и на дъль доказала цвлымъ ридомъ войнъ, какъ горячо защищаетъ она кристіанъ отъ насилія мусульманъ. Она точно также сочувствуетъ и Армянамъ, когда они въ самомъ дълъ являются жертвами; но она, равнымъ образомъ, настолько прозорлива, чтобы отличитъ

^{*) &}quot;Въстанкъ Финансовъ, Промышленности и Торговли". 1895, № 26, сгр. 726.

пстину отъ преувеличенія, подкладкою своєю имѣющаго умысель вызвать замышательства, которыя дали бы Армянскому вопросу разростись изъчастнаго вь общій и нынѣ же поставить на очередь роковой Восгочный вопрось во всемь его грозномь объемь. Искуственное же выдвиганіе этого вопроса, да въ добавокъ съ намѣреніемъ попытаться разрѣшить его къущербъ Россіи, конечно, должно вызвать энергичный отпоръ со стороны каждаго Русскаго дѣителя.

По этому поводу нелишне возобновить въ намяти мрачное предсказаніе, сділанное въ 1879 году государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ С. С. Татишеву: "Цёль враждебной Россіи коалиціи всяхъ безъ исключенія веливихъ державъ—замінить своимъ протекторатомъ наше покровительство восточнымъ христіанамъ, взять Турцію въ опеку, попытаться возстановить ся могущество, а, въ случав пеудачи, обезпечить на собою Турецкое наслідство, исключивъ Россію изъ числа участниковъ раздівла" *).

Едвали вто ныив сомиввается из правв Россіи на первенствующую роль въ разрвинени Восточнаго вопроса, разъ онъ наврветъ для окончательнаго разръщенія. Такъ сложилась исторія, такь опредвлились наши отношенія къ Востоку, къ которому Россія таготела съ первыхъ дней спосто государственнаго бытія, для приближенія къ которому принесла непочислимыя жертвы и въ достижени котораго полагала главную задачу своей исторической миссін. Въ виду всего предшествовавшаго, мы не можемъ отказаться отъ первенствующей своей роди, не подвергая риску всего своего будущаго, вакъ великаго народа. Болъе того, въ силу исторической неизбъжности, мы такъ далско запли въ подготовив окончательнаго разрвшения Восточнаго вопроса, что отступить отъ него мы уже не можемъ. Отступление было бы возможно лишь при условіи отреченія отъ всякой претензіи на роль всликаго народа, т. е. при условін предварительнаго самоубійства или погибели оть посторонней сплы. Пока же Россія жива, сознасть себи великимъ пародомъ и хочеть играть роль, принадлежащую великому народу--до тыхъ поръ не можеть быть ин рвчи, ни мысли объ отступлении въ Восточномъ вопрось. Но именно по причинъ этой неразрывной своей связи съ Восточнымъ вопросомъ. Россія не можетъ относиться къ нему слегка, ни ради великой Арменіи, ни ради какихъ либо другихъ целей, и темъ более не можеть поощрять игры съ этимъ копросомъ, затвянной съ явною цвлью толкнуть насъ на фальшивый щагь, который из настоящемъ парализовалъ бы намъ своболу политическихъ дъйствій, а въ будущемъ могь бы создать затрудненія при обончательной ликвидаціп Восточнаго вопроса.

Оставимъ въ сторонъ, насколько въ питересахъ Россіи было бы содъйствовать образованію у себя подъ бокомъ автономной провинціп—зародышь будущаго самостоятельнаго Армянскаго царства, центръ притяженія

^{*)} Политическое обозраніе, "Русскій Въстникъ" 1896, № 4.

для собственных областей, населенных Армянами. Но нельзя не остановиться на томъ, что мечтанія Армянъ о созданія въ Малой Азін автономной области не имъютъ подъ собою реальной почвы, такъ какъ первымъ условіємь для созданія подобной области долженъ былъ бы быть ръшительный численный перевъсъ Армянскаго паселенія въ предвлахъ предположенной области. Въ дъйствительности же, по самымъ точнымъ вычисленіямъ, главнымъ образомъ основаннымъ на Англійскихъ данныхъ, во всъхъ девяти Малоазійскихъ вилайстахъ, гдъ встръчаются Армяне, перевъсъ повсюда принадлежить мусульманамъ, которые опятеро многочисленнъе Армянъ 1).

Опубликованная Англійская Синля Кпига позволяеть намь ожнакомиться съ образомъ дъйствій князя Лобанова въ Армянскомъ вопрось. Уже въ одной изъ первыхъ своихъ бесердъ съ Великобританскимъ посломъ опъскептически отнесся къ мерамъ, предложеннымъ Англією для умиротворенія Арменіп ²). Чрезъ полгода, онъ прямо высказалъ, что не раздъляетъ взглядовъ Сольсбери на Армянское дъло: "Я не върю въ скорое улучшеніе положенія дълъ въ Малой Азіи, потому что слишкомъ сильно еще возбужденіе какъ мусульманъ, такъ и Армянъ, а волисніе среди последнихъ—прямое последствіе резкой постановки Армянскаго вопроса; отвётственность за такое положеніе дълъ падаетъ главнымъ образомъ на Англію, въ особенности вслёдствіе поощреній, которыя мкогіе изъ ея государственныхъ людей расточаютъ Армянскимъ комитетамъ" ³).

Нѣсколько дней спуста, въ виду безпорядковъ возникшихъ въ самомъ Копстантинополъ, С. Джемскій кабинеть пригласиль великія державы условиться сообща о преобразованіяхъ въ Турціи, которыя должны быть павизаны султану. Поддержанное въ Вѣнъ, предложеніе это встрътило рѣшительное противодъйствіе князи Лобанова. "Угроза вмѣшательства", сказаль онъ Англійскому повъренному въ дѣлахъ, "только подорветь авторитеть султана и приведеть къ результатамъ, примо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ желаютъ достигнуть". На замѣчаніе г. Гошена, что нельзя же допустить продолженіе Малоазійскихъ ужасовъ, князь возразилъ, что, на основаніи опыта, вынесеннаго имъ во время своего пребыванія на Востокъ, онъ убъжденъ, что, подобныя ныпѣшнимъ, волненія утихають сами собою, когда враждующіе элементы не ободряются къ продолженію борьбы подстрекательствомъ извнъ, всякое же виъшательство державъ только обезсилить султана и еще болѣе возбудить Армянъ 4).

Дъйствительно, сохранение Европейскаго мира является однимъ паъ высшихъ руководящихъ принциповъ Русской политики; активное же выв-

^{&#}x27;) "Карта распродълснія Армянскаго населенія въ Турсцкой Арменів и Курдистанъ", Зеленаго и Сысосва. Сиб. 1895, стр. 22.

²) Сэръ Ф. Лассельсъ гр. Кимберлею, 6 (18) Марта 1895.

³⁾ Гошенъ дорду Сольсбери 23 Октября (4 Ноября) 1895 г.

^{&#}x27;) Онъ же тому же 8 (20) Ноября 1895 г.

шательство въ Турецкія діла можеть иміть послідствія, паущія въ разрівзь съ этимъ принципомъ.

Установленіе въ Константинопол'в какого либо кондоминіума державъ было бы самымъ неустойчивымъ и опаснымъ палліативомъ. Военная ок-купація Турецкой столицы точно также могла бы привести къ столиновеніямъ между державами и, почти несомнінно, къ Европейской войні со всіми сопровождающими ее біздствіями, неизміримо боліве крупными, чімъ зло, вытекающее изъ гоненія на Армянъ.

Изъ этого исно, что для возстановленія сносныхъ порядковъ іъ Турціп и для примъненія въ Армянскихъ вилайетахъ реформъ, относительно кото рыхъ состоялось между державами соглашеніе въ Октябръ 1895 года и благодаря которымъ были бы обезпечены безопасность христіанскаго населенія и спокойствіе, надлежитъ пользоваться единственною имъющеюся властью—властью султана, и ее-то слъдуетъ не расшатывать, а всически украплать. Державамъ слъдуетъ поддерживать султана въ его реформаторской дъятельности и, въ случав надобности, даже оказывать ему матеріальную помощь.

Въроятно, приблизительно по такимъ же причинамъ, князь Лобановъ ивился противникомъ предложенной графомъ Голуховскимъ мъры — введенія нъ Босфоръ и Дарданеллы эскадръ великихъ державъ, на практикъ не исключавией возможности насильственнаго прорыва.

Такой прорывъ иностранныхъ эскадръ въ Мраморное море, безъ сомивнія, напесъ бы смертельный ударъ независимости султана и положиль бы конецъ Турецкому владычеству въ Европъ.

Въ расчеты Россів пиконмъ образомъ не можеть входить ускорять остественный ходъ событій и вызывать паденіе Оттоманской имперіи. На обороть, пока султанъ влагіветь проливами, задача Русской политики, повидимому, должна бы сводиться къ тому, чтобы вселить въ него убъжденіе, что лишь искренияя дружба съ ведикою съверною державою можеть уберечь его отъ бурь и что одна Россія въ состояніи быть ему надежнымъ щитомъ отъ всякой вижиней опасности.

Съ другой стороны, Россія не можсть допустить захвать и утвержденію Англичань на берегахъ Босфора и Дарданелль, составляющихъ, по выраженію Александра I, ключи отъ нашего дома; и Александръ III, возсоздавая Черноморскій флоть, исно выразиль свою ръшимость не допускать въ этихъ водахъ никакихъ перемънъ въ ущербъ Россіи.

Маркизъ Сольсбери, тъмъ не менъе, упорно шелъ къ своей цъли и, по его приказанію, представители Англія при дворахъ великихъ державъ заявили, что, въ виду безсилія султана, подкупности и неспособности его министровъ, а также возможности распространенія волненій на другія страны Балканскаго полуострова, необходимо принать, съ общаго согласіи, мъры къ улучшенію положенія въ Оттоманской имперіи, и средствомъ къ такому

улучшенію должно было бы быть образованіе въ Турціи отвітственнаго министерства.

Князь Лобановъ и не этотъ разъ отклониль предложение Англіи, заявивъ, что не сомнъвается въ бласихъ намъреніяхъ султана, отъ ночина
котораго только и возможно ожидать перемъны къ лучшему. Что касается
опасности распространенія водненій на другія части Балканскаго полуострова, то Русскій дворъ уже предписалъ представителямъ своимъ въ столицахъ тамошнихъ государствъ настанвать предъ мъстными правительствами
на необходимостя охранять и поддерживать спокойствіе въ своихъ предълахъ,
поставивъ имъ на видъ, что всякое нарушеніе порядка въ этихъ странахъ
будеть строго осужаено Россією. Попытка же навизать Турціи правительственную систему, отличную отъ вынѣшней, не имъстъ никакихъ шавсовъ
успъха, такъ какъ самъ маркизъ Сольсбери, во времи своего пребыванія
въ Константичногов, ознакомился съ тамошними порядками и потому долженъ хорошо знать, что парламентъ, народное представительство, отвътственное министерство въ Константипополь—это пустыя слова, лишевный
для Турокъ всякаго смысла 1).

Взглядъ Императорскаго кабпиета на положеніе двлъ въ Турціи быль подробно излеженъ ит меморандумъ, который Руссвій посоль въ Лондонъ вручглъ маркизу Сольсбери 13 (25) Января 1896 г. Въ этомъ сообщеніи киязь Лобановъ, не отрицая пользы соявщаній между представителями великихъ державъ въ Константинополь, категорически отвергаетъ, какъ нарушеніе 9-й ст. Парижскаго и 63-й ст. Берлинскаго договоровъ, предложенное Великобританіею дъятельное вившательство во внутреннія дъла Турціи. Изъ этого, однаво, еще не слъдуетъ, что Россія относится безучастно къ событіямъ въ Турціи; только она находитъ необходимымъ дать султану время обдумать свои ръшенія и привести ихъ въ исполненіе; надо поддержать его обаяніе. Это единственный путь, слъдуя которому великія державы могутъ дъйствительно содъйствовать возстановленію порядка въ Оттоманской имперіи. Дружественные союбты ихъ будуть праняты султаномъ съ тъмъ большею къроятностью, чъмъ поливе установится съ нимъ согласіе.

Столь ясное заявленіе было тіль болье непрілтно маркизу Сольсбери, что онь вынуждень быль сознаться, что взгляды Русскаго двора по этому предмету встрітили полное одобреніе и сочувствіе большинства великихъ державъ 2).

Отъ такого взглида Россія, какъ извъстно, не отръшилась и при всъхъ последующихъ иопыткахъ Англіи, направленныхъ къ прамому вмъшательству Европы въ Турецвія дъла.

¹⁾ Гошенъ лорду Сольсбери З (15) Ливари 1896.

²⁾ Лордъ Сольебери Гошену 17 (29) Января 1896.

Исходи изъ такихъ же побужденій, внязь Лобановъ отказаль въ 1896 году въ поддержив предложенія графа Голуховскаго установить обще европейскую блокаду вокругь острова Крпта.

Последующее развитіе Критскаго вопроса доказало справедливость мнёній вияза, такъ какъ затемъ, безъ всякой блокады, прямымъ воздействіемъ пословъ на султана были выговорены Кандіотамъ новыя права и превмущества, обращающія островъ Критъ въ впелив автономную область.

Общее направление двятельности внязя Лобанова, какъ въ Армянскомъ, такъ и въ Японо-Китайскомъ вопросв, сводившееся къ устраненио вмінательства Англіи въ отношенія паши къ сосідямъ, на всемъ пространстві отъ Босфора до Тихо-оксанскаго прибрежьи, было крайне не по сердцу Великобританскому правительству, которое не могло примириться съ мыслью, что проявившіяся съ первыхъ дней царствованія Александра III начіла: Русское государственное и народное сомосознаніе и отстанваніе во вившней политикі правъ и пользъ Россіи, положены во главу угла и императоромъ Николаємъ II, не могло примириться съ тімъ, что Англіп не позволяють играть первенствующую роль въ ділахъ Востока и давать тамъ просторъ своскорыстнымъ ея вожделініямъ.

VII.

Труды историковъ выяснили, на сколько предно было п Россіи, п Франціи двухвъковое политическое пхъ соперничество. Здравая политика признала обоюдную пользу искренняго ихъ сближенія. Но къ этимъ соображеніямъ разума присоедипплся еще третій могучій факторъ—народное чувство, пеудержимо влекущее оба народа одинъ къ другому. И оттого-то въ объяхъ этихъ странахъ былъ взрывъ такого восторга, когда Царь-Миротворецъ ръшительно протянулъ свою руку республиканской Франціи и тъмъ создалъ точву отправленія для новыхъ комбинацій, совершенно измінившихъ политическій соотношенія между Европейскими державами.

Дъйствуя въ томъ же направлени, князь Лобановъ сдълать много, какъ для развития дружественныхъ отношений съ Европейскими державами вообще, такъ и для завершения сближения съ Франціей, составлявшаго одно изъ нажнъйшихъ начинаний Александра III, хотя Ему и не было суждено видъть безпримърныхъ торжествъ "Русской недъли" въ Парижъ, во премя которыхъ благополучно царствующему Государю Пиколаю II благоугодио было скръпить братския узы между народами Русскимъ и Французскимъ, ради охраны общаго мира. Благодаря этому обстоятельству и въ связи съ предшествовавшими событими первостепенной важности, ознаменовавшими недавнее путешествие Царственной Четы, обезпечена и России и другимъ цивилизованнымъ державамъ возможность мирно работать для своего преусивныя, не путаясь вроваваго призрака войны.

Назначение князя Лобанова министромъ вызвало въ свое время безпокойство партіп Славянофиловъ, опасавшихся, что, подъ влінніемъ долгаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, опъ совершенно поддался Западно-европейскимъ паглядамъ на Славянскій вопросъ.

Не будучи Славяно-миломъ въ общепринятомъ смыслъ, подразумъвающемь скоръе задорный, наступательный харачтеръ, князь Лобановъ цънплъ дружественныя сношенія со всъми Славнискими народностями; по, будучи прежде всего истинно Русскимъ человъкомъ, во всемъ и всегда ставглъ онъ на первый планъ интересы Россіи, не забывая, что если и Славние имъютъ значеніе для Россіи, то въ тысячу кратъ большее значеніе имъетъ для Славниъ сама Россія, однимъ фактомъ своего существованія прикрывающая, какъ мощнымъ щитемъ, самостоятельное развитіе Славнискихъ народностей; ослабленіе же ен немизуемо отразилось бы неблагопріятно на политическихъ судьбахъ Славниства вообще.

Эти воззрвній объясняють образь двиствій книзи Лобанова въ Болгар-

Десять лѣть продолжался разрывъ между Рессією и Болгарією, когда испробовано было все, чтобы порвать спязь между народами Русскимъ и Болгарскимъ. Горьбимъ опытомъ Болгарія убъдилась, что, не смотря на всю поддержку со стороны западныхъ державъ, она не можетъ обойтись безъ Россіи, которая искренно желаетъ ей добра и вовсе не вийстъ намвренія вмъшивалься въ ся внутреннія дъла, ни посягать на ся самостоятельность, что опасность грозитъ ей съ совершенно другой стороны и что, наконенъ, лишь въ тъсномъ единеніи съ Россією Болгары будутъ въ состояніи осуществить свои напіональные плевары.

Подъ вліяніемъ такого поворота въ мивніяхъ, принцъ Фердонандъ и представители Болгарскаго народа стали пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы выразить Русскому Царю и Русскому народу чувства уваженін, благодарности и преданности, и прислали въ 1895 году въ Петербургъ депутацію, съ митрополитомъ Климентомъ во главъ, для возложенія на гробницу Александра III вънка съ надписью "Царевичу-полководиу, Царю-Миротвориу въчно признательный Болгарскій народъ".

Приниман депутацію, князь Лобановъ объявиль, что сердце Русскаго Цари, по прежнему, полно благоволенія къ пароду Болгарскому, но что для возстановленія сношеній съ Болгаріей мало словъ, нужно діло; нужно, чтобы и народь, и правители его выразили ясно, безповоротно и торжественно рівшимость свою порвать съ заблужденіями пришлаго и снова поставить Болтарію на путь развитія въ духів основныхъ историческихъ началь ен народности и візры.

Болгары пончли, что наилучшимъ довазательствомъ ихъ искрепности было бы присоединение въ Правослазию наслъдника престола, Бориса, которое, въ будущемъ, обезпачило бы Болгарии православную династию.

Принцъ Фердинандъ, первымъ дъломъ котораго послъ паденія Стамбулова, было отмънить всъ мізры и распоряженія, паправленныя къ отчужленію Волгарія отъ Россіп, уступиль единодушному желанію своего народа и соглалися на присоединеніе старшаго своего сына къ Православію.

Князь Лобановъ знавалъ принца Фердинанда задолго до изоранія его на Болгарскій престоль, цвниль его личныя качества, его тонкій государственный умь, а потому не усомнился въ искренности его словъ, обращенныхъ къ народнымъ представителямъ что "отнынв онъ порываетъ всв связи съ Западомъ и взоръ свой, полный надежды и любви, обращаеть на впервыя занимающуюся для него свътлую зарю со стороны Востока".

Муропомазаніе князя Бориса совершилось 2 Феврала 1896 г. Государю Императору угодно было быть его воспріємникомъ. За этимъ событіємъ, сопровождавшимся признаніємъ Европою принца Фердинанда Болгарскимъ княземъ и за путешествіємъ его въ Петербургъ, послідовало возстановленіе сношеній съ освобожденнымь нами Славянскимъ вняжествомъ, и Россія, на зло всімъ кознямъ ен враговъ, верпулась въ Болгарію и снова заняла тамъ подобающее ей місто.

Такъ просто и быетро развязаниеь вев Болгарскім затрудневія; Славинофилы же, такъ въ началъ опасавшіеся князя Лобанова, не могли не признать плодотворность его политики. такъ какъ съ того для вакъ Русское вліяніе водворилось въ Бълградъ и Софіи, прекратилась рознь между южными Славинами, возстановилось между ними согласіе, нагляднымъ доказательствомъ вотораго послужили недавнія братанія Сербовъ съ Болгарами, Черногорцевъ съ Сербами.

За времи управленія вняземъ Лобановымъ Министерствомъ Иностранныхъ діль, Россія впервыя вступила въ офиціальныя сношенія съ Абиссипісй, приславшею въ Петербургь свое посельство для принесенія поздравленій негуса Менелива ІІ-го Государю Императору по случаю восшествія Его на престоль. Посельство это, имъншее во главів привца Дамго, двоюроднаго брата Негуса, было принято Государемъ и встрітило въ здішнемъ обществів радушный пріємъ.

Абиссинія, клиномъ вдающался между Египтомъ и Африканскими владініями Англіи и смежная съ Краснымъ моремъ, представляющимъ нынів такой интересъ для морскихъ державъ, важна даже вслідствіе одного своего географическаго положенія. Но древнее государство это, успівшно отстанвающее свою пезависимость отъ натиска одной изъ державъ, в одящихъ въ составъ союза, заключеннаго, по мысли его создателя, прямо противъ Россіи, представляетъ для насъ неменьшую важность въ чисто-политическомъ отношеніи, въ смыслів новаго опорнаго пункта нашего воздійствія.

Этихъ соображеній достаточно, чтобы понять, почему Россія— общепризнанная, въ добавокъ, защитница Православія— сочувственно отнеслась

ить призыву родственной ей по втрв страны, затерянной въ пустыняхъ Африки и темъ не менте въ течение столькихъ въковъ успъвшей, не смотря на многочисленныя визиния опасности, отбиться отъ своихъ враговъ и сохранить свою религио в самобытность.

Неусыпные труды князя Лобанова на пользу Россіп лучше гсего охарактеризованы Высочайшимъ рескриптомъ, при которомъ ему были по-жалованы брилліантовые знаки ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго, 17-го Мая 1895 г., когда наступило офиціальное празднованіе юбилея пяти-десятильтія служенія его отечеству. Приводимъ этотъ историческій документь.

"Книзь Алексий Борисовичь. Полвыка тому назадь, но окончани курса наукь вы Императорскомы Александровскомы Лицей, поступивы вы Министерство Оностранных и Двать, вы съ молодых еще льть обратили на себи Монаршее вниманіе и вы 1859 году были назначены Россійскимы посланникомы при Оттоманской Порть. Перейдя за снишь вы Министерство Внутреннихы Двать и состоя вы теченіе 11 льты токарищемы министра, им піссьчько разы управляли означеннымы министерствомы и принимали самое ділтельное участіе вы разработить иногосложнымы законодательнымы вопросовы, нь томы числішно переустройству губернскихы и убядныхы учрежденій и по составленію Городоваго Положенія. Сь пеутоминымы рвенісмы отдавансь служебной дінтельности, вы находили возможнымы посвящать свои досуги научнымы паслідованівмы, при чемы труды ваши по собранію историческихы матеріаловы достанили вамы среди цінштелей науки заслуженную взейстность.

"Влестящія даровація ваши и пріобрътепная въ разпообразных в государственных в делахъ общирная опытность послужили къ последовательному возложению на васъ высовихъ обизанностей по званию чрезвычайнаго и полномочнаго посла: въ 1878 году при с. в. султани, въ 1879 году при с. и. королови соединенныхъ королевствъ Великооритавін и Ирландіи и императрицъ Индін, а три года спустя-при с. в. императоръ Австрійскомъ король Венгерскомъ. Какъ въ дължув неутренняго управленія, такъ равно и на диняоватическомъ поприща вы не переставали оказывать важным услуги Престолу а Отсчеству. Спискавъ себъ общее сочувственное упажение и следум Монаринимъ указапімит, вы уситыщо содъйствовали упроченію тъспой, на взаимномъ довтріи основан ной дружбы съ иностранными державами. Съ темъ вийсте, неуклопно стои на страже Русской чести, вы неоднократно имали случай выказать соотватствовавшую обстоятельствамъ стойвость въ преследования намеченныхъ целей. Означенныя доблестныя заслуги вани пріобрили вамъ полное благорасноложеніе Моихъ незабвенныхъ дида и родителя, По кончина стател-секретаря Гирса, призвава вась на отватственный пость министра ппостранныхъ делъ, Я рукогодился убъедениемъ, что найду въ васъ просвъщеннаго п предавняго сотрудника, вполив подготовленного продолжать миролюбивую и примодушную политику пашу, паправленную из поддержанию дружественных в со вебми державами отношеній, ят укаженію права и законнаго порядка и къ охранснію непоколебимаго достопиства Имперіи. Вашъ государственный умъ, ваша горячая приверженность въ польваить Россіи служать Мив въ этомъ дучиниъ ручательствомъ".

"Пышь, по случаю исполнивнатося изтидесятильтниго достожвальныго служенія вашего, Я считаю отроднымы долгомы выразить нами. Мою душенную благодарность выплываленіе коей жалую вами препровождаемые при семы брилліантовые знаки ордена Св. Апостола Андреи Первознаннаго. Пребываю кы пами навсегда немящанно благосклонный и искренно благодарный Пиколай".

VIII.

Съ юношескимъ жаромъ отдаваясь всёмъ существомъ своимъ работё на пользу отчизны, киязь Лобановъ не щадилъ на то им физическихъ, ни духовныхъ своихъ силъ. Онъ идаменвлъ въ неполнени своихъ обязанностей. Точно что то тапиственное подсказало ему, что недолго придется ему быть во главъ Министерства Иностранныхъ дёлъ и онъ спёнилъ воспользоваться этимъ короткимъ срокомъ, чтобы привести въ неполнение все, что роилось въ его головъ, когда онъ еще не былъ ближайшимъ сотрудникомъ Царя по направлению высшей нашей политики. Онъ, этотъ титанъ мысли, хотълъ поскоръе осуществить ту программу, которая у него сложилась уже давно, когда онъ былъ вдали отъ Петербурга.

Кратковременная двятельность его за время восемнадцатильсячнаго управленія Министерствомъ Иностранныхъ Двль, при чемъ онъ неуклонно следоваль принципу— suaviter in modo, fortiter in re *), представляеть собою рядь непрерывныхъ успеховъ, залогомъ которыхъ, во многомъ, служило то, что онъ твердо зналъ, чего хотвлъ. Въ его светломъ умв, умудренномъ долгимъ опытомъ, гнёздились общирные замыслы, которые онъ умелъ осуществлять постепенно, тщательно подготовляя предварительно каждую подробность, каждый шагъ, такъ что, при всякомъ повомъ его дипломатическомъ успехъ, со стороны казалось, что всё бывшія до того препятствія и затрудненіи развизались какъ бы сами собою и что достигнутый результать являлся такимъ естественнымъ, что иного результата даже и быть не могло. Все, казалось, было такъ просто, какъ просто все геніальное.

Эта кажущался простота давала поводъ недоброжелателямъ внязя говорить, что причиною его услаховъ была лишь удача, сланое счастье. На такое мибије, конечно, можно было бы возразить отповъдью знамепитаго Суворова тъмъ, кто такимъ же образомъ объяснялъ его побъды; "вее счастье да счастье, нужно же когда нибудь и умънье".

Князю Лобанову были извъстны подобные желиные о немъ отзывы, но онъ относился къ нимъ очень добродушно и вспоминалъ въ такихъ случаяхъ кардинала Мазарина, который каждый разъ, что его просили за кого инбудь, неизмънно перебивалъ говорившаго вопросомъ на своемъ Французско-итальянскомъ языкъ: "est-il houreux?" и, если ему подтверждали удачливостъ рекомендуемаго кандидата, онъ безъ малъйшаго колебанія предоставляль ему просимую должность, не справлянсь даже, имъетъ ли онъ на то право по своему образовавію или происхожденію. Къ этому князь прибавляль съ

^{*)} Мягко въ способъ, кръпко въ двяв.

улыбкою: "Если и достигаю усийха только благодара тому, что мий везеть, то и слава Богу! Для Россіи важенъ результить, и не все ли равно, что онъ получился только благодаря моему личному счастью?"...

Врагъ всякой ломки, князь Лобановъ сохраниль при себв всёхъ сотрудниковь своего предмественника. Единственною его реформою въ ментральныхъ установленіяхъ Министерства Иностранныхъ Двят было изміненіе штатовъ Азіатскаго департамента, доказывающее, съ какою чуткостью и особою заботливостью желаль онъ поставить въ условія боліве отивчающія современнымъ требованіямъ лицъ служащихъ въ этомъ департаментв, призванномъ быть однимъ изъ крупныхъ орудій въ діяль охраненія самыхъ жизненныхъ интересовъ Россіи на Востокъ.

Въ справедливомъ вниманів нъ особымъ условіямъ дѣнтельности Азіатскаго департамента, усложнавшейся вслъдствіе существеннаго развитія, которое получили за послъдніе годы ваши отношенія въ Востоку, и желая предоставить возможность удерживать въ этомъ департаментв, требующемъ подбора лицъ обладвющихъ совершенно-особою подготовкою, людей евъдущихъ, в также и привлекать въ него необходимыхъ ему спеціалистовъ, князъ добился, законодательнымъ путемъ, крупнаго повышенія окладовъ содержанія чиновниковъ, служащихъ въ Азіатскомъ департаментъ.

Вообще въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ князь Лобановъ представлялъ собою образецъ начальника: требуя отъ нихъ сервезной работы, примъръ которой онъ подавалъ самъ, онъ съ ними всегда былъ ровенъ, доступенъ, утонченно-въжливъ, при всей своей всегдашней сдержанности, которая была въ его характеръ и отъ которой онъ отръшался не сразу, а по мъръ самого тщательнаго изученія приближавшагося къ нему человъка. За то, когда его сдержанность печезала, тогда можно было видъть, до какой степени, подъ вившнею холодною оболочкою, былъ онъ сердеченъ, добръ и неизмъненъ въ своихъ привязанностяхъ.

Князь не любиль въ дъловыхъ сношеніяхъ входить въ мелочи, ръщенія свои высказываль въ выраженіяхъ исныхъ, не допускающихъ цедомолвовъ и, ради облегченія отвътственности исполнителей его приказаній, зачастую прибъгаль, при ръшеніи особо-сложныхъ дъль, къ письменнымъ резолюціямъ, исписывая иногда при этомъ собственноручно пълыя страницы.

Характерною также чертою его нрава была мысль, постоянно его преследовавшая, какъ бы случайно не нарушить справедливости, даже по отношеню въ людямъ но темъ или инымъ причинамъ ему несимпатичнымъ, такъ какъ онъ никогда не хотелъ применивать къ делу своихъ личныхъ симпатій и антипатій.

Князь Лобановъ пользовался всегда завиднымъ здоровкемъ. Серьезно онъ боленъ былъ лишь въ Вънъ каменною бользиью, но послъ удачной операціи, сдъланной ему въ Парижъ, въ Октябръ 1892 года, докторомъ

III. 40 руссый архивъ 1896.

Гюонъ (Guyon), выздоровълъ совершенно. По этому случаю заслуживаеть вниманія, что на телеграммъ нашего посла въ Парижь о благополучномъ исходъ операців покойному Государю Александру III угодно било собственноручно отмътить: "Слава Богу!"

Влагодаря строго регулярному образу жизни, князь, до самой кончини сноей, удивляль всёхъ своею живостью и моложавымъ видомъ: не смотра на его семьдесять лёть, ему, по наружности, пельзя было дать болёв пятидесяти, пятидесяти-пяти. Въ Петербурге онъ никогда пе жаловадся на болёвнь сердца; между тёмъ корреспонденть "Новаго Времени" ") разсказываетъ, что З (15) Октября 1895 года, проёздомъ чрезъ Берлинъ, киязъ говорилъ, что у него что-то недадно съ сердцемъ, п замётилъ, когда разговоръ зашелъ про кончину Н. К. Гарса: "Скоро, очень своро и и туда отправлюсь... и увёренъ, что буду жить очень недолго, хотя лёть съ пать еще холёдось бы поработать на пользу Россіп".

Громадность выпавшей на долю внязя Лобанова работы, сознаніе великой отвітственности въ виду политических в попросовъ первостепенной важности, вакъ нарочно одинъ за другимъ возникавшихъ со времени вступленія его въ управленіе министерствомъ, и вообще кос-какія тервія, попадавніяся на его пути, постепенно расшатали врінкій организмъ киязя и сократили его дни.

Во время остраго періода Японскаго вопроса, князь съ 5 часовъ утра сидълъ уже за своимъ рабочимъ столомъ, и это не отражалось на его здоровьи, которое начало ему изменять лишь въ Москве, где вследствие постоянныхъ празднествъ и церемоній, сопровождаванихъ коронаціонным торжества, онъ долженъ былъ отступить отъ установлениаго имъ правильнаго образа жизни. У него стали дъдаться приливы крови къ головъ. Видъвине ихъ предполагали, что причину ихъ следовало искать поключительно въ сизической усталости отъ тогданивиго образа жизни внязя и продолжительности церемовій, одновременно съ которыми сму приходилось вести крайне серьезные переговоры съ Ли-Хунгъ-Чангомъ п съ маршазомъ Ямагатой, приведенные имъ къ благополучному результату. Такъ съ Китаемъ России удалось добиться соглашенія относительно постройки Манджурскихъ желізаныхъ дорогъ въ смыслв удовлетвориющемъ Русскіе интересы, а съ Японіей мы договорились касательно установленія въ Корев такого порядка вещей, который обезпечиваеть независимое ип отъ кого существование этого королевства.

По возвращени изъ Москвы, князю Лобаноку падо было воспользоваться хотя бы кратковременнымъ отпускомъ, который возстановилъ бы его силы; но онъ слышать не хотилъ объ отдыхъ, будучи весь поглощенъ двлами Востока и подготовлениемъ дсталей предстоявшаго путешествия Госу-

^{*) &}quot;Новое Время" 6 Септября 1896, № 7378.

даря за границу, послѣ чего онъ собирался поѣхать въ Дрезденъ или Бреславль полѣчиться массажемъ отъ найденнаго у него еще ранъе докторами склёроза вровеносныхъ сосудовъ.

За последніе два месяца своего пребыванія въ Петербурге князь сталь страдать припадками сердечнаго удушья, 9-го же Августа ему сдълалось на столько не по себъ, что онъ ръшилъ пригласить доктора. За отсутствіемъ врача Министерства Иностранныхъ Дълъ, князя Лобанова исследовалъ подробно, въ теченіе целаго часа, докторъ больницы св. Марін Магдалины, г. Педенко, нашедшій у него довольно значительное разстройство сердечной дъятельности, при ръзко выраженныхъ явленіяхъ декальцинаціи апрты и перпферическихъ сосудовъ и при умъренномъ вровохарканіи. Такъ какъ пэъ разспроса о развити бользни ясна была зависимость ея отъ усиленной работы и частыхъ волненій, то, помимо назначенія лікарствъ, докторъ посовътовалъ князю полный душевный и физическій покой. Князь откъчаль, что последнее совершенно невозможно, такъ какъ чрезъ въсколько дней ему необходимо вхать съ Государемъ за границу, и даже въ тоть день онъ долженъ принить ивкоторыхъ лиць. Последнее обстоятельство на столько озабочнизло его, что, при назначени времени пріема дъкарствъ, доктору пришлось руководствоваться не тямъ, когда пріемъ дъкарства полезное, а томъ, когда князь будетъ свободенъ.

Уже въ нервый свой визитъ г. Педенко, не ръшившійся, однако, сказать министру всей правды о крайней опасности его подоженія, убъждаль его отказаться пли, по крайней мъръ, отложить на времи повзяку за границу и посовътоваться еще съ другими врачами. Но князь упорно и нъсколько разъ отъ этого отказался.

10-го Августа князь Лобановъ былъ, повидимому, вполнъ здоровъ, чрезвычайно веселъ и на разспросы о вчеранией бользии отвъчалъ, что все это были пустяки и что все уже совершенно прошло. На другой же день, онъ выразился пздателю "Русскаго Архива" П. И. Бартеневу гораздо уклончивъе о своемъ здоровъв, намътивъ въ разговоръ, что иногда здорован внъшность бываетъ обманчива.

За эти два дня состояние здоровья князя удучиндось, кровохаркамие прекратилось, и онъ продолжаль, какъ не въ чемъ не бывало, усиленно заниматься двлами, хоти, наканунћ своего отъвза, 12-го Августа, онъ жаловался статсъ-секретарю Шпикину на плохое самочувствие.

Утромъ, 12-го Августа, г. Педенко, пзелъдуя еще разъ князя, убъдился что неправильности въ дъятельности сердца остались почти въ прежнемъ видъ и что на ногахъ появилась отечность. Тогда онъ снова настойчиво сталъ убъждать внязн во всей опасности предпринимаемаго имъ дальняго путешествія, прибавивъ: "У меня, конечно, нътъ власти заставить васъ не тхать; но я еще разъ и самымъ настоятельнымъ образомъ совътую намъ

отложить отъйздъ".... На эти слова князь, после короткаго раздумья, отвечаль: "Вы знаете, и не принадлежу себе.... Завтра и долженъ ехать съ Государемъ и, что бы ни случилось, и еду".

Съ бывшими у него въ тотъ день посътителями князь много разговаривалъ, высвазывалъ разные планы, намвченные къ исполнению уже послъ его возвращения, словомъ, не имълъ ни малъйниаго предчувствия о близости катастрофы и, конечно, прощавшимся съ нимъ предъ его отъвздомъ лицамъ и въ голову не могло придти, что ангелъ смерти витаетъ уже надъ нимъ.

12-го же Августа вечеромъ онъ увхалъ въ Петергофъ, гдв ночью съ нимъ сдвлался припадокъ удушья на столько сильный, что прибъжавний на зовъ его камердинеръ хотвлъ тотчасъ же телеграфировать племяниицамъ князя. Чрезъ нъсколько времени, князъ Алексъй Борисокичъ почувствоналъ себя лучше и строго на строго запретилъ ему расказывать кому
бы то ни было о случившемся. Послъ этого онъ провелъ почти безсонную почь; но такъ велика была сила воли этого человъка, что на слъдующее
утро, въ ожиданіи отъвзда вмператорскаго повзда за границу, онъ на станціи жельзной дороги казался такъ веселъ, такъ остроумно шутилъ. что всъ
присутствующіе удивлялись его цвътущему виду.

Въ Вънъ князь Лобановъ недомогалъ все болъе и болъе; съ нимъ былъ даже обморовъ во время визита у Итальянского посла, графа Нигры. Все это не мъщало ничуть князю вести весьма важные переговоры съ графомъ Голуховскимъ, въ особенности по восточнымъ дъламъ. Отсюда онъ вытъхалъ въ царскомъ поъздъ въ Кієвъ.

Обывновенно, визы вставаль въ 7 часовъ. Утромъ 18-го Августа, намердинеръ, видя, что и въ 9 часовъ онъ не выходить изъ сноего отдъленія, ръшился войти къ нему и увидъль, что онъ спокойно спить; зная же, что вскоръ предстояла остановка повзда на одной изъ станцій близъ Ковеля, гдъ собраны были нъкоторын воинскія части для представленія Государю, онъ разбудилъ его. Князь спросилъ: "Qu'est-ce qu'il y a? Quelle heure est-il?.. На отвъть вамердинера, что уже 9 часовъ, онъ замътилъ, улыбалсь: "Газ possible!... Mais comme j'ai bien dormi!" *) и быстро сталь одъваться.

Послъ завтрака съ нимъ сдълалось немного дурно; но, выпавъ стаканъ воды, опъ скоро оправился и, не смотря на страшную жару, все время читалъ романъ Сенкевича "Огнемъ и мечемъ".

Въ восьмомъ часу вечера, императорскій повздъ, по пути въ Кіевъ, быль остановлень не довзжан станціи юго-западныхъ дорогь Пцепетовки (286 версть оть Кіева), такъ какъ Государь пожелаль совершить прогулку пъшкомъ. Всъ вышли изъ вагоновъ, въ томъ числъ и князь; онъ и теперь имъль видъ здоровый и смъющійся. Сдълавь, однако, въсколько шаговъ,

^{*)} Что такое? Который часъ?-Неужели? Но какъ хорошо и спаль!

онъ почувствоваль себя дурно в присълъ на траву. Съ трудомъ поднявшись, онъ уже не могъ безъ посторонней помощи войти обратно въ вагонъ: его внесли туда и положили на диванъ. Придворные служители никакъ не могли отстетнуть его галстука, придерживаемаго особаго рода булавкою. Тогда позвали его камердинера. Князь Лобановъ открылъ глаза и усиълъ сказать ему: "ôtez moi l'épingle" 1), что и было исполнено. Послъ этого князь вздохиулъ еще разъ пять, схватился за сердце, силился что - то сказать, но языкъ болъе не повиновался ему... Черезъ двъ минуты онъ былъ уже мертвъ и весь почернълъ. Доктора могли лишь удостовърить смерть отъ разрыва сердца.

Тъдо князя было перевезено въ Кіевъ. На его гробъ Пхъ Величества возложили великолъпные вънки. Скорбь, выраженияя Государемъ Императо ромь во времи панихидъ и высочайшее повелъніе отмънить по случаю кончины князя Лобанова-Гостовскаго предполагавшуюся въ день въъзда Государя въ Кіевъ палюминацію (о чемъ жители были оповъщены посредствомъ публикаціи, расклеенной по всему городу) послужили драгоцънною данью уваженія къ памяти одного изъ върпъйшихъ царскихъ слугъ.

Вислапиан копчина кинзя Лобанова произведа вообще потрисающее впечатление во всей Европе и повсюду встречена была съ чувствомъ горькаго сожаления. Исключение составляли только Англійскія газеты. Все сходились во масній о значеній утраты не только для Россій, но и для Европы и о томъ, что кончина его — событіс великой политической важности. Вся Русская и иностранная печать единодушно признавала, что князя Лобанова не стало въ ту самую минуту, когда онъ призванъ быль пожать плоды своихъ неусыпныхъ трудовъ и когда Россій и ен Верховный Повелитель такъ нуждались въ его просвещенныхъ советахъ, въ его государственной мудрости, служившихъ залогомъ того, что они въ праве были ожидать отъ него новыхъ подвиговъ во славу отсчества.

Совершенно върно выразился "Journal de S-t Pétersbourg"): "Въ течени восемнадцати мъсяцевъ, пока князь управлялъ нашей иностранною политикою, народъ слъдилъ за его дъятельностью, полный увъренности за свое будущее".

IX.

Гробъ съ останками князя Лобанова быль перевезенъ въ Москву, въ древній Повоснасскій монастырь, основанный первымъ Московскимъ княземъ Данівломъ, сыномъ св. Александра Певскаго; тамъ находятся усынальницы бояръ Романовыхъ, князей Лобановыхъ - Ростовевихъ, графовъ Переметевыхъ.

[&]quot;) Выпьте мив булавку.

^{*) 23-}го Августа 1896.

Усыпальница князей Лобановыхъ - Ростовскихъ помъщается въ Знаменской перкви: въ ней оставалась лишь одна свободная могила,—въ тъсномъ боковомъ проходъ, подъ низкимъ сводомъ; ее то и предназначилъ для себя, еще задолго до смерти, князь Алексъй Борисовича, и въ нее было отпущено, 26-го Августа 1896 г., послъ отпъванія, его тъло, нашедшее себъ здъсъ въчное успокосніе.

Болъе чуткій, какъ всегда, Западъ гораздо равъе оцъниль по достоинству величавую личность покойнаго князя Лобанова, а у насъ большинство лишь теперь сознало, кого утратила Россія и какія услуги могъ еще оказать Царю и отечеству тоть, кого уже нътъ болье.

Нельзя по этому случаю не согласиться съ справедливостью мыслей "Историческаго Въствива" *), навъянныхъ безвременною кончиною князя Лобанова: "Человъкъ долга, труда и опита, съ одинаково изящнымъ достопнствомъ умъний носить и свое громкое имя, и свой высокій санъ, и свои блистательныя дарованія, равнодушный ко всякимъ внішнинь успіхамъ съ высоты своего тысячельтвяго родословія, рожденный къ величію и трудолюбивый, какъ еамый скромный труженикъ, съ невозмутимою испостью уравновішеннаго ума всегда стоявшій въ уровень съ событіями и запросями современности, достойный представитель посліднихъ потомковъ Рюрикова дома, спокойный и зорвій руководитель міровыхъ событій, онъ быль живымъ воплощеніємъ пдеальнаго Гусскаго государственнаго дівтеля".

Судьов угодно было избанить покойнаго внязя отъ одной изъ горчайшихъ мукъ—сознанія, что, подъ вліяніемъ старости, способность къ наприженной двятельности начинаєть уже быть не та что прежде. Овъ угасъ въ полномъ расцявтт своихъ умственныхъ силъ, палъ разомъ, какъ могучій дубъ поверженный грозою. Блестящимъ метеоромъ пронесси онъ надъ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Двлъ; но не найдется, думается, никого, кто бы искрение не пожалълъ этого просвъщеннаго и истивно Русскаго нельможу, съ Русскимъ сердцемъ и душою, политика котораго была такъ широка, всеохватывающа и смъла. Воспоминаніе же о его добротъ, справедливости и постоянно уравновъшенномъ характеръ долго будетъ жить между лично знавшими его.

Въ краткомъ очеркъ нельзя дать полную оцънку государственныхъ заслугъ князя Лобанова; но едва ли ошибемся, сказавъ, что не смотря на непродолжительность своего пребыванія во главъ Мянистерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ едъзаль тавъ много, такъ освътилъ грядущіе пути нашей вившей политиви, проновнутой, со времени Царя-Миротворца, истинно народнымъ духомъ, что еще долго Россія будетъ собирать плоды того, что было за это время посъяно твердою и искусною рукою покойнаго князя.

В. Тепловъ.

^{*)} Октябрь 1896, некрологъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

замътки.

I.

Въ рецензіи г. Яцимирскаго о книгъ І. А. Хайновскаго ("Русск. Архивъ", вып. Х-й) между прочимъ говорится, что въ числъ историческихъ древностей развыхъ эпохъ, храняндихся въ музев г. Хайновскаго, есть табакерка, по-жалованиза "извъстному" барону Меллеръ-Закомельскому, "автору многихъ трудовъ по военной исторін", за заминою экспедицію при Урусъ-Мартанъ, въ Малой Чечнъ, въ 1848 году.

И не ихожу въ разборъ значени этой табакерки въ числъ исторических древностей; ил 1848 годъ, ин пожалование табакерки инчего древниго или историческаго въ себъ не заключають. При императоръ Николат Навловичъ весьма часто давались въ награду табакерки и перстип военнымъ и гражданскимъ гепераламъ; извоторые позвращали ихъ Кабинету Его Величества и получали деньгами по установленной цътъ. Да и послъ подобным награды не составляли ръдкости. Я желаю обратить внимание г. Япимирскаго на очевидное недоразумъніе, послужившее ему поводомъ назвать барона Мельера-Закомельскаго "извъстнымъ" и "авторомъ многихъ трудовъ по военной исторіц".

Баронъ быль командиромъ Куринскаго егорекаго полка. Сколько я знаю, главини напъстность его заключалась въ томъ, что, когда Шамиль въ Апрълъ 1846 года предпринялъ свое смълое движоніе изъ Чечни въ Кабарду, съ пълью возмутить си населеніе, подчинить Кабардивцевъ своей власти и такимъ образомъ отрѣзать намъ сообщеніе по единственной тогда дорогъ въ Россію, баронъ Меллеръ-Закомельскій, въ числъ другихъ, былъ посланъ съ отдъльной колонной по слъдамъ Шамилы. Остановивнись у урочища Татаръ-Тубъ, на лъвомъ берегу Терека, когда Шамиль бемъ усиъха возвращался изъ Кабарды, баронъ, имъсто того, чтобы заградить ему путь, напести рънштельное поражение и не допустить переправы презъ Терекъ, уклонился въ сторону, а непріятель, считавшій себя близкимъ къ страниой катастрофъ, преспокойно переправился презъ Терекъ съ своими орудіями и ушелъ; только хвостъ его скопища отъ пъсколькихъ варточныхъ выстрѣловъ понесъ уронъ пъ два-три десятка человъкъ.

Этоть подвить барона сдблаль его извысиным всему Канкану... Чъмъ извиналъ вебя баронъ предъ тогдащимъ сдовнокомандуюциять ки. Во-

ронцовымь, не знаю; но предъ исторією Кавказской войны до сихъ поръ нивакого извиненія для него сще не открыто. Точно также не слыхаль в никогда о трудахъ барона по военной исторіи. Весьма интересно получить указанія, по которымь можно было бынай ти и прочитать эти труды. Кавказская война неисчернаемый источникь для военной исторіи, далеко еще неразработанной съ подобающею полнотою; можеть быть, баронь Закомельскій вы своихъ трудахъ даеть важный матеріаль, и оставлять ихъ подъ спудомь гранню. Просимь указать ихъ, если они дъйствительно существують, въ чемъ, впрочемъ, всеьма сомнівваюсь.

II.

Нечего говорить, съ какимъ любонытствомъ открымъ в Октябрскій вып. "Р. Архива" на стр. 213, чтобы скорве познакомиться съ "Записками Капказца", почтепнаго П. П. Дроздова. По съ первыхъ же страницъ нахожу оппобки и це могу воздержаться отъ ихъ указанія, въ полной уквречности не только не возбудить этимъ пеудовольствія автора, по оказать ему услугу.

Пе знаю, подъ чыниъ руководствомъ выучился Пиколай Ивановичъ Евдокимовъ грамотъ (214), по знаю, что училен онъ въ кръи. Темнольсной у церковнаго причетицка или дыкона: такь онъ самъ разсказываль. 16-ти льть поступиль опъ не въ штабъ командующаго войсками, а въ казначейскую канцеларію Тенгинскаго пахоти, полка. Никогда не быль онъ переводимъ въ Дагестанскій ибхотный полкъ и не могъ быть переводимъ, потому что такого полка тогда ис существовало: Дагестанскій полкъ сформированъ только 16 Декабри 1845 года и въ прошеднемъ году праздновалъ свой 50-ти лътий юбилей. - И. И. Евдокимовъ былъ произведенъ въ прапорицики въ Курпискій полкъ, расположенный тогда въ Дербентв. Тамъ зналь его Бестужевъ (Марлинскій), и когда Евдокимовъ быль командированъ въ Тифлисъ въ учебный батальопъ, то Бестужевъ написалъ объ немъ своему брату, тоже находившемуся тогда въ Тифлисв, рекомендацію, назвавъ его: "un brave officier pour le Caucase" *). Такимъ образомъ, , стройному прапорщику Евдокимову" (214), предъ тъмъ уже отличившемуси при освобожденіп кр. Бурной ота осаждавшихъ полчиць Кази - Муллы (при чемъ онъ быль ранень из щеку ниже глаза) не приходилось кос-како добиранься до Тифлиса; пбо по служебной командировий онъ, конечно, получилъ что слъдовало на повадку туда и обратно.

Благодарность со стороны автора ки. Голицыну, какъ своему восинтателю, прекрасная черта; по говорить, что князь не поладиль съ ки. Ворониовымъ или, какъ выражается авторъ (стр. 227), между ними произошла "размоляка", и что князь Воронцовъ потерялъ въ ки. Голицынъ двятельнаго и биытнаго помощинка—это уже не касается частныхъ отношеній автора. У геперала-маіора, начальника Кабардинскаго округа, или, какъ тогда офиціально называли, начальника центра Кавказской линіи, съ главнокомандую-

^{*)} Отличный для Кавказа сопцеръ.

щимъ, намъстникомъ, одинмъ изъ первъйщихъ лицъ въ государствъ, размолвокъ не могдо быть; могдо быть только неудовольствие главнокомандующиго къ начальнику центра, кн. Голицыну, именно за его бездъительность и слишкомъ усердное занятие преферансомъ. Благодаря своему имени, свизямъ, наконецъ качествамъ частнаго человъка, кп. Вл. Серг. Голицынъ п оставался такъ долго на своемъ мъстъ: другаго бы давно попросили удалиться, особенно посять 1846 г., когда Шамиль такъ неожиданно появился въ Кабардъ и оставался тамъ изсколько дней.

Анекдоть объ осетрв (стр. 245) очень забавень и возбудить смяхь у многихь; но кто зналь генерала Бриммера, тоть конечно пойметь, что туть нельзя сказать: ві поп є vero, є ben trovato. Къ Бриммеру нельзя было являться съ осетрами; это быль образцовый, серьсзный, рыпарски-честный служака, такъ державній ссоя, что никакихъ шутокъ въ его присутствін подчиненные не дерзнули бы себъ позволить; но если бы таковой шутникъ нашелся, то Бриммеръ "съ поднятыми кулаками" ни на кого, тымъ паче на командира батарен, не кинулся бы: онъ спокойно отправиль бы его на гаунтвахту и отдаль подъ судъ.

Князь Александръ Голицынъ, бывий адъютанть ви. Воронцова, не могъ тхать въ Петербургъ (стр. 241) съ ходатайствомъ от ки. Воронцова о выкупт изъ плъна княгинь Орбельнии и Чавчавадзе, потому что ки. Воронцовъ оставилъ Кавказъ еще въ Мартт 1854 г. и сдалъ должность ген. Реаду, а взятіе княгинь въ плънъ произошло въ Гюлъ 1854 года, когда ки. Воронцовъ жилъ за гранцией частнымъ человъкомъ и не вмъщивался уже въ дъла Кавказа. Да и ходатайствъ о выкупт илънныхъ вовсе не требовалось; потому что Государь, получивъ допссеніе объ этомъ прискорбномъ происшествіи, самъ повелълъ употребить всъ мъры въ освобожденію княгинь Чавчавадзе и Орбельяни.

Ставропольскій губернаторь ген.-лейт. Волоцкой (стр. 246), "знам снитый расформированіемъ двухъ роть Аншеронскаго подва", "которымъ онъ ранъе командовалъ, и усмиреніемъ бунта въ с. Масловъ-Куть". Во 1-хъ, Волоцкой командоваль не Апшеронскимъ, а Тифлискимъ полкомъ. Что значить расформировать двъ роты? Непонятно. Если это что нибудь самовольное, то едвали прошло бы Волоцкому безнаказанно; между тъмъ онъ сдаль полив, посли производства въ генералы, съ пазначением губернаторомъ. Во 2-хъ, усмиреніе Масловъ-Кутскихъ врестьянъ въ 1853 году происшествіе чрезвычайное; опо описано много разъ людьми, подробно знавомыми съ дъломъ, на основаніи офиціальныхъ документовъ. Говорить объ немъ туть, съ голоса пустыхъ остряковъ, не приходится. Какая тамъ "рыбка", какой "Стёнка, каляй за становымъ", когда двло по таков крестьянъ съ Калантаровымъ, котораго они не хотъли признавать своимъ владъльцемъ, тянулось много лъть, доходило до Сената и воздъ, если не опщбаюсь, даже въ Госуд. Совъть было ръшено въ пользу Кадантарова? Но врестьяне ве хотван подчиняться рашеніямъ, съ упрямствомъ, свойственнымъ нека-

жественной толив вообще, и Малороссамь въ особенности, не слушались внушеній всехъ местных властей, увещаній духовенства, жандармскаго штабъ-офицера и многихъ посылавшихся къ нимъ лицъ, старавшихся урезонить ихъ и предварить, язкимъ последствіямъ они себя подвергають. Пришлось прибъгнуть въ крайней мъръ, и губернаторъ Волоцкой отправился въ Масловъ-Куть во главь военной силы. Крестьяне тысичной толпой съ бабами и домочадцами встритили его поклонами, но на требование разойтись по домамъ, а для объясненій оставить ибсколько челов'якъ, отв'ячали отказомъ. Кончилось тъмъ, что когда послъ холостилсь выстръловъ толна продолжала стоять и горданить, Волоцкой приказаль выстредить картечью; болве 200 крестьянь и бабъ убитыхъ и раненыхъ покрыли площадь, остальные броенлись бъжать... Волоцкаго общая молна обвинила; да и мыслимо ли, чтобы подобное двло не вызвало негодованія, еслибы даже не Волопкой, чедовъкъ ограниченный, а венкій другой, хотя бы и умный и добръйшій, отличный администраторъ, очутился въ роли усмирителя народинго волисија? Можеть ли быть вообще что инбудь болье затруднительное их службь, какъ подобное порученіе? Офиціально оправдають, потому что по разслівдованію окажется, что пначе недьзя было поступить; но въ общественномъ мибини, гдв руководствуются другими мотивами, исполнитель тикой экзекуціи всегда остается заклейменнымъ именемъ палача... Однако это не есть новодъ разсказывать о подобных в печальных эпизодахъ басни вывето дъйствительности. Крайне прискорбно, что бывають случан, когда противъ своихъ согражданъ приходится д'айствовать такими крокавыми средствами; по обстоятельства выпуждають къ этому, и кому инбудь выпадаеть печанный жребій исполнять крайнюю жру и подвергаться обвинсніямь.

Анекдоть о томъ, что Волоцкой отъ страха предълзавнокомандующимъ Муравьевымъ забылъ свою фамилю (247), тоже долженъ быть отнесенъ къ остроумнымъ выдумкамъ тогдащинхъ досужихъ Пятигорскихъ жителей. Это тъмъ болъе неправдоподобно, что въдъ Муравьевъ въ Патигорскъ пріъхалъ чрезъ Ставропольскую губернію, на границъ которой его долженъ былъ встръчатъ губернаторъ Волоцкой; слъдовательно въ Пятигорскъ не зачъмъ было ему представляться, и Муравьевъ его уже зналъ.

Наконецъ, не могу не замѣтить, что топъ, въ которомъ высокоуважаемый авторъ относится къ П. Н. Муравьеву не соотвѣтствуетъ принятому
въ такихъ случаяхъ. () такихъ неторическихъ государственныхъ людяхъ, какимъ безенорно былъ Пиколай Инколаевичъ Муравьевъ, можно говорить только
съ спокойною серьезностью, основательно ознакомпвинев съ его дѣятельностью
и сочиненіями. Можно критиковать тѣ или другія его дѣйствія, указывать ошибки, подкръпляя свои выкоды данными офиціального характера, отзывами асторитетовъ, наконецъ собственными заключеніями, логически изложенными;
можно не симпатизировать сму, но все это серьезно, съ подобающимъ выборомъ словъ. Пельзя покторять слуховъ и росказией, придавая имъ харак-

теръ достовърности. Такимъ пріемомъ можно только подвергнуть сомнівнію собственный разсказъ, лишить его всякаго историческаго значенія, вовсе не подрывая той извъстности, которою пользуется П. П. Муравьевъ въ кругу знатоковъ Русской военной исторіи.

Я самъ въ монхъ воспоминаніяхъ и въ другихъ сочиненіяхъ подвергалъ критикъ дъйствія Муравьева на Кавказъ, указываль на ошибки и пр.; по я писаль и какъ очевиденъ, и какъ участникъ, и какъ научавній документально въ архивахъ Тифлиса и Пстербурга дъла того времени, т. с. 1855—1856 гг. И до сихъ поръ остаюсь и при высказанныхъ тогда изглядахъ (хотя готовъ многое еще смягчить въ обвиненіяхъ), что И. И. Муравьевъ прибыль на Кавказъ предубъжденнымъ и пристрастно глядъвнимъ на все; онъ какъ будто сдълалъ собъ задачею все опорочить (что и приписывалось враждъ къ князю Вороннову).

Умный, образованный человыкь, знатокъ военнаго дъла въ теоріи и на практикѣ, онъ какъ будто все забылъ, и полтора года, проведенные въ знавін главнокомандующаго на Кавказѣ, затемпили славу его прежнихъ замѣчательныхъ подвиговъ въ Хивѣ, ца штурмѣ Варшавы, его олистательныхъ дѣйствій въ Египтѣ, въ Царьградѣ. По читать такія фразы (249) напримѣръ, что: "таланты ген. Муравьева, какъ некуснаго предводитела койскъ на маневрадъ, и его паучное образованіе могли очаровывать въ Росеіи на възшипарадахъ, а на Бавказѣ и прапорщики (?!) знали разницу между маневрами и дѣйствительнымъ боемъ", значитъ вызывать только улыбку. Муравьевъ, дѣятельный участникъ Отечественной войны 1812 года, командиръ Эриванскаго полка, начальникъ отрядовъ въ Перендской и Турецкой койнахъ при Паскевичѣ, начальникъ штурмовой колонны подъ Варшавой, Муравьевъ вдругъ превращается въ плацъ - параднаго генерала, знающаго мельше Кавказскихъ прапорщиковъ!! Что вы, Богъ съ вами!

Еще разсказывается (248), какъ Муравьевъ обругалъ ньиницей полковника Монаенку и велълъ его вывести вонъ; упоминается о давно уже описанномъ подробно эпизодъ съ письмомъ къ Ермолову *); или что Муравьевъ очень боялся армін Омара-панци, до того якобы, что распорядился или допустиль сжечь продовольственный магазинъ и отступить отряду князя Багратіона-Мухранскаго въ Кутансъ (269). И все это по слухамъ, къ которымъ слъдовало относиться весьма осторожно. Князь Мухранскій сжегъ магазинъ безъ всякаго разръшенія, Муравьевъ не могь сму этого простить, и готовился предать его суду; а слухи обвиняютъ Муравьева!

Пужно сказать, что въ описываемое время Муравьевъ изъ Пятигорска чрезъ Владикавказъ пріъхалъ въ Грозную, гдв я, въ качествъ адъютанта начальника лъвато оданга бар. Врангеля, находился все время пребыванія тамъ

^{*)} Немногимъ ививстно, что надълвишее столько шуму письмо о Кавианской армія написано было совершенно-частнымъ образомъ и что разгласчав его самь А. П. Ермоловъ, чего вовсе не желаль преданный ему И. Н. Муравьевъ. П. Б.

Николая Николаевича, все видълъ, слышалъ и наблюдалъ. При всей суровей придирчивости къ командирамъ частей, онъ однако былъ настолько въжливъ, что пичего подобнаго обращению съ Монаенкою не было, и вообще благовоспитанность едвали могла допустить образованного человъка до такого вабиенія приличій.—По сще поразительние разсказь (273) о явив автора Записокъ къ главнокомандующему по случаю экзамена для производства въ прапорицики. Туть уже не повтореніе слуховь и чужихъ росказней, туть ужь сомевија не возможны; нельза же не ввршть разскащику, гдв онъ говорить о случившемся съ инмъ лично? Эти поклоны въ три прісма, совершенно противные военному уставу, эти отступления задомь въ подра жаніе Корсакову (адыотанту и родственнику Муравьсва). эти безцеремонные, инчить не вызванные возгласы: "а, линтий, тупоумець, выгнанный вонъ изъ училища; коеппая служба всякую сволочь приотить и накормить" и проч., это пъчто напоминающее какого-нибудь Персидекаго хана или старо-Турецкаго нашу, а не Русскаго главнокомандующаго Муравьева. Остастся допустить, что подавленный поудачею штурма и громадною потерсю людей безъ всяваго результата, опъ подвергся припадкамъ умоязступленія. По чего же смотрели тогда все приближенные, все генералы истаба срмін?..

Убъдительнъй пе пропу автора хладнокровно отнестись къ моимъ замъткамъ и не считать ихъ желанісмъ критиковать его трудъ, вчинать поломику. Я смотрю на біографическіе разсказы, помъщаемые на страницахъ историческихъ сборниковъ, какъ на важный матеріалъ, заслуживающій серьезнаго къ нему отношенія, и потому, встръчая опноки въ обрисовкъ развыхъ Кавказскихъ дъятелей, которыхъ и лично зналъ, считаю своего рода обязанностью указывать эти опноки и, къ свою очередь, бывью доволенъ, когда мив указывать, что я самъ опнобаюсь.

А. Зиссерманъ.

Октябрь 1896. Петербургъ.

поправка.

Въ XI-мъ выпускъ "Русскаго Архива" сего года напечатана записка генералъ-мајора Дренякина о безпорядкахъ въ 1861 году въ Пензенской губернін. Въ выпоскъ къ этой статью сказано: "Александръ Максимовичъ Дренякинъ родился 1813, сконч. въ 1877 г. въ чинъ генералъ-лейтенанта. П. Б."*). Это ошибка: Александръ Максимовичъ былъ живъ еще въ Октябръ 1891 года. Въ Ливарской книжкъ "Русской Старивы" за 1892 годъ помъщена небольшая статья: "Максимъ Дренякинъ, одинъ изъ вопновъ великаго Суворова". Эта статъя подписана: А. М. Дренякинъ, генералъ-лейтенантъ 80 лътъ. 18 Октября 1891 года. Г. Бългородъ, Курской губернін".

И быль знакомь съ А. М. Дренакинымъ и очень уважаль его; по съ 1863 года и съ нимъ не видълен и, прочитавъ его статью въ "Русской Старинъ", быль очень радъ узпать, что опъ еще живъ.

Н. Зехтенъ.

23 Поября 1896 г. Кіевъ.

^{*)} Свъдъніе это ввято пами изъ "Азбучнаго Указетеля Гусских в двителей". П. В.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

(Кл. пятидесятилътію со времени его кончины),

I.

Изъ письма С. П. Шевырева къ Н. В. Гоголю.

Декабря 30 ст. ст. 1846. Москиа.

Милый другь, я должень начать это письмо грустною для тебя вветью. Помолись и укрыпись духомъ. Не стало нашего добраго, милаго Нзыкова. Онъ скончался 26-го Декабря, на другой день праздника Рождества Христова, въ 5 часовъ пополудии. Кончина его была самая тихая, безъ страдацій. Онъ уснуль, а не умерь. Окружавшіе его сначала того не замътили. Самъ врачъ, за часъ до кончины у него бывшій, не находиль пичего отчанинаго въ его положеніи. Но Наыковь самъ, какъ слегь, то уже зналъ напередъ свою кончину. За три дия до нея онъ самъ пожелалъ испонедываться и причаститься святыхь тайнь. Память его во все время, не смотря на бредъ горички, была такъ свъжа, что онъ сдълалъ даже всв распоряжения въ чемъ его похоронить и заказаль повару всё кушанья того обеда, который долженъ быть у него на квартиръ послъ похоронъ его. За два двя до смерти онъ утромъ сзываль всёхъ въ домъ и спранивалъ: върите ли из воскресеніе мертвыхъ? Видно, мысли нашей въры его глубоко жанимали. Въ бреду горячки онъ пълъ и какъ будто читалъ стихи. Ты уже знаешь, конечно, что лътомъ онъ предпринялъ гидропатическое лъчение. Лъто у насъ было жаркое, Лъчение шло тогда хорошо. По въ Сентябръ онъ простудился. Врачи настаивали продолжать. Онъ по обыкновенію слушался. Нервы его напрягались, напрягались и це вынесли. Последияя бользиь его была нервная горячка. Въ первый день какъ спокойно-ведичавъ лежалъ онъ на томъ столъ, гдъ любилъ угощать трапезой другей своихъ! Болъзненное отошло, и одно величіе его физіогномій являлось взору. Какой чудный лобъ! Бользнь его съузила. Какія уста! Ими какъ будто объяснялся его чудный стихъ. Сегодня мы отслушали вечеромъ последнюю панихиду на дому, а завтра его похоронимъ на Даниловомъ пладбищъ, подлъ Валуева, его племянника, и Венелина. Сегодня же пришло и твое письмо къ нему, которое показываль мив брать его Петръ Михайловичъ. Въ него вложено письмо къ Щепкину. Завтра послъ погребенія мы будемъ объдать въ комнатахъ у покойнаго, по его желанію, и всть тв блюда, которыя онъ самъ для пасъ заказаль своему повару. Сообщаю тебъ всь эти подробности. Знаю, какъ тебъ будеть горька эта въсть. Я боялся, что она къ тебъ дойдеть черезъ кого другаго; боядся также прямо написать тебъ.

... Ты сфтуснь на меня даже за то, что я послать въ Петербургъ Развязку Ревизора не съ Щепкинымъ лично; по ты не написалъ ко миф, чтобы безъ Щепкина ея не посылать. Когда явится твоя книга о Петербургф, тогда выпущу и «Мертвыя Дуни». О предисловіи я попрощу издателя «Московскихъ Вфдомостей». Впрочемъ «Отечественныя Записки, незаконно пользуясь экземплярами, присланными въ Петербургскую цензуру, уже успъли напечатать отрывки изъ этого предисловія. Цензура Петербургская дълаеть чудесныя вещи. Пикитенко твои рукописи оглашалъ всъмъ своимъ друзьямъ, пріятелямъ и знакомымъ. «Листокъ» и замъчанія на «Мертвыя Души» пересылать тебъ буду, по мъръ полученія.

. . . Римское католичество ведеть къ тому, что человъкъ не Вога начинаеть любить, а себя въ Богв. Даже молитва въ немъ переходить въ какое-то самоуслаждение. Я замътиль въ письмъ твоемъ, что ты въ побочныхъ обстоятельствахъ видинь себъ указанія (такъ напримъръ бользив Щепкина). Это миж напомиило княгиню 3. *), которая также во всякомъ обстоятельстви жизни видить Бога, ей указующаго. Да въдь надобно заслужить это высокое состояние пророка. Есть, конечно, во всемъ воля Божія, и волось не падеть съ головы безъ нен; но видеть во всякомъ постороннемъ обстоятельствъ личное отношеніе Вога ко мев значить какъ бы хотвть пріобръсти милость Божію въ свою собственность и самозванно назваться избранникомъ Вожінить и любимцемъ. Это все продолженіе motu proprio Римскаго владыки. Берегись этой заразы. Отъ нея хранить чистое и смиренное наше Православіе. Воть и поэтому пора тебь на родину. Здісь погрузишься въ жизнь своего народа и отряжнень съ себя лишнее чужое. Общимаю тебя. Твой С. Шевыревъ.

(Изъ Отчета Пиператорской Публичной Вибліотеки за 1893 годъ).

11.

Гогодь о Языковв.

И такъ эта небесная, безоблачная душа уже на небесахъ! Изъ всъхъ моихъ друзей у него больше другихъ было тъхъ никоторыхъ особенностей, какія были и въ моей природъ, которыхъ онъ не обнаружилъ однако пи въ сочиненіяхъ своихъ, ни даже въ бесъдахъ съ другими и которыя были причиной, что между нами было тъсное дружество. Наши мысли и вкусы были почти сходиы. Но разумъ и чистота младенчества, какихъ у меня не было, свътились въ одно и тоже время въ его словахъ. Какъ онъ былъ добръ ко миъ и какъ любилъ меня!

(Письмо Гоголи къ С. И. Шевыреву, изт. Невиоли отъ 11 Февраля 1847 г., см. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеви за 1892 годъ).

^{*)} Княгиню Зинанду Александровну Волконскую. П. Б.

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КЪ МОСКОВ-СКОМУ АРХІЕПИСКОПУ АВГУСТИНУ *).

(Москва, Април. 1818 года.)

Со страхомъ, свойственнымъ человъку слабому, и съ надеждой, не покидающею человъка върующаго, видълъ я приближение ръшительной минуты въ моей жизии. Не зная, что опредъдило мев Провидвије, радость или горесть, я подкрвинлъ душу мою объщаніемъ и ожидаль съ покорностью воли Вожіей. Ему угодно было благословить мени счастьемъ отца; Опъ сохранилъ и мать, и младенца. Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаеть въ глубинв души; по она необходима душъ благодарной. Объщание мое, которое спъну псполинть, состояло въ томъ, чтобы во имя Александра Певскаго воздвигнуть придълъ въ церкви Новаго Герусалима. Это-смиренное принощение счастливаго отца, повъряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцънивищее благо: участь жены и сына. Васъ, преосвященный владыко, прошу быть меж помощникомъ и руководцемъ въ исполнения сего объта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ блигодарностью отца, приносятся модитвы о матери и о сычъ: да продлить Всемогущій ихъ жизнь, для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу отечества.

Стольтіе со дия рожденія императора Пиколая Павловича вызвало въ печати ивсколько статей, восноминаній и критическихъ замѣтокъ объ усоннемь монархъ державшемь въ теченіе тридцати лѣть скинетръ Пмперін твердой рукой. Изъ всего написаннаго по этому поводу, госноза порицатели Пиколаевскаго паретнованія могли бы извлечь для себя небезнолезный урокь—какъ осторожно и идумчиво слъдуетъ браться за критику вообще, о дънніяхъ же историческихъ лиць въ особенности; какъ слъдуетъ, касансь какой либо эпохи, принимать въ соображеніе духъ времени, степень развитія общества и народныхъ массъ, сцъпленіе правящихъ міромъ обстоятельствъ, полигическихъ экономическихъ и т. д.; наконецъ, какъ легкомысленно, пеприлично, отчасти даже преступно прибъгать къ тепденціозному, дешевому остроумію и излюбленнымъ многими хлесткимъ словечкамъ, гокоря объ историческихъ дъятеляхъ, направлявшихъ судьбы государства по соображеніямъ, истекавщимъ, безъ всякаго сомивнія, изъ безграничной любви къ отечеству и искрепивійнаго желанія блага Русскому народу.

Какъ бы велики ни оказались опцибки въ двяніяхъ такихъ замівчательныхъ людей, какимъ былъ Инколай Павловичъ, этоть рыцарь безъ страха

^{*)} Это достопамятное письмо взято изъ вниги И. М. Спетирева: Живнь преосвищенного Августина, архіспископа Московскаго (М. 1848).

и упрека, не слъдуеть забывать, что неошибавшихся людей мірь еще не являть и что самый трасизмь сознанія своихь опшоокь въ минуты окончанія жизненнаго поприща, въ минуты ожиданія суда Божія и суда потомства, есть уже признакъ душевнаго величія, пскупленія, заслуга предъ безпристрастнымь судомы исторіи.

Императоръ Инколай I быль глубоковърующій человъвъ и обладаль даромъ замъчательнаго праспоръчія въ выраженій своихъ чувствь. Рожденіе первенца, будущаго императора Александра II, вызвало въ отцъ благоговъйное чувство благодарности нъ Всевышнему, выразившееся въ письмъ къ

архіепископу Августину.

А. Зиссерманъ.

АНЕКДОТЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЪ ПАВЛОВИЧЪ

Императоръ Инколей Павловичъ, какъ извъстно, бывалъ почти въ каждомъ правительственномъ учреждении отъ Синода и Сената до какого нибудь низшаго училища. Также, при повздкахъ по Россіи, онъ осматриваль въ каждомъ городъ мъстныя тюремныя помъщения. Однажды, при посъщении одной изъ тюремъ, обходи заключенныхъ, онъ оправинвалъ ихъ, за что именио они были заключены. Въ одной камеръ всъ подъ рядъ заявляли о евоей исиновности, либо оправдывались обстоятельствами, есыдались на недоразумбий и т. и. Одинъ только арестанть, унавъ къ ногамъ Государя, сознавался въ своей впиовности и каялся въ безчестном (какъ опъ выразился) поступкъ, имъ совершенномъ. "Ступай-же вопъ отсюда!" топнувъ ногою, воевликнуль Государь: "теб'в адвеь не мвето съ честными людьми"...

(Слышано от М. И. Галкина-Враскаго)

П. А. ВАЛУЕВЪ ГРАФУ Д. Н. ТОЛСТОМУ.

Мы съ вами разстаемся. На прощаньи черкните ивсколько строкъ. Вы одии въ министерствъ имъете къ тому горизонтъ...

Тема следующая:

1. Что и кто теперь Россія?

- 2. Всв сословія разъединены. Всв законы въ передвляв. Всв основы въ движени.
- 3. Полцарства въ исключительномъ положеніп. Мфры строгости преобладають. Оппозиція и недовъріе вездь, гдв есть способность ихъ высказывать. Трехсотголовое земство колеблется и готово прежде всего порицать правительство, а потому ему противодъйствовать.

4. Одинъ Государь теперь Россія. Ему предстоить быть правственнымъ собирателемъ земли Русскія, какъ Калита быль ен матеріаль-

нымъ собирателемъ.

5. Солице царское тепло озарило долы 19 Февраля. Теперь нужно освътить и пригръть вершины и окраины *).

29 Октября (1863).

(Съ подлинника, изъ бумать графа Д. П. Толстиго, сообщено И. С. Листовскима).

^{*)} Слышенъ сынь Намки (Фоят-деръ-Бринкенъ Фелькерзамъ), П. Б.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ

ВЪ "РУССКОМЪ АРХИВЪ"

1896 года*).

Абаза Въра Аг. Ц, 236. Абаза Мар. Ar. II, 236. Абамеленъ вняжна I, 287. Абасъ III, 131. Абасъ-Мирза III, 303. Абатуровъ Пав. II, 154. Абашишдзе князья III, 543. Абдула III, 130. Абдуллахъ Алхасовъ III, 128. Абдулъ-бекъ III, 543. Абдулъ-Неримъ III, 109, 110. Абдулъ-Рахманъ III, 128. Абдурахимъ III, 110. Абдурахманъ III, 110, 115, 118, 126, 127, 129, 130. Абихъ III, 542. Аблай-ханъ II, 5. Аболенскій I, 169. Абхазовъ кн. И. II, III, 543. Августинъ архіен. III, 297. 639. Августъ импер. III, 420. Аверинъ Артем. Ilв. I, 277. Аверинъ Осоктистъ Ив. I, 277. Аверніевъ Д. В. I, 623. Авигборъ банкиръ III, 300. Авраамій архіениск. Яроса. І, 213, 219. Авраамій о. 11, 330. Агалъ-ханъ III, 312.

Ададуровъ Ал-ти II, 458. Адальбертъ принцъ II, 558. Адамовичъ дъница II, 220. Аделунгъ О. II. II, 228, 285. Аджи-Али III, 131. Адиль-ханъ III, 543. Адлербергъ гр. А. В. III, 186. Адлербергъ гр. В. О. 1, 620, 622; II, 280; III, 45, 48, 528. Адлербергъ графиня М. В. II, 469. Адлербергъ Пякол. 1, 304, 391; III, 81 Адлербергъ Эдуардъ 11, 280. Адлербергъ Юл. Өедөр. II, 280. Адлербергъ графы I, 493, 495, 607. Адольфъ II-й II, 218. Азаревичева I. 501. Айвазовскій II, 600, 601. Айналъ-ханъ III, 312. Аитовъ III, 309. Анимова III, 237. Ансанова А. О. I. 480; II, 251; III, 43. Ансанова Въра Серг. I, 152, 153. Ансанова О. С. I, 150, 153. 155, 156, 158, 159. Ансановъ Гр. С. I, 150.

РУССВІЙ АРХИВЪ 1896.

Ансановъ IIв. Серг. I, 142-160, 227.

372, 377, 378, 387, 388, 472, 480; II,

611; III, 369, 402, 508.

^{*)} Римскою цифрою означены книги, Арабскою-страницы.

III. 41

Аксановъ К. С. 1, 142 — 160, 307, 309, 315, 316; III. 161, 162, 179, 369, 378, 398, 402, 508.

Аксаковъ Инкол. Ив. 1, 206.

Аксановъ С. Т. I, 142 — 160, 353, 502; III, 146, 346, 369, 384, 402.

Ансановы III, 239, 550.

Анутинъ II, 172, 173, 181.

Алботъ Юр. I, 176.

Алегретти I, 169, 183.

Алединская II, 315.

Алединскій II, 285.

Александра Александровна всл. кияжна III, 304.

Александра Іосифовна II, 447.

Александра Николаевна вед. киягиня I, 607—613; II, 553; III, 301.

Аленсандра Павловна вел. княжна I, 189; II, 280, 310, 314.

Александра Өеодоровна императрица I, 109 — 113, 134, 135, 139, 140, 241—256, 264, 267—269, 286, 306— 309, 376, 385, 436, 445, 605—613; II, 220, 230, 237, 239, 244, 245, 545, 549; III, 172, 205, 298—302, 551, 555, 560.

Алсксандровская I, 389.

Александровскій Пав. свящ. III, 216. Александровъ Ив. II, 374.

Александровъ Петръ II, 206,

Аленсандръ І-й Добрый, Молданск господарь III, 209.

Александръ I-й I, 51, 102, 124, 128, 200, 210, 249, 250, 252, 315, 327, 407, 415, 439, 443, 449, 454, 455, 458, 492, 495, 519, 526 — 528, 636; II, 129 — 131, 134, 135, 137, 245, 280—284, 290, 295, 314, 343—345, 347, 348, 350, 351, 353, 364, 379, 390, 391, 397, 408, 410, 457 — 520, 532, 554, 576, 585, 598, 604; III, 7, 8, 15, 21—24, 32, 142, 169, 179, 190, 198, 200—204, 209, 215, 542, 618.

Александръ II-й I, 110, 111, 220,

268, 336, 369, 375, 384, 391, 392, 401, 478, 604, 607 -613; II, 61, 72, 109, 239-245, 248-272, 295-298, 300, 430-452, 541-573, 597; III, 38-58, 60, 85-87, 110, 122, 124, 129, 154, 161-199, 208, 233, 250, 285, 300, 301, 304, 327, 333-336, 542, 543, 547-569, 599, 600, 604, 608.

Александръ III-й I. 257—265; II, 245, 254; III, 38, 40, 42, 44, 56—58. 304, 571, 605, 606, 611, 618, 620, 621, 626.

Александръ Невскій III, 243.

Аленсандръ принцъ Гессенск. II. 546, 550, 556, 557.

Алекстевъ II, 39.

Аленствевъ Л. С. I, 476, 643; П. 159. Аленсти Аленсандровичъ вед. князь П, 239, 243, 256, 443.

Аленсьй митр. Моск. III. 475.

Алексъй Михаиловичъ царь I, 8, 21, 101, 104, 106, 161,—186, 203, 276, 396, 398, 400, 475, 480, 561, 596, 629, 630, 635; II, 292, 584; III, 287, 344, 576.

Аленсъй Петровичъ царевичъ I, 23— 26, 101, 632, 637; III, 188.

Алеманъ II, 559.

Алехинъ III. 258.

Али-Бекъ III, 113.

Алибо I, 241.

Али-паша III, 256.

Алій III, 131.

Алмазъ Ивановъ I, 182, 185.

Алонинъ А. Я. 1, 536.

Амалія герцогиня Ольденбургская I, 254.

Амалія порозева І, 254.

Амвросій (Подобъдовъ) митр. Петерб. І, 432; ІІ, 489.

Амедей принцъ Аосток. И, 563.

Аминатъ III, 123.

Амфилохій архим. II, 475, 480, 500.

Амфилохій конахъ II, 189. Амфилохій о. II, 330. Ананьевскій II, 504. Анастасевичъ II, 607. Ангулемская герцогиня I, 437. Ангулемскій герцогь І, 437. Андреевъ III, 314. Андреевъ Филипъ I, 104,- 106. Андреевъ Як. I, 185. Андреевъ Өедоръ II, 9, 10. Андреянова III, 237, 238. Андріановъ генер. III, 569. Андро II, 261. Анисонъ-дю-Перронъ г-жа 1, 137. Аничковъ Адріанъ Осдор. II, 343, 347, 352, 366.

Анке Пикол. Вогд. III, 291.

Анкудиновъ Тимов. самозванецъ I, 629, 630.

Анна Іоанновна импер. 1, 101, 103, 630—633, 636; II, 27, 264; III, 176. Анна Леопольдовна правит. I, 631, 636, 645.

Анна Михаиловна великан кинжна I, 102, 104, 106, 396.

Анна Михаиловна царевна I, 561. Анна Павловна всл. ки. II, 280, 545, 548.

Анна Петровна герцогиня 1, 632— 634.

Анна Ягелловна III, 516, 517, 523, 524.

Анна Өеодоровна великая киягиня I, 537; II, 458.

Анненковъ III, 148, 149.

Анненковъ Н. Н. III, 48, 51, 52.

Аннибалъ II, 137.

Анплеева 1, 419.

Ансело г-жа I, 203.

Антоней Ерманулъ I, 176.

Антонелли кард. II, 570.

Антоній архии. 111, 296.

Антоній архіси. Смоленск. III, 377. Антоній митр. Петерб. I, 367. Антрегъ (д') графъ III, 607. Аплечеевъ I, 369, 371.

Аполлосъ I, 274.

Апони I, 191, 197.

Апраксина I, 372.

Апраксина Мароа Матв. I, 21.

Апраксинъ III, 560.

Апраксинъ Петръ Матв. 1, 25.

Апраксинъ Ст. Ст. II, 467.

Апрансинъ гр. С. О. III, 300.

Аптышевъ II, 170, 174, 175.

Араксъ Зах. Андр. III, 153, 160.

Аракчеевъ гр. А. Л. I, 208-210; II,

138, 285, 307, 308, 311, 312, 347,

Арапетовъ Ив. 11. 111, 189.

Араповъ І, 500.

Арбе III, 316.

Арбузовъ І, 232; П, 233.

Аргуновъ Пикол. II, 326, 495.

Аргутинскій-Долгоруковъ ки. III, 545, 546.

Арендтъ врачъ I, 493.

Аристова II, 9.

Аристовъ I, 474; III, 271.

Аристовъ Вас. II, 168.

Аристотель III, 418, 419.

Арманспергъ графъ І, 129.

Армфельдъ I, 309.

Аридтъ л.-мед. II, 240.

Арнимъ графъ I, 347.

Арно I, 174.

Арнольди I, 155.

Арнольди И. К. I, 279.

Арнольди Левъ Ив. I, 307, 366, 371.

Арнольди Ольга Ив. I, 372, 377. Арнсгафенъ I, 285.

A TT 1

Арсеній митроп. И, 146.

Арсеньева Елисав. Алексвевна 1, 196.

А(рсеньева) I, 228, 231, 235, 495; II, 285.

Арсеньевъ Дм. Оедос. I, 105.

Арсеньевъ Юр. Вас. 1, 161-186.

Арсеньевъ Оедос. Осип. I, 105.

Артемій дядька А. С. Хомякова III, 346, 354.

Артуа герцогъ II, 230. Архарова А. И. II, 224. Архарова Сефья Ив. 1, 305. Архаровъ Пикол. Петр. II. 496. Архаровы II, 224. Арыманъ Ilв. I, 176. Асенкова 1, 501. Аскоченскій I, 78, 79. Аскоченскій В. II. III. 638-640. Асламовъ III, 289. Аспермонтъ генер. I, 10. **Астафьевъ** Дм. 1, 181. Ауербахъ аптекарь II, 358. Ауцъ Вас. Кондрат. III, 33. Ауцъ Навя Кондрат. III, 32, 33. Ауцъ Татьяна III, 33. Ахвердовъ II, 285, 287. Ахлестышевъ II. Д. II, 604, 607.

Ахматовъ I, 391. Аванасій еписк. (Корчадовъ) I, 489. Аванасьевъ III, 62. Аванасьевъ Г. Л. III, 211.

Бабсть II. К. 1, 390; 11, 253, 432; III, 36, 304.

Баварскій принцъ I, 436.

Багговуть Юл. Осдор. II, 280.

Багратіонъ киязь П. Р. І, 562, 563; П, 603.

Багратіонъ-Мухранскій ки. III, 269, 635.

Багреева III, 179.

Бажановъ протопреснит. В. Б. II, 238, 246, 252; III, 60.

Бажановъ Мих. Георг. II, 610.

Базаровъ Ал-дръ Пв. 1, 328.

Базаровъ протојерей Іоаннъ I, 328— 350; II, 173.

Базинъ III, 244, 256, 258—260, 265, 270.

Байронъ Ш, 142.

Баклановъ Ш, 259, 260, 265, 268, 269, 590.

Банунина Павла Мих. 1, 360.

Бакунина Праск. Mux. I, 353-360.

Бакунинъ М. M. I, 359; II, 559, 560.

Бакунины I, 360; II, 224, 561.

Балабинъ 11, 546.

Балагаевъ Седрахъ II, 332.

Балашовъ А. Д. II, 347, 350, 351. III, 25, 169.

Балашовъ Конст. Михаил. III, 291.

Баліано г-жа I, 369.

Балкашинъ III, 305.

Балкъ I, 25.

Балугьянскій II, 285.

Бальзанъ І, 137.

Банинъ III, 326.

Бантышъ-Каменскій Д. Н. I, 21, 637. Бантышъ-Каменскій ІІ. Н. 1, 629---

637; II, 476.

Баранова гр. Анна Алексъевиа II, 224.

Баранова гр. 10. 0. 1, 220, 608—613. Барановичъ Лаврентій, епископъ Вятскій II, 27, 28.

Барановская Анна Ив. III, 228.

Барановскій I, 372, 379.

Барановъ гр. Эд. Тр. 1, 299, 306, 379; II, 239.

Барантъ баронъ І, 120-140, 197, 201, 241-256, 433-448, 609.

Баратынская O. A. II, 595, 596.

Баратынскій I, 287,

Баркгузенъ І, 204.

Барклай-де-Толли Ал-дра Ив. 11, 67.

Барклай-де-Толли I, 416; II, 405.

Барковъ IIв. Cem. 1, 207.

Бармальевы I, 548, 549.

Баронъ II, 108, 409.

Барсуковъ A. II. 1, 325, 496.

Барсуновъ Н. П. I, 322, 455; II, 610, 611, 615.

Бартенева Марыя Арс. 1, 308. Бартенева Ш, 568, Бартеневъ И. И. III; 401, 627. Бартеневъ Юр. Петр. П, 158, 456. Бартнянскій II, 811. Барчай Акосъ I, 174.

Барятинскій ки. А. П. І, 362, 392, 473; П, 232, 554; Ш, 102, 103, 105—107, 110, 113, 116, 126, 224—227, 249, 333—335, 542—544, 547, 550, 554—559, 562, 563.

Барятинскій кн. Анат. Ив. II, 541; III, 562.

Барятинскій кп. Влад. Анат. II, 541, 550, 554, 560, 565, 570; III, 52, 56.

Барятинскій кн. Ив. Оедор. I, 639. Барятинскій кн. О. Серг. II, 200.

Басинъ Вас. Степан. I, 559, 554; II, 49 51, 54, 58—62, 64—66, 75, 78, 81, 82.

Бассевичъ 1, 27.

Баташевъ 1, 414.

Баторій Стефанъ I, 634; Ш, 513-525.

Баторій Христоф. Ш, 521.

Батуринъ Вас. I, 635.

Батыршинъ Ш, 308.

Батюшкова Юл. Никол. 1, 375; II, 246. Батюшковъ К. И. I, 158; II, 222, 224, 234.

Батюшковъ Помп. Някол. 11, 224; П., 206-211.

Батюшновы 1, 379.

Бауманъ II, 292

Баумгартенъ Лл-Бії Егор. III, 244— 246, 260, 263.

Бахметева I, 287.

Бахметевъ II, 9.

Бахметевъ Инкол. Инкол. 11, 184.

Бахметевъ Петръ Владим. 1, 587.

Бахтинъ 1, 367.

Баху-Меседъ III, 110.

Бацитовы III, 33.

Бацъ Петръ III, 25, 33.

Баякинъ Яв. Андр. Ш, 95, 97.

Бебутовъ ки. Вас. Осви. III, 249.

Беверлей лейбъ-медикъ II, 236.

Беверлей Эмилія II, 236.

Безанъ Ал-аръ Павл. II, 444; III, 241, 243.

Безбородко гр. А. А. II, 198, 200, 201, 212, 307,

Безносиковъ І, 295.

Безобразовъ Ал-дръ Мих. I, 208— 210, 302; II, 153--155.

Бейнъ Караписк. раввивъ Ш, 66.

Бейстъ гр. II, 544.

Бекстова Праск. Петр. 1, 193.

Бекетовъ Шлат. Петр. 1, 450.

Бенетовъ Осдоръ II, 154.

Беклешовъ Аз-дръ Андр. II, 496, 499, 500.

Бекъ III, 168, 170.

Белльвиллеръ-Голынская 1, 602.

Бемовъ Пакол. П. 338.

Бемъ Накол. Пакит. 1, 367; II, 492, 504, 505.

Бенардани III, 177.

Бенецкая E. A. II, 220.

Бенигсенъ графъ 1, 187, 488; Ш, 193.

Беницкій 1. 422.

Бенкендорфъ графиия I, 190, 191, 195, 197; II, 234.

Бенкендорфъ гр. А. Х. I, 113—115, 255, 298, 301, 493—495; II, 576—594; III, 146.

Бергъ Антоній III, 32, 165, 552, 553. Бержинская гр. Октавія II, 220; III, 54.

Бернадотъ I, 607.

Бернаръ Сара II, 112.

Берновъ IIв. IIв. II, 571, 572.

Беррійская герцогиня 1, 437.

Бертье II, 374.

Бессараба Мато. I, 162-166, 179.

Бессерь І, 87, 88.

Бестужева Праск. Mnx. III, 387, 391.

Бестужевъ (Марапнекій) III, 632.

Бестунсвъ-Рюминъ Ал-Бй Дм. (За-писки) II, 341-402.

Бестужевъ-Рюминъ К. Н. II, 540. Бестужевы 1, 501, 631. Беттихеръ І, 519, 520, 631; ІЦ, б. Бехли Ал-дра Ром. II, 220. Бибининская Наст. Ив. 1, 639. Бибинова Ал-дра Ив. II, 67. Бибикова Елена Павл. 1, 362. Бибиковъ А. М. II, 39. Бибиновъ Дм. Г. I, 222. Бибиковъ Дм. Дм. II, 237. Бибиковъ Илья Гавр. 1, 363, 373, 375-379. Бибиковъ Мих. Дм. I, 221, 230. Бибиковъ Петръ Серг. 111, 594. Бибиковъ Серг. "(м. 11, 237. Бибиковы I, 303; II, 67; III, 568. Бижеичъ Сем. Агаеон. 1, 517. Бильдерлингъ II, 462. Бинелонъ Жакъ-Пьеръ III, 32. Бинеманъ-фонъ-Биненштамъ II, 232. Биньонъ III, 6. Бирибекъ И. В. 1, 588, 596 - 598. Биронъ регенть I, 636; II, 264; Ш, 599. Бирюлевъ II. A. II, 564. Бистромъ I, 283. Блакасъ герцогъ I, 437. Бланки III. 375. Бликсъ II, 569. Блудова Анна Андр. II, 196, 509. Блудова гр. А. Д. I, 148, 480; II, 223, 234; III, 377, 392, 562, 563. Блудова Лидія Дм. II, 223, 234.

Блудовъ гр. Дм. Н. 1, 148, 197, 303, 308, 429, 495; П, 221, 234, 509, 589; П, 164—166, 182, 183. Блюмъ дейбъ-медикъ Ш, 242. Бо П, 541. Боборынинъ П, 158. Бобринская гр. Анна Влад. П, 358. Бобринскіе графы 1, 297, 338; П, 568. Бобринскій гр. Ла-Ей Григ. П, 358, 359, 379, 384, 394.

Бобринскій гр. Вас. Алексвев. 1, 236. 237. Бобровъ актеръ I, 429, 431. Бобровъ Е. II. I, 500. Богатенко Инкиф. II, 180. Богачевъ 1, 81. Богдановъ А. II. II, 606; III, 8. Боголюбовъ А. II. II, 435, 449; Ш, 286. Богомолова Евдок. 1, 276. Богомолова Марія І, 276. Богомоловъ Ал-ви Вас. 1, 276. Богомоловъ Вас. 1, 276. Богословскій II. В. врачь II, 56. Богоявленскій Евген. свящ. 1, 472. Богуславскій III, 126, 280. Бодянскій О. М. І, 450, 478; П, 127, 610, 611. Божидаровичъ Веселигскій II. II. II., Бойеръ I, 196. Бойкой Ив. III, 147. Бокъ (фонъ) Георг. Тимов. II, 244, 255. Болговской 1, 199. Болдановъ И. М. I, 479. Болле II, 543. Болотинъ Л. II, 595. Болотовъ Мих. Павл. 1, 236, 237. Бомарше I, 625. Бордосскій герцогь 1, 253, 437. Борецкій I, 501. Борисовичъ Ш, 323. Борисовъ Иннокситій, архіси. Харьк. 1, 359. Борисовъ II, 28, 31, 32. Борисъ наследный князь Болгарскій III, 622. Бородинъ М. Т. II, 361; III, 324, 593. Бороздина III, 237. Борхъ графиня I, 295; II, 270, 271. Борхъ І, 191. Боске III, 196.

Ботановъ Оедоръ 1, 275.

Ботта I, 637. Бранденбургскій курфярсть II, 344. Бранденбургъ - Шветскій маркграфъ I, 631. Брандть II, 38. Браницкая гр. Ал-дра Вас. I, 191, 197, 198; III, 211. Браницкіе II, 99. Брезе-Лепине I, 198. Бренна II, 459, 460. Брессанъ 1, 448. Брикнеръ Л. І, 319, 476-- 478, 643; III, 275, 281, 513. Бриммеръ Э. В. Ш, 245, 256, 271, 272, 536-542, 632. Бринкенъ II, 262. Бринкенъ фонъ-деръ, джвина Ш. 640. Брогліо графиня І, 195. Брокеръ Ад. Оом. II, 346. Брокъ П. O. II, 88, 90, 93, 102, 109; Ш; 197. Брольи (де) герцогъ I, 120-127. 247. Броунъ (фонъ) гр. Ег. Ег. II, 173. Бругманъ 1, 630. Бруни III, 32s. Бруновъ баропъ Ш, 54. Брутъ III, 420. Брюло Карав I, 602. Брюненисъ г-жа I, 522. Брюсъ гр. Я. А. И. 192, 193, Брянская I, 501. Брянскій актеръ І. 429. Брянскій Як. Григ. І, 500. Буавенъ аббатъ Ш, 344. Бугайсній Мих. Вас. Ш., 148. Будбергъ баронесса Анна Ром. II, 220. Будбергъ баронъ А. О. I, 347; II, 542, 545; III, 306, 593. Буднинъ Вас. Осин. И, 62. Бунананъ II, 219. Булатовъ II, 193, 337.

Булганова Марья Конст. Ш, 204.

Булганова Пат. Вас. I, 56.

Булгановъ А. Я. І, 52, 53, 56, 57, 60, 205; III, 204. Булгановъ К. Я. III, 200-204. 560, Булгановъ Як. Пв. П. 498; Ш. 204. Булгановы 1, 159, 190, 422; 8Ш, 23. Булгакъ митр. І, 197. Булгари графиня І, 359. Булгаринъ 0. В. І, 112, 113, 119; II, 574, 575; III, 100. Булыгинъ III, 366. Булычовъ III, 258. Бунге Ал-дръ Андр. II, 221. Бунге П. Х. П. 253. Бунге Ө. А. П. 218, 221. Буоль I, 334. Бурачекъ С. І, 353. Бурдаевъ II, 361. Буренинъ Павл. Кондр. 1, 275. Бурцевъ III, 189, 234. Бурчи врачъ III, 37, 39, 40. Буслаевъ О. И. І, 320; П, 253, 256, 442, 610; III, 36, 135, 137. Бутеневъ А. II. I, 131; II, 221; III, 595. Бутковъ І, 299, 300, 370. Буттой III, 130. Буттера княгиня III, 301. Бутурлина игуменья Варсонофія І, 107. Бутурлина гр. Ек. Борис. I, 403. Бутурлина гр. Елис. Петр. III, 607. Бутурлинъ Ал-Бй Петр. I, 212. Бутурлинъ гр. Ив. Ив. 1, 26, 27. Бутурлинъ Ив. Мих. 1, 571. Бутурлины 1, 109, 287; П, 232, 570. Бутурловъ II, 372. Бухаринъ II, 350. Бухмейеръ II, 109. Бучинская I, 379. Бушене III, 5. Бушень Шарль-Жозефъ III, 32. Буэ III, 375. Бъдаревъ 1, 213. Бѣлинскій В. Г. I, 315; III, 369. Бъловъ Е. А. I, 475.

Бълозоровъ III, 590.

Бѣлонуровъ С. А. I, 165, 629, 630, 634, 635, 637.

Бѣлосельская вингиня Елена Павл. I, 302, 362; III, 547, 549.

Бъляева Авдотъя II, 202, 203, 205. Бъляевъ Вас. Алекстев. III, 233.

Бъляевъ Геннад. I, 106.

Бъляевъ Петръ I, 482, 485.

Бъляевъ II, 159.

Бълякинъ Кононъ II, 10.

Бюлеръ баронъ О. А. 629.

Бюлеръ г-жа I, 389.

Вагнеръ Ш, 155, 247.

Вадновскій I, 362.

Ваканкинъ II, 497.

Вали-ага III, 308.

Вали-Кицъ Ш, 110.

Валевскій гр. III, 548, 549.

Балуева Марья Петр. I, 290, 304.

Валуевъ Дм. Ал. I, 597; III, 304 — 369, 371, 388, 402.

Валуевъ П. А. Ш, 640.

Валуевъ II. С. II, 321.

Валуевы I, 302, 304; Ш, 559, 636.

Вальберхова І, 501.

Вальденбургъ графъ Ш, 26.

Вальдбургъ-Трухсесъ Ш, 25.

Вальдгеймъ Ш, 5.

Вальтеръ II, 267.

Вальтеръ Скотъ Ш, 141.

Валюзіо Янъ III, 26.

Варламъ Марія Конст. III, 204.

Варсанофій архим. І, 65.

Варсонофій старець (Явимовъ) І, 572.

Вареоломей архим. I, 105.

Василій ІІІ-й І, 629.

Василій Іоанновичъ вел. князь Московскій II, 608.

Васильева Ш, 237,

Васильевъ гр. Ал-йй Ив. I, 407, 408; II, 10, 313—315. Васильевъ Іосифъ І, 325.

Васильевы I, 494; Ш, 237.

Васильевскій В. Г. Ш, 281.

Васильно Константиновичъ князь Ростовскій III, 593.

Васильченко Ег. Лукьяп. 1, 586.

Васильчикова Анна Алекстевна II, 224.

Васильчикова А. И. II, 224.

Васильчикова Ек. Ал. II, 224.

Васильчикова Т. І, 308.

Васильчиковъ А. А. I, 451, 453, 481; II, 285.

Васильчиковъ кн. Викт. Пллар. Ш, 83. Васильчиковъ кн. Иллар. Вас. I, 439,

441.

Васильчиковы I, 306, 364; II, 561, 602; III, 550.

Вассенеръ-де-Катвигъ II, 548.

Ватазина А. II, 6.

Вахю врачъ III, 44.

Вашингтонъ I, 607.

Веймарнъ I, 311.

вейсъ II, 228.

Великановъ Ш. 16. 18. 19, 22.

Величнинъ 1, 501.

Велланскій Д. М. І, 317, 318.

Велькеръ Ш, 6.

Вельцинъ II, 541.

Вельяминовъ А. А. Ш, 536, 538, 540.

Веневетинова Аполина Мих. II, 411.

Веневитинова Соф. Владии. II, 410.

Веневитиновъ А. В. I, 320; II. 411; III, 345—347, 377.

Веневитиновъ Дм. Влад. II, 410; III,

345—347, 352, 356.

Веневитиновы I, 300, 305, 307, 462. Венелинъ Юр. I, 230; III, 388, 636.

Веніаминъ архіеп. II, 168.

Вердеревскій III, 107.

Веревнинъ Ал-тій Петр. II, 38, 40, 41.

Веревнинъ Никол. Александр. I, 97— 99.

Веревнинъ Някол. Някот. 1, 99, 232. Верещагинъ В. В. I, 257—265. Верещагинъ купецъ II, 344, 345, 346, 360, 361, 364.

Верещагинъ Лукьянъ І, 636.

Вержбицкій Ш, 93.

Вержбовскій Ш., 513.

Верзилина Над. Петр. Ш, 222.

Верзилина Эмилія Александр. III, 222. Веригина III, 594.

Веригинъ III, 324.

Верне Горасъ I, 244, 246.

Вернеръ III, 234.

Взюбель Ш, 30.

Вигель Фланипъ Лаврент. I, 482, 485. Вигель Ф. Ф. I, 353, 430; II, 220;

Щ, 215.

Виклеръ Антонъ III, 32.

Викторія королева І, 434; ІІ, 289.

Викторовъ Иякан. Er. II, 88.

Винторъ-Эммануилъ I, 436; II, 562; III, 300.

Виландъ I, 205.

Вилёль I, 200.

Вилинскій Степ. 11, 154.

Виліамсъ III, 267.

Вилламовъ Гр. Ив. II, 226, 229, 501.

Виллардо 1, 20-28.

Вилліе II, 237, 465.

Вильгельмъ І-й І, 260.

Вильгельмъ III-й I, 257-265.

Вильгельмъ принцъ І, 134.

Вильменъ 1, 202.

Вине І, 592.

Виніусъ II, 188.

Виноградовъ Ал-вії свящ. І, 472.

Виноградовъ Н. А. II, 607.

Винтеръ Ив. Пв. 1, 267.

Винценгероде баронъ II, 379; III, 317.

Виртембергскій принцъ І, 307, 606.

Витбергъ Ф. I, 19.

Витвортъ дордъ III, 599.

Витгенштейнъ гр. Ц. Хр. І, 416, 525;

II, 405; III, 25.

Витовтовъ Ал-ъй Григ. I, 561.

Витть берейторъ II, 318.

III. 42

Виттъ Христіанъ Як. врачъ II, 55. Виттъ I, 284.

Витушинская Магдалина Петр. 1, 49.

Вихаревъ Кононъ II, 147-153.

Віанелли художи. II, 567.

Віардо І, 302.

Віельгорская гр. Аполина Мих. I, 363; II, 411.

Віельгорская гр. Соф. Мях. І, 462.

Віельгорскіе гр. І, 298, 305, 308, 310, 365, 381, 495, 608—613; II, 458; III, 322, 323.

Віельгорскій гр. Матк. Юр. II, 411, 547, 549.

Віельгорскій гр. Мих. Юр. I, 296, 307. 462; II, 229, 411.

Віельгорскій гр. Юр. Мях. II, 306, 316, 317, 320, 323, 325, 326.

Віельгорскій-Матюшкинъ гр. Ш, 82, 83.

Владимирскій Ө. свящ. І, 471, 472.

Владимировъ А. II. II, 160.

Владимиръ Александровичъ вез. князь II, 246, 255, 443, 605; III, 38.

Владимиръ св. Ш. 470.

Власовичъ князь І, 192.

Внуновъ Ал-дръ I, 207; II, 318.

Водопьянова Мареа Ивкол. III, 213.

Водопьяновъ Николай Матв. III, 213. 255.

Воейнова Варв. Владим. 1, 584.

Воейновъ Ал-дръ Оедор. Ш., 193.

Воейновъ И. Вас. 1, 581, 586.

Воейновы І, 112, 113, 287; ІІ, 225.

Военскій К. Ш. 287.

Вознова Софья Петр. I. 539, 540, 543, 544, 547-549.

Возновъ Петръ Ив. 1, 539, 543, 544.

Воиновъ Ал-дръ II, 154.

Воиновъ Петръ Александр. 1, 524.

Войцеховичъ Ал-Бй Ив. И., 597.

Войцеховскій Ш, 280.

Волновъ Ал-дръ Александр. II, 341.

Волковъ Григ. І, 636.

РЕССВІЙ АРКИВЪ 1896.

Волновъ Ди. Вас. 11, 8.

Волковъ Пикол. Аполон. Ш. 177.

Волковъ Серг. 1, 298, 299, 300, 305.

Волковъ Ш, 316.

Волнодавъ намеръ-фурьеръ II, 313.

Волконская кияжна Анна Алексћевиа II, 235.

Волконская княгиня Варк. Алексћевна И., 471.

Волконская вняжна Елисав. Петр. II, 328.

Волнонская княгиня 3. А. I, 290, 320; Ш. 637.

Волнонская Максимила Ив. I, 107. Волнонская кияг. Соф. Григ. II, 224. Волнонскіе киязья І. 191, 247, 445;

II. 247; III, 102, 287.

Волконскій кн. Григ. Конст. І, 571. Волконскій вн. Гр. Петр. ІІ, 234.

Волнонскій кн. Г. С. III, 7, 9, 10, 12, 23—25, 27.

Волконскій кн. Дм. Петр. II, 234. Волконскій кн. Мих. Серг. II, 213. Волконскій ки. Мих. Петр. I, 571; II, 479.

Волконскій вп. П. Гр. II, 471. Волконскій вн. П. М. І, 604; П, 224, 234.

Волохова II, 110, 112. Волоцной III, 246, 247, 632, 633. Волошенко Андр. II, 180. Волчковъ Филар. Фадћев. I, 105. Вольфъ I, 303; II, 68, 69, 71, 285. Воробъева-Сосницкая Е. Я. I, 501. Воробъевъ Андр. II, 173, 361, 369,

370. Воронецкій Як. Збарата Ш, 513, 518. Воронцова гр. Анна Карл. I, 26.

Воронцова кн. М. В. П. 598; П. 187, 548, 549.

Воронцовъ гр. А. Р. П. 484, 495, 496, 598.

Воронцовъ внязь - графъ Шуваловъ Мих. Андр. II, 598. Воронцовъ гр. М. Л. І. 631: II, 598. Воронцовъ ки. М. С. І. 125, 126, 131' 267, 311—313; II, 47, 48, 62, 89, 134, 598; III, 62, 146, 147, 150, 153, 156, 157, 164, 165, 220, 227, 228, 241, 253, 303, 542, 630, 632, 634.

Воронцовъ вн. С. М. II, 598; III, 187. Воронцовъ гр. С. Р. I, 22; II, 281, 469, 598.

Воронцовъ-Дашновъ гр. II, 550. Воронцовы князъя II, 554; III, 332. Воротынская княгиня Марія Петрокна I. 398.

Воротынскіе князья III, 598. Воротынскій вн. Ал-Бй Пв. I, 398. Воротынскій вн. Ив. Мях. I, 398. Воскресенскій Владии. Ив. III, 93. Врангель баровъ А. Е. III, 102—108, 114, 149, 248, 634.

Вратиславъ гр. I, 319, 477, 478, 643—645.

Вронченко гр. 0. П. П. 48, 73. 77—79, 81—86, 88, 94.

Вульфъ II, 38.

Вяземская княгиня В. О. I, 306, 308, 310, 375; III, 208, 562, 563.

Вяземская княгиям Елена Пикит. II, 316.

Вяземская княжна Марья Петр. I, 290. Вяземская княжна Над. Петр. I, 290. Вяземская княжна Праск. Петр. I, 290. Вяземскіе князья I, 195, 287, 310, 367; II, 198; III, 608.

Вяземскій кн. А. А. I, 531; II, 173. Вяземскій кн. Л. Д. II,604.

Вяземскій кн. Никол. II, 458.

Вяземскій вн. П. І. 298, 306, 300, Вяземскій вн. П. А. І, 51, 140, 141, 286, 288—291, 298, 302, 304, 306, 307, 309, 352, 361, 362, 364—366, 369, 376—378, 389, 391, 508; П, 143, 243, 295, 610; ПІ, 49, 51, 141, 145, 159, 172, 173, 198, 204—208, 550, 554, 562, 563.

Вязмитиновъ С. К. I, 489; II, 315; III, 6, 10, 12, 23—25.

Вятна Өеодосів (архим.) I, 579. Вячеславъ великій князь I, 100.

Габбе II, 134.

Гавриловъ свящ. І, 491.

Гагарина кияжна Въра Оедор. III, 208.

Гагарина княжна Люб. Осдор. III, 208.

Гагарина княгиня Праск. Юр. I, 306. Гагаринъ кн. Г. II. II, 332, 479.

Гагаринъ кн. Ив. II, 458.

Гагаринъ кн. C. C. II, 311.

Гагарины киязья 1, 644; 111, 556, 557.

Гази-Магометъ III, 123, 124.

Галахова I, 287.

Галаховъ Л. Д. I, 203; II, 540.

Галичъ I, 317, 318.

Галкинъ-Враской М. II. III, 640.

Галкинъ Петръ I, 561.

Гальтерманъ III, 289.

Гамалей I, 371.

Гамильтонъ фрейлина I, 384.

Ганка В. В. II, 127, 128; III, 367.

Ганнибалъ III, 478.

Ганскіе I, 379.

Ганъ барочесса III, 539.

Ганъ баронъ I, 191; III, 539.

Гарибальди II, 571.

Гарринъ актеръ 1, 429.

Гартманъ врачъ III, 37.

Гарція І. 298.

Гаршинъ E. I, 351.

Гассанъ-Гуссейнъ-Ссидъ-Гамзадъ III, 130.

Гатцукъ А. А. 1, 97.

Гауке графиня Юлія II, 556.

Гацискій II, 607.

Гваренги 11, 499.

Ге художивкъ II, 567.

Гегель I, 315; III, 451, 452.

Гедвига-Элеонора кородева I, 161,

Гедеоновъ I, 363; II, 546; III, 280, 281.

Гедеонъ митр. Сучавскій I, 167, 170, 178, 179.

Гедувиль гр. Габр. Теодоръ 1осифъ II, 484.

Гейдельбергъ врачъ II, 55.

Гейденъ гр. I, 608, 609.

Гейне I, 452.

Гейнсонъ І, 636.

Генернъ I, 268.

Геккеръ II, 68.

Гельвигъ Розадія 111, 16, 17.

Гельфрейхъ II, 237.

Генрихъ принцъ II, 546.

Георгій Михайловичъ всл. князь II, 438, 447.

Георгій Черный III, 345.

Гераковъ I, 517.

Герасимовъ II, 320, 460.

Герасимъ архим. П. 334.

Герасимъ іеремон. I, 75, III, 69.

Гербаневскій II, 98.

Гербель І, 279.

Гербиній 1, 204.

Гёргій І, 367, 368.

Гёргица Стефанъ-Георгій I, 161-186.

Герень III, 5, 6.

Гермогенъ патр. 1, 571.

Герольдъ III, 28.

Геронанъ II, 317.

Герсдорфъ І, 303.

Гертценбергъ III, 7.

Герценъ А. И. I, 389, 390, 646; П,

569; III, 180, 181, 369, 502, **5**03.

Гёте І, 205; ІІ, 461; ІІІ, 141.

Гиваръ музыкантъ II, 473.

Гигенботъ Англичанка I, 610.

Гизель Иннокентій архим. 1, 186.

Гизо I, 366; III, 143.

Гина Григ. III, 212.

Гина княжна I, 195.

Гильдебрантъ дѣвица II, 219, 221. Гильдебрантъ III, 289, 513.

Гильденштубе I, 83, 92—95; II, 114, 120, 122, 304.

Гильфердингъ А. Ө. III, 372, 401. Гильхристъ I, 191.

Гиляровъ-Платоновъ Н. II. I, 315, 316, 480, 645; III, 390, 502, 503. Гинтеръ гр. I, 379.

Гиринъ Гавр. Петр. П, 361, 362, 369. Гирсъ Н. К. I, 346; III, 610, 623, 626-Гіо-Габріель III, 28—31.

Глаголевъ Андр. Гавр. III, 346. Глини Владим. Георг. I, 586.

Глинка Авд. Павл. 1, 450, 11, 606.

Глинка θ . H. II, 224, 285 — 287, 603, 606.

Гльбовь I, 85, 86.

Гитдичъ Н. И. I, 112, 159, 266 — 269, 501; II, 222, 223, 225.

Гобино графъ II, 595.

Гогель I, 279.

Гогенгольцъ І, 643, 644.

Гогенштейнъ - Витгенштейнъ графъ I, 632.

Гоголь Едисав. Вас. I, 153. Гоголь Марья Ив. 1, 152.

Гоголь II. В. I, 142, 144, 145, 150— 156, 158, 297, 305, 307, 310, 314, 315, 361—367, 377, 378, 463, 603; II, 244—247, 254; III, 356, 369, 372, 377, 378, 388, 402, 489, 493, 637.

Годунова Ксенія (въ пночествъ Ольга) Ворисовна III, 297.

Годунова Марыя Григ. III, 297.

Годуновъ Борисъ, 1, 479, 629, 635; 111, 240, 297.

Годуновъ Өедөръ Борис. III, 297. Годфруа III, 6-12.

Голенищева-Кутузова Авдотья Шава. I, 450.

Голенищевъ Кутузовъ-Смоленсній ки. Мвх. Палар. 1, 422, 450—452; II, 132, 339. Голенищевъ - Кутузовъ II ав. Вас. III, 169, 170.

Голенищевъ - Кутузовъ Пав. Пв. I, 450—455.

Голицына княжив Алвиа Александр. U, 224.

Голицына княгиня А. В. III, 300. Голицына княгиня Александра Іосиф. I, 587.

Голицына кн. Н. И. II, 224.

Голицына княгиня Праск. Никол. III, 220.

Голицына княжна Тат. Серг. II, 191. Голицынъ кн. Ал—дръ Мих. II, 192, 198, 208, 209, 327.

Голицынъ кв. Ал-дръ Некол. I, 36, 203; II, 191, 237, 295; III, 169, 172, 241—244, 560, 633.

Голицынъ ки. Ал-дръ Оедор. II, 224. Голицынъ ки. Б. А. I, 308, 475.

Голицынъ кн. Валер. Мвх. 1, 36, 222. Голицынъ кв. Вас. Вас. I, 475, 555, 571.

Голицынъ кн. Владим. Мях. I, 306, 582.

Голицынъ кн. Влад. Серг. 11I, 213 — 218, 632.

Голицынъ кн. Д. В. I, 51.

Голицынъ кн. Дм. Мих. II, 209.

Голицынъ вн. Егоръ II, 458.

Голицынъ кн. Мих. Никол. 1, 36—40, 43, 190; II, 148, 152, 153; III, 557, 558, 566.

Голицынъ кн. Петръ Адексъев. 1, 635. Голицынъ кн. Т. М. II, 22, 24, 37. Голицынъ кн. Серг. Григ. I, 303. Голицынъ кн. С. М. I, 285, 286; II.

Голицынъ кн. Серг. Павл. I, 336, 338.

278.

Голицыны князьл I, 191, 196, 302, 369, 371, 608; II, 219, 562, 589; III, 239, 552, 553, 574.

Голія Іоаннъ логофеть ІІІ 209-212.

Головачевъ Дм. Зах, П, 549, 550, 553, 555, 556.

Головина I, 363, 632.

Головинскій II, 185.

Головинъ графъ Никол. 1, 22, 632.

Головкинъ гр. Ал-дръ III, 599.

Головкинъ Ефстафій (келарь) І, 572.

Головкинъ гр. 0. I, 196.

Головкины 1, 302, 476.

Головнинъ А. В. I, 390; II, 543; III, 333.

Головцынъ Герас. I, 635; II, 307. Головщиновъ К. Д. II, 154.

Головъ 11, 40.

Голохвастова Варв. Осд. 11, 479.

Голохвастовъ Ив. Ив. II, 327.

Голубева Анна Ив. 1, 405-409, 412, 419, 420, 547, 550.

Голубева М. П. 11, 55, 56,

Голубева Нат. Гавр. 1, 404.

Голубева Праск. Семен. 1, 403, 404.

Голубева Соф. Петр. 1, 539, 540, 543, 544, 547 — 552; II, 55, 66, 67,

102.

Голубевъ Г. II. II, 56.

Голубевъ Гавр. Ром. 1, 402 - 404.

Голубевъ Ив. Гавр. 1, 404, 405.

Голубевъ Н. П. 11. 56, 67

Голубевъ Петръ Ив. 1, 402 - 432,

513 -554; II, 47-109, 403.

Голубевъ Романъ 1, 402.

Голубинскій Е. III, 296.

Голубновъ Серг. Семен. 1, 586.

Голубцовъ Өедоръ Александр. 1, 409.

Голубятниковъ Г, 82, 83.

Голуховскій гр. Ш, 618, 620, 628.

Голштинскій принцъ I, 26, 27, 633;

II, 160.

Гольбейнъ III, 492.

Голькербукъ III, 29.

Гоманъ 1, 197.

Гомъ аббатъ 1, 382.

Гонзаго II, 204, 205.

Гончарова Ек. Никол. 1, 279.

Гончаровъ Н. Л. III, 36.

Горбуновъ И. Ө. І, 206, 619, 628.

Горданъ II, 230.

Гордонъ дордъ 1, 191.

Гореглядъ Ек. Ос. 11, 230.

Горихвостовъ Григ. Ив. 1, 321, 324, 325, 395, 519.

Горнъ графъ 1, 9, 629.

Городецкая 1, 493, 495.

Городецкій М. И. III, 209.

Горскій Вас. Никит. 1, 559.

Горствинъ Ив. Никол. III, 313.

Горчанова вингиня М. А. Г, 328, 330, 331, 345.

Горчановъ кн. Ал—дръ Мих. 1, 328—350; III, 163, 175—177, 186, 194—196, 545, 548, 549, 552, 553, 555, 556, 600, 604, 616.

Горчаковъ ки. Ла-тій IIв. 1, 564.

Горчановъ кн. Вас. III, 224.

Горчановъ кн. Конст. Александр. 1, 330, 331, 348.

Горчановъ ки. Мих. Александр. I, 330, 332, 334, 340, 342, 347, 349.

Горчановъ вн. Петръ Дм. 1, 292.

Горчановы ниявья 1, 390, 437; 11, 252, 407, 542, 599; III, 25, 79, 85, 213, 224—227, 305, 333, 335.

Горшельтъ III, 107.

Горянновъ 1, 39, 40, 46.

Гофманъ Андр. Логгин. Ш, 153.

Гошенъ III, 617, 619.

Граббе гр. П. Хр. П, 238; П, 215,

446-448, 571.

Грабовскій гр. 1, 446.

Граве Антонъ II, 311.

Градовскій 1, 476.

Граматинъ 1, 422.

Грамовъ Исай III, 106, 112, 116, 118. Грановскій Т. Н. III, 235, 295, 369,

388, 503.

Граффъ 11, 219.

Грей зеди П. 554.

Гренъ Ш. 6.

Грелье Робертъ 1, 561. Гренвиль III, 192. Гречнинъ Матв. I, 537-540. Гречъ Н. И. І, 112, 422; П, 127, 293; III, 160, 555. Гриботдова Наст. Ив. Ш., 342. Гриботдовъ А. С. I, 314, 501; III, 245, 342, 345. Гривцовъ Вас. Павл. Ш, 233. Григорій архіен. Казанск. Ш., 377. Григорій архіен. Тверск. 11, 275. Григорій XIII-й папа III, 513, 514, 517, 522, 525. Григоровичъ II, 610. Григорьевъ Ив. 1, 164, 165; 11, 94, 102, 106. Гриммъ А. (). 11, 251, 270, 278, 461, 569. Грозновъ II, 43. Громовъ С. 1, 210, 211. Гронскій II, 241, 242. Гротъ Альфр. Өедор. 11, 148. Гротъ К. Я. Ш. 280. Гротъ Я. К. 11, 246; Ш, 36. Грудева Мареа Мих. I, 638. Грудева Наст. Ив. I, 639. Грудевъ Владии. Ив. I, 638. Грудевъ Г. Вл. I, 638-640. Грузинскій кп. III, 225—227. Грузинскій Ал-дръ, царевичь 543. Губановъ Вас. II. 26, 29, 30, 32—38-Губастовъ К. Л. III, 608. Губинъ Богд. 1, 276. Губинъ Вас. Богд. 1, 276. Гугертъ врачъ 1, 195, 331. Гудето графъ І, 248. Гудовичъ графиня А. В. III, 300. Гудовичъ гр. Ив. Вас. И, 341, 343. Гульельми 11, 335. ... Гумаликъ 1, 369, 372, 389. Гумановъ II, 126.

Гумбертъ король Ит. П, 561, 562,

Гумбольдтъ III, 141, 306.

Гуриловъ П, 368, 372. Гурій іеромонахъ І, 61. Гурко - Ромейко-Друцкая-Соколинская княжна Ев. Петр. II, 23%. Гуровская графиня Цецилія Владислав. Ш, 302. Гурьевъ гр. А. Д. Ш, 185, 335, 336. Гурьевъ гр. Д. А. I, 520, 523, 524, 527-530, 540; II, 403. Гурьевы графы I, 422, 427; II, 136; III. 7. Гусановъ III, 61. Гусей-Разумовъ III, 110, 115, 118, 129. Tyce III, 288. Густавъ-Адольфъ II, 217. Густавъ III-й II, 485. Густавъ IV-й I, 189. Густавъ принцъ Шведскій П, 188. Гусьновъ - Виноградскій актеръ П, 583--588. Гутаковскій III, 13. Гутмансталь Марья Егор. 1, 266. Гущинъ купецъ Ш, 71. Гэ Вильямъ III, 306. Гюго І, 194. Гюлуенъ 1, 293. Гюммель II, 331. Гюонъ врачъ III, 626. Давришевъ Никол. Ив. Ш, 233. Давыдова Елена Евдовии. II, 185. Давыдовъ Д. В. II, 185.

Гундуръ І, 69.

Давыдова Едена Евдовим. II, 185. Давыдовъ Д. В. II, 185. Давыдовъ И. И. I, 318; II, 610. Давыдовъ кн. Серг. Ив. I, 369, 370. Давыдовы I, 298, 301, 371; II, 602. Давыятовъ Ив. Як. III, 239. Дагмаръ принцеса II, 548 — 573; III, 38, 44. Дадіанъ кн. II, 448; III, 539. Далласъ врачъ III, 73, 74. Даммертъ I, 338. Дамто принць Абисинскій III, 622. Данзасъ I, 300, 305, 309, 368; Ш, 236.

Данилевичъ В. Е. I. 646.

Даниловъ Емельянъ I, 102.

Даниловъ IIв. II, 181.

Даніель-бекъ Ш, 104, 110, 113---

Даніилъ князь Моск. Ш. 474.

Дантесъ баронъ I, 279, 448.

Данцигскій герцогъ II, 376.

Дараганъ I. 232.

Дараганъ Евгенія I. 232.

Дашнова княгиня Ек. Ром I, 440; II, 281, 487, 499; III, 178, 606.

Дашкова Наст. Мях. II, 185.

Дивлетъ-Кильдеева княгиня III, 301,

Девьеръ графъ I, 27.

Дегай Ал-дръ Павл. I, 581.

Дежерандо I, 192.

Дейтрихъ Ек. Ром. II, 220.

Декалонгъ II, 45, 46, 161—163, 167.

Де-Клеръ Ш, 27, 28.

Делиль I, 309.

Делориъ-де-Девилль II, 371, 373, 378, 382.

Дельвигъ баронъ I, 112.

Деляновъ I, 368.

Деманно Ш. 594.

Демаринъ II, 14, 15, 19, 20, 22—24, 26.

Демидова Авр. Кара. I, 304, 306, 308, 309, 361, 364; Ш, 177.

Демидовъ Анатол. Пякол. I, 361.

Демидовъ Никита II, 6, 8.

Демидовъ II. Н. I, 303, 308, 361;

II, 154; III, 150, 156.

Де-Монбель I, 437.

Демутье І, 357; Ш, 26, 27.

Денисовъ Андр. I, 63.

Денисовъ Дм. I, 70.

Денъ II, 237.

Де Орестисъ графъ Ш, 301.

Де-Помпоннъ I, 167, 174.

Депре архит. II, 485.

Дербенцовъ Тараст. II, 184.

Державина Дарья Алекстевна I, 564.

Державинъ Г. Р. I, 159, 188, 321,

360, 408, 430, 564; II, 210, 222, 280, 460, 469; III, 489.

Деропъ II, 247.

Дерябинъ I, 639.

Десажэ Ш, 271.

Джамалъ-Эддинъ Ш, 110, 113, 115, 120, 125—127, 129—131.

Джардатъ III, 129.

Джіаноти II, 285.

Дзеконскій Ш. 13.

Дибиръ-Магомъ Ш, 110, 111, 115, 118, 125.

Дибичъ гр. И. И. І. 281; Н, 282, 584; III, 195.

Дивова 1, 196.

Дивова Елисав. Петр. III. 607;

Дивовъ II, 285.

Дидаровъ Ш. 110.

Диденко Варв. Тимов. I, 407, 420.

Диденно Мавра Як. І, 420.

Диденко I, 406, 407, 420; II, 77.

Димитрій архіел. Тульск. Ш. 377.

Димитрій Донской III, 240.

Димитрій Іоанновичъ I, 479.

Димитрій свящ. І, 216-218:

Дитрихсъ II, 263.

Діогенъ III, 418.

Діонисій архим. Ш, 63, 159. 156.

Дмитревскій И. А. актеръ І, 357, 507; II, 202, 204, 205.

Дмитріевъ Лм. Ив. II, 342.

Дмитріевъ ІІ. ІІ. І, 195, 196, 404, 452, 528; ІІ, 342, 356, 364, 365, 383, 385, 386, 388, 390, 391, 399.

Дмитріевъ М. А. I, 360; II, 615.

Дмитріевъ-Мамоновъ гр. Матв. Александр. I, 51—60; II; 349, 348, 355, 356, 362, 366, 367.

Добровольскій врачъ I, 92.

Добронравовъ Ал-ты свящ. І, 472.

Добряновъ врачъ II, 115—117. Донучаевъ I, 338, 344.

Долгихъ II, 7, 10.

Долгорукова кн. Ания Някол. II, 487, 498.

Долгорунова вняжна Варв. Влад. I, 584.

Долгорукова княжна Ек. Ал. I, 643---

Долгорунова киягиня Едисав. Никол. I, 582.

Долгорунова княгиня Мареа Мах. II, 206, 474.

Долгорунова вн. Нат. Борвс. II, 487, 488, 498.

Долгорунова виягиня П. В. П. 232-Долгоруновъ кн. Ал-Бй І, 643 — 645. Долгоруновъ кн. Ал-Бй Мих. П. 474. Долгоруновъ кн. Андр. Никол. I, 582. Долгоруновъ кн. Вас. Владим. 1, 608. 643.

Долгоруновъ кн. Вас. Лукичъ I, 25. Долгоруновъ кн. Владим. Андр. I, 581—587 (завъщаніе); II, 441.

Долгоруновъ кн. Владим. Мих. I, 635. Долгоруновъ кн. Дм. II, 232.

Долгоруковъ кв. И. А. II, 206, 317, 488.

Долгоруновъ кп. Н. М. II, 465, 470, 479, 494, 498.

Долгоруковъ кв. П. Влад. 1, 220. Долгоруковъ кн. О. О. I, 176, 177. Долгоруковы князья I, 23, 319, 363, 492, 587, 643, 644; Ш. 82, 164, 172, 177, 186, 333, 376, 598.

Донаурова 11, 232.

Донауровъ Мях. Ив. II, 310, 312, 497.

Дондуковъ-Корсановъ кн. А. М. Ш, 569—592.

Донецъ Григ. Ероф. II, 609. Донецъ Ульяна Григ. II, 609. Донсковъ II, 181. Достоевскій Ө. М. I, 315. Драгомировъ II. 253; Ш, 36. Дренянинъ Ал-дръ Максим. Ш, 313— 326, 636.

Дренякинъ М. Ш., 636. Дроздова Евг. Ив. Ш., 213. Дроздова Блавдія Ив. Ш., 222, 228, 244.

Дроздова Мареа Някол. Ш., 213. Дроздовъ Ив. Ефрем. Ш. 213, 219. Дроздовъ Ив. Ив. Ш., 213—274, 632—636.

Дроздовъ Як. Ив. Ш., 229. Дружининъ П., 315; Ш., 208. Друцкая вняганя П., 572. Дубельтъ Г., 380. Дубенская Ольга Г., 557. Дубровинъ П. Ө. П., 5, 10, 12, 15.

16, 48. Дубровскій Петръ Петр. І, 201; 11,

Дубровскій Петръ Петр. І, 201; ІІ, 343, 344.

Дударь II, 40. Дудина II, 236. Дудинъ II, 309.

Дуна Ал-дра Ильинишна I, 298.

Дунаевскій Ш, 22.

Дункеръ г-жа I, 612.

Дураковъ III, 247.

Дурасовъ Ег. Александр. II, 341.

Дургамъ лордъ I, 244, 435.

Дурнова I, 361; II, 374, 379, 387.

Дуссекъ І, 516, 517.

Дьянова Дарья Алексвенна I, 564.

Дьяковъ I, 564.

Дьяноновъ М. А. II, 159.

Дьяченко I, 623. Дюбенъ I, 477.

Дюваль А. I, 19; II, 492.

Дюга II, 596.

Дюгамель II, 448.

Дюковъ Ив. Игнат. 28-34.

Дюма-сынъ A. I, 619.

Дюмурье баронъ Ш, 26.

Дюнантъ III. 222. Дюпре II, 568. Дюранъ аббатъ 1, 54.

Дюргамъ лордъ I, 123, 125, 127, 131, 132.

Дюреръ Ш, 492.

Дюрова I, 501.

Дюфе Ш, 233.

Евгеній преосвящ. Ш, 89, 91.

Евгеній принцъ Виртембергскій 410.

Евгенія императрица II, 551; III, 174. Евгенія Максимиліановна принц. Ольденб. II, 605.

Евдокимовъ гр. Н. II. Ш, 118, 213, 214, 544, 632.

Евдонимовъ IIв. III, 213, 214.

Евдокія Алекстевна великая вняжна I, 102.

Евдокія королевна Ливонская Ш. 297. Евдокія Лукьяновна царица 1, 104, 106, 396, 561, 644.

Евдокія Өеодоровна царица І, 480.

Евреиновъ I, 389; III, 309.

Европеусъ Як. І, 485.

Евстафій келарь (Головинъ) 1, 572. Евстевъ II. 40.

Евфимій свящ. 1, 575.

Егафъевъ Абдулла II. 40.

Егорцевъ Леонтій III, 317, 322, 324. Ежова Е. II. I, 501-504.

Ежовъ III, 590.

Екатерина I-я I, 23-27, 319, 476, 633, 643; II, 159.

Енатерина II-я I, 29, 30, 33, 40, 41, 51. 102, 103, 108, 187, 197, 315, 321-325, 407-410, 498, 528, 538, 555, 557, 558, 560, 576, 578, 579, 634, 638; II, 8, 21, 27, 31, 46, 170, 185-188, 197, 212, 227, 278-283343, 397, 498, 503, 554; III, 13, 141, 176, 178, 209, 283, 341, 552, 553, 609.

Екатерина Антоновна I, 636.

III. 43

Енатерина Іоанновна герц. 1, 631.

Енатерина Михаиловна великая кня гиня I, 369, 376; Ш, 182, 327.

Екатерина Павловна вел. княгиня І, 552, 487; II, 280, 314, 539, 545; III,

Елагина Авд. Петр. I, 113, 190; II, 575; III, 356.

Елагинъ Някол. Алекспев. I, 221.

Елагины I, 624; III, 369.

Елена Павловна вел. княгвня I, 140. 267-269, 447, 608, 632; 11, 142, 280; III, 55, 82, 332, 333, 563, 567.

Еленскіе I, 642.

Елисавета Алексвевна выпер: 1, 458; II, 245, 458, 463, 474, 502; III; 11, 12.

Елисавета Петровна импер. 1, 102, 108, 319, 396, 400, 402, 403, 557, 558, 560, 576, 630-636, 644; II, 6, 8, 49, 162, 229, 305, 455, 456, 598; III, 176, 178.

Елисавета-Христина принц. Мекленб. I, 631.

Елизаровъ Ш., 318.

Елитовы I, 642.

Елчинскій Лог. Никол. І, 67, 76.

Ельнинскій Митроф. Никит. 1, 551, 552.

Енгалычевъ внязь Ш, 326.

Енохинъ лейбъ-хирургъ И. В. І. 495; II, 255, 304.

Ерлыновъ II. 33.

Ермолинъ II, 54.

Ермоловъ А. II. III, 149, 213, 248, 255, 265, 536, 538, 545, 562, 563, 635.

Ермоловъ Клавд. Ал. III, 267.

Еропкинъ Мях. 1, 630.

Ерохинъ Ш, 261.

Ершовъ Ив. Зах. I, 280, 298-301. 320.

Ершовъ И. И. І. 299, 301, 320, 370, 371.

РУССВІЙ АРЖИВЪ 1896.

Ершовы I, 368. Есаковъ I, 286. Ефимовичъ I, 195; Ш, 325. Ефремовы Ш, 586. Ефремъ монахъ Ш, 70.

Жальвертъ II. 64. Жандръ Ал-дра III, 32. Жандръ Андр. Андр. III. 345. Жандръ Евдок. Ив. III. 32. Жандръ Ив. IIв. III. 32. Жандръ Марія III. 32. Жандръ IOлія III, 32. Жандръ Як. IIв. III, 32. Жандръ I, 501. Жедринскій I. 493. 495. Желѣзкова Агав. Андр. I. 514—517.

Жельзнова Ал-дра Андр. I, 517, Жельзнова Клав. Андр. I. 517. Жельзновъ Ефимъ Андр. I. 514-517. Жельзияновъ Макс. II, 177. **Ж**елѣзновъ Як. Андр. I. 516. 517. Желябовскій II, 385, 388, Жемчуніниковъ I, 300. Жемчужниковы II, 237. Жерардъ III. 26. Жербетъ аббатъ 1, 305. Жеребцова I. 604. Жеребцовъ III, 189. Жиберъ г-жа I, 303. Живокини III, 237. Жизневскій Л. К. 11, 602-607. Жиленборгъ графъ II. 188. Жилинъ III. 310. Жильцовы III, 33. Жирарденъ Эмиль I. 194. Жирухинъ II, 70. Жихаревъ С. II. I. 353; III. 208. **Жмакинъ** 1. 295. Жмуринъ Андр. II. 183. Жоайе II. 409. Жомаръ I. 198.

Жомини бар. II, 252.

Жоржъ актриса I. 430; Жувенель 1. 551, 552. Жуновскій Ал-дръ Кирил. 11. 95, 96. 98 -- 101. 106. Жуковсній В. А. І. 109, 119, 144 145, 190, 197, 266, 269, 287, 351, 352, 356, 378, 429, 456-462, 495, 498, 508; II, 222, 224, 225, 234, 291, 610; III. 141. 205-208. 241, 387, 489. Жуковскій Пав. Вас. I, 119; II, 224. Жуковскій Таврич. губернаторъ III, 66. Жуковъ Вас. II, 202, 205. **Жулновскій Мих.** Владим, П. 386. Жупановъ Мих. II. 178-181. Журавлевъ 1, 519. Журавлевъ II, 170. Журавлевъ Венедиктъ II. 171-174. Журданъ II. 243.

Заблоций Ш, 189.
Заборовская Елис. Федор. 11, 479.
Забълинъ И. Е. I, 474; II, 451.
Завадовская гр. I, 296.
Заварицкая I, 495.
Заворотновъ II, 41.
Завъяловъ Герас. II, 170, 175.
Завъяловъ Як. I, 102.
Загоскинъ Никол. Вас. I, 493, 495.
Загряжскій Никол. Александр. II. 336; Ш, 366.

Заевъ II, 18.
Зайнъ-Витгенштейнъ каягиня I, 316.
Зайцева Анна Алексфевна I, 638.
Зайцева Анна Гаврил. II, 230.
Зайцева Анна Гаврил. II, 230.
Зайцовъ II, 462.
Заіончновскій III, 545.
Занревскій гр. А. А. I, 299, 300. 306, 370; II, 252, 572, 585; III, 147—149, 168, 177, 241, 376.
Замойскіе I, 642.

Замятинъ Вас. Вас. І, 277. Замятинъ Өедоръ І, 275. Зандраръ врачъ I, 52, 56, 58-60. Заполья Иванъ Сигизмундъ III, 515. Зарубинъ Ив. (Чика) II, 26, 29-38. Засъ д-ръ II, 569, 570. Засуличъ Въра II, 431. Застцкій II, 356. Захаржевскій II, 238. Захарова Амал. Ив. 1, 409. Захарова дъвица І, 540, 544. Захаровъ Ив. Семен. 1, 408-410, 50; II, 405. Захаровъ Ростисл. Ив. 1, 409. Захарынъ Григ. Аптоп. 1, 586. Зацьпина Ш. 91. Защукъ Л. III, 211. Звегинцевъ Мих. Еф. 11, 241. Здекауеръ врачъ II, 444; III, 39, 42, 44, 46, 48. Зеебенъ Гертруда-Елисавета II, 218. Зеебахъ графъ III, 595. Зеленцова Анна II, 172, 174. Зеленый Ал-дръ Сем. III, 186, 235. Зеленый Ссм. Пльичь ПІ, 232, 233, 236. Зеленый 1, 391.

Зеленый 1, 391.
Зеленый II, 564.
Зенонъ III, 418.
Зерчаниновъ Іоаннъ свищ. I, 472.
Зехтенъ Н. III, 636.
Зиновьева Юл. Никол. II, 246.
Зиновьевъ Ал-Тй Зин. III, 232, 233.
Зиновьевъ В. В. II, 448.
Зиновьевъ IIв. Ал. III, 235.
Зиновьевъ II. В. I, 429; II, 243—247, 254.
Зиновьевъ Серг. I, 324.

Зиновьевъ Серг. I, 324.

Зиновьевы I, 513; III, 180, 181.

Зиссерманъ А. Л. I, 311—313, 473;

III, 102, 105, 303, 636, 640.

Зловъ актеръ I, 429.

Змигродскій 11, 91. Змѣевъ Л. О. 1, 480.

Змвевъ Венедиктъ Андр. I, 555. Золя Эмиль I, 619. Зонтагъ Анна Петр. I, 266-269. Зонтагъ Ег. Вас. 1, 266. Зонтагъ Марыя Егор. I, 266. Зотовъ І, 351, 360. Зубаковичъ М. П. I, 410. Зубова графиня Ольга Пикол. 1, 50. Зубовъ гр. А. Н. II, 210. Зубовъ гр. Вал. Ал. II, 215, 216, 321. Зубовъ гр. Д. А. II, 215, 216, 503. Зубовъ гр. II. А. II, 309, 311. Зубовъ ки. И. А. І, 29--18, 356; П, 210, 211, 282; III, 193, 566. Зубовы І, 301; ІІІ, 599. Зыбелинъ Ал-дръ Семен. 1, 423, 428, 518 -521, 530-532, 540. Зыновъ III, 239. Зыряновъ II, 5, 40. Зябловскій І, 487.

Ибрагимъ-ханъ III, 310, 312.
Иванова Авд. Вас. 1. 408, 409.
Ивановъ А. А. I, 601—604; III, 327, 328, 399, 492. 493.
Ивановъ Вас. II, 313.
Ивановъ Григ. I, 275.
Ивановъ Григ. I, 275.
Ивановъ Кузьма II, 442.
Ивановъ Мукьянъ III, 310, 311.
Ивановъ Матв. Кузм. II, 343, 358, 359, 361.
Ивановъ Мих. III, 210.

Ивановъ Никиф. I, 166.
Ивановы II, 268; III, 233.
Иванъ Михаиловичъ вел. князь I, 106.
Иванъ Якимовичъ II. 507, 508.
Ивашкинъ Мях. Петр. I, 65, 66; III.
16-18, 20.
Ивашкинъ Петръ Алекскев. II. 341.

Ивашкинъ Петръ Алексвев. II, 341. Иващенко Мих. Кирил. II, 231 Иво Варооломей I, 635. Игельстромъ графиня Ек. Ив. I, 338. 342.

(Игельштромъ гр.) К. И. I, 335. Игнатій митр. Тобольск. I, 68. Игнатій Патріархъ III, 447. Игнатьевъ Ив. Степ. I, 559. Игнатьевъ Р. Г. II, 22, 24, 37, 232. Игорь великій князь Кіевскій I, 641. Измайлова А. В. II, 330. Измайловъ Ал-дръ Ефим. I, 412,

421—423, 523, 524, 541, 546.

Измайловъ Ефимъ Өедөр. I, 422.

Измайловъ Левъ Ди. II, 350.

Измайловъ Мих. Мих. II, 213, 279.

Измайловъ II. И. II, 330.

Инскуль баронъ 1, 302; 11, 237.

Илинии III, 25.

Илларіонъ св. III, 470.

Иловайскій Д. И. III, 282.

Иловайскій 4-й II, 379, 380.

Ильенко II. 94.

Ильинскій протоіер. Ал-дръ 1, 582,

Ильинскій Д. В. II, 599,

Ильинъ Макс. свящ. I, 277.

Имеретинскій Ал-дръ Арчиловичь царевичь III, 543.

Имеретинскій кн. II, 233.

Иммерманъ 1. 197.

Индрисъ (предокъ Толстыхъ) 1, 21.

Инко Гаджіо III, 122, 123.

Иннокентій (Гизель) архим. І, 186.

Иннокентій митр. Моск. І. 271—273.

Иннокентій (Борисовъ) архіеп. Харьв. І, 359, 367.

Иннонентій архісп. Херс. II, 144, 597; III, 236.

Инновентій преосващ. Таврическій І, 602; III, 59—77, 147—160.

Иннокентій папа I, 634.

Иноземцевъ Федоръ IIв. III, 149, 291, 293, 388.

Ираръ 11, 478.

Иреченъ III, 280.

Ирина Михаиловна великая княжна I, 102, 104, 106, 561.

Ирка-Матіасъ III. 237, 238.

Исановъ I, 390, 391.

Исаковъ книгопрод. III, 155.

Исалъ-Магомъ III, 120.

Исидоръ митр. Петерб. III. 558.

Иснандеръ III. 180. 181.

Истоминъ В. И. II, 599.

Истрійскій герцогъ II, 371.

Исханъ III, 130.

Іановъ герц. Курляндск. I, 631. Ісгерманъ II, 549.

loaкимъ патр. Моск. 1, 104. 475.

ю на-Елисавета принцесса Ангальтъ-Цербстская I, 634.

Іоаннъ Алексѣевичъ царь I, 21, 100, 104, 107, 278, 399, 475, 476; II, 292; III, 593.

Іоаннъ Антоновичъ I, 636.

Іоаннъ Михаиловичъ царепичъ 1, 561.

Іоаннъ III-й I, 634, III, 287.

Іоаннъ Васильевичъ IV-й I. 8, 20, 204, 316, 317, 474, 629, 634; III, 297, 474, 476, 483, 517, 518, 520, 522, 523, 525.

Іоаннъ архіеп. Воронежск. II, 446. Іоаннъ Австрійскій III, 514.

Іоасафъ 1, 371, 373, 374.

Іона митр. Ростовск. 1, 475.

юнинъ Ал-дръ Семен. III, 235, 243.

Іорнандъ III, 277.

Кавелинъ К. Д. I, 307, 319, 495; II, 248—250, 557; III, 369, 377.

Каверинъ Вас. I, 585.

Кадзоновъ Дм. Степ. III, 355.

Кадій-Магометъ-Тагиръ III, 131.

Казанкова М. Д. III, 90.

Казанкова 0. С. III, 88 – 92.

Казанновъ Андр. Матв. 111, 88-92.

Казановъ II, 27.

Казанцевъ III, 8.

Каземъ-Бекъ Ал-дръ Касим. II, 595, 596.

Нази-Магомъ III, 104, 108 — 110, 113—119, 121, 126.

Кази-Мулла III, 538, 631.

Казнанова Елисав. Серг. II, 243.

Казначеева Варв. Дм. I, 269.

Казначеевъ А. II. III, 146—160, 198, 199.

Казначеевъ А. Н. III, 150.

Кайдановъ Мях. II, 178.

Кайсаровъ Андр. I, 201.

Кайсаровъ II. С. III, 193.

Калайдовичъ К. O. I, 449, 452.

Калантаровъ III, 246, 633.

Калачовъ II. В. II, 605.

Налбановъ Іуда II, 170, 176.

Налигари Андрей нунцій III, 514, 517—525.

Калининъ Никиф. Степ. I, 102; II, 9. Калиновская I, 612.

Кальвуччи Горац. І, 175.

Камальдоли 1, 197.

Каменская гр. Анна Пава. II, 479.

Наменскій гр. М. Ф. 11, 509, 612—614.

Каменскій гр. Н. М. II, 612—614. Каменщикова Василиса Лукьяновна II, 9.

Каменщиновъ Федоръ самозванецъ II, 5-10.

Каминскій 1, 379; Ш, 22.

Hamne II, 219.

Кампенгаузенъ г-жа II, 271.

Кампенгаузенъ баронъ III, 6.

Кампредонъ 1, 476.

Кандогурій III, 6.

Канкринъ Е. Ф. I, 529, 540, 541; II, 47-51, 60, 62-65, 71, 77, 78, 80, 87, 95.

Кантакузенъ княгиня Елена Мих. I, 346.

Кантемиръ Дматрій I, 359. Кантемиръ Софъя Богд. I, 559. Кантъ Эмман. II, 455, 456; Ш, 451 452.

Напель Ив. I, 561.

Капенлетро I, 197.

Капефигъ I, 201; II, 599, 600.

Капнистъ II, 570

Каподистрія графъ І, 637; ІІІ, 346.

Нарабановъ II. О. III, 599.

Каракозовъ III, 304, 510.

Kapame I, 476, 477, 644, 615.

Карамзина Авр. Карл. I, 308, 309,

361, 364; W, 185, 186, 188, 553.

Нарамзина Ев. Анд. I, 283, 286--288, 303, 305, 372; III, 353.

Карамзина Елис. Пикол. I, 303.

Карамзина Пат. Вас. I, 382.

Нарамзина Соф. Пикол. I, 303, 304, 364.

Нарамзинъ Ал-дръ Пикол. I, 288, 295, 303, 382.

Нарамзинъ Андр. Пикол. I, 286, 288, 298, 300, 303, 305, 306, 308—310, 361.

Карамзинъ Влад. Пикол. 1, 298.

Карамзинъ II. М. J, 201, 283, 318, 351, 352, 450 — 452, 458, 459, 474, 508; II, 294, 361, 604; III, 162, 207.

Карамзины I, 110, 287, 288, 298, 302, 303, 308, 309, 367, 369; III, 141, 177, 564.

Карамышевы III, 483.

Карасевъ Л. III, 571.

Каратыгинъ В. А. I, 501.

Каратыгинъ II. A. 1, 353.

Карауловъ І, 486.

Карбонье І, 221.

Каргеръ III, 222.

Кардонъ II, 194.

Карелли художи. II, 562, 567, 568. Карелинъ 1, 293.

Карель д-ръ 11, 437, 551; 111, 556, 557.

Кариматъ III, 104, 110, 113, 114, 116, 118, 125, 129.

Карлосъ-Донъ І, 433. Карлъ-Альбертъ I, 122. Карлъ Великій III, 440, 444. Карлъ-Леопольдъ герц. Мекленбургск. 1, 631. Карлъ ениск. Любек. I, 633, 634. Карлъ-Петръ-Ульрихъ принцъ Голитинск. 1, 633. Карлъ принцъ Прусскій I, 447. Карлъ-Фридрихъ герцогъ I, 632, 633. Карлъ VI-й I, 319, 644. Карлъ-Густавъ X-й I, 122, 161, 169, 193, 253, 436, 437; II, 230. Карлъ XI-й I, 161, 186. Карлъ XII-й I, 6, 9, 12, 14, 199. Карновичъ I, 372; II, 282. Карињевъ III, 189. Kapo I, 392. Каролина принцесса II, 549. Карповъ II, 307. Карулинъ I, 407. Карцевъ II, 448. Каръ II, 16, 17. **Карякина** Авд. Борис. I, 426, 429. Карякина Елисав. Пикол. 1, 424, 425. 428, 429, 513, 517, 518, 541, 542. **Карякинъ** Пикоа. Ив. I, 411, 424, 426, 429, 518, 541. Касатина-Ростовская киягиня Варк. Алексвевна II, 194, 195, 201, 339. Касатнинъ-Ростовскій ки. Ив. Оедор. 11, 479. Кассель г-жа II, 236. Кассини графъ II, 559, 560. Кастера 1, 51. Катанази I, 130. Катенинъ J, 501; III, 552, 553. Катснины III, 574. Катновъ М. H. I, 78, 463, 480. Науфманъ Копст. Петр. 1, 97-99. Качаловъ Н. А. II. 434. Каченовскій М. Т. III, 208.

Каченовскій свящ. ІІ, 568.

Нашнадамовъ III, 72.

Кашкинъ Евг. Петр. I, 45, 46. Квашнина-Самарина Паст. Петр. II, 464, 480. Квашнинъ-Самаринъ II. θ . II, 464, 479, 481. Кейзерлингъ гр. Герм. 1, 636; 11, 264. Кенурлинъ Андр. I, 630. Кенигъ II, 45. Кентржинскій III, 280. Кёне баронъ II, 573. Кеппель II, 554. Кера аббатъ I, 193. Керимъ-ханъ III, 312. Кернкорсъ Конст. II, 584-588. Керскій Вас. свищ. 1, 494. Керулларій патріархъ III, 447. Кесарь III, 419. Кесслеръ III, 545. Кетлеръ I, 416. Кижнеръ II, 304. Кизеветтеръ А. А. 1, 316. Кинина II, 234. Кининъ Ал-дръ I, 23. Кининъ I, 644. Киль Левъ Ив. I, 602, 604. Кильдюшевскій III, 258, 270. Кимберлей графъ III, 617. Кинбурнъ III, 226. Киндяковъ III, 17. Кинемонъ (де) виконтъ 1, 245, 249. Кинскій І, 319. Кинъ актеръ I, 429. Кипель живопис. II, 483. Кипсе профес. II, 455, 456. Киреевская Анд. Петр. 1, 118. Киреевская Марыя Алексвевна III, 342. Киреевскій Вас. Степ. III, 347, 353. Кирсевскій ІІ. В. І, 112--119, 464---470; II, 408, 410, 412, 574-582, 610; 111, 347, 369, 398, 399, 508. Киреевскій II. В. III, 347, 356. Кирсевскій Степ. Алексьев. III, 359. Киреевскіе I, 319; II, 410, 413; III, 362, 402.

Кириновъ Кипріанъ свящ. 1, 105 Кирилинъ II, 556. Кирпичниковъ А. И. II, 160. Кирымонъ Гавр. I, 176. Кирющенковъ Осдоръ II. 202—205. Киселева гр. С. С. I, 190—192, 197, 267, 303.

Киселевъ II. Д. II, 562; III, 163, 164, 175.

Киселевъ II. С. I, 52, 205. Ниселевъ гр. II. Д. II, 224; III, 188, 189.

Ниселевы графы I, 287, 260, 295, 364, 368, 371; II, 79, 84, 282.

Кислинскій І, 365.

Кичина Анва I, 276.

Кларендонъ III, 52.

Клари I, 198.

Клевановъ II, 447.

Клейнмихель графъ 1, 298.

Клейстъ II, 258.

Клементьевъ І, 519.

Кленинъ II. Я. I, 581.

Кленке Ш, 513.

Влименть митрополить Болгарскій III, 621.

Влиментъ X-й папа I, 635.

Климовскій I, 501.

Клингеръ II, 282, 487.

Клинъ III, 295.

Нліодъ Бартоломей III, 26.

Клодовикъ III, 440.

Клопманъ баропесса II, 61, 62.

Клушинъ I, 298, 300, 378.

Ключаревъ Ал-та Кирил. II, 89-96, 99-105, 108.

Ключаревъ О. Петр. II, 345, 346. Кноррингъ бар. II, 269.

Няжевичъ Ал-дръ Макс. I, 540, 541, 552; II, 50, 59, 63, 78, 79, 81 — 83, 85—87, 89, 92 — 95, 97, 98, 100—102, 106, 107, 109.

Княжевичъ Д. М. I, 422; II, 52—55, 58, 60, 61, 63, 66, 71.

Княжевичъ Макс. Дм. II, 94, 105.

Княжевичъ III, 197.

Княжнинъ I, 357, 430, 498.

Кобелевъ Вас. І, 561.

Кобце Ал-дръ І, 494.

Кобылинъ А. М. И, 54, 57, 58, 73, 91.

Кобылинъ С. М. П. 54, 57, 58, 72, 73, 79, 89, 90, 94—96, 107.

Кобякова II, 236.

Кобяковъ Лазарь I, 107.

Ковалевская Прасв. Пв. I, 327; П. 206, 312, 476 -520.

Ковалевскіе II, 508.

Ковалевскій Е. II. II, 299; III, 197, 256, 263, 265, 266.

Кожевниковъ В. А. 1, 257-265.

Козловскій кн. Гр. Аван. I, 186, 203; III, 6.

Козловъ И. И. I, 464; П, 115, 304, 541, 565; ПІ, 141, 399.

Козловъ II. А. III, 52, 56.

Козлянинова II, 236.

Козляниновъ II, 428.

Кознановъ П. Г. II, 243, 244, 246, 254.

Козодавлевъ О. II. I, 528; II, 190, 191, 404.

Козубскій Е. II. III, 101—131, 546. Кокоревъ В. А. I. 143, 144; Ш, 177, 178, 180, 187, 196.

Кокошнинъ III, 147.

Кокрель 1, 292.

Колемій I, 635.

Коленкуръ III, 170.

Голерджи г-жа III, 172.

Колесниновъ Анисимъ II, 170, 171.

Нолмановъ II. М. I, 320, 373.

Кологривова Праск. Юр. 1, 306.

Колонотрони І, 129.

Коломійцевъ Дап. III, 640.

Колосовъ В. И. II, 607.

Колошинъ I, 371.

Кольцовъ А. В. I, 320.

Комаровская гр. Анна Егор. I, 464.

Комаровская Едисав. Егор. 11, 408. Комаровская гр. Соф. Влад. 11, 410. Комаровскій гр. Ег. Евгр. 1, 464—470; ІІ, 408—416. Комаровскій Евгр. Федор. ІІ, 408. Комаровскіе гр. І, 306; ІІ, 347; ІІІ, 82. Комсинъ Сем. Ив. І, 395. Кондратьевъ Ив. Макс. І, 586. Кондратьевъ Н. Род. ІІ, 51, 54, 55, 62.

Коновницынъ 1, 287. Кононовъ А. А. I, 353. Константиновъ Мапуваъ I, 166, 173. Константинъ импер. III, 425, 426. Константинъ Всеволодовичъ вел. кп. III, 593.

Константинъ Николаевичъ вел. кп. 1, 367, 384, 389, 391, 478, 605 - 613;II, 238, 239, 251, 281, 447; III, 55, 159, 164, 165, 174, 176, 182, 185. Константинъ Павловичъ вел. киязь І, 102, 439, 440; II; 280, 281, 283 291, 314, 386, 390, 457, 458, 585. Копыловъ I, 177. Корнеліусь III, 528. Корниловъ И. II. I, 646; II, 599. Коростовцева Анна Андр. II, 221. Коростовцева Ек. Оедор. II, 221. Коростовцева Пат. Андр. II, 222. Коростовцевъ А-дръ Андр. II, 221. Коростовцевъ Андр. Андр. II, 221. Корсановъ Ал. В Никол. II, 290.

257, 272—274. Корфъ баропесса II, 258. Корфъ бар. Андр. Ник. II, 237. Корфъ бар. М. А. II, 252, 282, 283, 296, 297, 300; III, 179, 553.

Корсановъ II. I, 353, 476; III, 28,

Корфы I, 387; II, 10—12, 456, 477; Ш, 155.

Корягинъ Вас. I, 585. Косанова Маремьяна I, 108. Косенка Семенъ II, 9. Коснуль бар. II, 260, 261.

Коссиковскій II, 242. Коссовичъ К. А. III. 369, 377, 401. Костеръ Ассуеръ I, 276. Костинъ (камерд. Цесаревича) II, 259. 541; III, 42, 52. Костомаровъ И. И. I, 165, 250, 474. 480; III, 565, 638--640. Костонъ III, 186-188. Кострицкая III, 95. Костюшко III, 13. Котельнищевъ Ив. II, 178. Котошихинъ Григ. I, 161; III, 479. Кохановская I, 383; II, 236. Кохановъ IIв. Сем. II. 236. Кохантева Мареа Өедор. II, 239. Кохтевъ Петръ I, 561. Коцебу гр. II, 232, 281; Ш. 79. Коцебу П. Е. Ш, 545, 546. Кочетовъ протојерей І, 334, 336, Кочубей Арк. Вас. III, 199. Кочубей князь Вас. Викт. 1, 362. Кочубей гр. В. II. II, 154, 155, 389. Кочубей княгиня Едена Шавд. 1, 362. Кочубеевы І, 368, 370, 371, 438, 482, 608. Кочубинскій I, 183. Кошелевъ A. H. II, 410; III, 347, 353, 368, 379, 387, 393, 395, 398, 402, 508, 550. Кошихинъ I, 203, — 205. Краббе II, 599, 600. Краве III, 26. Краевская I, 195. Краевскій Андр. Александр. II, 90. Крамъ I, 636. Крапоткинъ кн. С. М. I, 581. Красинскій III, 27. Краснодубровскій С. С. Ш., 285. Краснопольская Марья Петр. I, 539, 540, 543, 544, 547-549, 551. Краснопольскій М. Я. II, 70. Красовскій II, 293, — 295. Kpay3e I, 54. Крашенинниковъ М. Н. I, 474,

Крейтонъ Ал-дръ II, 236, 237. Крейцеръ II, 439. Креки г-жа I, 608. Креншинъ I, 449. Кремеръ II, 564, 565. Кренделевъ Тих. Петр. I 67. Кречмаръ баронъ III, 26. Кривенковъ Оедоръ II, 170, 176. Кривцовъ II. II. I, 602. Кривцовъ Серг. Ив. III, 166—168. Криднеръ г-жа II, 237. Крижаничъ Юр. I, 183, 184, 635; III, 282.

Криль Ал-дръ IIв. II, 54, 57, 58. Криницкій ІІав. свящ. II, 275. Криницына I, 626. Крохинъ Андр. III, 324. Крузенштернъ Елисав. Ром. II, 220. Крузенштернъ А. И. II, 220, 257, 259, 448.

Крузіусь І, 630.

Крыловъ Ив. Андр. I, 112, 267, 268, 429, 501, 625; II, 222, 228, 228, 230, 234, 235; III, 235, 489.

Крючковская I, 287.
Крючковъ Мих. I, 278.
Кубе III, 37.
Кугушевъ кн. I, 491.
Кудрявсній III, 54.
Кудрявцовъ I, 207.
Кузенъ I, 202.
Кузнецова Аниськ I, 207.
Кузнецова Мароа Савел. II, 178, 180.
Кукольникъ II. В. III, 309.
Кунъ III, 463.

Куликова III, **2**22.

Кулиновъ Ал-Бй Сем. I, 519 — 521, 530-2532, 545; III, 250.

Кульманъ Квиринъ I, 6. Кунинъ III, 280, 281. Купріяновъ I, 367; II, 105, 107. Куранина княжна Ек. Борис. I, 403; III, 593.

III. 44

Куранина внягиня Юл. Өедөр. I, 196; III, 568.

Куранинъ кн. Ал-дръ Борис. II, 129 — 131, 189, 305, 324, 479; III, 204, 529—539.

Куранинъ кн. **Ал**-вй Борис. II, 59; III, 568.

Куракинъ ки. Бор. Ив. I, 403. Куракинъ ки. Өедөръ Алексъевичъ I, 475; II, 131.

Курали-Магомъ III, 125.

Курбакъ Стеф. 1, 70.

Курбанъ-Магометъ III, 130.

Курбатовъ Ал-ћй I, 635.

Курбскій I, 317.

Куріаръ II, 246, 247, 253, 254; III, 135.

Куртнеръ III, 233.

Кутайсова гр. А. II. II, 331.

Кутайсова гр. Н. И. II, 224.

Кутайсовъ гр. Ив. Павл. II, 306, 311, 315, 318, 320, 339.

Кутайсовы графы II, 356 506; III, 94. Кутеповъ I, 76.

Кутузова Праск. Мих. III, 343.

Кутузовъ Аркадій I, 369.

Кутузовъ Ив. Логин. I, 356, 359.

Кутузовъ кн. М. Л. II, 353, 361, 367; III, 146, 243, 343.

Кутузовы 1, 196; II, 311.

Нухновъ 1, 519.

Кучецкая Паст. Петр. II, 199, 209.

Кучецкій А. И. II, 197, 199, 207, 213.

Кушелевъ-Безбородно гр. Ал-дръ Григ.

II, 71—74, 76—78; III, 565.

Кювилье II, 572. Кювье III, 141.

Кюнъ Розадія III, 17.

Кюстинъ маркизъ I, 199.

Лабенскій Камилль III, 54. Лабенскій Ксавер. II, 233. Лабенскій К. К. II, 244.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1896.

Лаблашъ I. 197. Лаваль Ек. Ив. I, 295, 302. Лаврентій (Барановичъ) еписк. II, 27, 28. Лаврентьева I, 402. Лавриновскій Пав. Клемент. 1, 552. Лавровъ Іоаннъ свящ. І, 472. Лагарпъ II, 282. Лагранжъ III, 243. Лагузенъ II, 247. Ладыгинъ II, 30, 33, 36. Лажечниковъ И. И. II, 606, Лазаревъ Ив. Аним. Ш., 233. Лазаревъ М. II. I, 273. Лазаревъ Христоф. Аким. III, 233. Лазаревы II, 174; III, 53, 102, 104, 110, 231-233. Лакордеръ I, 193. Лакруа Поль II, 282, 284, 287-289. Лансъ III, 326. Ламармора II, 563. Ламартинъ I, 137, 202, 203; III, 142. Ламбертъ Карлъ Ш, 559. Ламбинъ Ш. 277, 278, 280. Ламения аббать I, 442. Ламсдорфъ графиня II, 260. Ламсдорфъ гр. II, 281, 282, 284, 289, 290. Ланглуа Эдуардъ Ш. 32. Лангъ 1, 150. Ланская I, 302. Ланскіе II, 297; III, 550. Ланской Серг. II, 458, 502. Лаперузъ Ш, 463. Ларжинцъ Леонтій Ш, 33. Лассельсъ Ф. III, 617. Ласценъ III, 26. Лаурео нунцій Ш, 516, 517, 521. Лебедевъ Ал-дръ свящ. І, 472. Лебедевъ Ив. 584-588. Лебедевъ К. II. I, 318. Лебедевъ Н. С. II, 434.

Лебихъ г-жа I, 388.

Лебле Ш. 108. Лебренъ III, 22. Лебцельтернъ баронъ Ш, 54. Леваковичъ I, 184. Левашова гр. I, 308. Лёве Веймарсъ I, 140. Левекъ II, 287. Левенштернъ II, 359. Левшинъ А. И. I, 371; III, 149, 150, Левъ Х-й Ш, 463. Ле Гроссъ II, 372. Лейхтенбергскій герцогъ I, 604. Лейхтенбергскій цринцъ Н. М. II, 247, 255. Лекенъ актеръ I, 429. Лемницкій III, 27. Ленорманъ I, 197. Лёнъ II, 552. Леонардъ III, 492. Леонаръ I, 362. Леонидовъ Л. Л. I, 622, 623. Леонидъ архіениск. (Краснопъвковъ) I, 315. Леоновъ Евсев. І, 107. Леонтій митр. Моск. Ш. 297. Леонтьевъ Вас. I, 104. Леонтьевъ П. М. I, 78. Леонтьевъ Як. I, 104. Леопольдъ І-й I, 175, 176. Леопольдъ кор. Бельг. II, 289. Лопехинъ Як. I, 68. Лермонтовъ М. Юр. 1, 304, 320, 496; III, 213, 215 – 217, 224, 484, 489. Лерхенфельдъ графъ І, 129, 436. Лессепсъ II, 382. Ле-Фебръ II, 376. Лефортъ І, 476, 636, 645. Лешевичъ Матв. Осип. II, 96. Либерій Ш. 426. Ливенъ графиня I, 190, 191; II, 470. Ливенъ княганя II, 262, 280, 283; Ш, 172. Ливенъ бар. II, 268, 269.

Ливенъ ки. Караъ Андр. II, 583— 589.

Ливенъ князья I, 197, 495; II, 268. Лидерсъ гр. I, 367; II, 599.

Лизогубъ полковн. І, 280.

Линденбаумъ Ш, 314.

Липранди III, 72.

Лирій герцогъ І, 477, 478, 644, 645. Лисовскій ІІ. 498.

Лисяневичъ II, 433.

Литвиновъ I, 493; II, 244, 255, 319.

Литке A. II. II, 222, 230.

Литне Нат. Өедөр. II, 222, 230.

Литке Ю. В. I, 613.

Литне Оедоръ Петр. II, 222, 238, 251.

Лифановъ II, 258.

Лихачовъ I, 286.

Лихтенштейнъ внязь Ш. 172.

Лихуда Іоаннъ I, 635.

Ли-Хунгъ-Чангъ III, 626.

Лобановъ Мих. Евстаф. I, 268, 501, 562.

Лобанова-Ростовская княгиня Олимпіада Мях. III, 593.

Лобановъ-Ростовскій кн. Ал-дръ Ив. III, 593.

Лобановъ-Ростовскій кн. Ал-вій Борис. III, 527, 593—629.

Лобановъ-Ростовскій вн. Бор. Адександр., III, 593, 594.

Лобановъ-Ростовскій кн. Ив. Ив. (Козій Рогъ) III, 593.

Лобановъ-Ростовскій кн. Ив. Як. Ш, 593.

Лобановъ-Ростовскій вн. Як. Ив. Ш, 593.

Лобановы-Ростовскіе внязья III, 366. Лоббе III, 256.

Лобовъ Петръ II, 183.

Ловцовъ III, 541.

Лодыгинъ Мах. I, 107, 278.

Ложье II, 69, 71.

Ломоносовъ М. В. III, 480.

Лонгиновъ М. Н. III, 401, 594.

Лонгиновъ Н. М. II, 586; III, 147, 153.

Лондондери лордъ 1, 438.

Лоней (де) графъ Караъ I, 194.

Лопатинъ II, 438-440.

Лопацинскій III, 518.

Лопухина Евдокія Өеодоровна царица І, 480.

Лопухина Нат. I, 384.

Лопухина III, 192.

Лопухинъ Абр. Өедөр. 1, 635.

Лопухинъ Андреянъ Андреян. II, 327, 479.

Лопухинъ И. В. I, 195.

Лопухинъ П. В. I, 29- 48; П, 197, 199, 322, 328.

Лопухинъ кн. П. П. III, 599.

Лопухинъ Өед. Андр. II, 479.

Лоранси III, 389, 391.

Лорбахъ I, 169.

Лореръ Дм. Ив. I, 384.

Лореръ Никол. Ив. I, 295.

Лорецкая III, 19.

Лошкарь Андреянъ І, 71-74.

Лубьяновичъ К. А. I, 422, 532; 11, 54, 55.

Лубяновскій Аедоръ Петр. І, 492.

Лугининъ II, 167.

Лужинъ II, 356.

Лукинскій II, 109.

Лукинъ I, 643.

Лукманъ III, 355.

Луковниновъ Петръ 1, 561.

Лукьяновъ свящ. III, 209,

Лунская III, 19.

Лупандинъ I, 208.

Лупулъ Вас. I, 161, 162; III, 212.

Лупулъ Стеф. III, 212.

Лутковскій I, 286, 366.

Л(ьвова) княгиня 1, 236.

Львова IIp. Ar. II. 236.

Львовъ Ал-Бій Өедор. 11, 235, 236,

277, 453, 454.

Львовъ Леон. Леонид. II, 236.

Львовъ Л. О. I, 295. Львовъ кн. Лука Матв. I, 575. Львовы I, 298, 371, 372, 493; II, 406.

Лыщинскій I, 493.

Лъсовскій С. С. II, 564; III, 36, 52, 53.

Любомирская Клавд. Ив. III, 222, 223, 244.

Любовичъ III, 513.

Людвигъ II-й король Баварск. II, 541. Людвигъ ландграфъ Гессенъ - Дармштадтскій II, 461.

Людвиъ-Эристъ герц. Браувшвейсск. I, 636.

Людовикъ XIV-й 1, 33; Ш, 463.

Людовикъ XVI-й II, 288.

Людовикъ XVIII-й I, 122.

Людовикъ-Филиппъ I, 120, 134, 139, 241, 286, 377, 434.

Люссо III, 27.

Лютеръ I, 196, 197; II, 544; III, 451. Лютихау II, 549.

Люцероде Клара II, 224.

Люцероде Эристъ II, 224.

Лядуховскій гр. I, 379.

Ляпуновъ Андр. Григ. I, 105.

Ляпуновъ Прокоп. 1, 571.

Ля-Пьеръ III, 27, 28.

Лясковскій В. Н. III, 337—510.

Ляховичъ II, 40.

Мавринъ Савва Ив. I, 321—325. Маврокордато князь II, 477. Магазатъ III, 110, 129.

Магницній Мих. Леонт. II, 347; III, 169.

Магнусъ принцъ Датскій III, 270, 297.

Магомедъ-Аминь III, 306, 543. Магометъ-Наджмудинъ III, 130. Магометъ-Таушу III, 109, 110. Магометъ-Хандіевъ III, 110. Магометъ-Хасанъ-ханъ-Каджаръ III, 310-312.

Магомъ-Шефи Ш, 107--110, 114, 118, 122-125.

Мадатовъ кн. Ш, 354, 355.

Мазарини кардиналъ III, 624.

Майдель Ш. 255.

Майковъ А. Н. II, 224.

Майновъ В. II. II, 596.

Майковъ Л. II. II, 575.

Макарій архим. I, 62, 472.

Манарій еписк. Арханг. І, 27, 28.

Манарій мотр. Моск. І, 270—273, 478; III, 297.

Макарій патр. Антіохійскій І, 166, 167, 170, 186.

Макарій преосвящ. Ш, 73.

Макдональдъ II, 137.

Маккавен III, 419.

Маковцевъ I, 199.

Мансимиліанъ герц. Лейхтенбергскій I, 296.

Максимиліанъ ІІ-й І, 474; ІІІ, 515, 517.

Максимовъ Игнат. 1, 105.

Максимъ Грекъ III, 471.

Максютова княгиня Ш, 216.

Макшеевъ II в. 1, 397.

Макъ-Гаханъ I, 97.

Макѣева I, 301.

Макtевъ III, 227.

Малаховъ Вас. Павл. I, 546.

Малимоновъ II, 507.

Малиновскій А. О. II, 292, 329, 331, 466, 468, 484, 486, 487, 489, 495—500.

Малиновскій Антоній Ив, II, 466. Малиновскій В. О. II, 466.

Малиновскій Шав. Оед. II, 466.

Малиновскій О. А. свящ. II, 466, 469, 498, 499.

Маловъ протојер. II, 38.

Мальцева Анастас. Никол. II, 244.

Мальцева Софья Серг. 1, 565.

Мальцевъ Ив. Серг. I, 315; III, 198. Мальчевскій III, 261. Мамацевъ Мих. Ив, III, 258, 261, 268. Мамеевъ кн. П, 459. Мамонова Елисав. Петр. II, 223. Мамонова графиня Марья Александр. I, 56.

Мамоновъ Алекс. Ив. I, 55.
Мамоновъ Матв. Вас. I, 54.
Мамонтовъ Ал-дръ Никол. II, 610.
Манауровъ мулла II, 174.
Мандтъ I, 297, 298, 371, 610.
Маниссонъ III, 218.
М(ансуровъ Б. II.) III, 173, 174.
Мансуровъ II, 174, 175.
Мантейфель бар. II, 258—260.
Мантуанскій герцогъ III, 515.
Манштейнъ I, 478.
Манштейны III, 599.
Мардефельдъ I, 476, 645.
Марини III, 141.

Марія Александровна императрица II, 239, 241, 244—272, 438—452, 461, 543—573; III, 40—58, 82, 132, 137, 174, 182, 185—188, 300—304, 333, 335, 552—557.

Марія Алесандровна герц. Кобургъ-Готская II, 251.

Марія Ильинишна царица I, 102.

Марія Николаевна вся. княгиня І, 296, 303, 305, 595, 611—613; II, 221, 223, 230, 247, 281, 567; Ш, 186.

Марія Павловна вел. княжна І, 436; ІІ, 240, 318, 544.

Марія царевна I, 23.

Марія Өеодоровна І-я импер. І. 102, 457—460, 551; ІІ, 226, 227, 245, 278—290, 309, 322, 461, 463, 472, 475, 493, 495, 496, 501—520; ІІІ, 25, 205.

Марія Өеодоровна ІІ-я имп. 548— 573; II, 38, 44.

Марновъ гр. I, 440; II, 353. Марнусъ врачъ I, 610; II, 240. Мармье I, 203.

Мартыновъ А. А. I, 100 – 108, 274—278, 393—400, 555—561; II, 172. Марченко I, 287.

Мареа (въ міръ Марія) Владимир. княжна Старицкая III, 297.

Мареа Ивановна государыня I, 398, 400.

Мареа Матвъевна царица І, 21.

Масальскій II, 357.

Масленниковъ Өедоръ I, 69.

Маслова III, 593.

Матвъевъ I, 257-265.

Матвъевъ Лукіанъ Ив. І, 407, 410.

Матрусинъ II, 29.

Матюшнина гр. А. М. II, 323.

Матюшкинъ М. Ae. I, 635.

Махинъ Дм. II, 184.

Махмутъ-Эфекди-Хайдаки III, 122.

Мацкевичи II, 312.

Маццароза I, 635.

Мгалицынъ Ив. I, 275.

Медемъ графиия II, 258.

Медемъ гр. II, 259.

Межуева II, 236.

Мезецкій ки. Нивита Мих. І, 556.

Мезонфоръ I, 196.

Мейендорфъ баронъ I, 334.

Мейендорфы III, 556, 557.

Мейербергъ баровъ Августинъ I, 175, 176, 180.

Мейрюзсъ I, 594.

Мелетій іеромон. І, 596.

Меликовъ кн. I, 422; Ш, 104, 109— 119, 123, 125—130.

Меллеръ Дидрихъ II, 218.

Меллеръ-Закомельскій баронъ III, 631.

Мельбурнъ лордъ I, 123.

Мельгуновъ А. П. II, 153.

Мельниковъ Авр. IIв. I, 420.

Мельниковъ II. И. II, 120, 427.

Мельхиседенъ архим. II, 462, 482, 486.

Менгденъ баронесса М. М. 1, 233.

Менгденъ графиня II, 268. Менгденъ бар. Владим. Мих. I, 221, 222, 229, 230, 233, 234. Менгденъ гр. II, 268. Менелинъ II-й негусъ Абиссинскій Ш, 622. Менцелла дъвила II, 315. Меншикова княгияя Ш., 172. **Меншиковъ** вн. А. Д. 23, 25-27, 319, 320, 476, 477, 645; II, 160, 609. Меншиковъ кн. A. C. I, 308, 608, 609; II, 60, 599; III, 62, 64, 65, 149, 189, 194, 196, 234, 243, 295, 545. Мёнье І, 241, 444, 445. Меньковъ II. К. Ш. 545, 546. Мердеръ Караъ Кара. I, 109; II, 268. Мерзляковъ Кузьма II, 7, 9, 10. Мерлини Ек. Ив. III, 222. Мерсье III, 27-31. Мертваго II, 234. Meccu III, 110. Местръ I. 319. Меттернихъ княгиня III, 548, 549. Меттернихъ квязь I, 126, 437; II 291. Мечниковъ II, 220. Мешвицъ III, 314. Мещевскій III, 208. Мещериновъ Ал-ъй Авраи. 1, 181, 184. Мещерская княгиня М. А. 1, 636, 637. Мещерская киягиня Г, 361, 591.

308.

Мещерскій кн. А. В. II, 567.

Мещерскій кн. В. ІІ. ІІ, 546.

Мещерскій кн. Н. ІІ. ІІ, 237.

Мещерскій кн. ІІ. С. ІІ, 276.

Мещерскій кн. Э. ІІ. І, 353.

Миклашевскій І, 301—304; ІІІ, 170.

Милашевичева Анна І, 278.

Миллезимо графъ І, 645.

Миллеръ Антонъ ІІв. І, 518, 520, 523, 530, 532, 546; ІІ 51.

Миллеръ Г. Ф. І, 474.

Миллеръ дъвица ІІ, 218.

Мещерскіе князья І, 287, 304, 306,

Миллеръ H. Aut. 11, 93, 94. Миллеръ I, 422. Миллеръ II, 270. Мило графъ II, 374. Миловановъ I, 541, 542. Милоновъ I, 422. Милорадовичъ графъ I, 517, 562; II, 353. Милославскіе I, 474, 475. Милославскій І, 21. Милькова Иранда I, 107. Мильней I, 191. Милюновъ II. Н. I, 317, 319, 476. Милютина Маря Ar. II, 236. Милютинъ Андр. Петр. I. 206-208. Милютинъ Д. А. III, 105, 108, 116-119. Милютинъ II. A. II, 236. Милютины I, 377, 389; II, 435; III, Мингалевъ А. С. II, 241, 212. М(ининъ) В. П. I, 231. Мининъ Кузьма II, 29, 267. Миньковичъ-Петровскій Ш, 326. Мира Итальянецъ I, 636. Мирковичъ I, 303. Мироновъ Вас. Филат. І. 422, 424, 519, 545, Митаревскій Ш., 315. 326. Митневичъ I, 441. Митропольскій И. А. I, 77—96, 640; II. 110—126, 303, 304. Михаелисъ Ш. 29. Михайловская-Данилевская II, 571. Михайловскій-Данилевскій А. И. I. 353.485-488.Михайловъ II, 173. Михаилъ Николаевичъ вел. вн. 1. 607-613; II, 305; III, 85. 314. Михаилъ Павловичъ вел. князь I, 134, 139, 140, 268, 280-283, 310. 368, 489-491, 545, 608; II, 139, 140,

245, 281, 282, 286, 287, 289.

Михаилъ Өеодоровичъ царь I, 8,

103-108, 276, 396, 398, 400, 561, 629, 630; II, 292; III, 297, 593.

Михель-Анджело Ш, 492.

Михельсонъ II, 26, 37-39, 161, 107, 276. 278. 167 - 169.

Мицневичъ І, 190, 191, 201, 292 378. Мицкевичъ Өедоръ Прох. II, 100.

Млодзъевскій Корнел. Як. III, 292.

Могила Іеремія Ш. 212.

Могутовъ II. 7.

Можаровъ II. 38.

Можжухинъ Семенъ I, 278.

Мойеръ II, 225.

Моисей архіеп. Рязанск. III, 297, 419. Моле графъ I. 254-256, 433-448.

Молла-Магометъ Ш, 125.

Моллеръ I, 151.

Молодецкій I, 419, 420.

Молоствовъ II, 181.

Молчановъ Петръ Степ. II, 342, 391.

Мольтке графиня II, 560.

Монаенко Вас. Ил. III, 218, 222, 248, 634, 635.

Мондвидъ Феликсъ І. 182, 183.

Монруа I. 501.

Монсъ I, 25.

Монтасю III. 237.

Мордовцевъ Д. Л. II, 5, 12, 17, 19, 21, 22, 178; III. 640.

Моренгеймъ II. 291.

Морицъ Петръ Алексвев. П. 241, 243. 244.

Морни герцогъ II. 572; Ш. 171, 331. 332.

Морозовъ Борисъ Ив. I, 105.

Морозовъ Г. С, III, 150.

Морозовъ П. О. I, 332; III, 208.

Морозовъ С. Т. II, 389.

Моронъ кардиналъ I, 634.

Морошкинъ Недоръ Лукичъ III, 233.

Морткинъ ки. Ив. Юр. 1, 575.

Мортье марш. 1. 241; II. 374.

Москалевъ III, 246.

Мосоловъ Өедоръ Григ. 1, 400, 491,

Мостовскій гр. I, 379.

Мостовскій Мих. Степ. І, 582, 586.

Моторинъ IIв. Өедор. I, 101, 103.

Моторинъ Мих. Ив. I, 101.

Моторинъ Федоръ I, 104, 105, 276.

Мошнинъ II, 595.

Мугаммедъ III. 422-424.

Музовскій Никол. оберъ-свящ. II, 275.

Муминатъ Ш. 120.

Муравьева Е. O. II. 224.

Муравьевъ Ал-дръ Нив. II, 427; III,

Муравьевъ Андр. Ник. I, 315, 594, 645.

Муравьевъ гр. М. II. I, 305, 391; II, 430 431.

Муравьевъ Мих. Нивит. 1, 452.

Муравьевъ-Амурскій Н. П. 1, 236, 237.

Муравьевъ-Апостолъ II. М. II, 221,540.

Муравьевъ-Карскій Н. Н. I, 379; III,

243—274. 303. 536. 537, 633—636. Муравьевы Ш. 148, 160, 563.

Мурадъ III-й III. 514. 517.

Муретовъ С. Д. I. 564.

Мурзаковъ Триф. Ш. 147.

Муромцевъ Л. М. Ш. 399.

Мурузи Ал-дръ I, 285; Ш. 212.

Myca III. 104.

Мусина-Пушкина гр, Е. А. Ш, 206.

Мусина-Пушнина тр. Соф. Ш. 206.

Мусина Пушкина гр. Эмизія Карз. І. 364.

Мусинъ Зеутфундинкъ II. 164.

Мусинъ-Пушнинъ гр. Ал-БВ Ив., I. 449, 452 - 455.

Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ гр. Вас. II. 458.

Мусины-Пушкины графы I, 338; III, 206, 217. 218.

Муслиметъ III, 110.

Муталебъ III, 131.

Мухамедъ-Джантюринъ султавъ III. 309. 310.

Мухаммедъ-Захидъ III, 107, 110. Мухановъ Ал-дръ Алексвев. III, 347. Мухановъ Владим. Алекстев. Ш., 161-199, 327—336, 547—568. Мухановъ Илья Дм. Ш, 562. Мухановъ H. A. III, 168. Мухановъ П. А. I, 202, 335. Мухановы І, 191, 195, 302, 307, 308; III, 348, 353. Мухинъ врачъ I, 267. 288. Мухортовъ 3, Н. II, 236. Мушицкій 1, 201. Мѣшковъ II, 344. Мюллеръ Іоаннъ І, 197. 205. Мюрать I, 197; II, 370. Мановскій врачь I, 306, 371. Мясниковъ I, 295.

Нагой Ив. Вас. I, 70, 71, 74—76. Надеждинъ Н. И. III, 211, 277. Наджабатъ III, 110, 111. Надъевъ III, 245. Назаровъ II, 181. Назарьянцъ Степ. Исаев. III, 233. Назимовъ I, 495. Найденова Праск. Андр. (Нв.) I, 420. Нанко А. III, 211.

Мясновъ Пав. Никол. I, 236, 237.

Мясовдовъ Серг. Степ. II, 28.

Мятлевъ II. И. II, 232.

Накулъ Григ. I, 167. Накулъ Конст. I, 176.

Налётовъ И. С. II, 400, 402. Нанисатъ III, 110, 129.

Наполеонъ I-й I, 122, 139, 157, 196, 249, 257 — 265, 282, 439, 451, 524, 526, 527, 562, 563, 609; II, 68, 132, 135—137, 148, 288, 341, 344, 345, 372 — 378, 386, 401, 402, 405, 502, 521—540; III, 5, 32, 142, 159, 170, 200—204, 343, 345, 607.

Наполеонъ III-й I, 381, 437; II, 573, III, 65, 155, 159, 162—164, 171—175, 185—187, 547—549, 552, 595.

Нарбоннъ графъ II, 377, 378. Нарышнина Евдок. Григ. II, 474. Нарышнина Марья Антон. III, 17. Нарышкина Ольга Станисл. 1, 267 III, 551.

Нарышнина София Льв. I, 267. Нарышкинъ А. Л. I, 498; II. 214, 331, 335, 459, 461, 462.

Нарышкинъ Дм. Ив. III, 568. Нарышкинъ Дм. Льв. I, 429; II, 493. Нарышкинъ Л. А. II, 140, 193. Нарышкинъ Левъ Кирвл. I, 475. Нарышкинъ 9. Д. II, 568; III, 553. Нарышкины I, 197, 308, 474, 475; II, 176.

Насоновъ II, 326. Нассаускій герцогъ III, 606. Наталья Алексъевна I, 319, 644; II, 170.

Наталья Кирилловна царица I, 21, 475. Наталья Михаиловна вел. княжна I, 396.

Наталья Петровна царевна I, 645. Нахимовъ II, 599; III, 160. Нацваловъ III, 75. Невзоровъ I, 51, 38, 41, 42. Невтоновъ III, 266. Невшательскій принцъ II, 374. Невъровъ Іаковъ протоіер. II, 27, 28, 35, 37.

Незеръ-Али-ханъ-Зенда III, 310—312. Неклюдова Марья Серг. II, 243. Неклюдовъ Богд. I, 177, 178; III, 13. Некрасовъ Аврам. свящ. 1, 472. Некрасовъ И. А. I, 315. Некульчи Іоаннъ III, 212. Нелатонъ д-ръ II, 573; III, 36. Нелединскій-Мелецкій А. IO. II, 313. Нелидова Варв Аркад. I, 307, 309. Нелидова Ек. Ив. I, 610; II, 281, 310, 458, 478, III, 599.

Нелидова Наст. Алекскевна II, 469. Нелидовъ А. И. III, 608. Нелидовъ Вас. Ив. II, 469.

Нелидовъ Іоасафъ Аркад. І, 299, 301 — 302, 304, 307, 309, 310, 361, 362.

Нелидовы 1, 469.

Немировичъ-Данченко III, 590.

Немичъ г-жа I, 303.

Неофитъ ісромонахъ I, 61.

Непиръ дордъ I, 390; II, 568.

Неплюевъ III, 13.

Нессельроде графиня I, 310; III, 241 Нессельроде графъ I, 126, 130—132, 135, 138 - 140, 195, 254, 310, 388, 436, 437, 444, 445; II, 232, 233, 292; III, 163, 164, 172, 175, 179, 190, 545.

Нестеровъ М. В. I, 479; II, 529.

Несторъ лътописецъ I, 449-455; III, 281, 470, 471.

Нефедьевъ Мих. I, 325.

Нечаева Софья Серг. 1, 565.

Нечаевъ Дм. Степ. I, 570; 11, 615.

Нечаевъ Степ. Дм. I, 565 — 570; II, 615.

Нечаевъ купецъ II. 535.

Нигра графъ III, 628.

Никаноръ архіеписк. 1, 645.

Никитенко A. B. I, 621; II, 297, 302, 519; III, 526, 638.

Никитенко Василій II, 496, 497, 499.

Нинитинъ Гавр. Ром. I, 275.

Никитинъ Никол. Дм. III, 291.

Нивитины I, 636.

Никифоръ патріархъ III, 279.

Никодимъ ениск. Орловек. 1I, 275.

Николаевъ Ал-дръ II, 154, 233.

Николаевъ атам. III, 239.

Николаи баровъ II, 232, 448, 548, 552.

Николай I-й I, 21, 51, 95, 100, 109-140, 197, 211-214, 236, 241-256, **269**, **379**, **281**, **286**, **287**, **299** - **301**, 303, 306 - 308, 334, 348, 365 - 377,380, 381, 385, 401, 416, 433 - 418,456, 486, 493, 554, 577, 602 - 613; 11, 50, 64, 72-88, 97, 98, 101, 104, 105, 219—227, 228, 230, 239 —245,

III. 45

274, 278 - 292, 295, 316, 550, 553, 556, 576-594; III, 74, 88-100, 154, 163, 164, 177, 186, 195, 243, 244, 249, 251, 298 - 302, 304, 327, 392,536, 538-540, 633, 639, 640.

Нинолай I-й папа III. 446, 447.

Николай II-й императоръ III, 606, 612, 620, 622, 624, 627, 629.

Николай Александровичъ цесаревичъ II, 239-272, 427-452, 541-573, III, 34-58, 132-139, 198, 302, 304, 334, 510, 565.

Николай Константиновичъ вел. выязь II, 256.

Николай Николаевичъ Младшій вел. янязь I, 401.

Николай Николаевичъ Старшій I, 401, 606-613; II, 604.

Никольскій Викторъ свящ. 1, 472.

Никольскій С. П. I, 489.

Никонъ патр. I, 164, 168, 170, 172, 595, 596.

Никонъ преподобный III, 296.

Нилъ преосвящ. II, 433.

Нимвродъ III, 463.

Hunna III, 225.

Ниродъ III, 265.

Ноаль герцогь 1, 194.

Новицкій Леонардъ Осип. III, 233.

Новосильская Нат. Андр. II, 222.

Новосильская Ольга Ром. И, 220, 222.

Новосильскій Андр. II. II, 222.

Новосильскій Мих. II. II, 222.

Новосильскій II ав. П. II, 222.

Новосильсній II. М. II, 222.

Новосильцова Ек. Владимир. II, 277, 453.

Новосильцовъ Ал-дръ Владимир. I, 222.

Новосильцовъ AI в III, 284.

Новосильцовъ II. II. I, 439, 440, 446: II, 291, 292; III, 205.

Новосильцовъ II. II. I, 255.

Новосильцовы II, 198, 529.

русскій архивъ 1896.

Нолисъ II, 554.

Нольде бар. II, 258.

Нольде г-жа II, 263.

Номикосовъ III, 590.

Нордерманъ I, 6.

Нординъ I, 308.

Норовъ А. С. I, 362, 367, 369, 372, 387—389, 472; III, 149, 152, 155, 197.

Н(оровъ В. А.) I, 227, 229, 230, 236, 237.

Носовъ Якимъ І, 635.

Ностицъ графъ II, 542; III, 106, 107-

Носъ Андр. Евдоким. І, 582.

Нурали-ханъ II, 5.

Нуръ-Мухаммедъ III, 125.

*

Оболенская княжна Нат. Вас. I, 382. Оболенская княгиня Ольга Ив. I, 372, 377.

Оболенскій кн. Андр. Александр. І, 372. Оболенскій кн. Д. Л. III, 173, 182, 183. Оболенскій кн. Дм. І, 160, 372, 389. 391.

Оболенскій ки. М. Л. 11, 386; Ш, 554. Оболенскій ки. Петръ Серг. Г, 372. Обръскова І, 195, 197.

Образновъ Мах. Алекстев. И. 404.

Обръзновъ Никол. Вас. 11, 341.

Обръзковъ III, 16, 17.

Овербекъ Ш, 328.

Оверъ Ля-дръ Ив. III, 291, 292.

Оверъ г-жа Ш, 170.

Овсянниковъ А. Н. II, 607; Ш, 297. Овчинниковъ II, 16.

Огарева Марья Никол. 11, 132, 141. Огаревъ Мих. Никол. 11, 139.

Огаревъ Никол. Александр. II, 132, 139, 141, 142.

Огаревы II, 365, 366, 389, 400, 460, 589.

Огеръ I, 302.

Одинцовы I, 642.

Одоевскіе внязьн І, 362; П 401, 402; П, 598.

Одоевскій кн Ал—дръ Ив. II, 409; III, 348.

Одоевскій кн. В. Ө. І, 351, 353; Ш, 353.

Одоевскій кн. Федоръ Юр. Ш, 598. Одынецъ I, 378.

Одпье І, 619.

Озерецковскій Аркад. Павл. ІІІ, 224.

Озеровъ А. П. II, 144, 542.

Озеровъ И. П. II, 542.

Озеровы I, 207, 352, 430, 499, 506, 625; II, 222, 356, 358, 359, 367.

Оконель III, 192.

Окулова Анна Алекстевна I, 606-613.

Онуневъ Андр. Ин. I, 538, 547, 553.

Онуневы II, 469.

Олеарій 1, 630.

Оленина Анна Алекстевна 11, 223, 225,

Оленина Елисав. Марк. II, 222—226. 234, 235.

Оленина Елисав. Петр. II, 223.

Оленина Соф. Никол. II, 234.

Оленинъ Ал-дръ Алекстев. I, 586.

Оленинъ А. Н. II, 217, 222—226, 234, 235, 239, 440, 492.

Оленинъ Петръ Алексъсв. II, 223.

Оленины I, 453; II, 261.

Олешевъ Вас. II, 458.

Олсуфьева І, 495, 522.

Олсуфьевъ В. Д. II, 240-242, 244,

245; III, 125, 186-188.

Олсуфьевъ Дм Ад. II, 479, 483.

Ольга святая Ш, 470.

Ольга Николаевна вел. княг. I, 307, 310, 335, 336, 339, 340, 348, 605—613; II, 230, 251, 550; III, 175, 185, 301.

Ольга Павловна вел. ки. II, 280. Ольга Осодоровна вел. киягиня 111,

Ольденбургскій герц. І, 120, 254.

Ольденбургскій принцъ П. Г. I, 310, 336; III, 153, 555.

Омаръ III, 110-112, 128.

Омеръ-наша 111, 269, 303, 596, 634. Онорій папа 111, 430.

Оомъ Адольфъ II, 218.

Оомъ Анна Өелор. II, 219, 222-240.

Оомъ Вильгельнъ II, 218.

Оомъ Гансъ II, 217, 218.

Оомъ Гейнрихъ II, 218.

Оомъ Гертруда-Елисавета II, 218.

Оомъ П. А. II, 252.

Оомъ Фридрихъ II, 218.

Оомъ Өедөръ Адольф. II, 217—272, 427—452, 541—573, 615; III, 34—58, 132, 304.

Оомъ Ө. Ө. II, 252.

Опольцеръ врачъ III, 44.

Опперманъ графъ І, 416.

Орбеліани княгиня III, 241, 633.

Орбеліани князь Дм. Гр. II, 448; Ш, 254.

Ординъ-Нащокинъ І, 161.

Ореусъ Ilв. Макс. I, 362; Il, 63-66.

Орефьевъ Степ. I, 277.

Оржевскій I, 495.

Орлеанскій герц. І, 131, 134, 135, 138, 242, 447.

Орлова-Давыдова гр. Н. В. II, 232.

Орлова-Денисова гр. III, 214, 215. Орлова-Чесменская гр. А. А. I, 315,

566, 577—579; II, 273—277, 453, 454.

Орловъ-Чесменскій гр. Ал—тй Григ. I, 577, 579, 580; II, 274-276, 279, 453.

Орловъ гр. I, 130, 132, 134; II, 140, 274, 275, 277, 454; III, 164, 165, 174, 186, 550, 557.

Орловъ-Давыдовъ гр. Анатол. Владимир. I, 576, 579, 580; II, 454; III, 554.

Орловъ гр. Владим. Грвг. I, 577; II, 194, 273, 277, 453, 454.

Орловъ вн. Григ. Григ. I, 383, 577, 579, II, 274—276, 453; III, 335.

Орловъ Григ. Өедөр. 11, 277, 454.

Орловъ Давыдовъ гр С. В. 1, 287.

Орловъ-Денисовъ гр. III, 571.

Орловъ гр. Ив. Гр. I, 577; II, 273, 453.

Орловъ Мих. Өелор. II, 277, 454.

Орловъ гр. Федоръ Григ. I, 577, 580; II, 275, 276, 453.

Орловъ Ө. Ө. П. 277, 454.

Орловы графы I, 196, 303, 305, 434, 435, 438, 441, 576 — 580; II, 176, 273—277, 453, 454.

Оружейниковъ Ал — тій II, 178—181. Осининъ I, 390.

Оскаръ король II, 555.

Ослябя III, 240.

Османъ-паша II, 599-601.

Остенъ-Сакенъ гр-ня II, 563; III, 558.

Остенъ Саненъ Дм. Ероф. II, 562; III, 347,

Остерманъ гр. 1, 319, 476, 477, 643, 645.

Островскій А. Н. І, 315, 506, 623, 626.

Островскій Григ. 1, 636.

Остроглазовъ II. М. 1, 119.

Оттонъ король I, 129, 254.

Оуэнъ (д') II, 461.

Офенбергъ г-жа II, 263.

Офренъ II, 193.

Офросимовъ II, 303.

Очкина П. A. II, 252.

Очкинъ А. Н. 11, 252.

Ошанинъ Д. Дм. I, 236, 237.

Павелъ архидіан. Аленскій I, 167, 168; III, 209.

Павелъ имп. I, 29, 102, 124, 206, 208, 326, 327, 405, 448, 451, 528, 555, 636; II, 139, 140, 170, 176, 219, 245, 278, 280,—283, 305—340, 343, 385, 388, 458, 461, 500, 503, 506; III 193, 526—535, 599.

Павлова К. К. I, 190, 223. Павловъ М. Г. I, 318. Павловъ Никита I, 278. Павловъ Н. М. І, 144, 480. Павловъ Ш. 388. Павскій Герас. Петр. Ш, 60. 595. Падуровъ II, 12. Пазухинъ I, 214, 216-218. Паисій митр. Газск. І, 596. Паисій патр. Іерусалимскій I, 166, 186. Палаузовъ Ш, 75, 151. Паленъ баронъ М. И. Ш. 540. Паленъ гр. Анатол. II, 236, 237. Паленъ графъ II. А. I, 326, 327; Ш, 526, 527. Паленъ гр. II. II. I, 125, 130, 132, 139. Палены братья II, 237. Палены графы I, 284, 438; II, 615; Ш. 82, 193, 597. Палибинъ Ив. Ив. II, 192, 479. Палимпсестовъ Ив. Іуст. І, 270-273. Палицынъ Авраамій I, 28. Палладіо II, 140. Пальмерстонъ І, 120, 123, 132, 435; Ш, 192. Пальмеръ В. діаконъ I, 588 — 600; Ш, 377. Памфиловъ Іоаннъ свящ. II, 279. Панаевъ В. А. II, 446. Панина гр. Соф. Владимир. II, 277. Панинъ гр. В. Н. I, 299; II, 429, 602; III, 174, 175, 182, 562, 563. Панинъ гр. Н. И. II, 305. Панинъ гр. Никита Петр. II, 131. Панинъ гр. П. И. II, 176. Панины графы I, 440; II, 504, 615; Ш, 52, 193, 362. , Пантелеева Анна Ив. I, 406, 407. Панфиловъ Ш, 156. Панчулидзевъ А. А. I, 493-496. Парротъ II, 228; III, 179.

Парфеній II-й I, 172.

Парфеній III-й I, патр. Константиноп. I, 171, 173, 174. Парфеній-инокъ Ш, 209. Пасеки 1, 359. Пасекъ Наст. Оедор. I, 354. Пасекъ II. Б. I, 356. Паскевичъ князь И. О. I, 128, 133, 135, 136, 367; II, 599; III, 172, 185, 195, 332, 354, 536, 537, 540, 562, 563, 634. Пастуховъ Кузьма Кузм. II, 29, 32, 34, 36. Патиматъ Ш, 131. Паткуль I, 495. Патсо Ш, 26. Пауеръ II, 568. Пашкова I, 191, 194 197. Пашнова Марья Трофии. I, 608. Пашковскій свящ. Іоан. Прок. І, 635. Пашновъ II, 237. Пашковы Ш, 362. Педенко врачъ III, 627. Пезаровіусь II, 228. Пекарскій ІІнк. Няк. II, 29, 34. Пекарскій П. П. II, 29. Пеллетанъ Ш, 27. Пеллетье Ив. І, 561. Пеморовъ 1, 494. Пензулаевъ III, 109. Первухинъ Ш, 309. Пересвътъ Ш, 240. Перовскіе графы І, 212, 373, 375; II, 565; III, 93-100. Перовскій Ал-вії Вас. І, 296, 297. Перовскій гр. Бор. Ал. II, 244, 255; Ш, 42, 56. Перовскій Вас. Алекс. І, 292, 296, 297, 300, 305, 306; III, 309. Перовскій Л. А. І; 368—370, 496, II. 427. Перуцци II, 570, 571. Перфильевъ І, 299. Перцовъ Конст. Петр. I, 481. Пестель Бор. Ив. Ш, 528.

Пестель Владим. Ив. III, 528. Пестель Ив. Борис. II, 404; III, 527, 528.

Пестель Нав. Ив. III, 189, 528.
Петрашевскій І, 237; III, 196.
Петерманъ III, 233.
Петерсонъ III, 222.
Петрово-Солововъ II, 389.
Петрова Наст. Яким. І, 212.
Петрова Ольга Навл. І, 212.
Петровская III, 222.
Петровъ Іоаннъ свящ. І, 65.
Петровъ Н. И. І, 614—618.
Петровъ Петръ II, 339.
Петровы І, 210; II, 40; III, 289, 593,

Петрушевичъ Ш, 277.

598.

Петръ І-й I, 8, 9, 14, 19, 21, 23, 25, 27, 100—104, 107, 204, 219, 243, 278, 319, 399, 402, 475—480, 557, 558, 560, 630—637, 643, 645; II, 47, 54, 66, 186, 267, 292, 397, 409, 577, 609; III, 138, 161, 162, 178, 188, 198, 209, 240, 243, 283—287, 345, 376, 480, 593.

Петръ II-й I, 26, 27, 319, 476—478, 557, 558, 560, 633, 643—645; II, 27, 218.

Петръ III-й I, 102, 108, 629, 632, 633; II, 7, 8, 10, 20, 41—43, 162, 165—167, 170, 175, 177, 180; Ш, 178.

Петръ - Августъ - Фридрихъ принц. Гоаштейнъ-Бекскій 1, 632.

Петръ Аленсандровичъ 1 риццъ Ольденб. II, 605.

Петръ Георгіевичъ принцъ Ольденбургскій І, 336; ІІ, 336; ІІ, 569.

бургскій І, 336; ІІ, 336; ІІ, 569.
Петръ Герасимовичъ ІІ, 505.
Петръ мятроп. Моск. Ш, 474.
Петръ Петровичъ царевичъ ІІ, 177.
Печоринъ І, 385.
Пещурова Е. Н. І, 336, 347.
Пещуровъ І, 280.

Пій V-й III, 521. Пій ІХ-й І, 594, 595. Пикардо Клодъ III, 26. Пилатъ III, 420. Пилларъ-фонъ-Пильхау баронесса А. К. III, 300. Пименовъ художи. І, 603, 604. Пименъ архіеп. Новгородск. І, 107.

Пинго Леонсъ III, 607. Пинскій I, 299, 302. Пирлингъ II. 0. III, 513.

Пирлингъ II. О. III, 513. Пироговъ Дм. I, 277.

Пироговъ Н. П. III, 46, 48, 74, 84, 150, 556, 557.

Писанко I, 379.

Писаревъ І, 27, 502, 503.

Пистольнорсъ II, 237.

Питиримъ архіен. Нижегородск. 1, 61, 63, 65, 66.

Питтъ I, 613.

Пичугинъ III, 314.

Пиччини I, 298.

Пичъ III, 280.

Пищулинъ II, 372.

Платеръ гр. I, 379.

Платовъ II, 253; III, 230.

П(латоновъ) III, 566.

Платонъ митр. Моск. II, 211, 324, 325, 464, 465, 480, 492; III, 74, 240.

Платонъ преосвящ. II, 265. Платонъ филос. III, 418, 420.

Плаутинъ І, 368.

Плафянъ III, 233.

Плесси г-жа I, 201.

Плетневъ II. А. I, 203, 362, 363,

365-367, 389; II, 246.

Плещеева Евникія I, 107.

Плещеевъ А. П. ІІІ, 387.

Плиткинъ Бор. II, 172. Плотниковъ Ив. II, 1:9.

Плюшковъ Ш, 19.

Побъдоносцовъ Б. И. II, 253, 432,

435, 449; III, 55, 304.

Поггенполь II, 236; Ш, 37, 39.

Погодинъ М. П. І, 78, 143, 144, 318, 377, 381, 451, 455, 474, 476, 478; II, 127, 247-351, 410, 435, 610, 611; III, 198, 369, 565. Подгоръций Сем. Серг. I, 582. Подладчиновъ I, 494. Подлипалинъ Мак. II, 179. Пожарская княгиня Наст. Оедор. І, 571, 574. Пожарскій кн. Дм. Мих. І, 274, 562, 571, Позенъ I, 498. Познанскій Игнат. Никол. 11, 372, 387, 388. Покровскій Герас. II, 154. Покровскій Н. И. І. 581. Покровскій II. Е. протојер. I. 274. Полевой I, 186, 474. Полетина I, 287. Поликарпова Елис. Павл. II, 479. Полинарнова Марын Андр. II, 196, 508; 509. Политновскіе І, 369, 380. Политновскій Ал-дръ Гавл. І, 380. Политновскій Никол. Ром. II, 51, 52. Полнобоновъ Ал-дръ Ив Ш, 247, 248. Половинкинъ І, 491. Полозовъ II, 233. Полонскій Я. П. І, 385, Полтавцева Зинаида Инкол. III, 362. Полтавцевъ III, 237. Полторацкая Елисав. Марк. II. 222-226, 234, 235. Полторацие I, 196; Ш, 217. Полторацкій В. А. I, 97. Полторацкій Дм. Марк. II, 191. Полтораций Конст. Марк. I, 213 219; II, 586, 587, 589, 592-594. Полторацкій М. О. II, 191. Полтораций Серг. Дм. II, 191. Полуентова Люб. Өедөр. III, 208. Полумордвиновъ врачъ Ш, 326. Полунинъ Ал-тії Нв. III, 293, 294.

Полѣновъ II, 444.

Польновы III, 135. Полянскій I, 280; III, 29. Помо І, 539. Померанцевъ Оед. III, 315, 325. Помяловскій И. II, 611. Пономаревъ II, 179—181. Понятовская II, 570. Попандопуло В. Ш. 295. Попе I, 269. Попова Люб. Вас. II, 237; III, 61. Поповъ А. Н. І, 301, 302; ІІІ, 369, 377, 378, 387, 388, 391, 392. Поповъ В. С. II, 194-196, 237. Поповъ Н. А. I. 28. Поповъ Никол. Мих. III, 233. Поповъ Фаддей I, 636. Поповы I, 364, 367, 381, 594-596; II, 33, 105, 107. Порошинъ II, 282, 305. Поспъловъ Андр. Егор. II, 5, 11-14, 18, 21-26, 161, 162, 168, 169. Поссевинъ І, 635; Ш, 513, 514. Поссіеть II, 173. Постельсь А. Ф. II, 231, 232. Постниковъ А. А. II, 60. Постниковъ Дм. II, 176. Постниковъ Петръ врачъ І, 636. Посьеть К. Н. II, 243. Потаповъ Ал-дръ Льв. II, 440, 441, Потемкинъ кп. Гр. Ал. 1, 29, 31, 187, 296, 538, 544; II, 99, 100, 189, 194 -2(0, 614; III, 209-212, 217. Потоцная Марія Ш, 66. Потоцкая гр. Ольга Станисл. 1, 267. Потоцкій гр. Ал дръ І, 128, 268. Потоций гр. Ф:ликсъ II, 458. Потто III, 107. Потъхинъ 1, 621 626. Похвисневъ Д. Л. II, 482. Поццо-ди-Борго I, 200; III, 200-204. Пресансе 1, 592, 593. Прилежаевъ свящ. III, 43. Принцъ Анна Петр. III, 222.

Принцъ Петръ Александр. III, 21s, 222, 22, 24s.

Прозоровскій кн. А. А. І, 187; ІІ, 192, 198, 20, 206, 208, 214—216.

Прокопій монахъ III, 63.

Прокоповичъ-Антонскій А. А. III, 7. Прокопьевъ Ив. I, 65.

Прокофьевъ Егоръ II, 9, 10.

Протасова Анна Степ. II, 310, 457, 458.

Протасовъ Ал-дръ Як. II, 215, 329. Протасовы I, 361, 363, 371, 645; II, 225.

Протопоповъ II, 31, 32.

Прохоровъ Ш, 257.

Прянишниковъ θ . Ив. I, 369, 372; II, 104; III, 155, 560.

Псковитиновъ Несторъ Ив. I, 105, 107.

Птичниковъ Илья II, 202, 203, 205.

Пугачовъ Емел I, 321 II, 5—46, 161—184.

Пулло III, 148.

Пурталесь II, 572; Ш, 332.

Пусловскій І, 379,

Пустобаевъ Патръ II, 171.

Пустынскій Георгій Гаврял. свящ. І, 67.

Путята І, 364.

Путятина Маргар. Петр. II, 199.

Путятинъ 1, 390.

Пушкина Вепедвита Данил. I, 107.

Пушнина гр. Марія Ш, 553.

Пушкина Нат. Ник. І, 380.

Пушкинъ А. С. I, 110, 140, 149, 241, 279, 284, 285, 287, 314, 318, 322, 351, 352, 378, 401, 435, 448, 497, 501, 528; II, 11—13, 17, 19, 22, 24, 26, 171, 574, 575, III, 26, 27, 67, 142, 206—208, 309, 351, 352, 356, 481, 489, 537, 609.

Пушкинъ В. В. Л. I, 203; II, 96, 584.

Пушкинъ Ив. Алексћев. I, 221. Пущина фребл. III, 538. Пущинъ I, 305. Пшискевичевы I, 379. Пыпинъ А. Н. I, 314, 315, 320. Пътуховъ Е. В. I, 539; II, 127. Пъшковъ III, 233, 239. Пятновскій II. 287. Пятницкая I, 295.

Рабутинъ графъ I, 25, 26, 319, 320, 476, 477, 644, 645.

Равиньянъ I, 306.

Рагузинскій гр. Савва Владисл. І, 636.

Рагуннина Афроспиы III, 10S.

Рагуннинъ казакъ Ш. 108.

Радзивиллъ княгиня І, 329, 342.

Радзивилъ кн. Мах. I, 128; Ш, 22.

Раевская Ек. Ив. I, 220-240.

Раевскій Дм. Ив. 1, 222.

Раевскій Ив. Артем. I, 221, 230, 236, 237.

Раевскій М. О. протоїсрей 1, 343, 346, 471, 472, 480.

Раевскій II. III, 537.

Ражевъ Мих. II, 44 45, 46.

Разводный 1, 514, 516, 519.

Разсыльщиковъ Вас. I, 206, 207.

Разумовская гр. В. A. II, 471, 472.

Разумовская гр. В. Н. П, 192, 305, 322, 327, 328, 338, 460, 470, 471, 476, 492.

Разумовская гр. Гепріета II, 472. Разумовскіе графы I, 191, 194, 197, 302, 308, 639; III, 316.

Разумовскій гр. Ал-тій Гр. III, 176.

Разумовскій гр. Ал бй Кирил. I, 450, 453, 481, 485; II, 192, 335, 336, 338, 470, 471, 479; Ш, 7.

Разумовскій гр. Гр. Кирял. Н. 472. Разумовскій гр. Кир. Лл. І. 481— 485; П. 335, 461, 469, 500.

Разумовскій гр. Кирил. Григ. 11, 229. 321. Райе д-рт. II, 573.

Райновскій Ал-Бй свящ. І, 472. Ракоччи II-и Георгій I, 162, 171, 172, 174, 175. Рамазанова I, 501. Рамазановъ І, 501. Рамбиръ-Сингъ-раджа Ш, 306. Ранцау графъ I, 12; II, 501. Ранцевъ Ш, 326. Расторгуевъ Вас. Вас. I, 278. Растопчинъ гр. О. В. II, 343-346, 349, 351-355, 357-361, 364, 366, 367, 380, 385, 394, 402, 405, 457. Растрелли II, 49, 264. Раухфусъ д-ръ II, 437. Раухъ врачъ I, 447, 493, 610. Рафаэль III, 492. Рахманиновъ II. И. I, 187. Рахманова актриса I, 429. Рахмановъ М. И. II, 479. Рашель I, 194, 198. Реадъ I, 311; III, 21, 247, 303, 632. Ребристый Григ. Павл. Ш, 233. Ребровъ III, 222. Рейе врачъ Ш, 36. Рейнсдорпъ Ив. Андр. II, 12, 13, 18, 27-29, 162-165, 174, 176, 180, 181. Рейсъ привцъ II, 545. Рейтернъ Мох. Христоф. II, 100-107. Рейхманъ Ш, 41. Рекамье г-жа I, 193, 194, 198, 203; III, 142. Ренаредъ Иси. король Ш, 522. Рекке (фонъ-деръ) II, 262. Рембелинскій В. Л. II, 37.

Ремберъ Як. II, 186.

Рембрандтъ Ш. 492.

Реметева Маргар. Петр. II, 199.

Реметевъ Ал-дръ Петр. II, 340.

Реметевъ Як. Петр. II, 340, 497.

Реметева Наст. Петр. II, 199.

Реметевъ Петръ Як. II, 340.

Ремизовъ Гавр. I, 585. Ренанъ I, 392, 619. Ренне баронесса II, 263. Ренне баронъ II, 232, 263. Релнина княгиня В. A. I. 639. Репнина княжна Елисав. Никол. Ш, 169. Репнина княгиня Нат. II, 323. Репнинъ кн. Бор. Ал. I, 176. Репнинъ кн. Н. В. I, 25, 481; II, 471. Рёрбергъ врачъ Ш, 44. Реутовскіе Ш, 25. Реутъ Б. М. Ш, 6, 12, 18—25, 303. Реутъ Іосифъ Антон. Ш. 303. Ржевусскіе графы Ш, 22. Рибопьеръ І, 136; ІІ, 570; Ш, 333. Риго Альфредъ II, 69. Ридигеръ графиня II, 258. Ридигеръ I, 368. Ридъ II, 554. Рикаръ врачъ Ш, 44. Рингуберъ I, 630. Риттихъ О. О. II, 88. Рихтеръ О. Б. I, 7; II, 233, 252-272, 428-552, 541-573, III, 37-58. Ришелье герцогъ I, 279. Роберъ I, 199. Ровинскій Д. А. Ш., 210. Родбекъ I, 204. Родзъевскій Ш, 27. Родиславъ (родоначальникъ рода Черевиныхъ) І, 641, 642. Родіоновъ Андр. Денис. І, 106. Родіоновъ В. А. II, 242. Родіоновъ Григ. Денис. І, 106. Родіоновъ Ив. Денис. І, 106, 170. Родіоновъ Патрик. Денис. I, 106. Родіоновъ Юр. I, 630. Родіоновъ II, 241. Рождественскій Ив. Вас. II, 26S. Рождественскій II. О. II, 235. Рождественскій С. І, 500. Рожерсонъ II, 501. Рожеръ III, 222.

Розанова Ольга Павл. I, 212. Розановъ II, 610. Розенбергъ Ив. Ив. I, 422, 518, 523, 530—535, 540, 542, 543, 546, 552; II, 48, 50, 51, 58. Розенъ баронесса II, 549; III, 539.

Розенъ бароне Г. В. II, 221, 241; III, 167, 538-540.

Рокасовскій I, 293.

Романовскіе князья II, 221.

Романовъ Дм. I, 207.

Романовъ Кузьма Ив. III, 132—139. Романовъ Михаилъ Өеодоровичъ царь III, 475.

Романовъ Серг. II, 589—594. Романовъ актеръ I, 429.

Роммъ II, 501.

Роопъ І, 77, 78.

Россель Дж. I, 347.

Россетъ Ал-дра Осип. Ш, 361, 362. Россетъ А. О. J, 279—310, 320, 361—392, 603; Ш, 198, 550.

Россеть Карать Осии. I, 279, 283, 310.

Россеть Клементій Осин. I, 279, 283, 286, 287, 390.

Россеть Ос. Осип. I, 279—281, 320, 368.

Россетъ Софья Ив. І, 320.

Россиліонъ баропъ I, 375.

Россини II, 221, 233.

Ростовскіе внязья Ш, 593.

Ростовскій князь (Лобанъ) Ив. Александр. Ш, 593.

Ростовцовъ Я. И. II, 248; III, 397, 559, 561—563.

Ростопчина гр. I, 196, 223, 297, 298, 306, 308, 309, 364, 366, 377; III, 239.

Ростопчинъ гр. Андр. Оедор. III, 239. Ростопчинъ гр. О. В. І, 196, 451, 562, 563; II, 308, 339, 340, III, 6—8, 12, 16, 21, 23.

Ротмистровъ III, 366.

111. 46

Ротъ г-жа II, 315. Ротъ III, 251, 303.

Роцманъ II, 557.

Рошке Богд. Ив. Ш, 224.

Рошке Елисав. Ш, 224.

Рошке Марья Ив. Ш, 224.

Рубенсъ III, 492.

Рубецъ Ив. 16-18.

Рубини I, 197, 298.

Рубинштейнъ II, 553.

Рубцовъ Ив. II, 182, 183.

Рудановъ II, 361, 362, 369, 370.

Рудамаевъ Егоръ Демид. I, 414— 418, 422, 423, 538, 539.

Рудинскій В. И. Ц, 304.

Рудинскій врачъ II, 110, 112, 114,

115, 117, 118.

Рудинскій Ф. Ив. І, 84-96.

Рукавишниковъ Дм. II, 179.

Рулье Карять Франц. Ш, 235, 294, 295.

Руммель III, 593.

Румянцова Маргарита I, 107.

Румянцовъ Ал-дръ Ив. I, 24.

Румянцовъ гр. Н. П. І, 637; П, 308, 309, 311, 314, 501.

Румянцовъ гр. II. А. I, 22, 24.

Румянцовы графы II, 402; III, 168, 169.

Руничъ II, 367,

Руновскій III, 101, 110, 111, 118, 121, 129.

Руссо парикиах. II, 503, 507.

Рушинскій II, 40.

Рыбаковъ I, 520.

Рыбниковъ II. Н. II, 360; III, 133.

134, 137-139, 399.

Рыкалова I, 501.

Рыкаловъ I, 500.

Рыльевъ III, 348.

Рындинъ II, 495; III, 101.

Рычковъ II, 12, 17, 24.

Рѣдинъ I, 589-591; III, 309.

Рѣзвовъ д-ръ II, 304.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1896.

Рѣзцовъ Мих. II, 8. Рязановъ I, 409. Рясулъ-Тарханъ II, 174.

Сабле II, 372, 378. Сабурова III, 237.

Сабуровъ Як. Вас. I, 493, 495; Ш, 54.

Савваитовъ II. И. I, 387. Савеловъ Л. М. II, 609.

Савельевъ Никол. Тимов. I, 513.

Савицній Степ. Никол. ІІ, 94, 107.

Савичъ I, 272.

Саворные Ш, 27, 28.

Саврасовъ II, 285.

Сагидъ III, 130.

Садовскій Пр. М. Ш, 237.

Сажинъ Ив. II, 10.

Сазиковъ II, 266.

Саненъ баронъ III, 147, 155.

Сакенъ гр. II, 599.

Салатовъ В. И. III, 286.

Салтынова графиня Дар. Петр. II, 337.

Салтынова Елисав. Никол. I, 582.

Салтынова гр. Н. В. II, 200.

Салтыкова княгиня Ш, 556, 557.

Салтыковъ гр. И. II. II, 331, 333, 337, 467, 479.

Салтыковъ М. Евгр. (Шедринъ) Ш, 173, 594.

Салтыновъ гр. Никол. Ив. II, 176, 183, 313, 344.

Салтыновъ Сем. I, 477.

Салтыновъ гр. Серг. Петр. II, 342.

Салтыковы графини II, 323.

Сальванди I, 201.

Самарина М. О. I, 305.

Самаринъ Гавр. I, 163, 164.

Самаринъ Дм. о. III, 370.

Самаринъ Ив. Вас. Ш, 237.

Самаринъ II. 0. I, 220.

Самаринъ Юр. Ө. I, 142, 147, 155, 223, 308—310, 383, 387, 389, 391; II, 610, 611; III, 369—373, 376—379,

385, 387, 390, 394, 397, 398, 402, 502-504, 508, 510.

Самарины I, 361-363; II, 224.

Самарцевъ II, 40.

Самойло врачъ II, 304.

Самойлова гр. I, 301, 303; II, 220.

Самойловъ Ал—дръ Никол. I, 324, II. 210, 212.

Самойловы актеры I, 429; III, 243.

Самсоновъ А. П. II, 316, 556.

Сангушна князь І, 128.

Сандунова актриса I, 429.

Сандуновъ С. Н. актеръ II, 202-204.

Санковская Ш, 237, 238.

Саповъ III, 265.

Сапожниковъ II, 62, 74, 77, 86, 572.

Сапъга ки. Евстафій 1, 26, 128; П, 99.

Сарти Джузеппе I, 188; II, 197, 309.

Сатинъ 0, E. I, 187.

Сафветъ-паша Ш, 603, 604.

Сафоновъ Конст. Макс. 1, 277.

Сахаровскій Мих. свящ. І, 472.

Сахаровъ Н. И. I. 269, 472.

Свербеевъ І, 387; ІІ, 268; Ш, 387.

Свинарь Антопъ II, 112.

Свистуновъ І, 304, 369.

Сворочаевъ II, 507.

Святополнъ - Мирская внягвня Анна Андр. Ш., 225.

Святополиъ-Мирская виягиня Соф. Як. Ш, 225.

Святополкъ-Мирскій кн. Дм. Ив. І, 311.

Святополкъ-Мирскій князь Петръ Дм. I, 481.

Себастіани марш. І, 197.

Севастьяновъ II, 18.

Северинъ Д. П. I, 290.

Северинъ П. И. Ш., 15.

Севриновъ М. М. II, 49, 54, 58, 89—91.

Севрюгинъ II, 595.

Сеидъ-Гуссейнъ-Абдулла Ш, 130, 131.

Сезеневскій врачъ Ш, 74.

Селезневъ Ш, 5.

Селивановъ Пв. Ив. 1, 493; П, 466. Селли баронъ ІЦ, 5. Семевскій М. И. III, 598. Семенова актриса I, 429, 501; II, 222. Семеновъ I, 272. Семенъ Ивановичъ свящ. І, 55, 58. Семечкинъ II, 33. Семчевскій III, 228. Сенкевичъ III, 628. Сентъ-Олеръ I, 194. Сёньо поваръ II, 545, 546. Сенявина Паст. Алекс. I, 302; II, 469. Сенявинъ И. Г. I, 308, 368, 373, 374. Сенявинъ адмир. III, 204. Серафимъ митроп. Петерб. II, 274-276, 454. Сербиновичъ К. С. І, 196, 197. Сергіевскій Дм. Алексвев. І, 586. Сергій Радонежскій III, 240, 296, 475. Сергьй Александровичь вел. князь II, 255. Сергьй Максимиліановичь герц. Лейхтенбергск. II, 569. Сердюновъ III, 256. Серебряковъ Петръ І, 561. Серра-Капріола герцогъ II, 189. Сеславина Софья Павл. II, 132, 133, 138, 139. Сеславинъ Ал-дръ Никит. II, 132 -142. Сеславинъ Дм. Никол. II, 132. Сеславинъ Никол. Никит. II, 132, 138, 139. Сестренцевичъ митр. I, 197; III, 14. Сибенъ II, 340. Сивербрикъ II, 247. Сиверсъ гр. К. К. II, 237. Сигизмундъ II-й III, 521. Сигизмундъ III-й I, 642. Сильвестръ III, 281. Симашко митр. I, 197, 374. Симоновъ II, 7.

Симонъ еписк. Рязанск. І, 61, 62.

Синицынъ П. В. I, 479.

Сипягинъ II, 283. Сиркуръ графиня І, 190, 195, 198, 203. Сиротининъ A. I, 510. Снавронская графиня Анна Карл. 1, 26, 645. Сналона I, 282, 287, 301, 304, 305. Скальковскій III, 287. Скарятинъ В. Я. II, 430, 431, 568, 572; III, 37, 53. Скарятинъ Н. Я. II, 443. Скворцовъ Дм. І, 76. Скворцовъ И. М. I, 272. Скіава графъ Ив. І, 635. Скляевъ Оедосъй I, 636. Слизовъ Конст. Мих. I, 102, 277, 278. Слизовъ Мих. Семен. 1, 277. Слудниковъ самозванецъ II, 7, 177. Слуцній С. С. III, 518. Слѣпцова I, 285. Снобелевъ М. Д. I, 614-618; III, 603. Сколковъ II, 599, 600. Скородумовъ Гавр. III, 210. Скородумовъ Игнат. Дм. III, 94-100. Скородумовъ Никол. II, 584-588. Скрипицына Въра Някол. II, 245. Скрипицына Померанія І, 107. Скрипицынъ В. В. II, 145. Скульскій Пикол. Як. И, 149. Смирнова Л. О. I, 142-160, 279-310, 320, 361-392, 601-604; III, 361. Смирнова Н. Н. І, 279, 296, 308, 388. Смирнова О. Н. І, 301, 302, 380, 388. Смирновъ Мих. Никол. I, 300, 384-387, 389. Смирновъ Н. М. І, 160, 285-288, 297-299, 308-310, 320, 367, 369-371, 373, 375, 381, 384—386; II, 313. Смирновъ II. А. протојер. I, 270, 273.

Смирновъ С. К. протојер. І, 270.

Смирновъ-Платоновъ III, 233.

Смитъ-Томасъ I, 479.

Снарская Анна III, 25.

Собанинъ II. А. II, 479.

Соберъ II, 68.

Соболевскій С. А. 1, 379; II, 49, 300, 410.

Соболевъ III, 258.

Сожадымъ-ханъ III, 312.

Соймоновъ І, 495.

Соколли III, 514.

Соноловъ И. М. врачъ II, 110, 170, 177; III, 291.

Сократъ III, 417, 418.

Солдатовъ Ив. II, 179.

Соленниковъ II, 428.

Соловьевъ Никол. Ив. I, 77 — 79, 82—84.

Соловьевъ Петръ II, 505.

Соловьевъ С. М. I, 203, 474, 478, 576, 644; II, 127, 158, 253, 451; III, 36, 55, 369.

Сологубъ графъ В. А. I, 460—462. Сологубъ гр. Левъ Александр. I, 305, 306, 308.

Сологубъ гр. Марья Өедор. I, 305, 306. Сологубъ графиня Софья Ив. I, 305, 306.

Сологубъ графиня Соф. Мих. I, 462. Сологубъ графы I, 364; III, 303.

Сольмсъ I, 636.

Сольсбери маркизъ III, 615, 617— 619.

Сомовъ А. Н. II, 605.

Сомовъ Кирил. 1, 106.

Сомовъ Сем. Ив. I, 106.

Сонинъ Вилиръ III, 33.

Соренъ Над. Никол. I, 160, 279, 296, 308, 388.

Сосницкій И. И. І, 500.

Coфiaно II, 477.

Софія - Августа-Фредерика принцесса Ангальтъ-Цербская I, 634.

Софія Алекстевна царевна І, 21, 104, 107, 399, 474—476; ІІ, 177; ІІІ, 136, 240.

Софія Маделена припцесса Датская II, 188.

Софія эрцгерцогиня І, 447.

Спафарій І, 161-186.

Спенсеръ графъ II, 555.

Спенсеръ леди II, 554.

Сперанскій М. М. I, 387, 443, 446, 489, 490; II, 346, 347, 357; III, 169, 170, 179.

Сперанскій М. Н. профес. 11, 604.

Спонвиль Жакъ - Христоф.-Сельвестръ III, 27-31.

Срезневскій II, 443, 610.

Сталь г-жа II, 270.

Стамбуловъ III, 605, 622.

Станиславскій II, 23, 161, 165.

Станиславъ-Августъ І, 498.

Старицкій кв. Владим. Андр. III, 297.

Стасюлевичъ М. М. II, 253, 254; III, 36, 57, 58.

Стедингъ г-жа II, 554.

Стёнль II, 567.

Стефановъ Филип. свящ. II, 211.

Стефанъ-Георгій (Гёргица) I, 161— 186.

Стокгэмъ г-жа І, 81.

Столыпина М. В. І, 191, 611.

Столыпинъ Григ. Данил. 1, 489.

Столыпинъ Данівяъ Александр. І, 489.

Стояновская А. Г. II, 224.

Страгородскій Іоаннъ свящ. І, 472.

Страгородскій Никол, свящ. І, 472.

Стратилатовъ І, 287.

Стратимировичъ Оеофанъ I, 201.

Стрекалова Ал—дра Никол. I, 585, 587.

Стремоуховъ II, 427.

Строганова бар. Анна Никол. II, 487. Строганова гр. Ев. Петр. II, 479.

Строгановъ гр. Ал-дръ I, 308.

Строгановъ гр. Ал-дръ Григ. II, 598; III, 75, 76.

Строгановъ гр. А. С. I, 196; II, 502. Строгановъ гр. Григ. 1, 361. Строгановъ гр. Григ. Адександр. I, 440. Строгановъ гр. Пав. Ал. II, 493. Строгановъ гр. С. Г. II, 251—272. 283, 291, 292, 429—452, 541—573; III, 134—139, 334.

Строгановы графы I, 366, 501; II, 472, 610; III, 34—58, 150, 157, 369, 376.

Строевъ П. М. I, 202, 449, 450, 596. Струве I, 198. Струговщиковъ Леонъ I, 278.

Струговщиковъ Осипъ I, 274.

Струговщиковъ Ясонъ I, 277.

Стрыйновскій каноникъ II, 160. Стрышневъ бояринъ I, 596.

Стуновенновъ Никол. Ив. 1, 586.

Ступишинъ Ег. Алексћев. II, 161— 163, 165, 166, 168, 169, 171.

Ступишинъ Ив. Алексъев. I, 321, 322, 324.

Стурдза I, 267.

Стюрлеръ А. Н. II, 447, 572; III, 51. Суворинъ А. С. III, 599.

Суворова княг. Любовь Вас. I, 284. Суворочка I, 50.

Суворовъ-Рымникскій кн. А. А. II, 96, 257, 259, 261, 263, 265, 266, 268, 272, 409, 410, 429—431; III, 563.

Суворовъ-Рымнинскій кн. Ал—дръ Вас. І, 49, 50, 267, 377, 562, 564; ІІ, 135—137, 215; ІІІ, 243, 265, 624, 635.

Сулейма кинжна Александра Павловна II, 238.

Сулейманъ І-й III, 514.

Сульменевъ Ив. Сав. II, 230.

Сумарокова - Эльстонъ графиня Зин. Никол. I, 189, 369.

Сумароковъ І, 498, 624.

Сумароновъ П. И. III, 15, 25.

Сумароковы графы II, 572; III, 241. Супоневъ Авдій Никол. І, 34; III,

78—87.

Сурхай-Маслимаха княжна II, 238.

Сухановъ Арсеній 1, 164, 165. Сухаревы II, 234. Суховицкій III, 8, 10, 12. Сухозанетъ гжа І, 302. Сухозанетъ III, 550. Сухонинъ С. II. II, 247, 256. Сухтеленъ графиня 1, 287. Сухтеленъ гр. П. 283. Сушинскій М. С. II, 243, 440; III, 56. Сущинскій М. С. П. 241, 242. Схёрлеръ банкиръ II, 547, 548. Сысоева Анна Ив. I, 405. Сысоева Нат. Ив. I, 514. Сысоева Праск. Андр. (Ив.) 1, 413. Сысоевъ Ив. Мартемьян. 1, 515, 547. Сысоевъ Сем. Ив. I, 514, 548.

Табаровскій III, 82.
Талейранъ III, 190.
Талызина Магдал. Петр. I, 49.
Талызина Ольга Никол. I, 50.
Талызинъ Ал-дръ Степ. I, 49, 50.
Талызинъ Арк. Алекс. I, 50.
Талызинъ Степ. Александр. I, 49, 50.
Тальна актеръ I, 429, 430, 499; III, 352.

Сюрюгъ аббатъ І, 196.

Тальони Ш. 41.

Тамберликъ III, 243, 638-640.
Тамбурини I, 197, 298.
Тантевъ I, 495; II, 83.
Тарасовъ Д. I, 210, 211.
Тарассо III, 27, 28.
Тардифъ III, 6.
Татаркинъ Ал-тй II, 183.
Татищевъ Никол. Алекстев. I, 49, 50.
Татищевъ С. С. III, 616.
Татищевы графы I, 82, 440-443, 446, 447; III, 542.

Татіана Михайловна великая княжна І, 102, 104, 396, 561.
Таубенгеймъ гр. II, 557.

Твердиковъ Григ. Ив. I, 274. Твердиковъ Ив. Григ. I, 274.

Твердиновъ Игнат. Ив. 1, 274. Твердиновъ Мих. IIв. I, 274. Твердиковъ Ст. Ив. 1, 274. Твердышовъ II, 38. Твороговъ Ив. II, 171. Телминовъ Никита II, 9. Телминовъ Семенъ . П. 7, 9, 10. Телминовъ Серг. II, 10. Тенгоборскій Адол. II, 232. Тенишевъ кп. II, 289. Теннеръ дъвица II, 220. Тепловъ Владии. Александр. III, 630. Терентьевъ I, 519, 520. Терлецкій епасв. Колиск. І, 184. Тернеръ Өедоръ Густав. II, 232, 237. Терскій Арвад. Ив. И, 195. Теръ-Асатуровъ III, 231. Тестардъ Кліоръ-Мартинъ Ш, 26. Тетеревниковъ гепер. Ш, 78. Тиверій I, 7. Тизенгаузенъ графиня Е. О. Ш, 300. Тизенгаузенъ гр. Ив. Андр. I, 379, 610; II, 306, 316, 506. Тильковскій III, 19. Тимашевъ III, 563. Тимновскій Ром. Өедор. І, 452-455. Тиммъ II, 270. Титовъ В. П. II, 287, 247 — 249, 251, 542, 543, 557; III, 51, 198, 550. Титовъ Ег. Ш, 95. Титовъ Ив. III, 95, 96. Титовъ А. А. II, 237. Титовъ Ос. III, 94, 96, 99. Тихановскій II, 38, 39. Тихменевъ Мих. Алексвев. I, 221. Тихомировъ Вас. Андр. II, 232; III, 233, 234.

Тихоновъ Зинов. іерей І, 278.
Тогенбургъ графъ ІІ, 559.
Толбузинъ Никол. ІІ, 150, 152.
Толстая Праск. Мих. ІІІ, 343.
Толстая гр. Соломовида Мв. І, 28.
(Толстой гр.) Ал-аръ Йетр. І, 372, 391, 597; ІІІ, 173, 399.

392.

Треповъ II, 431.

Трестеръ Ш, 233.

Толстой гр. А. В. I, 316. Толстой Андр. Вас. I, 20, 21. Толстой гр. Андр. Степ. I, 20. Толстой Вас. IIв. I, 20. Толстой гр. Гавбъ Ди. I, 20. Тоястой гр. Дм. Никол. I, 20, 391; II, 145; III, 640. Толстой гр. Дм. Януар. І, 233, 234. Толстой Ив. Андр. I, 20. Толстой И. М. II, 243; Ш, 563. Толстой Ив. Нивифор. 1, 20. Толстой гр. Ив. Петр. I, 27, 28, 372. Толстой гр. Л. Н. І, 81, 315; Ш. 223, 489. Толстой Матв. Өедөр. II, 458, 479. Толстой гр. М. Вл. I, 20-28, 563. Толстой гр. Н. А. II, 463, 473. Толстой гр. Никол. Өедөр. І, 20. Толстой гр. П. А. II, 136; Ш, 170. Толстой гр. Петръ Андр. I, 20-28. Толстой-Знаменскій гр. Серг. Ди. І, 20. Толстой гр. Стен. Өедөр. І, 20. Толстой Як. Никол. III, 145. Толстой гр. Өедөр. Ив. 1, 20; Ш, 208. Толстые графы І, 156, 251, 296, 308; II, 347; III, 234, 318, 326, 558. Толченовъ II, 496, 497. Томилинъ II, 173. Томиловъ II, 43-45. Томсенъ III, 281. Томсонъ II, 67, 549. Тонъ Конст. Андр, I, 601, 604. Топчибашевъ Джафаръ мирза II, 235. Тормасовъ II, 353, 405. Торнтонъ II, 219. Торуровъ Мях. III, 318. Тотлебенъ II, 253, 268, 272; Ш, 603. Травинъ III, 261. Траханіотовъ Юр. І, 630, Тревизо герцогъ II, 374, 376-382,

Третьяковъ А. А. I, 315, 645.
Трефолевъ Деон. I, 48, 206—219;
II, 155, 594; III, 88—100.
Трефортъ III, 590.
Трифоновъ Вас. II, 29.
Троекурова вняжва Соломонида Ив. I, 28.

Троенуровъ нв. Ив. Борис. I, 393. Тройницкій Ал-лръ Григ. II, 296—302, 417—426, 597; Ш, 146—160. Тройницкій Григ, Ал. II, 597. Трощинскій Д. II. II, 318, 323, 462, 474, 497.

Троянъ І. 7.

Трубецная княгиня Ек. Ив. I, 295.
Трубецная княг. Софья Няк. I, 380.
Трубецная княжна Праск. Юр. I, 306.
Трубецная княжна М. В. II, 598.
Трубецніе князья І, 195, 563; III, 287, 574.

Трубецкой кв. А. В. Ш., 41. Трубецкой кн. Д. Ю. II, 197. Трубецной вн. Ив. Лж. II, 479. Трубецкой вн. Ив. Никит. II, 479. Трубецкой кн. Ив. Накол. И, 479. Трубецкой кв. Ник. Ив. Ш. 560. Трубецкой вн. Накол. Накат. II, 479. Трубецной кв. С. Н. II, 448. Трубецной кн. С. П. 1, 295. Трубецкой кн. Юр. Никит. II, 479. Трубниковъ Вас. Александр. Ш., 366. Трубниковъ Сем. Вас. Ш., 366. Трутовскій В. Б. II, 607. Тувенель Ш. 548, 549, 596. Тугановъ Асланъ-Бекъ II, 235. Тургеневъ А. И. I, 190-205; II, 295, 407: Ш. 286, 514.

Тургеневъ Н. И. I, 191, 198; II, 295; III, 197, 286.

Тургеневъ П. Н. II, 295; III, 286, 287. Тургеневъ И. С. I, 315; III, 549, 550, 626.

Тургеневъ С. И. I, 195. Тургеневы I, 377, 498.

Турнеръ Францъ Филип. I, 482. Турнинъ Ив. II, 180. Тусень Ш. 6. Тутолминъ Ив. Анено. II, 379, 458. Тутолминъ Тамов. Ив. II. 148, 150. 152, 153, Тучнова-Огарева Н. І. 646. Тучковъ II. А. II. 428. Тучковы II, 237. Тушмаловъ І. 533. Тьеръ I, 127—140, 241—247, 249— 254; III, 143, 172, Тюленевъ Данида I, 278. Тюринъ II. H. II. 99. Тютчева А. О. I, 480; II, 251; III, 43. Тютчева Над. Никол. II. 191. Тютчевъ θ . И. I. 302 - 304, 309, 310; II, 411; III, 166, 368, 989. Тютчевы I. 365, 366, 371, 385. Тюфяка-Оболенскій ки. Вач. Борис.

III, 598.

Тюфякины внязья І, 198, 432; ІІІ, 598.

Убри I, 287.
Уварова Е. А. I, 639.
Уваровъ гр. А. С. II, 605.
Уваровъ гр. И. А. II, 607.
Уваровъ Лаврент. I, 555.
Уваровъ Плат. Федор. II, 328, 479.
Уваровъ С. С. I, 639; II, 224, 229.
Уваровъ Федоръ Сен: I, 639.
Уваровъ I, 121, 204, 645; II, 71, 141, 610, 611; III, 313, 314, 324.
Улихъ II, 258.
Улухановъ Архипъ III, 106.

Унгернъ-Штернбергъ Анна Владимир. II, 358.

Унковскій І, 231. Уранли-Магоммедъ III, 125. Урусова княгиня Ек. Борис. II, 195. Урусовъ кн. Ал-ъй Вас. II, 195. Урусовъ кн. Вас. Алекстев. II, 479. Урусовъ ки. П. В. П, 321, 337, 338, 340.

Урусовъ вн. II. Сем. II, 479. Урусовъ вп. III, 182. Уръке Гр. III, 209. Успенскій Порфирій III, 210. Устенскій Серг. Андр. I, 481. Устимовичъ II, 444. Устинова О. В. I, 611. Устряловъ I, 24 474. Ухтомскій вп. Ив. Юр. I, 393. Ухтомскій вн. Мих. Юр. I, 393. Ушакова Фед. Федор. II, 479.

Ушановъ II, 285.

Фабриціусь Авг. Кард. III, 233. Фадъевъ II, 359, 360. Фанкенбергъ I, 294. Фальковъ II, 7. Фалькъ IIв. I, 277. Фанъ-деръ-Флитъ Өедөръ Тимов. II, 97, 105. Фаризатъ III, 110. Фатиматъ III, 110, 126, 129.

Фезе III, 538. Фелькерзамъ III, 640.

Фердинандъ III-й импер. Геры. I, 169, 171.

Фердинандъ князь Болгарскій III, 621, 622.

Фердинандъ III, 515.

Ферзенъ 1, 296, 309.

Ферменджинъ I, 184,

Фероле II, 567.

Феститичъ графъ II. 558.

Финельмонъ гр. I, 126, 127, 132, 254, 447; II, 234.

Филаретъ архісп. Черниг. I, 62. Филаретъ ісромовахъ I, 61.

Филареть мятр. Моск. I, 255, 274, 315, 367-371, 591, 595 — 597, 638, 645; И 275—277, 406, 597; Ш, 74, 235, 236, 239, 240, 291, 296, 377.

Филаретъ Никитичъ натр. Моск. I, 103, 105, 106, 398-400.

Филевичъ И. II. III, 275-279.

Филертъ I, 619.

Филипповъ I, 476, 643; II, 159.

Филиппъ митр. Моск. III, 287.

Филиппъ свящ. І, 213, 217.

Филиппъ фокусникъ III, 567.

Филипсонъ III, 113.

Филипушка III, 239.

Филисовъ Мих. I, 324.

Философовъ Ал-йй Иллар. I, 280, 401; II, 448.

Фильдъ 1, 196.

Фирксъ бар. II, 262, 266, 543.

Фирсовъ II, 306.

Фитинговъ баронъ Ш, 213, 224, 226.

Фіески І, 241, 286.

Фіораванти Іюдифь II, 220.

Флери I, 195.

Флетчеръ II, 611.

Флоровъ Вас. І. 61-76.

Фонъ-Вальдекъ князь I, 11.

Фонвизинъ Ден. Ив. Ш, 599.

Фонъ-Визинъ С. П. I, 52-60, 288, 290.

Фонъ-Зейденъ-Нивельту II, 374, 375.

Фонъ-Крои герцогъ I, 7, 9, 10. Фонъ-Шакъ III, 226, 227.

Форстенъ III, 513.

Фотій архим. І, 315, 565—570, 577; ІІ, 273, 453.

Фотій патріархъ Ш, 447.

Фохтъ III, 227.

Францъ эрцгерцогъ І, 447.

Фредеринсъ баронесса Марыя Петр. Ш, 302.

Фредеринсъ баронесска Цецилія Владислав. III, 302.

Фредеринсъ баронъ Петръ Андр. III, 302.

Фредерикъ припцъ I, 611. Фрезе д-ръ А. А. II, 189, 338, 465, 479. Фрей I, 88.
Фрей Рагъ III, 220.
Фремеусъ Влавдій I, 275.
Фридринсъ баропесса I, 608.
Фридрихъ Великій II, 461, 614.
Фридригъ-Вильгельмъ IV-й I, 260.
Фридрихъ принцъ Нидерл. II, 545, 553.

Фріульскій герцогъ 11, 371, 372. Фромандіеръ А. II. II, 232. Фуадъ-паша III, 603, 604. Фулонъ Ал-дра (једор. 11, 235. Фумеръ II, 568. Фурманы II, 219-233. Фурманъ Ал-дръ Өедор. II, 219, 220 Фурманъ Ання Ром. II, 220. Фурманъ Андр. Өедөр. II, 219, 221. Фурманъ Анна Недор. II, 219-240. Фурманъ Антонъ ()едор. II 219, 220. Фурманъ Ев. Ром. 11, 220. Фурманъ Ек. Оелор. II, 2:9, 221. Фурманъ Елена Ром. II, 220. Фурманъ Вансан. Ром. II, 220. Фурманъ Елесав. Недор. 11, 219, 221. Фурманъ Ив. Ром. II, 220. Фурманъ Іюдвфь II, 220, 233. Фурманъ Мар. Ром. 11, 220. Фурманъ Нат. Өедөр. II, 219, 222, 225.

Фурманъ Индол. Рон. II, 220.
Фурманъ Октанія Оедор. II, 220.
Фурманъ Ольга Ром. II, 220.
Фурманъ Ром. Оедор. II, 219, 220.
Фурманъ Фридрихъ-Антовъ II, 219, 220.

Фурманъ Өедоръ Оедор. II, 219-221, 233.

Фуссъ II, 614. Фюзиль Лунза актриса I, 195. Фюрстенбергъ Вильгельнъ I, 474.

Хабаловъ III, 258. Хаби-Батъ III, 129. Хадидметъ III, 110. 111. 47 Хаджи - Аба-Султанъ-Эфенди Кабата Ш., 121, 122.

Хаджіевъ III, 104, 115.

Xaamio III, 130.

Хайновскій І. А. Ш. 631.

Хайрулла III, 110-113, 118.

Халиль І.І, 110.

Халкіопова 1, 493.

Ханеньо Мих. Ин. 11, 154.

Ханизатилъ-Магемъ III, 120.

Ханинъ Макс. Анисим. П, 179, 180-182.

Ханумъ 111, 110, 111,

Ханыковъ Яв. Пякол. 1, 147, 296, 227, 304—306, 309, 310, 361, 363, 372—374, 379; III, 93—100.

Харитонова Татьяна III, 33.

Харшани Якубъ І, 176.

Хассанъ III, 130.

Хворостинина кингиин Авд. I, 573.

Хворестинина киягоня Антопида I, 574, 575.

Хворостинина кцяжца Паст. Пв. I, 574. Хворостининъ вп. Анар. Пв. I, 571. 573, 574.

Хворостининъ ви. Григ. Оедор. I, 573, 575.

Хеоростининъ вн. Дм. Пв. 1, 573. Хеоростининъ вн. Пв. Андр. 1, 571,

573. Хеоростининъ кн. Ия, Дм. I, 571, 573, 574.

Хворостининъ кн. Ив. Мах. I, 571. Хворостининъ ки. Петръ Ин. 1, 573, 574.

Хворостининъ ка. Юр. Дж. 1, 571, 573, 574.

Хворос і нинъ зн. Оедоръ Ив. 1, 571—575.

Хворостининъ III, 479. Хвоотовъ гр. Д. II. II, 468. Хвостовы II, 406, 407. Хитрова Анна Мах. I, 302, 305. Хитрово М. А. III, 387, 603. РУССЕЙ АРХИВЪ 1896.

366.

Хитровъ I, 305. Хлопуша II, 10, 11, 13-18. Хльбниковъ 11, 191. Хлюстина I, 190. Химповъ Вас. Офросия. 7 106. Хибльнициая Руксанда III, 212. Хмѣльницкій Богд. 1, 161—166, 170— 172; III, 69, 70, 212. Хмальниций Тинов. Богд. 1, 162, 165; III, 212. Хмъльниций І, 501. Хованская выяжна Нат. Вас. 1, 56. Хованскій кн. Вас. II, 193. Ховенъ баропетса Ал-дра Ин. II, 67. Ховринъ Левъ 1, 325. Ховскій I, 626. Ходневичъ 1, 302. Холодовская Мар. Ром. 11, 220. Холщевниковъ Пв. I, 277. Хомутова Лид. Вас. 111, 22 Хомутовъ М. Г. атаманъ В. Д. III, 227, 259, 569-571. Хомянова Ання Степ. 111, 343, 362.

Хомянова Ев. Max. III, 362 — 364, 369, 387, 388.

Хомянова Марыя Аленствевия III, 342 - 344, 347, 350, 352, 355, 360, 366, 399, 594.

Хомянова Наст. Ив. III, 342.

Хомяновъ Ал-дръ Өелор. 111. 342. Хомяновъ Ал-КВ Ст. І, 150, 159, 222, 302, 367, 383, 464, 588 - 600, 639; II. 127, 128, 158, 410, 413, 610; III, 337-510, 550.

Хомяновъ Вас. Пл. ПП. 362. Хомяновъ Дм. А. ЯГ, 399. Хомяновъ Кврня. Пл. ПЛ, 341. Хомяновъ Н. А. ПП, 3 8, 388. Хомяновъ Петръ Семен. ПП, 344. Хомяновъ Стен. Александр. ПП, 342, 343, 345, 346, 350, 359. Хомяновъ Степ. Алексъев. ПП, 365.

Хомяновъ Осдоръ Азекстев. III, 365.

Хомяновъ Өедоръ Степ. III, 341—347, 350, 351, 351.
Хордадбегъ III, 281.
Храповицийй А. В. I, 322.
Храповицийй Матв. Евграф. I, 307.
Храповицийй Петръ Вас. I, 409.
Хребтовъ А, I, 97.
Хрефтовъ А, I, 97.
Хрещатицийй III, 570.
Хрисанфъ ісродіав. I, 174.
Христина-Луиза герцог. Браунінвейск.
I, 632.
Христіани Ал-дра Христіан. II, 102.

Христіани Ал-дра Христіан. II, 102. Христіани II, 237. Христіанъ-Августъ I, 634. Х(рулевъ) III, 257. Хрущовъ IIв. Петр. II, 442 — 444; III, 132—139, 304. Худяновъ III, 318, 326. Хуссейнъ-Нуредденъ III, 130.

Цвернеръ врачъ І. 494. Цедронскій І. 493. Цимерманъ прачъ III, 44, Циціанова княжна І, 117, 287. Цицуринъ І, 86: ІІ, 303. Цукато графъ ІІ, 485. Цуриноза Елисав. Егор. ІІ, 408.

Чава III, 128. Чавчавадзе кингиния III, 107, 241, 633. Чавчавадзе кингь Дан. Ал. III, 253, 269

Чадаевъ И. А. И., 160, 576. Чадаевъ И. Як. I., 202, 319. Чайновскій Ш., 222. Чарторимскій кн. Ад. I., 128, 646; II, 494.

Чарыновъ Вадер. Ив. II, 386. Чашниновъ III, 568. Чеботаревъ Харитовъ Андр. I, 449, 454.

Чебынинъ Прокоп. II, 42 Ченалевскій Петръ III, 310. Ченуановъ I, 287.
Челищевъ Няваноръ Ив. I, 226.
Чемизовъ I, 493.
Черевинскіе I, 642.
Черевинь Ик. А. I, 642.
Черевины (ихъ родъ) I, 641, 642.
Черевичовы I, 642.
Черепановъ Някяф. Евтроп. I, 449.
Черіотти Ш, 6.
Чернасская княжна Варв. Алексвевна II, 305.
Чернасская княжна Праск. Мих. II, 509.
Чернасскій кн. Ал-вй. М. II, 305, 499,

Чернасскій кн. Владим. Александр. І, 220—240, 387; Ш., 332, 369, 402, 508.

509.

Черкасскій кв. Евг. Ал. 1, 250, 235. Черкасскій кв. Конст. Ал. 1, 223. Черкасовъ бар. Ив. Ив. 1, 221. Черминскій Ш, 19—21. Черноголовкинъ Ш, 324, 325. Черноморсковъ Филатъ 11, 173. Чернышова 1, 191, 362. Чернышовъ гр. Зах. Григ. И, 192, 409.

Чернышовы I, 306, 357, 364, 607; 11, 10, 12, 17, 176, 223.

Чернявскій II. С, III, 536.

Четвертинская кнагина III, 17.

Четвертинскіе I, 306.

Чеховъ Анар. I, 105.

Чибуринъ 11, 32.

Чивилевъ А. И. II, 93, 253.

Чивилевъ Ив. Макс. I, 534.

Чижовь О. В. I, 250, 353, 385; Ш, 369.

Чика II, 26, 29-38.

Чиринова Ольга Степ. I, 107.

Чистой Ив. камерданеръ гр. Шерем. 11, 320, 503.

Чистяновъ II, 150, 152; III, 17, 21. Чихачова III, 301. Чичагова III, 101.
Чичагова III, 353, 405.
Чичаговъ II, 353, 405.
Чичеринъ Б. Н. II, 253, 541, 553, 563, 565, 566, 569, 570; III, 34—58.
Чичеринъ Д. II. II, 176, 177.
Чичеринъ І, 281.
Чулновъ Ди. Герас. II, 57, 58.
Чумаковъ Ө. II, 171.
Чуркинъ Петръ I, 324.
Чухновъ II, 204.

Шайба-Эфенди III, 121.
Шакловитый I, 475.
Шаликовъ ки. I, 508.
Шалимовъ Як. I, 323.
Шамиль I, 312, 473; II, 238; III, 101—131, 218—221, 241, 260, 303, 544, 555, 562, 563, 631—635.
Шамполіонъ-Фижакъ I, 201.
Шаповаленко I, 602, 603.
Шаповаленко II, 319.
Шараповъ II, 535, 537.
Шарлотта принцеска Браунивегсъ I, 632.

Шарлотта принцесса Прусск. II, 220. Шатобріанъ І, 193, 200, 309; III, 141, 172.

Шафаринъ II. I. II, 127, 128. Шахматовъ кн. II, 406.

Шаховская княгиня Аполипа Мих. I, 363.

Шаховская виягиия Наст. Өедөр. 1, 354.

Шаховская вият. Н. Б. П, 546. Шаховская княгиня Софья III, 206. Шаховской ин. А. А. 1, 851—360,

497-512, 625; II, 223, 406.

Шаховской, жи. Н. В. 1; 315.

Шаховской ял. С. В. I, 480.

Шваревъ 11,, 253.

Шварценбергъ: кинзь III, 190.

Шварцъ 11; 272"

Швенгельмъ 11, 237. Шевалье-де-Вильно 11, 319. Шевичъ г-жа I, 281, 288. Шевичъ Дж. Егор. I, 564. Шевичъ Ив. Егор. I, 564. Шевыревъ С. II. I, 143, 152, 159, 320, 478; II, 410, 610; III, 235, 369, 373, 637. Шедоферроти II, 266, 543. **Шейхъ-Али-ханъ** III, 310, 311, 312. **Шейхъ Бутта-оглы** Ш. 112. Шеллингъ I, 317, 318. Шемадамовъ Мих. Дм. II, 58, 74, 76, 77. Шемаевъ I, 501. Шемберъ Ш, 277, 280. Шеміотъ Елисав. Викент. 1, 269. Шёнбахъ I, 12. Шеншинъ II. В. III, 399. Шепшенко Антонъ II, 180. Шереметева гр. Анна Петр. II, 305, Шереметева гр. Анна Серг. 1, 579. Шереметева гр. Варв. Ал. 11, 305, Шереметева гр. Варв. Петр. II, 305, 322, 327, 328. **Шереметева** Ев. Вас. I, 579. Шереметева Над. Никол. 11, 191. Шереметева Нат. Владим. II, 459. Шереметева гр. Нат. Борис. II, 487, 488, 499. Шереметева О. II. I, 606. Шереметева гр. Прасв. Ив. I, 327; II, 206, 312, 409, 474-520. Шереметева Праск. Мих. П, 509. Шереметева Т. IIB. II, 211, 482. Шереметева Тат. Серг. Il. 191. Шереметевъ Ал-дръ II, 237. Шереметевъ Ал-дръ Влад. И. 479. **Шереметевъ** гр. А. Д. 1, 490. Шереметевъ гр. Ал-би Серг. И, 339, 458, 479, 481.

Шереметевъ гр. Борисъ П. 333.

Шереметевъ В. II. I, 635; II, 195, 212. **Шереметевъ** Бор. Серг. II, 615. Шереметевъ Вас. II, 237. Шереметевъ Вас. Борис. II, 212. Шереметевъ Вас. Владим. І, 579; 192, 479. Шереметевъ Вас. Петр. I, 635; 190, 191, 509. Шереметевъ Владии. Петр. I, 635. Шереметевъ В. С. II, 189, 211, 482. Шереметевъ гр. Дм. Няк. I1, 312, **322**, 466-520, 615. Шереметевъ II. В. II, 199, 459. Шереметевъ гр. Н. П. I, 326, 327; II, 189-216, 305-340, 457-520, 615; III, 526-535. Шереметевъ гр. Мих. Борис. II, 206, 317, 474. Шереметевъ гр. Мах. Серг. II, 195, 479, 494. **Шереметевъ** гр. Петръ Борис. II, 171, 176, 189, 305, 312, 474, 478, 494, 497, 499, 508, 509. Шереметевъ П. Влад. II, 190, 191. Шереметевъ ilетръ Никит. II. 212. Шереметевъ гр. Порф. Петр. II, 305. Шереметевъ гр. Серг. Борис. 1, 560. Шереметевъ Серг. Вас. I, 579; Ш, 185. Шереметевъ гр. С. Д. I, 141, 326, 479, 571, 579; II, 143, 189, 306, 509, 510, 614; III, 204, 208. Шереметевъ Оедоръ. Ив. I, 106. Шереметевъ гр. Ө. М. II, 494. Шереметевъ Федоръ Ш, 522, 524. Шереметевы I, 166; III, 314, 483. Шериваль Авр. Карл, І, 308. Шестовъ д-ръ Н. А. II, 255, 259, 254, 268, 429, 541, 563, 565, 569; Ш, 37, 52. Шибель врачь II, 56. Шигаевъ II, 95, 96. Шидловская Ульяна Григ. П. 600.

Шидловскій С. И. II, 608, 609. Шидловскій Ф. В. П, 609. Шиле А. Г. І, 97. Шилерт І, 205, 625; ИІ, 485. Шиллингт бяр. Н. Г. II, 239, 243. Шиловт Кузька Вас. И, 608. Шиловт Федорт Владемер. II, 608, 609.

Шильдеръ III, 542. Шиманъ Пав. Вякт. II, 109. Шимолинъ Ив. II, 9, 10. Ширинскій-Шихматовъ кн. II, 611. Ширяевъ Кирила II, 9, 10. Шишкинъ С. А. III, 15, 627. Шишковъ А. С. I, 159. 160, 288, 290, 360, 408, 508; II, 347, 406; III, 146, 374,

Шишмаревъ II 298—300. Шнабскій II, 11. Шлагинтвейтъ Адольфъ III, 305—308. Шлагинтвейтъ Германъ III, 305—308.

Шлагинтвейтъ Робертъ 111, 305--- 308.

Шлецеръ I, 201.

Шлотгауеръ II, 541; III, 52.

Шлыкова Т. В. 11, 310, 323, 503— 520.

Шляпкинъ II, 44. Шмидтъ Федоръ II. 154, 448. Шмурло Е. Ф. I, 474; III, 513. Шопенъ I, 197. Шнабель II, 256, 258. Шойдеоъ I, 592, 594; III. 194.

Шрёдеръ I, 592, 594; III, 194. Штанельбергъ бар. Бор. Борис. II, 239.

Штанельбергъ Мельх. Ром. II, 239. Штанельбергъ Оланъ Ром. II, 239. Штанельберги I, 286; II, 542. Штаренбергъ графъ I, 9. Шторхъ II, 228. Штосъ Евстаф. II, 308. Штюрмеръ Б. В. I, 577. Шуанетъ III, 106, 110.

Шуанетъ III, 106, 110.

Шувалова гр. Софья Льв. 1, 267, 379; II, 568; III, 547, 549.

Шуваловъ гр. А. И. III, 300, 567.

Шуваловы графы I, 297; II, 319, 312, 317; III, 40, 185, 332, 551.

Шуджа-Эддинъ-ханъ III, 310, 311.

Шуйскій Василій царь I, 629.

Шумахеръ II. II. 157, 304.

Шумиловъ Дм. Федор. II, 386—389.

З98.

Шумскій III, 237.

Щегловъ 1, 476. Щеголевъ III, 147. Щениковъ 1, 501. Щенкинъ М. С. III, 637. Щенкинъ Пяв. Степ. III, 237, 346. Щербань Коист. 1, 164, 166, 174. Щербатова гр. Ания Андр. II, 196, 509.

Щербатова кн. Антонина Воиновна II, 196, 509.

Щербатова княжна Дарья Никол. 11,

Щербатова ви. Марыя Андр. П, 196. 509.

Щербатовъ кн. А. И. И. 189, 175, 196, 212, 463, 497.

Щербатовъ кн. В. А. II, 436. Щербатовъ кн. М. М. II, 494.

Щербатовъ кн. 0. II. II, 495.

Щербатовы кн. 1, 308; П, 183; ПП 178, 188, 198.

Щербачевъ Бор. Оедор. 1, 395. Щербина Н. О. III, 401. Щербинина Ев. Мвх. I, 510. Щербинина Елена Евдоким. II, 185. Щербинина Наст. Мих. II, 185. Щербининъ Андр. Григ. 1, 396. Щербининъ Андр. Мих. I. 512. Щербиньнъ Евдов. Алексъев. II, 185—188, Щербининъ III, 28. Шетининъ I. 494. Щунинъ II. II, 188; III, 161. Щуровскій Григ. Ефим. III. 290.

Эвальдъ Ар. Ш, 638.

Эвальдъ А. В. Ш. 293-302.

Эвальдъ Ө. Ө. II, 256, 257. Эвеніусъ Ал-дръ Егор. 1, 54, 55, 59, Эверсъ II, 233. Эдуардъ III, 6. Эйлерсъ садовникъ I, 607. Эйлеръ II, 613, 614. Экземплярскій Ш. 593. Эккельнъ II, 233. Экмюльскій принцъ III, 29. Элинетъ III, 110. Эллисъ 11, 571. Эльснеръ-Фанни III, 238, 239. Эминъ Никита Осии. I, 356; III, 233. Энгель дъвица II, 219, 222. Энгель Едисав. Каспар. II, 222. Энгель Ф. 1, 211. Энгель Өедоръ Ив. II, 219, 220. Энгельгардтъ Е. А. П. 228. Энгельне пасторъ 1, 479. Эно врачъ Ш, 74. Эпикуръ III, 418. Эрали-ханъ II, 5. Эристовъ кн. III, 228, 253; 254. Эстергази гр. III, 164.

Юдинъ II. Л. I, 97—99, 618; II, 38, 84; III, 33, 303, 312. Юмъ III, 187, 188. Юнкеровы III, 33. Юнкеръ Филиппъ III, 33. Юринъ Петръ II, 176.

Этгингенъ II, 270.

Юрій Грекъ 1, 635. Юрьевичъ I, 495. Юрьевъ Илья I, 172, 173 Юсупова княгиня Зин. Никол. I, 189. Юсуповъ кн. Н. Б. I. 188, 189; II, 237, 320, 326. Юхаринъ III, 156. Юшнова Авд. Петр. I, 118. Юшнова Айна Петр. I, 266.

Яворская Антонина Воиновна II, 196, Ягодинъ III, 590. Ягужинскій I, 476, 644. Язынова Ек. Мах. II, 362, Языкова Праск. Мих. III, 387. Языновъ Вл. Павл. II, 237. Языновъ Н. М. І, 297, 590, 601; П, 575; 1!!, 362, 364, 369, 371, 388 402, 489, 637. Языновъ Пав. Александр. II, 237. Языковъ II. М. Ш. 637. Янимова Анна Адександровна 1, 638. Янимова Соф. Вас. 1, 638. Янимовъ Варсонофій старецъ 1, 572. Якимовъ Сем. Ив. I, 638. Якоби Ив. Вареолом. II, 180, 181. Яновлева Нат. Андр. 1, 546. Яковлевъ Ал-Ай Сем. актеръ 1, 429-432, 499. Яновлевъ Ефимъ льячекъ І, 525, 526. Яновлевъ Савва I, 362. Яковлевъ III, 91. Якубовичъ III, 27. Якубовскій II, 99. Янжулъ-Михайловскій Пав. Петр. I, 408; II, 54. Янишъ Караъ II, 154. Янишъ Карал. Карл. II, 154. 1 нкевичъ II, 299. Яннау Ив. Мартын. III, 233. Яновскій врачь І, 92; II, 115—118, Яновскій С. Д. 11, 303, 301, 111, 242.

Яновъ А. С. І. 479. Янчевенній Г. А. І. 480. Янъ-Назиминъ вородь І. 162. 163. 165, 166, 169.

Янышевъ протојерей I, 332, 472, II, 556.

Япионъ Ал-Ай I. 360, 623. Ястребскій Андр. свящ. 1, 472. Яцимирскій А. И. III, 212, 631.

Оедоровскій II, 564.

Осдоровъ В. М. III, 281
Осдоровъ Н. И. I, 422.
Осдоровъ II. И. III, 149.
Осдоровъ II. С. I, 619.—628.
Осдоровь II. 8, 236, 600.
Осдулевъ II. II, 171.
Осисъ Петръ I. 176
Осодоръ Алексъевичт папт 21, 104,
105; II, 292. НІ. 593.
Осодоръ Іоанновичъ, царь I, 629;
III, 287.
Осодосій Вятка архим 572.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1896 года

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

- 513. Нокооткрытая папская попытка койти из спошенія съ Москкою 1579 (изъ краси П. О. Пирленга: La Russie et le Saint-Siège, изклекъ С. С.).
- 526. Дополнение къ перспискъ гръта Н. П. Шерсметена (Письма графа Палень и Пестеля.—Письма къ императору Паклу и къ визво Куравину).
- 5. Семльные 1812 года въ Оренбургскомъ врав. (Профессоръ Годфруа. Актобіографія Полика Б. М. Реута.—Медланфранцузы). П. Л. Юдина.
- 2.0. Поццо-дв-Ворго про инператора Александра главловича, Письмо въ Б. И. Булгакону (1814).
- 639. Превмо великаго кинзи Инколан Навловича въ Московскому архіспископу Августину (Апраль 1818).
- 205. Письмо В. А. Жуковскаго въ внагю И. А. Ва силкому, наъ Моск и въ Варшану (17 Априла 1818 г.).
- 640. Апекдото объ выператоръ Николов Павловичъ
- 640 П. А. Валуевъ графу Д. Н. Толстому. 148. Изъ буматъ А. Г. Тройницкаго. (Письма Казначева, Тройницкаго и архіепископа Инвокентія).
- Яросланская старина, (Бъсноватан.— Казнь поджигателя). Л. Н. Трефолева.
- 101. Къ исторіи Дагестана. Новыя показапія о Шамплі и его семействі. (Письма князя А. И. Варятивскаго, барова А. Е. Врангеля, Д. А. Милютина, князя Меликова). Статья Е. И. Козубскаго.
- 536. Объ изданіяхъ по исторіи Канказа Запаски Э. В. Бриммера, П. Е. Менькеза). Статья Е. И. Козубскаго.
- 303. Генераль дейтенцить І. А. Реуть. А. Л. Зиссермана.
- 213. Записки Кавказца, И. И. Дровдова.
- 631. Замътки А. Л. Зиссермана (о баронъ Меллеръ-Закомельскомъ. О Запискахъ И. И. Цровдова).
- 78. Конецъ геройской эпонен. Изъ Крым-
- 59. Инновентій Таврическій. Его посладня поладка въ Крымъ, предсисртвые дли в доичина.

- 313. О безпорядкахъ въ Испасиской губерию. Весна 1561 года. Заниска А. М. Древякина.
- 636. Поправна (объ. А. М. Дренявинъ). Н. Зехтена.
- 161, 327 и 547. Изъ двенных записовъ Владимира Алексвения Муханова (1856 — 1.60).
- 569. Звинска княза А. М. Дондукова-Корсанова о землъ войска Донскаго (1861). Съ предисловием А. А. Карасева.
- 290. По новоду восновиняній Сисленскаго дворянник (о просессорать Московскаго уникерситети). В. К. Понавлопуло.
- 298. По поводу разсказовъ А. В. Энальда. Варонессы М. В. Фредериксъ.
- 34. Воспоминанія **Э. А. Оома.** (Болжань, кончина в похороны Цесаревича Николья Александринича).
- 304. Къ поотрету Песвревича Ивколия Александровича. И. В.
- 132. Цеспревачт. Инкольй Александровичт. въ Петрочноденъ (1863). Воспоминавіс И. П. Хіущова.
- 593, Канзь. А. Б. Добановъ-Ростонскій. Біографическій очеркъ, написвиный В. А. Тепловымъ.
- 140. Портретъ. Стихотвореніе (1889). 288. 1859-й гедъ на Амуръ. Ціуточные
- 637. Н. М. Языконъ. (Изъ переписки о немъ С. П. Пісвырева съ Гогодемъ).
- 337. Адексъй Степановичъ Хомиковъ. Его пографія и ученіе. Статья В. Н. Лясконскаго. Со снимкомъ.
- 296. Объ Успенсковъ собора Сергісвой Лапры. А. Н. О-ва.
- 209. Достонаматная дерковь въ Ясськъ. А. И. Япиминскаго
- 283. Забытое благоднянія (о памятивий Петру Великому въ Саратови по модели П. Н. Тургенева) Е. А. Военскаго.
- 305. Изъ врхивных двлъ. I) О судьбв Нъмецкаго путещественных Пілягвитвейна, II) О первомъ надавім полньго собранія сочиненій Н. В. Кукольника, III) Знатный планицавъ. Сообщено П. Л. Юдинімаъ.
- 275 Два просессора Русской исторіи о происхомденіи Руси. Д. Н. Иловайскаго.

его Двло въ томъ, что ни въ одномъ документъ Молдинскомъ, ни въ одной хрониявъ не упоминается даже ими сына Молданскаго господарл Стезана V Великаго Иванапроянациято Вечиномъ, въ то времи какъ о семъв господаря Стезана мы имъемъ очень даже подробныя свъдънія. Далъе, Иванъ Нечинъ не могъ оставить Молданію малолътникъ, такъ накъ тогда в рачи не могло бы быть о пазначенія каслъдникомъ пе его, а брата его Богдана

Вотъ списомъ сыновей и дочерей господиря Стеевна († 1504 г.), извъстныхъ Румынскому ученому А. Попедопуло Калимаху, вътору меданно появиншагося изследованія о Сосіи Палеологъ и Еленъ, невъстив Іовина III, дочери господъря Стеевна (Апаlele Academiel Romane, vol. XVII, an. 1895):

- 1. Александръ, умершій въ 1430 году.
- 2. Haiama.
- 3. Петръ, умершій въ 1479 году.
- 4. Вогданъ, " 1478 "
- 5. Богданъ, внувъ воеводы Валашеваго Раду, получившій по смерти Стесана Великаго престолъ Молдавів и инимившій съ 1504-го по 1517-й годъ.
- 6. Петръ Рарешъ, побочный смеъ Стеевна и прасавним Маріи Рарешъ иль Хырлеу, иниминий два раза (1527—1538 и 1541—1546).

- Елепа или Олена, вышедшан замужъ въ Мосновского инизи Іоанна Младого.
 - 8. Княжна в
 - 9. Mapis RESES.

Извастны также и всё жены господаря Стефана изъ которыхъ четыре былк законныя и интак незаконная Марія Рарешъ. Въ монастыряхъ сохранились до настоящаго временя ихъ надгробные намятники, свидательство которыхъ вполив достоварно.

Танинъ образонъ индистей нопросъ: неумели Молдавскія современный свидательства умышленно умалчивають о сына господари Стесана Ивана, исторому отецъ "велаль быть у брата своего въ подданстви, и для того назваль его Вечинъ?" (Рум. vecinú—с: садъ).

Не предрашая втого весьма интересного вопроса, мы укажема только на то, что это явление весьма странное.

Не могли вёдь Молдавскіе хронисты и документы не знать о сыма господари Стеевана Ивана, который прабыль въ Москву съ двумя уже сыновьями, следовательно въ то времи, т. е. въ 1490—1491-иъ годихъ, окъ быль человановъ взрослымъ.

А. Ядимирскій.

BE KOHTOPE PYCCEATO APXKBA

(Москва, Ермоловская Садовая, д. 175).

можно получать:

жите преподобнаго сергъя радонежскаго.

написанное императрицею екатериною.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цпна 50 съ пересылкою.

Въ Москвъ, подъ Новинскийъ, въ Кречетниковскомъ переулкъ, въ домъ Хомяковой, можно получать:

Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. 4 тома, за 12 рублей.

ПОДПИСКА

HA

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897 года.

"Русскій Архивъ" въ 1897 г. будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣихъ квига "Архива Князя Воронцова").

Годовая цёна "Русскому Архиву" въ 1897 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—дв**ъна**дцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Въ пріемъ подлинныхъ документовъ и бумагь доставляемыхъ "Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписви, по которымъ владальны получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными въ печати, "Русскій Архивъ" отвътственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всёми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель "Русского Архива" Петръ Бартеневъ.